НЕФТЕГАЗОВЫЙ ЦУГЦВАНГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Владимир Шмат

НЕФТЕГАЗОВЫЙ ЦУГЦВАНГ

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

Под научной редакцией
чл.-корр. РАН В.А. Крюкова

Новосибирск
2013

УДК 338.2
ББК 65.34.13
Ш-718

Ш-718 **Шмат В.В**. ***Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора.*** — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. — 505 с.

Книга очерков посвящена проблемам развития нефтегазового сектора как одной из главных частей российской экономики. Рассмотрены истоки возникновения множества непростых проблем, имеющих место в нефтегазовом секторе, в его отдельных отраслях и видах деятельности, в его взаимодействиях с нефтегазодобывающими регионами. Предпринята попытка проанализировать и объяснить противоречивые процессы, происходящие в нефтегазовом секторе, в контексте трансформации институциональной среды, становления и развития взаимоотношений между государством и бизнесом, федеральным центром и регионами.

Книга предназначена для специалистов по проблемам государственного регулирования, а также для всех тех, кто изучает экономические вопросы развития нефтегазового сектора и кто интересуется этими вопросами.

Текст электронного издания книги — в авторской редакции.

Об авторе

Шмат Владимир Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН. В 1979 г. окончил Новосибирский государственный университет по специальности «экономическая кибернетика». В 2001 г. защитил диссертацию на тему «Оценка влияния нефтегазового сектора на социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа». В 1979—1988 гг. работал в г. Тюмени: сначала — в территориальном отделе Института экономики, а затем — в Институте проблем освоения Севера СО РАН. С 1989 г. и до настоящего времени работает в Секторе экономических проблем развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) Института экономики СО РАН. На протяжении всей своей научной деятельности занимается исследованиями социально-экономических проблем развития нефтегазового сектора и его отдельных отраслей, нефтегазодобывающих регионов. Имеет более 140 научных публикаций, включая несколько монографий (в соавторстве), статьи в российских и зарубежных журналах, препринты, доклады и тезисы докладов научных конференций (список публикаций автора на веб-сайте института • URL: http://lib.ieie.nsc.ru/PubIEIE/Shmat_Vladimir_Vitalevich_(k_e_n_).htm.

Рецензенты: д.э.н. Князева И.В., д.э.н. Кравченко Н.А., д.э.н. Литвинцева Г.П.

ISBN 978-5-89665-271-7

© Шмат В.В., 2013 г.

© ИЭОПП СО РАН, 2013 г.

Содержание

От автора **6**

Сектор, который никак не может стать комплексом **10**

2000-е годы: недолгий ренессанс после глубокого упадка **17**

Upstream, downstream — то вверх, то вниз 17

Нефтедобыча: кризис… за год до кризиса 18

Нефтепереработка: ни шатко, ни валко 20

«Газпром» сдает позиции 23

«Держись, геолог! Крепись, геолог…» 27

Застойный midstream или «узкое горлышко» инфраструктуры 30

Неугасимые факелы попутного газа 34

Глубокие исторические корни 34

Незнание масштабов проблемы не освобождает от ответственности 36

У каждого своя правда 39

«Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» 40

Слабое утешение 43

Тайное становится явным…, но постепенно 45

Нефтеотдача в «бреющем полете» после «затяжного пике» 45

Топить печи газом — все равно, что топить их ассигнациями 54

«Инвестиционная диета» 63

Технологии «с бородой» или «заграница нам поможет»? 71

Технический фундамент отрасли: разрушили то, что имели 74

Российские буровые устали 74

Китай «забуривается» в Россию 77

Модернизация против импорта. Государство и бизнес: «за» или «против» модернизации? 80

А запасы-то — «липовые»? 84

Разведанные запасы нефти подвергаются уценке 84

Проблемные приоритеты 86

Нужно больше работать 91

Оценки ресурсов: слишком много оптимизма 91

Исторические заметки об эволюции нефтедобычи в больших странах 94

От «Масляного ручейка» Пенсильвании — до сланцев Северной Дакоты 94

От Баку и Грозного — до арктического шельфа 100

Такие похожие и такие разные тренды 104

К новым горизонтам добычи — вдаль и вглубь 109

Прощай, западносибирская нефть? 116

Суровый приговор … 117

«Боливару не снести двоих…» 118

«Смена поколений» по политическим мотивам 123

И все-таки, не нужно резать «дойную корову»! 128

Проблемное газовое изобилие Восточной Сибири 136

Слишком много газа 136

Гелиевая фантазия 142

Свет в дальнем конце «газового тоннеля» 146

Нет правды в родном отечестве… 150

«Частники» прирастают заграничными активами 151

Государственные фавориты рвутся в мировые лидеры 155

Какая глобализация нам нужна? 159

Нефтегазовый цугцванг **165**
Государство и бизнес за «шахматной доской» реформ 165
От широкого конфликта интересов — к поединку двух игроков 165
Формальные и неформальные институты регулирования 168
Странная шахматная партия с неясными перспективами 174
«Белые» начинают и… упускают инициативу 177
Разминка перед игрой 177
«Белые» делают ход королевской пешкой с e2 на e4 181
«Плодотворная дебютная идея», которой не было… 184
Утрата инициативы 187
«Черные» укрепляют позицию за счет «белых» 191
Сила «черных» — в консолидации фигур на доске 191
Оппортунизм черных пешек — реальный и мнимый 195
Цугцванг 202
«Белые» и «черные» на пути к тупику 202
«Белые» умиротворяют «черных» 207
Внутренние слабости, «разброд и шатания» в рядах 221
Мыльный пузырь капитализации, или обоюдный шок для «черных» и «белых» 228
Цугцванг — на шахматной доске, дефициты и рост издержек — в реальной экономике 237
В бесплодных поисках виноватых 251
В жертву принесены регионы 262
«Центр» оказался прав, потому что взял больше прав? 263
Интересы регионов бизнесу не интересны 274
Опасность дезинтеграции, или почему Россия может потерять восточные регионы 282
Административная и бюджетно-налоговая реформа против регионов 282
Побежденный «сибирский сепаратизм», которого не было 284
Откуда исходит опасность? 290
Сила дракона — в слабости богатыря 294
Программа сотрудничества бессильна против оппортунизма 302
России нужна «новая восточная политика» 308
От прогнозов к гаданиям и обратно 320
«Нефтяной апокалипсис» по Хубберту 322
Гадания вместо прогнозов 336
Стратегические «прожекты» 341
Добыча нефти: цены и налоги решают не все! 349
О «сырьевом проклятии» России 359
Сомнения по поводу природы «ресурсного проклятия» 360
Проблема верификации ресурсно избыточных стран 367
Статистика против «ресурсного проклятия» 379
Чем объясняются «провалы» в экономическом росте? 385
Исторические уроки для «третьего мира» 398
Троекратное проклятие институтов 415
La rente et l'État rentiers 428
Российский цугцванг: от сырьевой зависимости — к энергетической сверхдержавности 438
На витке исторической спирали, или возвращение Менделеева 451
Универсальный научный гений 451
Правильного решения можно ждать только от приложения опытных приемов 453
Промышленный рост и протекционизм, понимаемый в правильном широком смысле 458
По нефтяным делам 464
Фиск, монополия, техническое узаконение 472
Богатство — народу, новые силы — государству 483
В поисках сильного хода **489**
Библиография **496**

Цугцванг — (нем . Zugzwang, от Zug — ход и Zwang — принуждение), положение в шахматной партии, при котором соперник вынужден сделать невыгодный ход. При цугцванге у одной из сторон или у обеих сразу (взаимный цугцванг) нет полезных ходов и любой ход ведет к ухудшению собственной позиции.

Большой энциклопедический словарь

От автора

Уважаемый читатель!

Предлагаемый Вашему вниманию труд, как явствует из его названия, посвящен экономическим проблемам развития российского нефтегазового сектора. Но поскольку автору, судя по всему, недостало терпения и способностей, из под его пера вышла не стройная научная монография с целостным и системным анализом поднятой проблематики, а книга очерков. Получилось в какой-то степени по Пушкину:

… собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.[1]

Автор, конечно же, не настолько нескромен, чтобы примерить к себе лавры великого русского поэта, а лишь отмечает уважительную подражательность в оценке своей работы. Попутно он должен признаться, что первоначально задумывалась отнюдь не книга, в всего лишь статья с попыткой раскрыть основные проблемы российского нефтегазового сектора в условиях экономического кризиса и показывающая, что эти проблемы, в сущности, не являются сугубо кризисными, а имеют более глубокие корни. Кризис лишь придал им более яркую окраску, обострил их проявление. В силу разных обстоятельств статья, начатая осенью 2008 г., осталась незаконченной. Вновь вернувшись к ней через немалое время, автор обнаружил, что появилась возможность взглянуть на происходящие процессы более широко — в динамике, разделенной на этапы: докризисный, кризисный, пост-кризисный.

Соответственно, разрослась тематика работы, обострился соблазн затронуть многие иные проблемы, рассмотрение которых не предусматривалось первоначальным планом, но при этом стало еще труднее систематизировать материал и уместить его в «прокрустово ложе» монографии — уж слишком он выходил разношерстным и асимметричным. Отдельные сюжеты никак не вписывались в стройную схему изложения, а чего-то, наоборот, не хватало, дабы прикрыть зияющие бреши и логические пустоты. Автор попытался «выхватить» наиболее симптоматичные проблемы и наиболее интересные, на его взгляд, аспекты развития нефтегазового сектора, а в итоге получилось собрание текстов, написанных на протяжении последних нескольких лет. Часть этих материалов в сокращенном виде или фрагментарно была опубликована в журналах «ЭКО», «Эксперт» и других изданиях. Работа над книгой позволила вернуться к прежним статейным публикациям, не утратившим актуальность, и представить их читателю в полном виде, со всеми «милыми сердцу» подробностями, которые нечасто удавалось сохранить в журнальных вариантах.

Вынося на суд читателя свою работу, автору, наверное, имеет смысл пояснить, почему, говоря о проблемах нефтегазового сектора, он использует образную шахматную терминологию? Почему «цугцванг»? Не для красного ли словца?

---

[1] Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения в двух томах. Т. II. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 7.

Дело в том, что, двигаясь по пути реформ, мы попали в запутанный лабиринт развития, который во множестве изобилует хитроумными тупиками. Находясь в одном из них и намереваясь двинуться в какую-либо сторону, сделать тот или иной ход в поисках выхода на магистральный путь, мы рискуем угодить в другой, более глубокий тупик. По скромному разумению автора, отнюдь не претендующему на «истину в конечной инстанции», современная ситуация в развитии российского нефтегазового сектора наиболее точно может быть определена с помощью шахматного термина «цугцванг». «Нефтегазовый цугцванг» является многоплановым. Позиция цугцванга сложилась в противостоянии между государством и бизнесом, которое в действительности имеет место, поскольку каждая из названных сторон стремится к усилению своего влияния в ключевом секторе российской экономики, к получению от этого всего мыслимого спектра прямых и косвенных выгод. Подобие цугцванга наблюдается и в развитии самого нефтегазового сектора, перед которым ставятся противоречивые, порою взаимоисключающие, цели и задачи. В производственно-экономической деятельности любой из отраслей сектора обнаруживается немало дисбалансов и «узких мест», расшивать которые с каждым годом становится все труднее и труднее. Решение одних, казалось бы, первоочередных и наиболее важных проблем зачастую приводит к усугублению других. Попытки достижения одних целей ведут к тому, что другие становятся недостижимыми. Иными словами, в нефтегазовом секторе «вызрел» целый пучок трудноразрешимых проблем — накопившихся за прежние годы и вновь возникающих, — зачастую не имеющих видимых непротиворечивых решений, что уподобляет современную ситуацию шахматному цугцвангу.

Процесс формирования институциональной среды нефтегазового сектора напоминает шахматную партию, игроками в которой являются государство и бизнес, оттеснившие общество от активного участия в происходящих преобразованиях. Поэтому общество оказалось в роли зрителя, который зачастую не слишком внимателен и не слишком хорошо разбирается в перипетиях игры. Можно сказать, что «нефтегазовый цугцванг» — это цугцванг институтов, который сложился из-за того, что каждая из сторон разыгрывает свою партию, заглядывая, от силы, на один—два хода вперед, а если игроки и затевают многоходовые комбинации, то не видят возможных ответвлений и не имеют запасных ходов, только разве что, как пел Владимир Высоцкий:

Если он меня прикончит матом,
Я его — через бедро с захватом,
Или — ход конем — по голове![2]

Между тем, наверное, все же есть потенциальные возможности для результативного развития партии в «нефтегазовые шахматы», — но они не используются. Любая из сторон опасается сыграть «в поддавки» с соперником и пойти на какие-то жертвы, хотя, рассуждая логически, при правильном развитии событий в партии не должно оказаться победителя и проигравшего, а ее справедливый исход — стратегическая ничья, отражающая достижение баланса интересов. Но этот исход «маячит» где-то на горизонте, с каждым сделанным ходом отодвигается все дальше и дальше — партия бесконечна, — вернее, она будет длиться до тех пор, пока общество на равных не войдет в игру и не превратит «нефтегазовые шахматы» в иной вид состязаний.

Но это возможно в будущем, а сейчас мы являемся свидетелями цугцванга, который означает, что в развитии нефтегазового сектора и системы отношений, складывающейся в нем самом и вокруг него, набирается вопросов гораздо больше, чем ответов и готовых решений. Цугцванг — это множество непростых проблем, которые как следует не решаются, а загоняются вглубь; если же предпринимаются попытки решения, то результат зачастую

[2] Высоцкий В.С. Честь шахматной короны. II. Игра (1972 г.) // Собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2012. — С. 241.

бывает прямо противоположным ожидаемому — в полном соответствии с одной из самых известных и ярких «черномырдинок»: *«Мы хотели как лучше, а получилось, как всегда»*.[3]

Вполне может статься так, что приведенное изречение В.С. Черномырдина окажется справедливым и по отношению к этой объемистой книге. Но все же автор надеется вызвать благосклонное внимание читателя к своей работе и заранее приносит извинения за обилие ссылок на разного рода события из истории нефтегазового сектора, факты и «фактики», которые должны, по авторскому замыслу, иллюстрировать изложенные оценки и суждения. Книга, конечно же, грешит обилием метафор и гипербол, не всегда оправданных, — вероятно, у автора просто недостало способностей, чтобы осветить поднятую проблематику в строго научном стиле. Наверное, книга слишком изобилует цитированиями, к тому же — слишком длинными, — в особенности очерк, посвященный гениальному русскому ученому Дмитрию Ивановичу Менделееву. Работая над книгой, автор открыл для себя Менделеева как ученого-философа и экономиста, глубокого знатока нефтяного дела, чьи воззрения сохраняют актуальность и в наши дни. Или же, действительно, все развивается по спирали, и сегодняшние проблемы есть повторение проблем более чем вековой давности? Как бы то ни было, пытаясь представить читателю взгляды Менделеева по проблемам развития России и нефтегазовой промышленности, автор в большей степени доверял оригиналу, нежели собственным интерпретациям.

Завершающая часть работы над книгой, ее «сборка», написание последних очерков заняли времени намного больше сверх ожидаемого, поэтому автор должен первым делом поблагодарить за долготерпение и понимание свою любимую жену Галину, которая очень верно подметила, что *«мужчина, пишущий книгу, — это все равно, что женщина, сидящая на диете»*. Работа над большой книгой затягивает, уносит автора из реальной жизни в мир его мыслей и делает рассеянным, а в случае каких-то вынужденных заминок удручает и превращает в раздражительного брюзгу.

Начиная писать, выставляешь для себя рамки в виде будущего содержания книги; но в ходе работы эти рамки раздвигаются, появляются новые сюжеты, возникает неодолимое желание рассказать о том, о другом, о третьем…, а в уме рефреном звучат слова Михаила Булгакова: *«Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!»*.[4] В самом деле, написание книги можно уподобить азартной карточной игре, в которой есть и удача и невезение. Работа порою превращается в мучительные поиски и ожидания: когда же на ум придет какое-то всего лишь одно нужное слово, без которого все сказанное теряет смысл? Так может продолжаться бесконечно долго… Но вот, заветное слово найдено, складывается фраза, абзац, страница, *«… банки вдруг начинают вязаться… Игрок уже… чувствует в руках счастливую талию»*.[5] Звучит музыка, и Остап Бендер танцует свое знаменитое аргентинское танго в обнимочку с папкой, содержащей закрытое дело подпольного миллионера Корейко… Финал! И… душевное опустошение; ностальгия по многим дням и часам, проведенным за работой; запоздалое желание что-то подправить, добавить, уточнить — ведь время идет, происходят новые события, которые, как кажется, могут что-то изменить в понимании вещей, в уже написанных строках…

Но это лишнее, поскольку нужно сказать другие более важные и нужные слова. Это слова благодарности своим старым и верным товарищам, коллегам — В.А. Крюкову, Л.А. Андреевой, А.Е. Севастьяновой, А.Н. Токареву, В.И. Константинову, — с которыми в далеком уже 1989 г. начинал работать в секторе ЗСНГК. Вместе с ними

---

[3] Виктор Степанович Черномырдин // Материал из Викицитатника
• URL: (http://ru.wikiquote.org/wiki/Виктор_Степанович_Черномырдин [2013-06-01].

[4] Булгаков М.А. Бег (действ. 4, сон 7-й) // Пьесы 1920-х годов. — Л.: Искусство, 1989. — С. 289.

[5] Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Авторская редакция. — М.: Текст, 2011. — С. 212.

пройден длинный путь и выполнено немало разнообразных исследований, написано множество книг и статей. И ты понимаешь, что твое собственное мировоззрение и нынешнее отношение к действительности во многом сложилось благодаря долгой совместной работе с этими людьми, каждый из которых что-то привнес и в работу над только что завершенной книгой.

В не меньшей степени хочется со всей искренностью поблагодарить молодых коллег и друзей — Владислава Силкина и Ирину Семыкину — за большую непосредственную помощь в подготовке этой книги: за долгие часы, проведенные в совместном обсуждении многих вопросов и тем, за терпение и готовность выслушать сбивчивые и не твердо сформулированные слова и мысли автора, за нелегкий труд стать первыми читателями и критиками (за что особая благодарность!) некоторых еще совсем «сырых» очерков. Автор убежден, что без этой дружеской помощи и поддержки работа над книгой, скорее всего, вообще не состоялась, а получилась бы, как предполагалось вначале, журнальная статья.

Автор счел бы себя совершенно неблагодарным человеком, если бы не высказал слова признательности заместителю главного редактора журнала «ЭКО» Т.Р. Болдыревой. Постоянное заинтересованное внимание к работам автора с ее стороны является прекрасным «катализатором», на протяжении многих лет будоражащим творческий порыв и сыгравшим немалую роль в решении взяться за написание этой книги.

Единственное, чего не хотелось бы автору, — так это показаться умником, познавшим все «тайны» предмета, о котором идет речь в написанной им книге. Наверняка, многие суждения автора далеко не бесспорны, а какие-то — вообще объективно ошибочны. Однако без ошибок не бывает движения вперед к познанию истины, а самое главное на этом пути — не самообольщаться, не впадать в соблазн выглядеть умнее других и не терять ироничного отношения к самому себе. И всегда помнить прекрасные и мудрые слова, сказанные героем незабвенного Олега Янковского в финале фильма «Тот самый Мюнхгаузен»:

Умное лицо — это еще не признак ума, господа.
Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица.
Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…

Февраль 2013 г.

Сектор, который никак не может стать комплексом

Под нефтегазовым сектором (НГС) обычно понимается **часть экономики**, или совокупность отраслей и предприятий, конечными продуктами которых являются разнообразные виды топлива, получаемые из нефти и газа, а также углеводородное сырье, из которого производятся пластмассы, синтетические волокна и каучуки, другие виды полимерной продукции. Наряду с производственной сферой, к нефтегазовому сектору относят и все виды деятельности, связанные с доведением произведенной продукции до потребителей (транспорт, хранение, оптовую и розничную торговлю). При этом нефтегазовый сектор делится на два больших сегмента, которые в англоязычной терминологии называются: ***upstream*** и ***downstream***. Первый сегмент включает только те виды деятельности, что непосредственно связаны с извлечением нефти и газа из земных недр (геологоразведку и добычу), а второй — все остальное, т.е. транспорт, переработку, распределение и продажу готовой продукции потребителям.

Часто в рамках нефтегазового сектора выделяют своего рода «промежуточный» сегмент — ***midstream***, — который представлен нефте- и газотранспортными, торговыми и крупными распределительными компаниями, которые в своей совокупности обслуживают агрегированное предложение со стороны производителей и агрегированный спрос со стороны потребителей. Такое тройственное подразделение наиболее актуально для деятельности, связанной с продвижением на рынок природного газа. Как показывает зарубежный опыт, до либерализации газового рынка конкуренция в рамках данного сегмента была довольно низкой — в каждой стране или крупном регионе действовала, как правило, одна торговая компания. При этом для уменьшения риска, принятого национальными трейдерами, правительства во многих случаях предоставляли им определенные эксклюзивные права или обеспечивали монопольное положение путем подписания специальных разделительных соглашений. Либерализация газовой отрасли дала мощный стимул для чрезвычайно бурного развития компаний в сфере «промежуточных» видов деятельности. Сейчас торговые компании играют значительную роль не только в обеспечении гибких поставок природного газа (за счет комбинации различных групп поставщиков и потребителей для выполнения тех или иных контрактов), но и при продаже услуг трубопроводных компаний. Такое расширение деятельности торговых компаний является одним из важнейших итогов дерегулирования газовой промышленности и растущей интеграции национальных рынков в Северной Америке и странах Европейского Союза.

Несмотря на широкое разнообразие видов деятельности в НГС, его «лицо» главным образом определяется сегментом ***upstream***. Вероятно, причина заключается в том, что энергоресурсы потребляют во всех странах мира, практически в любой экономически развитой стране есть своя нефтеперерабатывающая промышленность, а вот добыча нефти и газа, особенно в крупных масштабах, — это удел «избранных», ибо так уж распорядилась природа. Пригодные для промышленного освоения запасы нефти и газа на планете распределены крайне неравномерно. Так, всего лишь десять стран мира владеют почти 82% мировых доказанных запасов нефти (без учета битуминозной), а на долю первой 20-ки стран, которую возглавляет Саудовская Аравия и замыкает Азербайджан, приходится в общей сложности 94% мировых доказанных запасов. В мировой добыче нефти суммарная доля 10 стран-лидеров составляет более 61%, а 20 ведущих стран-производителей нефти дают без малого 85% мировой добычи «черного золота»[6].

[6] Рассчитано по данным BP Statistical Review of World Energy – 2013. — URL: http://www.bp.com/.

Поэтому нефтегазовый сектор в полном смысле слова и во всех его «ипостасях» присутствует только в экономике стран, где ведется добыча углеводородного сырья. В их ряду особое место занимают «старые» нефтедобывающие страны — **Россия, США** и **Канада**, — в которых промышленная разработка нефтяных месторождений с применением механического бурения скважин (что составляет принципиальную основу современных технологий нефте- и газодобычи) началась еще в середине XIX века. Несмотря на то, что во второй половине прошлого века основной центр мировой нефтедобычи сместился в регион Ближнего и Среднего Востока, тройка стран-«ветеранов» продолжает играть ключевую роль в мировой нефтегазовой промышленности, обеспечивая треть суммарной добычи нефти и газа на планете и опережая по этому параметру государства, входящие в состав ОПЕК. Но дело — не только в объемах добычи. Россия, США и Канада являются одновременно и крупными производителями, и крупными потребителями энергоресурсов, вместе взятые они располагают мощностями нефтепереработки почти 1,3 млрд т/год (27% от мирового показателя), на обширных территориях этих стран создана огромная транспортная инфраструктура. То есть по общим масштабам развития нефтегазового сектора в экономике они, безусловно, занимают лидирующие места в мире.

Но быть в числе лидеров — это не только почетно, но и весьма обременительно. На примере России отчетливо видно, что масштабы нефтегазового сектора, его влияние на экономику и национальную финансовую систему, тесная взаимосвязь с внутренней и внешней политикой порождают серьезные проблемы. Во многих случаях эти проблемы не поддаются даже однозначной интерпретации, не говоря уже о нахождении наилучшего решения. Дополнительную сложность придает то обстоятельство, что нефтегазовый сектор России по «правилам» рыночной экономики работает всего лишь два десятка дет, а его современное состояние во многом обусловлено чередой кризисов различной длительности и различного происхождения.

Приведенное выше весьма широкое видение НГС обусловлено наличием тесных технологических и хозяйственных взаимосвязей и взаимозависимостей между его составными частями, что объективно порождает необходимость финансовой и технологической координации деятельности. Отмеченный аспект имеет принципиально важное значение в понимании процессов развития НГС. Не случайно ведь, что в основе формирования практически всех крупных нефтяных компаний лежит вертикальная интеграция, т.е. объединение в рамках единой собственности или общего управления множества видов деятельности, начиная с разведки запасов нефти и заканчивая розничной торговлей нефтепродуктами, или, как часто говорится, «от скважины до бензоколонки».

Вертикальная интеграция в НГС сочетается с интеграцией по горизонтали, т.е. комбинированием деятельности, связанной с освоением ресурсов обоих видов природного углеводородного сырья. Собственно говоря, в зарубежной практике нефте- и газодобычи даже нет строгого организационного разделения (на уровне отдельных компаний) между этими отраслями. На примере США видно, что в число крупнейших производителей нефти и газа входят практически одни и те же компании, а лидером в добыче обоих видов энергоносителей является англо-американская компания *British Petroleum* (табл. НГС-1).

Соответственно, в энергетическом секторе промышленно развитых зарубежных стран существует **два основных типа интегрированных компаний**:

- **нефтяные** — занимаются добычей, транспортировкой, переработкой нефти и газа и реализацией нефтепродуктов, а при более глубокой интеграции включают производство электроэнергии и нефтехимию;
- **энергетические** — занимаются выработкой и распределением электроэнергии, интегрируют в своем составе комплексирующие виды деятельности, связанные с добычей, транспортировкой и распределением энергоносителей (прежде всего природного газа и угля).

Таблица • НГС-1

Рейтинг крупнейших компаний по добыче нефти и природного газа в США в 2009 г.

Компания	Добыча нефти, тыс. барр./сут.	Компания	Добыча газа, млн куб. фут./сут.
Exxon Mobil Corp.	725	Exxon Mobil Corp.	2383
ConocoPhillips	674	Chevron Corp.	1906
Chevron Corp.	341	ConocoPhillips	1821
Occidental Petroleum Corp.	179	Devon Energy Corp.	966
Hess Corp.	107	XTO Energy Inc.	855
Apache Corp.	106	Chesapeake Energy Corp.	835
Marathon Oil Corp.	90	Anadarko Petroleum Corp.	817
Anadarko Petroleum Corp.	88	Apache Corp.	642
Devon Energy Corp.	72	EOG Resources, Inc.	617
Murphy Oil Corp.	48	Williams Companies, Inc.	435

PetroStrategies, Inc. • URL: http://www.petrostrategies.org/Links/biggest_us_oil_and_gas_companies.htm [2013-06-01].

Самостоятельный класс образуют **специализированные компании**, которые занимаются каким-либо одним видом деятельности, например, только добычей или только переработкой углеводородного сырья. В рамках данного класса хозяйствующих субъектов можно выделить **газовые компании**, работающие, как правило, в сфере газораспределения, т.е. выполняют функции (транспорт, распределение, торговля) по доведению товара до конечного потребителя.

Приведенную выше типизацию компаний следует считать весьма условной. Для большинства ведущих компаний, занимающихся добычей углеводородов, характерно примерное равенство производства нефти и газа. И в мире насчитываются буквально единицы компаний, причем очень небольших, которые добывали бы только жидкие углеводороды или газ. В составе практически всех крупных нефтяных компаний присутствуют электроэнергетические или нефтехимические подразделения. Поэтому любая из них может позиционировать себя на рынке в качестве интегрированной энергетической компании, что, собственно, и имеет место в действительности.

Организационная структуризация в рамках нефтегазового сектора вызвана, с одной стороны, общностью экономических и технологических условий деятельности в сегменте *upstream*, а с другой, спецификой рынков конечной продукции в сегменте *downstream* и, соответственно, применением различных подходов к регулированию.

Например, между добычей нефти и природного газа гораздо больше общего, чем между сферами розничной торговли нефтепродуктами и бытовым газом. Кроме того, месторождения углеводородного сырья в большинстве своем являются многокомпонентными: в сырой нефти содержится растворенный (так называемый нефтяной или попутный) газ, а в природном газе могут содержаться жидкие фракции (газовый конденсат). Многие месторождения природных углеводородов квалифицируются как «нефтегазовые» или «газонефтяные», т.е. включают геологические залежи различного типа, а их целевой продукцией являются одновременно и нефть, и природный газ. Проведение геологоразведочных работ, эксплуатация нефтяных и газовых месторождений, магистральный трубопроводный транспорт нефти и газа имеют принципиально общую техническую основу, что предопределяет и общность экономических закономерностей, связанных с формированием издержек, доходов и рисков. Отличительной особенностью

сегмента *upstream* в нефтегазовом секторе является в общем случае отсутствие условий для возникновения «естественных монополий».

Если же сравнить две сферы оптово-розничной торговли, соответственно, нефтепродуктами и топливным (бытовым) газом, то можно увидеть существенные организационно-технические различия в их функционировании. Сфера газораспределения работает в режиме непрерывного потока, в ее основе лежит сетевое хозяйство с определенными техническими правилами подключения к магистральным транспортным системам, подачи и отбора газа, регулирования пиковых нагрузок, резервирования мощностей и т.д. и т.п. В этой сфере существуют условия для формирования «естественных монополий», когда в границах какой-либо территории функционирование одной газораспределительной компании более эффективно по сравнению с конкуренцией нескольких компаний. По перечисленным признакам система газораспределения близка к электроснабжению, что является основанием для применения схожих подходов к регулированию рынка. Рынок же нефтепродуктов является точечным, или дискретным, имеет конкурентную природу, что не предполагает настоятельной необходимости специального регулирования.

Таким образом, организационная сегментация в НГС промышленно развитых стран с рыночной экономикой обусловлена преимущественно действием экономических и институциональных факторов и, в меньшей степени, технологических.

В российском НГС имеет место прямо противоположная ситуация, в которой организационное сегментирование сектора все еще в значительной степени опирается на простой и очевидный принцип «нефть или газ». Российские интегрированные нефтяные компании занимаются главным образом освоением нефтяных месторождений и последующими операциями с нефтью и нефтепродуктами по названной выше технологической цепочке «от скважины до бензоколонки». Главным признаком газовой компании служит то, что в основе ее деятельности лежит добыча природного газа. Крупнейшая компания такого рода — ОАО «Газпром» — является полностью интегрированной, т.е. контролирует весь технологический процесс от добычи до поставок газа конечным потребителям. «Газпром» — это не только основной производитель и оптовый продавец газа, но и монопольный собственник всей системы магистральных газопроводов в России, владелец (или совладелец) нескольких десятков газораспределительных компаний в разных регионах страны. Помимо этого «Газпром» контролирует ряд крупных активов в нефтедобыче, нефтепереработке и нефтехимии («Газпром нефть», «Газпром нефтехим Салават», Московский НПЗ и др.), а также — в энергетике (владеет долями в капитале нескольких энергетических компаний). По глубине интеграции и «физическим» масштабам производственной деятельности на сегодняшний день с «Газпромом» не может сравниться, пожалуй, ни одна нефтегазовая или энергетическая компания в мире. Так же, как и за рубежом, в России наряду с вертикально интегрированными нефтяными компаниями и «Газпромом» существуют и независимые производители нефти и газа. Однако по сравнению с нефтегазовым сектором США или Канады, их вклад в «общую копилку» производимой продукции относительно невелик.

Следует отметить, что современное организационное сегментирование в нефтегазовом секторе России имеет свои исторические предпосылки. Нефтяные компании и «Газпром» сформировались в процессе экономических реформ 1992—1998 гг. из уже готовых «кубиков» — бывших государственных предприятий, соответственно, нефтяной и газовой промышленности, подчинявшихся разным отраслевым министерствам. То есть в основу организационной структуры российского НГС изначально был заложен принцип отраслевого разделения, характерный для советской плановой экономики. Ведомственная разобщенность и отраслевой подход к управлению, которые считались едва ли не главными недостатками системы директивного планирования, дали о себе знать и при проведении экономических реформ рыночного толка.

Между тем, в отечественной терминологии, существующей еще со времен плановой экономики, совокупность отраслей и производств по добыче, транспортировке и переработке нефти и газа, принято называть **«нефтегазовым комплексом»**. Само по себе терминологическое противопоставление **«сектор или комплекс»** не имеет принципиального значения, однако оно дает ключ к пониманию некоторых важнейших черт в развитии рассматриваемой многоотраслевой системы.

По определению, **сектор** — это просто часть экономики. Составляющие сектора тесно взаимосвязаны друг с другом и для них характерны некоторые общие организационно-экономические и технологические закономерности в развитии и функционировании. **Комплекс**, по мнению автора, представляет собой более строгое понятие. Многоотраслевой комплекс в экономике должен характеризоваться не только взаимосвязанностью и взаимозависимостью элементов, но и обладать еще двумя существенными признаками:

1) определенной целенаправленной сбалансированностью между подсистемами;
2) единым управлением на основе плана, либо целевой программы, либо системы согласованных мер по регулированию, направленных на решение общей задачи.

В условиях рыночной экономики таким требованиям отвечает, к примеру, военно-промышленный комплекс, и термин *military-industrial complex*, ставший популярным благодаря 40-му президенту США Дуайту Эйзенхауэру [7], соответствует реальному положению вещей. Нефтегазовый сектор любой страны мира трудно назвать «комплексом» в полном смысле слова. Внутренняя сбалансированность в развитии сектора, а также его сбалансированность с внешней средой достигается преимущественно под воздействием рыночных механизмов. Регулирование отдельных видов деятельности имеет существенную специфику, а система регулирования в целом подчинена достижению весьма общих целей, которые обычно формулируются в рамках энергетической стратегии или политики государства.

С этой точки зрения российский НГС не является исключением из правил. Более того, ему присущ ряд особенностей «декомплексирующего» свойства, которые не характерны для промышленно развитых стран мира. Речь идет об **устойчивых дисбалансах или «узких местах»**, существование которых негативно отражается на общественной полезности НГС. К числу такого рода проблемных коллизий можно отнести:

- отставание в развитии геологоразведочных работ, невосполнение текущей добычи разведанными запасами, низкие темпы подготовки сырьевой базы в новых перспективных районах, что ставит под угрозу достижение долгосрочных целей, предусмотренных энергетической стратегией страны;
- хроническое отставание в развитии систем утилизации нефтяного попутного газа, значительные объемы которого (по различным оценкам, от 12 до 20 млрд $м^3$

[7] In the councils of government, we must guard against the acquisition of unwarranted influence, whether sought or unsought, by the military-industrial complex. The potential for the disastrous rise of misplaced power exists and will persist.
Dwight D. Eisenhower. Military-Industrial Complex Speech // Public Papers of the Presidents, Dwight D. Eisenhower, 1960, p. 1035—1040 • URL: http://coursesa.matrix.msu.edu/~hst306/documents/indust.html [2013-06-01].
В действительности термин «военно-промышленный комплекс» (*military-industrial complex*) был впервые публично использован британскими пацифистами еще в 1914 г. и обозначал симбиоз интересов политиков, армии и производителей оружия для характеристики его антисоциальной сущности. Применительно к экономике под военно-промышленным комплексом можно понимать совокупность научно-исследовательских, испытательных организаций и производственных предприятий, выполняющих разработку и производство военной и специальной техники, амуниции, боеприпасов и т.п. преимущественно в рамках государственного оборонного заказа, а также на экспорт • URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Military-industrial_complex [2013-06-01].

и более) ежегодно сжигается в факелах, — тем самым снижается эффективность использования природных ресурсов, повышаются экологические риски в районах нефтедобычи;

- недостаточная глубина переработки нефти на отечественных нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ), что в условиях высокой эффективности экспорта является фактором, усиливающим напряженность баланса нефти и создающим угрозу дефицита нефтепродуктов либо роста цен на внутреннем рынке;
- медленное развитие специализированной инфраструктуры, что вызывает возникновение дефицита мощностей, а в конечном счете, сдерживает рост добычи и переработки углеводородного сырья, ограничивает доступ на рынок для независимых компаний НГС;
- низкий уровень газификации жилищно-коммунального хозяйства и индивидуального жилья, особенно в сельской местности и в регионах страны к востоку от Урала, что ухудшает показатели энергопотребления и качества жизни населения;
- вяло текущий, скрытый инвестиционный кризис, выражающийся в том, что уровень инвестиционной активности не соответствует динамике добычи нефти и газа, задачам освоения новых ресурсных объектов, — происходит чрезмерная интенсификация разработки действующих месторождений с риском снижения показателей конечного извлечения запасов;

Следует особо отметить, что практически все названные выше дисбалансы в развитии отечественного нефтегазового сектора отнюдь не новы. В той или иной степени они проявлялись и 20, и 30 лет назад. Например, острая проблема утилизации ресурсов попутного газа возникла одновременно с началом освоения нефтяных месторождений Западной Сибири и лишь на какое-то непродолжительное время она притупилась лишь в период обвального спада добычи нефти в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов. Новый подъем добычи нефти, начавшийся на рубеже столетий вернул все на прежние места. Еще более стара проблема низкой глубины переработки нефти, в связи с чем выход светлых нефтепродуктов (бензина, дизельного топлива, авиакеросина) на российских НПЗ в расчете на 1 т нефти примерно на треть ниже, чем в европейских странах, США или Японии. Проблема несвоевременной подготовки разведанных запасов нефти дала о себе знать во второй половине 1980-х годов, когда наиболее крупные месторождения Западной Сибири были вовлечены в эксплуатацию, и началось постепенное ухудшение сырьевой базы отрасли.

Все это говорит о том, что первопричиной возникновения серьезных проблем диспропорций в развитии нефтегазового сектора России является вовсе не переход к рыночным принципам функционирования, не изменение отношений собственности и форм государственного управления, а нечто иное. Проведенные рыночные преобразования лишь несколько сгладили или, наоборот, усилили отдельные экономические проблемы, придали им иную «окраску». По мнению автора, «корень зла» следует искать в **многостороннем конфликте интересов**, складывающихся внутри нефтегазового сектора и вокруг него, — и прежде всего в несовпадении интересов общественных и корпоративных. В свою очередь, острота конфликта обусловлена неадекватностью (не по форме, а в сущности) государственного регулирования, неспособностью государства выстроить и применить систему мер, направленных на защиту общественных интересов. В советские времена типичным был конфликт между так называемыми «народнохозяйственными» и «отраслевыми» (ведомственными) интересами, и последние, как правило, возобладали несмотря на директивный характер государственных планов и целевых комплексных программ развития экономики. С переходом к рынку отмеченный выше конфликт трансформировался в конфликт между интересами общества (государства) и крупных

корпораций, а внутри НГС — в конфликт между интересами крупных компаний и прочих хозяйствующих субъектов.

В практическом аспекте рассматриваемая конфликтная ситуация проявляется в том, что у ведущих компаний НГС нет прямой экономической заинтересованности (или она недостаточна) в выполнении целого ряда функций в процессе недропользования и в последующих производственных и коммерческих операциях. А применяемые государством механизмы регулирования не способны обеспечить должный уровень мотивации ни путем стимулирования, ни в принудительной форме. При этом государство постоянно находится перед необходимостью решения противоречивых задач: как поощрять нефтегазовый бизнес без прямого ущерба для общественных интересов и как принудить компании к эффективному с позиций общества ведению бизнеса, не ухудшая условий хозяйственной деятельности?

В конечном итоге вопрос заключается в качестве институциональной среды, складывающейся в нефтегазовом секторе — насколько она сбалансирована и адекватна реальным условиям хозяйствования. Несовершенная институциональная среда либо создает преграды для развития НГС, либо снижает его общественную полезность, либо и то и другое вместе. Последняя и худшая из названных альтернатив как раз и наблюдается в России. Если интерпретировать сложившуюся ситуацию в терминах трансакционных издержек, понимаемых как издержки взаимодействия между государством и нефтегазовым сектором, следует признать, что их современный уровень чрезмерно высок – и для государства (общества) и для нефтегазового сектора. При этом общественные трансакционные издержки, как правило, принимают форму упущенной выгоды, а в нефтегазовом секторе они создают своего рода «барьеры», препятствующие нормальному развитию и функционированию.

2000-е годы: недолгий ренессанс после глубокого упадка

Уже стало привычным, что нефтегазовый сектор является одним из главных «столпов» российской экономики. Цифры весьма красноречивы. На долю нефтегазовой «вертикали» (т.е. включая переработку нефти и газа) в 2011 г. приходилось почти 32% промышленного производства, 53% доходов федерального бюджета и более 30% доходов консолидированной бюджетно-финансовой системы государства, 63% экспортных поставок. Но так ли уж надежен «колосс», подпирающий конструкцию экономики нашей страны? И не уподобится ли он тому «колоссу о глиняных ногах», о котором когда-то поведал древний пророк Даниил?

Непредвзятый анализ показывает, что сегодняшняя ситуация в НГС весьма далека от благополучия, а причины этого неблагополучия вряд ли будет позволительно списать на последствия недавнего финансово-экономического кризиса. Можно даже сказать, что кризис пришелся весьма некстати потому, что стал своего рода «дымовой завесой», скрывающий истинные корни многих проблем, имеющих место в развитии и функционировании одного из ключевых для нашей экономики секторов.

В действительности же неблагоприятные тенденции в развитии НГС накапливались на протяжении, по крайней мере, нескольких лет, предшествовавших кризису. Причем происходило это в условиях, которые, казалось бы, наоборот, должны были способствовать притоку инвестиций, технологическому обновлению, росту объемов производства. К началу нынешнего столетия уже остались в прошлом самые трудные годы переходного периода, связанные с масштабными преобразованиями, становлением новых экономических отношений, приватизацией, кризисом неплатежей, постоянными изменениями в налоговой системе, политической нестабильностью и прочими неблагоприятными обстоятельствами. Да и цены на нефть на мировых рынках на протяжении почти 7-ми лет неуклонно росли, побивая один рекорд за другим. Вроде бы ничто не мешало бурному развитию НГС, тем не менее, в реальной действительности вырисовывалась совершенно иная картина.

Upstream, downstream — то вверх, то вниз

В 1990-х годах, на которые легла основная тяжесть рыночных преобразований в российской экономике, тенденции развития практически всех сегментов НГС имели одинаковую направленность: падали объемы добычи нефти и газа, уменьшались объемы переработки углеводородного сырья и геологоразведочных работ, сокращались инвестиции практически во все виды деятельности.

Год 2000-й стал, в известном смысле, переломным. Прежде всего он ознаменовался существенным — на целых 6% — ростом добычи нефти, чего не наблюдалось длительное время начиная с 1986 г. В несколько меньшей степени выросли, но все же выросли — после долгого сокращения и стагнации — объемы переработки нефти. Метраж глубокого разведочного бурения на нефть и газ подскочил за год аж на 40%. Несколько «подкачала» газодобыча, не сумевшая поддержать «наступление на нефтяном фронте», но в целом появились надежды на то, что НГС наконец-то начал выходить из трансформационного кризиса. Помогла и конъюнктура мирового рынка — цены на энергоносители после 10-летнего «сюрпляса» уверенно поднялись вверх, например среднегодовая цена нефти выросла почти в 1,6 раза и в номинальном исчислении вплотную приблизилась к уровню начала 1980-х годов. Но самое примечательное состояло в том, что в 2000 г. произошло

существенное увеличение инвестиций во все основные сегменты НГС, а общий рост по сектору составил 155% в сопоставимых ценах в сравнении с предшествовавшим годом.

По истечении 2001 г. «свет в конце тоннеля» стал казаться еще более ярким. Несмотря на некоторое снижение мировых цен, добыча нефти в России ускорила свой рост, а добыча газа стабилизировалась. Геологоразведка и нефтепереработка сохранили видимые тенденции к выходу из кризиса. Темп роста инвестиций хоть и несколько снизился (в целом по НГС — 118% к 2000 г.), но позитивная динамика присутствовала во всех крупных отраслевых сегментах — в нефтедобыче и в нефтепереработке, в газовой отрасли.

Однако уже следующий год несколько охладил надежды на лучшее будущее. Несмотря на то, что по основным объемным показателям производства 2002 г. в целом оказался удачным, но прозвенели весьма тревожные «звоночки» — на 5% уменьшилась величина инвестиций и в буквальном смысле слова рухнули объемы геологоразведочных работ (проходка в поисково-разведочном бурении сократилось почти в 1,7 раза).

Таким образом, первые три года XXI столетия задали общий настрой в развитии российского НГС на целый ряд последовавших за ними лет. Динамика роста производственных и экономических показателей приобрела специфический волнообразно-ступенчатый характер: подъемы стали чередоваться с остановками и даже с отступлениями назад — порою, без видимых на то причин. Но причины, конечно же, были и есть. Они в основном имеют институциональный характер и связаны с глубоким несовершенством построенной в России рыночной модели функционирования НГС (равно как и всей национальной экономики), которую трудно назвать современной. Далекие от совершенства институты, включая институты государственного регулирования, порою доводят НГС и его отдельные сегменты до «предынфарктного» состояния, и в этом своем качестве легко могут посоперничать с мировым финансово-экономическим кризисом.

Нефтедобыча: кризис… за год до кризиса

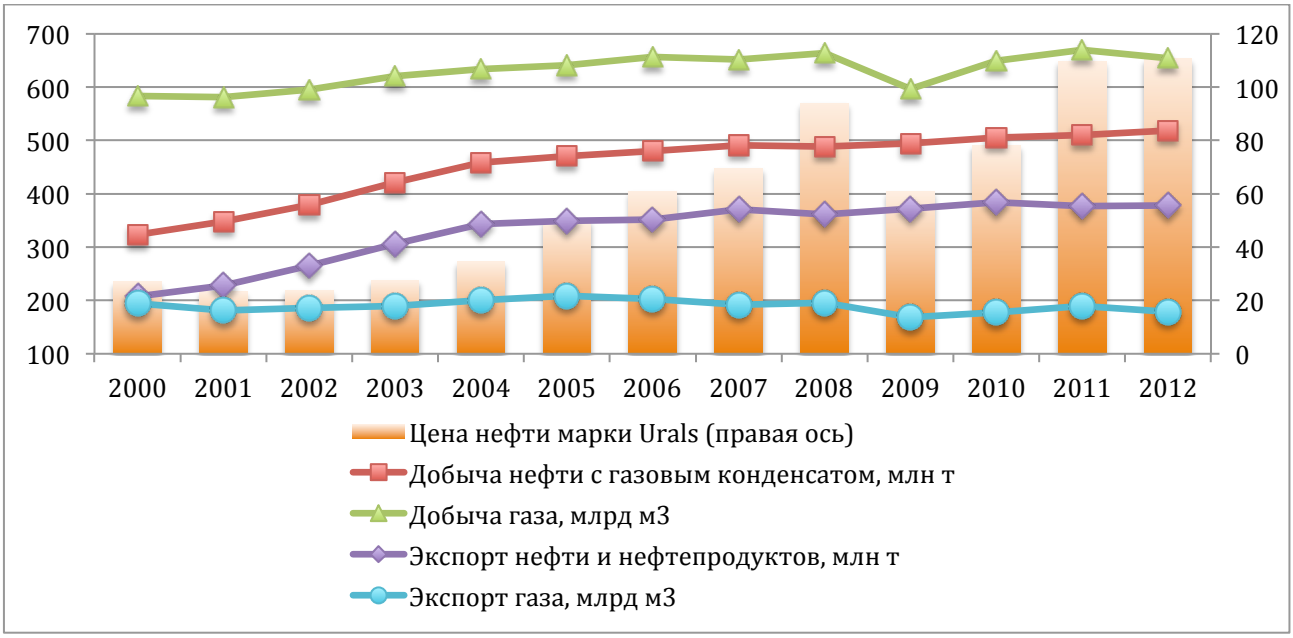
Темпы прироста добычи нефти с газовым конденсатом в России резко замедлились уже в 2005—2007 гг., опустившись до 2-процентной отметки против 9—11% тремя годами ранее (рис. UPD-1). По итогам 2007-го, отнюдь не кризисного, года сразу восемь крупных российских компаний снизили свою добычу. Однако знаковым событием стало неожиданное падение объемов производства у «Сургутнефтегаза» (примерно на 1,5%), до этого выступавшего в роли бессменного лидера по темпам роста добычи и сумевшего в период с 1999 по 2006 г. почти вдвое увеличить ее объемы (с 37,6 до 66,6 млн т). Еще совсем незадолго до наступления спада в объемах производства руководство компании заявляло, что «Сургутнефтегаз» сможет добывать 70—80 и даже 100 млн т нефти в год, если сочтет это выгодным. Среди аналитиков «Сургутнефтегаз» давно уже принято считать своеобразным «индикатором здоровья» отрасли. Компания является наиболее консервативным производителем нефти в России — она ориентируется в основном на применение отечественных технологий, практически не участвует в зарубежных нефтегазовых проектах, не проводит агрессивную политику поглощений потенциальных конкурентов, не замешана в сомнительных сделках. А в итоге на протяжении многих лет имеет репутацию едва ли не самой «национальной» среди российских нефтяных компаний. Иными словами, если уж у «Сургутнефтегаза» появились проблемы, то это — проблемы всей отрасли.

Год 2008-й подтвердил худшие опасения, став переломным в новейшей истории российской нефтяной промышленности — впервые за постреформенное время (т.е. за последние 10 лет) добыча нефти в стране сократилась. К числу неудачников года относятся не только «Сургутнефтегаз», сокративший добычу на 4,6%, «Газпром нефть» (–5,8%), ТНК-ВР (–1%), но и в какой-то степени «ЛУКОЙЛ» (–1,3% по добыче нефти, +1,1%

по суммарной добыче углеводородов). Среди крупных российских компаний лишь «Роснефть» смогла существенно нарастить добычу нефти (9% — общий рост, 4% — органический), что, впрочем, неудивительно, если принять во внимание привилегированный статус госкомпании, получившей наряду с «Газпромом», например, исключительное право на участие в крупных совместных проектах по освоению сахалинских месторождений. Основной же вклад в производственные успехи компании год за годом вносит ООО «РН-Юганскнефтегаз» — на долю этого бывшего актива ЮКОСа приходится 60% современной добычи «Роснефти», а из них более половины дает крупнейшее из российских месторождений, введенных в разработку после распада СССР.

Рисунок • UPD-1

Динамика добычи и экспорта углеводородов на фоне мировых цен на нефть в 2000—2012 гг.

Росстат — Единая межведомственная информационно-статистическая система / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Центральный Банк РФ — Статистика внешнего сектора • URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs; ФТС России — Таможенная статистика внешней торговли • URL: http://www.customs.ru/.

Между тем, падение добычи нефти в России в 2008 г. вряд ли можно назвать столь уж неожиданным. Негативный уклон в динамике суточной добычи стал вполне очевиден уже начиная с сентября 2007 г., а январско-апрельский тренд 2008 г. является естественным продолжением сложившейся ранее тенденции (рис. UPD-2). Затем неугомонный рост мировых цен на нефть сделал свое дело, и добыча снова стала увеличиваться вплоть до наступления кризиса и последовавшего за этим обвала цен. Дальнейший ход событий, казалось бы, нетрудно было предсказать. В условиях кризиса уже как само собой разумеющееся ожидалось падение добычи нефти с газовым конденсатом — до 480—482 млн т (на 1,3—1,7%)[8].

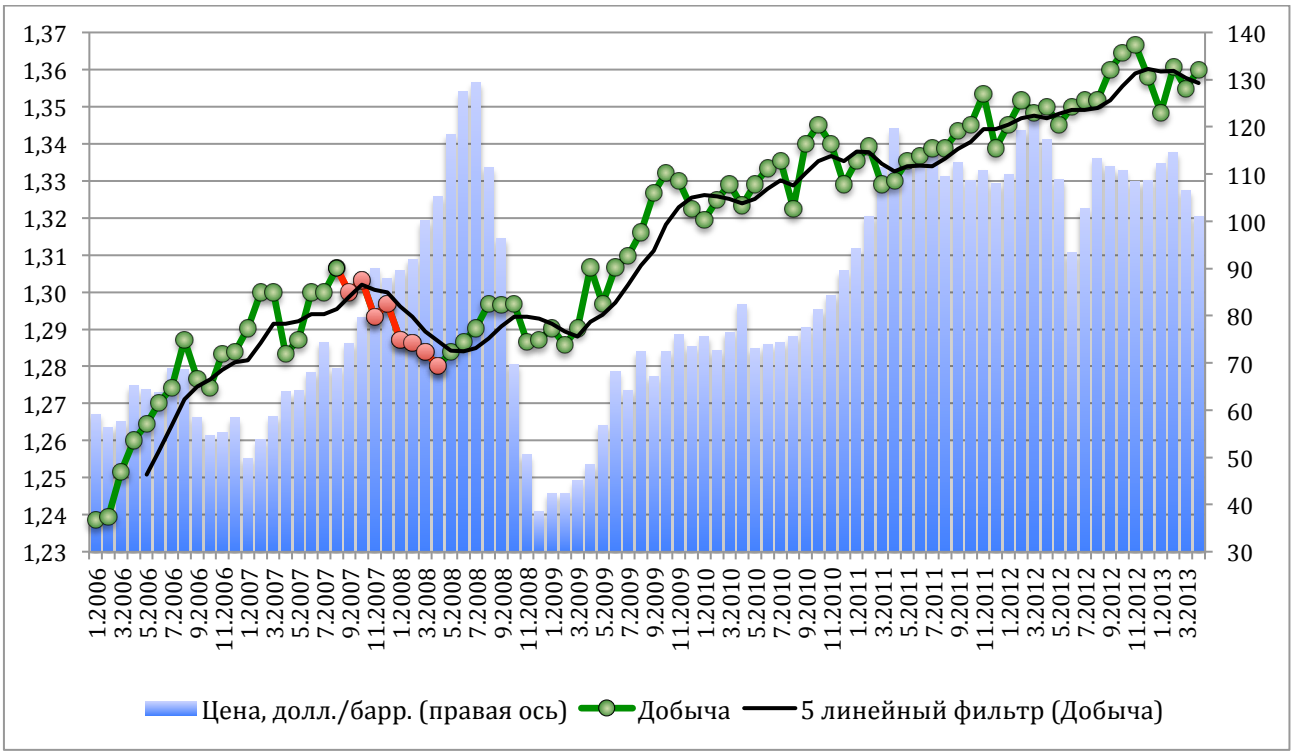
Статистика первых месяцев 2009 г. подтверждала худшие опасения: в январе-феврале добыча нефти с газовым конденсатом снизилась на 2% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Но при этом «за кадром» осталось два момента. Во-первых, основная часть в общем падении добычи жидких углеводородов пришлась на газовый конденсат (вследствие беспрецедентного кризисного сокращения объемов производства

[8] По прогнозу Минэкономразвития РФ на 2008 г.

в газодобывающей промышленности), а во-вторых, в собственно нефтедобывающей отрасли уже с февраля месяца начался подъем производства, который с «переменным успехом» продолжался без малого 3 года (т.е. вплоть до декабря 2011 г.).

Рисунок • UPD-2

Динамика фактической среднесуточной добычи нефти в России по месяцам с января 2006 г. по март 2013 г., млн т

По данным Росстата — Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/; Федеральной налоговой службы РФ • URL: http://www.nalog.ru/ul/ul_pol_isk/pol_iskop_stavki/.

При этом довольно отчетливо просматривается общая тенденция, отражающая ослабление зависимости динамики объемов добычи нефти от изменения уровня мировых цен в среднесрочном и краткосрочном аспектах.

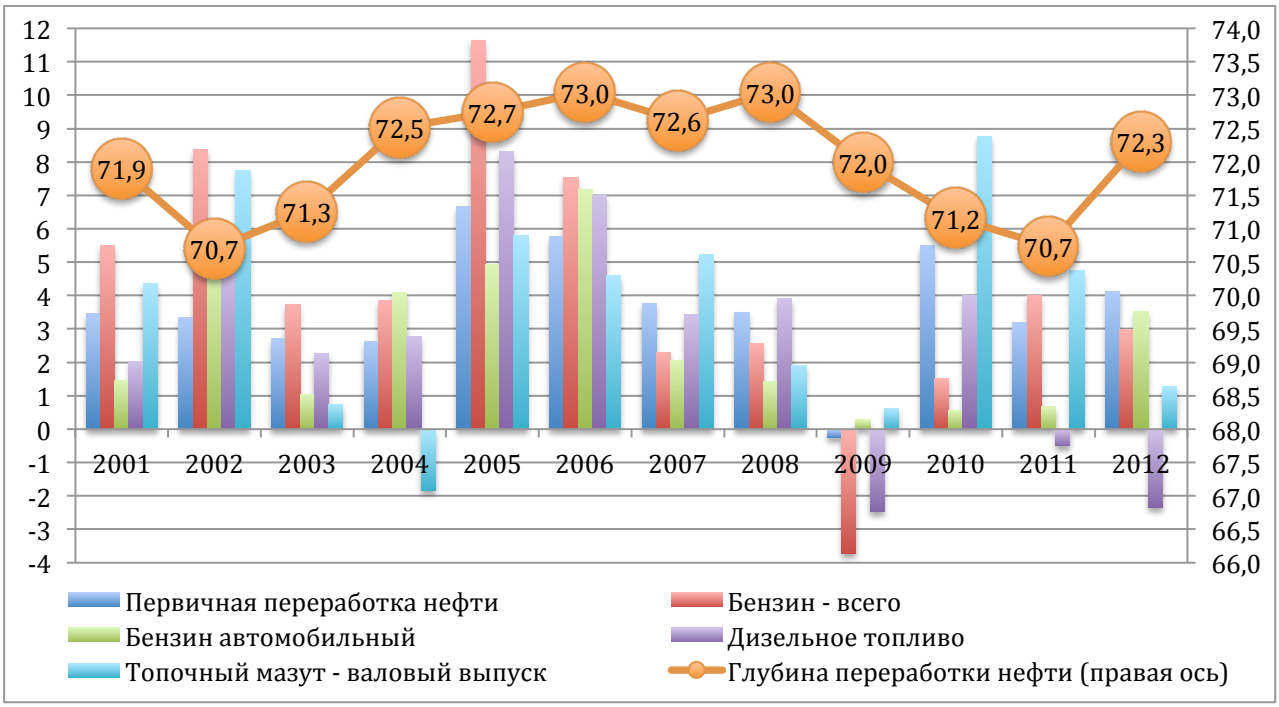
Нефтепереработка: ни шатко, ни валко

Со всей очевидностью не хватает динамизма в развитии нефтеперерабатывающей промышленности. Несмотря на то, что чуть ли не ежегодно отечественные нефтяные компании сообщают о завершении тех или иных новых крупных проектов по строительству и реконструкции установок глубокой переработки нефти и увеличении выпуска топлива, соответствующего стандартам Евро-3, 4 и даже 5, глубина переработки сырья по отрасли в целом практически не меняется. По данным Росстата, за период с 2000 по 2011 г. этот показатель вырос менее чем на 1 процентный пункт и составляет сейчас порядка 71—72%, что никак нельзя признать удовлетворительным ни с точки зрения национальных экономических интересов, ни с позиций соответствия мировому уровню (табл. UPD-3)[9].

[9] Глубина переработки нефти в промышленно развитых странах мира (Западная Европа, страны АТР, Северная Америка) составляет в настоящее время 85—97%.

Рисунок • UPD-3

Темпы прироста объемов переработки нефти и производства основных нефтепродуктов, глубина переработки нефти в России в 2001—2012 гг., %

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

В 2000-х годах темпы прироста выпуска топочного мазута заметно ускорились (в отличие от предыдущего десятилетия, в течение которого глубина переработки нефти выросла на 1,6 п.п.). Мазут был и остается главным экспортным продуктом российской нефтепереработки. На долю мазута в 2011 г. пришлось 57% суммарного экспорта нефтепродуктов в натуральном выражении и 48% — по стоимости; в 2012 г. — 55 и 47%, соответственно.[10] К настоящему времени объемы внешнеторговых поставок мазута по сравнению с 2000 г. выросли в 2,5 раза при общем двукратном увеличении экспорта нефтепродуктов (для сравнения: экспорт дизельного топлива вырос в 1,4 раза, автобензина сократился на 27% — рис. UPD-4). Беспрецедентно резкое увеличение экспорта мазута происходило в 2002 г. (на 21%), 2005 и 2007 годах (на 17%) и в 2010 г. (на 12%). В структуре экспорта дизельного топлива примерно половина приходится на полупродукт для дальнейшей переработки (доочистки) из-за того, что по своим качественным параметрам он не соответствует требованиям европейского рынка.[11]

Приведенные цифры отнюдь не свидетельствуют о повышении эффективности российского экспорта нефтепродуктов в последние годы. Что же касается внутреннего рынка, то он пребывает в постоянном ожидании дефицита. Сдерживать рост цен на топливо временами удается только путем «административной заморозки», а рынок автобензина в стране примерно на четверть (или даже более) заполнен суррогатами[12].

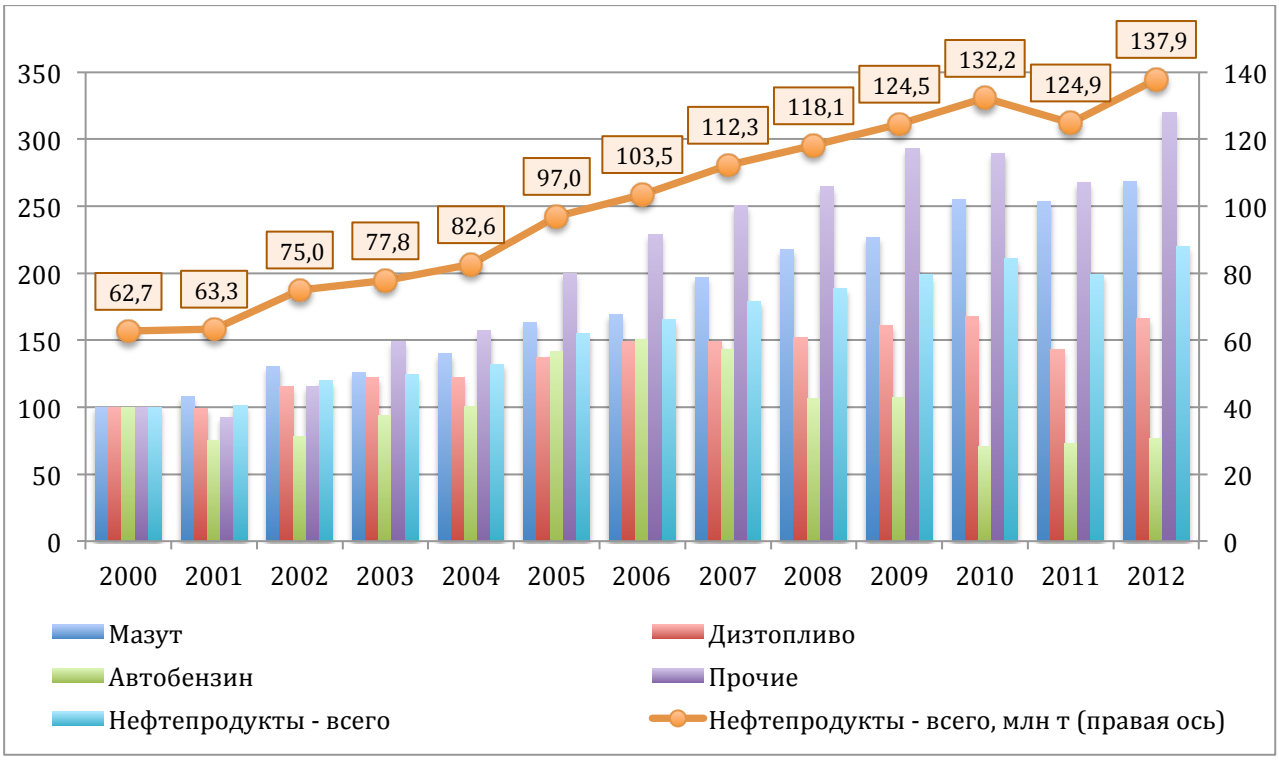
[10] ФТС России — Таможенная статистика внешней торговли • URL: http://www.customs.ru/.

[11] По данным Минэнерго РФ (из доклада министра по вопросу Генеральной схемы развития нефтяной отрасли России на период до 2020 г.) • URL: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/5548.html [2013-06-01].

[12] По оценке автора.

Рисунок • UPD-4

Динамика российского экспорта нефтепродуктов в 2001—2011 гг., % (2000 г. = 100)

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Федеральной таможенной службы РФ • URL: http://www.customs.ru/.

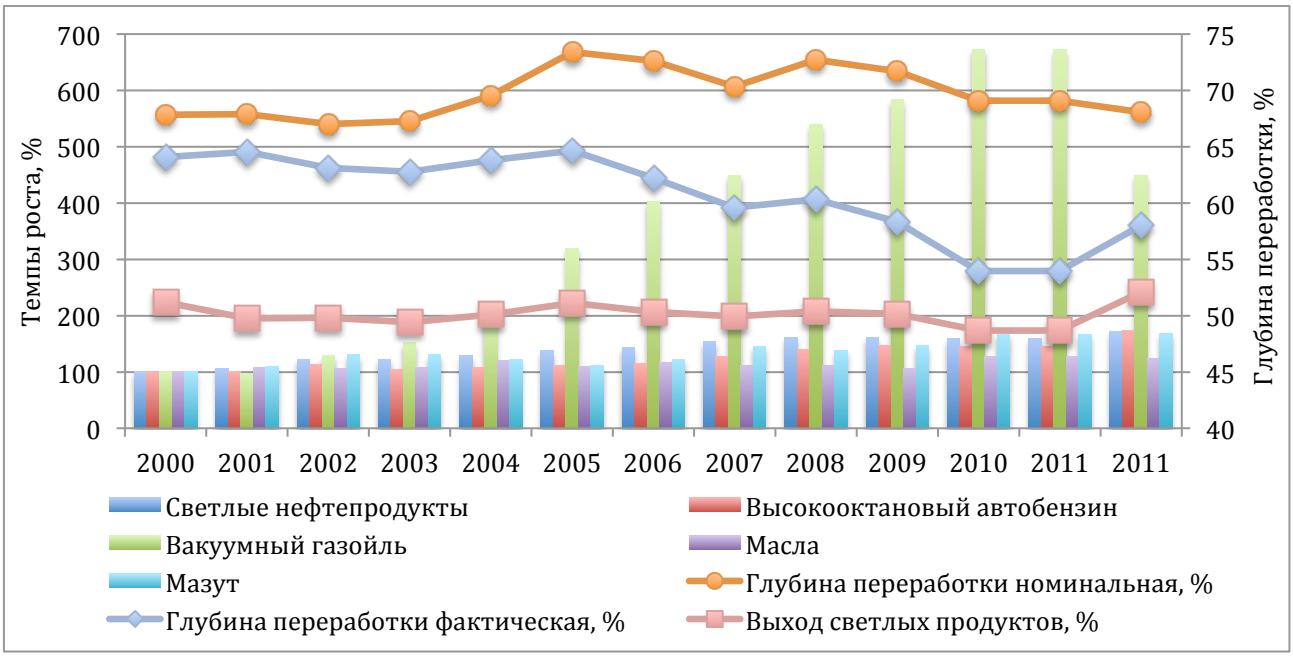
Следует особо отметить, что на протяжении последнего десятка лет российскими компаниями активно осваивалось производство экспортного вакуумного газойля, который является продуктом первичной переработки нефти (вырабатывается путем вакуумной перегонки мазута и используется в качестве сырья для процессов крекинга). Формально это увеличивает глубину переработки нефти, так как объем производства мазута снижается, а по сути дела ничего не меняется, поскольку вакуумный газойль — это все тот же мазут, только «вид сбоку»[13]. Отсюда возникает парадокс: номинальная глубина переработки понемногу возрастает, а заметного увеличения выпуска моторных топлив и масел по отношению к объемам переработки сырья не происходит.

Это хорошо видно на примере компании «ЛУКОЙЛ», которая считается лидером (!) российской нефтепереработки. В период с 2000 по 2010 г. производство вакуумного газойля на российских нефтеперерабатывающих заводах компании увеличилась в 6,7 раза при росте объемов переработки сырой нефти и выпуска дизельного топлива в 1,7 раза, автобензина — в 1,5 раза, масел — на 27% (рис. UPD-5). При этом объемы экспорта вакуумного газойля «ЛУКОЙЛом» достигли в 2010 г. 6,5 млн т (для сравнения: общий объем российского экспорта автобензина составил менее 3 млн т, в том числе, в страны дальнего зарубежья — 1,9 млн т). Фактическая глубина переработки, учитывающая, что вакуумный газойль является почти что мазутом, снизилась с 64,1 до 54,0%.

[13] В таможенной статистике ФТС РФ вакуумный газойль учитывается в товарной группе тяжелых дистиллятов вместе с мазутом, включающей диапазон позиций по ТН ВЭД 2710193100—271019510.

Рисунок • UPD-5

Показатели темпов роста переработки нефти, выпуска нефтепродуктов (2000 г. =100) и глубины переработки нефти по российским заводам компании «ЛУКОЙЛ», %

НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

Зато показатели 2011 г. обнаруживают один из парадоксов измерения результатов работы нефтепереработки в России. На Нижегородском НПЗ «ЛУКОЙЛа» был выведен на проектную мощность комплекс каталитического крекинга вакуумного газойля, строительство которого завершилось еще в 2010 г. Это привело к увеличению выработки автомобильного бензина на 1,1 млн т[14] и, естественно, к повышению выхода светлых нефтепродуктов и фактической глубины переработки нефти. Но поскольку общий выпуск продукции несколько сократился (в нефтепереработке нет абсолютно безотходных производств), номинальная глубина переработки нефти снизилась (!?). Этот статистический показатель исчисляется как объем всей произведенной продукции за вычетом мазута, отнесенный к объему переработки нефти (включая потери). Вот и получается, что компания реально улучшила свою деятельность в сфере нефтепереработки, а статистическое наблюдение по принятым в России стандартам искажает ситуацию с точностью до наоборот.

«Газпром» сдает позиции

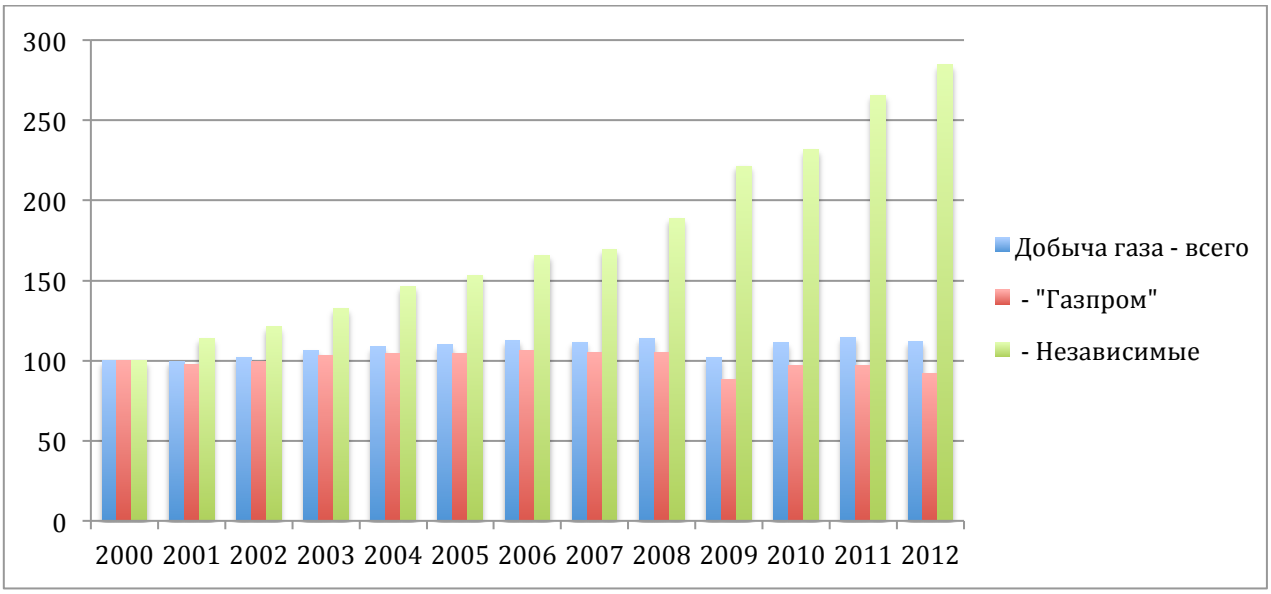
Что касается газодобычи, то характерной чертой в ее динамике стала нестабильность. После нескольких относительно благополучных лет 2007 г. ознаменовался сокращением объемов производства (на 0,8%) и экспорта (на 5,8%) продукции, а затем нокаутирующий удар по российской газодобыче (рис. UPD-1) нанес финансово-экономический кризис, сопровождавшийся резким сокращением спроса на газ в странах-импортерах. Как это ни парадоксально, но главным «возмутителем спокойствия» в отрасли является «Газпром» — крупнейший производитель и монопольный экспортер газа из России. Госкомпания, владеющая 17% мировых и более чем 60% российских доказанных запасов газа,

[14] НК «ЛУКОЙЛ» — Отчет о деятельности, 2011 •·URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_218_.html [2013-06-02].

на протяжении последнего десятилетия фактически топчется на месте, а весь нетто-прирост добычи за период 2001—2012 гг. приходится на независимых производителей (газодобывающие и нефтяные компании). Следует особо отметить, что независимые компании постоянно наращивают добычу газа (рис. UPD-6), несмотря на целый ряд неблагоприятных обстоятельств, а именно: агрессивную политику «Газпрома» по возвращению ранее утраченных активов[15]; регулярно возникающие проблемы с доступом к газотранспортной системе, принадлежащей все тому же «Газпрому»; отсутствием возможностей для экспорта газа.

Рисунок • UPD-6

Показатели темпов роста добычи природного газа в России (2000 г. = 100), %

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Минэнерго РФ •·URL: http://minenergo.gov.ru/activity/statistic/; корпоративной отчетности ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/2012/ (2013-06-02).

Конечно, сокращение экспорта в отдельные годы можно назвать временным явлением, вызванным уменьшением спроса на газ, к примеру, из-за необычайно теплой зимы в европейских странах (или по причине экономического кризиса). Однако при этом нельзя не отметить, что дефицит газа на внутреннем рынке в предкризисное время стал вполне свершившимся фактом, который уже не оспаривался, пожалуй, никем кроме самого «Газпрома». Причем в аргументации «Газпрома», по сути дела, все сводилось к терминологической казуистике — что считать «дефицитом»: неудовлетворенные «пожелания» потенциальных потребителей или недопоставки газа в рамках утвержденных балансов. Но все же факт остается фактом. В периоды пиковых зимних нагрузок потребности энергетики в газе удовлетворялись от силы на 80—85%. Статистика торгов на электронной торговой площадке (ЭТП) «Межрегионгаза», служившей в годы своего существования своего рода индикатором рынка, свидетельствует, что в феврале 2008 г. средневзвешенная цена продаж (с учетом расходов на транспортировку) достигала 3360 руб./тыс. $м^3$, что было в 2,1 раза выше уровня регулируемой цены на газ. На протяжении четырех торговых сессий в самое «пиковое» время «Газпром» не выставил на торги вообще ни одного кубометра газа. Для сравнения можно указать, что в зимний период 2007 г.

[15] Речь идет о месторождениях, от которых «Газпром» был вынужден отказаться в 1990-х годах из-за отсутствия средств на освоение и которые были введены в разработку независимыми компаниями («Нортагзом», «Итерой» и др.).

максимальный коэффициент превышения цен ЭТП по отношению к регулируемой цене находился на отметке 1,4.

В июне докризисного 2007 г. Экспертный клуб Минпромэнерго РФ провел онлайн-обсуждение на тему «Развитие химической и нефтехимической промышленности России до 2015 года» (в рамках подготовки проекта Стратегии развития отрасли), в ходе которого экспертами было высказано мнение, что развитие ряда отраслей химической промышленности сдерживается из-за ограниченности ресурсов газа, используемого в качестве сырья. Из-за дефицита сырья простаивали или даже были закрыты мощности по некоторым продуктовым направлениям. В целом по России уровень газификации природным газом населенных пунктов составляет 63%, что нельзя признать удовлетворительным. При этом многие регионы страны — особенно в Сибири и на Дальнем Востоке — вообще не имеют возможности потреблять природный газ. Если же соотнести динамику добычи и потребления газа в стране в начале 2000-х годов, можно увидеть, что, благодаря сравнительно быстрому росту добычи в 2003—2004 и 2006 гг., отрасль досрочно вышла на показатели производства, предусмотренные «старой» Энергетической стратегией (ЭС—2020)[16] на 2010 г., а по объемам потребления Россия приблизилась к прогнозным цифрам 2020 г. Отмеченное обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует об усилении напряженности газового баланса страны, и вряд ли можно обольщаться тем фактом, что в период экономического кризиса произошло снижение спросовой нагрузки на газодобывающую отрасль.

Рыночные перипетии холодной зимы 2011—2012 гг. в Европе снова обнажили проблемы с поставками российского газа. Собственно говоря, ситуация во многом оказалась похожей на ту, с которой мы привыкли сталкиваться на внутреннем рынке: вроде бы, «Газпром» и выполнил свои контрактные обязательства, но часть неожиданно возросшего спроса осталась неудовлетворенной. Т.е. речь идет о системных проблемах в развитии отечественной газовой отрасли, не способной гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, как внутри страны, так и за ее пределами.

Прошедший год вообще не порадовал динамикой добычи газа. За первые 7 месяцев добыча сократилась по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. на 3,2%, и даже стало казаться, что падение приобрело прогрессирующий характер. Не приходится удивляться, что главным виновником начавшегося спада является «Газпром», сокративший добычу почти на 7%, тогда как независимые производители в сумме увеличили ее на 9,2%, в значительной степени компенсируя недодачу со стороны «Газпрома». В частности, у «НОВАТЭКа» — крупнейшего из независимых производителей — рост добычи газа за первое полугодие составил 12,3%.[17] По предварительным итогам года выявился общий спад в добыче газа на 2,3%, в том числе у «Газпрома» — на 5,2% (рис. UPD-7).[18]

Какова истинная причина спада пока не ясно, но любопытны вероятные версии. Минэкономики РФ связывает падение добычи со снижением потребления газа на внутреннем (на 2%) и внешнем (почти на 10%) рынках, начавшимся в апреле текущего года. Что касается внешнего рынка, то виновата конкуренция со стороны других поставщиков и общая тенденция к сокращению потребления газа в Еврозоне, а также стремление Украины пересмотреть условия контракта на поставки российского газа в части

---

[16] Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р. — М: Институт энергетической стратегии, 2003 • URL: http://www.energystrategy.ru/projects/es-2020.htm [2013-06-02].

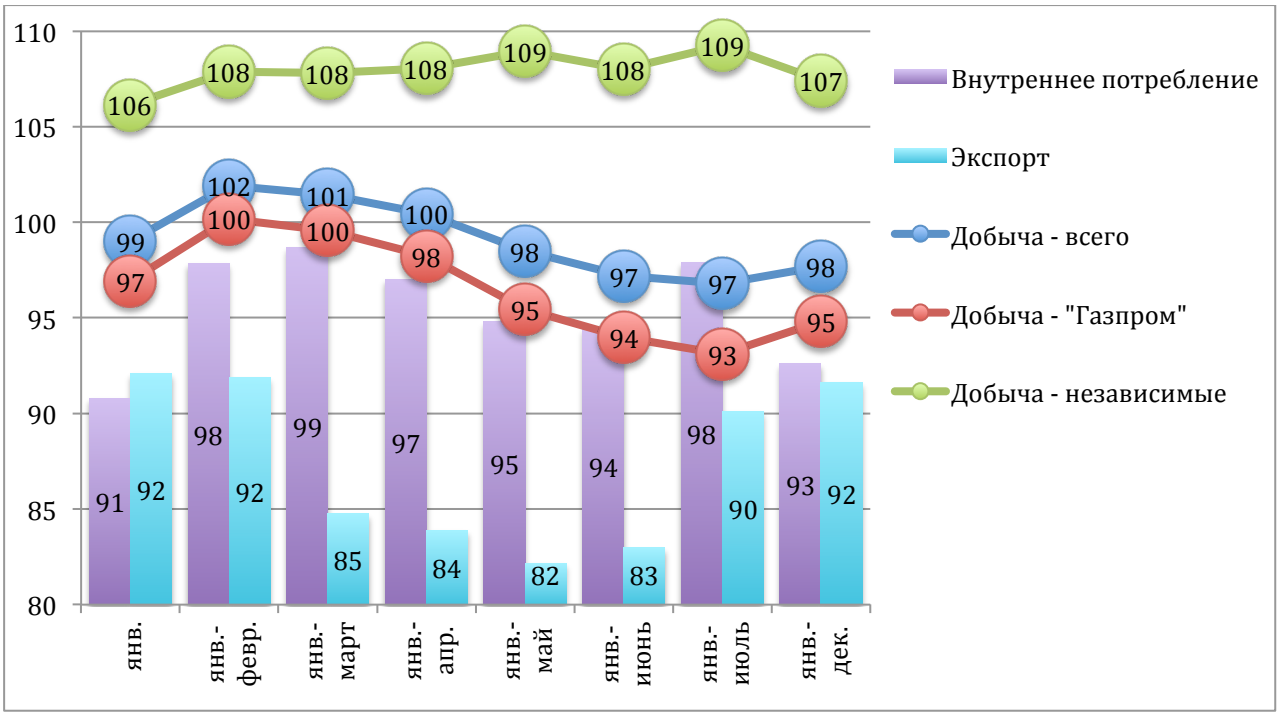
[17] По данным ОАО «НОВАТЭК» • URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=589 [2013-06-02].

[18] По данным Минэнерго РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/activity/statistic/.

объемов и формулы цены. Сжатие спроса на внутреннем рынке объясняется теплыми погодными условиями на большей части территории России в первом полугодии.[19] Интересно, почему проявления проблем в российской газовой отрасли то и дело пытаются списать на погоду?

Рисунок • UPD-7

Динамика добычи, внутреннего потребления и экспорта российского газа в 2012 г., % к соотв. периоду предыдущего года

По данным Минэнерго РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/activity/statistic/; Агентства «ЭнергоНьюс» со ссылкой на ЦДУ ТЭК • URL: http://energo-news.ru/archives/99247 [2013-06-02].

В одной из заметок в новостных лентах интернета нынешний спад добычи объясняется иными причинами. Со ссылкой на «Газпром» говорится, что *«… в 2012 году из-за роста налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в стране ожидается некоторое снижение добычи газа. В конце мая "Газпром" оценивал падение добычи в один процент по отношению к плану, который составляет 528 миллиардов кубометров»*.[20] Возможно, где-то здесь и кроется истина. Однако повышение НДПИ вряд ли может столь быстро сказаться на добыче, если к этому заранее не подготовиться и не начать превентивным образом сокращать объемы работ. Подобное уже наблюдалось в истории российского НГС при отмене платежей на воспроизводство минерально-сырьевой базы, когда объемы геологоразведочных работ резко сократились в 2002 г. еще за несколько месяцев до вступления в силу измененного налогового режима.

Ситуация 2012 г. продолжает общую тенденцию нестабильности в динамике добычи газа. Указанная нестабильность связана с тем, что газовая промышленность России в своем развитии находится под сильным влиянием множества внешних факторов, а «Газпром»,

[19] Министерство экономического развития РФ — Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в первом полугодии 2012 года. Мониторинг социально-экономического развития РФ • URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/doc20120725_06 [2013-06-02].

[20] В России упала добыча газа // Lenta.ru. Издание Rambler Media Group. — 2 июля 2012 • URL: http://lenta.ru/news/2012/07/02/produce/ [2013-06-02].

являющийся главным фигурантом отрасли, оказался буквально в клубке противоречий — причем не только экономических, но и политических.

«Держись, геолог! Крепись, геолог…»

В начале 2000-х годов далеко не лучшим образом обстояли дела по части геологоразведочных работ и подготовки запасов нефти и газа, как в целом по стране, так и в приоритетных по (планам государства) новых регионах Восточной Сибири и Якутии. Например, прогноз МПР по объемам глубокого поисково-разведочного бурения в России на 2006 г. был выполнен всего на 70% (1220 тыс. м фактически против 1690 по прогнозу). В 2005—2006 гг. на 2/3 недовыполнен министерский план-прогноз по финансированию геологоразведочных работ в Восточной Сибири, причем основной «вклад» в данное недовыполнение внесли компании-недропользователи, сумевшие профинансировать работы лишь на 27%. В указанные годы план по приросту запасов нефти выполнялся едва ли наполовину.[21]

В 2007 г. ситуация в нефтяной геологоразведке в целом несколько улучшилась. Но при этом из 5-ти крупнейших российских компаний только две («Роснефть» и «Газпром нефть») увеличили объемы глубокого поисково-разведочного бурения. Что же касается прироста доказанных запасов нефти, то самым удачным с этой точки зрения периодом как был так и остается отрезок времени с 1997 по 2003 г., когда суммарный прирост доказанных запасов превысил объемы добычи нефти в 2,3 раза. Но и 2007 г. оказался далеко не самым плохим — уровень замещения извлеченных запасов составил 146%. Средний для периода 2007—2011 гг. показатель замещения запасов равен 137%.

Сколько-нибудь заметного чистого прироста доказанных запасов газа в России не наблюдалось в течение пяти лет (с 2004 по 2008 г.), а в целом за период с 1997 по 2008 г. общая величина запасов сократилась на 0,5 трлн м^3. В 2009 г. прирост составил 1,1 трлн м^3, а в 2011 г. — еще 0,2 трлн м^3. В этом отношении ситуация в газовой отрасли выглядит даже хуже, чем в нефтяной промышленности. Темпы чистого прироста (т.е. за вычетом текущей добычи) доказанных запасов нефти в России в 2000-е годы были примерно на уровне общемировых и составили 29%. С запасами газа ситуация складывается совершенно противоположным образом: мировые доказанные запасы газа увеличились более чем на 52 трлн м^3, или на 35%, а в нашей стране — всего на 6%. При этом российская доля в мировых запасах сократилась с 27,4 до 21,4%.[22]

Но, пожалуй, наиболее симптоматичным для периода 2008—2011 гг. является невыполнение государственных долгосрочных планов в сфере геологоразведки, что лишний раз подчеркивает ее уязвимость в сравнении с отраслями НГС, производящими «реальный товар» и приносящими относительно быстрый доход. В 2010 г. объемы глубокого поисково-разведочного бурения на нефть и газ были ниже уровня докризисного 2007 г. более чем на 20% (1169 тыс. м против 1480). По данным Федерального агентства по недропользованию, в 2011 г. произошло дальнейшее сокращение объемов работ — до 1072 тыс. м; Росстат же зафиксировал увеличение до 1235 тыс. м,[23] но и в том и в другом случае наблюдается один из самых низких показателей за всю современную историю российского НГС.

---

[21] По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/.

[22] По данным BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

[23] ФА «Роснедра» / ЕМИСС; Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Причиной столь нежелательного спада в объемах геологоразведки является недофинансирование, как со стороны недропользователей, так и государства. Геологическое изучение недр и воспроизводство минерально-сырьевой базы за счет средств федерального бюджета выполнялись в соответствии с показателями, заложенными в «Долгосрочной государственной программе изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России на основе баланса потребления и воспроизводства минерального сырья» (ДГП).[24] Начиная с 2008 г., планы бюджетного финансирования не выполняются — чем дальше, тем в большей степени: в 2011 г. выполнение заданий ДГП по стоимостным показателям составило всего 43%; затраты федерального бюджета на углеводородное сырье — 8,7 млрд руб., что в сопоставимых ценах на 16% ниже уровня финансирования предыдущего года[25] (табл. ГРР-1).

Таблица • ГРР-1

Финансирование, объемы и основные результаты выполнения геологоразведочных работ на нефть и газ в рамках Долгосрочной государственной программы

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Финансирование геологоразведочных работ на нефть и газ, млрд руб.								
Всего	40,8	67,1	96,4	133,2	176,7	139,7	155,3	170,3
- средства недропользователей	36,1	61,4	89	122,1	165,4	129,8	146,3	161,5
- региональные бюджеты	2,4	1,2	0,6	1,8	1,2	1,0	0,24	0,05
- федеральный бюджет	2,3	4,5	6,8	9,3	10,1	8,9	8,8	8,7
Уровень выполнения заданий по финансированию мероприятий ДГП, %								
- недропользователями	—	96	96	75	94	73	83	…
- федеральным бюджетом	—	101	100	110	95	84	83	43
Объемы работ, выполненных за счет федерального бюджета								
Сейсморазведка 2D, тыс. пог. км	25,6	51,2	43,5	54,5	44,8	29,6	27,2	31,3
Параметрическое бурение, тыс. м	7,1	8,7	18,9	16,2	17,1	10,1	8,0	4,6
Результаты работ, выполненных за счет федерального бюджета								
Локализованные ресурсы категории D_1, млрд т	2,8	4,2	6,4	6,7	7,1	7,2	6,5	4,0

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02];

Доклад Руководителя Федерального агентства по недропользованию А.А. Ледовских на заседании Коллегии «Роснедр» на тему: «Основные результаты работ Федерального агентства по недропользованию в 2011 году и приоритетные задачи на 2012 год» — ФА «Роснедра» • URL: http://www.rosnedra.com/article/5734.html [2013-06-02];

Варламов А.И. и др. Итоги геолого-разведочных работ на нефть и газ, выполненных на территории России и ее континентальном шельфе в 2011 г. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2012. — № 3 • URL: http://www.geoinform.ru/?an=mrr1203 [2013-06-02].

[24] Утверждена приказом Минприроды России от 16 июля 2008 г. № 151 • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=20397 [2013-06-02].

[25] Доклад Руководителя ФА «Роснедра» • URL: http://www.rosnedra.com/article/5734.html [2013-06-02].

Как следствие, имеет место тенденция нарастающего ухудшения итоговых результатов работ в виде локализованных ресурсов нефти газа. В свою очередь, это сужает базу для последующего геологического изучения и проведения поисковых работ с целью открытия новых месторождений и далее по цепочке — усиливает степень неопределенности наших представлений о возможной динамике будущей добычи углеводородов. И нельзя обольщаться тем, что сегодня текущие отборы балансовых запасов компенсируются за счет прироста из геологоразведки и переоценки. Ведь в России запасы измеряются главным образом на основе геологических параметров без должного учета экономических критериев. Поэтому вовсе не факт, что все новые разведанные запасы могут быть реально вовлечены в промышленную разработку.

Застойный midstream или «узкое горлышко» инфраструктуры

Серьезное сдерживающее воздействие на развитие НГС оказывает недостаток мощностей специализированной инфраструктуры. Если с магистральными нефте- и газопроводами у нас все обстоит более или менее благополучно, то дефицит комплексирующих объектов вполне очевиден.

Самый яркий тому пример — недостаток мощностей подземных хранилищ газа (ПХГ), не позволяющий выстроить рациональную динамику добычи и гибко реагировать на сезонно изменяющийся спрос. Скажем, «Газпром» при равномерной помесячной загрузке добычных мощностей может (теоретически) сейчас добывать до 700 млрд м^3 газа в год. Но какой от этого толк, если компания не может покрывать пиковые потребности на уровне 70 млрд м^3 в месяц в зимний период?

Фактор сезонной неравномерности спроса на топливный газ оказывает в высшей степени серьезное воздействие на все стороны функционирования газовой промышленности в России. Это связано прежде всего с острым дефицитом емкости подземных хранилищ газа, которые используются для реагирования на колебания спроса. Свою роль играет и дефицит мощностей газотранспортной системы (ГТС), который наиболее отчетливо проявляется в периоды сезонного повышения спроса на газ. Можно, к примеру, вспомнить, что происходило в январе-феврале 2006 г., когда прекращалась подача газа в целый ряд регионов страны (например, электростанции Новосибирской области в течение достаточно длительного времени были вынуждены работать на резервном топливе).

О дефиците мощностей важнейших элементов системы газоснабжения в России можно судить на основе сравнения с показателями аналогичной системы в США (табл. MID-1). Цифры, приведенные в таблице настолько красноречивы, что даже не нуждаются в каких-то специальных комментариях.

Таблица • MID-1

Основные показатели работы системы газоснабжения в России и в США

Показатель	2005 г.		2010 г.	
	Россия	США	Россия	США
Поступление газа в ГТС из добычи, млрд м^3	560	650*	570	700*
Емкость ПХГ, млрд м^3	63	231	65	345
То же в % к объемам перекачки газа	11,2	35,4	11,4	49,3
Закачка газа в ПХГ, млрд м^3	46	84	48	92
Отбор газа из ПХГ, млрд м^3	43	85	41	92
Запасы газа в ПХГ к зимнему сезону, млрд м^3	63	191	65	228
То же в % к объемам перекачки газа	11,2	29,3	11,4	32,6
Количество ПХГ	25	394	25	411

Примечание: * – собственное производство плюс импорт.

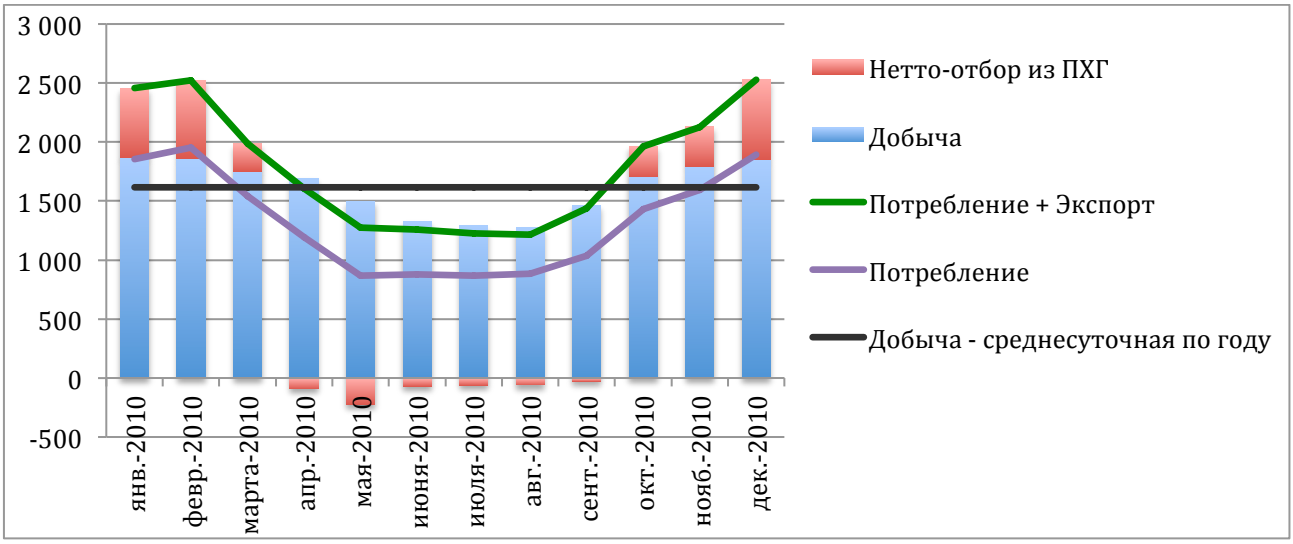
Источники: ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/2012/ [2013-06-02]; Управление энергетической информации Министерства энергетики США / U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov/.

Поэтому отметим лишь основные негативные последствия нехватки мощностей ПХГ:

1) ярко выраженный синусоидальный график добычи газа (рис. MID-1), который принципиально отличается от графика добычи в условиях достаточной мощности ПХГ, как например в США (рис. MID-2);
2) риск возникновения дефицита газа в периоды сезонного увеличения спроса, что усугубляется недостатком мощностей ГТС.

Рисунок • MID-1

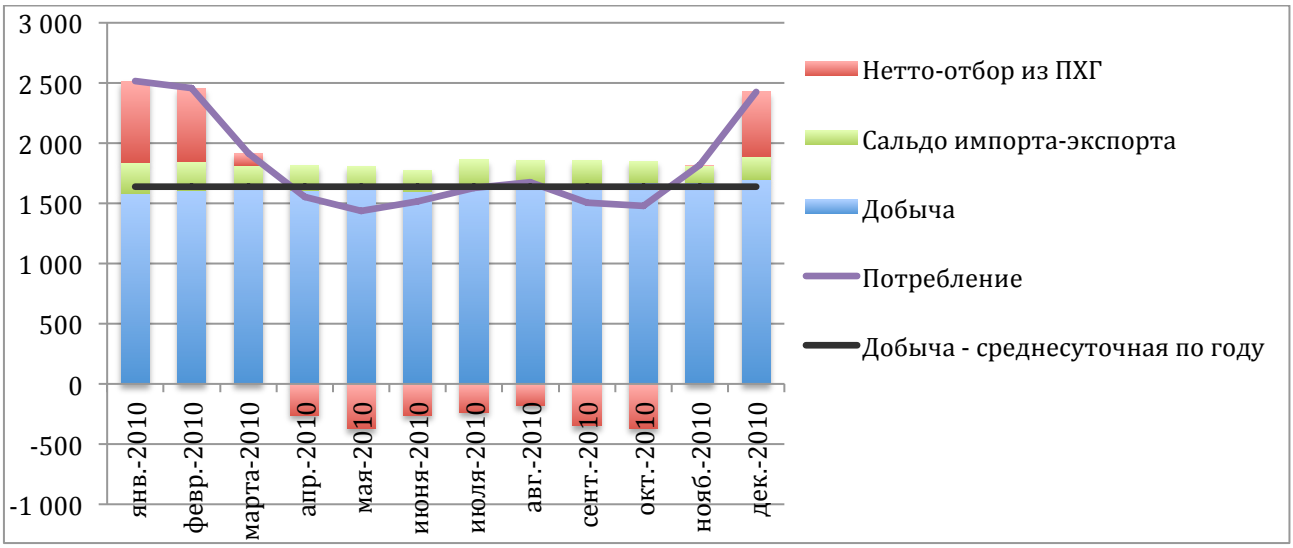
Иллюстрация действия фактора сезонной неравномерности в газовой отрасли России (в среднесуточном исчислении по месяцам 2010 г.), млн м^3

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; отчетности ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/2012/ [2013-06-02].

Рисунок • MID-2

Иллюстрация действия фактора сезонной неравномерности в газовом секторе США (в среднесуточном исчислении по месяцам 2010 г.), млн м^3

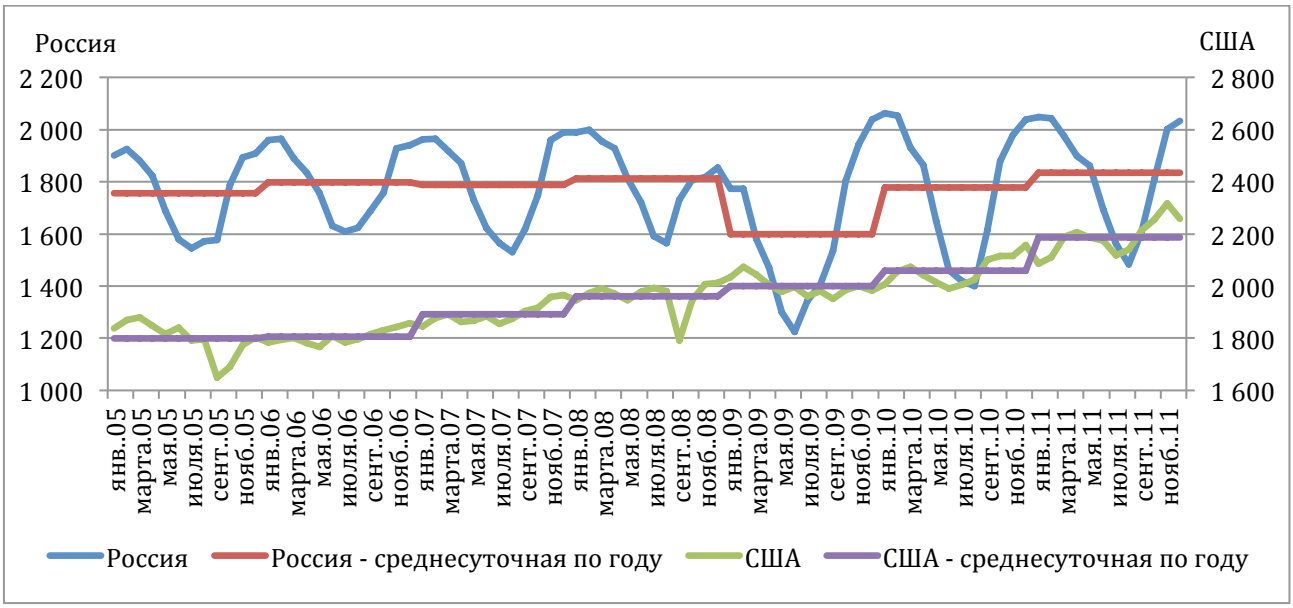

По данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США / U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov/.

Значительные сезонные колебания в объемах добычи, слепо следующие за сезонным изменением спроса, характерны для всех производителей газа в России — и для «Газпрома», и для независимых газодобывающих компаний, и для нефтяных компаний, т.е. производителей нефтяного попутного газа. А в целом, на протяжении многих лет, складывается характерная синусоидальная траектория добычи, которая принципиально отличается от американского графика (рис. MID-3).

Рисунок • MID-3

Русская «газовая синусоида» и американская «газовая горка»: динамика среднесуточной добычи газа в России и в США по месяцам за период 2005—2010 гг., млн м^3

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do;
Управления энергетической информации Министерства энергетики США / U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov/.

Для нефтяной отрасли характерен вполне очевидный дефицит мощностей нефтепродуктопроводной системы. Суммарная протяженность магистральных нефтепродуктопроводов, находящихся в собственности «естественного» монополиста — АК «Транснефть», — составляет 19,2 тыс. км.[26] Средняя плотность сетки продуктопроводов в России[27] — около 2 км/тыс. кв. км, что в 8 раз меньше, чем в США, где общая протяженность продуктопроводов достигает порядка 100 тыс. миль.

Обращает на себя внимание и неравномерность покрытия территории страны нефтепродуктопроводами. Более или менее плотная сетка наличествует в европейской части России, тогда как за Уралом существует всего лишь одна «труба», протянувшаяся в широтном направлении от Уфы до Кемерово, на которую как бусинки «навешены» основные города Западной Сибири. Т.е. на большей части территории страны нефтепродукты перевозятся главным образом по железной дороге — на расстояния порою в несколько тысяч километров.

[26] На территории России, Беларуси и Украины (по данным Минэнерго РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/.

[27] В расчете на площадь обжитых территорий (без Северо-Востока страны) — 9,1 млн кв. км.

Как следствие, происходит, во-первых, удорожание транспортировки нефтепродуктов от НПЗ до потребителей (а бензин у нас и так недешев)[28], во-вторых разрывается единое рыночное пространство. Сегодня с очень большой натяжкой можно говорить о том, что в России сложился единый общенациональный рынок нефтепродуктов — он фрагментирован на множество более или менее взаимосвязанных макрорегиональных и региональных рынков. На каждом из них имеет место групповое либо единоличное доминирование крупных интегрированных компаний. В конечном счете можно утверждать, что неразвитость транспортной инфраструктуры играет на руку российским нефтяным «мажорам», поделившим рынок нефтепродуктов на своего рода феодальные княжества.

[28] К продуктопроводам подключены 17 из 35 крупных НПЗ (мощностью переработки не менее 1 млн т нефти в год), расположенных на территории Союзного государства России и Беларуси (по данным Минэнерго РФ) • URL: http://minenergo.gov.ru/.

Неугасимые факелы попутного газа

Проблема утилизации ресурсов нефтяного попутного газа (НПГ) заслуживает особого внимания, поскольку является едва ли на самой показательной среди всех проблем, имеющих место в развитии российского НГС.

Ярко полыхающие газовые факелы давно уже стали непременным атрибутом многих отечественных нефтепромыслов; «лисьи хвосты» хорошо видно с борта самолета, пролетающего над просторами Тюменской области. По скоплению огней, наблюдаемых из космоса, районы некоторых крупных нефтяных месторождений (например, Приобского) похожи на мегаполисы с многомиллионным населением.

Глубокие исторические корни

Порою кажется, что проблема сжигания попутного газа столь же стара, как и сама нефтедобыча в нашей стране. Особую остроту эта проблема приобрела полвека назад в 1960—1970-е годы — в период бурного роста нефтяной промышленности в Западной Сибири, когда «тылы», т.е. вся и всяческая инфраструктура вместе с газопроводами и газопереработкой, никак не поспевали за «кавалерийской атакой» на западносибирскую нефть. В те годы огромным потерям НПГ и сами нефтяники, и государство находили очень простое объяснение. Дешевле было добыть дополнительные объемы нефти, нежели тратить средства и время на утилизацию попутного газа — тем более, что отечественная нефтехимическая промышленность не испытывала недостатка в сырье.

Но к концу 1970-х годов положение изменилось. Темпы роста нефтедобычи значительно замедлились, а себестоимость извлекаемой из недр нефти удваивалась каждые 5 лет. Вопрос о необходимости резкого улучшения ситуации с использованием ресурсов попутного газа в Западной Сибири стал всерьез рассматриваться не только учеными, но и руководством страны. Министерству нефтяной промышленности совместно с Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности было дано задание «осуществить в 1986—1990 годах в целях резкого сокращения потерь попутного нефтяного газа строительство и ввод в действие газоперерабатывающих заводов и объектов по сбору и транспортировке попутного нефтяного газа и жидких углеводородов в Тюменской области…, усилить работу по сбору газа и конденсата на месторождениях Томской области и довести в 1990 году уровень утилизации ресурсов нефтяного газа в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе до 90 процентов».[29]

Как результат, в регионе были резко ускорены темпы строительства систем сбора и транспортировки газа и газоперерабатывающих заводов (ГПЗ), суммарная мощность которых по переработке и осушке газа в итоге превысила 26 млрд м^3/год. Для использования жидких продуктов, выделяемых из попутного газа на ГПЗ, были введены в эксплуатацию первая очередь Тобольского НХК и магистральный продуктопровод, по которому продукция поставлялась на нефтехимические предприятия Поволжья.

Тем не менее, в полном объеме решить проблему утилизации НПГ не удалось. Новые нефтяные месторождения вводились постоянно, и постоянно происходили задержки с их подключением к системам утилизации газа. Затем грянул год 1992-й, и начались рыночные

[29] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986 — 1990 годах» • URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12871.htm [2013-06-02].

реформы, сопровождавшиеся разделом и переделом собственности на активы НГС. Появились новые собственники, но более десятка лет им, в общем-то, было не до попутного газа, равно как и государству. Проблема утилизации НПГ в России актуализировалась лишь в 2000-е годы — и во многом вследствие беспокойства со стороны мирового сообщества.

Как известно, сжигание НПГ ведет не только к экономическим и финансовым потерям, но и наносит значительный ущерб окружающей среде. Экономические потери — это наше внутреннее дело, а вот крупные выбросы метана и продуктов его сгорания в атмосферу создают, по мнению экологов, угрозу глобального характера.[30] Впрочем, в последние 3—4 года внимание «заграницы» к нашему НПГ несколько притупилось. Отчасти — по причине глобального финансово-экономического кризиса, который оказался пострашнее, чем сжигание попутного газа в России; отчасти — по причине «усталости», ибо «битие в колокола», не дающее зримых результатов, и муссирование одной и той же темы, наверное, надоедает.

А напрасно. В 2010—2011 гг. в России, даже по данным официальной статистики, объемы сжигания НПГ вновь начали расти вследствие интенсивного освоения новых нефтяных месторождений в Восточной Сибири, где уровень утилизации газа составляет всего 24%, а сжигается на факелах 5,7 млрд м^3 (табл. НПГ-1).

Таблица • НПГ-1

Объемы добычи, использования и сжигания НПГ по регионам России, млрд м^3

	Добыча		Использование		Сжигание		Уровень использования, %	
	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011
Западная Сибирь	45,7	45,9	38,2	38,8	7,5	7,1	83,6	84,5
Восточная Сибирь	5,8	7,5	1,4	1,8	4,4	5,7	24,1	24,0
Другие регионы	13,8	14,4	10,1	10,9	3,7	3,5	73,2	75,7
Всего	65,3	67,8	49,7	51,5	15,6	16,3	76,1	76,0

Кутепова Е.А., Книжников А.Ю., Кочи К.В. Проблемы и перспективы использования попутного нефтяного газа в России: ежегодный обзор. Вып. 3. М.: WWF-России, КПМГ, 2011 • URL: http://www.wwf.ru/data/publ/545/as_gas_kpmg_rus.pdf [2013-06-02].

Коржубаев А.Г., Ламерт Д.А., Эдер Л.В. Проблемы и перспективы эффективного использования попутного нефтяного газа в России // Бурение и нефть. — 2012. — № 4 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2012-04/1 [2013-06-02].

В наше время в Восточной Сибири повторяется та же самая история и практически в тех же самых масштабах, что когда-то было в Западной Сибири — мы начинаем добывать нефть, не имея подготовленной инфраструктуры для добычи, транспорта и переработки НПГ. Основная доля добычи и сжигания газа приходится на крупнейшее из разрабатываемых Ванкорское месторождение (НК «Роснефть»), дающее 25% от всего сожженного НПГ в России. Возможности внутрипромыслового использования газа для выработки электроэнергии на Ванкоре крайне ограничены, а создание систем для полной закачки газа обратно в пласт и строительство газопровода для соединения с западносибирскими сетями еще только планируются.[31]

[30] Книжников А., Пусенкова Н. Проблемы и перспективы использования нефтяного попутного газа в России. Ежегодный обзор проблемы в рамках проекта «Экология и Энергетика — Международный контекст». М., 2009.

[31] Коржубаев А.Г., Ламерт Д.А., Эдер Л.В. Проблемы и перспективы эффективного использования попутного нефтяного газа в России // Бурение и нефть. — 2012. — № 4 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2012-04/1 [2013-06-02].

Современные объемы переработки НПГ в России составляют 32 млрд $м^3$, что позволяет, согласно данным Росстата, извлекать примерно третью часть химически ценных компонент — углеводородов $С_{2+выше}$ (этана, пропана, бутанов, пентанов и др.), — содержащихся в добываемом газе (табл. НПГ-2). А все остальное сжигается — если не на факелах, то в топках электростанций.

Таблица • НПГ-2

Извлечено полезных компонентов из нефтяного попутного, %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Серы	76,4	72,4	79,0	73,5	65,4	63,9	71,4	72,9	82,8	86,0	81,4	84,4
Этана	17,3	20,9	46,7	41,0	59,5	54,2	36,6	20,4	24,2	26,5	24,0	26,6
Пропана	26,4	24,6	26,3	22,1	30,7	29,5	32,3	30,2	30,5	31,9	34,8	35,3
Бутанов	35,0	34,2	43,5	36,0	32,8	38,6	36,1	34,1	34,4	34,0	36,1	37,1
Пентана и выше (стабильного конденсата)	34,9	32,2	33,0	16,5	28,5	36,0	33,2	30,6	32,1	30,5	33,6	33,6

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Непосредственные экономические, институциональные, технические и геологические причины неудовлетворительного положения дел с использованием НПГ в России, в общем-то, хорошо известны, поскольку этой проблеме посвящено уже множество различных исследований. Точно также хорошо известны и принципиальные пути решения проблемы, опирающиеся на опыт таких стран, как Норвегия, США или Канада. Поэтому главный вопрос заключается в другом: почему наша страна никак не может справиться с проблемой попутного газа? Почему на протяжении многих лет мы стоим в одном ряду с Нигерией, Ираном, Ираком, Анголой, Венесуэлой, хотя в целом по промышленному и технологическому развитию находимся на существенно более высокой ступени? Да и ведущие российские нефтегазовые компании входят в число далеко не самых бедных корпораций мира. Что же тогда мешает решению проблемы?

Обращают на себя внимание два обстоятельства.

Незнание масштабов проблемы не освобождает от ответственности

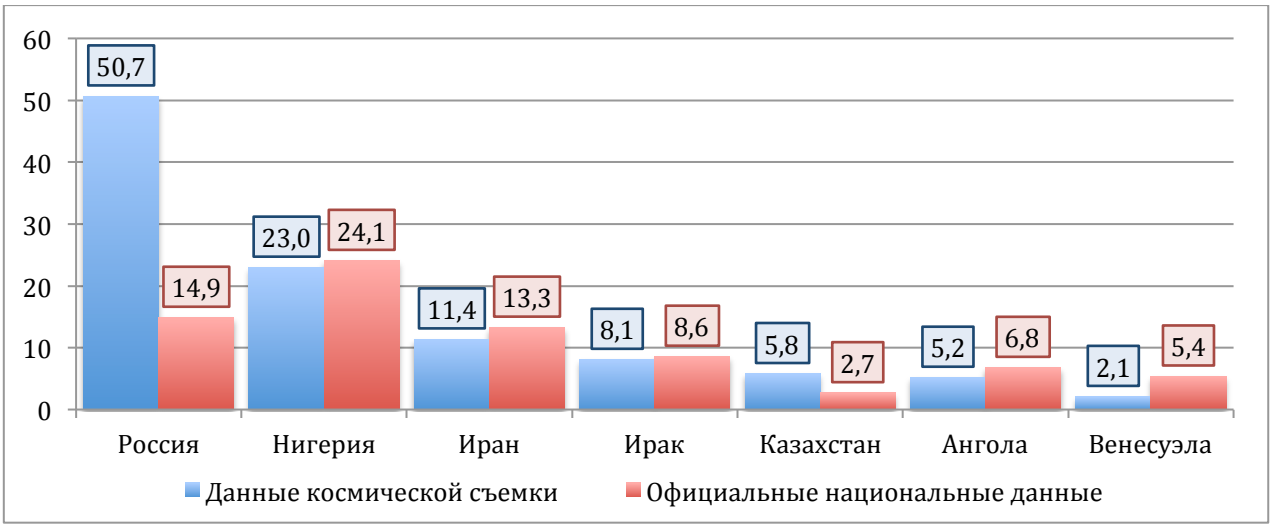
Первое состоит в том, что в нашей стране до сих пор не сложилось общепринятого представления о «физических» масштабах проблемы, т.е. о действительных объемах добычи и сжигания НПГ. И уже это одно, само по себе, затрудняет решение проблемы.

Начнем с того, что Россия — это чуть ли не единственная страна из числа мировых «анти-лидеров» по утилизации попутного газа, де-факто не признающая результаты внешнего мониторинга. Официальные российские данные об объемах сжигания попутного газа совершенно не стыкуются с данными, полученными путем космической съемки, которая проводится одним из подразделений Национального управления океанических и атмосферных исследований США.[32] В нашем случае имеет место стабильное кратное расхождение в показателях, а другой аналогичный пример — Казахстан. Практически по всем остальным странам данные национальной отчетности близки к значениям оценок, полученных в результате космической съемки (рис. НПГ-1).

[32] The National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA) / The National Geophysical Data Center (NGDC) • URL: http://www.ngdc.noaa.gov.

Рисунок • НПГ-1

Объемы сжигания НПГ по данным космического мониторинга и официальной национальной статистики (2004 г.), млрд м^3

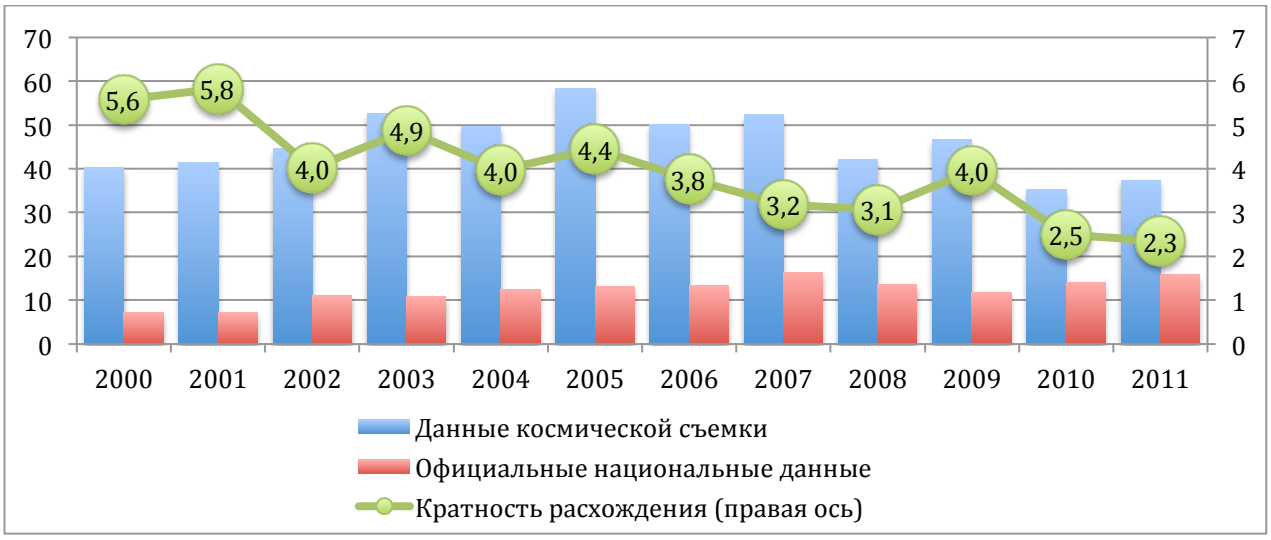

По данным Всемирного банка и NOAA • URL: http://go.worldbank.org/W33BPE31S0 [2013-06-02].

В 2000 г. кратность расхождения между показателями измерения составляла 5,6; в 2004 г. — примерно 4; а в 2010—2011 гг. снизилась до 2,3—2,5 (рис. НПГ-2). Но и двукратное расхождение оценок — это очень много. Отсюда можно сделать вывод, что либо данные внешнего мониторинга завышены, либо занижены официальные данные, а скорее всего, истина находится где-то посередине. По мнению экспертов Энергетического центра СКОЛКОВО, оценки Мирового банка (на основе данных космического мониторинга) завышены примерно в 2 раза, а реальный объем сжигания попутного газа в России превышает данные официальной статистики не более чем на 20—25%.[33]

Рисунок • НПГ-2

Объемы сжигания НПГ в России по данным космического мониторинга и официальным данным, млрд м^3

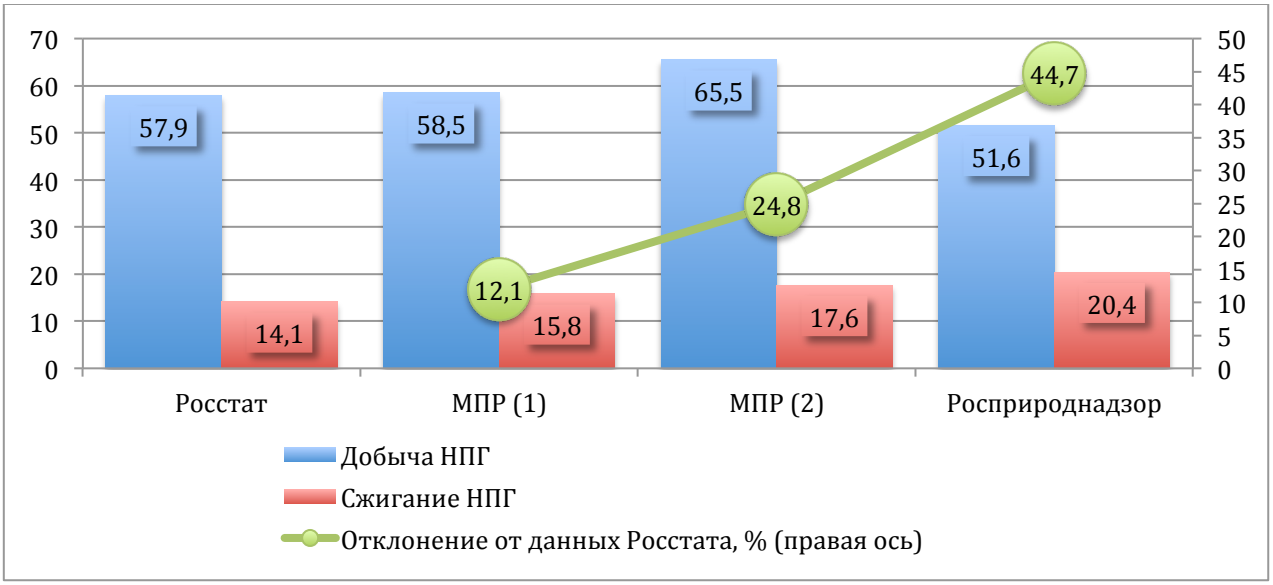
По данным Росстата, ЦДУ ТЭК, Росприроднадзора • URL: http://rpn.gov.ru/;
и NOAA • URL: http://www.ngdc.noaa.gov/ngdc.html.

[33] Утилизация попутного нефтяного газа: проблема 2012. Исследование Энергетического центра СКОЛКОВО • URL: http://energy.skolkovo.ru/products/regular_products/ [2013-06-02].

Можно, конечно, не доверять «загранице» в таком щепетильном вопросе, тем более, что источником информации является одно из подразделений американской администрации. Но как быть с расхождениями «внутренних» данных из различных вполне официальных российских источников — Росстата, МПР, Технадзора, Росприроднадзора и др.? С расхождениями, которые порою не только покрывают, но и перекрывают вышеназванный диапазон 20—25% (рис. НПГ-3)?

Рисунок • НПГ-3

Объемы добычи и сжигания НПГ в России в 2010 г. по данным из различных официальных источников, млрд м^3

Примечание: МПР (1) — в соответствии с Госдокладом «О состоянии и об охране окружающей среды…»;
МПР (2) — в соответствии с Госдокладом «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов…».

Например, если верить Росстату, то в 2010 г. было добыто 57,9 и сожжено на факелах 14,1 млрд м^3 нефтяного газа[34]. А в Государственном докладе МПР «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году»[35] называются цифры, соответственно: 65,5 и 17,6 млрд м^3 — по объему сжигания отличаются от статданных на 3,5 млрд м^3 или, как раз, на 25%. Но МПР нагнетает интригу и в другом своем официальном документе — Государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 году»[36] — приводит иные данные: 58,5 и 15,8 млрд м^3. И уж совсем отличными от росстатовских данными оперирует Росприроднадзор: добыча — 51,6 млрд м^3, сжигание — 20,4 млрд м^3 (отличаются уже на целых 45%).[37]

[34] Данные взяты из онлайновой базы данных Росстата в составе Единой межведомственной информационно-статистической системы / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

[35] МПР РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

[36] МПР РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1101 [2013-06-02].

[37] Данные были названы в докладе руководителя Росприроднадзора В.В. Кириллова на заседании Партнерства по сокращению сжигания НПГ (Париж, 30.01.2013) — «Об утилизации попутного нефтяного газа в Российской Федерации: текущая ситуация и перспективы» • URL: http://rpn.gov.ru/node/14 [2013-06-02].

На подобные расхождения в оценках в свое время указывала Счетная палата РФ в отчете о деятельности за 2010 г.: *«Следует отметить, что представленная министерствами и ведомствами информация не опирается на точные инструментальные замеры объемов добычи НПГ и его утилизации. Все данные носят* ***расчетный, приблизительный характер по причине отсутствия приборов учета практически на всех нефтепромыслах*** *(жирн. курсив — авт.)*. В связи с этим невозможно точно установить реальные объемы потерь НПГ при его добыче». Далее в отчете называются цифры, гласящие, что для учета объемов добываемого и сжигаемого НПГ необходимо оснастить счетчиками учета 1035 факельных систем (примерно 50% от их общего числа) и более 150 тыс. добычных скважин. [38]

По мнению одного из авторитетных технических специалистов, давать цифры по НПГ с точностью до 0,1 млрд $м^3$ бессмысленно, поскольку сегодня погрешность измерений количества попутного газа на нефтяных скважинах составляет около 5%. При нынешних объемах добычи это составляет ± 3,5 млрд $м^3$ и корректно было бы говорить о некоем оценочном интервале, а не о конкретных цифрах с точностью до десятых.[39]

Из всего сказанного выше можно сделать простой вывод, что сегодня в вопросах утилизации НПГ российские власти в полной мере не владеют ситуацией, имеют весьма приблизительное представление о масштабах проблемы и — тем более — о степени ее дифференциации в условиях различных регионов и месторождений.

У каждого своя правда

Второе обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание: в России слишком разноречивы суждения по поводу того, как нужно решать проблему утилизации НПГ. У каждой из заинтересованных (по крайней мере, участвующих в технологической цепочке утилизации газа) сторон есть своя правда — у нефтяников, газопереработчиков, газотранспортников, химиков, энергетиков.

Нефтяникам хотелось бы продавать газ подороже и не слишком обременяться лицензионными и техническими требованиями по утилизации. В особенности это касается точного измерения объемов добычи и использования газа в промысловых условиях, включая закачку в пласт и сжигание. Мировая практика показывает, что закачка попутного газа в нефтяные пласты является наиболее доступным и недорогим способом утилизации, но это техническое решение должно изначально закладываться в схемы разработки месторождений. Иными словами, если говорить о российских месторождениях, находящихся в стадии эксплуатации, то «поезд уже ушел» и нужно пересматривать не только схемы разработки, но и условия лицензионных соглашений на право пользования недрами.

Газопереработчики и химики, в противоположность нефтяникам, заинтересованы в получении дешевого сырья в достаточных объемах и, по возможности, с определенным компонентным составом (ведь от этого зависят объемы выработки продукции — сухого отбензиненного газа, сжиженных газов, газового бензина). При этом все заинтересованы в стабильных объемах производства — независимо от сезонных колебаний спроса на топливо — для достижения наиболее благоприятных экономических показателей. Если ограничить

---

[38] Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2010 году. Часть 2, Раздел 5 — Счетная палата РФ • URL: http://www.ach.gov.ru/ru/revision/reports-by-years/?id=635 [2013-06-02].

[39] Мнение Генриха Абрамова — управляющего директора ИПФ «Сибнефтеавтоматика» (одного из крупнейших российских производителей счетчиков газа для нефтедобычи) // Утилизация ПНГ: чиновникам неплохо бы проконсультироваться с технологами // Тюменская интернет-газета «Вслух.ru». — 10 мая 2011 • URL: http://www.vsluh.ru/news/oilgas/227216 [2013-06-02].

подачу осушенного нефтяного газа в газотранспортную систему в периоды сезонного снижения спроса, это приведет к сжиганию дополнительных объемов сырого газа на промыслах.

Однако «Газпром», от которого зависит возможность поставок переработанного газа в газотранспортную систему и который «свысока» наблюдает за полемикой других участников, занимает особую позицию. Газотранспортный монополист очень неохотно делится «трубой», поскольку, во-первых, на ряде критических участков в Западной Сибири имеет место недостаток пропускных способностей; а во-вторых, слишком узки возможности маневрирования поставками газа в условиях сезонного изменения спроса из-за нехватки мощностей ПХГ. Если предоставить производителям попутного газа право приоритетного доступа к «трубе», то и сам «Газпром» и другие специализированные газодобывающие компании вынуждены будут сильнее сокращать собственную добычу при снижении спроса.

Энергетические компании не прочь получать дешевый газ, и зачастую — в больших объемах, — для обеспечения топливом своих электростанций. Но они совсем не хотели бы видеть появления на рынке электроэнергии независимых игроков, коими могут стать нефтяники при создании генерирующих мощностей на попутном газе непосредственно на промыслах. В настоящее время технически и организационно процедуры доступа в сеть настолько усложнены, что выработка электроэнергии на нефтепромыслах обычно ограничивается собственными потребностями (т.е. без получения товарной продукции). А это, в свою очередь, ограничивает возможности утилизации попутного газа.

В таком пучке противоречивых интересов нетрудно запутаться, равно как и в различного рода предложениях по решению проблемы НПГ, основанных на вполне очевидном принципе «своя рубашка ближе к телу». Правительство же реагирует на ситуацию и принимает меры, находясь под сильным лоббистским давлением. В итоге же получается, что характер и содержание государственной политики по отношению к утилизации НПГ определяются тем, какая из названных выше заинтересованных группировок обладает большей «пробивной силой». И судя по принятым в последние годы правительственным решениям, перевес пока что оказывается не на стороне нефтяников.

«Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»

В 2009 г. в России было принято весьма жесткое правительственное постановление, нацеливающее нефтяников на решение проблемы утилизации НПГ путем резкого увеличения штрафов за сверхлимитное (свыше 5% от объемов добычи) сжигание газа уже начиная с 2012 г. [40] Таким образом, постановлением, имеющим административно-монетаристский характер, фактически задана планка обязательной утилизации НПГ на уровне 95%.

Два года спустя МПР в своем официальном докладе выступило с победной реляцией, гласящей, что практически все нефтяные компании разработали и выполняют программы по утилизации НПГ, предусматривающие достижение к 2012 г. уровня утилизации в 95%. Но при этом констатировалось, что в 2010 г. показатель использования попутного газа упал до 76,74% по сравнению с 78,47% годом ранее. Были также озвучены итоги проверок недропользователей на предмет соблюдения условий лицензионных соглашений по добыче

[40] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 7 «О мерах по стимулированию сокращения загрязнения атмосферного воздуха продуктами сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137666 [2013-06-02].

и утилизации НПГ: Росприроднадзором была проведена 41 проверка недропользователей по 50 лицензиям и установлено, что основными нарушениями условий лицензионных соглашений являются отклонения фактических показателей по добыче и использованию НПГ от проектных. В некоторых случаях проектной документацией уровень добычи и использования НПГ не был предусмотрен, и весь добытый газ на участках недр сжигался на факельных установках.[41]

Постановление № 7 изначально вызвало замечания в связи с прямолинейностью предусмотренных мер и шаблонным подходом, не учитывающим специфику утилизации НПГ на различных месторождениях. В ответ на предложения более гибко подойти к решению проблемы тогдашний министр природных ресурсов Юрий Трутнев заявил, что *«если мы сейчас начнем входить в положение разных компаний, то ни к чему кроме коррупции это не приведет, и это не наведет порядок, а лишь вызовет новый виток неправильных решений»*.[42] Но уже к апрелю 2011 г. МПР изменило свою позицию и подготовило проект нового постановления правительства, содержащий некоторые элементы гибкости в вопросах финансовых санкций за сжигание НПГ.[43]

Не приходится удивляться, что к 2012 г., как это часто бывает в России, никто — кроме «Сургутнефтегаза» и «Татнефти», у которых дела с утилизацией газа обстояли благополучно и на момент принятия постановления, — не успел подготовиться. И сегодня вполне вероятно, что решения по НПГ постигнет та же судьба, что и техрегламенты на топливо, т.е. сроки и формат введения новых требований будут изменены. Во всяком случае, речь идет о том, чтобы сдвинуть срок на 2014 г., а также дифференцировать или даже смягчить и сделать более гибкими условия взимания штрафов.[44] Эти предложения не лишены оснований по целому ряду причин, включая отсутствие надлежащих механизмов для реализации мер, которые предусмотрены действующим постановлением.

Сегодня многие представители российского газового сообщества, а также некоторые органы государственной власти, например Счетная палата РФ, придерживается мнения, что давно назрела необходимость принятия специального федерального закона о нефтяном попутном газе, который урегулирует все вопросы и создаст надежную правовую базу для полной утилизации НПГ.

Автор не склонен разделять подобного рода «правовой фетишизм», равно как и надежды на то, что принятие закона реально поможет решить проблему утилизации НПГ. В России нет законов о нефти и газе, об угле и металлических рудах, о фосфатах и проч., т.е. нет законов, регулирующих деятельность по добыче и использованию отдельных видов полезных ископаемых за исключением закона о драгоценных металлах и драгоценных камнях (во многом из-за необходимости урегулировать отношения, связанные

---

[41] Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1101 [2013-06-02].

[42] Цитируется по: Юдина В. Наезд на «попутку». Путин сказал, чиновник ответил // Neftegas.RU. — 2008. — № 2 • URL: http://magazine.neftegaz.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=62&Itemid=2 [2013-06-02].

[43] Проект постановления Правительства Российской Федерации «О мерах по стимулированию сокращения загрязнения атмосферного воздуха продуктами сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=118408 [2013-06-02].

[44] Утилизация попутного нефтяного газа: проблема 2012. Исследование Энергетического центра СКОЛКОВО • URL: http://energy.skolkovo.ru/products/regular_products/ [2013-06-02].

с государственной монополией).[45] Сама идея принимать закон для решения едва ли не каждой проблемы выглядит иррациональной, ведь проблем слишком много даже в отдельно взятом секторе экономике — нефтегазовом.

Есть закон, который регулирует отношения и процедуры недропользования и, в частности, обязует рационально использовать ресурсы и запасы полезных ископаемых. Есть законы, регулирующие порядок доступа к газотранспортным системам и на рынок электроэнергии. Если эти законы вместе с подзаконными актами недостаточно хорошо работают в отношении НПГ, то где гарантии, что специальный закон будет более действенным?

В марте 2010 г. Госдумой были приняты поправки к ФЗ «Об электроэнергетике», открывающий производителям электроэнергии на основе попутного газа приоритетный доступ на рынок. В июле 2012 г. в первом чтении принят законопроект об изменениях к ФЗ «Об энергоснабжении», дающий право нефтяникам и газопереработчикам на приоритетный доступ к ГТС для поставок сухого отбензиненного газа, который вырабатывается из НПГ. Вроде бы, это создает ключевые предпосылки для решения проблемы, но есть еще и масса технических аспектов, связанных с подключением к инфраструктурным сетям и такое понятие, как «свободная мощность». Право приоритетного доступа к «трубе» есть, а свободной мощности в ГТС нет… Право приоритетного выхода на рынок электроэнергии есть, а технические регламенты не позволяют подключать промысловые электростанции к сетям из-за несоответствия требованиям надежности и т.п. Как быть в таких случаях с законодательными нормами? Думается, что закон об НПГ тоже окажется бессилен.

Для решения проблемы утилизации попутного газа прежде всего требуется развитие специализированной инфраструктуры НГС и энергетики, т.е. расширение, а во многих случаях создание заново, соответствующих технических возможностей. В равной степени необходимо решить организационно-технические задачи по «поголовному» оснащению нефтепромыслов контрольно-измерительной аппаратурой, чтобы все-таки узнать, с какими объемами газа мы имеем дело. С учетом этого следует определить порядок и процедуры выбора способов и масштабов утилизации НПГ для конкретных месторождений, но по своей сути — это задача технического регулирования, — и для ее решения нужны соответствующие техрегламенты, а не рамочные законы.

Без указанных выше предпосылок все наши попытки решить проблему НПГ административными ли, законодательно-правовыми ли методами будут сродни приключениям царского стрелка из старой русской сказки.

При наличии технических возможностей и умении выбирать наиболее подходящие для решения проблемы НПГ требуется еще два условия. Во-первых, нужна непротиворечивая в целом институциональная среда, включающая нормы лицензирования прав на пользование недрами, инструменты инвестиционной, налоговой, ценовой, природоохранной политики и технического регулирования. Во-вторых, утилизация газа, как правило, должна быть выгодна всем участникам технологической цепочки. Причем речь идет не только о прямых коммерческих выгодах, рождаемых рынком, но и различных косвенных эффектах, которые образуются под влиянием так называемых экстерналий (включая выгоды, создаваемые государством).

[45] Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132238 [2013-06-02].

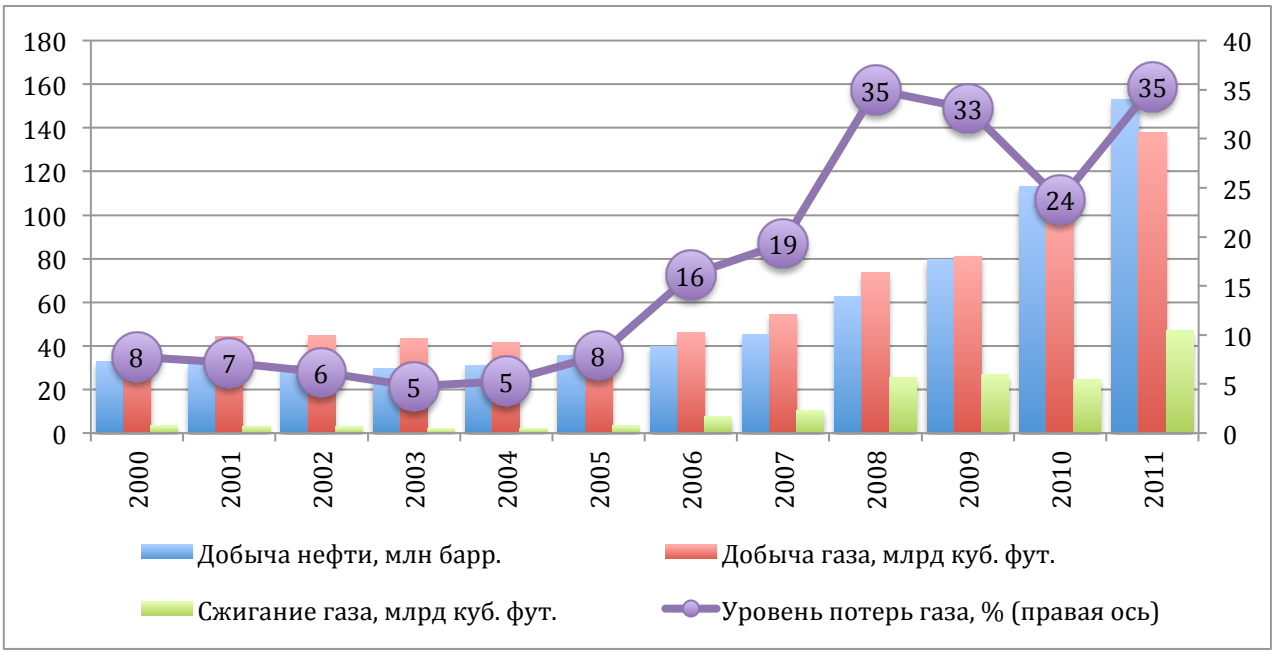
Слабое утешение

Если хотя бы одно из условий, приведенных выше, не выполняется, то вероятность сжигания НПГ оказывается слишком высока. Не только в России, в Казахстане или в Нигерии. Но даже и в США — в стране с самой что ни на есть рыночной экономикой и развитой системой институтов регулирования.

В период 2007—2011 гг. США неожиданно вклинились в группу стран-лидеров по сжиганию НПГ (в 2001 г. — 7,1 млрд м^3, рост за 4 года — в 3,2 раза), причем «благодаря» всего лишь одному своему штату — Северной Дакоте[46], — где происходит настоящий бум по освоению залежей сланцевой нефти. Ситуация почти что «классическая»: в районах расположения перспективных залежей нет необходимой газовой инфраструктуры, а ее создание требует больших вложений, которые заметно ухудшают финансовые показатели и без того не слишком дешевой добычи нефти из сланцев. Сама же нефтедобыча растет стремительными темпами — почти в 5 раз за период 2004—2011 гг. При этом добыча попутного газа выросла в 3,3 раза, а объемы сжигания и распыления — более чем в 20 раз. В 2011 г. уровень потерь НПГ, включая сжигание и неучтенные потери, в Северной Дакоте составил более 35% против 5% в 2003—2004 гг. (рис. НПГ-4).

Рисунок • НПГ-4

Объемы добычи нефти, добычи и сжигания НПГ в Северной Дакоте (США)

По данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США / U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov/.

Вполне очевидно, что причиной резкого роста объемов сжигания НПГ стал отнюдь не нефтяной бум сам по себе, а несбалансированность регуляторных механизмов в рамках современной природоохранной и энергетической политики США на федеральном уровне и уровне штатов.

[46] Estimated Flared Volumes from Satellite Data, 2007—2011 // World Bank — Global Gas Flaring Reduction Partnership • URL: http://go.worldbank.org/D03ET1BVD0 [2013-06-03].

Так, согласно действующим в Северной Дакоте регуляторным нормам, производители имеют право сжигать газ из каждой новой скважины без каких-либо штрафных санкций в течение одного года. Указанный период может быть продлен в случае технических и экономических затруднений с подключением скважин к газопроводным системам. По истечении льготного периода (одного года или продленного) вступают в действие штрафные санкции, которые делают утилизацию газа с поставками на рынок более предпочтительной для добытчиков, нежели сжигание.[47]

Одним из приоритетов федеральной энергетической политики является наращивание собственной добычи углеводородов, в том числе из нетрадиционных источников. Для этого усовершенствуется федеральная система выдачи разрешений на разведочное бурение с целью сократить срок рассмотрения ходатайства до 60 дней. Бюро по земельному управлению США осуществляет ввод в действие новой автоматизированной системы по отслеживанию и обработке ходатайств о бурении разведочных скважин, а пилотный проект уже запущен как раз в Северной Дакоте, где ведутся работы по освоению гигантского месторождения нефти в глинистых сланцах (Bakken shale formation / Bakken Oil Fields). За последние 5 лет число ходатайств о бурении на указанной площади выросло в 6 с лишним раз. На торгах, проводившихся в январе 2011 г., стоимость участков под бурение достигала 10,6 тыс. долл. за акр (2,6 млн долл./км^2). Благодаря нефтяному буму в бюджет штата Северная Дакота от нефтяников и газовиков ежегодно поступает более 1,3 млрд долл.[48]

На этом примере видно, как хитросплетение различных интересов (федерального правительства, штата, недропользователей) ведет к растущему сжиганию НПГ в условиях относительно слабых мер, направленных на стимулирование утилизации газа и предотвращение потерь. Действующий регуляторный режим был сформирован задолго до нынешнего сланцево-нефтяного бума, когда добыча нефти и газа в Северной Дакоте находилась в стадии медленного угасания. Он оказался не рассчитан на такие темпы роста добычи и ввода новых скважин: с 2007 по 2010 г. на площади Bakken извлечение сопутствующего нефтедобыче газа выросло в 20 раза, а количество продуктивных скважин увеличилось в 7 раз. При этом ни властям штата, ни федеральному правительству невыгодно сдерживать рост нефтедобычи, даже если он ведет к сжиганию НПГ.

Думается, пример событий, происходящих в далекой Северной Дакоте, должен послужить уроком и для нас с тем, чтобы не повторять чужие ошибки — нам и своих хватает.

---

[47] Over one-third of natural gas produced in North Dakota is flared or otherwise not marketed // Today in Energy. — Nov. 23, 2011. — U.S. Energy Information Administration / EIA • URL: http://www.eia.gov/.

[48] Информация Бюро по земельному управлению Министерства внутренних дел США — Bureau of Land Management (BLM) U.S. Department of the Interior: Secretary Salazar Visits North Dakotas Oil Boom; Unveils Initiatives to Accelerate Drilling Permits and Leases on Federal Lands // BLM News Release. — March 4, 2012 • URL: http://www.blm.gov/co/st/en/BLM_Information/newsroom/2012/secretary_salazar.html [2013-06-03].

Тайное становится явным…, но постепенно

Наряду с бросающимися в глаза потерями попутного газа, в нашей стране имеют место не столь очевидные, но по всей вероятности, не менее значительные скрытые потери углеводородов, связанные, во-первых, с недоизвлечением запасов из недр; а во-вторых, с неквалифицированным использованием добываемой продукции.

В настоящее время отмеченные проблемы еще не привлекают к себе всеобщего внимания — в основном о них говорят ученые и геологи. Впрочем, это не удивительно, поскольку вялая борьба со скрытыми потерями является нашим «внутренним» делом и, в отличие от сжигания НПГ, не затрагивает интересы мирового сообщества — во всяком случае, пока. Пока на Земле есть еще достаточно много нефти и газа…

Но постепенно ситуация меняется, и в последние годы не только российские ученые, но и государственные деятели стали проявлять озабоченность по поводу одной из проблем, а именно: неудовлетворительной нефтеотдачи российских месторождений.

Нефтеотдача в «бреющем полете» после «затяжного пике»

В 1980—2000 гг. в России произошло, если верить опубликованным данным, едва ли не катастрофическое снижение так называемого коэффициента извлечения нефти (КИН), характеризующего степень конечной нефтеотдачи месторождений. Наиболее популярной является оценка современной проектной величины КИН на уровне 0,3—0,35. Сказанное означает, что сегодня мы планируем, точнее говоря, способны извлекать из недр в среднем всего лишь не более трети геологических запасов нефти, а все остальное будет утрачено. При этом по сравнению с серединой 1970-х годов показатель конечной нефтеотдачи в России снизился в 1,3 раза (на 10 п.п.) — рис. КИН-1.

Данное обстоятельство выглядит тем более печальным, что в российской нефтегазовой геологии сейчас дела обстоят далеко не самым лучшим образом и состояние сырьевой базы нефтедобычи не вызывает особого оптимизма. Ведь, как справедливо полагает Григорий Выгон, *«повышение КИН фактически является другой стороной медали воспроизводства минерально-сырьевой базы»*. Важным направлением воспроизводства минерально-сырьевой базы и поддержания добычи нефти в долгосрочной перспективе — наряду с необходимостью подготовки новых запасов — является наиболее полное извлечение и использование уже открытых запасов.[49]

Снижение КИН отчасти объясняется объективными природно-геологическими причинами, связанными с истощением сырьевой базы и ухудшением ее качества. Последнее выражается в абсолютном и относительном увеличении трудноизвлекаемых запасов нефти, при разработке которых проектное значение КИН может составлять 0,1 и ниже. По некоторым оценкам, удельный вес трудноизвлекаемых запасов в структуре минерально-сырьевой базы сейчас составляет более 56% от всех открытых запасов нефти и примерно

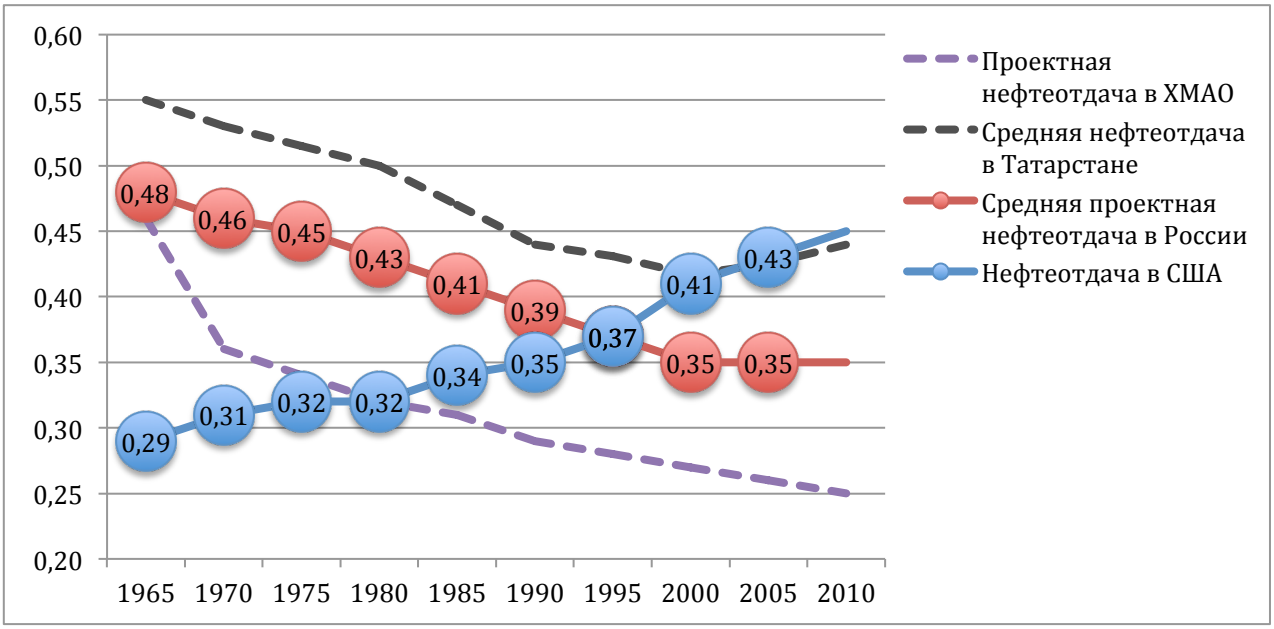
[49] Выгон Г. Экономическое стимулирование рационального недропользования // Нефтегазовая вертикаль. — 2011. — № 5.

такая же доля в структуре разрабатываемых запасов приходится на запасы низкопродуктивных скважин с дебитами менее 10 т/сут.[50]

Но тенденция к истощению и ухудшению сырьевой базы отнюдь не является российской «привилегией» — аналогичные процессы с большей или меньшей скоростью протекают во всех нефтедобывающих странах мира. И уж совершенно точно можно сказать, что в США современное состояние сырьевой базы нефтедобычи гораздо хуже, чем в России, однако на протяжении последних 30 лет в Штатах наблюдает рост среднего уровня КИН. И в этом нет никакого парадокса, все дело — в постоянном совершенствовании техники и технологий добычи нефти.

Рисунок • КИН-1

Динамика показателей нефтеотдачи в России и с США в 1965—2010 гг.

Концепция государственного управления рациональным использованием запасов нефти. — М.: ОАО «Зарубежнефть», 2005 • URL: http://www.cpnt.ru/index.php?new_div_id=57 [2013-06-03].

Муслимов Р.Х. КИН — его прошлое, настоящее и будущее на месторождениях России // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

Научно-технический прогресс является главным контраргументом промышленности против старения и ухудшения природного качества запасов нефти. Сейчас известны десятки методов увеличения нефтеотдачи (МУН), применение которых позволяет добывать нефть, которая когда-то ранее была неизвлекаемой. Современные МУН — тепловые, физико-химические, газовые и комбинированные, — основанные на различных физических и химических принципах воздействия на продуктивные пласты, получили название «третичных» в противовес «вторичным», или методам заводнения, т.е. технологиям вытеснения нефти путем закачки воды. В настоящее время в мире ежегодно реализуется 320—340 проектов применения МУН, а суммарная мировая добыча нефти за счет применения «третичных» методов оценивается в 150 млн т (3,8% общей добычи нефти). Наибольшее число проектов по повышению нефтеотдачи — около 200 — зафиксировано

[50] Максимов В.М. О современном состоянии нефтедобычи, коэффициенте извлечения нефти и методах увеличения нефтеотдачи // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

в США, где на долю «третичных» методов приходится около 12% национальной нефтедобычи. По нескольку десятков проектов ежегодно реализуется в Канаде и в Китае.[51]

А как обстоят дела в нашей стране? В СССР в 1980-х годах, когда резко замедлились темпы прироста добычи нефти, задача повышения нефтеотдачи была поставлена на государственном уровне. Добыча нефти за счет «третичных» методов к 1985 г. составила 5 млн т (около 1% общей годовой добычи нефти), а к 1990 г. достигла 12 млн т (более 2% суммарной добычи нефти). В 1991 г. методы повышения нефтеотдачи применялись более чем на 300 нефтяных участках, из которых 195 относились к действующим разрабатываемым месторождениям. Но самое главное, как отмечают специалисты, состояло в том, уже с конца 1970-х годов после того, как советским правительством было принято специальное постановление «О мерах по наиболее полному извлечению нефти из недр», проблема повышения нефтеотдачи пластов начала занимать важное место в научно-технической политике отрасли. В 1985 г. был создан Межотраслевой научно-технический комплекс «Нефтеотдача», ставший головной организацией по разработке и внедрению МУН в отечественной нефтяной отрасли.[52]

Но в 1990-е годы процессы повышения нефтеотдачи в России постигла та же судьба, что и многие другие направления технологического развития НГС. У добывающих предприятий, подавляющее большинство которых влилось в состав интегрированных нефтяных компаний, сменились приоритеты: от роста нефтеодачи — к росту «прибылеотдачи» недр, причем поскорее и с минимальными издержками. Государству, занятому институциональной перестройкой экономики и проведением рыночных реформ, тоже было не до КИН. Как следствие, не только были утрачены прежние достижения, но и произошло размытие самого понятия МУН — «методы повышения нефтеотдачи» и «методы интенсификации добычи» смешались в общем котле с так называемыми «геолого-техническими мероприятиями». Как отмечают некоторые авторы, начиная с 1992 г. зарубежные специализированные издания перестали публиковать данные по применению МУН в России. Причина проста: отсутствует достоверная национальная статистика по объемам и эффективности применения современных МУН, нет единой классификации МУН и нет единого методического подхода к оценке эффективности их применения.[53]

Согласно опубликованным данным, в 2010 г. дополнительная добыча нефти, полученная за счет интенсификации, МУН и геолого-технических мероприятий, составила по крупным российским компаниям 118 млн т. При этом обращает на себя внимание, что начиная с кризисного 2008 г. масштабы применения сложных и относительно затратных методов нефтедобычи существенно сократились (рис. КИН-2). Какое место в общем результате занимают собственно МУН, если и можно оценить, то лишь весьма приблизительно.

---

[51] Обзор современных методов повышения нефтеотдачи пласта. — Группа компаний «Петрос» • URL: http://petros.ru/worldmarketoil/?action=show&id=267 [2013-06-03].

Крянев Д.Ю., Жданов С.А. Методы увеличения нефтеотдачи: опыт и перспективы применения // Нефтегазовая вертикаль. — 2011. — № 5.

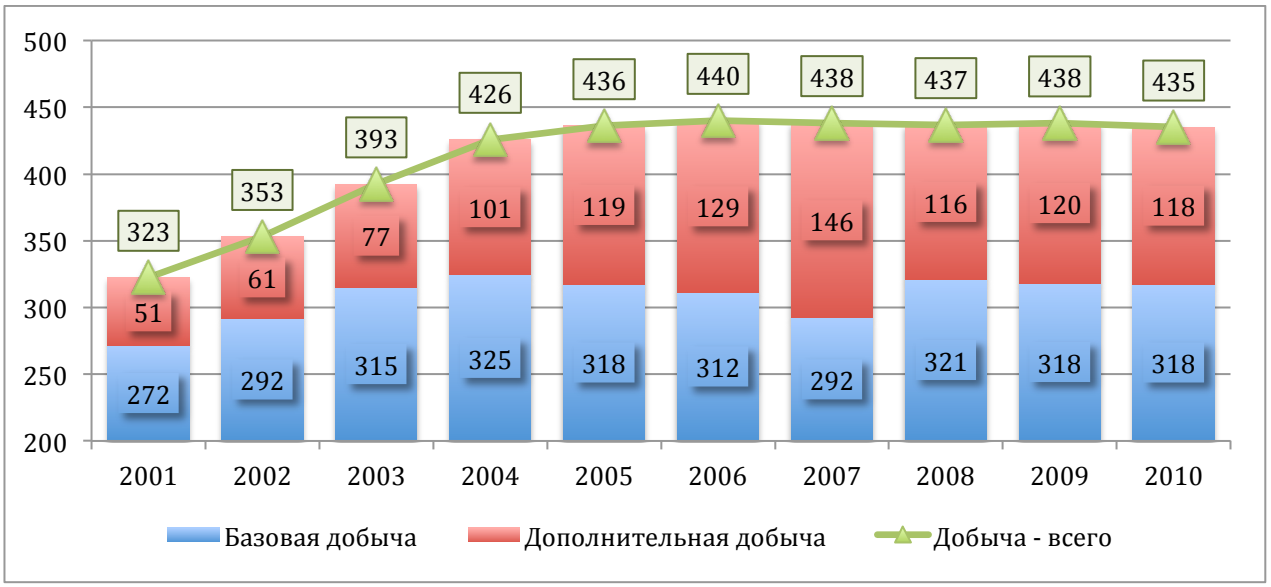
Максимов В.М. О современном состоянии нефтедобычи, коэффициенте извлечения нефти и методах увеличения нефтеотдачи // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

[52] Крянев Д.Ю., Жданов С.А. Методы увеличения нефтеотдачи: опыт и перспективы применения // Нефтегазовая вертикаль. — 2011. — № 5.

[53] Рамазанов Д.Н. Экономико-математическая модель оптимизации плана геолого-технических мероприятий по стабилизации добычи нефти // Аудит и финансовый анализ. — 2010. — № 1. — П. 3.8 • URL: http://www.auditfin.com/2010/1/toc.asp [2013-06-03].

Рисунок • КИН-2

Объемы базовой и дополнительной добычи нефти по крупным российским нефтяным компаниям, млн т

Примечание: дополнительная добыча — в сумме за счет интенсификации, геолого-технических мероприятий и МУН.

Источник: КИНа не будет // Нефтегазовая вертикаль. — 2012. — № 2 (со ссылкой на Центральную комиссию по разработке месторождений ФА «Роснедра»).

В публикуемых отчетах большинства российских компаний трудно найти точные исчерпывающие данные по масштабам и результативности применения МУН. Например, в последнем годовом отчете ОАО «Сургутнефтегаз» говорится, что в целях повышения нефтеотдачи пластов компания проводит различные геолого-технические мероприятия по воздействию на продуктивные пласты с учетом геологического строения и физических параметров конкретной залежи. В 2011 г. были выполнены 693 ремонта методом забуривания боковых стволов, на эксплуатационном фонде выполнено 736 операций гидроразрыва пласта, введено в эксплуатацию 156 горизонтальных скважин. Общий эффект от геолого-технических мероприятий позволил обеспечить дополнительную добычу нефти в объеме более 13 млн т.[54] Какое место в этой дополнительной добыче занимают МУН остается неизвестным, хотя известно, что по применению МУН и передовых технологий добычи «Сургутнефтегаз» является одной из наиболее активных российских компаний.

Несколько более прозрачна статистика НК «ЛУКОЙЛ». В отчете компании зафиксировано, что в 2011 г. всеми добывающими предприятиями было выполнено 4 894 операции по «повышению нефтеотдачи пластов», что дало дополнительную добычу в объеме 22,3 млн т, или 26% от общей добычи нефти «ЛУКОЙЛа» в России. Основной объем дополнительной добычи (почти 14,5 млн т) был получен за счет физических методов, в первую очередь за счет гидроразрыва, который, строго говоря не относится к категории МУН. Если формально взять сумму отчетных данных по «прочим физическим», а также «тепловым» и «химическим» методам, то окажется, что добыча нефти за счет применения

[54] Годовой отчет ОАО «Сургутнефтегаз» за 2011 год
• URL: http://www.surgutneftegas.ru/ru/investors/reports/annual/ [2013-06-03].

МУН составила 3,6 млн т (4,2% всей добычи компании).[55] Учитывая довольно широкую географию деятельности НК «ЛУКОЙЛ» в России, можно с изрядной долей уверенности предположить, что 4% — это современный средний вклад МУН в общую российскую добычу нефти (напомним для сравнения, в США — 12%).

В числе ведущих отечественных компаний одним из исключений является «Татнефть», которая на протяжении уже весьма длительного времени ведет активную работу по применению МУН. И это не удивительно, если принять во внимание степень геологической изученности и истощения запасов нефти в Татарстане — поддерживать добычу на стабильном уровне, а тем более наращивать ее без применения современных МУН практически невозможно. По информации компании, за счет «третичных» МУН в 2011 г. было добыто 5,5 млн т нефти, что на 3,1% больше, чем годом ранее, и что составляет 21,2% от общей добычи.[56]

В целом же по стране ситуация с применением современных МУН далека от благополучия, что негативно сказывается на динамике показателя конечного нефтеизвлечения. Но объективные геолого-технологические факторы играют далеко не главную роль в том, что КИН в России после «затяжного пике» не может выйти из «бреющего полета». По-видимому, гораздо более серьезное значение имеют причины экономико-институционального характера, не позволяющие найти разумный баланс между сиюминутными коммерческими интересами нефтедобывающих компаний и фискальными интересами государства, с одной стороны, и заботой о будущем благополучии — с другой.

В настоящее время, равно как это было и в 1990-е годы, отечественные нефтедобытчики широко практикуют выборочную отработку наиболее эффективных запасов, зачастую — с применением агрессивных методов интенсификации добычи. Т.е. по-прежнему имеет место элементарное «снятие сливок» или того, что от них еще осталось. Малодебитные скважины на залежах с трудноизвлекаемой нефтью выводятся из эксплуатации, что рассматривается как важный элемент снижения себестоимости добычи нефти, поскольку обычно до 30% скважин дают компаниям 85% нефти, а эксплуатация остальных 70% скважин лишь повышает себестоимость добытого сырья. В некоторых компаниях не работает 50% имеющегося фонда скважин, хотя добыча при этом растет. [57] Результатом же становится разбалансировка систем разработки месторождений и снижение уровня конечной нефтеотдачи, а государство ничего не может этому противопоставить из-за несовершенства регуляторных механизмов. Да государство и само заинтересовано в том, чтобы текущие доходы от добычи нефти были бы побольше, т.е. во многих случаях готово закрывать глаза на эгоизм недропользователей.

У проблемы КИН есть два симптоматичных сходства с проблемой утилизации НПГ. Во-первых, и в том и в другом случае отсутствуют выверенные, надежные и общепринятые представления о масштабах и сущности проблемы, что в значительной степени связано с несовершенством учета в методологии и на практике. Во-вторых, и в том и в другом случае государство не может сформулировать четкую и осмысленную политику, направленную на решение проблемы путем устранения причин, повлекших ее возникновение.

---

[55] Отчет НК «ЛУКОЙЛ» о деятельности в 2011 году • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_218_.html [2013-06-02].

[56] Этап инновационного развития. Годовой отчет ОАО «Татнефть» за 2011 год • URL: http://www.tatneft.ru/wps/wcm/connect/tatneft/portal_rus/infoactsinvest/raskinfo/ezhegodotchet/ [2013-06-03].

[57] Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

Выше уже отмечалось, что в России в настоящее время нет достоверной статистики масштабов и эффективности применения МУН. Но это — лишь часть проблемы учета.

Есть весьма авторитетная точка зрения, что сама методология определения и утверждения КИН в России изрядно политизирована, что уходит корнями к советскому прошлому, когда КИН задавался директивным путем. Считалось, чем выше КИН мы примем, тем лучше, — это обяжет нефтяников стараться его достичь. На практике завышенные КИНы, предусмотренные проектами разработки месторождений, не достигались. Чрезмерно большие современные приросты запасов нефти за счет пересмотра КИН свидетельствуют о том, что мы снова возвращаемся на прежний путь и собираемся повторять свои старые ошибки. [58]

Иными словами, реальный уровень конечной нефтеотдачи в 1960—1970 годах был не столь высок, как принято считать, и впоследствии он резко не снижался, а просто оставался на стабильно низком уровне. Даже если это и так, то актуальность повышения КИН сегодня отнюдь не ослабевает. Но решать проблему нужно не путем завышения проектных показателей, а на основе грамотного и трезвого расчета, принимающего во внимание реальные технологические возможности (например, как это делается в США). Со временем, по мере совершенствования технологии разработки, проектный КИН должен постоянно расти, но при условии, что первоначальный параметр не был завышен, а установлен правильно на базе адекватных технологических решений.

Однако настораживает плохо скрываемый оптимизм МПР по поводу того, что нам уже удалось преодолеть тенденции снижения КИН за счет масштабного применения инновационных технологий, обеспечивающих эффективный ввод в разработку трудноизвлекаемых запасов и постановку на баланс сотен миллионов тонн извлекаемых запасов нефти. Равно как смущают и рисуемые ведомством радужные перспективы, что в обозримом будущем вполне реальной может стать величина КИН в 50—60%.[59]

Что же касается МУН, то сейчас для нас первоочередной задачей является проведение четкой классификации по принципу: если метод позволяет увеличить извлекаемые запасы, это — МУН; если же он всего лишь ускоряет выработку запасов без изменения их количества, это — метод интенсификации добычи. Сложность состоит в том, что одни и те же технические решения в разных промыслово-геологических условиях могут выступать в разных качествах. Тот же метод гидроразрыва для залежей трудноизвлекаемой нефти представляет собой МУН, поскольку без данной технологии нефтеотдача была бы крайне низкой; а для высокопродуктивных залежей — это метод интенсификации с риском преждевременного обводнения пластов и снижения конечной нефтеотдачи.

Объективные критерии и предпосылки, адекватное понимание проблемы необходимы для выстраивания взвешенной государственной политики, которая должна быть одновременно стимулирующей и координирующей.

Технологии увеличения нефтеотдачи — весьма дорогое удовольствие. По имеющимся оценкам, себестоимость барреля нефти, дополнительно добываемой за счет применения МУН, на 20—40 долларов выше по сравнению с нефтью, добываемой традиционными методами. Практически все МУН становятся рентабельными лишь при цене нефти

---

[58] Муслимов Р.Х. КИН — его прошлое, настоящее и будущее на месторождениях России // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

[59] Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

в 70—75 долл./барр.[60] Это предполагает необходимость государственного стимулирования и субсидирования нефтяных проектов, связанных с применением МУН, что имеет место во всех старых нефтедобывающих странах, кроме России.

В США и в Канаде, наряду с дифференцированным налогообложением и обычными скидками на истощение недр, действуют специальные программы поддержки проектов применения МУН. В нашей стране лишь несколько лет назад в налоговом законодательстве были введены льготы по уплате НДПИ для истощенных месторождений (причем реализация этой меры на практике значительно затруднена по целому ряду организационно-технических причин), а в прошлом году правительство приняло решение льготировать добычу трудноизвлекаемой нефти. В одном из материалов Счетной палаты РФ отмечается, что *«в законодательстве практически не отражены требования к рациональному и полному использованию ресурсов нефти и газа, учету и объективной оценке их запасов, реального потенциала извлечения с применением достижений научно-технического прогресса. В статье 23 Закона о недрах указано только на необходимость наиболее полного извлечения запасов полезных ископаемых»*.[61] При этом нет и никаких специальных стимулов для повышения нефтеотдачи, зато со стороны МПР уже зазвучали предложения наказывать нефтяников за недоизвлечение нефти из недр (в отношении добывающих компаний, допускающих снижение КИН, должны применяться экономические санкции в виде взимания штрафов за не добытую в результате нарушения технического проекта нефть в размере НДПИ).[62]

Со стороны государства не просматривается и серьезных попыток координировать научно-техническую деятельность по разработке и внедрению методов повышения нефтеотдачи, а также по совершенствованию проектирования разработки нефтяных месторождений.

Возможно, это прозвучит как курьез, но Российский МНТК «Нефтеотдача», о котором уже упоминалось выше, в настоящее время в сотрудничестве с компанией «Зарубежнефть» работает преимущественно над кубинскими и вьетнамскими нефтяными проектами и имеет выручку от НИОКР на смехотворную сумму менее 92 млн руб.[63] И это — один из бывших научно-технических флагманов советской нефтяной промышленности (для сравнения: выручка регионального института «Роснефти» ОАО «ТомскНИПИнефть» в 2011 г. составила почти 1,8 млрд руб.[64]).

Как говорится, не хлебом единым жив человек. Точно также и современная нефтедобыча держится не только на применении МУН, а представляет собой целый

---

[60] Максимов В.М. О современном состоянии нефтедобычи, коэффициенте извлечения нефти и методах увеличения нефтеотдачи // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

[61] Отчет о результатах проведения контрольного мероприятия «Аудит эффективности воспроизводства минерально-сырьевой базы в Российской Федерации в 2005—2007 годах» // Бюллетень Счетной палаты РФ. — 2009. — № 1 • URL: http://www.ach.gov.ru/ru/bulletin/333/ [2013-06-03].

[62] За снижение коэффициента извлечения нефти (КИН) будут наказывать рублем // Новости Министерства природных ресурсов и экологии РФ. — Опубликовано 13 апр. 2007 г. • URL: http://mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=16002&sphrase_id=177014 [2013-06-03].

[63] Годовой отчет ОАО «Научно-технологическая компания РМНТК "Нефтеотдача"» по итогам работы за 2011 год • URL: http://rmntk-nefteotdacha.narod2.ru/raskritie_informatsii/ [2013-06-03].

[64] Годовой отчет ОАО «ТомскНИПИнефть» за 2011 год • URL: http://www.tomsknipineft.ru/info/annual-report/ [2013-06-03].

комплекс разнообразных технологий, от качества каждой из которых зависят и экономические показатели и уровень нефтеотдачи.

С этой точки зрения поучителен пример норвежской нефтяной промышленности, ставящей мировые рекорды по показателям текущего и конечного нефтеизвлечения. На месторождениях Норвежского континентального шельфа (НКШ), уже длительное время находящихся в стадии эксплуатации, фактические показатели нефтеотдачи превышают нормативный уровень (аналог нашего проектного КИН), а на Статфьорде и Гуллфаксе фактические показатели извлечения запасов достигли или даже превысили 60% (табл. КИН-1).

Таблица • КИН-1

Показатели нормативного и текущего уровня извлечения запасов по основным месторождениям Норвегии, %

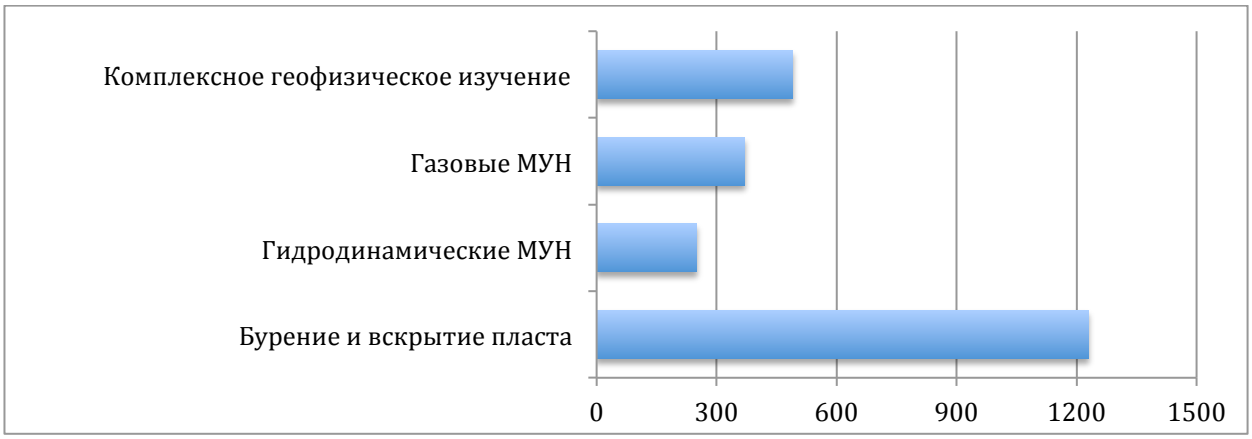
Месторождение	Нормативный уровень извлечения запасов (КИН)	Фактически достигнутый уровень извлечения запасов
Статфьорд	59	66
Гуллфакс	43	60
Тролль	16	38
Снурре	23	46
Хейдрун	23	45

Øvrum Margareth (Executive Vice President). Maximising value through technology // Statoil ASA • URL: http://www.statoil.com/en/InvestorCentre/Presentations/SiteVisit17June09/Pages/default.aspx [2013-06-03].

По состоянию на 2008 г. приращение извлекаемых запасов углеводородов на месторождениях НКШ за счет технологических факторов оценивалось в 2,3 млрд барр. н.э. Из них на долю МУН приходилось 26%, а наибольший вклад в прирост запасов относился на технологии бурения и вскрытия пластов — 52% (рис. КИН-3).

Рисунок • КИН-3

Прирост извлекаемых запасов нефти на Норвежском континентальном шельфе за счет различных технологических факторов, млн барр.

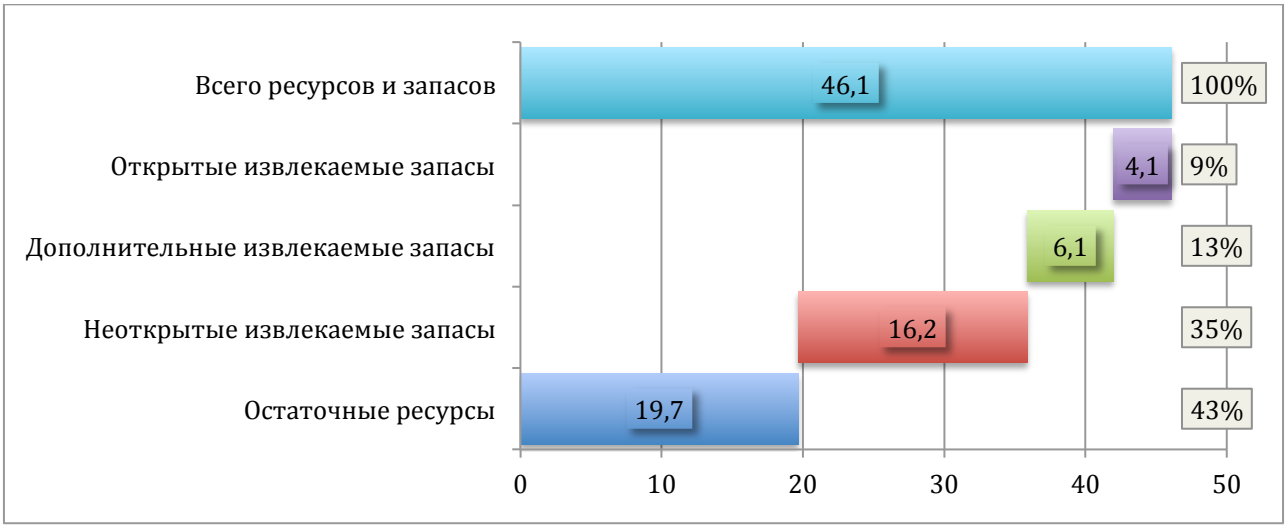

Øvrum Margareth (Executive Vice President). Maximising value through technology // Statoil ASA • URL: http://www.statoil.com/en/InvestorCentre/Presentations/SiteVisit17June09/Pages/default.aspx [2013-06-03].

В структуре остаточных ресурсов и запасов углеводородов НКШ из общей суммы в 46 млрд барр. (7,3 трлн м^3) примерно 13% приходится на дополнительные извлекаемые запасы, обусловленные действием технологических факторов. Сегодня по своим размерам эти дополнительные запасы уже превышают величину остаточных запасов, выявленных путем геологоразведки. По данным, опубликованным в стратегических материалах норвежской технологической платформы по проблемам разведки запасов и повышения нефтеотдачи[65], ожидаемый уровень нефтеизвлечения в целом по всей массе остаточных ресурсов и запасов оценивается в 57% (рис. КИН-4).

Рисунок • КИН-4

Структура остаточных ресурсов и запасов углеводородов на Норвежском континентальном шельфе, млн барр. / %

Technology Strategy Exploration and Increased Recovery. — OG21 Task Force / TTA2. Norway • URL: http://www.og21.org/prognett-og21/TTA2__Exploration_and_increased_recovery/1253964557180 [2013-06-03].

Вполне естественно, что такие достижения в области нефтеизвлечения, были бы просто немыслимыми без активного участия норвежского государства в развитии нефтегазовых технологий — не только путем выработки и координации национальной научно-технической политики, но и прямого участия в финансировании НИОКР. По данным комиссии OG21, бюджетное финансирование разработок по нефтегазовой тематике за период 2004—2010 гг. составило 2,5 млрд норвежских крон, из которых 447 млн было направлено на реализацию 80-ти проектов по проблеме повышения нефтеотдачи. Текущее финансирование нефтегазовых НИОКР находится на уровне примерно 400 млн крон в год.[66]

Много это или мало? Смотря, что с чем сравнивать. Если сравнить с величиной бюджетных доходов Норвегии от добычи нефти и газа (примерно 300 млрд крон), то очень мало — всего 0,13%. Если же сравнить с российским расходами и при этом сделать поправку

[65] Technology Target Area «Exploration and increased recovery» (TTA2). Образована в рамках специальной комиссии OG21 — Oil and Gas in the 21th Century / Нефть и газ в XXI веке • URL: http://www.og21.org/prognett-og21/Home_page/1253962785326 [2013-06-03].

[66] Technology Strategy Exploration and Increased Recovery. — OG21 Task Force / TTA2. Norway • URL: http://www.og21.org/prognett-og21/TTA2__Exploration_and_increased_recovery/1253964557180 [2013-06-03].

Oil and gas in the 21st Century. Norway's Technology Strategy for the 21st Century. — OG21 Task Force. Norway • URL: http://www.og21.org/prognett-og21/Documents/1253962785322 [2013-06-03].

на различие в уровнях добычи углеводородов, то получится весьма значительная величина. В 2010 г. в России суммарные расходы на НИОКР по виду деятельности «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» в расчете на 1 т добычи углеводородов в нефтяном эквиваленте составили 0,6 долл., а в Норвегии — 1,8 долл., а из них 0,2 долл./т были профинансированы за счет госбюджета.[67] При этом норвежцы очень сокрушаются, что расходы на НИОКР не выросли и остались практически на уровне предыдущего года.

Что же тогда делать нам в ситуации, когда аналогичные расходы за год сократились почти в 3 раза (в 2009 г. составляли 1,7 долл. на 1 т добычи углеводородов)? Впрочем, удивляться не приходится, если учесть позицию государства в отношении бюджетного финансирования нефтегазовой сферы, а точнее — ее критически важных составляющих, развитие которых не сулит быстрых коммерческих выгод, а потому не слишком привлекательно для нефтегазовых компаний. *«Есть довольно много причитаний на тему недостаточной позиции государства, мол, надо бы больше бы вкладывать; мне не кажутся эти разговоры сильно содержательными»* — таково замечание бывшего руководителя МПР по поводу финансирования геологоразведки[68]. Однако, по сути, оно отражает общую позицию российских властей в отношении бюджетной поддержки финансово-уязвимых видов деятельности в НГС.

Регулирование, координация и финансирование со стороны государства в условиях конкурентной рыночной среды — вот основные предпосылки норвежских успехов в технологическом развитии НГС, которые, в свою очередь, предопределяют высокие уровни извлечения запасов нефти и газа из недр. А разработка технологических аспектов при проектировании добычи углеводородов начинается с тщательного геологического изучения каждой залежи (с использованием инновационных и традиционных методов). На базе этого и в рамках научно обоснованных технических регламентов, установленных государством, происходит выбор технологий извлечения углеводородов. В процессе промышленной эксплуатации благодаря эффективному государственному контролю обеспечивается строгое соблюдение проектных решений и технологических режимов разработки месторождений и залежей. В общем, такова идеальная картина, о которой мы сегодня можем только мечтать, но обязаны к ней стремиться.

Топить печи газом — все равно, что топить их ассигнациями

Так можно сказать о природном газе, перефразируя крылатое выражение великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева, относящиеся к нефти.[69] Сегодня мы умеем извлекать из недр лишь 1/3 геологических запасов нефти, и от силы примерно такую же долю добываемого природного газа используем квалифицированно, т.е. с выделением химически ценных компонент перед сжиганием газа в топках электростанций.

---

[67] Оценка автора исходя из данных официальной статистики — Росстата («Статистика инноваций в России, 2012» • URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf [2013-06-03]; Норвежского бюро статистики (Research and development Statistics • URL: http://www.ssb.no/english/subjects/10/14/40/ [2013-06-03]. Пересчет показателей из национальных валют в доллары по курсу ППС ВВП выполнен на основе индикаторов Всемирного банка • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/.

[68] Стимулируем то, что важно государству (интервью с Юрием Трутневым) // Нефтегазовая вертикаль. — 2011. — № 5.

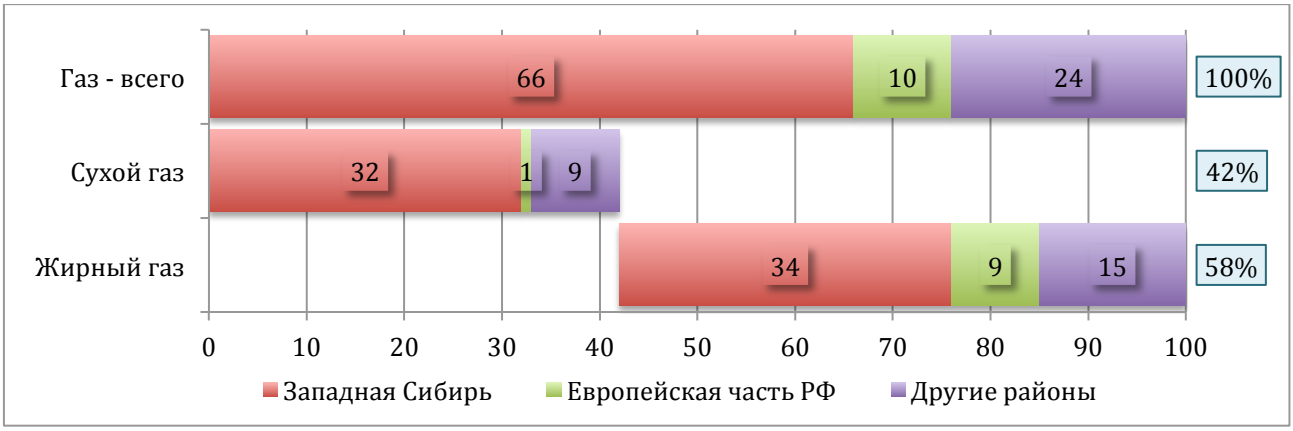
[69] Обычно слова Д.И. Менделеева цитируются не совсем точно и в отрыве от контекста проблемы, которой посвящены. Подробнее см. в очерке «На витке исторической спирали, или возвращение Менделеева» настоящей книги.

Более половины промышленных запасов природного (свободного, т.е. не включающего НПГ) газа в России представлены так называемым «жирным» газом[70], который, кроме метана, содержит более тяжелые углеводороды — этан, пропан, бутаны и др., являющиеся ценным химическим сырьем, — а кроме них может содержать гелий, соединения серы и иные примеси (рис. ГАЗ-1). Впрочем, в настоящее время, благодаря появлению новых технологий, возрастает и химическая ценность метана[71], но основной сферой его применения во всем мире до сих пор остается топливная, чего нельзя сказать об остальных углеводородных компонентах, содержащихся в природных газах.

Точная статистика, дающая сведения об объемах добычи «жирного» газа, в России отсутствует, но приблизительным образом эту величину в настоящее время можно оценить в 110—150 млрд м^3. Порядка 70—110 млрд м^3 «жирного» газа добывается в Западной Сибири на промыслах Ямало-Ненецкого автономного округа, причем с каждым годом добыча возрастает в связи с вовлечением в разработку все новых и новых месторождений и залежей. Например, весной 2011 г. «Газпром» ввел в эксплуатацию промысел по добыче газа и газового конденсата из валанжинских залежей Заполярного месторождения, проектируя в недалеком будущем довести добычу «жирного» газа на этом объекте до 15 млрд м^3 в год.[72] В отличие от газов Оренбургского и Астраханского газоконденсатных месторождений «жирный» газ Ямала после промысловой подготовки, при которой отделяется конденсат (т.е. жидкая фаза), смешивается с «сухим» метановым газом и подается в ГТС для транспортировки российским потребителям топлива и на экспорт. При этом, как химически ценный сырьевой продукт, «жирный» газ просто-напросто перестает существовать из-за снижения концентрации углеводородов C_2—C_4.

Рисунок • ГАЗ-1

Структура остаточных ресурсов и запасов углеводородов на Норвежском континентальном шельфе, млн барр. / %

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2007 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02].

[70] «Жирный» газ, газ газоконденсатных залежей, «валанжинский» газ, газ глубокозалегающих горизонтов (неокомских, ачимовских и др.) — нет четкого определения данной разновидности природного газа.

[71] См. информацию о развитии химической переработки метана в олефины в Китае в журнале «ЭКО», № 8 за 2012 г., с. 46—47 • URL: http://www.ecotrends.ru/archive/630-edition-08?layout=blog [2013-06-03].

[72] «Газпром» начал добычу газа и конденсата из валанжинских залежей Заполярного месторождения // Новости «Газпрома» • URL: http://gazprom.ru/press/news/2011/april/article110991/ [2013-06-03].

Общая мощность трех крупных заводов по переработке природного газа в России — все они входят в структуру «Газпрома» — составляет 52,5 млрд $м^3$/год, а объемы переработки газа в 2012 г. были немногим более 32 млрд $м^3$, т.е. уровень загрузки мощностей российским газом равнялся 61%и снизился по сравнению с 2011 г. годом на 2 п.п.[73] Практически на полную производительность в настоящее время работает только Астраханский ГПЗ (около 12 млрд $м^3$), а самый низкий показатель загрузки мощностей — у Оренбургского завода, который обеспечивается российским сырьем примерно на половину мощностей (19 млрд $м^3$ и еще около 10 млрд $м^3$ газа поступает на переработку по давальческой схеме из Казахстана с Карачаганакского месторождения). Обеспечить полную загрузку мощностей крупнейшего в стране Оренбургского ГПЗ российским сырьем — за счет подачи «жирного» газа с месторождений Западной Сибири, — по-видимому невозможно, так как это не позволяет сделать сложившаяся конфигурация газотранспортной системы.

По данным Росстата, в настоящее время из природного газа при переработке извлекается 17% ресурсов этана, содержащегося в сырье, и порядка 50% — пропана и бутанов. За последние 10 лет глубина извлечения углеводородов C_2—C_4 изменилась весьма незначительно — выросла не более чес на 7 процентных пунктов (табл. ГАЗ-1). Между тем, современные низкотемпературные технологии переработки газа позволяют извлекать из сырья, как минимум, 70% этана и 90% более тяжелых углеводородов.

Таблица • ГАЗ-1

Извлечено полезных компонентов из природного газа, %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Гелия	53,1	48,7	58,5	57,2	43,3	28,5	42,6	47,9	50,4	54,2	50,2	36,1
Серы	99,3	99,3	99,3	99,3	99,3	99,3	99,4	99,4	99,4	99,3	99,3	99,4
Этана	11,2	11,3	12,6	12,5	10,6	6,3	10,4	10,5	14,1	16,7	17,0	17,4
Пропана	43,2	43,8	44,3	47,7	43,9	51,2	52,5	51,4	49,4	49,6	50,7	50,7
Бутанов	47,7	46,5	52,4	50	77,3	56,4	57,3	57,4	55,8	57,8	56,2	55,6
Пентана и выше (стабильного конденсата)	93,5	94,2	95,1	94,4	95,3	96,4	95,4	96,7	95,8	96,3	94,8	95,5

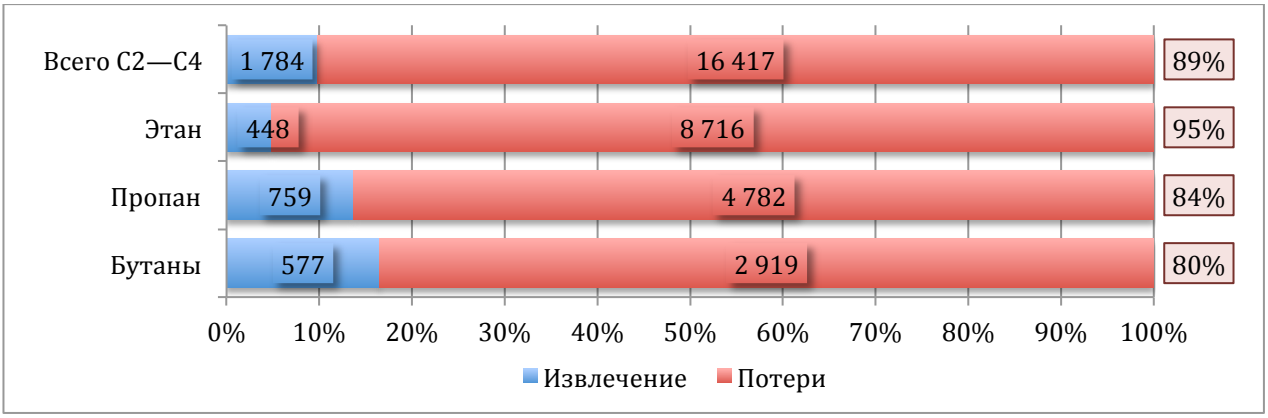
Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Последствия малых объемов и низкой глубины переработки природного газа не могут не печалить. МПР в своем ежегодном докладе о состоянии минерально-сырьевой базы называет цифры, согласно которым общий уровень извлечения химически ценных углеводородов, содержащихся в добываемом «жирном» газе, составляет 11%, в том числе, этана — 5% и пропан-бутанов — менее 20% (рис. ГАЗ-2). При этом счет идет на миллионы тонн: из 18,2 млн т углеводородного сырья мы используем именно как сырье только 1,8 млн т, а остальное (16,4 млн т) сжигается как топливо, если конечно, страны-импортеры российского газа не пользуются этим почти бесплатно получаемым сырьем для обеспечения своей химической промышленности.

[73] Справочник «Газпром в цифрах», 2008—2012 • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/2012/ [2013-06-02].

Рисунок • ГАЗ-2

Показатели извлечения при переработке и потерь углеводородов C_2—C_4, содержащихся в природном газе в 2010 г., тыс. т / %

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02].

Возвращаясь к знаменитой менделеевской антитезе «нефть — ассигнации», следует, справедливости ради, отметить, что в конце XIX века технический уровень нефтепереработки был еще слишком низок. При перегонке тяжелой бакинской нефти выход «остатков» или того, что мы сейчас называем мазутом, достигал 70% и более. Это и вынуждало употреблять нефть по большей части как энергетическое топливо. В современной ситуации с использованием природного газа таких проблем нет. Не существует технических преград для того, чтобы перерабатывать весь добываемый «жирный» газа и извлекать из него все химически ценные компоненты. Пример развития газопереработки в США является наглядным тому подтверждением.

Следовательно, сам собой напрашивается вывод, что сложившееся в России положение с использованием сырьевого потенциала, который дает нам добыча природного газа, обусловлено отнюдь не техническими трудностями, а причинами совершенно иного свойства — институциональными и экономическими.

По-видимому, главной причиной, тянущей за собой все остальные, является узость внутреннего рынка, т.е. крайне малый спрос на продукцию газопереработки внутри страны. Российская химическая промышленность, которая должна выступать в роли основного потребителя этана и сжиженных газов, сегодня едва-едва начинает выходить из состояния летаргического сна, в который она погрузилась в мрачные 1990-е годы. Свою лепту в незавидное положение отечественной химии, занимающей всего 2% мирового химического рынка, внес и финансово-экономический кризис 2008—2009 годов.[74]

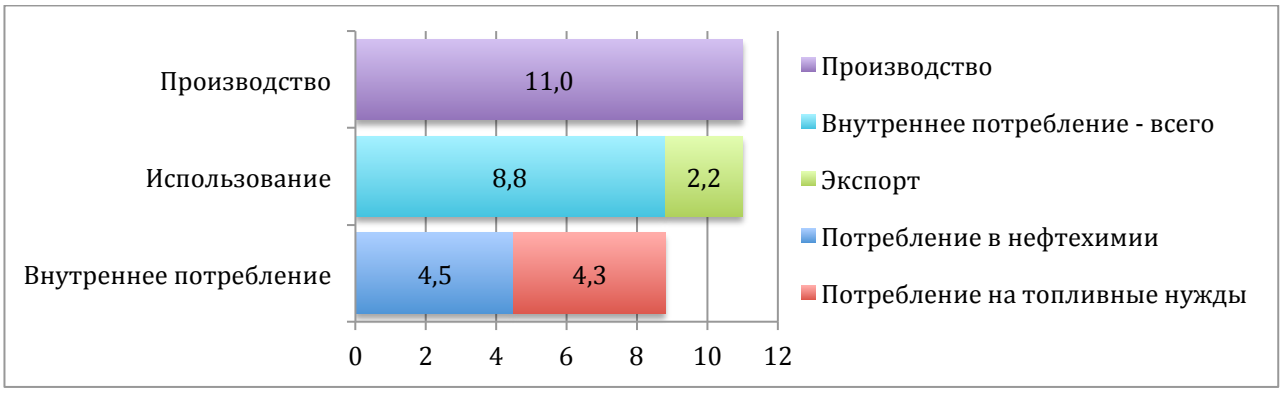
[74] Более подробно о проблемах развития российской химической промышленности см.: Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Российская химия: движение вперед или бег на месте? // ЭКО. — 2010. — № 7. — С. 55—76 • URL: http://www.ecotrends.ru/archive/608-edition-07?layout=blog [2013-069-03]. — № 8. — С. 44—65 • URL: http://www.ecotrends.ru/archive/607-edition-08?layout=blog [2013-06-03].
Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Управление процессом формирования ценности потока углеводородов (на примере перспектив использования газовых ресурсов Восточной Сибири) / отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2011. — 359 с.

Топливное применение сжиженных газов (в промышленности и в коммунально-бытовом секторе, на автотранспорте) и экспорт заведомо не позволят полностью решить проблему рационального использования тех ресурсов «жирного» природного газа, а заодно и НПГ, которыми располагает наша страна. Главное видится именно в развитии химического направления, как это происходит во всех промышленно развитых странах мира.

В 2011 г. в общем объеме внутреннего российского потребления технических сжиженных газов — пропана и бутанов — более половины (4,5 млн т) приходилось на нефтехимический сектор, спрос со стороны которого вырос по сравнению с 2009 г. (3,8 млн т) почти на 20%[75]. Использование на топливные цели за это время выросло весьма незначительно, но произошли существенные изменения в видовой структуре потребления: существенно увеличились объемы газомоторного топлива (с 0,6 до 3,6 млн т) и соответственно сократились объемы коммунально-бытового (рис. ГАЗ-3). Уменьшение потребления сжиженных газов в коммунально-бытовом секторе обусловлено нарастающими масштабами газификации населенных пунктов сетевым природным газом. Что же касается газомоторного топлива, то интерес к нему усиливается, поскольку баланс производства и потребления автобензина в стране с каждым годом становится все более напряженным. Растет спрос на газомоторное топливо, но одновременно, как отмечают рыночные аналитики, повышаются и цены, сближаясь с ценами на автобензин, а это делает альтернативное топливо менее привлекательным для потребителей.[76] Т.е. имеют место противоречивые процессы, что не позволяет рассматривать автотранспорт в качестве «палочки-выручалочки» при решении проблем по использованию растущего потенциала пропана и бутанов, содержащихся в природном и попутном газах.

Рисунок • ГАЗ-3

Производство и использование сжиженных пропана и бутанов в России в 2011 г., млн т

Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Потребление СУГ в РФ в 2011 г. вышло на докризисный уровень // Сообщество «Рупек». — Новости. — 6 дек. 2011 • URL: http://www.rupec.ru/news/24066/ [2013-06-03].

Экспорт СУГ в 2011 г. // Новые химические технологии — Аналитический портал химической промышленности • URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=8788 [2013-06-03].

[75] Решение проблем утилизации попутного нефтяного газа — составная часть концепции развития газопереработки и газохимии в РФ до 2030 года // Презентация доклада ОАО «Газпром промгаз» и ОАО «Стройтрансгаз» на III Международной конференции «Попутный нефтяной газ 2012» • URL: http://apg.globotek.ru/product/doklad.

[76] Потребление СУГ в РФ в 2011 г. вышло на докризисный уровень // Сообщество «Рупек». — Новости. — 6 дек. 2011 • URL: http://www.rupec.ru/news/24066/ [2013-06-03].

Экспорт сжиженных газов играет балансирующую роль — за рубеж вывозятся избытки продукции, которые не находят спроса в России. Да и с точки зрения эффективности использования ресурсов углеводородного сырья, экспорт сжиженных газов нельзя назвать кардинальным выходом из положения, поскольку пропан и бутаны — это то же самое сырье, только, по сравнению с природным газом, немного более высокого передела. Как показывает таможенная статистика РФ, цены на вывозимые сжиженные газы в 1,8 раза выше, чем на природный газ, и в 1,7—2,6 раза выше, чем основные химические продукты, получаемые из сухого метанового газа; но несколько ниже, чем средние экспортные цены на нефть и нефтепродукты, и почти в 5 раза ниже уровня цен на синтетические каучуки (рис. ГАЗ-4).

В среднем же ценовая эффективность экспорта полимеров, которые вырабатываются из газообразного сырья (этана, пропана, бутанов), в 2—3 раза выше по сравнению с экспортом сжиженных газов. Точнее, должна быть выше, поскольку в настоящее время мы эту полимерную продукцию в большей степени импортируем, чем экспортируем. Так, в 2011 г. российский импорт самого распространенного вида пластмасс — полиэтилена — превысил 0,5 млн т и вырос на 31% по сравнению с 2010 г. Устойчивый рост импортных поставок полиэтилена продолжился и в 2012 г., объем которых за первые 6 месяцев достиг 331 тыс. т, что на 16% больше показателя за аналогичные период 2011 г. Цены на импортируемый полиэтилен в 1,7—2,2 раза выше, чем на вывозимые из России сжиженные газы.[77]

Рисунок • ГАЗ-4

Средние экспортные цены на углеводородное сырье и химические товары, вывозимые из России в 2011 г., долл./т

Рассчитано по данным статистики внешней торговли ФТС России • URL: http://www.customs.ru/.

В газовой отрасли имеют место не только потери ценности сырьевой продукции, связанные с ее неквалифицированным использованием, но и физические потери ресурсов сырья в недрах. Речь идет о недоизвлечении из недр ресурсов и самого газа, и газового конденсата.

В России добыча природного газа по большей части ведется в режиме использования собственной энергии пластов, что позволяет извлекать лишь 70% разведанных запасов газа. Извлечение оставшейся части, или так называемого «низконапорного» газа требует

[77] По данным компании «Маркет Репорт» • URL: http://www.mrcplast.ru/news-news_open-202427.html [2013-06-03]; маркетингового агентства «Надежные люди» • URL: http://www.nl-agency.com/en/novosti-stati/category-4.html [2013-06-03].

применения более сложных технологий и значительных дополнительных затрат. Но если не пойти на эти меры, то в сеноманских залежах, содержащих «сухой» метановый газ, основных месторождений Западной Сибири (Медвежьего, Уренгойского, Ямбургского и Заполярного) к концу эксплуатации в недрах останется около 1,5 трлн $м^3$ высококачественного топлива. Другой серьезной проблемой является низкое извлечение газового конденсата. При разработке газоконденсатных залежей без поддержания пластового давления в недрах остается от 40 до 60% конденсата. В России при разработке газоконденсатных месторождений практически не применяется сайклинг-процесс — обратная закачка части добытого газа в пласт, позволяющая увеличить конденсатоотдачу на 10—35%.[78] А ведь газовый конденсат — прямой заменитель нефти, к тому же обладающий тем преимуществом в производстве моторных топлив, что содержит чуть ли не вдвое больше светлых фракций, чем «среднестатистическая» нефть.

Нужно отметить, что названные выше проблемы, связанные с недостаточной степенью извлечения из недр запасов газового сырья, лишь отчасти имеют сходство с проблемой низкой нефтеотдачи. Освоение трудноизвлекаемых запасов нефти с применением современных МУН представляет собой комплексную задачу, в которой наряду с организационно-экономическими аспектами большое место занимает создание техники и технологии добычи. Компрессорные же способы разработки газовых и газоконденсатных залежей с поддержанием пластового давления известны уже довольно давно. Во всяком случае, тот же сайклинг-процесс активно начал применяться в США и в Канаде еще 1940-х годах, т.е. задолго до открытия и освоения газоконденсатных месторождений Западной Сибири. А сам принцип газокомпрессорной добычи углеводородов (с закачкой в пласт сжатого воздуха — «эрлифт») был впервые опробован выдающимся русским ученым и инженером Владимиром Григорьевичем Шуховым еще в 1886 г. для подъема из недр тяжелой бакинской нефти.

Иными словами, вновь мы приходим к тому, что рассмотренные проблемы газовой отрасли — это в большей степени проблемы институционального и экономического порядка, нежели технические. Достаточно сказать, что лишь в 2011 г. были приняты поправки к Налоговому кодексу, узаконившие нулевую ставку НДПИ в отношении природного газа, закачиваемого в пласт при использовании сайклинг-процесса. До этого закачиваемый газ облагался налогом наравне с товарной продукцией, причем обложение могло быть и двукратным и даже многократным — в случае рециркуляции газа, неоднократной закачки в пласт с последующим извлечением.

Проблемы, связанные с использованием ресурсов газового сырья, вполне определенным образом характеризуют общие тренды и тенденции развития НГС, а до некоторой степени — и всей российской экономики.

Во-первых, эти проблемы далеко не новы. Вопросы о необходимости глубокой химической переработки «жирного» природного газа, об эффективности применения методов поддержания пластового давления при разработке газоконденсатных залежей, о рациональных подходах к освоению ресурсов «низконапорного» газа» российские ученые поднимали еще 30 лет назад.[79] И не просто «поднимали», но и предлагали вполне конкретные решения, обоснованные с применением аналитических и математических методов, — решения, которые в немалой степени сохранили свою актуальность до сегодняшнего дня.

---

[78] Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1101 [2013-06-02].

[79] См., например, сборник трудов: Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / отв. ред. С.Н. Старовойтов. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983.

Например, для квалифицированного использования «жирного газа» месторождений севера Западной Сибири еще в 1980-е годы предлагалась не смешивать его с «сухим», а подавать в отдельную «трубу» и на трассе газопровода — на юге Тюменской области, на Урале или даже в европейской части страны — построить газохимический комплекс, и возможно не один, что позволило бы вовлечь в глубокую химическую переработку миллионы тонн легкого углеводородного сырья и получать сотни тысяч тонн полимерной продукции. Сейчас эта нереализованная идея реанимируется в рамках долгосрочного «Плана развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года» (Плана-2030) при обсуждении вопроса о том, как обеспечить сырьем Волжский нефтехимический кластер, и выступает альтернативой проекту строительства продуктопровода Западная Сибирь — Поволжье для транспортировки смеси легких углеводородов из районов Среднего Приобья[80].

Во-вторых, практически все означенные выше проблемы рационального использования ресурсов углеводородного сырья не есть внутренние проблемы НГС, а в значительной мере являются межотраслевыми — существующими на стыках целого ряда отраслей российской экономики и отражающими множественные цепочки диспропорций. Спрашивается, зачем нужно по максимуму извлекать химически ценные компоненты из «жирного» газа, если общая емкость рынка углеводородного химического сырья слишком мала? А зачем нужно расширять емкость сырьевого рынка, если масштабы развития российской химической промышленности недостаточны для этого? Далее, как можно ускорить развитие и расширить мощности химической промышленности, если у нас слишком узкий спрос на полимерные материалы и другие химикаты, а конкурентоспособность экспорта весьма проблематична (тем более, что мы и дальше собираемся повышать внутренние цены на газ[81])? И зачем нужно производить много полимеров, если нет достаточного спроса со стороны потребляющих отраслей — строительства, машиностроения, электротехнической промышленности, лесопереработки, сельского хозяйства и проч., выпускающих конечную продукцию? Развитие же сферы производственного потребления химикатов во многом сдерживается из-за низкого уровня жизни населения.

Так, в современной России в едва улучшенном виде сохранилась архаичная структура использования конструкционных материалов, унаследованная еще с советских времен. По потреблению полимерных материалов на душу населения мы кратно отстаем от европейских стран, Японии и, тем более, США.[82] Одной из главных сфер применения переработанных полимеров — в виде труб и сантехнических изделий, различных конструкций (оконных, дверных и проч.), гидро- и теплоизоляционных материалов, поверхностных покрытий, лакокрасочных материалов и много другого — является строительство, включая ремонт зданий и сооружений. Но это в теории. На практике все определяется масштабами строительно-ремонтной деятельности, которые в немалой степени зависят от емкости и динамики развития рынка жилья и другой недвижимости. В России же, по сути дела, нет массового рынка качественного доступного жилья — и он не появится

---

[80] В 1980-х годах такой продуктопровод уже был построен и проработал более 5-ти лет. Но после катастрофической аварии, произошедшей в ночь с 3 на 4 июня 1989 г. и унесшей, по трагическому стечению обстоятельств, 575 человеческих жизней, эксплуатация продуктопровода была прекращена (Большая труба ценою в жизнь // The Chemical Journal. — 2011. — № 8 • URL: http://www.tcj.ru/2011/8/ [2013-06-03]).

[81] При выходе на мировой рынок массовых видов химической продукции мы реально сталкиваемся с конкуренцией отнюдь не со стороны Евросоюза, Японии или США, а прежде всего — со стороны нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока, располагающих не менее мощной, но более дешевой сырьевой базой, нежели Россия.

[82] Ким С. Среднедушевое отставание // The Chemical Journal. — 2010. — № 3 • URL: http://www.tcj.ru/2010/3/ [2013-06-03].

до тех пор, пока доходы населения не вырастут до европейского уровня либо государство не возьмется всерьез субсидировать жилищное строительство (но в это как-то слабо верится).

В-третьих, пути решения рассмотренных выше проблем следует искать не столько в технологической сфере, сколько в области хозяйственных отношений и институтов, определяющих макроэффективность нефтегазового сектора.

В 1980-е годы многие советские ученые-экономисты вполне справедливо полагали, что нерациональное использование ресурсов углеводородного сырья главным образом было связано с недостатками директивного планирования — его узкоотраслевым подходом и необоснованным плановым ценообразованием. Считалось, что расширение сферы действия товарно-денежных, рыночных отношений (по примеру, как тогда назвали, капиталистических стран) позволит более объективно измерять ценность различных видов углеводородного сырья и послужит стимулом для сокращения потерь на основе развития глубокой переработки, в особенности сопутствующих продуктов нефтегазодобычи. Увы, эти идеи не находили поддержки и понимания у властей.

В 1990-е годы мы совершили стремительный переход к рынку, правда — не во всем последовательный и со многими оговорками (например, либерализация прав собственности и ценообразования в различных видах деятельности в НГС происходила несинхронно и зачастую нелогично). Но самое главное, что мы сделали, мы почти что напрочь отказались от государственного планирования экономики. При этом выяснилось, как мы можем наблюдать сегодня, что сам по себе переход к рыночным отношениям не только не решил многие из проблем, но и добавил новые. Стало понятным, что слабо и неадекватно регулируемый рынок оказывается ничем не лучше недостаточно обоснованного директивного планирования, или попросту говоря, «плохой рынок» ничем не лучше «плохого плана». Дело — не столько в типе институтов (рынок или план), сколько в их внутреннем содержании, в их качестве, в их взаимном соответствии и полноте.

Поэтому перед нами сегодня стоит двуединая задача: с одной стороны, нужно очень тщательно поработать над качеством и комплементарностью (взаимным соответствием) рыночных институтов (и судя по всему, это — процесс небыстрый, требующий длительного времени); с другой же стороны, необходимо всерьез, а не для проформы, реанимировать государственное планирование экономики — в обновленном качестве, с трезвым учетом нынешних реалий и прошлых ошибок. Планирование требуется прежде всего для решения сложных межотраслевых хозяйственных проблем, в особенности связанных с подъемом обрабатывающего сектора экономики — т.е. в тех случаях, когда «невидимая рука» рынка оказывается бессильной помочь. И это должно быть не подменой рынка, как такового, а его дополнением. Должно быть найдено, точнее говоря, целенаправленным образом выстроено правильное сочетание рыночных механизмов и механизмов государственного воздействия, а рамках последнего должны быть разумным образом сбалансированы регуляторные инструменты (различного рода) и инструменты планирования (от косвенного до директивного — при необходимости).

Если мы сможем выполнить эту задачу, то появится шанс решить проблемы рационального использования углеводородного сырья путем развития глубокой его переработки. А лучшее, более эффективное использование имеющихся или известных ресурсов является вполне состоятельной альтернативой приросту геологических запасов. Рациональное использование добываемого углеводородного сырья — такая же «оборотная сторона медали воспроизводства минерально-сырьевой базы», как и повышение нефтеотдачи.

«Инвестиционная диета»

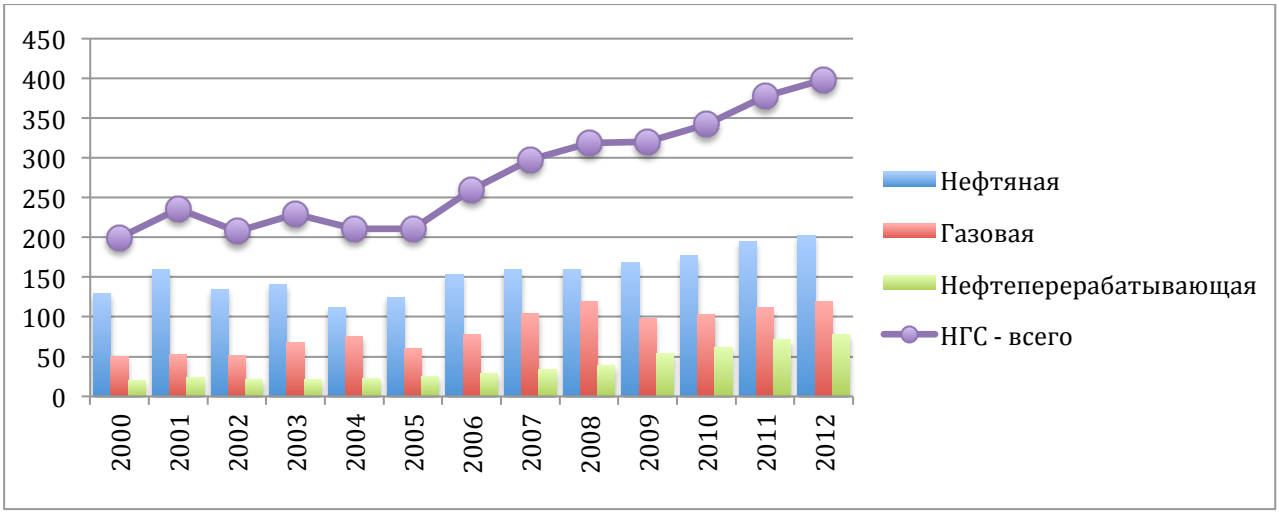
Производственные проблемы НГС в значительной степени вызваны низкой инвестиционной активностью. При этом, естественно, речь идет не об абсолютных масштабах инвестирования в добычу, транспортировку и переработку нефти и газа, которые уже в 2006 г. суммарно достигли примерно 1 трлн руб. (22% от всей величины инвестиций в основной капитал по РФ), а их несоответствии реальным условиям и задачам развития сектора. Любому специалисту известно, что естественные условия добычи нефти и газа в России постоянно ухудшаются. Разведанные запасы в основных добывающих регионах уже в значительной степени истощены, а дальнейшие планы роста добычи связаны главным образом с освоением новых перспективных провинций — Восточной Сибири, Дальнего Востока, Ямала, европейского севера, шельфа арктических и северных морей. Новые проекты, а равно и мероприятия по поддержанию добычи на действующих месторождениях требуют все возрастающих инвестиций. В 2005 г. Минпромэнерго РФ оценивало потребности НГС в инвестициях на предстоящие 5 лет (т.е. на период до 2010 г.) в 400—440 млрд долл., что в среднегодовом исчислении составляет 80—88 млрд долл. Если принять эти цифры за истину, получается, что в НГС в указанные годы имело место более чем двукратное недофинансирование инвестиций в развитие производства.

В номинальных ценах величина инвестиций в НГС уже в 2011 г. превысила 1,5 трлн руб. (14,5% от общей величины инвестиций в российскую экономику), а в ценах 2000 г. составила примерно 380 млрд руб. (рис. ИНВ-1). В 2000-е годы (2012 г. по отношению к 2000 г.) инвестиции в добычу и переработку нефти и газа выросли в сопоставимых ценах в 2 раза, что несколько медленнее общего роста инвестиций в основной капитал по Российской Федерации (в 2,6 раза), в том числе:

- в нефтедобывающей отрасли — в 1,6 раза;
- в газовой отрасли — 2,4 раза;
- в нефтеперерабатывающей промышленности — в 3,8 раза.

Рисунок • ИНВ-1

Динамика инвестиций в российский НГС и его основные отрасли, млрд руб. в сопоставимых ценах 2000 г.

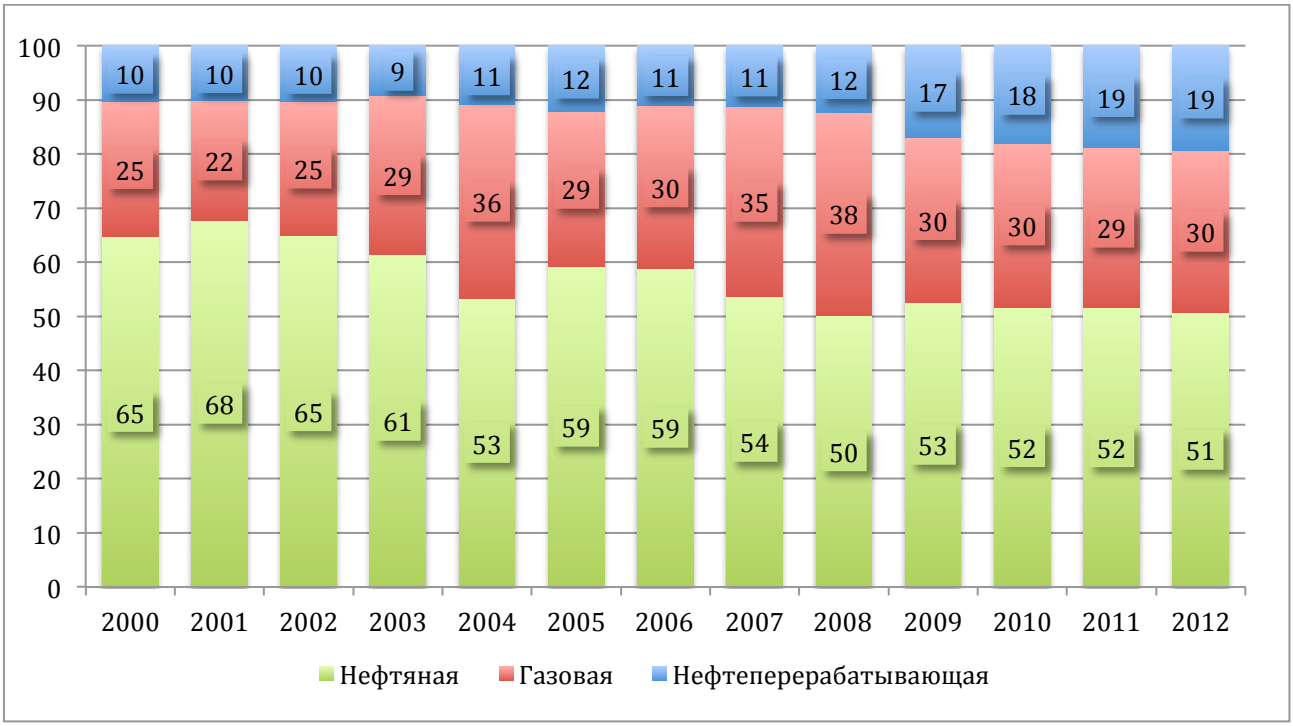
По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

Относительно быстрый рост инвестиций в газовую промышленность и в нефтепереработку объясняется прежде всего низким «стартовым уровнем» — в 1990-х годах эти отрасли по целому ряду причин испытывали гораздо более сильный «инвестиционный голод», чем нефтедобыча. В 2000-х годах ситуация с финансированием инвестиций в целом улучшилась, но имела место неустойчивая динамика: в газовой отрасли всплеск инвестиционной активности пришелся на 2003—2008 гг., а в нефтепереработке — на период 2007—2011 гг.

В результате разноскоростной динамики роста отдельных сегментов, произошли заметные изменения в межотраслевой структуре инвестиций в НГС: удельный вес нефтедобывающей отрасли снизился с 65 до 51%, доля нефтепереработки почти удвоилась (с 10 до 19%), а доля газовой отрасли выросла с 25 до 30%. В 2009—2012 гг. внутренняя структура инвестиций в нефтегазовый сектор стабилизовалась и оставалась практически неизменной (рис. ИНВ-2).

Рисунок • ИНВ-2

Удельный вес основный отраслей НГС в общем объеме инвестиций, %

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

Обращает на себя внимание нестабильность показателей, характеризующих динамику инвестиционного процесса (табл. ИНВ-1). Устойчиво растут лишь объемы эксплуатационного бурения — это и понятно, ведь без новых скважин добыча нефти и газа не будет расти[83]. Более или менее стабильны показатели ввода мощностей в магистральном нефте- и газопроводном транспорте — в основном за счет экспортных направлений («Восточная Сибирь — Тихий океан» / ВСТО и др.).

[83] При этом физические объемы работ в эксплуатационном бурении на нефть сейчас почти в 3 раза ниже, чем в 1990 г.

Таблица • ИНВ-1

Основные показатели инвестиционной деятельности в НГС

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Инвестиции в основной капитал в добыче и переработке нефти и газа													
- млрд руб. в ценах соответствующих лет	205	275	284	319	408	450	634	858	1098	1115	1274	1561	1800
- в % к предыдущему году в сопоставимых ценах	155	118	88	111	92	97	124	116	108	98	107	110	107
Объемы работ и ввод объектов производственного назначения													
Эксплуатационное бурение на нефть, млн м	9,3	8,8	8,6	9,1	8,3	9,7	11,4	13,6	14,6	13,6	16,5	18,1	19,7
Глубокое разведочное бурение, тыс. м	1719	1847	1105	1080	925	1079	1211	1488	1432	901	1169	1235	1258
Скважины:													
- нефтяные, тыс. шт.	2,8	3,8	3,1	3,0	3,1	3,1	3,5	3,7	4,0	3,8	4,2	5,2	4,7
- газовые, шт.	115	245	79	206	230	160	250	180	213	69	167	81	312
Переработка нефти, млн т													
- первичная	0,3	6,5	3,1	6	0,4	0	2,4	1,9	0,1	2,8	6,8	8,8	10,1
- глубокая	0,30	0,50	3,00	—	3,52	2,80	—	—	—	—	2,00	н.д.	н.д.
Переработка газа, млрд м^3	1,5	2,7	1,0	1,9	1,8	0,8	3,0	—	—	3,2	—	—	—
Магистральные нефтепроводы, км	752	1051	1232	1417	1350	526	606	479	1443	3137	1070	1225	2067
Нефтепродуктопроводы магистральные, км	8	—	—	—	29	53	167	148	97	81	153	1	7
Магистральные газопроводы и отводы от них, км	2039	1238	1539	1633	1488	2228	2157	1661	1927	1929	2013	983	3761
Газовые сети, тыс. км	20,3	21,0	17,3	18,8	17,9	16,8	13,9	17,3	19,9	17,4	14,1	н.д.	н.д.
Хранилища газа подземные, млрд м^3	5,34	0,06	0,9	32,3	5,5	1,58	0,2	0,04	—	—	—	1,3	1,5

Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.
ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/2012/ [2013-06-03].
Статистические обзоры журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

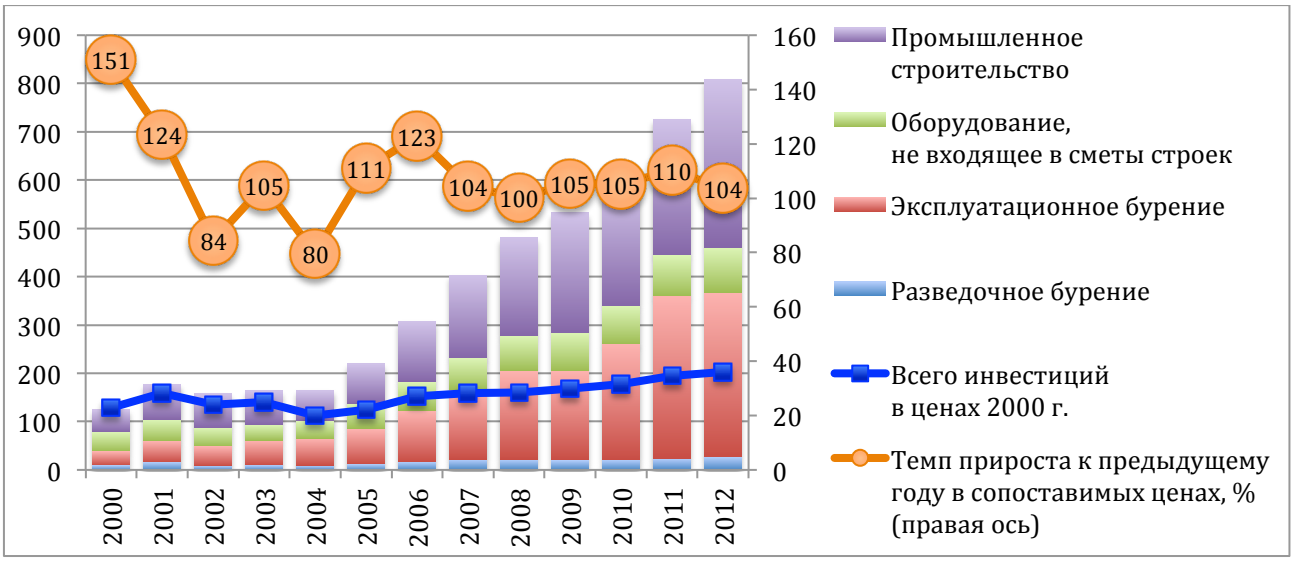
Волне естественно, что величина и динамика ввода производственных мощностей в значительной степени зависит от общей динамики и целевого распределения инвестиций.

Например, для динамики инвестиций в нефтедобывающую отрасль в самом начале 2000-х годов были характерны скачкообразные перепады в темпах прироста. Некоторая стабилизация годовых темпов прироста инвестиций на уровне, близком к 5%, наметилась лишь в 2007—2011 гг. (рис. ИНВ-3).

Если в целом по нефтедобывающей отрасли в 2000-х годах инвестиции увеличились в 1,5 раза, то вложения в эксплуатационное бурение выросли в 3 раза. А наименее щедро российские нефтяные компании тратились на геологоразведку, инвестиции в которую сократились в 1,7 раза (рис. ИНВ-4). Резкий скачок расходов на эксплуатационное бурение произошел в 2010—2011 гг., и при этом замедлился рост инвестиций в промышленное строительство. По сути, это означает, что в последние годы замедлись работы по обустройству новых месторождений и развитию инфраструктуры, т.е. по подготовке «тылов» будущей нефтедобычи.

Рисунок • ИНВ-3

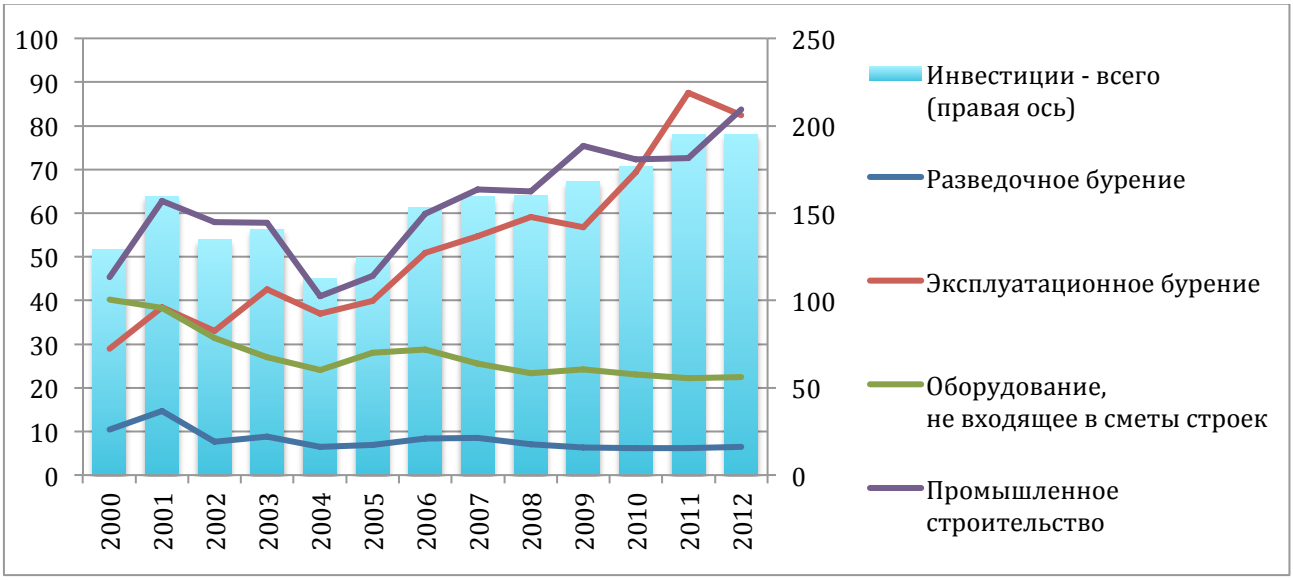
Динамика инвестиций в нефтяной отрасли по направлениям затрат, млрд руб. в сопоставимых ценах 2000 г.

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

Рисунок • ИНВ-4

Динамика инвестиций в нефтяной отрасли по направлениям затрат, млрд руб. в сопоставимых ценах 2000 г.

По данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

В геологоразведке же современные показатели объемов буровых работ не дотягивают даже до уровня 2000—2001 гг., не говоря уже о том, что они примерно в 4,5 раза ниже, чем в конце 1980-х — начале 1990-х. Указанному обстоятельству не приходится удивляться, поскольку затраты на нефтегазовую геологоразведку за счет всех источников финансирования в первой декаде 2000-х годов, по статистике, выросли всего на 14%

при номинальном 4-х кратном росте (с 39 млрд руб. в 2000 г. до 155 млрд руб. в 2010 г.)[84]. Согласно данным ФА «Роснедра», затраты на нефтегазовую геологию в 2011 г. составили 176,9 млрд руб., а в прошлом году они сократились (даже в номинальном исчислении) до 170,8 млрд руб.[85]

При этом существует точка зрения, что отмеченный рост номинальных затрат во многом может иметь «бухгалтерскую природу», поскольку компании-недропользователи в декларируемых затратах на геологоразведку учитывают расходы на приобретение лицензий (через аукционы) на новые месторождения и участки недр, а также платежи геологического характера, поступающие в федеральный бюджет, общая сумма которых составляет в настоящее время 2,4—2,6 млрд долл. в год. При сохранении сложившихся тенденций и пропорций роста затрат, включая расходы компаний на приобретение новых участков недр, суммарные ежегодные затраты на воспроизводство сырьевой базы углеводородов могут достигать 21,8—26,2 млрд долл. в ценах 2008 г., или около 5—6% от ожидаемой выручки против нынешних 1,5%[86]. Иными словами, речь идет о том, что достигнутый к настоящему времени уровень инвестиций в геологоразведку (порядка 170 млрд руб.) составляет не более 1/3 от величины, которая требуется для обеспечения устойчивого развития нефте- и газодобычи.

Наряду с геологоразведкой к числу других «падчериц» в нефтегазовом секторе относятся переработка углеводородов и «неосновная» инфраструктура (ПХГ, продуктопроводы, газораспределительные сети и т.п.).

С вводом новых мощностей в переработке нефти и газа у нас «то густо, то пусто», а точнее говоря — то совсем негусто, то совсем пусто. В первичной переработке еще что-то более или менее прирастает. Например, в нефтяной отрасли — за счет строительства новых НПЗ малой и средней мощности, реконструкции и ввода единичных установок (главным образом — блоков вакуумной перегонки мазута) на действующих крупных заводах. Порадовал лишь 2010 г., когда было завершено строительство нового НПЗ в Татарстане (ОАО «ТАНЕКО») производительностью около 7 млн т по сырой нефти, но это первый новый завод подобного класса в России, построенный за последние 30 лет (в 1981 г. был запущен Ачинский НПЗ) — недаром журналисты «Эксперта» назвали это событие «подвигом».[87] В ноябре 2011 г. было выдано официальное разрешение на ввод НПЗ в эксплуатацию после проведения пуско-наладочных работ и комплексного опробования оборудования.[88]

С глубокой переработкой, которая сегодня как раз и определяет качественные характеристики отрасли, дела обстоят гораздо хуже. Ежегодно вводится в эксплуатацию не более одного технологического комплекса, а в 2006—2009 гг. вообще не было вводов новых мощностей. При таких темпах строительства заявленная модернизация отечественной нефтепереработки может растянуться не многие десятилетия даже без всяких финансово-экономических кризисов.

---

[84] По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do.

[85] ФА «Роснедра» / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do.

[86] Так полагает В.П. Орлов, на протяжении многих лет возглавлявший Комитет по природным ресурсам и охране окружающей среды Федерального Собрания РФ. — См.: Орлов В.П. Реалии и проблемы отечественной геологоразведки // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2008. — № 3.

[87] Лебедев В. Подвиг «Татнефти» // Эксперт. — 2010. — № 43 • URL: http://expert.ru/expert/2010/43/ [2013-06-03].

[88] По данным ОАО «ТАНЕКО» • URL: http://www.nnpz.ru/ru/news/company/index.php [2013-06-03].

Весьма показателен пример модернизации Киришского НПЗ (КИНЕФ) — единственного перерабатывающего предприятия компании «Сургутнефтегаз». Еще до наступления кризиса сроки выполнения реконструкционных работ неоднократно сдвигались, несмотря на то, что у «Сургутнефтегаза» именно переработка представляет собой самое «узкое место». На веб-сайте компании можно найти следующую информацию о проекте модернизации Киришского НПЗ: *«В 2003 году начато строительство комплекса глубокой переработки нефти на базе гидрокрекинга мазута… С пуском этого комплекса глубина переработки нефти достигнет 75%. После завершения строительства гидрокрекинга будет реализован проект каталитического крекинга... Таким образом, к 2011 году глубина переработки нефти достигнет 92—95% и КИНЕФ станет обладать всем необходимым набором технологических процессов для высокоэффективного производства»*.[89]

На деле же сведения о *«первом пусковом этапе комплекса глубокой переработки нефти»* появились лишь в начале 2012 г. При этом говорится, что из выделенных на реализацию проекта 88 млрд руб. на данный момент освоено около 26 млрд.[90] По нынешним планам, строительство комплекса будет завершено к 2015 г., что позволит поднять глубину переработки нефти до 77%. Дальнейшее увеличение глубины переработки до 94—95% (т.е. с вводом в эксплуатацию установок каталитического крекинга) возможно после 2017 г.[91] Но несмотря на черепашьи темпы модернизации и неоднократный перенос сроков реализации проекта, ООО «КИНЕФ» в 2010 г. стало лауреатом Всероссийской премии «Лидеры экономики России» в номинации «Лучшая компания России» и лауреатом конкурса «100 лучших предприятий и организаций России в области инноваций и научных разработок» с награждением дипломом и золотой медалью.[92]

Слишком медленно «расшиваются узкие места» в нефтегазовой инфраструктуре. Данные, приведенные в табл. ИНВ-1, вполне наглядно свидетельствуют о том, что на протяжении всех 2000-х годов система нефтепродуктопроводов практически не развивалась (годовые приросты протяженности менее 1%). Последнее крупное газохранилище было введено в эксплуатацию в 2003 г. Строительство газовых сетей идет по убывающей — при том, что уровень газификации населенных пунктов в России едва превосходит 63%, а в сельской местности — менее 47% (в 2005 г. — соответственно — 54 и 36%).[93]

Однако красивые газпромовские цифры о повышении уровня газификации несколько тускнеют на фоне официальных статистических данных о благоустройстве жилья (табл. ИНВ-2) и состоянии основных фондов в отрасли по распределению газового топлива (табл. ИНВ-3). Оказывается, что процентный показатель газификации растет в основном за счет перевода сел с одного вида газообразного топлива на другой (с сжиженного газа — на сетевой) и сокращения числа населенных пунктов, имеющих городской статус. Количество квартир, газифицированных сетевым газом, за период 1995—2009 годов

---

[89] ОАО «Сургутнефтегаз». — Нефтепереработка: общие сведения • URL: http://www.surgutneftegas.ru/ru/oil/about/ [2013-06-03].

[90] По евростандарту. Киришский НПЗ запускает комплекс глубокой переработки // РГ-Бизнес. — 28 фев. 2012. — № 837 • URL: http://www.rg.ru/2012/02/28/zavod.html [2013-06-03].

[91] «Сургутнефтегаз» готовится к Евро-5 // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 15 фев. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/tek/562949982813955 [2013-06-03].

[92] Лидеры экономики России • URL: http://www.eleaders.ru/premiya/laureats/lkr/l2010/ [2013-06-03]; Годовой отчет ОАО «Сургутнефтегаз» за 2010 год • URL: http://www.surgutneftegas.ru/ru/investors/reports/annual/ [2013-06-03].

[93] По данным «Межрегионгаза» • URL: http://www.mrg.ru/node/16 [2013-06-03].

сократилось на 800 тыс., а число сельских населенных пунктов, впервые получающих газ, приросло менее, чем на 2 тысячи.

Таблица • ИНВ-2

Показатели газификация населенных пунктов в Российской Федерации

Показатель	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Число населенных пунктов, газифицированных сетевым и сжиженным газом (на конец года):							
городов — всего	1577	1511	1516	1533	1168	1052	1062
в т.ч.: сетевым газом	645	677	667	686	592	613	635
сжиженным газом	932	834	849	847	576	439	427
поселков городского типа — всего	2487	1965	2078	2136	1496	1268	1351
в т.ч.: сетевым газом	774	771	778	795	677	699	786
сжиженным газом	1713	1194	1300	1341	819	569	565
сельских населенных пунктов — всего	95470	95955	106736	109465	100476	95445	97334
в т.ч.: сетевым газом	12319	19474	28376	31480	34055	35052	42414
сжиженным газом	83151	76481	78360	77985	66421	60393	54920
Число газифицированных квартир (с начала газификации; на конец года), млн	38,4	37,9	33,3	32,0	27,8	27,8	27,6
в т.ч.: сетевым газом	23,1	26,0	24,5	23,1	21,1	22,1	22,3
сжиженным газом	15,3	11,9	8,8	8,9	6,7	5,7	5,3
Одиночное протяжение уличной газовой сети (на конец года) — всего, тыс. км	202,5	311,2	410,2	427,3	397,5	406,3	439,0

По данным Росстата:

Статистические сборники «Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России» за 2010 и 2002 гг. • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ [2013-06-03].

Таблица • ИНВ-3

Наличие и состояние основных фондов организаций по виду деятельности «Производство и распределение газообразного топлива»

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009
Наличие основных фондов (на конец года; по полной учетной стоимости) — всего, млрд руб.	80,6	95,4	124,8	150,6	181,4
Степень износа основных фондов (на конец года), %	39,1	40,7	44,4	45,7	47,5
Коэффициент обновления (по полной учетной стоимости), %	8,6	9,1	8,8	8,2	8,6
Коэффициент выбытия (по полной учетной стоимости), %	1,0	0,5	0,5	0,9	0,8
Удельный вес полностью изношенных основных фондов, %	7,4	8,9	11,6	13,3	14,3

По данным Росстата:

Статистический сборник «Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России — 2010» • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ [2013-06-03].

Темпы газификации снижаются. Если за пятилетку 1996—2000 гг. протяженность сетей выросла в 1,5 раза, в 2001—2005 гг. — на 32%, то в 2006—2009 гг. — всего на 7%. При замедляющемся строительстве газовых сетей стремительно растет степень износа основных фондов в системе газораспределения: за период времени с 2005 по 2009 г. — в общем на 8,4 процентных пункта (с 39,1 до 47,5%), а доля полностью изношенных фондов почти удвоилась (рост с 7,4 до 14,3%). Т.е. получается, что пока мы вводим в эксплуатацию новые сети, старые приходят в негодность — темп обновления основных фондов ниже 9% в год оказывается явно недостаточным для поддержания всей системы газификации в надлежащем состоянии.

Иными словами, при анализе инвестиционных процессов в российском НГС практически бесспорно выявляется тенденция к усилению экспортно-сырьевого уклона в развитии сектора, подчиненная краткосрочным и среднесрочным приоритетам в ущерб долгосрочным интересам и задачам повышения качества роста.

Технологии «с бородой» или «заграница нам поможет»?

Неудовлетворительная динамика инвестиционного процесса неразрывно связана с технологическими проблемами в развитии НГС. Наиболее остро указанные проблемы проявляются в сфере глубокой переработки углеводородов и при освоении новых сырьевых источников в регионах со сложными горно-геологическими и природно-климатическими условиями — в Восточной Сибири и на арктическим шельфе, — с которыми связываются основные надежды относительно наращивания добычи нефти и газа в будущем.

К великому сожалению, решение проблемы отставания в технологиях добычи и переработки углеводородов за счет собственных НИОКР — дело слишком трудное и долгое, а за счет импорта готовых технологических компонент — слишком затратное. Поэтому в сегменте «upstream» сегодня ставка делается на создание альянсов между российскими госкомпаниями («Роснефтью» и «Газпромом»), которые имеют эксклюзивные права доступа к названным выше источником сырья, и крупнейшими мировыми корпорациями (Exxon, ENI, Statoil, Total и др.). При этом подразумевается, что наряду с обменом долями в добычных проектах отечественные компании получат от зарубежных партнеров доступ и к новым технологиям освоения ресурсов нефти и газа, которыми сейчас не располагают.

Что из этого на самом деле получится: взаимовыгодный альянс равноправных партнеров или мезальянс — неравный брак умудренного опытом «благородного иностранца» и «простой русской невесты» с богатым приданным, т.е. ресурсами нефти и газа в недрах, — покажет будущее.

Однако надежды на равноправное сотрудничество представляются в значительной степени иллюзорными. Чтобы получить реальный доступ к современным технологиям, нужно активно участвовать в их разработке (пусть даже в каком-то сравнительно узком видовом диапазоне) и занимать достойное место в глобальном процессе технологического развития (т.е. в рамках международного разделения труда в сфере НИОКР) или, по крайней мере, стремиться к этому. В формате же реализации совместных проектов мы, скорее всего, получим не доступ к новейшей технологической базе, которой располагают зарубежные партнеры, а всего лишь право пользования отдельными технологиями, необходимыми в соответствующих проектах, с поставкой «под ключ». Право пользования и «доступ к технологиям», о котором мы мечтаем, в данном случае — это далеко не одно и то же.

С точки зрения технологического развития, нас не должен вводить в заблуждение и тот факт, что при реализации совместных добычных проектов российские производители нефтегазового оборудования получают хорошие заказы, в том числе, на новые для себя виды продукции. В качестве примера можно назвать постройку двух полупогружных буровых платформ ледового класса для Штокмана на Выборгском судостроительном заводе, о чем «Газпром» рапортовал чуть ли не как о прорыве в решении проблем технологического обеспечения шельфовых проектов. В действительности же российские судостроители построили лишь металлические основания платформ, которые впоследствии были отправлены «за семь морей» в Южную Корею на верфи Samsung Heavy Industries — зарубежного субподрядчика по проекту — для сооружения всей верхней (технологической) оснастки. А годом позже произошла обратная операция: готовые платформы из Кореи

доставили обратно в Россию. При общей стоимости платформ в 60 млрд руб. более половины составила импортная компонента.[94] Но главное — не в соотношении долей участия в стоимости подряда и не в том, кто является «титулодержателем». Существенно большее значение имеют такие вещи, как неравноценный технологический вклад сторон (с российской — тяжелые металлоконструкции, со стороны зарубежного партнера — сложное оборудование и аппаратура) и формат реализации проекта, который не позволяет отечественным производителям вплотную подойти к овладению передовыми технологиями и опытом.

На примере освоения Штокмановского месторождения нечто подобное можно наблюдать и в отношении технологии производства сжиженного природного газа (СПГ)[95]. Один из зарубежных партнеров по проекту — французская Total — претендует на то, чтобы ее структуры стали генподрядчиком строительства всех трех очередей завода СПГ. При таком развитии событий представляется маловероятным, что Total раскроет нам все свои технологические секреты и ноу-хау в сфере производства СПГ. И кроме того, как полагают эксперты, Штокмановский проект в целом станет дороже примерно на 8—8,5 млрд долл. Сегодня освоение месторождения сдерживается из-за того, что между Правительством РФ и участниками консорциума еще окончательно не согласован вопрос о предоставлении налоговых льгот, равно как у проекта нет и «внятного бизнес-плана». Очевидно, что удорожание стоимости проекта вряд ли будет способствовать решению отмеченных проблем — во всяком случае, к выгоде для российской стороны.[96]

В развитии перерабатывающего сегмента НГС технологическая помощь «заграницы» еще более весома. В настоящее время из полутора десятка основных процессов нефтепереработки в России есть только 5 аналогов с высокой конкурентоспособностью, включая первичную и вакуумную перегонку нефти, каталитический риформинг со стационарным катализатором (устаревший процесс), изомеризацию легких бензиновых фракций, деароматизацию бензинов, коксование остаточного сырья. По 7-ми процессам, среди которых все разновидности гидрокрекинга, каталитический крекинг остаточного сырья (мазута, гудрона), современные виды каталитического риформинга и алкилирования, глубокой гидроочистки смешанного сырья, в России нет собственных разработок, доведенных до промышленного уровня. По остальным процессам (глубокой гидроочистки прямогонного сырья, селективной гидроочистке бензинов крекинга, каталитическому крекингу вакуумного газойля) отечественные технологии характеризуются средней и низкой конкурентоспособностью по сравнению с зарубежными аналогами.[97]

Неслучайно поэтому для модернизации действующих и строительства новых современных НПЗ российские компании вынуждены прибегать к массированному импорту технологий и оборудования (зачастую, это связанные вещи). Например, по заявлениям руководства ООО «КИНЕФ», при строительстве комплекса глубокой переработки нефти

---

[94] Конструктор платформы // Коммерсантъ — Секрет фирмы. — 3 окт. 2011. — №10 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1774064 [2013-06-03].
«Газпром» получил буровые платформы для Штокмана // Коммерсантъ — С-Петербург. — 17 авг. 2011. — №151 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1753186 [2013-06-03].

[95] Первый в России завод СПГ был построен в 2009 г. на Сахалине компанией R.D. Shell в рамках проекта «Сахалин—2».

[96] По материалам информационно-аналитического агентства Oilcapital.ru • URL: http://www.oilcapital.ru.

[97] Отрасли требуется все больше оборудования. Основные направления и тенденции развития технологий и оборудования нефтепереработки в России и мире // Объединенное машиностроение. — 2010. — № 3 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

из-за отсутствия российских аналогов на 70% использовано импортное оборудование.[98] В проекте НПЗ «ТАНЕКО» ведущая роль также принадлежит иностранцам — лицензиарам технологий, производителям оборудования и катализаторов, инжиниринговым фирмам. Руководство проектом и консультирование осуществляют транснациональные корпорации американского происхождения Fluor и Foster Wheeler; среди основных лицензиаров — всемирно известные компании, такие как UOP, Foster Wheeler, Chevron Lummus Global, STRATCO-DuPont, Shell Global Solutions International, Haldor Topsoe, Axsens, Basell, Worley Parsons и др. Российские же компании, отвечающие за технологические решения, представлены весьма скромно — функции генпроектировщика выполняет ОАО «ВНИПИнефть».[99]

Зарубежные участники проектов поставляют ключевые и наиболее дорогостоящие компоненты — лицензированные технологические процессы, катализаторные системы, контрольно-измерительные комплексы, АСУТП и др. Отечественные машиностроители в основном специализируются на поставках крупногабаритного металлоемкого оборудования — колонных аппаратов для ректификации, реакторов, теплообменного и сепарационного оборудования, — а также разнообразного оборудования, имеющего вспомогательное значение. К примеру, в 2009—2012 гг. ОАО «Ижорские заводы» изготовило для Нижегородского НПЗ (НК «ЛУКОЙЛ») два реактора массой около 800 т каждый, ЗАО «Энергомаш — Атоммаш» для НПЗ «ТАНЕКО» поставило колонное оборудования единичной массой до 380 т (длиной до 67 м, диаметром до 7,5 м), ОАО «Уралхиммаш» выиграло тендер на изготовление четырех реакторов гидроочистки (масса каждого — 170 т, высота — 17,6 м, диаметр — 3,6 м) для Саратовского НПЗ.[100] И это далеко не исчерпывающий список поставок крупногабаритного оборудования для нефтепереработки российскими машиностроительными заводами.

Надо полагать, что подобное разделение труда при реализации проектов нефтепереработки в России вполне устраивает зарубежные компании. Что касается нас самих, остается лишь признать: хорошо, что дела обстоят хотя бы так. Бывает и хуже.

---

[98] «Сургутнефтегаз» готовится к Евро-5 // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 15 фев. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/tek/562949982813955 [2013-06-03].

[99] По данным ОАО «ТАНЕКО» • URL: http://www.nnpz.ru/ru/project/ [2013-06-05].

[100] По материалам публикаций в журнале «Объединенное машиностроение» (2010. — №4 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03]) и Группы компаний «Спецтяжавтотранс» • URL: http://www.spectyazh.ru/projects.shtml [2013-06-05].

Технический фундамент отрасли: разрушили то, что имели

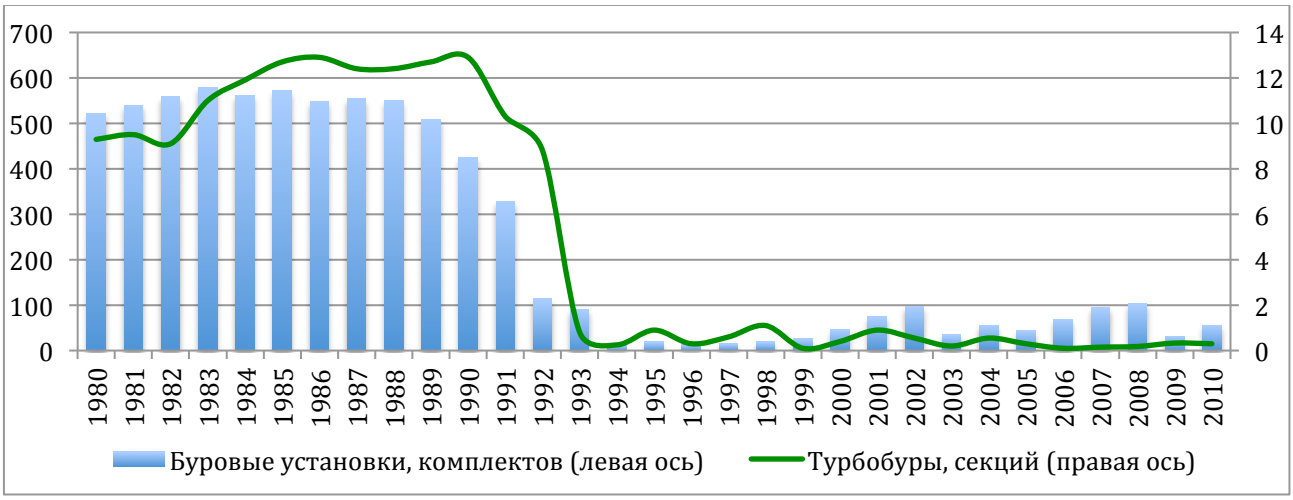
Технологическое отставание российского НГС (равно как и всей нашей экономики) от мирового уровня — далеко не новость, а застарелая хроническая болезнь, доставшаяся в наследство еще с советской поры. С этим можно жить. Гораздо более серьезную опасность представляет собой усиливающаяся зависимость от импорта базовых видов нефтегазового оборудования, с выпуском которого два-три десятилетия назад у нас не было никаких проблем.

Российские буровые устали

Современные объемы выпуска основного бурового оборудования на порядок (!) меньше чем в конце 1980-х годов: 55 комплектов установок для глубокого бурения на нефть и газ против 550 (рис. ТЕХ-1). И это не единичный пример — в период проведения радикальных рыночных реформ кратно сократилось производство многих видов нефтегазового оборудования. Если, в 1980 г. в России было произведено 150 тыс. т специальной нефтеаппаратуры, то в 1995 г. — всего 35,6 тыс. т, а в 2009 г. — 42,3 тыс. т.[101]

Рисунок • ТЕХ-1

Динамика производства бурового оборудования в России в 1980—2010 гг.

Объединенное машиностроение. — 2010. — № 1 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

Показательна судьба «Уралмаша», в советские годы бывшего флагманом отечественного тяжелого машиностроения и основным производителем буровых установок для нефтегазовой отрасли — более 80% нефти в СССР добывалось из скважин, пробуренных с использованием продукции завода.[102] За 65-летнюю историю — с 1945 по 2009 г. —

[101] По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

[102] Отраслевая столица Державы. Биография Екатеринбурга — биография его промышленности // Объединенное машиностроение. — 2010. — № 4 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

«Уралмаш» выпустил более 15 тыс. буровых установок разного класса, из них: 14434 — в 1945—1990 гг. (в среднем ежегодно по 320 комплектов), а за последующее двадцатилетие — всего 569 (среднегодовой выпуск — 29 установок). Был период времени, когда предприятие фактически приостановило выпуск комплектных буровых установок, и лишь в последние 5—7 лет началось восстановление производства.[103]

То, что произошло с отечественным тяжелым (в том числе — нефтегазовым) машиностроением в 1990-е годы трудно назвать иначе как «развалом». Наша экономика фактически лишилась мощной отрасли промышленности, способной не только удовлетворять основные потребности в оборудовании российских нефтяников и газовиков, но и экспортировать значительные объемы продукции. Сегодня Россия вытеснена на периферию мирового нефтегазового машиностроения и занимает долю рынка в 4,3%, а хуже всего обстоят дела в сфере производства бурового оборудования, в которой наш вес составляет 2,6% (табл. ТЕХ-1).

Сокращение производства машин и оборудования было отнюдь несоразмерным спаду в объемах работ, в добыче и в переработке нефти и газа. Например, объемы эксплуатационного и поисково-разведочного бурения в кризисные 1990-е годы снизились примерно в 5 раз, а выпуск бурового оборудования — более чем в 20 раз. Как следствие, возникли серьезные дисбалансы между потребностью в оборудовании и возможностями его производства отечественными машиностроительными предприятиями.

Таблица • ТЕХ-1

Россия на мировом рынке нефтегазового оборудования, млрд долл.

	2008	2009	2010
Объем мирового рынка — всего	118,4	96,2	107,7
- Бурового оборудования	41,5	32,4	37,8
- Оборудования для нефтегазодобычи	42	35,2	36,9
- Оборудования для нефтепереработки	34,9	28,6	33,0
Объем российского рынка — всего	5,0	3,5	4,6
- Бурового оборудования	1,0	0,8	1,0
- Оборудования для нефтегазодобычи	2,4	1,0	1,9
- Оборудования для нефтепереработки	1,6	1,7	1,7
Доля России на мировом рынке, %	4,2	3,6	4,3
- Бурового оборудования	2,4	2,5	2,6
- Оборудования для нефтегазодобычи	5,7	2,7	5,2
- Оборудования для нефтепереработки	4,6	5,9	5,2

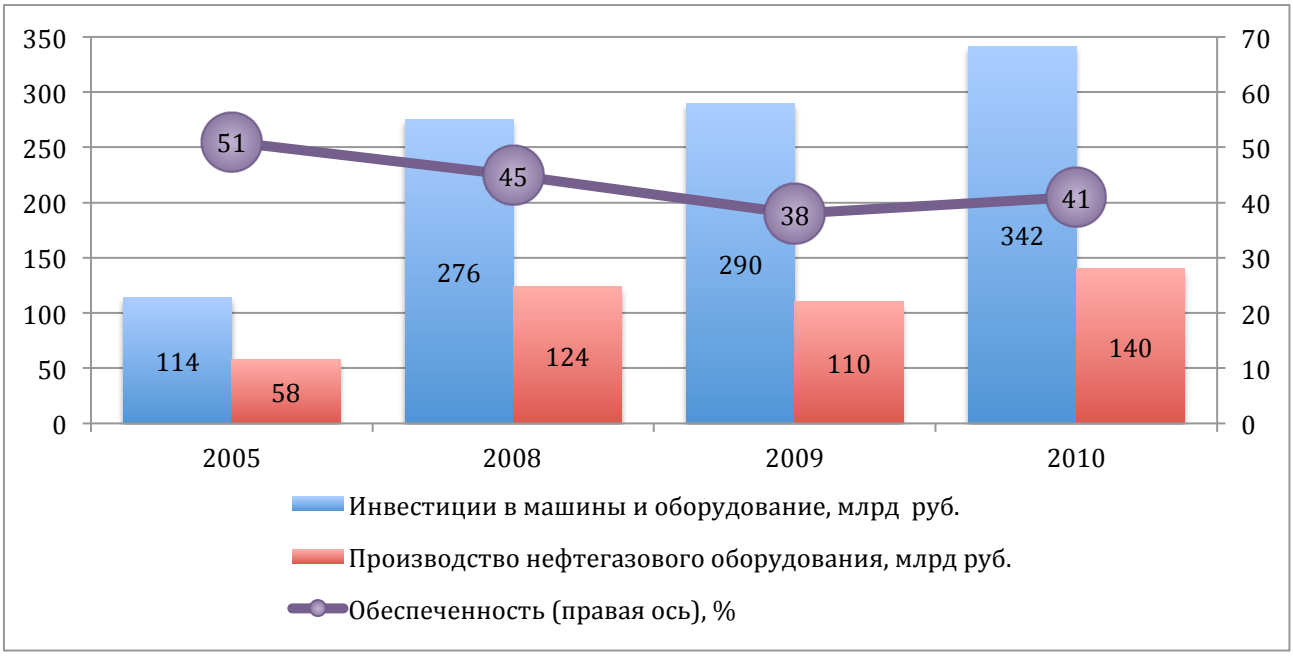
На новой волне развития. Основные тенденции мирового тяжелого машиностроения // Объединенное машиностроение. — 2010. — № 4 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

Если отвлечься от номенклатуры и качества машиностроительной продукции и принять в расчет только стоимостные показатели, выясняется, что в 2010 г. совокупный инвестиционный спрос на машины и оборудование со стороны НГС (включая добычу и переработку нефти и газа) был обеспечен собственным производством примерно на 40%. Причем по сравнению с 2005 г. такой общий уровень обеспеченности снизился на 10 процентных пунктов (рис. ТЕХ-2).

[103] По данным МК «Уралмаш» • URL: http://www.uralmash.ru/.

Рисунок • ТЕХ-2

Изменение общей обеспеченности инвестиционного спроса НГС на машины и оборудование в 2005—2010 гг.

Примечание: оценка автора на основе данных Росстата и журнала «Объединенное машиностроение» (2010, № 4 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03]).

В настоящее время напряженность баланса между спросом и предложением нефтегазового оборудования нарастает вследствие, с одной стороны, увеличения инвестиций и объемов работ в НГС, а с другой, по причине старения и износа наличного парка машин и оборудования в отрасли. Сегодняшнее техническое состояние основных фондов в нефтегазодобыче можно охарактеризовать очень просто: **«российские буровые устали»**.

Так, почти 60% наличных буровых установок имеют возраст свыше 15 лет, а на долю самого возрастного оборудования (старше 20 лет) приходится 35% (рис. ТЕХ-3). Несмотря на то, что в период с 2000 по 2010 г. российским буровым и сервисным компаниям было поставлено более 320 новых установок, удельный вес наиболее возрастной группы в структуре оборудования сегодня в несколько раз выше, чем в конце 1980-х. Из более 1000 имеющихся в стране буровых установок в 2010 г. эксплуатировалось порядка 760 (в 2009 г. — 670). Остальные простаивали в основном по причине неудовлетворительного технического состояния. Только для поддержания парка в работоспособном состоянии в ближайшие два—пять лет российским компаниям потребуется не менее 340 новых буровых установок.[104]

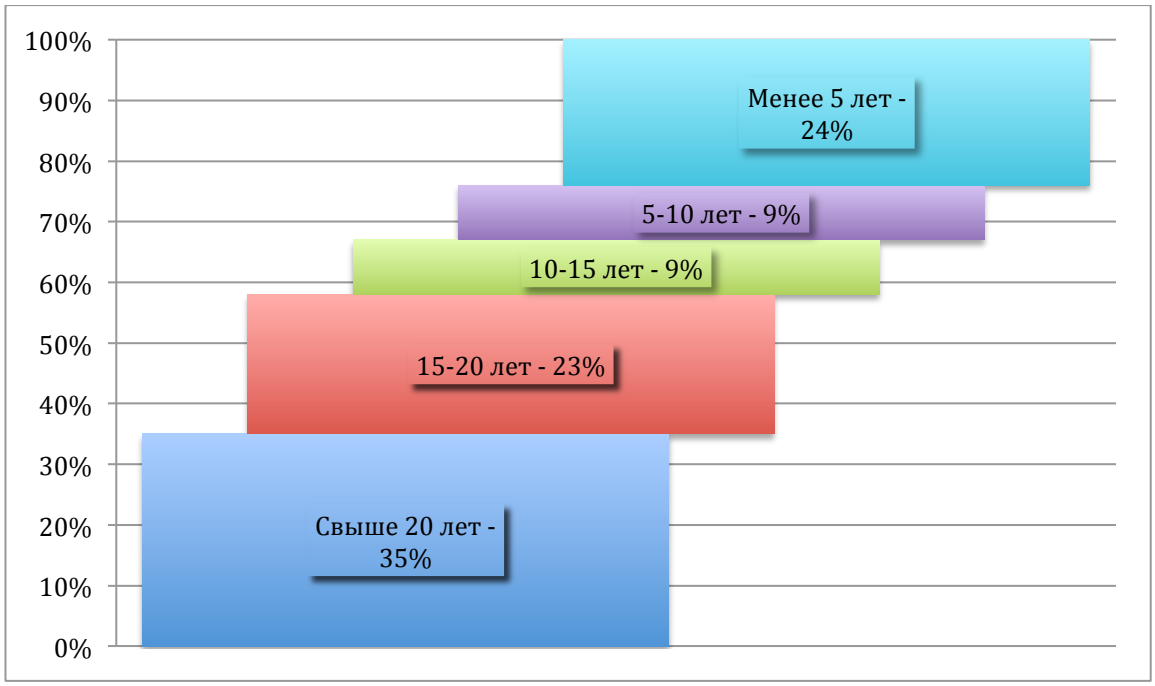
Предполагается, что в 2012 г. рынок нефтесервисного оборудования вырастет на 5%. При этом в ближайшие 5 лет наиболее высокий рост спроса — до 45% и более — придется на буровые установки.[105]

[104] Российский рынок бурового оборудования в надежде на высокие цены // Нефтесервис. — 2011. — № 4 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2011/04/ [2013-06-03].

[105] Лицом к рынку. Российские заводы во главе с «Уралмашем» наращивают производство буровых установок // Нефтесервис. — 2012. — №2 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2012/02/ [2013-06-03].

Рисунок • ТЕХ-3

Возрастная структура российского парка буровых установок в 2010 г.

Российский рынок бурового оборудования в надежде на высокие цены // Нефтесервис. — 2011. — № 4 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2011/04/ [2013-06-03].

Если же учесть общие тенденции роста объемов эксплуатационного и поисково-разведочного бурения, то потребность НГС на среднесрочную перспективу (до 2020 г.) можно оценить примерно в 150—200 установок в год. Причем наиболее востребованными, исходя из условий освоения месторождений, будут буровые установки большой грузоподъемности от 200 до 400 т, выпуск которых российским заводами, по сути дела, еще только осваивается. Па разным оценкам, «Уралмаш» сможет выпускать от 30 до 50—70 комплектов, располагаемый потенциал остальных производителей (Волгоградского и Кунгурского заводов и др.), по-видимому, гораздо скромней.[106]

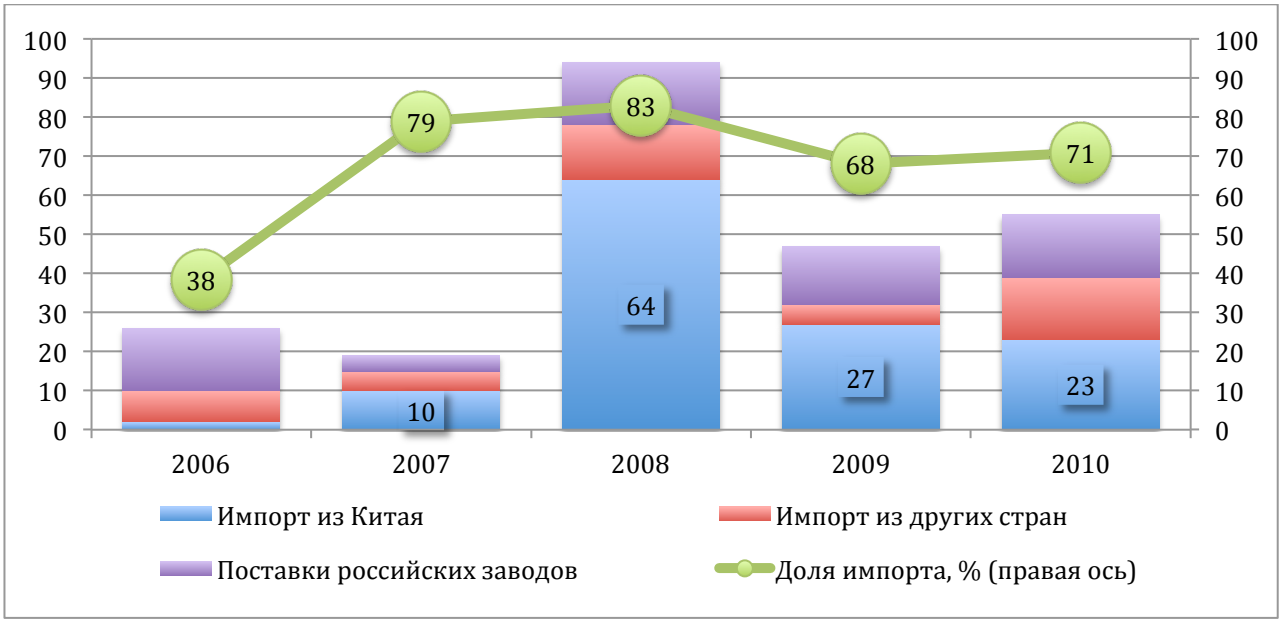
Китай «забуривается» в Россию

«Бреши» со стороны предложения активно закрываются путем импорта. К примеру, доля импорта в поставках бурового оборудования в последние годы достигает 70—80%, а главным зарубежным поставщиком для российских нефтегазовых компаний стал Китай, несмотря на то, что качество буровых установок из Поднебесной ничем не лучше, чем выпускаемых в России (рис. ТЕХ-4).

[106] Российским недрам — российские буровые // Нефтесервис. — 2011. — № 2 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2011/02/45198.html [2013-06-03].
Жук Е. Рост объемов бурения позволит стабилизировать цены на сервис и обновить парк установок // Oil & Gas Eurasia. — 2011. — № 2 • URL: http://www.oilandgaseurasia.ru/ [2013-06-03].
Добрынин С. Буровой порыв ОМЗ // Профиль. — 2010. — № 1 • URL: http://www.profile.ru/items_29572) [2013-06-03].
Рынок бурового оборудования для нефтегазовой отрасли // Сфера НЕФТЕГАЗ. — 2011. — № 1 • URL: http://www.s-ng.ru/magazin/0/publ.php?id=605 [2013-06-03].

Рисунок • ТЕХ-4

Импорт бурового оборудования в 2006—2010 гг., комплектов

Мировой рынок нефтегазового оборудования // Объединенное машиностроение. — 2010. — № 1 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03];

Российский рынок бурового оборудования в надежде на высокие цены // Нефтесервис. — 2011. — № 4 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2011/04/ [2013-06-03].

В настоящее время отечественным производителям трудно соперничать и западными машиностроительными компаниями, поставляющими более качественную продукцию, и с китайским, выигрывающими за счет низких цен. Аналитики квалифицируют китайскую экспансию не иначе, как демпинг — цена буровой техники из Поднебесной в 1,6—2 раза ниже стоимости российских буровых установок. Это достигается путем массированной государственной поддержки (субсидированием экспорта и закупок материалов) и связанным кредитованием (выдачей кредитов китайскими банками под покупку оборудования). Так, в кризисном 2008 г. из КНР в Россию было импортировано более 60 буровых установок, а половину этих поставок обеспечил «ВТБ лизинг», заказавший сразу 30 установок под связанный кредит EXIM Bank of China. Иными словами, российские госструктуры вместо того, чтобы оказывать протекцию отечественным производителям, помогают китайским властям поддерживать свой экспорт в Россию.[107]

Процессы, происходящие в сфере поставок нефтегазового оборудования, не представляют из себя какое-то исключение. Они целиком и полностью укладываются в общую тенденцию стремительного нарастания импорта машиностроительной продукции на фоне не слишком убедительного подъема отечественной отрасли. В 2000-х годах российский импорт машин, оборудования (без автотранспортных средств) и электротехнической продукции в номинальных долларах вырос без малого в 14 раз (с 9,7 до 133,2 млрд долл.), в сопоставимых ценах — почти в 9 раз. Объем выпуска машиностроительной продукции вырос всего в 2,1 раза. Статистика показывает, что сегодня

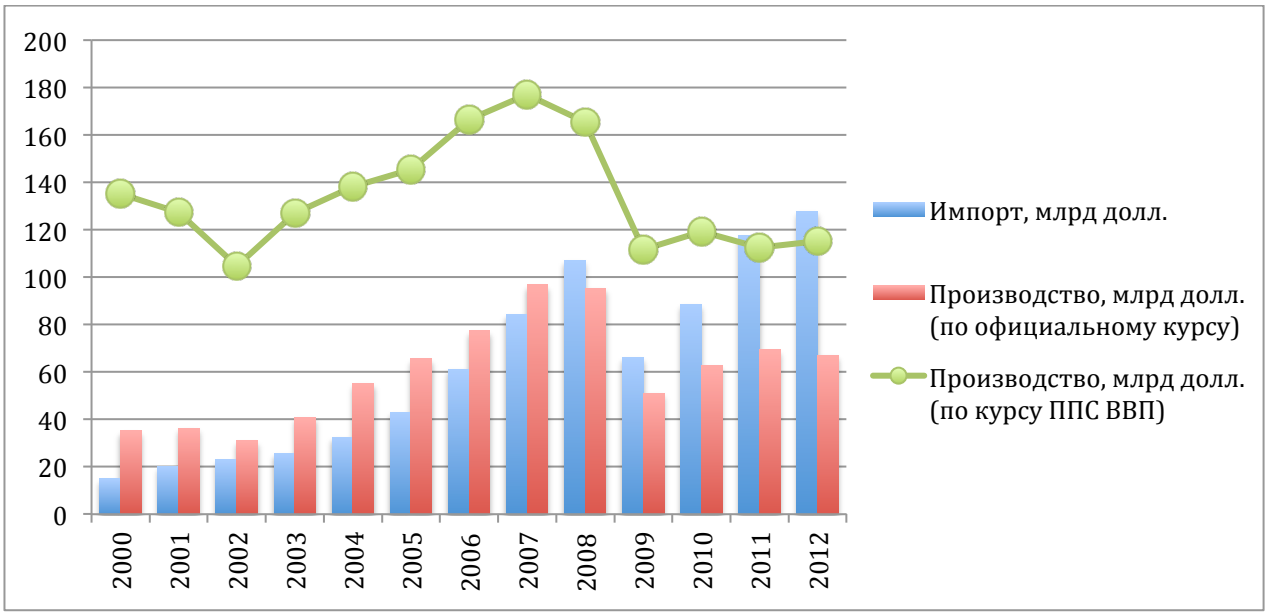
[107] Кондратьев С., Агибалов С. Демпинг торжествует. Почему российские нефтяники предпочитают китайскую буровую технику // Российская газета — Бизнес, 9 авг. 2011 • URL: http://www.rg.ru/2011/08/09/demping.html [2013-06-03].

Российским недрам — российские буровые // Нефтесервис. — 2011. — № 2 • URL: http://www.indpg.ru/nefteservis/2011/02/45198.html [2013-06-03].

мы импортируем машин и оборудования больше, чем производим сами, — даже если сделать долларовую оценку выпуска по курсу валют на основе ППС (рис. ТЕХ-5).

Рисунок • ТЕХ-5

Динамика производства и импорта продукции машиностроения (без автотранспортных средств) в сопоставимых ценах 2010 г.

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; ФТС России • URL: http://www.customs.ru/; Всемирного Банка •URL: http://data.worldbank.org/indicator.

Да и то, что выпускает российское машиностроение, зачастую трудно назвать продукцией собственного производства в полном смысле слова. Например, как установлено Счетной палатой РФ, *«в буровых установках отечественного производства импортное оборудование содержится практически во всех комплектующих, за исключением металлопродукции, и составляет до 45% стоимости всей буровой установки»*.[108] И это не исключение, а скорее — правило. И ладно бы речь шла об импортных комплектующих высокого качества, которые мы не умеем делать сами и которые используются для выпуска сложных видов оборудования, современных типов буровых установок. Уже упоминавшийся выше «ВТБ Лизинг» и китайская компания Honghua Holdings Ltd. подписали меморандум о сотрудничестве с «Уралвагонзаводом» по созданию совместного предприятия по сборке буровых установок. СП будет обладать эксклюзивным правом на производство, импорт и продажу в России бурового оборудования под маркой Honghua. Т.е. под «соусом» создания «производства в России», будет импортироваться заурядное китайское оборудование — только не целиком, а в разобранном виде.[109] Невольно возникает вопрос: а как же быть с отечественными разработками — того же «Уралмаша», например?

[108] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка потребностей организаций, находящихся в юрисдикции Российской Федерации, в поставках техники и приобретении технологий и степени удовлетворения указанной потребности имеющимися объемами и качеством поставок техники и технологий» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. — 2011. — № 6 • URL: http://www.ach.gov.ru/ru/bulletin/599/ [2013-06-03].

[109] По информации Союза производителей нефтегазового оборудования • URL: http://www.derrick.ru.

Модернизация против импорта.
Государство и бизнес: «за» или «против» модернизации?

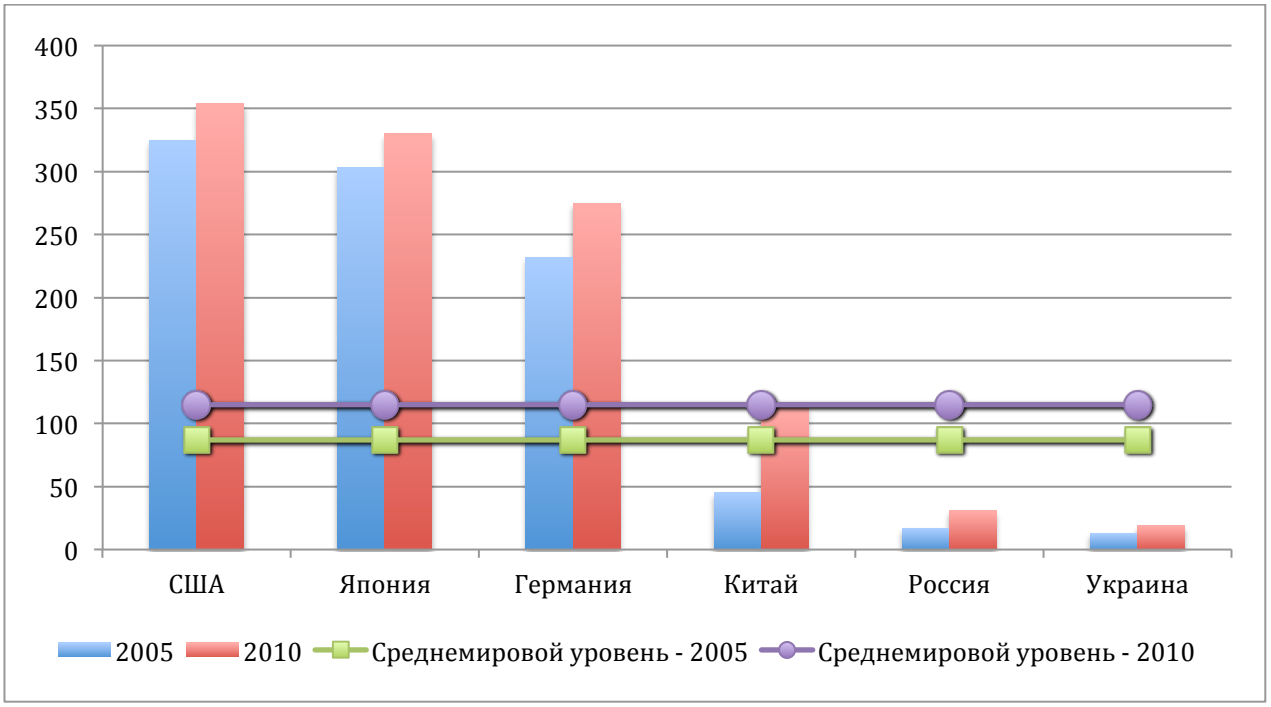
Российскому нефтегазовому машиностроению требуется не просто расширение производственных мощностей для увеличения выпуска продукции, но основательная, если не сказать больше, модернизация, имеющая целью повышение конкурентоспособности во всех ее аспектах.

Предприятия отрасли морально и физически устарели, и это негативным образом отражается не только на качестве продукции, но и на издержках производства.

Производительность труда в российском тяжелом машиностроении, к которому относятся и многие предприятия по выпуску нефтегазового оборудования, сегодня в 3,7 раза ниже среднемирового уровня и показателя нашего главного конкурента — Китая. От уровня лидеров — США и Японии — мы отстаем более, чем в 10 раз (рис. ТЕХ-6). При этом численность занятых в отрасли за 2000-е годы сократилась в 1,4 раза (с 243 тыс. чел. в 2000 г. до 175 — в 2010 г.), тогда как в китайском тяжелом машиностроении она выросла в 2,4 раза, достигнув поистине фантастической отметки в 1,9 млн человек.[110] Только представьте, каков потенциал китайской промышленности, если работников занято в 10 раз больше и каждый из них производит почти в 4 раза больше, чем у нас!

Рисунок • ТЕХ-6

Производительность труда в тяжелом машиностроении, тыс. долл./чел., в 2005—2010 гг.

Модернизация человеческого капитала // Объединенное машиностроение. — 2012. — № 1 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

[110] Модернизация человеческого капитала // Объединенное машиностроение. — 2012. — № 1 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

И снова нужно подчеркнуть, что отмеченная ситуация не является уникальной, а лишь отражает общую картину, складывающуюся в машиностроении. Если верить статистике ООН, то производительность труда в российском машиностроении составляет 32 тыс. долл./чел. (данные за 2009 г.); для сравнения: в китайском — 98,2 тыс. долл.; итальянском и германском — 278—288; в американском — 366; в южнокорейском — 388 (в 2008 г.), в японском — 400 тыс. долл. (2007 г.). При этом каждый американский рабочий, занятый в производстве машин и оборудования для горнодобывающей промышленности и строительства, за год выпускает продукции на 457 тыс. долл. Это не просто намного больше, чем в других странах мира (в России — 24 тыс. долл.; в Корее — 46; в Японии — 66; в Китае — 112; в Италии — 222; в Германии — 315 тыс. долл.)[111], это отражает качественное лидерство США на рынке специального горнодобывающего оборудования.

Что же касается российского машиностроения, то естественным образом возникает вопрос, что требуется для проведения модернизации? Требуется реальная и тщательно продуманная (а не декларативная и спонтанная) поддержка государства и действительная заинтересованность потребителей, т.е. нефтегазовых и нефтесервисных компаний.

Государству следует уяснить, что поднять «лежащий» обрабатывающий сектор экономики, включая все отрасли и подотрасли машиностроения, в рамках чисто рыночных механизмов регулирования — «создания условий» и «посыла сигналов» — в современном мире попросту невозможно. Дальнейшие «игры в рынок», которыми наше государство занимается уже на протяжении двух десятков лет, могут оказаться губительными — зарубежные конкуренты нас просто задавят.

Российскому нефтегазовому машиностроению нужна **массированная** и **прагматичная государственная протекция**, нужен четкий осмысленный план действий по модернизации и развитию. Словом, нужно повнимательнее приглядеться к опыту нашего великого восточного соседа, а равно как и ряда других азиатских стран — Южной Кореи, Японии — и постараться из этого извлечь пользу для себя, не копируя напрямую чью-то модель и не пытаясь склеить фрагменты разных моделей. Нужно заимствовать и приживлять на нашей почве принципы построения успешных моделей экономического роста, а не сами эти модели.

Отечественный нефтегазовый бизнес сегодня, как и в прошлые годы, в основном привержен краткосрочным, сиюминутным выгодам в ущерб решению задач, связанных с построением фундамента для устойчивого долговременного развития и роста. Во всяком случае, если речь идет о частях этого фундамента, находящихся в России. Компании НГС, в том числе крупнейшие, не испытывают особого желания возиться с машиностроением и отраслевым сервисом, но полагаться только на то, что «спрос родит предложение», весьма опрометчиво. И уж тем более недальновидной выглядит ставка на импорт оборудования, поскольку рано или поздно зарубежные поставщики начнут диктовать нам свои условия.

Впрочем, менталитет российского бизнеса, вероятно, одинаков независимо от сферы деятельности — будь то добыча нефти и газа или машиностроение. Это менталитет разборчивой невесты, жаждущей выйти замуж за генерала и забывающей простую истину: чтобы стать женой генерала, нужно выйти замуж за лейтенанта.[112] Стремление к получению быстрых выгод доминирует у всех, и все не прочь воспользоваться своим монопольным положением, если таковое имеет место, в ущерб конечным результатам. На самом же деле требуется совместная кропотливая работа и постоянное согласование интересов.

Иначе мы и дальше будем безнадежно проигрывать зарубежным конкурентам в темпах модернизации нефтегазового машиностроения. В частности, как мы собираемся

---

[111] Статистические ресурсы системы ООН / Undata • URL: http://data.un.org/.

[112] Вспоминается оскароносный фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит».

противостоять китайской экспансии, если в настоящее время Китай инвестирует в машиностроение многократно больше, чем Россия? Подавляющее превосходство Поднебесной имеет место и по абсолютным, и по относительным показателям инвестиционной активности в машиностроении, в том числе — в расчете на единицу выпускаемой продукции (табл. ТЕХ-2).

Таблица • ТЕХ-2

Показатели инвестиционной активности в машиностроении России и Китая

	Россия (2010 г.)	**Китай (2009 г.)**
Инвестиции в машиностроение, млрд долл.	2,04	110,9
- в том числе в специальное машиностроение	0,35	45,5
Доля в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	0,75	3,9
- в том числе инвестиций в специальное машиностроение	0,11	1,6
Выпуск продукции машиностроения, млрд долл.	30,92	560,6
- в том числе в специального машиностроения	4,61	275,4
Инвестиции в расчете на единицу выпуска, долл./долл.	0,07	0,20
- в том числе в специальное	0,08	0,17

Примечания: 1) данные приведены без учета подотраслей по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования; 2) данные по специальному машиностроению для России включают только показатели производства оборудования для нефтегазовой промышленности.

Источники:

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Национального бюро статистики Китая • URL: http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/; Статистических ресурсов системы ООН / Undata • URL: http://data.un.org/.

На новой волне развития. Основные тенденции мирового тяжелого машиностроения // Объединенное машиностроение. — 2010. — № 4 • URL: http://www.promweekly.ru/om.php [2013-06-03].

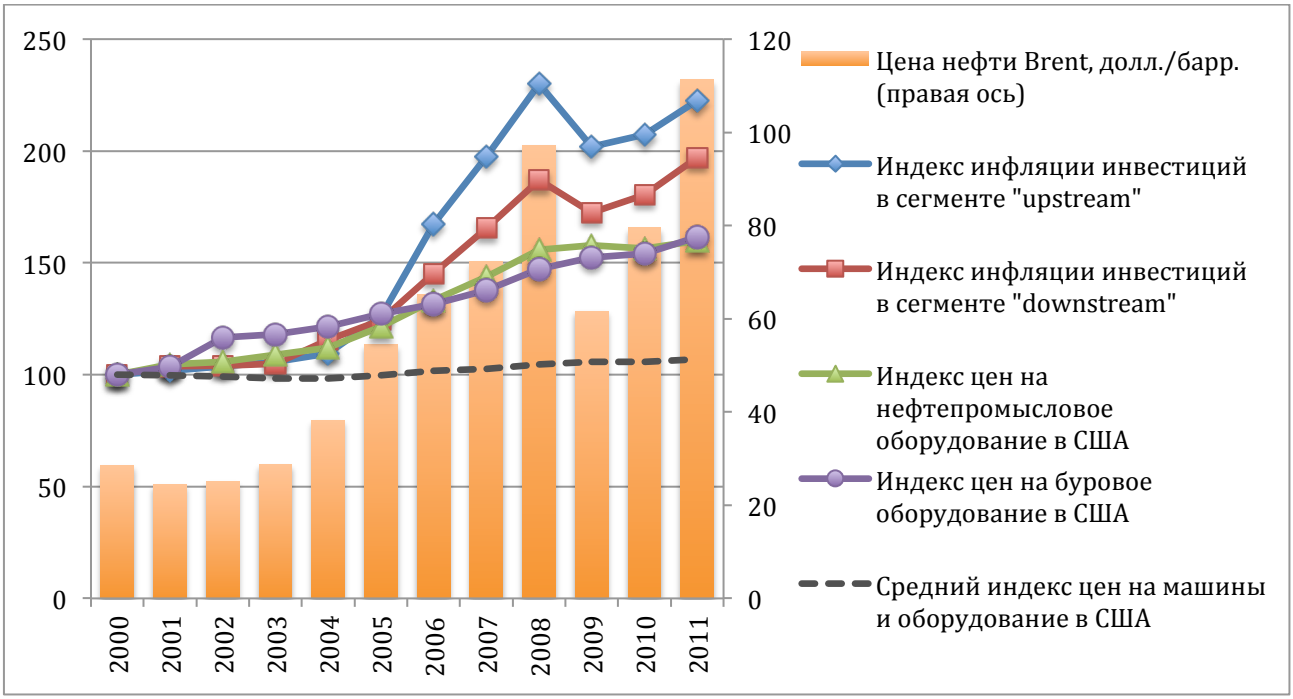
При этом, по меркам российского НГС, современные инвестиции в специализированное машиностроение, что «капля в море»: 11—15 млрд руб. против 1,3—1,6 трлн руб. капитальных вложений в добычу и переработку углеводородов (в 2010—2011 гг.). О каких мультипликативных эффектах, о каком преодолении сырьевого уклона и о какой модернизации экономики вообще может идти речь, если на один рубль инвестиций в НГС приходится всего одна копейка инвестиций в производство машин и оборудования?

Вернее, мультипликативные эффекты от добычи нефти и газа в России есть, но только не в отечественной экономике, а в китайской, американской и других стран. Мы щедро делимся эффектами с «заграницей» в том числе и по причине эскалации цен на импортируемое нефтегазовое оборудование, происходящей в условиях быстрого роста мировых цен на саму нефть и другие энергоносители, начиная с 2003 г. По данным IHS CERA, в 2000-х годах удорожание инвестиций в сегменте добычи углеводородов (upstream) составило 122%, а в сегменте переработки (downstream) — 97%. Эти цифры коррелируются с показателями индекса цен на нефтепромысловое и буровое оборудование, производимое

в США, составляющего 60% (при том, что за 11 лет американские цены на продукцию машиностроения в среднем выросли всего на 7%) — рис. ТЕХ-7.

Рисунок • ТЕХ-7

Индексы инфляции инвестиций в мировом НГС и цен на американское нефтегазовое оборудование в 2000—2011 гг., % (2000 г. = 100)

Costs of Building and Operating Upstream Oil and Gas Facilities Continue to Rise // IHS CERA — 2.07.2012; Refinery and Petrochemical Construction Costs Reach New High Rise // IHS CERA — 3.06.2011 • URL: http://www.ihs.com/products/energy-capital-costs-analysis/index.aspx [2013-06-03].

Информ. сервер *Economagic.com: Economic Time Series Page* • URL: http://www.economagic.com/report/.

Иными словами, чем дороже нефть и чем выше потенциальные выгоды от ее добычи и переработки, тем — при прочих равных условиях — дороже сто́ит и новое оборудование, производимое для нефтегазовой промышленности. А в равной степени повышается и ценность (цена) работ, выполняемых при сооружении добычных и перерабатывающих объектов. В результате же мы несем двойные потери: во-первых, вследствие роста издержек в НГС (за счет импорта постоянно дорожающего оборудования); а во-вторых, по причине упущенной выгоды в отечественном машиностроении из-за дефицита и низкого качества производственных мощностей.

А запасы-то — «липовые»?

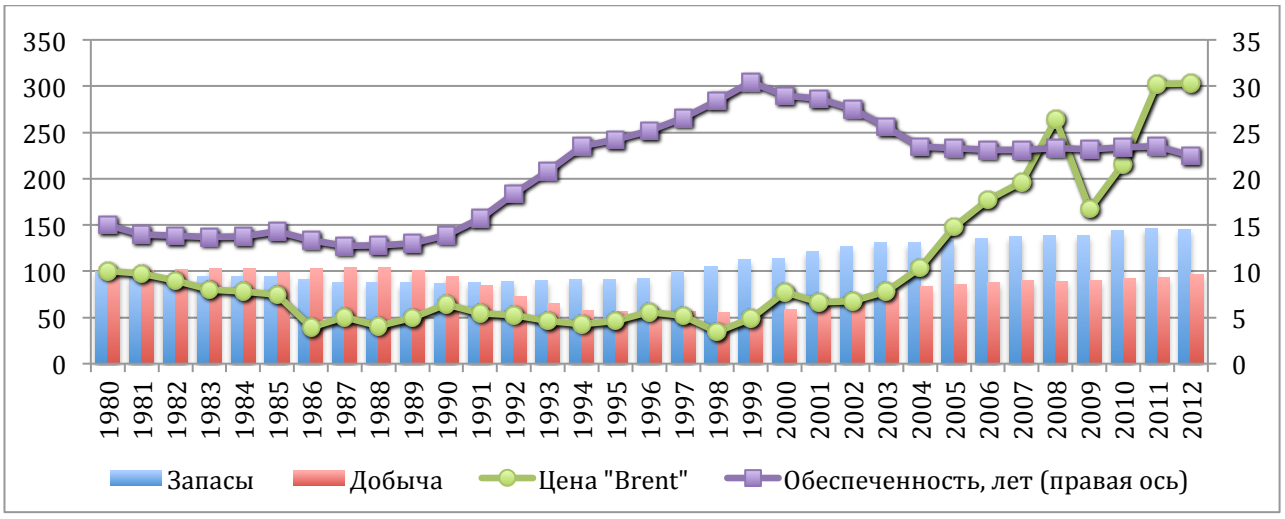
Технологическая уязвимость отечественного НГС на протяжении длительного времени компенсировалась благоприятными свойствами ресурсно-сырьевой базы. Наличие довольно большого числа крупных и высокопродуктивных месторождений позволяло добывать углеводороды с приемлемым уровнем издержек даже при использовании относительно простых и несовершенных технологий. Однако в последние годы действие природного компенсирующего фактора значительно ослабло вследствие истощения сырьевой базы и, как следствие, ухудшения качества ресурсов и запасов нефти и газа. Собственно говоря, несовершенство массово применяемых технологий и проявляется в таких условиях, когда ухудшается качество сырьевой базы.

Разведанные запасы нефти подвергаются уценке

В первые годы нынешнего столетия на фоне быстрого роста добычи нефти в России заметно снизился показатель обеспеченности текущей добычи достоверными (по международным стандартам) запасами — с 30,4 до 22,5 лет, — что для нас является отнюдь не обнадеживающим признаком. Благодаря тому, что в минувшие несколько лет объемы подготовки геологических запасов с лихвой компенсировали выбытие в процессе добычи, уровень обеспеченности зафиксировался почти неизменным. Вместе с тем нельзя не видеть, что современный уровень обеспеченности добычи запасами зависит не только и не столько от геологических факторов, сколько от цен на нефть (рис. ЗАП-1).

Рисунок • ЗАП-1

Динамика основных факторов, определяющих уровень обеспеченности добычи нефти в России достоверными запасами в 1980—2012 гг., % (1980 г. = 100)

Источник: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com.

Несложный статистический анализ на примере ретроспективных рядов для периода 1980—1990 годов, характеризующихся относительно стабильной динамикой добычи, выявляет почти одинаковую корреляцию обеспеченности текущей добычи запасами и с ценами на нефть (0,81), и с величиной геологических запасов (0,83). Если бы сегодня

мировая цена нефти находилась на отметке 25 долл./барр. (как в среднем в 1980-е годы), то при прочих равных условиях мы бы имели обеспеченность добычи запасами порядка 11—12 лет, т.е. почти вдвое ниже фактической для периода 2005—2012 гг. Следует оговориться, что равенство условий соблюсти практически невозможно, и при гипотетической цене в 25 долл./барр. вероятные объемы годовой добычи нефти в лучшем случае могли бы составить не более 400 млн т, что привело бы к повышению уровня обеспеченности до 14—15 лет, или как в 1980-х годах. С той лишь разницей, что сегодня у нас уже нет новых «самотлоров» и «лянторов», а старые уже основательно «выдохлись».

Для адекватной оценки состояния ресурсно-сырьевой базы определенную проблему представляет несовершенство действующей в России классификации запасов, которая в основном ориентируется на технико-геологические признаки и не учитывает экономические факторы. В результате появляется характерная двойственность представлений о располагаемых запасах нефти и газа: с одной стороны, в соответствии с российскими стандартами (в терминах промышленных запасов), а с другой стороны — с международными (в терминах достоверных запасов).

При этом выясняется, что по состоянию на начало 2010 г. более половины промышленных запасов, находящихся на балансе основных российских производителей нефти, не подтверждаются международным аудитом (табл. ЗАП-1). Т.е. это фактически «липовые» запасы, нерентабельные для освоения при ценах на нефть в 80 долл./барр. Знание об этих запасах ничего нам не дает для наращивания объемов добычи. Среди крупнейших российских компаний только у одной — «Татнефти» — международный аудит прирастил наличные «категорийные» запасы почти на 5%. У «Газпром нефти» и «Башнефти» произошла небольшая «уценка», соответственно, на 14 и 17%. Наибольшая доля «неликвидных» запасов — у ТНК-ВР (71%) и «Роснефти» (66%).

Таблица • ЗАП-1

Сравнение величины запасов нефти в России по состоянию на 01.01.2010 г. согласно международным и российским стандартам

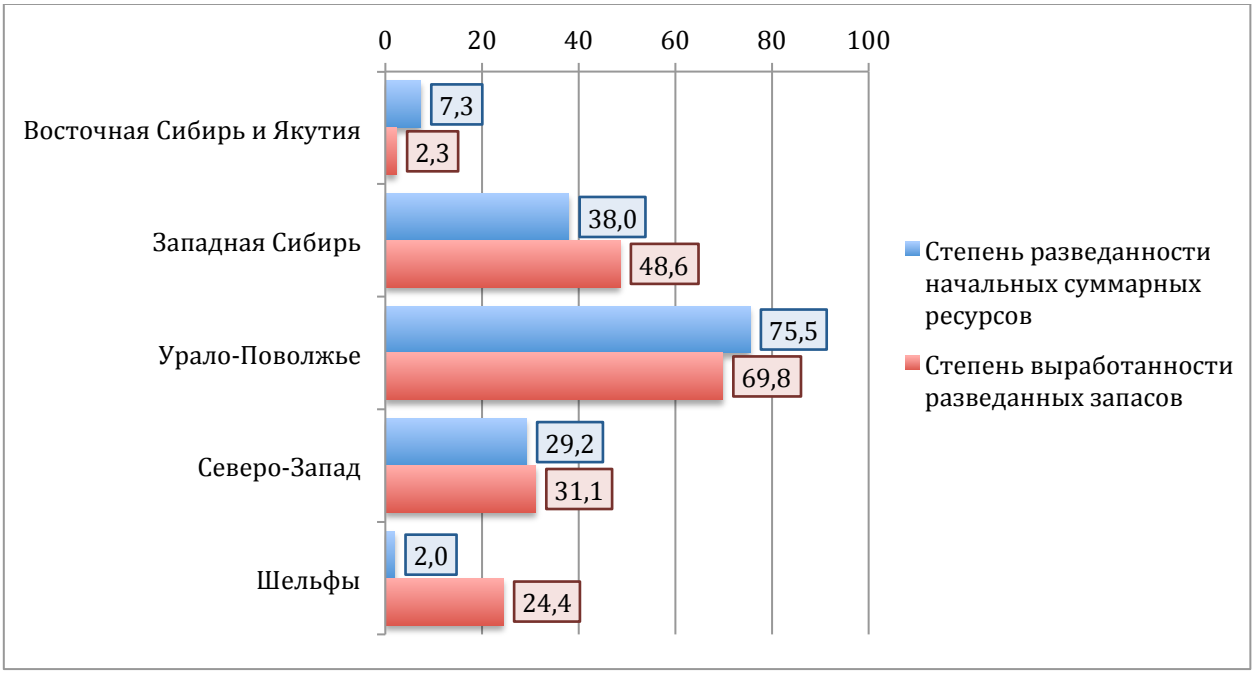
	Международный аудит запасов, млрд т	**Запасы категорий $АВС_1+С_2$, млрд т**	**«Списание» запасов по аудиту, %**
Мир, всего	181,7		
Россия, всего	10,2	22,0	53,8
в т.ч. по крупнейшим нефтяным компаниям:			
Роснефть	1,9	5,7	66,4
ЛУКОЙЛ	1,9	3,8	51,0
ТНК-ВР	1,2	4,1	71,4
Газпром нефть	1,0	1,1	14,4
Сургутнефтегаз	0,9	1,6	42,9
Татнефть	0,9	0,8	-4,9
Славнефть	0,4	1,2	65,5
Башнефть	0,3	0,4	17,1
РуссНефть	0,2	0,5	66,0
Итого по ВИНК	8,5	19,1	55,4

Минэнерго РФ — Доклад министра по вопросу Генеральной схемы развития нефтяной отрасли на период до 2020 года, 28.10.2010 • URL: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/5548.html [2013-06-01].

На основании сравнения, приведенного в табл. ЗАП-1, можно в целом сделать вывод, что наиболее адекватны международным стандартам запасы компаний, работающих преимущественно в регионах с высокой геологической изученностью (пример «Татнефти» и «Башнефти» в Урало-Поволжье). Но эти же регионы характеризуются и наибольшей степенью исчерпания ресурсов и запасов нефти (рис. ЗАП-2).

Рисунок • ЗАП-2

Степень разведанности начальных ресурсов и степень выработанности разведанных запасов нефти в основных нефтегазовых регионах России, по состоянию на 1.01.2011 г., %

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02].

Только треть из всех запасов на территории России относятся к активным запасам. Остальная часть является трудноизвлекаемой, то есть расположена в низкопроницаемых коллекторах, пластах малой толщины, высоковязкой и т.д. Около 17% всех разведанных запасов приходятся на тяжелую нефть. Тенденция ухудшения структуры разведанных запасов наблюдается давно. Трудноизвлекаемая нефть практически не добывается, компании отбирают преимущественно легкую нефть из-за более высокой рентабельности.

Проблемные приоритеты

В настоящее время приоритетными для освоения являются восточные регионы страны (Восточная Сибирь, Якутия), а также шельфы арктических и дальневосточных морей — нефтегазоносные бассейны с наиболее низкой степенью геологической изученности и выработанности разведанных запасов. Вектор развития российской нефтяной промышленности смещается на северо-восток, который в среднесрочной и долгосрочной перспективе должен дать основной прирост добычи. И для этого есть потенциальные возможности, поскольку на долю приоритетных регионов приходится в общей сложности почти треть прогнозных и перспективных ресурсов российской нефти (табл. ЗАП-2).

Таблица • ЗАП-2

Распределение прогнозных и перспективных ресурсов нефти по основным нефтегазовым регионам России, по состоянию на 1.01.2011 г., %

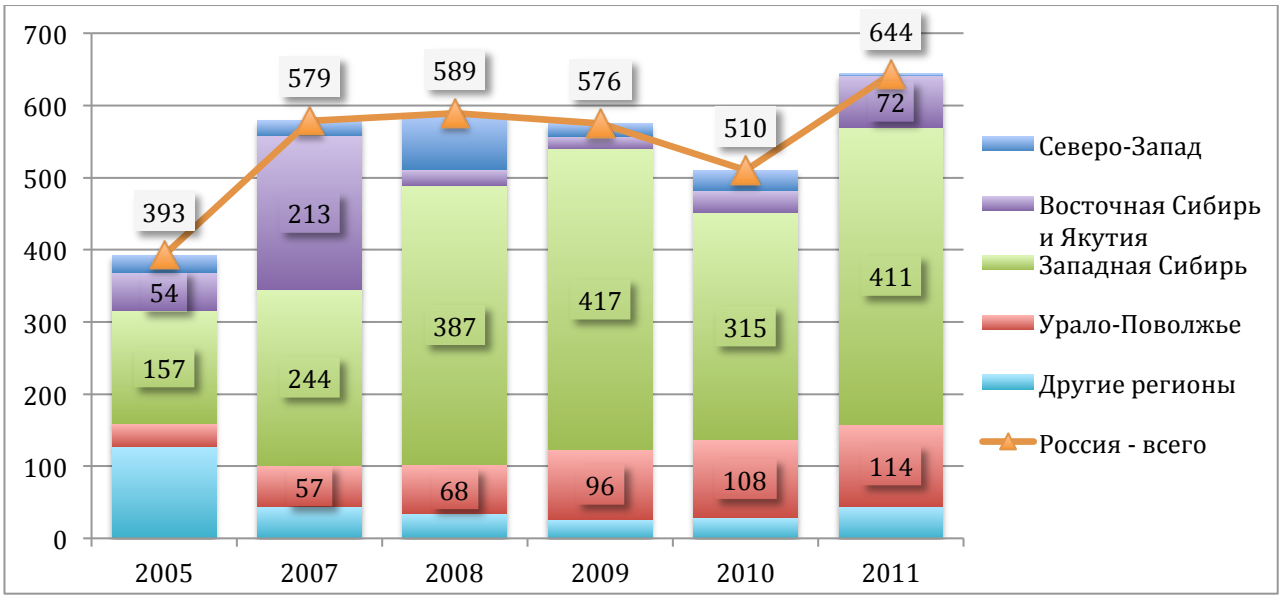
	Ресурсы нефти		
	Прогнозные (D)	**Перспективные (C_3)**	**Всего**
Восточная Сибирь и Якутия	18,4	14,3	17,5
Западная Сибирь	53,8	47,1	52,3
Урало-Поволжье	3,3	11,3	5,0
Северо-Запад	6,1	12,8	7,6
Шельфы	15,7	3,8	13,1
Прочие	2,8	10,7	4,6

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02].

Однако, как ни странно, на протяжении всех 2000-х годов в приоритетных регионах практически нет новых открытий, а примерно 50% прироста разведанных запасов нефти в стране приходится на Западную Сибирь, где добыча уже начала падать (рис. ЗАП-3). Конечно, в подавляющем большинстве своем это запасы далеко не лучшего качества (мелкие месторождения, сложнопостроенные залежи), но они есть — в отличие от Восточной Сибири.

Рисунок • ЗАП-3

Распределение приростов запасов нефти по основным нефтегазовым регионам России, млрд т

Госдоклады МПР РФ за 2007—2010 гг. • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=75 [2013-06-02].

Варламов А.И. и др. Итоги геолого-разведочных работ на нефть и газ, выполненных на территории России и ее континентальном шельфе в 2011 г. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2012. — № 3 • URL: http://www.geoinform.ru/?an=mrr1203 [2013-06-02].

Спрашивается, как мы собираемся наращивать добычу нефти на востоке, не выявляя новые месторождения и не готовя в должном объеме запасы, пригодные для промышленной эксплуатации? Ведь сегодня добыча нефти в Восточной Сибири фактически держится на той

ресурсно-сырьевой базе, которая была заложена еще в советские годы. Из числа новых значимых открытий «нашего» времени можно назвать, пожалуй, лишь месторождение им. Савостьянова в Иркутской области, открытое «Роснефтью» в 2009 г., с запасами нефти по категориям C_1+C_2 почти 200 млн т.[113]

В Восточной Сибири, также как и в целом по стране, прирост запасов жидких углеводородов в последние годы происходит за счет доразведки существующих, а не открытия новых месторождений. В эпицентре внимания остаются так называемые «базовые» месторождения: Юрубчено-Тохомское, Куюмбинское, Верхнечонское, Талаканское. Открытие новых откладывается на будущее?

Нужно напомнить, что в 2005 г. МПР РФ своим приказом утвердило специальную Программу геологического изучения и предоставления в пользование месторождений углеводородного сырья Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия), в которой были обоснованы основные показатели процесса подготовки запасов, добычи и транспортировки нефти и газа, эффективность различных сценариев этого процесса, а также программа лицензирования недр на период до 2020 г. В качестве ожидаемых конечных результатов названы:

- опережающее воспроизводство минерально-сырьевой базы углеводородов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия);
- обеспечение годовых объемов добычи нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) на уровне 56 млн т к 2020 г. и до 80 млн т к 2025 г., природного газа — 86—88 млрд $м^3$ к 2020 г.

В соответствии с принятой Программой, планируемый прирост запасов нефти категории C_1 к 2020 г. должен составить около 1795 млн т, в том числе за счет запасов категории C_2 базовых месторождений и их «спутников» — 442 млн т, прирост ресурсов категорий C_3+$Д_1$ — 1353 млн т. За пределами 2020 г. прирост запасов нефти промышленных категорий будет осуществляться в основном за счет ресурсов категорий C_3 и $Д_1$. К 2030 г. общий прирост запасов нефти промышленных категорий составит около 2100 млн т.[114]

В 2007 г. специалисты ФГУП «СНИИГГиМС»[115] опубликовали промежуточные итоги выполнения Программы, согласно которым за 2005—2007 гг. на проведение геологоразведочных работ в регионе фактически было израсходовано 14,6 млрд руб. (33,8 % от предусмотренного Программой объема финансирования), при этом средства федерального бюджета составили 3,8 млрд руб. (95,5% от плана), недропользователей — 10,7 млрд руб. (27,5%). Т.е. планы бюджетного финансирования и выполнения работ за счет средств бюджета в основном выполнялись, но имело место значительное недовыполнение объемов, запланированных к реализации за счет средств нефтегазовых компаний, владеющих лицензиями на разведку и разработку участков восточносибирских недр.

В результате выполнения геологоразведочных работ компаниями были открыты новые месторождения углеводородного сырья и получены приросты запасов нефти и газа промышленных категорий. Но общий прирост запасов нефти категории C_1 составил за 2 года

---

[113] НК «Роснефть». — Геологоразведка / лицензионные участки в Иркутской области и Эвенкии • URL: http://www.rosneft.ru/Upstream/Exploration/easternsiberia/evenkia/)[2013-06-06].

[114] Варламов А.И., Герт А.А., Ефимов А.С., Супрунчик Н.А., Старосельцев К.В. Ход реализации программы геологического изучения и предоставления в пользование месторождений углеводородного сырья Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2007. — № 5.

[115] Ведущая научно-исследовательская организация МПР, занимающаяся геологическим изучением Восточной Сибири и Якутии • URL: http://www.sniiggims.ru/.

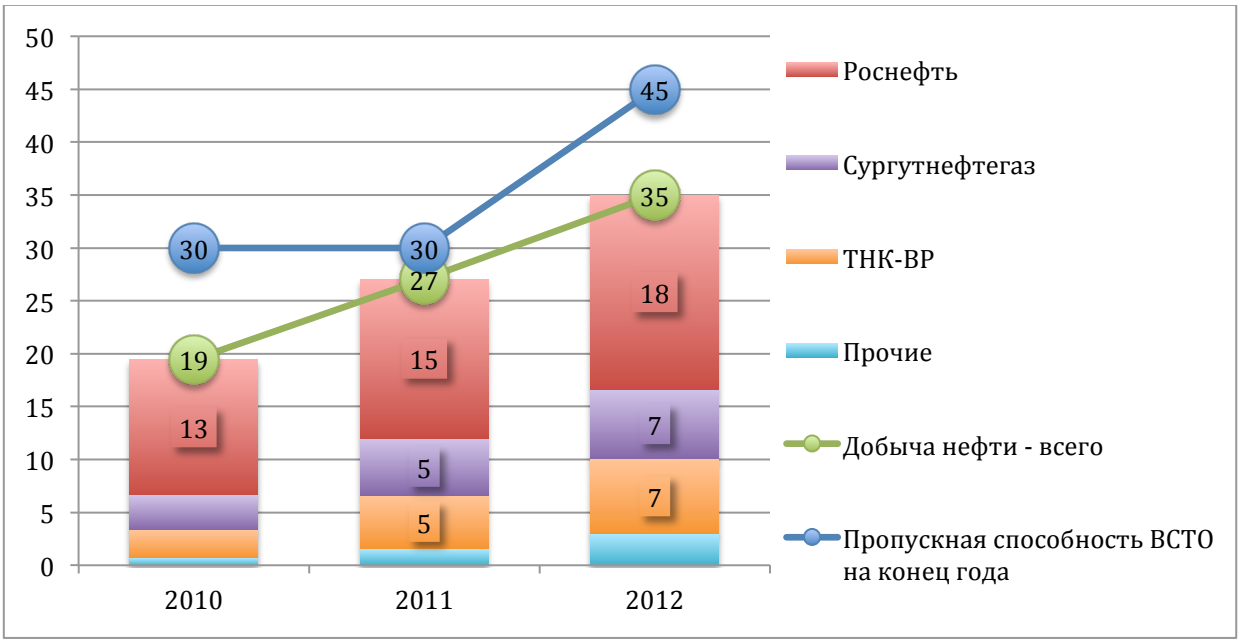
всего 21,6 млн т, или 12% ожидаемого (в 2005 г. — 5,8 млн т, в 2006 г. — 15,8 млн т). Весь объем прироста был получен на базовых месторождениях Юрубчено-Куюмбинского центра.

В качестве основной причины невыполнения заданий Программы назывались *«нерешенные вопросы недропользования»* — значительная часть компаний не выполняла обязательства по проведению геологоразведочных работ, разработке и обустройству месторождений, а четко прописанные условия, при невыполнении которых лицензионное соглашение должно аннулироваться, во многих лицензиях отсутствовали.

В 2010 г. добыча нефти в Восточной Сибири и Якутии составила 19,4 млн т, в 2011 г. — 27, в 2012 г. — 35 млн т. Основная часть добычи приходится на одно месторождение (Ванкорское в Красноярском крае), соответственно по годам: 12,8 млн т (66% общей добычи), 15,1 млн т (56%) и 18,3 млн т (52%). Нынешние показатели добычи нефти не дотягивают до уровня пропускной способности в 45 млн т/год уже введенных 1-й и 2-й очередей ВСТО (рис. ЗАП-4).

Рисунок • ЗАП-4

Объемы добычи нефти в Восточной Сибири и Якутии и поставок по ВСТО, млн т

По данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru/.

Мониторинг результатов Программы показывает, что объемы финансирования геологоразведочных работ в 2007—2010 гг. существенно выросли. В 2010 г. было израсходовано 35,8 млрд руб., из которых 91% пришелся на внебюджетные источники (т.е. за счет недропользователей). В целом за период 2005—2010 гг. прирост запасов нефти по категории C_1 составил 209 млн т, или по 35 млн т в среднегодовом исчислении.[116] Если эти цифры сопоставить с прогнозируемыми приростами запасов (более 2 млрд т), то невольно закрадываются сомнения в реализуемости проектов, увязанных со сроками сооружения нефтепроводной системы ВСТО.

[116] Ефимов А.С., Герт А.А. и др. Основные результаты (2005—2011 гг.) и актуальные задачи изучения и освоения ресурсов углеводородного сырья Восточной Сибири // Геология и минерально-сырьевые ресурсы. — 2011. — № 4 . — Электронная копия на сайте Сибирского научно-технический центра нефти и газа • URL: http://sibntc.ru/publication.htm [2013-06-06].

Герт А., Миляев Д., Бражникова М. В Восточной Сибири без программы и налоговых льгот не обойтись // Нефтегазовая вертикаль. — 2012. — № 4 • URL: http://www.ngv.ru/magazines/po-naezzhennoy-kolee-/ [2013-06-06].

При оценке ситуации точно также, как и в 2007 г., среди проблем фигурируют *«недостатки регулирования недропользования в части требования безусловного выполнения лицензионных соглашений (условия лицензионных соглашений постоянно нарушаются пользователями недр, механизм отзыва лицензий неэффективен, нет механизма внесения изменений в лицензионные соглашения и др.)»*. Помимо этого акцентируется внимание на следующих проблемах:

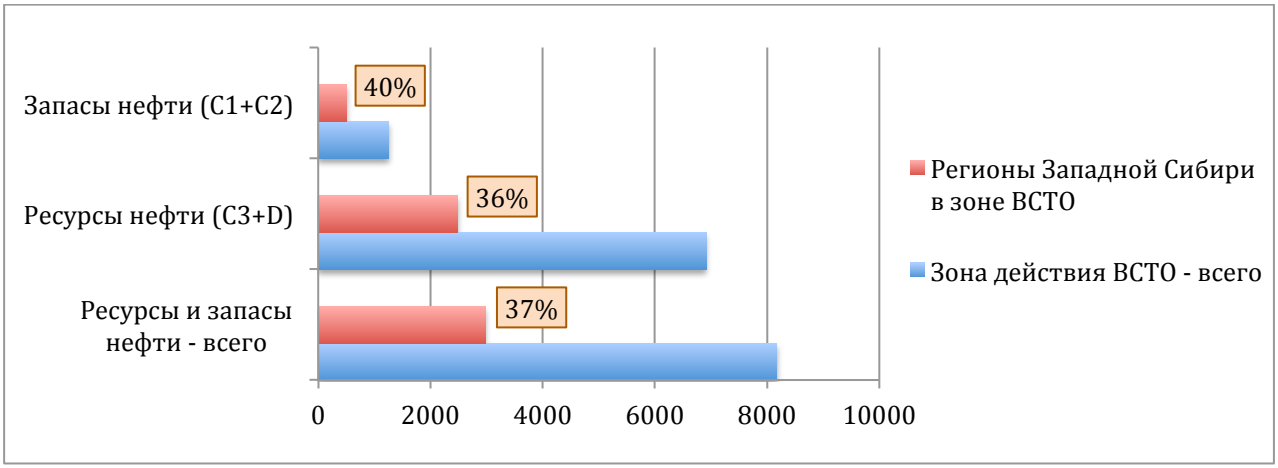
- недостаточных темпах выполнения работ, финансируемых за счет госбюджета, что не позволяет обеспечивать намеченные темпы подготовки запасов.
- отсутствии единого комплексного подхода к освоению нового района (проведении «точечных» геологоразведочных работ, несогласованности корпоративных программ геологоразведки и обустройства территории);
- ограничении доступа к геологической информации (недропользователи часто не знают о результатах работ, выполняемых государством и другими недропользователями на близлежащих распределенных участках недр).

Серьезную проблему представляет собой и ухудшение результатов в деятельности по лицензированию прав на пользование недрами. Если в период, закончившийся 2008 г. было распределено 142 участка (в том числе в 2008 г. — 13), то в 2009 г. — всего один, а в 2010 г. — 7 лицензионных участков. Конечно, кризис сказался, но нельзя не видеть и ослабление интереса со стороны потенциальных недропользователей к проектам в Восточной Сибири из-за их проблемной эффективности.

Косвенным подтверждением проблем с подготовкой запасов нефти в Восточной Сибири является принятое в 2009 г. решение о расширении зоны действия Программы 2005-го года — не только на север и на восток, но и на запад с захватом ряда территорий Западной Сибири, включая перспективные зоны правобережья р. Обь в Томской области, нефтегазоносные районы в северной части Новосибирской и Омской областей. При этом оказалось, что доля западносибирских регионов в общей ресурсной базе нефти по расширенной зоне ВСТО составляет 37%, а в суммарной величине запасов и того больше — 40% (рис. ЗАП-5). Вот как далеко и основательно распространилась сфера притяжения ВСТО!

Рисунок • ЗАП-5

Вклад Западной Сибири в формирование ресурсной базы нефти в расширенной зоне действия ВСТО, млн т (%)

Ефимов А.С., Сапьяник В.В. Перспективы освоения востока Томской области, в рамках наращивания ресурсной базы ВСТО (тезисы доклада и презентация) / В кн.: Современные вызовы при разработке и обустройстве месторождений нефти и газа Сибири. Тезисы докладов научно-практической конференции, г. Томск, 18—19 апреля 2011 г. — Томск: изд-во SST, 2011 • URL: http://www.tomsknipineft.ru/konferencii/conference/ [2013-06-06].

Поэтому, существуют вполне оправданные опасения, что восточносибирской нефти не хватит для заполнения трубопроводной системы ВСТО при ее выходе на полную мощность — 80 млн т в год, — как сегодня не хватает даже для заполнения пропускной способности первой и второй очередей.

Нужно больше работать

Чтобы избежать дефицита нефти необходимо резко нарастить объемы и повысить качество геологоразведочных работ, главным образом — поискового и разведочного бурения, поскольку иного способа открывать реальные (а не «бумажные») промышленные запасы в новых нефтегазоносных провинциях еще не придумано. Такова, к примеру, точка зрения наших маститых ученых-геологов А.Э. Конторовича[117] и И.И. Нестерова, с которой трудно поспорить. *«Запасы категории А или В — товарные запасы, лежат в недрах, но нефтекомпании через два-три дня могут доставить эту нефть покупателю. C_1 — бумажные запасы, они реальны, но для того, чтобы перевести их в категорию АВ нужны затраты в 500 раз большие и примерно 9—10 лет работы. В Восточной Сибири запасы ABC_1 оцениваются в 800 млн т, а необходимо 3,5 млрд, нефти категории АВ в этом регионе нет. И на уровне правительства на это закрывают глаза».*[118]

Сегодняшние объемы буровых разведочных работ в Восточной Сибири почти в 10 раз меньше, чем в 1980-х годах, и примерно в 20 раз меньше того уровня, который необходим для подготовки требуемого объема запасов нефти. Поэтому не приходится удивляться, что едва ли не все известные к настоящему времени крупные месторождения углеводородов на территории Сибирской платформы были открыты еще в советское время. Но как нарастить объемы разведочного бурения в Восточной Сибири? Это тоже большой и непростой вопрос, решение которого упирается не только в финансовые возможности ведущих недропользователей, но и в ограничения иного порядка, связанные с дефицитом оборудования и кадровым голодом. По оценке И.И. Нестерова, для успешного ведения работ в Восточной Сибири требуется порядка 300 геологоразведочных буровых станков при фактическом наличии 10-ти. Ну а кроме станков нужно еще не менее 250 буровых бригад, коих сейчас тоже нет, а на подготовку одной квалифицированной бригады уходит до 8—10 лет.[119] Таковы результаты фактического развала геологической отрасли, который произошел в 1990-х годах, а с восстановлением геологоразведки дело продвигается слишком медленно.

Оценки ресурсов: слишком много оптимизма

Говоря об ухудшении качества сырьевой базы НГС, необходимо отметить еще одно обстоятельство. В 2000-х годах продолжилась тенденция к сокращению среднего размера запасов открываемых нефтяных месторождений. Если сравнивать с началом 1970-х, то в целом по стране это показатель уменьшился почти в 30 раз, а по Западной Сибири —

---

[117] Алексей Конторович: «Карандашом открывать месторождения нельзя» // Academ.info • URL: http://academ.info/news/13001 [2013-06-06].

[118] Иван Нестеров: Для ввода в долгосрочную эксплуатацию ВСТО возможно придется отказаться от поставок нефти в Европу // Агентство нефтегазовой информации. — 08.12.2009 • URL: http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2754190 [2013-06-06].

[119] «Золотой дождь» заканчивается. Не придется ли России вскоре импортировать нефть? (Интервью с И.И. Нестеровым) // Советская Россия. — 15 янв. 2008 • URL: http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=2331 [2013-06-06].

в 25 раз; по сравнению с концом 1980-х — соответственно, в 10 и в 6 раз. В 2000-х годах средний размер новых открытий опустился ниже менее 1,5 млн т.[120]

Согласно «Прогнозному перечню участков недр углеводородного сырья, аукционы по которым планируется провести в 2012 году», ФА «Роснедра» планировало предложить недропользователям 169 участков с разной степенью изученности, но в основном — таких, по которым оценены перспективные (категории C_3) и прогнозные (категорий D_1 и D_2) ресурсы. Из общего числа лишь 9 участков (5 — в Ямало-Ненецком АО, 1 — в Ханты-Мансийском округе и 3 — в Красноярском крае) имели ресурсный потенциал жидких углеводородов суммарно по всем категориям свыше 30 млн т, а из них — всего один с ресурсами свыше 100 млн т (на Ямале). По большинству участков ресурсы не превышали 10 млн т.[121] Если соотнестись с принятой в России классификацией запасов и ресурсов углеводородного сырья, то теоретически (т.е. не учитывая фактор подтверждаемости) речь идет всего лишь о 9 возможных крупных месторождениях, а остальные в большинстве своем — средние и мелкие. Принимая в расчет сложившуюся степень подтверждаемости ресурсов[122], можно ожидать открытия 1—3 крупных месторождений (с запасами более 30 млн т) и нескольких десятков мелких и очень мелких (с запасами не более 1 млн т).

Как может происходить такое «размельчение» ресурсов и запасов при том, что в целом по России разведанность начальных суммарных ресурсов нефти по итогам 2008 г. составляла 35,2%, а текущих ресурсов — всего около 20%?[123] Вроде бы, мы еще далеко не преодолели тот порог разведанности, когда находить крупные месторождения становится почти невозможно. Впрочем, если учесть фактор подтверждаемости, то мы получим совершенно иную оценку степени разведанности начальных суммарных ресурсов нефти, а перспективные и прогнозные ресурсы в сумме будут составлять не 56, а всего лишь 15% (рис. ЗАП-6).

Есть еще и не лишенная оснований точка зрения, что оценочная величина начальных суммарных ресурсов нефти в России завышена, вследствие чего рассчитываются искаженные значения показателя разведанности.[124] Если это так, значит не вполне корректно работают все используемые модели геологического изучения недр, а при выборе решений по формированию сырьевой базы нефтедобычи мы изначально исходим из ошибочных ориентиров. Может быть и поэтому, а не только из-за недостаточных объемов поисковых и разведочных работ, наши недра сегодня так скупы на серьезные открытия?

---

[120] Клещев К.А. Основные направления поисков нефти и газа в России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2007. — № 2.

[121] Прогнозный перечень участков недр углеводородного сырья, аукционы по которым планируется провести в 2012 году. — ФА «Роснедра» • URL: http://www.rosnedra.com/article/5333.html [2013-06-06].

[122] Постановлением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 94 «О порядке определения размера разовых платежей за пользование недрами....», введены следующие коэффициенты подтверждаемости запасов и ресурсов: категории C_2— 50%, C_3 — 25%, D_1 — 15% и $D_2 + D_3$ — 10% // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134074 [2013-06-06].

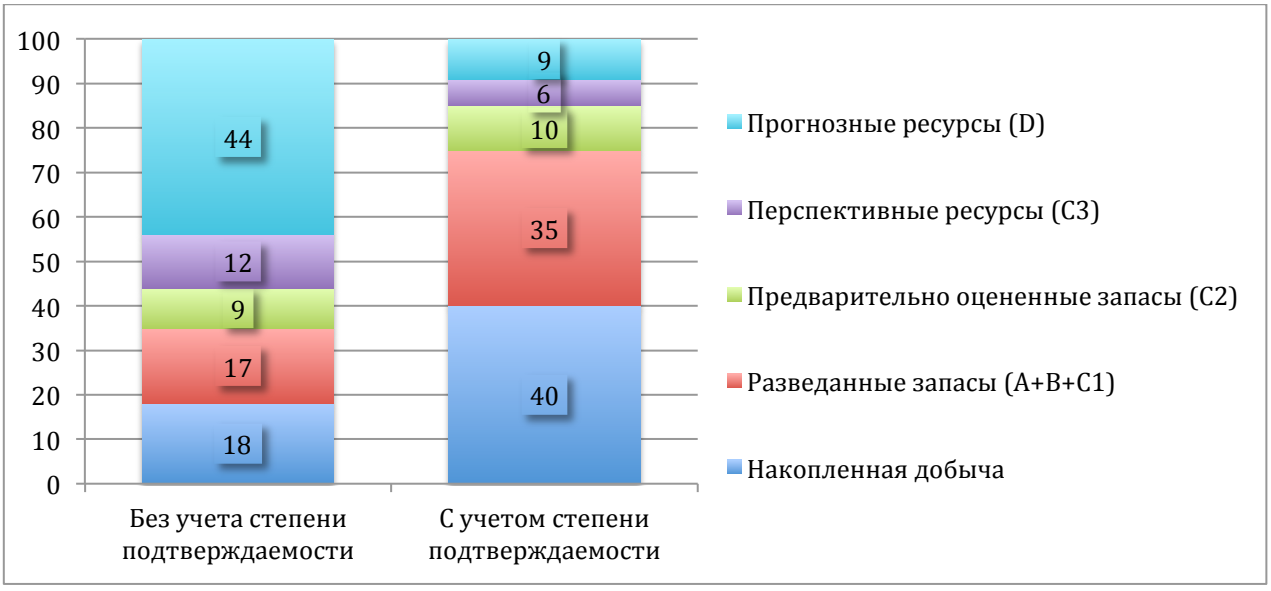
[123] Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2008 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

[124] Подольский Ю.В. Нефтяной потенциал России. Проблемы его оценки и освоения // Нефтегазовая геология. Теория и практика. — 2008. — № 3 • URL: http://www.ngtp.ru/rub/2008/2008_3.html [2013-06-06].

Чрезмерный оптимизм до добра не доводит, дезориентирует в принятии серьезных решений. С его последствиями, судя по всему, мы сталкиваемся при освоении нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири. По мнению Александра Шпильмана, который возглавляет Научно-аналитический центр рационального недропользования Ханты-Мансийского АО, *«в свое время… несколько преувеличили оценку возможностей добычи нефти в Восточной Сибири, чем вызвали интерес компаний, Правительства России. Там развернулись масштабные работы, началось строительство инфраструктуры, магистрального трубопровода. Большинство специалистов считают, что потолок добычи нефти в Восточной Сибири — 30 млн тонн в год (при этом уточнив, что Томская область это Западная Сибирь, а Ванкорское месторождение расположено в Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции). Давали прогноз и 80 млн тонн в год и даже более 100 млн. Все понимали, что эта оценка не основана на реальном состоянии выявленных и разведанных запасов, она из гипотетических ресурсов и сверх оптимистических ожиданий новых гигантских открытий».*[125]

Рисунок • ЗАП-6

Структура начальных суммарных ресурсов нефти в России, %

По данным Института энергетической стратегии Минэнерго РФ: Молачиев Артур. Обоснован ли ресурсный оптимизм? // ТЭК России. — 2011. — № 6 • URL: http://www.energystrategy.ru/press-c/press-c.htm [2013-06-06].

В целом же, неоднозначность в оценках размеров и качества ресурсно-сырьевой базы НГС, отсутствие общепринятых представлений о ее состоянии создают неблагоприятный фон для прогнозирования будущих тенденций подготовки запасов и добычи углеводородов. Но ведь без серьезных прогностических оснований слишком высока вероятность «сбиться с правильного пути» в развитии одного из ключевых секторов отечественной экономики, каковым является НГС.

[125] Александр Шпильман: Ввод в разработку таких месторождений, как Имилорское, им. В. И. Шпильмана и Гавриковское, может стабилизировать добычу нефти в Югре // Агентство нефтегазовой информации. — 29.11.2011 • URL: http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2782534 [2013-06-06].

Исторические заметки об эволюции нефтедобычи в больших странах

В больших странах (таких, как Россия или США), имеющих обширную территорию, которая охватывает по нескольку нефтегазоносных провинций (бассейнов), в развитии НГС вполне естественны и неизбежны подъемы и падения, а также пространственные сдвиги, т.е. перенос акцентов в освоении ресурсно-сырьевой базы углеводородов от одной провинции к другой, от одного региона к другому. Как правило, такие сдвиги связаны с истощением ресурсов «стареющих» провинций и регионов, что требует их замещения новыми, «свежими». Все это было хорошо известно еще на заре промышленной нефтедобычи в североамериканском штате Пенсильвания и на Апшеронском полуострове в Российской империи.

Необходимо также отметить, что уже в XIX столетии ученые (геологи и экономисты), правительства и предприниматели отчетливо понимали, что ресурсы нефти ограничены и не возобновляемы, и работая в той или иной нефтегазоносной провинции, нужно заранее «готовить почву» для будущего развития, т.е. изучать новые провинции, искать новые месторождения и выявлять новые промышленные запасы. Такова естественная логика развития нефтегазового дела, которая была многократно проверена опытом. Вот что по этому поводу в 1877 г. писал Д.И. Менделеев, в научной и практической деятельности которого очень много внимания было уделено вопросам эффективного использования нефти: *«Американцы поступают в этом отношении правильно: данную местность истощат и переходят к другой. Только этим путем нефть дает богатство, добыча ее отражается на народном хозяйстве. Открыли нефть и на Печоре, и в Самарской губернии, и в Сибири западной и восточной, и в нескольких местностях новых азиатских владений, и во многих окрестностях Кавказа, — пусть же одни места истощатся, найдут другие; если эксплоатация бакинской местности усилится, будут и люди, и средства, и охота для работы в других местностях. Если наживется на бакинской нефти некоторое число первых начинателей — нефтяная промышленность разовьется быстро. Только недальновидность боится истощений, разжившихся людей и скорого хода дел»*. [126]

От «Масляного ручейка» Пенсильвании — до сланцев Северной Дакоты

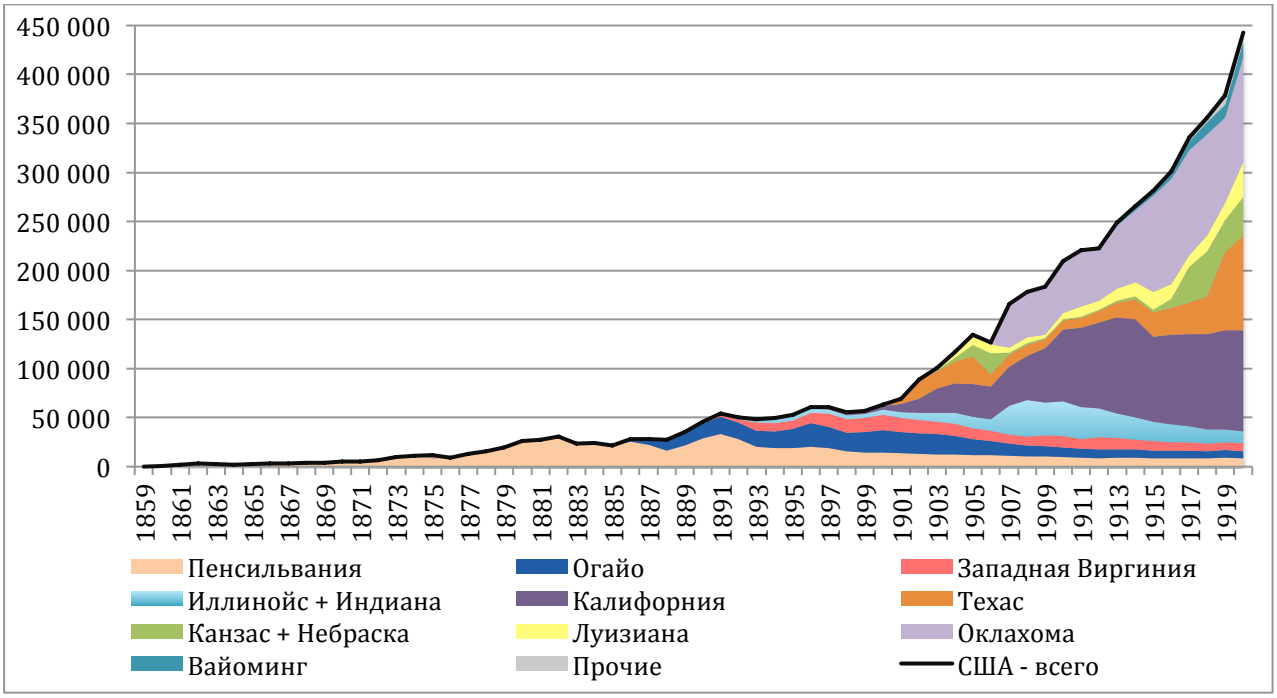
В своем выводе Д.И. Менделеев отметил реальную американскую практику и, вполне очевидно, что под «местностями» подразумевал не крупные геолого-территориальные образования (нефтегазоносные провинции / бассейны), а именно — местности, — где тогда велась добыча нефти или то, что сейчас принято называть нефтедобывающими районами. При этом освоение новых районов может начинаться до наступления того момента времени, когда ресурсы старого истощатся. Чтобы обеспечить рост добычи, вновь вовлекаемые в эксплуатацию территории — в своей совокупности или по отдельности — должны располагать более крупными запасами, чем старые. Указанная логика исторического эволюционирования нефтяной промышленности, раскрытая Д.И. Менделеевым, хорошо просматривается уже на примере ранней стадии развития отрасли в США. По мере истощения запасов на участках в долине реки Ойл-Крик в Пенсильвании, открывались и втягивались в разработку нефтяные месторождения других штатов (Огайо, Западной

[126] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 221.

Виргинии, Калифорнии, Техаса и т.д.). Рост добычи и вовлечение в эксплуатацию все новых и новых месторождений подхлестывались постоянно увеличивающимся спросом на нефть, как в самих США, так и за их пределами. Через 60 лет после получения первых промышленных притоков нефти в Пенсильвании добыча нефти велась уже в полутора десятках североамериканских штатов (рис. ИСТ-1).

Рисунок • ИСТ-1

Добыча нефти в основных нефтедобывающих штатах США в 1859—1920 гг., тыс. барр.

По статистическим данным Американского института нефти / American Petroleum Institute — API • URL: http://www.api.org/.

Процесс истощения ресурсного потенциала крупных территорий (нефтегазоносных провинций или бассейнов, добывающих регионов) протекает довольно медленно и может занимать многие десятилетия. Например, добыча нефти в Предаппалачском регионе на территории первых североамериканских нефтяных штатов продолжается вплоть до настоящего времени, т.е. более 150 лет: в 2011 г. было добыто 7,5 млн барр. жидких углеводородов, что составляет 25% от максимального уровня добычи (54,5 млн барр. в 1896 г.) по данному бассейну.

Противоположный пример являет собой Аляска, показавшая, с одной стороны, чрезвычайно высокие темпы роста добычи на начальной стадии освоения гигантского нефтегазового месторождения Прадхо-Бей (Prudhoe Bay), с другой — не менее высокие темпы спада после выхода на максимум. И хотя добыча нефти в штате началась еще в 1959 г. — ровно на 100 лет позже, чем в Пенсильвании, — но ввод в эксплуатацию главного аляскинского сокровища произошел в 1977 г., а уже через 11 лет был достигнут пик годовой добычи в 738 млн барр. Современный уровень добычи составляет немногим более 200 млн барр., или 28% от максимума, а с той поры прошло всего 23 года. Для сравнения отметим еще одну круглую дату — в Предаппалачском бассейне период спада от максимума добычи до 28-процентного уровня по отношению к этому максимуму, как на Аляске, длился ровно 100 лет (с 1897 до 1996 г.).

В главном североамериканском нефтедобывающем регионе — штате Техас, территория которого в той или иной степени пересекается с пространством сразу трех нефтегазоносных бассейнов (Мексиканского залива, Западного внутреннего и Пермского) и на долю которого приходится 32% накопленной добычи нефти в США с момента

зарождения нефтегазовой промышленности, — пик добычи был зафиксирован на 77-м году освоения (в 1972 г). Еще одно симптоматичное совпадение — добыча нефти в Техасе началась в 1896 г., когда Предаппалачский регион как раз вышел на свой добычной максимум. Сейчас — через 40 лет после достижения максимума — Техас «выдает на гора» более 540 млн барр. нефти и конденсата, или 42% от максимального уровня (рис. ИСТ-2).

В последние годы наблюдается своего рада ренессанс нефтедобычи в Техасе, связанный в основном с освоением залежей сланцевой нефти в зоне Пермского бассейна (в западной части штата). В 2011 г. в Техасе был достигнут прирост добычи нефти в размере 115 млн барр. (150% от прироста добычи по стране). Техасом вместе с Северной Дакотой, Монтаной и Нью-Мексико почти вдвое был перекрыт спад в остальных регионах, включая глубоководный шельф Мексиканского залива, где добыча снизилась на 85 млн барр. То, что происходит сейчас в Техасе называют не иначе, как «сланцевым бумом» и «новой жизнью» техасской нефтяной промышленности. Как это выражается в цифрах? По данным Министерства энергетики США, за менее чем двухлетний период — с середины 2009 г. до мая 2012 г. — в Пермском бассейне, охватывающим западную часть Техаса и восточную часть штата Нью-Мексико, количество действующих буровых установок выросло в 5 с лишним раз (со 100 до 520).[127] За 2010 г. доказанные запасы жидких углеводородов в Техасе увеличились на 860 млн барр. (на 15 %).[128] В целом же в границах Пермского бассейна суммарные запасы жидких углеводородов — по последней переоценке Геологической службы США — достигли 7 млрд барр.[129] Прогнозируется, что в ближайшие 5—7 лет добыча нефти в Техасе удвоится![130]

Другой эпицентр современного роста американской нефтедобычи находится в бассейне Уиллистон — в основном на территории штата Северная Дакота и, в меньшей степени, в штате Монтана. Здесь, также как и на юге страны — в Техасе, — сосредоточены крупные залежи сланцевой нефти с ресурсами в 4,3 млрд барр., из которых 3,7 млрд барр. сосредоточено в недрах площади Bakken. [131] Это крупнейшее скопление жидких углеводородов в США к югу от 48-й параллели (рис. ИСТ-3). В Северной Дакоте первые «бочки» жидких углеводородов из традиционных залежей были получены еще в 1959 г., к середине 1980-х добыча достигла своего пика в 52,7 млн барр. и затем стала снижаться: в 1994 г. было добыто всего 25,6 млн барр., что составило немногим более 52% от максимального уровня. В последующее десятилетие добыча нефти стабилизировалась на отметке около 30 млн барр. в год, а новая фаза роста началась в 2004—2005 гг. благодаря освоению ресурсов сланцевой нефти, которое в 2008—2011 гг. приобрело характер лихорадки — среднегодовые темпы роста добычи составили 36%. Всего же за период после 2003 г. добыча нефти в Северной Дакоте подскочила в 5 с лишним раз и в 2011 г. достигла 153 млн барр.

---

[127] Rising production in the Permian basin // Today in Energy. — July 10, 2012. — U.S. Energy Information Administration / EIA • URL: http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.cfm?id=7030 [2013-06-07].

[128] Petroleum & Other Liquids Data — U.S. Energy Information Administration / EIA • URL: http://www.eia.gov.

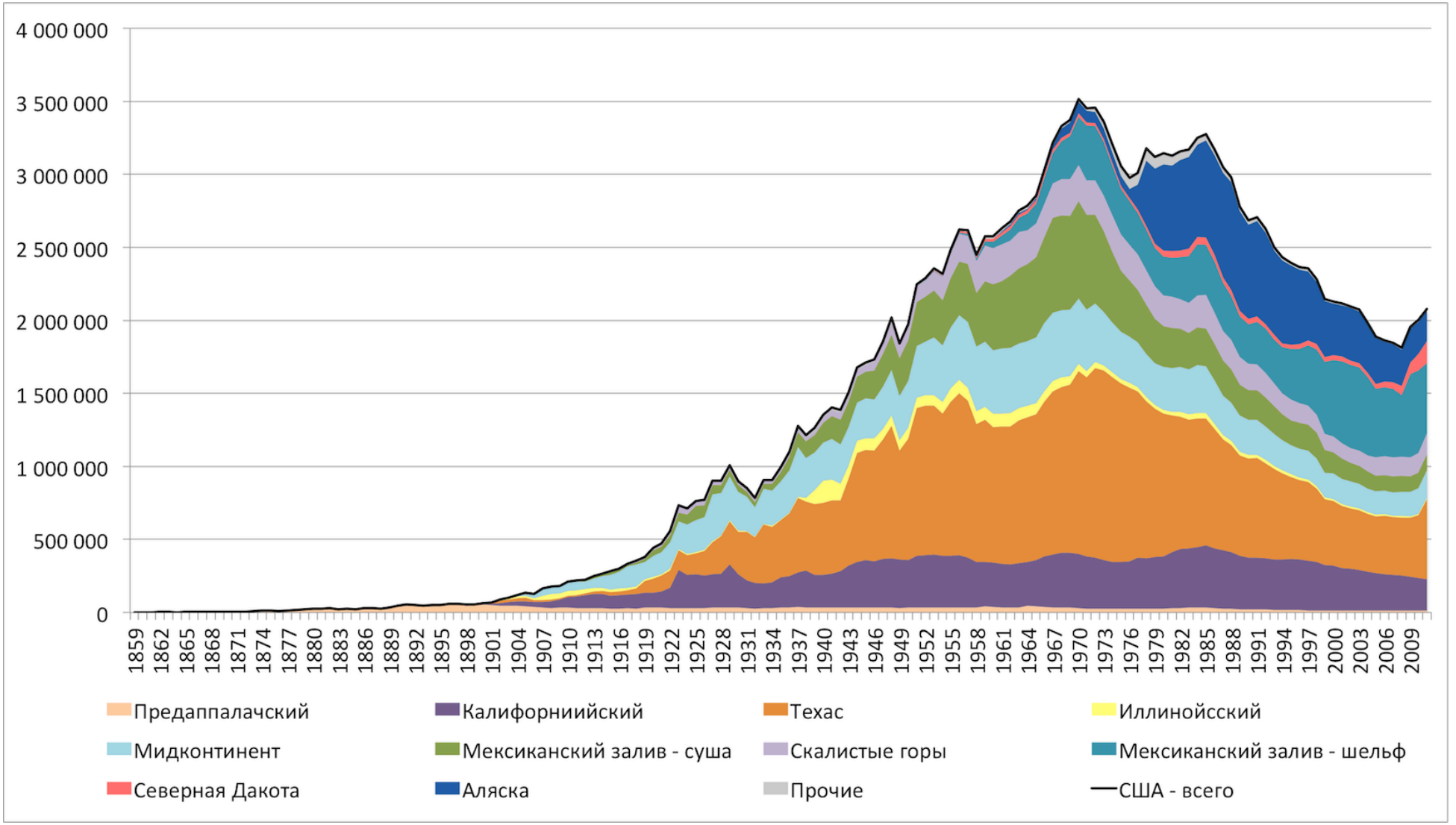
[129] USGS Releases U.S. Oil & Gas Reserve Growth Estimates // Press Release. — July 14, 2012. — United States Geological Survey of the U.S. DOI / USGS • URL: http://www.doi.gov/news/pressreleases/USGS-Releases-US-Oil-and-Gas-Reserve-Growth-Estimates.cfm [2013-06-07].

[130] Landers J. Texas oil production is making a comeback // The Dallas Morning News. — 25 Feb. 2012 • URL: http://www.dallasnews.com/business/energy/20120225-texas-oil-production-is-making-a-comeback.ece [2013-06-07].

[131] Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of the Williston Basin Province of North Dakota, Montana, and South Dakota, 2010. — U.S. Geological Survey Digital Data Series 69–W • URL: http://pubs.usgs.gov/dds/dds-069/dds-069-w/ [2013-06-07].

Рисунок • ИСТ-2

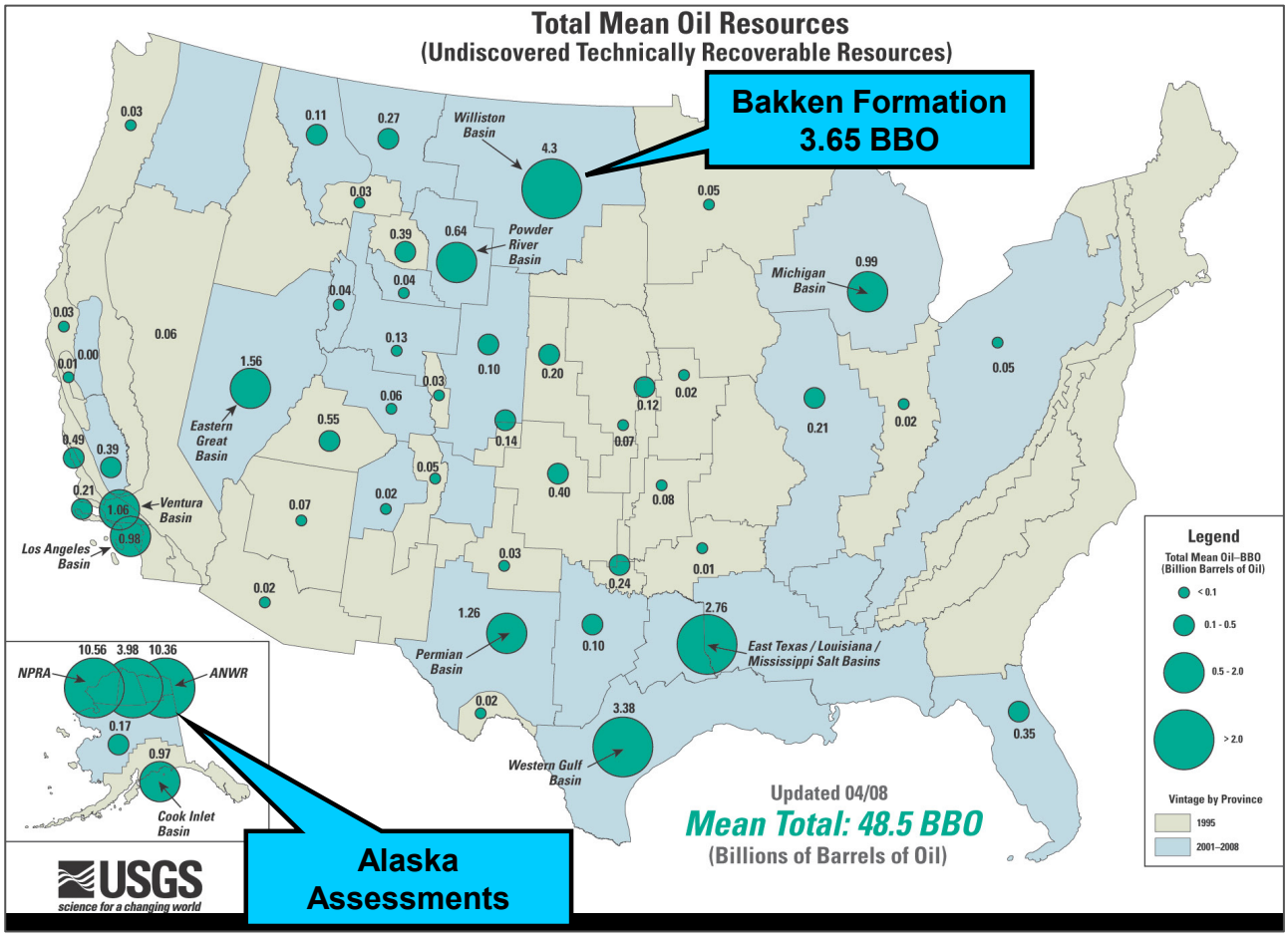
Добыча нефти в основных нефтегазоносных бассейнах (нефтедобывающих регионах) США в 1859—2011 гг., тыс. барр.

По статистическим данным American Petroleum Institute — API • URL: http://www.api.org/; U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov/.

Рисунок • ИСТ-3

Скопления потенциальных извлекаемых ресурсов нефти в США, млрд барр.

Petroleum Resource Assessment of the Bakken Formation, Williston Basin Province, Montana & North Dakota, 2008. — U.S. Geological Survey. National Oil and Gas Assessment. — Slide Presentation • URL: http://energy.usgs.gov/Miscellaneous/Articles/tabid/98/ID/74/Bakken-Formation-Oil-Assessment-in-North-Dakota-Montana.aspx [2013-06-07].

США в целом являют собой пример едва ли не образцового развития общехозяйственной и специализированной нефтегазовой инфраструктуры. Но видимо, не бывает правил без исключений. И одно из таковых исключений представляет собой Северная Дакота, где рост добычи углеводородов, включая утилизацию попутного газа, сегодня сдерживается крайней слабой инфраструктурной подготовкой территории: существует проблема размещения новых рабочих, приток которых наблюдается в районах нефтедобычи; отсутствие достаточного количества трубопроводов усложняет процесс транспортировки нефти в другие регионы страны. В январе 2012 г. суточная добыча нефти составила 546 тыс. барр., а к концу нынешнего года, как прогнозирует местная трубопроводная администрация, она должна достигнуть 730 тыс. барр./сут. Т.е. ожидается, что в ближайшем будущем в Северной Дакоте сохранится набранный темп роста добычи, и в 2013 г. она превысит показатель 2011 г. в 1,7 раза. Однако слишком медленное развитие трубопроводной сети может воспрепятствовать реализации данного прогноза, а заодно вынуждает операторов нефтедобычи снижать цены на свою продукцию.[132]

[132] Redden J. Bakken/Three Forks Infrastructure, takeaway woes only threats to high activity // World Oil. — 2012. — № 5 • URL: http://www.worldoil.com/May-2012-Bakken-Three-Forks-Infrastructure-takeaway-woes-only-threats-to-high-activity.html [2013-06-07].

Скорость наращивания добычи и истощения ресурсно-сырьевой базы в крупных нефтегазопромышленных ареалах зависит от множества различных факторов: горно-геологических, технологических, природно-климатических, экономико-географических, институционально-экономических. Общая же закономерность такова: чем более благоприятен весь комплекс условий, тем продолжительнее «жизнь» добывающей территории — об этом говорит пример Техаса и целого ряда других североамериканских регионов. А вот пример Аляски показывает, что даже один-два крайне неблагоприятных фактора (природно-климатические условия, экономико-географическое положение) могут перевесить все остальные, включая уникальные гигантские размеры геологических ресурсов нефти и газа, и сделать быструю отработку месторождений с максимально высоким темпом отбора запасов единственно эффективным способом освоения. Опыт разработки месторождения Прадхо-Бей можно уподобить строительству и эксплуатации завода: сначала было выполнено обустройство и пробурены скважины, с завершением постройки Транс-Аляскинского нефтепровода скважины были «включены», всего за 3—4 года был достигнут проектный уровень мощности, в течение 14-ти лет промыслы работали с более-менее постоянной производительностью (580—700 млн барр. годовой добычи, что дало свыше половины всей накопленной добычи нефти на Аляске за 1959—2011 гг.), а затем начался весьма быстрый спад. Но период работы в проектном режиме окупил затраты и принес необходимую прибыль, что еще требуется?

За всю историю мировой нефтяной промышленности практически никто и никогда особо не стремился растянуть процесс освоения выявленных запасов нефти в конкретном регионе на как можно более длительное время (со «сбережением для будущих поколений»), прекрасно сознавая, что после исчерпания этих запасов будут открыты другие и в другом месте. Темпы отбора запасов определялись нефтедобытчиками исходя из соображений хозяйственной (коммерческой) выгоды в пределах возможностей более или менее достоверного прогнозирования рынка и оценки извлекаемых запасов нефти в недрах. С течением времени указанные возможности постепенно расширялись, а вместе с этим усиливалось государственное регулирование процессов недропользования, нацеливающее нефтедобытчиков на максимально полное извлечение геологических запасов нефти с учетом достигнутого технологического уровня. В современной нефтяной промышленности определение оптимального темпа отбора запасов (на отдельном месторождении или в целой провинции / регионе), эффективной динамики добычи, рациональной очередности и приоритетности освоения ресурсных объектов представляет собой, по сути дела, сложную многокритериальную задачу, при постановке которой учитывается множество разнообразных факторов издержек и выгод.

Среди этого многообразия серьезную роль играют политические и экономико-политические факторы. Сегодняшний подъем нефтегазодобычи в США — главным образом на основе освоения ресурсов континентального шельфа и сланцевого сырья — в значительной степени продиктован политическими интересами, а именно: стремлением ослабить зависимость от импорта энергоносителей. Нынешняя американская администрация в рамках своей энергетической политики активно проводит курс, направленный на увеличение производства нефти, газа и угля внутри страны (при одновременном развитии энергосбережения). При этом выясняется, что выгоды от обладания *«жирной, черной, грязной, страшной и продажной красавицей»*[133] перевешивают даже экологические риски, которые возникают при разработке ресурсов сланцевого сырья, — экономические

[133] По образному определению незабываемого советского писателя Валентина Пикуля, который таким образом озаглавил свой неоконченный роман, посвященный истории нефти. Пикуль говорил, что все равно эту книгу не сможет закончить, потому что если кончится нефть, наверное, кончится и цивилизация. — Морской узел // Российская газета — Неделя. — 27 мар. 2008 • URL: http://www.rg.ru/2008/03/27/pikul.html [2013-06-07].

преимущества в значительной степени оправдывают последствия воздействия на окружающую среду.[134]

От Баку и Грозного — до арктического шельфа

Исторический тренд развития нефтедобычи в географическом ареале нынешнего СНГ (Российской империи, СССР) подчиняется общим эволюционным закономерностям, показанным на примере США, и демонстрирует такой же характерный процесс смены ведущих добывающих регионов (бассейнов / провинций), что графически иллюстрируется многослойной диаграммой (рис. ИСТ-4).

Точкой отсчета в истории отечественной промышленной нефтедобычи принято считать 1864 г., когда на Кубани под руководством полковника А.Н. Новосильцева была пробурена первая нефтяная скважина. В действительности же добыча нефти в дореволюционной России — в Бакинском и Грозненском районах — началась за несколько десятилетий до указанной даты, но велась «дедовскими» колодезным и ямным способами. Во всяком случае, есть исторические свидетельства того, что государственная казна получала откупные доходы от бакинских промыслов уже в начале XIX века.[135]

Особенностью начального этапа в развитии российской нефтедобычи является то, что первый нефтепромышленный район — Бакинский — благодаря геологическому строению недр намного превзошел американских «первенцев» по своему добычному потенциалу. Сравнивая первые нефтедобывающие районы России и США, Д.И. Менделеев отметил следующее: *«… у нас в Баку добывали нефть еще до рождества христова, и все-таки она и есть и ее количество возрастает, а прославленные окрестности Масляной реки ныне дают ничтожные количества нефти. Конечно, и у нас может наступить нефтяное истощение, … но геологические наши условия во многом иные, чем в Пенсильвании, а потому о количестве запасов наших местностей судить по американскому примеру нельзя. У нас в Баку третичная, новая геологическая эпоха дает пласты с нефтью, там — в Америке — пласты с нефтью происходят от давних геологических времен… У нас пласты новейшие, и дело держится очень давно, можно думать, что и запасы у нас длительнее. Сверх того, наслоение пластов в Пенсильвании горизонтальное, у нас очень часто весьма наклонное. Работая наверху таких пластов, быть может, мы станем пользоваться теми массами нефти, которые лежат на недостижимой глубине, ибо по наклонному пласту нефти есть возможность доходить до поверхности с больших глубин, когда вода вытесняет нефть снизу»*.[136] Таким образом, великий русский ученый безошибочно предрек бакинским нефтепромыслам долгую и «плодотворную» жизнь.

К рубежу столетий в Бакинском районе добывалось почти столько же нефти (9,8 млн т)[137], сколько на всей оставшейся части нашей планеты — совокупная мировая добыча нефти в 1900 г. составляла примерно 20 млн т, из которых 10,4 млн т давала

---

[134] Oil & Gas Reality Check 2012. A look at 10 of the top issues facing the oil and gas sector. — New York: Deloitte Global Services Ltd., 2011 • URL: http://www.deloitte.com/view/en_GX/global/industries/energy-resources/oil-gas/d018a402fae04310VgnVCM1000001a56f00aRCRD.htm [2013-06-07].

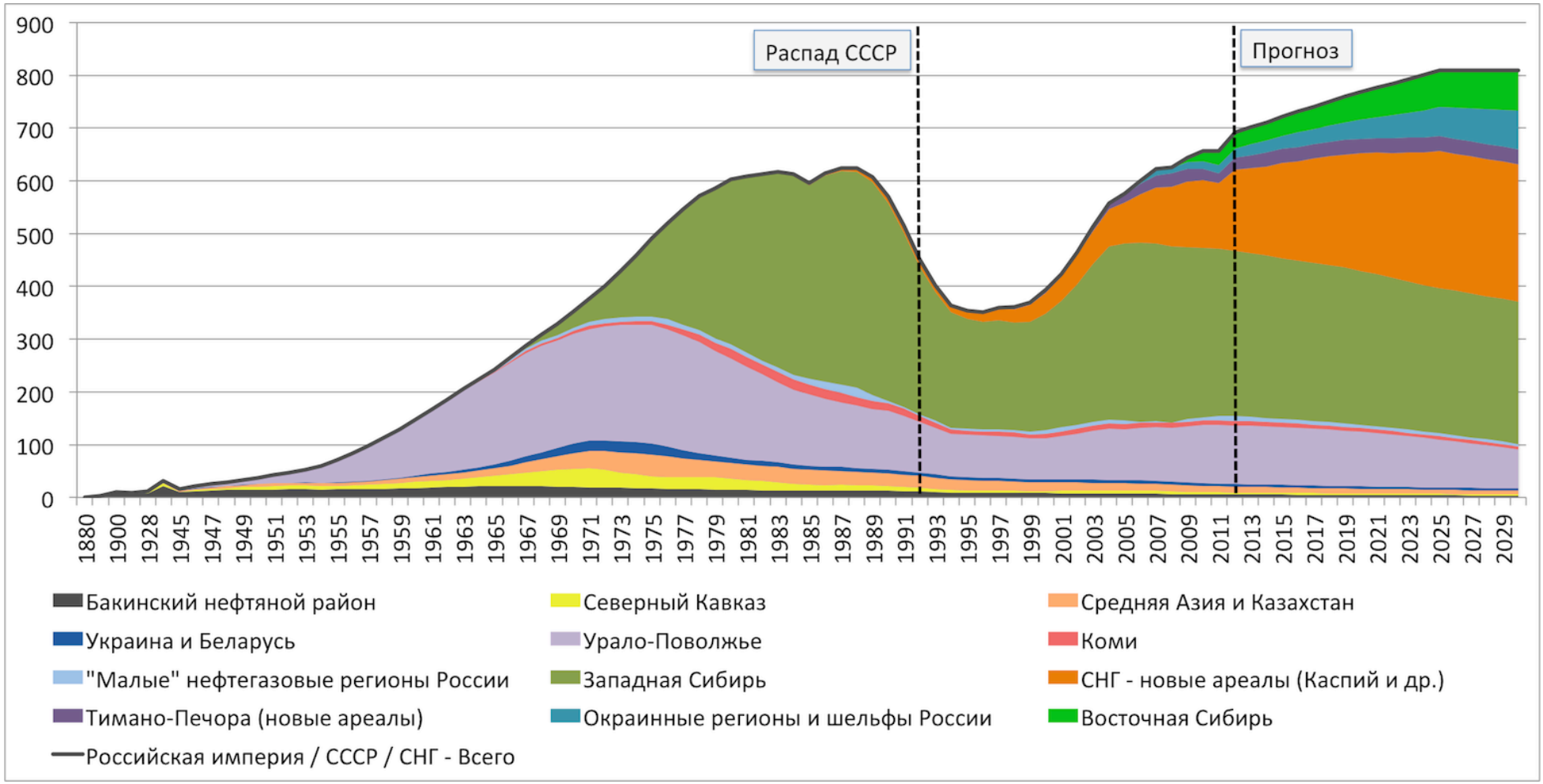
[135] Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. — М. — Л.: Гостоптехиздат, 1954.

[136] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 219—220.

[137] По данным Государственного статистического комитета Республики Азербайджан • URL: http://www.azstat.org/statinfo/industry/en/index.shtml [2013-06-07].

Рисунок • ИСТ-4

Добыча нефти по основным нефтегазовым регионам Российской империи / СССР / СНГ в 1880—2011 гг. и прогноз на период до 2030 г., млн т

Примечание: показатели прогноза добычи на 2013—2030 гг. — по оценке автора с использованием статистической модели.

Источники: ЦСУ СССР, национальные статистические службы государств СНГ, Международное энергетическое агентство;
BP Statistical Review of World Energy — 2012 • URL: http://www.bp.com/;
Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. — М. — Л.: Гостоптехиздат, 1954.

Российская империя. Максимум добычи бакинской нефти в 23,5 млн т пришелся на 1941 г., т.е. почти через 80 лет с начала промышленной эксплуатации скважинным способом (считая с 1864 г.). По величине показателя пиковой добычи Баку в 3 с лишним раза превзошел своего американского «собрата» — Предаппалачский бассейн (7,5 млн т). Но даже после прохождения максимальной точки Бакинский район еще на протяжении 10 лет оставался главным нефтяным источником в СССР. Лишь в 1952 г. в лидеры вышел Урало-Поволжский регион с добычей в 18 млн т (38% общесоюзного производства), тогда как в Баку было добыто 15,7 млн т (33% от всей добычи нефти в стране). Современные объемы добычи нефти на «старых» азербайджанских промыслах, т.е. без учета месторождений на шельфе Каспийского моря, которые были открыты в 1980-х годах и позже, составляют порядка 6 млн т в год — это 26% от максимума, и степень падения добычи сопоставима с аналогичным показателем первого американского нефтепромышленного района.

Вслед за Баку с небольшим интервалом времени начался довольно быстрый рост добычи нефти на Северном Кавказе (в Грозном и в Дагестане, в районе Майкопа и на Тамани), а затем к нефтяному делу стали постепенно «приобщаться» другие территории Российской империи, где были обнаружены запасы «черного золота», — Эмба (современный Казахстан), о. Челекен (Туркмения), Ферганская область (Узбекистан). Предпринимались попытки начать освоение нефтяных ресурсов в районе Ухты и на Сахалине. В результате отмеченных процессов, к 1913 г. сложилась следующая география общеимперской добычи нефти (%):

- Азербайджан — 82,6
- Грозный и Дагестан — 13,1
- Азово-Черноморский край — 1,0
- Средняя Азия — 2,0
- Казахстан — 1,3.[138]

Кроме того, в конце XIX — начале XX веков быстро прогрессировала нефтедобыча в Галиции, на территории современной Украины. В 1886 г. в Галиции было добыто 29 тыс. т нефти, а наивысший уровень был достигнут в 1909 г. — более 2 млн т, что по тем временам составляло около 5% мировой добычи жидкого топлива.[139]

Тем не менее, все перечисленные выше районы располагали относительно небольшой сырьевой базой, доступной для освоения при достигнутом технологическом уровне нефтяной промышленности. Поэтому они не могли составить конкуренцию азербайджанским нефтепромыслам в обеспечении общего роста добычи. Ситуация претерпела существенные изменения лишь с началом широкомасштабного освоения ресурсов углеводородного сырья в Урало-Поволжье, которое в 1940-х — 1950-х годах называли «вторым Баку». А в середине 1960-х годов настал черед «третьего Баку» — Западной Сибири, которая в исторически кратчайшие сроки, всего за 14 лет развития, вышла в бесспорные лидеры советской нефтедобычи с показателем 254 млн т (в 1978 г.), далеко обогнав Урало-Поволжье (210 млн т) и весь Кавказский регион (37 млн т). Начиная с 1980 г. Западная Сибирь стала давать более половины общесоюзной добычи жидких углеводородов.

Выход на максимум добычи в Западной Сибири состоялся в 1988 г., когда было добыто 408,6 млн т нефти с газовым конденсатом. Путь от начала добычи до пика был пройден всего за 24 года, затем произошел 10-летний кризисный спад (как и во всей

---

[138] Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. — М. — Л.: Гостоптехиздат, 1954.

[139] Нефть и газ Украины // Аналитика — Нефть и газ. — Информационно-аналитическое агентство Neftegaz.Ru • URL: http://neftegaz.ru/analisis/view/7677 [2013-06-07].

нефтяной промышленности России), который сменился новой фазой роста, продлившейся до 2007 г. В настоящее время добыча нефти в регионе снова приобрела устойчивую тенденцию к снижению и в 2011 г. составила 316,5 млн т (77% от исторического максимума добычи 1988 г).

В 1990-х и 2000-х годах на постсоветском пространстве развернулся процесс освоения целого ряда новых нефтегазоносных территорий — в Тимано-Печерском бассейне (за пределами «старых» добывающих районов Ухты и Усинска), в Каспийском регионе, на шельфе о. Сахалин, в Восточной Сибири и в Якутии. В 2011 г. суммарная добыча жидких углеводородов по районам нового освоения составила 186 млн т (28% от добычи нефти и конденсата на территории стран Содружества). По прогнозной оценке, к 2030 г. объем добычи «новой» нефти может достигнуть 430—440 млн т, и это будет уже более половины (примерно 54%) всей добычи в ареале СНГ.

Добыча нефти и газового конденсата в регионах Российской Федерации, приоритетных для освоения ресурсов углеводородного сырья, в рамках данного прогноза оценивается в 2020 г. на уровне порядка 90 млн т, а к 2030 г. — 150 млн т, которые распределяются примерно поровну между Восточной Сибирью и Якутией, с одной стороны, и шельфами (в основном арктических и дальневосточных морей) и слабоизученными окраинными территориями севера и северо-востока страны — с другой. На долю этих источников в настоящее время приходится около 40% прогнозных оценочных ресурсов нефти в России.

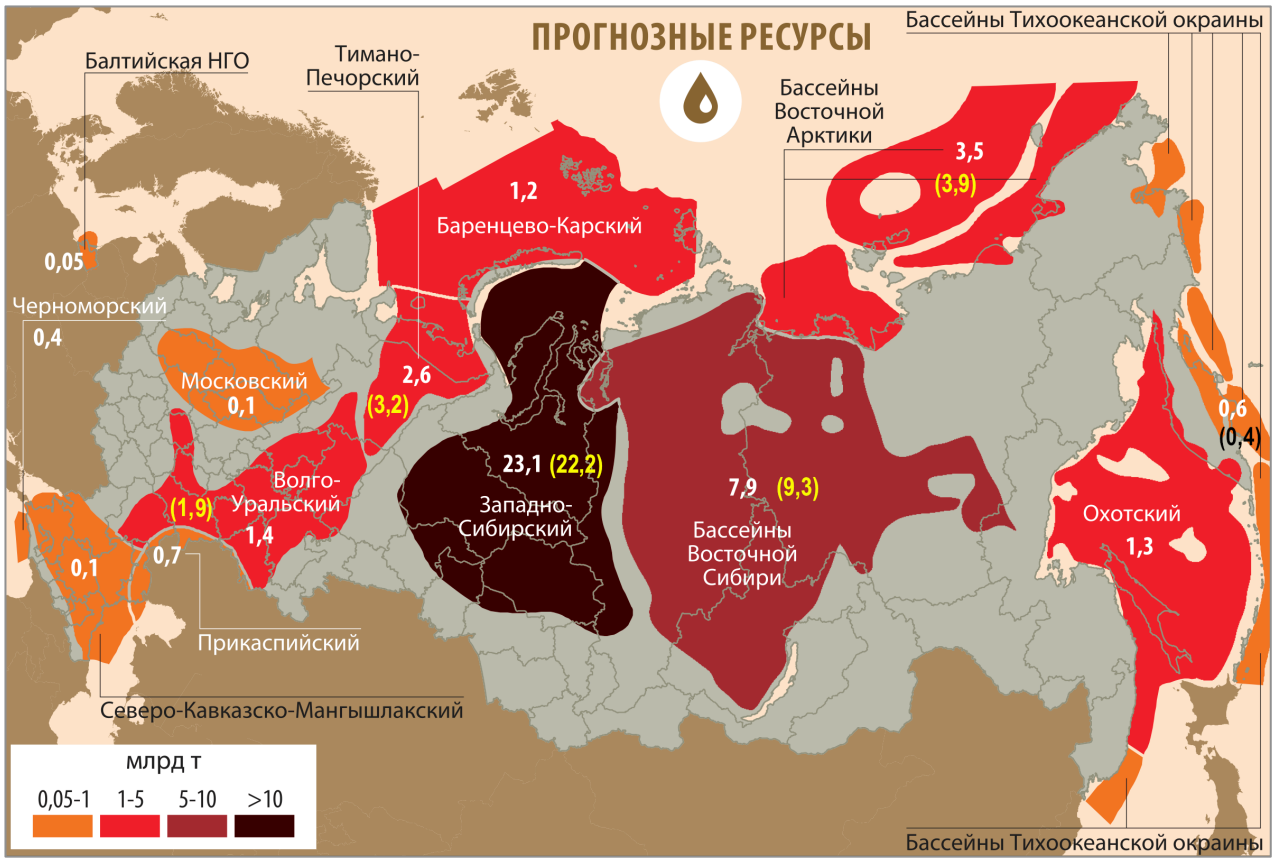
Реализуемость прогнозных ориентиров в значительной степени зависит от того, насколько благоприятным окажется соотношение будущих выгод (цен) и издержек на освоение новых ресурсных объектов российского НГС. Себестоимость добычи нефти на месторождениях российского арктического шельфа значительно превышает затраты на разработку аналогичных объектов в странах со сравнительно теплым климатом: в частности, если для шельфе Каспийского моря данный показатель составляет 44 долл./т, то для шельфа восточно-арктических морей он может достигать 170 долл./т. Возможность добычи нефти в сложных горно-геологических и природно-климатических условиях с приемлемым уровнем издержек находится в самой непосредственной зависимости от динамики технологического развития — той составляющей, в которой отечественные нефтегазовые компании сейчас существенно отстают от мировых лидеров. В противном случае, главные акценты в реализации государственных приоритетов по освоению нефтегазовых ресурсов по-прежнему будут смещены в сторону создания благоприятных условий «извне», т.е. путем предоставления различного рода налоговых льгот и преференций.

Большое значение также будет иметь фактор подтверждаемости оцененных прогнозных ресурсов при проведении поисковых и разведочных работ, а в равной степени — и точности самих оценок. Данная проблема стоит весьма остро для Восточной Сибири, и в особенности для шельфов, вследствие в целом очень слабой и крайне неравномерной геологической изученности последних. Хуже всего изучены геолого-геофизическими методами значительные площади арктического шельфа (северные районы Баренцева и Карского морей, моря Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское), от Таймыра до границы с США на российском арктическом шельфе, где сосредоточено более половины оценочных прогнозных ресурсов нефти (рис. ИСТ-5), не пробурено ни одной скважины. При этом средняя степень разведанности начальных потенциальных ресурсов углеводородов на шельфе составляет всего 10%.[140]

[140] Григоренко Ю.Н. и др. Углеводородный потенциал континентального шельфа России: состояние и проблемы освоения // Минеральные ресурсы российского шельфа. — Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2006. — Специальный выпуск • URL: http://www.geoinform.ru/?an=mrr1 [2013-06-07].

Рисунок • ИСТ-5

Распределение прогнозных ресурсов нефти по нефтегазоносным бассейнам России по состоянию на 1.01.2011 г., млрд т

Примечание: в скобках приведены данные по состоянию на 1.01.2010 г., если величина оценки изменяется.

Источники: Государственные доклады МПР РФ «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов…» за 2010 и 2009 гг. • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

Что же касается величины оценок прогнозной нефтеносности северных и восточных территорий (включая арктический шельф), настораживает тенденция к ее уменьшению. По данным МПР РФ, величина оценки прогнозных ресурсов за 2010 г. по сравнению с 2009 г. в сумме уменьшилась на 2,3 млрд т, в том числе по Восточной Сибири — на 1,4 млрд т (рис. ИСТ-5). В противоположность указанным регионам, оценка по Западной Сибири выросла на 0,9 млрд т. Получается, что по мере повышения степени геологической изученности приоритетных территорий и уточнения оценок прогнозной нефтегазоносности, выявляется сужение ресурсной базы для развития добычи нефти в долгосрочной перспективе? Каким же образом тогда будет компенсироваться начавшееся падение добычи нефти в Западной Сибири?

Такие похожие и такие разные тренды

Сравнивая исторические тренды развития нефтедобычи в ареале стран Содружества и в США, можно выявить как существенные сходства, так и не менее существенные различия. Схожесть обусловлена тем, что процессы освоения нефтегазовых ресурсов на больших территориях подчиняются определенным общим закономерностям, а различия

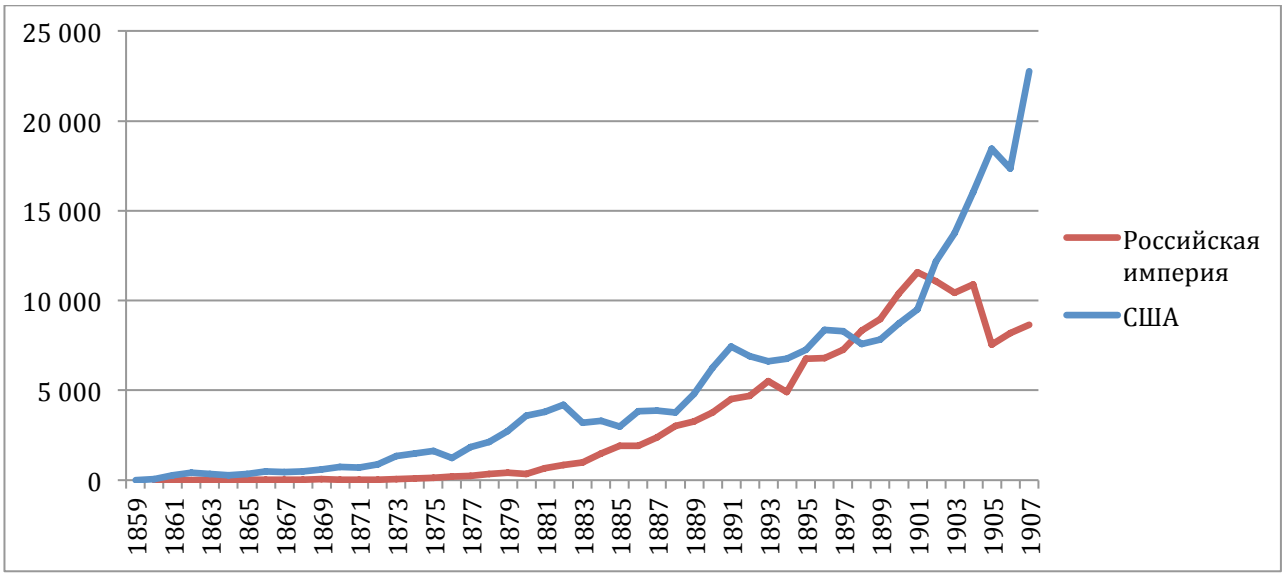
вызваны спецификой конкретных стран — горно-геологическими, географическими, природными, экономико-институциональными особенностями.

В анналах современной статистики обнаруживается систематический учет объемов добычи нефти в России начиная с 1860 г.[141] — последнего года, предшествовавшего проведению Крестьянской реформы, которая отменила крепостное право в стране. И наверное, это не случайно, поскольку данная реформа вкупе с другими буржуазно-демократическими преобразованиями 1860—1870-х гг. дала мощный толчок развитию национальной экономики, включая нефтяное дело. В 1860 г. в России было добыто порядка 4 тыс. т нефти, что в 17 с лишним раз меньше тогдашнего американского показателя, и в последующее десятилетие по темпам роста добычи США шли впереди России.

Настоящий российский нефтяной бум начался в 1870-х годах и продлился примерно четверть века. Бурный рост добычи — а она в период до 1890 г. за каждое десятилетие увеличивалась ровно на порядок — был простимулирован: во-первых, отменой откупной системы с переходом к торгам (аукционам) нефтяными землями; во-вторых, непродолжительным отрезком времени, когда керосиновое производство (переработка нефти) не облагались акцизным налогом (с 1877 по 1887 г.). В 1890-х годах рост отечественной нефтедобычи резко замедлился (в 2,7 раза против 10-кратного роста в минувшие десятилетия), но тем не менее, к началу XX века Россия вышла по объемам добычи нефти на первое место в мире, обогнав США (рис. ИСТ-6).

Рисунок • ИСТ-6

Добыча нефти в Российской империи и в США в 1859—1907 гг., тыс. т

По данным ЦСУ СССР и Американского института нефти / American Petroleum Institute — API • URL: http://www.api.org/.

Тогдашнее российское лидерство в мировой нефтедобыче оказалось совсем недолгим. Уже в 1902 г. США вернули себе пальму первенства и затем на протяжении почти полувека, вплоть до середины 1950-х годов, наращивали свое преимущество. Советский Союз начал догонять США по нефтедобыче лишь с вводом в эксплуатацию гигантских месторождений углеводородного сырья — сначала в Урало-Поволжье, а затем в Западной Сибири —

[141] Народное хозяйство СССР в 1960 году (Статистический ежегодник). — М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. — С. 263.

и в 1974 г. эта «гонка преследования» увенчалась успехом (рис. ИСТ-7). Современная Россия в паре с Саудовской Аравией возглавляют мировой рейтинг нефтедобывающих стран, а пост-советский ареал и Северная Америка (США, Канада, Мексика) имеют примерный паритет по объемам добычи жидких углеводородов, соответственно, 660 и 670 млн т.[142]

Рисунок • ИСТ-7

Добыча нефти в Российской империи / СССР / СНГ и в США в 1901—2012 гг., млн т

По данным ЦСУ СССР, BP Statistical Review of World Energy – 2013 (http://www.bp.com/), American Petroleum Institute — API • URL: http://www.api.org/; U.S. Energy Information Administration — EIA • URL: http://www.eia.gov.

Общая динамика добычи нефти в длительной исторической ретроспективе складывается под влиянием двух ограничений: «снизу» и «сверху». Роль «ограничения снизу» играет изменяющаяся во времени величина спроса (потребности) в нефти с учетом возможностей ее замещения другими видами энергоресурсов. Век двадцатый охарактеризовался быстрым ростом спроса на нефть, и это подталкивало к повсеместному увеличению добычи, что не могло не затронуть все территории, богатые нефтяными ресурсами. Мера этого богатства всегда выступала и выступает сегодня в качестве «ограничения сверху» — объемы добычи нефти в каждый конкретный момент времени и угол наклона динамического тренда определяются величиной текущих извлекаемых запасов и тенденцией их приращения или сокращения. При этом свойство «извлекаемости» является весьма относительным, поскольку связано и с уровнем развития технологий добычи, и с уровнем цен на нефть, т.е. речь всегда идет о возможностях извлечения запасов при определенных технологических и экономических условиях.

Межстрановые различия таковых условий в сочетании с природно-геологической дифференциацией обусловливают специфику национальных трендов нефтедобычи. Так, американскому графику добычи присущ выраженный «гребенчатый» характер, отражающий кратко- и среднесрочные флуктуации, которые связаны с изменениями конъюнктуры — причем не только нефтяного рынка, но и общеэкономической. В фазе растущей добычи самые глубокие провалы приходятся на период великой депрессии в первой половине 1930-х годов и мировой экономический кризис 1974—1976 гг. График добычи нефти

[142] BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

у «оппонирующего» производителя в целом является более гладким, а наблюдаемые разного рода спады и долгие по времени монотонные подъемы связаны, главным образом, с причинами системно-экономического и политического свойства.

Спад в начале XX века и последовавшая за ним стагнация объясняются узостью внутреннего рынка (по причине высоких налогов на керосин, смазочные масла и другие продукты, которые вырабатывались из нефти) и политическими барьерами, воздвигнутыми на пути отечественного экспорта нефтепродуктов. Существенную сдерживающую роль в развитии нефтедобычи играло и слабое инфраструктурное обеспечение (вот уж, воистину получается — это наша вечная болезнь!). К 1913 г. в дореволюционной России было построено магистральных нефтепроводов протяженностью всего лишь 1202 км, самым большим из которых являлся экспортный трубопровод Баку — Батум (883 км). На долю трубопроводного транспорта приходилось всего 6% вывоза нефтяных грузов из Бакинского района. От железных дорог нефтезаводчики получали не более 10% требуемого количества цистерн. Так, для вывоза 2 млн т продукции с бакинских нефтеперегонных заводов требовалось ежесуточно 600 цистерн, но наливали только от 90 до 250 цистерн в сутки. Основная тяжесть перевозки (порядка 80%) ложилась на водный нефтеналивной транспорт, однако и он расширялся слишком медленно. «Узкое горлышко» инфраструктуры не только создавало физические ограничения для развития нефтяной отрасли, но и подрывало ее эффективность и конкурентоспособность — при том, что добыча нефти в Баку обходилась в 10 раз дешевле, чем в США, на транспортировку и хранение тратилось в 35 раз больше. [143]

После 1913 г. последовала череда экстраординарных политических событий — Первая Мировая война, две революции, Гражданская война, — которые привели к разрухе в национальной экономике, включая и нефтяную отрасль. Постепенный подъем нефтедобычи начался в 1920-е годы благодаря так называемой «Новой экономической политике», проводившейся большевистским правительством, а успех был закреплен в результате выполнения планов первых советских пятилеток. Устойчивый рост добычи нефти в 1941 г. оборвала германская агрессия, приведшая к Великой Отечественной войне. И лишь в послевоенный период (с 1946 г.) СССР вновь стал увеличивать объемы нефтедобычи.

В целом за период 1901—1954 гг. США наращивали добычу нефти быстрее, чем Российская империя и ее преемник — Советский Союз. Следует особо отметить, что США к собственной выгоде использовали оба глобальных военных конфликта, имевших место в XX столетии и которые, по сути дела, обошли стороной территорию Северной Америки.

Принципиально новая фаза роста нефтедобычи в СССР началась в середине 1950-х годов и продолжалась примерно 25 лет. За это время (т.е. к 1980 г.) объемы производства жидких углеводородов увеличились в 10 раз, тогда как в США — всего на 36%. Грандиозный рост добычи нефти в СССР был связан, как уже отмечалось выше, с освоением двух крупнейших в стране нефтегазоносных провинций — Волго-Уральской и Западно-Сибирской. Естественно, что этот подъем носил планомерный характер, исключавший какие-либо непредвиденные флуктуации. Но затем темпы роста добычи нефти в СССР резко снизились, а в 1985 г. произошел первый, не вызванный войной, кризис советской нефтяной промышленности — добыча неожиданно и вопреки планам сократилась почти на 3%. В последующий период подъем нефтедобычи в стране был ненадолго восстановлен, но слишком дорогой ценой — путем беспрецедентной «накачки» инвестициями. И это дало всего лишь 5% прироста нефтедобычи за три года.

Стагнация добычи нефти в СССР в 1980-е годы объясняется не столько ухудшением сырьевой базы отрасли, сколько системными проблемами советской директивно-плановой

[143] Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. — М. — Л.: Гостоптехиздат, 1954.

экономики, оказавшейся не способной к должному технологическому обновлению. Технико-технологический застой со всей очевидностью проявился и в нефтяной отрасли, имеющей дело с динамично изменяющимися сырьевыми активами, качество которых ухудшается по мере истощения ресурсов и запасов в недрах. Чтобы противостоять этой тенденции требуется постоянное развитие техники и технологий геологоразведки и эксплуатации месторождений, но таковое развитие в советской нефтяной промышленности происходило слишком медленно. Проблемы отрасли усугублялись тем, что в предыдущие два десятилетия был набран необоснованно высокий, форсированный темп роста добычи, который ускорил процессы «старения» сырьевой базы.

Период 1989—1996 гг. ознаменовался затяжным монотонным спадом добычи, причины которого, в общем-то, хорошо известны. Во-первых, это — финальная и фатальная стадия системного экономико-политического кризиса, охватившего Советский Союз и закончившегося распадом страны на ряд независимых государств. Во-вторых, процессы трансформационных реформ в странах Содружества и переход национальных экономик на рыночные принципы функционирования, который в разных странах происходил по-разному — с неодинаковой скоростью и результативностью. Практически повсеместно процессы преобразований затронули нефтегазовый сектор, но в одних странах (как например в Российской Федерации) акцент был сделан на формировании либерально-рыночной модели НГС, а в других (в Казахстане, Азербайджане) — на государственно-рыночной. Следует отметить, что Казахстан и среднеазиатские государства в целом пережили системную трансформацию с наименьшими потерями в добыче нефти благодаря относительно неплохому состоянию сырьевой базы, не подвергшейся форсированному истощению в поздний советский период времени.

Начиная с 1997 г. страны Содружества вступили в новую фазу роста нефтедобычи. К настоящему времени по сравнению с 1996 г. в целом по СНГ добыча нефти с газовым конденсатом выросла в 1,9 раза, в том числе: в Азербайджане — в 5 раз, в азиатском регионе (включая Казахстан) — в 2,8 раза, в России — в 1,7 раза. В Азербайджане и в странах азиатского региона рост добычи происходит за счет освоения новых перспективных территорий и прежде всего — находящихся в бассейне Каспийского моря. «За бортом» общей тенденции оказываются только Украина и Беларусь («Западный регион»), где нефтедобыча продолжает медленно падать по объективным причинам — вследствие относительной малости и истощенности сырьевой базы, а новых сколько-нибудь серьезных открытий здесь не предвидится.

Современный подъем нефтедобычи на пространстве СНГ с высокой степенью надежности можно спрогнозировать и на предстоящие 15—20 лет. Например, согласно прогнозам Международного энергетического агентства, только в Каспийском регионе (Азербайджан, Казахстан и среднеазиатские государства) добыча нефти может вырасти почти в 2 раза — с нынешних 140 до 270 млн т. Причем наиболее быстрый рост ожидается в ближайшие 10 лет.[144] Перспективы развития нефтяной промышленности в России обозначены в Энергетической стратегии и в отраслевой Генсхеме, которые в базовых своих вариантах ориентируют на умеренный рост добычи до примерно 530—535 млн т к 2030 г.[145] Как уже отмечалось выше, решающий вклад в будущий прирост российской нефтедобычи должны привнести Восточная Сибирь, шельфы дальневосточных и арктических морей, окраинные территории на северо-востоке страны. Западную Сибирь с высокой степенью

[144] World Energy Outlook 2010 — Part D: Caspian Energy Perspectives. — Paris: International Energy Agency (OECD/IEA), 2011 • URL: http://www.worldenergyoutlook.org/publications/weo-2010/ [2013-06-07].

[145] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. №1715-р. — М.: Институт энергетической стратегии • URL: http://www.energystrategy.ru/projects/es-2030.htm [2013-06-07].

вероятности ожидает дальнейшее падение добычи — во всяком случае, именно этот сценарий в настоящее время реализуется на практике.

К новым горизонтам добычи — вдаль и вглубь

У рассмотренных выше двух исторических графиков добычи нефти сходства и различия просматриваются не только в общих контурах, но и в «слоистости», характеризующей очередность и масштабы освоения отдельных крупных добывающих территорий (рис. ИСТ-2 и ИСТ-4).

Наиболее существенное сходство заключается в том, что в обоих случаях первыми в процессы хозяйственного освоения были вовлечены регионы (нефтегазоносные бассейны) со сравнительно небольшим ресурсным потенциалом. Возможно, это — просто «каприз» природы, а возможно в этом есть какая-то глубокая историческая закономерность, но когда у человечества появилась серьезная потребность в нефти как в сырье и топливе, выяснилось, что «под боком» у крупных очагов потребления располагаются далеко не самые богатые источники нефтяных ресурсов. Увеличение добычи при эксплуатации ближайших открытых и технически доступных источников лишь в течение довольно ограниченного времени позволяло обеспечивать растущий спрос на нефть, а затем потребовалось освоение новых районов. Так, Предаппалачский бассейн в США справлялся со спросовой нагрузкой на протяжении около 40 лет, а Бакинский добывающий район занимал доминирующее положение в нефтяной промышленности России примерно 50 лет. К 1930 г. в США добыча нефти велась на территории 7 крупных регионов, включая Техас, а также бассейны Калифорнии и Мексиканского залива (на суше). В СССР нефть добывалась в Бакинском районе, на Северном Кавказе, в Казахстане и в Средней Азии — и хотя Баку продолжал играть главную роль, но его доля в суммарной добыче нефти по стране сократилась до 65% (против 95% в 1900 г.).

Процесс вовлечения новых нефтегазоносных территорий в хозяйственное освоение в основном носил характер постепенного удаления от очагов спроса (потребления). Это нагляднее просматривается на примере США, где в целом имеет место более высокая и равномерная плотность населения. Сначала была Пенсильвания, входящая в группу Средне-Атлантических штатов на Северо-Западе страны — промышленном регионе с самой высокой плотностью населения. Затем добыча нефти стала продвигаться на запад — в Огайо и Западную Виргинию, — охватив таким образом практически весь Предаппалачский бассейн. Следующим стал регион Великих Озер на Среднем Западе (Иллинойс и Индиана), а в дальнейшем — Техас и Луизиана на юге, Калифорния на Тихоокеанском побережье, территории Мидконтинента. После того как были вовлечены в разработку практически все перспективные районы в материковой части США дошла очередь до шельфа Мексиканского залива и океанского шельфа у берегов Калифорнии. Аляска, находящаяся на крайнем севере, стала последним освоенным регионом из числа крупнейших нефтегазоносных территорий страны. Сейчас на очереди — арктический шельф Аляски, где сосредоточено 40% прогнозных извлекаемых ресурсов нефти США.

Понятие «преемственность» по отношению к очередности освоения нефтегазоносных территорий носит весьма относительный характер. Новые бассейны или регионы не замещают старые добычные центры полностью, а лишь начинают играть ведущую роль в обеспечении дальнейшего наращивания производства углеводородов. При этом добыча нефти и газа в старых районах обычно стабилизируется с последующим постепенным сокращением. Эволюция нефтедобычи в США наиболее точно иллюстрирует данное правило, поскольку развитие американского НГС не подвергалось серьезным внешним, т.е. внеэкономическим, воздействиям деструктивного характера. В ареале же нынешнего СНГ историческая эволюция нефтедобычи весьма существенно скорректирована разного

рода политическими пертурбациями и разрушительными войнами. В годы Первой мировой войны и революционных событий добыча нефти в Баку сократилась более чем в 3 раза (с 7,7 млн т в 1913 г. до 2,5 млн т в 1921 г.).[146] Почти столь же сильно нефтяная промышленность Азербайджана и Северного Кавказа пострадала в Великую Отечественную войну: общее производство нефти в главных добычных регионах СССР упало в 2 раза (с 26,7 млн т в 1940 г. до 13,1 млн т в 1945 г.), в том числе на Северном Кавказе — в 2,8 раза (с 4,5 до 1,6 млн т). В 1942 г. перед вражеской оккупацией в Грозном и в Краснодарском крае были уничтожены все эксплуатационные скважины, демонтированы и вывезены (в Поволжье) буровые установки и нефтепромысловое оборудование, весь геологический материал, в большинстве своем были эвакуированы специалисты.[147] Послевоенное восстановление нефтяной отрасли в Кавказском регионе потребовало нескольких лет и было полностью завершено только к началу 1950-х годов.

В целом же одну из главных черт исторической эволюции нефтедобычи можно определить так: по мере того, как известные эксплуатируемые источники становятся недостаточными для обеспечения растущего спроса на нефть, процесс поиска и освоения новых источников уходит вдаль (к другим территориям) и вглубь (к другим более глубоким, ранее неразведанным или технически недоступным геологическим горизонтам). Пример последнего свойства можно сейчас наблюдать в развитии нефтедобычи в американских штатах Техас, Нью-Мексико, Северная Дакота и ряде других, где началось активное освоение залежей сланцевой нефти. В конце 1950-х — начале 1970-х годов похожие тенденции имели место и в нефтяной промышленности Северного Кавказа, которая в буквальном смысле слова получила «вторую жизнь» после нескольких лет стагнации в объемах добычи нефти. В Грозном были выявлены и введены в разработку высокопродуктивные залежи в глубоких отложениях верхнемелового возраста. Были сделаны новые открытия в соседнем Ставрополье и в Краснодарском крае. К 1971 г. добыча нефти на Северном Кавказе вышла на свой максимум в 35,8 млн т (в том числе в Грозненском районе — 21,3 млн т), увеличившись по сравнению с серединой 1950-х годов более чем в 5 раз. Пик добычи нефти с газовым конденсатом в Ставропольском крае равнялся 7,2 млн т (1974 г.), а в целом достигнутый уровень более 7 млн т сохранялся в течение 5-ти лет (1973—1977 гг.).[148]

Приоритет крупного производства, граничащий с гигантоманией, можно считать характерной чертой советской плановой экономики, и нефтегазовый сектор не составлял исключения. При освоении новых нефтегазоносных территорий целенаправленно поддерживалось устремление к выходу в регионы, располагавшие более крупной ресурсной базой по сравнению с теми, которые уже находились в эксплуатации. Справедливости ради нужно отметить, что данное устремление имело во многом объективные предпосылки, связанные с пространственным распределением геологических ресурсов нефти и газа.

---

[146] По данным Государственного статистического комитета Республики Азербайджан • URL: http://www.azstat.org/statinfo/industry/en/index.shtml [2013-06-07].

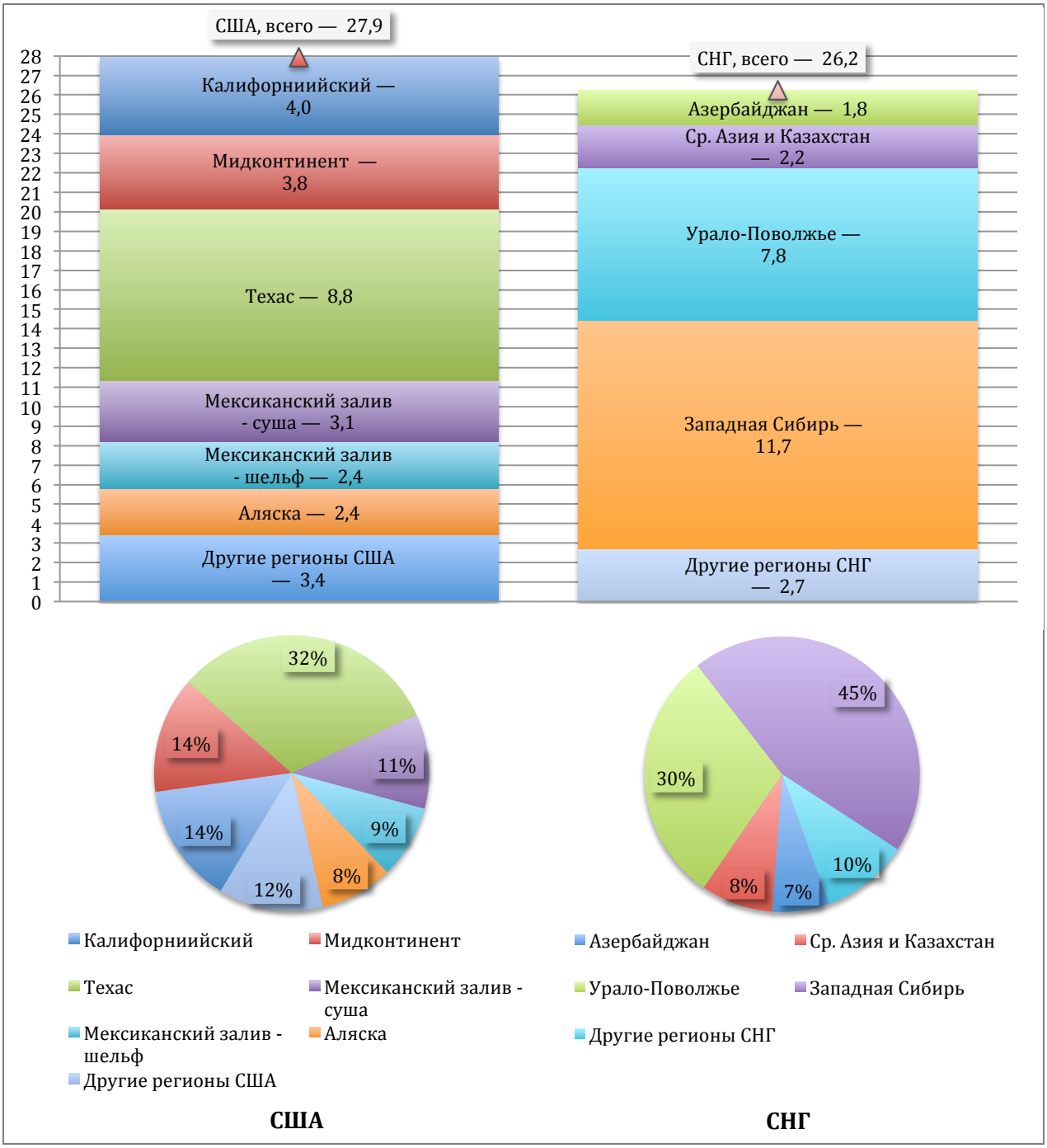
[147] Будков, А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: Недра, 1985.
Алиев М.М. и др. Нефтедобывающая промышленность СССР. 1917—1967 / Под общ. ред. В.Д. Шашина. — М. : Недра, 1968.

[148] Пельменёва А.А. Тенденции и особенности функционирования нефтяного рынка Северо-Кавказского региона // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». — 2005. — № 2 • URL: http://www.ncfu.ru/.
Пельменёва А.А. Нефтяной комплекс Ставропольского края и проблемы его развития // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». — 2009. — № 9 • URL: http://www.ncfu.ru/.
Чеченская республика: нефтяной ракурс // Международная информация нефтяной индустрии. — 1995. — № 1 • URL: http://www.nefte.ru/oilworld/chechen1.htm [2013-06-07].

Поэтому при освоении новых нефтегазоносных территорий СССР в основном двигался по восходящей линии: от Баку и Северного Кавказа — к региону Урало-Поволжья, а затем — к Западной Сибири. Как следствие, в структуре накопленной добычи нефти за всю историю разработки месторождений на территории СНГ (26,2 млрд т) выявляется очевидное преобладание двух крупнейших провинций — Волго-Уральской (7,8 млрд т / 30%) и Западно-Сибирской (11,7 млрд т / 45%). Пространственная структура накопленной добычи нефти в США (27,9 млрд т) выглядит более равномерной: преобладает Техас (8,8 млрд т / 32%) и еще пять нефтегазоносных регионов имеют долю от 9 до 14% (рис. ИСТ-8).

Рисунок • ИСТ-8

Распределение накопленной добычи нефти в США и СНГ за период 1859—2011 гг. по основным нефтегазоносным территориям, млрд т / %

Источники: см. сноски к рис. ИСТ-2 и ИСТ-4.

Законы рыночной экономики, как показывает длительная история нефтедобычи в США, по большей части несовместимы с каким-либо политически целенаправленным выдвижением приоритетов в освоении тех или иных нефтегазоносных территорий. Востребованными оказываются все источники нефти, независимо от их размеров и местоположения, удовлетворяющие критериям технической доступности и экономической целесообразности. Разрабатываются могут все нефтегазоносные бассейны, все месторождения и залежи с технически извлекаемыми запасами нефти, если добыча сопряжена с издержками, уровень которых является приемлемым по рыночным условиям. И это подтверждается реальной статистикой. На территории США расположено около четырех десятков бассейнов с доказанной нефтегазоносностью, различающихся своим ресурсным потенциалом, и открыто более 36 тыс. месторождений углеводородного сырья, ¾ которых сосредоточено в границах трех крупнейших бассейнов: Мексиканского залива, Пермского и Западного внутреннего.[149] Официально учтено 65,4 тыс. площадей (месторождений, участков), в недрах которых содержатся запасы углеводородов.[150] При этом только на федеральных землях количество реально исполняемых лицензионных соглашений на право выполнения работ по освоению нефтегазоносных участков превышает 49 тыс., а в 2011-м финансовом году было выдано 2188 новых лицензий.[151] Согласно последним опубликованным данным, добычу нефти и газа в США осуществляют 13774 компании, из которых 13121 относятся, по принятой классификации, к III категории («микро») с годовой добычей в 14 тыс. барр. в среднем на одну компанию-оператора и 510 компаний входят во II категорию (малых) со среднегодовой добычей 320 тыс. барр.[152] Иными словами, в США выявлено огромное количество месторождений нефти и газа, большинство из которых — мелкие, и есть кому заниматься освоением этих месторождений без каких-либо скидок на то, что они мелкие, истощенные и не представляют интереса для «серьезного» бизнеса.

Поэтому в США параллельно с освоением крупных нефтегазоносных территорий, таких как Техас, Аляска ли Мексиканский залив, вовлекались в эксплуатацию сравнительно небольшие районы в различных штатах — Флориде, Мичигане, Южной Дакоте, Теннесси и др. И практически во всех нефтегазодобывающих регионах страны всегда есть масса «замыкающих» месторождений и производителей нефти, которые «выпадают из обоймы» в периоды конъюнктурных спадов и «возвращаются в строй» при подъемах рыночной конъюнктуры. Таким образом в динамике оптимизируются объемы производства и складывается «гребенчатый» исторический график добычи нефти.

В противоположность американской практике, в СССР уже с началом освоения Волго-Уральской провинции интерес к обстоятельной работе с новыми небольшими нефтегазоносными территориями заметно ослаб — стояла задача найти новую «большую нефть», и основные надежды в этом деле возлагались преимущественно на восточные регионы страны. В послевоенный период было создано, пожалуй, всего два новых добывающих района на базе относительно небольших ресурсных источников — Днепровско-

---

[149] Высоцкий И.В., Высоцкий В.И., Оленин В.Б. Нефтегазоносные бассейны зарубежных стран. — М.: Недра, 1990.
Горная энциклопедия • URL: http://www.mining-enc.ru/s/soedinennye-shtaty-ameriki/ [2013-06-07].

[150] Oil and Gas Field Code Master List. — U.S. Energy Information Administration / EIA • URL: http://www.eia.gov/naturalgas/fieldcode/ [2013-06-07].

[151] Oil & Gas Statistics. — Bureau of Land Management (BLM) U.S. Department of the Interior • URL: http://www.blm.gov/wo/st/en/prog/energy/oil_and_gas/statistics.html [2013-06-07].

[152] U.S. Crude Oil, Natural Gas, and Natural Gas Liquids Reserves. 2007 Annual Report. — U.S. Energy Information Administration / EIA, 2009 • URL: http://www.eia.gov/naturalgas/crudeoilreserves/archive/2007/full.pdf [2013-06-07].

Донецкой (Украина) и Припятской нефтегазоносных областей (Беларусь), век которых оказался недолог — в середине 1970-х годов был достигнут пик (21,4 млн т) суммарной добычи нефти в западных республиках СССР, после чего она стала быстро снижаться и к концу 1980-х годов сократилась почти в 3 раза — до 7,4 млн т.[153]

Освоение ресурсов белорусской нефти началось практически одновременно с западносибирской. Но ведь в начале 1960-х годов среди геологов, нефтяников и плановиков преобладали скептическое отношение к Западной Сибири, и мало кто предполагал тогда, какие темпы и масштабы примет развитие нефтегазодобычи в этом регионе страны всего лишь через 10 лет. В одной из песен Владимира Высоцкого, который впоследствии иронизировал по поводу тогдашнего отношения к Западной Сибири, даже есть такие строки:

Послал же бог на головы нам олухов!
Откуда нефть — когда кругом тайга?
...
Вы ничего в Тюмени не отыщите,
В болото вы вгоняете деньгу!
...
И дали заключенье в Академии:
В Тюмени с нефтью полная труба!

А ближе к финалу песни:

И нефть пошла! Мы, по болотам рыская,
Не на пол-литра выиграли спор —
Тюмень, Сибирь, земля ханты-мансийская
Сквозила нефтью из открытых пор. [154]

Государственные решения об освоении ресурсов нефти и газа в Западной Сибири с ее крайне тяжелыми условиями работы принимались не без дискуссий. К XXIII съезду КПСС, который в 1966 г. должен был утвердить план очередной (восьмой) пятилетки, сформировались два «лагеря» — приверженцев постепенного подхода к освоению и сторонников интенсивного вовлечения ресурсов Западной Сибири в промышленную эксплуатацию. Победили вторые, но в пятилетнем плане задания по добыче нефти и газа в регионе были даны весьма большими «вилками» (соответственно: 20—25 млн то 16—26 млрд $м^3$).[155]

Намеченные планы были перевыполнены с лихвой. В 1970 г. в Западной Сибири добыча нефти вышла на уровень 31 млн т, а в целом за 8-ю пятилетку было добыто 10 млн т сверхплановой нефти. *«По сравнению с другими нефтяными провинциями это вроде не так уж и много. Но ни на одном промысле страны добыча "черного золота" не росла столь быстрыми темпами. Новый район уже сейчас дает половину общесоюзного прироста нефтедобычи, а в будущем обеспечит непрерывное увеличение темпов развития нефтяной и газовой промышленности страны, нефтехимии и энергетики… Для достижения добычи*

---

[153] По данным ЦСУ СССР, ГПО «Белоруснефть» • URL: http://beloil.by/ru/; НАК «Нафтогаз Украины» • URL: http://www.naftogaz.com/; Нефть и газ Украины // Аналитика — Нефть и газ. — Информационно-аналитическое агентство Neftegaz.Ru • URL: http://neftegaz.ru/analisis/view/7677 [2013-06-07].

[154] Высоцкий В.С. Тюменская нефть (1972 г.) // Собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2012. — С. 257—258.

[155] Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. — М.: Изд-во МГУ, 2005 • URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/index.html [2013-06-07].

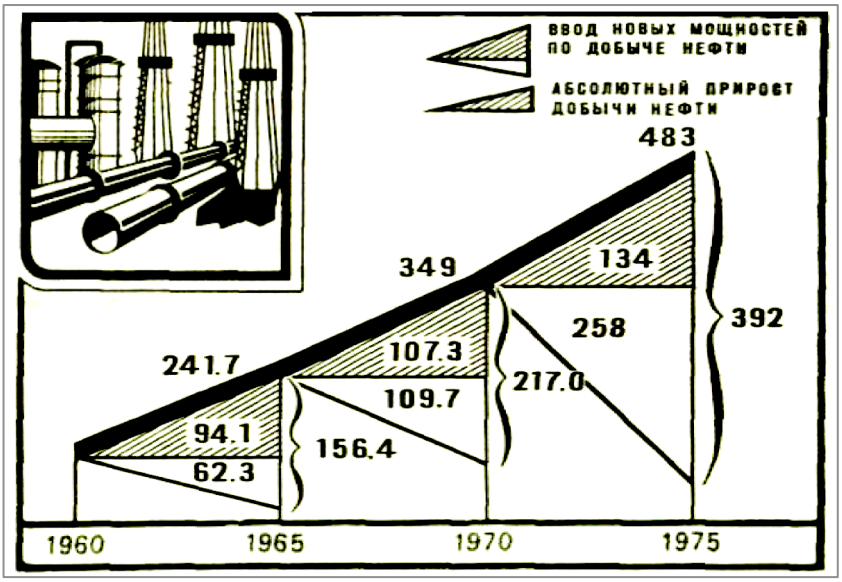
нефти в 45 млн т в Татарии потребовалось 15,5 лет, а в Западной Сибири — всего 7,5. Рубежа годовой добычи в 100 млн т татарские нефтяники достигли через 25 лет, а сибиряки возьмут его за 11 лет».[156]

В девятой пятилетке добыча нефти в Западной Сибири увеличивалась еще более стремительно, и в 1973 г. регион вышел по объему добычи нефти на первое место в стране. Прирост добычи составил в том же году почти 25 млн т. За годы пятилетки промыслы Тюменской и Томской областей дали сверх директивного задания более 44 млн т. Как отмечается в книге тогдашнего министра нефтяной промышленности СССР В.Д. Шашина, *«не менее впечатляющими выглядят и общие итоги завершающего года девятой пятилетки: страна получила 148 млн т западносибирской нефти, из которых более 12 млн т сверх плана».*[157] Постоянное перевыполнение планов добычи в 1965—1975 гг. в основном объясняется тем, что масштабы геологических открытий в Западной Сибири превосходили все ожидания и каждый год дарил новые и более широкие возможности. Форсирование темпов отбора запасов началось несколько годами позже, когда по целому ряду причин рост добычи стал замедляться, а стране требовалось все больше и больше нефти.

Надо сказать, что «большая» западносибирская нефть пришлась как нельзя кстати и вовремя. Еще в годы освоения ресурсов Урало-Поволжья в СССР был набран такой темп наращивания нефтедобычи, что поддерживать его без вовлечения в эксплуатацию новых крупных нефтегазоносных территорий было попросту невозможно. При достигнутом в то время уровне технологического развития отрасли, выбытие добычных мощностей происходило довольно быстро — и его необходимо было постоянно компенсировать. Чем больше нефти добывалось в СССР, тем с каждым годом увеличивались и масштабы выбытия «старых» мощностей по добыче нефти, что наглядно иллюстрируется диаграммой из цитированной выше книги В.Д. Шашина (рис. ИСТ-9).

Рисунок • ИСТ-9

Ввод новых мощностей
(абсолютный прирост плюс мощности на компенсацию падения добычи нефти)
по Министерству нефтяной промышленности СССР, млн т

[156] Шашин В.Д., Щербина Б.Е., Муравленко В.И. и др. Нефть Сибири. — М.: Недра, 1973. — С. 15, 32.

[157] Шашин В.Д. Нефтяники — стране. — М.: Недра, 1976. — С. 21.

Шашин В.Д. Нефтяники — стране. — М.: Недра, 1976. — С. 17 (масштабированная скан-копия диаграммы).

В девятой пятилетке ввод новых мощностей по добыче нефти составил 392 млн т, что превышает объем производства, имевший место в 1970 г., но из общего ввода мощностей почти 66% (258 млн т) пошло на компенсацию выбытия и лишь 34% (134 млн т) давало чистый прирост добычи. В 1975 г. величина чистого прироста добычи нефти в стране по отношению к последнему году предыдущей пятилетки оказалась всего лишь немногим меньше, чем объем добычи нефти в Западной Сибири. Иными словами, если бы начиная с 1965 г. не происходило интенсивное освоение Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, то уже к середине 1970-х годов СССР вплотную бы столкнулся с проблемой резкого замедления темпов роста нефтедобычи. А это никоим образом не вписывалось в грандиозные планы строительства материально-технической базы коммунистического общества.

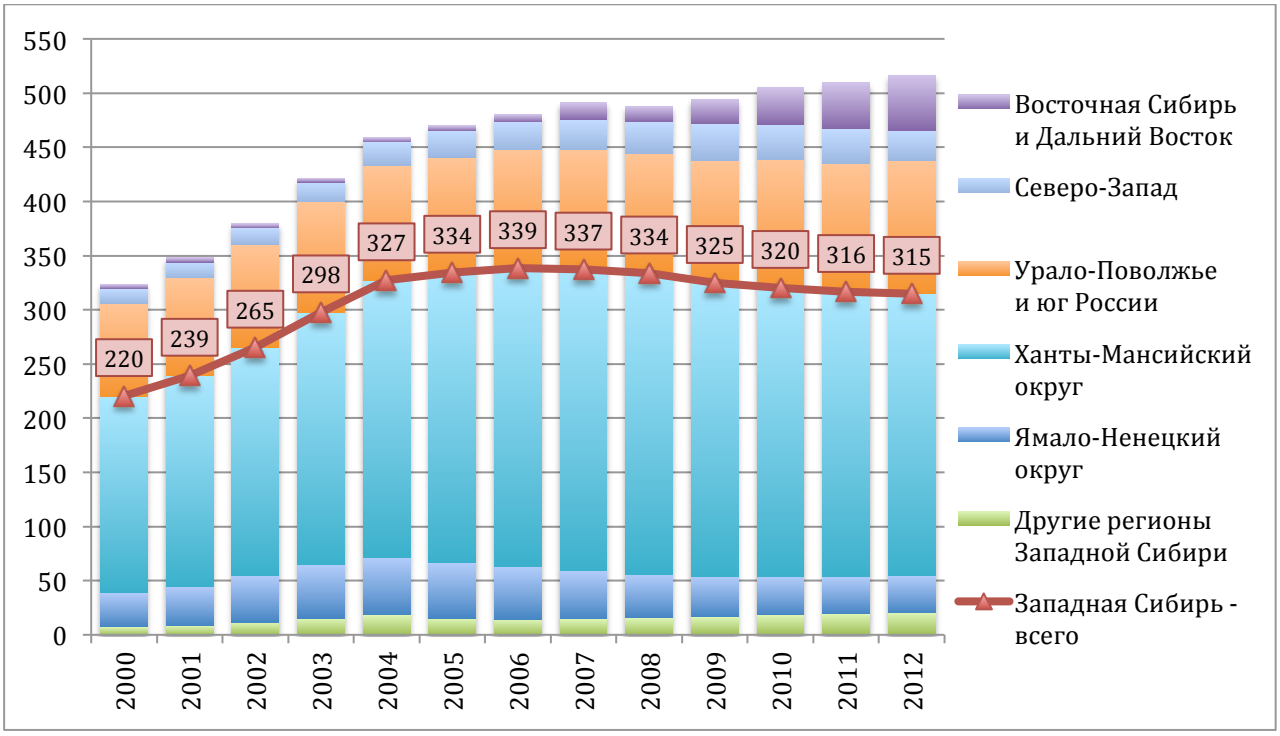
Можно без какого-либо преувеличения сказать, что нефть и газ Западной Сибири уже сыграли свою неоценимую историческую роль в социально-экономическом развитии СССР, а впоследствии — независимой Российской Федерации. Ресурсный потенциал региона столь велик, что и сегодня еще далеко и далеко не исчерпан, но несмотря на это, нынешние государственные приоритеты по обеспечению роста добычи углеводородного сырья в России отданы другим территориям. В эволюционном развитии российской нефтедобычи происходит очередная «смена поколений», однако новые регионы-лидеры даже близко не могут сравниться с «дряхлеющей» Западной Сибирью по размерам ресурсно-сырьевой базы. Поэтому естественно возникает вопрос: не слишком ли рано мы «списываем со счетов» западносибирскую нефть, отдавая столь явное предпочтение Восточной Сибири, Якутии, дальневосточным и арктическим шельфам?

Прощай, западносибирская нефть?

Одним из самых значимых (даже — знаковых!) и самых безрадостных событий последних лет в развитии российского НГС стало начавшееся падение добычи нефти в Западной Сибири (рис. ЗСН-1).

Рисунок • ЗСН-1

Добыча нефти с газовым конденсатом в регионах России, млн т

Примечание: данные за 2012 г. — предварительные.

Источник: по данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; территориальных органов Росстата.

Из числа основных западносибирских нефтедобывающих территорий в 2005 г. первыми в фазу падения вступили Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Томская область, но еще в следующем году благодаря росту добычи в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) поддерживалась позитивная динамика производства по региону в целом. С 2008 г. спад добычи нефти в Западной Сибири стал всеохватывающим, поскольку началось сокращение добычи в Ханты-Мансийском округе — главном нефтедобывающем регионе страны, — из недр которого годом ранее было извлечено свыше 278 млн т нефти (почти 59% общероссийской добычи). При этом относительно гладкая динамика падения пока что обеспечивается за счет роста добычи газового конденсата в ЯНАО, которая в 2011 г. достигла 11,4 млн т, вплотную приблизившись к докризисному максимуму (11,7 млн т в 2006 г.) и превзошла уровень 2000 г. в 2,3 раза.

Как можно объяснить происходящие процессы? Действительно ли, Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция уже вступила в стадию естественного падения добычи нефти?

Суровый приговор …

Указанная выше точка зрения сегодня воспринимается чуть ли не само собой разумеющейся — с подачи нефтегазового бизнеса и, в какой-то степени, государства. Например, в 2009 г. один из руководителей НК «ЛУКОЙЛ» в интервью газете «Коммерсантъ» сказал следующее: *«… Россия вышла на пик добычи. Сейчас я могу сказать, что 460—470 млн тонн нефти в год — это та тенденция, к которой мы придем в ближайшее десятилетие. Россия опоздала с вводом крупных новых месторождений… Что произошло в России? Мы вышли на 490 млн тонн. Дальше добыча будет снижаться, потому что в Западной Сибири, которая составляла основной регион производства, добыча пошла вниз. А те месторождения, которые должны вводится, — Тимано-Печора, Ванкор, Восточная Сибирь — опаздывают на три—пять лет».*[158] А вот цитата из Госдоклада МПР РФ за 2010 г.: *«…как объем, так и доля ХМАО в добыче нефти в последние годы уменьшаются… Причиной этого является сокращение дебитов скважин на эксплуатируемых месторождениях, многие из которых разрабатываются 40 лет и более, а также относительно худшие промысловые характеристики вводимых в строй объектов».*[159]

Ни в том, ни в другом случае не дается никакого серьезного объяснения причин: просто добыча нефти в Западной Сибири падает. А сокращение дебитов и ухудшение качества подготавливаемых новых запасов — это нормальные характеристики стадии естественного падения добычи. Но только ли в этом дело?

Администрация ХМАО при анализе итогов социально-экономического развития округа в 2011 г. объясняет падение добычи нефти наряду с уже названными причинами еще и тем, что имеет место: *«… невыполнение проектных решений по объемам бурения, вводу новых скважин и действующему фонду скважин; недостаточное проведение геологоразведочных работ и, как следствие, отсутствие подготовленных к разработке запасов, ввод в разработку которых мог бы компенсировать текущую добычу».* [160] Любопытно, но об этих же самых причинах практически дословно говорилось и в конце 1990-х годов, когда нефтедобыча в округе стагнировала в нижней точка кризисного спада.[161]

В решении научно-технической конференции по проблемам развития НГС в Западной Сибири (2010 г.) отмечается, что *«главной проблемой, которая начинает сдерживать развитие добычи нефти в провинции, является совершенно недостаточный уровень геологоразведочных работ. Деятельность недропользователей по выявлению и подготовке запасов нефти является неудовлетворительной... Дальнейший рост добычи нефти… сдерживает отсутствие открытых и законченных разведкой крупных нефтяных*

---

[158] «$70 — это нормальная работа» // Коммерсантъ — «Business Guide (Нефть и газ)». Приложение. 17 июня 2009. — №106 • URL: http://www.kommersant.ru/Doc/1182572 [2013-06-07].

[159] Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

[160] Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за январь—декабрь 2011 года • URL: http://www.depeconom.admhmao.ru/wps/portal/ecr/home/ser_hmao [2013-06-07].

[161] Зайцев Г.С., Толстолыткин И.П. Работа Ханты-Мансийской межведомственной Территориальной комиссии по разработке нефтяных месторождений (февраль — июнь 1999 года) // Вестник недропользователя Ханты-Мансийского автономного округа. — 1999. — № 3 • URL: http://www.oilnews.ru/3-3/ [2013-06-07].

месторождений, которые не введены в разработку. Вместе с тем запасы категорий, А+В, частично C_1 (proof — по западным стандартам) на разбуренных эксплуатационным бурением частях месторождений составляют около 55%. Это означает, что в указанном регионе на ближайшие 5—7 лет имеются потенциальные возможности для поддержания и даже наращивания добычи».[162]

Т.е. несмотря на ухудшение сырьевой базы, в Западной Сибири имеются возможности для поддержания и даже наращивания добычи нефти. Однако эти возможности сегодня не реализуются из-за недостаточных объемов геологоразведочных и эксплуатационных работ. Почему же так происходит в нашем главном нефтедобывающем регионе, от которого во многом зависит благополучие всей страны? Вероятно, ответ кроется в том, что сейчас главенствующим в развитии российского НГС стал так называемый «восточный вектор», означающий смещение основных интересов государства и бизнеса при освоении нефтегазовых ресурсов в сторону Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также морских шельфов. Ну, а Западная Сибирь утратила свои прежние приоритетные позиции — со всеми вытекающими из этого последствиями.

Устами МПР Западной Сибири уже вынесен приговор: *«Основная добыча в стране сосредоточена в уникальном по масштабу Западно-Сибирском нефтегазоносном бассейне, который вот уже более сорока лет является главным районом добычи нефти.* ***Дальнейшее наращивание добычи здесь практически невозможно*** *(жирн. курсив — авт.), а ее поддержание на текущем уровне требует освоения глубоких горизонтов с существенно более трудными условиями эксплуатации… В долгосрочной перспективе сохранение Россией статуса крупнейшей нефтяной державы возможно лишь при условии освоения принципиально новых регионов. Для этого необходимо обеспечить приток инвестиций в геологоразведку, в первую очередь в поиски и оценку новых месторождений в перспективных районах Восточной Сибири».*[163]

«Боливару не снести двоих…»

Но почему же утрата приоритета в государственной и корпоративной политике оборачивается для Западной Сибири столь печальными последствиями? Почему едва начавшееся широкомасштабное освоение ресурсов углеводородного сырья в новых перспективных провинциях создает серьезные проблемы для дальнейшего развития нефтедобычи в регионе, где сосредоточено более половины российских ресурсов нефти? На этот вопрос уже давным-давно ответил известный о'генриевский персонаж, бросивший лаконичную крылатую фразу, которой озаглавлен очерк: *«Боливару не снести двоих…»*, — а российскому бизнесу не снести двойную нагрузку по освоению ресурсов и Западной Сибири, и новых провинций.

Ограниченный инвестиционно-технологический потенциал компаний НГС не позволяет им вести широкомасштабное «наступление на нефтегазовые ресурсы» одновременно по нескольким «фронтам». Это хорошо видно на примере НК «Роснефть», являющейся не только самой большой российской нефтяной компаний, но и крупнейшим нефтедобытчиком и в Западной, и в Восточной Сибири. В инвестиционной деятельности

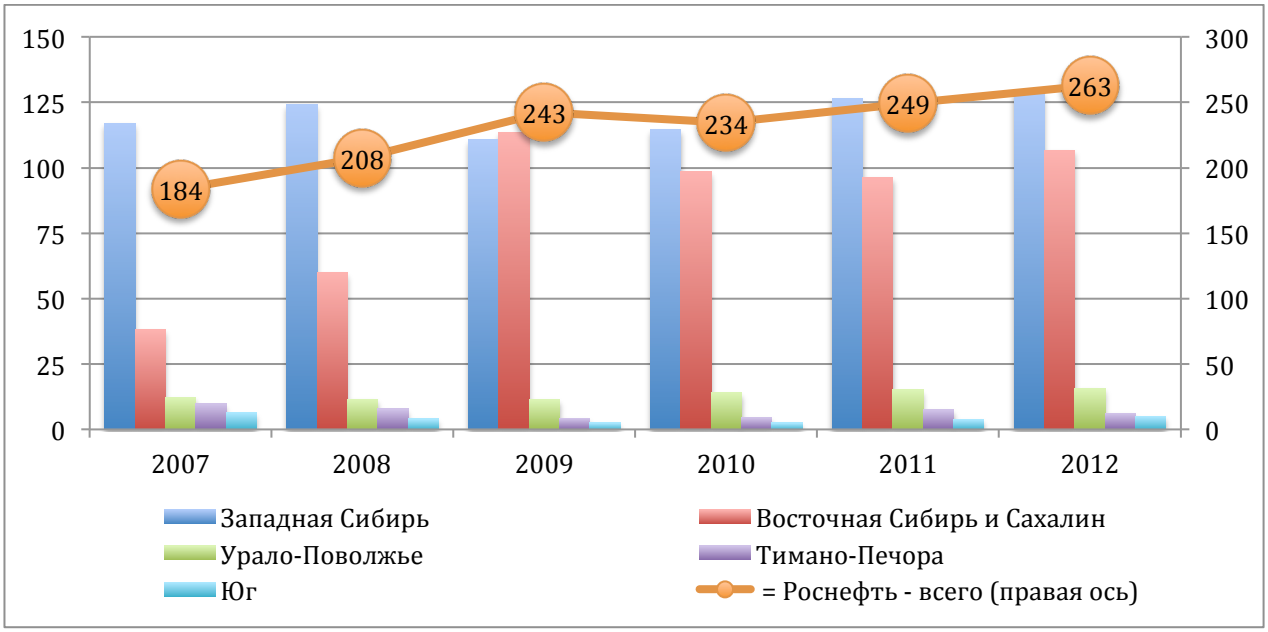
[162] Научно-техническая конференция «Стратегия и проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на современном этапе» // Нефть и газ Западной Сибири. — 2011. — № 1 • URL: http://www.ids55.ru/nig/articles/aktualnyeproblemy/211-l----------r--.html [2013-06-07].

[163] Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02].

компании в последние 6 лет отчетливо просматривается тенденция следующего свойства: если всерьез увеличиваются инвестиции в Восточную Сибирь, то сокращаются инвестиции в Западную, и наоборот (рис. 3СН-2). Похожие тренды имеют место в динамике показателей компании ТНК-ВР, которая в рассматриваемый период времени смогла нарастить инвестиции по всем регионам деятельности лишь в одном 2011 г. при максимально высоком уровне цен на нефть — около 110 долл./барр. в среднегодовом исчислении (рис. 3СН-3).

Рисунок • 3СН-2

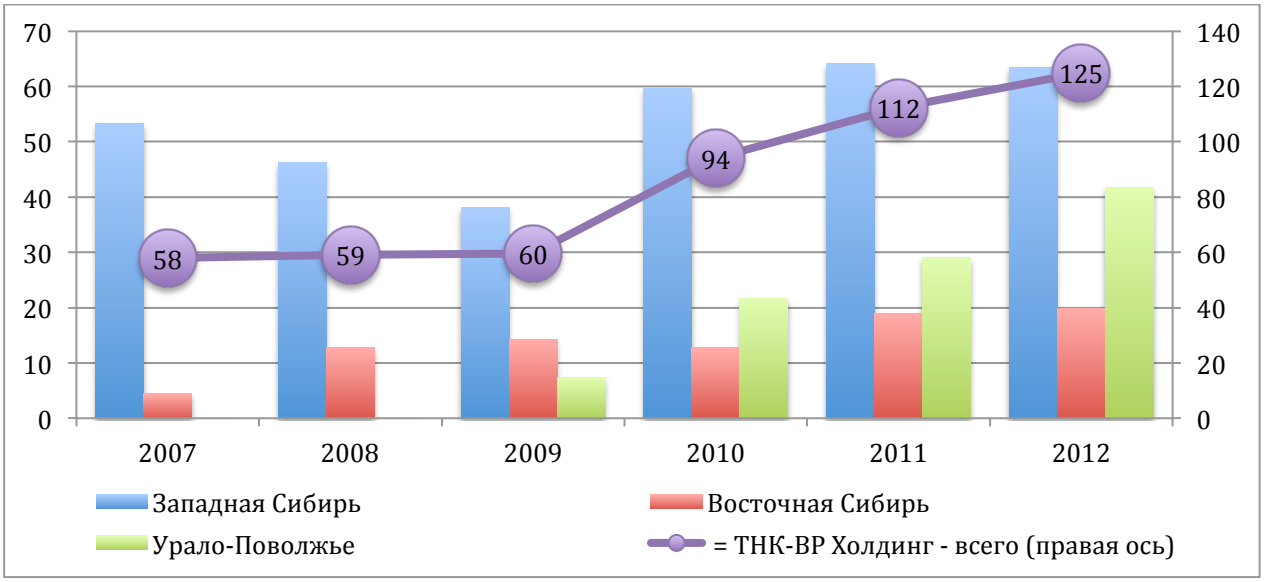
Инвестиции НК «Роснефть» в добычу нефти с разбивкой по регионам, млрд руб. в сопоставимых ценах 2011 г.

Расчет по данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

Рисунок • 3СН-3

Инвестиции компании ТНК-ВР в добычу нефти с разбивкой по регионам, млрд руб. в сопоставимых ценах 2011 г.

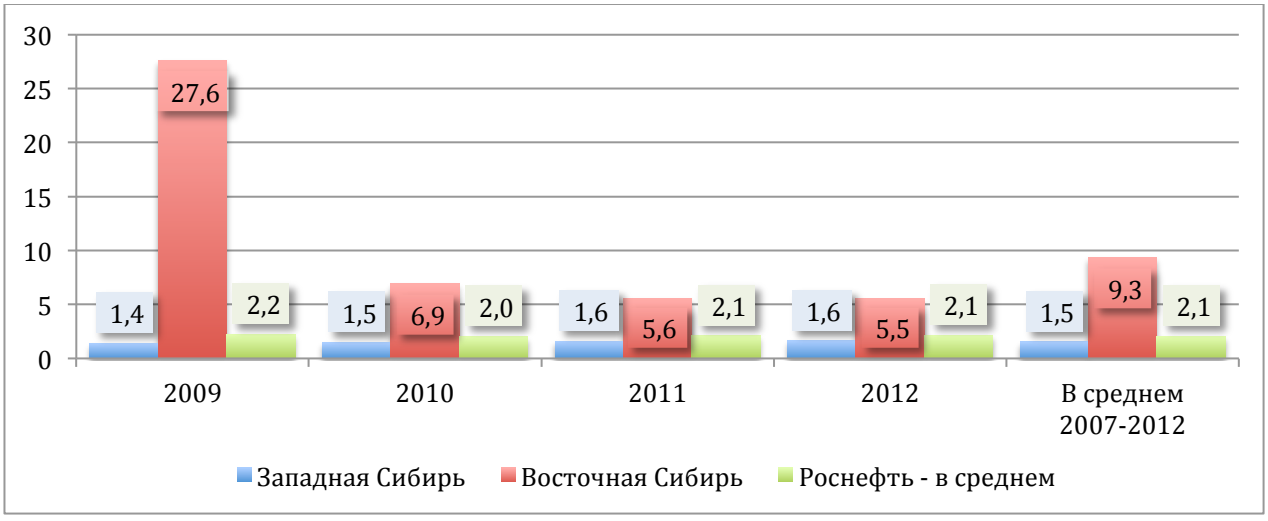
Расчет по данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru.

Сегодня мы можем наблюдать своего рода противостояние между Восточной и Западной Сибирью, в котором первая выглядит явным фаворитом. Причем это трудно назвать межрегиональной конкуренцией за привлечение инвестиций в освоение ресурсной базы углеводородов. Скорее, речь должна идти о внутрикорпоративной балансировке интересов у крупнейших российских нефтегазовых компаний — какой из двух частей Сибири отдать предпочтение в тот или иной момент времени. На чашах весов оказываются разнообразные коммерческие и политические интересы: прибыль, контроль над ресурсами, стремление быть в русле государственной политики для получения тех или иных льгот и преференций.

Для главных участников «наступления на Восточную Сибирь» — «Роснефти», ТНК-ВР и «Сургутнефтегаза» — регион привлекателен тем, что позволяет наращивать добычу нефти из новых крупных месторождений, а заодно получать и определенные политические дивиденды от государства. Главные «минусы» связаны со значительными затратами и низкой доходностью и, соответственно, с высокими финансовыми рисками. Например, у НК «Роснефть» удельная капиталоемкость добычи нефти в Восточной Сибири в 2011—2012 гг. была в 3,5 раза выше, чем в Западной, а в среднем за период 2007—2012 гг. — в 6 с лишним раз (рис. ЗСН-4). Повышенный уровень капиталоемкости нефтедобычи в Восточной Сибири легко объясняется тем, что проекты освоения месторождений еще находятся в начальной стадии реализации — осуществляются крупные инвестиции (в том числе в обустройство и подготовку территории), а добыча еще не достигла проектного уровня. До 2010 г. по мере роста добычи капиталоемкость год от года снижалась, но в последние два года стабилизировалась на уровне 5,5—5,6 тыс. руб./т.

Рисунок • ЗСН-4

Капитальные вложения НК «Роснефть» в расчете на 1 т годовой добычи, тыс. руб. в сопоставимых ценах 2011 г.

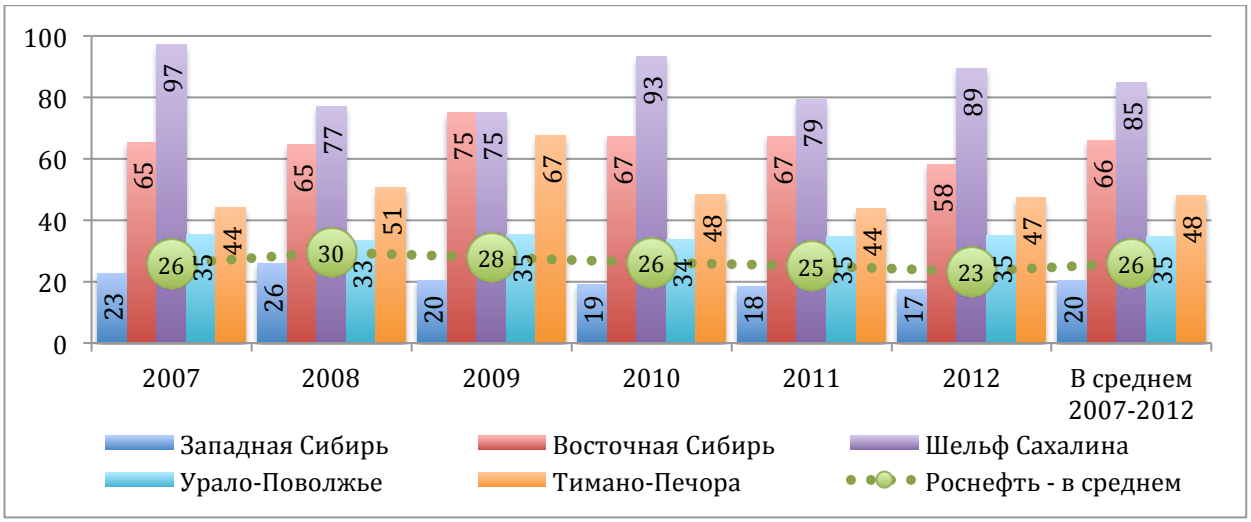
Расчет по данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru; отчетности НК «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/.

Однако пионерный характер освоения ресурсов нефти и газа в Восточной Сибири далеко не полностью объясняет межрегиональные различия в показателях издержек. Для иллюстрации можно взять показатель, не слишком сильно зависящий от стадии реализации проектов, — стоимость 1 м проходки в эксплуатационном бурении. У той же «Роснефти» для значений этого показателя характера весьма стабильная дифференциация: самый низкий уровень (примерно 20 тыс. руб.) — в Западной Сибири; в Восточной Сибири стоимость эксплуатационного бурения оказывается в 3,3 раза выше (около 66 тыс. руб.); самые дорогие буровые работы — на шельфе Сахалина (почти 85 тыс. руб.) — рис. ЗСН-5.

Отмеченную дифференциацию более уместно объяснить не различиями в стадиях реализации проектов и освоения ресурсов, а спецификой горно-геологических и природно-климатических условий, которые в Восточной Сибири гораздо сложнее, чем в Западной — недаром же стоимость бурения в Восточной Сибири по своей величине приближается к показателям шельфовых проектов.

Рисунок • ЗСН-5

Стоимость 1 м проходки в эксплуатационном бурении НК «Роснефть», тыс. руб. в сопоставимых ценах 2011 г.

Расчет по данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru; отчетности НК «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/.

Дабы не быть голословным с своих утверждениях, сошлюсь на мнение члена-корреспондента РАН И.И. Нестерова — одного из старейших российских ученых-геологов и первооткрывателей западносибирской нефти: *«Мало кто знает, что геологоразведочные работы в Восточной Сибири в 2 раза дороже, чем в Западной Сибири. Там нет болот, а есть горы. Конечно, и болота не подарок. Но их можно по крайней мере засыпать под бурильные установки. А горы ведь не сроешь. Породы в Восточной Сибири раза в два более твердые, чем у нас. Там вечная мерзлота до 1,5—2 километров и высокая сейсмичность».*[164] Как показывает жизнь, не в два, а даже в три раза дороже. Вероятно, сказываются не только объективные природно-геологические трудности, но и слабость собственной технологической базы, что вынуждает прибегать к импорту технологий и услуг. Например, при освоении Ванкорского («Роснефть») и Верхнечонского (ТНК-ВР) месторождений используется технология горизонтального бурения компании «Шлюмберже», которая открыла на Ванкоре собственную, постоянно действующую базу по ремонту, сопровождению и восстановлению всех систем бурения и полностью управляет буровым процессом[165]. А технологический импорт, вне всяких сомнений, ведет к еще большему удорожанию восточносибирских нефтегазовых проектов.

При нынешней организационно-экономической и технологической модели освоения ресурсов нефти и газа на востоке страны едва ли не все проекты оказываются низкорентабельными или даже убыточными. Коммерческая привлекательность проектов

[164] Нефтеудавы (Интервью с И.И. Нестеровым) // Советская Россия. — 23 июля 2009 • URL: http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=55762 [2013-06-07].

[165] Компания «Шлюмберже» открывает на Ванкоре центр по управлению процессом бурения // Независимое информационное агентство — Красноярск. — Лента дня. Экономика — 31 авг. 2009 • URL: http://www.24rus.ru/more.php?UID=46465 [2013-06-07].

поддерживается исключительно налоговыми льготами и преференциями — по этой части Восточная Сибирь является безусловным фаворитом среди всех российских нефтегазодобывающих регионов. К сожалению, из-за непрозрачности механизмов формирования издержек у наших крупнейших нефтегазовых компаний далеко не всегда понятно, насколько обоснованы предоставляемые льготы, размеры и сроки действия которых зачастую определяются не на основе объективных расчетов, а в зависимости от силы воздействия на правительство со стороны корпоративных и отраслевых лоббистов. Так, для Ванкорского месторождения до сих применяется льготная ставка экспортной пошлины на вывозимую нефть, несмотря на то, что проект уже вышел на 17-процентный уровень рентабельности. Решение о продлении льготного режима, которое обойдется бюджету в 300 млрд руб., было принято вопреки мнению Минфина (но при полном согласии между Минэнерго и «Роснефтью»).[166]

Реально глядя на вещи, необходимо признать, что при освоении нефтяных ресурсов Восточной Сибири действительно трудно обойтись без налоговых льгот. Например, по агрегированной оценке, приростная капиталоемкость добычи нефти в Восточной Сибири в 1,6 раза выше, чем в Западной (11,3 тыс. руб./т против 6,9 — табл. ЗСН-1). Оценка является достаточно представительной, поскольку она была сделана на основе фактических показателей реализации восточносибирских проектов компаний «Роснефть» и ТНК-ВР, дающих почти 80% современной добычи в Восточной Сибири и Якутии, и показателей деятельности западносибирских предприятий этих же компаний и ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», на долю которых вместе взятых приходится 55% добычи западносибирской нефти. И это — весьма оптимистическая оценка, так как в ней не учитываются дополнительные затраты на развитие региональной инфраструктуры, прямо не относящиеся к проектам нефтедобычи.

Таблица • ЗСН-1

Сравнительный расчет агрегированной приростной капиталоемкости добычи нефти по основным восточносибирским и западносибирским месторождениям за период 2005—2011 гг. (в сопоставимых ценах 2011 г.)

	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Суммарные инвестиции за период, млрд руб.	1553	484
Валовый прирост добычи за период, млн т	225	43
Приростная капиталоемкость добычи, тыс. руб./т	6,9	11,3

Оценка автора на основе данных статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru; отчетности компаний «ЛУКОЙЛ» • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_218_.html [2013-06-07]; «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/; ТНК-ВР • URL: http://www.tnk-bp.ru/investors/.

Вопрос заключается в другом: каковыми должны быть фундаментальные подходы к принятию государственных решений о предоставлении льгот нефтяникам, работающим в Восточной Сибири? Сначала — детальный анализ, расчеты, оценки и обоснования; а затем — принятие точного, взвешенного и объективного решения? Или наоборот, сначала — принятие «принципиального решения» по просьбе «Роснефти» или какой-либо другой компании, а затем расчеты и обоснования для определения размеров и сроков действия льгот? Пока что, к сожалению, у нас преобладает второй из обозначенных

[166] Просьба Сечина // Ведомости. — 20 сент. 2010 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/2010/09/20 [2013-06-07].
Минэнерго дало «Роснефти» скидку не глядя. Борьба за льготы Ванкору только начинается, настаивает Минфин // Коммерсантъ. — 20 сент. 2010 • URL: http://www.kommersant.ru/Doc-y/1506957 [2013-06-07].

подходов, и это ведет не только к так называемым институциональным конфликтам в системе управления экономикой и НГС, но и к вполне реальному снижению общественной эффективности освоения нефтегазовых ресурсов на востоке страны.

«Смена поколений» по политическим мотивам

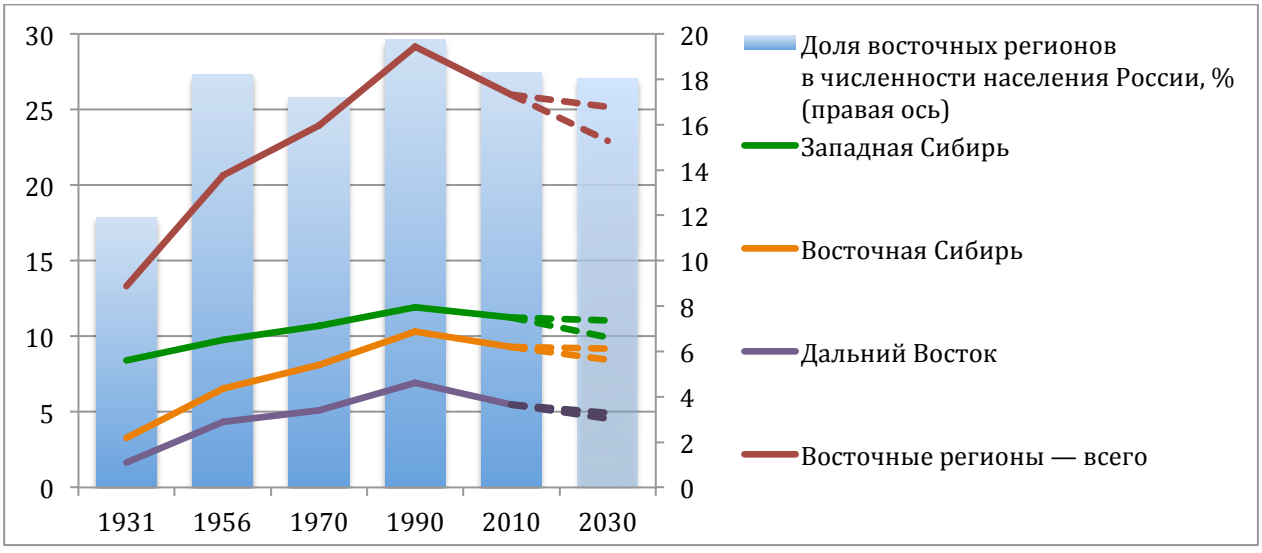
Российскому нефтегазовому бизнесу сегодня приходится делать непростой выбор между Западной и Восточной Сибирью, поскольку каждая из «опций» сопряжена со своими проблемами и выгодами. Хотя с чисто экономической точки зрения, дальнейшее активное развитие нефтедобычи в Западной Сибири, вероятно, выглядит более предпочтительным. Что же тогда толкает нас на восток? Почему «восточный вектор» в развитии НГС стал приоритетным? Не слишком ли мы торопим процессы массированного освоения нефтегазовых ресурсов на востоке России, когда «кладовые» Западной Сибири еще далеко не выбраны?

Наша нынешняя устремленность на восток в большей степени вызвана многогранными политико-экономическими мотивациями, нежели соображениями сугубо хозяйственной (и тем более — коммерческой) выгоды. Начиная с 1990-х годов тенденции социально-экономического развития восточных регионов России претерпели радикальные изменения. Если в период советского прошлого численность населения и экономика Сибири и Дальнего Востока практически постоянно росли быстрее, чем в целом по стране, то в последние два десятилетия восточные регионы оказались в роли отстающих.

Численность населения Сибири и Дальнего Востока сокращается — причем быстрее, чем в Российской Федерации. Но если и в национальном масштабе депопуляция представляет серьезную проблему, то что тогда говорить о восточных «окраинах» России с их обширной территорией и крайне низкой степенью заселенности? Неблагоприятная демографическая ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке прогнозируется и на будущее (рис. ЗСН-6).

Рисунок • ЗСН-6

Динамика численности населения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1931—2010 г. и прогноз на период до 2030 г., млн чел.

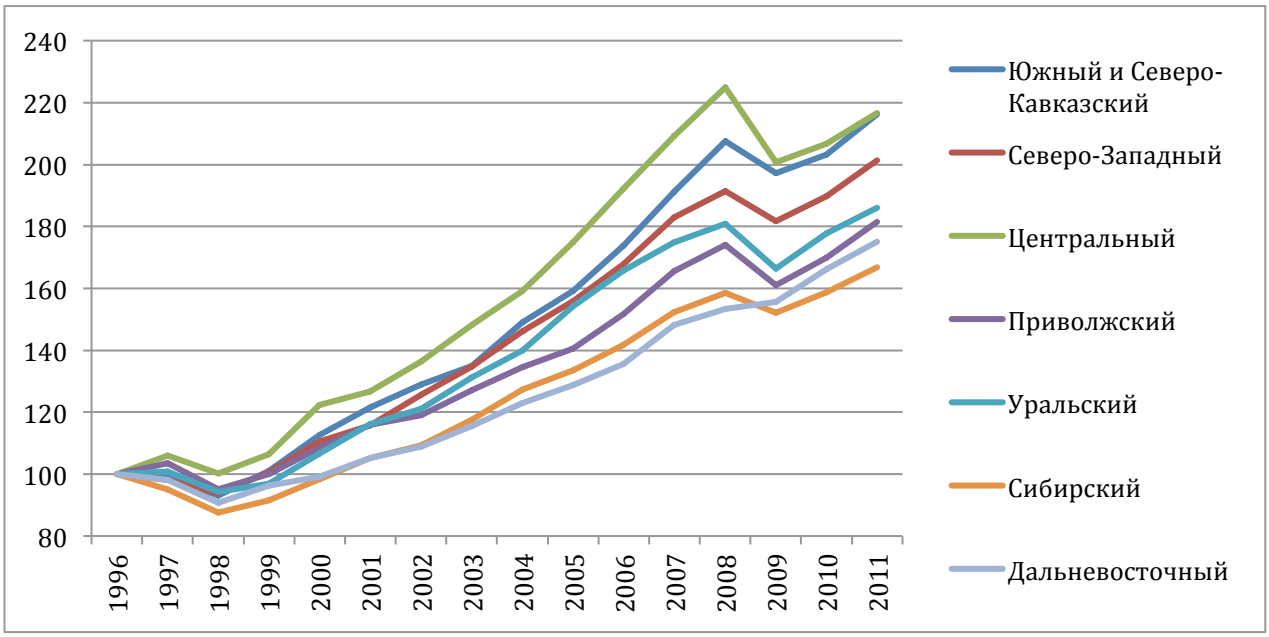

Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do;
Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. Статистический ежегодник. — М.: Статистика, 1971.
Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. — М.: Госстатиздат, 1957.
Народное хозяйство СССР. Статистический справочник, 1932. — М. — Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1933.

По темпам экономического роста Сибирский и Дальневосточный федеральные округа последние 15 лет стабильно занимают последние два места среди макрорегионов России (рис. ЗСН-7). В годы плановой экономики в восточных регионах России был создан мощный производственно-хозяйственный комплекс, ведущее место в котором занимали такие отрасли промышленности как электроэнергетика, цветная и черная металлургия, угледобыча, машиностроение (в т.ч. транспортное и тяжелое), нефтеперерабатывающая и химическая отрасли, лесозаготовки деревообработка. При переходе к рыночным отношениям весь этот потенциал, большая часть которого была сосредоточена в рамках оборонно-промышленного комплекса, оказался в значительной степени невостребованным, что и привело к отставанию в экономическом развитии.

Рисунок • ЗСН-7

Темпы роста валового регионального продукта по федеральным округам России в 1996—2011 гг. в сопоставимых ценах, % (1995 = 100)

Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

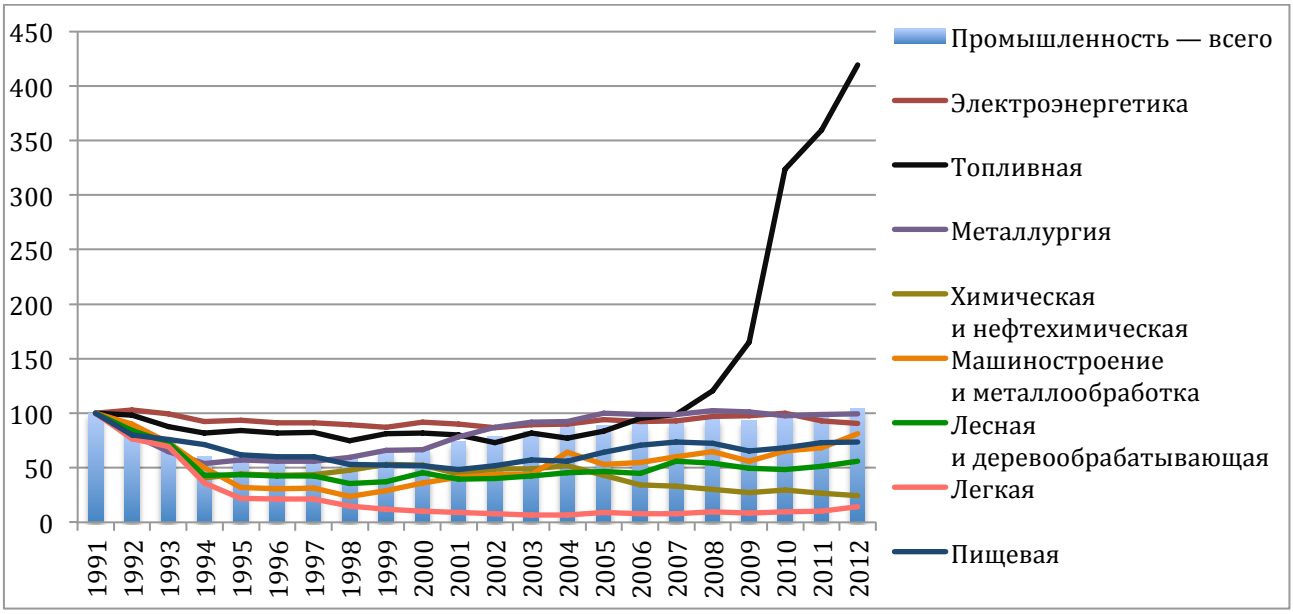
Весьма показателен пример Красноярского края — первого из восточно-сибирских регионов, давших стране «большую нефть». В период трансформационного кризиса (начала и середины 1990-х годов) объемы промышленного производства в крае упали почти в 2 раза, и лишь к настоящему же времени промышленность Красноярья только-только вернулась к уровню 1990 г. Однако из числа некогда базовых отраслей промышленности лишь три — топливная, электроэнергетика и металлургия — сумели превзойти докризисные показатели, тогда как объемы производства в остальных отраслях находятся на уровне 30—70% от дореформенного (рис. ЗСН-8).

В период рыночной трансформации процесс ликвидации предприятий обрабатывающей промышленности на территории края принял массовый характер и не прекращается вплоть до настоящего времени. Недавние тому примеры — произошедшее в последнюю пару-тройку лет или грядущее не сегодня-завтра закрытие (приостановка деятельности) таких предприятий как Сосновоборский завод автоприцепов, «КрасТяжМаш» и «СибТяжМаш», завод «Сибсталь», «Красфарм». И оказалось, что это отнюдь не последние «кандидаты» на ликвидацию. Буквально в дни проведения знаменитого Красноярского экономического форума, т.е. в феврале нынешнего года, стало известно

о закрытии Красноярского завода комбайнов, выпускавшего технику под маркой «Енисей», и «Краслесмаша» с переносом соответствующих производств на предприятия Урала и Поволжья. Теперь, к примеру, лесозаготовительные машины в Сибирь будут завозить из Кургана. А что же останется в Красноярске вместо бывших гигантов машиностроения? Земля, на которой они еще пока стоят, будет использована под строительство коммерческой недвижимости.[167]

Рисунок • ЗСН-8

Динамика промышленного производства в Красноярском крае в 1992—2012 гг. в сопоставимых ценах, % (1991 = 100)

Примечание: 2012 г. — по оперативным данным.

Источник: Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Есть разные причины ликвидации крупных предприятий, некогда бывших «флагманами» красноярской (да и российской) индустрии. Некоторым из них — в силу технологической отсталости и влияния организационно-экономических факторов — действительно трудно найти место в современной рыночной экономике. И они погибают не выдержав конкуренции, главным образом, с зарубежными производителями. Другие же становятся жертвами передела собственности и «наступления» коммерции на промышленность. Стало уже привычным, что заводские корпуса превращаются в коммерческие склады и базы, торгово-развлекательные комплексы, а здания бывших заводоуправлений сдаются в аренду под офисы. И то, что происходит с промышленностью в Красноярском крае, отражает общую ситуацию.

Продолжение сложившихся тенденций сокращения численности населения при медленном росте экономики создает в будущем (вопрос лишь — в насколько отдаленном) вполне реальные риски утраты контроля над восточными территориями страны. Слабо населенные обширные земли, в недрах которых спрятана едва ли не вся таблица Менделеева, представляют собой весьма заманчивую цель для наших ближних и отдаленных соседей, имеющих гораздо более многочисленное население и более мощные экономики.

[167] У комбайнов кончился завод. «Тракторные заводы» уходят из Красноярска // Коммерсантъ. — 15 фев. 2013 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/2127587 [2013-06-07].

Понимая это, федеральный центр провозгласил курс на подъем экономики восточных регионов страны с их более тесной интеграцией в национальное экономическое пространство. Решение данной задачи прежде всего опирается на активизацию освоения природно-ресурсного потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока, а на «острие атаки» оказываются ресурсы наиболее ликвидных видов сырья — нефти и газа. Отчасти это оправданно и вполне объяснимо, поскольку природно-сырьевые богатства российского востока не могут лежать «мертвым грузом» и должны использоваться на благо страны. Но нельзя не понимать и другого: во-первых, при эксплуатации любые источники полезных ископаемых рано или поздно истощаются (а реальных крупных источников нефти и газа в восточных регионах выявлено не так уж и много); во-вторых, конъюнктура сырьевых рынков подвержена слишком сильным флуктуациям. Уже хотя бы по этим причинам эксплуатация сырьевых ресурсов не может играть роль постоянно действующего фактора для обеспечения устойчивого экономического роста.

Указанный выше «дефект» может быть исправлен, если в процессе вовлечения в хозяйственный оборот сырьевого потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока будут создаваться достаточно сильные мультипликативные воздействия на экономику регионов. К сожалению при нынешнем подходе к освоению, что уже отчетливо видно на примере первых крупных нефтегазовых проектов, рассчитывать на серьезные мультипликативные эффекты не приходится. Ведущие компании-недропользователи в основном ориентируются на внешние поставки (включая импорт) технологических компонент, а местным поставщикам и подрядчикам достается что попроще и что невыгодно привозить на нефтепромыслы издалека — песок для отсыпки буровых площадок, простые строительные материалы и конструкции и т.п. Плюс к этому привозная рабочая сила (вахтовики и все те же китайские мигранты) и отказ от создания постоянных поселений в районах нефте- и газопромыслов. С точки зрения корпоративной эффективности и не слишком отдаленных финансовых интересов государства такой подход представляется безусловно выгодным, но он мало что дает для ускорения социально-экономического развития восточных регионов и решения интеграционных задач. Пример Ванкорского проекта в Красноярском крае показывает, что бурный рост нефтедобычи ведет лишь к улучшению статистических показателей развития региональной экономики, а на деле формируется хозяйственный «нефтегазовый анклав», очень слабо с этой экономикой связанный.[168]

«Вахтово-дистанционный» метод освоения северных нефтегазовых месторождений широко применяется в Канаде и на Аляске, но там ведь не стоит задача заселения, интеграции и промышленного развития «удаленных от центра» регионов. Скорее даже наоборот. В североамериканских условиях приоритетом является минимизация техногенных воздействий на окружающую среду и сферу жизнедеятельности аборигенных народов, т.е. поддержание испокон веков сложившейся анклавности территорий, которые отнюдь не стремятся влиться в общий поток хозяйственного прогресса. Такова стратегия развития северных территорий Канады и США.

У нас же происходит подчинение стратегических интересов тактическим или сиюминутным. Между тем, еще вековой давности опыт развития Дальнего Востока показал возможность применения стратегического государственного подхода к решению краткосрочных задач. Характерным является пример строительства Амурской железной дороги, которое было бы экономически более выгодным при использовании исключительно дешевого труда китайских и корейских рабочих. Однако в целях развития территории и недопущения оттока казенных средств за границу, властями было принято решение

[168] Семыкина И.О. Есть ли у вас план? Проблемы локализации эффектов при освоении ресурсов углеводородного сырья в регионах Восточной Сибири // ЭКО. — 2012. — № 6 • URL: http://ecotrends.ru/archive/632-edition-06?layout=blog [2013-06-07].

об использовании более дорогостоящего русского труда с передислокацией рабочей силы из трудоизбыточных районов России. Эта мера позволяла не только решить краткосрочные задачи, связанные со строительством отдельных объектов дороги, но и стратегически формировала класс переселенцев и работников для нужд промышленности и торговли на востоке страны. Таким образом, на государственном уровне стратегические интересы ставились выше краткосрочных выгод.[169]

В наше время стратегически правильный путь, как минимум, предполагает максимально возможную региональную локализацию проектов по освоению сырьевых ресурсов, глубокое «внедрение» этих проектов в экономику регионов, усиление мультипликативных воздействий. А главное видится в интенсивном развитии обрабатывающих (в том числе высокотехнологичных) производств, которое способствует притоку и закреплению постоянного населения, а по сравнению с сырьевым сектором требует в целом более квалифицированной рабочей силы и способствует построению более разветвленных цепочек создания добавленной стоимости. Пока же, в лучшем случае, мы откладываем решение этого вопроса «на потом». А в худшем — просто пытаемся сыграть на опережение в сырьевом секторе: стремимся «забрать» наши ресурсы ликвидных полезных ископаемых до того, как за ними придут китайцы.

К ускоренному освоению ресурсов нефти и газа в восточных регионах нас подталкивают геополитические и геоэнергетические факторы, стремление усилить позиции и влияние страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, диверсифицировать направления экспорта энергоресурсов. Все это укладывается в общую стратегическую концепцию российской «энергетической сверхдержавности» и безусловно сулит нам какие-то выгоды. Но какие? Эти выгоды с большим трудом поддаются оценке, равно как и связанные с ними издержки. Диверсифицируя направления экспорта энергоресурсов, мы в принципе ведь не меняем общего позиционирования страны в мировой экономике. Многие называют Россию сырьевым придатком Запада, а сегодня в добавок к этому мы рискуем стать и сырьевым придатком Востока. К тому же главный покупатель российских энергоресурсов в Азии — Китай — очень прагматичный торговый партнер, упорно стремящийся к максимизации собственных выгод и располагающий довольно вескими доводами в экономическом диалоге с нашей страной. Китай кредитует крупнейшие российские компании, занятые добычей и транспортировкой углеводородного сырья, и рассчитывает на ценовые скидки, которые далеко не во всех случаях являются приемлемыми для поставщиков. Примером тому является неурегулированность вопроса с ценами на природный газ, что сдерживает реализацию соглашений о широкомасштабных поставках в Китай «голубого топлива» с восточносибирских месторождений.[170] Китай особо не склонен покупать у нас по справедливым ценам электроэнергию, выработанную из газа, и продукты переработки углеводородов. Образно говоря, получается, что Великая китайская стена представляет собой гораздо более прочную преграду для обработанного российского сырья, нежели границы европейских стран.

Таким образом, выбор государственных (и в меньшей степени — коммерческих) приоритетов в освоении нефтегазоносных территорий России осуществляется в настоящее время на основе взвешивания плохо соизмеримых издержек и выгод — политических и экономических. Вероятность принять ошибочное решение в этой ситуации очень высока. В любом случае представляется неправомерным выбор, ставящий в ущербное положение Западную Сибирь, которая сегодня является не только главным регионом-производителем

---

[169] Ли Е.Л. «Желтая угроза» или «желтый вопрос» в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. // Ойкумена. — 2010. — № 3 • URL: http://www.ojkum.ru/arc/2010_03/index.html [2013-06-07].

[170] «Газпром» не принимает авансов Китая. Переговоры сторон осложняют цены и сланцевый газ // Коммерсантъ. — 19 июня 2012 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1961587 [2013-06-07].

нефти и газа в стране, но и главным поставщиком доходов для российской бюджетной системы и всех крупнейших компаний НГС.

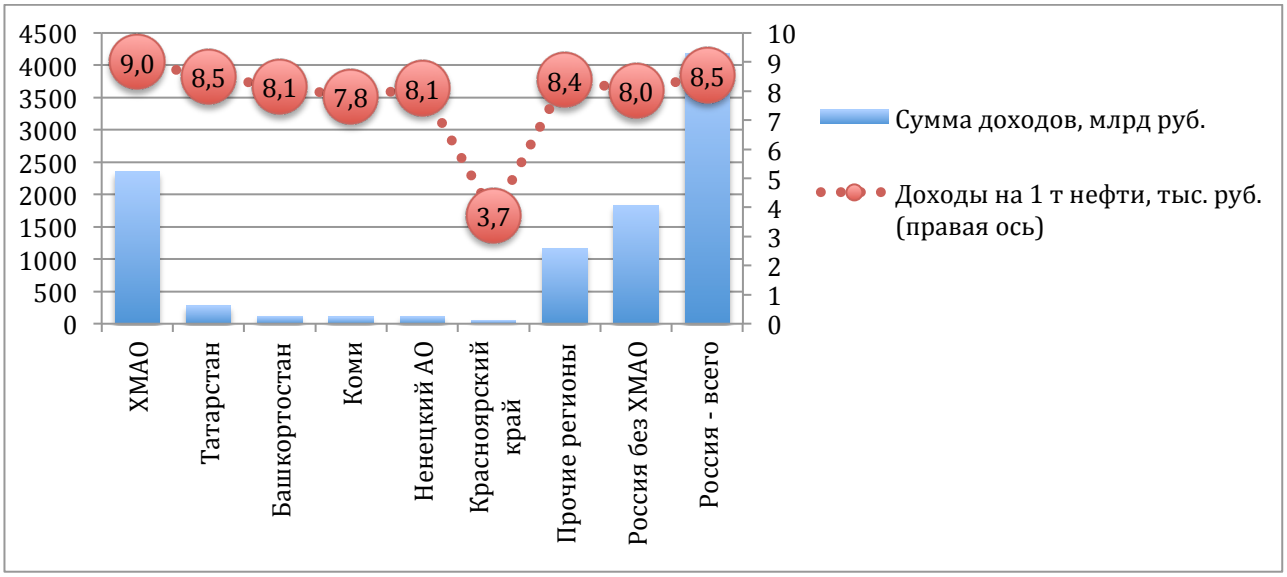
И все-таки, не нужно резать «дойную корову»!

Западная Сибирь уже давно стала «дойной коровой», снабжающей доходами страну и наши нефтегазовые корпорации. Ничего зазорного в этом положении нет, поскольку оно объективно вытекает из масштабов и сравнительно высокой эффективности добычи нефти и газа западносибирских месторождений. Текущий уровень издержек на эксплуатацию ресурсов углеводородного сырья в Западной Сибири не только ниже, чем в районах Урало-Поволжья, Юга и Северо-Запада страны, но и чем в новых восточных районах, которые едва-едва входят в стадию активного освоения и где еще слишком велики затраты пионерного характера. Западная Сибирь сегодня является добывающим регионом, который государство менее других одарило налоговыми льготами. Как следствие, Западная Сибирь, с одной стороны, вносит наибольший вклад в формирование нефтегазовых доходов казны, а с другой стороны, фактически субсидирует расходы компаний по освоению новых нефтегазоносных провинций.

В частности, на долю Ханты-Мансийского автономного округа, давшего в 2011 г. 53% добычи нефти в России, приходилось немногим менее 60% доходов федерального бюджета от добычи и экспорта сырой нефти. В абсолютном исчислении сумма доходов центрального правительства от добычи ханты-мансийской нефти достигает 2350 млрд руб. С каждой тонны нефти, добываемой в ХМАО, в федеральный бюджет поступает около 9 тыс. руб., по всем остальным регионам России этот показатель составляет 8 тыс. руб., а самая низкая отдача для бюджета — от добычи восточносибирской нефти — 3,7 тыс. руб. (рис. ЗСН-9).

Рисунок • ЗСН-9

Доходы федерального бюджета от добычи и экспорта сырой нефти по основным регионам России в 2011 г.

Примечание: оценка автора.

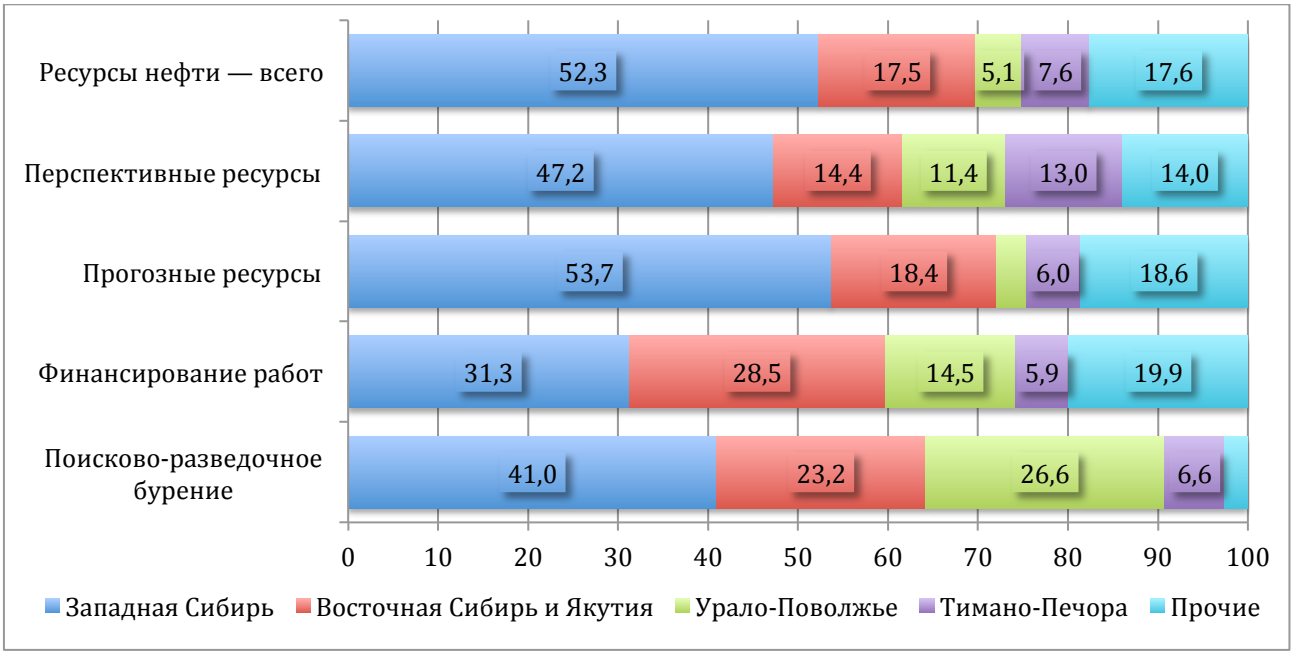
Источники: Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Федеральное казначейство • URL: http://www.roskazna.ru/federalnogo-byudzheta-rf/; Федеральная налоговая служба России • URL: http://www.nalog.ru/; Центральный Банк РФ • URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs.

И опять-таки нужно подчеркнуть, что в такой дифференциации бюджетной отдачи нет ничего ненормального, что сложившаяся ситуация вполне соответствует общим эволюционным закономерностям развития НГС и что объясняется она более высокой текущей эффективностью добычи в данном регионе по сравнению с остальными. Аномалией или, по крайней мере, трудно объяснимым выглядит другое: почему мы решили урезать «рацион» своей «дойной корове»? Почему, не отказываясь от доения, мы ее столь скудно подкармливаем?

Нагляднее всего это проявляется в сфере геологоразведочных работ, создающих основу для поддержания и роста добычи. На долю Западной Сибири приходится примерно половина прогнозных и перспективных ресурсов нефти, имеющихся в России, но при этом удельный вес региона в суммарном финансировании геологоразведки составляет всего немногим более 31%, а в объемах поисково-разведочного бурения — 41% (рис. ЗСН-10). В 2011 г. на долю региона приходилось менее 1/10 части расходов федерального бюджета, выделяемых на финансирование геологоразведочных работ на нефть и газ — 0,8 из 8,8 млрд руб., что в 5 с лишним раз меньше, чем было израсходовано на работы в Восточной Сибири и Якутии (4,5 млрд руб.).[171] Неужели ресурсный потенциал Западной Сибири настолько бесперспективен или настолько хорошо изучен, что на дальнейшие геологоразведочные работы в регионе можно уже не тратиться?

Рисунок • ЗСН-10

Удельный вес Западной Сибири в ресурсах нефти, финансировании геологоразведочных работ и объемах поисково-разведочного бурения в 2011 г., %

Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2010 году» — Министерство природных ресурсов и экологии РФ • URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1257 [2013-06-02];

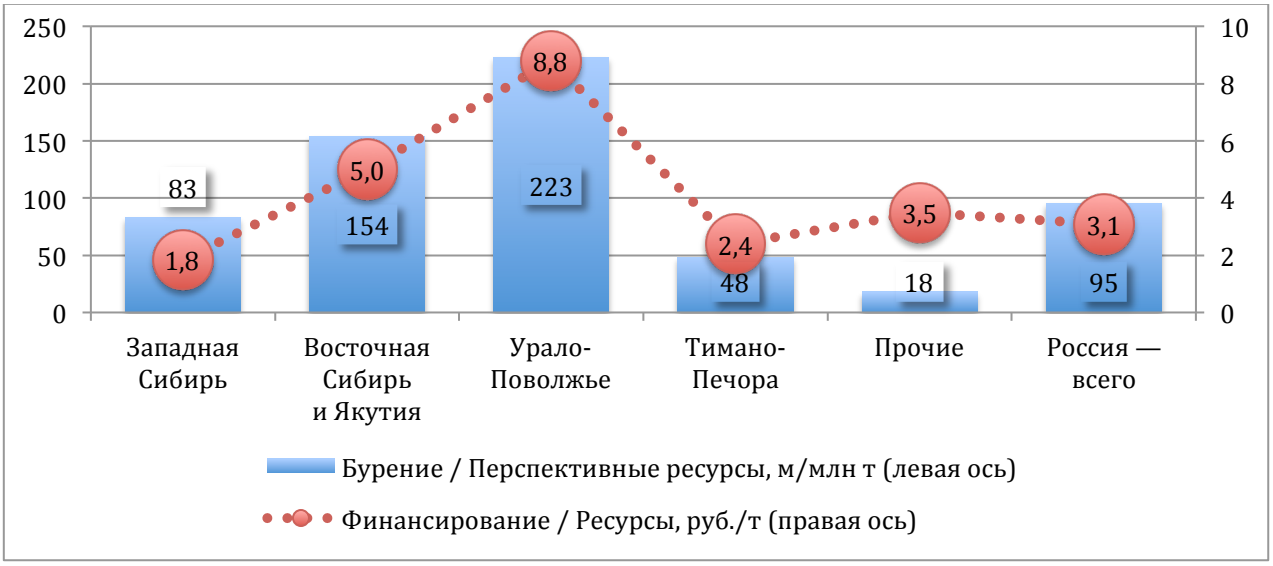
Варламов А.И. и др. Итоги геолого-разведочных работ на нефть и газ, выполненных на территории России и ее континентальном шельфе в 2011 г. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2012. — № 3 • URL: http://www.geoinform.ru/?an=mrr1203 [2013-06-02].

[171] См. сноску к рис. ЗСН-10.

Тогда почему, например, столь значительные средства расходуются на проведение геологоразведки в районах Урало-Поволжья, где степень геологической изученности и выработанности запасов вдвое выше, чем в Западной Сибири? Удельный показатель финансирования работ (в расчете на 1 т суммарных прогнозных и перспективных ресурсов нефти) в Урало-Поволжье в 4,8 раза выше, чем в главной нефтедобывающей провинции России (8,8 против 1,8 руб./т), а объемы поисково-разведочного бурения в расчете на 1 т перспективных ресурсов — в 3,7 раза выше (223 против 83 м/млн т ресурсов) — рис. ЗСН-11. По удельным показателям геологоразведки Урало-Поволжье безусловно лидирует среди всех нефтегазодобывающих регионов страны. Может быть поэтому в Урало-Поволжье сейчас вновь растет нефтедобыча, несмотря на ее весьма «преклонный возраст» и высокую степень истощения ресурсной базы?

Рисунок • ЗСН-11

Удельные показатели финансирования геологоразведочных работ и поисково-разведочное бурение в основных нефтедобывающих регионах России в 2011 г.

См. сноску к рис. ЗСН-10.

Динамику происходящих процессов хорошо видно на примере Ханты-Мансийского округа. В 2001 г. после провала первой половины 1990-х годов, который характеризовался как распад геологической отрасли, объемы поисково-разведочного бурения в стране достигли своего посткризисного максимума (1847 тыс. м). Рост объемов работ во многом был обеспечен за счет ХМАО, доля которого в общероссийском показателе превысила 56% (1044 тыс. м). По сравнению с 1995 г. объемы буровых работ в ХМАО увеличились в 3 с лишним раза (в России в целом — всего на 21%) и примерно в такой же степени выросли показатели основных видов геофизических работ (2D и 3D-сейсмики). Столь стремительный восстановительный рост геологоразведочных работ в округе был обусловлен многими факторами, и одним из важнейших среди них стало активное участие властей региона в финансировании и проведении работ. Но после отмены отчислений на ВМСБ, сокращения и последующего обнуления доли региона в налогах на добычу нефти округ лишился собственной финансовой базы для поддержки геологоразведочных работ. Объемы финансирования геологоразведки за счет средств региона (окружного бюджета и территориального фонда воспроизводства минерально-сырьевой базы) в 2001 г. составили 6,5 млрд руб., а к 2011 г. они упали в номинальном исчислении в 14 раз до 465 млн руб. [172]

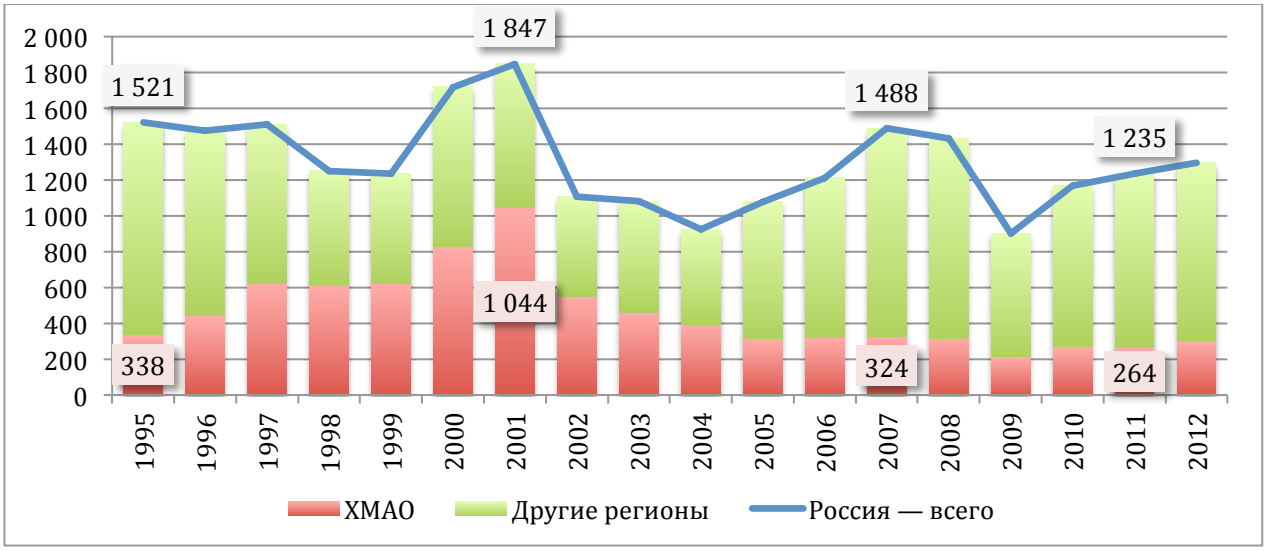
[172] Согласно отчету об исполнении консолидированного бюджета ХМАО — по данным Федерального казначейства • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

Расходы недропользователей за этот же период времени номинально выросли с 17,4 до 20 млрд руб., а в реальном исчислении сократились примерно в 3 раза.[173]

Как результат, в 2002—2011 гг. в Ханты-Мансийском округе резко уменьшились объемы поисково-разведочного бурения — почти в 4 раза. Абсолютные масштабы спада (780 тыс. м) таковы, что они перекрывают величину сокращения работ по России в целом — 612 тыс. м (рис. ЗСН-12). Можно сказать, что в 2002—2007 гг. геологоразведка в ХМАО пережила вторую стадию развала, опустившись к показателям кризисного уровня первой половины 1990-х годов, вследствие чего открытие новых месторождений и запасов нефти в самом ресурсно-обеспеченном регионе страны стало едва ли не делом случая (рис. ЗСН-13).

Рисунок • ЗСН-12

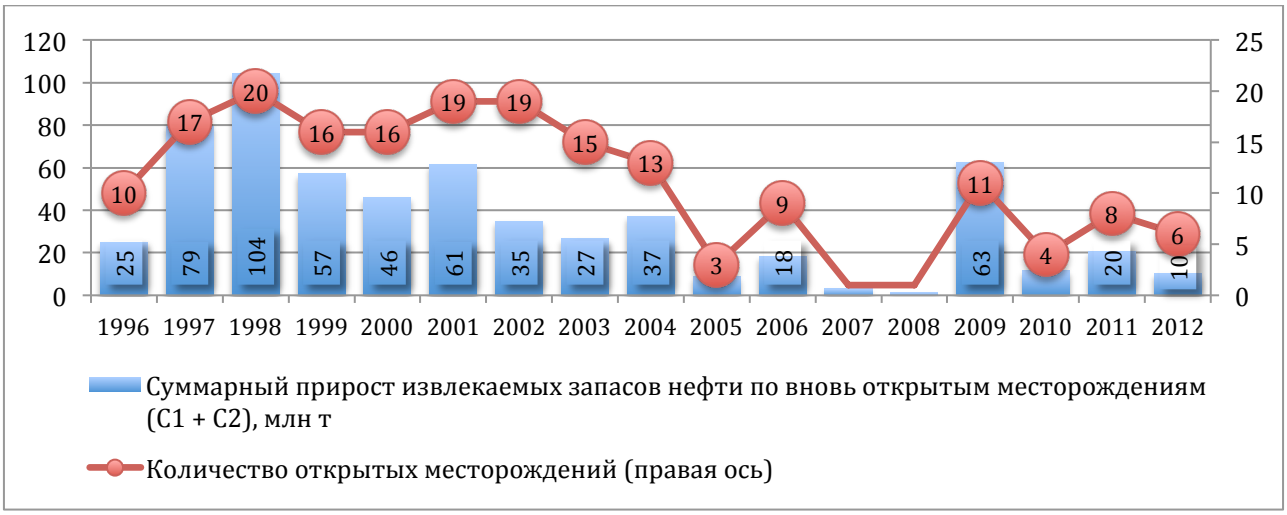
Динамика объемов поисково-разведочное бурения на нефть и газ в России и Ханты-Мансийском АО в 1995—2011 гг., тыс. м

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; Научно-аналитического центра рационального недропользования ХМАО им. В.И. Шпильмана • URL: http://www.crru.ru/gr.html.

Рисунок • ЗСН-13

Открытие новых месторождений и запасов нефти в ХМАО в 1995—2011 гг.

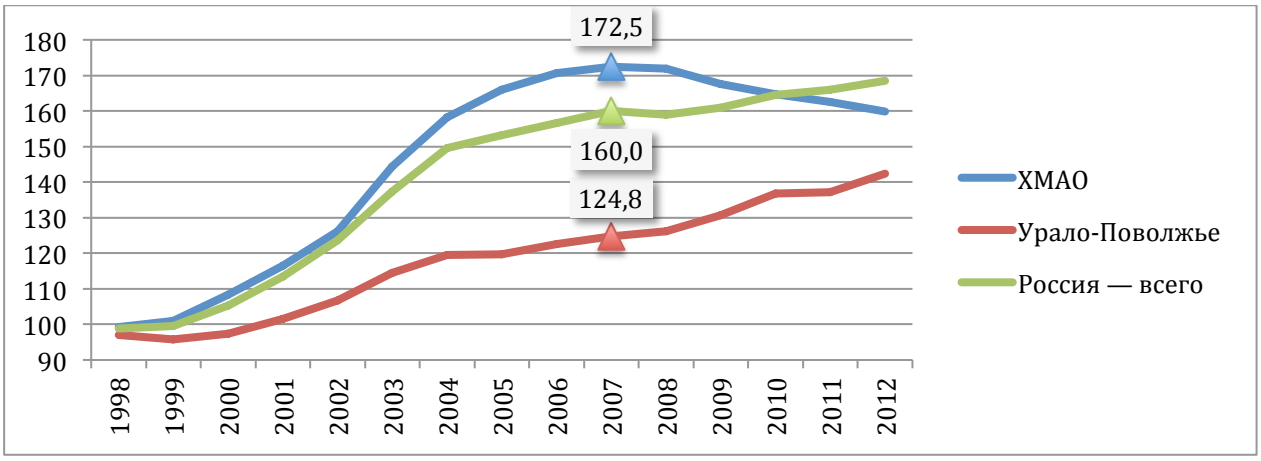
По данным НАЦ РН ХМАО им. В.И. Шпильмана • URL: http://www.crru.ru/gr.html.

[173] По данным Администрации Ханты-Мансийского округа • URL: http://www.admhmao.ru/wps/portal/hmao.

Между динамикой объемов геологоразведочных работ и добычи нефти прослеживается — с лагом во времени — определенная корреляция. Быстрый рост геологоразведки в ХМАО в конце 1990-х годов стал одной из предпосылок «взрывного» ренессанса нефтедобычи в начале 2000-х. Конечно, помогла и конъюнктура мирового рынка, но цены — ценами, — а без подготовленной ресурсной базы за столь короткий срок вряд ли бы удалось нарастить добычу более чем в 1,7 раза (рис. ЗСН-14). Можно почти не сомневаться, что одной из главных причин текущего спада добычи является резкое сокращение объемов геологоразведочных работ, произошедшее в 2002—2007 гг. Если же объемы работ «застынут» на современном уровне, тогда, действительно, трудно будет рассчитывать на поддержание благоприятной динамики добычи и в последующие годы.

Рисунок • ЗСН-14

Динамика добычи нефти в России в 1999—2012 гг., % (1998 г. = 100)

Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

В настоящее время в Ханты-Мансийском округе более или менее устойчиво растут лишь объемы сейсморазведочных работ 3D (прирост на 22—23% в 2011—2012 гг. по сравнению с 2001 г.), что отражает общую политику нефтегазовых компаний в регионе — работать «малой кровью», т.е. при минимальных объемах бурения и с использованием современных геофизических методов сконцентрировать усилия на доразведке эксплуатируемых месторождений и пересчете запасов. Но это путь развития без будущего, путь «приговоренного»…

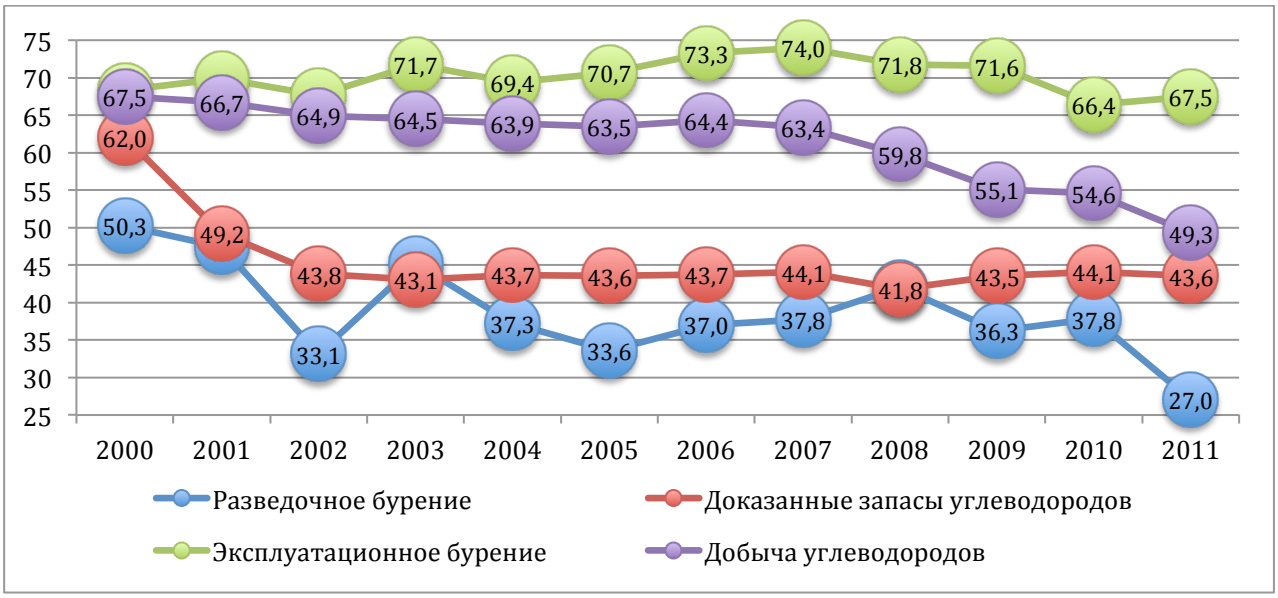
Складывается впечатление, что крупнейшие российские нефтегазовые компании — во всяком случае те из них, у которых есть серьезные добычные активы за пределами Западной Сибири, — уже твердо уверились в бесперспективности данного региона. Например, у НК «ЛУКОЙЛ» за период 2000—2011 гг. доля Западной Сибири в общих по компании объемах разведочного бурения снизилась с 50 до 27%, а в добыче углеводородов — 67,5 до 50%. На относительно стабильном уровне (примерно 70%) находится только западносибирская доля эксплуатационного бурения (рис. ЗСН-15). Т.е. в политике компании прослеживается тенденция к поддержанию в Западной Сибири объемов эксплуатационных работ на месторождениях, чтобы «доить корову», но перспективы будущего развития добычи нефти и газа уже связываются с другими территориями — российскими и зарубежными.

Схожая картина «вырисовывается» при сегментарном структурировании показателей НК «Роснефть». За последние 5—6 лет годовые объемы инвестиций компании в западносибирские проекты почти не изменились (в сопоставимых ценах), но при этом

затраты на разведочное бурение упали в 1,6 раза. В 2011 г. доля Западной Сибири в инвестициях в геологоразведку заметно поднялась лишь по причине сокращения работ в Восточной Сибири, а по остальным компонентам капитальных затрат удельный вес Западной Сибири устойчиво снижается. Добыча нефти в регионе поддерживается на стабильном уровне 78—79 млн т в год, со снижением доли в общем объеме добычи по компании с 76 до 67% (табл. ЗСН-2). В сущности, по отношению к Западной Сибири можно видеть все ту же самую политику «доения» без «кормления», без создания серьезных заделов на будущее.

Рисунок • ЗСН-15

Изменение доли Западной Сибири в объемах работ, запасах и добыче углеводородов НК «ЛУКОЙЛ» в 2000—2011 гг., %

НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

Таблица • ЗСН-2

Изменение места Западной Сибири в производственных инвестициях и добыче нефти НК «Роснефть» в 2007—2011 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011
Производственные инвестиции — всего, млрд руб. в ценах 2011 г.	116,4	122,9	110,3	114,5	126,4
- Разведочное бурение	3,6	2,7	1,9	2,0	2,2
- Эксплуатационное бурение	50,7	55,3	43,1	43,6	51,7
- Промышленное строительство и прочие	62,2	64,9	65,2	68,9	72,5
Производственные инвестиции — всего, % к итогу по компании	63,9	59,6	45,6	49,2	51,1
- Разведочное бурение	41,3	44,7	46,2	32,8	46,1
- Эксплуатационное бурение	78,2	75,3	59,6	59,2	59,8
- Промышленное строительство и прочие	57,1	51,2	39,5	45,1	46,4
Добыча нефти, млн т	77,2	79,8	79,8	78,6	79,1
Добыча нефти, % к итогу по компании	76,2	75,0	73,1	67,7	66,5

По данным статистических обзоров журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru; отчетности НК «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/.

Ситуация, сложившаяся в Западной Сибири, до известной степени является безысходной. Для остаточных ресурсов нефти, не вовлеченных в разработку, характерно «измельчение» и «усложнение». Например, в проекте Энергетической стратегии Ханты-Мансийского округа отмечается *«значительное смещение доли прогнозных ресурсов (неоткрытых месторождений) в сторону мелких и средних по размерам залежей. Гигантские и крупные залежи нефти практически все уже открыты, поэтому будущие открытия связаны с залежами более мелких размеров»*.[174] Уже к настоящему времени открыто около 2,2 тыс. мелких и очень мелких (по классификации) залежей с запасами нефти менее 3 млн т, а вероятное общее количество таких залежей превышает число выявленных, как минимум, на порядок. Ресурсы традиционной нефти не сулят крупных открытий, но по мнению И.И. Нестерова, есть еще 127 млрд т запасов в глинистых породах баженовской свиты.[175] Даже если в обозримом будущем удастся реально задействовать лишь небольшую часть этого ресурсного потенциала, можно будет получить ежегодно до 10—15 млн т нефти.[176]

Как показывает зарубежный опыт, не слишком качественная сырьевая база, подобная современной западносибирской, почти что априори не представляет интереса для крупных нефтегазовых корпораций; ее освоение — это удел, главным образом, небольших независимых компаний. Недаром же в США насчитывается свыше 13 тыс. малых и очень малых компаний-недропользователей, а в России — их от силы пара сотен, если иметь в виду реально работающие. Эксплуатацией ресурсов сланцевой нефти в Северной Америке до самых недавних пор занимались исключительно независимые компании, и лишь в 2010—2011 гг. нефтегазовые гиганты (Royal Dutch Shell, Statoil) начали покупать «сланцевые активы», видимо, рассчитывая на серьезные перспективы в этом деле.[177]

К сожалению, для дальнейшего поступательного развития нефтедобычи в Западной Сибири сейчас нет ни надлежащих институциональных рамок, ни действенных экономических стимулов.

Чтобы реализовать имеющийся в регионе ресурсный потенциал, нужны сотни и тысячи малых и средних нефтяных компаний — добывающих и сервисных, — более мобильных и склонных к риску, нежели крупные корпорации, которые сейчас доминируют в отечественной нефтедобыче, подавляя всяческую конкуренцию. Должны быть созданы надежные барьеры, ограждающие «малышей» от всевластия крупных компаний. Последние зачастую являются монопольными собственниками региональной специализированной инфраструктуры на обширных территориях и тем самым затрудняют доступ в нефтегазовый бизнес для независимых производителей. Требуется создать механизмы привлечения капитала и гибкую налоговую систему, позволяющую повысить финансово-коммерческую

---

[174] Энергетическая стратегия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2030 года. Проект // Вестник недропользователя Ханты-Мансийского автономного округа. — 2011. — № 23 • URL: http://www.oilnews.ru/23-23/ [2013-06-07].

[175] Нефть из баженовской свиты может заменить традиционную // Информационно-аналитический портал «Нефть России» / Новости. — 20 окт. 2011 • URL: http://www.oilru.com/news/284769/ [2013-06-07].

[176] Александр Шпильман: Ввод в разработку таких месторождений, как Имилорское, им. В. И. Шпильмана и Гавриковское, может стабилизировать добычу нефти в Югре // Агентство нефтегазовой информации. — 29.11.2011 • URL: http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2782534 [2013-06-07].

[177] Oil & Gas Reality Check 2012. A look at 10 of the top issues facing the oil and gas sector. — New York: Deloitte Global Services Ltd., 2011 • URL: (http://www.deloitte.com/view/en_GX/global/industries/energy-resources/oil-gas/d018a402fae04310VgnVCM1000001a56f00aRCRD.htm [2013-06-07].

привлекательность малых нефтяных проектов и проектов по освоению ресурсов трудноизвлекаемой нефти.

Конечно, в этом случае государству не придется рассчитывать на серьезное приращение рентных доходов, но ведь и нынешние крупные восточносибирские и шельфовые проекты не отличаются высокой «рентоотдачей». При освоении ресурсов «малой» и «трудной» нефти главное заключается в создании условий для реализации множественных косвенных эффектов в экономике, в том числе на региональном уровне. Масса небольших нефтегазовых проектов априори способна породить гораздо более мощные мультипликативные воздействия, нежели единичные «ванкоры» и «штокманы» — «малые» проекты, как правило, связаны более жесткими инвестиционно-бюджетными ограничениями и потому в большей степени ориентированы на экономию средств и использование местных (а не импортных) относительно дешевых производственно-технологических факторов.

Иными словами, нельзя «дойную корову» — Западную Сибирь — переводить на «скудный рацион», и уж тем более резать. Если за ней должным образом ухаживать, то она еще на протяжении многих десятилетий сможет порадовать страну высокими «надоями» нефти, которые трансформируются в разнообразные экономические эффекты, включая налоговые доходы государства.

Проблемное газовое изобилие Восточной Сибири

Не нефтью единой богата и проблематична Восточная Сибирь — сложности освоения нефтяных ресурсов теснейшим образом переплетаются с трудностями освоения ресурсов природного и попутного газа. Причем нельзя даже сказать, освоение какой части ресурсного нефтегазового потенциала представляет больший интерес с точки зрения вероятных выгод и потребует решения большего числа технических, экономических и организационных задач. Участие «Газпрома» в качестве главной движущей силы, которая определяет ход развития газовой отрасли на востоке России, не слишком проясняет ситуацию.

Ведь перед крупнейшей российской компанией, обладающей, казалось бы, всеми необходимыми возможностями, поставлено столько чрезвычайно серьезных и масштабных задач, что невольно возникает вопрос: хватит ли у «Газпрома» сил, чтобы «вытянуть» все — и Ямал, и разного рода «потоки» на севере и на юге, и Восточную Сибирь с Дальним Востоком, и газификацию страны, и различные проекты в смежных отраслях энергетического сектора в России и за рубежом? Кроме того, в непосредственном ведении «Газпрома» находятся только наиболее крупные восточносибирские и якутские газовые и газонефтеконденсатные месторождения (Ковыктинское, Чаяндинское, Собинское и др.), но помимо данных объектов есть еще немало относительно небольших месторождений, судьба которых «Газпром» почти не интересует. И есть еще попутный газ, ресурсы которого будут нарастать по мере развития нефтедобычи, — а в этой сфере в основном оперируют нефтяные компании.

И конечно же, нельзя сбрасывать со счетов фактор высокого содержания химически ценных (этана, пропана, бутанов, конденсата) и нетопливных компонент, среди которых особо выделяется гелий, в природном и попутном газах практически всех месторождений Восточной Сибири и Якутии. Как следствие, в рамках любой стратегии освоения восточных газовых ресурсов, претендующей на то, чтобы называться рациональной или эффективной, должно приниматься во внимание их большое значение для развития химической и гелиевой промышленности. Но это еще одна непростая проблема, требующая выработки адекватных подходов к своему решению.

Слишком много газа

Следует, наверное, начать с того, что ситуация с ресурсами и запасами в газовой сфере диаметрально отличается от нефтяной. Если сегодня то и дело звучат опасения, что восточносибирской нефти не хватит для заполнения ВСТО, и сырьевая обеспеченность нефтедобычи оценивается весьма скептически, то запасов природного газа в разрезе уже выявленных месторождений оказывается… слишком много по сравнению с возможностями потребления в самой Восточной Сибири и предполагаемой на ближайшие годы величиной экспорта. Например, гигантское Ковыктинское газоконденсатное месторождение, которое подлежало вводу в эксплуатацию несколько лет назад и по первоначальным лицензионным условиям должно было давать не менее 9 млрд $м^3$ добычи еще в 2007 г.[178], сегодня

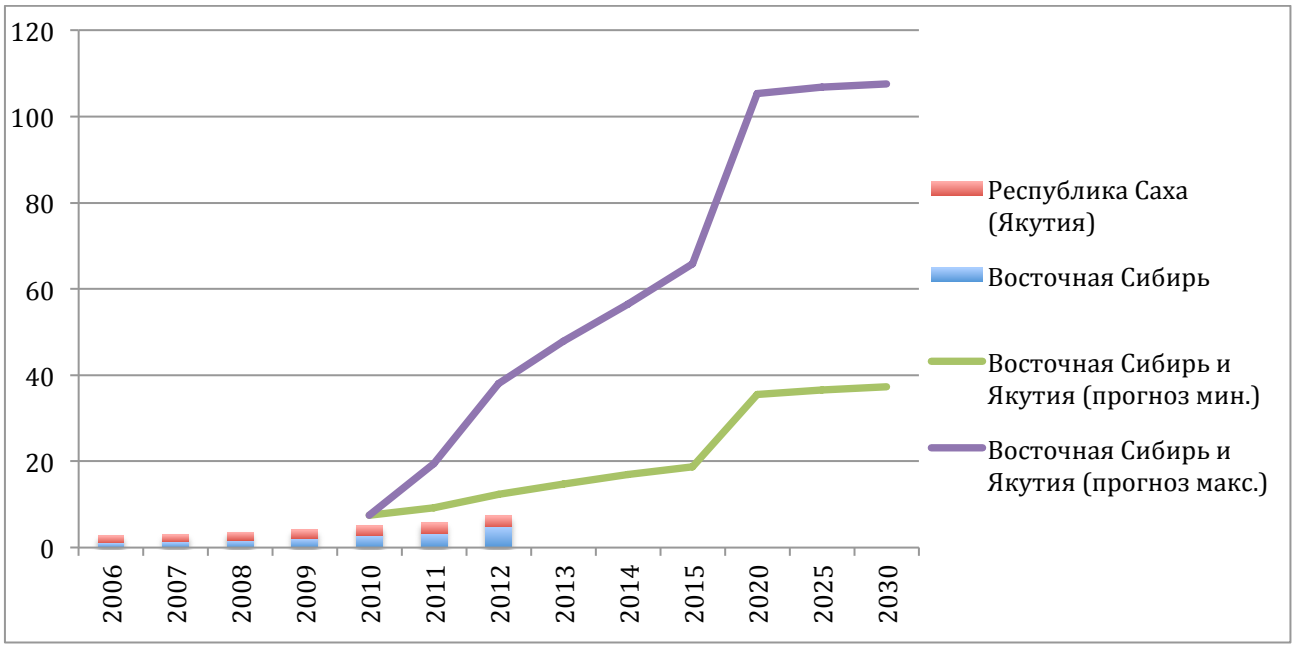
[178] С Ковыкты сняли ограничения // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 1 фев. 2008 • URL: http://www.rbcdaily.ru/tek/562949979042920 [2013-06-08].

оказывается никому не нужным, поскольку спрос на газ в Иркутской области слишком мал по сравнению с добычными возможностями Ковыкты, а к строительству экспортного газопровода в Китай еще даже не приступили. Похожая картина наблюдается в отношении ресурсов газа Юрубчено-Тохомской и Собинско-Пайгинской зон в Красноярском крае. Вплоть до самого недавнего времени не было ясности и с перспективами освоения Чаяндинского месторождения в Якутии.

Ограниченность внутреннего спроса, сложность газификации Восточной Сибири из-за конкуренции с углем (точнее говоря — по причине социальной необходимости сохранить угольную промышленность, проигрывающую в конкуренции природному газу) и проблемы заграничного сбыта, во многом связанные с неурегулированностью вопроса о ценах на газ для Китая, создают далеко не лучший фон для развития газовой отрасли на востоке России. Ну и, как минимум, названные обстоятельства порождают крайнюю неясность касательно возможных объемов добычи газа в обозримом будущем. Неслучайно, что во множестве сценариев и вариантов так называемой «Восточной газовой программы», разработанной ВНИИГАЗом, минимумы и максимумы в «вилках» прогнозных объемов добычи различаются на порядок — настолько велик разброс оценок емкости рынка, которая может быть доступна для российского газа. Фактическая добыча восточносибирского газа в своем росте, который во основном обеспечивается независимыми производителями, заметно отстает даже от минимальных программных наметок (рис. ВСГ-1). Между тем, в программе весьма слабо учитываются возможности добычи газа теми производителями, что не входят в структуру «Газпрома», а эти возможности, в свою очередь, зачастую ограничиваются газпромовской монополией на экспорт «голубого золота».

Рисунок • ВСГ-1

Фактические и прогнозируемые по «Восточной газовой программе» объемы добычи газа в Восточной Сибири и Якутии, млрд м^3

Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. / Утверждена Приказом Минпромэнерго России от 3 сент. 2007 г. № 340 — М., 2007. — Справочная правовая система «КонсультантПлюс» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=491137 [2013-06-08].

Данные нефтегазовых компаний и статистической отчетности регионов.

Ситуация с внешними поставками природного газа усугубляется тем, что, с одной стороны, финансовое положение «Газпрома» не столь благополучно, чтобы построить требуемые газопроводы за свой счет; а с другой стороны, своего рода шантажом со стороны Китая, прилагающего достаточно серьезные, и при том весьма демонстративные, усилия по освоению собственных ресурсов сланцевого газа. Следуя примеру российских нефтяников, «Газпром» собирается строить газопровод «Алтай» в направлении Шанхая на китайские средства в размере 40 млрд долл., привлекаемые в формате аванса за будущие поставки газа. Китай, в свою очередь, настаивает на формате кредита и рассчитывает на низкую цену импортируемого газа в компенсацию процентов по займу. При этом разница в ценах на газ, экспортируемый в европейские страны, и предназначаемый для поставок в Китай может превышать 100 долл./тыс. $м^3$.[179] Пока что Россия и Китай не продвинулись дальше рамочного соглашения, подписанного еще в октябре 2009 г. — согласованы объемы поставок газа по западному (проект «Алтай») и восточному маршрутам, соответственно, в 30 и 38 млрд $м^3$ ежегодно, — но согласие по ценам все еще не достигнуто.[180] Даже визит председателя КНР Си Цзиньпина в Россию, состоявшийся в марте нынешнего года и в ходе которого было подписано множество двусторонних документов по сотрудничеству в энергетической сфере, не внес особой ясности в вопрос о ценах на российский газ для Китая. По словам председателя совета директоров «Газпрома» Виктора Зубкова, *«Китай готов принять российский газ, однако ценовые параметры его поставок по-прежнему являются предметом обсуждения»*.[181]

Ситуация усугубляется тем, что Китай запланировал фантастический скачок по добыче нетрадиционного газа на своей территории и утверждает, что сможет обойтись без импорта. Скорее всего, в подобных утверждениях есть изрядная доля преувеличения, но трехкратный рост производства природного газа в Поднебесной на предстоящие 20 лет, действительно, прогнозируется и весь нетто-прирост добычи должен прийтись на нетрадиционные источники (рис. ВСГ-2). Пока же, не теряя даром времени, китайские госкомпании инвестируют десятки миллиардов долларов в приобретение сланцевых активов в Канаде и в добычу угольного метана в Австралии, чтобы получить доступ к соответствующим технологиям и набраться опыта, а затем перенести его на свою «почву». В декабре 2012 г. канадские власти одобрили сделку по приобретению китайцами нефтегазовой компании Nexen за 15,1 млрд долл., а в ближайшие три года Поднебесная планирует вложить в покупку аналогичных активов еще 27 млрд долл.[182]

Надо полагать, что зависимость от Китая в экспорте природного газа не сулит ничего хорошего ни «Газпрому», ни России. Ослабить негативное действие «китайского фактора» и основательно диверсифицировать направления внешнеторговых поставок газа можно лишь путем более широкого выхода на рынки СПГ (с доставкой газа по трубам до Тихоокеанского побережья, где можно построить заводы для сжижения). Но при таком варианте сбыта мы сталкиваемся с ограничениями иного рода — отсутствием собственных технологий, что почти с неизбежностью усилит нашу зависимость от Японии и других стран, способных предоставить, отнюдь не безвозмездно, требующиеся проектно-технологические решения, оборудование и транспортные средства.

---

[179] Аванс на $40 млрд // Ведомости. — 08 июля 2011 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/263624/avans_na_40_mlrd [2013-06-08].

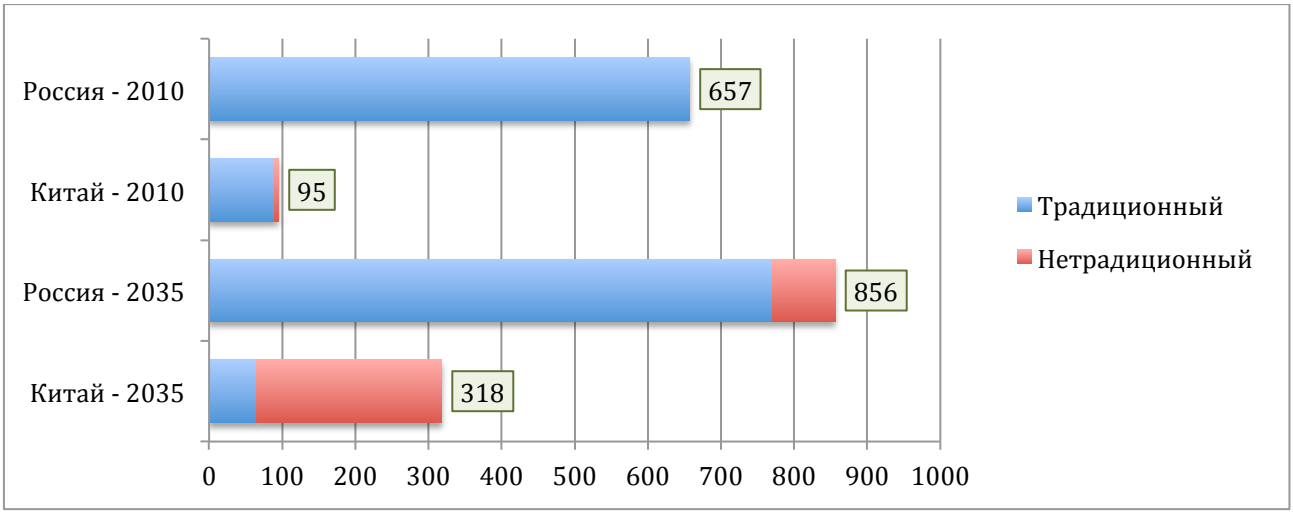
[180] Газпром и Китай сегодня продолжат переговоры по поставкам российского газа // РБК — Новости дня. — 05.12.2012 • URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20121205123021.shtml [2013-06-08].

[181] Ресурсная взаимность // Эксперт. — 2013. — № 13 • URL: http://expert.ru/expert/2013/13/ [2013-06-08].

[182] Научиться у Канады. Газовая стратегия Китая может быть частью давления на Россию // Взгляд. Деловая газета. — 14 дек. 2012 • URL: http://vz.ru/economy/2012/12/14/611991.html [2013-06-08].

Рисунок • ВСГ-2

Фактические и прогнозируемые на 2035 г. объемы добычи природного газа в России и в Китае, млрд м^3

World Energy Outlook 2011 — Special Report: Are we entering a golden age of gas? — Paris: International Energy Agency (OECD/IEA), 2011 • URL: http://www.worldenergyoutlook.org/goldenageofgas/ [2013-06-08].

World Energy Outlook 2012. — Paris: International Energy Agency (OECD/IEA), 2011 • URL: http://www.worldenergyoutlook.org/publications/weo-2012/ [2013-06-08].

Еще один вариант решения проблемы сбыта связан с подключением формирующейся восточной газотранспортной системы к уже действующей системе Западной Сибири, что наиболее актуально для новых газодобывающих центров Красноярского края и Иркутской области. Однако, судя по всему, к названному варианту, имеющему определенные экономические выгоды для страны, «Газпром» относится далеко не одобрительно. При этом не берется в расчет, что строительство газопровода в западном направлении, как утверждает независимая экспертиза Ковыктинского проекта, по сравнению с «восточными» вариантами, сопряжена с наименьшими инженерно-техническими, экологическими и этнокультурными рисками.[183] Реализация «западного» сценария позволит создать стратегически гибкую систему газоснабжения Сибири с выходом в европейскую часть страны, а с подключением якутских месторождений и дальневосточного крыла магистральных газопроводов ссформируется действительно единая система газоснабжения России от западных границ до берегов Тихого океана.

Решая глобальные проблемы с поставками газа, мы сталкиваемся с уже довольно привычными парадоксами, когда при общем изобилии ресурсов образуются локальные или даже более крупные дефициты, дисбалансы, несогласованности и противоречия. Например, сегодня вторая из ведущих госкомпаний — «Роснефть» — готовится к реализации собственного крупного проекта, предусматривающего утилизацию, транспорт и переработку газа месторождений, находящихся в центральной части Красноярского края и в Иркутской области, который весьма слабо увязан с планами «Газпрома». Точно также «своими путями» идут и другие недропользователи, занятые разведкой и добычей углеводородного сырья в Восточной Сибири и в Якутии — крупные и относительно

[183] Независимый анализ путей транспортировки углеводородного сырья с Ковыктинского газоконденсатного месторождения. — Москва – Новосибирск – Иркутск, 2007. — Интернет-сайт проекта «Леса высокой природоохранной ценности» / Варианты прохождения трассы трубопровода с Ковыктинского ГКМ • URL: http://www.hcvf.net/rus/oil/ [2013-06-08].

небольшие. Так, собственную нефтегазовую инфраструктуру создает «Иркутская нефтяная компания», работающая на Ярактинском, Марковском и Даниловском месторождениях, — строит компрессорные установки для обратной закачки газа в нефтеносные пласты и обдумывает (совместно с японскими партнерами) планы по производству жидкого топлива из газа по технологиям GTL.[184] Т.е. несмотря на существование макрорегиональной газовой программы, которая, вроде бы, должна согласовать и интегрировать действия всех компаний, действующих в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, никакой особой координации не наблюдается.

Практически ничего не слышно и о создании каких-либо межкорпоративных альянсов для развития инфраструктуры и производства в газовой сфере. Скорее, даже наоборот — чаще поступает информация о возникновении конфликтных ситуаций, как например, между компаниями «Итера» и «Газпром» в связи с газоснабжением г. Братска в Иркутской области. В Братске есть спрос на газ, а рядом, в трех десятках километров, расположено небольшое газоконденсатное месторождение с одноименным названием. Конфликт, мешающий газификации Братского района имеет многолетнюю историю, но в 2006 г. компании пришли к соглашению, в соответствии с которым «Итера», обладая лицензией, взялась за освоение месторождения, а «Газпром» должен был создать необходимую транспортную инфраструктуру. По соглашению, весь газ, добываемый «Итерой» на Братском месторождении, подлежал продаже «Газпрому».[185] «Итера» инвестировала в добычной проект более 2 млрд руб. Однако мероприятия по созданию газотранспортной инфраструктуры, за которые отвечает «Газпром», реализованы не были — госкомпания планировала начать строительство второй очереди магистрального газопровода от Братского месторождения до Братска еще в 2011 г., но не сделала этого. Для «Итеры» Братское месторождение уже несколько лет работает почти вхолостую: скважины простаивают; закупочная цена газа, который полностью отдается «Газпрому», одна из самых низких в стране; ежегодные убытки достигают 150 млн руб. Для решения проблем «Итера» готова была даже продать «Газпрому» свою долю в добычном проекте, однако переговоры ни к чему не привели. Братск же страдает из-за пробуксовки программы газификации района, которая в августе 2012 г. оказалась на грани полного срыва, так как «Итера» объявила о намерении законсервировать Братское месторождение.[186]

Можно было не останавливаться столь подробно на этом, казалось бы, малозначащем примере, но уж слишком он симптоматичен для «Газпрома», показывая, как «громадье планов», связанных с покорением мировых рынков, отодвигает в тень конкретные проекты газификации восточносибирских территорий. После сдачи в эксплуатацию газопровода Якутия—Хабаровск—Владивосток «Газпром» намерен вывести газ Чаяндинского, а затем и Ковыктинского месторождений на рынки Юго-Восточной Азии в обход Иркутской области и Республики Бурятия, лишь Якутии за счет «большого газа» удается в какой-то степени осуществить свои планы по газификации промышленности и жилищно-коммунального хозяйства.[187] Поэтому, наверное, сегодня уже не будет особым преувеличением сказать,

---

[184] В Приангарье будет реализован проект по переработке природного газа // НИА «Федерация» — НИА «Байкал». — 29 авг. 2012 • URL: http://www.38rus.com/more/25901/ [2013-06-08].

[185] «Газпром» и ИТЕРА поделили Братское месторождение // Neftegas.RU. — Новости. — 20 сент. 2006 • URL: http://neftegaz.ru/news/view/66221/ [2013-06-08].

[186] Из-за спора Газпрома и «Итеры» Братск может остаться без газа // РБК — Экономика. — 13 авг. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/13/08/2012/664247.shtml [2013-06-08].

[187] Нефтегазовая солидарность. Добывающие компании и потребители Восточной Сибири против повышения НДПИ на газ // Независимая газета. — 6 сент. 2012 • URL: http://www.ng.ru/regions/2012-09-06/5_solidarity.html) [2013-06-08].
Пришествие «Газпрома» в Якутию // Эхо столицы. № 98. — 16 дек. 2012 • URL: http://www.exo-ykt.ru/articles/24/318/6807/ [2013-06-08].

что Восточная Сибирь — с ее огромными запасами газа в недрах и с целым рядом открытых месторождений разного размера, но с крайне низким уровнем газификации населенных пунктов и промышленности — все больше и больше начинает походить на «сапожника без сапог».

Определенный скепсис вызывают планы по развитию переработки газа и газохимии. Можно смело предположить, что в каким-то виде и в какой-то своей части эти планы, конечно же, будут выполнены. Сомнения связаны с вероятной эффективностью будущих газохимических проектов — и не столько коммерческой, сколько общественной.

Сегодня во взглядах на вопросы развития газохимии на востоке России все еще преобладают простые решения. Дескать, нужно построить 3—4 газохимических комплекса (ГХК) для глубокой переработки этана, пропан-бутанов и, отчасти, метана с получением крупнотоннажных базовых продуктов, которые можно будет экспортировать в страны АТР, и в основном — в Китай. Однако упускается из виду, что китайская химическая индустрия развивается семимильными шагами и год от года Поднебесная сокращает разрыв между спросом и собственным производством базовых химикатов, экспортируя при этом готовых материалов, а также изделий из резины и пластмасс почти на 25,6 млрд долл., что в 1,4 раза превосходит весь российский экспорт химической продукции.[188] Китай ведет весьма прагматичную игру на мировом химическом рынке, в основном продавая сложную и переработанную химическую продукцию, а покупая базовые продукты и лом пластмасс, т.е. делает то, что ему выгодно. Китай является крупнейшим в мире экспортером шинной продукции и синтетических полимерных красителей. Россия экспортирует то, что может — минеральные удобрения, аммиак, метанол, — а импортирует жизненно необходимую продукцию (например, сейчас наша страна является одним из крупнейших в мире импортеров медикаментов и фармацевтической продукции — 11,4 млрд долл.).[189] Российский химический экспорт крайне чувствителен к ценам на нефть и газ и за последние годы подешевел, как минимум, в полтора раза, поскольку посткризисное восстановление мировых цен на удобрения и другие простые химикаты оказалось гораздо более вялым по сравнению с ценами на то сырье, из которого указанные продукты производятся. Вообще может статься так, что к тому времени, когда мы построим свои восточные ГХК, их продукция уже никому не будет нужна. Или, может быть, мы собираемся вывозить полиэтилен в Корею, Японию и США, которые уже сегодня зависят от китайского импорта?

Еще одна, не менее острая, проблема связана с вероятной конкурентоспособностью будущей восточносибирской газохимии на внешних рынках. Либерализация газового рынка в России приведет к тому, что уже не сегодня-завтра внутренние цены на газ могут достичь 200 и более долл./тыс. $м^3$, что в 7—8 раз выше, чем у наших основных конкурентов — экспансивно растущих производителей из числа Ближневосточных стран (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и проч.). Плюс к этому дополнительные транспортные издержки до 100—150 долл. на каждую тонну экспортируемой химической продукции и полутора-двукратное удорожание капитальных затрат на строительство ГХК. Шансов на победу в конкуренции у нас будет не так уж и много, поэтому сегодня и в будущем простые решения, скорее всего, не помогут.

Видится, что стратегия развития комплекса производств по глубокой переработке углеводородов на востоке страны должна иметь в основе следующие принципы:

---

188 2010 International Trade Statistics Yearbook. Annex I — Trade by Country. — New York, NY: UN Statistics Division; Trade Statistics Branch, 2011 • URL: http://comtrade.un.org/pb/first.aspx [2013-06-08].

189 Там же.

во-первых, рациональное комбинирование сырьевых источников — газа и жидких углеводородов, — что позволит выстроить широкую линейку конечной продукции, включая ее простые и сложные виды;

во-вторых, создание разветвленной специализированной инфраструктуры (прежде всего — транспортной), без чего эффективное развитие нефтегазохимической промышленности в современных условиях просто немыслимо;

в-третьих, рациональное размещение будущих предприятий, позволяющее по возможности минимизировать транспортные издержки при вывозе продукции — неважно для поставок на внутренний рынок или на экспорт;

в-четвертых, преимущественную нацеленность на внутренний рынок, интенсивное развитие которого является необходимой предпосылкой для ускоренного подъема химической промышленности и как составной части последнего — формирования комплекса газохимических производств на востоке страны.

В рамках осуществления подобной нефтегазохимической (или газонефтехимической) стратегии и в процессе создания комплексной инфраструктуры должна решаться задача по утилизации уникальных ресурсов гелия, который содержится в газах восточносибирских месторождений.

Гелиевая фантазия

Тот факт, что в газовых месторождениях на востоке России сосредоточены огромные ресурсы гелия, который является стратегически важным и очень ценным продуктом, сегодня внушает не столько чувство радости, сколько разнообразные опасения. Ведь слишком часто у нас возникают казусы следующего рода: то, что во всем остальном мире является бизнесом, в России образует проблему. Также происходит и с восточносибирским гелием, и основные страхи связаны с весьма вероятным риском безвозвратной потери его ресурсов.

С точки зрения, например, химической или физической наук, гелий — это просто красиво, а потому высочайшая ценность гелия не подлежит ни малейшему сомнению. Гелий является одним из немногих сырьевых продуктов, который, благодаря своим уникальным свойствам, находит непосредственное и почти исключительное применение в высокотехнологичных производствах и видах деятельности — в космонавтике и ядерной энергетике, в электронике и при выполнении специальных сварочных работ, в воздухоплавании и в сверхскоростном транспорте на магнитной подвеске, в научных исследованиях и в современной медицинской диагностике, — не говоря уже о более «тривиальных» направлениях использования при изготовлении дыхательных смесей или в качестве наполнителя для газоразрядных световых приборов и проч. [190] Гелий ассоциируется с эффектом сверхтекучести и сверхпроводимости, образующим основу грядущих технологических решений в сфере передачи энергии. Гелий очень ценен сегодня, но в будущем его ценность несоизмеримо возрастет. Поэтому потери гелия недопустимы, его ресурсы подлежат полной утилизации; а то, что не может быть использовано сегодня, должно быть сохранено для будущих поколений.

[190] В природе гелий встречается в виде двух стабильных изотопов: «сверхчрезвычайно» редкого гелия-3 и сравнительно распространенного гелия-4. Нерадиоактивный гелий-4, содержащийся в природном газе, в отличие от «стратегического» или «лунного» гелия-3 (представляющего перспективный вид топлива для термоядерной энергетики будущего) правильнее считать продуктом двойного применения, который в современных условиях имеет в большей степени экономико-стратегическое, нежели военно-стратегическое значение.

Таков весьма распространенный взгляд на проблему освоения ресурсов гелия, основывающийся на представлениях о физико-химической ценности гелия, но не его цены. Между тем, всякая абстрактная ценность, отражающая полезность того или иного ресурса, имеет свою вполне реальную цену. И чем дороже дается нам гелий, тем у́же делаются сферы его практического применения и тем прочнее становятся рыночные позиции заменителей (например, того же аргона), пусть не столь уникальных по своим свойствам, но более дешевых и физически доступных.

Сказанное не означает, что автор выступает против рационального использования ресурсов гелия и их разумного сбережения. Напротив, автор глубоко убежден в том, что ресурсы гелия, как и любого другого «дара природы», следует использовать рационально, однако сама эта рациональность должна быть прагматичной. Нужно учитывать, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, какие-то потери гелия неизбежны в процессе добычи, транспорта и переработки газа. Следует, конечно же, минимизировать указанные потери, но стремиться не к абсолютно достижимому технологическому минимуму, а к минимуму экономического ущерба, связанного с потерями гелия. Во-вторых, не забывая о благе будущих поколений, нельзя игнорировать нынешние реалии, прежде всего — издержки и выгоды от освоения гелиевых ресурсов. Нужен разумный баланс. В частности, следует правильно, насколько это возможно, соизмерять издержки сегодняшние и близкого времени на сохранение ресурсов гелия с отдаленными выгодами от их использования будущими поколениями.

Как бы то ни было, эффективное использование ресурсов гелия при освоении газовых месторождений на востоке России представляет собой сложную комплексную проблему. Первопричина ее заключается в том, что у нашей страны нет практического опыта осуществления масштабных гелиевых проектов в современных экономических условиях. Единственное в России крупное предприятие по производству гелия (в составе Оренбургского газового комплекса) было создано в годы плановой экономики, когда фактор экономической эффективности как таковой не имел принципиального значения. Тогда задача состояла в том, чтобы любой ценой обеспечить потребности страны в стратегически важном сырье и не допустить зависимости от импорта гелия. В настоящее время ситуация радикально изменилась и на первом плане стоят задачи достижения высокой экономической эффективности — общественной и коммерческой. В противном случае освоение ресурсов гелийсодержащих газов попросту теряет смысл — в особенности по той причине, что новые гелиевые проекты на востоке РФ имеют ярко выраженную экспортную ориентацию. Например, при добыче 30 млрд м^3 чаяндинского газа объемы извлечения гелия могут достигать порядка 150 млн м^3, что в 75 раз превышает современное потребление гелия в России, в 15 раз больше величины ожидаемого спроса в 2030 г. и составляет примерно половину прогнозируемого на тот же год мирового спроса на гелий.

Поэтому вполне имеют право на жизнь предложения по формированию систем утилизации, транспорта и переработки газа, целевым образом обеспечивающие решение задач по широкомасштабному производству и экспорту гелия. Т.е. существуют вполне объективные предпосылки для того, чтобы рассматривать гелий не просто как попутный, хотя и очень ценный, продукт газодобычи, а как один из целевых продуктов развития газового сектора на востоке России, включающего топливный и химический сегменты. При этом топливная ценность газа отходит на второй план, тем более, что сегодня у нас нет по-настоящему обоснованных представлений, несмотря на все имеющиеся программы и схемы развития газовой отрасли, о том, какое место должен занимать газ в топливно-энергетическом балансе восточных регионов страны и насколько целесообразен широкомасштабный экспорт нашего восточного газа при условии, что его главным (и почти монопольным) покупателем выступает Китай.

Развитию гелиевой промышленности на востоке России благоприятствует быстрый рост мирового спроса на гелий (в особенности — в странах АТР) при сокращении

производства товарного гелия в США. По оценкам, ожидаемый разрыв между прогнозной величиной мирового спроса на гелий и предложением (с учетом действующих мощностей и новых уже анонсированных проектов) в 2030 г. может составить до 169 млн $м^3$ и более.[191] Располагаемая ресурсная база, в принципе, позволяет России самостоятельно «закрыть» возможный дефицит гелия на мировом рынке. Вместе с тем, суммарные ресурсы гелия в основных странах-конкурентах (Алжире и Катаре) сопоставимы по своей величине с российскими и, следовательно, указанные производители также будут в состоянии покрыть предполагаемый дефицит гелия на мировом рынке без участия России.

Таким образом, в складывающихся условиях вопрос позиционирования различных стран-производителей гелия на рынке — это, прежде всего, вопрос конкурентоспособности, которая зависит от уровня издержек производства гелия и его доставки на рынок с учетом пространственного сегментирования последнего. Среди факторов, определяющих уровень издержек производства, благоприятствующим для России является, пожалуй, лишь относительно более высокое содержание гелия в газе. Другие факторы — технологические и экономико-географические работают против нас.

Поэтому для успешного развития гелиевой промышленности на востоке России необходимы: с одной стороны, разработка и применение эффективных технико-технологических и организационно-экономических схем реализации проектов с целью сокращения издержек и достижения приемлемого уровня конкурентоспособности; с другой стороны, проведение агрессивной и в то же время гибкой рыночной стратегии, направленной на достижение максимально возможных объемов поставки гелия на рынок (максимизацию рыночной доли) при сохранении приемлемо высокого уровня цен на гелий. Располагая такими ресурсами гелия, Россия вправе поставить перед собой задачу стать главным игроком на мировом рынке. Но тогда нельзя все время оглядываться на конкурентов в страхе «уронить рынок». Если мы будем чересчур осторожничать, наше место на рынке просто-напросто займут другие, а мы останемся ни с чем и будем вынуждены «закапывать» гелий обратно в землю, расходуя на это немалые деньги, или выпускать в атмосферу.

Сегодня потенциальные российские продуценты, которые занимаются газовыми проектами в Восточной Сибири, нередко со страхом поглядывают на мировых лидеров, работающих на рынке так называемых промышленных газов и владеющих соответствующими технологиями. Но даже самая большая из этих компаний (Air Liquide с капитализацией порядка 40 млрд долл.) — просто карлик по сравнению с тем же «Газпромом». Купить, следуя примеру Китая, когда он пытается прорваться в новые сферы деятельности, — вместе с техническим и организационным опытом, маркетинговой сетью и проч., — и все дела; ну пусть не самую большую компанию, а среднюю — для начала и этого будет достаточно.

В любом случае мы всегда будем стоять перед трилеммой: продавать, терять или хранить гелий. Чтобы ее правильно решать, нужно правильно соотносить более или менее реальные средне- и долгосрочные выгоды от продажи гелия на рынке, экономию издержек при освоении газовых месторождений и потенциальные «экстрадолгосрочные» выгоды от сохранения ресурсов гелия. А для этого, в свою очередь, требуется прагматическая гелиевая стратегия, которая объединит усилия всех компаний-недропользователей и которая будет осуществляться при активном участии государства.

Осуществлению гелиевых проектов на востоке России сегодня препятствуют самые различные обстоятельства. Но все же главное значение имеет, по-видимому, фактор низкой коммерческой привлекательности производства, хранения и продаж гелия. Как показывает

---

[191] Более подробно см.: Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Комплексный реинжиниринг процессов хозяйственного освоения ресурсов гелия на Востоке России / отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. — 181 с.

анализ известных восточносибирских проектов в сопоставлении с зарубежными аналогами, наши проекты не отличаются особым совершенством технологических, организационно-технических и организационно-экономических решений и, как следствие, характеризуются крайне низкой или даже отрицательной рентабельностью.

Причем наибольшие вопросы вызывают организационно-технические схемы реализации проектов, основанные преимущественно на американском опыте (катарский и алжирский не подходят, поскольку в этих странах извлечение гелия из газа комбинируется с производством СПГ). На протяжении длительного времени в США весь избыток сырого гелия, получавшегося при переработке газа, закачивался в специальное хранилище, а сейчас накопленный запас отбирается и направляется на производство товарного продукта для продажи на рынке. Не располагая собственным опытом, мы просто решили пойти по проверенному американцами пути, упустив из вида пару важных моментов: во-первых, весьма почтенный возраст американской схемы, основанной на технологических возможностях 1950-х—1960-х годов; во-вторых, тот факт, что в США почти вся гелиевая инфраструктура (хранилища, трубопроводы) создавалась за счет государства. В XXI веке появились новые, неизвестные ранее, возможности в сфере технологий, позволяющие по-иному подойти к формированию организационно-технических схем гелиевого производства, да и российское правительство не проявляет особого желания напрямую участвовать в финансировании проектов — даже в их инфраструктурной части, — полагая, что они должны осуществляться на коммерческих принципах.

Отмеченные обстоятельства предопределяют необходимость пересмотра целого ряда исходных решений, на основе которых намечается повести процесс освоения гелиевых ресурсов. Но это может принципиальным образом изменить инициируемые отдельными компаниями-недропользователями проекты по утилизации, транспорту и переработке газа. Для повышения коммерческой привлекательности становится настоятельно необходимым максимальное приближение заводов по выделению и сжижению гелия к Тихоокеанскому побережью с тем, чтобы минимизировать сухопутные перевозки товарного продукта. Иными словами появляется смысл в создании магистральной газотранспортной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» (в коридоре нефтепроводной системы ВСТО) для прокачки гелийсодержащего газа без его отбора (или при минимальном отборе) на территории страны. Для газификации восточных регионов тогда потребуется создание локальных систем газоснабжения с их объединением и подключением к ныне существующей Единой системе газоснабжения страны, которая заканчивается в районе Проскоково (Кемеровская область).

Избрав агрессивную рыночную стратегию — стратегию «покорения мирового гелиевого рынка» — можно выделить в самостоятельный поток наиболее богатый гелием газ Катангской зоны Красноярского края, объединив его с газовым потоком Ковыктинского и других месторождений северо-востока Иркутской области. К этому потоку в дальнейшем по трассе «газогелиевого ВСТО» логично подключить месторождения Якутского центра газодобычи и прежде всего — Чаяндинское. Т.е. должны быть приняты решения по формированию максимально крупного централизованного потока «богатого» гелийсодержащего газа с тем, чтобы извлечь максимальные выгоды от производства и экспорта гелия. Экономия суммарных издержек при такой схеме достигается за счет высокой производительности транспортной системы, сокращения сухопутных перевозок жидкого гелия, а также объединения в единый технологический комплекс гелиевых заводов и заводов по производству СПГ на Тихоокеанском побережье.

Формирование подобной системы требует пересмотра корпоративных программ освоения газовых месторождений Восточной Сибири и Якутии, чтобы согласовать объемы добычи газа и синхронизировать динамику ее роста с возможностями создания гелиевых производств, ориентированных в своем развитии на максимальный выход товарного гелия при минимизации объемов хранения сырого гелия в специализированных подземных хранилищах. Т.е. создаваемая система должна работать на рынок и обеспечивать

максимально быстрое получение эффектов. Чтобы при этом исключить необоснованные потери ресурсов гелия, необходимо ограничить уровни добычи богатых гелийсодержащих газов в соответствии с предполагаемыми возможностями реализации товарного гелия.

Реализация столь сложной и масштабной схемы транспорта газа и производства гелия, безусловно, потребует серьезного вмешательства со стороны государства в качестве, как минимум, координатора. Что касается инвестирования, то наиболее существенный вклад государство могло бы внести в финансирование и организацию работ по сооружению объектов специализированной инфраструктуры — гелиепроводов и подземных хранилищ для гелиевого концентрата.

По сложившимся представлениям о том, как должен происходить процесс освоения газовых ресурсов на востоке России и как должны реализовываться гелиевые проекты, подобная идея может показаться просто фантастической. Нам же требуется прагматичная гелиевая стратегия, которая объединит усилия всех компаний-недропользователей и которая должна осуществляться при активном участии государства. Но прагматичность отнюдь не равнозначна непоколебимой приверженности «старым добрым» подходам к решению хозяйственных проблем и априорному отклонению любых новых идей и предложений. Тем более, что эти «старые добрые» подходы, как показывает анализ имеющихся гелиевых проектов заведомо неэффективны, т.е. именно они оказываются фантастическими, если говорить о возможностях практической реализации.

Свет в дальнем конце «газового тоннеля»

Высокоэффективное со всех точек зрения развитие гелиевого производства на востоке России относится к числу тех сложных проблем, которые, увы, не поддаются решению с помощью известных, хорошо проверенных подходов и методов и требуют чего-то нового в технологиях и организационно-технических аспектах.

Вспоминается следующий случай. В 2010 г. Институт экономики СО РАН принимал участие в научно-исследовательской работе по обоснованию развития и размещения гелиевых производств компании «Роснефть» на базе Юрубчено-Тохомского и ряда других месторождений в Красноярском крае и Иркутской области. На одном из совещаний, когда обсуждался ход выполнения работ, автором этих строк была изложена идея «газогелиевого ВСТО», которая сразу же поверглась критике со стороны представителей «Роснефти» и НПО «Гелиймаш». Критические замечания во многом были вызваны тем обстоятельством, что при дальнем транспорте гелийсодержащего газа будут иметь место большие (порядка 10%) потери гелия, поскольку газ из «трубы» расходуется на собственные нужды транспортной системы — для работы газоперекачивающих станций. Предложенный вариант решения гелиевой проблемы был отвергнут, исключен из рассмотрения и не получил дальнейшего развития — он так и остался всего лишь принципиальной идеей, которая немного позже была озвучена в научной монографии.[192]

А в 2012 г. к пониманию того, что газогелиевую и газохимическую технологическую цепочку следует разомкнуть в пространственном отношении, пришел «Газпром», принявший решение о создании комплекса перерабатывающих производств в районе г. Белогорска Амурской области, исходя из принципа, что переработка газа (с получением товарного гелия) должна располагаться поближе к выходу на рынок, а стратегическое хранилище

[192] Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Комплексный реинжиниринг процессов хозяйственного освоения ресурсов гелия на Востоке России / отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. — 181 с.
Результаты работы, о которой было сказано в тексте, в значительной степени послужили основой для подготовки монографии.

гелия нужно построить не в конце, а в начале всей технологической цепочки, т.е. на месте добычи газа.[193] По сути, «Газпром» сформировал свое видение «газогелиевого ВСТО», который, с учетом изменившей очередности ввода месторождений — сперва Чаяндинское, а затем Ковыктинское — берет свое начало в Якутии с тем, чтобы впоследствии подключить к нему Иркутский и Красноярский центры газодобычи.

По Чаяндинскому месторождению уже принято инвестиционное решение, добыча газа должна начаться в 2017 г. вместе с завершением строительства магистрального газопровода. В проекте предусмотрено использование *«инновационной технологии мембранного выделения гелия, позволяющей оставить в транспортируемом газе ровно столько гелия, сколько можно реализовать с гелиевого завода в г. Белогорске. Остальной объем гелия будет сохранен и закачан обратно в пласт непосредственно на Чаяндинском месторождении»*. [194] «Газпром» сообщает, что *«сейчас ведутся поиски скважин для хранения гелиевого концентрата. Кроме того, важной задачей является развитие инфраструктуры для жидкого гелия. Требуется технологическое оборудование для извлечения и сжижения, а также мощности для его перевозки»*.[195] В целом же данное решение позволяет развивать добычу газа в Якутии и в Восточной Сибири вне зависимости от состояния гелиевого рынка и особенностей рыночной стратегии, но при этом полностью сохранять неиспользуемые для продажи ресурсы гелия.

Новая газпромовская стратегия, существенно отличающаяся от решений, которые были предусмотрены «Восточной газовой программой», едва ли не сразу же после своего анонсирования стала объектом критики со стороны известных сибирских ученых-геологов, обеспокоенных тем, что «Газпром» предлагает *«многоступенчатую систему, которая будет напоминать работу в холостую. Они будут извлекать гелий при помощи мембранной технологии, затем закачивать обратно в пласт. В результате в газе, который пойдет Белогорск… будет не больше одной десятой промилле гелия (при изначальном 0,5 промилле). Понятно, что себестоимость извлечения гелия при таком низком содержании будет многократно выше»*[196]. Действительно, при снижении концентрации гелия в потоковом газе извлечение в расчете на единицу продукта будет обходиться дороже. Но ведь при этом, если неиспользуемый гелий будет сохраняться в самих газоносных пластах, открывается возможность сэкономить 1—2 млрд долл. инвестиций в строительство специальных хранилищ для гелиевого концентрата. Наверное, одно другого сто́ит…

Автору неоднократно, в том числе и на страницах этой книги, приходилось весьма критически отзываться о деятельности «Газпрома», что в основном связано с монопольным положением компании в российском нефтегазовом секторе. Но в данном случае критика представляется неуместной. Похоже, что «Газпром» вплотную приблизился к нахождению эффективного, образно говоря, «асимметричного ответа» на «сверхтрудности», с которыми связано комплексное освоение газовых ресурсов Восточной Сибири и Якутии. Возможно, что обновленная газпромовская стратегия не лишена недостатков, и над их устранением еще придется поработать, но она дает целый ряд принципиальных возможностей,

---

[193] СМИ: В США опасаются экспансии газпромовского гелия // Информационно-аналитический портал «Нефть России» / Новости. — 10 дек. 2012 • URL: http://www.oilru.com/news/349475/ [2013-06-08].

[194] «Газпром» представил в Якутии беспрецедентный по масштабам для Востока России Чаяндинский проект // Пресс-центр / Новости «Газпрома». — 11 дек. 2012 • URL: http://gazprom.ru/press/news/2012/december/article151058/ [2013-06-08].

[195] Российский гелий ждут во всем мире // Газпром. — 2012. — № 11. — С. 20—23 • URL: http://gazprom.ru/press/journal/archive/2012/ [2013-06-08].

[196] Ученые разочарованы технологическим решением Газпрома по гелию Чаянды // NVpress.Ru. Якутия в наше время. — 13 дек. 2012 • URL: http://www.nvpress.ru/science_and_life/1791 [2013-06-08].

использование которых, по всей видимости, позволит минимизировать «сверхзатраты» на решение нашей «восточной газовой проблемы». Совсем нетрудно назвать несколько важнейших факторов экономии издержек и вероятного приращения выгод. Перенос всего комплекса производств по переработке чаяндинского газа с необустроенного и неблагоприятного в природно-климатическом отношении севера (Якутия) на юг (Амурская область) с его сравнительно развитой инфраструктурой и близостью тихоокеанских портов бесспорно снизит расходы на строительство и эксплуатацию предприятий и все мыслимые логистические затраты. Помимо этого появятся реальные возможности для эффективного комбинирования в рамках технологических цепочек глубокой химической переработки не только газа, но и нефти, приходящей по ВСТО, что является необходимой основой для расширения структуры и повышения ценности той химической продукции, которая может выпускаться.[197]

Но, пожалуй, еще большее значение имеет перспектива создания новых точек роста, основанных на развитии обрабатывающих производств, в регионе, который сейчас находится под самым сильным среди всех территорий России китайским влиянием. Следует обратить внимание на то, что совсем не обязательно концентрировать все производства в одном пункте поблизости Белогорска. В Амурской области, Хабаровском и Приморском краях вполне достаточно места для размещения нескольких — не сверхгигантских, а разумно крупных — химических и нефтехимических комбинатов, благо что будущая сырьевая база это позволит сделать. Таким образом, газпромовские планы претендуют на то, чтобы стать очень важной составной частью стратегии экономического и социального подъема дальневосточных регионов России, усиления их интеграции в общенациональное экономико-политическое пространство.

Образно говоря, в дальнем конце «газового тоннеля», у берегов Тихого океана, забрезжил свет. Остается зажечь его и у противоположного, ближнего, конца тоннеля, находящегося непосредственно в Восточной Сибири. Нет никакого смысла драматизировать предполагаемых уход на Дальний Восток ковыктинского газа, с ресурсами которого до самого недавнего времени связывались перспективы развития химического кластера Иркутской области. Нельзя сбрасывать со счетов в качестве возможных источников сырья относительно небольшие северо-иркутские нефтегазоконденсатные месторождения — и уже сейчас есть серьезные планы по развитию переработки на этой основе, например, у «Иркутской нефтяной компании».[198] Да и ресурсы Ковыктинского месторождения столь велики, что газа, который будет добываться отчасти достанет и для переработки на месте; было бы желание скоординировать политику и действия всех участников процесса освоения. Ключевым же моментом, «точкой опоры» в развитии газовой отрасли в Сибири должна стать интеграция ресурсных потенциалов Иркутской области и Красноярского края в сочетании с аналогичной интеграцией в сфере глубокой переработки углеводородного сырья. Причем общий вектор развития перерабатывающих (включая гелиевое) и химических производств должен быть направлен прежде всего в сторону внутреннего рынка с образованием сильной обоюдной связи между спросом и предложением. Без этого все разговоры об эффективном использовании ресурсов нефти и газа Восточной Сибири останутся пустым звуком.

---

[197] Из газового сырья в основном могут производиться относительно простые и недорогие виды химической продукции — метанол, аммиак и их производные; базовые полимеры — полиэтилен и полипропилен. Для получения более дорогой продукции неизбежно требуется комбинирование с технологической цепочкой переработки жидкого сырья и получения, например, ароматических углеводородов. Тогда на выходе возможно получение полиэтилентерефталата, полистирола и его сополимеров, полиамидов, смол и пластмасс инженерно-технического назначения и проч. — продуктов, имеющих в 1,5—2 раза и более дорогую цену по сравнению с основными продуктами газохимии.

[198] Судьбоносные решения // Сообщество «Рупек». — 28 дек. 2012
• URL: (http://www.rupec.ru/analytics/?ID=6278 [2013-06-08].

Здесь нечего делить, а нужны согласованные действия компаний, регионов и Федерации, имеющие общую цель — эффективное во всех отношениях освоение нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири, рассматриваемое в качестве одного из наиважнейших факторов роста и структурной перестройки отечественной экономики.

Вопрос об эффективности выглядит далеко не праздным, если учесть что «Газпром» уже оговорил свои планы по Чаянде тем, что *«для реализации столь масштабного проекта необходимо формирование наиболее благоприятных инвестиционных условий, внедрение мер государственной поддержки как на федеральном, так и на региональном уровнях. Первоочередное значение имеет создание стабильной налоговой и таможенной среды, в том числе, установление налоговых каникул по НДПИ, льгот по налогам на прибыль и имущество для новых производственных объектов, снижение или отмена таможенных пошлин на оборудование для газовой отрасли, не имеющее отечественных аналогов. Также необходима разработка механизмов ценообразования, стимулирующих более широкое использование газа потребителями Востока России».*[199] Вторят «Газпрому» и другие участники, рангом пониже, и потенциальные промышленные потребители газа, и власти регионов, например Иркутской области: *«Нулевая ставка НДПИ на газ по аналогии с нефтью позволила бы приступить компаниям к осуществлению намеченных проектов в отношении добычи, реализации и переработки газа… Солидарность бизнесменов и региональной исполнительной власти объясняется просто: для реализации крупных проектов необходимы уверенность в завтрашнем дне, стабильность и преемственность решений как государственного, так и регионального масштаба. Непредсказуемость российской налоговой политики отталкивает даже самых оптимистично настроенных инвесторов. В непростых условиях Восточной Сибири нулевая ставка НДПИ на газ является эффективным и скорее всего единственно возможным способом поддержки развития газового комплекса, а вместе с ним и смежных отраслей производства и региона в целом».*[200]

Становится очевидным следующее: чтобы слабый лучик надежды на решение «восточной газовой проблемы» не угас, а становился все ярче и ярче, нужно сделать еще очень многое — и со стороны государства, и со стороны нефтегазового и прочего бизнеса. Государство, действительно, должно основательно пойти навстречу интересам бизнеса в вопросах создания стабильного и благоприятного инвестиционного климата, но еще далеко не факт, что это должно достигаться путем предоставления льгот по всем и всяческим налогам. Не меньшее, а возможно даже большее, значение имеют, с одной стороны, фактор координации проектов, позволяющей рационализировать издержки и тем самым способствовать повышению рентабельности и привлекательности для инвесторов; а с другой стороны, фактор усиления конкурентной среды в нефтегазовом секторе и создания равнопривлекательных условий для любых компаний — крупных и малых, интегрированных и специализированных, государственных и частных. В свою очередь, и бизнес не должен уповать только на государственное вспомоществование — на то, что государство даст льготы, все скоординирует и разрешит имеющиеся противоречия, — а просто обязан самостоятельно находить приемлемые и взаимовыгодные для различных компаний способы взаимодействия, концентрации и распределения усилий, т.е. всеми возможными путями стремиться к сокращению издержек. Без всего этого возможность получения адекватных эффектов от освоения газовых ресурсов Восточной Сибири и Якутии останется не более чем красивой иллюзией.

---

[199] «Газпром» представил в Якутии беспрецедентный по масштабам для Востока России Чаяндинский проект // Пресс-центр / Новости «Газпрома». — 11 дек. 2012 • URL: http://gazprom.ru/press/news/2012/december/article151058/ [2013-06-08].

[200] Нефтегазовая солидарность. Добывающие компании и потребители Восточной Сибири против повышения НДПИ на газ // Независимая газета. — 6 сент. 2012 • URL: http://www.ng.ru/regions/2012-09-06/5_solidarity.html [2013-06-08].

Нет правды в родном отечестве…

Крупнейшие российские нефтегазовые компании не могут справиться с решением задач по освоению ресурсно-сырьевой базы углеводородов у себя в стране, вынужденно выбирая, какой из нефтегазоносных провинций отдавать предпочтение. Причиной указанного явления считается, что российский НГС испытывает недостаток производственных капитальных вложений в связи с ограниченными финансовыми возможностями компаний (в том числе, и по причине высоких налогов). Отчасти это действительно так, но нельзя забывать и о другой стороне медали — в нефтегазовом секторе имеет место значительное недоиспользование имеющегося инвестиционного потенциала.

Дело в том, что у нефтегазовых компаний финансовые вложения (включая инвестиции в непрофильные активы и расходы на приобретение активов в рамках отрасли, т.е. на поглощения и слияния) по своей величине примерно равны инвестициям производственного назначения. Ставшая в 2007 г. крупнейшей в России нефтяная компания «Роснефть» скупила практически все основные производственные (добывающие и перерабатывающие) активы ЮКОСа используя для этого синдицированные кредиты зарубежных банков на сумму в 22 млрд долл. (включая 9 млрд под поручительство Правительства РФ). Чтобы ослабить долговую нагрузку «Роснефть» предложила государству покупать облигации российских компаний и брать на себя их кредитные обязательства перед отечественными банками.[201] Из числа наиболее серьезных приобретений «Газпрома» в последние несколько лет можно назвать поглощение «Сибнефти», покупку 50-процентной доли участия в проекте «Сахалин-2», контрольных пакетов акций «Салаватнефтеоргсинтеза» (у правительства Башкортостана) и ОА «Мосэнерго», целого ряда добывающих активов у независимых компаний газовой отрасли («Итеры», «Нортгаза», «НОВАТЭКа»), и наконец, обретение прав на Ковыктинское газоконденсатное месторождение после долгой и упорной борьбы с прежним владельцем — ТНК-ВР. «Газпром» владеет крупными активами в сфере телекоммуникаций, масс-медиа, гостиничном бизнесе и других сферах. Поэтому вполне уместной выглядит ирония Анатолия Чубайса, сказавшего по поводу намечавшейся сделки между «Газпромом» и СУЭК по созданию совместного предприятия: *«Мне представляется не совсем правильной ситуация, когда у "Газпрома" все хорошо с нефтью, все хорошо с нефтехимией, со СМИ, с углем теперь хорошо, и только с одной мелкой деталью неважно — с газом»*.[202]

Характерно, что именно госкомпании в последние годы проводили наиболее агрессивную политику поглощений, и только недавний финансово-экономический кризис на какое-то время умерил их «аппетиты». При этом экспансия «Газпрома» и «Роснефти» фактически поддерживается государством. Операции по захвату активов нередко начинаются проверками со стороны госорганов и выставлением различного рода претензий бывшим владельцам по части выполнения условий лицензионных соглашений (как в случае с Ковыктой) или нарушения природоохранных норм (при вхождении «Газпрома» в проект «Сахалин-2»).

---

[201] «Роснефть» просит денег у Кремля // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 31 янв. 2008 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2008/01/31/tek/562949979042991 [2013-06-08].

[202] Чубайс обнаружил в России дефицит газа // Lenta.ru. Издание Rambler Media Group. — 13 фев. 2007 • URL: http://lenta.ru/news/2007/02/13/gas [2013-06-08].

Другой характерной чертой в инвестиционной активности российских нефтегазовых компаний является стремление — по возможности — к приобретению иностранных активов, к расширению масштабов деятельности за пределами России, происходящему в контексте процессов глобализации и становления отечественных производителей в статусе международных энергетических корпораций.

«Частники» прирастают заграничными активами

Среди частных российских компаний лидером в области приобретений можно считать «ЛУКОЙЛ», взоры которого уже не первый год направлены в сторону «заграницы». Из числа последних крупных зарубежных приобретений «ЛУКОЙЛА», сделанных в 2008—2011 гг., можно назвать: 49-процентную долю участия в итальянском СП ISAB с последующим увеличение до 60% (нефтепереработка мощностью 16 млн т/год; общая стоимость сделок — свыше 2 млрд долл.); 100% акций турецкой компании Akpet (689 АЗС, 3 авиатопливозаправочных комплекса, завод по производству и фасовке моторных масел и др. активы; стоимость сделки — 555 млн долл.); 45-процентную долю в голландском НПЗ TRN (мощность — 9,5 млн т/год; стоимость сделки — 600 млн долл.); сети АЗС в Бельгии и в Нидерландах (сумма сделки экспертами оценивается примерно в 100 млн долл.); 100% участия в СРП по месторождениям Юго-Западного Гиссара и Устюртского региона в Узбекистане (прогнозные объемы добычи газа – 4 млрд $м^3$, нефти и конденсата — 300 тыс. т в год; сумма сделки — 578 млн долл.). К этому следует добавить и одну из самых крупных сделок 2008 г. в российской экономике — приобретение 82,3% акций ОАО «ЮГК ТГК-8», объединяющего несколько электростанций на юге страны суммарной мощностью 3600 МВт (сумма сделки — 2,1 млрд долл.), с доведением общего пакета акций в собственности компании до 95,53%.[203]

Общая стоимость приобретений «ЛУКОЙЛа» за период 2001—2011 гг. составляет свыше 20 млрд долл., в том числе за последние 5 лет — 13,3 млрд долл. Много это или мало? Суммарные затраты компании, направленные на покупку активов, примерно вдвое меньше величины инвестиций в российские добычные проекты и в 2,5 раза больше того, что было вложено в модернизацию нефтепереработки и сбытовой сети на территории России. Обратившись к финансовой отчетности компании можно увидеть, что в структуре чистых инвестиций доля производственных капитальных вложений в профильные сегменты деятельности на территории России (разведка и добыча нефти и газа, переработка и нефтехимия, сбыт) составляют около 70%, а все остальное — приобретение активов (профильных и непрофильных, российских и зарубежных), инвестиции в развитие производства за рубежом и финансовые вложения. [204]

К настоящему времени доля приобретенных зарубежных активов в общей стоимости активов компании достигла 36%, а среди расходных статей выделяются затраты на геологоразведку, в которых на долю зарубежных проектов приходится более 58% (рис. ИНО-1). Сегодня «ЛУКОЙЛ» ведет бизнес более чем в 30-ти зарубежных странах мира на всех континентах кроме Австралии, в том числе:

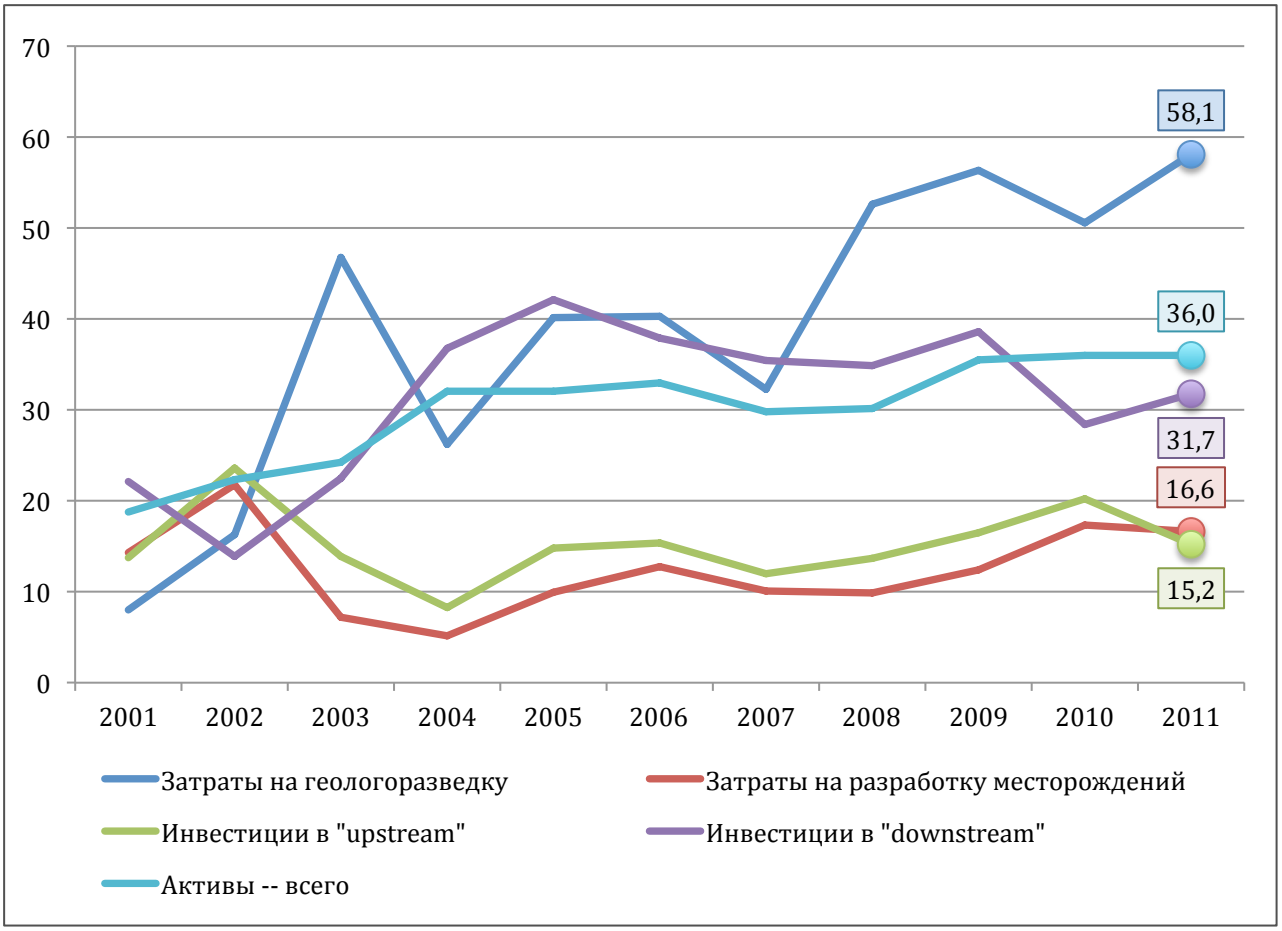
[203] Здесь и далее — данные о сделках по приобретению активов и участию российских компаний в зарубежных проекта приведены по информации компаний, печатных и электронных СМИ, информационных и аналитических агентств.

[204] По данным финансовой отчетности НК «ЛУКОЙЛ» • URL: http://www.lukoil.ru/new/finreports/2012 [2013-06-08].

- в разведке и добыче углеводородов — в Казахстане, Азербайджане, Ираке, Иране, Египте, Гане, Венесуэле и др.;
- в нефтепереработке и нефтехимии — в Италии, Нидерландах, Болгарии, Румынии, Украине (на зарубежные НПЗ с учетом долей участия в настоящее время приходится почти 44% суммарной мощности заводов компании);
- в сфере маркетинга нефтепродуктов — в 26-ти странах Европы и в США. Причем в ряде европейских государств, например в Финляндии, Болгарии, Румынии, Литве, Молдове, «ЛУКОЙЛ» является одним из главных рыночных игроков, контролируя от 20 до 70% продаж на оптовом или розничном рынке.

Рисунок • ИНО-1

Изменение доли зарубежных сегментов в стоимости активов и в расходах НК «ЛУКОЙЛ» в 2001—2011 гг., %

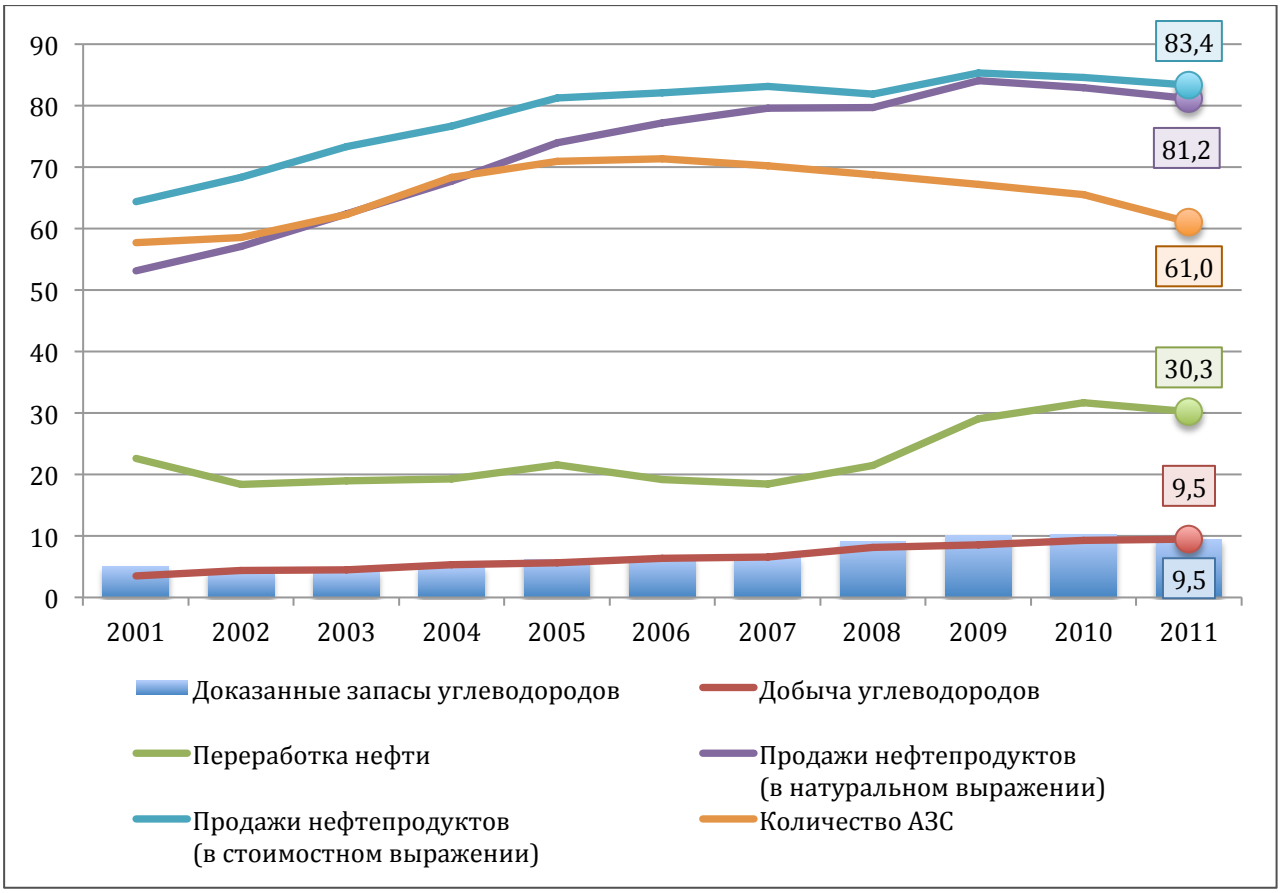

НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

Следуя совершенно правильной корпоративной логике, главную ставку в своей заграничной экспансии «ЛУКОЙЛ» делает на сегмент «downstream» — переработку нефти и сбыт нефтепродуктов. Удельный вес зарубежных проектов в запасах и в добыче углеводородов составляет у компании всего 9,5%, хотя этот показатель за 2000-е годы и вырос примерно в 2 раза. Зато в реализации нефтепродуктов на заграничные рынки приходится 83,4% в стоимостном выражении и 81,2 — в натуральном. Более 60% от общего количества АЗС и 30% объемов нефтепереработки у «ЛУКОЙЛа» — тоже за рубежом (рис. ИНО-2). Причем за 2000-е годы объемы переработки нефти на заграничных заводах компании выросли в 2 раза (рис. ИНО-3).

Рисунок • ИНО-2

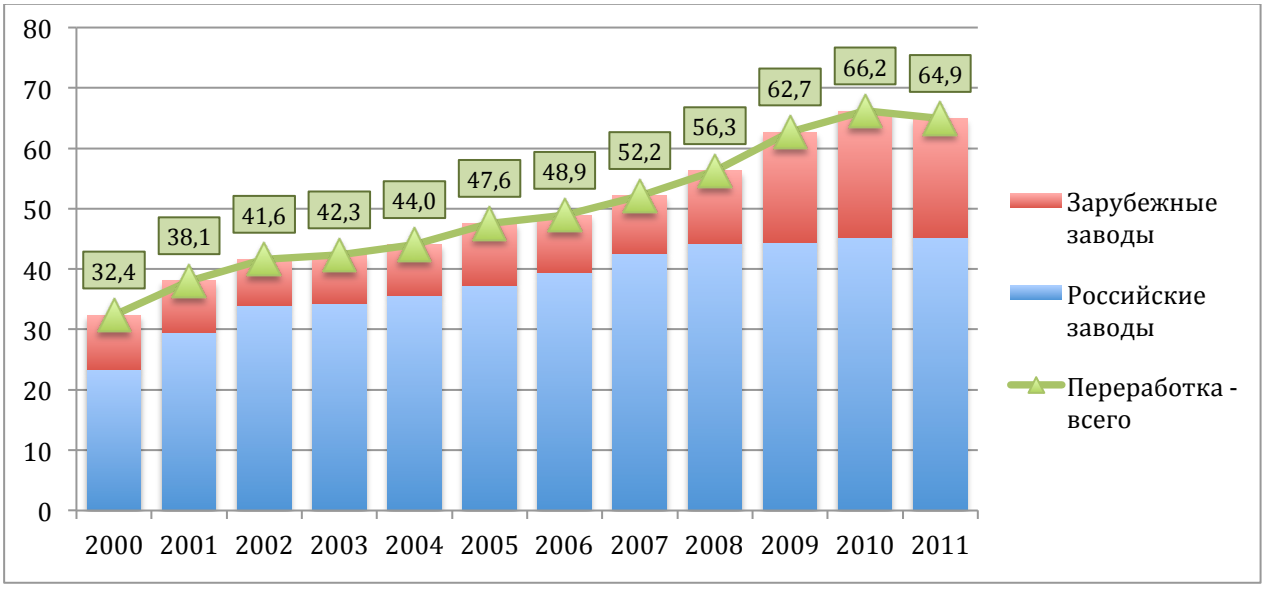
Изменение доли зарубежных сегментов в основных производственных показателях НК «ЛУКОЙЛ» в 2001—2011 гг., %

НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

Рисунок • ИНО-3

Объемы переработки нефти на российских и зарубежных заводах НК «ЛУКОЙЛ» в 2000—2011 гг., млн т

НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

Крупнейший российский нефтетрейдер с голландской пропиской — Gunvor International B.V. — в минувшем году приобрел два нефтеперерабатывающих завод в Европе (в Германии и в Бельгии) у обанкротившейся компании Petroplus. Мощность каждого из заводов составляет по 5 млн т/год. Зачем «Гунвору» нужны европейские НПЗ? Может быть для того, чтобы доводить до надлежащих качественных кондиций «нефтеполупродукты», вывозимые из России? Суммы сделок не разглашаются, но в общей сложности оцениваются в 600—700 млн долл.[205] Вроде бы, не так уж и много, да и покупки, судя по всему, выгодные. Но тем не менее, возникает вопрос: почему бы указанные средства было не инвестировать в модернизацию российской нефтепереработки, которая долгое время фактически топталась на месте в своем развитии? Это не только дало бы прирост величины капиталовложений в отрасль на 7—8%, но и способствовало бы увеличению локализованной в России добавленной стоимости от экспорта нефтепродуктов. Но «Гунвор» предпочел поделиться с «заграницей», обещая развивать производство и содействовать поддержанию занятости. А развивать есть что, ведь завод в Антверпене (Бельгия) является едва ли не худшим в Европе: его индекс сложности Нельсона (основан на уровне технологического развития НПЗ и показывает его прибыльность) крайне низок — 4,5. У НПЗ в Ингольштадте (Германия) этот показатель составляет 7,3, что также не слишком много по европейским меркам.[206]

Попытки приобретения зарубежных активов не всегда заканчиваются удачно для российских компаний, о чем говорит пример «Сургутнефтегаза». Если сравнивать с «ЛУКОЙЛом», то «Сургутнефтегаз» проводит вообще принципиально иную инвестиционную политику — не тратится на покупку активов, а попросту говоря, складывает излишки денежных средств в «кубышку». Так, по состоянию на 31 декабря 2011 г. общая сумма финансовых вложений (долгосрочных и краткосрочных) и денежных средств компании достигла 929 млрд руб. (29,5 млрд долл.), из которых около 90% приходилось на депозитные вклады. Названная сумма оказывается достаточной для того, чтобы профинансировать 5-летнюю программу производственных инвестиций на уровне 2011 г. (171,8 млрд руб.).[207]

В 2009 г. году «Сургутнефтегаз» решил отступить от своих принципов и в марте месяце приобрел 21,2% акций венгерской нефтегазовой компании MOL. Об этой сделке можно было бы и не упоминать, если бы не два обстоятельства. Во-первых, ее беспрецедентный характер — стоимость составляет 1,4 млрд евро, и она стала крупнейшей за всю историю компании. Во-вторых, непрозрачность мотивов сделки — за ней не просматривалось каких-либо более или менее очевидных выгод для «Сургутнефтегаза». Вхождение в MOL не позволяло сколько-нибудь значительным образом увеличить объемы переработки добываемой нефти, купленный пакет акций был недостаточен для участия в управлении с решающим правом голоса, акционеры MOL и венгерское правительство расценили сделку как недружественную. Да и стоимость приобретения в условиях кризиса, по мнению финансовых аналитиков, являлась завышенной в 2 раза, поскольку акции покупались по докризисному курсу.[208] Возможно, за всем этим делом скрывались политические мотивы: «Сургутнефтегаз» вынужден был раскошелиться под давлением государства, чтобы посодействовать «Газпрому» в его проникновении

---

[205] Gunvor расширяется в Европе // Газета.Ру. — 31 мая 2012
• URL: http://www.gazeta.ru/business/2012/05/31/4608029.shtml [2013-06-08].

[206] По информации компании Gunvor // Gunvor Group. Refineries
• URL: http://gunvorgroup.com/refineries/ [2013-06-08].

[207] По данным отчетности ОАО «Сургутнефтегаз» • URL: http://www.surgutneftegas.ru/ru/investors/.

[208] Кризис не помог экспансии в Европу // Независимая газета. — 9 апр. 2009
• URL: http://www.ng.ru/economics/2009-04-09/4_mol.html [2013-06-08].

на венгерский рынок. Известно, что примерно в то же время между MOL и «Газпром Экспортом» было подписано соглашение об учреждении СП для создания подземного газохранилища, а MOL наряду с нефтепереработкой владеет 5-ю тысячами км газопроводных сетей на территории Венгрии.[209]

Первая и пока что последняя зарубежная покупка «Сургутнефтегаза» принесла компании много проблем. MOL и правительство Венгрии отказывались одобрить сделку до раскрытия состава собственников «Сургутнефтегаза», чего компания никогда не делала и, похоже, вообще не собирается делать. Попытки решить проблему в судебном порядке и на высшем политическом уровне не принесли результата. В конце концов, в мае 2011 г. «Сургутнефтегаз» за 1,88 млрд евро продал пакет акций MOL правительству Венгрии — столь же неожиданно, как и приобрел его двумя годами ранее.[210] Остается только надеяться, что полученный «навар» в размере 480 млн евро компенсировал российской компании «моральный ущерб» и неполученные от MOL дивиденды.

Из сказанного выше можно сделать один вывод. Какую бы инвестиционную политику не проводили российские нефтегазовые компании, они руководствуются прежде всего собственными корпоративными интересами. Можно понять стремление «ЛУКОЙЛа» стать по-настоящему международной энергетической компанией. Можно понять и осторожную политику «Сургутнефтегаза» — ведь не зря же известная пословица гласит: «Тише едешь — дальше будешь». К тому же зарубежные инвестиции российских компаний, переводы активов за границу являются в известном смысле страховкой от превратностей судьбы, которые могут подстерегать частный бизнес в родном отечестве. Во всем этом непонятно другое, а именно: насколько финансово-инвестиционная политика наших нефтегазовых компаний (не только частных, но и подконтрольных государству) соответствует национальным экономическим интересам и, в первую очередь, интересам развития отрасли?

Государственные фавориты рвутся в мировые лидеры

НК «Роснефть» в последние годы тоже потянулась за границу. Компания участвует в зарубежных геологоразведочных проектах в Алжире, Венесуэле и ОАЭ. В октябре 2010 г. «Роснефть» заключила соглашение с Государственной нефтяной компанией Венесуэлы (PDVSA) о приобретении за 1,6 млрд долл. 50-процентного участия в компании Ruhr Oel GmbH, которая владеет долями в четырех НПЗ (общая мощность составляет 23,2 млн т в год, а чистая доля «Роснефти» — 11,6 млн т) на территории Германии. Партнером «Роснефти» в совместном предприятии является компания BP Europe SE, которая владеет второй половиной в Ruhr Oel. В том же 2010 г. в рамках СП «Восток Нефтехимия» (49% принадлежит «Роснефти», 51% — CNPC) было подписано соглашение о технико-экономическом обосновании строительства НПЗ в г. Тяньцзинь (Китай). Дальнейшая реализация проекта зависит от достижения окончательных договоренностей между сторонами. Планируется, что завод будет перерабатывать 13 млн т нефти в год, из которых около 9 млн т составит российское сырье. В соответствии с проектом, выход светлых нефтепродуктов на заводе составит более 80%. В качестве целевых рынков сбыта нефтепродуктов определены Северный Китай и регион Центральной равнины (включая Пекин), а также побережье Восточного Китая.

---

[209] MOL Plc and Gazprom Export LLC signed agreement for establishing a joint gas storage company // MOL News Release, 10/03/2009
• URL: http://www.mol.hu/en/about_mol/news_media_centre/news_releases/2009/ [2013-06-08].

[210] Избавившись от «Сургута», MOL готова к дивидендам // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 23 мар. 2011 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/03/23/tek/562949983335431 [2013-06-08].

Но покупка активов и планы строительства НПЗ в Китае для «Роснефти», похоже, сегодня — не главное. Опираясь на колоссальную ресурсную базу углеводородов на российских шельфах, к которой «Роснефть» наряду с «Газпромом» имеет привилегированный доступ, крупнейшая нефтяная компания России *«стремится укрепить свое положение среди ведущих мировых энергетических корпораций, сохранить лидерские позиции по операционным показателям и войти в группу лидеров по финансовым показателям и акционерной стоимости»*.[211] Причем эти планы «Роснефть» вынашивает уже достаточно давно — с самого начала 2000-х годов.[212] Присоединение «осиротевших» активов ЮКОСа, получение разного рода преференциальных возможностей в статусе «госкомпании» и вхождение в международный проект «Сахалин-1» на российском дальневосточном шельфе стали первыми шагами на пути к большой цели. Перечисленные выше приобретения активов и зарубежные проекты «Роснефти» хотя и укладываются в русло общей корпоративной стратегии, но по-видимому, не имеют решающего значения для ее практической реализации. Гораздо более значимы события, произошедшие в начале прошлого года. «Роснефть» при содействии государства создала сразу три альянса с ведущими мировыми компаниями — ExxonMobil, ENI и Statoil — для реализации амбициозных проектов (счет планируемых инвестиций идет на десятки миллиардов долларов) по освоению российского шельфа. Помимо всего прочего, соглашения предусматривают обмен добычными активами, и наша госкомпания получила доли в нескольких крупных проектах своих партнеров в разных уголках земного шара — в Техасе и в Мексиканском заливе, на Аляске и шельфе Северного моря, в канадской провинции Альберта и в Северной Африке. «Братание» с сильными мира сего, получение долей в активах и ожидаемый доступ к новым сложным технологиям нефтедобычи уже послужили поводом для некоторых аналитических изданий назвать «Роснефть» транснациональной компанией. [213] Но, как говорится, «цыплят по осени считают», поэтому судить об успешности нынешних международных альянсов «Роснефти» с точки зрения реализации корпоративной глобализационной стратегии и, что еще более важно, решения сложнейших задач по общественно-эффективному освоению нефтегазовых ресурсов на шельфе России можно будет только тогда, когда появятся реальные результаты.

Другой нефтегазовый фаворит государства — «Газпром» — тоже позиционирует себя в качестве международной энергетической компании, что уже сегодня отнюдь не лишено оснований. Поэтому *«стратегической целью является становление ОАО "Газпром" как* ***лидера*** *(подчеркнуто — авт.) среди глобальных энергетических компаний посредством освоения новых рынков, диверсификации видов деятельности, обеспечения надежности поставок»*.[214]

Что касается природного газа, то «Газпром» является крупнейшей компанией мира по всем параметрам: запасам, объемам добычи и продаж, экспорту, масштабам развития транспортной инфраструктуры и проч. «Газпром» — главный поставщик газа в Европу, на рынке которой занимает 27%, а это ни много ни мало — 150 млрд $м^3$. На европейском газовом рынке партнерами «Газпрома» выступают ведущие международные и национальные

---

[211] Перспективы развития и стратегия // ОАО «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/about/strategy/ [2013-06-08].

[212] «Роснефть» намерена стать транснациональной компанией // Информационно-аналитический центр «Минерал. — Новости. — 18.09.2002 • URL: http://www.mineral.ru/News/4483.html [2013-06-08].

[213] Нобатова М. «Роснефть» стала транснациональной // Нефтегазовая вертикаль. — 2012. — № 9 • URL: http://www.ngv.ru/published_issues/?a=1403 [2013-06-08].

[214] О «Газпроме» — Стратегия // ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/about/strategy/ [2013-06-08].

рыночные «игроки» — E.ON Ruhrgas, Wingas, WIEH (Германия), ENI (Италия), Botas (Турция), GDF SUEZ (Франция), PGNiG (Польша), EconGas (Австрия), GasTerra (Нидерланды) и др. В России сегодня «Газпром» — это не только газ. Дочерние компании головного Общества занимаются добычей и переработкой нефти, маркетингом нефтепродуктов, нефтегазохимией. После присоединения ряда энергетических компаний «Газпром» стал национальным лидером по установленной мощности электростанций (37 ГВт на 8-ми десятках станций) и производству электроэнергии в России (17% от общего объема выработки).

Основной структурой, которая представляет интересы группы «Газпром» в нефтяном бизнесе в России и за рубежом, является компания «Газпром нефть». Нефтяная «дочка» не сильно отстает от большого «Газпрома» по амбициозности своих стратегических планов, намереваясь *«стать крупным международным игроком российского происхождения, обладающим регионально диверсифицированным портфелем активов по всей цепочке создания стоимости, активно участвуя в развитии регионов, обладая высокой социальной и экологической ответственностью».* Так заявлено в очередном годовом отчете компании под титулом *«Глобальный взгляд»*.[215]

Видимо, руководствуясь данной высокой целью, «Газпром нефть» в 2007 г. за 3,6 млрд долл. приобрела 50-процентный пакет акций ОАО «Томскнефть», поделив этот бывший актив ЮКОСа на паритетных началах с «Роснефтью». В 2009—2011 гг. 3,2 млрд долл. было инвестировано на покупку 100% обыкновенных акций Sibir Energy — одной из крупнейших независимых нефтяных компаний, действовавших в России, и сумевшей даже стать вертикально интегрированной. В результате приобретения Sibir Energy «Газпром нефть» увеличила долю участия в Московском НПЗ с 38,86% до 77,72%. Таким образом, в отечественной нефтяной отрасли еще одним независимым (хотя бы, и относительно независимым) НПЗ стало меньше.

В 2009—2012 гг. «Газпром нефть» за 440 млн евро приобрела 56,15% (сначала 51%, а затем еще 5,15%) акций сербской интегрированной нефтяной компании NIS. Соглашением о покупке контрольного пакета акций предусмотрена также программа реконструкции и модернизации перерабатывающих мощностей NIS (мероприятия по повышению качества производимых нефтепродуктов до стандартов Евро-5) в размере, как минимум, 547 млн евро. Указанная сделка была осуществлена в рамках выполнения планов по приватизации сербской экономики — в 2010 г. NIS была преобразована в открытое АО и выведена на биржу (в настоящее время NIS — единственная в мире компания, у которой число акционеров составляет 4,7 млн человек, фактически все граждане Сербии), а заодно — по версии национальной Торгово-промышленной палаты — признала лучшим предприятием страны по показателю корпоративного управления. В 2011 г. на Балканах было учреждено четыре дочерних общества NIS a.d. Novi Sad (в Румынии, Болгарии, Боснии и Герцеговине) для расширения рынка сбыта нефти и продуктов ее переработки на территории Юго-Восточной Европы. В Венгрии создано дочернее общество, которое будет заниматься добычей нефти.

Не столь крупная, но не менее интересная сделка стоимостью (по оценке аналитиков) от 50 до 100 млн долл. — приобретение у Chevron Global Energy завода по производству масел и смазок Chevron Italia S.p.A. в городе Бари (Италия). Мощность предприятия составляет до 30 тыс. т масел и 6 тыс. т смазочных материалов в год. Ассортимент продукции включает в себя 150 наименований масел для легкового и коммерческого транспорта, а также масел промышленного назначения. По условиям договора, к дочернему обществу «Газпром нефти», ответственному за управление заводом, отошла лицензия

[215] «Глобальный взгляд». Годовой отчет 2011. — ОАО «Газпром нефть» / Годовые отчеты • URL: http://ir.gazprom-neft.ru/reports/annual-reports/ [2013-06-08].

на использование технологий производства масел и смазок, а также патентные права на торговую марку Texaco для реализации продукции на итальянском рынке. Как сказал руководитель «Газпром нефти»: *«Приобретение завода в Бари соответствует стратегии развития нашего бизнеса в сфере производства масел и смазочных материалов. Мы получаем хорошую производственную площадку в Европе, современные технологии и новые рынки сбыта»* [216]. Помимо всего прочего, реализуется маркетинговая и производственная синергия нового итальянского актива с сербской компанией NIS.

Общая величина-нетто (за вычетом продаж и погашений) долгосрочных финансовых вложений «Газпром нефти» за 2009—2011 гг. составила 5,3 млрд долл., т.е. более 46% чистой прибыли компании (11,4 млрд долл.), полученной в этот период времени. По отношению к сумме чистых денежных средств от инвестиционной деятельности (15,1 млрд долл.) это составляет 35%, а по отношению к величине производственных капитальных вложений (около 10 млрд долл.) — 53%.[217]

География проектов группы компаний «Газпром» по освоению углеводородных ресурсов охватывает многие страны Азии, Африки и Латинской Америки — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Индию, Вьетнам, Ирак, Алжир, Ливию, Экваториальную Гвинею, Боливию, Кубу, Венесуэлу и др. Эти проекты реализуются, как правило, на совместной основе с зарубежными компаниями, в формате долевого участия, и включают прежде всего обязательства по выполнению геологоразведочных работ. Следует особо отметить приобретение в 2009 г. «Газпром нефтью» 20-процентной доли в уставном капитале ООО «Национальный нефтяной консорциум», созданного с равными долями участия пятью ведущими российскими нефтяными компаниями («Газпром нефтью», «Роснефтью», «ЛУКОЙЛом», ТНК-ВР и «Сургутнефтегазом» [218]) для реализации нефтедобывающих проектов на территории Латинской Америки. Деятельность консорциума опирается на межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Венесуэлой о сотрудничестве в области реализации совместных стратегических проектов, подписанное в сентябре 2009 г.

Зарубежная экспансия российских нефтегазовых компаний в значительной степени опирается на политическую поддержку государства — не только в Венесуэле, но и в других странах, включая Вьетнам, Экваториальную Гвинею, Сербию и проч. В принципе, господдержка такого рода представляет собой хорошую практику. При этом важно, чтобы глобализация отечественных компаний приносила не только корпоративные дивиденды и способствовала укреплению политического реноме страны и ее властной элиты, но и давала бы реальную отдачу для российской экономики.

---

[216] «Газпром нефть» купила в Италии завод по производству масел и смазок // ОАО «Газпром нефть» — Новости. — 22 апр. 2009 • URL: http://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/1216/ [2013-06-08].

[217] По данным финансовой отчетности ОАО «Газпром нефть» за 2011 г. • URL: http://ir.gazprom-neft.ru/reports/financial-reports/2011/ [2013-06-08].

[218] Осенью 2012 г. сразу две компании — сначала «Сургутнефтегаз», а следом за ним ТНК-ВР — изъявили желание выйти из консорциума даже не дождавшись начала добычи. Причем уход «Сургута» из Венесуэлы объясняют тем, что в свое время компания приняла участие в проекте не по собственной воле, а под давлением «сверху».
См.: «Сургутнефтегаз» покидает Венесуэлу, не дождавшись первой нефти // РБК — Экономика. — 26 сент. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/26/09/2012/671387.shtml [2013-06-08].
Игорь Сечин теряет партнеров // Коммерсантъ. — 3 окт. 2012 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/2036013 [2013-06-08].

Какая глобализация нам нужна?

Процесс интернационализации российских нефтегазовых компаний — частных и государственных — имеет в значительной степени противоречивую природу. С одной стороны, проникновение российского капитала в экономику других стран является объективной тенденцией и, в принципе, должно приносить нам определенные выгоды. В равной степени объективным является стремление нефтегазовых компаний к расширению и диверсификации за счет приобретения активов внутри страны (т.е. путем слияний и поглощений). Со всем этим трудно поспорить. Но с другой стороны, происходит отток финансовых ресурсов, который усугубляет и без того непростую инвестиционную ситуацию в отечественном нефтегазовом секторе. Негативные последствия вполне очевидны – замедление темпов роста добычи нефти и газа, неспешная модернизация нефтеперерабатывающей отрасли, недостаточное развитие газификации и проч. Как соотносятся названные выше выгоды и издержки для экономии России? Что перевешивает? Объективных оценок на данный предмет не существует.

Возможно, по этой причине государство занимает весьма неопределенную позицию в отношении инвестиционной политики нефтегазовых компаний. С одной стороны, поощряет (или, по крайней мере, не сдерживает) экспансию и процесс дальнейшего укрупнения ведущих компаний, а с другой стороны, ставит перед нефтегазовым бизнесом внутренние задачи, требующие постоянного, и довольно быстрого, наращивания производственных инвестиций. Т.е. государство подает бизнесу в значительной степени взаимоисключающие сигналы, не создавая при этом действенных стимулов для повышения инвестиционной активности в НГС. А такие стимулы необходимы, если учесть фактор рентабельности инвестиций и связанных с ними рисков. Если бы капитальные вложения в добычу и переработку углеводородов всегда приносили компаниям гарантированную прибыль, превышающую доходы по альтернативным инвестициям, вряд ли бы с такой остротой стоял вопрос о недофинансировании вложений в профильные сферы деятельности внутри страны.

Весьма характерным в этом отношении выглядит пример «паритетной дойки», которую устроили «Роснефть» и «Газпром нефть», на равных владеющие компанией «Томскнефть» — основного производителя углеводородного сырья в Томской области. За период 2004—2011 гг. удельный вес «Томскнефти» в разведанных запасах нефти на территории области снизился с 70 до 60%, а в добыче углеводородов — с 70 до 50%. Величина инвестиций в расчете на 1 т добытой нефти у этой «дочки» двух госкомпаний втрое ниже, чем у независимых производителей, работающих в Томской области, и в 1,6 раза ниже, чем в среднем по нефтяной отрасли Российской Федерации — хотя еще 5—6 лет назад имела место обратная пропорция. Расходы на геологоразведку в расчете на добычу 1 т углеводородов у «Томскнефти» в 2011 г. составили всего 30,8 руб., что в 5 раз ниже, чем в среднем по российскому НГС (153 руб./т н.э.).[219] При этом считается, что продукция «Томскнефти» реализуется только на внутреннем рынке, и таким образом средняя цена реализации нефти оказывается в полтора с лишним раза ниже, чем например у «Роснефти». Вполне очевидно, что такая «экономная любовь» материнских компаний к своему «чаду», т.е. откровенное недоинвестирование, лишает «Томскнефть» серьезных перспектив развития в будущем.

В процессе интернационализации российских нефтегазовых компаний есть немало настораживающих моментов. Пример ведущих энергетических корпораций мира, изначально

[219] По данным ежегодной отчетности ОАО «Томскнефть» • URL: http://www.tomskneft.ru/shareholder/; Департамента по недропользованию и развитию нефтегазового комплекса Администрации Томской области • URL: http://nedra.tomsk.gov.ru/pages.php?ind=nedro&rz=msn&lv=1&menu=msn [2013-06-08], Томскстата • URL: http://tmsk.gks.ru/ [2013-06-08].

позиционировавшихся как нефтяные компании, показывает, что их лицо в настоящее время определяют следующие черты:

1) технологическое лидерство в наиболее сложных с технико-технологической точки зрения сегментах деятельности (морская добыча углеводородов, глубокая переработка нефти);
2) наличие мощного нефтехимического крыла в структуре перерабатывающего производства (объемы выпуска продукции сопоставимы с показателями крупнейших химических компаний мира);
3) масштабное проникновение в сектор электроэнергетики на базе газового топлива;
4) формирование и весьма интенсивное развитие научно-технологического и производственного кластеров в сфере альтернативной энергетики;
5) высокая эффективность корпоративного управления, экологическая и социальная ответственность.

Любая нефтегазовая компания, претендующая на то, чтобы присоединиться к элите глобальных энергетических лидеров, просто вынуждена следовать заданному «образцу для подражания».

В качестве примера успешной трансформации из «рядовой» нефтяной компании[220] в глобальную энергетическую корпорацию можно привести историю норвежской Statoil, которая сопоставима с «Роснефтью» по объемам добычи углеводородов (табл. ИНО-1).

Таблица • ИНО-1

Сравнение основных производственных и финансовых показателей компаний «Роснефть» и Statoil

	Роснефть		Statoil	
	2009	**2011**	**2009**	**2011**
Суммарная добыча нефти и газа, млн барр. н.э./сут.	2,39	2,59	1,95	1,85
Выручка, млрд долл.	47	92	80	120
Чистая прибыль, млрд долл.	6,5	12,1	3,1	14,0
Доходность активов, %	8,1	11,8	10,6	22,1
Капитализация, млрд долл.	89,2	74,7	79,6	81,9
Численность работающих, тыс. чел.	167,0	168,4	28,7	31,7

Отчетность компаний «Роснефть» • URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/; Statoil • URL: http://www.statoil.com/en/investorcentre/pages/default.aspx [2013-06-08];

Показатели капитализации — по данным Petroleum Finance Company, Ltd. — PFC Energy • URL: https://www.pfcenergy.com/PFC-Energy-50/Archive [2013-06-08].

Также как и «Роснефть», Statoil является одним из крупнейших в мире поставщиков сырой нефти, а помимо этого — вторым по значению (после «Газпрома») поставщиком газа на европейский рынок; владельцем крупнейшей в Скандинавии розничной сети по продаже

[220] В начале своей истории (в 1970—1980 гг.) Statoil в большей степени выполняла функции национальной нефтяной компании, т.е. фактически являлась одним из инструментов государственного регулирования нефтяной промышленности в Норвегии.

нефтепродуктов и одним из лидеров продаж в странах Балтии. Однако не эти параметры — и даже не величина выручки и капитализации — позволяют норвежскому нефтяному гиганту позиционироваться в качестве глобальной энергетической компании. Statoil сегодня — это крупнейший в мире оператор морских месторождений на глубинах более 100 м, мировой лидер в применении глубоководных технологий, один из мировых лидеров в сфере улавливания и хранения углекислого газа. Т.е. именно технологическое лидерство в сложных сферах деятельности позволяют Statoil считаться одной из глобальных энергетических компаний, несмотря на то, что по своим масштабам она заметно уступает таким «грандам», как ExxonMobil или British Petroleum. Кстати, формирование в 1990 г. альянса с BP для осуществления международной деятельности можно считать первым крупным шагом Statoil на пути становления как глобальной компании (и как первое серьезное признание обоснованности этих намерений).

Технологическое лидерство в сочетании с эффективностью менеджмента является одним из важнейших факторов, определяющих конкурентоспособность компании. Поэтому современная глобальная компания — это не просто корпорация, оперирующая и владеющая активами в различных (многих) регионах и странах мира. Данная формулировка не раскрывает тех оснований, которые позволяют той или иной компании оперировать в различных регионах и странах мира и в различных сегментах энергетики. Таким основанием, по мнению автора, является именно конкурентоспособность. Поэтому глобальные компании — это компании, конкурентоспособные в глобальном масштабе. Для глобальной компании присутствие в той или иной точке мира, в том или ином сегменте деятельности определяется не фактором возможности (доступности сегмента, в том числе на основе политической поддержки «своего» государства), а фактором целесообразности — тем, насколько это выгодно самой компании.

Говоря о конкурентоспособности в контексте глобализации важно отметить, что для глобальных компаний не существует разделения понятий конкурентоспособности на внутреннем рынке и на рынках других стран. Можно даже утверждать, что для глобальных компаний все рынки в известном смысле являются внутренними. В этом отношении выявляется специфическая проблема российских компаний, претендующих на статус глобальных, которая связана с отсутствием полноценной конкуренции на внутреннем рынке. Сказанное относится не только к отечественному энергетическому рынку, а к российской экономике в целом, которая занимает 66-е место в мире по уровню конкурентоспособности (по оценке экспертов Всемирного экономического форума).[221] Низкая конкурентоспособность российской экономики обусловлена множеством факторов и, в том числе, неэффективностью внутреннего рынка и слабым развитием конкуренции внутри страны.

По этой причине довольно сложно говорить, например, о применимости опыта развития ведущих зарубежных компаний в российских условиях и для российских компаний. Становление нынешних глобальных лидеров как таковых (включая приведенную выше в качестве примера норвежскую компанию Statoil) происходило и происходит сейчас в совершенно иных экономических условиях и в иных институциональных рамках. Сказанное относится не только к частным компаниям, но и близким аналогам «Роснефти» — бразильской Petrobras или китайским SNPC и PetroChina (да и Statoil тоже принадлежит к числу акционерных компаний со смешанным капиталом, подконтрольных государству).

В равной степени сложно представить мотивации для «Роснефти» (как и для любой другой российской компании) к технологическому лидерству и повышению эффективности производственной и коммерческой деятельности, если к этому ее не будет подталкивать

[221] The Global Competitiveness Report 2011—2012. — Geneva, Switzerland: World Economic Forum, 2011 • URL: http://www.weforum.org/reports [2013-06-08].

ежедневная и ежечасная конкуренция. Крайне трудными в плане реализации выглядят и задачи по диверсификации производства (развитию химического и энергетического сегментов), если для этого нет реально действующих экономических стимулов, а также полноценной инфраструктурной основы, создать которую силами одной компании практически невозможно. «Роснефть» вряд ли сумеет составить серьезную конкуренцию на финансовых рынках той же бразильской Petrobras, если государство не будет адекватным образом участвовать в инвестировании осуществляемых и планируемых компанией проектов — при том, что эти проекты зачастую имеют не только корпоративное, но и общегосударственное значение (например, проекты развития «большой» химии и гелиевого производства).[222]

«Газпром» в своей зарубежной деятельности зачастую сталкивается не только с проблемами конкурентного свойства, но и с ожесточенным политическим сопротивлением европейских стран-потребителей российского газа. Уж слишком крепко приклеился к нашей компании ярлык «государственного монополиста», что отпугивает и правительства и коммерческие структуры многих газопотребляющих стран, предпочитающих получать российский газ «оптом» на границе не допуская монопольного поставщика до газораспределительных систем. Поэтому современные успехи «Газпрома» на конечных газовых рынках достигнуты главным образом благодаря государственной политической поддержке, а не вследствие собственной конкурентоспособности и привлекательности для потребителей. Определенную роль сыграла и внутренняя конкуренция между европейскими газовыми компаниями, например в Германии, где «Газпрому» в сфере дистрибуции природного газа удалось создать совместное предприятие WINGAS с компанией Wintershall.

Самостоятельная продажа газа непосредственно конечным потребителям у «Газпрома» не слишком велика. В 2011 г. дочерними газпромовскими компаниями было реализовано 3,7 млрд $м^3$ газа коммерческим и промышленным потребителям Великобритании, Франции и Чехии. Крайне низка доля «Газпрома» (а значит и России в целом) на высоко мобильном и конкурентном рынке СПГ — в 2011 г. объем реализации составил 2,3 млн т (увеличение на 24 % по сравнению с 2010 г.), но это — всего лишь 1% на мировом рынке СПГ по итогам 2011 г. При этом общее производство и отгрузка СПГ в рамках проекта «Сахалин-2» составили 10,6 млн т, из которых 0,96 млн т продано «Газпрому» по долгосрочному контракту.[223]

Как следствие, «Газпром» сегодня хоть и является глобальной компанией, но напоминает, образно говоря, птицу с подрезанными крыльями. Без масштабного выхода на рынки конечного потребления газа и других видов энергии, без овладения технологиями производства и маркетинга СПГ «Газпром», как Россия в целом, оказывается в роли сырьевого придатка стран-импортеров энергоресурсов на Западе и на Востоке. Расширение деятельности без серьезного изменения ее качественных характеристик приведет лишь

---

[222] В сентябре 2010 г. Petrobras осуществила рекордное для мирового финансового рынка размещение акций на сумму в 70 млрд долл. При этом бóльшую часть акций (на 42,5 млрд долл.) приобрело государство в обмен на шельфовые месторождения с запасами около 5 млрд барр. нефти. Petrobras проводила дополнительную эмиссию для того, чтобы привлечь средства для амбициозной пятилетней инвестиционной программы стоимостью 224 млрд долл. (за счет разработки глубоководных месторождений компания стремится превратить Бразилию в одного из ведущих мировых экспортеров нефти). — Petrobras Raises $70 Billion In World's Largest Share Sale // Blomberg, News. — Sep. 25, 2010 • URL: http://www.bloomberg.com/news/2010-09-24/petrobras-raises-70-billion-in-world-s-largest-share-sale-to-fund-fields.html [2013-06-08].

[223] По данным оператора совместного проекта «Сахалин-2» компании «Сахалин Энерджи» • URL: http://www.sakhalinenergy.ru/ru/default.asp?p=channel&c=1&n=357 [2013-06-08]; отчетности ОАО «Газпром» • URL: http://gazprom.ru/investors/reports/2011/ [2013-06-08].

к тому, что «Газпром» на мировом энергетическом рынке станет еще более крупной «птицей» с еще меньшими шансами «взлететь высоко в небо».

Отсутствие должной «конкурентной выучки» не позволяет чувствовать себя достаточно уверенно на зарубежных рынках и частным российским компаниям, ведущим экспансию «на свой страх и риск». Тот же «ЛУКОЙЛ» в основном оперирует в сфере оптовых продаж нефтепродуктов — соотношение между оптовыми и розничными продажами в 2010—2011 г. составило 11:1 и за последние 6 лет заметно ухудшилось (в 2005 г. соотношение было 7:1). В рассматриваемый период времени объем оптовых продаж вырос в полтора раза, а розничных сократился на 3%.[224] «ЛУКОЙЛ» является крупным «игроком» на национальных рынках (Финляндии, Болгарии, Румынии, Кипра, Турции, балканских стран), которые по европейским меркам не относятся к числу первостепенных. А вот в США, похоже, «ЛУКОЙЛу» живется не особенно уютно — в последние годы компания постепенно сворачивает свою активность на американском рынке, распродав почти ¾ принадлежавших ей автозаправочных станций (с 2035 в 2004 г. до 587 в 2011 г.) и отказавшись от планов по приобретению НПЗ.[225] Почему так происходит? На первый взгляд ответ выглядит просто: компании невыгодно работать на американском рынке. Но по большому счету это означает, что «ЛУКОЙЛ» уступает в конкурентной борьбе другим поставщикам из-за относительно более высокого уровня издержек либо имеет чересчур большой «аппетит» в отношении рентабельности продаж на высококонкурентном рынке. Ведь США — это, к примеру, не Болгария, где российская компания единолично владеет единственным НПЗ и контролирует четверть розничного рынка нефтепродуктов. Но и в Болгарии «ЛУКОЙЛ» чуть было не поплатился за свои монопольные «замашки» и не потерял лицензию на торговлю нефтепродуктами из-за того, что не успел своевременно подготовиться к изменению национальных технических регламентов, — видимо, уповая на свою значимость для болгарского рынка и в надежде получить отсрочку. Расчет «ЛУКОЙЛа» не оправдался: лицензия все-таки была отозвана — даже невзирая на возможные последствия для внутреннего рынка страны — и восстанавливать ее пришлось в судебном порядке.[226]

Впрочем, и в США «ЛУКОЙЛ» оконфузился, показав один из стереотипов монопольного поведения, которым грешат все российские нефтяные компании у себя на родине. Недавно владельцы нескольких десятков АЗС, работающих под брендом Lukoil в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания провели однодневную акцию протеста (демонстративно подняв цены на топливо в 2 раза), чтобы привлечь внимание общественности к несправедливой, по мнению хозяев заправок, ценовой политике компании Lukoil North America — американской «дочки» российского ОАО «ЛУКОЙЛ». По утверждению участников протеста, Lukoil N.A. поставляет топливо по неоправданно высоким ценам, ставя их на грань разорения. Дилеры Lukoil'а вынуждены покупать бензин оптом практически по той же цене, по которой заправки, работающие на другие компании, торгуют в розницу. Участники акции уверяли, что многие АЗС, ранее продававшие топливо

---

[224] НК «ЛУКОЙЛ» — Справочники аналитика • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2133_.html [2013-06-07].

[225] ЛУКОЙЛ продал заправки в США // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 04 мар. 2011 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2011/03/04/tek/562949979800912 [2013-06-08];
НК «ЛУКОЙЛ» — Отчеты о деятельности • URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_218_.html [2013-06-02].

[226] Болгары отозвали лицензию у НПЗ «Лукойла» // Известия. — 27 июля 2011 • URL: http://izvestia.ru/news/495833 [2013-06-08].
Болгарскому заводу «Лукойла» разрешили работать // Известия. — 2 авг. 2011 • URL: http://izvestia.ru/news/496335 [2013-06-08].

под франшизой Lukoil, уже закрылись, а оставшиеся едва сводят концы с концами.[227] Трудно сказать, какими целями руководствуется «ЛУКОЙЛ», проводя такую ценовую политику в США, но стиль действий один к одному повторяет тактику российских монопольных копаний в их «боевых операциях» по вытеснению независимых трейдеров на отечественном рынке.

При участии в зарубежных добычных проектах российским ведущим компаниям в плане технических решений и новшеств зачастую нечего предложить странам-собственникам ресурсов. По данной причине мы вынуждены в основном ориентироваться на второстепенные или «маргинальные» ресурсные рынки Венесуэлы, Вьетнама, Ливии, Экваториальной Гвинеи и т.п. Но кроме того, даже получив права на реализацию какого-либо проекта российские компании во многих случаях де-факто становятся «титулодержателями», а реальные работы выполняются иностранными сервисными фирмами. Например, «ЛУКОЙЛ» выиграл в 2009 г. тендер по проекту «Западная Курна — 2» в Ираке, но передал работы по восстановлению и бурению скважин в субподряд известной американской компании Baker Hughes.[228]

Поэтому в контексте интернационализации российских компаний в настоящее время уместно говорить, пожалуй, только о соответствии наиболее общим формальным признакам, сформулированным выше. Для реального же становления любой компании в качестве одного из глобальных энергетических лидеров требуются серьезные изменения экономических и институциональных рамок деятельности в отечественной экономике, что является прямой прерогативой государства.

[227] На американских заправках Lukoil подняли цены в знак протеста // РБК — Экономика. — 13 сент. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/13/09/2012/669369.shtml [2013-06-08].

[228] ЛУКОЙЛ начинает эксплуатационное бурение на месторождении западная Курна-2 в Ираке // ЛУКОЙЛ — Пресс-релиз, 15.08.2011 • URL: http://www.lukoil.ru/press_6_5div__id_21_1id_22995_.html [2013-06-08].

Нефтегазовый цугцванг

Процессы «физического» развития НГС, которые выражаются в динамике объемов добычи и переработки сырья, продаж продукции на внутреннем и внешних рынках, производственных и финансовых инвестиций, ввода мощностей и технических параметров производства, происходят в условиях постоянного изменения институциональной среды. При этом далеко не всегда можно априори утверждать, «что было раньше — яйцо или курица», — т.е. что является первичным: институциональные подвижки, ускоряющие или сдерживающие динамику развития НГС, или количественные изменения в самом секторе, перерастающие в качество, вызывающие трансформацию институтов. Но все же принято считать, что именно институциональная среда изначально представляет собой «акселератор» или, наоборот, «тормоз» для развития экономики и ее отдельных секторов.

Государство и бизнес за «шахматной доской» реформ

Важно понимать, что институциональная среда хозяйственной деятельности нигде и никогда не была, не бывает и не будет идеально совершенной и сбалансированной. Ей всегда присущи какие-то более или менее существенные недостатки. Поэтому развитие экономики никогда не бывает гладким даже при отсутствии кризисов, т.е. видимых причин для спадов и возникновения каких-то проблемных ситуаций. Как технически исправный самолет во время полета может угодить в «воздушную яму» из-за коварных нисходящих потоков воздуха, так и экономику то и дело может потряхивать по причине «ям» и «пустот» в институциональной среде, плохой функциональности каких-либо ее составляющих. Несовершенство институтов постоянно входит в противоречие со стремлением человеческого сообщества к стабильному и устойчивому росту экономики. В указанном несовершенстве видится фундаментальная причина того, что в условиях нашей цивилизации количественное и качественное развитие производства материальных и нематериальных благ всегда происходит на фоне развития и улучшения (в общей тенденции) институциональной среды. Изменчивость последней весьма многообразна. В процессе своего развития институты могут нарождаться и отмирать, могут трансформироваться, может изменяться характер и сила взаимодействий между различными институтами. Процесс образования и трансформации институтов экономического развития может происходить медленнее или быстрее, эволюционным или революционным путем, стихийно или осознанно, на основе широкого общественного участия или кулуарных соглашений между властью и главными хозяйственными субъектами.

От широкого конфликта интересов — к поединку двух игроков

Особенное свойство современной институциональной среды в российском НГС заключается в том, что последняя в значительной степени является продуктом экономических преобразований, инициированных государством и проводимых в нашей стране на протяжении последних 20-ти лет. Но всякое «умышленное» преобразование

в экономике имеет конфликтную природу, поскольку при проведении реформ неизбежным образом сталкиваются различные интересы, которые вытекают из неоднородности любой социально-экономической системы, сегментированной на классы, уклады, слои, прослойки и т.д. Реформистский конфликт — это столкновение интересов. Его масштабы прямо пропорциональны тому, насколько широк спектр интересов, присутствующих в экономике и в обществе, и насколько велико число носителей разнообразных интересов, принимающих участие в обосновании, подготовке и реализации планов реформирования. Глубина конфликта определяется степенью противоречивости и непримиримости интересов, или тем, в какой мере возможно достижение компромиссов между интересами и принятие решений, устраивающих большее или меньшее число оппонирующих друг другу участников.

Способы и формы разрешения конфликта могут быть разными — от строго легитимных в правовом отношении до абсолютно партикулярных и неофициально-кулуарных. В первом случае узакониваются и нормируются чуть ли не все и всяческие изменения, происходящие в институциональной среде, утверждаются и строгим образом декларируются правила игры, которые подлежат исполнению со стороны властей и субъектов хозяйственной деятельности. Во втором случае каких-либо видимых изменений в системе формальных институтов, законов, управляющих органов и проч. может вообще не происходить, а соблюдение правил игры отдается «под честное слово» заинтересованных сторон. Конечно, это крайние случаи, а в действительности обычно имеет место какой-то паллиатив или сочетание формализованных и неформализованных способов разрешения конфликта интересов. Процесс преобразований приводит к созданию более или менее обновленной институциональной среды, включающей формальные и неформальные элементы, сочетание которых в каждом конкретном случае зависит от множества факторов: уровня и характера развития экономики в целом, «возраста» и состояния нефтегазового сектора (если говорить об институциональной среде этого сектора экономики), социально-политической ситуации, национальных целей и приоритетов, общественного менталитета и проч. В конечном счете все это выливается в различия регуляторных моделей, действующих в экономике тех или иных стран, в характере и в масштабах государственного вмешательства в процессы хозяйственной деятельности.

Глубина и последовательность проводимых в экономике преобразований зависят от многих условий и факторов: от степени критичности исходной ситуации и, соответственно, того, насколько существенными должны быть желаемые изменения; от радикальности устремлений и настроений участников реформистского процесса; от соотношения сил сторон, придерживающихся различных взглядов и концепций реформирования; от склонности заинтересованных сторон идти на компромисс, их готовности к поиску взаимоприемлемых решений. Степень сбалансированности результатов реформирования и возможность построения более или менее цельной и непротиворечивой институционально-экономической конструкции определяются тем, насколько близки или далеки друг от друга интересы участников, насколько сходны или разноречивы мотивации действий.

Если решение оказывается плохо сбалансированным и всерьез не устраивающим кого-либо из участников (равно как и внешне пассивных экономических агентов, не заявляющих или не имеющих возможности заявить о своих интересах), то конфликт не исчезает, а всего лишь видоизменяется — принимает скрытые формы. Неотъемлемой чертой латентного конфликта интересов является оппортунизм побежденных и нейтральных участников (если интересы последних не совпадают с интересами победившей стороны), неприятие навязанных правил игры и стремление при малейшей возможности уклониться от их соблюдения. Простор для оппортунистического поведения со стороны побежденных тем шире, чем менее значителен перевес победителей и чем слабее институты контроля и механизмы принуждения к выполнению установленных норм и правил. Самыми

характерными примерами оппортунизма побежденных являются, по-видимому, развитие теневой экономики и уклонение от налогов во всяческом его видопроявлении.

Следует особо подчеркнуть, что несбалансированность способа разрешения конфликта отнюдь не тождественна «неправильности», понимаемой с точки зрения объективных экономических интересов нации или страны. Несбалансированность означает лишь несоответствие интересам кого-либо из участников конфликта. Например, введение эффективных мер антимонопольного регулирования априори выгодно для экономики в целом, но противоречит интересам крупнейших корпораций, возглавляющих команду «бизнеса» в борьбе за институты. И наоборот, сбалансированное решение, выгодное всем участника конфликта, может быть «неправильным» с точки зрения национальных экономических интересов. Самый простой тому пример — введение в России «плоской» шкалы подоходного налога. Это устраивает подавляющее большинство плательщиков налога, хотя является неправильным ни с позиций теории, ни с точки зрения экономических интересов страны.

Но даже при условии сбалансированного и во всех отношениях «правильного» разрешения конфликта интересов, тем не менее, остается бóльшая или меньшая свобода для оппортунистического поведения участников — как активных, так и пассивных. Все течет, все изменяется. Соотношение сил участников конфликта, а точнее говоря — достигнутого «перемирия» (состояние разрешенного конфликта трудно определить иначе), — претерпевает постоянные изменения. Кто-то усиливается, а кто-то ослабевает. Кто-то развивается быстрее, а кто-то — медленнее. Собственно говоря, важна именно разность в скорости развития различных участников и экономических агентов, создающая предпосылки для нового разгорания конфликта интересов (сначала в скрытой форме, а затем, если дифференциация сил нарастает, — с переходом в открытую). Относительно усиливающиеся стороны склоняются к нарушению правил «перемирия» и к получению дополнительных выгод от этого. Как следствие, «сильные» становятся еще сильнее, а «слабые» — еще слабее. Это подталкивает к изменению правил игры в пользу сильных, к новому способу разрешения конфликта интересов. Но «слабые» тоже не сидят сложа руки, видя в оппортунистическом поведении самый быстрый и выгодный путь к собственному усилению. Плюс к этому оппортунизм нейтральных участников, который подобен оппортунизму побежденных в случае, рассмотренном выше. Таким образом, оппортунизм в условиях изначально сбалансированного разрешения конфликта может получать всеобщее распространение.

Устойчивость институциональной среды, сформированной в результате достигнутого компромисса интересов, длительность и стабильность «перемирия» зависят от множества факторов. От того, как долго будет сохраняться объективная «правильность» институтов, что, в свою очередь, зависит от динамики развития национальной экономики (нефтегазового сектора, если говорить о его специфических институтах) и изменения внешнего окружения. Чем динамичнее развитие и смена внешних условий, тем быстрее устаревают институты. Другим весьма важным фактором является соотношение между тактическими (сиюминутными) и стратегическими (долгосрочными) выгодами, играющими роль мотиваций в политике и действиях игроков. Если приоритетны тактические выгоды, это повышает риск разбалансировки среды, и наоборот. Нельзя сбрасывать со счетов и такие категории, как инстинкт самосохранения (когда участник готов поступиться малым ради сохранения большего) и социальная ответственность, которая особенная важна для государства и крупного бизнеса. Все это вместе взятое и определяет жизнеспособность институциональной среды.

Специфика стран, зависимых от сырьевого сектора экономики (а это не только, например, Россия или государства ОПЕК, но в значительной степени — Норвегия и сырьевые провинции Канады), состоит в том, что государство является активным участником конфликта интересов, а не отстраненным арбитром, свысока взирающим

на схватку между игроками. Ресурсная рента — слишком соблазнительное и слишком дорогое сокровище, чтобы отказаться от участия в его дележе. Претендуя на свою долю ренты, государство оказывается в сложном, двойственном положении, в котором, с одной стороны, должно стремиться к увеличению прямых выгод собственника ресурсов (прежде всего — в форме налоговых доходов), а с другой, обязано позаботиться о формировании институциональной среды, приемлемой для бизнеса, который занят в сырьевом секторе. Грань между этими двумя ипостасями государства настолько эфемерна и подвижна, что очень легко впасть в одну из крайностей. В условиях развитой демократии «надзорные функции» выполняет общество, контролируя государство и делегируя (с помощью выборов) властные полномочия тем политическим силам, которые в наибольшей степени способны придерживаться объективной общественно-полезной позиции в процессе формирования экономических институтов. Но и это в идеале. В реальной же действительности из общества, даже весьма цивилизованного, не всегда получается хороший контролер, иначе мы бы не знали о «голландской болезни».

Собственно российской чертой, которая с очевидностью отличает нашу страну хотя бы от все той же Норвегии, является крайне узкий круг носителей интересов, реально причастных к институциональным преобразованиям в экономике. По разным причинам общество почти не вовлечено в этот конфликт интересов. С одной стороны, мешают заградительные барьеры, возведенные властью, а с другой стороны, имеет место и определенная самоотстраненность общества от процессов, происходящих в экономике. На заре проведения экономических реформ общество было слишком увлечено политикой. Перестройка, гласность, плюрализм мнений, выборы, советы депутатов, партии, парламенты, президенты… Поначалу этот шумный политический театр с его яркими декорациями и колоритными персонажами едва ли не полностью отвлек на себя внимание общества, и у последнего уже не оставалось ни желания ни сил для участия в сложной и кропотливой работе по построению новой экономики. Со временем политические страсти поутихли, выстроилась властная вертикаль и… отсекла общество от конфликта интересов, в рамках которого происходит формирование и развитие экономических институтов.

Поэтому в России процесс экономико-институциональных преобразований фактически свелся к поединку между государством и бизнесом, нынешний исход которого вряд ли можно охарактеризовать как сбалансированное, «правильное» разрешение конфликта интересов. Сформированная институциональная среда слишком далека от совершенства и в равной степени не адекватна ни задачам ускорения инновационного роста экономики, на задачам развития ее ресурсно-сырьевого сектора (включая нефтегазовый). В системе институтов НГС своеобычным образом сочетаются формальные и неформальные. С одной стороны, в России созданы обширная нормативно-правовая база и органы управления, в своей компетенции охватывающие практически все аспекты регулирования. С другой же стороны, реальная действенность этого множества формальных институтов оказывается слишком слабой; они не создают достаточно надежных преград для оппортунистического поведения бизнеса. А это постоянно подталкивает государство к поиску каких-то неформальных или полуформальных рычагов влияния. Во всяком случае, наиболее острые проблемы в НГС, связанные, к примеру, с модернизацией нефтепереработки или утилизацией попутного газа, решаются именно таким образом.

Формальные и неформальные институты регулирования

На соотношении формального и неформального подходов к преобразованиям экономических институтов, равно как и на сочетании формализованных и неформализованных элементов институциональной среды хотелось бы остановится особо. По одной простой причине: в России в настоящее время сложилось несколько гипертрофированное восприятие значимости законодательно-правовых норм как способа

решения сложных проблем, имеющих место или возникающих в НГС. На нефтепромыслах не удается потушить факелы с горящим попутным газом — нужно принять закон о попутном нефтяном газе. Не получается урегулировать взаимоотношения между добывающими компаниями и «естественно-монопольными» собственниками магистральных нефте- и газотранспортных систем — нужно принять закон о трубопроводном транспорте. Не знаем, как подступиться к освоению ресурсов гелия в Восточной Сибири с тем, чтобы максимизировать эффекты и минимизировать вероятные потери, — предлагается принять закон о гелии. Для решения разнообразных проблем нефтяной отрасли правительственными органами разработаны проекты федеральных законов «О добыче, переработке и транспортировке по магистральным трубопроводам нефти и продуктов ее переработки», «О рыночном ценообразовании на нефть и нефтепродукты в РФ», «Об обороте нефти и нефтепродуктов в РФ». В свое время Президентом РФ был отклонен принятый Федеральным собранием закон «Об использовании природного газа в качестве моторного топлива». Спектр законодательных инициатив в дополнение к действующим законам «О недрах», «О континентальном шельфе», «О соглашениях о разделе продукции», «О газоснабжении», «Об экспорте газа» (не считая федеральных законов по вопросам функционирования топливно-энергетического комплекса в целом) весьма обширен. Налицо стремление «покрыть» законами едва ли не все проблемные аспекты развития и функционирования НГС, которое трудно назвать иначе как иррациональным.

Законотворческий «фетишизм» тем более не уместен в России, что хорошо известна наша специфика, выражающаяся в неработоспособности многих законов, которые формально сохраняют свою силу. У нас слишком часто получается так, что принимаемые законы не имеют прямого действия и не вполне соответствуют реалиям хозяйственной практики, не дополняются адекватными и гибкими механизмами реализации и администрирования (в виде технических регламентов и подзаконных актов, определяющих процедуры принятия и исполнения решений), не подкрепляются финансовыми стимулами из-за чрезмерно прямолинейной и фискально-настроенной налоговой системы. Эти же риски грозят всем новым законопроектам по частным вопросам регулирования деятельности в НГС. Да и особой надобности в новых законах нет, поскольку можно внести частичные коррективы в действующее законодательство, а главный акцент нужно сделать на механизмах реализации и контроля исполнения. И уж тем более сомнительна полезность законов, строго предписывающих, какими должны быть уровень утилизации попутного газа или глубина переработки нефти, нормирующих объемы продаж продукции на бирже и т.п.[229] Введение подобных норм сродни тому, как регламентировались поставки нефти и нефтепродуктов вначале 1990-х годов или как в 1960-х на одном из съездов КПСС предлагалось директивным путем установить КИН в нефтяной отрасли на уровне 0,6 — нефтяникам с большим трудом удалось «отбиться» от этого решения.[230]

Почти десять лет назад в одной из статейных публикаций[231] автором уже был затронут вопрос о соотношении формальных и неформальных подходов к регулированию НГС на примере двух не слишком удаленных друг от друга, но очень разных европейских государств — Норвегии и Великобритании, — которые почти одновременно начали

---

[229] Узаконенная нефть // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 28 сент. 2010 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2010/09/28/tek/562949978983131 [2013-06-08].

Переработать на все сто // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 29 сент. 2010 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2010/09/29/tek/562949978983121 [2013-06-08].

[230] Муслимов Р.Х. КИН — его прошлое, настоящее и будущее на месторождениях России // Бурение и Нефть. — 2011. — № 2 • URL: http://burneft.ru/archive/issues/2011-02 [2013-06-03].

[231] Шмат В. Инновационное развитие нефтегазового сектора: зарубежный опыт // Нефтегазовый сектор России в теории и на практике. / Под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. — С. 44—72.

развивать свою нефтяную промышленность и до сих пор, по сути дела, пользуются одним источником ресурсов углеводородного сырья — месторождениями нефти и газа в бассейне Северного моря. По-видимому, сейчас есть смысл вернуться к сюжетам, раскрытым в той статье.

Сильно упрощая ситуацию, можно назвать три основные формы государственного вмешательства в деятельность нефтегазового сектора:

1) непосредственное участие государства через принадлежащие ему компании в хозяйственной деятельности, связанной с разведкой, добычей, переработкой, транспортировкой и продажами углеводородов;
2) регулирование — установление (как правило, законодательным путем) и применение формальных норм и правил деятельности в нефтегазовом бизнесе, которые охватывают прежде всего сферы недропользования, налогообложения и ценообразования;
3) влияние на участников нефтегазового бизнеса с использованием неформальных норм и правил (национальных и отраслевых традиций, норм бизнес-морали, разного рода соглашений и т.д.).

Каждая из этих форм государственного вмешательства имеет свои плюсы и минусы. Участие позволяет государству в наиболее полной степени контролировать процесс развития нефтегазового сектора, но накладывает большие обязательства (в частности, отвлекает из бюджета значительные средства на инвестиции). Регулирование освобождает государство от излишних обязательств и создает четкие рамки, в которых должны действовать частные нефтегазовые компании. Однако в силу своей формальности и универсальности эта форма государственного вмешательства может оказаться недостаточно гибкой по отношению к специфическим ситуациям или в случаях, когда условия развития нефтегазового сектора быстро изменяются (особенно, когда наблюдаются кризисные явления). Влияние можно считать наиболее гибкой формой государственного вмешательства, которая применима как средство быстрого реагирования или как средство разрешения каких-то специфических проблем. Но оно недостаточно прозрачно и в наибольшей степени допускает возможность волюнтаристских действий.

В Норвегии присутствуют все названные выше формы государственного вмешательства в НГС, причем до самого недавнего времени их приоритетность соответствовала тому порядку, в каком эти формы был перечислены. На всем протяжении нефтяной истории Норвегии государство активно вмешивалось в развитие нефтегазовой промышленности. Начиная с 1972 г. функционировала система государственного управления отраслью, в которую входили Министерство нефти и энергетики (формирование нефтяной политики), Нефтяной директорат (технологический и финансовый контроль за деятельностью компаний-участников консорциумов по освоению участков недр), государственная компания Statoil (представитель государства на континентальном шельфе страны).

В 1970—1990-х годах компания Statoil, находясь в административном подчинении Министерства нефти и энергетики, осуществляла финансовое управление ресурсами, бывшими в собственности норвежского государства, и имела смешанные полномочия, которые заключались в том, что компания выступала одновременно и в качестве инструмента административного управления, и в качестве субъекта нефтяного рынка. В связи с этим в Норвегии возникли опасения, что компания в силу своего уникального положения начнет самостоятельно определять государственную политику в нефтегазовом секторе, т.е. фактически подменит интересы государства и норвежского общества своими узко корпоративными интересами. Для того чтобы избежать подобного варианта развития событий, в 1984 г. правительство пошло на разделение всех государственных активов

в нефтяной отрасли на две части: на государственную собственность, которой управляет Министерство нефти и энергетики, и на собственность компании Statoil.

Частичная приватизация Statoil с последующей консолидацией всех негосударственных нефтяных активов «под крылом» компании показывает, что в норвежской системе государственного вмешательства произошла смена приоритетов: на первое место выдвинулись механизмы регулирования. Норвежскую систему государственного регулирования НГС можно считать «образцово-показательной». В стране создана четкая законодательная база, которая обеспечивает благоприятные условия для развития нефтегазовой промышленности. Система административного лицензирования, принятая норвежцами для обеспечения наиболее эффективного освоения месторождений, служила и служит средством воздействия на иностранные компании. Финансовым механизмом воздействия правительства на деятельность нефтегазового сектора стала специальная налоговая система, принятая в 1975 г. и предназначенная для перераспределения ренты от нефтяных компаний к государству. Налоговая система в Норвегии является весьма гибкой, поскольку для компаний, инвестирующих средства в освоение континентального шельфа из полученного дохода, предусматривается система зачетов инвестиций, что снижает налогооблагаемую базу и является достаточно эффективным средством стимулирования инвестиционных процессов.

С самого начала освоения нефтяного шельфа правительство Норвегии провозгласило политику, согласно которой нефтяные ресурсы страны «принадлежат норвежскому народу и должны быть использованы на благо нынешнего и будущего поколений». Эта политика последовательно проводится на протяжении уже четырех десятилетий. Норвежское государство создало эффективную модель регулирования нефтегазового сектора, включающую в себя в качестве основных составляющих законодательную базу, систему административного лицензирования и систему специального налогообложения. Построенная модель государственного регулирования позволяет Норвегии сохранять полный контроль над нефтяной промышленностью, которая с первых шагов своей истории оказалась под пристальным вниманием крупнейших транснациональных корпораций. Иностранные компании выступают партнером государства, в основном следуя в фарватере норвежской стратегии освоения континентального шельфа, но государство нередко рассматривает их как противников, что представляется определенной традицией норвежского общества. Несмотря на это, иностранные компании инвестировали и продолжают инвестировать свои средства в месторождения норвежского сектора Северного моря, поскольку имеют четкое представление об экономической политике норвежского государства. Эта ясность, а также политическая стабильность данного региона (политическая и социальная стабильность — неотъемлемый атрибут норвежского общества), являются важными факторами поддержания высокого интереса нефтяных компаний к Норвегии.

Тем не менее, и неформальное влияние на процессы развития НГС в Норвегии тоже играет определенную роль. Один из основных принципов, которым руководствуется норвежское правительство, состоит в том, чтобы поощрять создание и укрепление связей между нефтяными компаниями, обеспечивающими отраслями промышленности и научными организациями. Результатом является формирование сильных кластеров и ускорение разработки новых технических решений. Государственное финансирование выполняло и выполняет поныне лишь роль катализатора в этой цепочке.

Прямо противоположный пример — система государственного вмешательства, сложившаяся в Великобритании. Степень прямого государственного участия в нефтегазовом секторе практически равна нулю, а доминирующей формой следует признать влияние. И дело не в том, что существующая в Великобритании система государственного регулирования является слабой или неэффективной, просто она выполняет минимальный набор «технических» функций, необходимых для нормальной работы НГС в условиях либеральной рыночной экономики. В достижении же стратегических целей и в решении

наиболее сложных проблем (в частности, в разрешении кризисных ситуаций) приоритет принадлежит механизмам влияния — консультациям и соглашениям между государством и бизнесом, пользующимся доверием у бизнеса правительственно-предпринимательским организациям и т.п. Это во многом обусловлено национальными особенностями и традициями, сложившимися в Британии — единственной, пожалуй, демократической стране мира, в которой до сих пор нет «писаной» Конституции.

Британский сектор Северного моря с начала 70-х годов XX в. был ареной острого соперничества множества компаний, причем именно правительство и поощряло конкуренцию, наращивая число проектов и операторов. Расчет правительства строился на том, что конкуренция приведет к одновременному освоению как можно большего числа участков, будет стимулировать операторов к ведению эффективного бизнеса и сокращению издержек за счет применения рациональных технологий. Однако побочным результатом конкуренции долгое время было нежелание операторов разных проектов объединять инфраструктуры, что в конечном счете не позволяло сокращать издержки добычи. Кроме того, создавались препятствия для владельцев лицензий на небольшие месторождения, которые было невыгодно осваивать из-за высоких издержек (в частности, из-за высокой стоимости буровых платформ). Общее число неиспользуемых лицензий стало исчисляться сотнями, а рост числа неиспользуемых лицензий и неразрабатываемых месторождений во многом объяснялся тем, что при выдаче долгосрочных лицензий (на срок до 40 лет) правительство не выставляло существенных формальных условий относительно темпов разработки месторождений.

На рубеже столетий, когда цена на сырую нефть упала до крайне низкого уровня, назрела острая необходимость в проведении комплексной модернизации британской нефтяной промышленности, охватывающей и технологические и организационно-экономические аспекты. Тогдашнее лейбористское правительство страны было вынуждено вмешаться, чтобы спасти отрасль, и через весьма непродолжительное время эти усилия принесли положительные плоды, хотя методы государственного регулирования были «по-британски» своеобразными.

В конце 1998 г. был создан орган стратегического планирования с участием представителей государства и частного бизнеса, который получил название «Специальная бригада по нефтегазовой промышленности» (Oil and Gas Industry Task Force, или OGITF). Было сформировано несколько рабочих групп, в каждую из которых входили представители кабинета министров, частных компаний, профсоюзов и казначейства. Вскоре основным подразделением OGITF стала координационная группа PILOT («Лоцман»), в состав которой вошли деятели центрального правительства и правительства Шотландии, а также представители нефтяного бизнеса, причем не только от крупнейших, но и сравнительно небольших добывающих и сервисных компаний. Главное, на чем сосредоточил внимание «Лоцман», было налаживание эффективного сотрудничества между нефтяными компаниями, которые до того момента предпочитали методы жесткой конкуренции (что, собственно, поддерживалось и правительством). Было положено начало «моде» на кооперацию нефтяных компаний в виде взаимообмена оборудованием, материалами, людскими ресурсами, транспортными средствами и другими фондами, что привело к значительной экономии и резкому снижению себестоимости добычи нефти в британском секторе Северного моря. Правительство Великобритании выделило средства для частичного финансирования биржи технологий, которую учредили 17 крупнейших нефтяных компаний, работающих в Северном море. Делиться технологиями и оборудованием нефтяникам понравилось настолько, что некоторые компании приобретают сейчас лицензии на месторождения и уверенно начинают осуществлять проект еще до того, как поймут, какие технические приемы им придется использовать. Опыт показывает, что в современном арсенале нефтегазовых компаний есть технологии, способные сделать рентабельным едва ли не любое месторождение. Кроме того, по инициативе британского правительства была создана

система «Ведущая конкурентоспособность нефтегазовой промышленности» (Leading Oil & Gas Industry Competitiveness, LOGIC) и учрежден форум технологов под названием «Содействие промышленным технологиям» (Industry Technology Facilitator, ITF). Эти органы стали главными разработчиками методов обмена технологиями и фондами, которые используются компаниями в целях оптимизации их деятельности.

Все сказанное свидетельствует о том, что в Великобритании в последние годы происходит усиление координирующей роли государства в освоении нефтегазовых ресурсов. К числу успешных примеров британского государственного вмешательства в нефтегазовый бизнес в Северном море можно отнести: усилия «специальной бригады» по облегчению процесса лицензирования месторождений (в том числе, передачи лицензий и создания условий для ввода в эксплуатацию мелких месторождений); проведение форумов правительства и бизнеса для обсуждения технологических и экологических проблем; налаживание кооперации с нефтяниками Норвегии и другими участниками разработки шельфа в Северном море и др.

Все это относится к числу мер неформального характера. Однако практика неформального влияния неоднозначно оценивается представителями нефтегазового бизнеса. Как показывает опыт, она удобна крупным компаниям, но зачастую вызывает недовольство со стороны небольших фирм, занятых добычей нефти в британском секторе Северного моря. В «малом» нефтегазовом бизнесе распространена точка зрения, что правительство Великобритании должно привести практику лицензирования разработки месторождений в соответствие с мировыми нормами путем четкого изменения правил, а не «высказывания неофициальных просьб». Великобритания должна перестать быть исключением из правил и должна ввести формальные (по времени и по количеству) ограничения, какие имеют место в лицензиях, применяемых в других нефтедобывающих странах. Британское правительство прислушалось к пожеланиям «малышей» и с 2003 г. ввело ограничения по срокам на разработку новых месторождений, но отказалось вводить какие-либо ограничения по уже действующим лицензиям (т.е. пересматривать их условия), «просто» надеясь, что компании согласятся начать разработку месторождений или станут продавать неиспользуемые активы.

Несмотря на плюрализм оценок и взглядов, в целом ни у кого не возникает сомнений в правомочности сложившейся системы государственного влияния на процессы, происходящие в британском НГС. Участниками «диалогово-регуляторного» процесса являются, с одной стороны, легитимное и ответственное правительство страны; а с другой, пользующийся доверием нации бизнес (британский бизнес не будет работать против интересов Британии). Регуляторная система в значительной степени опирается на принципы прецедентного права, равно как британская судебная практика и знаменитые мореходные уставы.[232] Британское здравомыслие подсказывает, что нельзя заранее подстраховаться на все случаи жизни, поэтому нет никакого смысла во введении регулирующих норм, о которых нельзя в точности сказать, будут ли они когда-нибудь применяться или нет. Нужно дождаться прецедента и действовать по ситуации: во-первых, адекватно реагировать в зависимости от оценки характера ситуации (противодействовать угрозе, выжидать или использовать вновь открывшиеся возможности — опираясь на опыт действий в известных и частично схожих ситуациях); а во-вторых, по результатам реагирования сформулировать новое прецедентное правило на будущее.

Великобритания и Норвегия являют собой примеры совершенно противоположных моделей регулирования нефтегазовой промышленности. Но очень важно то, что эти модели

[232] Не зря же Британия когда-то являлась «владычицей морей», а ее морские уставы до сих пор служат образцом чуть ли не для всего мира. Очень интересно об этом рассказывается в произведениях замечательного русского писателя Виктора Конецкого — профессионального моряка и не менее профессионального литератора.

не есть какие-то застывшие схемы, обе они постепенно видоизменяются вследствие изменения тех или иных условий деятельности в сфере нефтегазового бизнеса. Причем развитие названных моделей идет во встречном направлении: для британской характерно некоторое усиление формально-регулирующей роли государства, а для норвежской — частичная либерализация и расширение частнопредпринимательского начала.

Странная шахматная партия с неясными перспективами

> *— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — сказала наконец Алиса. — Только фигур почему-то не видно... А, впрочем, вот и они! — радостно закричала она, и сердце громко забилось у нее в груди.*
>
> *— Здесь играют в шахматы! Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая партия. Ой, как интересно! И как бы мне **хотелось**, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!*
>
> *Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье*[233]

«Дуэльный» характер конфликта интересов, опосредующего процесс формирования институциональной среды НГС в России, дает основание уподобить этот конфликт шахматной партии. Конечно, с большой натяжкой, но все же… Есть два игрока. Есть аналог шахматной доски, разбитой на поля — пусть неправильной формы, но — поля. Есть фигуры, которыми манипулируют игроки. Есть течение партии, подчиняющееся определенной логике. Но все же, это весьма странная шахматная партия, навевающая образы из Зазеркального мира, придуманного Льюисом Кэрроллом.

Странность «нефтегазовых шахмат» начинается с игроков, образы которых постоянно меняются и которые внутренне консолидируются. Государство начинало партию, будучи многоликим, и строило свои игровые планы с учетом интересов и мнений всех ветвей и уровней власти, включая региональный. В результате внутренней консолидации прежняя многоликость исчезла и сейчас государство, как участник партии, реально отождествляется с федеральной исполнительной властью. В ранней стадии дебюта бизнес тоже был раздроблен и представлен нарождавшимися интегрированными государственными концернами, «старыми» госпредприятиями, узкой прослойкой компаний, напрямую не подчиненных государству (совместных и арендных предприятий). В ходе партии — и как промежуточный результат игры — организационно-экономическая структура НГС претерпела существенные изменения, и сегодня интересы бизнеса представляются десятком крупнейших корпораций во главе с двумя госкомпаниями — «Газпромом» и «Роснефтью». А интересы независимых производителей, или по-шахматному — пешек, — не в счет.

В игре то и дело наблюдается путаница в очередности ходов. «Белые» вдруг делают несколько ходов подряд, не дожидаясь ответа «черных», а потом застывают в длительной паузе. То, наоборот, «черные» торопятся и не дают «белым» сделать свой ход. А бывает

[233] Цитируется по изданию: Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. / Серия «Литературные памятники». — Пер. с англ. Н.М. Демуровой. — М: Наука, 1978. — С. 135.

и так, что обе соперничающие стороны ходят одновременно или обоюдно выжидают. В игре ни у «белых», ни у «черных» не просматривается какой-либо стратегии, крайне редко можно стать свидетелем многоходовых комбинаций и кажется, что любая из сторон в основном видит развитие игры от силы на один ход вперед.

Фигуры на доске частенько «забывают», как им положено ходить. То кони рассекают всю доску по диагонали от края до края, словно слоны. То, наоборот, слоны норовят сходить буквой «Г». То пешки вдруг начинают отступать назад вопреки правилам настоящих шахмат. Фигуры могут неожиданно исчезать с доски, как та злополучная черная ладья, которую Остап Бендер, незаметно для окружающих, украл с доски в последней партии своего знаменитого васюкинского сеанса одновременной игры. А могут снова появляться, причем даже в ином качестве, нежели до исчезновения. Пешки могут превращаться в ферзей или в другие фигуры даже не дойдя до последней «вражеской» горизонтали, а «маститым» фигурам временами грозит «разжалование в рядовые». Не менее странным выглядит и то, что фигуры, передвигающиеся по игровому пространству, довольно часто ассоциируются с самими игроками или отдельными ликами последних и каждая из фигур, каждая из пешек, словно Алиса в Зазеркалье, хотела бы быть Королевой.

Странная партия в «нефтегазовые шахматы» порою удивляет тем, что разноцветные фигуры с завидным постоянством вступают в альянсы между собой. То черные пешки пытаются укрыться под защитой белого ферзя, то отдельные белые пешки и легкие фигуры начинают искать дружбу с черными фигурами большего или меньшего достоинства. То разноцветные короли и ферзи вступают в переговоры друг с другом и т.д. и т.п. Поэтому на доске периодически наблюдается противоборство «черно-белых» союзов с «бело-черными» альянсами.

Неискушенному наблюдателю может показаться, что игра в «нефтегазовые шахматы» идет вообще без правил, но это далеко не так. В игре есть свои писанные и неписанные правила, порою — очень простые, а порою — крайне запутанные и непрозрачные. Участники игры весьма тонко разбираются в этих правилах и стараются не нарушать, поскольку знают, что у каждого из них есть в запасе «ход конем по голове», как пел когда-то Владимир Высоцкий.

Игра идет отнюдь не ради победы, как таковой. На кону — огромный призовой фонд в виде доходов от нефтегазового сектора. Этот фонд тоже не остается неизменным. Он постоянно делится между игроками сообразно силе или слабости складывающейся на доске позиции «белых» и «черных». Для выявления приоритетов и долей в распределении «призового фонда» в любой момент времени очень важно, как соотносятся компетенции сторон в управлении нефтегазовым сектором, кто располагает более широкими возможностями контроля и влияния. Призовой фонд игры постоянно пополняется за счет каждой новой тонны добытой и переработанной нефти, каждого кубометра газа, извлеченного из российских недр.

Все это действо происходит на глазах большой «зрительской аудитории», разделившейся на три неравных лагеря, из которых два относительно немногочисленных — это ярые болельщики или «фанаты» противоборствующих игроков, — а самый большой лагерь вобрал в себя созерцательно настроенную публику, не проявляющую симпатий (равно вероятно, как и очевидных антипатий) ни к «белым», ни к «черным» и не вникающую в тонкости игровых событий. Это индифферентное большинство — российское общество, которое не проявляет видимого интереса к экономическим реформам, заранее полагая, что от него ничего не зависит.

В какой стадии находится игра — совершенно непонятно. Очевидно, вроде бы, только то, что дебют пройден. Но что сейчас? Миттельшпиль или эндшпиль? А может быть, события в игре развиваются по спирали, и она снова находится в дебютной стадии? Вполне вероятно, что эта партия бесконечна, как и процесс трансформации экономических

институтов. Ни одна из сторон не заинтересована в преждевременном исходе с чьей-либо решительной победой, поскольку знает, какими могут быть пост-игровые события (как в Васюках). Потрясения никому не нужны. Подобного финала более всего опасается бизнес, зная, что у государства в рукаве припрятана парочка не убиваемых козырей под названием экспроприация и национализация — тем паче, что еще совсем свежа в памяти печальная участь чересчур строптивого ЮКОСа.

С большой долей уверенности можно полагать, что партия в «нефтегазовые шахматы» прекратиться лишь в случае вмешательства третьей силы, т.е. в случае перерастания поединка между государством и бизнесом в более широкий конфликт интересов. При таком исходе в партии не выявится победитель и побежденный, не будет и ничьей. По логике ее нынешних участников, они оба окажутся проигравшими; но с позиций общества и тот и другой непременно выиграют, поскольку откроются возможности для действительно эффективного развития НГС, что в итоге принесет новые весомые дивиденды и государству, и бизнесу.

«Белые» начинают и… упускают инициативу

В процессе экономических преобразований и создания новой институциональной среды, как в зеркале, отразились противоречия между интересами государства и бизнеса. Порою дело доходило до очевидных конфликтов (или того самого «хода конем по голове»), как в случае с ЮКОСом, но в основном эти противоречия разрешались и разрешаются сейчас в достаточно скрытой форме, позволяющей обеим сторонам «сохранять лицо» в сложных ситуациях. Однако это не снижает накала борьбы за степень влияния в нефтегазовом секторе и, естественно, за свою долю доходов от добычи и переработки нефти и газа, в ходе которой каждая из сторон, руководствуясь собственными интересами, старается направить развитие событий в выгодное для себя русло.

Упорная схватка за лидерство между государством и бизнесом завязалась едва ли не с первых шагов реформы, в роли инициатора которой выступило государство, осознавшее необходимость перемен в экономике (включая нефтегазовый сектор) еще в условиях социалистического планового хозяйства. Выражаясь шахматным языком, можно сказать, что государство в дебюте экономических преобразований разыграло свою партию белыми фигурами. Бизнесу достались «черные», что, впрочем, не удивительно, поскольку в конце 1980-х годов нефтегазового бизнеса как такового в России просто не существовало. Рынок и предпринимательство являются продуктами реформ, становление и развитие российского нефтегазового бизнеса происходило в процессе начатых государством экономических преобразований. Тем не менее, как это нередко бывает в шахматах, едва миновав дебютную стадию игры, «белые» утратили инициативу и «черные» сумели выровнять игру.

Разминка перед игрой

В мире шахмат пешка может выйти —
Если тренируется — в ферзи!

Владимир Высоцкий[234]

На начальном этапе реформ, который пришелся на закатные годы эпохи «исторического материализма», государство, по существу пыталось встроить отдельные элементы рыночных отношений в систему планового управления народным хозяйством. Не случайно, что речь тогда шла не столько о реформировании всей совокупности экономических отношений, сколько о «коренной перестройке управления социалистической экономикой». Эта перестройка охватила организационно-функциональные основы деятельности предприятий в условиях фрагментарно формирующегося рынка и опиралась на нормативно-правовые акты, принятые высшими органами государственной и партийной власти:

[234] Цитируется по изданию: Высоцкий В.С. Собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2012. — С. 241.

- расширение хозяйственной самостоятельности государственных предприятий, перевод их на полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование — Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», 1987 г.;
- начало формирования негосударственных структур в экономике кооперативов, арендных и совместных предприятий — законы СССР «О кооперации», «Об аренде», постановление СМ СССР от 13 января 1987 г. № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий...» и др.;
- создание товарных рынков — постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 июля 1987 г. № 816 «О перестройке материально-технического обеспечения и деятельности Госснаба СССР в новых условиях хозяйствования»;
- первые шаги по либерализации внешнеэкономической деятельности, предоставление предприятиям и объединениям права непосредственного выхода на внешний рынок с 1 апреля 1989 г., введение лицензирования экспорта — постановление СМ СССР от 2 декабря 1988 г. № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений, организаций».

При этом в 1987—1989 гг. в сферу экономических реформ практически не были вовлечены отношения недропользования, не считая декларирования принципа платности природопользования в Законе «О государственном предприятии».

С 1 января 1991 г. в СССР была введена новая налоговая система (в соответствии с Законом «О налогах с предприятий, объединений и организаций») вместо существовавших многочисленных и часто менявшихся форм изъятия доходов предприятий в пользу государства. Большое внимание было уделено вопросам регулирования инвестиционной деятельности, в том числе иностранных инвестиций. Законодательством об инвестиционной деятельности в СССР было установлено равенство прав всех инвесторов, введены государственные гарантии стабильности прав субъектов инвестиционной деятельности и защиты инвестиций независимо от форм собственности, расширены сферы приложения иностранных инвестиций и разрешено создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом. В 1991 г. с интервалом в один день (4 и 5 июля) были приняты Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях» и Основы союзного законодательства об иностранных инвестициях.

В 1990—1991 гг. произошли первые подвижки и в реформировании отношений недропользования. Так, новыми Основами земельного законодательства (1990 г.) землевладение и землепользование в СССР, по сути, впервые были объявлены платными. В ст. 10 Конституции СССР была внесена поправка, установившая, что земля и ее недра являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории (а не просто «общенародным достоянием»), и находятся в ведении Советов народных депутатов, т.е. были конкретизированы субъекты и распорядители собственности на недра. В дальнейшем рядом законодательных актов 1990-го года («О собственности в СССР», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР») были разделены сферы компетенции Союза ССР и его субъектов в вопросах регулирования природопользования, и в частности в вопросах изъятия и распределения платежей за пользование природными ресурсами (в РСФСР специальным постановлением республиканского правительства были введены временные ставки платежей за право пользования недрами).

Перечисленные решения были направлены на политическое переустройство СССР и его превращение из унитарного государства в федеративное. Несмотря на то, что они имели преимущественно декларативный характер, в республиках и в регионах закипела политическая жизнь, на «местах» резко усилилось стремление к самоустройству. Последний

советский парламент так и не успел принять законодательство о недропользовании, которое регламентировало бы процедуры и формы предоставления прав на пользование недрами, изъятия соответствующих платежей, их распределения и конечного использования. В самом общем виде вопрос о платежах был затронут лишь в Законе «Об общих началах местного самоуправления...», который установил, что природные ресурсы (земля, ее недра и т.д.), составляют экономическую базу местного самоуправления и служат источником доходов и удовлетворению социально-экономических потребностей населения соответствующей территории.

Отталкиваясь от этого местные органы власти некоторых добывающих регионов страны проявили по-настоящему серьезный интерес к аспекту экономической реформы, связанному с вопросами недропользования. Например, Тюменским областным Советом по рекомендациям большой группы ученых и специалистов Москвы, Новосибирска, Свердловска, Тюмени еще в 1990 г. был принят целый ряд фундаментальных с точки зрения интересов области решений по вопросам недропользования, а именно: предложения к новому Кодексу о недрах РСФСР; предложения об образовании областного Горного фонда, Фонда структурной перестройки хозяйства, Фонда преодоления социального отставания, Экологического фонда. В решениях Облсовета была обоснована целесообразность перераспределения рентных доходов в пользу территорий, их аккумулирования и использования при посредстве названных выше финансовых институтов. То есть уже тогда речь шла о построении механизмов устойчивого социального-экономического развития региона на базе рентных доходов от добычи нефти и газа. И хотя перечисленные предложения Тюменского областного Совета, по существу, так и не были одобрены органами власти РСФСР (может быть, в силу, их некоторой преждевременности), тем не менее они представляют собой интересный прецедент в процессе реформирования отношений недропользования в стране.

Экономическая реформа в СССР в целом носила компромиссный характер между намерением перейти к рыночным отношениям и стремлением сохранить максимум управленческих функций государства, присущих для централизованной плановой экономики. Общий курс предлагавшихся реформ был изложен в Постановлении Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР». Причем в нефтяной и газовой промышленности реформистские процессы развивались медленнее и не столь масштабно, как в большинстве других отраслей народного хозяйства. Нефте- и газодобывающие предприятия вплоть до середины 1991 г. оставались под прессингом 100-процентного госзаказа и фиксированных заниженных цен на продукцию (двукратное повышение оптовых цен на нефть и газ с 1 января 1991 г. улучшило положение добывающих предприятий ненамного и ненадолго). Крайне негативно на положении нефтегазовой промышленности сказалось начавшееся сокращение централизованных капитальных вложений, которое ни в коей мере не компенсировалось расширением собственных финансовых возможностей предприятий.

Чтобы хоть как-то выправить критическую ситуацию, Указом Президента СССР от 16 мая 1991 г. «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства» предприятиям нефтяной промышленности было разрешено продавать по рыночным ценам всю сверхплановую продукцию и 10% нефти, добываемой в счет госзаказа. Появление рыночных ресурсов повлекло за собой бурное развитие биржевой торговли нефтью и нефтепродуктами: в 1991 г. новые нефтяные биржи росли как грибы. Тем не менее, через биржи в 1991 г. было продано всего около 1% (т.е. немногим более 4 млн т) добытой нефти, а в целом объем продаж на свободном рынке, включая помимо биржевой торговли весьма популярные тогда бартерные сделки, составил около 3%

от добычи. Вся же остальная нефть была реализована в рамках госзаказа[235]. При этом практически незыблемой оставалась монополия государства на экспорт нефти и других энергоносителей — экспортные лицензии получили в основном отраслевые внешнеторговые объединения.

Со второй половины 1991 г. стал очевиден серьезный разлад между союзными властями и руководством Российской Федерации, что наложило определенный отпечаток и на процессы реформирования НГС. Отраслевое ведомство (Министерство нефтяной и газовой промышленности) оказалось перед непростым выбором: оставаться лояльным союзному правительству или же солидаризироваться с российским, принявшим сепаратное решение поднять внутренние цены на нефть до 200 руб. за тонну (против действовавшей «союзной» цены в 65 руб./т) и переподчинившим себе все предприятия нефтегазовой промышленности на территории РСФСР. В позиции министерства была некоторая двойственность: с одной стороны, оно было готово «бежать чуть ли не впереди паровоза», предлагая поднять цены на нефть до 360 руб./т; а с другой стороны, ведомство хотело сохранить себя в качестве единого управляющего центра для всей нефтяной отрасли СССР, что противоречило позиции российского президента Б.Н. Ельцина. Чтобы избежать «раздвоения личности» и на случай благосклонного отношения со стороны российских властей, у министерства был заготовлен план трансформации, который позволял соединить республиканскую юрисдикцию управляемых предприятий с «союзной идеей». Этот план предполагал преобразование министерства в концерн или корпорацию, к названию которой вовсе не обязательно было бы добавлять аббревиатуру «СССР».[236] Таким образом руководство отраслевого министерства не только «вбивало клин» между союзными и республиканскими властями, но и, по сути дела, превращалось в нефтегазовое лобби, в большей степени озабоченное «интересами» предприятий, нежели государственными. И это было симптомом, показывавшим, чего можно ожидать от отраслевых лоббистов в будущем.

В целом же в рассматриваемый период времени (конец 1980 — самое начало 1990-х годов) были сделаны первые, сравнительно робкие, шаги в реформировании нефтегазового сектора в рамках плановой системы хозяйствования. В этот период времени произошли частичные изменения в организационной структуре нефтяной и газовой отраслей и появились первые хозяйственные институты, не находящиеся под полным государственным контролем — арендные («Черногорнефть» и др.) и совместные с иностранными компаниями предприятия. Были повышены государственные оптовые цены на продукцию, а в системе управления предприятиями стали более широко, чем прежде, применяться элементы хозрасчета и материального стимулирования. Но все это не меняло фундаментальные принципы организации и функционирования нефтегазового сектора, сложившиеся в предшествующие десятилетия.

Собственно говоря, этот самый ранний этап реформ трудно назвать дебютом партии в «нефтегазовые шахматы» между государством и бизнесом. Скорее, это была разминка перед настоящей игрой, в ходе которой будущие соперники присматривались друг к другу, а белые и черные пешки на доске «тренировались выйти в ферзи».

---

[235] При подготовке этой серии очерков использованы материалы книги «Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством?» (или «Белой книги», как ее назвали авторы из-за цвета обложки), изданной в 1995 г.: Крюков В., Севастьянова А., Шмат В. Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? Текущие проблемы и формирование условий долговременного устойчивого социально-экономического развития. / Отв. ред. В.В. Кулешов. — Тюмень: Правовая экономика; Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1995.

[236] Миннефтегазпром тоже хочет быть лобби // Коммерсантъ. — 19 авг. 1991 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/519 [2013-06-08].

«Белые» делают ход королевской пешкой с e2 на e4

Гроссмейстер вошел в зал. Он чувствовал себя бодрым и твердо знал, что первый ход e2—e4 не грозит ему никакими осложнениями. Остальные ходы, правда, рисовались в совершенном уже тумане, но это нисколько не смущало великого комбинатора.

Ильф и Петров. Двенадцать стульев[237]

Рыночная радикализация «дебютных идей» реформирования экономики и попытки придать им более строгую «логическую форму» произошли начиная с 1992 г. в уже независимой Российской Федерации. Главное виделось в переходе к рыночным «правилам» функционирования экономики, включавшим:

- либерализацию рынка, но не в одночасье, а постепенно. Например, в нефтяной промышленности сначала действовали и государственные и свободные цены, т.е. компании часть добываемой продукции продавали по государственному заказу, а с частью продукции выходили на свободный рынок;
- акционирование и приватизацию предприятий, т.е. их преобразование в акционерные общества с последующим переводом (путем продажи) в частную собственность;
- переход к легитимному платному недропользованию (специфически для минерально-сырьевого сектора экономики) и природопользованию вообще, что предполагало принятие соответствующих нормативно-правовых актов и разработку процедур предоставления прав на пользование землей, недрами и другими природными ресурсами и взимания платежей рентного характера.

Прежде всего интенсифицировался процесс формирования свободного рынка нефти. Постановлением Правительства РФ от 17 февраля № 23 «О неотложных мерах по нормализации положения в нефтяной и газовой промышленности республики» предприятиям было разрешено до 40% добываемых нефти и газа (при условии выполнения поставок на государственные нужды) реализовывать по свободным ценам. Одновременно Указом Президента РФ № 151 местным органам власти было разрешено создавать региональные товарно-сырьевые фонды с закупкой по регулируемым ценам до 10% добываемой на их территории нефти и реализовывать часть этого объема (до 40%) по свободным ценам с перечислением выручки в местный бюджет. В 1992 г. на биржах было продано 6,7 млн т нефти (менее 2% добычи), однако основной прирост свободных продаж пришелся на сферу внебиржевого оборота, так как, по оценкам экспертов, нефтедобытчики могли распоряжаться не менее чем 20—30% произведенной продукции[238].

С 1993 г. государственный заказ на нефть был, по существу, ограничен требуемыми объемами поставок на экспорт для обслуживания государственного долга и некоторых других целей, а также потребностями приоритетных внутренних потребителей (сельского хозяйства, транспорта, обороны). Больший объем поставок нефти на переработку и нефтепродуктов потребителям осуществлялся по прямым договорам и на коммерческой основе. При этом регулируемые цены на энергоносители неоднократно пересматривались,

---

[237] Цитируется по изданию: И. Ильф и А. Петров. Двенадцать стульев. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — С. 296.

[238] «Белая книга», гл. 4. «Генезис механизмов платного недропользования в России».

равно как изменялся и порядок продаж продукции, включая налогообложение рыночной торговли нефтью, газом и нефтепродуктами.

Началась либерализация внешнеэкономической деятельности. Государство, отказавшись от полной монополии на экспорт нефти и газа, перешло к системе его лицензирования и квотирования с выравниванием внутренних и внешнеторговых цен с помощью экспортного тарифа (в соответствии с Постановлениями Правительства РФ № 90 и 91 от 31 декабря 1991 г.). Квоты на экспорт получили как сами добывающие предприятия, так и регионы, на территории которых осуществляется добыча нефти и газа (по уже упомянутому выше 151-му президентскому указу). Экспортные поставки нефти для государственных нужд осуществлялись при посредничестве так называемых «спецэкспортеров» — организаций и предприятий, зарегистрированных в Министерстве внешнеэкономических связей согласно Указу от 14 июня 1992 г. № 628 «О порядке экспорта стратегически важных сырьевых товаров». Установленный порядок экспорта продержался несколько лет, более того, некоторые его элементы даже ужесточались. Например, происходило сокращение числа «спецэкспортеров» нефти с их одновременным укрупнением, что мотивировалось недостаточной эффективностью продаж мелкими поставщиками. Стали стираться грани между поставками нефти и газа в страны дальнего и ближнего зарубежья. Уже в 1993 г. цены на энергоресурсы, вывозимые в страны Балтии и СНГ, приблизились к мировому уровню. Начиная с 1994 г. Минэкономики при выделении экспортных квот перестало давать рекомендации по их распределению между дальним и ближним зарубежьем. [239]

Помимо перечисленных шагов правительством в 1992 г. были предприняты специальные меры по стабилизации структуры нефтяного сектора. Указанная проблема возникла вследствие того, что в соответствии с принятым в 1991 г. Законом РФ «О предприятии и предпринимательской деятельности» производственные объединения, бывшие основным структурным звеном нефтяной промышленности, лишились и статуса «государственного предприятия» и статуса «юридического лица». Т.е. де-юре были поставлены вне закона. Это с неизбежностью породило центробежные тенденции в отрасли: некоторые объединения оказались буквально на грани развала (например, «Нижневартовскнефтегаз» и «Томскнефть»). Дестабилизации организационно-управленческой структуры способствовал и начавшийся еще в агонизирующем СССР процесс раздела собственности и прав по управлению отраслью между Союзом и союзными республиками. Например, в РСФСР были образованы (в противовес или вместо упраздненных союзных органов управления), собственные Министерство топлива и энергетики, Комитет по геологии, республиканская корпорация «Роснефтегаз». Ситуация была выправлена Указом Президента РФ от 1 июня 1992 г. № 542 «О статусе производственных и научно-производственных объединений топливно-энергетического комплекса», в соответствии с которым фактически была восстановлена прежняя структура государственной нефтяной промышленности.

Главные же институциональные преобразования того времени, конечно, были связаны во-первых, с акционированием и приватизацией государственных предприятий нефтяной и газовой промышленности, проводившейся в 1993—1994 гг. в соответствии с общей программой приватизации и Указами Президента РФ от 17 ноября 1992 г. № 1403 (нефтяной комплекс) и от 8 декабря 1992 г. № 1559 (газовое хозяйство); во-вторых, с переходом к рыночной модели недропользования, оформленной целым рядом нормативно-правовых актов.

Основополагающим правовым актом, регулирующим отношения в сфере недропользования стал Закон РФ «О недрах», принятый Верховным Советом 21 февраля

[239] «Белая книга», гл. 4. «Генезис механизмов платного недропользования в России».

1992 г. и действующий (с изменениями и дополнениями) вплоть до сегодняшнего дня. К числу главных постулатов первой версии Закона «О недрах» нужно отнести:

- разграничение сферы компетенции РФ и субъектов Федерации в вопросах регулирования отношений недропользования;
- определение сроков пользования недрами (5 лет — при проведении геологоразведочных работ, 20 лет — при разработке месторождений, 25 лет — при совмещении разведки и разработки);
- обязательное лицензирование предоставления прав на пользование недрами на конкурсной или аукционной основе;
- введение платности недропользования, определение форм изъятия платежей (платежи за право пользования недрами — разовые и регулярные, отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы, сбор за выдачу лицензий, акцизный сбор и др.) и их распределения между бюджетами разных уровней, а также предусмотрение возможности скидки к платежам за истощение недр.

Нормы, закрепленные в Законе «О недрах», в дальнейшем были конкретизированы и детализированы в положениях «О порядке лицензирования пользования недрами» и «О порядке и условиях взимания платежей за право на пользование недрами, акваторией и участками морского дна». В соответствии с Законом «О недрах» Указом Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 893 был введен акцизный сбор на нефть и газ из месторождений с относительно лучшими горно-геологическими и экономико-географическими характеристиками (как форма изъятия дифференциальной горной ренты) с зачислением его в доход федерального бюджета. В течение 1992—1994 гг. конкретные ставки акциза на нефть неоднократно пересматривались (постановлениями Правительства РФ), и их средние размеры изменялись от 18 до 30% от цены нефти. В феврале 1993 г. Верховный Совет России утвердил Положение «О государственном внебюджетном фонде воспроизводства минерально-сырьевой базы Российской Федерации». Положением были предусмотрены отчисления всеми недропользователями, вне зависимости от форм собственности, 10% суммы товарной выручки от реализации добытых объемов нефти и газа в указанный фонд.

Наряду со взиманием рентных платежей с нефте- и газодобывающих предприятий, т.е. непосредственно у источника дохода, в НГС сохранилось и косвенное налогообложение. Налог на реализацию горюче-смазочных материалов (нефтепродуктов) был введен еще в соответствии с Законом РФ «О дорожных фондах Российской Федерации» от 18 октября 1991 г. Поступавшие в бюджет платежи от этого налога должны были целевым образом использоваться на поддержание и развитие автодорожной сети в России. Кроме того, весной 1994 г. решением правительства был введен акциз на бензин.

Стал быстро сокращаться прямой государственный экспорт. Основной поток сместился в сторону экспорта предприятий, облагавшегося вывозными таможенными пошлинами. Веденные с 1 января 1992 г. экспортные пошлины на нефть и газ в первые годы своего существования имели общую тенденцию к снижению, что объяснялось, с одной стороны, постепенным сближением внутренних и мировых цен на энергоносители, а с другой — необходимостью стимулирования производства и инвестиций в нефтегазовом секторе. Многочисленными правительственными решениями были установлены в целом обширные льготы по тарифному обложению экспорта нефти и газа, которые распространялись как на государственные предприятия и компании, так и на предприятия с участием иностранного капитала. С 1994 г. началась последняя фаза либерализации экспорта нефти и нефтепродуктов, предусматривавшая отмену механизмов квотирования и лицензирования. Либерализация нефтяного экспорта шла параллельно с дальнейшим снижением вывозных таможенных пошлин и сопровождалась отменой разного рода льгот по тарифному обложению экспорта, в том числе и на государственные нужды.

Таким образом, в начале 1990-х годов в экономике России и ее нефтегазовом секторе произошли заметные изменения рыночного свойства. С одной стороны, были созданы существенные «материальные» предпосылки для построения нового правового механизма, регулирующего экономические отношения в добывающих производствах — появился реальный и притом расширяющийся рынок. А с другой стороны, построение такового механизма оказалось просто необходимым для государства, которое во все большей степени отстранялось от непосредственной хозяйственной деятельности в сфере добычи полезных ископаемых и, следовательно, теряло прежние возможности прямого участия в присвоении и распределении доходов. Иными словами, государство постепенно становилось «просто собственником» недр, а не участником хозяйственного процесса их эксплуатации, и ему потребовались новые инструменты реализации своего права собственности.

Товарный рынок, частная собственность, платное недропользование — «высший триумвират» идей при проведении рыночных преобразований в российском НГС. Но как должны были формироваться отдельные элементы и блоки этих «макрокатегорий» рыночной экономики, в какой последовательности и в какой взаимосвязи, какой симбиоз между старыми и новыми институтами был допустим и на какое время — с тем, чтобы не просто перейти к рынку, а сделать это с максимальной социально-экономической выгодой или, наоборот, с минимальными потерями для экономики и общества — об этом у государства не было вразумительных представлений. В дебюте партии государство продемонстрировало такие же шахматные способности, как и «гроссмейстер (старший мастер)» О. Бендер, который твердо знал только один ход e2—e4.

Но сам по себе этот известнейший среди всех шахматных ходов не является ни сильным, ни слабым. Слабость или сила первого хода определяется последующими ходами — своими и соперника, — тем планом или той стратегией, которая принята на игру. А если никакого расчетливого плана нет? И нет никакой стратегии? Тогда ход королевской пешкой лишь маскирует слабости игрока. Тогда в реальном процессе экономических реформ переход к рынку становится самоцелью преобразований, а не предпосылкой или первоначальным импульсом для модернизации застопорившейся директивно-плановой экономики и обеспечения устойчивого экономического роста на новом институциональном базисе.

«Плодотворная дебютная идея», которой не было…

Предмет моей лекции — плодотворная дебютная идея. Что такое, товарищи, дебют и что такое, товарищи, идея? Дебют, товарищи, это "Quasi una fantasia". А что такое, товарищи, значит идея? Идея, товарищи, — это человеческая мысль, облеченная в логическую шахматную форму.

Ильф и Петров. Двенадцать стульев[240]

После распада СССР экономические преобразования в России приобрели конкретный практический характер. Но если говорить о нефтегазовом секторе, то реформистские

[240] Цитируется по изданию: И. Ильф и А. Петров. Двенадцать стульев. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — С. 297.

действия были по большей части вынужденными, продиктованными сиюминутными трудностями и проблемами, что свидетельствовало об отсутствии четкой целостной концепции проведения реформ — той самой «плодотворной дебютной идеи», о которой говорил «великий шахматный теоретик» Остап Бендер. Т.е. даже действия начальной фазы реформирования не были надлежащим образом «запрограммированы», не говоря уже о какой-то долгосрочной стратегии преобразований. Зато было немало красивых обещаний, вроде двух автомобилей «Волга» за один ваучер к концу приватизации.[241]

Отрезок времени с 1992 по 1998 г. стал периодом наиболее масштабных и радикальных преобразований, связанных с переходом к рыночной экономике и созданием присущих ей институциональных условий, прежде всего, в сфере недропользования (принятие Закона о «О недрах» и переход к платному предоставлению недр в пользование добывающим предприятиям). На базе государственных предприятий были образованы вертикально интегрированные концерны («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «СИДАНКО», Тюменская нефтяная компания и др.), которые в ходе последовавшей приватизации практически полностью (за исключением «Газпрома») перешли в частную собственность. Сначала в нефтяной, а затем и в газовой промышленности сложилась довольно мощная прослойка частных независимых компаний, доля которых, например, в добыче нефти достигала 12%, что способствовало формированию конкурентной среды. В пошаговом режиме произошла либерализация цен на нефть и нефтепродукты, но сохранилось государственное регулирование цен на природный газ и тарифов на услуги естественных монополий (трубопроводный транспорт нефти и газа).

На рубеже 1990-х — 2000-х годов реформы приобрели эволюционный характер, исключавший какие-либо радикальные преобразования и потрясения фундаментальных основ нового экономического порядка. Реформы стали направлены главным образом на усиление стабильности институциональной среды путем существенного перераспределения властных полномочий в пользу федерального центра (в частности, в управлении недропользованием и в налогообложении). Но при этом в ходе преобразований произошла своего рода рецессия, выразившаяся в расширении прямого участия государства в нефтегазовом секторе и в ужесточении контрольно-регулирующих функций, что образно определяется как переход к «ручному управлению». Значительно возросла роль крупнейших компаний (в том числе за счет слияний и поглощения независимых производителей), что вызвало нарастание монопольных тенденций и ослабление конкуренции практически во всех отраслях НГС. Монополизм же, в свою очередь, превратился едва ли не в главную угрозу для эффективности функционирования сектора, его социально-экономической отдачи.

Сегодняшний итог преобразований в НГС представляет во многом обратную картину тому, к чему были устремлены помыслы идеологов российских реформ 20 лет назад. Государственный диктат вместо частнопредпринимательской инициативы, монополизм и засилье крупнейших корпораций вместо конкуренции, жесткая вертикаль власти вместо широкого распределения компетенций, «ручное управление» вместо гибкого регулирования на современный лад, ожесточенная борьба за ренту вместо справедливого распределения доходов, «рабская» зависимость от конъюнктуры мирового рынка вместо эффективности, по преимуществу сырьевая экономика вместо сбалансированного многоотраслевого хозяйства с достойно представленным обрабатывающим и ресурсным секторами. Разве мы к этому стремились?

---

[241] Надо сказать, что эти обещания к настоящему времени почти что сбылись. Суммарная капитализация публичных российский компаний превышает 30 трлн руб., что в расчете на один выданный ваучер составляет порядка 200 тыс. руб. За эти деньги сегодня можно купить парочку подержанных «Волг», выпущенных в конце 1990-х — начале 2000-х годов.

А причина видится в том, что изначальные идеи реформирования не были облечены в «логическую шахматную форму», т.е. не были транспонированы в тщательно обоснованные и детально разработанные планы действий. С самого начала «игры» государство вело свою партию так, словно находилось в глубочайшем цейтноте, делая поспешные ходы, которые первыми приходили в голову. Цейтнот, связанный с приближавшейся социально-экономической катастрофой, действительно был, но, во-первых, не настолько безнадежный, как его порою представляют, а во-вторых, государство само себя то и дело загоняло в жесткие временные рамки, пребывая в излишне долгих и мучительных сомнениях по поводу каждого мало-мальски решительного реформистского хода. Наибольшие сомнения были связаны с тем, как бы не упустить контроль над нефтегазовым сектором и не потерять доходы, с помощью которых «латались бреши», постоянно возникавшие в бюджете. Во многом символично, что радикальные рыночные реформы в России начались с режима недропользования, а именно, с той части регуляторных механизмов, в которых «материализовался» принцип платности — в конкретных процедурах, видах налогов, ставках, пропорциях распределения платежей и проч. Другие фундаментальные принципы, закрепленные в появившемся законодательстве о недропользовании и связанных с ним сферах, — конкурентность, распределение полномочий (правило «двух ключей»), стимулирование (включая деятельность по воспроизводству минерально-сырьевой базы) — заработали несколько позже, по мере развертывания деятельности по проведению конкурсов и аукционов на новые месторождения и участки недр. А все разрабатываемые к моменту принятия Закона «О недрах» месторождения нефти и газа были переданы их фактическим операторам на бесконкурсной основе. Дальнейшая либерализация цен и товарных потоков, изменения в организационно-экономической структуре и системе хозяйственных отношений фактически происходили в той мере и в той последовательности, в какой это было необходимо для обеспечения платности недропользования, для сохранения нефтегазового сектора как главного источника бюджетных доходов.

Для иллюстрации процесса вместо шахматных аналогий на ум приходят, да простит меня уважаемый читатель, аналогии аграрные. Само по себе внедрение механизмов платного недропользования в постплановой экономике, находившейся в состоянии системного кризиса, можно уподобить замене доильных аппаратов на изрядно обветшавшей молочно-товарной ферме в богом забытом колхозе.

Полуразрушенный коровник с протекающей крышей, старое заржавленное оборудование, не чищенные стойла, скудный запас кормов, больные изнуренные голодом животные, надои падают, коровы гибнут… В общем, безрадостная картина. Необходима основательная реконструкция всего хозяйства (нефтегазового сектора), на которую у председателя колхоза (правительства), привыкшего жить по старинке, нет ни сил, ни времени, ни умения, да и особого желания тоже нет. Коровник (общую институциональную структуру) следует отстроить заново или, по крайней мере, капитально отремонтировать, но для этого нужно составить грамотный проект (план реформирования) и привлечь квалифицированных строителей, а не халтурщиков — накладно, да и требует времени. Нужно обновить поголовье скота, но селекционная работа по выведению новых высокопродуктивных пород (компаний рыночного типа с менеджментом, нацеленным на эффективность) — дело еще более сложное и долгое. На какое-то время решить проблему кормов и содержания скота можно довольно простым и быстрым способом — достаточно лишь выпустить коров на вольные зеленые луга, раскинувшиеся вокруг фермы (предоставить предприятиям хозяйственную самостоятельность) и при этом часть животных продать зажиточным крестьянам-единоличникам (приватизировать активы). Правда, за лугами тоже нужно ухаживать (заниматься воспроизводством минерально-сырьевой базы), чтобы их плодородие не истощалось, а с крестьянами следует наладить правильные отношения, но это может подождать. Главное — обнести колхозные луга изгородью и нанять

пастухов (установить рамки либерализации хозяйственных отношений и наладить контроль). Скрипя сердце — кабы коровы не разбежались — председатель для начала соглашается выпустить свое стадо на откорм в луга. Экономии ради, и что вполне разумно, он решает выпускать коров постепенно, частями. Но тут здравомыслие ему изменяет: критерии отбора «кандидаток на освобождение» оказываются весьма странными. Вместо того, чтобы выпустить самых продуктивных животных, которые быстренько откормившись могли бы дать побольше молока, и тех несчастных буренок, что сильнее всего нуждаются в улучшении рациона, фермер первым делом выпускает на свободу своих любимиц (сердцу, ведь, не прикажешь!) и самых норовистых коров, которые оттеснив других, уже стучат рогами по едва держащимся на петлях воротам хлева. В конечном итоге, чтобы не потерять стадо, председатель вынужденно распродает большинство коров, а остальных отпускает пастись на колхозные луга — даже не успевая достроить ограду и не найдя требуемого числа пастухов, которым можно было бы доверять. Единственное, что не позабыл сделать колхозный руководитель — это соорудить для своих любимых коровок специальный загон в том месте, где растет самая сочная и питательная трава.

Финальная картина. Две-три любимицы нашего заботливого агрария (госкомпании нефтегазового сектора) растучнели в специальном загоне, куда других предусмотрительно не пускают, и дают больше всех молока — но отнюдь не в расчете на единицу съедаемого корма. Небольшая группа внешне спокойных упитанных коров, проданных лояльным председателю крестьянам (крупных компаний, отдающих приоритет национальному рынку), пасется в плодородной части луга, самостоятельно или с помощью пастухов и новых хозяев защищая свою территорию от посягательств со стороны «конкуренток». Несколько бойких «приватизированных» пеструх (крупнейших частных компаний) уверенно путешествует по окраинам луга, то и дело убегая за границы колхозных владений, чтобы хозяева могли их тайком подоить и не делиться молоком с председателем. Самую норовистую и бодливую корову, косо смотревшую на председателя, даже пришлось зарезать, а ее хозяина-единоличника — раскулачить... Дабы другим неповадно было. Особняком держится и группа «симменталок» (иностранных компаний), взятых в аренду на соседних фермах, за что колхоз получает процент от продажи надоенного молока. Можно было бы принять на откорм и побольше чужих высокопродуктивных коров (сделать более либеральным режим для иностранных компаний), но председатель на это никак не решается. Разве что в порядке обмена взять к себе покормиться самых-самых элитных коров с окружных ферм, а своих любимиц отправить на сытные соседские луга (допустить крупнейшие иностранные компании к освоению шельфа в формате обмена активами с российским госкомпаниями). Оставшееся стадо — несколько изнуренных коровенок («славнефти», «томскнефти» и т.п.) и тщедушный молодняк (малые независимые компании) — сгрудилось в затоптанной части луга, где из земли кое-как пробивается зеленая травка. Постройка нового коровника затянулась. Селекционный процесс пущен на самотек — как уж природа распорядится. Пастухи вместо того, чтобы зорко охранять стадо, когда тайком, а когда почти не стесняясь, доят колхозных и крестьянских коров. Председатель и крестьяне не успевают как следует ухаживать за лугом, и его плодородие постепенно истощается. Надои, конечно, не радуют, но и не слишком огорчают — благо, что цены на продаваемое молоко установились высокие. А что произойдет с хозяйством, если цены вдруг снизятся, об этом председатель даже боится задумываться.

Вот такую аграрно-уподобленную ситуацию мы, по сути дела, можем сегодня наблюдать в российском нефтегазовом секторе.

Утрата инициативы

Первые отчетливые признаки того, что нарождающийся нефтегазовый бизнес не собирается долго оставаться в тени государственных интересов и намерен активно

использовать изменяющуюся ситуацию в интересах собственных, проявились уже на самом раннем этапе реформ. Например, согласно официальным данным, в 1992 г. в отечественной нефтедобывающей промышленности действовало более 70-ти совместных предприятий с участием иностранного капитала. Работая, как правило, на скважинах и оборудовании, арендованных у российских учредителей (либо переданных российским учредителями в уставные капиталы СП) эти предприятия в общей сложности добыли 4,6 млн т нефти, а экспортировали более 5,3 млн т.[242] Действовавшие в то время СП по закону пользовались значительными льготами во внешней торговле (в сравнении с государственными предприятиями отрасли, которые могли вывозить за рубеж только нефть, добытую сверх госзаказа), и многие из них фактически превратились в каналы теневого экспорта, доходы от которого присваивали хозяева и менеджеры предприятий-учредителей.

Серьезной уступкой со стороны государства принадлежащим ему предприятиям стала безвозмездная, без проведения конкурсов и аукционов, передача всех разрабатываемых и значительной части новых месторождений нефти и газа. В не меньшей степени это следует считать уступкой лично руководителям предприятий — «красным директорам», которые автоматически становились высшими менеджерами акционерных обществ, создававшихся на базе госпредприятий, и первыми претендентами на собственность в НГС с наступлением ожидавшейся приватизации. Некоторые из тогдашних руководителей госпредприятий, например, В. Алекперов и В. Богданов, до сих пор стоят у руля и считаются фактическими хозяевами ведущих российских нефтяных компаний («ЛУКОЙЛа» и «Сургутнефтегаза»), созданных при их самом непосредственном участии.

Для перевода НГС на рыночные принципы функционирования планами правительства предусматривалось создать 10—12 вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК) на базе бывших госпредприятий. Но уже едва ли не с первых шагов реорганизации сектора стало ясно, что выстроить такое большое количество примерно равноценных конкурентоспособных компаний — с учетом не только размеров, но и качества активов — весьма проблематично. Поэтому раздел активов между ВИНК происходил во многом согласно известной поговорке, «кто успел, тот и съел», а не исходя из соображений целесообразности для развития НГС. Лучшие «куски нефтяного пирога» получили первенцы интеграционного строительства — «ЛУКОЙЛ», ЮКОС и «Сургутнефтегаз».

«ЛУКОЙЛ» стал собственником хороших добывающих активов в Западной Сибири, значительная часть которых создавалась под личным руководством В. Алекперова в бытность его генеральным директором производственного объединения «Когалымнефтегаз», а помимо этого получил ряд НПЗ в Урало-Поволжье и предприятий нефтепродуктообеспечения в центральной части России (прямо в духе «сухаревской конвенции» из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»). ЮКОС обзавелся крупнейшим перерабатывающим пулом в Самарской области и добывающим предприятием «Юганскнефтегаз», бывшим держателем лицензии на разработку гигантского Приобского месторождения — последнего из месторождений подобного класса, открытых в России и которое только-только вводилось в эксплуатацию. В состав «Сургутнефтегаза» вошло одноименное нефтедобывающее госпредприятие (которое возглавлял В. Богданов), а также один из крупнейших в России и относительно новый Киришский НПЗ — к тому же единственный завод на Северо-Западе страны, расположенный в непосредственной близости от «северной столицы» и морских портов Балтики. Т.е. устойчивый сбыт нефтепродуктов «Сургутнефтегазу» был практически гарантирован.

Остальным компаниям достались активы похуже — прежде всего в качественном отношении. Например, компания «СИДАНКО» получила весьма истощенные добывающие активы в Западной Сибири и в Поволжье, небольшой Саратовский НПЗ (был введен в строй

[242] Нефтяная промышленность Российской Федерации — 1992. М.: ВНИИОЭНГ, 1993.

еще 1934 г.) и Ангарскую нефтехимическую компанию, бывшую одним из крупнейших, но в техническом отношении далеко не самым лучшим нефтеперерабатывающим предприятием страны. «СИДАНКО» должна была обеспечивать нефтепродуктами потребителей в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, т.е. в регионах с очень низким платежеспособным спросом. Ангарская «дочка» «СИДАНКО» в 1997 г. была подвергнута процедуре банкротства, после чего судьба всей компании оказалась предрешенной (активы «СИДАНКО» разобрали на частям ЮКОС, «Славнефть» и ТНК). Т.е. далеко не все новорожденные ВИНК, о чем говорит пример «СИДАНКО», сумели «повзрослеть» и «встать на ноги».

Определенный диссонанс в процесс реорганизации нефтегазового сектора внесли власти регионов с претензиями на создание собственных, образно говоря, «карманных» компаний. Региональные элиты попытались перехватить инициативу у «федералов», поскольку не хотели выпускать из-под своего контроля предприятия НГС — и это относится ко всем регионам, где велась добыча и переработка нефти (Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому АО, Республике Коми, Оренбургской и Томской областям, Татарстану, Башкортостану и др.). Но в достаточно полном виде активы НГС существовали в основном на территории субъектов Федерации в европейской части страны, где под влиянием региональных властей сформировались интегрированные компании «ОНАКО» (в Оренбургской области) и «Коми-ТЭК» (в Республике Коми). Власти Татарстана и Башкортостана встали буквально стеной и получили практически полный контроль над нефтедобывающими и перерабатывающими предприятиями на своих территориях, следуя знаменитому совету Б.Н. Ельцина *«берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»*. Вполне очевидно, что соперничество между уровнями власти в установлении контроля над активами отнюдь не способствовало усилению позиций государства в реформировании НГС.

Вдобавок к этому нефтегазовые интересы появились у «непрофильного» бизнеса, дружественного высшему руководству страны. Достаточно вспомнить создание компании «Сибнефть» персонально для друга «семьи» Р. Абрамовича. Причем в состав «Сибнефти» были включены сырьевые активы с растущей добычей в Ямало-Ненецком АО (производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз») и один из лучших в стране Омский НПЗ. Не хотели упускать своего шанса и бывшие руководители советского «нефтепрома» — на волне подобного рода субъективных интересов была образована «Восточная нефтяная компания» (в составе «Томскнефти» и Ачинского НПЗ), которую возглавил предпоследний Министр нефтяной и газовой промышленности СССР Л.И. Филимонов, после распада Союза руководивший объединением «Томскнефть».

Вместо запланированного количества сильных ВИНК родился набор разнокалиберных компаний — покрупнее и помельче, с хорошими и «неважнецкими» активами, с разной степенью интеграции и территориального охвата, с далеко неодинаковым по качеству менеджментом. У крупных корпораций, в которых, как правило, разделяются функции собственности и управления, есть свои закономерности развития. Конкурентоспособность акционерных компаний определяется не только размерами и качеством активов, но и качеством менеджмента в широком смысле слова, т.е. не только и не столько «техническим» умением управлять бизнесом, сколько целями и мотивациями. Первые собственники и менеджеры «свежепостроенных» российских нефтяных компаний, добрая половина которых представляла собой искусственные образования с кое-как подобранными активами, изначально стояли перед выбором мотиваций. Что предпочесть: рост и усиление рыночных позиций «подведомственной» компании или же быстрое самообогащение?

В качестве примеров первого рода можно назвать компании «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз». Детище Вагита Алекперова в процессе своего развития превратилось из государственного концерна в крупнейшую российскую публичную корпорацию, которая

с полным правом может называться международной нефтяной компанией — пусть не такого «калибра» как ExxonMobil или Royal Dutch Shell, но все же… Возглавляемый Владимиром Богдановым «Сургутнефтегаз» на протяжении длительного времени (вплоть до 2008 г.) был наиболее стабильно растущим производителем нефти в России и при этом считался едва ли не самой «национальной» из всех наших нефтегазовых компаний, поскольку ориентировался в основном на использование отечественных технических и финансовых ресурсов, был своего рода «индикатором здоровья» нефтяной отрасли. Если же у корпоративного менеджмента цели и приоритеты другого порядка, если для менеджеров и собственников главным является получение прибыли — побольше и побыстрее, — то мы получим пример уже упомянутой компании «СИДАНКО», которая несколько раз переходила из рук в руки. При этом сменявшие друг друга владельцы заботились только об одном, как побыстрее обогатиться за счет компании. И так продолжалось до тех пор, пока активы «СИДАНКО» не приобрела British Petroleum (позднее указанные активы были внесены в качестве вклада в совместную компанию ТНК-ВР).

Слабый и не вполне чистоплотный менеджмент компаний, фактически созданных государством, работал против государства и против целесообразности проводимых реформ. Таким образом, уже с середины 1990-х годов инициатива в реорганизации и реформировании НГС стала потихоньку «уплывать из рук» государства к бизнесу, что стало еще более очевидным в 2000-х годах при переходе к третьему эволюционному этапу реформ с его откатом от конкурентности к монополизму и с попытками федеральных властей сконцентрировать у себя все ключевые полномочия по управлению главным сектором российской экономики.

«Черные» укрепляют позицию за счет «белых»

Основная идея тактико-стратегических построений нефтегазового бизнеса в соперничестве с государством, в принципе, весьма проста. Не имея инициативы в дебюте игры, «черные» постоянно выискивали уязвимости в позиции «белых» и за счет этого укрепляли собственное положение. Залоговые аукционы, на которых была задешево скуплена значительная часть приватизируемых активов НГС; оптимизация налогов с помощью «внутренних оффшоров» и трансфертного ценообразования; консолидация капиталов и производственных активов, приведшая к фактическому разделу рынка между крупнейшими компаниям; беспощадная эксплуатация недр с постоянной утечкой доходов от добычи нефти и газа за границу — вполне достаточный список «дыр» и уязвимостей в налоговом и антимонопольном законодательстве, регулировании процессов недропользования и в финансовой политике государства, использование которых позволило крупному нефтегазовому бизнесу набрать силу и всерьез противопоставить свои интересы общественным и государственным.

Сила «черных» — в консолидации фигур на доске

И все-таки главный козырь «черных» в партии против «белых» заключается в консолидации фигур, а в реальной действительности — в монополизме, приносящем множество разнообразных прямых и косвенных выгод, включая возможность оказывать решающее влияние на процессы развития отечественного НГС, несмотря на всяческие формальные и неформальные ограничения со стороны государства и пресловутое «ручное управление». Едва ли не все остальное, о чем было сказано выше, — это производное от монополизма. Только крупнейшие компании, имеющие монопольное или олигопольное влияние в НГС, могут диктовать цены на нефть и газ конечным потребителям, снижая тем самым эффективность национальной экономики. Только монополистам под силу вымогать у государства бесконечные налоговые льготы для реализации любых затратных проектов в добыче и переработке углеводородов. Только из-за корыстной бездеятельности монополистов государство оказывается вынужденным менять планы и сроки проведения реформ, отодвигая на будущее те или иные мероприятия (как например, введение новых техрегламентов на нефтепродукты, которое не раз срывалось из-за слишком медленной модернизации отечественной нефтепереработки). При этом совершенно безразлично о каком монополизме идет речь — частных компаний или государственных. И те и другие в равной степени склонны к оппортунистическому поведению, выступая, по сути дела, единым фронтом против общественно-государственных интересов.

Один из парадоксов российских реформ состоит в том, что изначально они должны были разрушить государственную «сверхмонополию» и внести необходимые элементы конкурентности в функционирование НГС. Но случилось так, что в ходе преобразований государство, которое их инициировало, свернуло с пути построения конкурентного рынка, и процесс реформ стал процессом перерождения государственной «сверхмонополии» в монополии государственно-корпоративные и частные. Поэтому история реформ одновременно представляет собой генезис «нового монополизма» в российском НГС.

Что из себя представляла упомянутая выше государственная «сверхмонополия» в НГС на рубеже 1980-х—1990-х годов? Эта система выпестовывалась на протяжении

многих десятилетий и в итоге приобрела жесткую иерархическую структуру отраслевого типа: предприятие — министерство (отраслевой орган управления) или предприятие — главк (территориальное главное управление) — министерство. Союзный и республиканские Госпланы помещались где-то «сбоку» и всего лишь координировали деятельность отраслевых министерств и ведомств. Поэтому несмотря на формальное единство централизованных планов, имела место зачастую вопиющая ведомственная разобщенность, поскольку деятельность в НГС в той или иной степени находилась под «опекой» более десятка союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и государственных комитетов и комиссий. Вот перечень главных «опекунов» НГС в плановой экономике с кратким содержанием их сфер деятельности и компетенций:

- Министерство геологии (Мингео) СССР — изучение недр, поиск и разведка месторождений нефти и газа (наряду с другими полезными ископаемыми);
- Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых (ГКЗ) при Совете Министров СССР — подсчет запасов, ведение балансов запасов нефти и газа;
- Министерство нефтяной промышленности (Миннефтепром) СССР — добыча и транспорт нефти, переработка нефтяного попутного газа;
- Министерство газовой промышленности (Мингазпром) СССР — добыча, транспорт и переработка природного газа и газового конденсата, снабжение потребителей природным и сжиженным газом;
- Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности (Миннефтехимпром) СССР — переработка нефти, нефтехимия (линейка производств синтетических каучуков и продуктов органического синтеза);
- Министерство химической промышленности (Минхимпром) и Министерство по производству минеральный удобрений (Минудобрений) СССР — газохимия (аммиак, метанол и производные продукты), производство синтетических смол и пластмасс, синтетических волокон (на базе нефтегазового сырья);
- Государственный комитет СССР по обеспечению нефтепродуктами (Госкомнефтепродукт) и аналогичные комитеты во всех союзных республиках — снабжение потребителей нефтепродуктами;
- Госплан СССР и структура республиканских плановых органов — координация отраслевых планов развития НГС, ведение топливно-энергетического баланса страны.

В 1989 г. союзный Мингазпром был преобразован в государственный газодобывающий концерн «Газпром», главой которого стал В.С. Черномырдин. Административные функции упраздненного ведомства частично отошли к вновь учрежденному Министерству нефтяной и газовой промышленности (Миннефтегазпрому) СССР, которое просуществовало вплоть до распада Союза.

Базовым типом предприятия являлось так называемое «производственное объединение», которое обычно осуществляло целый комплекс различных видов деятельности — основной и вспомогательной. Например, производственные объединения нефтяной промышленности занимались добычей и промысловой подготовкой нефти, бурением скважин, обустройством промыслов, доразведкой месторождений в процессе эксплуатации, ремонтом и техническим обслуживанием оборудования, материально-техническим снабжением и проч. В районах нового освоения, как это было в Западной Сибири, нефтегазовые производственные объединения зачастую превращались в своего рода «удельные княжества», поскольку на их балансе находились не только производственные объекты, но и жилищно-коммунальное хозяйство, все системы хозяйственной и социально-бытовой инфраструктуры, сферы профессионального образования и т.д. и т.п. Нередко бывало так, что в северных нефтегазовых городах и поселках только общеобразовательные

школы не подчинялись добывающим объединениям. Впрочем, не только в северных, а в большинстве российских городов с монопрофильной экономикой, или так называемых «моногородов», где основные социально-экономические компетенции возлагались на градообразующие предприятия. В больших же городах вокруг мощных и «богатых» предприятий нередко формировались жилые районы полуанклавного типа с ведомственным жилищно-коммунальным хозяйством, соцкультбытом, медициной и проч. [243]

Эгоцентризм отраслевых ведомств в плановой экономике был сродни эгоцентризму монополистических корпораций. Разница состояла лишь в том, что в плановой экономике СССР не стоял вопрос о максимизации прибыли и, как правило, личной выгоде для участников. Межведомственное противостояние в основном сводилось к соперничеству за власть, влияние, престиж — успехи в этой борьбе приносили вполне осязаемые результаты в виде большей массы инвестиций, финансовых и материально-технических ресурсов, которые плановым путем выделялись на развитие подведомственных отраслей. А чем больше выделялось ресурсов, тем выше были шансы на достижение новых успехов и быстрых темпов роста, тем значимее для экономики становилась та или иная отрасль, тем выше поднимался авторитет отраслевого органа управления. Т.е. в конечном счете, речь шла об определенных выгодах, хотя и непрямого свойства.

Глубоко укоренившийся ведомственный эгоцентризм и ставший привычным «удельно-княжеский» стиль управления «вотчинами» у госпредприятий оказались весьма основательным фундаментом будущего корпоративного монополизма в российском НГС. Образно говоря, созданные в ходе реформ нефтегазовые акционерные компании были заражены «вирусом» монополизма, еще находясь в «материнской утробе», т.е. в рамках системы директивно-планового управления экономикой. Противостоять развитию «болезни» в процессе реформирования НГС можно было только путем упреждающих «инъекций» антимонопольной «вакцины», создания эффективной системы антимонопольного регулирования. Но этого не произошло. Реформистские приоритеты были отданы реорганизации НГС в надежде на то, что зарождавшиеся ВИНКи будут добровольно конкурировать друг с другом.

К середине 1990-х годов все госпредприятия нефтяной и газовой отраслей были преобразованы в акционерные общества с закреплением в государственной собственности контрольных пакетов акций (до 40%) сроком на 3 года. В нефтяной отрасли, согласно разработанной в Минтопэнерго РФ концепции структурной реформы (а где-то и вопреки этой концепции), было образовано несколько вертикально интегрированных компаний, которые продолжали свой рост за счет присоединения акционированных предприятий, ранее не нашедших «постоянных хозяев». Предприятия газовой промышленности по воле государства объединились в составе Российского акционерного общества «Газпром», возникшего после акционирования одноименного концерна. Контрольные пакеты акций интегрированных нефтяных компаний и РАО «Газпром» были переданы в управление Госкомимуществу РФ. Не разобранные нефтяные АО находились под «опекой» Государственного предприятия «Роснефть», которое было образовано согласно все тому же 1403-му президентскому указу и осуществляло коммерческое управление контрольными пакетами акций предприятий, не вошедших в состав интегрированных компаний. Акции нескольких десятков компаний, в том числе «ЛУКОЙЛа», включая всех его «дочек», и РАО «Газпром», выставлялись на так называемых чековых аукционах — продавались за приватизационные чеки (ваучеры), что должно было символизировать «народную приватизацию» активов НГС. После завершения чековой приватизации начались денежные

[243] Любопытно, что советское государство не допускало, чтобы учреждения начального и среднего образования (в отличие, скажем, от больниц, поликлиник, детских садов и проч.) попадали в прямое подчинение хозяйственным структурам, т.е. они всегда оставались непосредственно в системе Министерства образования.

аукционы по акциям нефтяных компаний — на продажу выставлялись акции ЮКОСа, «Коминефти» и других. И наконец, последним актом перечисленных событий стал Указ Президента РФ от 17 сентября 1994 г. № 1931, в соответствии с которым правительству было поручено решить вопрос о досрочной реализации акций РАО «Газпром», принадлежащих государству.

На заре преобразований российские власти были чрезмерно обеспокоены проблемой сохранения организационно-технологической целостности НГС, поэтому «краеугольным камнем» реформ стала замена ведомственной подхода к управлению отраслями НГС вертикальной интеграцией в рамках концернов (будущих корпораций) нефтяной промышленности. Вновь создаваемые компании — сначала государственные, а впоследствии подлежащие приватизации, — формировались как вертикально интегрированные, т.е. включали в свой состав все виды деятельности «от скважины до бензоколонки». Но вертикальная интеграция в экономике — вещь далеко неоднозначная и таящая в себе немало опасностей. При отсутствии адекватных механизмов государственного регулирования (антимонопольного — прежде всего) и в сочетании с естественным стремлением корпораций к саморасширению она ведет к усилению монополизма — как такового или в слегка смягченном олигопольном формате. Последнее не имеет особого значения, поскольку для экономики, общества и государства безразлично, кто пытается диктовать условия — одна гигантская корпорация или пятерка крупнейших компаний, проводящих согласованную политику.

Абсолютизация неоднозначного принципа вертикального интегрирования стала одной из существенных, и как оказалось — почти не поправимых в будущем, ошибок государства на начальной фазе реформ в НГС. Она привела не только к монополизации нефтегазового бизнеса и к чрезмерному усилению оппортунистического влияния со стороны крупнейших корпораций, но и к фактической дефрагментации национального рынка. Крупнейшим интегрированным компаниям с экстерриториальным характером деятельности единое в масштабах страны рыночное пространство в общем-то не нужно. Им вполне достаточно доминировать на отдельных региональных или макрорегиональных рынках — продуктовых, сервисных и ресурсных. В советской экономике роль объединяющего фактора играло отраслевое и народно-хозяйственное планирование, с переходом к рыночным отношениям указанная функция, по замыслам правительства, должна была отойти к вертикально интегрированным структурам. Дескать, так происходит во всем мире, значит и у нас так должно быть. На самом же деле, вертикальная интеграция консолидирует финансово-хозяйственную и производственную деятельность только в рамках отдельно взятых компаний, и почти никоим образом не затрагивает сферу межкорпоративных взаимодействий на рынке. В условиях рыночных отношений объединяющую функцию выполняет свободная конкуренция, которая не только обеспечивает перетоки товаров и ресурсов (включая капитал) в пространстве и времени, но и создает неизбежные мотивации к эффективной деятельности для всех участников рынка. В современном нефтегазовом секторе больших стран, как показывает опыт США, конкурентная среда на рынке при преобладающем положении крупнейших компаний поддерживается путем постоянного развития сегмента независимых производителей самого разного типа и калибра (зачастую — не интегрированных, а работающих в одной из отраслевых сфер нефтегазового бизнеса). При это независимый сегмент, как класс, находится под особым протекционизмом со стороны государства. В России же становлению и развитию независимого сегмента в НГС не было уделено должного внимания. Можно даже сказать, что независимые компании были и остаются для государства чем-то вроде «бельма в глазу» — внимания требуют много, а проку мало. Разнообразную деятельность большого числа независимых (особенно — малых и средних) производителей нужно регулировать, поскольку «ручное управление» в данном случае не годится — слишком много управляемых субъектов.

Другая существенная ошибка государства в реформировании НГС, проявившаяся на более позднем этапе реформ, связана с отношением к так называемым «естественным монополиям», т.е. к таким видам деятельности, как магистральный транспорт нефти и газа, имевшим, по мнению правительства и многих специалистов, естественно-монопольный характер. Особую сложность представляло собой реформирование «Газпрома», объединявшего в своей структуре и естественно-монопольные (транспорт газа) и конкурентные (добыча и переработка газа) виды деятельности. Предполагалось разделить «Газпром» на две компании — добывающую и транспортную, — починив последнюю (в статусе естественной монополии) непосредственно государству. Но в 2000-х годах федеральная власть отказалась от этого плана, сохранив целостность «Газпрома» в угоду фикс-идее повышения капитализации компании (во всяком случае, так выглядело на «поверхности явлений», да какие-либо иные объективные причины трудно найти).

Итак, что представляют собой итоги 20-летних реформ с позиций крупного бизнеса, играющего почти доминирующую роль в российском НГС? Сначала результирующая цель реформ виделась в разрушении унаследованной от СССР нефтегазовой «сверхмонополии» и в создании конкурентной рыночной среды. Бизнес был с очевидностью в этом заинтересован, поскольку «сверхмонополия» являлась государственной, и ее демонтаж ассоциировался с освобождением от всеохватного державного контроля. Однако процесс преобразований начал давать сбои едва ли не с первых своих шагов. Бизнес использовал слабости и уязвимости в позиции государства для достижения своих интересов, в результате чего произошло не разрушение монополизма, а лишь его определенная трансформация — из государственного в частно-корпоративный и государственно-корпоративный. Причем усиление подконтрольных государству корпораций с превращением в мега-компании стало ответом властей на чрезмерное, по их мнению, влияние частного бизнеса в НГС. Сегодня обществу и государству противостоит пул из нескольких крупнейших нефтегазовых компаний, очевидно склонных к оппортунистически-монопольному (олигопольному) поведению. И это только кажется, что они находятся под «ручным управлением» государства. Эффективность такого управления крайне низка, поскольку принимаемые правительством решения в действительности слишком часто обусловлены интересами компаний-монополистов (не важно — частных или государственных). Российские власти («белые») слишком часто идут на поводу у крупного бизнеса, у консолидированных черных фигур, продолжая ослаблять свою позицию на «доске нефтегазовых шахмат».

Оппортунизм черных пешек — реальный и мнимый

Разноцветные альянсы в «нефтегазовых шахматах» — вещь обычная. Разыгрывая свою партию, уже начиная с дебютной стадии, «белые» могли выбрать себе в союзники пешечный строй «черных», представленный независимыми нефтегазовыми компаниями. И вроде бы даже государство декларировало намерения поддерживать независимых производителей во всех сферах НГС. Но в реалиях многое получилось совсем иначе. Государство не только не смогло солидаризироваться с независимыми и превратить их в оплот конкурентности в НГС, но и поучаствовало — прямо или косвенно — в устранении сегмента независимых в качестве серьезного игрока на «нефтегазовом поле», лишило черные пешки каких-либо надежд на то, чтобы выйти в ферзи или хотя бы в «офицеры».

Возвращаясь к истории, можно констатировать, что во второй половине 1980-х годов государство, как говорится, слегка «отпустило вожжи». В стране начались реформы рыночной направленности, основной акцент которых был смещен в сторону отраслей

и видов деятельности, непосредственно приближенных к потребителю (сфера обслуживания, торговля, мелкое производство товаров народного потребления и продуктов питания и т.п.). Что касается базовых отраслей экономики, то изменения проводились очень осторожно, поскольку государство ни в малейшей степени не собиралось утратить контроль над добычей нефти и газа, выплавкой металлов, производством электроэнергии и проч. Лишь в самом конце 1980-х годов были созданы два первых государственных концерна: «Газпром» — на базе активов газовой отрасли (в 1989 г.), и в нефтяной промышленности — «ЛУКОЙЛ» (1991 г.). Потихоньку стал разворачиваться процесс расширения хозяйственной самостоятельности госпредприятий, т.е. делались попытки создать реальные стимулы для повышения эффективности производства. Одновременно начал зарождаться негосударственный сегмент в НГС — появились арендные (АП) и совместные предприятия, пробившие первые «бреши» в государственной нефтегазовой «сверхмонополии» .

В качестве самого яркого примера можно привести АП «Черногорнефть», которое было создано в 1990 г. на базе одноименного нефтегазодобывающего управления, входившего в производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз». По договору с объединением «Черногорнефть» получило в аренду 12 нефтяных месторождений. Вскоре договор аренды на месторождения был перезаключен на 25 лет с российским ведомством, отвечавшим за управление государственным имуществом. В конце 1991 г. «Черногорнефть» совместно с канадской компанией Norex Petroleum Limited учредили акционерную компанию «Корпорация "Юганефть"». Доля российской стороны в ее уставном капитале составила 40%, канадской — 60%. Затем «Черногорнефть» передало этой корпорации в субаренду имущество своего основного Мало-Черногорского месторождения — здания, сооружения, скважины, коммуникации и оборудование — до 2007 г., предусмотрев возможность выкупа, а его сотрудники были переведены в штат «Юганефти». ЗАО «Татойлгаз» — первое совместное предприятие с иностранными инвестициями в нефтяной промышленности СССР — создано в январе 1989 г. западногерманской фирмой Mineralol-Rohstoff-Handel GMBH и российским ПО «Татнефть». Немного позднее была создана целая серия СП с участием компании Canadian Fracmaster (в Томской и Тюменской областях) для осуществления технологических операций по гидроразрыву пластов и повышения нефтеотдачи на истощенных нефтяных месторождениях.[244]

Начиная с 1992 г., наряду со строительством интегрированных компаний, «пошел процесс» бурного развития независимого сегмента — сначала в нефтедобыче, а затем и в газодобывающей отрасли. Период 1990-х гг. вообще можно назвать расцветом независимых компаний в отечественном НГС, поскольку они росли как грибы — уже к середине 1993 г. в нефтяной промышленности насчитывалось порядка 80-ти независимых компаний (российских акционерных обществ и СП). Возникли новые и усилили свои позиции «старые» негосударственные нефтяные компании с российским («Магма», НИПЕК, РИТЭК, АНК «Юганефть», «Эвихон» и др.) и иностранным капиталом («Белые ночи», «Полярное Сияние», «КомиАрктикОйл», СИНКО и др.). К январю 1993 г. суммарная среднесуточная добыча нефти этими предприятиями вышла на уровень 20,8 тыс. т, что в годовом исчислении составляло порядка 7,6 млн т. В 1993 г. добыча нефти совместными предприятиями и другими независимыми компаниями в сумме достигла 12,4 млн т. Хотя «ядро» независимого сегмента образовывали СП, приток иностранных инвестиций в нефтяную и газовую промышленность был крайне невелик. В 1992 г. совместные предприятия инвестировали в нефтяную промышленность России примерно 150 млн долл., а в 1993 г. — 230 млн долл. (доли процента от общего объема инвестиций в отрасль). Справедливости ради нужно отметить, что низкая активность иностранных инвесторов в России была связана с высокими политическими и экономическими рисками, несовершенством действовавшего законодательства (Закон «Об иностранных инвестициях

[244] По материалам интернет-источников.

в РСФСР» был принят еще в 1991 г., т.е. в советское время, и нуждался в серьезной корректировке под рыночные условия), нестабильностью налогового режима, который то неожиданно ужесточался, то наоборот становился более мягким (например, по Указу Президента РФ от 23 мая 1994 г. № 1004 «О некоторых вопросах налоговой политики»).[245]

К 2000 г. доля независимых производителей в добыче углеводородов достигла своего максимума: нефти — 12%, газа — около 10%.[246] При этом любопытно отметить, что именно в газовой отрасли сложились наиболее крупные независимые компании — «Нортгаз», «НОВАТЭК», «Итера». Последняя планировала выйти на объемы годовой добычи газа порядка 50 млрд $м^3$, или более 8,5% от общеотраслевого показателя.[247]

Но это красивый фасад, а что скрывалось и скрывается за ним? В развитии независимого сегмента в НГС было и остается немало негативных моментов. У черных пешек с такой же очевидностью просматривается склонность к оппортунистическому поведению, как и у черных фигур — представителей крупного нефтегазового бизнеса, — чему не приходится удивляться. Оппортунизм есть общее свойство поведения бизнеса, которое раскрывается в зависимости от тех рамок, которые выстраиваются государством. Слабая регуляторная политика способствует расширению корпоративного оппортунизма во всех его проявлениях и на всех этажах бизнес-иерархии, включая уровень малых и средних компаний.

Начнем с того, что далеко не все «независимые производители» были независимыми и уж тем более — производителями. В НГС, да и в других секторах экономики, которые были связаны с освоением природных ресурсов, сформировался слой, образно говоря, «фирм-пираний», основная деятельность которых фактически заключалась в выкачивании доходов из материнских компаний, хотя «на бумаге» они занимались добычей нефти и газа. Как правило, это были «карманные» фирмы, принадлежащие собственникам и высшим менеджерам крупных нефтегазовых корпораций. В начале 1990-х годов едва ли не большинство таких «пираний» имело статус СП и пользовалось льготами при экспорте нефти, поэтому перераспределение потоков экспортной продукции через подобные структуры позволяло крупным компаниям (которые был реальными производителями) минимизировать размеры уплачиваемых пошлин. Многие нефтегазовые компании из числа независимых имели тесные связи с региональными финансовыми и управленческими элитами, т.е. зависели от последних и выполняли такие же функции, что и «пираньи», о которых было сказано выше, с той лишь разницей, что работали они на карман местных «олигархов» и чиновников. Иными словами, возникновение целого слоя формально независимых нефтегазовых компаний де-факто не имело никакого отношения к созданию конкурентной среды в НГС, а представляло собой механизм теневого перераспределения рентных доходов.

Проникновение в НГС некоторых независимых компаний шло весьма замысловатыми путями на основе сомнительных (с «государственно-патриотической» точки зрения) источников происхождения капитала при его непрозрачной структуре. Характерным в этом отношении примером является Нефтегазовая компания «Итера», которая за весьма непродолжительное время превратилась из рядовой торговой фирмы во второго по величине (после «Газпрома») производителя природного газа в России.

---

[245] «Белая книга», гл. 4. «Генезис механизмов платного недропользования в России».

[246] Топливно-энергетический комплекс России: 2000—2008 гг. (справочно-аналитический обзор). / Под общ. ред. проф., д.т.н. В.В. Бушуева, д.э.н. А.М. Мастепанова, к.г.н. А.И. Громова. — М.: ИАЦ «Энергия», 2009 • URL: http://www.energystrategy.ru/editions/TEK-08.htm [2013-06-08].

[247] По данным НГК «ИТЕРА» • URL: http://www.itera.ru/isp/print?page_id=289 [2013-06-08].

Зарегистрированная в оффшорной зоне Кюрасао Международная группа компаний ООО «Итера», или Itera International, начала свою деятельность в США в 1992 г. в качестве обычного трейдера. Собственниками компании являлись выходцы из России, ставшие американскими подданными. С 1994 г. компания включилась в операции по торговле туркменским газом по схеме «газ в обмен на продовольствие» и быстро превратилась в основного оператора по поставкам газа из Туркмении в страны СНГ (включая функции транзита по территории России). Затем «Итера» приступила к операциям в России, занявшись реализацией газа, принадлежавшего Ямало-Ненецкому АО и полученного регионом от «Газпрома» в качестве «натуроплаты» налогов. Одним из крупнейших рынков сбыта стала Свердловская область. В конце 1990-х годов «Газпром» уступил «Итере» ряд своих сырьевых активов (новых месторождений, где практически ничего не было кроме запасов в недрах) в Ямало-Ненецком АО. Вложив в освоение этих объектов примерно 200 млн долл. «Итера» стала газодобывающей компанией. В 2002 г. в ходе консолидации газовых активов в России было создано ООО НГК «ИТЕРА».

Позднее под давлением «Газпрома» компания была вынуждена расстаться с большинством добывающих активов (вернуть их прежнему владельцу), но не прекратила свою деятельность в качестве оператора на газовом рынке. Так, в 2010 г. «Итера» поставила потребителям 19,2 млрд $м^3$ газа, из которых 12,7 млрд $м^3$ составил газ собственной добычи. Помимо деятельности в России «Итера» проводит геологоразведочные работы на лицензионных участках в туркменской зоне Каспийского шельфа. Осенью 2007 г. в информационном меморандуме к выпуску облигаций НГК «Итера» впервые подробно раскрыла свои финансовые и производственные показатели, что способствовало укреплению доверия к ней. В 2011 г. «Итера» заключила альянс со «Сбербанком», который пообещал предоставить компании дополнительное финансирование и заявил о готовности приобретения 5% участия в капитале. В прошлом году «Итера» договорилась с «Роснефтью» о создании СП, куда стороны внесли свои газовые активы.

Вплоть до недавнего времени деятельность «Итеры» была постоянно связана с различными скандалами. В частности, у многих вызывало недоумение, как малоизвестная трейдерская компания чуть ли не в одночасье превратилась в одного из крупных игроков в сфере газового бизнеса. В СМИ неоднократно высказывались подозрения относительно личных связей собственников «Итеры» с бывшим руководством «Газпрома», с высокопоставленными туркменскими чиновниками, а равно и с представителями криминальных кругов из России, Италии и США. Но все это лишь «виртуальные подозрения», а реальная действительность такова, что с 2008 г. председатель совета директоров НГК «ИТЕРА» Игорь Макаров входит в состав российской правительственной Комиссии по вопросам топливно-энергетического комплекса и воспроизводства минерально-сырьевой базы, а в конце 2011 — начале 2012 годов был номинирован в советы директоров ОАО «Роснефтегаз» и ОАО «АК «Транснефть» — двух главных госструктур в нефтегазовом секторе.[248] А совсем недавно Президент РФ В.В. Путин принял непосредственное участие в финальной стадии проекта российских орнитологов по спасению журавлей-стерхов «Полет надежды», генеральным спонсором которого выступает НГК «ИТЕРА». [249] Если это — не признание заслуг компании перед отчизной, тогда что? Тогда спрашивается, зачем было душить «Итеру» всего каких-нибудь несколько лет назад, чтобы вернуть часть активов компании «Газпрому»?

Многим независимым добывающим компаниям зачастую предъявлялись — и не без оснований — претензии по части несоблюдения норм и правил недропользования.

---

[248] По материалам интернет-источников.

[249] Пресс-релиз НГК «ИТЕРА». — 06/09/2012 • URL: http://www.itera.ru/isp/go/index/articles/1088/6/ [2013-06-08].

Это касалось и темпов отбора запасов, и несвоевременного ввода месторождений в эксплуатацию, и невыполнения условий лицензионных соглашений по объемам и срокам проведения геологоразведочных работ. Однако что касается недропользования, то в нашей действительности полностью соблюсти все условия лицензионных соглашений довольно сложно. Подобного рода нарушения при желании можно найти у любой компании — мелкой или крупной, вплоть до государственных majors, или проще говоря «мажоров».[250] Впрочем, это является одной из общих черт современной институциональной среды российского НГС — ее «недружественность», таящая в себе угрозу выявления тех или иных «проступков», нарушений формальных и неформальных правил со стороны любого из игроков, что может быть использовано государством и соперничающими игроками в своих интересах.

Характерным примером пешечного оппортунизма «черных» является деятельность малых и мини-НПЗ (мощностью до 1 млн т/год), которые во множестве расплодились в России за последние 20 лет. При этом даже точно не известно, сколько таких заводов в стране. Как отмечается в одной из публикаций, по данным Росстата в 2010 г. насчитывалось 60 независимых мини-НПЗ, а по данным ЦДУ ТЭК — 48. По мнению руководителя «Газпром нефти» А. Дюкова, в России, на тот момент времени существовало 196 мини-НПЗ, причем 60% из них работало без лицензии. Проверка же Ростехнадзора показала, что в стране действовало 228 подобных заводов — на период с января по сентябрь 2010 г. 18% из 108 НПЗ в 26 субъектах не имели лицензий. Большинство нынешних независимых мини-НПЗ построены за последние 5—7 лет, а суммарная производительность заводов этого класса, рассчитанная исходя из баланса мощностей нефтепереработки в России, составляет порядка 14—15 млн т/год по сырью. На самом же деле никто не знает, какова реальная цифра. Перспективы дальнейшего развития подавляющего большинства мини-НПЗ весьма туманны, да и появились эти заводы, скорее всего, «по недосмотру» федеральных властей.

Основная продукция мини-НПЗ — прямогонный бензин, газойль и мазут, т.е. «нефтеполупродукты». Сегодня без вторичных процессов переработки нефти выпуск моторных топлив, соответствующих российским техрегламентам практически невозможен, а такие процессы малым заводам — «не по зубам». Поэтому средняя глубина переработки сырья на мини-НПЗ не превышает 50%, и они вполне справедливо считаются одним из главных источников суррогатного топлива, поступающего на рынок. По сути, такие независимые заводы и связанные с ними трейдеры в своей деятельности мало чем отличаются от «фирм-пираний», которые свирепствовали в нефтедобывающей отрасли в 1990-х годах. Цель деятельности очень проста — выкачивание доходов путем продаж продукции по неконтролируемым каналам сбыта и уклонения от налогов.

Вполне естественно задаться вопросом: нужно ли было бороться с подобными проявлениями «независимости» в нефтегазовом бизнесе и прежде всего — с выкачиванием доходов? Думается, что ответ на данный вопрос вполне очевиден: да, нужно. Он был очевиден и для государства, которое, решив навести порядок в НГС, с завидным рвением принялось «расчищать завалы» — своими силами и с помощью крупных компаний. В 2000-е годы «акулами» российского нефтегазового бизнеса были «съедены» практически все независимые нефтедобывающие компании, представлявшие хоть какой-то интерес, а в газовой отрасли остались только «НОВАТЭК» да «Итера», основательно «обкусанная»

[250] По образу и подобию неформальной зарубежной градации нефтяных компаний, согласно которой к очень малочисленной категории majors или super-majors (всего 5—6 компаний) относятся крупнейшие международные корпорации такие, как ExxonMobil, Royal Dutch Shell, BP, Chevron, Total, ConocoPhilips. Строгого принципа отнесения компаний к классу majors (super-majors) не существует, но каждая из них (кроме Conoco) имеет капитализацию свыше 100 млрд долл.

«Газпромом». Итоги борьбы с оппортунизмом независимых компаний в сфере добычи нефти и газа оказался очень прост: нет независимых — нет проблем.

Действительно, сейчас в России практически не осталось компаний, которые в полном смысле слова независимы, т.е. не аффилированы каким-либо образом с крупными корпорациями. Самым большим независимым производителем нефти в России является «Салым Петролеум Девелопмент» (СПД, Salym Petroleum Development). Но так ли уж на самом деле независим «Салым»? Он является совместным предприятием (проектом), созданным на паритетных началах международным концерном Royal Dutch Shell и российской компанией «Эвихон». В свою очередь, 100% акций «Эвихона» находится в собственности компании Sibir Energy, зарегистрированной в Великобритании и которая сейчас полностью принадлежит «Газпром нефти» (после того как один из собственников — правительство Москвы — избавилось от своего 20-процентного пакета акций).[251] А «Газпром нефть», как нетрудно догадаться — это структура, подконтрольная большому «папе» «Газпрому». Таким образом получается, что независимость СПД является весьма относительной, поскольку он находится в сфере влияния группы «Газпром». Вероятно, то же самое можно сказать и о большинстве остальных независимых российских производителей, которые через «третьи руки» целиком либо частично принадлежат «мажорам» или другим крупным нефтегазовым компаниям.

В 2010 г. по поручению тогдашнего президента страны Дмитрия Медведева резко активизировалась борьба с нелегальными мини-НПЗ, но она приобрела такой накал, что удары Ростехнадзора почему-то обрушились на один из крупнейших новых проектов нефтепереработки на юге России — Новошахтинский завод нефтепродуктов с годовой мощностью по сырью около 2,5 млн т. Общая стоимость проекта этого «мини-НПЗ» (в кавычках, естественно[252]) оценивается в 30 млрд руб., а кредитует строительство Сбербанк РФ. Причина произошедшего государственного «наезда» на независимого нефтепереработчика вполне прозрачна — новый НПЗ может составить реальную конкуренцию крупнейшим нефтекомпаниям на юге России (прежде всего государственной «Роснефти»).[253] Таким образом, в деле «борьбы за чистоту рядов» в российском НГС сплетаются объективные интересы страны и государства с очевидно субъективными корпоративными интересами, а попытки противостоять пешечному оппортунизму выливаются в оппортунизм самых тяжелых черных фигур.

Следует особо подчеркнуть, что все недостатки, которые имели и сохраняют место в развитии независимого сегмента, не обесценивают его значение в целом и его роль для становления «нового порядка» в российском НГС. Самое же главное состоит в том, что независимые компании, которые занимаются реальным производством, вкладывают вполне реальные деньги в реальный сектор экономики. При этом «напряженность» инвестиционной деятельности (по величине вложений в расчете на единицу добычи или запасов нефти и газа) в независимом сегменте зачастую оказывается выше, чем у крупных компаний. И по большому счету, в данном случае не так уж и важно, каковы источники происхождения инвестируемого капитала (см. пример «Итеры»), — ведь скважины, трубопроводы, терминалы, заводы из страны все равно не вывезешь.

---

[251] По материалам интернет-сайтов компаний, принимающих участие в Салымском проекте:
• URL: http://www.shell.com.ru; • URL: http://www.salympetroleum.ru.

[252] НПЗ такой мощности, как Новошахтинский, относятся к категории средних, но никак не «мини».

[253] Мини-НПЗ не поддаются переработке. В правительстве возник конфликт из-за Новошахтинского завода нефтепродуктов // Коммерсантъ. — 28 мая 2010
• URL: http://www.kommersant.ru/doc/1376503 [2013-06-08].

Общий же вывод таков. Реальный оппортунизм черных пешек и неадекватная реакция государства на мнимую угрозу такового оппортунизма, ведущая к ослаблению конкурентного независимого сегмента в НГС, в конечном итоге способствуют усилению крупного бизнеса с его монопольными устремлениями. Вне всяких сомнений, оппортунистическое поведение крупного бизнеса представляет несоизмеримо бóльшую опасность для интересов государства и общества, и противостоять этой угрозе с каждым годом становится все труднее и труднее.

Цугцванг

Текущее положение в «шахматной партии» между государством и бизнесом можно квалифицировать не иначе, как обоюдный цугцванг. Стороны исчерпали запас сильных ходов, ведущих к победе, т.е. к установлению эффективного контроля над нефтегазовым сектором, и теперь любой сделанный ход может, скорее, ухудшить позицию каждого из игроков, нежели улучшить ее. Цугцванг в противостоянии двух главных действующих сил самым непосредственным образом отражается на реальных тенденциях и динамике развития НГС. Так, резкое замедление роста нефтедобычи в 2007—2010 гг. — это не только результат истощения ресурсно-сырьевой базы, но и следствие нерешенности многих институционально-экономических проблем отрасли, что, в свою очередь, прямо обусловлено «регуляторным цугцвангом». Схожие примеры присутствуют во всех отраслях и видах деятельности НГС, приводя в итоге к нестабильности функционирования сектора в целом, к снижению его социально экономической отдачи.

Нынешний цугцванг субъективен и относителен — и в этом заключается его особое свойство. Теоретически, ситуация разрешима в сторону создания сбалансированной институциональной среды, способствующей эффективному развитию НГС в интересах общества, государства и бизнеса. Если же говорить о непосредственных участниках рассматриваемой партии в «нефтегазовые шахматы», то при таком гипотетическом повороте событий выигрыши каждой из сторон могут существенно перевесить выгоды от попыток добиться сепаратного решающего контроля и оппортунистического поведения. Но стороны не готовы к «правильному» повороту событий в игре и продолжают гнуть свою прежнюю линию, которая, собственно, и привела к возникновению тупиковой позиции.

«Белые» и «черные» на пути к тупику

Первые, едва уловимые намеки на то, что развитие партии поворачивает в сторону цугцванга, обнаружились еще в ранней фазе дебюта, когда в 1994 г. государство решило ослабить антимонопольную политику, а фактически приостановить борьбу с монополизмом. До тех пор жесткая антимонопольная политика рассматривалась идеологами экономических реформ как необходимое условие создания нормального конкурентного рынка. Оппоненты «младореформаторской» антимонопольной политики — тогдашний премьер-министр В.С. Черномырдин и руководители отраслевых министерств — сумели убедить президента Ельцина в необходимости сохранения и закрепления монополий на внутреннем рынке, которые и должны были стать «локомотивами реформ», в частности, в топливно-энергетическом комплексе. Зарубежные советники полностью поддержали подобные предложения, дескать, борьба с монополистами может подождать еще лет десять, если российские власти допустят на свой рынок иностранных производителей и обеспечат условия для инвестиций в российскую промышленность (например, возможность иностранцам брать в залог землю, пусть и при сохранении госсобственности на нее). [254] Иными словами, только-только сделав первые ходы в партии, «белые» избрали тактику игры,

[254] Антимонопольное законодательство будет смягчено // Коммерсантъ. — 13 янв. 1994 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/68537 [2013-06-08].

поощряющую консолидацию черных фигур, т.е. монополизм в нефтегазовом секторе, и ослабляющую собственную позицию.

Тактика «умиротворения черных» (стратегией это трудно назвать) в «игре» государства получила очевидный приоритет в 2000-е годы. В нефтегазовом секторе в буквальном смысле слова открылась «охота» на независимых производителей, принявшая наиболее жесткие формы в газовой отрасли. Данный процесс прежде всего был обусловлен стремлением крупных российских компаний, которые начали активно выходить на международные фондовые рынки, побыстрее нарастить капитализацию. Самым простым путем к достижению такой цели стало приобретение готовых сырьевых активов — поглощение малых и средних добывающих компаний, увеличение и консолидация участия в их капитале. Следует особо подчеркнуть, что в газодобывающей отрасли «отстрел» независимых проходил под «социально-справедливым» лозунгом возвращения ранее утраченных активов. При фактической поддержке со стороны государства нашему газовому монополисту удалось заполучить обратно целый ряд месторождений, с которыми из-за финансовых трудностей он расстался в середине 1990-х годов, продав, якобы, за бесценок нарождавшимся независимым компаниям («Итере» и «Нортгазу»). Помимо «Газпрома» более всего в «охоте» на независимых преуспели «ЛУКОЙЛ», ЮКОС и образованная в самом начале 2000-х годов компания «Русснефть» — благо, что государство этому никак не препятствовало. Из числа нефтегазовых «мажоров», пожалуй, только «Сургутнефтегаз» не поддался общему веянию моды на покупку активов и в большей степени рассчитывал на возможности собственного органического роста.

Упомянутую НК «Русснефть» можно смело назвать большой компанией, состоящей из маленьких кусочков, и по-своему уникальной. Необычность «Русснефти» заключается в том, что она является единственной крупной компанией в отечественной нефтяной отрасли, которая появилась на свет божий без помощи государства, а скорее даже — вопреки его желанию. Учрежденная в 2002 г. при финансовой поддержке известной швейцарской трейдинговой компании Glencore «Русснефть» в основном сложилась путем консолидации активов, принадлежавших большой группе независимых производителей в разных регионах страны. Помимо этого компании удалось приобрести часть активов ЮКОСа и кое–что получить от ТНК-ВР (добывающее предприятие в Саратовской области и Орский НПЗ). Уже на 3—4-м году жизни «Русснефть» вошла в число крупнейших нефтедобывающих компаний страны. В 2011 г. предприятия холдинга, коих насчитывается более трех десятков (больше чем у любой другой российской компании), добыли 13,6 млн т нефти, т.е. в среднем по 413 тыс. т в расчете на одно дочернее подразделение — худший показатель среди лидеров российской нефтедобывающей отрасли.[255]

Появление такой «мозаично-осколочной» нефтяной компании, как «Русснефть», само по себе свидетельствует о приближении к тупику в развитии корпоративного сегмента НГС. Все хорошие активы, «готовые к употреблению» уже разобраны, а свободный плацдарм для инвестирования в органический рост производства, который мог бы заинтересовать крупных игроков, сужен до предела. Сегодня таковым плацдармом является нефтегазоносный шельф, отнесенный к категории стратегических объектов и попасть на который можно лишь в альянсе с госкомпаниями, а значит — только с одобрения государства. Есть, правда, великое множество мелких месторождений (в той же Западной Сибири, например), но для их освоения нужна подобающая масса компаний совсем иной «весовой категории», нежели «роснефти», «лукойлы» или «газпромы».

Заниматься крупными независимыми проектами в сфере нефтепереработки желающих тоже нет — слишком велики политические риски попасть под «ручное управление» со стороны государства и не попасть в баланс нефти. При нынешних масштабах

[255] По материалам интернет-источников.

независимого сегмента в нефтедобывающей отрасли свободные рыночные ресурсы нефти в стране практически равны нулю — она вся расходится по корпоративным каналам сбыта интегрированных компаний (включая экспортные контракты), вывозится за рубеж иностранными компаниями, допущенными к российским недрам, либо (в радикально меньшей степени) поставляется на уже существующие независимые НПЗ. Дошло до того, что ввод новых крупных НПЗ в России, как например завода ОАО «ТАНЕКО» в Татарстане, стал считаться «подвигом».[256] Впрочем, у этого «подвига» была неплохая подстраховка в виде гарантированной сырьевой базы от компании «Татнефть». А если подобной гарантии нет, то проектам строительства новых НПЗ не суждено сбываться. Например, на протяжении нескольких лет частные инвесторы добивались разрешения на строительство завода мощностью 12 млн т/год и заявленной глубиной переработки нефти на уровне 98% в Кингисеппе. Однако «Транснефть» не выдала разрешение на подключение к трубопроводу из-за того, что у завода не было гарантии поставок сырья на несколько лет вперед. Нефтяные компании не спешили подписывать контракты, ссылаясь на то, что строительство предприятия еще не начато, а начать строительство нельзя до тех пор, пока не будут заключены контракты на поставку сырья. Или уже в прошлом году «Транснефть» воспрепятствовала строительству НПЗ в Красноярском крае по проекту новосибирской компании «Линас-Техно», одобренному краевым правительством, поясняя, что свободного сырья для завода нет. Получается какой-то порочный круг.[257]

В результате централизации активов в НГС к 2005—2006 гг. доля независимых производителей, т.е. не входящих в сферу влияния «мажоров» и других крупнейших компаний, в добыче нефти снизилась до 4%, а в добыче газа — до 6% (причем 2/3 этого вклада в газодобычу приходилось на одну компанию — «НОВАТЭК»).

Наряду с поглощением независимых в российском НГС начался процесс консолидации компаний на «высшем уровне». Собственно говоря, слияния и поглощения в среде наиболее крупных компаний активизировались после того, как были «съедены» все независимые, которые вызывали аппетит и оказались по зубам нашим «мажорам». С нефтяной карты России исчезли «ОНАКО», «Коми-ТЭК», «Восточная нефтяная компания», которых целиком либо по частям разобрали ТНК, «ЛУКОЙЛ» и ЮКОС. ТНК и British Petroleum объединили свои активы, образовав холдинг ТНК-ВР. «Сибнефть» Абрамовича перешла под контроль «Газпрома» и стала «Газпром нефтью». Контроль над «Славнефтью» по-братски поделили между собой «Газпром нефть» и ТНК-ВР. «Роснефть» возвысилась до ранга крупнейшей нефтяной компании страны вобрав в себя большинство обломков потерпевшего кораблекрушение ЮКОСа (относительно небольшая часть бывших ЮКОСовских активов досталась также «Газпрому» и «Русснефти»). И наконец, «Газпрому» удалось — не без помощи государства — потеснить иностранных участников проекта «Сахалин–2» и стать главным акционером компании-оператора «Сахалин Энерджи» / Sakhalin Energy (с 50% плюс 1 акция).

Процесс консолидации затронул сырьевые и нефтеперерабатывающие активы, ряд из которых, казалось бы, уже навечно перешел в собственность региональных элит. АФК «Система» стала главным акционером нефтяной компании «Башнефть», под управлением которой находятся добывающие и основная часть перерабатывающих предприятий в республике Башкортостан. Оставшийся «кусочек» башкирского нефтеперерабатывающего комплекса прибрал к своим рукам «Газпром», купив контрольный пакет акций ОАО «Салаватнефтеоргсинтез» (последнее даже сменило название на «Газпром

---

[256] Лебедев В. Подвиг «Татнефти» // Эксперт. — 2010. — № 43 • URL: http://expert.ru/expert/2010/43/ [2013-06-03].

[257] «Транснефть» против НПЗ в Красноярском крае // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 12.04.2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/04/12/tek/562949983540411 [2013-06-08].

нефтехим Салават»). Кроме этого газовый монополист сумел включить в сферу своего влияния и Московский НПЗ (через компанию Sibir Energy, ныне полностью принадлежащую «Газпром нефти»). Хабаровский НПЗ был приобретен частным нефтяным холдингом ОАО НК «Альянс», который после слияния в 2008 г. с добывающей компанией West Siberian Resources начал выстраивать собственную «вертикаль».

В рассматриваемый период времени оказались окончательно забытыми все первоначальные планы по реструктуризации естественных монополий в НГС. Прежде всего это относится к «Газпрому». Если еще в начале 2000-х годов вопрос в той или иной степени обсуждался (хотя дальше разговоров и всяческих дискуссий дело не двигалось), то к 2005 г. он уже был снят с повестки дня, ибо на первый план вышли куда как более «важные» вопросы, связанные с ростом капитализации нашего газового монополиста. В результате целого ряда серьезных усилий по консолидации активов в разных сегментах НГС (и не только) в 2008 г. «Газпром» вышел на третье место среди крупнейших мировых корпораций. Тогда же руководством «Газпрома» была озвучена цель, одобренная государством, в течение ближайших 7—8 лет стать первой в мире акционерной компанией с капитализацией в триллион долларов.[258] Совершенно очевидно, что при такой постановке вопроса делить «Газпром» на части уже было нельзя.

Другой естественный монополист в российском НГС — АК «Транснефть» — также получил весьма щедрые подарки от государства. Во-первых, в России под фактическим запретом оказалось строительство частных магистральных трубопроводов. И хотя закон «О магистральном трубопроводном транспорте» до сих пор не принят, на практике нормы, которые ограничивают возможность появления нефтепроводов, находящихся не в собственности «Транснефти», действуют уже без малого лет десять. Во-вторых, под «крышей» «Транснефти» произошло слияние двух госкомпаний, занимающихся магистральным транспортом нефти («Транснефть») и нефтепродуктов («Транснефтепродукт»). После этого объединения государственная монополия в транспортировке жидких углеводородов еще более укрепилась, и вопрос о строительстве частных нефтепроводов, по мнению экспертов, теперь даже не будет обсуждаться.[259]

В результате всех пертурбаций с активами и усиления государственных компаний, произошедшего различными путями, оформился новый расклад сил в российском НГС, в котором выделилась пятерка «мажоров» (со всеми своими «дочками» и зависимыми компаниями) и примерно столько же компаний «второго эшелона» с разной степенью вертикальной интегрированности («Транснефть», «Татнефть», «Башнефть», «Русснефть», НК «Альянс», кто же еще?...). В свою очередь, во главе группы «мажоров» встали две компании, подконтрольные государству — «Газпром» и «Роснефть». Магистральный транспорт углеводородов окончательно и бесповоротно признан «естественно-монопольным» видом деятельности, и какая-либо конкуренция в этой сфере стала вообще немыслимой. Т.е. не вызывает сомнений, что на финише третьего этапа институциональных преобразований, охвативших период (примерно) 2000—2008 годов, в отечественном НГС сложилась организационно-экономическая структура государственно-монополистического типа.

Фактически это означает, что реформы зашли в тупик, поскольку при их начинании не подразумевалось никакое огосударствление и уж тем более — монополизация — нефтегазового сектора. Исходные идеи и цели реформирования НГС были принципиально иными, связанными с построением системы конкурентных рыночных отношений

[258] См., например, интервью председателя правления ОАО «Газпром» Алексея Миллера журналу «Итоги» (23.06.2008) • URL: http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/890974 [2013-06-08].

[259] «Транснефть» прикупила монополизма // Газета.Ру. — 16 апр. 2007 • URL: http://www.gazeta.ru/2007/04/16/oa_236755.shtml [2013-06-08].

как основы эффективного развития — во всех смыслах: и с общественно-государственных позиций, и с точки зрения цивилизованного бизнеса.

Куда теперь двигаться дальше? Вернуться назад к первоначальным идеям реформирования? Но это равносильно признанию ошибочности курса, проводимого государством на протяжении последних 10—12 лет. Продолжать огосударствление НГС? А посылки к этому есть. Например, на протяжении нескольких последних лет аналитики рынка и специалисты отрасли то и дело говорили о возможном поглощении «Сургутнефтегаза» государственной «Роснефтью».[260] Но жизнь показала, что они «слегка» ошиблись в своих предположениях, ибо жертвой огосударствления стал не пророссийски настроенный «Сургут», а сугубо частная во всех отношениях — и по праву собственности и по бизнес-интересам — компания ТНК-ВР, полностью купленная «Роснефтью» в конце 2012 г. Президент РФ В.В. Путин внес в список стратегических предприятий и акционерных обществ, государственные доли ОАО «Роснефть» и четырех ключевых электроэнергетических корпораций тем самым существенно усложнив их приватизацию. Об этом говорится в указе главы государства от 21 мая 2012 г.[261] Планируется, что государственная корпорация «Роснефтегаз» в 2013—2015 гг. может войти в капитал ряда компаний топливно-энергетического комплекса с целью их «докапитализации», поскольку эти компании нуждаются в дополнительном финансировании для развития, а «Роснефтегаз» имеет значительные внебюджетные финансовые ресурсы (дивиденды по госпакетам акций «Роснефти» и «Газпрома», держателем которых является). Принятые решения, вроде бы, не меняют стратегические планы процесса приватизации, а направлены на «предпродажную подготовку» компаний.[262] Однако в России слишком уж часто временные меры становились постоянными, да и сама логика предлагаемых действий все-таки выглядит несколько противоречивой и очень напоминает цепь событий, связанных с консолидацией государственного участия в капиталах «Газпрома» и «Роснефти». К чему это может привести? К усилению ныне здравствующих государственных компаний-монополистов или к появлению новых? И в том и в другом случае продолжится движение вглубь тупика, в котором государство уже находится.

Вслед за государством потянется и нефтегазовый бизнес, для которого ставший привычным монополизм в сущности является главным тормозом развития. Это всего лишь кажется, что крупнейшие корпорации могут сколь угодно долго извлекать выгоды из своего монопольного положения, не задумываясь о реальной эффективности производства. Рано или поздно (а скорее — рано, чем поздно) наступит момент, когда извлекать будет уже нечего. Точнее говоря, величина доходов от добычи нефти и газа окажется слишком малой, чтобы сравнительно бесконфликтным образом делить эти доходы с государством. Сегодня эффективность российского нефтегазового сектора поддерживается исключительно за счет высоких мировых цен на энергоносители. Недавний финансово-экономический кризис показал, что при падении цен на нефть и газ кто-то из российских игроков — государство или бизнес — обязательно будет вынужден отказаться от значительной части привычно получаемых доходов. На этот раз в роли пострадавшего оказалось государство, которое добровольно урезало свои аппетиты, чтобы спасти бизнес от банкротства. А дальше? Государство не сможет постоянно и в возрастающих масштабах «спонсировать» бизнес, не рискуя накалить социальную обстановку в стране. Но спонсировать приходится,

---

[260] См. например: Ю. Шафраник заявил о возможности объединения «Роснефти» и «Сургутнефтегаза» // RosInvest.Com • URL: http://rosinvest.com/novosti/565138 [2013-06-08].

[261] Стратегический ход: В. Путин расширил список «особых предприятий» // РБК — Экономика. — 22.05.2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/22/05/2012/651584.shtml [2013-06-08].

[262] В. Путин: Прежде чем продавать ТЭК, государство его купит // РБК — Экономика. — 24.05.2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/24/05/2012/651990.shtml [2013-06-08].

поскольку траектории издержек производства в отечественном НГС и цен мирового рынка неумолимо сближаются. Сегодня трудно назвать хоть один новый крупный российский проект в добыче нефти и газа, который был бы коммерчески эффективным без налоговых льгот. Причина же видится в том, что ни бизнес, ни государство на протяжении двух десятков лет всерьез не заботились о технологическом развитии производства — естественном базисе сокращения издержек. Государство фактически полностью переложило ответственность за технологическое развитие НГС на бизнес, а бизнесу это было не нужно, поскольку он был слишком занят извлечением выгод из своего монопольного положения и его дальнейшим укреплением. В итоге, и экономико-институциональные преобразования, и собственно процесс развития НГС как объекта этих преобразований оказались в состоянии, которое самым точным образом можно определить с помощью шахматного термина «цугцванг».

«Белые» умиротворяют «черных»

Характерной чертой современного «нефтегазового цугцванга» является проводимая «белыми» политика по умиротворению «черных». Мало того, что «белые» фактически содействовали и продолжают способствовать консолидации черных фигур, они еще оказывают «черным» разного рода поблажки, позволяя более свободно маневрировать в «шахматном пространстве» и получать от этого дополнительные выгоды. Государственная поддержка национального бизнеса в современной рыночной экономике — вещь, безусловно, правильная и очень хорошая. Вопрос заключается в условиях, масштабах и формах оказываемой поддержки, а также в степени ответной «благодарности» бизнеса, т.е. в какой мере сегодняшние льготы и преференции бизнесу со стороны государства окупятся в будущем за счет новых доходов, за счет прямых и косвенных эффектов, генерируемых в национальной экономике.

Касаемо нашего случая, можно сказать, что первые признаки политики умиротворения или ублажения «черных» были отчетливо видны еще в дебюте партии. Уже с первых шагов реформирования экономики государство стало весьма щедро одаривать нарождавшийся нефтегазовый бизнес разнообразными льготами и поблажками, но в этом просматривалась определенная необходимость. В процессе реформ требовалось создать объективную «материальную» основу для функционирования рыночных механизмов платного недропользования. Значит, нужно было уйти от заниженных фиксированных цен на нефть, газ и нефтепродукты, чтобы повысить рентабельность производства; а за счет налоговых и тарифных льгот создать стимулы для притока внешних инвестиций (собственные источники были ведь крайне скудны). Рост доходности НГС в целом способствовал расширению налоговой базы и, как следствие, увеличению доходов государства. Иными словами, государственная поддержка нефтегазового бизнеса в первые годы реформ с очевидностью имела возмездный характер. Дискуссионным является лишь вопрос о том, насколько справедливой (не заниженной) была цена, которую уплатил бизнес за помощь, полученную от государства. Но чем дальше, тем во все большей степени государственная поддержка нефтегазового бизнеса становилась безвозмездной — по разным причинам и, в том числе, из-за слабого контроля за использованием льготируемых доходов.

Весьма показателен пример того, как российские нефтяные компании в 2000-х годах распорядились льготами на экспорт нефтепродуктов. Устанавливая в 2004 г. заниженные пошлины на вывоз нефтепродуктов (включая мазут, который был и остается главным экспортным продуктом отечественной нефтепереработки), государство предполагало, что образовавшийся от этого дополнительный доход наши нефтяники инвестируют в модернизацию нефтеперерабатывающего производства. Общая сумма льгот (или прямых потерь федерального бюджета) за период 2005—2010 гг. составила порядка 40 млрд долл. А каков результат? Объемы переработки нефти в стране выросли за счет дозагрузки старых

мощностей, произошло в прямом смысле слова «замазучивание» нефтепродуктового экспорта (в 2011 г. был достигнут рекордный уровень экспорта мазута — почти 65 млн т), но ожидаемой модернизации нефтепереработки так и не произошло. Суммарная величина инвестиций в развитие отрасли за рассматриваемый период не превысила 25 млрд долл., следовательно, по самым скромным подсчетам, 15 млрд долл. государственного субсидирования было использовано нефтяными компаниями на все, что угодно, но только не на те цели, ради которых это субсидирование предоставлялось. Нужно еще учесть, что чистая добавленная стоимость в нефтепереработке за шесть рассматриваемых лет составила порядка 90—100 млрд долл. Т.е. собственный финансовый потенциал отрасли и государственная помощь, по воле нефтяных компаний, ушли куда-то «налево», мимо инвестиций в модернизацию нефтепереработки.[263]

Как парадокс звучит оценка произошедшего, сделанная руководителем Федеральной антимонопольной службы Игорем Артемьевым: *«… мы столкнулись с масштабной мистификацией со стороны нефтяных компаний (я имею в виду Правительство столкнулось, в том числе Федеральная антимонопольная служба): 15 лет нефтяные компании писали прекрасные отчеты о том, что они осуществляют модернизацию, стремятся к увеличению мощностей производства высокооктановых, высоких марок бензинов, и все это оказалось на поверку пустым звуком... Собственно, 15 лет компании говорили неправду Правительству и российскому обществу о том, сколько денег они вкладывают и на что развивают свое производство».*[264] Итак, вместо **модернизации** у нас была **мистификация**! Официальная статистика не один год сигнализировала о снижении глубины переработки нефти в стране, о «черепашьих темпах» роста инвестиций и галопирующем увеличении экспорта мазута. Нефтяные компании отчитывались о постоянном увеличении прибылей и дивидендов. В регионах — то здесь, то там — вспыхивали бензиновые кризисы, на высоких правительственных совещаниях «генералы от нефти» оправдывались, объясняя причины медленной реконструкции своих заводов, а правительство, оказывается, ничего не знало и не видело… Целых 15 лет! Хотя не заметить происходившие негативные процессы было крайне трудно. На такое способен только родитель, ослепленный безграничной любовью к своим непутевым чадам.

Но, конечно же, наиболее глубокие «родительские чувства» государство испытывает к госкомпаниям, которые в 2000-х годах стали явными фаворитами в НГС. При проведении институциональных преобразований государство, пойдя на уступки бизнесу, свернуло с последовательного антимонопольного курса. Поэтому после консолидации активов и капиталов в среде частных компаний государство фактически оказалось лицом к лицу с 3—4 нефтегазовыми мега-компаниями (по российским, естественно, меркам), претендующими на лидерство не только в экономическом, но и в политическом отношении. Не найдя адекватных решений проблемы в регуляторной сфере, государство в какой-то степени было вынуждено пойти на значительное расширение непосредственного участия в НГС, используя права владельца (или совладельца) «Газпрома», «Роснефти», «Транснефти» — компаний, занятых не только в добыче нефти и газа, но и контролирующих значительную часть специализированной инфраструктуры НГС. Но чтобы в противостоянии с крупным частным бизнесом решительно склонить чашу весов в свою сторону, государству потребовалось существенно (и не мешкая) усилить позиции «подотчетных» корпораций при одновременной консолидации участия в капиталах этих компаний.

---

[263] Более подробно эта тема раскрыта в публикации: Крюков В.А., Силкин В.Ю., Шмат В.В. На краю пропасти, или как мы заблудились в поисках легких путей // ЭКО. — 2012. — № 8. — С. 71—96 • URL: http://econom.nsc.ru/eco/cont2012_08.htm [2013-06-08].

[264] Стенограмма выступления руководителя ФАС России Игоря Артемьева на «парламентском часе» в Совете Федерации, 29 сентября 2011 года • URL: http://www.fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_30489.html [2013-06-08].

В 2000-х годах «Роснефть» из захудалого, по правде говоря, производителя выросла до уровня крупнейшей в стране нефтяной компании, претендующей на то, чтобы влиться в ряды главных международных энергетических корпораций. Образно говоря, бедная «золушка» превратилась в настоящую нефтегазовую «принцессу» с завидным приданным. Сначала государство оказало «Роснефти» самую непосредственную поддержку в приобретении активов банкрота-ЮКОСа, в том числе, выступив поручителем по многомиллиардным займам, которые госкомпания набрала для оплаты покупок. В последующем государство реструктурировало значительную часть долгов «Роснефти», доставшихся в наследство от ЮКОСа, что облегчило компании погашение всех своих долговых обязательств, которых к концу 2007 г. накопилось на 27 млрд долл.[265]

Так, в начале 2008 г. согласно правительственным постановлениям, общая сумма реструктурированной задолженности составила 57,3 млрд руб. (почти 2,4 млрд долл. — по курсу ЦБ на конец 2007 г.), из которых недоимка по налогам составила 32,8 млрд руб. (1,4 млрд долл.), а сумма штрафов и пеней — 24,5 млрд руб. (около 1 млрд долл.). После привлечения средств для финансирования покупки «Юганскнефтегаза» и консолидации активов госкомпания нарушила ряд требований своих кредиторов, в связи с чем банки выставили условие — урегулировать вопросы по налоговым обязательствам в определенный срок, который неоднократно продлевался. Госкомпания намеревалась сначала снять эту проблему до 30 июня 2006 г., затем — до 31 декабря 2006 г., потом срок перенесли до 3 января 2008 г., но и последний кредиторы согласились продлить — до 3 января 2009г.[266] Реструктуризация налоговой задолженности позволила «Роснефти» избежать предъявления к досрочному погашению займов, условия которых она нарушила. Помимо этих выгод после одобрения плана реструктуризации компания получила возможность вернуть более 1,1 млрд долл. НДС от экспорта продукции, т.е. сумму, которая накопилась за период действия налоговых претензий.[267]

Это всего лишь один из примеров «беспримерной родительской щедрости», которую государство проявляет по отношению к госкомпаниям. Можно припомнить также, что правительство выступало поручителем по газпромовским заимствованиям на 13 млрд долл. для приобретения «Сибнефти», а затем фактически погасило часть долга, купив у компании казначейские акции на сумму более 7 млрд долл. [268] Т.е. в действительности получается, что это не «Газпром» купил «Сибнефть» у Р. Абрамовича, а в большей доле — государство. Купило и сделало воистину царский подарок своему детищу.

О симпатиях государства к «Газпрому», ставшему своего рода «священной коровой», вообще можно слагать легенды. Появление «Газпрома» в любом бизнес-проекте моментально, словно по «мановению волшебной палочки», снимает любые претензии со стороны государства, если таковые имелись. Например, после вхождения «Газпрома» в проект «Сахалин-2» Росприроднадзор отказался от своих претензий к оператору проекта под обещание в двухлетний срок исправить имеющиеся недостатки, хотя до этого российскому природоохранному ведомству никак не удавалось договориться

---

[265] Долг «Роснефти» на конец года составил $27 млрд // РБК — Экономика. — 17 дек. 2007 • URL: http://top.rbc.ru/economics/17/12/2007/130226.shtml [2013-06-09].

[266] «Юганскнефтегазу» разрешили реструктурировать $2,3 млрд долга // РБК — Экономика. — 8 апр. 2008 • URL: http://top.rbc.ru/economics/08/04/2008/155857.shtml [2013-06-09].

[267] С «Роснефти» денег не берем // Ведомости. — 7 фев. 2008 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/2008/02/07 [2013-06-09].

[268] «Газпром» купил «Сибнефть» // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 28 сент. 2005 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2005/09/28/industry/562949979073642 [2013-06-09].

с иностранными пайщиками «Сахалин Энерджи» и компании грозили судебные иски с требованием отзыва лицензии, возмещения экологического ущерба (хотя он не был даже оценен) и упущенной выгоды по СРП в размере 10 млрд долл.[269] Трудно судить, насколько успешно прошла реализация газпромовского плана по устранению недостатков, выявленных Росприроднадзором, однако известно, что претензии международных природоохранных организаций и финансовых институтов остались в силе, а Европейский банк реконструкции и развития под дипломатичным предлогом принял окончательное решение о своем неучастии в проекте «Сахалин-2». [270] Похожим образом развивались события и вокруг Ковыкты — после того, как стало известно о том, что «Газпром» становится участником этого проекта с правом решающего голоса, Минприроды согласилось пересмотреть условия лицензионного соглашения по объемам добычи газа, невыполнение которых вменялось в вину ТНК-ВР. Т.е. после установления газпромовского контроля в проекте российскому ведомству, отвечающему за недропользование, сразу стало же понятно, что с вводом месторождения нужно подождать, поскольку на ковыктинский газ нет реального спроса и наказание недропользователя за нарушение условий лицензии будет несправедливым.

Особые отношения сложились у «Газпрома» и с антимонопольным законодательством. Как заявил руководитель ФАС Игорь Артемьев в ходе одной из интернет-конференций, его ведомство проигрывает «Газпрому» порядка 70% судебных исков по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, тогда как в отношении других российских монополистов (например, РЖД) ФАС выигрывает 80% аналогичных дел. «Газпром» фактически отсудил себе право покупать любые газовые активы в стране, так как формально это почти не влияет на его рыночное положение, обусловленное тем, что компания добывает около 85% российского газа. Руководителя ведомства беспокоит то, как распространяется антимонопольное законодательство на деятельность газового монополиста: *«Меня это беспокоит. Таких "священных коров" было много, но когда они забывались, то от них оставались рожки да ножки. Таких примеров было очень много, но я не желаю этого Газпрому»*. Российский антимонопольный министр все же полагает руководство «Газпрома» достаточно разумным и способным подчиняться установленным правилам и федеральным законам, *«поскольку в противном случае может наступить неожиданно такой момент, когда придется отвечать за многие вещи, которые прямо не соответствовали законодательству»*. Но взаимоотношения монополии с ФАС развиваются слишком медленно, *«они явно недостаточны относительно тех задач, которые Газпром решает в стране»*. [271]. Т.е. «Газпрому», оказывается, дозволено все — вплоть до нарушения действующего законодательства, — а отвечать за это придется может быть, когда-нибудь потом…

Вполне естественно, что государство не обошло заботой своих любимцев и во время недавнего финансово-экономического кризиса. Едва лишь прогремели его первые раскаты, наши «нефтегазовые генералы» (наряду с банкирами) выстроились в очередь за государственной поддержкой и получили ее в виде довольно серьезных налоговых послаблений. По оценке ГУ ВШЭ, сокращение периода мониторинга при определении ставки вывозной таможенной пошлины на нефть дало нефтяникам за период с октября 2008 г. по декабрь 2009 г. 250 млрд руб., а повышение необлагаемого минимума

---

[269] Государство себя простило // Газета.ру. — 30 мар. 2007 • URL: http://www.gazeta.ru/2007/03/29/oa_235237.shtml [2013-06-09].

[270] По информации Всемирного фонда дикой природы (WWF) • URL: http://www.wwf.ru. ЕБРР распрощался с «Сахалином-2». Консультации с «Газпромом» закончились ничем // Коммерсантъ (Хабаровск). — 9 авг. 2007 • URL: http://www.kommersant.ru/doc-rss/793951 [2013-06-09].

[271] По информации агентства РБК • URL: http://data.rbc.ru/public/344/showb.cgi?080807344.html [2013-06-09].

(с 9 до 15 долл. США за барр.) при расчете ставки НДПИ — более 100 млрд руб. От снижения нагрузки в 2009 г. расчетная экономия для предприятий нефтегазового сектора оценивалась в 200—250 млрд. руб.[272] Но государство помогло нефтяникам и газовикам не только путем ослабления налогового бремени. Как пишет академик А.Г. Аганбегян, не считая огромной суммы примерно в 200 млрд долл., которую государство выделило для помощи коммерческим банкам, еще 50 млрд долл. через Внешэкономбанк было направлено на выплату внешних долгов предприятий и организаций и еще 11 млрд долл. государство прямо дало «Газпрому» и крупнейшим нефтяным компаниям. Необходимость помощи обосновывалась тем, что к 2008 г. российские компании, не находя достаточных инвестиционных ресурсов на крайне скудном внутреннем финансовом рынке, набрали иностранных займов на 500 млрд долл., что превышало половину валового внутреннего продукта, который формировался банками, предприятиями и организациями. А это составляло примерно 60% всего ВВП России.[273]

Общий объем дополнительных ресурсов для осуществления антикризисных мер по поддержке реального сектора экономики (около 100 мер, заявленных Правительством РФ как антикризисные) на период с октября 2008 г. по декабрь 2009 г. оценивался ГУ ВШЭ в 2,1—2,5 трлн руб. Главным источником финансирования стал Резервный фонд, который за 2009 г. «похудел», согласно данным Росстата, почти на 2,2 трлн руб.[274] На обеспечение сбалансированности федерального бюджета со счетов Резервного фонда было израсходовано почти 3 трлн руб. и еще 179 млрд руб. — на обеспечение нефтегазового трансферта. Общая же величина нефтегазового трансферта с учетом текущего поступления доходов от добычи и экспорта углеводородов (2,8 трлн руб.) составила свыше 2,5 трлн руб.[275]

Кризис дорого обошелся российской казне, в связи с чем невольно возникает вопрос: а действительно ли нефтегазовым компаниям была нужна массированная помощь государства? Усомниться в целесообразности такой помощи заставляет анализ официальных статистических данных о состоянии финансов НГС и данных финансовой отчетности крупнейших компаний. Отрасли обрабатывающего сектора экономики понесли гораздо бóльший урон по сравнению с минерально-сырьевым сектором, который начал восстанавливать свою доходность уже с первого квартала 2009 г. несмотря на падение мировых цен на нефть (рис. ЦУГ-1).

В нефтегазовом секторе имело место кратковременное снижение доходности в четвертом квартале 2008 г., а «дно» было достигнуто в декабре месяце, после чего начался подъем (рис. ЦУГ-2). Рост доходов (прибыли) в НГС объясняется, с одной стороны, смягчением налогового режима (что привело к увеличению нетто-выручки от продаж продукции — рис. ЦУГ-3); а с другой стороны, резким сокращением текущих издержек производства — себестоимость проданных товаров и услуг по виду деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа» во втором квартале 2009 г. снизилась по сравнению с третьим кварталом 2008 г. в 1,6 раза (рис. ЦУГ-4).

---

[272] Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики — Доклад к X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7—9 апреля 2009 г. / Ю.В. Симачев и др. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009 • URL: http://www.hse.ru/data/943/184/1241/otsenka.pdf [2013-06-09].

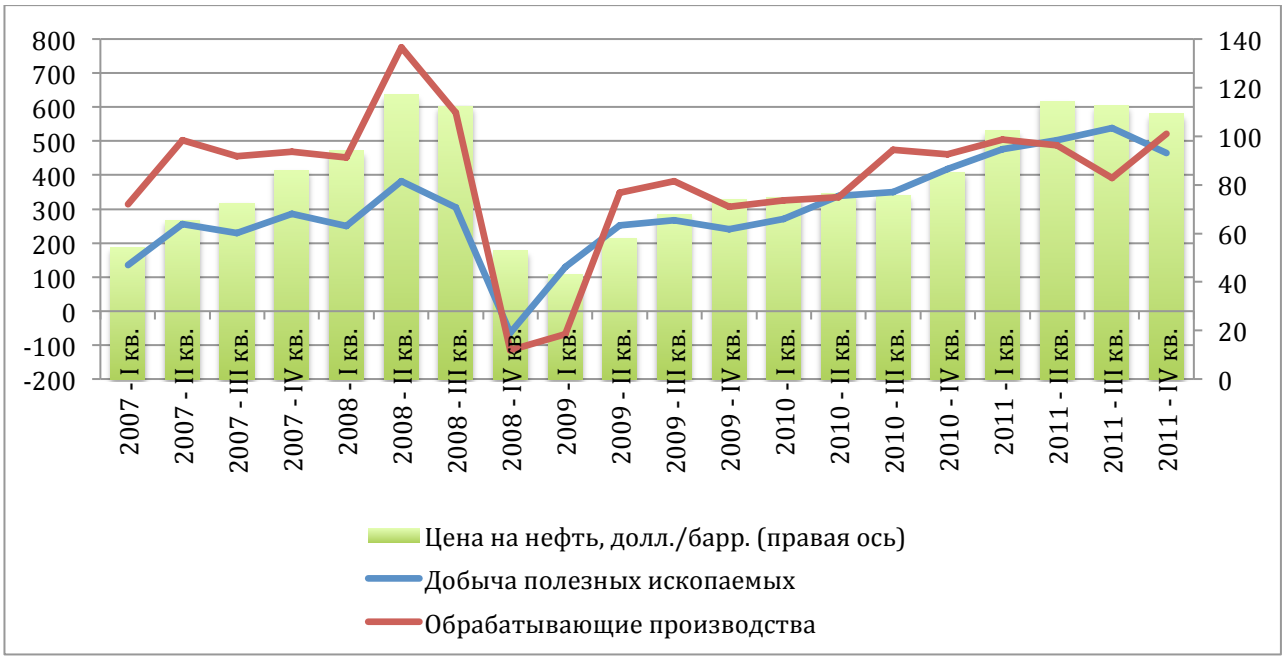
[273] Аганбегян А.Г. Кризис: беда и шанс для России. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2009.

[274] Финансы России — 2010. Статистический сборник / Росстат. — М., 2010 • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/.

[275] Сведения о движении средств по счетам Федерального казначейства по учету средств нефтегазовых доходов федерального бюджета, Резервного фонда и Фонда национального благосостояния // Федеральное казначейство • URL: http://www.roskazna.ru/svedeniya-o-dvizhenii-sredstv-po-schetam/.

Рисунок • ЦУГ-1

Сальдированный финансовый результат по видам экономической деятельности в 2007—2011 гг. с поквартальной разбивкой, млрд руб.

Росстат — Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. Январь 2012 г. • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140080765391 [2013-06-09].

Рисунок • ЦУГ-2

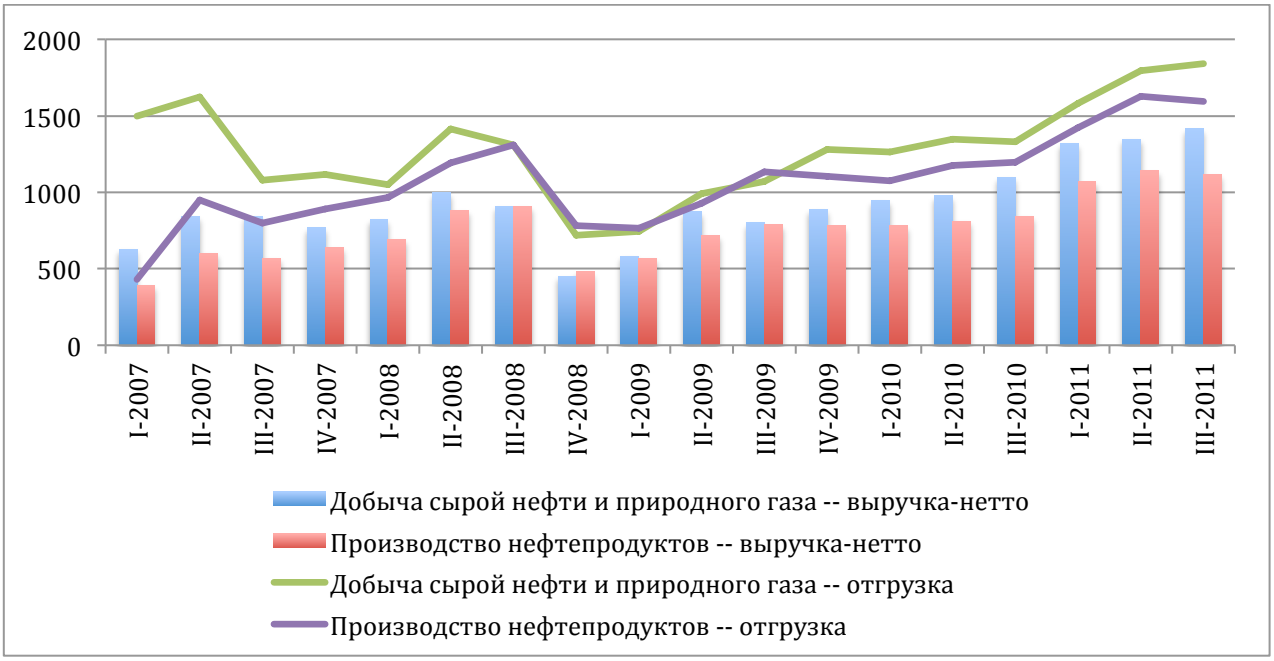
Прибыль (убыток) до налогообложения по видам экономической деятельности в 2007—2012 гг. с помесячной разбивкой, млрд руб.

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Рисунок • ЦУГ-3

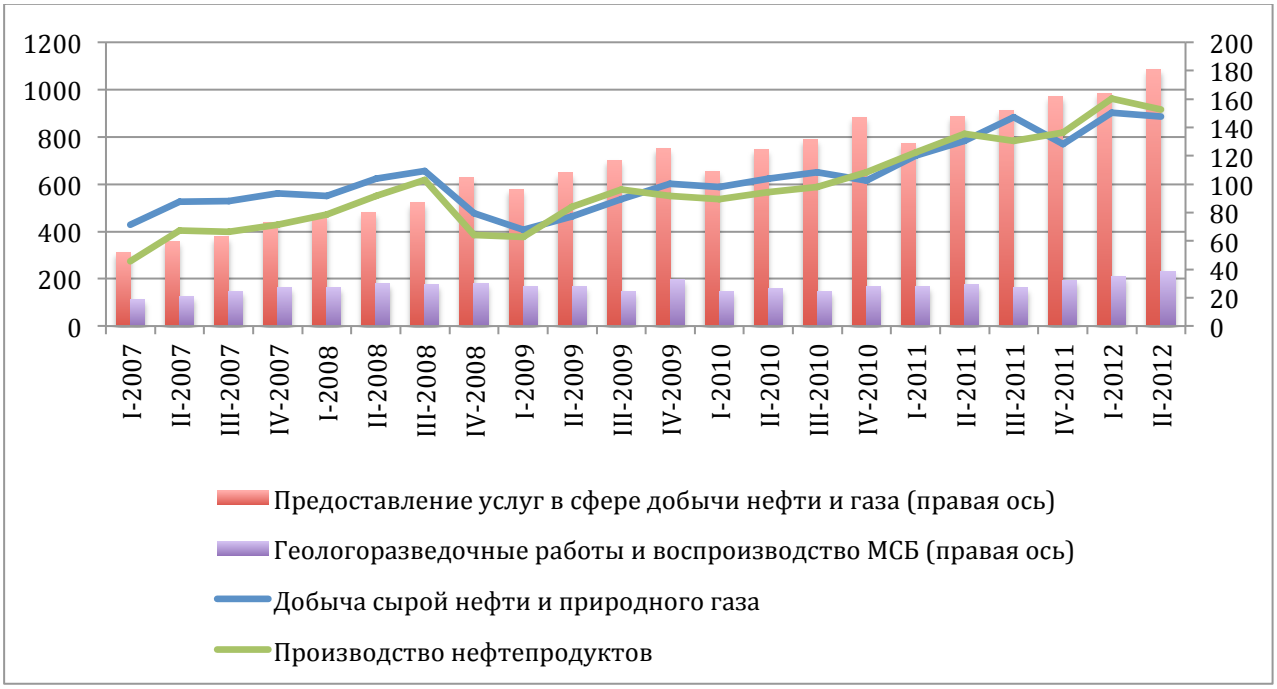
Объем отгруженных товаров, работ и услуг (включая НДС, акцизы и иные обязательные платежи) и нетто-выручка по видам экономической деятельности в 2007—2011 гг. с поквартальной разбивкой, млрд руб.

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Рисунок • ЦУГ-4

Себестоимость проданных товаров, продукции, работ, услуг по видам экономической деятельности в 2007—2012 гг. с поквартальной разбивкой, млрд руб.

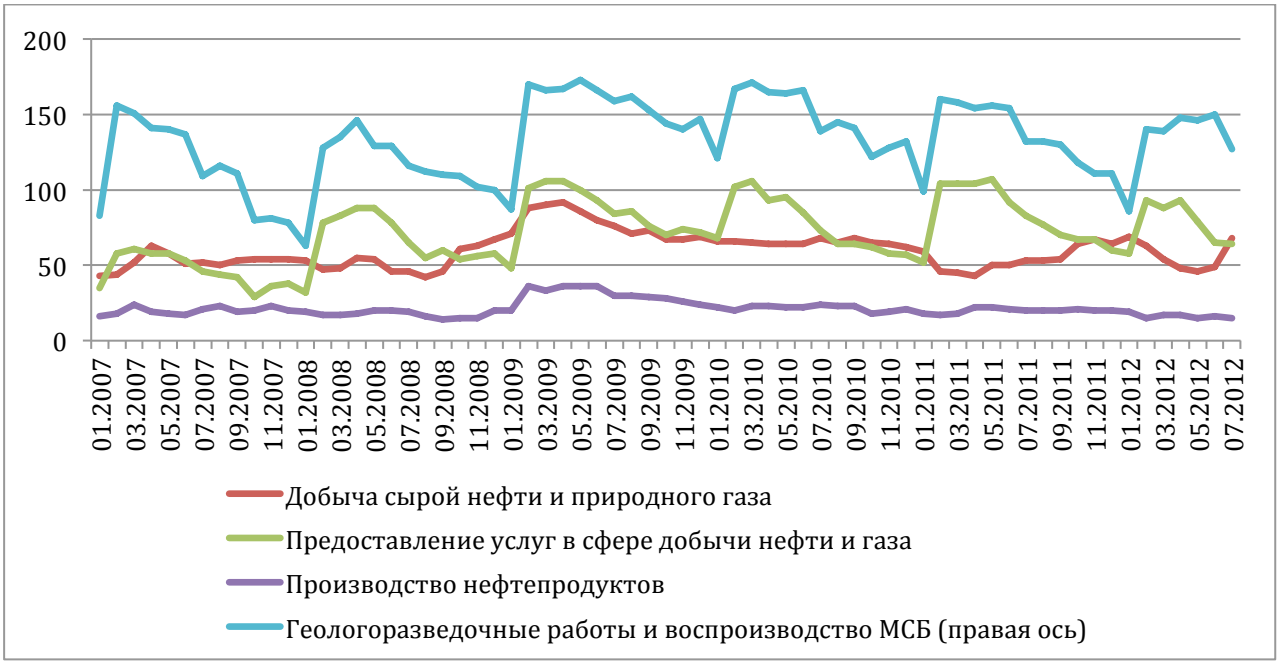

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Что касается издержек, то основные производственные сегменты НГС (добыча нефти и газа, нефтепереработка) оказались гораздо более мобильными и адаптивными, нежели геологоразведка, в которой уменьшение себестоимости составило всего 5%, и нефтегазовый сервис, в целом сохранивший ранее сложившуюся тенденцию к росту затрат (рис. ЦУГ-4). Ну, а поскольку добывающие хозяйственные структуры, т.е. потребители услуг геологоразведки и нефтесервиса, рационализировали свои издержки, то во вспомогательном сегменте НГС к началу 2009 г. резко возросло количество убыточных предприятий и организаций — почти вдвое (рис. ЦУГ-5).

Рисунок • ЦУГ-5

Количество убыточных предприятий и организаций по видам экономической деятельности в 2007—2012 гг. на начало календарных месяцев, единиц

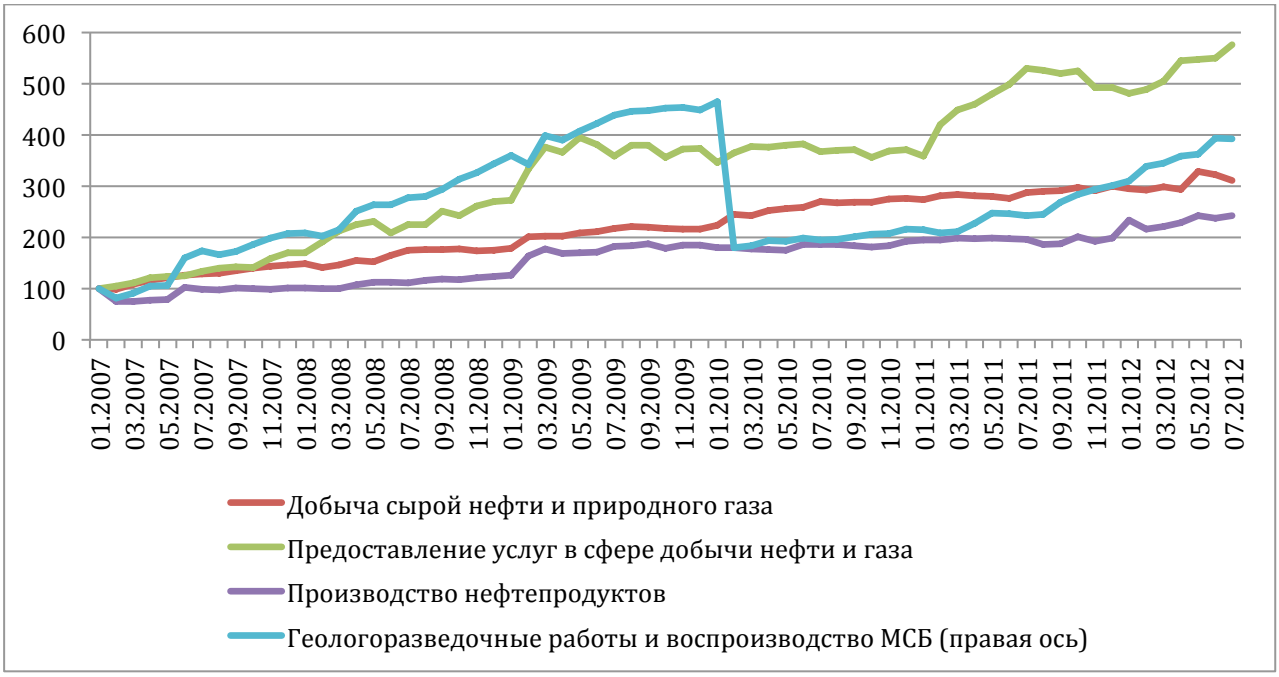
Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Для вспомогательного сегмента НГС был характерен и наиболее быстрый рост суммарной задолженности по обязательствам (кредиторской задолженности, задолженности по кредитам банков и полученным займам). Если в добывающем сегменте и в нефтепереработке за период с января 2007 г. по март 2009 г. суммарная задолженность выросла в 1,9 раза, то в нефтесервисе — в 3,8 раза, а в геологоразведке — в 4 раза (рис. ЦУГ-6). В нефтесервисном сегменте во второй половине 2008 г. произошел буквально «взрывной» рост просроченной задолженности перед банками и поставщиками — в 1,8 раза по сравнению с январем—февралем; а в сравнении с началом предкризисного 2007 г. неоплаченные долги возросли в 8,5 раз (к февралю 2009 г.). Крайне высокий уровень просроченной задолженности в нефтесервисном сегменте, в отличие от всех других сегментов НГС сохранился и после окончания кризиса — вплоть до настоящего времени (рис. ЦУГ-7). Данное обстоятельство, по всей видимости, объясняется консервацией кризисной конъюнктуры нефтесервисного рынка — под давлением монопольного спроса со стороны нефтегазовых компаний цены на услуги растут слишком медленно. Поэтому нефтесервисные фирмы и компании вынуждены постоянно прибегать к заимствованиям, что отражается на динамике показателя суммарных обязательств, сумма которых за период с января 2007 г. по июль 2012 г. увеличилась в 5,8 раза (для сравнения в добыче нефти и газа — в 3,1 раза, а в нефтепереработке — в 2,4 раза). Нефтесервис является единственным сегментом НГС, в котором имеет место опережающий рост просроченной задолженности

по обязательствам — в 7,4 раза за указанный выше период времени, тогда как в геологоразведке она сократилась в 2 раза, в добывающем сегменте уменьшилась на 5%, а в нефтепереработке выросла в 1,5 раза.

Рисунок • ЦУГ-6

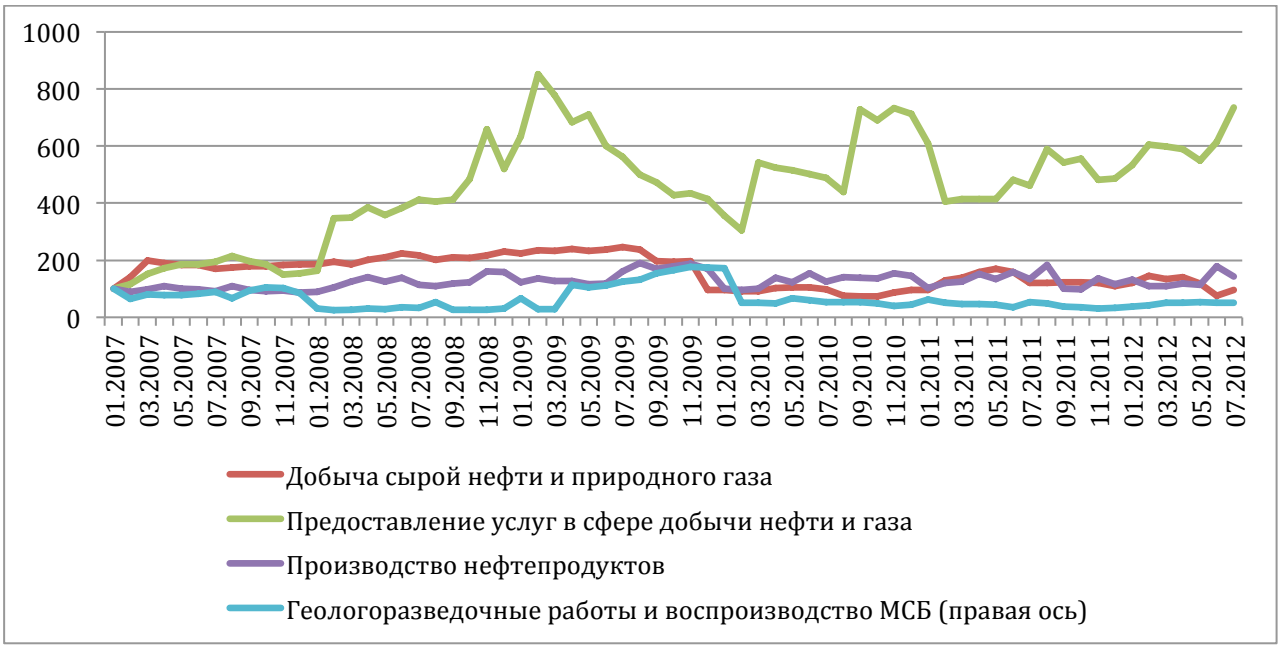
Изменение суммарной задолженности по обязательствам по видам экономической деятельности в 2007—2012 гг. в помесячном исчислении, % (1.01.2007 = 100)

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Рисунок • ЦУГ-7

Изменение суммарной просроченной задолженности по обязательствам по видам экономической деятельности в 2007—2012 гг. в помесячном исчислении, % (1.01.2007 = 100)

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Финансово-экономический кризис стал, конечно же, довольно серьезным испытанием для российского НГС, но он далеко не одинаковым образом сказался на разных участниках сектора. Крупнейшие компании, в сущности, лишь слегка «тряхнуло». К тому же период падания цен на нефть оказался довольно скоротечным. Низшая точка спада среднемесячных цен на нефть марки «Юралс» пришлась на декабрь 2008 г. (28,5 долл./барр.), а у же в августе 2009 г. цена достигла отметки в 70 долл./барр., что превысило среднегодовой уровень цены докризисного 2007 г. (69,4 долл./барр.). Крупнейшие компании НГС реально не столкнулись с проблемой утраты платежеспособности, хотя показатели чистой прибыли в 2009 г. заметно снизились. Это видно на примере НК «Роснефть», у которой чистый совокупный доход в 2009 г. сократился по сравнению с 2007 г. в 2 раза, а с 2008 г. — в 1,7 раза. Но обращает на себя внимание, что, «сбросив» объемы производственных капитальных вложений, компания резко — практически на порядок (в долларовом исчислении) — нарастила инвестиции в краткосрочные финансовые активы (табл. ЦУГ-1). Уж не государственная ли помощь ушла на эти цели? Финансовая отчетность «Роснефти» свидетельствует, что в кризисном 2009 г. компания располагала значительными свободными денежными средствами, которые не были проинвестированы в развитие производства (что, кстати, стимулировало бы спрос на продукцию и услуги в отечественной экономике), а «крутились» на финансовом рынке.

Таблица • ЦУГ-1

Некоторые финансовые показатели НК «Роснефть» в 2007—2009 гг.

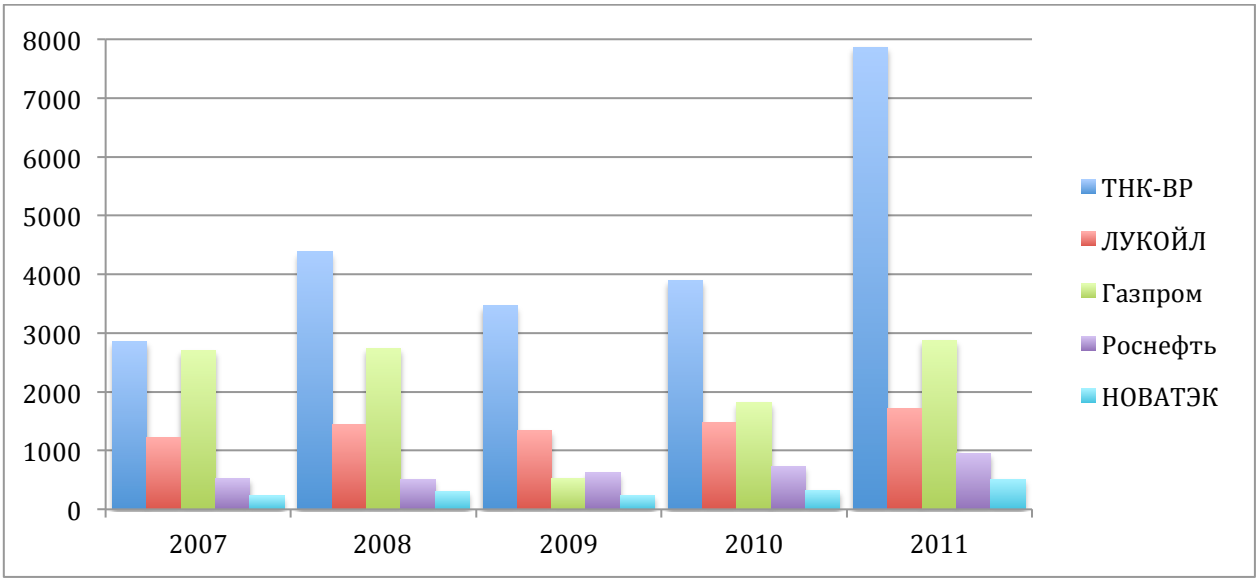
	Ср./кв. 2007	1-й кв. 2008	Ср./кв. 2008	4-й кв. 2008	1-й кв. 2009	Ср./кв. 2009
Млн долл.						
Капитальные затраты	1 560	1 748	2 183	2 306	1 232	1 813
Долгосрочные финансовые вложения	81	47	92	62	30	416
Краткосрочные финансовые вложения	130	28	817	840	1 452	1 378
Увеличение денежных средств и их эквивалентов	114	154	124	178	421	164
Инвестиции и увеличение денежных средств — всего	1 885	1 977	3 216	3 386	3 135	3 770
Совокупный чистый доход от операционной деятельности	3 216	2 555	2 770	765	2 059	1 633
Млн руб.						
Капитальные затраты	39 906	43 438	54 256	62 879	40 779	57 561
Долгосрочные финансовые вложения	2 078	1 168	2 287	1 691	993	13 208
Краткосрочные финансовые вложения	3 313	696	20 293	22 905	48 061	43 742
Увеличение денежных средств и их эквивалентов	2 910	3 827	3 088	4 854	13 935	5 191
Инвестиции и увеличение денежных средств — всего	48 207	49 128	79 924	92 328	103 769	119 701
Совокупный чистый доход от операционной деятельности	82 256	63 492	68 846	20 860	68 153	51 846

По данным отчетности НК «Роснефть»
• URL: http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/.

Но самое интересное заключается в том, что кризис почти не повлиял на дивидендную политику ведущих компаний. По итогам 2008 г. ТНК-ВР выплатила своим акционерам 4,38 млрд долл. (в 1,5 раза больше, чем годом ранее), из которых 1,38 млрд долл. пришлась на четвертый квартал, т.е. в самый разгар кризиса. «ЛУКОЙЛ» начислил и выплатил дивиденды в размере 1,44 млрд долл. (на 210 млн долл. больше, чем в докризисном году), примерно половина этих выплат была сделана в «тяжелом» четвертом квартале года. Дивиденды «НОВАТЭКА» составили 308 млн долл., а государственных «Роснефти» и «Газпрома» — 516 млн долл. и 68 млрд руб., соответственно. Суммарно же пятерка названных компаний в 2008 г. выплатила дивиденды в размере 9,4 млрд долл., что по своей величине сопоставимо с объемом государственной «антикризисной» помощи нефтегазовому сектору. В 2009 г. выплаты дивидендов у этой «большой пятерки» несколько сократились, но тоже составили немалую сумму — 6,2 млрд долл. (рис. ЦУГ-8).

Рисунок • ЦУГ-8

Дивиденды крупнейших российских нефтегазовых компаний, выплаченные в 2007—2011 гг., млрд долл.

По данным финансовой отчетности компаний.

Т.е. получается, что никакой финансовый коллапс крупнейшим компаниям НГС, ставшим реципиентами господдержки в период кризиса, не грозил, раз вместо создания финансовых резервов миллиарды долларов денежных средств компании пустили на выплату дивидендов? И без экстренной помощи государства можно было обойтись, так? В общем, глядя на российских нефтегазовых «мажоров», невольно возникает каверзный вопрос в духе Максима Горького: а был ли кризис?

Еще один любопытный момент. ОАО «Роснефтегаз», получающее дивиденды госкомпаний по акциям, находящимся в его управлении, само в последний раз выплачивало дивиденды (с зачислением в госбюджет) аж за 2007 г. В последующие годы, когда в федеральном бюджете возникли «зияющие дыры», вся чистая прибыль «Роснефтегаза» направлялась в корпоративный резерв и на инвестиционные цели, например, осенью 2008 г. (опять же в кризисную пору) 18,9 млрд руб. было израсходовано на покупку доли в Каспийском трубопроводном консорциуме у Oman Oil Company S.A.O.C. На конец 2011 г. объем денежных средств «Роснефтегаза», размещенных в банках, достиг 78,5 млрд руб.[276]

[276] Согласно отчетности ОАО «Роснефтегаз»
• URL: (http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/ [2013-06-09].

И лишь в прошлом году после того, как президент страны лично и настоятельно попросил компании ТЭК с госучастием *«проанализировать возможность увеличения дивидендных выплат»*, стало известно, что ОАО «Роснефтегаз» выплатит дивиденды за 2011 г. в размере 30 млрд руб., что составляет 90% чистой прибыли этой государственной корпорации.[277]

Едва-едва кризис миновал, как наши нефтегазовые гиганты начали рапортовать о чуть ли не беспрецедентном росте прибылей. К примеру, «Газпром» с рекордным для себя уровнем прибыли завершил четвертый квартал 2010 г.; «Роснефть» в первом полугодии 2011 г. увеличила чистую прибыль в 2 раза, а ТНК-ВР — на 87%.[278] И при этом тогдашний министр энергетики С. Шматко признавал, что в 2008—2010 гг. дивидендные выплаты нефтяных компаний более чем в 3 раза превышали фактическое исполнение инвестиционных программ по модернизации нефтепереработки.[279] Т.е. средства для инвестирования в НГС все-таки были и есть, но только направляются они совсем на иные цели. Современное продолжение дивидендной истории российских нефтегазовых компаний, как отмечают некоторые информационно-аналитические издания, могут поразить воображение обывателя. По итогам работы за 2011 г., который стал одним из самых удачных вследствие роста цен на нефть (примерно 110 долл./барр. в среднегодовом исчислении — выше, чем в докризисный период), в карманы акционеров крупнейших нефтегазовых компаний России («Газпрома», «Роснефти», ТНК-ВР, «Газпром нефти», «ЛУКОЙЛа», и «Сургутнефтегаза») должно переместится более 625 млрд руб., из них 335 млрд руб. составляют суммарные выплаты трех частных компаний.[280] Но безусловным лидером стал «Газпром», совет директоров которого рекомендовал выплатить дивиденды в размере 212 млрд руб. (230% к уровню 2011 г.), а чистая прибыль группы по итогам 2011 г. впервые в ее истории превысила баснословную цифру 1 трлн руб.[281]

В целом же исходя из опыта взаимоотношений между государством и бизнесомв период кризиса можно сделать следующие основные уроки. Во-первых, как оказалось, крупнейшие российские нефтегазовые компании располагают немалыми возможностями для сокращения текущих и инвестиционных издержек — пусть даже и за счет производителей товаров и услуг, потребляемых в НГС. В таком случае антикризисные усилия государства, наверное, следовало бы в большей степени направить непосредственно на помощь этим производителям, а не на умиротворение крупного нефтегазового бизнеса. Кризис показал, что стимулирование спроса со стороны компаний-монополистов является занятием не слишком продуктивным. Во-вторых, падение цен на нефть нанесло гораздо больший урон государственному бюджету, нежели нефтяным компаниям. Даже та минимальная гибкость, которая присуща действующей налоговой системе, привязанной к уровню мировых цен на нефть, помогла российским нефтяникам избежать критических

---

[277] Путин попросил дивидендов. Приватизация ТЭК будет проводиться из одного госкармана в другой // Новая политика. Интернет-журнал. — 11 июля 2012 • URL: http://www.novopol.ru/-putin-poprosil-dividendov-text125230.html [2013-06-09].
Дворкович: «Роснефтегаз» направит на дивиденды 90% чистой прибыли // Forbes.ru — 12 июля 2012 • URL: http://www.forbes.ru/news/84173-dvorkovich-rosneftegaz-napravit-na-dividendy-90-chistoi-pribyli [2013-06-09].

[278] По данным отчетности компаний.

[279] Шматко: резервов мощностей нефтепереработки в России почти нет // Ведомости. — 08 июля 2011 • URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1313609/fiskalnaya_sistema_rf_rozhdaet_otraslevoj_disparitet_i_ne [2013-06-09].

[280] Дивидендная история-2012: сверхдоходы распределились по карманам акционеров // РБК — Экономика. — 06.07.2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/06/07/2012/658643.shtml [2013-06-09].

[281] По данным ОАО «Газпром» • URL: http://www.gazprom.ru/about/management/shareholders/2012/ [2013-06-09].

убытков за счет сокращения платежей в бюджет. В-третьих, отечественные нефтегазовые компании продемонстрировали способности быстрого посткризисного восстановления доходности по мере улучшения ценовой конъюнктуры мирового рынка. Можно даже сказать, что крупный нефтегазовый бизнес вышел из кризиса в какой-то мере «поздоровевшим» и «окрепшим».

Сегодня нефтегазовые компании-монополисты создают «идейно-информационную» основу для принятия государственных решений по вопросам развития НГС, а фактически формируют политику собственного умиротворения. Например, «Газпром» занимается сведением и обоснованием балансов газа по стране, определяя квоты добычи и доступа к «трубе» для себя самого и независимых компаний. Институт ВНИИГаз, являющийся дочерней структурой «Газпрома», разработал Генеральную схему развития газовой отрасли на период до 2030 г. Даже не нужно спрашивать, о чьих интересах прежде всего заботится «Газпром» при подготовке подобных документов — о своих собственных или конкурирующих организаций. Различные проекты реформирования налоговой системы в НГС разрабатываются фактически на средства нефтегазовых компаний и на основе данных по издержкам, которые этими же компаниями предоставляются. Стремясь получить объективные оценки ситуации и обоснованные предложения по изменению налоговой системы, правительство нанимает для выполнения работ независимых экспертов, т.е. иностранные консалтинговые фирмы. Но ведь хорошо известно: «кто платит, тот и заказывает музыку». Не так давно утвержденная на Правительственной комиссии по топливно-энергетическому комплексу Генеральная схема развития нефтяной отрасли на период до 2020 г. напоминает нечто среднее между декларацией о намерениях и «рекламным проспектом» налоговых реформ, требующихся российским нефтяникам (точнее сказать: требуемых российскими нефтяными монополиями).[282] То, что намечено в государственных документах, которые, по идее, должны определять перспективы развития НГС — Энергетической стратегии России, генеральных схемах развития нефтяной и газовой отраслей, — представляет собой сводку корпоративных программ и предложений, ни к чему не обязывающих и отражающих прежде всего интересы самих нефтегазовых компаний, а не государства и национальной экономики. Сегодня к выводу о том, что крупные нефтяные компании пытаются определять политику государства, приходят даже некоторые органы государственной власти.[283]

Стало воистину модным рассматривать перспективы дальнейшего развития НГС в нашей стране непременным образом в контексте каких-либо стимулирующих мер. Государственные деятели разного ранга, эксперты, специалисты и, естественно, представители самого нефтегазового бизнеса — все чуть ли не в один голос говорят о необходимости создания стимулов то для освоения Восточной Сибири и шельфа, то для реализации Ямальского газового проекта, то для модернизации отечественной нефтепереработки и т.д. и т.п. Иными словами, предлагается выстроить систему регулирования, основанную на методе «пряника без кнута» — вероятно, с намеком на то, что одним кнутом мы уже пытались обойтись во времена плановой экономики и чем все закончилось хорошо известно. Однако при этом как-то упускается из виду, что в цивилизованных рыночных условиях все-таки применяется метод «кнута и пряника», причем роль весьма строгого кнута прежде всего играет конкуренция. При отсутствии конкуренции аппетиты монополий не знают предела. Чем может закончиться стимулирование, т.е. попытка «накормить» наши нефтегазовые монополии до состояния

---

[282] Если судить по тем материалам, которые появились в открытом доступе. См:. Доклад Министра энергетики РФ по вопросу Генеральной схемы развития нефтяной отрасли на период до 2020 г. // Министерство энергетики РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/5548.html [2013-06-01].

[283] Нефтяники диктуют свою волю Правительству? // Время и деньги. — 21 июня 2011 • URL: http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-37979.htm [2013-06-09].

удовлетворенности, без чего они не могут и не хотят решать сложные задачи по развитию производства, — это большой вопрос. Весьма правдоподобную версию ответа на него дали братья Стругацкие в своей фантастической повести «Понедельник начинается в субботу» в сюжете о кадаврах, изобретенных профессором Выбегалло. Такой «желудочно» и «духовно» неудовлетворенный кадавр не может остановиться в потреблении благ и либо сам лопнет — это в лучшем случае, — либо *«… загребет все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернет пространство, закуклится и остановит время…»*.[284] Т.е. вызовет всеобщую катастрофу.

Несмотря на сегодняшние рекордные прибыли, российские нефтегазовые «мажоры» отнюдь не собираются отказываться от государственного вспомоществования — особенно в тех случаях, когда речь идет о реализации государственных приоритетов в развитии НГС. Сегодня реализация чуть ли не каждого крупного добычного проекта непременным образом рассматривается «сквозь призму» налоговых льгот и мер государственной поддержки. В противном случае эти проекты становятся низкорентабельными или вообще нерентабельными по коммерческим критериям — слишком высоки затраты. Но насколько обоснован уровень затрат на реализацию новых проектов зачастую остается загадкой из-за непрозрачности механизмов формирования издержек в рамках крупных компаний. Между тем государство не прилагает серьезных усилий, чтобы устранить эту завесу непрозрачности, а продолжает стимулировать высокозатратные проекты путем все новых и новых налоговых и тарифно-экспортных льгот. Если так пойдет дальше, то государство вообще останется без прямых финансовых доходов от добычи нефти и газа в районах нового освоения — в Восточной Сибири, на крайнем севере Западной Сибири, на шельфах арктических и дальневосточных морей. Применяемые меры налогового стимулирования оставляют желать много лучшего, поскольку льготы устанавливаются «чохом» для обширных территорий и классов нефтегазовых проектов без учета «внутренней» дифференциации. Поэтому одни проекты могут приобретать необоснованно высокую рентабельность, а другие — стать необоснованно убыточными. Как следствие, снижается социально-экономическая эффективность развития нефтегазового сектора в целом.

Наблюдаемая тенденция фактически равнозначна ***утрате управляемости*** процессами, происходящими в НГС, со стороны государства, а переход к режиму «ручного управления», когда под «бдительным оком» государства, вроде бы, оказывается деятельность всех основных хозяйствующих субъектов, на самом деле лишь создает иллюзию управляемости. Реальный ход событий показывает, что «ручное управление» худо-бедно позволяет реагировать только на крайние проявления оппортунизма со стороны нефтегазовых компаний. Причем происходит это, как правило, постфактум, т.е. когда уже требуется ликвидировать последствия, как в случае с бензиновыми кризисами. Предупредить возникновение проблемных ситуаций государство без особого успеха пытается путем раздачи различного рода льгот, и естественно при этом, что главными бенефициариями становятся государственные «Газпром» и «Роснефть». Это пряники. А что же кнут, без которого пряников не должно быть? Государство им пока что по-настоящему не пользовалось, несмотря на то, что раздача пряников заводит страну в бюджетно-финансовый тупик. Консолидированная бюджетная система РФ почти на треть пополняется доходами от НГС (6,6 из 20,8 трлн руб. в 2011 г.), а федеральный бюджет — примерно наполовину (5,6 из 11,4 трлн руб.).[285] Простая логика подсказывает, что для увеличения доходов государственного бюджета нужно больше добывать нефти и газа и больше

---

[284] Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Фантастические повести. — М.: Детская литература, 1979. — с. 149.

[285] По данным Федерального казначейства. — Согласно отчету об исполнении федерального бюджета • URL: http://www.roskazna.ru/federalnogo-byudzheta-rf/; консолидированного бюджета РФ и внебюджетных фондов • URL: http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/.

экспортировать всей продукции НГС — так уж устроена наша налоговая система. Но чтобы больше добывать и экспортировать, нужны налоговые и таможенно-тарифные льготы, которые представляют собой прямые вычеты из доходных статей бюджета. Как выйти из этого замкнутого круга или спирали? Может быть, нам вовсе не нужно увеличивать добычу углеводородов, а нужно изменить налоговую систему и заставить нефтегазовые компании рационализировать издержки и работать более эффективно? Как это сделать?

Вопросы, вопросы и вопросы, остающиеся без ответа… Замкнутый круг проблем. Таков, пожалуй, главный результат политики умиротворения крупного нефтегазового бизнеса, проводимой государством на протяжении многих лет. Эта политика не только наносит ущерб интересам самого государства, но и развращающе действует на бизнес, консервируя его «юношескую инфантильность». Бизнес уверовал в то, что государство всегда придет на помощь в трудную минуту, одарит поблажками, порою пожурит для виду, но простит «шалости» и «прегрешения». Главное для бизнеса — не слишком «зарываться» и проявлять хотя бы показную лояльность по отношению к интересам своего покровителя.

Внутренние слабости, «разброд и шатания» в рядах

В позиции каждой из играющих сторон без труда можно найти немало внутренних слабостей и уязвимостей, которыми к своей выгоде старается воспользоваться соперник. Кроме того цугцванг *«несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма»*[286] в рядах как «белых», так и «черных». Недостаточная консолидация сил отнюдь не способствует достижению объективных интересов, которые есть у соперников, препятствует «содержательному развитию шахматной партии».

Определенная внутренняя противоречивость, институциональная конкуренция в рядах «белых» представляется вещью обычною во всех случаях, когда государство играет заметную роль в развитии НГС. Накал конкурентной борьбы между институтами и органами государственной власти зависит от множества факторов.

Во-первых, институциональная конкуренция, как правило, оказывается тем сильнее, чем выше степень прямого участия государства в НГС, в том числе через участие в капитале ведущих компаний — неважно коммерческого типа или национальных. Это доказано опытом многих нефтедобывающих стран, сделавших ставку на национальные нефтяные компании (ННК) в качестве одного из главных инструментов проведения государственной политики в НГС. Самым характерным противоречием в деятельности ННК обычно является конфликт между регуляторными и хозяйственно-коммерческими функциями (процесс исполнения последних подпадает под регулирование со стороны других институтов управления экономикой). В большей или меньшей степени имеет место конкуренция между ННК и административными государственными ведомствами — происходит «перетягивание одеяла» компетенций. Это снижает и эффективность работы ННК (в частности, по генерации доходов и локализации эффектов от освоения ресурсов нефти и газа) и действенность государственного управления нефтегазовым сектором.[287] Подобные конфликты присущи

---

[286] Ленин В.И. II съезд РСДРП 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г. Речи и выступления при обсуждении устава партии // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967—1975. — Т. 7. — С. 288.

[287] Tordo, Silvana. National oil companies and value creation / Silvana Tordo with Brandon S. Tracy and Noora Arfaa. — World Bank working paper; no. 218. — USA, Washington DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2011 • URL: (http://go.worldbank.org/UOQSWUQ6P0 [2013-06-09].

и российской практике — с той лишь разницей, что роль ННК играют акционерные компании с госучастием.

Во-вторых, большое значение имеет, как соотносятся между собой формальные и неформальные институты регулирования, допускается ли возникновение противоречий между «правилами игры», которые устанавливаются каждым из названных типов институтов, и как эти противоречия разрешаются. Следует признать, что в России противоречивость «правил игры» является нормой, а разрешение противоречий, поскольку они связаны с функционирование важнейшего сектора национальной экономики, обычно происходит на высших «этажах» государственной власти.

В третьих, многое зависит от полноты и комплементарности институциональной среды, сосредоточения или, наоборот, рассредоточения регуляторных компетенций между органами и уровнями в системе государственного управления. Институциональная среда российского НГС характеризуется неполнотой и некомплементарностью, а выстраивание вертикали власти с концентрацией компетенций на федеральном уровне не привело к устранению несогласованностей в процессах и процедурах регулирования. Образно говоря, перемещение компетенций вверх не привело к адекватному росту компетентности управления.

Неполнота и некомплементарность институтов регулирования наряду с институциональной конкуренцией образуют наиболее существенные слабости в позиции государства. «Рокировка» в высших эшелонах российской государственной власти, произошедшая в прошлом году, повлекла за собой серьезные изменения и структуре управления нефтегазовым сектором. Была создана комиссия при президенте по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса, которая фактически «оттянула» на себя компетенции аналогичной правительственной комиссии, и как будут складываться взаимоотношения между этими двумя управляющими структурами не совсем понятно. В некоторых аналитических изданиях уже высказано мнение, что правительство фактически лишается контроля над ключевой отраслью экономики.[288] Как бы то ни было, но определенные разногласия уже просматриваются, например, в вопросе об использовании дивидендов «Роснефтегаза». В правительстве полагают, что «Роснефтегаз» должен платить дивиденды в размере 90% чистой прибыли с зачислением их в бюджет, тогда как ответственный секретарь президентской комиссии, глава «Роснефтегаза» Игорь Сечин считает, что доходы госкорпорации — это средства для инвестирования, и в том числе для выкупа акций компаний энергетического сектора, подлежащих приватизации.[289] Проблема приватизации активов государства в энергетике создает более широкую основу для «межвластных» дискуссий. «Роснефтегаз», руководимый Сечиным получил специальную миссию — войти в капитал подлежащих приватизации энергокомпаний и остаться там до начала 2015 г. В правительстве же складывается точка зрения, что никакой экстренной необходимости государству вливать деньги в энергокомпании — посредством «Роснефтегаза» или напрямую — на самом деле нет вовсе.[290]

В противоположность внутригосударственному конфликту интересов вокруг «Роснефтегаза», возникшему сравнительно недавно, рассогласованность взглядов

---

[288] Вся нефть Путину // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 18 июня 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/06/18/tek/562949984127160 [2013-06-09].

[289] Путин попросил дивидендов. Приватизация ТЭК будет проводиться из одного госкармана в другой // Новая политика. Интернет-журнал. — 11 июля 2012 • URL: http://www.novopol.ru/-putin-poprosil-dividendov-text125230.html [2013-06-09].

[290] Энергетика: за что бьются Сечин и Дворкович // Forbes.ru — 24 авг. 2012 • URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/101145-energetika-za-chto-byutsya-sechin-i-dvorkovich [2013-06-09].

и реальных действий, имеющих отношение к антимонопольной политике, существует уже длительное время. Проблема монополизма в российском НГС до некоторой степени иллюстрируется известной поговоркой, согласно которой у государства «левая рука не ведает, что творит правая» (или наоборот). В условиях, когда на самых высоких уровнях власти получают фактическую поддержку тенденции к консолидации активов и имеет место определенный протекционизм в отношении компаний с государственным участием, отчаянная борьба ФАС с монопольными проявлениями в НГС в значительной степени утрачивает всякий смысл. Еще в 2005 г. руководитель антимонопольного ведомства И. Артемьев жаловался на антиконкурентные действия органов власти и отмечал, что из всех судебных тяжб наиболее проблематичными являются именно те, которые связаны с государственными органами.[291] Т.е. ФАС оказалась практически бессильной перед госмонополиями и наподобие плохого доктора, лечит не саму болезнь, а лишь борется с ее симптомами.

ФАС более или менее успешно справляется с подавлением «симптомов монопольной болезни» на рынке нефтепродуктов, доводя дела против нефтяных компаний до судебных разбирательств и выигрывая их. Но непреходящей «головной болью» ФАС является монополизм «Газпрома», который превратился в своего рода «священную корову» и является, пожалуй, единственной российской компанией, которая в случае приобретения каких-либо активов может даже не поставить ФАС в известность (вопреки требованиям действующего законодательства), как это было при покупке пакета акций «Салаватнефтеоргсинтеза» — за что газовому монополисту грозил административный штраф до 500 тыс. руб.[292] Иными словами, ФАС хватает полномочий, чтобы в случае надобности приструнить газпромовских «дочек», но когда дело касается самого «папы» «Газпрома» антимонопольное ведомство пасует. И остается только гадать: то ли сотрудники ФАС не умеют собирать доказательную базу, то ли у нас такие либеральные по отношению к «Газпрому» законы. Второе, вероятно, ближе к истине. С формальной точки зрения, газовому монополисту зачастую трудно предъявить какие-либо претензии, поскольку он подчиняется законодательству, но если «Газпрому» что-нибудь очень нужно, то в издаваемых законах это обязательно учитывается. Руководитель ФАС признает, что *«по большому счету почти все наши попытки ограничить монополизм "Газпрома" не удались. И причина здесь, мне представляется, даже не в нашей силе или слабости, а в статусе "Газпрома", в его реальных политических возможностях. Государственно-монополистический монополизм — серьезная проблема для ускорения экономического развития страны».*[293] В общем же и целом можно сказать, что на сегодняшний день у государства нет осмысленной и четко обозначенной позиции в вопросе о монополизме в НГС, а соответственно, нет и целостной антимонопольной политики, одинаково понимаемой и практически поддерживаемой разными институтами власти.

Главная уязвимость или проблема «черных», т.е. нефтегазового бизнеса, состоит в том, что сегодня в условиях несовершенной и неоднозначной институциональной среды в деятельности практически любой компании найдутся какие-либо нарушения, если не налогового, то хотя бы антимонопольного, природоохранного, трудового или иного законодательства. На этот счет можно привести немало примеров. Так, в июне 2008 г. руководству компании ТНК-ВР, к газодобывающим активам которой уже тогда проявлял

---

[291] ФАС не может сопротивляться слияниям госкомпаний // Независимая Газета. — 10 нояб. 2005 • URL: http://www.ng.ru/economics/2005-11-10/3_fas.html)[2013-06-09].

[292] ФАС «Газпрому» не указ // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 31 мая 2007 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2007/05/31/tek/562949978978612 [2013-06-09].

[293] Для топ-менеджеров попасть в тюрьму на три-шесть месяцев будет достаточно // Коммерсантъ. — 12 авг. 2007 • URL: http://kommersant.ru/doc/791828 [2013-06-09].

интерес «Газпром», были предъявлены прокурорские претензии в связи с дискриминацией российских сотрудников по сравнению с иностранными. Отчуждение контрольного пакета акций у консорциума зарубежных компаний в проекте «Сахалин-2» в пользу все того же «Газпрома» началось с проверок природоохранного ведомства и обвинений в несоблюдении требований экологической безопасности работ. В конфликте между ТНК-ВР и «Газпромом» по поводу Ковыктинского месторождения роль катализатора сыграли обвинения в нарушении условий лицензионного соглашения, выдвинутые в адрес российско-британской компании со стороны Федерального агентства по недропользованию. На худой конец, государство может припомнить частным компаниям что-либо из старых грехов, например, получение за бесценок добывающих активов у госкомпаний в трудные для них времена («Итера») или же поднять дело о неуплате налогов какими-нибудь «дочками», имевшей место несколько лет назад (претензии такого рода предъявлялись ТНК-ВР).

Справедливости ради нужно сказать, что наши нефтяные компании, их владельцы и менеджеры, сами постоянно дают государству поводы для придирок и преследований. События в «деле ЮКОСа», приведшие к ликвидации компании, вряд ли бы приняли такой оборот, если бы не чрезмерные политические амбиции М. Ходорковского и его неразборчивость в средствах для достижения цели. А беззаветная любовь к различного рода схемам налоговой оптимизации? Например, в свое время только самые осторожные и нерасторопные не попытались воспользоваться «налоговой дырой» Байконура или внутренних оффшоров (Мордовии, Чукотки, Калмыкии, ЗАТО в Снежинске, Озерске и проч.) чтобы сократить свои платежи в бюджет по НДС и акцизам на нефтепродукты. Плюс к этому хитрые экспортные схемы и различные варианты уклонения от налога на прибыль. Чем закончились подобные «неэтичные» игры для ЮКОСа — хорошо известно. «ЛУКОЙЛ» же, попавшись на «крючок» компетентных органов, был вынужден официально заявить о своем отказе от любых (даже легальных) схем налоговой оптимизации и призвать к тому же другие компании отрасли.[294] Постоянные претензии едва ли не ко всем крупным компаниям есть и у антимонопольного ведомства, ибо раздел рынка, ценовые сговоры, дискриминация независимых производителей и трейдеров, недружественные поглощения являются нормой для российского нефтегазового сектора. К этому можно добавить и многочисленные факты нарушений в сфере недропользования, включая сверхлимитный отбор запасов, сжигание нефтяного газа, несоблюдение мер экологической безопасности и проч. и проч.

Иными словами, у российских нефтегазовых компаний можно найти более или менее серьезные прегрешения практически по всем направлениям деятельности, что вынуждает государство то и дело прибегать к штрафным санкциям и наказанию провинившихся. Непонятно только, в каких случаях государство действительно старается умерить аппетиты частного бизнеса и отстаивает национальные интересы, а когда просто-напросто подыгрывает своим любимым питомцам — «Газпрому» и «Роснефти», — используя «административный ресурс» или же проявляя бездействие в интересах госкомпаний. Как бы то ни было, но прослеживается определенная причинно-следственная связь: после возникновения со стороны государства серьезных претензий к той или иной частной компании последняя нередко теряет свои активы, которые переходят в собственность государственных корпораций. А в целом тот факт, что практически за каждой компанией НГС водятся какие-то явные или тайные грехи, постоянно подталкивает государство к «закручиванию гаек», ужесточению режима «ручного управления».

Еще одна проблема «черных» фигур заключается в том, что у компаний НГС нет действенных стратегических планов развития. Есть формальные продекларированные стратегии, но компании с легкостью готовы от них отступать при каждом удобном, а точнее говоря — неудобном случае. Экономика непредсказуема в том плане, что всегда возможно

[294] Сальдо прогнувшись // Известия. — 18 янв. 2004 • URL: http://izvestia.ru/news/285901 [2013-06-09].

возникновение каких-либо непредвиденных, а чаще — попросту нежелательных событий, которые можно было бы предвидеть. Однако большинство таких событий не имеет «вселенского» значения и не должно оказывать серьезного воздействия на динамику развития компаний. К примеру, если рыночная конъюнктура в тенденции является стабильной, это еще не исключает возможность кратковременных колебаний спроса и цен, их отклонений относительно базисного тренда. Что касается энергетического рынка, то для него характерны регулярно повторяющиеся сезонные колебания конъюнктуры, а также изменение спроса в зависимости от погодно-климатических условий. Более теплые или более холодные зимы, вызывают уменьшение или увеличение спроса на топливо относительно некоторого среднего уровня. Но это является естественным свойством данного конкретного рынка, которое существует всегда и которое должно учитываться в стратегиях развития компаний. Стратегия — это долгосрочный план действий, направленный на достижение сложных и масштабных целей. Этот план должен учитывать возможность каких-то краткосрочных рыночных колебаний, должен определять принципы реагирования, но не может пересматриваться в зависимости от этих флуктуаций. Прежде всего сказанное относится к стратегическим инвестиционным планам. Чтобы последовательно выполнять стратегический план каждая компания должна иметь не только достаточные финансовые, но и производственные резервы.

Например, в газовой отрасли таким специфическим видом резервов являются подземные хранилища газа. Дефицит мощностей ПХГ в условиях кратко- и среднесрочных рыночных флуктуаций дестабилизирует динамику добычи газа — причем не только у «Газпрома», являющегося монопольным собственником основной газовой инфраструктуры в стране, но и у независимых производителей. Так уже не раз было в прошлом, но ситуация воспроизводится вновь и вновь. В сентябре 2012 г., чтобы не дать упасть собственной добыче, «Газпром» на неопределенное время приостановил покупку газа по контрактам у независимых производителей, якобы, из-за неустойчивого спроса на внутреннем рынке. После кризиса руководство «Газпрома» не раз заявляло, что спрос на газ восстанавливается, особенно в России, и обещало, что корпорация обновит рекорды добычи. Однако в 2012 г. добыча «Газпрома» снизилась и по сравнению с прошлогодней, и к докризисному уровню (к 2011 г. — минус 5,2%, к 2008 г. — минус 14,3%). Потребление газа тоже оказалось ниже, чем в предыдущем году — и в России (на 7,4%), и за рубежом (на 8,4%).[295] Как полагают аналитики, основная причина спада добычи и поставок у «Газпрома» связана с рецессией в Европе и ростом конкуренции — ценовая политика российского газового монополиста оказывается неудачной на всех рынках, где есть хоть малейшая конкуренция, что и ведет к проигрышу.[296] В данном случае негативным образом сочетаются факторы, обусловленные, с одной стороны, не вполне адекватной рыночной стратегией компании; а с другой — уязвимостями в ее производственно-технологическом потенциале.

Типичную для крупнейших нефтегазовых компаний «стратегию» можно уподобить растянутой во времени, едва ли — не до бесконечности, — тактике выживания. Компании постоянно адаптируются и приспосабливаются к изменению внешних условий своего развития путем весьма прямолинейной минимизации издержек и рисков (либо максимизации сиюминутных выгод), не рассчитывая на то, что проведение активных стратегий будет способствовать формированию более «дружелюбной» и предсказуемой внешней среды. Следствием стратегических изъянов является медленная реализация крупных комплексных проектов, которые требуют значительных инвестиций с длительными (в ряде случаев) сроками окупаемости, — таких как, освоение Ямала и газовых ресурсов на востоке России, модернизация нефтеперерабатывающих заводов и др. Масштабы деятельности любой

[295] По данным Минэнерго РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/activity/statistic/.

[296] Газпром закрыт // Ведомости. — 10 сент. 2012 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/2012/09/10 [2013-06-09].

из ведущих российских компаний таковы, что корпоративные «тактические флуктуации» серьезным образом отражаются на общей динамике развития НГС, как правило, тормозя это развитие.

«Разброд и шатания» в рядах столь же присущи позиции «черных», как и «белых». При этом вполне очевидно, что консолидация «белых» объективно необходима. Недопустимо, чтобы различные институты и органы власти придерживались существенно расходящихся взглядов на принципиальные вопросы государственной политики в НГС. Хотя тактические разногласия представляются неизбежными в силу «ведомственной специализации» и дифференциации практических интересов различных государственных ведомств. А как быть с «черными»? Как применительно к позиционированию «черных» соотносятся категории «консолидация» и «конкуренция»? Можно ли находится в одной лодке и оставаться соперниками? На первый взгляд, ответ на этот, казалось бы, парадоксальный вопрос, представляется очевидным: нельзя, ибо конкуренция ведет к «раскачиванию лодки». «Черные» тоже должны выступать единым фронтом, чтобы наилучшим образом защищать свои интересы. Но теория и практика современной рыночной экономики показывают обратное. Все компании нефтегазового сектора должны и могут развиваться в рамках некоего общего «мейнстрима» — прежде всего институционального и технологического, — конкурируя друг с другом на рынке. Более того, рыночная конкуренция является одной из главных движущих сил в «мейнстриме» эффективного развития бизнеса.

Но в российском НГС рыночная конкуренция крайне слаба, а вместо нее присутствует соперничество или борьба между крупнейшими компаниями за власть и влияние в экономике, политике и в обществе. Систематизируя представление о конкуренции, можно условно выделить два ее типа: конкуренцию «За» и конкуренцию «Против». В самом общем случае конкуренция «За» — это конкуренция между производителями на рынке в стремлении предложить потребителю товар или услуги по лучшему соотношению «цена-качество». Конкуренция «Против» — это конкуренция, непосредственно направленная против других участников бизнеса. Она деструктивна по своей природе, поскольку имеет конечной целью уничтожение конкурирующего участника бизнеса, а непосредственной целью — отчуждение активов. В такой конкуренции хороши все средства, начиная с недружественных поглощений и заканчивая револьвером и динамитом, что не единожды имело место в истории нефтегазового бизнеса. Достаточно вспомнить «старину» Рокфеллера и его некогда знаменитую «Стандард ойл»: *«Для слишком многих производителей и независимых переработчиков "Стандард ойл" была злым спрутом, вышедшим на охоту за "телами и душами" конкурентов. И для тех, кто пострадал от махинаций Рокфеллера — от беспрестанного давления и "потения", от двурушничества и тайных сговоров — он был чудовищем, которое лицемерно взывало к Господу, одновременно методично отнимая у людей средства к существованию и даже сами жизни в неудержимой погоне за деньгами и властью».*[297]

В современном российском НГС преобладающим типом конкуренции является конкуренция «Против». Наши крупнейшие нефтегазовые компании находятся в состоянии перманентной «холодной войны», которая по большей части остается невидимой для непосвященной публики, поскольку противостояние не часто перерастает в открытые «боевые действия». Признаки войны обнаруживаются воочию, когда, например, из-за доступа к объектам «естественно-монопольной» инфраструктуры вспыхивают острые межкорпоративные конфликты, которые просто невозможно скрыть от стороннего взгляда. Либо когда происходят крупные слияния-поглощения, которые в сущности своей,

[297] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 57.

как правило, являются недружественными, а стороны лишь пытаются сохранить внешнюю видимость взаимного согласия.

Весьма печально при этом, что государство почти постоянно оказывается втянутым в межкорпоративные конфликты в роли союзника одной из «воюющих сторон», которой, как нетрудно догадаться, обычно является какая-либо из госкомпаний. Последние, в свою очередь, не стесняются прибегать к использованию административного ресурса при атаках на чужие активы. Возможно, это просто совпадение, но снова приходится воспоминать, что по каким-то причинам едва ли не все «боевые» операции «Газпрома» по захвату крупных добывающих активов у других компаний начинались с «артподготовки» в виде проверок и выдвижения серьезных претензий к бывшим собственникам со стороны государственных надзорных и контролирующих органов. Так было и в случае вхождения «Газпрома» в проект «Сахалин-2», когда он основательно потеснил иностранных участников консорциума; так же получилось и при отторжении Ковыктинского месторождения у ТНК-ВР. Не обошлось без вмешательства государства и при покупке «Газпромом» «Сибнефти» — начиная с проверок Генпрокуратурой законности сделок по приобретению основных «сибнефтевских дочек» («Ноябрьскнефтегаза», Омского НПЗ и «Омскнефтепродукта») и заканчивая предъявлением налоговых претензий. Еще более печально, что именно государство нередко выступает в роли вдохновителя корпоративных войн, используя госкомпании как орудие для достижения своих целей — пусть даже и продиктованных соображениями «высшей справедливости». Но самое печальное заключается в том, что порою уже невозможно понять, каковы подлинные причины и мотивы происходящих событий. Что первично: интересы государства или узкокорпоративные интересы подконтрольных ему компаний? Государство направляет «боевые действия» госкомпаний для наведения правильного (на его взгляд) порядка в нефтегазовом секторе или госкомпании втягивают государство в корпоративные войны, прикрываясь административным ресурсом, ради своих интересов.

Деконсолидация является одной из характерных черт в цугцванге «черных». Отдельные черные фигуры в интересах собственной выгоды используют слабости других — призывая на помощь государство либо действуя по державному наущению. Подобного рода противостояние имеет место не только во взаимоотношениях между государственными компаниями и частными, но и внутри «лагеря» госкомпаний. В сущности дело сводится к институциональной конкуренции между крупнейшими госкомпаниями, каждая из которых стремится усилить свое влияние в НГС и в национальной экономике. Соперничество между компаниями, представляющими интересы государства в среде бизнеса, сплетается в единый узел с институциональной конкуренцией в системе государственной власти, создавая разного рода «черно-белые» или «бело-черные» альянсы. За «спиной» каждой из госкомпаний стоит или, по крайней мере, угадывается тот или иной институт власти с его интересами и собственным видением целей и задач развития НГС. А эти интересы и представления, как показано выше, могут быть существенно различными и даже конфликтующими.

Следует отметить, что консолидация «черных» вообще (нефтегазового бизнеса в целом) в качестве одной из конструктивных сил общественно-экономического развития, т.е. попадание в «мейнстрим» развития, не имеет ничего общего с сепаратной консолидацией черных фигур, которая уподобляется монополизации и противопоставлению интересов крупного бизнеса всем прочим интересам в НГС. Нефтегазовые «мажоры» не ведут рыночных войн друг с другом, а выступают (неважно — сговорившись или нет) единым фронтом в войне против общего врага — независимых компаний, которые фактически лишены поддержки со стороны государства и не могут оказывать серьезного сопротивления. Современная маркетинговая политика «мажоров» представляет собой один сплошной акт агрессии против независимых производителей и трейдеров. Вот такая консолидация в стане «черных» действительно ведет к «раскачиванию лодки», к подавлению нормального

соперничества на рынке, которое подменяется усиливающейся институциональной конкуренцией между «мажорами».

Все сказанное выше свидетельствует о том, что в развивающейся «шахматной партии», т.е. во взаимоотношениях между государством и бизнесом, опосредующих процесс формирования институциональной среды НГС, по меткому ленинскому выражению, имеет место *«глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший* ***внутренний*** *кризис».*[298]

Мыльный пузырь капитализации, или обоюдный шок для «черных» и «белых»

Факт, что когда-нибудь все это лопнет. Такое не может вечно продолжаться. Попробуйте надуть славой поросенка — обязательно лопнет.

Ярослав Гашек.
Похождения бравого солдата Швейка[299]

Усиливающееся давление «черных» на позицию «белых», политика «белых» по умиротворению «черных», консолидация черных фигур и формирование на нефтегазовой «шахматной доске» разноцветных альянсов ведет к смешению разнородных целей и приоритетов, к тому, что де-факто корпоративные интересы искусственно приобретают характер общенациональных. Примером может служить гипертрофированная озабоченность российских властей по поводу капитализации госкомпаний, которые по своему формальному статусу являются публичными корпорациями.[300] В этом вопросе очевидно просматривается связь с «ручным управлением» экономикой, поскольку рост капитализации госкомпаний представляется как индикатор, отражающий эффективность государственного управления нефтегазовым сектором. Но так ли это на самом деле?

Для любой коммерчески ориентированной компании показатель рыночной капитализации (рыночной стоимости) и ее динамика являются важными показателями успешности бизнеса. Высокая капитализация обычно способствует притоку инвестиций, создает более предпочтительные условия доступа к финансовым ресурсам кредитного и фондового рынка. Кроме того высокая капитализация сулит хорошие перспективы в случае слияния или продажи бизнеса стратегическим инвесторам. В конечном же итоге, рыночная капитализация характеризует качество корпоративного менеджмента и эффективность управления активами. Неслучайно поэтому большинство российских акционерных компаний, в том числе нефтегазовых, едва встав на ноги, включилось в «гонку

---

[298] Ленин В.И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967—1975. — Т. 20. — С. 88.

[299] Цитируется по изданию: Гашек Ярослав Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. / Пер. с чешск. и примеч. П. Богатырева. — М: Худож. лит., 1977. — С. 187.

[300] Данный очерк в основном был написан летом 2008 г. — в самом преддверии финансово-экономического кризиса, — когда российские нефтегазовые компании подбирались к вершинам роста своей рыночной стоимости и когда еще никто не представлял, какой шок ожидает «борцов за капитализацию» в самом ближайшем будущем.

за капитализацией». Безусловным лидером в этой гонке стал «Газпром», который в канун 2000 г. даже не входил в число полусотни крупнейших нефтегазовых корпораций мира, а к наступлению 2008 г. уже занимал в мировом рейтинге третью строку (после PetroChina и ExxonMobil) с капитализацией 332 млрд долл.[301]

Сразу нужно отметить, что одной из главных причин, подхлестнувших эту гонку, стала недооцененность российских компаний по сравнению с зарубежными конкурентами, работающими в аналогичных секторах бизнеса. В частности, когда речь идет о нефтегазовом бизнесе уместно говорить о заниженной капитализации в сопоставлении с реальной стоимостью материальных активов и величиной запасов углеводородного сырья, принадлежащих российским и зарубежным компаниям. Поэтому рост рыночной капитализации жизненно необходим российским нефтегазовым компаниям, стремящимся встать на одну ступеньку с мировыми лидерами. Вместе с тем, значение фактора капитализации компаний нельзя абсолютизировать ни с позиций корпоративных интересов, ни, тем более, если рассматривать его с позиций национальных социально-экономических интересов.

Совершенно очевидно, что уровень капитализации, изменение котировок акций слабо влияют на текущую производственную деятельность компании. И с этой точки зрения рост биржевой стоимости акций самой компании, можно сказать, не нужен. Более того, если компания не планирует размещение своих акций на фондовом рынке или кредитные заимствования, то значение фактора стоимости компании снижается и в стратегическом аспекте. Рост котировок и капитализации нужны прежде всего акционерам, поскольку от этого они становятся богаче и могут получить прибыль от продажи принадлежащих им акций. Но при обороте на вторичном рынке выручка от продажи акций никоим образом напрямую не попадает в компанию.

Выгоды от роста стоимости акций зачастую приносят компании лишь косвенные выгоды в виде высоких кредитных рейтингов, репутации, престижа и т.п. Но кредиторы (финансовые институты) и рейтинговые агентства учитывают не только биржевую стоимость акций, но и многие другие показатели, характеризующие эффективность бизнеса (балансовые показатели, рентабельность, устойчивость) и проч. Иными словами, показатель рыночной капитализации является хоть и важным, но далеко не единственным индикатором, отражающим состояние дел в компании. Фактор капитализации играет наиболее значимую роль, если рассматривать интересы компании и ее акционеров как единое целое. И в полной мере это справедливо лишь для условий полноценно функционирующей рыночной экономики. Компания должна быть частной, а ее акции должны свободно, без каких-либо ограничений обращаться на рынке.

При этом нужно принимать во внимание факторы, влияющие на уровень капитализации. Текущие котировки акций компании, а соответственно и ее суммарная капитализация, зависят в основном от трех факторов: от оценки величины будущих дивидендов, от прогноза будущей стоимости акций и коэффициента дисконтирования, принятого для вложений с аналогичным уровнем риска. Все эти параметры имеют весьма высокий уровень неопределенности, то есть, фактически, текущая цена акции определяется теми ожиданиями, которые компания способна внушить потенциальному инвестору. Естественно, что инвестор выше оценит компанию, продукция которой имеет рыночную перспективу, которая хорошо управляется, имеет четкий план развития и т.д. и т.п. Но даже эти, вполне разумные обстоятельства, далеко не всегда оказываются решающими при формировании рыночных котировок. К тому же в отличие от объективных показателей, характеризующих деятельность бизнеса (например, объемов производства или размера

[301] Здесь и далее индикаторы капитализации по итогам года приведены по данным Petroleum Finance Company, Ltd. — PFC Energy • URL: https://www.pfcenergy.com/PFC-Energy-50/Archive [2013-06-08].

прибыли), капитализация есть сумма субъективных оценок компании инвесторами, поэтому у компаний появляется возможность повлиять на уровень капитализации искусственными методами. Известно, что мнение рынка — это «мнение толпы», которое, как правило, является ошибочным.[302] Рыночные котировки акций, а соответственно и капитализация компании, отнюдь не всегда отражают реальную эффективность бизнеса, особенно в условиях целенаправленного воздействия на процесс формирования рыночных предпочтений.

Все сказанное выше подводит к точке зрения, что рост капитализации далеко не во всех случаях может выступать в качестве главной стратегической цели развития компании. Тем более, если это не частная компания, а компания, находящаяся под контролем государства и, как таковая, призвана решать задачи, обусловленные национальными социально-экономическими интересами. На фоне этих интересов вопрос о капитализации со всей очевидностью отходит на второй план.

Ярким примером компаний такого рода как раз и является «Газпром»:

- основной производитель природного газа в России, владеющий львиной долей запасов, и соответственно — крупнейший поставщик газа на внутренний рынок;
- монопольный экспортер российского газа;
- один из крупнейших доноров государственного бюджета;
- монопольный собственник и оператор Единой системы газоснабжения страны, фактически регулирующий все потоки газа и формирование газового баланса;
- одна из двух государственных компаний (наряду с «Роснефтью»), которым делегировано право распоряжаться ресурсами углеводородного сырья на континентальном шельфе страны;
- владелец крупных активов в нефтедобыче, нефтепереработке, электроэнергетике, угольной промышленности и проч.

Т.е. «Газпром», вне всяких сомнений, занимает особое место в российской экономике. Учитывая приведенные выше характеристики, трудно переоценить социально-экономическую значимость компании, степень ее влияния на энергоснабжение и энергетическую безопасность страны. Неслучайно поэтому развитию «Газпрома», с самого момента его создания 15 лет назад, государство уделяет повышенное внимание. Но в последние годы — особенно ярко это проявилось в предкризисный период — все чаще приходится слышать не столько о вводе новых месторождений и трубопроводов, сколько о росте капитализации.

В связи с этим невольно возникают вопросы: какая связь существует между интересами страны и капитализацией «Газпрома» (а равно — «Роснефти» и «Транснефти»)? Можно ли считать рост капитализации одной — пусть даже самой крупной — российской компании мерилом развития всей национальной экономики и роста общественного благосостояния? Что может получить большинство населения страны от роста капитализации «Газпрома»? Или же это своего рода фетиш, предназначенный для того, чтобы доказать эффективность государственного управления активами в нефтегазовом секторе?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо разобраться с механизмами былого роста капитализации «Газпрома» и факторами, лежавшими в основе этого роста.

---

[302] *«Мнение рынка — это мнение толпы, которое практически всегда ошибочно,* — считает господин Выгон. — *Капитализация далеко не всегда отражает фундаментальные показатели»*. См.: Нефтяные компании становятся дороже // Коммерсантъ. — 7 мая 2002 • URL: http://www.kommersant.ru/Doc-rss/321247 [2013-06-09].

Условно говоря, первая фаза быстрого роста котировок газпромовских акций началась в 2001 г. и завершилась в 2005 г. Это был период времени, когда инвесторы ожидали решения о либерализации рынка акций — о начале работы в этом направлении стало известно в апреле 2001 г., а затем в течение почти 5-ти лет то и дело звучали заявления крупных чиновников о том, что либерализация вот-вот должна состояться. После каждого такого заявления котировки акций росли, а процесс либерализации не двигался с места. И лишь в декабре 2005 г., после того, как в прямой собственности государства сосредоточилось более 50% акций «Газпрома», был подписан соответствующий указ президента и внесены поправки в законодательство, регламентирующие функционирование газовой отрасли. В это же время «под крылом» «Газпрома» происходила консолидация активов газовой отрасли — начался процесс возвращения утраченного. За четыре года «Газпром» вернул крупные пакеты акций в «Пургазе», «Севернефтегазпроме», «Запсибгазпроме», «Востокгазпроме», СИБУРе, «Нортгазе», а также лицензию на Южно-Русское месторождение. Причем по большей части «Газпром» получил не просто запасы в недрах, которые он когда-то утратил, а введенные в эксплуатацию месторождения, т.е. работающие активы, способные приносить немедленный доход. И наконец, в 2005 г. «Газпром» совершил главное свое приобретение того времени — покупку «Сибнефти» стоимостью в 12 млрд долл., — что естественным образом резко повысило рыночную цену всей госкомпании. Всего же за 4-летний период капитализацию «Газпрома» удалось нарастить в 20 раз. Но хорошо видно, что произошло это не за счет внутренних ресурсов, связанных с развитием производства и органическим ростом, а за счет внешних факторов. С одной стороны, рост котировок происходил вследствие «разогревающих» действий государства; а с другой стороны, стоимость компании росла в результате агрессивной политики поглощений.

Второй этап роста — в 2006—2007 гг. — в основном сопровождался действием тех же факторов, что и ранее. Продолжился «разогрев» капитализации «Газпрома» со стороны государства с той лишь разницей, что речь шла не либерализации рынка акций, а о либерализации российского газового рынка и скором повышении внутренних цен на газ до европейского уровня. Продолжился и процесс расширения активов за счет приобретений на стороне (50-процентной доля участия в проекте «Сахалин-2», контрольных пакетов акций «Салаватнефтеоргсинтеза» и «Мосэнерго», ряда других энергетических активов, решения о создании совместного предприятия с СУЭК). Из числа значимых факторов, определявших органический рост компании, можно назвать только ввод в эксплуатацию (в декабре 2007 г.) Южно-Русского месторождения и начало работ по освоению Штокмановского месторождения.

Нужно также отметить, что в рассматриваемый период времени оказались забытыми все первоначальные планы по реструктуризации естественных монополий в НГС — и прежде всего это относится к «Газпрому». Если еще в начале 2000-х годов вопрос в той или иной степени обсуждался (хотя дальше разговоров и всяческих дискуссий дело не двигалось), то к 2005 г. он уже был снят с повестки дня, ибо на первый план вышли куда как более «важные»» вопросы, связанные с ростом капитализации нашего газового монополиста. Тут уже стало не до реструктуризации с разделением конкурентных и монопольных видов деятельности: при такой постановке вопроса делить «Газпром» на части уже было нельзя. В результате «разогревающих» действий со стороны государства и целого ряда героических усилий по консолидации активов в разных сегментах НГС (и не только) к окончанию 2007 г. капитализация «Газпрома» достигла 332 млрд долл., что сделало его третьей по стоимости энергетической компанией мира.

Следует отметить, что на данном этапе рост рыночной стоимости «Газпрома» утратил устойчивый характер, свойственный ему в предыдущие 5 лет. Достаточно сказать, что с июня 2006 по июнь 2007 г. акции не только не выросли в цене, но и подешевели более чем на 10%. Аналитики связывали это с развернувшейся дискуссией по поводу повышения

ставок НДПИ на газ, что должно было негативно отразиться на финансовых показателях работы компании. Судя по всему, в это же время определенные сомнения относительно будущего роста котировок появились и менеджеров «Газпрома». Согласно отчетности компании, в течение 12-ти месяцев начиная с мая 2006 г. менеджеры концерна (лица, занимавшие посты членов советов директоров и правлений головной компании, ее дочерних и зависимых обществ) продали 0,019% акций (средневзвешенная стоимость такого количества бумаг за тот период составила около 48,5 млн долл.), а купили лишь 0,004% примерно на 11,3 млн долл. Примечательно, что годом ранее картина инвестиционного поведения топ-менеджмента «Газпрома» была прямо противоположной. За первые пять месяцев 2006 г. руководители компании приобрели в 4 раза больше акций, чем продали (0,026% акций концерна на, примерно, 1,5 млрд руб. против 0,007% на 400 млн руб.).[303] Это лишний раз подтверждает факт, что феноменальный рост стоимости «Газпрома» был спровоцирован главным образом либерализацией рынка акций и его ожиданием.

Точка отсчета третьего этапа наращивания капитализации «Газпрома» легла на рубеже 2007 и 2008 гг. Отличительной особенностью данного этапа стал сравнительно низкий темп роста — взрывного подъема котировок акций компании больше не наблюдалось. Но, как и прежде, главным движущим фактором роста оставался политический. В начале мая 2008 г. акции «Газпрома» подорожали более чем на 4%, и рыночная стоимость компании поднялась до 8,12 трлн руб. (340 млрд долл.), что позволило ей сохранить место в тройке мировых лидеров по уровню капитализации — и произошло это сразу же после того, как Д.А. Медведев, тогдашний председатель совета директоров компании, вступил в должность президента России.[304] Помимо этого на рост стоимости акций нефтегазового сектора повлияло программное выступление В.В. Путина в качестве премьер-министра РФ перед парламентариями, в котором он подчеркнул, что назрела необходимость снижения налоговой нагрузки на нефтегазовый сектор ради стимулирования роста добычи и переработки нефти, а также заявил, что не позднее августа 2008 г. должны быть окончательно определены стратегия и тактика дальнейшего снижения налогового бремени. [305] Естественно, что большой «плюс» непосредственно для «Газпрома» представляло уже состоявшееся в марте 2008 г. решение правительства о «замораживании» ставок НДПИ на газ на уровне предыдущего года при одновременном повышении регулируемых цен на газ. Чуть позднее описанных выше событий руководством «Газпрома» была озвучена цель, одобренная государством, в течение ближайших 7—8 лет стать первой в мире акционерной компанией с капитализацией в триллион долларов.[306]

Итак, если посмотреть на совокупность факторов, определивших динамику роста капитализации «Газпрома» начиная с 2001 г., нетрудно заметить, что решающую роль среди них играл политический фактор. При этом, строго говоря, речь идет не только о персональных изменениях в российском руководстве, решениях государства по вопросу либерализации рынка акций компании и облегчении налогового бремени, но и о государственном покровительстве газпромовской экспансии по приобретению активов

---

[303] По данным квартальной финансовой отчетности ОАО «Газпром» за соответствующие годы • URL: http://www.gazprom.ru/investors/reports/.

[304] «Газпром» стал третьим в мире по уровню капитализации // Электронная газета «ВЕК». — 8 мая 2008 • URL: http://wek.ru/ekonomika/20990-gazprom-stal-tretim-v-mire-po-urovnyu-kapitalizacii.html [2013-06-09].

[305] Наступление на бедность. Председатель правительства Владимир Путин представил развернутую программу своего кабинета // Российская газета. — 9 мая 2008 • URL: http://www.rg.ru/gazeta/rg/2008/05/09.html [2013-06-09].

[306] См., например: интервью руководителя «Газпрома» Алексея Миллера журналу «Итоги». — 23 июня 2008 • URL: http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/890974 [2013-06-09].

в нефтегазовом секторе и за его пределами. Собственно, в данном случае более уместно говорить о политике, направленной на общее усиление прямого государственного присутствия в энергетическом секторе, одним из инструментов которой как раз и является «Газпром». А рост капитализации компании, обусловленный ее расширением за счет приобретения активов, можно считать побочным явлением.

Тезис о том, что рост капитализации «Газпрома» обусловливался грамотной стратегией развития и грамотным менеджментом, фактически не получает должного подтверждения. Если какая-то стратегия развития и присутствовала, то это — стратегия поблажек со стороны государства и экстенсивного расширения активов, а не повышения внутренней эффективности и развития собственного производства. Судя по динамике финансовых показателей компании, «Газпром» жил (равно как и сейчас живет) за счет экспорта и высоких мировых цен на энергоносители. Увеличение выручки и прибыли целиком и полностью определялось безостановочным ростом цен, начавшимся с 2001 г. и не прекращавшимся вплоть до осени 2008 г. Тогда как в сфере основного производства у «Газпрома» сложилась «патовая» ситуация — ежегодные темпы прироста добычи газа в лучшем случае составляли считанные проценты или даже доли процента. При этом возрастала задолженность по кредитам, поскольку для осуществления своих покупок «Газпром» привлекал многомиллиардные заимствования. Любая другая компания, не пользующаяся покровительством государства, в такой ситуации уже давно оказалась бы банкротом.

В сложившейся ситуации естественным образом возникал вопрос об объективности и надежности достигнутого уровня капитализации. Если оценивать его исходя из величины запасов углеводородного сырья, принадлежащих компании, то «Газпром» можно было считать недооцененным в сравнении с зарубежными нефтегазовыми компаниями. Но если принять во внимание финансово-экономические показатели, то картина выглядела совершенно по-иному. Например, по объемам продаж «Газпром» многократно отставал не только от ExxonMobil, занимавшей 1-е место в мире по величине капитализации, но и от компаний, находившихся позади «Газпрома» — таких, как Shell или BP. Причем это отставание было настолько значительным, что его не удалось бы преодолеть даже в случае повышения внутрироссийских цен на газ до европейского уровня. Еще одним фактором, заставлявшим с сомнением относиться к росту капитализации «Газпрома», было крайне небольшое количество свободных акций, реально обращавшихся на рынке — порядка 1—3% от общего количества акций компании, что явно недостаточно для достоверной рыночной оценки. Если бы вращавшийся на биржах пакет акций был больше, не исключено, что спрос на бумаги «Газпрома» в периоды «разогрева» был бы далеко не таким ажиотажным.

Но даже если считать достигнутый уровень капитализации «Газпрома» объективным, все равно оставался (и остается сейчас) открытым вопрос о пользе капитализации для страны, да и для самой компании. Можно утверждать, что это работает на престиж России. Но категория «престиж» слишком эфемерна — одним престижем сыт не будешь, он не дает никаких прямых выгод населению нашей страны. Можно, конечно, декларировать, что рост стоимости «Газпрома» делает более богатыми его акционеров. Однако хорошо известно, что основная часть акций компании (не считая государственного пакета) находится в собственности крупных инвесторов. Более того, за период с 1996 по 2005 г. доля акций в собственности физических лиц, сократилась в 2 с лишним раза (с 30 до 13%). «Газпром» образца середины 2008 г. и в его нынешнем виде вряд ли можно считать «народной компанией», поэтому рост капитализации был и остается реально интересен лишь для весьма ограниченного круга людей.

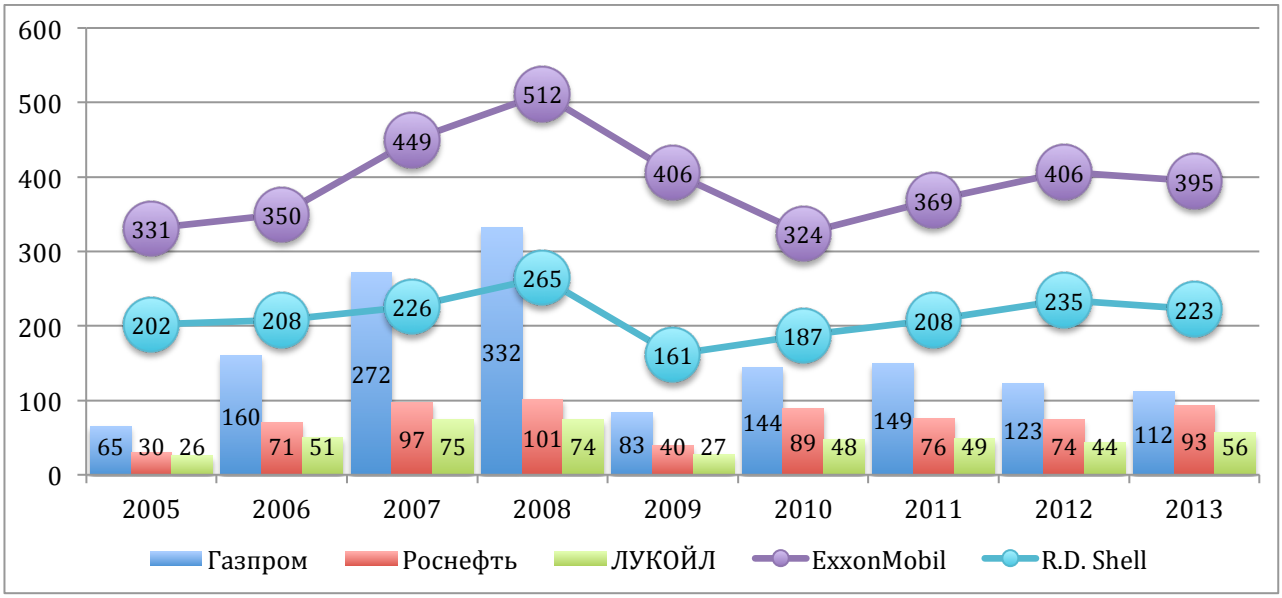
Общенациональная выгода от роста капитализации «Газпрома» могла бы иметь место, если бы этот рост способствовал развитию добычи газа, которая сдерживается из-за дефицита инвестиционных ресурсов. В случае же с «Газпромом» фактор капитализации слабо влияет на инвестиционную привлекательность. Зарубежных инвесторов интересуют

не столько акции «Газпрома», сколько возможность участия в проектах по освоению нефтегазовых ресурсов, принадлежащих компании. Но вопрос доступа иностранных компаний к такого рода проектам фактически находится в компетенции государства, а не «Газпрома», и решается в основном исходя из политических, а не экономических интересов.

Таким образом, можно сделать вывод, что сам по себе рост капитализации «Газпрома» («Роснефти» и др.) очень слабо связан с интересами национальной экономики и, тем более, с интересами российских потребителей энергоресурсов. Наращивать капитализацию госкомпании определенно имеет смысл лишь в случае планируемой приватизации, но, судя по всему, ни в 2008 г., ни сейчас у государства не было и даже нет в мыслях расстаться с принадлежащим ему пакетом акций «Газпрома». Тогда зачем было копья ломать? Это остается загадкой, тем более, что мировой финансово-экономический кризис все расставил по своим местам, а «мыльный пузырь» газпромовской капитализации просто-напросто лопнул, введя в шоковое состояние и саму компанию, и российские власти, которые так долго эту самую капитализацию лелеяли. «Газпром» скатился далеко вниз в мировом рейтинге, а его капитализация в разгар кризиса (83 млрд долл.) сократилась почти в 4 раза по сравнению с летним уровнем 2008 г. (рис. ШОК-1).

Рисунок • ШОК-1

Капитализация крупнейших российских и западных энергетических компаний, млрд долл. на начало года

Petroleum Finance Company, Ltd. — PFC Energy • URL: https://www.pfcenergy.com/PFC-Energy-50/Archive [2013-06-08]; данные финансовой отчетности российских компаний.

К началу прошлого года «Газпром» с капитализацией в 122,3 млрд долл. занимал седьмое место среди крупнейших энергетических компаний мира, а в корпоративном рейтинге Forbes-2012 — 26 место (159,8 млрд долл.). Между тем главные его соперники в «гонке–2008» ExxonMobil и PetroChina почти сумели сохранить свои позиции. К примеру, ExxonMobil занимал второе место, а его текущая стоимость была ниже докризисной всего на 15% (407 против 470 млрд долл.), PetroChina стояла третьей в списке (295 млрд долл. против докризисных 723 млрд долл.). [307] Немудрено, что сейчас амбиции «Газпрома» стали

[307] The World's Biggest Public Companies / Forbes Global 2000 • URL: http://www.forbes.com/global2000/. Кстати, полугосударственная китайская PetroChina, капитализация которой в предкризисные годы тоже росла под действием политических факторов, в значительной степени повторила судьбу нашего «Газпрома».

гораздо скромнее: компания планирует вернуться к докризисному уровню капитализации в течение 5-ти лет, а в последующие 10 лет — выйти на 500-миллиардную отметку.[308] Похоже, решение этой задачи будет не из легких — во всяком случае, в прошлом году не только не удалось хоть сколько-нибудь приблизиться к «заветной цели», но произошло очередное отступление: капитализация «Газпрома» к началу 2013 г. сократилась с 235 до 223 млрд долл., или более чем на 9% (рис. ШОК-1). Неудачи «Газпрома» на этом не закончились — в нынешнем году российский газовый гигант продолжил свое отступление в мировом рейтинге, к середине марта опустившись на девятое место и потеряв в капитализации еще почти 11 млрд долл. Рыночная стоимость компаний-лидеров тоже несколько снизилась, но позиции в рейтинге оказались незыблемыми.[309]

Нынешняя капитализация других российских «мажоров» — «Роснефти» и «ЛУКОЙЛа» — тоже остается ниже докризисной, причем в 2010—2011 годах, как и у «Газпрома», она «замерзла» почти на неизменном уровне. А в кризисный период рыночная стоимость «Роснефти» и «ЛУКОЙЛа» снижалась, соответственно, в 2,5 и 3 раза — т.е. в несколько меньшей степени, чем у «Газпрома», и вероятно, по причине меньшего «разогрева» рынка в 2005—2007 гг. В минувшем году стоимость обеих компаний, в отличие от «Газпрома», подросла примерно на 20%.

Сегодня, как и в четыре-пять лет назад, не утратил свой актуальности вопрос, насколько надежны индикаторы капитализации российских компаний, которая в основном определяется высоким уровнем ресурсной обеспеченности и действием политических факторов. Достаточно привести относительно свежий пример того, как биржевой рынок истерично реагирует на изменение политической обстановки вокруг «Газпрома». Так, в начале сентября 2012 г. капитализация «Газпрома» за день снизилась более чем на 70 млрд руб. (около 2,17 млрд долл.) после того, как Еврокомиссия заявила о начале антимонопольного расследования в отношении компании. На котировки повлияли и результаты текущей деятельности «Газпрома», который уже теряет европейский рынок, а эксперты ждут слабой отчетности.[310]

Если не принимать в расчет национальные и государственный нефтяные компании стран-членов ОПЕК, то по обеспеченности доказанными запасами углеводородного сырья все пять крупнейших российских компаний входит в десятку мировых лидеров. Однако в финансовых рейтингах позиции наших нефтегазовых «мажоров» выглядят гораздо скромнее, лишь «Газпром» более или менее уверенно чувствует себя среди мировых лидеров по показателю прибыли (третье место в глобальном рейтинге Forbes), но занимает всего лишь 15-е общее место, опередив лишь одну компанию из группы международных majors (Total). В категориях «Стоимость продаж» и «Прибыль» рейтинга Forbes-2000 в первых десятках присутствуют сразу по четыре международных нефтегазовых majors, а первое и четвертое общие места занимают ExxonMobil и Royal Dutch Shell. Все российские крупнейшие компании, не считая «Газпрома» находятся далеко позади, кратно отставая по абсолютным объемным показателям выручки от продаж и прибыли (табл. ШОК-1). Но при этом нужно отметить, что «Газпром» является крупнейшим в мире производителем природного газа и по суммарным показателям добычи углеводородов (в нефтяном эквиваленте) превосходит ExxonMobil примерно в 2,5 раза. Т.е. относительное равенство

---

[308] Миллер рассчитывает на продолжение роста капитализации «Газпрома»… // Нефть и Капитал. — 2 мар. 2012 • URL: http://www.oilcapital.ru/company/146760.html [2013-06-09].

[309] The World's Biggest Public Companies / Forbes Global 2000 • URL: http://www.forbes.com/global2000/.

[310] «Газпром» дал утечку в 2 млрд. «Газпром» потерял за день более $2 млрд капитализации из-за проблем в Европе // Газета.Ру. — 5 сент. 2012 • URL: http://www.gazeta.ru/business/2012/09/05/4755521.shtml [2013-06-09].

позиций по финансовым результатам достигается за счет кратного превосходства по физическим объемам производства в добывающем сегменте деятельности.

«Ахиллесовой пятой» российского НГС в целом является его технологическая и финансовая зависимость от «заграницы». Можно сколь-угодно меряться с majors ресурсами углеводородов и говорить о вовлеченности нашего НГС в глобализационные процессы, но реальная действительность такова, что в рамках сложившихся мирохозяйственных связей мы отдаем сырье (сырую нефть и газ) и продукты низкого передела (мазут, вакуумный газойль, прямогонный бензин, требующее доработки дизельное топливо и т.п.), а получаем современные (и не очень) технологические компоненты для добычи и переработки нефти и газа. Сегодня ни одна — даже самая крупная — российская нефтегазовая компания не в состоянии своими силами реализовать ни один технически сложный и капиталоемкий проект — будь то освоение месторождений на морском шельфе, производство и маркетинг СПГ или глубокая переработка углеводородов (включая нефтегазохимию и производство гелия). Этим, в действительности, и определяются места российских компаний в глобальных рейтингах наподобие Forbes-2000. Российские нефтегазовые «мажоры», лидирующие у себя в стране по всем показателям, оказываются в роли «первых парней на деревне» и поставщиков сырья для мировых majors и других крупных зарубежных компаний, т.е. для тех, кто уже является или стремится стать «первым в Риме».[311]

Таблица • ШОК-1

Сравнение позиций крупнейших российских и зарубежных нефтегазовых компаний в мировых рейтингах за 2012 г.

	Доказанные запасы УВ, млрд барр. н.э. (место)	Рейтинг Forbes-2000, млрд долл. (место)				
		Стоимость продаж	Прибыль	Активы	Рыночная стоимость	Общий рейтинг
«Мажоры»						
Газпром	123,4 (1)	117,6 (33)	31,7 (3)	302,6 (92)	159,8 (26)	15
ЛУКОЙЛ	17,3 (6)	111,4 (40)	10,4 (35)	90,6 (255)	55,3 (124)	68
Роснефть	23,4 (2)	59,2 (131)	11,3 (33)	106 (230)	79,6 (77)	71
ТНК-ВР	13,8 (9)	60,2 (124)	9 (47)	37,1 (588)	51,6 (134)	149
Сургутнефтегаз	20,7 (5)	20,3 (431)	4,3 (135)	46,6 (474)	39,9 (194)	200
«Majors»						
ExxonMobil	22,4 (3)	433,5 (3)	41,1 (1)	331,1 (82)	407,4 (2)	1
Royal Dutch Shell	14,2 (8)	470,2 (1)	30,9 (4)	340,5 (80)	227,6 (7)	4
BP	11,5 (10)	375,5 (5)	25,7 (6)	292,5 (94)	147,4 (34)	11
Chevron	11,2 (12)	236,3 (7)	26,9 (5)	209,5 (121)	218 (8)	12
Total	11,4 (11)	216,2 (11)	15,9 (20)	213 (120)	132,4 (36)	18

Примечание: места в рейтинге по запасам нефти и газа определены без учета государственных и национальных нефтяных компаний.

Источники: данные компаний по запасам углеводородов; The World's Biggest Public Companies / Forbes Global 2000 • URL: http://www.forbes.com/global2000/.

Поэтому и капитализация российских компаний в большей степени подвержена колебаниям, чем у международных нефтегазовых majors. Рыночная стоимость Exxon'a,

[311] Вольная интерпретация известного высказывания «... я предпочел бы быть первым здесь (в деревне), чем вторым в Риме», которое приписывается Юлию Цезарю. См.: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений /Авт.-сост. В. Серов. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс, 2005. — С. 399.

R.D. Shell и иже с ними в основном поддерживается масштабами операций в сегменте downstream и общей высокой эффективностью производственно-хозяйственной деятельности. Указанная эффективность, в свою очередь, является результатом технологического лидерства. Вполне очевидно, что без этого капитализация любой нефтегазовой компании — «трость, ветром колеблемая», — поскольку запасы нефти и газа в недрах и политическая поддержка государства представляют собой не слишком надежные «подпорки».

Не менее очевидно и другое: между ростом капитализации корпораций и решением задач по развитию национальной экономики, обеспечению энергетических потребностей страны, повышению уровня жизни населения не существует прямого соответствия. Поэтому иррациональными представляются попытки государства доказать свою регуляторную состоятельность, «играя на повышение» рыночной стоимости отечественных нефтегазовых «мажоров». Если государство не видит иных сфер приложения компетенций и компетентности, а крупный национальный нефтегазовый бизнес не может хорошо выглядеть на фоне зарубежных majors без искусственного разогрева рыночных котировок и постоянной политической поддержки со стороны государства, это означает, что процесс формирования институциональной среды НГС, на самом деле, зашел в тупик, из которого будет непросто найти выход.

Цугцванг — на шахматной доске, дефициты и рост издержек — в реальной экономике

Регуляторная несостоятельность государства и дефицит самодостаточности у бизнеса являются характерными чертами современного «нефтегазового цугцванга», поскольку оба названных обстоятельства затрудняют поиск правильных ходов в построении институциональной структуры НГС. У государства не получается найти решения, которые сподвигнули бы бизнес к эффективному развитию, а нефтегазовый бизнес, погрязший в монополизме, уже не только не хочет, но и не может быть по-настоящему эффективным. Сегодняшняя ситуация является естественным продолжением или результатом прежних действий и бездействий государства, приведших к тому, что в НГС сложилась организационно-экономическая структура, которая благоприятствовала переходу к «ручному управлению». Причем парадокс «ручного управления» состоит в том, что обе стороны — управляющая и управляемая — рано или поздно становятся зависимыми от него. Государство привыкает командовать и отучается регулировать, а бизнес укореняется в инфантилизме, который лучше всего характеризуют слова бывшего руководителя МПР Ю. Трутнева: «*за последние 15 лет мы просто привыкли к безответственности компаний, а компании привыкли ориентироваться на окрики, а не на законодательство и нормативные документы*»[312].

Судя по всему, переход к «ручному управлению» основными отраслями российской экономики, включая нефтегазовый сектор, был просто неизбежным. Фактический отказ государства от попыток построить конкурентно-рыночную систему регулирования стал реакцией на ту «вакханалию», что имела место в НГС (равно как и во всей российской экономике) в конце 1990-х годов, когда оппортунизм в поведении нефтегазовых компаний — больших и малых — буквально зашкаливал, а доходы от добычи нефти и газа рекой уплывали из страны и, естественно, мимо госбюджета.

---

[312] «Компании привыкли ориентироваться на окрики». Глава Минприроды Юрий Трутнев об отношениях с недропользователями в период кризиса // Коммерсантъ. — 23 окт. 2008 • URL: http://kommersant.ru/doc/1045583 [2013-06-09].

В данном случае уместно говорить о специфических трансакционных издержках государства и общества, вызванных проведением институциональных реформ в НГС. Построение конкурентной институциональной структуры наподобие американской, в основе которой лежит «культ» частной собственности и свободного предпринимательства и которая достаточно надежным образом сдерживает корпоративный оппортунизм, — дело долгое, трудное и затратное (о чем, кстати, свидетельствует и опыт самих США). Причем наиболее значительными являются косвенные издержки, связанные с потерей управляемости процессами, которые происходят в НГС, и как следствие, с неадекватным по мнению государства и общества распределением доходов, или «нефтегазовой ренты». Хаотичность и неуправляемость в развитии НГС на ранних этапах построения новой институциональной структуры — это своего рода «плата за реформы», — и объективного ответа на вопрос о разумности размера этой платы не существует. Оценка допустимого уровня издержек реформирования, через который нельзя переступать, делается субъективно людьми, стоящими у власти. Судя по всему, на рубеже 1990-х и 2000-х годов российская власть решила, что неуправляемость в НГС превысила все разумные пределы, и форсировала процесс построения регуляторной системы ценой ее упрощения и концентрации полномочий на федеральном уровне, т.е. ценой перехода к «ручному управлению». Такая система могла стать достаточно действенной лишь при условии резкого сокращения числа основных субъектов регулирования (при соответствующем укрупнении их размеров) и усиления прямого государственного участия в НГС. Что, собственно говоря, и произошло, но попутно повлекло за собой резкое усиление монополизма, главными «проводниками» которого стали госкомпании.

Расширяя свое прямое участие в НГС, государство, по всей вероятности, рассчитывало использовать подконтрольные компании в качестве одного из главных инструментов влияния в этом ключевом секторе российской экономики. Однако реальная действительность показывает, что наши нефтегазовые госкомпании, будь то «Газпром» или «Роснефть», по большому счету вряд ли годятся на роль проводников государственных и общественных интересов в НГС. Уж слишком часто в деятельности этих структур возникают неразрешимые противоречия между узкокорпоративными (или как в былые времена — ведомственными) приоритетами и интересами более высокого порядка. Нередко происходит подмена понятий, и решая свои собственные задачи, госкомпании попросту прикрываются лозунгом о защите национальных экономических и политических интересов. В данном случае речь идет о весьма распространенном институциональном противоречии, которое свойственно многим подконтрольным государству компаниям и, в особенности, имеющим статус публичных, т.е. вынужденных всерьез заботиться о своем финансовом благополучии (прибыльности, капитализации и проч.). Если же учесть масштабы российских госкомпаний и обилие эксклюзивных прав и возможностей, им предоставленных, то едва ли не любое оппортунистическое действие со стороны «Газпрома», «Роснефти», «Транснефти» оборачивается монополизмом, подавлением конкурентов и ущемлением интересов потребителей. В своем рыночном поведении (т.е. если даже не рассматривать специфические сферы проявления монополизма — доступ к стратегическим ресурсным объектам, контроль инфраструктуры, экспорт газа и проч.) государственные нефтегазовые корпорации практически ничем не отличаются от частных компаний-монополистов и точно также оказываются замешанными в ценовых сговорах, разделе рынка и других «шалостях», подпадающих под действие антимонопольного законодательства. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы «нефтепродуктовых дел», инициированных ФАС в последние три—четыре года и по которым в качестве главных фигурантов вместе с частными «ЛУКОЙЛом» и ТНК-ВР проходят госкомпании — «Роснефть» и «Газпром нефть».

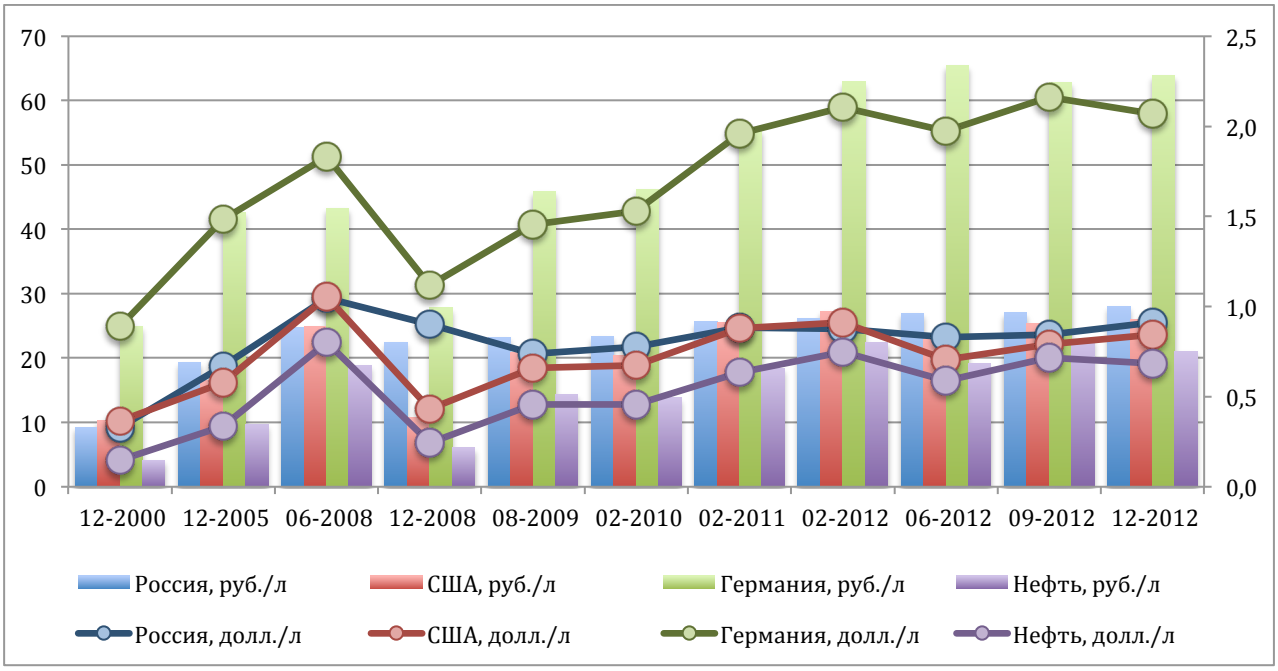
Но в итоге государство само оказалось заложником системы «ручного управления». Сознавая, что НГС все-таки нуждается в конкуренции, поскольку без нее нормально функционирующего рынка (а мы ведь строим рыночные отношения) просто не может быть,

государство, тем не менее, вынуждено мириться с монополизмом и даже поощрять его, оказывая постоянную поддержку госкомпаниям, предстающим в роли главных нефтегазовых монополистов в России. Но именно монополизм, а не объективные проблемы и трудности — истощение ресурсно-сырьевой базы углеводородов, кризисные явления в мировой экономике, трансформация европейского газового рынка и проч. — стал главным тормозом в развитии отечественного НГС в 2000-е годы. Для монополистов «от нефти и газа», несмотря на громкие декларации патриотизма, свойственно лучше или хуже маскируемое пренебрежение к национальным экономическим интересам, постоянное желание переложить свои проблемы на государство и потребителей энергоресурсов, неугасимое, как факелы на российских нефтепромыслах, стремление к получению максимальных, обычно сиюминутных, выигрышей за счет потребителей в ущерб даже собственным долговременным интересам.

Поэтому сегодня среди всех ведущих нефтеэкспортирующих стран мы имеем едва ли не самый дорогой внутренний рынок нефтепродуктов, который то и дело сотрясается от топливных кризисов. Наши нефтяные компании даже не стесняются того, что в трудные для себя периоды компенсируют убытки от экспорта за счет российских потребителей, проводя, по сути дела, колониальную политику — что признается и представителями государственной власти.[313] При растущих мировых ценах на нефть рядовым российским потребителям не остается ничего, кроме как с трепетом взирать на «подскакивающие ценники» автозаправок; а когда нефтяные цены на мировом рынке падают, потребители надеются, что хотя бы в таком случае внутренние цены замедлят свой ход к «заоблачным вершинам» (рис. ДЕФ-1).

Рисунок • ДЕФ-1

Сравнение розничных цен на автобензин в России, США и в Германии в 2000—2012 гг.

Примечание: левая ось диаграммы — в руб./л; правая — в долл./л. (с пересчетом по официальному курсу ЦБ России).

Источники: Росстат • URL: http://www.gks.ru; U.S. Energy Information Administration / EIA — Gasoline and Diesel Fuel Update • URL: http://www.eia.gov/petroleum/gasdiesel/; European Commission / EC — Statistics & Market observatory • URL: http://ec.europa.eu/energy/observatory/oil/bulletin_en.htm.

[313] Анатолий Голомолзин: политика нефтяных монополий является колониальной // Коммерсантъ — Деньги. — 12 июля 2010 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1400625 [2013-06-09].

На протяжении всех последних лет страна живет в непрестанном ожидании «конца света»… и тепла, т.е. наступления дефицита природного газа. Как это ни парадоксально, но мировой экономический кризис оказался во благо внутреннему рынку, ставшему более интересным для «Газпрома», когда тот столкнулся с проблемами экспорта из-за падения спроса на «голубое топливо» в Европе.

Ситуация усугубляется тем, что начиная с 2006—2007 гг., т.е. еще за пару лет до мирового кризиса, в России резко замедлились темпы роста добычи углеводородов, а увеличение производства нефти и газа в основном стало делом независимых компаний, удельный вес которых в нефтедобыче к настоящему времени по сравнению с 2005 г. удвоился (8 против 4%); а в газовой отрасли вклад независимых в общую «копилку» производства вырос в 1,5 раза — с 6 до 9% (к счастью, завершился процесс реституции активов, и буря, поднятая «Газпромом» вокруг независимых газодобывающих компаний, вроде бы, утихла). Дальнейшему наращиванию нефтедобычи сегодня реально препятствует дефицит подготовленных запасов либо дефицит технологий, с помощью которых эти запасы можно «взять». Под прессом названных обстоятельств — состоявшихся и ожидаемых угроз возникновения дефицита энергоресурсов на внутреннем рынке и препятствий для реализации великодержавной энергетической политике на мировой арене — государство решило построже взглянуть на монопольные «шалости» крупнейших нефтегазовых компаний. Вдобавок к уже привычным «пряникам» (налоговым льготам, повышению цен на газ, новым сырьевым активам и проч.) власть едва ли не впервые решила показать «кнут»: ввела запретительные экспортные пошлины на вывоз бензина, «посоветовала» не поднимать цены на нефтепродукты на внутреннем рынке, принудила к заключению соглашений по модернизации нефтепереработки, повысила ставки НДПИ на добываемый газ для «Газпрома», а самых «зарвавшихся» монополистов обложила оборотными штрафами (которые, скорее всего уже «отбиты» в текущих ценах на нефтепродукты).

Но перечисленные меры административного, главным образом, воздействия рассчитаны на достижение краткосрочных эффектов и представляют собой нечто вроде симптоматического лечения, которое не затрагивает основы или первопричины недуга, поразившего российский нефтегазовый сектор. Чтобы попытаться победить болезнь «в корне», требуется основательно реконструировать всю институциональную среду и реструктурировать всю систему хозяйственных отношений, т.е. построить новую — конкурентную — модель функционирования НГС. Достанет ли у государства политической воли, чтобы совершить столь серьезный маневр в процессе экономических преобразований? Трудно сказать…

Пока лишь можно констатировать, что череда топливных кризисов подтолкнуло правительство к мысли о необходимости поддержки независимых нефтепереработчиков. Возникла даже идея строительства нового крупного НПЗ для переработки нефти, добываемой малыми и средними компаниями из разных регионов страны — с тем, чтобы «убить сразу двух зайцев»: поддержать конкуренцию и в добыче, и в переработке нефти. Правда, затем идея «слегка» трансформировалась, и возникло предложение выбрать для данной цели один из существующих заводов и передать его в собственность государственной корпорации «Роснефтегаз», которая является формальным владельцем госпакета акций «Роснефти» и «Газпрома». Правительством предпринимаются усилия по развитию биржевой торговли нефтью, газом и нефтепродуктами, строятся разные планы на этот счет, включая обязательную продажу через биржу не менее 15% выпускаемых нефтепродуктов (для всех без исключения производителей) и до 100% сырой нефти, которая будет добываться на некоторых новых месторождениях (лицензионные участки будут выставляться на конкурс с таковым условием). Прекратились видимые гонения на независимых недропользователей, занимающихся добычей нефти и газа (или «мажоры» уже отняли у «малышей» все, что представляло интерес?).

В сентябре прошлого года произошло примечательное событие: нефтетрейдер Gunvor впервые проиграл тендеры на продажу нефти российских компаний, в том числе «Роснефти». Эксперты связывают это с ростом конкуренции, вследствие чего рыночная доля Gunvor в продажах российской нефти снизилась почти в 3 раза — с прежних 40 до 15% в последнее время. Тендеры «Роснефти» и «Сургутнефтегаза» стали более прозрачными, что привело к росту числа участников и усилению конкуренции, а в итоге позволило компаниям продавать нефть на более выгодных условиях. Впрочем, эксперты, как всегда, не исключают и влияние политического фактора, связанного с разногласиями между одним из главных собственников Gunvor и президентом «Роснефти» И. Сечиным.[314]

Вроде бы, начала просматриваться тенденция к ускорению технологического развития российских нефтегазовых «мажоров». Согласно корпоративным планам, объем финансирования инновационных программ «Роснефти» и «Газпрома» на предстоящие пять лет составит более чем по 50 млрд руб. В 2012 г. «Роснефть» планировала направить на финансирование НИОКР 9,2 млрд руб., что в 3 раза выше показателя 2010 г. (3 млрд руб.). В число приоритетных направлений инновационной деятельности «Роснефти» входят геологоразведка и исследование пластов, геология и разработка месторождений, строительство скважин, технологии добычи нефти и газа, технологии нефтепереработки и нефтегазохимии, GTL-проекты, разработка собственных катализаторов, переработка тяжелых нефтяных остатков. Активизировались госкомпании после критики, прозвучавшей в январе 2011 г. на заседании президентской комиссии по технологическому развитию и модернизации.[315] Снова сказался административный нажим, тем не менее, усиление внимания к НИОКР в целом является положительной тенденцией в деятельности крупнейших компаний отечественного НГС.

Есть подвижки и в развитии глубокой переработки углеводородов. В последние годы инвестиции в нефтепереработку более чем удвоились (2011 к 2008 г.), а среднегодовой темп роста составил 27% против 15% в период 2006—2008 гг.[316] В сентябре 2012 г. компания «Роснефть» приступила к строительству нефтехимического комплекса в Находке, который получил название «Восточная нефтехимическая компания» и будет перерабатывать около 7 млн т нефти в год и производить 3,4 млн т нефтехимической продукции (полипропилена, полиэтилена высокой и низкой плотности, моноэтиленгликоля и др.), в том числе 80% — для экспорта. Инвестиции в проект составят 173 млрд руб. (5,36 млрд долл.), и отдельные установки комплекса превзойдут по мощности существующие мировые аналоги. Согласно планам нефтяной компании, завод приступит к работе в 2017 г. Концепция строительства нефтехимического предприятия в районе Находки была одобрена советом директоров «Роснефти» в конце 2010 г., а генеральным подрядчиком для строительства выбрано ОАО «Ангарскнефтехимпроект».[317]

Все перечисленные выше приметы конкурентности, ускорения технологического прогресса и развития глубокой переработки углеводородного сырья позволяют квалифицировать нынешнее время как новую фазу в реформировании НГС, которая началась

---

[314] «Роснефть» не будет продавать нефть Геннадию Тимченко // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 17 сент. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/09/17/tek/562949984726234 [2013-06-09].

[315] «Роснефть» и «Газпром» потратят на НИОКР более 3 млрд долларов за пять лет // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 28 авг. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/08/28/tek/562949984603042 [2013-06-09].

[316] Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

[317] «Роснефть» начала строить нефтехимический комплекс в Находке // Oil and Gas Journal Russia — Новости. — 7 сент. 2012 • URL: http://www.ogj.ru/news/2012/09/664 [2013-06-09].

на стыке 2008—2009 гг. вслед за мировым финансово-экономическим кризисом. Хотя некоторые подвижки проявились еще за пару лет до этого.

Однако было бы преждевременным говорить о том, что в развитии российского НГС происходит какой-то решительный разворот в сторону конкурентности, равно как и о «ренессансе» независимых производителей в добыче и переработке углеводородов. Уж слишком «запущенной» и противоречивой выглядит современная ситуация. С одной стороны, зреет понимание того, что в организационно-экономической структуре и в функционировании отечественного НГС нужны решительные перемены; а с другой стороны, происходят вполне реальные события, свидетельствующие о дальнейшем усилении монополизма. Длительная и упорная битва за Ковыкту между ТНК-ВР и «Газпромом», шедшая с переменным успехом, все-таки завершилась победой газового монополиста. Нефтяной концерн, владевший этим сырьевым активом через дочернюю компанию «РУСИА Петролеум», вероятно, мог утешиться только тем, что получил за него на аукционе более или менее приличную цену (22,3 млрд руб.), позволившую «отбить» расходы по проекту (19,4 млрд руб.).[318] Т.е. «Газпром», выбравшись из кризиса, вновь взялся за старое в своем стремлении прибрать к рукам все крупные газовые активы в стране.

«Роснефть», похоже, не собирается уступать «Газпрому» в «гонке за активами». Об этом свидетельствует покупка «Роснефтью» полного пакета акций ТНК-ВР, т.е. обеих долей, принадлежавших российскому и британскому партнерам совместной компании. Причем первоначально госкорпорация изъявляла намерение приобрести только 50-процентную долю, которую собирался продать иностранный совладелец, и даже «притормаживала» проведение переговоров в ожидании, когда прежние партнеры смогут урегулировать свои весьма непростые взаимоотношения.[319] Но в итоге ТНК-ВР была куплена целиком. Фактически в этом же направлении работает и создание «Роснефтью» совместного предприятия с «Итерой», куда стороны вносят свои газовые активы. По сути, речь идет о продаже газового бизнеса «Итеры», которая давно искала стратегического партнера для своих активов, — первоначально потенциальным покупателем называлась ТНК-ВР, однако в действительности все закончилось сделкой с госкомпанией.[320]

Примечательными выглядят два обстоятельства совершенной «Роснефтью» сделки по приобретению российско-британского нефтяного гиганта. Во-первых, консорциум российских акционеров (AAR) не захотел стать «сотоварищем» государственной компании, и сам решил выйти из ТНК-ВР. Нежелание AAR партнерствовать с «Роснефтью» объяснялось тем, что *«за последние несколько лет "Роснефть" демонстрирует низкие рыночные результаты; ... компания не владеет технологиями и компетентностью уровня BP и не может способствовать продвижению ТНК-ВР на международном рынке, что является стратегической задачей AAR»*. Во-вторых, правительство, как явствовало из высказываний вице-премьера Аркадия Дворковича, не слишком одобрительно относилось к «абсорбционным» планам «Роснефти», полагая, что *«государство не должно расширять свое прямое участие в экономике, в том числе путем покупки частных компаний*

---

[318] Ковыкта досталась «Газпрому» // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 2 мар. 2011 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2011/03/02/tek/562949979787558 [2013-06-09].

[319] Зачем «Роснефти» выкупать долю британцев в ТНК-ВР? // Forbes.ru — 24 июля 2012 • URL: http://www.forbes.ru/sobytiya/84540-zachem-rosnefti-vykupat-dolyu-britantsev-v-tnk-bp [2013-06-09].
«Роснефть» приостановила переговоры о покупке доли британцев в ТНК-ВР // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 7 сент. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/09/07/tek/562949984666308 [2013-06-09].

[320] «Итера» сдала газ «Роснефти». Компании создают совместное предприятие // Коммерсантъ-Online. — 28 фев. 2012 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1882912 [2013-06-09].

государственными». [321] Т.е. частные компании, работающие в России, не слишком симпатизируют государственным и не склонны к сотрудничеству с последними, а позиция правительства по отношению к столь крупному событию в жизни отечественного нефтегазового сектора не играет особой роли. Выявилась и двойственность понимания произошедшего российской властью: если ориентироваться на точку зрения правительства, озвученную Дворковичем, поглощение ТНК-ВР «Роснефтью» надо признать дальнейшим огосударствлением экономики; а президент счел это *«очень верным шагом по приватизации госсобственности»*, поскольку в результате сделки 17,71% акций «Роснефти» отошли к ВР, усилившей свое значение в качестве стратегического партнера российской госкомпании.[322] Но государство от подобной приватизации напрямую ничего не получило, поскольку акции «Роснефти» большей частью были переданы британцам в оплату за принадлежавшую им долю в ТНК-ВР, а меньшей — проданы «Роснефтегазом» с поступлением вырученных средств в доход корпорации, а не российского бюджета.

Состоявшаяся сделка, бесспорно, позволила «Роснефти» совершить новый рывок в собственном развитии и заявить о себе как о *«крупнейшей в мире публичной нефтегазовой компании»* — следует уточнить, что только по величине запасов и объемам добычи нефти: прогнозируемый уровень добычи объединенной компании в 2013 г. превысит 206 млн т нефти, 47 млрд м^3 газа, переработка составит 95 млн т, выручка достигнет 4,9 трлн руб.[323] Аналитиками покупка расценивается как крайне выгодная — *«это одна из лучших сделок в истории российского нефтяного сектора… "Роснефть" удачно воспользовалась ситуацией конфликта между акционерами и смогла предложить разумный выход и для AAR и для BP из конфликтной ситуации»*.[324] Но при всей очевидности выгод для «Роснефти» нельзя не замечать и другое, а именно: слияние двух крупнейших компаний поведет российский НГС по пути дальнейшей монополизации и усиления прямого государственного участия. Теперь вряд ли можно ожидать проведения самостоятельной конкурентной политики от поглощенной компании, тем паче, что руководить ей будет лично президент «Роснефти» Игорь Сечин, ставший, по совместительству, президентом – председателем правления ОАО «ТНК-ВР менеджмент», управляющей «ТНК-ВР холдингом». По сути, начинается процесс интеграции ТНК-ВР в госкомпанию.[325]

Смущают и планы государства по приватизации активов в энергетике, согласно которым эти активы сначала должны перейти в управление «Роснефтегаза». Но если консолидировать принадлежащие государству акции генерирующих компаний «Русгидро», «Интер РАО ЕЭС» и сетевых холдингов ФСК и МРСК, то получится компания, капитализация которой должна составлять 28—30 млрд долл., что вплотную приближается к текущей рыночной оценке французского энергетического монополиста Electricite de France

---

[321] AAR отказал «Роснефти» в партнерстве по ТНК-ВР // Коммерсантъ. — 9 окт. 2012 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/2040334 [2013-06-09].

[322] «Роснефть» взошла на гору. Завершена сделка по покупке госкомпанией ТНК-ВР // Коммерсантъ-Online. — 21 мар. 2013 • URL: http://www.kommersant.ru/doc-y/2151305 [2013-06-09].

[323] «Роснефть» провозгласила себя крупнейшей в мире публичной нефтегазовой компанией // Ведомости. — 21 мар. 2013 • URL: http://www.vedomosti.ru/companies/opinions/2013/03/21/10295091 [2013-06-09].

[324] Финал «интересного приключения»: «Роснефть» завершила покупку ТНК-ВР // РБК — Экономика. — 2 мар. 2013 • URL: http://top.rbc.ru/economics/22/03/2013/850278.shtml [2013-06-09].

[325] Игорь Сечин стал дважды президентом // Ведомости. — 22 мар. 2013 • URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/10365821/tnkvr_dozhdalas_igorya_sechina [2013-06-09].

(EDF).[326] Из числа нефтегазовых активов в «Роснефтегаз», вероятно, может попасть «Зарубежнефть». В связи с этими планами некоторые аналитики даже высказывают мнение, что в «верхах» родилась идея сделать из «Роснефтегаза» что-то вроде казахского АО «Самрук-Казына» — фонда всеобщего благосостояния, который управляет принадлежащими государству активами во всех ведущих компаниях страны.[327] Дальнейшая консолидация активов — нефтегазовых и энергетических — «под крылом» госкомпаний сигнализирует, что наблюдается возврат к той государственной политике, которая преобладала в начале 2000-х годов и которая во многом является причиной нынешнего «нефтегазового цугцванга».

Промежуточные итоги выполнения корпоративных программ по модернизации нефтепереработки за первые шесть месяцев прошлого года показывают, что компании снова не успевают справиться с модернизационными планами. Всего на 2012 г. было намечено ввести в эксплуатацию 10 новых установок вторичной переработки (общей мощностью 15,34 млн т/год) и завершить реконструкцию еще десяти действующих (13,7 млн т/год). По состоянию на 1 июля работы были завершены по восьми объектам, в соответствии с графиком велись работы по семи, с отставанием — по шести. Полностью выполнили план модернизации только «Славнефть» и собственник Орского НПЗ — «Фортинвест». В связи с этим некоторые компании уже обратились к правительству с просьбами о корректировке соглашений, которые были заключены в июле 2011 г. с уполномоченными федеральными ведомствами (ФАС, Ростехнадзором, Росстандартом) и определяют детальные плановые задания по модернизации НПЗ и производству моторных топлив в период 2011—2020 гг. Уже в начале 2012 г. стало очевидно, что не все компании уложатся в сроки и, по данным Минэнерго, есть риск невыполнения работ к 2020 г. по 48 установкам. К настоящему времени скорректированы соглашения с «ЛУКОЙЛом» и «Сургутнефтегазом», «Башнефть» попросила перенести с 2012 на 2013 г. срок ввода одной из трех запланированных установок, с аналогичными просьбами обратились в госорганы и другие компании, включая «Роснефть», ТНК-ВР, «Газпром нефть», «Газпром», ТАНЕКО, «Альянс».[328] Т.е. государство снова вынуждено идти на уступки нефтегазовым компаниям в вопросах модернизации нефтепереработки, как это уже не раз случалось в предыдущие годы.

Что же касается упомянутого выше приятного события — начала строительства нефтехимкомплекса в Находке, — то и в данном случае не обошлось без пресловутой «ложки дегтя», которая, как известно, портит «бочку меда». По сообщению РИА «Новости», на открытии стройки руководитель «Роснефти» обратился к президенту страны В.В. Путину с просьбой помочь в подключении комплекса к магистральному нефтепроводу.[329] Оказывается, что и самая могущественная из российских нефтяных компаний (и при том — государственная) сталкивается с такими же проблемами (?!) в подключении своих предприятий к трубопроводам «Транснефти», как и независимые нефтепереработчики.

---

[326] Энергетика: за что бьются Сечин и Дворкович // Forbes.ru — 24 авг. 2012 • URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/101145-energetika-za-chto-byutsya-sechin-i-dvorkovich [2013-06-09].

[327] Великороснефтегаз // Forbes.ru — 24 мая 2012 • URL: http://www.forbes.ru/news/82513-putin-gosudarstvo-ne-budet-privatizirovat-tek-za-kopeechki [2013-06-09].

[328] Нефтяники просят отодвинуть сроки модернизации НПЗ // Нефть и Капитал. — 17 авг. 2012 • URL: http://www.oilcapital.ru/downstream/172660.html [2013-06-09].
Нефте- и газоперерабатывающие заводы не укладываются в сроки модернизации // РБК daily — Ежедневная деловая газета. — 31 авг. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/08/31/tek/562949984624631 [2013-06-09].

[329] Сечин просит Путина помочь подключить завод Роснефти к нефтепроводу // РИА «Новости» — Экономика. — 6 сент. 2012 • URL: http://www.ria.ru/economy/20120906/744128577.html [2013-06-09].

При этом роль «парламентария» в диалоге двух госкомпаний отводится высшему должностному лицу государства. Да уж, без административного ресурса в России никак не обойтись!

Налицо явный дефицит доверия не только внутри нефтегазового бизнеса — между его различными представителями, — но также между государством и бизнесом в целом. Это отнюдь не способствует решению проблем, стоящих перед НГС и связанных с развитием производства и повышением его эффективности, с надежным обеспечением энергоресурсами российских потребителей. Угрозы дефицита углеводородного сырья и топлива на внутреннем рынке все еще не преодолены. И вот что примечательно: государство и нефтегазовый бизнес, несмотря на обоюдное взаимное недоверие, сходятся во взглядах на то, как бороться с данными угрозами, попутно повышая коммерческую эффективность крупнейших компаний и наполняя доходами казну под лозунгом дальнейшего развития «рыночных отношений». По сути дела, речь идет о том, чтобы переложить основную тяжесть решения проблем на потребителей, которые должны нести ответственность за энергосбережение и расплачиваться за неэффективность производителей энергоресурсов.

Сегодня это хорошо видно на примере начавшейся либерализации газового рынка, квинтэссенция которой заключается в примитивном повышении цен на природный газ — где-нибудь до европейского уровня — с тем, чтобы стимулировать энергосбережение у российских потребителей. Трехлетний переходный период на пути либерализации газового рынка планируется завершить к весне 2015 г., когда оптовые цены на газ, отпускаемый промышленным потребителям, должны вырасти примерно в 2 раза (а если подскочит цена на газ в Европе, то и больше)[330]. Что из этого выйдет, трудно себе представить. Сумеют ли российские промышленные потребители за столь короткий отрезок времени поднять энергоэффективность сообразно росту цен на газ и, соответственно, на электроэнергию? Или многие из них попросту «выпадут из баланса» энергоресурсов, прекратив свое существование? Тогда и дефицита не будет… А ВТО «снабдит» нас теми товарами и услугами, производство которых мы потеряем.

В сюжете с повышением цен на углеводородное топливо до уровня, «стимулирующего» энергосбережение, возможен и другой исход. Крупные промышленные потребители в своих сферах деятельности сами зачастую являются монополистами, не стесненными конкуренцией, и просто-напросто повысят цены и тарифы на собственную продукцию и услуги соразмерно (или даже более чем) удорожанию затрат на энергоресурсы, не особо заботясь о сокращении физического расхода. А чтобы защититься от потенциальных зарубежных конкурентов, постараются добиться государственной поддержки даже несмотря на вступление России в ВТО. В результате же у нас и цены на энергоносители вырастут, и энергосбережения не будет.

К повышению цен на углеводородное сырье и топливо подталкивает и постоянный ***рост издержек*** в НГС, по сути ничем не ограниченный из-за отсутствия реальной конкуренции. Цены на нефть, газ и нефтепродукты утратили свое свойство быть мерилом общественно необходимых затрат и формируются по принципу «фактические издержки + нормативная прибыль» производителя. При этом в рамках интегрированных компаний нормативы рентабельности для всех дочерних структур, занимающихся различными видами деятельности, определяются исходя из целей максимизации общей корпоративной прибыли. В обороте сырой нефти, газа, углеводородных полупродуктов с очевидностью преобладают

---

[330] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2007 г. № 333 «О совершенствовании государственного регулирования цен на газ» (в ред. Постановления Правительства РФ от 31.12.2010 № 1205) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=110862 [2013-06-09].

внутрикорпоративные трансакции, что автоматически делает трансфертные цены индикаторами рыночной конъюнктуры, а точнее говоря — «квази-индикаторами» «квази-конъюнктуры». Как следствие, в масштабах национальной экономики формируются искаженные ценовые ориентиры, образуются не вполне адекватные представления об эффективности функционирования целых отраслей хозяйства и о ценности многих видов производимой продукции, включая прежде всего продукцию самого НГС.

Если считать, что общественно необходимые затраты горнодобывающего предприятия складываются из нормальных издержек производства (и сбыта) продукции, нормальной прибыли на вложенный капитал и ренты, то в российском НГС при его структуре, монополизированной сверх всяких разумных представлений, статус «нормальных» приобретают любые декларируемые издержки и доходы [331] основных производителей, т.е. крупных компаний с монопольным типом поведения — вне зависимости от того, являются таковые издержки и доходы на самом деле нормальными или нет. При этом каждая корпорация, включая государственные, решает довольно типичную для себя задачу по максимизации собственной прибыли путем минимизации ренты, уплачиваемой государству, а уже во вторую очередь — за счет сокращения издержек.

Издержки производства и сбыта продукции включают (в принципиальной трактовке) две составляющие:

1) «объективно-обусловленные издержки» — неизбежные расходы, находящиеся под воздействием объективных по отношению к производителю факторов (геологических, технологических, экономико-географических и др.) и которые в практически неизменном виде имели бы место при любой организационно-экономической форме деятельности;
2) «институционально-обусловленные издержки» — специфические издержки, зависящие от организационно-экономической формы деятельности, регуляторных, фискальных и других подобных условий и факторов.

«Объективно-обусловленные издержки» в НГС имеют тенденцию к росту вследствие ухудшения объективных (природных, горно-геологических и т.п.) условий производства, а также по причине технологического несовершенства и неразвитости собственной научно-технологической базы. Последнее из названных обстоятельств постоянно стимулирует рост технологического импорта — относительно дорогого в сравнении с отечественными разработками.

На первый взгляд, нет ничего плохого в том, что российские компании стремятся к эффективному освоению новых месторождений и применяют для этого инновационные зарубежные технологии. Но с другой стороны, невольно возникает вопрос: почему страна с более чем 150-летней историей нефтедобычи; страна, едва ли не первой в мире начавшая масштабную добычу нефти на морском шельфе (знаменитые «Нефтяные камни» на Каспии) еще в 1940-х годах и освоение нефтегазовых месторождений на Крайнем Севере; страна, в которой насчитываются десятки (если не сотни) научно-исследовательских, проектных, инжиниринговых и сервисных организаций нефтегазового профиля — почему эта страна сегодня находится в столь сильной технологической зависимости от заграницы в развитии жизненно важных отраслей экономики? В значительной степени все объясняется монопольными стереотипами в поведении крупнейших нефтегазовых компаний, на которые делает ставку государство. Привычка доминировать, а не конкурировать; стремление к получению выгод не путем сокращения издержек (прежде всего — за счет технологического развития производства), а путем подавления конкурентов и получения

[331] Т.е. издержки и доходы, отражаемые в финансовой отчетности и поддающиеся статистическому учету.

преференций от государства, словно тяжелые гири, тянут ко дну отечественные инновации в НГС и ***консервируют*** его ***технологическую отсталость***.

При этом в разряд «объективно-обусловленных» попадает часть «институционально-обусловленных издержек»:

во-первых, разного рода переплаты, связанные с неоправданно большим технологическим импортом и которых не было бы в случае надлежащего развития НИОКР и машиностроительной базы в родном отечестве;

во-вторых, избыточные (нерациональные) затраты в производственной сфере, обусловленные применением устаревших и несовершенных технологий.

Медленное технологическое обновление производства и нерациональный импорт технологий с очевидностью имеют место, поскольку у монополизированных структур нет достаточных стимулов для экономии на производственных затратах. Ведь растущие издержки можно включить в цену продукции, а можно компенсировать путем получения от государства налоговых льгот или иных финансовых преференций.

По своей экономической природе «институционально-обусловленные издержки» распадаются на две части: «настоящие издержки» и «мнимые» (или «квази-издержки»).

«Настоящие издержки» в действительности имеют характер затрат и находятся под влиянием финансовых, регуляторных, социальных и других подобных факторов, которые в каждый конкретный момент времени представляют собой некую объективную данность. Однако в тенденции они могут изменяться под воздействием со стороны производителя, например путем лоббирования каких-либо выгодных для него законодательных решений и т.п., чему можно найти немало примеров в нашем НГС.

«Мнимые издержки» по своей экономической сути не являются затратами, а складываются из разного рода искусственных «накруток» к «настоящим затратам», служащих для минимизации налоговых изъятий и перераспределения доходов в пользу реальных собственников и менеджеров, контролирующих те или иные нефтегазовые компании, а заодно и коррумпированных представителей государственной власти. Тем не менее, издержки названного вида предстают в качестве мнимых только для компаний НГС, а для государства и общества в целом они имеют вполне реальный характер и отражают упущенную выгоду. Т.е. это специфические трансакционные издержки государства и общества, возникающие в процессе взаимодействия с НГС и обусловленные несовершенством институциональной среды. Не приходится сомневается, что стоимость подобных трансакций весьма значительна, поскольку рост «мнимых издержек» ничем объективно не сдерживается и ограничивается лишь «аппетитами» монополистов, но оценить величину общественных потерь со сколько-нибудь приемлемой точностью практически невозможно.

Компании монопольного типа, априори склонные к оппортунистическому поведению, всегда находятся в двойственном положении. С одной стороны, будучи институционализированными субъектами рынка они заинтересованы в максимизации декларируемой прибыли (в том числе и для увеличения дивидендов). А с другой стороны, интересы собственников и менеджеров нацелены на рост мнимых издержек (скрытой части дохода, выводимой из-под налогообложения и не подлежащей распределению среди всей массы акционеров), что ведет к сокращению легальной прибыли корпораций. Но с точки зрения общественных интересов подобная двойственность не имеет принципиального значения, поскольку в любом случае речь идет о перераспределении выгод, связанных с освоением ресурсов нефти и газа, в пользу отдельных лиц (в конечном итоге) за счет государства и общества в целом.

Во взаимодействии между государством и НГС образуется своего рода «порочная спираль», ведущая к возникновению и постоянному усилению зависимости государства от компаний-монополистов и непрестанному «раскручиванию» издержек. Сегодня для общественно эффективного развития НГС требуется реализация множества капиталоемких и технически сложных проектов во всех его отраслевых сегментах, начиная с геологоразведки и заканчивая глубокой переработкой углеводородов. Эти проекты в значительной части невыгодны практически всем главным потенциальным исполнителям. Чтобы простимулировать последних государство предоставляет того или иного рода льготы и преференции, обедняя бюджет со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эскалация издержек, обусловленная отсутствием конкуренции, ведет к тому, что выданных льгот оказывается недостаточно. И государство оказывается вынужденным добавить порцию «пряников» в надежде, что рано или поздно розданные поблажки окупятся. И так может продолжаться до бесконечности.

При этом неэффективность в развитии НГС зачастую имеет место по причине искусственно (необоснованно) завышенных издержек, как на стадии подготовки проектов, так и в процессе их реализации. Ведь все эти процедуры практически полностью отданы на откуп компаниям-исполнителям, а со стороны государства нет ни грамотной ревизии начального уровня издержек при подготовке проектов, ни серьезного мониторинга издержек на стадии осуществления. Выстроить действенную систему государственного мониторинга издержек в НГС гораздо сложнее, чем повысить цены на газ или придумать формулу «справедливой» цены на нефтепродукты, жонглируя так называемыми «нетбэками».

В свое время идеология «ценоповышательства» стала одним из краеугольных камней реформирования хозяйственных отношений. Автор и сам грешен тем, что 20 лет назад полагал необходимым и неизбежным повышение внутренних цен на энергоносители, но тогда за точку отсчета брались регулируемые государственные цены, «вмонтированные» в систему централизованного государственного финансирования инвестиций в НГС и механизмов косвенного изъятия и распределения нефтегазовой ренты. Переход к рынку объективно требовал ликвидации обоих названных выше «рудиментов» директивной плановой экономики и замены их адекватными рыночными институтами хозяйственной самостоятельности (и ответственности!) предприятий и платного недропользования. Фактором, сдерживающим необоснованный рост цен, должна была стать конкуренция. В таком случае повышение цен на первичные энергоносители, включая нефть и газ, в основном затронуло бы лишь скрытую от строгого измерения часть стоимости, на которой держались процессы косвенного изъятия, распределения и перераспределения рентных доходов, и в меньшей степени отразилось бы на ценах конечного потребления. К сожалению, рыночные реформы в российской экономике пошли несколько иным путем, который привел не к созданию конкурентного цивилизованного рынка, а к рождению государственно-монополистического. Последний характеризуется дефицитом объективных измерителей эффективности функционирования отдельных предприятий и целых отраслей экономики, включая НГС, и крайне слабыми ограничителями для роста цен, что вынуждает государство постоянно вмешиваться в процессы ценообразования.

Но государственное регулирование (явное и скрытое, формальное и неформальное) цен не вписывается в идеологию либеральных рыночных реформ. Вот еще один из российских парадоксов! Построив державно-монополистический рынок, мы, тем не менее, продолжаем мыслить категориями либерально-рыночной экономики с ее характерными приемами государственного регулирования — «созданием условий» и «подачей сигналов» бизнесу. Но российский монополизированный бизнес, привыкший к «ручному управлению» не восприимчив к «тонким сигналам», поэтому попытки государства, когда таковые предпринимаются, оказывать воздействие с помощью сугубо рыночных методов, «сигнализировать», обычно остаются непонятыми бизнесом и заканчиваются неудачей.

Вероятно, та же самая судьба ожидает и планы дальнейшего повышения цен на топливо по «нетбэковым» формулам, основанные на идеологии, что наш внутренний рынок должен быть интегрирован в мировой и функционировать в едином конъюнктурно-ценовом «мейнстриме». Идея повышения цен на энергоресурсы до европейского уровня, даже с учетом требования равнодоходности поставок на внутренний и внешний рынок (т.е. со скидкой на транспортные издержки и величину экспортных пошлин) выглядит просто иррациональной. Совершенно необъяснимо, почему цены на газ, скажем, в Западной Сибири, где «голубого топлива» добывается столько же, сколько потребляет весь Евросоюз, должны зависеть от котировок мазута в Роттердаме?[332] Впрочем, то же самое можно сказать и о нефтепродуктах, реализуемых на нашем внутреннем рынке. Почему в своих ценовых ориентировках мы должны равняться на Европу, богатую деньгами, но обделенную энергоресурсами и где цены конечного потребления во многом определяются высокими налогами на импортируемое топливо? Но даже если брать за основу оптовые цены европейского рынка, противоречие остается неразрешенным. В рамках объективной логики непонятно, почему Россия — главный поставщик энергоресурсов (не только газа, но и нефти) в Европу — подстраивает процессы ценообразования на внутреннем рынке под европейские стандарты? Почему мы не ориентируемся хотя бы на североамериканский уровень, не говоря уже о наших «собратьях», т.е. других ведущих странах – экспортерах нефти и газа?

Географическая близость никак не является главным критерием для выбора внутренней политики ценообразования, что хорошо иллюстрируется на примере Северной Америки, где три национальных рынка — США, Мексики и Канады, — объединенных в рамках общего экономического пространства, тем не менее, весьма существенно отличаются друг от друга по уровню цен на нефтепродукты (рис ДЕФ-2). Да и в европейских странах дифференциация цен весьма существенна, начиная от «бензинового рая» в Люксембурге и заканчивая суровой Норвегией («умом норвежцев не понять, аршином общим не измерить» — главный европейский производитель нефти и газа на собственном топливном рыке держит самые высокие цены на континенте).

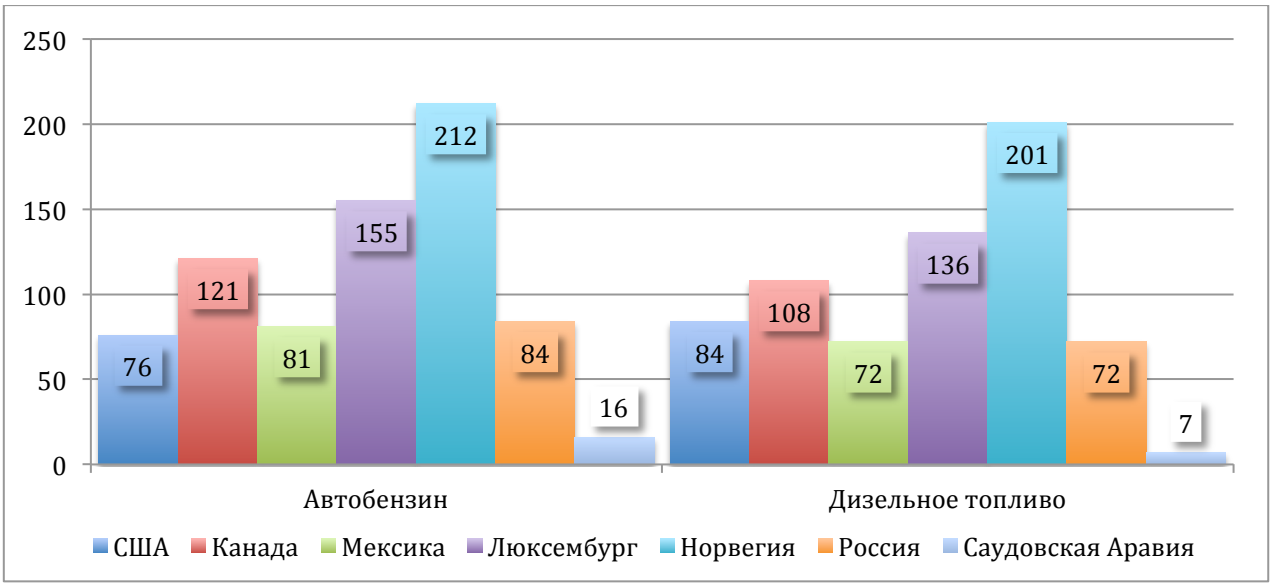
Почему среди всех территориальных сегментов мирового рынка за образец для подражания и как ориентир мы выбираем европейский, менее всего близкий нам по своим объективным характеристикам? Думается, ответ почти очевиден: иное попросту неудобно и ненужно монополизированному нефтегазовому бизнесу и государству, которое умеет управлять экономикой только в «ручном режиме». Это снимает с государства ответственность за выстраивание конкурентного рынка, а бизнесу позволяет избежать участия в столь нелюбимой конкуренции. Обеим сторонам проще обходится какой-нибудь формулой для расчета «нетбэка», торговаться по поводу базисных параметров и коэффициентов этой формулы, нежели двигаться к модели энергетического рынка, действительно отвечающей социально-экономическим интересам страны. О вероятных катастрофических последствиях для российской экономики, многие отрасли которой (в частности, химическая промышленность) могут конкурировать с «заграницей» лишь благодаря относительной дешевизне энергоресурсов, государство, а тем более бизнес, предпочитают не задумываться.

---

[332] Мало нам той зависимости, в которой российская экономика находится от мировой, читай — американской, — финансовой системы. Сто́ит финансовой пирамиде США с их «зелеными фантиками» чуток качнуться, а рубль и весь наш фондовый рынок падают с ног. Интересно было бы знать, кто-нибудь всерьез прогнозировал, как будет реагировать российская экономика после привязки внутренних цен на газ к европейским на колебания конъюнктуры в условиях разрастания спотового газового рынка и сужения сферы действия долгосрочных контрактов?

Рисунок • ДЕФ-2

Потребительские цены на автобензин и дизельное топливо в некоторых странах мира в 2010—2011 гг., центов США/л

International Fuel Prices 2010/2011. — Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit / GIZ, 2011 • URL: http://www.giz.de/Themen/en/29957.htm [2013-06-09].

Что касается химической промышленности, вопрос стоит следующим образом. Нашими конкурентами на мировом химическом рынке в реальности являются отнюдь не Германия, Швейцария, Япония и даже — не Китай, поскольку наша рыночная ниша на обозримое будущее ограничивается рынками многотоннажной продукции (метанола, минеральных удобрений, базовые полимеров и продуктов органического синтеза). Поэтому непонятно, как мы собираемся конкурировать на этих рынках с экспансивно растущими производителями из Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и проч., где цены на природный газ находятся в диапазоне 25—30 долл. за тыс. $м^3$? Или вообще может использоваться почти «бросовое» сырье — попутный газ? Мало нам наших расстояний, которые дают до 100—150 долл. дополнительных транспортных издержек на каждую тонну экспортируемой химической продукции, так мы еще и цены на газовое сырье и топливо хотим поднять до 200 долл./тыс. $м^3$, т.е. сделать их в 7—8 раз выше, чем у главных конкурентов! Это действительно становится похожим на попытку суицида. Или, может быть, России не нужна мощная и конкурентоспособная химическая промышленность? А как же тогда быть с планами модернизации экономики, которые без масштабной химизации превращаются в иллюзию?

Но «гром еще не грянул». И наши власти по привычке надеются на традиционный русский «авось»: вдруг все обойдется само по себе. В крайнем случае, нефтегазовые монополисты скупят «прогорающих» производителей энергоемкой продукции, консолидируют активы и переведут товарно-денежные потоки в режим трансфертного оборота по удобным для себя ценам, не заботясь ни о каком энергосбережении и никакой эффективности. Тогда все получится согласно известной поговорке «и волки сыты, и овцы целы». Государство вкупе со своими подконтрольными корпорациями усилит прямое и косвенное влияние в экономике, энергоемкие производства сохранятся, а «рыночные» (именно — в кавычках) цены на энергоресурсы станут «правильными» — так что «комар[333]

[333] ВТО, Евросоюз, международные борцы с парниковыми газами и т.д. и т.п.

носа не подточит». Может быть, в этом и есть дальний прицел нынешнего «ценоповышательства», якобы направленного на энергосбережение?

В целом же анализ современной ситуации показывает, что, с одной стороны, наши нефтегазовые «мажоры» не собираются без боя сдавать свои позиции в плане «обрастания» новыми активами и влияния в НГС. С другой стороны, сохраняется или даже усиливается зависимость компаний от государства в решении самых разнообразных вопросов, продолжается государственная политика вспомоществования нефтегазовому бизнесу, ведущая к укреплению государственно-частного монополизма. Поэтому если и уместно констатировать начало новой фазы в процессе трансформаций, происходящих в российском НГС, то лишь по причине появления некоторых позитивных тенденций, которых в докризисные годы не было и в помине. Зато в динамике показателей развития НГС произошли негативные изменения — на фоне ухудшения целого ряда объективных условий существенно замедлились темпы роста добычи нефти и газа. Иначе говоря, в самом нефтегазовом секторе и в институциональной среде, опосредующей его развитие, накопилось уже слишком много противоречий, явных и скрытых угроз, что делает дальнейшее пребывание в цугцванге все более и более опасным. Можно даже сказать, что сейчас не время искать виноватых в случившемся, а государство и бизнес «просто» должны активизировать усилия, направленные на поиск выхода из «нефтегазового цугцванга» в сторону магистрального пути развития.

В бесплодных поисках виноватых

Не слишком обнадеживающая ситуация в российском нефтегазовом секторе и цугцванг, в котором оказался процесс построения регуляторной системы, невольно вызывают извечный русский вопрос: ***«Кто виноват?»***.

Почему даже в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры, имевшей место в докризисные годы, и политической стабильности происходило нарастание проблем и что мешало их своевременному решению? Почему во время кризиса нефтегазовый бизнес занял откровенно иждивенческую позицию, а государство шло у него на поводу, проводя не столько антикризисную политику в НГС, сколько политику умиротворения крупного бизнеса? Почему, едва лишь миновал кризис, как прибыли наших нефтегазовых «мажоров» резко пошли вверх и сегодня корпорации начисляют многомиллиардные дивиденды, способные поразить обывательские умы? А государство при этом продолжает находиться в бюджетно-финансовом тупике?

Конечно, проще всего было бы, как это нередко делается, обвинить во всех грехах наших нефтегазовых олигархов, чьи компании проводят эгоистичную корпоративную политику вопреки интересам общества и государства. Но не нужно забывать, что сегодня не частный бизнес, а государство является крупнейшим собственником в нефтегазовом секторе, владея контрольными пакетами акций таких компаний, как «Роснефть», «Газпром» и «Транснефть». Тем самым государство напрямую контролирует более 30% нефтедобычи и нефтепереработки в стране, 80% добычи газа и подавляющую часть нефте- и газотранспортной инфраструктуры. Да и в геологоразведке государство играет далеко не последнюю роль, являясь главным собственником целого ряда компаний, а некоторые из них («Сибнефтегеофизика», «Пермнефтегеофизика», «Самаранефтегеофизика» и др.) вплоть до января 2008 г. относились к числу стратегических, т.е. не подлежали приватизации. В прошлом году указом президента страны для консолидации государственных активов в геологической отрасли была создана акционерная компания

«Росгеология» со 100-процентным госучастием, объединившая активы 38 предприятий в 30 различных регионах России.[334]

Поэтому если и уместно говорить о корпоративном эгоизме в НГС, то в значительной степени речь должна идти об эгоизме государственных компаний. Что же касается эгоизма частного бизнеса, то он до известной степени вполне закономерен, поскольку коммерчески ориентированные компании — это не благотворительные организации. Бизнес в первую очередь интересует собственная выгода — увеличение прибыли, рост капитализации, усиление рыночных позиций и политического влияния и проч. В бизнесе для достижения поставленных целей хороши все средства. Вопрос заключается лишь в том, какие из них доступны, что дозволено «правилами игры» или институциональной средой, которая сложилась в нефтегазовом секторе. Бизнес всегда действует по определенным правилам, формальным и неформальным. Основная часть формальных правил, т.е. законов, иных нормативно-правовых актов, порядка и механизмов их применения, устанавливается государством. Неформальные правила складываются в процессе эволюции экономических отношений под влиянием традиций, исторических условностей, национального менталитета и множества других факторов. Особую разновидность неформальных правил составляют различного рода «джентльменские соглашения» между государством и бизнесом, которые обе стороны обязуются выполнять на добровольных началах.

С точки зрения общественных интересов эффективность институциональной среды (всей совокупности формальных и неформальных правил) в экономике определяется, во-первых, тем, насколько надежные барьеры она создает для оппортунистического поведения со стороны бизнеса в целом и отдельных его представителей; а во-вторых, мерой стимулирующего воздействия на производство товаров и услуг, инвестиции, природоохранную деятельность и проч., что опосредованным образом оказывает позитивное влияние на динамику занятости и доходов населения, качество жизни и другие аспекты социально-экономического развития. В свою очередь, в нормальных рыночных условиях бизнес, руководствуясь инстинктом самосохранения, принимает навязываемые извне (т.е. государством) ограничения и правила. «Классовое чутье» подсказывает ему, что лучше поступиться малым, чем потерять все. Собственно, в данном случае речь идет о приоритете фундаментальных постоянных выгод по отношению к частным и сиюминутным. К тому же бизнес прекрасно умеет защищать свои интересы, оказывая заметное воздействие на процесс формирования «правил игры» с использованием различных лоббистских механизмов. В итоге складывается определенный баланс интересов общества (государства) и бизнеса, а в рамках последнего как-то уравновешиваются интересы отдельных составляющих — крупного и мелкого предпринимательства, частного и государственного секторов, национального и иностранного капиталов и проч.

Если с этих позиций взглянуть на современную институциональную среду, сложившуюся в российском НГС, то без особого труда можно обнаружить, что она порождает множество разного рода дисбалансов и создает предпосылки для конфликтного разрешения противоречий между различными интересами.

В России крупный бизнес вообще (и нефтегазовый в частности) чересчур дистанцирован от интересов общества. Во многом это обусловлено характером приватизационного процесса 1990-х годов, в ходе которого не была достигнута самая главная цель — в России так и не был создан класс собственников в современном его понимании. Действительно, предприятия и целые отрасли экономики, ранее принадлежавшие государству, перешли в частную собственность, но сконцентрированную в руках немногочисленной прослойки людей, которую трудно назвать классом. Приватизация сопровождалась массовым оттоком капитала в различных формах, включая

[334] ОАО «Росгеология» — О компании • URL: http://rusgeology.ru/content/o-kompanii [2013-06-09].

вывод за рубеж (в том числе в оффшоры) собственности на приватизированные активы. Весьма показательным в этом смысле оказался пример «Сибнефти». При покупке компании «Газпромом» в 2005 г. выяснилось, что 70% ее акций фактически принадлежало нескольким оффшорным компаниям, подконтрольным Р. Абрамовичу, т.е. де-юре компания находилась в иностранной собственности.

Непрозрачная структура собственности весьма характерна для многих приватизированных компаний. Например, до сих пор неясно, кому в действительности принадлежит «Сургутнефтегаз». В начале 2000-х годов в компании имело место перекрестное владение акциями: главным акционером ОАО «Сургутнефтегаз» являлась его собственная «дочка» — нефтяная компания с одноименным названием. Кроме того значительный пакет акций принадлежал негосударственному пенсионному фонду «Сургутнефтегаза». Впоследствии, подчиняясь требованиям «хорошего тона» для компаний, чьи акции свободно обращаются на фондовых рынках, перекрестное владение акциями в «Сургутнефтегазе» было ликвидировано, но прозрачности в структуре собственности от этого не добавилось. Согласно информации, опубликованной в газете «Ведомости» в 2007 г., до 72% акций «Сургутнефтегаза» принадлежит двум десяткам различных фирм, партнерств и фондов, образующих своего рода кольцо и либо учрежденных, либо управляемых менеджерами компании.[335] По информации прошлого года, единственным акционером «Сургутнефтегаза», которого раскрывает сама компания, является ЗАО «ИНГ-банк (Евразия)», владеющее примерно 11% в уставном капитале нефтекомпании. Все другие собственники «Сургутнефтегаза» владеют долями менее 5%. В 2011 г. 13 акционеров прекратили свою деятельность в результате слияний и укрупнений. Главами новых партнерств, как и прежде, значатся сотрудники дочерних структур и управлений «Сургутнефтегаза» — пенсионного фонда компании, управления ценных бумаг, ООО «Инвест-защита», «Сургутского депозитария». Эксперты полагают, что изменения коснулись периметра консолидации компании и это связано с введением с 2013 г. обязательной для всех российских компаний отчетности по международным стандартам (МСФО), которые содержат жесткие требования по раскрытию информации. Но… *«компании остались те же, а активы из них были переведены на другие структуры, которые не вошли в периметр, чтобы не показывать их в отчетности по МСФО. То есть отчет будет, а прозрачность выше не станет»*.[336]

Это позволяет менеджменту сохранять в своих руках фактический контроль над «Сургутнефтегазом». Точно также остается загадкой, каковы реальные владения (а, соответственно, и степень контроля) менеджеров компании «ЛУКОЙЛ», считающейся едва ли не наиболее прозрачной среди всех российских нефтяных компаний.

Следует отметить, что вывоз капитала и размывание структуры собственности лишь отчасти были продиктованы соображениями прямой выгоды для владельцев и менеджеров компаний. В не меньшей степени это стало защитной реакцией на непоследовательность и непредсказуемость политики государства, в которой на протяжении всего периода реформ и вплоть до наших дней четко просматривается только два акцента — фискальный и стремление к усилению прямого контроля. Что касается выполнения стимулирующих функций и формирования стратегических основ развития НГС, то с этим дела обстоят гораздо хуже. Государство в лучшем случае лишь декларирует добрые намерения, которые так и остаются намерениями вследствие крайнего несовершенства или даже полного отсутствия механизмов практической реализации.

---

[335] Тайники «Сургута» // Ведомости. — 24 янв. 2007
- URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/2007/01/24 [2013-06-09].

[336] «Сургутнефтегаз» переложил активы // Коммерсантъ. — 13 сент. 2012
- URL: http://www.kommersant.ru/doc/2021024/ [2013-06-09].

При этом для негосударственных компаний сохраняется реальная угроза полного или частичного отъема бизнеса. За примерами далеко ходить не нужно — ЮКОС, «Сибнефть», «Итера», «Нортгаз» и др. Даже иностранные компании, участвующие в проектах освоения ресурсов нефти и газа в России, оказываются незастрахованными от посягательств со стороны государства. Вопрос о способах отъема в данном случае является вторичным. Дойдет ли дело до судебных преследований в связи с уклонением от налогов и до банкротства, как в случае с ЮКОСом? Будет ли применена пресловутая газпромовская «удавка» (т.е. ограничения на доступ к газопроводам), с помощью которой государственный монополист вынудил «Итеру» и других независимых производителей газа продать свои добывающие активы? Или же все обойдется внешне благопристойно в форме «простой» покупки контрольного пакета акций, как было с «Сибнефтью»? Сути дела это не меняет, и на протяжении нескольких лет аналитики увлеченно дискутировали на тему, кто из нынешних нефтяных «гигантов-частников» мог бы стать следующей жертвой реституции — «Сургутнефтегаз», ТНК-ВР или «ЛУКОЙЛ». Первой стала ТНК-ВР.

Между тем, очевидно, что поставить знак равенства между интересами «Газпрома» и «Роснефти», с одной стороны, и объективными интересами государства и общества, с другой, можно далеко не во всех случаях. Проблема заключается в том, что госкомпании, которые, по идее, должны выступать в роли проводников национальных экономических интересов, зачастую позиционируют и ведут себя как исключительно коммерческие структуры, стремясь к достижению собственной корпоративной выгоды. Вполне объяснимо стремление того же «Газпрома» или «Роснефти» к росту активов за счет поглощения реальных и потенциальных конкурентов. Но в чем здесь общественная выгода? Что мы все можем выиграть от того, что госкомпании тратят десятки миллиардов долларов, в том числе заимствованных под гарантии государства у иностранных банков, на приобретение сторонних активов вместо того, чтобы инвестировать эти средства в развитие собственного производства? При этом «Газпром» из-за ограниченности инвестиционных ресурсов много лет тянул с освоением давно разведанных ямальских месторождений, равно как не может обеспечить нормальное воспроизводство газотранспортной системы. У «Роснефти» тоже хватает нереализованных планов по развитию добычи и переработки, а денег, наоборот не хватает.[337] Вдобавок ко всему продолжающаяся концентрация собственности в руках небольшого числа компаний ведет к усилению монополизма в нефтегазовом секторе, который и так не страдает от избытка конкуренции. Да и вопрос об эффективности управления активами, что лучше: государственный контроль или частная инициатива, — остается открытым.

Можно сколь угодно упрекать государственные компании в чрезмерном эгоизме, но все же «камнем преткновения», о который чуть ли не на каждом шагу запинается нефтегазовый сектор в своем развитии, является общее несовершенство институциональной среды. Трудно даже выделить какие-то ее наиболее проблемные составляющие в силу взаимосвязанности и взаимообусловленности последних, что позволяет говорить о негативном синергетическом эффекте, который возникает вследствие множества частичных недостатков. Чрезмерно «упрямый» фискальный режим с едва различимыми признаками дифференциации налогообложения «причесывает под одну гребенку» всех

---

[337] Нынче «Роснефть» не только привлекает многомиллиардные зарубежные кредиты, чтобы расплатиться за свою самую дорогую покупку, но и вынуждена договариваться с трейдерами о предэкспортном финансировании на сумму порядка 50 млрд долл. под залог поставок 67 млн т нефти, т.е. о предоплате поставок нефти на несколько лет вперед. Фактически это повторяет компенсационную кредитную схему финансирования строительства ряда крупных промышленных предприятий в СССР в 1970—1980-х годах с участием иностранных фирм-поставщиков оборудования и технологий.
См.: «Роснефть» получит ТНК-ВР по предоплате // Газета.ру. — 24 дек. 2012 • URL: http://www.gazeta.ru/business/2012/12/24/4904937.shtml [2013-06-09].

производителей нефти и газа независимо от объективных экономических и горно-геологических условий работы. Введение «макро»-льгот для больших территорий (как Восточная Сибирь или шельф) трудно назвать полноценной дифференциацией. В организационной структуре доминирующие позиции занимают крупные вертикально интегрированные корпорации, а сегмент независимых компаний находится в угнетенном состоянии. Причем в настоящее время в роли главных «угнетателей» де-факто выступают компании, подконтрольные государству. Режим недропользования не обеспечивает должного контроля в процессе эксплуатации ресурсов нефти и газа, содержит необоснованные ограничения для доступа к недрам на ранних стадиях освоения, дает значительные преференции госкомпаниям (в статусе «стратегических»). Следствием всей совокупности негативных факторов является то, что институциональная среда в нефтегазовом секторе не создает надлежащих стимулов ни для инвестиций в развитие производства, ни для инноваций (при отсутствии реальной конкуренции просто нет смысла бороться за сокращение издержек), ни для рационального использования недр.

Основную долю ответственности за неудовлетворительное состояние институциональной среды, естественным образом, несет государство — собственник недр и главный «регулировщик» экономических процессов в нефтегазовом секторе. Добавим к институциональным «недоработкам» государства корпоративный эгоизм (и частных, и государственных компаний), а также определенный вакуум неформальных «правил приличия» в бизнесе, и тогда станет понятно, почему производство в нефтегазовом секторе уже не первый год находится едва ли не в стагнирующем состоянии, цены на энергоресурсы для потребителей постоянно растут и в экономике все более реальной становится угроза наступления «конца света» — возникновения общего дефицита газа и нефтепродуктов.

И тут автору вспоминается замечательный фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» — фраза, сказанная следователем Подберезовиковым на суде: *«Деточкин, конечно, виноват... но он не виноват!»*. Так же обстоит дело и с виной государства в проблемах нефтегазового сектора. Ведь никому же в голову не придет, что государство действовало (или в каких-то случаях бездействовало), совершало ошибки и упускало возможности по злому умыслу. Что государство осознанно поставило перед собой какие-то деструктивные цели и настойчиво стремилось к их достижению. На самом же деле, все обстоит с точностью «до наоборот». Государство инициировало реформы в экономике и в нефтегазовом секторе, следуя своим прямым обязанностям, но «процесс пошел» не так, как того хотелось бы… В общем, «хотели — как лучше, а получилось — как всегда». Но почему?

Объяснение видится в том, что все экономические реформы, проводимые в нашей стране в последние без малого три десятилетия, т.е. начиная с эпохи горбачевской «перестройки» имели и сохраняют поныне один и тот же общий «дефект» — ***бесцельность***.

На рубеже 1980—1990-х годов мы возомнили переход к рынку и реформирование хозяйственных отношений чуть ли не главной целью того, что нужно сделать в экономике. Дескать, если будет рынок, то у всех и вся появятся стимулы и мотивация к эффективной деятельности. Если появится класс частных собственников, то они будут заведомо более эффективными управителями в экономике, нежели государство и… Все проблемы «рассосутся» сами собой, а наша экономика пойдет вперед семимильными шагами. Увы, этого не произошло, да и не могло произойти. ***Либерализация хозяйственных отношений, переход к рынку сами по себе не могли и не могут быть целью преобразований***. Это всего лишь инструмент или некая предпосылка, а еще точнее — первоначальный импульс для модернизации застопорившейся директивно-плановой экономики и обеспечения устойчивого экономического роста на новом базисе. Если рассматривать реформирование институтов и хозяйственных отношений как импульс, то нельзя забывать, что действие любого импульса скоротечно. Чтобы сохранить в экономическом развитии полученное ускорение требуется постоянная работа, постоянные и целенаправленные усилия,

постоянное совершенствование того, что уже сделано, и добавление новых элементов и деталей. Т.е. развертывая экономические преобразования, мы совершили двойную ошибку: сначала сделали слишком сильный крен в сторону институтов, излишне понадеявшись на «невидимую руку» рынка и уделяя слишком мало внимания структуре экономики и вопросам развития производства как такового; а затем позабыли, что созданные институты требуют постоянного совершенствования и дополнения, что невозможно в один присест сформировать полноценную систему рыночных институтов.

После распада СССР мы практически полностью отказались от какого-либо мало-мальски вразумительного планирования экономики — если говорить об энергетике и нефтегазовом секторе, то нельзя же всерьез воспринимать Энергетическую стратегию, принятую в 2003 г., в качестве планового документа (пусть даже индикативного планирования). То же самое следует сказать и о действующем варианте Стратегии, утвержденном три года назад. В сущности, это — «декларации о намерениях», отражающие наш пиетет перед «невидимой рукой», и не более того. Поэтому хотя бы сегодня мы должны признать, что ***переход к рынку не отменяет планирование*** — в особенности, когда речь идет о решении сложных экономических задач общенационального значения и о развитии крупнейших многоотраслевых секторов экономики, как нефтегазовый, — а лишь видоизменяет его, вносит определенные коррективы в «форматы» разработки и выполнения планов.

Еще одна наша двойная изначальная ошибка состояла в том, что мы слишком увлеклись вопросом выбора модели экономического развития на основе известных прецедентов и не слишком критически отнеслись к зарубежному опыту, равно как и к советам зарубежных консультантов. Заимствование чужой модели (неважно: китайской, норвежской, американской или еще какой-нибудь), а тем более осколков разных моделей с попытками склеить их друг с другом — бессмысленно и опасно, в чем мы и убедились на собственном опыте.

И для полноты картины следует назвать третью двойную ошибку. При проведении экономических реформ нам с очевидностью не хватило ***прагматизма*** и ***протекционизма***, что тоже вытекало из чрезмерных надежд на рыночные силы. В 1990-е годы мы слишком поторопились либерализовать хозяйственные отношения и институты без учета реального «технического» состояния экономики, а также поведенческих инстинктов зарождавшегося российского бизнеса. Мы не сумели защитить внутренний рынок от массированного «заграничного» вторжения, тем самым разрушив многие производства и отрасли экономики. К сожалению, и сегодня мы не стремимся стать прагматиками, уповая на то, что можно модернизировать экономику в рамках либерально-рыночной модели, каким-то неестественным образом сочетающейся с «ручным управлением», а в равной степени недооцениваем значимость разумного протекционизма — особенно в отношении обрабатывающих производств, включая таковые в составе нефтегазового сектора. Наш протекционизм главным образом направлен в сторону природных ресурсов, но такая однобокость фактически означает признание собственной слабости и неспособности к проведению сбалансированной экономической политики.

Из-за серии ошибок в «дебюте» реформ дальнейшее развитие «партии» пошло не совсем по задуманному сценарию и уж совсем не в духе теоретико-идеалистических представлений о том, как должен осуществляться переход к рыночной экономике. Исправлять дебютные ошибки было крайне сложно, к тому же они, как выяснилось, обладали свойством репродуцироваться, повторяться в процессе проводимых преобразований. Свою лепту в коррекцию реформистского курса внес и набиравший силу бизнес, чьи эгоистические интересы в результате активного лоббирования отразились на многих решениях и действиях государства. Причем интересы бизнеса были (и остаются) весьма разноречивыми, что связано с его собственной неоднородностью.

В оправдание государству следует указать на ряд непростых обстоятельств, которые не только не воспрепятствовали принятию ошибочных решений, а наоборот, подталкивали к совершению ошибок.

Во-первых, уже на начальной стадии реформ государство оказалось в жесточайшем «цейтноте» из-за неумолимо надвигавшейся угрозы тотального дефицита на всех ключевых рынках — потребительском, товаров производственно-технического назначения, финансовом. Угроза была столь серьезной, что принимать решения приходилось в большой спешке — не в срочном, а в экстраординарном порядке, без должного учета и оценки не то чтобы долговременных, но и среднесрочных последствий. Многие из них не замедлили сказаться весьма негативным образом уже по прошествии считанных лет после начала радикальных экономических преобразований. Высокие темпы инфляции, вызванные резкой либерализацией рынка, стали тормозом для инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики. Падение уровня жизни населения привело к сужению внутреннего рынка, стало одной из основных причин спада производства и деградации производственного потенциала страны.

Во-вторых, у государства явно не доставало опыта и компетентности в проведении экономической политики и выстраивании соответствующих механизмов в новых условиях. Речь идет не о таких абстрактных категориях, как опыт проведения рыночных реформ вообще. Надо думать, что попросту не существует стран, заранее знающих, как осуществить переход от архаичной экономики к современной рыночной, и заблаговременно обзаведшихся собственным опытом. Имеется в виду отсутствие необходимых знаний и навыков проведения хозяйственной политики по широкому спектру конкретных направлений и прежде всего — в области экономического протекционизма, который был почти без надобности при директивно-плановой системе управления. При переходе же к рынку нужно было открыть, а точнее говоря, правильным образом приоткрыть границы национальной экономики, чтобы дать свободу внешнеэкономическому обмену и при этом создать действенные механизмы для защиты интересов отечественных производителей. Но угроза всеобщего дефицита вынудила слишком широко открыть для импорта те «двери», что отделяли российскую экономику от «заграницы». Импорт ворвался на наш рынок, словно сквозняк, и выбил всякие «двери» напрочь. В последствии прикрыть их обратно оказалось слишком затруднительно. Не было у нас достаточного опыта протекционизма и в отношении собственной внешнеэкономической экспансии, которая в советские годы в основном опиралась на ресурсно-сырьевой потенциал страны и политические обстоятельства — в экономическом сотрудничестве с дружественными и лояльно настроенными к СССР странами, которому явно не доставало сугубо хозяйственной расчетливости и прагматизма. Обретя всяческую независимость и сбросив прежние «родственные» и дружеские узы, Россия столкнулась с почти непреодолимыми барьерами для достойного вывода на внешний рынок продукции своей обрабатывающей промышленности. Сырье, нефть, газ, металлы, полупродукты — это всегда пожалуйста; но для наших товаров высокой степени обработки, не говоря уже о высокотехнологичной продукции, «двери» зарубежных рынков оказались закрытыми. Нас на этих рынках никто не ждал, да и сейчас особо-то не ждет. Даже для частичной адаптации к столь неожиданно неблагоприятным условиям России потребовалось, по меньшей мере, с десяток лет, в течение которых значительная часть унаследованного от СССР производственного потенциала — из-за его невостребованности — была фактически разрушена.

В-третьих, сказались неблагоприятные факторы ментально-психологического свойства. Нам всем — и государству, и обществу — слишком не терпелось поскорее вырваться из «директивно-плановых цепей» и забыть о прошлом хозяйственном догматизме. И, как это часто бывает, второпях мы «выплеснули из купели» все ее содержимое вместе с «ребенком». Отказавшись чуть ли не напрочь от всяческого планирования хозяйственной деятельности, мы собственными руками разрушили систему обоснования и разработки

планов, а вкупе с ней демонтировали все институты планового администрирования. В последующем что-то из разрушенного удалось (и пришлось) восстановить, но эффективность нынешнего планирования, что хорошо видно на примере различных целевых программ, стратегий и генсхем, крайне низка.

Менталитет формировавшегося российского бизнеса оказался весьма далек от того идеала, с которым ассоциируется современная рыночная экономика (судя на примере промышленно развитых стран мира). Если отвлечься от мелких градаций, то весь отечественный бизнес 1990-х годов можно подразделить на две большие части: «новый» и «старый». «Новый» бизнес родился и развивался непосредственно в процессе экономических преобразований, начиная с периода горбачевской «перестройки» — в него вливались бывшие «цеховики» и «фарцовщики» (представители теневой экономики, которая постепенно легализировалась), кооператоры и советские индивидуальные предприниматели (индивидуальная трудовая деятельность в СССР была разрешена со второй половины 1980-х годов), деятели так называемой «комсомольской экономики» (молодежные функционеры, которые занимались хозяйственной деятельностью под эгидой ВЛКСМ[338], зачастую имевшей весьма сомнительный характер и граничившей с элементарной спекуляцией; самым известным среди них, несомненно, является Михаил Ходорковский). У многих представителей «нового» бизнеса изначально сложились особые, и притом далеко не одинаковые, отношения с государством. Бывшие «цеховики» и «фарцовщики» привыкли воспринимать государство как своего врага, а государство отвечало им взаимностью. Деятели «комсомольской экономики», наоборот, имели тесные связи с властью и привыкли ими пользоваться для своей выгоды, что с особой очевидностью проявилось во время приватизации государственной собственности. Но и для тех и для других коммерческая деятельность «на грани фола» или даже за этой гранью была не в диковинку. В целом же представители «нового» бизнеса отличались качествами, способствующими достижению предпринимательского успеха: инициативностью, честолюбием, стремлением «сделать себя», высокой трудоспособностью, предприимчивостью, склонностью к риску (разумному), организаторскими навыками и способностями, имели опыт коммерческой деятельности, многие получили хорошее или даже элитное образование в СССР. Основная мотивация в деятельности — скорейшее обогащение без особой стеснительности в средствах. Такое целеполагание в сочетании личностными качествами идеально подходило для эпохи первоначального накопления капитала.

«Старый» бизнес был представлен трансформирующимися государственными предприятиями, которые преобразовывались в акционерные общества и довольно быстро приватизировались. Менталитет «старого» бизнеса в значительной степени определялся той хозяйственной практикой, что имела место в плановой экономике, и по сути своей являлся иждивенческим, ориентированным на получение помощи от государства. Руководящие должности в акционированных и приватизированных предприятиях первоначально, как правило, занимали бывшие «красные директора» с их инженерно-техническим образованием и соответствующим уровнем компетентности, которая в основном охватывала организационно-технические и производственно-технологические аспекты работы предприятий. Приоритеты в деятельности фактически сводились к сохранению и (по возможности) росту предприятий на основе развития производства, т.е. в гораздо большей степени соответствовали духу отмершей директивно-плановой экономики, нежели рыночной. Поэтому неудивительно, что в новых условиях такие предприятия довольно быстро скатывались к банкротству и уходили под контроль «нового» бизнеса (например, в нефтегазовом секторе — «СИДАНКО» и «Восточная нефтяная компания») либо влачили жалкое существование, держась на государственных субсидиях

[338] ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи; массовая политическая молодежная организация в СССР «под крылом» Коммунистической партии Советского Союза.

(самый яркий пример тому — ОАО «АвтоВАЗ»). Превращение в успешные корпорации происходило в порядке исключения из общего правила при наличии каких-либо особых благоприятствующих предпосылок (примеры: «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз»).

Отмеченная неоднородность нарождавшегося бизнеса служила основой для его внутренней конфликтности и противоречивости менталитета, что не способствовало «гармоничному» развитию новой экономики и становлению «цивилизованных» рыночных отношений и, наоборот, способствовало возникновению и усилению взаимного недоверия в отношениях с государством.

В-четвертых, в начале 1990-х годов гражданское общество в силу своей неразвитости не смогло принять участие в формировании концепции реформ, в принятии решений о судьбах российской экономики. Как следствие, вместо широкого конфликта интересов[339] сложилось противостояние между государством и бизнесом (точнее — крупным бизнесом), создавшее основу для формирования новой институциональной среды в экономике и, особенно, в нефтегазовом секторе, что и навевает аналогии с шахматной партией.

В рамках политического процесса — вполне демократичным путем — общество фактически делегировало свои полномочия государству. Но интересы последнего имеют двойственную природу. С одной стороны, объективные интересы государства как высшего политического института, обеспечивающего социально-экономическое развитие страны, являются отражением общественных интересов. С другой стороны, у государства как у большой совокупности отдельных институтов и органов власти, образующих иерархическую организованную структуру, возникают множественные субъективные (бюрократические, ведомственные, местнические и проч.) интересы, которые зачастую, или даже слишком часто, вступают в противоречие с объективными интересами государства и общества.

Внутри государственной власти идет постоянная институциональная и личностная конкуренция по поводу компетенций и полномочий. Это неизбежно и необходимо, поскольку без таковой конкуренции государство превращается в застывший организм, утрачивающий способность выполнять свои функции. Вместе с тем, уровень компетентности многих составляющих в структуре государственной власти далеко не всегда оказывается адекватным компетенциям, характеру и сложности решаемых управленческих задач. Процесс принятия государственных решений в значительной степени является персонифицированным и субъективным, что также неизбежно, поскольку решения принимают люди, а не электронно-вычислительные машины. Характер и мера объективной правильности решений зависят от личностных качеств руководителей, которым предоставляются (или делегируются обществом) соответствующие полномочия. Вероятно, наиболее значимыми из этих качеств являются: политические взгляды, мировоззренческая позиция, прошлый опыт управленческой деятельности, склонность (или отсутствие таковой) к решительным действиям, степень самодостаточности в подготовке решений (степень готовности прислушиваться и учитывать сторонние рекомендации — экспертов, консультантов, коллег, общественности и проч. и проч.). Весь перечисленный выше комплекс факторов образует постоянно существующую основу для принятия объективно ошибочных решений, в том числе связанных с субъективно неправильно понимаемой ролью государства и неправильным выбором средств управления.

Средством защиты от ошибочных решений является внутренний самоконтроль государства и внешний контроль со стороны общества. Причем контроль требуется не только на стадии принятия политико-экономических решений, но и, что даже более

---

339 Ярким примером активного конструктивного участия общества в решении вопросов, связанных с освоением ресурсов нефти и газа, а также использованием нефтегазовых доходов, представляют собой Норвегия и штат Аляска в США.

важно, в процессе их исполнения государственно-бюрократическим аппаратом — с его властными «горизонталями» и «вертикалями». Парадоксом развития общественно-политических систем в условиях серьезных трансформаций, происходящих в короткие сроки, а не путем длительной эволюции, является зависимость процессов становления институтов гражданского общества от государственной поддержки и участия. К сожалению, в России в начале 2000-х годов государство не смогло оказать должной поддержки названным процессам. Или убоялось множества негативных проявлений затянувшейся «детской болезни» в общественном развитии, пожертвовав долговременными будущими выгодами ради текущего спокойствия. Отсюда — выстраивание вертикали власти, концентрация управленческих и контрольных полномочий на федеральном уровне, перевод ключевых секторов экономики в режим «ручного управления».

Как это ни парадоксально, но отстранение (или самоотстранение) общества от непосредственного участия в конфликте интересов, который опосредует проведение экономических преобразований, ослабило позиции государства и сделало избранную им стратегию игры в принципе ошибочной. Эта стратегия первоначально основывалась на приоритете либерально-экономических ценностей, на том, что «подача сигналов» и «создание условий» сподвигнут бизнес следовать в русле общественно-государственных интересов. Однако бизнес не был склонен к тому, чтобы «улавливать сигналы», и выбрал свою активную прагматичную стратегию, ключевым элементом которой стал захват активов, а целью — достижение быстрых выгод. По мере консолидации активов и накопления капиталов происходило усиление влияния бизнеса в экономике (включая нефтегазовый сектор) и его позиций во взаимоотношениях с государством. Наметилась очевидная тенденция к подчинению интересов общественно-государственных интересам бизнеса, пытаясь переломить которую, государство пошло на резкое расширение своего прямого участия в НГС (установление прямого контроля над активами), т.е. стало играть по правилам бизнеса: чем больше активов, тем сильнее мера влияния. Но расширение прямого державного участия в нефтегазовом секторе фактически означало, что государство «сдалось» бизнесу, сыграло «в поддавки». Возвышение госкомпаний в НГС, их превращение в крупнейшие корпорации монополистического типа смешало все планы и карты, поскольку произошло теснейшее переплетение государственно-бюрократических интересов с коммерческими интересами бизнеса. И в настоящее время стало весьма затруднительным отделить одно от другого как в деятельности самого бизнеса (включая непосредственно госкомпании), так и в экономической политике государства. Сплетение и смешение разнородных интересов, обоюдная утрата собственных стратегических приоритетов и целей, которые можно было бы считать органично присущими каждой из сторон, завели процесс институционально-экономических преобразований в тупик, который на «шахматном языке» называется «взаимным цугцвангом». И сейчас не так уж и важно, кто из «игроков» более виноват в произошедшем, гораздо важнее — найти выход из положения, в котором оказалась «партия».

Есть ли этот выход, покажет будущее. Но вероятнее всего, он будет найден одновременно с завершением «партии» между государством и бизнесом в результате вмешательства третьей силы, т.е. общества, которое выступит в качестве непосредственного участника конфликта интересов. Современная ситуация в России заметно отличается от той, что имела место в начале 1990-х годов, когда гражданское общество, находившееся в «младенческом возрасте» и «ушедшее с головой» в политические процессы, еще не было готово к полноценному участию в институционально-экономических преобразованиях. Российское гражданское общество год от года постепенно «взрослеет» и созревает для непосредственного участия в решении всего спектра проблем социально-экономического развития страны, включая функции контроля за исполнением принимаемых решений — без полного делегирования прав на представление своих интересов государству. Чтобы урегулировать непростые вопросы «представительства» интересов, нужно наладить диалог

между властью и обществом, в котором каждая из сторон занимала бы конструктивную позицию. В общественном движении недопустимо скатывание к радикальным протестным действиям, но и власть должна быть готова к сотрудничеству, не увиливая от него под предлогом несостоятельности мнения российского общества. Если этот диалог наладится и окажется плодотворным, тогда мы действительно сможем приблизиться к выходу из «нефтегазового цугцванга».

В жертву принесены регионы

Коварство гроссмейстера было несомненно. С необычайной легкостью и, безусловно, ехидничая в душе…, — гроссмейстер жертвовал пешки, тяжелые и легкие фигуры. Обхаянному на лекции брюнету он пожертвовал даже ферзя.

Ильф и Петров. Двенадцать стульев[340]

Какой же детектив без погони, а шахматная партия — без жертвенных ходов? Чаще всего в жертву приносятся пешки, реже — легкие и, тем более, тяжелые фигуры. Некоторые известные игроки, как «гроссмейстер (старший мастер) О. Бендер» с ужасающим коварством жертвуют соперникам даже ферзей, приводя оппонентов в совершенную растерянность и вызывая у них немедленное желание сдаться. На определенной стадии игры в «нефтегазовые шахматы» обе стороны — государство и бизнес, «белые» и «черные» — пошли на обоюдные жертвенные ходы, без особых сомнений «отдав на заклание»… интересы регионов. В результате такого двустороннего жертвоприношения, регионы (субъекты Российской Федерации) оказались вычеркнутыми из числа непосредственных — с правом голоса — участников институционально-экономических преобразований в нефтегазовом секторе.

Толчок обоюдным «жертвоприношениям» дала начатая в 2003 г. административная реформа, о которой в то время много дискутировали политики и эксперты, которая одновременно и обнадеживала, и настораживала. Обнадеживала, поскольку главной целью реформы, в сущности, объявлялось повышение эффективности управления экономикой, но не за счет усиления административного начала или примитивного ужесточения дисциплины во властной вертикали, а путем построения логичной и рациональной структуры органов исполнительной власти, четкой регламентации управленческих функций, превращения госаппарата в реально работающий инструмент реализации экономической политики. Изначальные опасения были связаны с возможными «перекосами» и «перегибами», без которых обычно не обходится ни одна реформа в России. Кроме ошибок, от которых никто не застрахован, и принятия непродуманных решений (без оценки их долговременных последствий), можно было опасаться усиления институциональной конкуренции между отдельными органами и уровнями управленческой системы в процессе перестройки сложившейся структуры властных полномочий, прежде всего, функций

[340] Цитируется по изданию: И. Ильф и А. Петров. Двенадцать стульев. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — С. 299.

управления важнейшими бюджетообразующими отраслями экономики, к числу которых относится и нефтегазовый сектор.

Передел полномочий состоялся и оказался весьма существенным — большинство ключевых функций управления НГС отошли к федеральному центру, а регуляторные компетенции регионов сузились практически до предела. Вслед за административной реформой стартовали налоговая и бюджетная, которые привели к тому, что на федеральный уровень были «переключены» и основные денежные потоки, берущие начало в НГС и питающие бюджетно-финансовую систему страны. В итоге нефтегазодобывающие регионы (субъекты Федерации), участь которых и вызывала наибольшие опасения, не только лишились административно-регуляторных полномочий, но и потеряли львиную долю налоговых доходов от НГС. Будучи существенно ослабленными в административно-финансовом отношении регионы перестали представлять прежний интерес и для нефтегазовых компаний. Если от регионального уровня власти мало что зависит, если за счет региональных бюджетов нельзя получить приличную финансовую поддержку, то… можно особо не считаться и с интересами социально-экономического развития регионов. Таким образом «жертвы» в партии между государством и бизнесом стали обоюдными.

«Центр» оказался прав, потому что взял больше прав?

Как показывает мировой опыт, развитие нефтегазовых территорий везде и всюду происходит под пристальным контролем и при участии государства. Причем речь идет не только и не столько об участии в распределении доходов от добычи нефти и газа, присвоении ренты, сколько о реальном управлении и участии в решении специфических проблем, которые присущи территориям с сырьевым в значительной степени укладом экономики. Можно отметить следующую характерную тенденцию: чем дальше на Север — тем активнее роль государства и выше мера ответственности за судьбы нефтегазовых территорий. Об этом со всей очевидностью свидетельствует пример северных стран, таких как Канада. И в принципе неважно, на каком уровне государственной власти и управления концентрируются функции и полномочия по управлению территориями, но на примере стран с федеративным государственным устройством (той же Канады или США) видно, что эти функции и полномочия в основном делегируются на региональный уровень, т.е. уровень субъектов федерации. А федеральный центр при этом сохраняет за собой ключевые законодательные функции, определяет наиболее общие «правила игры», выступает в роли арбитра.

В России ситуация складывается совершенно иным образом. После принятия в 1992 г. Закона «О недрах», который положил основу для становления рыночных отношений в сфере недропользования на принципах платности и конкурентности, федеральный центр фактически самоустранился от решения проблем северных нефтегазодобывающих территорий, переложив всю меру ответственности на региональные органы власти. До некоторого момента времени с этим можно было мириться, поскольку регионы для решения своих проблем получили немалые права и серьезную финансовую поддержку в виде 60-процентной доли от платежей за недра и части других налогов (на прибыль, имущество предприятий и организаций и проч.). Переход к платному недропользованию дал значительный импульс социально-экономическому развитию нефте- и газодобывающих регионов страны, и прежде всего Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В результате проведенных реформ регионы не только стали получателями нефтегазовой ренты, но и оказались вовлеченными в процесс управления НГС. И снова — благодаря Закону «О недрах», — в котором в качестве одного из основополагающих был

выдвинут принцип «двух ключей», т.е. совместного участия федерального центра и регионов (субъектов Федерации) в управлении недропользованием. Значимость принципа «двух ключей» трудно переоценить.

Во-первых, концентрация всех управленческих и регулирующих функций на федеральном уровне сама по себе малоэффективна, что доказывается реалиями сегодняшнего дня. Даже в условиях директивно-плановой экономики советского периода централизованное управление то и дело давало сбои, а в условиях рыночной экономики такая система просто обречена на неэффективность. Применение же принципа «двух ключей» позволяет выстроить более гибкую и в конечном счете более эффективную структуру управления, адекватную нынешним условиям развития НГС.

Во-вторых, реальное участие регионов в управлении экономикой (в частности, через механизмы недропользования) создает конструктивную основу для их самоопределения в рамках федеративного государства. Без такого самоопределения федерация может быть только формальной, искусственной, обреченной на постоянную конфронтацию между интересами регионов и центра, либо подавление региональных интересов центром. Если регионы не имеют действительных прав и полномочий в управлении экономикой, не несут реальной ответственности за принимаемые решения, вынуждены выступать в роли просителей-иждивенцев, то центробежные тенденции в государстве становятся неминуемыми, а значит, ни о какой сильной федерации не может быть и речи.

И в-третьих, нельзя не упомянуть чисто административное значение принципа «двух ключей». Возможность и необходимость участия в управлении недропользованием послужило стимулом для усиления кадрового потенциала органов власти в нефтегазовых регионах страны. За годы, прошедшие с принятия Закона «О недрах», высококвалифицированные и дееспособные институты управления недропользованием сложились не только в ХМАО и ЯНАО, но и в других крупных нефтедобывающих регионах, например в Татарстане, Башкортостане, Томской области. Необходимость принятия обоснованных управленческих решений подтолкнула процесс развития в регионах специализированной информационной и научно-исследовательской базы, создания мощных региональных центров рационального недропользования. Нормативно-правовая основа управления недропользованием также в значительной степени формировалась на региональном уровне: территории использовали предоставленное им конституционное право так называемого «опережающего законодательства» по вопросам, не нашедшим своего отражения в федеральных законах. И прежде всего — по вопросам стимулирования (в рамках лицензионной, инвестиционной и налоговой политики) добычи нефти из низкодебитных и сложнопостроенных залежей, мелких месторождений и объектов, находящихся на поздней стадии разработки, восстановления бездействующих скважин, применения методов повышения нефтеотдачи. То есть именно на региональном уровне начался поиск подходов к решению чрезвычайно важных проблем, с которыми сопряжено развитие НГС в современной России.

Если с этих позиций посмотреть на структурирование регуляторных полномочий, сложившееся в результате проведения административной реформы, выяснится, что многое из сделанного в регионах сегодня оказывается невостребованным. И конечно же, вопрос о справедливом распределении нефтегазовых доходов сохраняет свою актуальность, в особенности для северных регионов, где сложилась преимущественно моноотраслевая структура экономики с преобладанием нефте- и газодобывающих производств.

Ресурсы углеводородного сырья, сосредоточенные в недрах Западной и Восточной Сибири, Севера европейской части России безусловно являются общенациональным достоянием и каждый житель нашей страны имеет право получить свой «кусочек» от нефтяного «пирога». Но нельзя не понимать, что богатства недр образуют сегодня едва ли не единственную основу для устойчивого социально-экономического развития

нефтегазодобывающих территорий, подобных Ханты-Мансийскому или Ямало-Ненецкому автономным округам. Нельзя также забывать, что в период интенсивного формирования так называемого Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, пришедшийся на 1965—1990 годы, абсолютный приоритет отдавался общенациональным, народно-хозяйственным целям, тогда как решению задач социально-экономического развития добывающих территорий не уделялось должного внимания. Развитие производств, обеспечивающих функционирование нефтегазодобычи, социальной и производственной инфраструктуры осуществлялось главным образом за пределами северных автономных округов, в тех регионах, где это было дешевле и проще.

Яркий пример ущербности процесса интеграции территорий в общероссийскую экономику — газификация ЯНАО. *«Салехард без газа — это же смешно»*, — говорил Б.Н. Ельцин на совещании в Тюмени в августе 1991 г. Но прошло еще почти 10 лет, прежде чем газ пришел в столицу Ямала. В ноябре 2000 г. бывшему руководителю тюменских газовиков (в 1966—1978 гг.) Е.Н. Алтунину был задан вопрос: *«В ваше время у государства не было денег на газификацию?»* Ответ прозвучал так: *«Никто тогда денег на эти мелкие дела не отпускал. Задачи ставились глобальные, вот на их решение средств никто не жалел...»*. На вопрос корреспондента газеты «Тюменские известия» о том, часто ли территориальные интересы входили в противоречие с государственными, Е.Н. Алтунин тоже ответил примечательно: *«Особых территориальных интересов у нас тогда не было. Западно-Сибирский топливно-энергетический комплекс не признавал никаких границ. Он создавался ради экономики государства. И на него работал весь Союз. Округа же были национально- культурными автономиями...»*.[341]

Как следствие, к началу проведения экономических реформ во всем, что не было непосредственно связано с добычей и транспортировкой нефтегазового сырья, ХМАО и ЯНАО оказались в числе наиболее отсталых регионов страны, занимая 50—70-е места по уровню развития социальной сферы, т.е. нисколько не поднявшись вверх по сравнению с «донефтегазовым» периодом своей истории. Освоение ресурсов нефти и газа принесло этим регионам не столько благополучие, сколько множество разнообразных социально-экономических и экологических проблем. Достаточно назвать хотя бы вопиющие межотраслевые диспропорции в развитии региональной экономики, перенаселенность вновь построенных городов, низкий уровень обеспеченности населения социальными услугами, загрязнение очень хрупкой по отношению к техногенному воздействию окружающей среды Севера, разрушение естественных условий жизнедеятельности коренного населения. И это перечисление можно было бы продолжать и продолжать.

Ситуация заметно улучшилась только с принятием Закона «О недрах», но все же социально-экономический прогресс нефтегазовых регионов Сибири в 1990-х и в начале 2000-х годов был отнюдь не столь впечатляющим, как может показаться на первый взгляд. И уж тем более это нельзя назвать ростом на основе нефтяных якобы «сверхдоходов» за счет других регионов страны. Нельзя забывать, что те же ХМАО и ЯНАО на протяжении всей своей постсоветской истории устойчиво входят в число регионов — главных доноров федерального бюджета, отдавая Федерации бóльшую часть налогов, собираемых на территориях. Поэтому правильнее было бы говорить не столько о бурном прогрессе нефтегазовых автономных округов, сколько о регрессивных тенденциях в развитии подавляющего большинства других регионов страны. Внутри самих же крупных нефтегазодобывающих регионов — будь то ХМАО, ЯНАО или Томская область —

---

[341] Карпов В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс — достижение экономики мобилизационного типа // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28—29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — С. 183.

бросается в глаза значительная неравномерность социально-экономического развития крупных городов и районов нефтедобычи, с одной стороны, и «ненефтяных» территорий — с другой. Последние, как правило, не имеют собственных источников доходов, а живут за счет перераспределения налогов, получаемых от добычи нефти, через окружной или областной бюджеты. Возможности же консолидации доходов в региональных бюджетах ограничены, соответственно ограничены и объемы финансирования, направляемого на поддержку депрессивных районов. Нужно учесть также и неравномерность поступления средств в региональные бюджеты нефтегазовых территорий по причине колебаний рыночной конъюнктуры, что особенно ярко проявилось в период экономического кризиса.

Вполне очевидно, что за налогово-бюджетной реформой стояло желание федерального центра добиться более равномерного распределения доходов между регионами, выровнять показатели бюджетной обеспеченности. Но при этом нужно задаться вопросом, а действительно ли уровень бюджетной обеспеченности нефтегазовых регионов был столь высок, что потребовалось радикально перекроить пропорции распределения рентных доходов? По оценкам Минфина России, показатель бюджетной обеспеченности Ханты-Мансийского округа в 2003 г. превышал среднероссийский уровень в 3,3 раза, а Ямало-Ненецкого округа — примерно в 1,7 раза[342]. Но в этой оценке учитывается только фактор регионального удорожания текущих расходов бюджета и совершенно не принимаются во внимание особенности социально-экономического развития регионов с преимущественно сырьевой структурой экономики. А главной среди таких особенностей является преходящий характер доходов от освоения ресурсов нефти и газа, связанный не только с абсолютной ограниченностью этих ресурсов, их невоспроизводимым характером, но и с закономерностями эволюционного процесса.

В границах каждой отдельной территории размер получаемого рентного дохода от добычи нефти и газа не является величиной неизменной. На начальных стадиях создаются только условия для его получения. Наибольший приток экономической ренты обеспечивается на стадии активного функционирования, а также на начальных этапах стадии падающей добычи. Затем размер рентного дохода уменьшается, а в условиях «старого добывающего района» нефтегазовый сектор с финансово-экономической точки зрения становится таким же, как и любой другой сектор экономики, — обеспечивает лишь нормальную (среднюю) прибыль. Именно поэтому каждый сырьевой регион должен иметь возможности влиять на процесс создания предпосылок и условий своего дальнейшего развития, формирования более диверсифицированной и многоотраслевой экономики на стадиях, предшествующих наступлению естественного спада в добыче углеводородов. Необходимо отметить, что обретение финансово-экономической самостоятельности позволило регионам не только приступить к решению самых насущных социально-экономических проблем, но и заняться закладкой фундамента для своего будущего развития. Однако к настоящему времени постройка будущей диверсифицированной экономики главных сырьевых территорий страны, в сущности, так и осталась на «нулевой» стадии — фундамент заложен, а на большее средств не хватило из-за резкого сокращения финансовых возможностей в результате проведенной бюджетно-налоговой реформы.

Характерно, что многие из перспективных задач, к решению которых нефтегазодобывающие регионы приступили в 1990-х годах, по своему значению являлись отнюдь не региональными, а выходили на уровень задач межрегионального и общенационального масштаба. Например, активное дорожное в ХМАО представляло,

---

[342] Бюджетная обеспеченность рассчитывается как отношение налоговых доходов региона к численности постоянного населения (руб./чел.). При этом бюджетная обеспеченность регионов «взвешивается» с учетом коэффициента удорожания условной единицы бюджетных услуг. Данный коэффициент оценивается Минфином в рамках расчетов по Методике распределения средств Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ.

по сути дела, формирование второй после Транссиба широтной дорожной сети федерального значения, связывающей регионы Урала и Сибири. Причем это делалось в основном за счет бюджета округа. О необходимости строительства Среднесибирской широтной магистрали много говорилось еще в советское время, но ни тогдашний союзный центр, ни нынешний федеральный к решению этой задачи так и не смогли приступить. Что же тогда говорить о диверсификации экономики сырьевых нефтегазовых территорий и решении других «сугубо региональных» проблем? Похоже, федеральный центр вряд ли вообще когда-нибудь приступит к решению этих задач. Весьма показательны слова одного из высокопоставленных чиновников Минфина, процитированные «Независимой газетой» в номере от 21 мая 2003 г.: *«Нет смысла вкладывать деньги и строить бассейны в северных округах, где через 50 лет кончится нефть и газ и никто все равно жить не будет»*[343]. Цинично, но по крайней мере, откровенно. И пусть двухмиллионное население Югры и Ямала особо не обольщается, — его участь уже «предрешена» в высоких минфиновских кабинетах.

Особого внимания заслуживает вопрос взаимоотношений между центром и регионами в связи с управлением нефтегазовым сектором. Существующая в России система управления нефтегазовым сектором, и процессами недропользования в частности, далеко не совершенна. И было бы логичным, чтобы административная реформа стала важным этапом на пути построения гибкой и эффективной системы управления НГС, а не подрывала в корне то, что было сделано на начальных этапах институционально-экономических преобразований.

Как уже отмечалось выше, формирование современной системы управления нефтегазовым сектором в России началось в 1992 г. с принятия Закона «О недрах», действие которого распространяется на отношения в сфере недропользования. Далее последовали либерализация нефтяного рынка (при сохранении государственного регулирования рынка природного газа) и приватизация предприятий НГС. Как результат, в российском нефтегазовом секторе сложилась новая организационно-экономическая структура с преобладанием частного капитала и вертикально интегрированных компаний и новая структура управления, в которой за государством остались наиболее важные регулирующие функции в вопросах недропользования, ценообразования, тарифной политики и налогообложения. В целом же период становления новой организационно-экономической и управленческой структуры, построения и взаимной «притирки» ее элементов занял примерно 7—8 лет и в основных своих чертах завершился к концу 1990-х годов. Затем, уже в 2000-х года, выстроенная система стала трансформироваться в сторону консолидации активов «под крылом» крупнейших компаний, усиления монопольных тенденций и прямого участия государства. В процессе проведения административной реформы произошло значительное перераспределение регуляторных полномочий в пользу федерального центра. Современную институциональную среду в НГС можно определить как «государственно-частно-монополистическую» с доминантой «ручного управления», осуществляемого едва ли не на высшем уровне государственной власти. В таком своем качестве сложившаяся институциональная среда явно не соответствует особенностям объекта управления, каковым является НГС.

Эти особенности определяются, с одной стороны, специфическими целями и задачами, стоящими перед сектором, а с другой стороны, конкретными условиями его развития — природно-геологическими, экономическими, технологическими и проч. Причем нужно особо отметить, что и приоритеты, и условия развития нефтегазового сектора непременно следует рассматривать в динамике, т.е. учитывать их изменение во времени. Главная черта современного этапа в развитии российского НГС, которая останется и в обозримом будущем, заключается в том, что общий «вектор развития» складывается

---

343 Фрумкин К. Автономные округа теряют экономический смысл // Независимая газета. — 21 мая 2003 • URL: http://www.ng.ru/gazeta/2003-05-21/ [2013-06-09].

под влиянием двух основных направляющих: во-первых, освоения новых — крайне сложных по горно-геологическим и природно-климатическим условиям — нефтегазоносных провинций, которые должны обеспечить рост добычи углеводородов; во-вторых, сохранения ведущей роли Западной Сибири, несмотря на начавшееся падение добычи, в качестве главного производителя нефти и газа в стране. Реализация каждого их этих направлений развития НГС требует применения специфических, и притом весьма различающихся, регуляторных механизмов. Режим «ручного управления» с высокой степенью консолидации всего и вся (компетенций — в управлении, капиталов и технических возможностей — в процессе осуществления конкретных проектов) более или менее подходит для движения по направлению первого из составных векторов развития отечественного НГС, связанного с освоением новых крупных ресурсных источников. Однако совершенно не пригоден в качестве регуляторного режима при решении широкого спектра весьма разнообразных задач, возникающих на стадии «доосвоения» ресурсов нефти и газа в старых добывающих регионах, включая Западную Сибирь. Можно даже сказать, что определенные позитивные результаты в развитии нефтегазодобычи в Татарстане, ХМАО, Республике Коми и ряде других российских регионов, достигаются не благодаря, а вопреки «ручному управлению».

Ухудшение горно-геологических условий добычи нефти и газа по мере «естественной эволюции» вызывает рост издержек производства, повышает факторы риска, делает нефтегазовый сектор в границах освоенных территорий все менее и менее привлекательным с инвестиционной точки зрения. Для поддержания высокой производственной активности в секторе необходима соответствующая эволюция организационно-экономической структуры, подходов и методов управления. В частности, должна расширяться сфера деятельности малых и средних (независимых) производителей нефти и газа, которые более мобильны и склонны к риску и не столь консервативны по сравнению с крупными вертикально интегрированными компаниями. Независимые добывающие компании (об этом свидетельствует и зарубежный опыт) могут с гораздо большей эффективностью работать как раз на небольших месторождениях. Что же касается собственно системы управления, то для нее весьма актуальной становится дифференциация подходов и методов в зависимости от степени истощения и величины запасов на месторождениях, продуктивности скважин, а также от нацеленности на повышение нефтеотдачи и применения новых технологий добычи. При этом решение задач, связанных с дифференциацией управленческих подходов и методов, усложняется вследствие увеличения числа и сокращения размеров единичных объектов управления (месторождений, вовлекаемых в разработку). В сфере управления недропользованием названные выше проблемы обусловливают значительное расширение процессуальной составляющей: возрастает число проводимых конкурсов и аукционов, увеличиваются объемы работ по контролю и мониторингу выполнения лицензионных соглашений, условия которых могут становиться все более и более разнообразными. В данной ситуации наиболее рациональный путь дальнейшего развития системы управления нефтегазовым сектором лежит через децентрализацию управленческих функций, через их приближение к объектам управления, расширение компетенции органов власти регионального и даже муниципального уровня.

Формирование системы государственного регулирования важно не само по себе, а с точки зрения повышения социально-экономической эффективности освоения принадлежащих государству ресурсов углеводородного сырья. Потенциал эффективности освоения ресурсов, связанный с возможностями получения рентного дохода, ограничен во времени — по мере отработки запасов он имеет тенденцию к сокращению. Технологические и организационные инновации позволяют на определенное время ослабить эту тенденцию, но в общем случае не в силах противостоять ей. Следует отметить, что для проявления данных технологических и организационных инноваций необходим благоприятный инвестиционный климат, который, в свою очередь, невозможно

сформировать, особенно на поздних стадиях освоения и разработки ресурсов углеводородного сырья, без заинтересованного и активного участия регионов. По мере изменения основных характеристик ресурсной базы должны меняться и направления развития системы государственного регулирования в нефтегазовом секторе. При этом должна приниматься во внимание объективная тенденция возрастания издержек, которая в границах отдельных сырьевых территорий может быть достаточно устойчивой. Противостоять данной негативной тенденции могут (в сочетании с технологическими инновациями) шаги и решения, связанные с изменением условий налогообложения, условий функционирования и развития добывающих компаний (например, в части получения права пользования участками недр), организационной структуры нефтегазового сектора.

С экономической точки зрения задача состоит в том, чтобы обеспечивать благоприятную динамику издержек не только посредством усилий самих компаний, но также и при помощи институциональных инноваций, связанных с формированием благоприятного инвестиционного климата, с изменением норм и правил взаимодействия компаний, а также с изменениями в организационной структуре нефтегазового сектора. Это достаточно сложная задача в рамках устойчиво функционирующей экономики рыночного типа, и тем более данная задача сложна в условиях российской экономики, которая все еще находится в состоянии трансформации. Тем не менее, как показывает мировая практика, в развитии нефтяной промышленности в последние 20—30 лет неоднократно имели место примеры эффективных ответов на усложнение условий функционирования, будь то цены или геология, путем проведения технологических и институциональных инноваций. Если обратиться к российской действительности, то можно увидеть, что именно на территории ХМАО впервые в нашей стране было начато формирование прообраза системы государственного регулирования деятельности в нефтегазовом секторе — как начального этапа в использовании возможностей институциональных инноваций. Однако усилия округа во многом носили инициативный характер и в весьма слабой степени были поддержаны на федеральном уровне.

В связи с отмеченными выше обстоятельствами представляется необходимым расширение полномочий регионов в управлении нефтегазовым сектором, то есть проведение последовательной политики «регионализации» процедур и процессов государственного регулирования. При этом если взглянуть на проблему эволюции системы управления сквозь призму изменяющихся целей и условий развития НГС, то можно прийти к выводу, что административная реформа как раз и позволяет найти правильное решение, основанное на принципе «двух ключей» при его дальнейшем развитии и разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти. Руководствуясь целями и задачами административной реформы деятельность федеральных органов управления следует направить на разработку и реализацию национальной политики по отношению к нефтегазовому сектору, сконцентрировать на обосновании и проведении в жизнь решений стратегического характера. В числе главных функций на федеральном уровне должно сохраниться и нормотворчество, то есть разработка общих норм и правил, обеспечивающих эффективное развитие нефтегазового сектора и регулирующих деятельность органов власти на уровне субъектов федерации.

При этом можно было бы освободить стратегический центр от выполнения основной массы функций процессуального характера, передать эти функции на региональный уровень, т.е. органам власти субъектов федерации и совместным федерально-территориальным органам управления. Данный шаг выглядит тем более естественным, если учесть, что крупные нефте- и газодобывающие регионы, как показывает реальная практика работы по управлению недропользованием в том же Ханты-Мансийском округе, лучше подготовлены к выполнению массовых процессуальных управленческих функций, нежели федеральный центр. В развитие принципа «двух ключей» и разграничения полномочий

имеет смысл дифференцировать компетенции и регуляторные подходы к освоению ресурсных объектов разного «типоразмера», т.е. выделить в одну группу объекты (наиболее крупные месторождения, месторождения на шельфе), имеющие стратегическое значение и находящиеся в федеральной юрисдикции, а в другую — объекты (все остальные месторождения) под юрисдикцией регионов. В итоге мы сможем получить гибкую и эффективную систему управления, нацеленную на решение стратегических задач развития нефтегазового сектора и способную к применению дифференцированных подходов и методов регулирования в зависимости от постоянно изменяющихся условий добычи нефти и газа в тех или иных регионах страны.

Федеральный же центр стремится прежде всего к простоте (а не к адекватности) и прозрачности регуляторных процедур в экономике, равно и к усилению своего контроля над основной массой доходов от добычи минерально-сырьевых ресурсов. Последствия могут быть весьма неблагоприятными для нефтегазового сектора из-за бюрократизации процесса государственного регулирования, чрезмерной унификации (а на деле — примитивизации) процедур и подходов к регулированию. При этом нефтегазодобывающие регионы (субъекты Федерации) оказываются в значительной степени отстраненными от регулирования НГС и от тех финансовых потоков, источником которых является сектор.

«Нормализация» воспроизводственного процесса в НГС в старых регионах при падающей добыче невозможна без приближения регуляторной деятельности непосредственно к местам проведения нефтегазовых операций, т.е. без отмеченной выше их децентрализации, или «регионализации». Это тем более актуально, что на стадиях высокой степени зрелости нефтегазовых провинций особенно важным становится решение социальных проблем — поддержание определенного уровня деловой активности и обеспечение занятости населения. Поэтому применяются не только системы скидок и льгот при уплате специальных и даже обычных налогов, но и особые налоговые режимы (включая упрощенные льготные системы, широкое распространение режима СРП). Реализация этих подходов призвана обеспечить наиболее полное извлечение запасов из недр, ослабление социальных проблем, стимулирование добычных операций на малорентабельных месторождениях, разработку новых «маргинальных» месторождений.

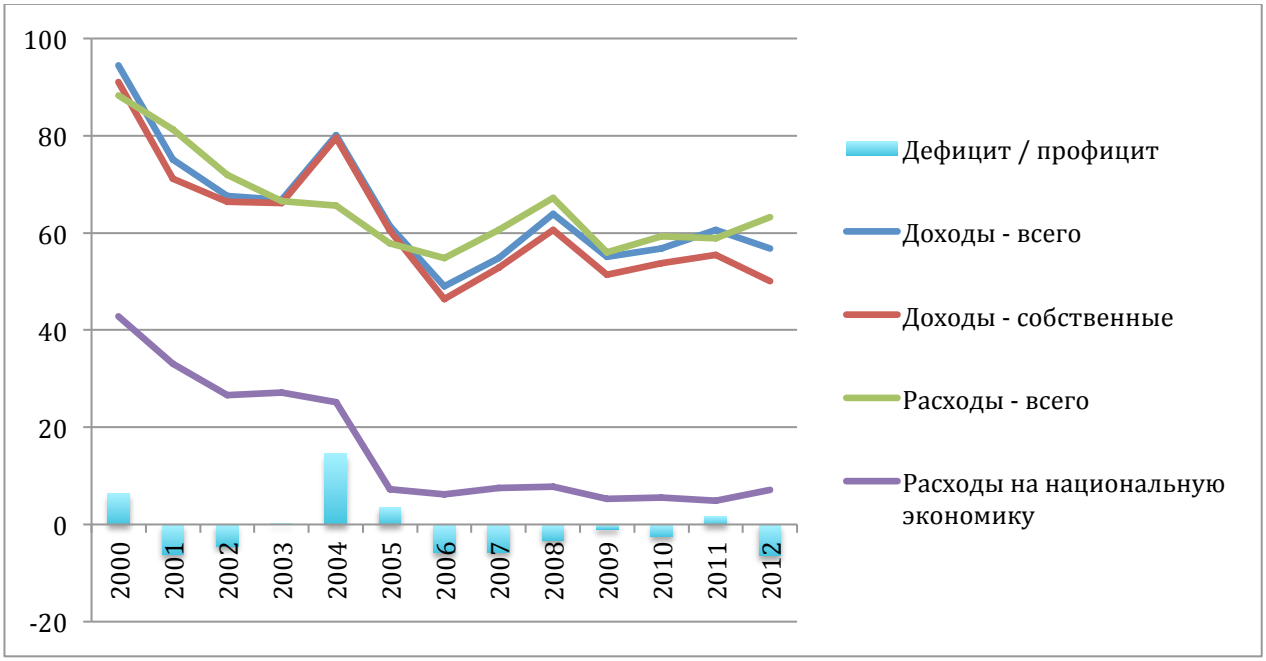
К сожалению, нужно признать, что 2002 г. стал рубежным в динамике социально-экономического развития главных нефтегазовых регионов Западной Сибири. Ранее набранные высокие темпы роста резко замедлились, что в значительной степени объясняется изменением принципов межбюджетного распределения налогов от добычи нефти и газа, напрямую связанного с административной реформой. Социально-экономическая ситуация в Ханты-Мансийском округе сейчас вызывает особую тревогу в связи со спецификой демографических процессов. С одной стороны, общая численность населения устойчиво возрастает, причем как за счет действия естественных, так и за счет миграционных факторов. Положительная динамика естественного прироста населения в округе, обусловленная высоким уровнем рождаемости, остается таковой на протяжении многих лет, что, кстати, корне отличается от общероссийских тенденций. С другой стороны, отчетливо наблюдаются и признаки старения населения, то есть быстро увеличивается численность населения старших возрастных групп, пенсионеров.

Таким образом, в регионе складывается достаточно редкая ситуация, требующая одновременного решения множества принципиально различающихся, но равноприоритетных социальных проблем. И жилье нужно строить, и детские сады, и школы, и объекты здравоохранения, заниматься созданием новых рабочих мест, проводить программы социальной поддержки и молодых семей, и людей пожилого возраста, но… при заметно сузившихся в последние годы бюджетно-финансовых возможностях. В целом за период 2001—2011 гг. в ХМАО имел место более чем двукратный рост доходов консолидированного бюджета в номинальном исчислении, но в сопоставимых ценах доходы

2011 г. по сравнению с 2000 г. уменьшились в 1,5 раза. В 2011 г. сумма безвозмездных поступлений в бюджет округа по федеральным каналам финансирования достигла 17,6 млрд руб., или более 9% к величине собственных доходов, полученных на территории. В структуре бюджетных расходов тоже произошли разительные изменения. Из-за своей ограниченности бюджет стал более социально-ориентированным: доля расходов на национальную экономику (включая воспроизводство минерально-сырьевой базы и дорожное строительство) сократилась с более чем 40% в начале 2000-х годов до 8% в 2011 г., а по абсолютной величине эти расходы в сопоставимых ценах уменьшились примерно в 8 раз. Увеличение же расходов в 2012 г. было достигнуто ценой бюджетного дефицита в размере 8,3 млрд руб., или 4,1% к сумме собственных доходов (рис. РЕГ-1).

Рисунок • РЕГ-1

Изменение параметров консолидированного бюджета Ханты-Мансийского АО в 2000—2012 гг. в сопоставимых ценах 2000 г., млрд руб.

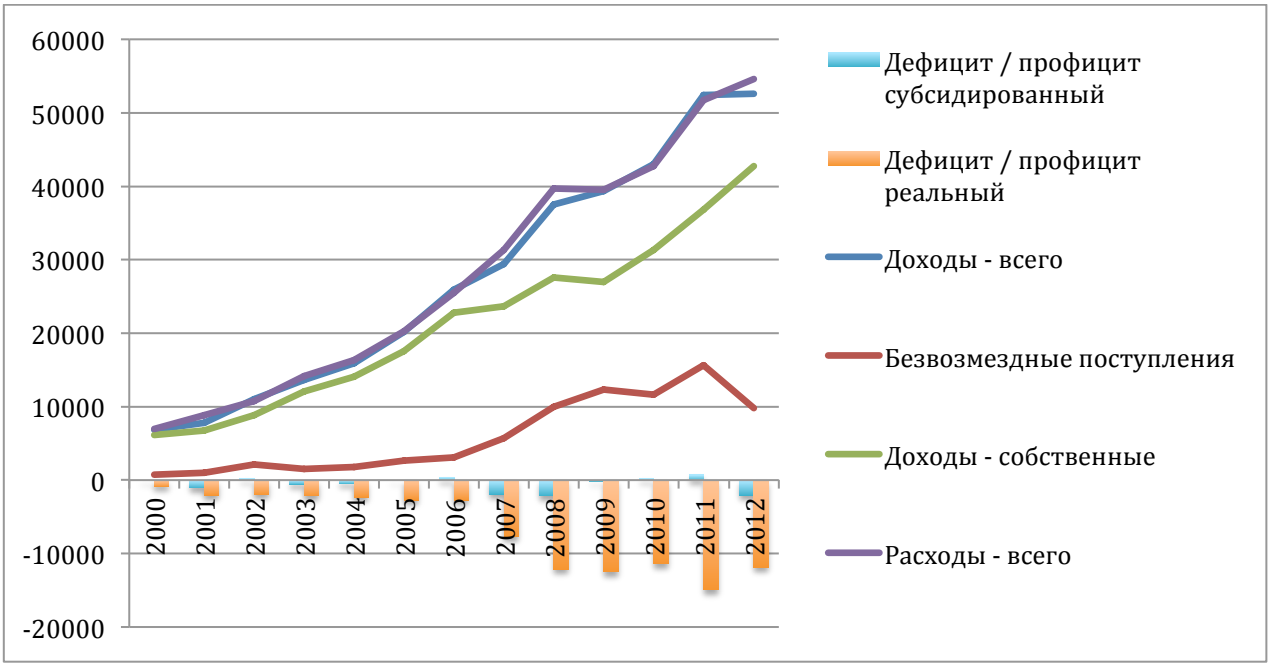
Оценка по данным Федерального казначейства об исполнении консолидированного бюджета округа • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

Справедливости раду нужно признать, что и в настоящее время уровень бюджетной обеспеченности ХМАО остается заметно выше среднероссийского, поэтому в каком-то смысле пример округа не очень показателен. Гораздо более ярко негативные последствия бюджетно-налоговой реформы видны на примере другого западносибирского региона — Томской области, где проживает чуть более миллиона человек и добывается около 12 млн т нефти (с газовым конденсатом) и 4 млрд $м^3$ газа. Т.е. добыча углеводородов в расчете на душу населения составляет 14,5 т н.э. (в среднем по Российской Федерации — около 8 т). Собственные бюджетные доходы региона в 2001—2011 гг. выросли в номинальном исчислении в 6 раз, а в реальном — всего на 20%. При этом если в 2000 г. удельный вес трансфертов и субсидий «свыше» в совокупных доходах бюджета был менее 11%, то к 2011 г. он достиг почти 30%, а по отношению к величине собственных доходов — 42,5%. Реальный дефицит, т.е. без учета федеральной финансовой «подпитки», регионального бюджета и территориального государственного внебюджетного фонда обязательного медицинского страхования сейчас составляет порядка 15—16 млрд руб. в год. Сокращение федеральных дотаций в 2012 г. обернулось для Томской области резким замедлением роста бюджетных доходов и расходов (рис. РЕГ-2). Если бы в формировании государственных финансов области сохранились тенденции предыдущих двух лет,

то дефицит консолидированного бюджета в 2012 г. достиг бы порядка 7 млрд руб., а в реальном бездотационном исчислении — приблизился бы 17 млрд руб.

Рисунок • РЕГ-2

Изменение параметров консолидированного бюджета Томской области в 2000—2012 гг., млрд руб.

Информация об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. — Федеральное казначейство • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

И при всем при этом Томская область является одним из доноров федерального бюджета. Так, в 2011 г. на территории области в бюджеты всех уровней было собрано 109,2 млрд руб. налогов и сборов (в 2 с лишним раза превысило сумму расходов консолидированного бюджета области), в том числе в федеральный — 76,7 млрд руб. (более 70% от общей суммы), в консолидированный бюджет региона — 32,5 млрд руб.[344] В минувшем году сбор налогов и иных обязательных платежей, администрируемых ФНС России, на территории Томской области вырос почти на 19% и достиг 130 млрд руб., из которых 92,5 млрд руб. поступило в федеральный бюджет (прирост по сравнению с 2011 г. на 20,6%) и 37,5 млрд руб. — в консолидированный бюджет области (увеличение на 15,3%).[345] Таким образом, сумма налогов и сборов, перечисленных в федеральный бюджет, в полтора раза превысила общую величину расходов консолидированного бюджета области и территориального государственного внебюджетного фонда (исполнено в объеме 61,1 млрд руб.[346]).

В приведенной выше оценке еще не учитываются доходы федерального бюджета от экспорта томской нефти, которые в действительности имеют место, хотя напрямую

[344] О поступлении налогов и сборов в бюджеты различных уровней на территории Томской области за январь—декабрь 2011 года. — Управление Федеральной налоговой службы по Томской области • URL: http://www.r70.nalog.ru/statistic/pn70/3891552/ [2013-06-09].

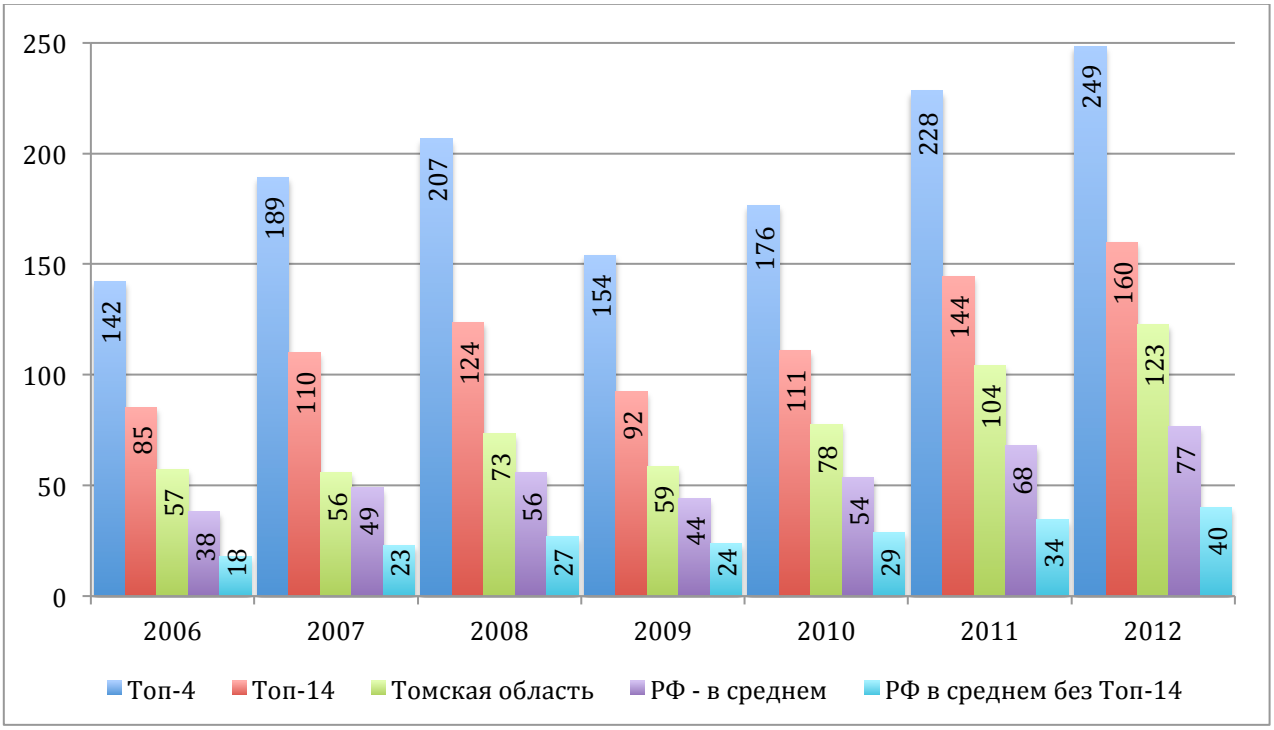
[345] О поступлении налогов и сборов в бюджеты различных уровней на территории Томской области за январь—декабрь 2012 года. — Управление Федеральной налоговой службы по Томской области • URL: http://www.r70.nalog.ru/statistic/pn70/4038874/ [2013-06-09].

[346] Информация об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. — Федеральное казначейство • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

и не отражаются в статистической отчетности (нефть, добываемая «Томскнефтью», «на корню» покупается трейдерскими структурами материнских компаний — «Роснефти» и «Газпром нефти», — которыми впоследствии экспортируется). Общая «налогоотдача» Томской области — поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ в расчете на душу населения — в 1,6 раза превышает среднероссийский уровень и в 3,1 раза — средний показатель регионов, не входящих в число основных производителей нефти и газа (рис. РЕГ-3). Но по показателю «налогоотдачи» для регионального консолидированного бюджета Томская область (35 тыс. руб.) отстает от среднероссийского уровня (41 тыс. руб.). Иными словами, Томская область в действительности является субъектом Федерации, вполне самодостаточным с бюджетно-финансовой точки зрения, однако «правила игры» таковы, что регион оказывается в финансовой зависимости от центра. Вряд ли такую ситуацию можно признать нормальной.

Рисунок • РЕГ-3

Поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ в расчете на душу населения в 2006—2012 гг., тыс. руб.

Примечания:
Топ-4 — Основные регионы-доноры (Тюменская область с автономными округами, Москва, Санкт-Петербург, Сахалинская область) с наиболее высоким уровнем «налогоотдачи»;
Топ-14 — Топ-4 плюс еще 10 основных нефтегазодобывающих регионов России.

Источник: ФНС России / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Остается только признать, что самодостаточность регионов — социально-экономическая, бюджетно-финансовая и, тем более, административная — никак не вписывается в систему «ручного управления». Но без такой самодостаточности, при крайней узости компетенций и слабой финансовой базе трудно рассчитывать на то, что регионы станут проявлять должную активность в решении вопросов собственного развития. Чрезмерная зависимость от федерального центра «развращает» и постоянно побуждает регионы к тому, чтобы под любым предлогом выпросить или «выбить» у Москвы дополнительные финансовые ресурсы под местные проекты — за счет включения в какую-нибудь федеральную программу, «строчку» федерального бюджета или за счет налоговых послаблений. Но это — тупиковый путь развития и для самих регионов, и для страны в целом.

Интересы регионов бизнесу не интересны

Федеральный центр, олицетворяющий российское государство, с легкостью пожертвовал интересами регионов, чтобы усилить собственное влияние в нефтегазовом секторе, а посредством этого — во всей социально-экономической жизни страны. Центру нужны послушные регионы, не избалованные самостоятельностью и самодостаточностью. А что же «черные»? Как нефтегазовый бизнес взаимодействует с регионами и насколько готов учитывать региональные интересы в своей деятельности?

Взаимоотношения между российскими регионами и нефтегазовым бизнесом, во главе с крупнейшими корпорациями-монополистами, всегда складывались непросто. Данные взаимоотношения лишь отчасти регулируются законодательными и иными правовыми нормами, а в остальном строятся на неформальной основе. Россия в этом смысле не является исключением из общего правила. Неформальные отношения между бизнесом и властью существуют во всех странах мира, в любой административно-территориальной единице. Российская специфика заключается в другом. Во всех демократических странах с развитыми рыночными институтами неформальные отношения между бизнесом и властью возникают в тех сферах, где применение правовых норм неэффективно или попросту бессмысленно. Хотя многое зависит и от национальных традиций, особенностей предпринимательского менталитета, других факторов, — весьма характерным тому примером являются взаимоотношения между бизнесом и властью в Великобритании. При этом законодательно регулируемые и неформальные отношения органично взаимодополняют друг друга, образуя общий каркас правил поведения для бизнеса и власти. В России же сложился гораздо более широкий простор для неформальных отношений. Они зачастую возникают там, где должны действовать законодательные и правовые нормы, но реально не действуют из-за каких-либо пробелов в законодательстве либо работают крайне неэффективно, т.е. не дают ожидаемого результата.

Широкое распространение в России получили соглашения о сотрудничестве между регионами – субъектами Федерации и ведущими компаниями нефтегазового сектора. Если не вникать в детали, а дать общую характеристику, то можно сказать, что такого рода соглашения обычно служат неким подтверждением взаимной лояльности договаривающихся сторон по отношению друг к другу.

Между тем вопрос о лояльности по отношению к регионам со стороны представителей нефтегазового бизнеса заслуживает более пристального внимания. В последние годы — «с подачи» федерального центра — смысл, который вкладывается в понятие «лояльность бизнеса», заметно упростился. Компания считается лояльной, если она своевременно и сполна платит налоги в казну. При этом за кадром остаются вопросы, каким образом компания зарабатывает свои доходы и как расходует ту часть доходов, что остается после уплаты налогов. Поскольку крупные компании нефтегазового сектора являются экстерриториальными и вертикально интегрированными (имеют бизнес во многих регионах страны и за рубежом, во всех отраслевых сегментах), то ответы на поставленные вопросы затрагивают жизненные интересы регионов. Причем одни и те же действия со стороны нефтяных компаний обычно по-разному отражаются на интересах добывающих территорий и тех регионов, где концентрируется переработка нефти и сбыт нефтепродуктов.

Совершенно очевидно, что при современной организационно-экономической структуре компаний нефтегазового сектора интересы регионов, где осуществляется добыча нефти и газа (прежде всего речь идет о Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Ненецком автономных округах, Томской области), являются наиболее уязвимыми. Финансовые ресурсы начинают уводиться с добывающих территорий еще в процессе «естественного» движения продукции компаний по вертикальной технологической цепочке, что связано

с применением механизмов трансфертного ценообразования во всех крупных компаниях и отсутствием реально работающего рынка сырой нефти и газа. В этом отношении весьма показателен пример деятельности ОАО «Томскнефть», контроль над которым поровну поделили между собой две госкомпании — «Роснефть» и «Газпром нефть». Товарные потоки «Томскнефти» с 2007 г., якобы, полностью «замкнуты» на внутренний рынок, а экспорт нефти контролируют торговые структуры материнских компаний, получающие всю маржу. Как следствие, лишается части дохода и томская нефтяная «дочка» двух госкомпаний, и бюджет региона. Понятно, что реальное распределение поставок на экспорт и внутренний рынок у добывающих предприятий, действующих в разных регионах страны и консолидированных в составе крупных компаний, может быть различным. Но тогда должны работать механизмы квотированного учета экспорта с равно пропорциональным распределение между предприятиями — для соблюдения равенства интересов территорий. Плюс к этому консолидация чистой прибыли и ее дальнейшее использование в соответствии с инвестиционными программами, в которых далеко не всегда учитываются интересы добывающих регионов (или в неравной степени по отношению к тому или иному региону), и на выплату дивидендов. Характерно при этом, что названные схемы перераспределения финансовых ресурсов в значительной степени являются непрозрачными для регионов.

Например, компания «Сургутнефтегаз» традиционно считается одной из наиболее лояльных и по отношению к регионам, и по отношению к интересам федерального центра: она аккуратно платит налоги, вкладывает значительные средства в развитие производства, занимается решением социальных вопросов в регионах своей деятельности. Однако сумма финансовых инвестиций компании к настоящему времени достигла 929 млрд руб. (29,5 млрд долл.), из которых около 90% приходится на депозитные вклады.[347] При этом финансовые аналитики частенько указывают на «непонятность» этих вложений: компания не раскрывает, какие активы приобретаются и какие вклады делаются. По отчетности за 2011 г. финансовая «заначка» «Сургутнефтегаза» почти в полтора раза превысила, к примеру, суммарный годовой объем инвестиций в экономику Ханты-Мансийского округа (648,6 млрд руб.[348]). И «Сургутнефтегаз» — не исключение: значительные финансовые резервы есть практически у всех нефтяных компаний. С той лишь разницей, что у «ЛУКОЙЛа», например, финансовые инвестиции более прозрачны. Финансовые потоки компаний подвержены воздействию различных факторов. Например, денежные средства из «Томскнефти» выводятся за счет дивидендов и займов дочерним компаниям основных акционеров. За 2007—2010 гг. нетто-движение средств по этим статьям составило 46,3 млрд руб.[349] Основные акционеры заинтересованы в выводе средств со счетов «Томскнефти», дабы минимизировать риски, связанные с долговыми претензиями, которые возникли после банкротства ЮКОСа («Томскнефть» — бывшая «дочка» ЮКОСа).

Следует отметить, что нелояльность нефтяных компаний к регионам добычи углеводородного сырья была заложена в изначальной диспозиции взаимоотношений между сторонами. Названную нелояльность лишь отчасти можно считать объективной (как, скажем, «нелояльность» волка к косуле в живой природе), обусловленной особенностями процесса формирования нефтяных компаний и нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность. Нефтяное лобби оказывало самое активное влияние на этот процесс, и можно сказать, что нефтяные компании в значительной степени сами себя создавали

---

[347] По данным отчетности ОАО «Сургутнефтегаз» • URL: http://www.surgutneftegas.ru/ru/investors/.

[348] Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа - Югры за 2011год. Приложение к распоряжению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12 мая 2012 г. № 263-рп. — Департамент экономического развития ХМАО – Югры • URL: http://www.depeconom.admhmao.ru/wps/portal/ecr/home [2013-06-09].

[349] По данным финансовой отчетности ОАО «Томскнефть» • URL: http://www.tomskneft.ru/shareholder/.

и сами для себя устанавливали правила игры, руководствуясь, естественно, своими интересами. Поначалу объективная и «полуобъективная» нелояльность компенсировалась огромной социальной нагрузкой, которая легла на компании: они формировались как субъекты рыночной экономики, но вместе с производственными получили все непроизводственные активы (жилищный фонд, объекты социально-бытовой инфраструктуры и проч.) бывших социалистических государственных предприятий. Но со временем ситуация изменилась: непроизводственные фонды компаний в большей части (а кое-где уже полностью) переданы на балансы региональных и муниципальных органов власти. Соответственно возросла и значимость фактора компенсаций, которые теперь принимают форму обязательств в рамках соглашений нефтяных компаний с регионами.

Изменился и баланс сил во взаимоотношениях между компаниями нефтегазового сектора и регионами. Нефтяные компании в ходе эволюционного развития и укрупнения (путем слияний и поглощений) постоянно наращивают свою мощь, что ведет и к усилению монопольных тенденций в нефтегазовом секторе. Возможности регионов, наоборот, сужаются. В результате административной реформы регионы утратили значительную часть регулирующих и властных полномочий в вопросах недропользования, налогообложения, законодательной деятельности.

В целом же ситуация, в рамках которой развиваются взаимоотношения между нефтегазовыми компаниями и регионами, складывается сейчас весьма неблагоприятно, что хорошо видно на примере Ханты-Мансийского округа. Начиная с 1992 г., когда был принят Закон «О недрах», в округе сложились достаточно сильные традиции социально-ориентированного развития на основе использования ресурсов углеводородного сырья. В строгом соответствии с федеральным законодательством[350], а зачастую в опережающем порядке, сформировались механизмы регулирования процессов недропользования и высокие стандарты требований к нефтяным компаниям. У населения сложился высокий уровень социальных запросов, что требует поддержания динамичности дальнейшего развития. В округе был развернуты масштабные программы развития экономики — в направлении ее диверсификации, — включая создание современной хозяйственной инфраструктуры. Сейчас все это поставлено под угрозу. Одна из причин создавшейся ситуации — сужение полномочий региона — уже была названа. Другая связана с особенностями ресурсного потенциала округа. По величине потенциальных ресурсов нефти у ХМАО нет конкурентов в нашей стране, но вот качество этих ресурсов не вызывает особого оптимизма. Похоже на то, что все «сливки» уже сняты, а для эффективного и динамичного освоения оставшейся части ресурсов нефти требуются новые технологические решения и новые организационно-экономические подходы. Но только вот ни крупнейшие российские нефтяные компании, ни федеральные власти пока к этому не готовы. То есть округ остается один на один со своими проблемами.

Если посмотреть на долгосрочные планы развития ведущих нефтяных компаний — «Роснефти», «ЛУКОЙЛа», «Сургутнефтегаза», то в них почти не найдется новых крупных проектов по освоению ресурсов на территории ХМАО. Акценты в долгосрочном развитии уже смещены в сторону Восточной Сибири, Дальнего Востока, севера европейской части России, шельфа арктических морей, зарубежных проектов. А какая роль отводится ХМАО? Ответ на этот вопрос можно найти в программе стратегического развития группы «ЛУКОЙЛ», в которой прямо указано на то, что стратегия компании направлена на значительное повышение доходности путем тщательного отбора инвестиционных проектов: ***интенсификации добычи на существующих месторождениях в краткосрочной перспективе*** и ускорения ввода новых эффективных проектов в Тимано-Печоре, на Каспии

[350] Особо отметим, что у ХМАО не было никаких преференций в развитии нефтегазового сектора и использовании «нефтяных» доходов, какими пользовались национальные республики в составе РФ — Башкортостан, Татарстан, Чечня.

и за рубежом, реализации газовой программы и т.д. [351] Совершенно очевидно, что выделенный выше текст как раз и обозначает роль ХМАО в планах «ЛУКОЙЛа»: речь идет только о краткосрочной перспективе. Мало что изменилось в отношении «ЛУКОЙЛа» к перспективам ХМАО и в новых стратегических планах на 2012—2021 гг.[352] Во многом схожая линия поведения просматривается и у других компаний. Автор акцентирует внимание на данном вопросе по той причине, что Ханты-Мансийскому округу, равно как и другим схожим регионам, для нормального социально-экономического развития необходимы долгосрочные ориентиры, а поскольку таковое развитие в более чем значительной степени связано с освоением нефтегазовых ресурсов, следовательно, нужно отчетливо представлять, каковы долгосрочные планы нефтяных компаний.

В проблеме взаимоотношений между регионами и нефтегазовыми компаниями следует отметить еще один аспект. Если говорить о лояльности, то нельзя забывать, что она должна быть взаимной (только на основе взаимной лояльности может быть достигнута обоюдная выгода). Но регионы во взаимоотношениях с компаниями не являются вполне самостоятельными субъектами, для компаний они представляет собой часть государства. Следовательно, рассчитывать на лояльное отношение нефтяных компаний к регионам можно лишь при условии лояльного отношения к компаниям со стороны государства в целом, т.е. со стороны федеральных властей и самих регионов. Существующий в России режим регулирования деятельности крупных компаний НГС в значительной степени подчинен интересам самих компаний. Но это не исключает возможности нелояльных действий со стороны федерального центра и в адрес отдельных компаний, и по отношению к нефтегазовому сектору в целом. Причем речь ведь идет о субъективной оценке. Любое решение правительства, ухудшающее или усложняющее условия ведения бизнеса (даже если это необходимо для выстраивания цивилизованной правовой среды, а не просто ради каких-то сиюминутных выгод), может рассматриваться представителями бизнеса как недружественный акт. Ответная же нелояльность может быть направлена против государства в целом, включая регионы. Скорее даже — именно против регионов, представляющих собой, выражаясь шахматным языком, самое слабое звено в построении«белых».

Поскольку система неформальных отношений между регионами и компаниями НГС очень сложна и противоречива, а связи в рамках этой системы находятся под сильным влиянием внешних не управляемых на региональном уровне факторов, то в интересах регионов необходимо усилить действие нормативно-правовых методов регулирования деятельности нефтегазовых компаний. Причем речь идет не о введении каких-то надуманных запретов и ограничений, а о создании работоспособных правил и норм, которые давно практикуются в странах с рыночной экономикой, в частности:

- в недропользовании — участие регионов в согласовании лицензионных условий, усиление компетенции регионов в регулировании процессов освоения небольших, низкопродуктивных, сложнопостроенных месторождений нефти и газа, остаточных запасов и т.п.;
- в налогообложении — гибкость, защита от трансфертного ценообразования, приоритет компетенции регионов по вопросам, слабо затрагивающим интересы Федерации, например в налогообложении операций по освоению запасов «маргинальной» нефти;

[351] Совет директоров ОАО «ЛУКОЙЛ» утвердил программу стратегического развития группы «ЛУКОЙ» на 2004—2013 годы. Пресс-релиз. — 21 нояб. 2003 // Официальный сайт компании • URL: http://www.lukoil.ru/press.asp?div_id=1&id=508&year=2003 [2013-06-09].

[352] НК «ЛУКОЙЛ» — День инвестора: Стратегия 2012—2021 гг. // Официальный сайт компании • URL: http://www.lukoil.ru/static.asp?id=413 [2013-06-09].

- в регулировании рынков — создание нормативной базы для ускорения формирования рынков в сфере нефтесервиса и научно-технической продукции, поощрение конкуренции, антимонопольные ограничения.

Тем самым сфера неформальных отношений между регионами и компаниями нефтегазового сектора может быть сужена до разумных, общепринятых для стран с рыночной экономикой, пределов, и в этой сфере будет выровнен баланс сил.

Но пока что все это выглядит, как благие пожелания. Суровая действительность дает примеры совершенного иного свойства, причем не только в старых, но и в новых добывающих регионах, где, казалось бы, есть все возможности выстраивать новую модель освоения ресурсов нефти и газа, не отягощенную «грузом» прошлых проблем. На самом деле, в новых нефтегазоносных провинциях — таких, как Восточная Сибирь, — формируется модель «вахтово-дистанционного» освоения ресурсов, сводящая к минимуму финансовые риски компаний и… мультипликативные эффекты в экономике регионов.

Трассы уже строящихся и проектируемых трубопроводных систем сдвинуты далеко к северу от БАМа, на сотни километров от обжитой части Сибири. Приближение магистральных нефте- и газотранспортных коммуникаций к выявленным и перспективным месторождениям конечно же выгодно компаниям-недропользователям. Но при этом усиливается анклавный характер процессов освоения нефтегазовых ресурсов, а для целого ряда забайкальских регионов ограничивается доступ к источникам природного газа — эффективного и экологически чистого топлива. Судьба злополучной Ковыкты показывает, что «Газпром», руководствуясь своими корпоративными выгодами, менее всего склонен к «западному» варианту решения транспортной проблемы, предусматривающему подключение месторождений Иркутской области и Красноярского края к действующей Единой системе газоснабжения, которая сейчас заканчивается на территории Кемеровской области.[353] Лучше проложить «трубу» в северном направлении в обход Байкала — подальше от местных потребителей.

К строительству ВСТО привлекаются подрядчики и рабочая сила из Поднебесной. Нефтегазовый мультипликатор, таким образом, реализуется, но не в отечественной экономике, а в китайской. Зато «Транснефть» сокращает расходы на строительство «трубы», поскольку услуги компании China Petroleum Pipeline Bureau обходятся дешевле, нежели российских подрядчиков. И выигрывают китайцы не столько за счет дешевого труда, сколько благодаря применению современных технологий. В результате привлечения к строительству ВСТО более 1700 специалистов из Поднебесной возможности трудоустроиться лишаются местные жители регионов, по территории которых проводят нефтепровод. Только в Якутии, где более 44 тыс. безработных, власти намеревались трудоустроить за счет строительства ВСТО к 2011 г. 34 тыс. местных жителей. В этой ситуации трудоспособное население, в первую очередь, со средним специальным образованием, покидает Сибирь в поисках работы. [354]

Развитие нефте- и газодобычи способно оказать серьезное мультипликативное воздействие на экономику восточных регионов России. Это не вызывает сомнений. Но нефтегазовый мультипликатор не заработает сам по себе — его еще нужно «включить». Т.е. необходимо создать определенные организационно-экономические условия, которые

---

[353] Независимый анализ путей транспортировки углеводородного сырья с Ковыктинского газоконденсатного месторождения. — Москва – Новосибирск – Иркутск, 2007. — Интернет-сайт проекта «Леса высокой природоохранной ценности» / Варианты прохождения трассы трубопровода с Ковыктинского ГКМ • URL: http://www.hcvf.net/rus/oil/ [2013-06-08].

[354] Семыкина И.О. Есть ли у вас план? Проблемы локализации эффектов при освоении ресурсов углеводородного сырья в регионах Восточной Сибири // ЭКО. — 2012. — № 6 • URL: http://ecotrends.ru/archive/632-edition-06?layout=blog [2013-06-07].

заставят нефтегазовый бизнес, с одной стороны, и местных поставщиков и подрядчиков любой территории, с другой, активно взаимодействовать друг с другом. Сегодня в Восточной Сибири таких условий нет, поэтому интеграция зарождающейся нефтегазовой промышленности в экономику регионов превратилась в серьезную проблему. Освоение ресурсов углеводородного сырья и формирование специализированной инфраструктуры ориентируется на широкое привлечение внешних финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов, а потому в значительной степени происходит автономно от региональных процессов социально-экономического развития. Иными словами, на территории восточносибирских регионов складываются своего рода нефтегазовые хозяйственные анклавы, изолированные экономически и пространственно. Несмотря на это, и в Восточной Сибири, и в других частях страны имеет место довольно сильная зависимость регионов от нефтегазового сектора и его корпоративных структур.

Обща тенденция такова: чем большее место в экономике регионов занимают освоение и добыча ресурсов углеводородного сырья в противоположность его глубокой переработке, тем опаснее становится зависимость территории от нефтегазового сектора, и наоборот. На практике получается, что степень и опасность зависимости регионов от НГС усиливаются по мере продвижения в направлении на север и на восток по территории страны (от сложившегося эпицентра — в Урало-Поволжье), т.е. по мере реального сжатия перерабатывающего сегмента в составе нефтегазового сектора, как результата развития за многие десятилетия, и сужения потенциальных возможностей для конкурентоспособного развития глубокой переработки углеводородов в будущем.

С точки зрения зависимости от нефтегазового сектора в наиболее уязвимом положении находятся сырьевые регионы Крайнего Севера (например, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа) с моноотраслевой структурой экономики, где нефте- и газодобывающие, геологоразведочные, инфраструктурные предприятий НГС выступают в роли главенствующих хозяйственных субъектов, бюджетных «доноров» и работодателей. Причем эти предприятия в большинстве своем не являются самостоятельными и взаимно конкурирующими, а входят в состав крупнейших интегрированных нефтегазовых компаний. Непосредственная зависимость Ханты-Мансийского округа и, тем более, Томской области от нефтегазового сектора выглядит слабее, чем у их северных «собратьев». Но если учесть всю совокупность межотраслевых взаимодействий в территориальной экономике, в которой подавляющее большинство хозяйственных субъектов так или иначе связаны с предприятиями нефте- и газодобычи, то в итоге выявится не слишком обнадеживающая картина. В Восточной Сибири, где масштабное развитие сырьевого сегмента НГС только-только начинается, складывается несколько специфический формат зависимости регионов от сектора — это зависимость… от будущей добычи. Статистически роль НГС в экономике, например Красноярского края, сейчас еще относительно невелика (около 25% в промышленном производстве), однако на фоне стагнации в традиционных отраслях промышленности (в обрабатывающем секторе среднегодовой темп прироста производства за период 2005—2011 гг. составляет минус 0,2%), не имеющих видимой перспективы выхода из длительного застоя, бурно растущая нефтедобыча превращается в главный фактор общего промышленного роста в обозримом будущем и становится главным инвестиционно-привлекательной отраслью региональной экономики (в 2009—2010 гг. на долю топливного сектора приходилось, соответственно, 43 и 31% инвестиций в основной капитал по Красноярскому краю).[355] Происходит жесткая трансформация экономики региона — из многопрофильной, с высоким удельным весом обрабатывающих производств, она превращается в зависимую от сырьевого сектора, — однако иной альтернативы сегодня не просматривается.

[355] По данным Красноярскстата. — Краткосрочные социально-экономические показатели / Сводные показатели • URL: http://www.krasstat.gks.ru/.

В несколько лучшем положении находятся территории Урало-Поволжья и, в какой-то степени, юга России, где развитие НГС имеет наиболее комплексный характер, сочетая добычу и глубокую переработку углеводородов, и где экономика в целом более диверсифицирована, чем в северных и сибирских нефтегазовых регионах. Но и поволжские регионы сталкиваются с определенными проблемами, поскольку взаимодействовать им приходится все с теми же интегрированными компаниями. Интересы регионов в большей или меньшей степени оказываются зависимыми от корпоративных стратегий и планов, от сегментарных (отраслевых и территориальных) приоритетов, которых придерживаются компании в текущей и планируемой деятельности.

Современные взаимоотношения между регионами и нефтегазовым бизнесом характеризуются тем, что регионы разрозненны, а любая интегрированная компания выступает как консолидированная сила. Особой конкуренции между крупнейшим интегрированными компаниями не наблюдается, поэтому степень консолидации интересов бизнеса в целом существенно выше, чем интересов территорий. Последние гораздо чаще вынуждены конкурировать друг с другом, чтобы привлечь и заинтересовать бизнес. Компании же могут выбирать для себя регион с более выгодными условиями для деятельности. Можно сказать, что политика федерального центра, поощряющая консолидацию нефтегазового бизнеса и укрупнение компаний (неважно — частных или государственных) объективно работает против интересов регионов. Равно как и упадок инициативных форм и организаций межрегионального сотрудничества, который произошел в 2000-х годах с образованием федеральных округов, после того аппараты полномочных представителей «оттянули» на себя координирующие компетенции у добровольных межрегиональных ассоциаций. Федеральный центр вольно или невольно «подыгрывает» в пользу крупнейших нефтегазовых компаний, с очевидностью не заинтересованных в усилении единства территорий и в том, чтобы регионы могли проводить согласованную политику, особенно, в вопросах недропользования, к чему, например, в 1990-е годы продвигались добывающие регионы Сибири в рамках ассоциации «Сибирское соглашение». Т.е. старый добрый принцип «разделяй и властвуй» действует и в отношениях между нефтегазовым бизнесом и регионами.

Регионы разрозненны и вынуждены взаимно конкурировать, а нефтегазовый бизнес этим пользуется. Практические повсеместно из своих не слишком богатых бюджетов регионы в рамках своих компетенций предоставляют льготы нефтяным компаниям — и ладно бы только малым и средним независимым производителям, привязанным к территории, — но и крупнейшим компаниям, которые, получая гораздо более серьезные преференции со стороны федерального центра, не стесняются пользоваться и поддержкой регионов. Власти нефтегазодобывающих регионов, в особенности новых, боятся отпугнуть инвесторов и зачастую не прибегают к решительным мерам по отношению к нерадивым недропользователям, не выполняющим условия лицензионных соглашений, поскольку постановка вопроса об отзыве лицензий может испортить «инвестиционный имидж» региона. Лицензионные участи «простаивают», геологоразведочные работы проводятся в недостаточных объемах, а новых открытий почти нет, как в Восточной Сибири, где в зоне действия специальной программы геологического изучения зарегистрировано 56 компаний-недропользователей и распределено 150 участков недр (в том числе в 2005—2009 гг. — 91), а почти все известные месторождения были выявлены еще в советские годы.[356]

Нужно подчеркнуть, что межрегиональная конкуренция в развитии нефтегазового сектора зачастую менее эффективна и целесообразна, нежели кооперация. В особенности это

[356] Ефимов А.С., Герт А.А. и др. Основные результаты (2005—2011 гг.) и актуальные задачи изучения и освоения ресурсов углеводородного сырья Восточной Сибири // Геология и минерально-сырьевые ресурсы. — 2011. — № 4. — Электронная копия на сайте Сибирского научно-технический центра нефти и газа • URL: http://sibntc.ru/publication.htm [2013-06-06].

относится к перерабатывающему сегменту, которому присуща довольно широкая свобода в выборе пунктов размещения предприятий и производств. Сегодня со всей остротой встает проблема, что делать с газовыми ресурсами Восточной Сибири — прежде чем начинать «большую» добычу, нужно ввести все необходимые объекты газотранспортной инфраструктуры и мощности по переработке газа. А где именно? В Красноярском крае, в Иркутской области или в Якутии? Названные регионы находятся в конкурентном отношении друг к другу, стараясь привлечь внимание крупнейших недропользователей, которые и должны решать вопросы, связанные с квалифицированным использованием газовых ресурсов. А ресурсы эти таковы, что сосредоточение переработки в одной точке приведет к сверхконцентрации мощностей с массой негативных последствий. В Восточной Сибири можно спокойно построить 3—4 крупных газохимических комплекса, связав их современной транспортной инфраструктурой. Но ведущие «игроки», коими являются «Газпром» и «Роснефть», в большей степени заинтересованы в том, чтобы собрать все где-нибудь в одном месте и минимизировать затраты на строительство инфраструктурных объектов, а также на развитие самих территорий. При этом, похоже, что каждая из компаний выжидает, кто начнет первым, чтобы пристроиться за лидером и сэкономить побольше. А регионы пребывают в томительном ожидании, поскольку «Роснефть», к примеру, каких-то определенных планов по реализации своей газовой программы до сих пор не выдвинула, а вместе с «Газпромом» не показала и стремления к согласованию, координации действий.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что нефтегазовый бизнес и, в первую очередь, его лидеры — крупнейшие интегрированные компании, — сегодня не склонен особо считаться с интересами регионов. Это главным образом объясняется утратой регионами значительной части регуляторных компетенций в результате административной и бюджетно-налоговой реформ 2000-х годов. Времена нынче не те, что еще каких-нибудь лет десять назад, когда в управлении недропользованием действовал принцип «двух ключей» и на территориях формировались крупные фонды воспроизводства минерально-сырьевой базы, представлявшие собой чрезвычайно «лакомый пирог» для всех нефтегазовых компаний — независимо от размеров и финансового положения. Сейчас всего этого нет. Регионы лишились многих возможностей, а компании, наоборот, усилились и могут диктовать свои интересы ослабевшим «оппонентам». Последние нередко оказываются в роли просителей, вынуждены идти на поводу у бизнеса и зачастую даже «закрывать глаза» на его прегрешения. Такой диспаритет интересов территорий и бизнеса является одной из характерных черт современного «нефтегазового цугцванга». Ведь это, действительно, тупик в развитии институциональной среды, если для достижения общегосударственных целей, как их понимает федеральный центр, и для выгоды бизнеса нужно ослабить регионы – субъекты Федерации, на территории которых ведется добыча углеводородов. Принося в жертву интересы регионов, бизнес стремится, что у него неплохо получается, к усилению своей позиции в соперничестве с государством, но это отнюдь не способствует эффективному развитию нефтегазового сектора на благо нашей страны.

Опасность дезинтеграции, или почему Россия может потерять восточные регионы

Федеральный центр и монополизированный российский бизнес (причем — не только нефтегазовый) сходятся в своем неприятии сильных регионов, способных оказывать существенное влияние на процессы социально-экономического развития страны и реально участвовать в регулировании ключевых отраслей экономики. При этом оба главных игрока оказываются заинтересованы во взаимной конкуренции регионов.

До определенной степени такая конкуренция объективно необходима, поскольку создает мотивации для эффективного регионального развития, а в итоге работает на благо страны, ее населения в целом. Но чтобы плюсы конкурентного федерализма (децентрализма) превалировали над минусами, которые присущи любой из моделей взаимодействия между центром и регионами, нужны, как минимум, два условия. С одной стороны, требуется сильное координирующее начало, но не в формате административно-властной вертикали и «державного перста», указующего, кому и что делать, а как действительные (не просто декларативные) общие цели развития, общие рамки и правила «игры», формируемые под стратегическим руководство центра. С другой стороны, регионы должны обладать достаточной самостоятельностью и самодостаточностью (прежде всего — в финансовом отношении), чтобы полноценным образом решать задачи своего социально-экономического развития без постоянных оглядок на центр и не менее постоянных просьб о помощи. Прямая поддержка центра должна предоставляться только тем регионам, которые в ней объективно нуждаются. Если не будет выполнено первое условие, то межрегиональная конкуренция грозит превратиться в вакханалию; ежели не будет соблюдаться второе, тогда конкуренция регионов станет больше похожа не на соперничество между серьезными и основательными хозяевами, а на ссору между обманутыми вкладчиками перед закрытыми дверями банка. Парадокс же состоит в том, что при отсутствии любого из условий складываются предпосылки для недовольства и усиления конфликтности во взаимоотношениях центра с регионами, т.е. предпосылки, в конечном счете образующие «питательную почву» для регионального сепаратизма.

Административная и бюджетно-налоговая реформа против регионов

Процессы, происходящие в «жизни» крупнейших нефтегазовых регионов страны в последние годы, невольно навевают мысль, что федеральный центр опасается региональной самодостаточности, связывая ее с возможной утратой контроля за ситуацией в регионах. И вполне естественно, что на «особом счету» находятся субъекты Федерации, оказывающие значительное влияние на общенациональные экономические процессы и формирование доходной части государственного бюджета, т.е. крупнейшие нефтегазодобывающие регионы страны. Задачи по усилению контроля над регионами центр решает, в традиционной для себя манере, с помощью административно-бюрократических подходов по выстраиванию властной вертикали.

В качестве первого шага на этом пути можно назвать образование в 2000 г. федеральных округов, каждый из которых охватил один из макрорегионов страны,

в том числе Урал, Сибирь и Дальний Восток, и учреждение института представителя Президента РФ в федеральном округе.[357] Таким образом произошла концентрация функций по контролю и проведению федеральной политики в рамках иерархически организованной структуры — ведь из Москвы уследить за каждым из почти девяноста субъектов Федерации (в 2000 г., сейчас их — 83) и вправду было нелегко. К тому же в социально-экономическом развитии регионов, в особенности расположенных по-соседству, обязательно должно присутствовать какое-то интегрирующее начало. В 1990-х годах роль такового сыграли межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия («Сибирское соглашение», «Возрождение Урала», «Большая Волга» и др.), созданные по инициативе «снизу», т.е. со стороны самих регионов. Но по мере успешного решения экономических проблем межрегиональные ассоциации стали набирать определенный политический вес и приобретать лоббистскую мощь, что не вписывалось в «картину российского мироздания» по замыслу федерального центра. Учредив федеральные округа и институт президентского представительства, центр оттеснил межрегиональные ассоциации на второй план, что хорошо видно на примере «Сибирского соглашения»[358], и тем самым перехватил инициативу у регионов в решении интеграционных задач. Правда, последние приобрели несколько иную, нежели прежде, окраску и стали в значительной степени фокусироваться на межрегиональной интеграции… в следовании курсу федеральной политики.

Следующим действием по реальному встраиванию регионов в вертикаль власти стало намерение центра провести частичное административно-территориальное переустройство России с укрупнением субъектов Федерации и, соответственно, с сокращением их количества. Мотивировки целесообразности переустройства в основном сводились к тому, что у нас было неимоверно много субъектов Федерации — целых 89. Такого обилия административно-территориальных единиц нет ни в одной другой стране мира с федеративным государственным устройством. Согласно общеизвестным постулатам теории управления, количество «единиц управления» должно колебаться между пятью и девятью, ибо в противном случае управленческие решения становятся неоптимальными. В одном из аналитических вестников Совета Федерации можно даже найти сетования по поводу того, *«какой управленческий дисбаланс испытывает российский федерализм ввиду десятикратного превышения оптимального количества субъектов Федерации»*.[359] Другим аргументом послужило чрезвычайное разнообразие регионов — не только по площади территории, численности населения, уровню экономического и социального развития, но и по формам представительства в Федерации.

Особые нарекания у идеологов переустройства вызывали так называемые «сложно построенные», или «матрешечные», территории — административные края и области, в состав которых входили автономные округа с полноценным статусом субъекта Федерации,

---

[357] Федеральные округа в России были созданы в соответствии Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» • URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=141662 [2013-06-09]. Федеральные округа не являются конституционной частью административно-территориального деления страны.

[358] МАСС теряет в весе // Континент Сибирь. — 2002. № 40 • URL: http://www.ksonline.ru/nomer/ks/-/sec/archive/year/2002/month/11/jid/267/ [2013-06-09].
Селиверстов В., Афанаскин Ю. Три пятилетки «Сибирского соглашения» // Эксперт Сибирь. — 2005. — № 36 (http://expert.ru/siberia/2005/36/).

[359] Некоторые аспекты дискуссии о совершенствовании субъектного состава Российской Федерации (Информационно-аналитический обзор) // Аналитический вестник. — № 17 (173). — Специальный выпуск. — М.: Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2002 • URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25583 [2013-06-09].

что создавало определенные сложности во взаимоотношениях. В реальной юрисдикции краевых и областных властей оказывались только районы, не относящиеся к автономиям (во многом эта положение сохраняется и сегодня). По иронии судьбы, именно северные автономные округа оказались наиболее богаты разнообразными природными ресурсами, в том числе нефтегазовыми (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий — в Тюменской области; Ненецкий — в Архангельской области). Поэтому консолидация «матрешечных» субъектов Федерации естественным образом сопрягалась с изменением структуры очень значимых регуляторных компетенций и направлений финансовых потоков, берущих начало в нефте- и газодобыче. Объединительный процесс 2003—2008 гг. в целом протекал довольно непросто, несмотря на активную, если не сказать больше, поддержку со стороны федерального центра, кровно заинтересованного в усилении своего влияния на регионы и нефтегазовый сектор. Самой большой победой центра, безусловно, является воссоединение территорий Красноярского края с преобразованием его в единый субъект Федерации.[360] Однако в нефтегазовых автономиях попытки объединения под эгидой областных столиц, утративших былой авторитет, встретили настолько ожесточенное сопротивление, что центр был вынужден отступить и отказаться от «лобовых атак» на самодостаточность территорий.

Но не мытьем, так ка́таньем. Административная и бюджетно-налоговая реформы лишили нефтегазовые автономии основных регуляторных компетенций и прежней финансовой независимости от центра, а политические преобразования — переход к назначению губернаторов «сверху» (вместо всеобщих выборов) и замена мажоритарной избирательной системы на пропорциональную при выборах в представительные органы власти — довершили начатое дело. Самодостаточность нефтегазовых автономных округов, столь нелюбимая федеральным центром, осталась в прошлом.

Побежденный «сибирский сепаратизм», которого не было

Но почему в понимании центра сила Федерации ассоциируется со слабостью ее субъектов? Складывается впечатление, что в самодостаточности регионов центр видит угрозу общенациональным интересам и государственно-территориальной целостности страны. Сказанное прежде все относится к большим сибирским регионам, которые располагают значительными, или даже уникальными, ресурсами «высоколиквидных» полезных ископаемых и потому играют чрезвычайно важную роль в национальной экономике. Центр боится потерять контроль над этими территориями. Тогда возникает еще один вопрос: на чем могут основываться страхи сибирского «сепаратизма»?

На теоретических изысканиях некоторых современных зарубежных историков? Как, например, Доменик Ливен — британский историк и специалист по вопросам сравнительной истории империй, — который полагает, что если бы сибиряки в период распада СССР получили свободу и представительные местные институты, вокруг которых бы фокусировался региональный патриотизм, то они смогли бы выработать самостоятельную идентичность. Со временем, подобно Австралии или Канаде, перерасти в независимое государство-нацию? По мнению Ливена, новой России после падения СССР удалось остаться великой державой лишь благодаря тому, что она вобрала в себя «жемчужину» имперской короны — Сибирь.[361]

---

[360] Всего было пять прецедентов объединения территорий, в результате чего количество субъектов Федерации в России сократилось с 89 до 83.

[361] Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. / Под ред. А.О. Чубарьяна, Ф. Гори, И.Ю. Новиченко, В.В. Ищенко. — М.: ИВИ РАН, 1999.

Или на исторической памяти? Она подсказывает, что между центром (в разных его качествах — от имперского до федерального) и Сибирью (от фактической колонии или присоединенной территории — до совокупности субъектов Российской Федерации), начиная со времен покорения Ермаком и до наших дней, всегда существовали определенные противоречия. Но ведь такие противоречия сами по себе являются вещью нормальной и двигают процесс развития многонациональной страны, объединяющей в своих границах множество территорий (регионов) с весьма разнообразными характеристиками. Проблема заключается не в наличии противоречий, а в их масштабе и глубине и в том, существуют ли действенные институты и механизмы для справедливого и обоюдовыгодного разрешения противоречий между центром и регионами (макрорегионами — такими, как Сибирь в целом). Если нет адекватных средств для разрешения противоречий, то они могут приобретать антагонистический характер и выливаться в более или менее активные попытки сепаратизма со стороны регионов.

По трудам российских историков разного времени можно сделать вывод, что в истории взаимоотношений между центром и Сибирью реальные серьезные проявления сепаратизма имели место крайне редко и либо были связаны с неадекватной деятельностью крупных чиновников, назначенных самим же центром, либо активизировались в периоды острых общенациональных политических потрясений, которые делили всю страну на враждующие лагеря, — революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. Так, родоначальником сибирского сепаратизма считается первый местный губернатор князь Матвей Гагарин, повешенный в 1721 г. по приказу Петра I *«как взяточник и разоритель народа»*. В то время другие вельможные чиновники тоже крали, однако их не вешали. Существует версия, что истинной причиной казни первого сибирского губернатора стало его намерение сделаться в Сибири независимым от России правителем, каковые слухи дошли до царя. Пример второго рода — 16 октября 1917 г. делегаты I Сибирского областного съезда приняли постановление «Областное устройство Сибири», определявшее статус Сибири в составе российского государства, основные принципы функционирования автономии, структуру ее органов управления, их компетенцию и порядок формирования. Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей национальной или территориальной автономии. Заявлялось, что Сибирь имеет права на автономию, и в пределах полномочий, определенных *«центральным парламентом»*, должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь кабинет министров и всенародно избранную Сибирскую областную думу. В 1918 г. некоторые сторонники автономии приняли участие в подготовке антибольшевистского восстания и вошли во Временное Сибирское правительство, в дальнейшем сотрудничали с Верховным Правителем А.В. Колчаком, а после его поражения и окончательного установления Советской власти в Сибири эмигрировали за границу. Находясь в эмиграции, видные сторонники областничества[362] продолжили

Lieven Dominic. Russia as empire: a comparative perspective // Reinterpreting Russia. / Edited by Geoffrey Hosking and Robert Service. — London: Hodder Education Publishers, 1999.

[362] Сибирское областничество — общественно-политическое течение среди сибирской интеллигенции (середина 1850-х годов — начало XX века), которое зародилось в петербургском кружке сибирских студентов и бесспорными идейными лидерами которого были Григорий Потанин и Николай Ядринцев. В 1860-е годы областники выступали за революционную борьбу с самодержавием, за демократические свободы. Рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков — как новую сибирскую нацию, отдельные радикально настроенные областники выдвигали лозунги отделения от России или предоставления Сибири автономного статуса. В 1865 г. Григорий Потанин и его сторонники были арестованы по делу «Общества независимости Сибири», привлечены к суду и приговорены к различным наказаниям, включая ссылку в Сибирь. Потанин, Ядринцев и многие другие областники внесли заметный вклад в развитие культуры и науки в Сибири, особенно археологии, этнографии, истории. — Электронная версия БСЭ • URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/132032 [2013-06-09].

разработку концепции территориальной самостоятельности Сибири уже с учетом опыта советского строительства. Причем во всех разработках отвергался сепаратизм.[363]

В сущности, понятие сибирский «сепаратизм», который, по всей видимости, внушает опасения нынешнему федеральному центру, — просто нельзя употреблять без кавычек в силу отсутствия какого-либо сепаратизма в реальной действительности. Известные примеры сибирского «сепаратизма» в современной российской истории следует скорее воспринимать как историко-политические казусы, обусловленные «детской болезнью» демократии, нежели как реальные проявления сепаратизма.[364] Да и пришлись они в основном на начало 1990-х годов — период «парада суверенитетов», в значительной степени спровоцированного политикой федеральных властей, проводившейся под лозунгом *«берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»*. Если можно национальным автономиям, то почему нельзя Сибири? Откровенно экстремистские взгляды типа «Сибирь — для сибиряков» и «Хватит кормить Москву» по сути своей являются столь же сепаратистскими, как и великодержавные «Россия — для русских» и «Хватит кормить Кавказ». В такой большой, многонациональной и «многорегиональной» стране, как Россия, любые проявления экстремизма автоматически становятся и сепаратистскими, объективно разрушающими единство страны и государства, поскольку вносят раскол в общество, который охватывает не только социальный, но и территориальный срез взаимоотношений.

Ни сейчас, ни в прошлом сибиряки никогда не разыгрывали «национальную карту» и не использовали в качестве идейной основы националистические мотивы — в отличие от многих реальных движений за независимость в разных странах мира. Например, идеологи сибирского областничества — движения за автономию Сибири в XIX—XX столетиях, — которому имперские и советские власти ставили в вину «сепаратизм», выступали в защиту не одной какой-нибудь национальной группы, а всего населения Сибири; интересов территории, а не нации. Вот как отзывался о мнимом сибирском «сепаратизме», пугавшем имперских чиновников и публицистов, известный русский писатель С.Я. Елпатьевский: *«Были глупые разговоры "Московских ведомостей" о сибирском сепаратизме, но областничество было уже всеобщим сознанием Сибири. И всегдашним требованием от центральной власти было признание этого областничества, своих специальных нужд и прежде всего — права самим устраивать свою жизнь… Трудно учесть пределы и характер будущей эволюции Сибири, но нужно думать, основные черты сибирского лица останутся те же…»*.[365]

Мнение С.Я. Елпатьевского фактически разделял Фритьоф Нансен — знаменитый норвежский полярный исследователь, ученый, политический и общественный деятель, — совершивший в 1913 г. большое путешествие по Сибири и весьма скептически оценивавший возможности реализации сибирского «сепаратизма». Он полагал, что сибиряки никогда не забудут того, что они *«русские»* и будут всегда противопоставлять себя *«азиатским народностям»*. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи, якобы, вытягивали лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический

В годы Советской власти в честь Потанина и Ядринцева названы две соседние улицы в центре г. Новосибирска — неофициальной, символической столицы Сибири.

[363] Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII — XXI веков. Материалы научно-теоретического семинара. / Отв. ред. Л.М. Дамешек. — Иркутск: Иркутский ун-т, 2003. — С. 5—21. — В онлайн-доступе: Краеведческий портал «Земля Томская» • URL: http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/ [2013-06-09].

[364] Пятиминутный путеводитель по... сибирскому сепаратизму // Esquire-Россия. — 2011. — Вып. 71 • URL: http://esquire.ru/5-min-siberia [2013-06-09].

[365] Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири // Русские очерки: в 3 т. / Ред. П.И. Кочурин; Сост.: В.О. Костелянц, П.А. Сидоров. — М.: Гослитиздат, 1956. — Т. 3.

и культурный уровень. По мнению Нансена, Сибирь представляла *«естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»*.[366]

Боязнь сепаратизма, в особенности мнимого, является характерной чертой имперской или колониальной политики, проводимой в хозяйственном или политическом отношении, что, в сущности, безразлично. И если федеральный центр сегодня на самом деле опасается сибирского «сепаратизма», значит поиск путей для выстраивания сбалансированных отношений с регионами на принципах федерализма, а не субординации «начальника» и «подчиненного», слишком затянулся, либо идет в неверном направлении. Стремление центра к победе над «призраком» сибирского «сепаратизма» в действительности равнозначно победе бюрократического подхода к управлению над идеями разумной региональной автономизации, которые поддерживались всеми серьезными общественно-политическими силами Сибири начиная с середины XIX века, т.е. со времен зарождения сибирского областничества.

Одной из характерных примет нашего времени является то, что в предвыборных платформах политических партий, участвовавших в последних думских выборах и прошедших в Государственную думу РФ шестого созыва, практически не нашлось места вопросам, связанным с развитием федеративных отношений, взаимоотношениями между центром и регионами, реализацией объективных интересов регионов. Только в программном обращении «Единой России» в самом общем виде отражена партийная позиция на этот счет: *«Мы предоставим российским регионам и муниципалитетам больше полномочий и финансовых ресурсов, но и ответственность власти на местах будет выше… Намерены всеми силами поддержать самостоятельность, добровольчество, самоорганизацию, социальную активность и ответственность общественных структур и бизнеса в региональной и муниципальной жизни»*.[367] В столь же лозунговом духе высказано отношение к вопросам федерализма и в программе «Единой России» на президентских выборах: *«Регионы должны иметь мощные стимулы для самостоятельного развития. Оставляя больше налогов в своем бюджете, они получат основу для роста экономики, новые возможности для улучшения жизни людей»*.[368]

В предвыборной программе Президента России В.В. Путина, которая была изложена в серии публикаций в СМИ в начале 2012 г., в первых строках тезисов *«О российском федерализме»* речь идет об успешном преодолении *«как открытого, так и латентного, "ползучего" сепаратизма, сращивания региональной власти с криминалом, националистическими группами»*, и лишь затем говорится о том, что *«… Центр должен уметь отдавать и перераспределять полномочия. И не только полномочия, но и источники финансирования местных и региональных бюджетов. Однако при этом нельзя потерять управляемость страной. Нельзя "разбрасываться" государственной силой»*. Т.е. все-таки — с весьма серьезной оговоркой, которая означает, что «управляемость страной» ассоциируется исключительно с функциями центра. Помимо этого невольно возникает вопрос, что имеется

---

[366] Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. / Авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. — Петроград: издание К.И. Ксидо, 1915. — Электронная копия — Библиотека Интернет-проекта «Электронная память Арктики» • URL: (http://www.emaproject.com/lib_about.html?id=pb00002353 [2013-06-09].

[367] Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России). — Официальный сайт партии • URL: http://er.ru/party/program/ [2013-06-09].

[368] Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). — Официальный сайт партии • URL: http://er.ru/party/presidential_election/ [2013-06-09].

в виду под «преодолением сепаратизма»? Искоренение проявлений сепаратизма и подавление сепаратистских политических сил и группировок? Если речь идет об этом, тогда, наверное, все так и есть. Но как быть с объективными противоречиями, существующими в федеративном государстве, которые при неадекватных способах разрешения создают и постоянно воспроизводят базу для возникновения и усиления сепаратистских настроений в разных регионах страны? Даже в Подмосковье, прямо «под боком» федеральных властей![369]

Политика центра в последние годы была скорее направлена на то, чтобы «загнать вглубь» эти противоречия, нежели на то, чтобы найти способы разрешения, обоюдовыгодные для федерации и регионов. В резюмирующем тезисе, который отражает фундаментальный взгляд на проблему утверждается, что *«… многовековой опыт совместного исторического творчества разных народов в одном, едином Российском государстве… со всей очевидностью говорит и о том, что стране необходим сильный, дееспособный, пользующийся уважением федеральный Центр — ключевой политический стабилизатор баланса межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношений. При этом наша историческая задача — в полной мере раскрыть потенциал российского федерализма, создать стимулы для деятельного, активного развития всех регионов страны»*.[370] Центр снова оказывается на первом месте, а регионы — на втором. К тому же наш «многовековой исторический опыт» в сущности и по форме является опытом имперского правления (что в Российской империи, что в СССР) с его специфическими методами и идеологией, основанной на «первичности» интересов центра как силы, олицетворяющей интересы и мощь всего государства, всей страны. Причем своей неуклюжей, а порою умышленной (по принципу «разделяй и властвуй») политикой имперский центр сам не единожды разжигал противоречия и конфликты в межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношениях. Насколько уместно такое позиционирование центра в условиях построения федеративного государства и системы федеративных отношений? Этот вопрос остается без ответа.

Едва ли не во всех современных политических программах и платформах гораздо больше внимания, чем проблеме федерализма, уделяется вопросам развития местного самоуправления, которое отнюдь не равнозначно самоуправлению регионов – субъектов Федерации. Крайне значимая по своей сути проблема местного или муниципального самоуправления существует практически во всех странах, совершенно независимо от их административно-территориального устройства. Россия в этом смысле не представляет исключения, и нам нужно активно развивать местное самоуправление, находящееся в почти запущенном состоянии. Но акцентировать внимание на этой проблеме на фоне проблем федерализма представляется не вполне правомерным, как будто современная Россия — это не федеративное государство, и в сфере федеративных отношений у нас нет никаких сложностей и противоречий. По большому счету, мы вряд ли сможем всерьез продвинуться в развитии местного самоуправления до тех пор, пока адекватным образом не решим проблемы в области федерализма.

---

[369] Жители Домодедово объявили о создании республики, хотят интегрироваться в Евросоюз // Газета.ру. — 1 окт. 2012 • URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/10/01/n_2551605.shtml [2013-06-09].
По словам одного из лидеров движения за автономию домодедовцев, инициатива создания Русской Демократической Республики продиктована тем, что жители Домодедово оказались *«в один миг гостями на собственной земле, где криминал, олигархи и коррумпированная власть установили свои преступные порядки, обложив местных жителей данью за проезд, пользование водой, взимая плату за сбор грибов и ягод в лесу, подвергая рейдерским захватам любую собственность в Домодедово»*.

[370] Демократия и качество государства. Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Коммерсантъ. — 6 фев. 2012 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1866753 [2013-06-09].

Среди политических программ, получивших широкую известность в ходе двух последних избирательных кампаний, попытки найти предметные (не на уровне общих слов) подходы к решению проблемы федеративных отношений просматриваются, пожалуй, только в программе М. Прохорова, который видит *«будущее России в планомерном отказе от пресловутой вертикали власти, в создании подлинно федеративного государства, субъекты федерации которого обладают широкими правами и сближают уровень своего экономического развития, сохраняя при этом историческое и культурное своеобразие»* и считает *«жизненно необходимым создание стимулирующей развитие регионов бюджетной системы и максимальное использование инициатив регионального бизнеса»*.[371] Такова общая формулировка программной идеи, которая раскрывается в ряде конкретных предложений и которая во многом перекликается с областническим взглядами на проблему автономии Сибири.

Но все же общий нынешний политический фон навевает чувство, что «кошмар» отделения Сибири от России не забыт и продолжает оставаться заметным фактором в политике взаимоотношений центра и сибирских регионов — словно столетие назад, когда имперский центр жил опасениями, что Сибирь, по примеру колоний западноевропейских стран, отделится и образует независимое государство. Между тем, как справедливо полагают современные историки, *«осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичной власти, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и всеобщего недовольства, на которой и произрастал сибирский сепаратизм. Но это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Сибири»*.[372] Не переросло во времена империи, не перерастет и сейчас при условии, если бюрократическая политика центра не будет играть роль фактора, провоцирующего «раздражение» и «всеобщее недовольство».

«Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» — когда-то предрекал Михайло Васильевич Ломоносов, имея в виду под Сибирью весь огромный край России, простирающийся к востоку от Урала до берегов Тихого океана.[373] Пророчество великого русского ученого по-настоящему начало сбываться лишь в XX веке, когда Сибирь подкрепила могущество страны Кузбассом и Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом, каскадами ГЭС на Енисее и Ангаре, алмазными копями Якутии, золотыми приисками Магадана, металлургическими комбинатами и машиностроительными заводами. Казалось, ничто не сможет помешать дальнейшему развитию этого процесса, но распад СССР и внутренние институционально-экономические трансформации, внешние кризисные воздействия стали серьезными факторами торможения, а в ряде случаев — отступления назад со «сдачей завоеванных рубежей». Поэтому Сибири сегодня требуются ***«новые смыслы»***, как сказано в одной из недавних публикаций в журнале «Эксперт Сибирь». Автор полностью солидарен с точкой зрения, что Сибири нужна новая идеология развития, в основе которой — *«многопрофильная и развитая местная экономика, современная инфраструктура и уверенные в своем будущем сибиряки»*. Нужны новая индустриализация и новая интеграция. Эта идеология должна опираться на иной формат отношений с центром, нежели сегодня. *«Будущее лежит под ногами, а не в Москве — важно перестать постоянно оглядываться на столицу и активнее искать точки роста у себя под носом…. Центру же*

---

[371] Михаил Прохоров: настоящее будущее. Программа кандидата в президенты. — Официальный сайт Михаила Прохорова • URL: http://mdp2012.ru/program/federation.html [2013-06-09].

[372] Ремнев А. Призрак сепаратизма // Родина. — 2000. — № 5. — Тема номера: Нужна ли России Сибирь? • URL: http://www.istrodina.com/rodina.php3?year=2000&num=05&sp=1) [2013-06-09].

[373] Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 6. — С. 498.

пора перестать относиться к Сибири как к некоему придатку, в котором сосредоточены природные ресурсы и гиганты индустрии. Сибирь в федеральной политике должна стать не объектом, а субъектом, который в рамках общих для всей страны задач самостоятельно определяет проекты и программы своего развития, вписывая их в глобальный контекст. Только так можно поддержать долгосрочный ресурс развития Сибири — активное и патриотичное население, способное сохранять и преображать территорию».[374]

Особое внимание должно быть обращено на развитии «горизонтальных» межрегиональных связей внутри Сибири, которую необходимо быстро и эффективно «связать» воедино. Материальная основа интеграции, или точнее говоря — реинтеграции, — должна быть создана путем модернизации всяческой транспортной инфраструктуры или даже возрождения некоторых ее составных частей, которые пришли в упадок в 1990-х — 2000-х годах, и реиндустриализации, восстановления промышленного потенциала в обновленном качестве, что просто немыслимо без тесной кооперации и рационального разделения труда между регионами. Организационно-экономическая предпосылка видится во взаимоувязке, координации стратегий и планов развития соседних регионов. К сожалению, сегодня региональные стратегии (по образу и подобию корпоративных) больше фокусируются на выявлении и использовании собственных конкурентных преимуществ тех или иных регионов, нежели на интеграционных аспектах развития. Конечно, межрегиональная конкуренция необходима и без нее не обойтись, но важно не «перегнуть палку» и не забывать, что кооперация регионов во многих случаях оказывается гораздо более продуктивной, чем взаимная конкуренция. Федеральный центр, как общенациональная координирующая сила, не уделяет должного внимания вопросам интеграции и межрегиональной кооперации в социально-экономическом развитии Сибири. Значит, должна активизироваться инициатива «снизу», благо что существуют Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», отметившая уже свое 20-летие, и Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, которые могут и обязаны взять на себя многие координирующие функции, заполнив существующие «пробелы».

Тогда всерьез можно будет говорить о практической реализации «новых смыслов» для Сибири, включая все ее нефтегазодобывающие территории. Последние же получат шанс избежать «жертвенной участи» в «шахматном поединке» между государством и крупным нефтегазовым бизнесом, который зашел в цугцванг, усиливающий стремление «игроков» к дальнейшим «жертвоприношениям». А какова при этом должна быть действительная роль федерального центра? Центр нашего государства не просто должен, но обязан сосредоточиться на решении задач по скорейшему и резкому усилению реинтеграции экономики Сибири и Дальнего Востока в национальную экономику России и тем самым — противостоять реальным угрозам дезинтеграции страны с печальной перспективой утраты восточных территорий, а не мнимой угрозе сибирского «сепаратизма».

Откуда исходит опасность?

Сегодня, как и 100 лет назад, главные опасности для России связаны с действием внешнеэкономического фактора — с пресловутой «желтой угрозой», ибо Китай активно внедряется в экономику восточных регионов нашей страны, руководствуясь собственными интересами и весьма умело их отстаивая. Даже если не брать в расчет приток китайских мигрантов, а только сопоставить тенденции экономического развития соседних регионов

[374] Козьмин А., Попов А. Нужны новые смыслы // Эксперт Сибирь. — 2011. — № 35 • URL: http://expert.ru/siberia/2011/35/ [2013-06-09].

по обе стороны границы, можно увидеть, что северо-восточная китайская провинция Хэйлунцзян легко обыгрывает все дальневосточные регионы России вместе взятые, имея 6-кратное превосходство в численности населения, почти 4-кратное — по годовой величине инвестиций и 2-кратное — по объему ВРП (при этом отставание российского Дальнего Востока от северо-восточного Китая нарастает, поскольку, например в 2009—2011 гг. темпы экономического роста провинция Хэйлунцзян составляли в среднем свыше 12% в год, а Дальневосточного ФО — менее 4%).[375] Мы же сегодня нередко сами себе создаем препятствия, поощряя китайский экономический рост, снижая относительную конкурентоспособность экономики и ухудшая условия жизни людей в собственных восточных регионах.

Один из примеров тому — развитие сотрудничества с Китаем в энергетической сфере. По долгосрочному контракту, заключенному между двумя странами, к 2036 г. Россия собирается поставлять в северо-восточные области Китая до 100 млрд кВт·ч электроэнергии. Как полагают эксперты, заключение долгосрочного контракта — это залог платежеспособного спроса на российскую электроэнергию на следующие 25 лет, который будет способствовать оживлению экономики Дальнего Востока (увеличится оборот ряда компаний, вырастут налоговые поступления в бюджет, будут сохранены и созданы квалифицированные рабочие места) и улучшению структуры регионального и российского экспорта, поскольку в отличие от сырьевых товаров электроэнергия представляет собой продукт с более высокой добавленной стоимостью.[376] Против этих аргументов трудно возразить. Но необходимо и более внимательно присмотреться к вероятным минусам «мега-проекта». Для его реализации потребуется построить дополнительные высоковольтные ЛЭП и новые генерирующие мощности (ТЭС и ГЭС) порядка 28 ГВт, что вдвое превышает современную установленную мощность всех электростанций Дальневосточного ФО и в 3 с лишним раза — мощность станций, находящихся в приграничных с Китаем регионах. Вполне очевидно, что столь масштабное энергетическое строительство сопряжено с серьезными экологическими рисками, которые нужно не только учитывать, но и как-то демпфировать. Что для этого будет сделано, пока не совсем ясно, а прошлый опыт сооружения крупных энергетических объектов, равно как и освоения сырьевого потенциала, на востоке страны не слишком обнадеживает.

Между тем сегодняшняя экологическая обстановка в восточных регионах России весьма далека от благополучия. Наибольшая нагрузка приходится на макрорегион Сибирского ФО, вклад которого в экономику страны составляет около 11%, а на каждую единицу этого вклада приходится 1,6% общероссийского объема сброса сточных вод, 2,9% — выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и более 5,6% отходов производства и потребления. По уровню экологической опасности производства Сибирский ФО является единственным среди макрорегионов страны, имеющим показатели выше среднероссийских по всем основным составляющим загрязнения окружающей среды. В этом анти-рейтинге Дальневосточный ФО делит 2—4 места с Северо-Западным и Уральским округами, но особо выделяется на их фоне по показателю образования отходов производства и потребления (2,3% загрязнений на 1% вклада в производство суммарного ВРП), что в значительной

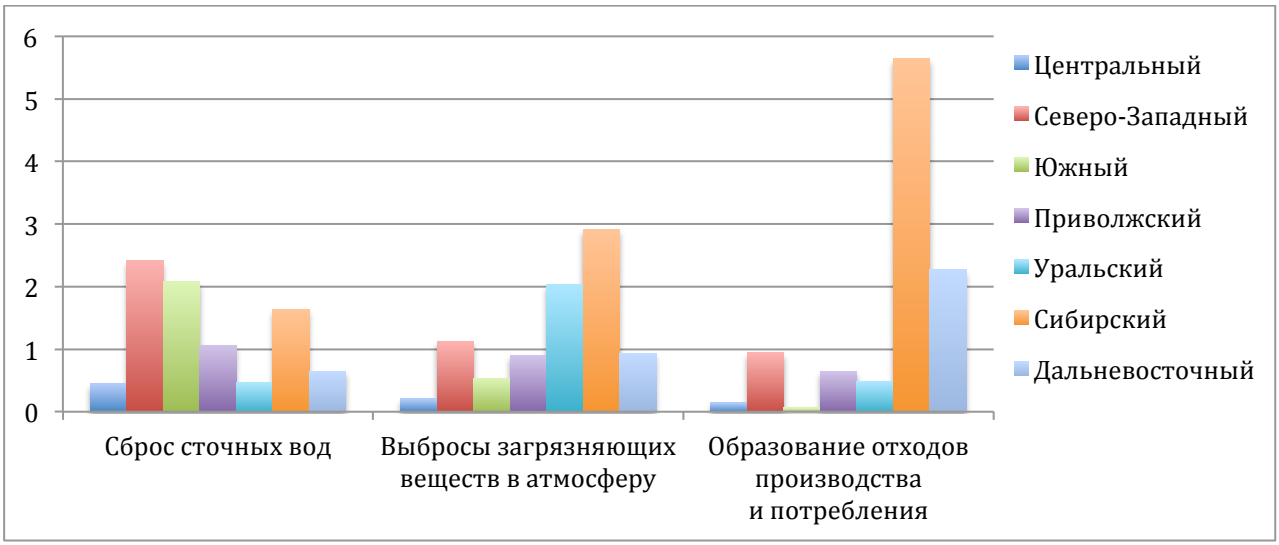
[375] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2011. / Стат. сб. — М.: Росстат, 2011 • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/.
National Bureau of Statistics of China • URL: http://www.stats.gov.cn/english/.
Heilongjiang province // HKTDC Research • URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/Fast-Facts/HEILONGJIANG-PROVINCE/ff/en/1/1X000000/1X06BWA2.htm [2013-06-09].
С пересчетом показателей через курсы ППС ВВП к доллару США на основе индикаторов Всемирного банка • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/.

[376] Экспорт электроэнергии в Китай: плюс или минус? — Finam.info. — 20 мар. 2012 • URL: http://finam.info/news/eksport-elektroenergii-v-kitay-plyus-ili-minus/ [2013-06-09].

степени связано с особенностями отраслевой структуры экономики восточных территорий, в которой почти ¼ приходится на добычу полезных ископаемых (рис. ДЕЗ-1). Т.е. в России имеет место не только серьезная межрегиональная дифференциация по показателям экономического развития, но и степени негативного воздействия на окружающую среду. В относительно проигрышном положении оказываются регионы Сибири и Дальнего Востока, что усиливает негативные демографические (в том числе, миграционные) процессы, ведет к сокращению численности населения и оттоку квалифицированных трудовых ресурсов.

Рисунок • ДЕЗ-1

Соотношение между удельным весом в объемах выбросов загрязняющих веществ и вкладом макрорегионов России в производство суммарного ВРП в 2008 г.

Забелина И.А., Клевакина Е.А. Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // ЭКО. — 2011. — № 9. — С. 158—166 • URL: http://ecotrends.ru/archive/618-edition-09?layout=blog [2013-06-09].

Возвращаясь к теме энергетического экспорта в Поднебесную, следует отметить, что у некоторых исследователей вызывает сомнение и его экономическая целесообразность из-за ценовых диспаритетов, поскольку китайским потребителям наша электроэнергия будет обходиться существенно дешевле, чем российским. [377] Тарифы на электроэнергию для населения в приграничных регионах российского Дальнего Востока в 2—3 раза выше, чем в Харбине. Цены на электроэнергию практически не связаны с реальной (индикативной) стоимостью 1 кВт·ч, которая, например, в Приморском крае оценивалась в 2008 г. в 0,38 руб. (а тариф для населения составлял во Владивостоке 1,12 руб.), и фактически содержат в себе «дополнительный налог за проживание в данной местности».[378]

В настоящее время поставки электроэнергии в Китай еще сравнительно невелики — в 2011 г. они составили примерно 1,2 млрд кВт·ч, в прошедшем году объемы поставляемой

[377] Губенко А.В., Татценко К.В. Перспективы экономического взаимодействия Дальнего Востока России и северо-востока Китая в области электроэнергетики // Наука и управление. — 2009. — № 8 • URL: http://emj.spbume.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=64&Itemid=35 [2013-06-09].

[378] Татценко К.В. К анализу перспектив экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в области электроэнергетики // Разд. 2.3 в кн.: Экологические риски российско-китайского трансграничного сотрудничества: от «коричневых» планов к «зеленой» стратегии. Исследование Программы по экологизации рынков и инвестиций WWF / Под ред. Е. Симонова, Е. Шварца и Л. Прогуновой. — Москва—Владивосток—Харбин: WWF, 2010 • URL: http://www.wwf.ru/resources/publ/book/440 [2013-06-09].

энергии более чем удвоились и достигли 2,6 млрд кВт·ч[379], поэтому экологические риски пока отходят на второй план, а экономическая составляющая проблемы не может не беспокоить. В 2011 г. Восточная энергетическая компания (входит в состав ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»), осуществляющая экспортные поставки электроэнергии на востоке страны, выручила от продаж в Китай более 1,5 млрд руб. при средней цене 1000 кВт·ч в 1200 руб. или примерно 42 долл. США.[380] Указанный отпускной тариф в 1,4 раза ниже, чем средние экспортные цены на электроэнергию, поставляемую в страны дальнего зарубежья — 59 долл./1000 кВт·ч. [381] Однако тарифы оптового рынка в северо-восточном Китае составляли 49 долл. США/1000 кВт·ч, что задавало верхнюю границу для цен на российскую электроэнергию — если бы она стоила дороже, то Китаю просто было бы невыгодно ее покупать. На этом уровне была установлена средняя цена по новому контракту на 2012 г., а в дальнейшем цена будет рассчитываться по формуле, учитывающей рост тарифов оптового рынка в провинции Хэйлунцзян.

С точки зрения формальной коммерческой логики экспортная цена российской электроэнергии близка к справедливой, но эта логика не учитывает, к примеру, тот факт, что сельскохозяйственным предприятиям Амурской области (региона-транзитера) в 2011 г. электроэнергия в среднем обходилась вчетверо дороже — в 4,26 руб./кВт·ч. [382] Для промышленных же потребителей установленные тарифы превышали «китайский» уровень в 1,2—1,7 раза. [383] Понятно, что внутренние тарифы включают издержки на передачу и распределение энергии, на компенсацию потерь в сетях — и кто-то должен эти издержки оплачивать. В равной степени понятно, что мы не можем повлиять на китайский «социалистический» рынок с его стимулирующими тарифами на энергию. Значит нужно воздействовать на свой рынок, устанавливая сбалансированные конкурентные тарифы — даже если это будет равнозначно субсидированию за счет доходов от экспорта.

В конце концов, что для нас важнее: конкурентоспособность и динамика развития всей экономики Дальнего Востока или доходность энергетических компаний? Если эта доходность недостаточно высока, следовательно государство должно взять на себя финансовую ответственность в вопросах тарифной политики. Иначе все разговоры об ускорении экономического роста дальневосточных регионов останутся пустым звуком — и экспорт электроэнергии не поможет. В конечном же счете может оказаться несостоятельным весь курс на ускоренный социально-экономический рост Дальнего Востока и Забайкалья по программе, основные задачи которой, в частности, ассоциируются с развитием инфраструктуры в зоне добычи полезных ископаемых и созданием условий для развития экономической специализации субъектов Российской Федерации на основе природно-ресурсного и индустриального потенциала.[384]

---

[379] В 2012 году Восточная энергетическая компания в два раза увеличила объем поставок электроэнергии на экспорт // Новости ОАО «ВЭК». — 25 фев. 2013 • URL: http://www.eastern-ec.ru/news/302/ [2013-06-09].

[380] По данным корпоративной отчетности Восточной энергетической компании / ОАО «ВЭК» • URL: http://www.eastern-ec.ru/ru/about_company/rakrytie-information/annual-reports/ [2013-06-09].

[381] По данным статистики внешней торговли по товарам Федеральной таможенной службы • URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978.

[382] Средние цены и индексы цен на промышленные товары, приобретенные сельскохозяйственными организациями. — Амурстат • URL: http://amurstat.gks.ru/.

[383] Согласно приказу Управления государственного регулирования цен и тарифов Амурской области об установлении тарифов на электрическую энергию (мощность) на 2011 г. • URL: http://www.tarifamur.ru/orders/electro-2011-5.html [2013-06-09].

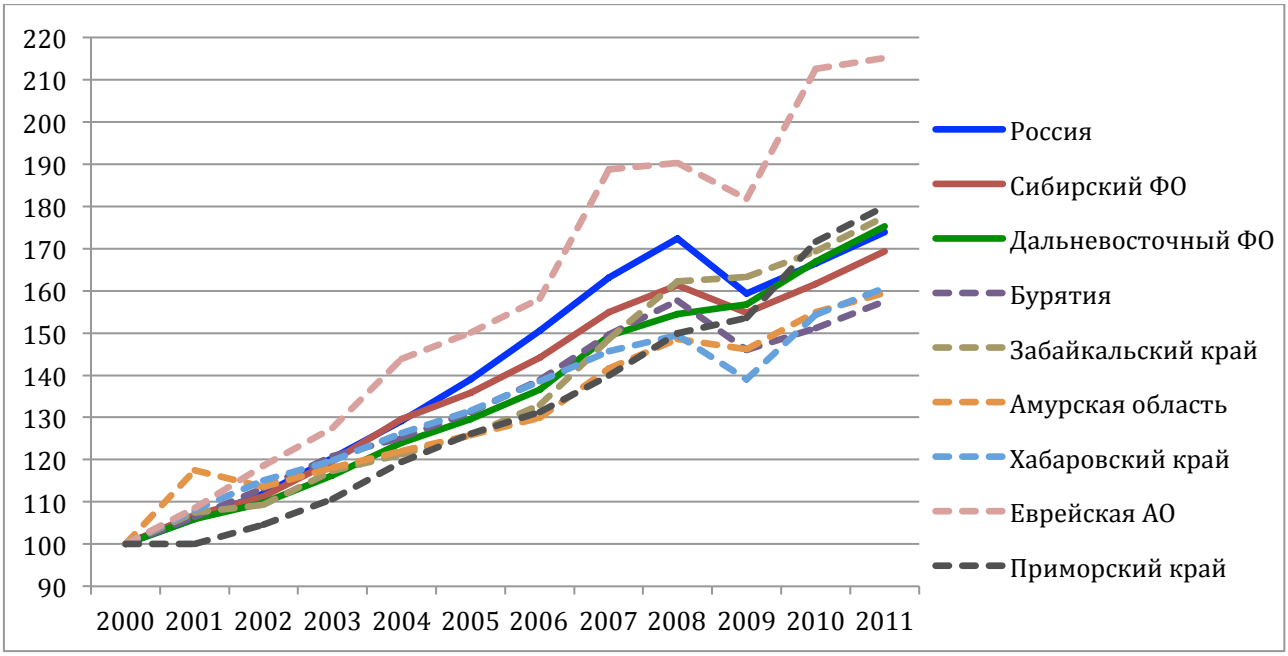
[384] О проекте федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». — Информационные материалы Минэкономразвития РФ. — 4 фев. 2013 • URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/deposobeczone/doc20130204_014 [2013-06-09].

Сила дракона — в слабости богатыря

В минувшее десятилетие в крупных регионах, граничащих с Китаем или находящихся в транспортной доступности от границы, экономический рост был, как правило, ниже, чем в среднем по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам и, тем более по России. Особенно ярко указанная тенденция просматривалась в докризисный период времени (рис. ДЕЗ-2). В 2008—2010 гг. некоторое ускорение в развитии ряда регионов произошло не столько за счет качественного изменения внутренних факторов роста, сколько благодаря стечению обстоятельств. Так, экономика Приморского края резко подросла в связи с подготовкой к саммиту АТЭС, которая была сопряжена с выполнением больших объемов строительных работ. В Забайкальском крае завершился долгострой, тянувшийся с 1970 г. (!), и был пущен в эксплуатацию горно-обогатительный комплекс ОАО «Новоширокинский рудник» (основной акционер ООО «Русдрагмет») по добыче и обогащению золотополиметаллических руд.[385] При этом сказывается так называемый эффект «начальной базы», когда из-за низкого стартового уровня развития экономики реализация любого более или менее крупного проекта вызывает резкий рост показателей.

Рисунок • ДЕЗ-2

Динамика роста ВРП приграничных восточных регионов в сравнении со средними показателями по федеральным округам и России, % (2000 = 100)

По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.
Оценки роста за 2011 г. — по данным Росстата и органов власти регионов – субъектов Федерации.

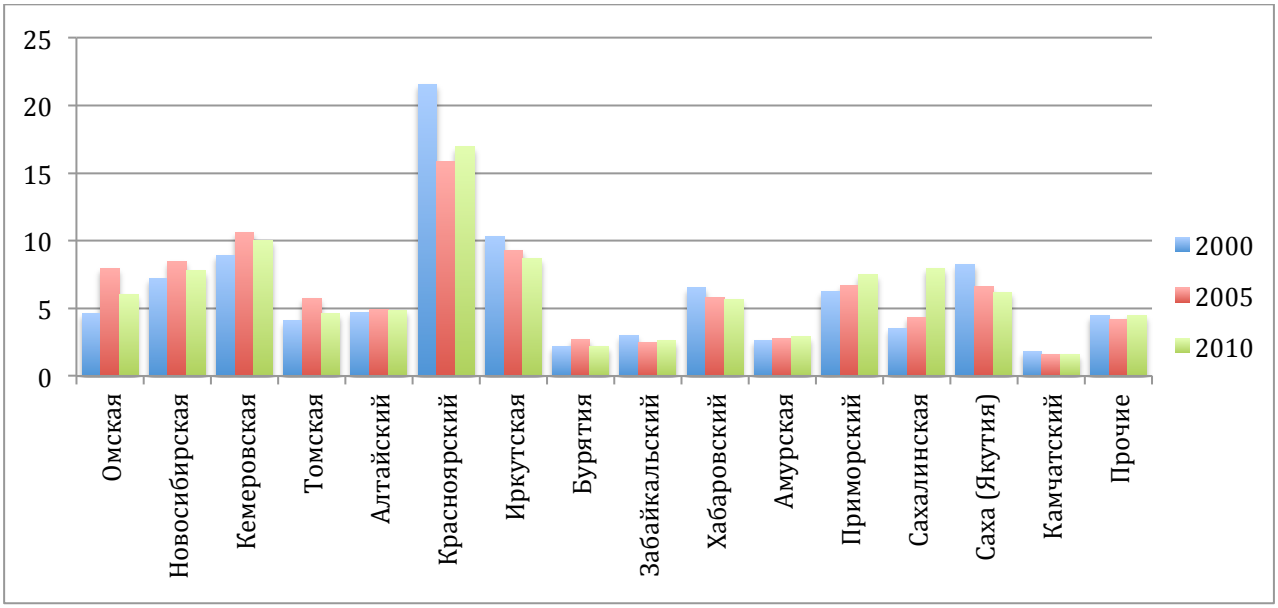
Если верить статистике, то бурно развивающаяся китайская экономика не оказывает заметного положительного влияния на российские восточные регионы. Как отмечают исследователи, занимающиеся проблемами социально-экономического развития Сибири и трансграничного сотрудничества с Китаем, причины этого хорошо известны: *«ресурсная ориентация региональных экономик, их незначительная диверсифицированность, невысокая степень переработки природных ресурсов, практическое отсутствие значимых инновационных проектов»*. А кроме того имеет место *«экологический диспаритет вследствие сырьевого характера российского экспорта в КНР»*, что позволяет определить его как *«колониальный»*. А в целом можно сделать вывод, что перспективы приграничного

[385] Новоширокинский рудник, ОАО // Энциклопедия Забайкалья • URL: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4429 [2013-06-09].

положения и сотрудничества с Китаем далеко не однозначны.[386] Еще один вывод заключается в том, что факторы, определяющие развитие восточных регионов — в частности, сырьевая ориентация экономики (за исключением добычи нефти и газа) — способствуют отставанию в развитии.[387] Соответственно, регионы, в своем росте более ориентированные на перерабатывающие производства, оказываются впереди. Так, за минувшее десятилетие удельные веса практически всех регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока в суммарном ВРП двух федеральных округов снизился. Исключение составляют лишь Приморский край (в силу уже названных выше обстоятельств политического свойства) и нефтегазовый Сахалин, экономика которого в рассматриваемый период выросла почти в 3 раза). В 2001—2005 гг. особенно сдал свои позиции Красноярский край, и лишь в последние годы экономический рост в регионе ускорился благодаря началу промышленного освоения крупных месторождений углеводородного сырья (рис. ДЕЗ-3).

Рисунок • ДЕЗ-3

Изменение удельного веса регионов в суммарном ВРП Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в 2000—2010 гг., %

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Обращает на себя внимание специфическая структура экономики и занятости в восточных регионах страны в целом, и особенно — в приграничных. Для структуры ВРП Дальневосточного ФО округа характерны крайне низкая доля обрабатывающих производств (в 3 раза ниже, чем в среднем по России) и повышенный удельный вес таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых, строительство, транспорт и связь, государственное управление. Наиболее высок удельный двух последних видов деятельности в экономике приграничных регионов (включая и территории Восточной Сибири — Бурятию и Забайкальский край) — примерно вдвое выше среднероссийского уровня (табл. ДЕЗ-1).

[386] Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. — 2011. — № 1. — С. 19—35 • URL: http://ecotrends.ru/archive/626-edition-01?layout=blog [2013-06-09].

[387] Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Межрегиональное неравенство в России и перспективы развития восточных регионов // Труды ИСА РАН. — 2010. — Т. 54. — С. 73—90 • URL: http://www.isa.ru/proceedings/ [2013-06-11].

В такой структуре добавленной стоимости отчетливо просматривается влияние трех факторов: во-первых, общего относительно низкого уровня экономического развития; во-вторых, ресурсно-сырьевой направленности в развитии экономики; в-третьих, периферийного географического положения на карте страны вдоль главной транспортной магистрали, связующей Дальний Восток с европейской частью России. Для сравнения, в Новосибирской области, где находится административный центр Сибирского ФО и крупнейший за Уралом транспортный узел международного значения, удельные веса транспорта и государственного управления в структуре ВРП близки к среднероссийскому уровню.

Таблица • ДЕЗ-1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2010 г., %

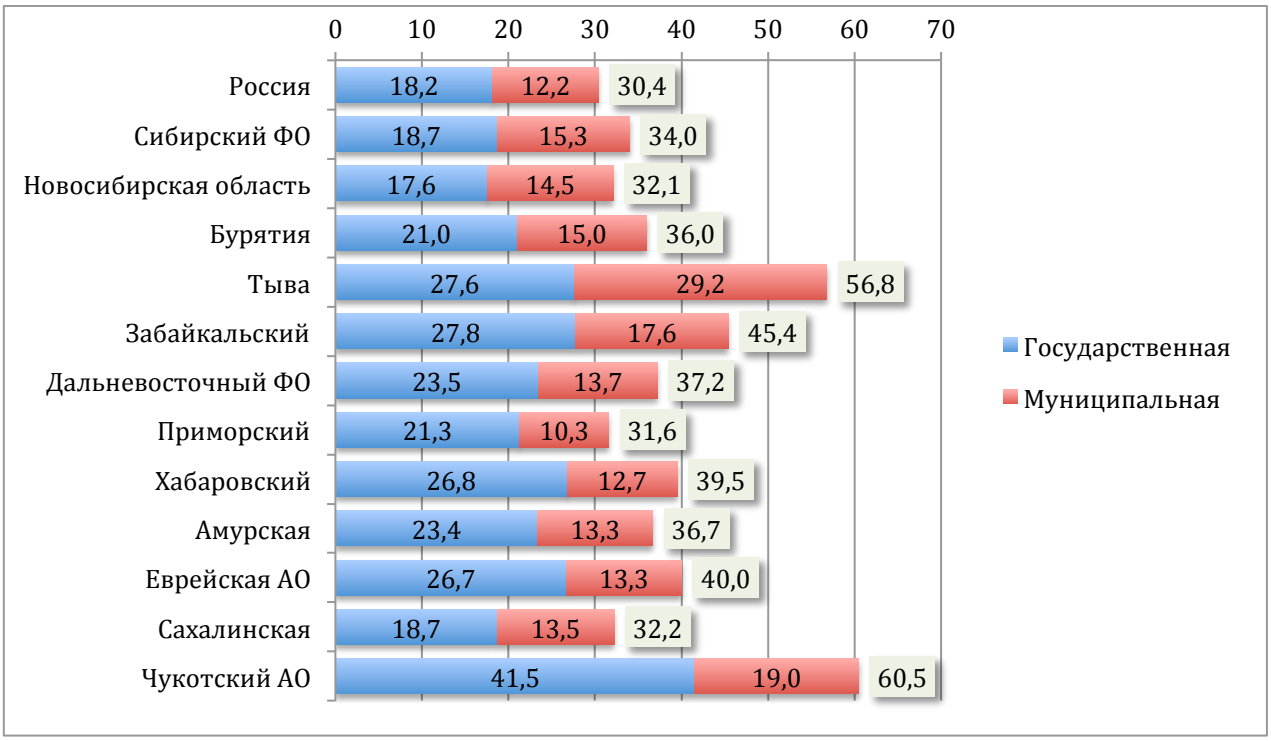
	Сумма субъектов РФ	**Сибирский ФО**	Новосибирская	Тыва	Бурятия	Забайкальский	**Дальневосточный ФО**	Амурская	Еврейская АО	Хабаровский	Приморский	Сахалинская
Сельское и лесное хозяйство	4,2	6,4	6,0	6,5	8,9	5,5	3,7	6,4	12,3	6,1	4,0	1,1
Добыча полезных ископаемых	10,5	13,6	2,5	7,0	4,8	13,2	24,8	10,2	0,3	4,4	1,1	58,9
Обрабатывающие производства	17,7	22,0	16,3	3,0	13,6	4,1	5,6	3,5	4,8	8,9	8,1	4,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,5	4,7	5,0	2,9	4,4	4,0	4,2	6,4	5,2	4,5	4,4	1,2
Строительство	6,9	5,6	4,3	5,9	5,7	4,4	12,2	17,9	22,2	13,9	17,2	8,4
Оптовая и розничная торговля	19,4	11,9	18,4	13,1	12,4	14,5	10,2	9,8	8,7	14,0	15,5	4,9
Транспорт и связь	10,5	12,2	13,8	7,1	21,7	21,6	13,4	22,6	17,1	16,5	21,9	4,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	11,2	7,5	15,8	5,8	4,3	5,5	6,1	4,4	3,4	9,9	6,6	5,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное соц. страхование	5,0	6,0	5,1	21,7	10,1	12,0	7,4	8,4	12,4	9,0	7,6	3,5
Образование и здравоохранение	6,9	8,0	9,9	24,2	10,7	12,4	7,7	8,5	10,9	9,2	7,0	4,2
Прочие виды деятельности	3,2	2,1	2,9	2,8	3,4	2,8	4,7	1,9	2,7	3,6	6,6	3,4
ВРП — всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Общий низкий уровень экономического развития и периферийное (приграничное) географическое положение восточных регионов страны обусловливают специфическую структуру занятости населения в разрезе форм собственности — относительно высокий удельный вес работающих в государственном и муниципальном секторах (в особенности — в государственном). При этом прослеживается закономерность: чем ниже уровень экономического развития, тем выше доля государственного и муниципального секторов в обеспечении занятости населения, что хорошо видно на примере Тывы и Чукотского АО, где удельный вес государственно-муниципальной занятости вдвое превышает среднероссийский уровень (рис. ДЕЗ-4).

Рисунок • ДЕЗ-4

Удельный вес занятых на предприятиях и в организациях с муниципальной и государственной формой собственности в среднегодовой численности занятых в 2010 г., %

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Современные проблемы экономического развития Дальневосточного ФО (равно как и забайкальских регионов Сибирского ФО) связаны с отставанием в развитии обрабатывающих отраслей, большой зависимостью от хозяйственных связей с другими регионами страны и от импорта, с недостаточным развитием инфраструктуры, особенно транспортной и социальной. Продукция местных предприятий легкой, пищевой, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и других производств неконкурентоспособна по сравнению с импортируемыми, особенно из Китая, товарами.[388] Низкая конкурентоспособность ведет к сокращению объемов производства и прибыльности обрабатывающей промышленности, что в итоге подрывает финансовую базу дальнейшего развития. В качестве примера можно рассмотреть непростую ситуацию, сложившуюся в обрабатывающей промышленности Забайкальского края, которая, в сущности, так и не вышла из кризиса — начавшийся в 2008 г. спад производства продолжался вплоть до минувшего года, а объем выпуска продукции в 2012 г. составил менее 61% от уровня докризисного 2007 г.[389] При этом ни одной из отраслей обрабатывающего сектора не удалось приблизиться к докризисным показателям производства, а динамика финансовых показателей просто удручает — сальдированный доход предприятий по сравнению с 2007 г. сократился почти в 3 раза (в ценах текущих лет); хуже всего выглядят машиностроение и деревообрабатывающая промышленность (табл. ДЕЗ-2).

[388] Аносов А.В. Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа Российской Федерации: проблемы региональной дифференциации и стратегия сбалансированного роста / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. — СПб: Институт проблем региональной экономики РАН, 2010. — Электронная копия на сайте ВАК • URL: http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=7441 [2013-06-11].

[389] По данным Росстата / ЭМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Таблица • ДЕЗ-2

Основные показатели обрабатывающих производств Забайкальского края в 2007—2011 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2011 в % к 2007
Индекс производства обрабатывающих производств, в % к предыдущему году	103,3	89,6	71,7	99,4	94,8	60,5
Производство машин и оборудования	115,3	72,8	41,3	137,0	95,2	39,2
Обработка древесины и производство изделий из дерева	111,1	91,6	53,2	106,1	112,7	58,3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	123,1	116,8	22,3	104,1	131,7	35,7
Производство пищевых продуктов, включая напитки	102,5	72,4	86,2	99,4	85,5	53,0
Издательская и полиграфическая деятельность	118,9	119,1	95,5	94,9	74,9	80,8
Производство мебели	94,6	90,1	48,7	86,3	87,5	33,1
Сальдированный финансовый результат организаций (прибыль минус убыток), млн руб.	267,3	184,1	135,4	134,5	101,2	37,9
Производство машин и оборудования	42,8	-21,5	18,1	-71,5	-15,9	x
Обработка древесины и производство изделий из дерева	-11,5	-4,6	1,3	-62,1	-152,4	x
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	90,0	126,4	-35,5	30,6	70,2	78,0
Производство пищевых продуктов, включая напитки	142,0	91,5	103,7	72,3	61,6	43,4
Удельный вес убыточных организаций, %	30,6	39,9	41,0	31,8	36,2	x
Сумма убытка, млн руб.	64,5	214,8	110,1	192,5	215,8	334,6
Удельный вес прибыльных организаций, %	69,4	60,1	59,0	68,2	63,8	x
Сумма прибыли, млн руб.	331,9	398,9	245,5	327,0	317,0	95,5
Объем инвестиций в основной капитал в фактически действовавших ценах, млн руб.	213,6	352,6	157,6	119,7	383,2	179,4
Среднегодовая численность занятых, чел.	14405	13603	14069	14880	14623	101,5

Обзор основных показателей развития обрабатывающих производств Забайкальского края и производства пищевых продуктов, включая напитки за 2007—2011 годы / Минэкономразвития Забайкальского края. Мониторинг социально-экономического положения. — Чита, 2012 • URL: http://минэконом.забайкальскийкрай.рф/monitoring_socialno_ekonomicheskogo_polojeniya_.html [2013-06-11].

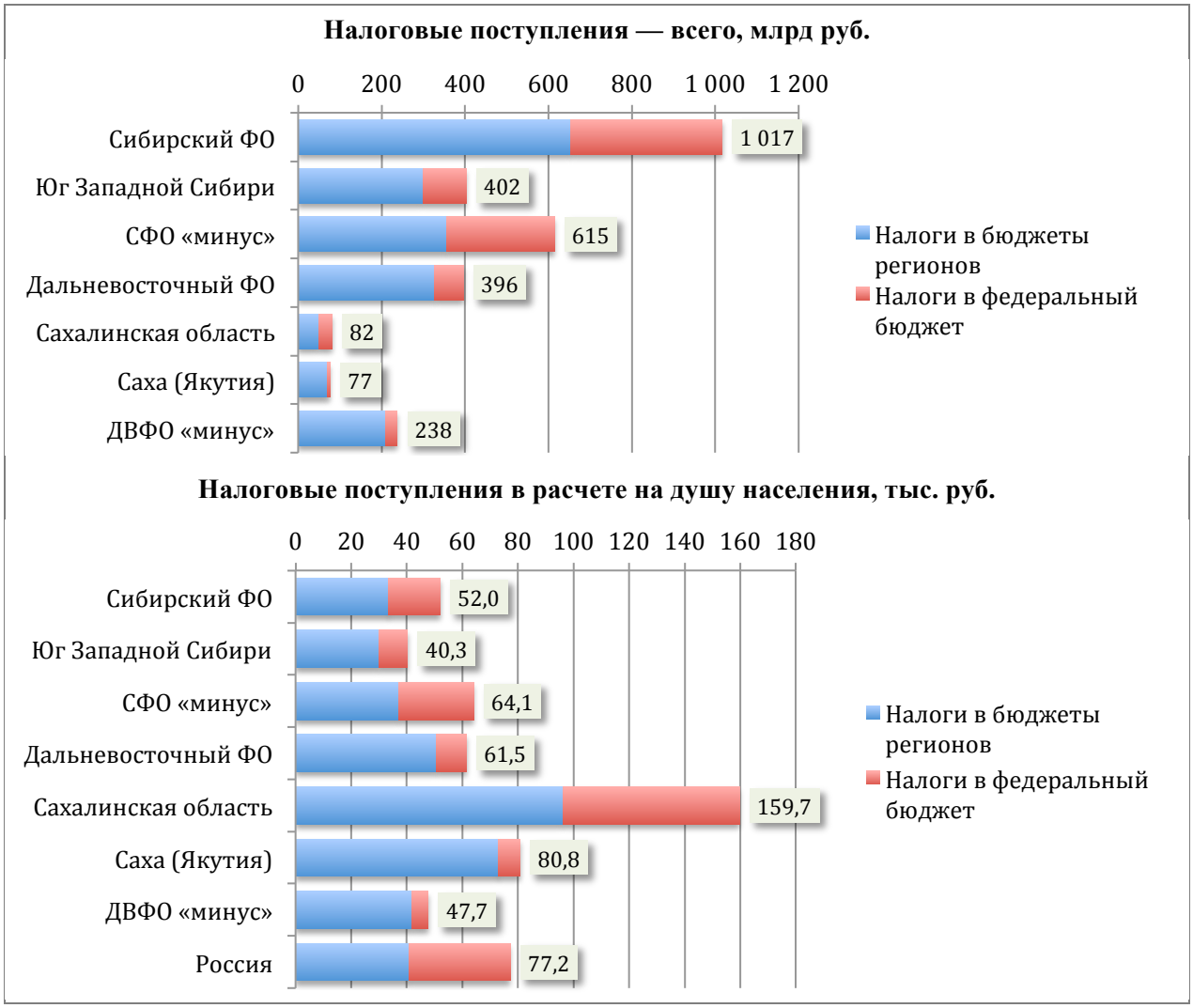
Сегодня для обрабатывающей промышленности Забайкальского края достижением является создание сборочного производства малотоннажных грузовиков из китайских машкомплектов на ОАО «88 ЦАРЗ», с доведением выпуска до 60 тыс. шт. в год к 2015 г. Численность работающих на предприятии должна составить 125 человек. Успешная реализация этого проекта стоимостью в 1 млрд руб. станет *«весомым вкладом в исполнение программы "Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года" и ее конечной цели — обеспечение формирования устойчивой экономики Забайкальского края»*, как сказано в инвестиционном предложении.[390]

[390] Освоение сборочного производства по выпуску грузовых автомобилей повышенной грузоподъемности на базе ОАО «88 ЦАРЗ» п. Песчанка / Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края. Инвестиционные предложения. — Чита, 2012 • URL: http://минмсвэст.забайкальскийкрай.рф/international_cooperation/Investment_offers.html [2013-06-11].

Отставание в экономическом развитии предопределяет нынешние непростые финансовые проблемы восточных регионов страны — низкую налоговую отдачу и зависимость от федерального центра в формировании бюджетов. Общее поступление налогов и сборов, администрируемых ФНС России, в бюджетную систему от Дальневосточного ФО в 2012 г. было в 2,6 раза меньше, чем от Сибирского: для сравнения в 2011 г. разрыв был 2,4 кратным, а в 2009 г. — менее чем 2-кратным (рис. ДЕЗ-5).

Рисунок • ДЕЗ-5

Поступления налогов и сборов, администрируемых Федеральной налоговой службой, в бюджетную систему РФ в 2012 г.

Примечания:
Юг Западной Сибири — Омская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край;
СФО «минус» — Сибирский ФО без четырех южных регионов;
ДВФО «минус» — Дальневосточный ФО без Сахалинской области и Республика Саха (Якутия).

Источник: ФНС России / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

При этом четыре региона, расположенных на юге Западной Сибири (Омская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край) и в своем «альянсе» имеющих многопрофильную и достаточно сбалансированную экономику, дают налогов и сборов больше, чем весь Дальневосточный округ (402 против 396 млрд руб. по данным за 2012 г.). Регионы Сибирского федерального округа, отличающиеся в основном ресурсным направлением развития экономики (СФО «минус») характеризуются налоговой отдачей,

в 1,6 раза превышающей аналогичный показатель Дальневосточного округа в целом. Внутри же Дальневосточного ФО имеет место резкая дифференциация территорий по объемам налоговых поступлений — выделяются Сахалинская область и Якутия, которые вместе дают свыше 158 млрд руб., или почти 40% от всей суммы налогов и сборов по округу. Наиболее ярко указанная дифференциация проявляется при сравнении показателей налоговой отдачи в расчете на душу населения. На Сахалине она в 2,6 раза выше, чем в среднем по Дальневосточному ФО, а в Якутии — в 1,3 раза выше. Следует особо отметить, что оба восточных федеральных округа страны не дотягивают до среднероссийского уровня налоговой отдачи на душу населения, а из отдельно взятых регионов только 5 (из 21-го) имеют уровень выше среднероссийского: Сахалинская и Магаданская области, Якутия (на Дальнем Востоке); Томская область и Красноярский край — в Сибирском ФО. Для Дальневосточного ФО в целом и всех его регионов (кроме Сахалинской области) характерен очень малый вклад в федеральную казну. Доля налоговых платежей в федеральный бюджет в общей сумме при расчете на душу населения оказывается немногим более 17% по округу в среднем, а без учета нефтегазовой Сахалинской области — всего 12%. Для Сибирского ФО этот показатель в среднем составляет 36%, для южных регионов Западной Сибири — 26%, для группы регионов СФО «минус» — более 42%. Для сравнения, в среднем по все регионам России доля федерального бюджета в сумме налоговых платежей в 2012 г. находилась на уровне свыше 47%.

Таким образом, общая налоговая специфика восточных макрорегионов страны связана с незначительными (по российским меркам) объемами производства «высоколиквидных» сырьевых товаров (нефти и газа). Особенностью регионов Дальнего Востока является крайне низкий удельный вес федеральных налогов из-за преобладания зарплатной составляющей в доходах и низкого удельного веса чистых налогов в структуре добавленной стоимости, соответственно, значительно меньшей, чем в Сибирском ФО, долей налогов на товары и услуги в структуре собираемых платежей — 9,2 против 25,4% (в среднем по России — 24,4%). В абсолютном выражении суммы федеральных налогов на товары и услуги в Сибирском и Дальневосточных округах в 2012 г. различались почти на 221,7 млрд руб.[391] «Недобор» акцизов и НДС в восточных регионах объясняется сравнительно низким уровнем жизни и покупательной способностью населения, а еще тем, что заработанные дальневосточниками доходы, словно перелетные птицы, в большой своей массе «улетают» в другие регионы страны и за границу, прежде всего — в Китай.

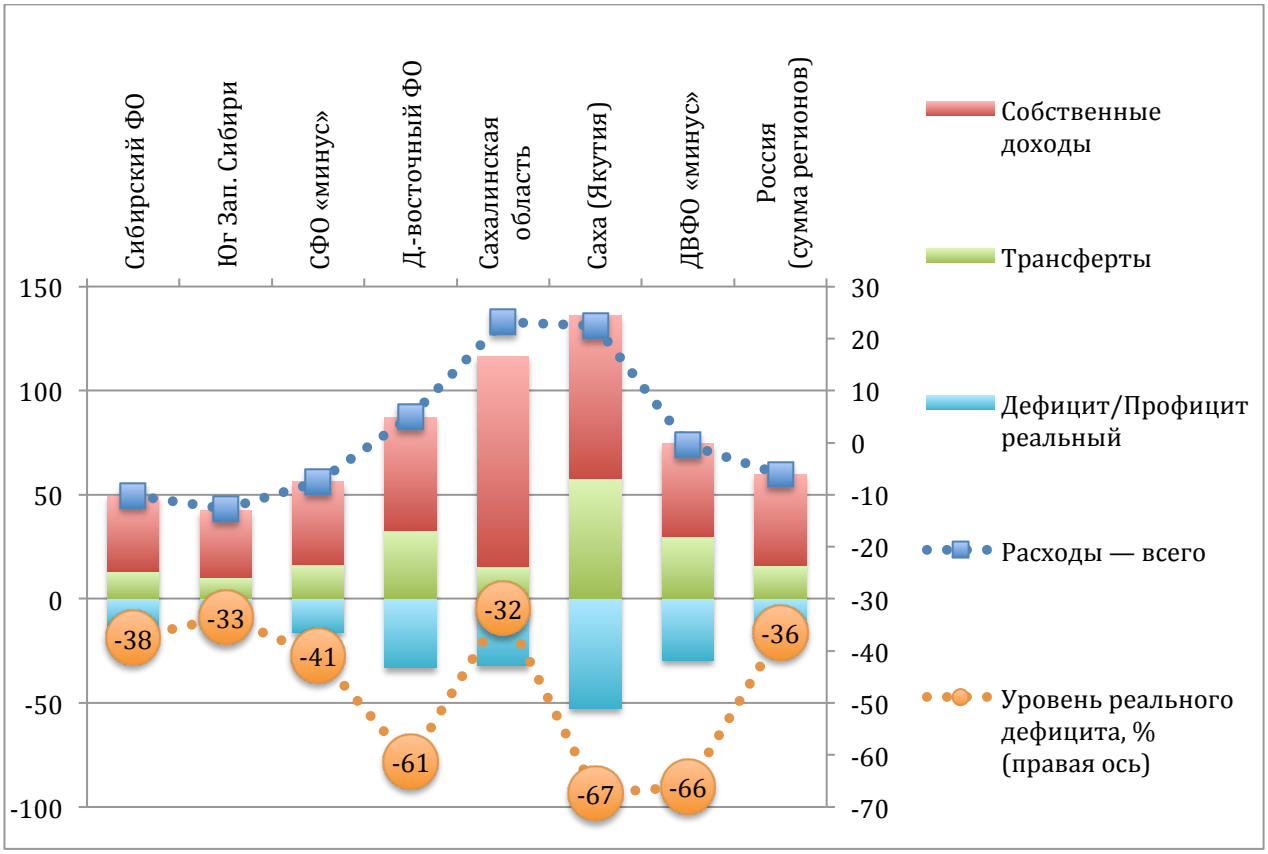
Что касается формирования бюджетов, то вполне очевидна сильная зависимость дальневосточных регионов от федерального бюджета. Если в 2011 г. среднем по России федеральные трансферты в доходах региональных бюджетов составляли 16 тыс. руб. на душу населения (в Сибирском ФО — 13,5 тыс. руб.), то субсидирование со стороны центра в доходах регионов Дальнего Востока достигло в среднем 33,2 тыс. руб. (почти 38% от общей суммы доходов). Среди всех регионов Сибири и Дальнего Востока самые малые размеры федерального субсидирования имели место по группе из четырех субъектов Федерации на юге Западной Сибири — менее 11 тыс. руб. на одного жителя. Чем дальше на восток и северо-восток, тем все более значимой становится величина федеральной поддержки бюджетов. Уровень реального дефицита региональных бюджетов в Дальневосточном макрорегионе составлял в 2011 г. свыше 61%, тогда как в среднем по всем российским регионам и в Сибирском ФО — примерно 36—38% (рис. ДЕЗ-6). Среди всех дальневосточных субъектов Федерации только Сахалинская область теоретически может быть самодостаточной в формировании собственного бюджета (если бы не резкое увеличение расходов в 2010—2011 гг.). Так уж устроена российская бюджетно-налоговая система: для того, чтобы регион располагал достаточной финансовой базой для формирования бездефицитного самодостаточного бюджета, на его территории должно

[391] ФНС России / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

добываться порядка 70—100 т углеводородов в нефтяном эквиваленте на душу населения. Таких регионов у нас в стране — всего пять, включая Ненецкий, Ямало-ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Сахалинскую область и... Москву.

Рисунок • ДЕЗ-6

Доходы, расходы и реальный дефицит консолидированных бюджетов субъектов Федерации в расчете на душу населения в 2011 г., тыс. руб.

Примечание: реальный дефицит бюджетов рассчитан без учета поступлений трансфертов из федерального бюджета.

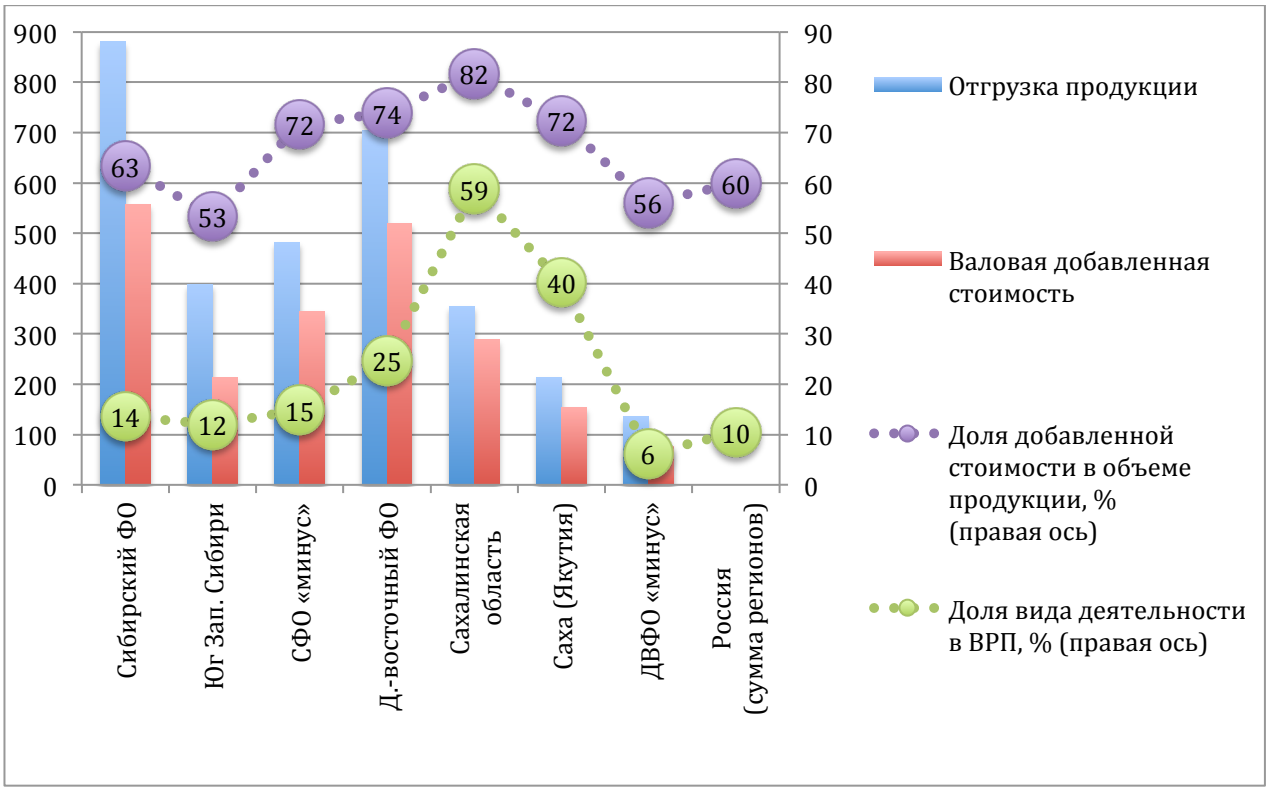
Источник: Федеральное казначейство — отчеты об исполнении консолидированного бюджета и внебюджетных фондов • URL: http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/; бюджетов субъектов Федерации • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

Фундаментальная уязвимость экономического положения восточных регионов России во многом обусловлена недостаточным развитием обрабатывающих и высокотехнологичных производств. Но как бы печально не обстояли дела с обрабатывающими производствами, функционирование минерально-сырьевого сектора тоже нельзя назвать полноценным. Ресурсно-сырьевая направленность в развитии регионов, расположенных к востоку от Байкала сегодня является, скорее, приоритетом на будущее, нежели свершившимся фактом. Уникальный ресурсный потенциал (практически вся таблица Менделеева), спрятанный в недрах восточных территорий, в настоящее время по большей части остается еще не тронутым или осваивается недостаточно эффективно. В Дальневосточном округе 81% производства продукции и 85% валовой добавленной стоимости горно-добывающей промышленности приходится всего на два субъекта Федерации — Сахалинскую область и Республику Саха (Якутия). Без этих регионов удельный вес добывающего сектора в структуре ВРП макрорегиона составляет всего 6,2%, что ниже чем в среднем по России. Без «нефтегазового Сахалина» и «алмазной Якутии» доля добавленной стоимости

в продукции добывающих производств снижается на 18 процентных пунктов — с 74 до 56%, что также заметно ниже среднероссийского уровня и лишь немногим выше, чем на юге Западной Сибири, где основным видом добываемых полезных ископаемых является каменный уголь (рис. ДЕЗ-7).

Рисунок • ДЕЗ-7

Отгрузка продукции и валовая добавленная стоимость по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2010 г., млрд руб.

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Т.е. горно-рудная промышленность на востоке России не столь уж сильно развита и характеризуется существенно меньшей доходностью по сравнению с нефтегазовым сектором. Похожая картина наблюдается и в приграничных регионах Восточной Сибири: в Бурятии вклад горно-добывающей промышленности в ВРП в 2010 г. составил всего 4,8%, а в Забайкальском крае — 13,2% (табл. ДЕЗ-1). Для серьезного продвижения практически всех восточных территорий России по пути ресурсного развития необходимо приложить немалые усилия, чтобы «конвертировать» природный потенциал недр в реальный фактор социально-экономического роста.

Программа сотрудничества бессильна против оппортунизма

Превратить имеющийся ресурсно-сырьевой потенциал в действительный мощный фактор регионального развития предполагается в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-восточного Китая на 2009—2018 гг., которая была одобрена главами наших государств осенью 2009 г. Программа содержит 205 ключевых совместных проектов в приграничных регионах двух

стран. По сути дела, как отмечет газета «Ведомости», Россия предоставит сырьевую базу Дальнего Востока и Восточной Сибири китайцам. Соглашение о сотрудничестве до 2018 г. предполагает совместную разработку российских месторождений, но перерабатывающие предприятия будут строиться на китайской территории.[392] Для реализации проектов на территории России Китай готов предоставить инвестиции, технологии и рабочую силу в обмен на наше сырье — причем не только минеральное, но также сырьевую продукцию лесного и сельского хозяйства. Китай согласен инвестировать в перерабатывающие предприятия на российской территории (например, в деревообрабатывающие заводы) с предоставлением технологий, но при условии, что работать на них будут китайские рабочие. А следом за китайскими рабочими приедут китайские строители, чтобы построить для первых доступное жилье, китайские крестьяне — чтобы всех кормить, а потом… Если дело пойдет таким образом, то уже в не столь отдаленном будущем основную часть трудоспособного населения российских дальневосточных территорий будут составлять китайцы.

Китай демонстрирует готовность сотрудничать с нами в развитии аграрного производства на Дальнем Востоке — и не только демонстрирует, а уже включился в этот процесс. Например, по официальной информации, в Еврейской автономной области в настоящее время сельскохозяйственным производством занимаются около 20 организаций со 100-процентным иностранным капиталом. С их участием в 2011 г. обработано около 50 тыс. га пашни (примерно половина всех посевных площадей в области) и произведено валовой сельскохозяйственной продукции стоимостью около 1 млрд руб., что вдвое больше, чем двумя годами ранее.[393] Но Еврейская АО — это небольшой субъект Федерации на российском Дальнем Востоке, освоение которого китайцами, судя по всему, идет полным ходом. В одной из интернет-публикаций сообщается, что к 2011 г. Китай арендовал на сельскохозяйственные нужды в Еврейской АО и Хабаровском крае 426,6 тыс. га приграничной земли.[394] Но это данные, характеризующие легальную деятельность. Насколько масштабным является проникновение китайцев в российское сельское хозяйство, точно оценить невозможно, поскольку процесс не контролируется (нелегальная миграция, работа через подставные фирмы и т.п.). Эксперты полагают, что позиции китайцев сильны не только на Дальнем Востоке и в Сибири (в некоторых регионах ими производится до 50% овощей), а также в Поволжье и Нижегородской области.[395]

Нельзя забывать, что оппортунистическое отношение к интересам «принимающей территории» со стороны китайских мигрантов и предпринимателей, ведущих бизнес в России (прежде всего — в ее восточных регионах) является характерной чертой национального менталитета. *«Многие китайские фирмы, работающие на Дальнем Востоке, действуют по "серым" схемам оборота, осуществляя нелегальные заготовки цветных металлов, вырубку леса на российской территории и переправляя товар в Китай. Китайские бизнесмены активно скупают обанкротившиеся предприятия и другую собственность, берут постепенно под свой контроль рыночную торговлю, активно внедряются в другие экономические сферы… При этом в Пекине приветствуется, если*

---

[392] Россия не справится // Ведомости. — 12 окт. 2009 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/12/216003 [2013-06-11].

[393] Направления сотрудничества в области сельского хозяйства обсудили на Хэйлунцзянской конференции и семинаре. — Департамент пресс-службы губернатора и правительства Еврейской АО. — 15 июня 2012 • URL: http://www.eao.ru/index.php?p=regnews&newsid=10446 [2013-06-11].

[394] Дальний Восток уже находится в зависимости от Китая // KM.RU. — 17 июня 2010 • URL: http://www.km.ru/biznes-i-finansy/obzory/ekspansiya/11693 [2013-06-11].

[395] Китайцы освоили уже больше трети сельхозземель в Еврейской автономной области // Маркер. Деловая газета. — 1 окт. 2010 • URL: http://marker.ru/news/2146 [2013-06-11].

китайцы, проживающие в России, оказывают влияние на обстановку по месту пребывания. Более того, пекинское руководство рассматривает многочисленную и экономически мощную китайскую общину в качестве важнейшего экономического и внешнеполитического средства… Подчинив себе экономику, Китай без труда будет способен подчинить и региональную власть, которая по многим вопросам остается достаточно самостоятельной и неподконтрольной центру».[396]

С этим наша страна уже сталкивалась 100 лет назад, но сегодня вновь становятся актуальными опасения, которые беспокоили российских государственных деятелей в конце XIX — начале XX веков. Вот, что писал по поводу сохранения восточных территорий в составе России имперский министр финансов С.Ю. Витте в своем отчете о поездке на Дальний Восток: *«Для того, чтобы в предстоящей в будущем (подчеркнуто Витте. — авт.) борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты, как своего достояния, так и интересов Империи».*[397]

В не меньшей степени был обеспокоен «желтой угрозой» и военный министр А.Н. Куропаткин, который настаивал на усилении колонизации Сибири и защите восточных территорий: *«Слабые русские поселения были бы потоплены нахлынувшими волнами желтой расы. Восточная Сибирь сделалась бы вполне не-русской. Между тем надо признать, что только русское население этой окраины составляет и будет составлять впоследствии вполне надежный элемент… Наплыв китайского населения в Приамурский край, несомненно, может поднять культуру этого края и обратить пустынные местности в цветущие. Но этим путем свободные земли были бы заняты не-русским элементом, между тем мы должны охранять каждую десятину в Сибири для русских, ибо в течение 20 столетия Сибирь неизбежно должна обратиться в страну с огромным населением… Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири, по крайней мере для ¼ части этой цифры».*[398]

В приведенной цитате особо впечатляет, что российский военный министр в своей заботе о будущем страны и в своем предвидении этого будущего пытался заглянуть на 100 (!!!) лет вперед, думая о жизненном пространстве для грядущих поколений россиян. И вполне вероятно, что прогнозы А.Н. Куропаткина могли бы сбыться, если бы не череда кровопролитных войн и революций вкупе с большевистско-сталинским террором, которые в первой половине XX века унесли десятки миллионов людских жизней в нашей стране.

В 1910 г. была организована так называемая Амурская экспедиция под руководством В.В. Граве и В.Д. Песоцкого с целью выяснения причин и следствий корейско-китайской миграции на российский Дальний Восток, а также для обоснования мер по регулированию этого весьма противоречивого процесса. Как отмечают современные ученые-экономисты, в трудах экспедиции представлен взвешенный подход к проблеме и разделяются понятия *«желтого вопроса»* и *«желтой угрозы»*. Приток рабочей силы и торгового капитала из Китая сначала заполнял вакуум на рынке, содействуя тем самым хозяйственному развитию территории. Но расширяясь, он приводил к монополизации рынка и создавал

---

[396] Скрытая угроза Поднебесной // Центр зарубежной военной информации и коммуникации Восточного военного округа РФ • URL: http://www.atrinfo.ru/.

[397] Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток. Часть II // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8—9.

[398] Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны / Изд. второе. — Berlin.: J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H., 1911. — С. 76—77. — Российская государственная библиотека / Электронный ресурс • URL: http://dlib.rsl.ru/01003759128 [2013-06-11].

заградительные барьеры для использования отечественных факторов рыночного предложения, изначально имевших более дорогую цену по сравнению с «желтыми». К тому же китайская диаспора, состоящая из легальных и нелегальных мигрантов, отнюдь была не склонна делиться получаемыми выгодами с «принимающей стороной», а обращала их в пользу Поднебесной (сегодня это является характерной чертой китайской экономической экспансии во всем мире). Серьезную проблему представлял собой учет миграционного потока из-за его в значительной степени нелегального характера (получая разрешение на проживание без вида на жительство в течение месяца, китайцы за это время успевали разбежаться по территории) и слабого контроля со стороны властей. Российский бизнес имел свой интерес к дешевому труду пришлых китайцев, а потому неодобрительно относился к мерам по ограничению притока мигрантов. И наконец, государство в условиях дефицита рабочей силы тоже испытывало потребность в сезонных работниках (как правило, с низкой квалификацией) для реализации своих планов по освоению территории.[399]

Таким образом, вследствие множества противоречивых аспектов, «желтый вопрос» при определенных обстоятельствах перерастал в «желтую угрозу» — угрозу экономическим интересам и российской государственности на Дальнем Востоке. Самое же печальное состоит в следующем: сегодня в восточных регионах страны мы сталкиваемся ровно с теми же самыми проблемами, что 100 с лишним лет назад. Разница лишь в том, что в настоящее время по своей величине китайская экономика превосходит нашу не в два, а в три с лишним раза[400] и что сегодня Китай имеет вполне очевидный интерес к сырьевым и вообще — природным — ресурсам, сосредоточенным на востоке России, а потому активно осваивает территории Дальнего Востока, вкладывая в этот регион гораздо больше средств, чем российское правительство.

Согласно информации, опубликованной в «Независимой газете» со ссылкой на государственное китайское агентство «Синьхуа», инвесторы из КНР учредили в приграничных российских регионах 34 специальные китайские зоны, куда инвестировали около 3 млрд долл., что в 4 раза больше, чем регионы получили из Москвы на выравнивание бюджетной обеспеченности. Важно отметить, что китайские инвестиции в российские восточные регионы представляют собой государственную политику по освоению новых территорий. С разрешения правительств Китая и России китайские предприниматели могут открывать в России промышленные и сельскохозяйственные зоны, включая зоны обработки, разведения, строительства, вырубки леса и оптовых рынков. Китайские власти уже создают у себя специальные органы по управлению зонами освоения в России. Администрация провинции Хэйлунцзян сформировала специальную группу управленцев для решения вопросов, возникающих в процессе строительства и развития зарубежных промышленных и сельскохозяйственных зон. *«Таким образом, процесс освоения российского Дальнего Востока управляется и контролируется не столько из Москвы или Хабаровска, сколько из "специальной группы управленцев", созданной китайскими чиновниками в Харбине… Возможно, что сумма инвестиций на самом деле и не дотягивает до объявленных 3 млрд долл. Тем не менее официальное сообщение государственного агентства о многомиллиардных инвестициях в России означает, что власти Поднебесной*

---

[399] Ли Е.Л. «Желтая угроза» или «желтый вопрос» в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. // Ойкумена. — 2010. — № 3 • URL: http://www.ojkum.ru/arc/2010_03/index.html [2013-06-07].

[400] В 1900 г. ВВП по ППС (в долларах 2007 г.) России составлял 139,5 млрд долл. (7-е место в мире), а Китая — 320,2 млрд долл. (2-е место в мире и в 2,3 больше российского). В 2007 г. показатели были следующие: Россия — 2084,3 млрд долл. (6-е место в мире); Китай — 7044,3 млрд долл. (2-е место в мире и в 3,4 раза больше российского).
См.: Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

подчеркивают свою заинтересованность в освоении наших восточных территорий, причем "всерьез и надолго"».[401]

Наиболее проблемное место в разворачивающемся между странами сотрудничестве на Дальнем Востоке и в Сибири связано с кооперацией деятельности в сфере обрабатывающих и высокотехнологичных производств, от которой Китай старается уклониться.

В качестве примера можно привести многочисленные трудности в развитии партнерских отношений в авиастроении. Китай фактически отказался от участия в проекте создания нового российского пассажирского самолета МС-21, и корпорация «Иркут», входящая в состав Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК), переключилась на поиски другого партнера в Азии — о переговорах с индийской авиастроительной корпорацией HAL в феврале 2011 г. сообщала газета «Коммерсантъ».[402] Ведущим предприятием «Иркута» является Иркутский авиационный завод. Вместо участия в проекте МС-21 Китай силами государственной корпорации Comac инициировал собственную конкурирующую разработку, планируя выйти на рынок в 2016 г. одновременно с российскими авиастроителями.[403] Зашли в тупик продолжавшиеся полтора года переговоры с Китаем о закупке им партии истребителей Су-35, производство которых осуществляется на Комсомольском-на-Амуре авиационном производственном объединении имени Ю.А. Гагарина. Россия настаивала на продаже оптовой партии самолетов, а китайская сторона была готова купить лишь ограниченную партию — российское предложение в несколько раз превосходило то количество истребителей, которое намеревался приобрести Китай.[404] Россия и Китай планируют совместную разработку нового дальнемагистрального широкофюзеляжного самолета на базе Ил-96. ОАК внесет в СП интеллектуальную собственность, а Comac — производственные мощности и денежные средства. Новый самолет будет производиться только в Китае, что должно резко снизить его себестоимость. КБ «Современные авиационные технологии» и китайская компания China Oriental Sciences Group подписали соглашение о производстве самолетов малой авиации общего назначения в городе Ордос автономного района Внутренняя Монголия. Стороны намерены инвестировать в этот проект около 1,2 млрд долл. для создания производственно-технической базы. Ожидается, что строительство завода начнется уже в этом году, а к 2016 г. он будет выпускать до 400 самолетов вместимостью до 12 пассажиров.[405] Т.е. новые совместные предприятия размещаются только на территории Китая, где и будут создаваться рабочие места, инфраструктура, комплексирующие производства. Учитывая китайский

---

[401] Китайцы вкладывают в российские регионы больше, чем Москва // Независимая газета. — 9 фев. 2011 • URL: http://www.ng.ru/editorial/2011-02-09/2_red.html [2013-06-11].

[402] МС-21 летит в Индию. Партнером ОАК по проекту может стать HAL // Коммерсантъ. — 10 фев. 2011 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1582197 [2013-06-11].

[403] Через то же окно. Китайский C919 будет бороться с МС-21 за победу над Boeing 737 и Airbus A320 // Деловой авиационный портал. — ATO.ru. — 30 сент. 2009 • URL: http://www.ato.ru/content/cherez-zhe-okno [2013-06-11].
«Иркут» вступил в поднебесную борьбу. МС-21 взлетит с оглядкой на Китай // Коммерсантъ — Иркутск. — 20 июля 2011 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1682284 [2013-06-11].

[404] Споры о количестве. «Рособоронэкспорт»: переговоры по продаже Китаю истребителей Су-35 заморожены // Эксперт Online. — 17 апр. 2012 • URL: http://expert.ru/2012/04/17/sporyi-o-kolichestve/ [2013-06-11].

[405] На малой высоте. Сотрудничество России и Китая в авиастроении может быть по-настоящему успешным только в области создания небольших самолетов // Эксперт Online. — 1 июня 2012 • URL: http://expert.ru/2012/06/1/na-maloj-vyisote/ [2013-06-11].

прагматизм вряд ли можно ожидать, что российская интеллектуальная собственность, вкладываемая в проекты, будут оценена по достоинству.

Руководство внешнеторгового объединения «Авиаэкспорт» приходит к выводу, что Китай не заинтересован в сотрудничестве с Россией в области самолетостроения, зато создает самолеты в сотрудничестве с Украиной; и в нашей помощи по этим проектам они нуждается. Причем во многом мы виноваты сами, так как российское законодательство и технические нормы в сфере обслуживания выпускаемой авиационной техники остаются, как в 1980-х годах, и китайских партнеров это не устраивает.[406]

Что же касается сотрудничества на российской территории, то помимо автопрома (отверточной сборки китайских машин) и лесной отрасли, предприятия Северо-Восточного Китая в качестве приоритетных направлений рассматривают энергетику, разработку и добычу полезных ископаемых, расширение подрядного строительства. Все *«четче вырисовывается тенденция целенаправленного проникновения китайского капитала в российские регионы, а встречного движения российского капитала пока не наблюдается»*.[407] Причем в энергетической сфере при инвестировании в совместные проекты Китай прибегает к излюбленной политике использования связанных кредитов на закупку своего оборудования. В проектах до 2018 г. на строительство новых тепловых электростанций на Дальнем Востоке (естественно, для экспорта энергии в Китай) потребуется более 100 млрд руб., а у российских энергокомпаний таких финансовых ресурсов нет. Государство вкладывать дополнительные инвестиции в развитие тепловой генерации в этом макрорегионе или предоставлять какие-то особые преференции частным инвесторам не спешит. Вот и приходится сотрудничать с Китаем в формате «турбины в обмен на электроэнергию», хотя с производством турбин для электрогенерации в России особых проблем нет.[408]

Рано или поздно глубокое проникновение Китая в экономику восточных регионов нашей страны, неэквивалентный обмен китайских товаров на российские ресурсы и неконтролируемая миграция повлекут за собой и попытки усилить административно-политическом влияние. Факт заселения дальневосточных территорий гражданами Китая со временем может дать возможность руководству КНР поставить перед руководством России вопрос о предоставлении китайским иммигрантам российского гражданства, а затем — и автономии. Подобные идеи и далеко идущие планы широко обсуждаются в китайском интернете. Некоторые авторы предлагают *«в ближайшие годы поддерживать российскую политику благоприятствования Китаю. При этом увеличить миграцию китайцев, а когда китайское население на Дальнем Востоке и в Сибири станет преобладающим, создать на этих территориях Ханьскую национальную автономию, потом — Ханьскую республику, которая путем референдума примет решение об отделении от России и присоединении к Китаю. Если Россия попытается вмешаться, то Китай потребует не препятствовать реализации "права нации на самоопределение" и получит предлог ввести войска для защиты своих иммигрантов»*. Примечательно, что китайские

---

[406] Китаю не нужны российские самолеты // Российская газета – Бизнес . — 14 апр. 2009 • URL: http://www.rg.ru/2009/04/14/samoletostroenie.html [2013-06-11].

[407] Александрова М. 20 лет российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества // Перспективы. — 6 мар. 2009 • URL: http://www.perspektivy.info/book/20_let_rossijsko-kitajskogo_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva_2009-03-06.htm [2013-06-11].

[408] Турбины в обмен на электроэнергию. Китай готов вкладывать деньги в строительство российских электростанций в обмен на поставки электроэнергии // Эксперт Online. — 7 июня 2012 • URL: http://expert.ru/2012/06/7/turbinyi-v-obmen-na-elektroenergiyu/ [2013-06-11].

власти, строго контролирующие виртуальное пространство своей страны, даже не думают пресекать появление такого рода высказываний.[409]

Что в сложившихся условиях Россия может противопоставить оппортунистической экспансии Китая на Дальнем Востоке и в Сибири, которая влечет за собой массу разнообразных негативных последствий?

России нужна «новая восточная политика»

В многочисленных научных и журналистских публикациях, в печатных и в электронных изданиях уже не один год высказывается обеспокоенность в связи с «мирным китайским нашествием». Приводятся различные факты и примеры того, как китайские трудовые мигранты и предприниматели при фактической поддержке своего государства ведут на территории нашей страны деятельность, которая зачастую приводит к разрушительным последствиям — прежде всего для окружающей среды и процессов природопользования (в частности — землепользования). Если оставить в стороне административно-правовые и социальные аспекты, касающиеся легальности проникновения и деятельности китайцев в России, ухудшения криминогенной обстановки на заселяемых ими территориях, а выделить сугубо экономическую составляющую нынешнего трансграничного сотрудничества, то можно констатировать, что выгоды от этого сотрудничества в немалой степени являются для нас иллюзорными — соотношение издержек и выгод складывается для России далеко не самым благоприятным образом. Если внутреннее содержание хозяйственных взаимоотношений с Китаем, которые опираются на межгосударственные соглашения, в будущем не претерпит существенных изменений, тогда вполне вероятными становятся и неблагоприятные политические последствия. Как итог, хотелось бы привести мнение д.э.н. И.П. Глазыриной, высказанное в одной из ее недавних публикаций: *«Одна из важнейших задач — как можно раньше выявить возможные риски при реализации "Программы-2018"»*.[410]

В экономической сфере основные риски вытекают из ресурсно-сырьевого (главным образом) участия России в сотрудничестве с Китаем. Развитие природоэксплуатирующих и добывающих производств, нацеленных на экспорт продукции, не создает достаточных предпосылок для усиления внутренних интеграционных процессов, привязывает восточные регионы в большей степени к Поднебесной, нежели к России. Сказанное в полной мере относится и к нефтегазовому сектору, который в современном формате развития (а данный формат во многом обусловлен действием объективных факторов), не создает серьезных интегрирующих эффектов. Освоение ресурсов углеводородного сырья носит очаговый характер и происходит в районах, удаленных от приграничной с Китаем территории, как минимум, на 1,5 тыс. км. Трассы магистральных трубопроводов прокладываются «с прицелом» на экспорт и, по большей части, обходят обжитые территории стороной, чем делают нефть и газ, добываемые на востоке страны, недоступными для российских

---

[409] Подольский С., Готвинский В. «Дорогие гости» Приамурья или «китайская угроза» России? // Перспективы. — 12 сент. 2007
• URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/dorogie_gosti_priamurya_ili_kitaiyskaya_ugroza_rossii_2007-8-12-13-0.htm [2013-06-11].

[410] Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. — 2011. — № 1. — С. 19—35 • URL: http://ecotrends.ru/archive/626-edition-01?layout=blog [2013-06-09].
И.П. Глазырина, д.э.н., возглавляет лабораторию эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Забайкальский край).

потребителей. Для выполнения работ на линейном строительстве привлекаются иностранные подрядчики и рабочие. Китайские инвестиции в наши нефтегазовые проекты (и не только нефтегазовые) привлекаются на условиях предоставления связанных кредитов. Все выше названные обстоятельства не позволяют рассматривать развитие нефтегазового сектора на востоке России в качестве «сильнодействующего средства» от хозяйственной дезинтеграции, которое помогло бы устойчивому развитию приграничных регионов.

Практически все авторы, затрагивающие тему социально-экономического развития российского востока сходятся во мнении, что выправить баланс издержек и выгод в экономическом сотрудничестве с Китаем и другими странами можно лишь путем увеличения экспорта обработанной продукции, товаров с высоким «содержанием» добавленной стоимости. Действительно, в стоимостной структуре экспорта регионов Дальневосточного ФО сырьевые товары занимают порядка 80% (по России в целом — около 70%). При этом доля машин, оборудования и транспортных средств в суммарном экспорте дальневосточных регионов составляет всего 2,2% (по данным за январь—август 2012 г.; за аналогичный период предыдущего года — 2,6%), в российском экспорте в целом по данным за 2011 г. — 12,8%, во внешнеторговых поставках в страны АТЭС — 4,5%. Показатели удельного веса машиностроительной продукции в импорте: по Дальневосточному ФО — 51,2% (47,4% — из стран АТЭС); по российскому импорту в целом — 34,4% (по импорту из стран АТЭС — 61,7%). [411] В структуре экспорта Хабаровского края, который является крупнейшим производителем продукции обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, доля машин и оборудования в 2011 г. составляла всего 2,4%, а в импорте — 58,7%.[412] Данные статистики красноречиво свидетельствуют о том, что восточные регионы (да и наша страна в целом) остро нуждаются в улучшении структуры экспорта.

Но естественным образом возникает вопрос, как это сделать, если развитие обрабатывающего сектора промышленности происходит слишком медленно? Если только в последние 3—4 года обрабатывающая промышленность Дальнего Востока набрала темпы роста, превышающие среднероссийский показатель, а для промышленности Сибирского ФО эта скорость оказывается недостижимой — макрорегион устойчиво демонстрирует самый медленный рост среди всех федеральных округов России (рис. ДЕЗ-8)? Если в 1990-х годах провал был настолько глубоким, что по объемам производства восточные регионы страны до сих пор не поднялись до уровня 1992 г. (Дальневосточный ФО — 91%, Сибирский ФО— 80%)? Если в структуре обрабатывающей промышленоти преобладают отрасли, фактически замыкающие технологическую цепочку ресурсного сектора — обогащение сырья, выплавка металлов, простейшая деревообработка, — а продукции с действительно высокой добавленной стоимостью производится крайне мало?

При этом некоторые ведущие российские ученые-экономисты, не без влияния которых формируется государственная экономическая политика, полагают, что развивать обрабатывающую промышленность на Дальнем Востоке вообще нет смысла из-за ее слишком высокой трудоемкости и что при дефиците рабочей силы гораздо выгоднее сосредоточиться на развитии добывающего сектора и энергетики. Например, газета «Ведомости» цитирует слова научного руководителя НИУ ВШЭ Е.Г. Ясина, согласно

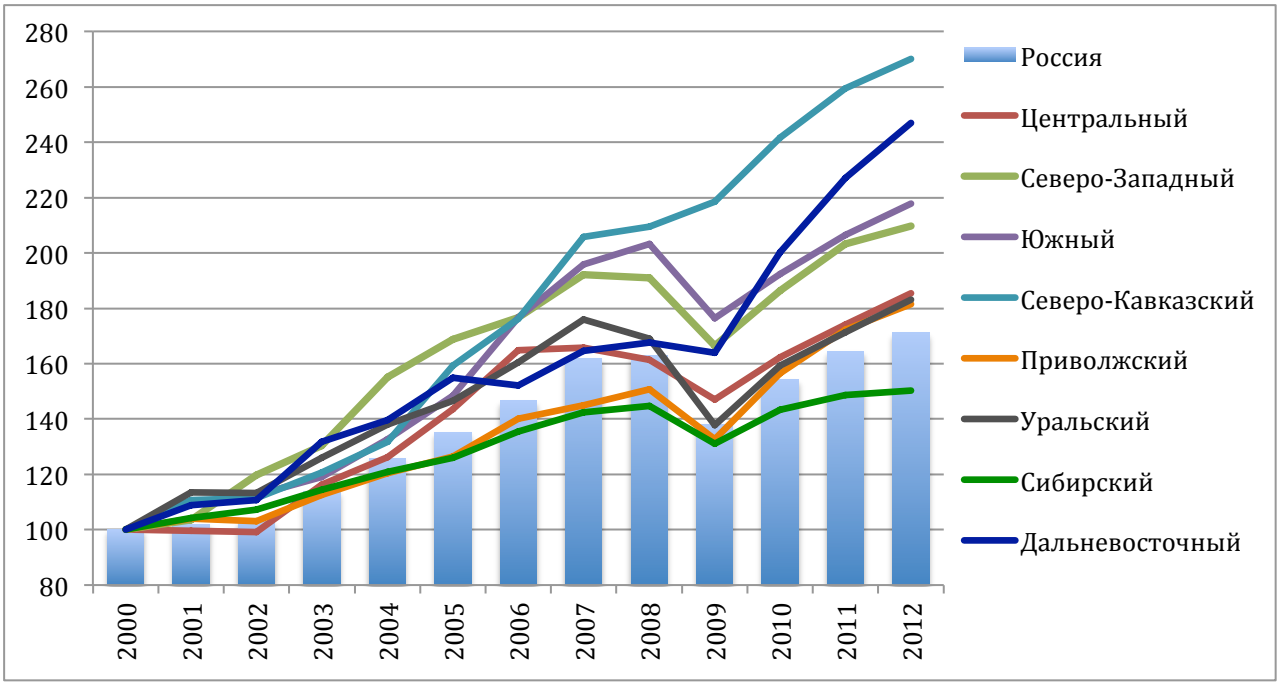
[411] По данным статистики внешней торговли по товарам Федеральной таможенной службы
• URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978 [2013-06-11];
по данным статистики внешней торговли Дальневосточного таможенного управления ФТС
• URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=90 [2013-06-11].

[412] Хабаровский край: Статистический ежегодник 2012. — Хабаровск: Хабаровскстат, 2012
• URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/publications/.

которым *«развивать Дальний Восток и Восточную Сибирь можно только за счет вложений в энергетику и разработку полезных ископаемых… Организовывать там трудоемкие производства нет смысла — нет достаточного количества рабочих рук».* [413] Профессор НИУ ВШЭ С.А. Караганов считает, что *«Сибирь и Дальний Восток просто просятся стать ресурсной, энергетической и сельскохозяйственной базой для новой Азии. И основой для новой русской азиатской политики и для собственного подъема… На Востоке появился гигантский рынок. Нужно воспользоваться им, вложившись в инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока, и всеми силами привлекая технологии и капитал из Китая, Японии, Кореи, США, стран Юго-Восточной Азии, сделать русскую Азию зоной свободной торговли и защищенных инвестиций, продовольственной, сырьевой, энергетической базой поднявшегося континента, став на качество сильнее в мировом раскладе… Пора начать развивать то, что лежит у нас под ногами».*[414]

Рисунок • ДЕЗ-8

Динамика производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по федеральным округам России, % (2000 г. = 100)

Примечание: 2012 г. — оперативные данные.

Источники: Росстат — Предпринимательство / Промышленное производство / Индексы производства • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/; Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do.

На эксплуатации в основном сибирских ресурсов Россия уже стала сырьевым придатком Европы, теперь нужно сделать Сибирь и Дальний Восток сырьевым придатком Азии! Вот такая «грандиозная» участь готовится восточным регионам страны в кабинетах столичных ученых. И ведь никто не спрашивает сибиряков и дальневосточников, хотят ли

[413] Россия не справится // Ведомости. — 12 окт. 2009 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/12/216003 [2013-06-12].

[414] Караганов С. Европа больше не растет. Итоги года и повестка на завтра // Российская газета. — 28 дек. 2011 • URL: http://www.rg.ru/2011/12/28/eurocrizis.html [2013-06-12].

они, чтобы их край стал «ресурсной, энергетической и сельскохозяйственной базой для новой Азии».

Мало того, что идеология «избранности» ресурсно-сырьевого пути развития для Сибири и Дальнего Востока является опасной, так она еще и основывается на заведомо искаженных посылках. Речь идет о якобы слишком высокой трудоемкости обрабатывающих промышленности. Производительность труда в современной российской обрабатывающей промышленности по выпуску продукции в среднем в 3,5 раза ниже, чем в добыче полезных ископаемых, а по валовой добавленной стоимости — 6,4 раза ниже. Но показатели добывающего сектора находятся под сильным влиянием нефтегазовой промышленности, а без учета добычи топливно-энергетических полезных ископаемых оказывается, что производительность труда по добавленной стоимости в горно-добывающем секторе сопоставима с обрабатывающим — в среднем на уровне 2 млн руб. в расчете на одного занятого. В обрабатывающем секторе есть отрасли с более высокой производительностью, например химическое производство — 2,8 млн руб.[415] (при том, что в российской химической промышленности крайне низка доля производств сложной дорогостоящей продукции). Да и современное машиностроение с его автоматизированными и роботизированными технологическими процессами — в отличие от нынешнего российского, унаследовавшего технологическую базу от советского прошлого, — может и должно быть малотрудоемким. Если на востоке России, равно как и в других регионах страны, развивать обрабатывающий сектор с применением новых технологий, если сделать акцент на производстве дорогостоящей продукции, то вопрос повышенной трудоемкости отпадет сам собой.

Главная проблема такого пути развития — отсутствие собственных технологий, — но и для освоения ресурсов полезных ископаемых в сложных горно-геологических условиях, которые преобладают в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (что хорошо видно на примере нефтегазовых ресурсов и в особенности — шельфовых месторождений), у нас тоже нет своих технологий. К ведению интенсивного сельского хозяйств в районах рискованного земледелия мы тоже технологически не готовы. Т.е. при любом варианте выбора направлений развития экономики Сибири и Дальнего Востока нам никуда не деться от широкомасштабного импорта технологий и оборудования, и тогда с очевидностью выявляется предпочтительность инновационно-промышленного («неоиндустриального»), а не ресурсно-сырьевого пути — если импортировать технологии, то лучше уж для обрабатывающих производств, чем для добывающих. Сказанное отнюдь не означает, что нам не нужно осваивать ресурсы полезных ископаемых восточных регионов, но это не должно стать каким-то безусловным приоритетом. На востоке России нужно и должно развивать добывающий сектор — как естественную и неотъемлемую часть региональной экономики и сырьевую основу для глубокой переработки, — но нельзя допускать его превращения в «раковую опухоль», которая разрастаясь может погубить весь социально-экономический организм территории. Все сказанное относится и к освоению природно-ресурсного потенциала вообще.

На предпочтительность инновационного пути указывается в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, в которой говорится, что восточным регионам страны требуется *«особая стратегия комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированная на ускоренный рост (**на инновационной основе** — выделено автором) экономического потенциала этой части страны, на реализацию интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также закрепление населения путем формирования комфортной среды обитания и оптимизацию системы расселения»*. Но при этом в Стратегии выявляется

[415] Показатели производительности рассчитано по данным Росстата о численности занятых в экономике, объемах отгруженной продукции и величине валовой добавленной стоимости для 2010 г. / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

двойственное понимание пути и факторов экономического роста: *«потенциал минерально-сырьевых ресурсов при наличии эффективной стратегии их использования может стать ключевым фактором изменения геополитического значения восточной части России»*. Будущее социально-экономическое развитие восточных регионов рассматривается в контексте предотвращения *«угрозы дальнейшего оттока населения»* и *«угрозы снижения экономического и политического государственного влияния на территории Дальнего Востока и Байкальского региона»*.[416]

С учетом названных угроз определяется стратегическая цель и задачи развития восточных регионов — *«реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека… на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития… Для достижения этой цели необходимо обеспечить сопоставимое или опережающее по сравнению со средне-российскими темпами социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, и решить ряд задач, первоочередными из которых являются:*

создание условий для развития перспективной экономической специализации… на основе природно-ресурсного, индустриального, кадрового и научного потенциала…;

формирование устойчивой системы расселения, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста с комфортной средой обитания человека;

снижение барьеров для экономической и социальной интеграции территории Дальнего Востока и Байкальского региона с остальными регионами России и повышение конкурентоспособности продукции, товаров и услуг… путем формирования нормативной правовой базы, определяющей особые условия ценовой, тарифной, таможенной, налоговой и бюджетной политики;

формирование численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых для решения экономических задач, стоящих перед регионом, повышение качества человеческого капитала…».

Т.е. на первом месте в перечне задач стоит создание специализированной экономики, а в качестве первого фактора будущего роста назван природно-ресурсный потенциал. Конкурентоспособность экономики восточных регионов должна достигаться путем формирования особых условий в рамках целого ряда политик. И все это должно обеспечить закрепление населения (надо понимать — сохранение его численности) и сопоставимое по темпам или опережающее социально-экономическое развитие по сравнению со средне-российскими показателями. По мнению автора, **представленное в Стратегии понимание перспектив развития Дальнего Востока и Забайкалья сегодня уже безнадежно устарело**. Для предотвращения усиливающейся год от года угрозы дезинтеграции страны и снижения государственного влияния — вследствие непрестанного укрепления мощи нашего самого большого «географического соседа» и нарастающей экономической и миграционной экспансии с его стороны — требуется не просто «опережение по сравнению» и не просто «закрепление», а **«взрывной рост» российской экономики и российского населения в российских восточных регионах**.

Для обеспечения «взрывного роста» необходимо создать на востоке страны такие условия трудовой деятельности (в широком смысле — включая возможности приложения

---

[416] Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. — Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном ФО • URL: http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=80 [2013-06-12].

высококвалифицированных специальностей, знаний и навыков, творческой самореализации, а не только высокие денежные доходы) и жизни, такой уровень человеческих мотиваций, чтобы вся страна, и прежде всего молодая часть населения, были бы готовы устремиться на Восток, как в эпоху «ударных комсомольских строек» 1930-х—1960-х годов. С той лишь разницей, что идеологические и мобилизационные методы прошлого должны быть заменены надлежащими экономическими и социальными стимулами.

Приверженность ресурсно-сырьевому направлению в экономическом развитии не позволит решить сформулированную задачу. Поэтому в экономике восточных регионов страны требуется достижение межсекторальной и межотраслевой сбалансированности при ведущей роли обрабатывающих и высокотехнологичных производств. В южных широтах Сибири и Дальнего Востока необходимо взять курс на сплошное (массированное) хозяйственное освоение территорий при объективно разумном сочетании концентрации и децентрализации производственных мощностей (крупных, средних и малых предприятий), оставив в прошлом нашу привычную гигантоманию. Иными словами, на юге всей восточной части страны, т.е. на территориях, которые примыкают к существующим широтным транспортным коридорам и уже сейчас являются наиболее заселенными, нужно сформировать один сплошной, внутренне интегрированный, «пояс» экономического развития, а не набор слабо связанных друг с другом «точек роста». В южной зоне на экономико-географической карте российского востока нельзя оставлять обширные «белые пятна», представляющие собой «лакомую приманку» для экспансии из-за рубежа. Связать все территории в единый пояс развития можно только на основе создания мощной современной инфраструктуры — общехозяйственной и специализированной для отдельных отраслей и секторов экономики, в частности — нефтегазового. К данному поясу должны примыкать (присоединяться) очаги роста, связанные с освоением тех или иных ресурсно-сырьевых источников на севере Сибири и Дальнего Востока, т.е. в слабозаселенных регионах с неблагоприятными для жизни людей природно-климатическими условиями.

Для интеграции восточных территорий в экономику России следует сбалансированно подходить к формированию региональной специализации и товарных потоков, которые — по входу и выходу — главным образом должны быть ориентированы на внутренний рынок, а не на внешнеторговые направления. Необходимо стремиться к достижению естественной конкурентоспособности всех региональных экономик страны на основе внутренней эффективности производства. Применительно к хозяйству восточных регионов это означает нацеленность на выпуск продукции, в ценах которой действительно содержится высокая доля добавленной стоимости. Только подобным способом можно свести к минимуму негативное действие объективного фактора удаленности и больших транспортных издержек.

Такова в общих чертах парадигма **«новой восточной политики»,** которая должна быть воплощена в **прагматичные, тщательно обоснованные планы и реальные действия**, а не представлять собой красивую «декларацию о намерениях». Именно в ней, как полагает автор, нуждается Россия при решении проблем развития Сибири и Дальнего Востока. Эта политика действительно будет нацелена на сохранение и усиление экономического и административно-политического единства страны, которая черпает свою силу в сильных регионах — хозяйственно самодостаточных и тяготеющих друг другу по причине взаимных экономических выгод, а не только под влиянием географической близости, исторической памяти, общности языка и культуры и прочих интегрирующих факторов, порождающих большие страны.

Современная проблема восточных регионов России состоит не в их слабости или бедности, а скорее, наоборот, в богатстве природными ресурсами и обширности территории, что в сочетании с удаленностью от центра и слабыми хозяйственными связями с остальной частью страны делает Дальний Восток и Забайкалье слишком привлекательными для экспансии со стороны сопредельных (и не только) государств. Мы сталкиваемся с тем, что главная опасность дезинтеграции страны приходит извне, а не порождается какими-то

внутренними коллизиями. В сравнении с «тихим» процессом отчуждения от России огромных восточных территорий, идущим исподволь — медленно, но верно — тот же северокавказский сепаратизм выглядит не более как мелкий шантаж.

Одной из главных причин, породивших нынешнюю сложную ситуацию является унификация подходов к регулированию социально-экономического развития регионов. Однако нельзя было забывать, что восток России, под «брюхом» которого притаился могущественный «китайский дракон», — это не европейская «глубинка», даже со всеми ее многочисленными проблемами. Сегодня правительство готово ввести на Дальнем Востоке и в Забайкалье специальный налоговый режим, что в сущности является чрезвычайной мерой, поскольку на пути унификации взаимоотношений между центром и регионами, по которому мы двигались все последние годы, решить проблемы ускоренного развития восточных регионов не удается.[417] Однако налоговые послабления, скорее всего, окажутся слишком слабым средством. Необходим целый комплекс мер, направленных на выравнивание конкурентных условий в экономике российского востока и… северо-восточных провинций Китая. Это касается тарифов и цен на продукцию и услуги инфраструктурного характера (электроэнергию, транспортные услуги и проч.), условий кредитования бизнеса и многого другого. Например, если китайские предприниматели для ведения бизнеса на российской территории получают кредиты под смехотворные 2% годовых, то и у наших предпринимателей должны быть не худшие условия кредитования.[418] В противном случае мы заведомо будем проигрывать в конкурентной борьбе с китайской экономикой. Возможно, имеет смысл, чтобы функции льготного кредитования взял на себя специальный фонд для финансирования проектов по развитию восточных регионов, который предложил создать премьер-министр Д.А. Медведев.

Тем не менее, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что конкурентоспособность региональных экономик (включая сибирскую и дальневосточную) прежде всего должна быть естественной, основанной на внутренней эффективности хозяйственного развития, а не искусственно питаемой за счет специальных налоговых, инвестиционных и прочих режимов. Если уж на то пошло, то сегодня специальные режимы нужно вводить в подавляющем большинстве российских регионов, поскольку только 5—6 из них располагают реально самодостаточным хозяйством, которое может развиваться без прямой помощи со стороны федерального центра. И еще от силы десятка полтора регионов близки к экономической и бюджетно-финансовой самодостаточности. Все же остальные, а это без малого 70 из 88 субъектов Федерации, оказываются не в состоянии сформировать собственные бюджеты без обильных федеральных трансфертов. Коли так обстоят дела, значит что-то не в порядке в нашем государстве, в котором финансовые потоки движутся встречными курсами от регионов к центру в виде налоговых платежей в федеральный бюджет, а затем обратно — как федеральные субсидии и дотации региональным бюджетам. Этим лишь отчасти опосредуются процесс перераспределения доходов между богатыми регионами и бедными, поскольку, по меньшей мере, треть российских регионов выступают одновременно и в роли «доноров» и в качестве реципиентов федерального бюджета. В таком положении находятся, к примеру, все наиболее сильные в экономическом отношении регионы Сибирского ФО (Красноярский край, Томская, Омская, Новосибирская, Кемеровская и Иркутская области) и Сахалинская область на Дальнем Востоке (рис. ДЕЗ-9).

---

[417] Д. Медведев: Дальнему Востоку нужен особый налоговый режим // РБК — Экономика. — 17 сент. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/17/09/2012/669967.shtml [2013-06-12].

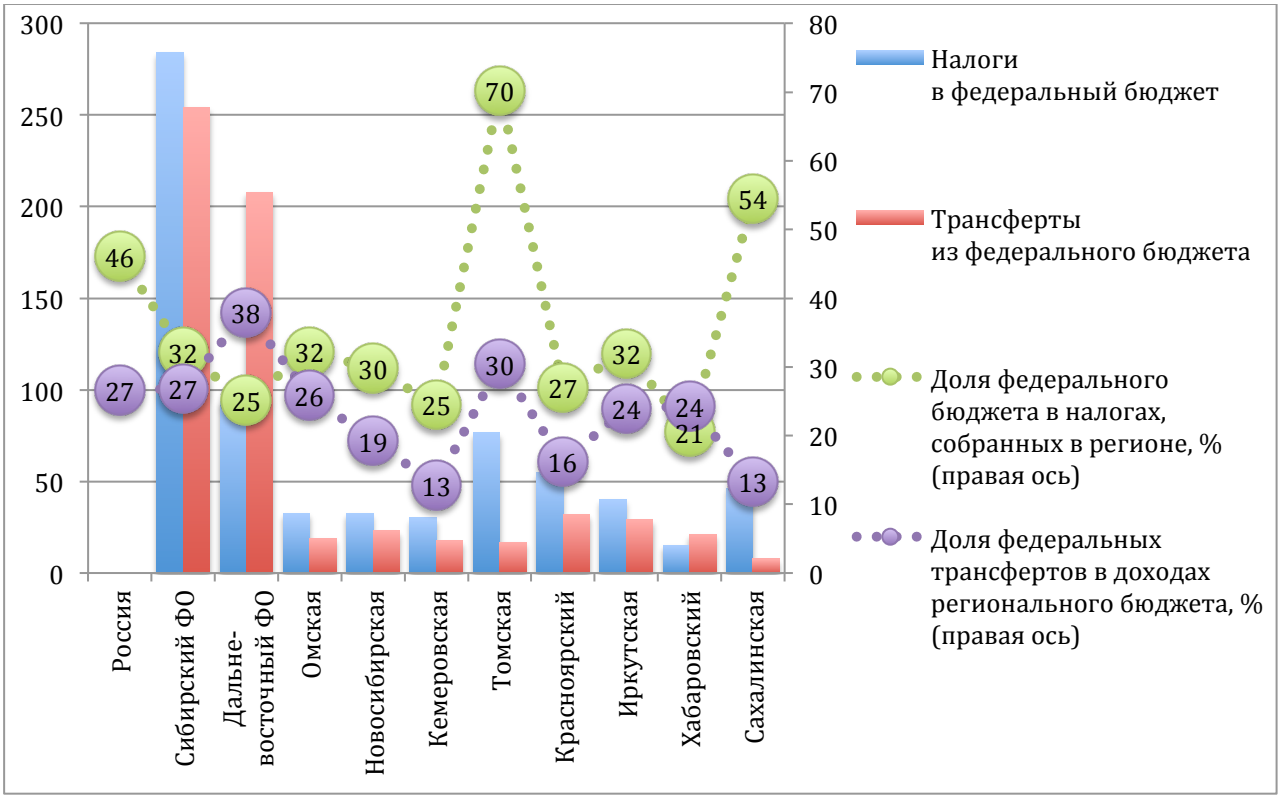
[418] Китай в России. Сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке и Сибири. / Интервью с М. Виноградовой // Эксперт-ТВ. — 21 фев. 2012 • URL: http://expert.ru/2012/02/21/ugol-zreniya/ [2013-06-12].

М.В. Александрова, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Видимо, России нужна **новая налогово-бюджетная реформа**. И можно даже сказать больше — **реформа всей системы федеративных отношений**, нацеленная на то, чтобы каждый регион – субъект Федерации (а в его границах — каждый субъект местного самоуправления) располагал достаточными компетенциями для использования и развития своего хозяйственного и финансового потенциала.

Рисунок • ДЕЗ-9

Прямые и встречные бюджетно-финансовые потоки между регионами и федеральным центром в 2011 г., млрд руб.

ФНС России / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.
Федеральное казначейство — Информация об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов • URL: http://www.roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/.

Межбюджетные перетоки средств, тем более встречные, должны быть сведены к минимуму, а заодно было бы полезным сократить само количество дотаций, субсидий и субвенций, коих сейчас насчитывается более двух сотен разновидностей. Думается, что от такого рода рестрикций заметно поубавится работы и у всех государственных финансовых органов, начиная с федерального министерства и заканчивая муниципальными управлениями. Нынешняя столь детальная регламентация трансфертов де-факто означает, что центр не доверяет региональным властям в вопросах целевого использования финансовой помощи свыше. Похоже, что вертикаль власти дает сбои… — и либеральная экономическая мысль под флагом «Стратегии-2020» работает над тем, какую модель федерализма предложить правительству, насколько фискальной и конкурентной она должна быть, с какой скоростью двигаться в сторону либерализации российского федеративного устройства.[419]

[419] Сообщество экспертных групп, сформированных в феврале 2011 г. на базе РАНХиГС и НИУ ВШЭ, для работы над Стратегией социально-экономического развития России до 2020 г.

Восточные регионы страны, конечно же, объективно заинтересованы в построении более рациональной модели федеративных отношений, включая сферу межбюджетных взаимодействий с центром. Но в сегодняшней ситуации Сибири, и в особенности Дальнему Востоку, в не меньшей степени нужна прагматичная политика хозяйственного развития, балансирующая интересы регионов и центра, ставящая понятные — «осязаемые» — цели и задачи, являющаяся реальным руководство к действию. Увы, в рекомендациях экспертов «Стратегии-2020» о такой политике не сказано ни слова, равно как практически ничего не сказано о региональной экономической политике вообще, о промышленной политике и других подобных категориях. Так, в 860-страничном итоговом докладе, подготовленном всеми экспертными группами «Стратегии-2020», *«новые принципы промышленной политики»* изложены всего на одной странице, и квинтэссенция этих принципов заключается в следующем: *«Выбор приоритетов промышленной политики должен осуществляться самим бизнесом в рамках реализуемых им инвестиционных проектов. Фактически ключевой функцией правительства в рамках новой промышленной политики является создание максимально благоприятных условий для осуществления частных инвестиций. Главными реципиентами возможной государственной поддержки должны стать фирмы-инвесторы»*.[420] Т.е. вся промышленная политика государства сводится к «созданию условий» и «посылу сигналов» бизнесу. Не густо. А сама Стратегия социально-экономического развития страны в видении либерально-мыслящих экспертов, в сущности, представляет собой совокупность планов по дальнейшей реформации системы институтов.

Тем временем федеральный центр продолжает двигаться по пути административного решения проблем и сегодня в определенной степени копирует советский стиль управления экономикой, который основывался на принципе: если есть проблема, нужно создать специальный управленческий орган для ее решения. И где-то даже пошли дальше, например учредив на высшем уровне государственной власти сразу две комиссии по развитию топливно-энергетического комплекса — президентскую и правительственную. Для решения проблем развития восточных территорий создано федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока с широко, но весьма неконкретно очерченными функциями, включая координацию деятельности по реализации государственных программ развития, управлению частью федерального имущества, контроль за осуществлением органами государственной власти субъектов своих полномочий.[421] Конечно, координация программ и действий по развитию восточных регионов не просто нужна — она крайне необходима. Действительный вопрос заключается в другом: насколько нынешние программы и меры адекватны сложившейся ситуации, насколько они реализуемы и в какой степени позволят решить проблемы восточных регионов?

Все названные аспекты приобретают вопросительный характер, поскольку федеральный центр не может сформулировать внятную региональную политику в отношении Сибири и Дальнего востока. А если нет политики, что тогда сумеет сделать министерство, которое в сущности является исполнителем решений? Регионы же, судя по всему, видят в Министерстве по развитию Дальнего Востока нового покровителя, который будет защищать их интересы перед федеральными властями и поможет «вписаться»

(«Стратегии-2020»). Группа 12 «Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика» — Документы • URL: http://2020strategy.ru/g12/documents [2013-06-12].

[420] Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика». — М., 2011. — С. 53
• URL: http://2020strategy.ru/documents/32710234.html [2013-06-12].

[421] Положение о Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 664. — Официальная информационная страница министерства • URL: http://minvostokrazvitia.ru/.

в приоритетные государственные программы. И не случайно, наверное, Бурятия и Забайкальский край — регионы, входящие в состав Сибирского ФО, — уже попросились «под крыло» нового ведомства, мотивируя свое желание тем, что они экономически ближе к Дальнему Востоку и занимают *«важное геостратегическое положение на Востоке страны»*.[422]

Довольно жесткие административные меры воздействия следовало бы применить к монополизированному российскому бизнесу, причем не только нефтегазовому, и заставить его повернуться лицом к интересам восточных территорий. В силу чрезвычайно высокой монополизации на всех уровнях экономики — федеральном, региональном, локальном — отечественный бизнес оказывается не слишком восприимчивым к регуляторным «сигналам», а создаваемые государством «условия» прежде всего старается обратить к собственной выгоде, не задумываясь о целях, ради которых вводятся те или иные стимулы. Если уж мы перевели экономику в режим «ручного управления», значит нужно использовать этот механизм для решения критически важных задач по социально-экономическому развитию восточных регионов страны. Пусть на Дальнем Востоке и в Сибири бизнес пользуется стимулами, льготами и преференциями, которые намерено создать государство, но должен быть и жесткий контроль для пресечения любых проявлений оппортунизма. А в дополнение к этому нужно применить директивное (хотя бы отчасти) государственное целеполагание и планирование деятельности корпораций и бизнес-структур — независимо от их размеров и отраслевой принадлежности — для достижения требуемых результатов в развитии хозяйства восточных регионов. За получаемые льготы и преференции бизнес должен заплатить целенаправленной работой на общегосударственные и региональные интересы.

В современных подходах к решению проблем российского востока, выдвигаемых разными сторонами, тем не менее просматривается одно любопытное совпадение. Федеральные власти действуют в административном ключе, либеральные экономисты продолжают изыскания по части реформирования институтов, но и те и другие сходятся в оценке значения восточных территорий как инструмента для интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем акцент делается на сотрудничестве в энергетической сфере и на привлечении иностранных инвестиций.

В «Стратегии-2020» прежде всего констатируется, что *«приоритетным партнером России в АТР выступает Китай»*, а далее указывается, что *«энергетический экспорт является главной составляющей стратегии "вхождения" России в АТР»*. Для *«стимулирования территориального развития необходимо определение формата открытия регионов Дальнего Востока для иностранных инвестиций и размещения производств, в первую очередь, из развитых стран… Данный шаг также поможет реализовать стратегию "перетягивания" на территорию России части китайских инвестиций в развитие производственной и социальной инфраструктуры развивающихся стран. Эти инвестиции, с точки зрения реализуемой Китаем экономической экспансии, призваны создавать общую благоприятную атмосферу для деятельности китайского бизнеса в соответствующих странах. Россия может развернуть такую политику Китая (особенно в контексте развития инфраструктуры ресурсного экспорта) на решение задач масштабного развития инфраструктуры на российском Дальнем Востоке»*.[423]

Ну, а государственный «Газпром», воодушевленный итогами недавнего саммита АТЭС заявляет, что *«Восточная газовая программа является нашим приоритетом и активно реализуется, но с учетом динамики роста спроса на газ в АТР сейчас будут*

---

[422] Министерство по развитию Дальнего Востока отойдут Бурятия и Забайкалье // Lenta.ru. Издание Rambler Media Group. — 13 фев. 2007 • URL: http://lenta.ru/news/2012/07/11/gotit/ [2013-06-12].

[423] Итоговый доклад «Стратегии-2020». — С. 818—820 • URL: http://2020strategy.ru/documents/32710234.html [2013-06-12].

приняты решения по ее значительному ускорению», и делает практические шаги в этом направлении, подписывая с правительством Японии меморандум о совместном проекте по строительству завода по сжижению газа во Владивостоке стоимостью в 7 млрд долл.[424]

Думается, что подобное позиционирование — в идеях и на практике — удачно стыкуется с интересами наших внешнеэкономических партнеров в Азии, включая Китай, который наиболее экспансивно внедряется в экономику восточных регионов России. Ресурсы нужны всем, и если Россия сама их предлагает, зачем отказываться? Поэтому, наверное, вполне оправданными выглядят опасения некоторых ученых по поводу того, как развивается российско-китайское сотрудничество. *«Пока российское правительство не возьмется за возрождение хозяйства своей дальневосточной окраины, соседи с другого берега будут не только поглядывать на эту землю, но и постараются постепенно прибрать ее к рукам. Недопустима и односторонняя ориентация на экспорт электроэнергии, без адекватного развития собственных производств. Такой курс превратит Дальний Восток в сырьевой придаток КНР и приведет к необратимому нарушению геополитического равновесия. Если Россия продолжит политику бесконечных уступок Китаю; не наведет порядок в сфере природопользования и экспорта сырья; не обеспечит жесткого регулирования иммиграции — тогда "китайской угрозы" не избежать… Только переход к строгому прагматизму на основе концепции экологически устойчивого развития Дальнего Востока и взаимоуважения интересов сторон может обеспечить долгосрочные добрососедские отношения с Китаем»*.[425]

К прагматизму следует еще добавить разумный протекционизм. Стимулирование притока иностранных инвестиций не должно оборачиваться созданием для зарубежных компаний и предпринимателей условий деятельности, более предпочтительных по сравнению с обычными условиями для отечественного бизнеса. Если возникает необходимость в каких-то особых преференциях, то они должны быть локализованы в рамках отдельных инвестиционно-хозяйственных анклавов, отделенных от общего экономического пространства и внутреннего рынка.

Развитие экономического сотрудничества с Поднебесной таит в себе особые риски по одной вполне очевидной причине. Проникновение в нашу страну того же американского, европейского или японского капиталов, в отличие от китайского, не сопровождается массовым заселением «осваиваемых» территорий выходцами из стран-инвесторов с образованием многочисленных национальных диаспор, которые характеризуются ярко выраженным оппортунистическим отношением к интересам России и ее граждан, прежде всего — в восточных регионах, ставших непосредственной целью «китайского нашествия». Причем плохо контролируемая нами иммиграция из Китая зачастую идет впереди инвестиций в экономику или даже вместо них. Риски, связанные с иммиграционно-экономической экспансией Китая, можно действительно минимизировать (а саму эту экспансию — ассимилировать в рамках общего регионального хозяйства) лишь при выполнении трех условий:

1) при относительно высокой и равномерной заселенности восточных регионов «нашими людьми», т.е. гражданами России, — существенно более плотной, чем в настоящее время;

---

[424] До свидания, Европа. Владимир Путин намерен взять курс на Азию // Lenta.ru. Издание Rambler Media Group. — 10 сент. 2012 • URL: http://lenta.ru/articles/2012/09/10/ates/ [2013-06-12].

[425] Подольский С., Готвинский В. «Дорогие гости» Приамурья или «китайская угроза» России? // Перспективы. — 12 сент. 2007
• URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/dorogie_gosti_priamurya_ili_kitaiyskaya_ugroza_rossii_2007-8-12-13-0.htm [2013-06-12].

2) при достаточно развитой, диверсифицированной и конкурентной экономике, не находящейся в прямой зависимости от «китайского фактора» и не придавленной «прессом монополизма»;
3) при эффективном иммиграционном, финансовом, техническом, экологическом и проч. государственном контроле, распространяющемся на все виды и форматы хозяйственной деятельности.

Если создание перечисленных условий представляется утопией, тогда, скорее всего, российским восточным регионам ничего не остается, как только смириться с участью «жертвы», уготованной для «китайского дракона». Возможно, автор заблуждается и в слишком пессимистичных тонах представляет себе картину развивающегося российско-китайского экономического сотрудничества, а «китайский дракон» является сугубо мирным существом, символизирующим «доброе начало». Очень хотелось бы на это надеяться.

Но независимо от степени правоты или неправоты автора, Россия просто обречена — в силу объективных обстоятельств — на тесное экономическое сотрудничество с Китаем, в том числе в энергетической, нефтегазовой и ресурсно-сырьевой сферах. И дело — не только в нашем географическом соседстве. Взаимодействие — обмен ресурсами и капиталом, даже глубокая интеграция в каких-то случаях — с одной из крупнейших национальных экономик мира таит в себе значительный потенциал разнообразных выгод для России. Однако эти выгоды не придут сами собой. Мы должны выстроить и реализовать на деле прагматичные подходы к сотрудничеству, позволяющие максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки, добиваться наилучшего баланса издержек и выгод для себя. Китайская сторона стремится к этому же и пока что преуспевает гораздо лучше нас. Выгоды, которые сейчас получает Россия, в значительной степени — поверхностные, а издержки затрагивают фундаментальные основы социально-экономического развития восточных регионов, да и всей страны.

Проблема экономического сотрудничества с Китаем и с другими странами, проявляющими интерес к российскому востоку и прежде всего — к огромной территории и природно-ресурсному потенциалу — является принципиальной в том смысле, что от ее решения зависит, как нас будут воспринимать в мире и как мы сами себя будем расценивать. Сумеем ли мы динамично продвигаться вперед, прокладывая курс исходя из своих интересов, или сможем только «плыть по течению», неумело лавируя между попадающимися на пути рифами и мелями? Сумеем ли уверенно защищать свои интересы в диалоге с экономически сильными партнерами и находить взаимоприемлемые компромиссы, или, прикрываясь пафосной риторикой, будем на деле пасовать и постоянно идти на неоправданные уступки? Сумеем ли мы исполнить завет Ломоносова и превратить богатый от природы, но пока что не слишком ухоженный край российской земли в действительный плацдарм нашего могущества в Азии и в мире? Или другие государства — ближние и дальние — обратят все наиболее ценные восточные территории России в экономико-сырьевую колонию с перспективой установления и своего административно-политического контроля, а нам останутся лишь отдельные небольшие форпосты?

Время покажет… Но все-таки, будем надеяться на лучшее.

От прогнозов к гаданиям и обратно

Любое осмысленное движение по пути экономического развития требует умения предвидеть будущее, в особенности когда по ходу дела нужно искать решение для целого комплекса запутанных проблем, подобно ситуации, которая сложилась в российском нефтегазовом секторе. Можно ли распутать клубок накопившихся и вновь рождающихся проблем? Есть ли выход из нынешнего «нефтегазового цугцванга»? Чтобы данные вопросы не стали совершенно риторическими, при поиске ответов необходимо построить прогнозы будущего развития событий, причем не только в каких-то сугубо качественных аспектах, но и в количественном отношении.

Количественная сторона прогнозов — сколько будем добывать нефти и газа, сколько и какой обработанной продукции будем производить, какие транспортные и перерабатывающие мощности нужно создать, с какими затратами и с какими экономическими эффектами и проч. — для нас весьма актуальна, поскольку, во-первых, постоянно растет внутренний спрос на энергоресурсы; а во-вторых, Россия, являясь крупнейшим в мире экспортером углеводородов, позиционируется как «энергетическая сверхдержава». Мы заключаем долгосрочные внешнеторговые контракты на поставку нефти и газа, в последние годы сделав «реверанс» в сторону азиатского рынка, и сооружаем нацеленную на экспорт мощную транспортную инфраструктуру, затрачивая десятки миллиардов долларов. И будет чрезвычайно обидно, если по прошествии нескольких лет выяснится, что эти усилия и затраты окажутся напрасными, что у нас не хватает ресурсов сырья для обеспечения внутреннего рыка и выполнения внешнеэкономических обязательств. Такой риск существует, поскольку уже сегодня отечественный нефтегазовый сектор с трудом совмещает работу на два «фронта». То у нас в стране возникает дефицит газа, то вспыхивают бензиновые кризисы, то не хватает нефти для заполнения ВСТО, то европейские потребители жалуются на недопоставки российского газа… Подобные симптомы, к великому сожалению, не могут обнадеживать.

Меньше всего объективных сомнений вызывают перспективы предстоящего развития газовой отрасли. Мы только-только приступаем к освоению огромных ресурсов газа на полуострове Ямал, которые известны уже достаточно давно и были разведаны (в значительной своей степени) еще в советские годы. В Восточной Сибири «лежат без дела» уникальные газоконденсатные месторождения, например Ковыктинское, поскольку не решены вопросы, как использовать добываемый газ и в каком направлении его транспортировать. Плюс к этому ресурсы морских шельфов и десятки миллиардов «кубов» нефтяного попутного газа, которые сгорают на промысловых факелах. Т.е. с ресурсной составляющей, вроде бы, все в порядке. Исходя из нашего прошлого и современного опыта, ожидать возникновение проблем следует по части финансирования инвестиций (где взять средства?) и сбалансированности развития отраслевой инфраструктуры. Новой проблемой может стать изменение конъюнктуры и общего расклада сил на международных газовых рынках, в результате которого российский газ может оказаться невостребованным в тех объемах, на которые мы рассчитываем. Но уж лучше иметь избыток ресурсов, чем столкнуться дефицитом.

Угроза ресурсного дефицита в последние годы все настойчивее «маячит» перед отечественной нефтяной отраслью. И если, к примеру, выход на Ямал, столь же богатый газовыми ресурсами, как и Надым-Пур-Тазовский регион, для нас был просто вопросом времени (когда же, наконец, начнем?), то «поход за нефтью», устремленный в полярные широты и к арктическому шельфу — это, скорее, фатальная неизбежность или «жест отчаяния», нежели уверенный шаг по освоению ресурсно-сырьевого потенциала страны,

сулящий получение очередной «приличной порции» нефтяной ренты. Ведь даже в Восточной Сибири, на территории Сибирской платформы горно-геологические и природно-климатические условия нефтедобычи несопоставимо хуже, чем в основных промысловых районах Западно-Сибирской провинции. С технологической точки зрения к работе в таких условиях российские нефтяные компании слабо подготовлены, а потому во многом ориентируются на импорт технологий и оборудования. Да и с финансами, видимо, не все обстоит благополучно, поскольку под добычные и транспортные проекты на востоке России привлекаются китайские кредиты — на первый взгляд, заманчивые (с длительным сроком погашения и под низкий процент), а в итоге, больше похожие на «сыр в мышеловке». Пользуясь правом кредитора, Китай оказался капризным покупателем и начал диктовать свои условия поставок, а российская сторона в октябре 2011 г. согласилась снизить цену на продаваемую нефть на 1,5 долл. за барр. За оставшийся период действия контракта при ежегодных поставках нефти в Китай в объеме 15 млн т такая «скидка» выльется нашей стране в 3 млрд долл. упущенной выгоды.[426] При этом федеральный центр вынужден «спонсировать» нефтедобычу в Восточной Сибири и на шельфах путем предоставления налоговых и экспортных льгот, теряя доходы для государственной казны. По величине же ресурсов нефти все новые перспективные провинции вместе взятые оказываются не в состоянии конкурировать с Западной Сибирью. В ближайшие 15—20 лет восточные и арктические территории, вкупе с шельфами всех морей, омывающих берега России, должны лишь восполнить падение добычи западносибирской нефти и обеспечить прирост общего производства на уровне весьма скромных 5—10%. Если дальше так дело пойдет, то для обеспечения новых экспортных контрактов и растущего внутреннего спроса, нам не останется ничего иного, как искать нефть на Северном полюсе.

Какие уж тут, казалось бы, прогнозы? Тем не менее, прогнозы необходимы, а их количественные параметры и показатели должны обосновываться надлежащей качественной интерпретацией с выявлением условий реализуемости и анализом достоверности. Наиболее существенное значение имеет формирование объективных представлений о допустимой динамике издержек на добычу нефти и газа, ведь непрестанный рост издержек — медленно, но верно — сводит на нет экономические эффекты от ввода новых мощностей. Сегодня наиболее острая ситуация сложилась в нефтедобыче. Для нефтяных компаний проблема доходности пока что разрешается благодаря налоговым льготам от государства, но ведь этот источник стимулирования инвестиций и частичной компенсации затрат не бесконечен. Что будет, когда общая рентабельность новых проектов достигнет нулевого уровня? А ведь именно такова сложившаяся тенденция: цены на нефть растут медленнее, чем издержки на добычу в России. Государство должно будет приплачивать нефтяникам, чтобы поддержать рост производства? Или российская нефтедобыча покатится вниз?

Далее, естественным образом возникает целый ряд непростых вопросов. Насколько в целом объективны сложившиеся тенденции возрастания издержек? В какой мере виновата природа, т.е. весь комплекс ухудшающихся горно-геологических и других природных условий? Насколько адекватны технологии, применяемые при освоении новых ресурсных объектов; может ли технологическая неадекватность служить причиной увеличения издержек и в какой степени? Насколько негативно сказываются на динамике производственных и финансовых издержек современные институционально-экономические условия и факторы: недостаточная конкуренция, монополизм, слабый государственный контроль и проч., или все то, что в своем общем итоге выливается в отсутствие стимулов

---

[426] Нефтяники добыли китайский кредит. На 20 лет по низкой ставке // Коммерсантъ. — 18 фев. 2009 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/1122545 [2013-06-12].
Россия снижает Китаю цены на нефть // ДНИ.РУ. Интернет-газета. — Экономика. — 5 мар. 2012 • URL: http://www.dni.ru/economy/2012/3/5/228759.html [2013-06-12].

для рационализации издержек? Что можно и нужно сделать, дабы переломить негативные тренды возрастания издержек, в различных сферах воздействия: в технологической, институциональной, организационно-экономической? Насколько значителен будет вероятный эффект воздействий — удастся ли приблизиться к приемлемому тренду изменения издержек и как это отразится на прогнозной динамике добычи?

Если в процессе прогнозирования мы сумеем найти достаточно разумные ответы на поставленные вопросы и выделим ключевые факторы, на которые требуется воздействовать, тогда снизится степень неопределенности наших представлений о будущем. Указанные представления смогут принять форму сценариев развития нефтегазового сектора и его отдельных отраслей в среднесрочной и долгосрочной перспективе — различающихся по вероятности реализации и образующих информационную основу для построения обоснованных планов и стратегий.

«Нефтяной апокалипсис» по Хубберту

Начиная с 1990-х годов резко обострился интерес к построению долгосрочных сценариев развития российской нефтяной промышленности и к оценке перспектив добычи нефти в нашей стране. Повышенный интерес к российской нефти объясняется множеством различных причин экономического и политического свойства. Изначально главная из них состояла в том, что еще в середине 1980-х годов СССР (и Россия — в его составе) выдвинулся в число крупнейших поставщиков нефти на мировой рынок и был актуален вопрос, сумеет ли Россия сохранить и расширить доставшуюся ей в наследство после распада СССР рыночную нишу. Этот вопрос был непраздным и для стран-импортеров нефти и, естественно, для самой России, попавшей в серьезную финансовую зависимость от экспорта углеводородного сырья.

Динамика российской нефтедобычи в конце 1980-х годов и в постсоветское время настораживает своей «загадочностью»: сначала длительный спад, принимавший в отдельные годы угрожающий характер; затем примерно 5-летний период стабилизации, когда уровни добычи колебались около отметки в 300 млн т/год; снова уверенный рост добычи с годовыми темпами от 6 до 10%, длившийся целую «пятилетку»; и опять резкое, почти моментальное, торможение в 2005 г., после чего годовые темпы прироста не поднимались выше 1—2%. Видимо, не зря в начале 2000-х годов всех беспокоил вопрос: насколько продолжительным и устойчивым будет новый рост добычи нефти в стране и с действием каких факторов он связан — с благоприятной конъюнктурой рынка или какими-то внутренними причинами, а поднимающиеся цены лишь подхлестывают этот рост? Вопрос выглядел далеко не праздным, поскольку оснований для пессимизма в отношении российской нефти было более чем достаточно.

Этот скепсис нашел свое отражение в монографии под названием «Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии)», которая была издана в 2003 г. и в аннотации к которой сказано, что *«в монографии рассмотрены долгосрочные сценарии добычи российской нефти в условиях колебания мировых цен на нефть, спада геологоразведки, интенсификации нефтеизвлечения. На основе известной модели М. Хубберта представлены прогнозные оценки добычи нефти по основным российским регионам на период до 2020 года»*.[427]

[427] Петров В.В., Поляков Г.А., Полякова Т.В., Сергеев В.М. Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии). — М.: Фазис, 2003. — 200 с.

По предложению редакции журнала «ЭКО», в начале 2004 г. мне довелось написать рецензию, а точнее говоря, изложить свои мысли по поводу прочитанной книги.[428] Сейчас представляется интересным вернуться к этой уже достаточно давней публикации, текст которой в несколько сокращенном виде, с рядом поправок, «освежающих» комментариев и дополнений прилагается ниже.

Мне лично весьма импонирует подход авторов, которые попытались применить относительно простой математический инструментарий для моделирования сложной экономической системы, каковой является нефтедобывающая промышленность. С помощью простых методов можно, как правило, смоделировать динамику отдельных ключевых показателей развития той или иной экономической системы, и в данном случае речь идет о показателях объемов добычи нефти. Тем не менее, простые методы привлекали и привлекают исследователей, поскольку во многих случаях дают результаты, сопоставимые по «качеству» с результатами, полученными при использовании сложных моделей, детально отображающих процессы функционирования экономических систем. Однако применение простых методов (в том числе и модификаций кривой Хубберта для прогнозирования нефтедобычи) зачастую связано с эмпирическим подбором не только параметров модели, но и самих математических зависимостей (функций), на основе которых строится модель. Соответственно, возникает проблема содержательной интерпретации не только полученных результатов, но также и предпосылок, исходных данных, параметров модели.

Обратившись к триаде «анализ, тренды, сценарии», вынесенной в заголовок книги, вынужден буду признать, что самым сильным, на мой взгляд, является центральное звено этой триады — «тренды», то есть все то, что связано с построением моделей прогнозирования нефтедобычи на основе кривой Хубберта. В частности, одним из наиболее интересных и ценных в методическом плане моментов следует считать включение в модель динамических параметров, отражающих изменение запасов нефти при проведении геологоразведочных работ, что отсутствует в «классическом» варианте построения хуббертовского графика. Данное обстоятельство имеет исключительно важное значение для формирования достоверных прогнозов развития нефтедобычи не только в новых добывающих регионах (например, в Восточной Сибири или на европейском севере России), но и в относительно «старых» регионах (в Западной Сибири), ресурсный потенциал которых еще далек от исчерпания. Другой интересный аспект исследования, направленный на повышение адекватности применяемой методологии прогнозирования, связан с построением моделей на основе не одной, а нескольких кривых, каждая из которых отражает ту или иную тенденцию в развитии нефтедобычи.

Что же касается «анализа» и «сценариев» из вышеназванной триады — содержательной интерпретации предпосылок построения модели и полученных результатов (включая область их применения), — то возникает множество вопросов. Не замечаний, а именно, вопросов, дающих повод для дискуссии с авторами книги.

Прежде всего, нужно обратиться к самой кривой Хубберта, которая во многих случаях позволяет строить весьма достоверные прогнозы нефтедобычи. Спрашивается, почему с помощью несложной математической функции можно адекватным образом описать динамику результирующего показателя развития столь сложной экономической системы, каковой является нефтяная промышленность? Очевидно, что ответ на этот вопрос следует искать не в области сугубо математических построений и не в сфере технологических и технико-экономических параметров моделируемой системы. Кривая Хубберта является далеко не единственным «простым» математическим инструментом, применяемым

[428] Шмат В.В. Российская нефть: быть или не быть? Размышления по поводу одной книги // ЭКО. — 2004. — № 3. — С. 92—112 • URL: http://www.ecotrends.ru/archive/540-edition-03?layout=blog [2013-06-12].

для прогнозирования нефтедобычи: существуют и другие известные подходы, позволяющие получать сопоставимые результаты (например, кривая Гаусса). Дифференциация же технологических и технико-экономических показателей добычи нефти в разных странах и регионах, на разных месторождениях может быть столь значительной (и на самом деле является таковой), что вряд ли можно говорить о наличии каких-то устойчивых общих закономерностей. Следовательно, мы должны признать существование фундаментальных, неизменных, постоянно действующих экономических факторов или закономерностей, определяющих динамику добычи нефти, а эмпирически выведенная кривая Хубберта лишь позволяет отразить действие названных факторов. Данные закономерности обусловливают так называемую «естественную» эволюцию нефтеносных провинций в условиях… **рыночной экономики** (!) [429] . Естественный характер эволюции, складывающийся под действием фундаментальных экономических факторов, придает динамике нефтедобычи типичный график, который можно экстраполировать с помощью формулы кривой Хубберта.

Говоря о естественной эволюции нефтедобычи, хочется еще раз особо подчеркнуть, что таковая эволюция складывается в условиях рыночной экономики, когда динамика добычи нефти зависит от изменения конъюнктуры товарного рынка (энергоносителей), рынка капитала, рынка природных ресурсов (запасов нефти). То есть механизмы развития отдельной отрасли с необходимостью должен рассматриваться во взаимосвязи с механизмами и закономерностями функционирования всей экономики, устроенной по рыночному принципу. В указанных механизмах воплощается инстинктивное поведение класса частных собственников (капитала и природных ресурсов), которое мотивируется стремлением к долгосрочной максимизации доходов от принадлежащей им собственности. Почему инстинктивное? Потому что оно объективно, оно не зависит от воли и желания отдельных представителей класса и обеспечивает самосохранение и саморазвитие класса в целом.

Против сказанного можно возразить, что собственником природных ресурсов во многих странах мира является государство, поведение которого нельзя считать объективным, ибо последнее зависит от воли и разума отдельных представителей власти, расклада политических сил, доминирующего в обществе мировоззрения. Помимо этого, государство регулирует все экономические процессы, проистекающие в той или иной стране. Да, это так. Но произвол со стороны государства в условиях господства рыночных отношений всегда имеет естественные ограничители, связанные с инстинктивным поведением других участников экономического процесса. И даже будучи «субъективным» собственником природных ресурсов, государство в общем случае вынуждено вести себя так, как подобает «объективному» частному собственнику. Конечно, в отдельных странах мира в отдельные отрезки времени воля и разум государства могут преобладать над рыночными инстинктами и вступать в противоречие с ними. История знает такие примеры. Но история знает и примеры совершенно иного рода, когда направленность вектора государственной воли полностью совпадает с направлением вектора рыночных инстинктов. Например, в современной Норвегии государство предстает в роли «объективного» собственника, демонстрирующего наилучшие способности к долгосрочной максимизации доходов от принадлежащей ему собственности, своего рода «идеальным частным собственником».

Интерпретация предпосылок выведения кривой Хубберта в терминах естественной эволюции нефтеносных провинций позволяет более адекватно оценить возможности применения хуббертовских моделей для экстраполяции и прогнозирования добычи нефти. Можно согласиться с авторами обсуждаемой книги в том, что подобного рода модели позволяют строить удовлетворительные (по достоверности) прогнозы для большинства стран

---

[429] Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В. Эволюционный подход к формированию системы государственного регулирования нефтегазового сектора экономики. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. — 168 с.

и регионов мира. Но авторы сами отмечают, что в ряде случаев данный инструментарий дает более или менее заметные «сбои», и приводят в качестве примера хуббертовский прогноз добычи нефти в США: *«... М. Хубберт мог предсказать в 1956 г., что пик добычи нефт в США будет достигнут приблизительно в 1970 г., но не смог предсказать — в соответствии со своей моделью — следующий максимум, обусловленный разведкой и интенсивной нефтедобычей в последующие годы на Аляске».*[430] Схожую ошибку прогнозирование по Хубберту дает и на примере России. Убедиться в этом нетрудно, если попытаться построить гипотетический прогноз добычи на основе тренда, сложившегося в период до 1960 г., т.е. до начала освоения ресурсов Западно-Сибирской нефтеносной провинции. Дело в том, что классическая модель Хубберта не учитывает возможности приращения запасов и расширения добычи, обусловленные геологоразведкой, она не «видит» месторождения и целые нефтеносные регионы, если там не ведется активная добыча, то есть не пройдена первая точка перегиба на графике добычи (рис. ХУБ-1)[431].

Рисунок • ХУБ-1

Пример построения кривых Хубберта и Гаусса

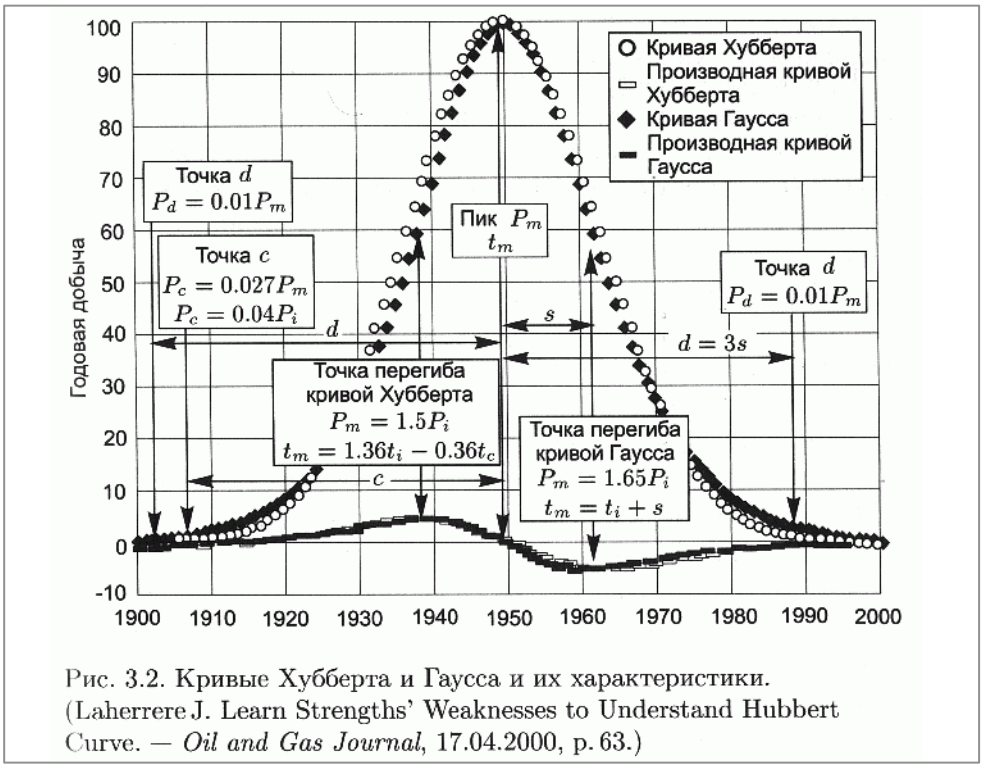

Рис. 3.2. Кривые Хубберта и Гаусса и их характеристики.
(Laherrere J. Learn Strengths' Weaknesses to Understand Hubbert Curve. — *Oil and Gas Journal*, 17.04.2000, p. 63.)

Иллюстрация из книги «Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии)».

Исправить эту ошибку, по мнению авторов, можно путем динамического описания процесса добычи, которое предполагает взаимосвязанность добычи и разведки, а также возможность учета интенсивности добычи (вследствие дополнительного эксплуатационного бурения и применения методов повышения нефтеотдачи). Кроме того, для моделирования динамических аспектов добычи и разведки предлагается использовать (в соответствии с идеей Ж. Лэрье) несколько кривых Хубберта. Со всем этим можно согласиться,

[430] Петров В.В., Поляков Г.А., Полякова Т.В., Сергеев В.М. Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии). — М.: Фазис, 2003. — С. 61.

[431] С точки зрения построения кривой Хубберта критически важной является первая точка перегиба на графике добычи нефти, которая находится на участке растущей добычи и разделяет фазы роста с ускоряющимся и замедляющимся темпом. Другой критически важной точкой на графике является точка достижения максимума добычи.

если признать в качестве первопричины ошибки следующее обстоятельство. В большинстве нефтедобывающих стран мира добыча «черного золота» ведется, как правило, в границах одной нефтеносной провинции (бассейна). Россия и Соединенные Штаты представляют из себя яркое исключение на общем фоне: на территории каждой из этих стран расположено несколько нефтеносных провинций. При наличии нескольких провинций прогнозирование добычи по Хубберту не даст характерной ошибки только при условии, если освоение различных провинций будет синхронизировано во времени таким образом, как будто речь идет о развитии добычи в границах одной агрегированной нефтеносной провинции. Но это уже дело случая. В реальной действительности освоение провинций может происходить асинхронно, как это происходит и в нашей стране, и в США.

По-видимому, для более адекватного прогнозирования добычи нефти в странах, подобных России и США, с использованием хуббертовской модели следует придерживаться одного из двух нижеследующих подходов. В самом простом случае возможно использование нескольких кривых, каждая из которых должна описывать динамику добычи в границах той или иной отдельно взятой провинции. Второй, более сложный, подход предполагает построение прогноза в два этапа. Сначала формируются прогнозные тренды добычи по отдельным нефтеносным провинциям. При этом возможно использование модифицированных вариантов модели Хубберта — на основе нескольких кривых и с учетом динамических аспектов во взаимосвязи «разведка — добыча» (вероятного приращения запасов и интенсификации добычи). На втором этапе индивидуальные тренды сводятся в общий прогноз с учетом различных гипотез о возможной синхронизации или очередности освоения нефтеносных провинций.

Но в случае применения к российским реалиям прогнозирование по Хубберту дает не только ошибку, связанную с «незрячестью» модели в отношении новых нефтеносных провинций. И данная ошибка представляется не самой серьезной, поскольку ее можно избежать, если использовать модифицированные подходы к построению модели. С позиций сегодняшнего дня главный вопрос заключается в том, почему с помощью хуббертовской модели не удается адекватным образом отразить недавний бурный рост добычи нефти в стране, который отнюдь не связан с вводом в разработку новых крупных месторождений или провинций?

Для прогнозирования нефтедобычи в России авторами рассматриваемой книги была построена модель, учитывающая тренд добычи «СССР — Россия» за 1872—2000 гг. и основанная на 6-ти кривых Хубберта. С помощью такой модели удалось весьма точно экстраполировать динамику прошлой добычи, включая два пика — 1984 и 1988 годов. Но построенная модель, тем не менее, не «увидела» роста добычи в 2000—2005 гг. (рис. ХУБ-2). В этом нет ничего удивительного, поскольку, согласно Лэрье, область адекватного применения кривой Хабберта ограничивается только теми периодами, когда динамика добычи находится главным образом под влиянием фактора запасов, а экономические факторы не оказывают на нее существенного воздействия.[432]

Самое общее объяснение последнего всплеска добычи авторы видят в реструктуризации нефтяной отрасли. В качестве другой причины роста они признают благоприятную конъюнктуру мирового рынка, вследствие которой усилился приток инвестиций в российскую нефтяную промышленность, что, в свою очередь, обусловило повышение интенсификации добычи на действующих месторождениях. Для уточнения прогноза первоначальная модель была модифицирована с учетом фактора остаточных извлекаемых запасов, но и в этом случае прогнозная оценка добычи нефти не претерпела

[432] Laherrere J.H. Learn Strengths' Weaknesses to Understand Hubbert curve // Oil & Gas Journal. — 2000. — Apr. 17. — Vol. 98, Issue 16 • URL: http://www.ogj.com/articles/print/volume-98/issue-16.html [2013-06-12].

заметных изменений — лишь точка начала падения добычи несколько сдвинулась во времени (рис. ХУБ-3).

Рисунок • ХУБ-2

График экстраполяции добычи нефти в СССР и России с использованием модифицированной модели Хубберта

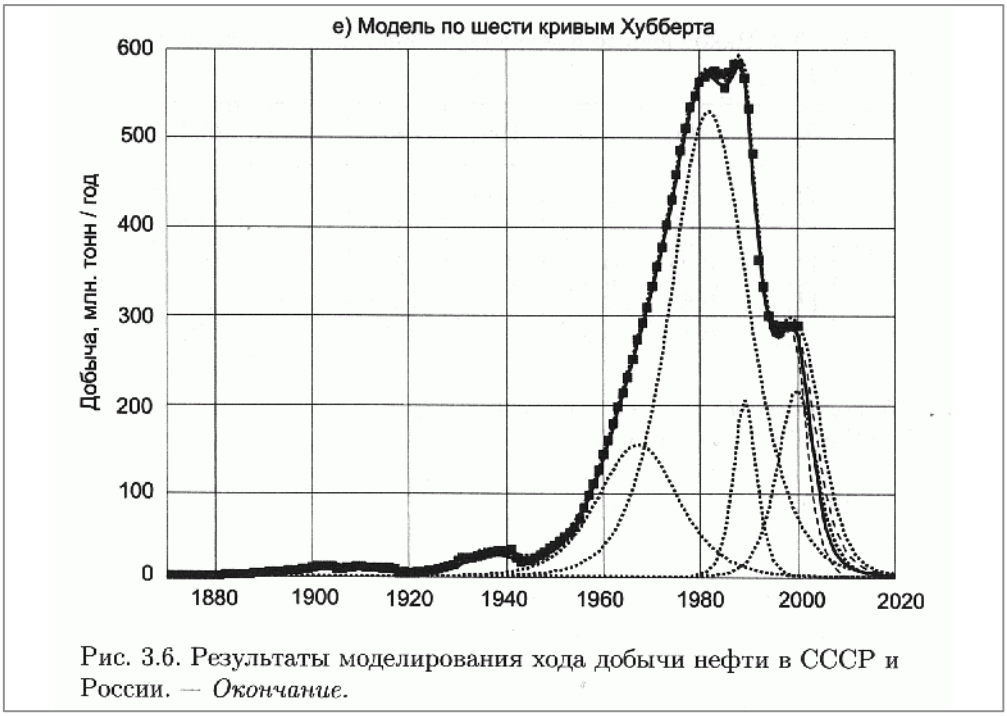

Рис. 3.6. Результаты моделирования хода добычи нефти в СССР и России. — *Окончание.*

Иллюстрация из книги «Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии)».

Рисунок • ХУБ-3

Прогноз добычи нефти в России с учетом фактора движения извлекаемых запасов

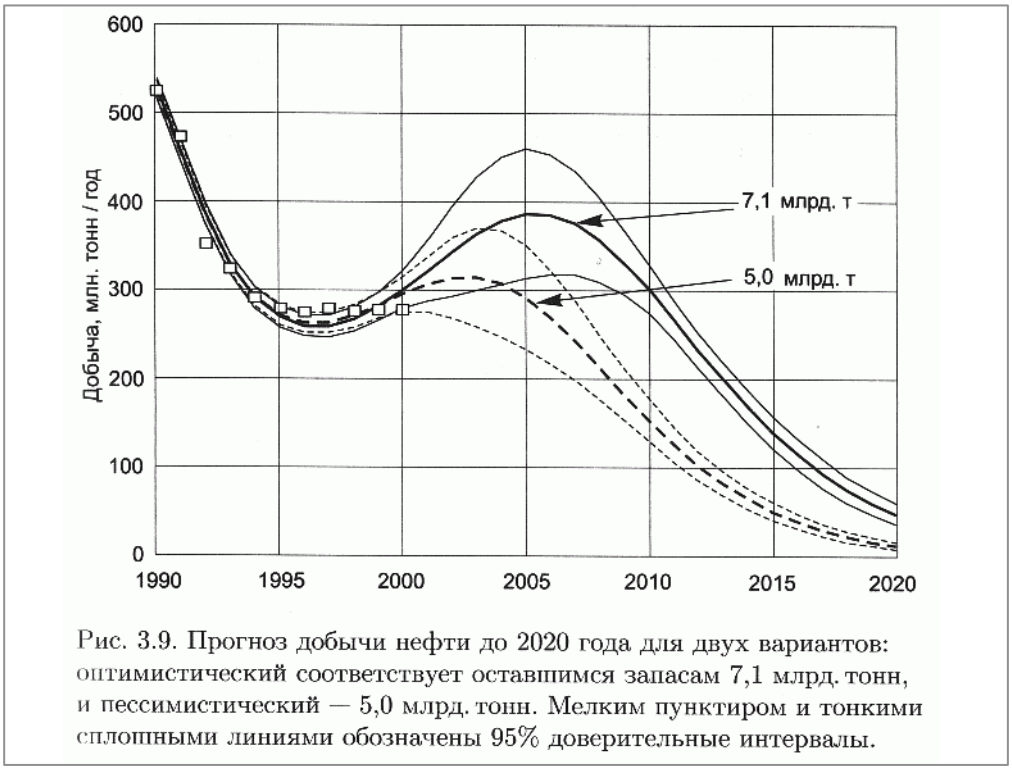

Рис. 3.9. Прогноз добычи нефти до 2020 года для двух вариантов: оптимистический соответствует оставшимся запасам 7,1 млрд. тонн, и пессимистический — 5,0 млрд. тонн. Мелким пунктиром и тонкими сплошными линиями обозначены 95% доверительные интервалы.

Иллюстрация из книги «Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии)».

По мнению авторов книги, *«глубокий спад в добыче нефти, прогнозируемый после 2005 г., окажется неизбежным просто потому, что извлекаемые запасы нефти иссякают, а новые месторождения не вводятся в эксплуатацию».*[433] При этом отмечается, что существует ряд факторов, которые сдерживают тенденцию к падению добычи в 2003—2004 годах: инерционность развития отрасли, стремление российских компаний сохранить свои рыночные позиции при любом изменении мировой конъюнктуры, приближающиеся президентские выборы в стране. С учетом сказанного общий вывод звучит так: *«… до второй половины 2004 г. маловероятно значительное снижение объемов добычи российской нефти. Однако, если и после этого периода мировые цены будут продолжать свое движение вниз, то обвального спада избежать вряд ли удастся. Скорее всего он будет носить именно обвальный характер, потому что в предшествующие годы за счет сверхэксплуатации высокопродуктивных пластов и значительных инвестиций по увеличению нефтеотдачи удается удержать добычу на высоком уровне. Однако низкие цены на нефть сделают неэкономичным использование мер по повышению нефтеотдачи, добычу на высокообводненных площадях и низкодебитных скважинах, остановят всю оставшуюся геологоразведку и т.д. В результате объем добычи может резко упасть, и во многом траектория его падения может быть сходна с почти вертикальной кривой спада на крупнейшем Самотлорском месторождении. В этом случае наиболее критичным может стать период 2005—2008 годов».*[434]

Остается только добавить, что прогнозируемое обвальное сокращение общей добычи нефти в стране авторы прежде всего связывают с падением нефтедобычи в Западной Сибири, где таковое — опять же обвальным образом — будет происходить при любом из рассмотренных ими вариантов интенсивности извлечения запасов (растущей, неизменной, падающей) — рис. ХУБ-4.

Рисунок • ХУБ-4

Прогноз добычи нефти в России с учетом фактора движения извлекаемых запасов

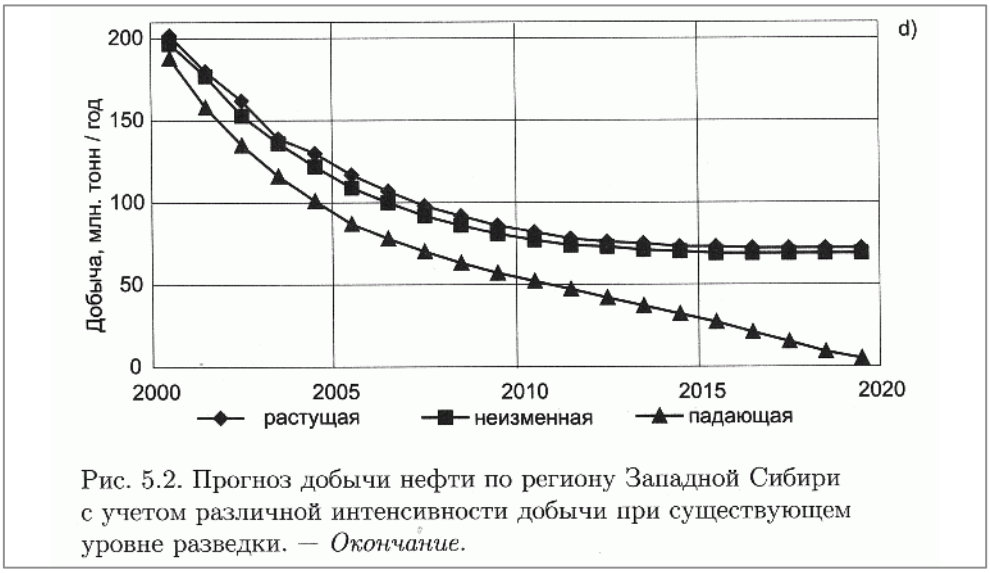

Рис. 5.2. Прогноз добычи нефти по региону Западной Сибири с учетом различной интенсивности добычи при существующем уровне разведки. — *Окончание.*

Иллюстрация из книги «Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии)».

[433] Петров В.В., Поляков Г.А., Полякова Т.В., Сергеев В.М. Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии). — М.: Фазис, 2003. — С. 92.

[434] Там же, с. 194.

Западная Сибирь поставлена авторами в один ряд с Северным Кавказом, являющимся старейшим нефтедобывающим регионом России, давно вступившим в стадию естественного снижения добычи. Тогда как в районах Урало-Поволжья спад добычи в период до 2010 г. прогнозируется лишь при условии снижения интенсивности извлечения запасов (при неизменной интенсивности прогнозируется умеренный, а при растущей — весьма существенный подъем добычи нефти). Схожий прогноз построен авторами книги и для районов европейского Севера России. Более того, по результатам моделирования авторы признают, что *«Север Европейской части России является наиболее перспективным из всех рассмотренных регионов. Здесь с наименьшими затратами может быть обеспечен быстрый прирост добычи нефти, далеко не исчерпаны разбуренные месторождения и имеются значительные перспективы как на уже освоенных, так и на новых месторождениях».* [435] Справедливости ради нужно отметить, что с точки зрения долгосрочного планирования добычи нефти авторы высоко оценили значение Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но эти регионы не были отражены в модели по причине *«отсутствия масштабного освоения нефтегазоносных провинций»* — первые точки перегиба в статистике добычи не пройдены, следовательно, модель Хубберта не может быть использована для репрезентативного анализа.

Указанные долгосрочные сценарии развития нефтедобычи в регионах России представляются весьма спорными, особенно, в контексте той содержательной интерпретации современного роста добычи, к которой прибегают авторы. Речь идет об интенсификации извлечения запасов, которая в условиях ожидаемого ухудшения конъюнктуры мирового рынка может обернуться обвальным падением добычи — при этом неявным образом подразумеваются регионы Западной Сибири. Однако по уровню интенсификации добычи и масштабам применения новых методов признанным лидером в нашей стране является Республика Татарстан (2-е место в России по объемам добычи нефти после Ханты-Мансийского АО), где степень исчерпания запасов существенно выше, чем в Западной Сибири. Поэтому естественно было предположить, что ухудшение рыночной конъюнктуры должно в первую очередь негативно сказаться на добыче нефти именно в этом регионе, где даже в условиях высоких цен на нефть имел место затухающий рост добычи: темпы прироста добычи нефти в Татарстане снизились с 3,6% в 2000 г. до 1,5% в 2003 г.; в 2008 г., когда цены на нефть достигли своего предкризисного пика, прирост составил 0,9%; в 2010—2011 гг., несмотря на новый рост цен, среднегодовой темп прироста добычи нефти опустился ниже 0,2%.[436] Если обратиться к показателям работы нефтяных компаний, основные мощности которых сосредоточены в Западной Сибири, то найти прямые корреляции между уровнем интенсивности добычи и угрозой обвального спада в случае низких цен на нефть также довольно трудно. Наибольший удельный вес добычи нефти за счет интенсивных методов в начале 2000-х годов был характерен для «Сибнефти» и «ЮКОСа». Но именно в этих компаниях фиксировались и самые благоприятные показатели себестоимости добычи, которые были в среднем в 1,5—2 раза ниже, чем у других крупных производителей, что как раз и требуется в предвидении снижения цен на нефть. Нынешний спад добычи нефти в Ханты-Мансийском округе затронул практически все крупные компании, за исключением, пожалуй, «Роснефти» с ее Приобским месторождением, совершенно независимо от того, ранее «прославились» они применением интенсивных методов добычи или нет.

Таким образом, говоря об интенсификации извлечения запасов нефти во взаимосвязи с угрозой последующего обвала добычи, можно согласиться с авторами рассматриваемой книги лишь по двум пунктам. Первое. Интенсификация извлечения запасов (добычи) должна

---

[435] Петров В.В., Поляков Г.А., Полякова Т.В., Сергеев В.М. Долгосрочные перспективы российской нефти (анализ, тренды, сценарии). — М.: Фазис, 2003. — С. 170.

[436] Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

иметь разумные пределы, вытекающие из экономических и технологических условий развития нефтяной отрасли. При этом во внимание должны приниматься не только краткосрочные, но и долгосрочные интересы; не только интересы самих производителей нефти, но также и национальные интересы. В роли проводника национальных интересов должно выступать государство, а в арсенале мер государственного регулирования экономики должны быть эффективные инструменты регулирования интенсивности добычи нефти. Второе. Существуют вполне оправданные опасения того, что нефтяные компании, стремясь максимизировать свои прибыли в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры, могут перешагнуть (или в действительности перешагнули) через рубеж разумной интенсификации, что в последующем с неизбежностью приведет к резкому падению добычи. Но это всего лишь опасения, не получившие должного подтверждения ни со стороны авторов рассматриваемой книги, ни со стороны других исследователей, пессимистически оценивающих современный, пусть и затухающий, рост нефтедобычи в России.

Еще один дискуссионный момент при построении долгосрочных сценариев развития нефтедобычи с применением хуббертовской модели связан с учетом динамических аспектов в цепочке «разведка — добыча», то есть с движением запасов нефти. Известно, что величина запасов нефти может оцениваться разными способами. В частности, существует американская классификация запасов, в основе которой лежат экономические критерии, и российская — основанная преимущественно на геолого-технологических параметрах. При выведении кривых Хубберта для прогнозирования добычи нефти в России возникает проблема переоценки величины запасов, исчисленной в соответствии с отечественной классификацией. Вопрос переоценки запасов очень детально проанализирован авторами книги, но мне представляется, что при решении прогнозных задач он не столь актуален, как это может показаться.[437]

Рискну высказать предположение, что показатель величины достоверных запасов может рассматриваться в качестве одного из факторов, влияющих на динамику добычи, только в том случае, если он выступает в роли геолого-технологического параметра и обусловливает «физически» возможные пределы роста добычи. Между тем, показатель достоверных запасов в американской классификации имеет преимущественно экономическую природу, и его величина весьма слабо связана с размерами реальных запасов (авторы фактически сами признают данное обстоятельство в своем замечании по поводу исчисления величины накопленных извлекаемых запасов, показатель которых используется в модифицированной модели Хубберта). При прочих равных условиях (в частности, нормальных или средних условиях геологоразведки) величина классифицированных достоверных запасов зависит от объемов выполненных геологоразведочных работ. Последние, в свою очередь, определяются размерами инвестиций в данную отрасль экономики, которые формируются в соответствии с общими закономерностями движения капитала в условиях рыночной экономики.

В странах с рыночной экономикой величина достоверных запасов нефти складывается таким образом, что значение показателя кратности (обеспеченности текущей добычи запасами) устремляется к общей для всех отметке, равной примерно 10-ти годам, что может иметь двоякую содержательную интерпретацию. С одной стороны, 10 лет — это приблизительный срок окупаемости инвестиций в геологоразведку, или временной лаг, связанный с продолжительностью технологического цикла проведения собственно геологоразведочных работ и начальной фазы добычи на разведанном месторождении (в средних, нормальных условиях). С другой стороны, значение показателя обеспеченности запасами корреспондируется с периодом обновления основного капитала в экономике

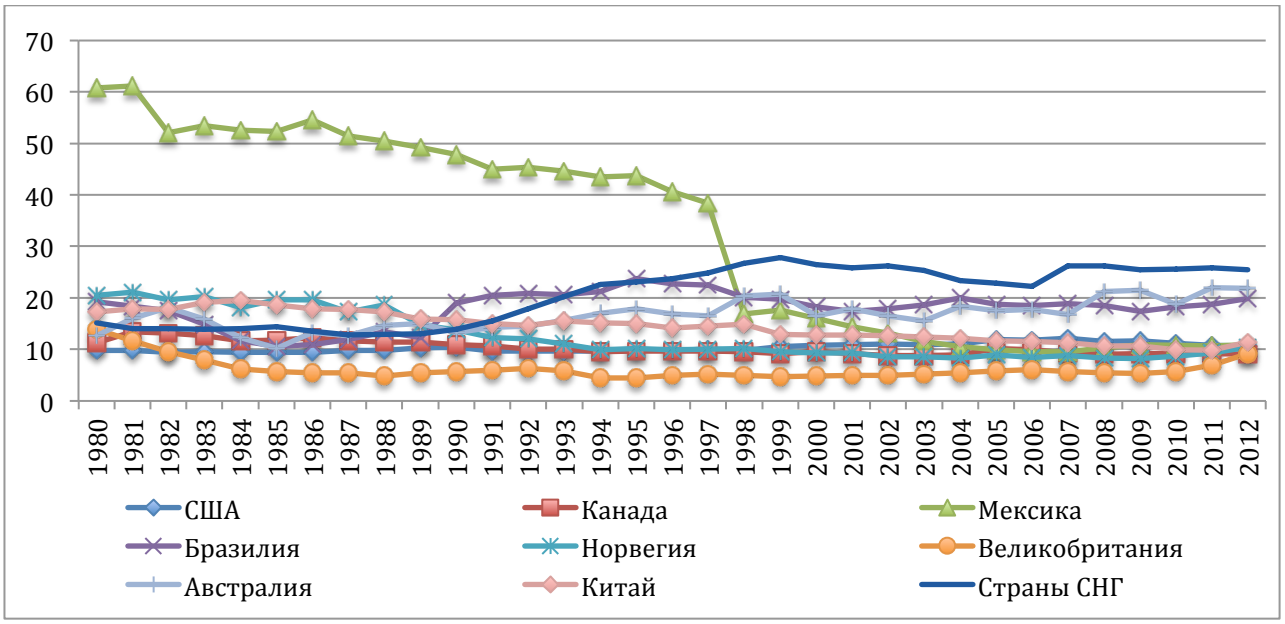
[437] Переоценка запасов в действительности актуальна для российских нефтяных компаний, чьи акции котируются на международных фондовых биржах. В этом случае показатели оценки активов компаний должны соответствовать общепринятым стандартам.

в целом. Из общего ряда «выбиваются» только государства ОПЕК с характерной для них «сверхконцентрацией» ресурсов нефти и постсоветские страны, где на протяжении многих десятилетий геологоразведка велась по плану, а не в соответствии с рыночными условиями.

Динамика показателя обеспеченности запасами удивительно устойчива во времени и практически не зависит от фазы развития нефтедобычи — роста, стабилизации или падения (рис. ХУБ-5). Так, в США значение рассматриваемого показателя почти не изменяется на протяжении последних более чем 30-ти лет, а в нефтедобыче в эти годы имели место и рост, и стабилизация, и спад, и новый подъем. В Норвегии и Великобритании вплоть до начала 2000-х годов снижение обеспеченности запасами происходило на фоне растущей добычи. В динамике показателя обеспеченности запасами отклонения от общей закономерности вероятны в исключительных случаях, то есть при совершении уникальных открытий, когда отдача от инвестиций в геологоразведку многократно превышает средний уровень, либо на очень ранней фазе развития нефтедобычи. Так было, к примеру, в Норвегии после открытия первых крупных месторождений на шельфе Северного моря, но со временем (к началу 1990-х годов) и норвежский показатель приблизился к среднему уровню.

Рисунок • ХУБ-5

Изменение уровня обеспеченности текущей добычи нефти доказанными запасами в различных странах мира в 1980—2012 гг., лет

По данным BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com.

Рискну высказать «крамольное» предположение, что дальнейшее простое приращение разведанных запасов нефти в России (которое с формальной точки зрения рассматривается в качестве одного из условий поддержания стабильной добычи) не только не будет способствовать увеличению объемов производства в нефтяной отрасли, а наоборот, станет сдерживающим фактором на пути возможного роста. С позиций разумного инвестирования вложение средств в нефтяную геологоразведку в настоящее время может быть оправдано только в расчете на открытие запасов, в среднем более эффективных по сравнению с ныне выявленными. В противном случае новые запасы поступят в разработку не ранее, чем через 15—20 лет. Никакого смысла в омертвлении капитала на столь длительный период времени не просматривается — это всего лишь отвлечет потенциальные инвестиционные ресурсы из сферы нефтедобычи, где они могут быть использованы для обеспечения роста или стабилизации объемов производства. Сказанное не означает, что нефтяная геологоразведка нам сейчас не нужна. Речь идет об изменении приоритетов в развитии данной отрасли: от экстенсивного приращения запасов в границах хорошо изученных

площадей и горизонтов необходимо переориентироваться на поиск и разведку новых более эффективных объектов. Необходимо повышение технологического уровня выполнения поисковых и разведочных работ, что является одним из факторов, способствующих успешным открытиям. При этом нельзя противопоставлять по значимости новые нефтеносные провинции тем регионам, которые уже находятся в стадии освоения, так как ресурсный потенциал последних еще очень далек от своего исчерпания.

Рассмотрев различные аспекты построения хуббертовской модели, можно вновь вернуться к основному вопросу: почему с помощь данного инструментария не удается адекватным образом описать недавний бурный подъем добычи нефти в России и в Западной Сибири, следовательно, сформировать достоверный прогноз дальнейшего развития событий? Если рост добычи российской нефти не удается напрямую связать ни с конъюнктурой рынка, ни с интенсификацией извлечения запасов, ни с изменением величины последних, то что же тогда определяет реальный тренд добычи? И чем объясняется нынешний тренд западносибирской нефтедобычи, которая начала снижаться несмотря на далеко не самые худшие показатели выработанности и разведанности запасов? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к интерпретациям фундаментальных закономерностей развития нефтедобычи, которые выражаются в терминах естественной эволюции.

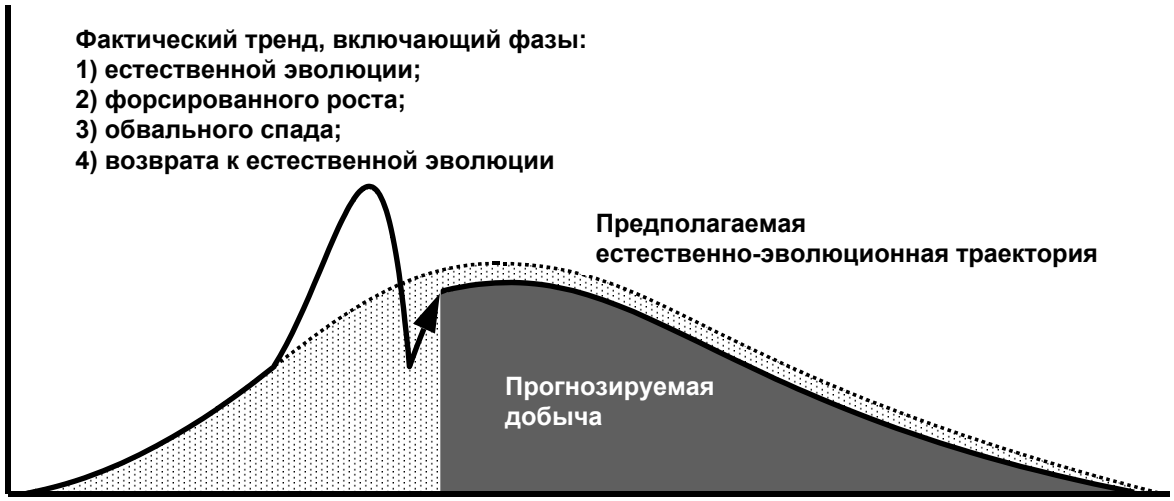
До 1970-х годов прошлого столетия развитие нефтедобывающей промышленности в СССР примерно соответствовало естественно-эволюционной траектории, хотя в советской плановой экономике и не было места для рыночных отношений. В рыночной экономике естественным ограничителем роста добычи нефти (барьером для сверхинтенсивной добычи) являются объективные интересы класса собственников капитала и природных ресурсов. В плановой экономике подобного ограничителя не существует, но все же рост добычи нефти происходил в разумных пределах, следуя за динамикой внутренней потребности в энергоресурсах. Реальными возможностями для широкомасштабного экспорта СССР еще не располагал, да и особой потребности в этом не было, если учесть наличие других сравнительно легкодоступных для освоения природных ресурсов, исключительную дешевизну рабочей силы и то, что экономика в целом развивалась в основном по принципам натурального хозяйства. К тому же уровень мировых цен на нефть был относительно низок, и экспорт «черного золота» еще не сулил каких-либо сверхдоходов.

Ситуация резко изменилась в середине 1970-х годов. Были открыты уникальные нефтяные ресурсы в Западной Сибири, и у СССР появилась возможность для значительного роста добычи нефти с ориентацией на экспорт. Радикальные изменения произошли на мировом нефтяном рынке: два скачка цен (в 1974 и 1979 годах) привели к тому, что в номинальном исчислении цены на нефть по сравнению с периодом 1960-х годов выросли примерно в 15 раз. Пропорционально этому возросла и эффективность экспорта нефти. Но самое главное, у страны появилась по сути дела неограниченная потребность в наращивании экспорта нефти и других энергоресурсов — нужно было поддерживать неконкурентоспособные отрасли экономики, финансировать военно-промышленный комплекс, финансировать внешнеполитическую экспансию, решать социальные задачи… То есть перестали действовать ранее существовавшие ограничители добычи нефти, и начался ее форсированный рост (прежде всего — за счет ресурсов Западной Сибири). Тренд добычи нефти в СССР резко сместился вверх по отношению к естественно-эволюционной траектории. Нарушение фундаментальных закономерностей в развитии отрасли привело к тому, что форсированный подъем добычи нефти стал сопровождаться еще более быстрым ростом издержек. В конце концов (на рубеже 1980—1990-х годов) величина издержек в нефтедобыче достигла такого уровня, что страна оказалась просто не в состоянии достойным образом финансировать нефтяную промышленность — даже для поддержания достигнутых показателей добычи, не говоря уже о дальнейшем росте. В результате начался обвальный спад, который усилился под действием общесистемного кризиса, приведшего к распаду СССР и радикальной трансформации политико-экономического устройства

в России. Но со временем (к середине 1990-х годов) наиболее негативные проявления кризиса исчерпали себя, сложились контуры новой институциональной структуры экономики, постепенно заработали рыночные механизмы, вследствие чего длительный спад в добыче нефти сменился относительной стабилизацией — но на очень низком уровне, находящемся глубоко под линией естественно-эволюционной траектории. В течение стабилизационного периода, который продолжался примерно 5 лет, вызрели экономические предпосылки, необходимые для возвращения российской нефтяной промышленности на путь естественной эволюции, в результате чего и начался новый подъем добычи нефти. Высокой скорости этого подъема способствовала благоприятная конъюнктура мирового рынка. Образно выражаясь, сначала мы подпрыгнули выше головы и ударились о потолок, затем упали ниже пола, отжались, а теперь распрямились в свой нормальный рост (рис. ХУБ-6).

Рисунок • ХУБ-6

Схематический график динамики прошлой и прогнозируемой добычи нефти в России

Примечание: график построен в соответствии с гипотезой автора.

Если согласиться с приведенным выше объяснением прошлой и современной динамики добычи нефти в России, то возникает вопрос: к какой фазе естественной эволюции (без учета новых, неосвоенных нефтеносных провинций) мы возвращаемся — растущей или падающей добычи? Если все-таки мы возвращаемся к фазе роста, то как далеко мы можем находиться от «вершины холма», точки максимума вероятной добычи?

Среднесрочный (на 10 лет) прогноз добычи нефти на примере Ханты-Мансийского автономного округа, построенный с использованием детализированной производственно-финансовой модели, позволил выявить два принципиально различающихся сценария будущего развития событий: консервативный и оптимистический.[438]

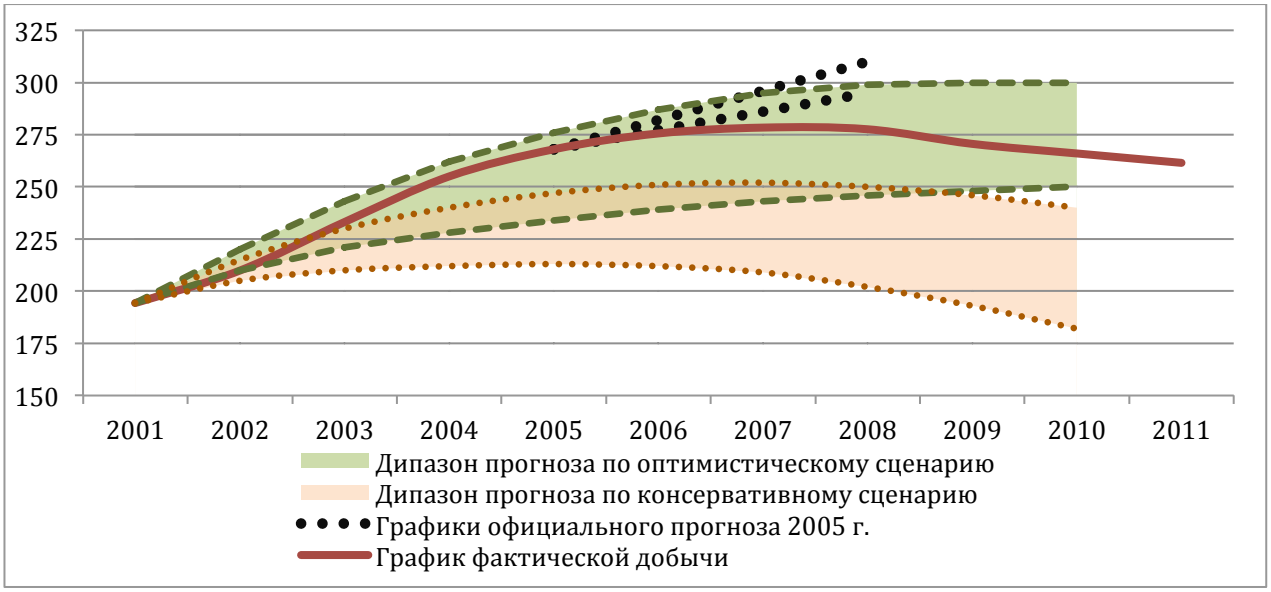
[438] В качестве инструмента прогнозирования использовалась производственно-финансовая модель регионального нефтегазового сектора, разработанная при участии автора настоящей статьи. Более подробно см.:
Крюков В., Севастьянова А., Шмат В. Производственно-финансовая модель регионального нефтегазового сектора // В кн.: Нефтегазовый сектор России в трех измерениях. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — С. 57—103.
Шмат В. *Oil&Socio* — программное приложение производственно-финансовой модели регионального нефтегазового сектора. Там же, с. 105—128.
Шмат В., Севастьянова А. Новая стратегия нефтегазовых территорий: экономика, информация, социум. Информационно-аналитические методы и ситуационный анализ в стратегическом управлении нефтегазодобывающим регионом на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / под ред. В.В. Кулешова, В.А. Крюкова. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2006.

При построении консервативного сценария предполагалось, что в 2001—2010 гг. основные тенденции развития нефтяной промышленности останутся неизменными. К числу таковых тенденций относились: постепенное истощение наиболее эффективной части запасов нефти; падение дебитов скважин и (как следствие) рост издержек производства; сохранение высокого уровня трансакционных издержек, обусловленных сложившейся институциональной структурой отрасли (доминированием вертикально-интегрированных компаний, трансфертным ценообразованием, смещением «центра прибыли» из сферы добычи нефти в сферу ее переработки и реализации конечной продукции). В консервативном сценарии линия тренда прогнозной добычи нефти имеет характерный волнообразный вид с достижением максимума в 2005—2007 гг., после чего начинается падение, но не обвальное, а соответствующее углу наклона естественно-эволюционной траектории. При анализе данного сценария была предпринята попытка выявить наиболее значимые факторы, которые могли бы воспрепятствовать падению добычи нефти во второй половине прогнозного периода: повышение уровня мировых цен на нефть (1); расширение притока инвестиций (2); снижение налогов на добычу (3); увеличение разведанных запасов (4); сокращение производственных и трансакционных издержек (5); Как показали расчеты, ни один из названных выше факторов кроме фактора издержек не оказывает заметного влияния на характер линии тренда прогнозной добычи. В случае благоприятного изменения факторов 1—4 происходит лишь сдвиг графика прогнозной добычи в координатной плоскости: увеличиваются численные значения объемов добычи, и несколько отодвигается во времени момент начала падения. И только сокращение издержек позволяет распрямить линию графика добычи нефти таким образом, чтобы продлить фазу роста на весь прогнозный период.

На рис. ХУБ-7 показаны схематические графики прогнозной добычи по обоим построенным сценариям в сравнении с фактической траекторией добычи нефти в Ханты-Мансийском округе, которая имела место в 2001—2011 гг.

Рисунок • ХУБ-7

Схематический график вероятной добычи нефти в Ханты-Мансийском АО по консервативному и оптимистическому сценариям прогноза на период до 2010 г., млн т

Фактическая добыча — по данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.
Официальный прогноз 2005 г. — по данным Администрации ХМАО • URL: http://www.admhmao.ru/.
Сценарные прогнозы — оценки автора, сделанные в начале 2000-х годов.

Какой общий вывод можно сделать на основании результатов прогноза, полученных с использованием детализированной модели? Представляется, что перспективы дальнейшего развития российской нефтяной промышленности в целом выглядят не столь уж мрачно, как их рисуют скептически настроенные аналитики. В настоящее время в отечественной нефтедобыче доминируют факторы, способствующие ее возвращению к естественно-эволюционной траектории, что делает новое обвальное падение объемов производства в ближайшие годы маловероятным. Вместе с тем, нельзя ожидать и «автоматической» реализации наиболее благоприятных тенденций — последние во многом связаны с действием институциональных и технологических факторов, обусловливающих динамику издержек на добычу нефти.

Пожалуй, наиболее уязвимой стороной модели Хубберта является слабая «чувствительность» к изменению технологических факторов в нефтедобыче, которые могут существенно трансформировать инерционные тренды и зависимости. Под влиянием научно-технического прогресса, во-первых, происходит замедление роста издержек на добычу нефти (хотя сам по себе указанный рост является объективной тенденцией); во-вторых, открываются возможности для добычи из источников, которые ранее считались недоступными для освоения (вероятность появления новых возможностей повышается в условиях возрастания цен на нефть). В обоих своих ипостасях технологическое развитие нефтяной отрасли приводит к тому, что изменяются размеры извлекаемых и доказанных запасов нефти. Соответственно изменяется и функциональная зависимость между величинами запасов и добычи. Причем данное утверждение отражает не какие-то теоретические возможности, а само является отражением тех реальных тенденций, которые имеют место в современном развитии нефтедобычи, например в США, где сейчас активно вовлекаются в разработку месторождения сланцевой нефти и где вновь начала расти добыча. В 2000-х годах была основательно «перекроена» мировая карта запасов нефти — в число мировых лидеров выдвинулись Венесуэла и Канада, благодаря огромным запасам битуминозной нефти, соответственно 220 и 169 млрд барр.; причем Венесуэла по общей величине запасов (297 млрд барр.) обошла Саудовскую Аравию (265 млрд барр.). Сейчас в Канаде в эксплуатацию введены запасы битуминозной нефти объемом всего лишь 26 млрд барр. (15% от общей величины), но уже это позволило за последние 10 лет нарастить добычу нефти в стране в 1,3 раза.[439]

Адекватный учет технологического фактора чрезвычайно важен при построении моделей для прогнозирования добычи нефти в России, поскольку отечественная нефтяная отрасль на протяжении весьма длительного времени — нескольких десятилетий — в своем развитии движется по инерционному пути. Последний серьезный технологический «рывок» в нефтедобыче произошел в 1960-х—1970-х годах, когда мы вышли в Западную Сибирь за ее «большой нефтью» и потребовалось адаптировать технику и технологию к новым условиям, существенно отличавшимся от условий Урало-Поволжья и Северного Кавказа. С тех пор технологический базис российской нефтяной отрасли не претерпел каких-либо принципиальных изменений, поэтому в условиях истощения ресурсно-сырьевой базы (уже и в Западной Сибири, а не только в самых старых добывающих регионах) складывается крайне неблагоприятная динамика возрастания издержек на добычу нефти. Сегодня нефтедобыча в России уходит все дальше на восток и на север, вплоть до арктических шельфов, и это выдвигает новые технологические вызовы, на которые у нас нет достойного ответа. Приходится прибегать к помощи «заграницы», а это в еще большей степени провоцирует рост издержек.

Но медленное технологическое обновление, неохотный поворот отечественной нефтедобычи к инновационному пути развития не являются первичными, самодостаточными причинами возрастания издержек. Корни проблемы, и довольно глубокие, нужно искать

[439] По данным BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com.

в сфере экономических институтов. Монополизация нефтегазового сектора, доминирующее положение крупнейших компаний напрочь убивает всякие стимулы к технологическому и организационно-экономическому совершенствованию производства и сокращению издержек. Поэтому сегодня нам слишком дорого обходится добыча нефти и в старых, и особенно, в новых районах. Причем в Восточной Сибири мы не только сталкиваемся с неоправданно высокими затратами на освоение месторождений, но и проблемой локализации эффектов от развития нефтедобычи: *«при существующем положении дел национальные и региональные социально-экономические эффекты от использования природно-ресурсного потенциала остаются крайне ограниченными. Территории Восточной Сибири даже при интенсивном их освоении рискуют не получить адекватные социально-экономические выгоды»*.[440] Т.е. ухудшается общий баланс издержек и выгод, включая косвенные, которые могли бы заместить выпадающие из-за налоговых льгот нефтяникам доходы госбюджета, что в итоге оказывает дополнительное тормозящее воздействие на динамику развития нефтедобычи в России.

Было бы интересно посмотреть, как модифицируется агрегированная модель Хубберта, чтобы учесть влияние указанных факторов. Этот инструментарий долгосрочного прогнозирования в целом представляется весьма привлекательным, но при условии тщательной содержательной интерпретации исходных посылок построения модели на предмет соответствия фундаментальным закономерностям развития нефтедобычи, особенностям технологического развития и динамике экономико-институциональных воздействий, а не только корреляции с данными статистических наблюдений. В частности, можно согласиться с мнением авторов, полагающих, что для решения задач прогнозирования темпов добычи нефти в современных условиях (экономической нестабильности) необходимо существенное усложнение хуббертовской модели.[441] В противном случае кривая Хубберта, с ее характерным пикообразным профилем, из инструмента научного прогнозирования легко превращается в средство для обывательских спекуляций на тему «нефтяного апокалипсиса» или «конца света», когда исчерпается нефть...[442] Такова не только субъективная точка зрения автора — похожие оценки можно найти и в трудах зарубежных исследователей.[443]

Гадания вместо прогнозов

Прогнозирование экономических и производственных показателей российского нефтегазового сектора представляет собой вдвойне трудную задачу, т.е. и с методико-содержательной точки зрения, и в практическом плане. Методико-содержательные трудности естественным образом связаны с теми запутанными проблемами, которые имеют место в развитии НГС и для которых зачастую сложно найти непротиворечивые решения. Соответственно в динамике сектора и его сегментов складываются неоднозначные, противоречивые тенденции с постоянно изменяющимися «удельными весами», что делает

---

[440] Семыкина И.О. Чем опасен монополизм? // Идеи и идеалы. — 2012. — № 1, т. 1 • URL: http://ideaidealy.ru/nomer?tom=1&yearno=2012&no=1&por=11 [2013-06-12].

[441] Бажанов А.В., Выскребенцев А.С. Адекватность кривых Хабберта для прогнозирования темпов добычи нефти. — MPRA Paper, 2009 • URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/15117/ [2013-06-12].

[442] Конец света. Скоро планета останется без нефти // Аргументы и факты. — 6 окт. 2004 • URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1249/10_01 [2013-06-12].

[443] См., например: Gorelick Steven M. Oil Panic and the Global Crisis: Predictions and Myths. — Chichester, U.K.: Wiley-Blackwell, 2009.
Стивен М. Горелик — профессор Стэнфордского университета (США).

нестабильным и направление результирующего вектора развития. Трудности практического характера обусловлены тем, что в начале 1990-х годов в России была практически полностью разрушена вся институциональная структура директивного народнохозяйственного и отраслевого планирования, которая по совместительству осуществляла и прогностическую деятельность. Новое «светлое здание» индикативного планирования на этих «обломках» пока что построить не удалось, поэтому долгосрочное прогнозирование сегодня превратилось чуть ли не в сугубо научную задачу, весьма слабо связанную с практикой разработки экономических планов и стратегий.

Но что говорить о построении прикладных среднесрочных и долгосрочных прогнозов, если даже краткосрочное прогнозирование то и дело спотыкается о нестабильность и неопределенность, которые вообще стали характерными чертами в развитии российского нефтегазового сектора. Сегодня никто не может с уверенностью сказать, сколько нефти и газа мы будем добывать завтра, удастся ли российским нефтегазовым компаниям выполнить свои инвестиционные программы и производственные планы. Причем указанная тенденция сложилась задолго до финансово-экономического кризиса.

Например, в предкризисном 2007 г. из числа крупных компаний только «Роснефть» продемонстрировала высокие темпы роста добычи — 24,5%, перевыполнив свой план на 0,3%. Однако показатель органического роста добычи у «Роснефти» составил гораздо меньшую величину — 6,3%. Причем этот рост был во многом достигнут за счет применения интенсивных методов разработки Приобского месторождения, имеющих неоднозначную «репутацию». «Роснефть», некогда выступавшая ярым противником увеличения дебитов скважин с помощью гидроразрыва пласта, теперь интенсивно использует этот метод. В ноябре 2006 г. на Приобском месторождении «дочка» компании «РН-Юганскнефтегаз» произвела крупнейший в отрасли гидроразрыв и даже транслировала эту операцию в прямом эфире через Интернет.[444] Вторым крупным источником роста добычи у «Роснефти» стало участие в совместном проекте «Сахалин-1». Кстати, именно проекты, реализуемые с участием иностранного капитала (Сахалинские, Салымский, Харьягинский) внесли основной вклад в общий рост добычи нефти в стране — без учета этих проектов добыча нефти в России в 2007 г. увеличилась всего на 0,4%. Не сумела выполнить собственные планы по росту добычи компания «ЛУКОЙЛ» (1,7% против намечавшихся 4%), а «Сургутнефтегаз», ТНК-ВР и «Славнефть» снизили объемы добычи.[445]

На 10 млрд $м^3$ был недовыполнен озвученный отраслевым министерством прогноз по добыче газа, а «Газпром» в течение года внес серьезные коррективы в свою инвестиционную программу, сократив общую сумму вложений на 11% (1,5 млрд долл.). Причем в основном были урезаны инвестиции производственного назначения, включая расходы на развитие газотранспортной системы (на 13%) и освоение новых месторождений и залежей (Песцовой части Уренгоя, валанжинской залежи Заполярного месторождения, Харвутинской площади на Ямбурге, Приразломного нефтяного месторождения), что сдвинуло сроки начала добычи на 1—2 года.[446] И все это имело место в условиях отнюдь не кризисных или пост-кризисных.

С точки зрения предсказуемости в развитии нефтегазового сектора практически ничего не изменилось и в 2008—2011 гг. Наметившийся в 2008 г. спад в российской нефтедобыче оказался полной неожиданностью для государства, отраслевых экспертов

---

[444] Сесть в нефтяную лужу. Почему сырьевые компании снижают производство «черного золота» // Компания. — 2008. — № 2 • URL: http://ko.ru/articles/17990 [2013-06-12].

[445] Лидеры и аутсайдеры по добыче нефти // Парламентская газета. — 17 янв. 2008 • URL: http://www.pnp.ru/.

[446] «Газпром» бросил добычу. Новая инвестпрограмма компании отложит развитие основных месторождений на пару лет // Газета. — 24 июля 2007.

и аналитиков (не только российских, но и зарубежных) и, отчасти, для самого нефтяного бизнеса. Основной смысл прогнозов и комментариев по поводу будущего нефтедобычи в России, появившихся в преддверии и в самом начале 2008 г. кратко можно сформулировать в следующих словах: «Период быстрого роста добычи нефти в России завершился. Теперь настала длительная фаза относительной стабилизации, во время которой будет происходить рост с небольшим темпом на 1—2% в год». В частности, по прогнозу Минпромэнерго РФ, отвечавшего в ту пору за функционирование отраслей ТЭК, предполагалось, что добыча нефти (с газовым конденсатом) в стране достигнет 500 млн т, прирост по сравнению с 2007 г. составит 1,8%. Однако провальный по добыче первый квартал заставил пересмотреть ранее построенные прогнозы, и ожидаемая планка прироста добычи по году снизилась до 1%, а к осени стало вполне очевидным, что следует ожидать сокращения добычи. Соответственно, изменилась и применяемая фразеология: термин «стабилизация» уступил свое место «стагнации».

Примечательно также и то, что пессимистический тон в прогнозировании задали ведущие представители нефтяного бизнеса. Так, еще в апреле 2008 г., в интервью западным СМИ вице-президент «ЛУКОЙЛа» Леонид Федун заявил, что Россия больше никогда не сможет добыть столько нефти, сколько было добыто по итогам 2007 г. и что нас ожидает участь Мексики и Норвегии, которые уже сейчас демонстрируют падение производства.[447] В октябре того же года, выступая на международной нефтяной конференции в Лондоне, бывший в то время главным исполнительным директором компании ТНК-ВР Роберт Дадли сказал, что объем добычи нефти в России достиг своего пика в августе и вошел в длительную стадию снижения. [448] В феврале 2009 г. в своем вступлении на VI Красноярском экономическом форуме тогдашний глава крупнейшей российской нефтяной компании «Роснефть» Сергей Богданчиков дал прогноз, согласно которому нефтяная отрасль страны сможет вернуться к докризисным (т.е. до сентября 2008 г.) темпам роста добычи нефти не раньше, чем через 3—5 лет.[449]

Между тем уже в апреле 2009 г. был превзойден исторический максимум по показателю среднесуточной месячной добычи нефти, а летние месяцы года принесли еще три новых рекорда. Это дало возможность, несмотря на кризис, пересмотреть прогнозы на 2009 г. в целом в сторону увеличения. Объективности ради нужно отметить, что практически весь прирост добычи в 2009 г. был обеспечен пятью компаниями: «Салым Петролеум Девелопмент» (22%) «Башнефтью» (4,2%), а также «Роснефтью», «ЛУКОЙЛом» и ТНК-ВР (2,1% прироста добычи — у каждой). Тогда как остальные крупнейшие производители либо сократили добычу («Сургутнефтегаз», «Газпром нефть», «Славнефть», «Русснефть») либо всего лишь сумели удержать ее на уровне предыдущего года («Татнефть»). Прирост добычи нефти был сопряжен, главным образом, с реализацией новых проектов на европейском севере России (Харьяга, Южно-Хыльчуюское месторождение), юге Тюменской области (Уватская группа), в Восточной Сибири (Ванкор и Верхнечонское) и в Якутии (Талакан). В главном нефтяном регионе страны, каковым является Ханты-Мансийский АО, добыча сократилась примерно на 7 млн т (или на 2,5%). Из числа реализуемых проектов здесь осталось, по сути дела, всего два потенциально мощных

---

[447] Пик пройден. Добыча нефти в России будет только сокращаться // Общая газета. — 16 апр. 2008 • URL: http://www.og.ru/articles/2008/04/16/28675.shtml [2013-06-12].

[448] Глава TNK-BP думает, что производство нефти в России достигло максимума // INFOLine. — 30 окт. 2008 • URL: http://www.advis.ru/allday/index.php?year_get=2008&month_get=10&day=30 [2013-06-12].

[449] Богданчиков: добыча нефти вернется к уровню 2008 года через 3—5 лет // РИА «Новости» Экономический кризис. — 27 фев. 2009 • URL: http://www.rian.ru/crisis_news/20090227/163353430.html [2013-06-12].

источника роста — Приобское месторождение (НК «Роснефть») и Салымская группа («Салым Петролеум Девелопмент»).[450]

Год 2009-й, не обошелся без сюрпризов — причем весьма неприятных — и для газовой отрасли. Согласно первоначальным прогнозам Минэкономразвития РФ предполагалось, что добыча газа вырастет на 1% до 670 млрд м^3. В конце января эксперты уже давали оценки относительно ожидаемого снижения добычи газа в России от 2,5 до 5%.[451] Фактически же за первые восемь месяцев года добыча газа сократилась на 19,1%, а экспорт упал 31,7%; в целом по 2009 г. снижение добычи и экспорта составило 10%.[452] То есть газовая отрасль оказалась гораздо более чувствительной к последствиям экономического кризиса, нежели нефтедобывающая. И что примечательно, никто не смог предвидеть такой ход развития событий, несмотря на естественный пессимизм, имевший место при построении прогнозов. В 2011 г., наоборот, планы по добыче и экспорту газа были перевыполнены, что стало, похоже, приятным сюрпризом и для правительства и для нашего крупнейшего производителя газа — «Газпрома», — который по итогам года добыл из российских недр 513 млрд м^3 газа и более 150 млрд м^3 поставил в Европу. Оба показателя превысили результаты 2010 г., когда при добыче в 508 млрд м^3 на экспорт в Европу ушло 138,7 млрд м^3. В самой компании ожидали более скромных результатов.[453]

Компания «Транснефть» не уложилась в намеченные сроки строительства нефтепроводной системы ВСТО — ввод первой очереди «восточной трубы» был передвинут с 2008 на 2009 г. и фактически состоялся 28 декабря — едва ли не в самый канун новогодних праздников 2010 г. Оставались и до сих пор остаются на бумаге многочисленные планы российских нефтяных компаний по строительству новых нефтеперерабатывающих заводов. И этот список «несбывшихся надежд» можно продолжать едва ли не до бесконечности.

Бесконечная чехарда прогнозов, построенных путем экстраполяции краткосрочных тенденций, больше напоминает гадание, нежели серьезную прогностическую работу на основе анализа фундаментальных закономерностей в развитии нефтегазового сектора. Что же при этом касается государства, то в своих оценках складывающейся ситуации и в прогнозах на будущее, оно фактически играет роль «второй скрипки», с некоторым временным лагом ретранслируя то, что уже озвучено представителями бизнеса.

При этом правительственные органы, отвечающие за экономическое развитие, избрали тактику осторожного прогнозирования с занижением ориентиров (рис. ПРО-1). Затем по ходу дела, когда намеченные планы перевыполняются, прогнозы неоднократно пересматриваются в более высокую сторону — так было и в 2010 г., и годом позднее.[454]

---

[450] Росстат / Периодические издания — Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации • URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140080765391;
Статистические обзоры журнала «Нефтегазовая вертикаль» • URL: http://www.ngv.ru/.

[451] Аналитики: Добыча газа в России за 2009 г. снизится на 2,5—5% // Информационно-аналитический портал «Нефть России» / Новости. — 28 янв. 2009 • URL: http://www.oilru.com/news/102912/ [2013-06-12].

[452] Нефти больше, чем газа. Газпром за восемь месяцев сократил добычу на 23,5% // Взгляд. Деловая газета. — 2 сент. 2009 • URL: http://www.vz.ru/economy/2009/9/2/323641.html [2013-06-12].

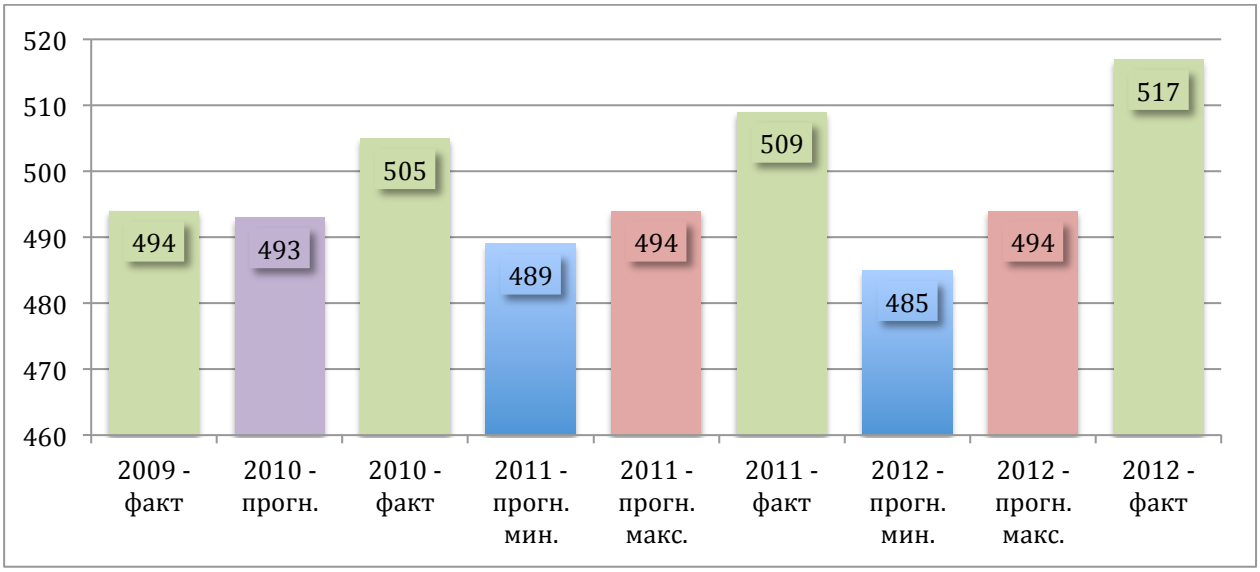
[453] Добыча «Газпрома» в 2011 г. выросла, вопреки прогнозам // РБК — Экономика. — 11 янв. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/11/01/2012/633038.shtml [2013-06-12].

[454] Россия повысила прогнозы по добыче нефти и газа в 2010 г. — Информационно-аналитический центр «Минерал». — Новости. — 2 июня 2010 • URL: http://www.mineral.ru/News/41000.html [2013-06-12].
МЭР повысило прогнозы добычи нефти и газа в РФ на 2011 г. РБК — Экономика. — 22 сент. 2011 • URL: http://top.rbc.ru/finances/22/09/2011/616887.shtml [2013-06-12].

Причем корректировка прогнозов добычи обычно связана уточнением ценовых трендов мирового рынка.

Рисунок • ПРО-1

Прогнозные и фактические объемы добычи нефти в России в 2009—2012 гг., млн т

Минэкономики РФ — Прогнозы социально-экономического развития РФ на 2010, 2011, 2012 гг. • URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/indexprognoz.
Фактическая добыча — по данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Похоже, правительство решило согласиться с мнением некоторых экспертов, которые полагают, что сейчас вообще нет смысла прогнозировать динамику добычи в России.[455] Все внимание — и государства, и нефтегазовых компаний — сфокусировано на ценах. Вполне вероятно, что мировые цены на нефть и газ продолжат свой рост, по крайней мере, в ближайшие годы. И что примечательно, для этого не надо прилагать никаких усилий — в отличие от решения задач по развитию и стимулированию производства в нефтегазовом секторе на основе каких-то внятных планов, — а выигрыш можно получить гораздо больший.

Хотя совершенно очевидно, что усиливающаяся зависимость доходов государства и нефтегазового сектора от конъюнктуры внешнего рынка не сулит ничего хорошего. Сегодня вряд ли кто-нибудь сможет с полной уверенностью предсказать, насколько долгим и устойчивым будет рост мировых цен на энергоносители и не произойдет ли ценового обвала, подобного тому, что имел место в конце 2008 — начале 2009 годов.[456] Сумеет ли российский нефтегазовый сектор противостоять подобному развитию событий? Данный вопрос выглядит тем более актуальным, что даже краткосрочные неблагоприятные колебания конъюнктуры заставляют наши компании сокращать свои производственные и инвестиционные планы, не говоря уже о глубоких кризисных «провалах».

[455] Нефти больше не будет. МЭА ждет падения добычи в России в 2010—2012 гг. // Ведомости. — 10 июля 2007 • URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/2007/07/10 [2013-06-12].

[456] Этот очерк в основном был написан летом 2008 г., еще в преддверии мирового экономического кризиса. Поэтому в первоначальном варианте завершающая фраза звучала так: «… не произойдет ли ценового обвала, подобного тому, что имел место в **середине 1980-х годов**». Как показали последующие события, ждать обвала цен пришлось совсем недолго.

И это весьма прискорбно, так как свидетельствует, что государство не владеет полной и достоверной информацией о положении дел в нефтегазовом секторе и не может достаточно эффективным образом влиять на развитие ситуации. Причем в данном случае речь идет о весьма краткосрочном предвидении будущего, что же тогда остается говорить о долгосрочных прогнозах, которые лежат в основе выработки стратегических решений и ориентиров в развитии нефтегазового сектора?

Стратегические «прожекты»

В связи с анализом ситуации, складывающейся в нефтегазовом секторе, уместно рассмотреть некоторые основные итоги реализации принятой в 2003 г. и уже «исполненной» Энергетической стратегии России на период до 2020 года (ЭС-2020). Тем более, что в новой версии Стратегии, рассчитанной на период до 2030 г. (ЭС-2030)[457], подведение итогов прошлого выглядит, по мнению автора, излишне оптимистичным. Не вызывает ни малейших сомнений факт, что ЭС-2020 ко времени принятия ЭС-2030 «морально и физически» устарела и уже не могла играть роль основополагающего государственного плана, определяющего направления перспективного развития ТЭК и нефтегазового сектора, в частности.

«Физическое старение» связано с тем, что уже к 2006—2008 гг. (фактически менее чем через 5 лет после принятия) по большинству количественных ориентиров ЭС-2020 в той или иной степени отклонилась от реальной действительности. По абсолютным показателям объемов добычи и экспорта углеводородов (включая нефтепродукты), объемов переработки нефти и потребления газа в реальности мы движемся быстрее, чем было предусмотрено Стратегией. Отклонение фактических показателей от прогнозных можно оценить в интервале от 3 до 8% (табл. СТР-1). В принципе, в этом нет ничего страшного, так как количественные ориентиры можно уточнить и подкорректировать — лишь бы не было серьезных отклонений по фундаментальным качественным параметрам, связанным с экономическими, институциональными и техническими аспектами развития. Но дело в том, что такие отклонения имеют место, поэтому, характеризуя ЭС-2020, автор и употребляет термин «моральное старение». Реальные условия функционирования НГС, которые сложились к 2007—2008 гг. резко отличаются от тех, что рассматривались при построении стратегических прогнозов и вытекающих из них решений.

Это в какой-то мере остановится понятно, если взглянуть на фактическую и прогнозную динамику показателей, непосредственно связанных с параметрами, характеризующими качественные изменения в нефтегазовом секторе.

Например, фактическая глубина переработки нефти в России в 2008 г. оказалась почти на 2 процентных пункта ниже, чем прогнозировалось (72% против 73,8%). Если же учесть, что в России в 2001—2008 гг. быстро увеличивались объемы выпуска вакуумного газойля (т.е. легкого мазута), то реальная глубина переработки станет еще ниже по сравнению со статистическим показателем. Рост производства моторных топлив в точности соответствовал увеличению объемов первичной переработки нефти (примерно в 1,4 раза по сравнению с 2000 г.), а валовый выпуск мазута увеличился в 1,3 раза, тогда как по стратегическим наметкам должен был сократиться примерно на 7%.

---

[457] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. №1715-р. — М.: Институт энергетической стратегии, 2009 • URL: http://www.energystrategy.ru/projects/es-2030.htm [2013-06-07].

Существенно ниже прогнозируемых оказались также показатели удельного потребления нефти на единицу ВВП и душу населения (соответственно, на 19 и 11%) и общей энергоемкости ВВП (на 15%). Казалось бы, все сложилось просто замечательно, раз энергоемкость экономики снижалась быстрее, чем предполагалось в начале 2000-х годов. Но у данного феномена может быть два объяснения. Первое из них состоит в том, что энергетическая эффективность экономики действительно возрастала высокими темпами. Согласно второму, имеет место элементарное недопотребление энергоресурсов в сравнении с рациональным уровнем вследствие физических ограничений (по природному газу) или ценовых (по нефтепродуктам). И надо полагать, что вторая из названных причин гораздо ближе к истине, нежели первая.

Таблица • СТР-1

Сравнение прогнозных по ЭС–2020 и фактических показателей развития нефтегазового сектора

Показатель	2008 г.		Прогноз к факту, %
	Прогноз ЭС-2020	Факт	
Рост ВВП, % к 2000 г.	148,4	165,6	111,6
Среднегодовая мировая цена нефти «Юралс», долл./барр.	24	94	391,7
Среднегодовая контрактная цена газа, долл./тыс. $м^3$	120	381	317,5
Рост добычи и производства первичных энергоресурсов, % к 2000 г.	123,2	126,2	102,4
Объем добычи и производства первичных энергоресурсов, млн т у.т.	1747	1795	102,8
Объем добычи нефти, млн т	476	488	102,5
Объем добычи газа, млрд $м^3$	638	664	104,1
Рост потребления первичных энергоресурсов, % к 2000 г.	115,4	110,4	95,7
Объем потребления первичных энергоресурсов, млн т у.т.	1043	993	95,2
Объем потребления жидкого топлива, млн т	148	131	88,8
Объем потребления газа, млрд $м^3$	444	477	107,5
Рост экспорта ТЭР, % к 2000 г.	146,9	149	101,4
Экспорт нефти и нефтепродуктов, млн. т	332	357	107,5
Экспорт газа, млрд $м^3$	194	187	96,2
Удельная энергоемкость ВВП, % к 2000 г.	78,0	66,1	84,7
Инвестиции в нефтегазовый сектор за период 2003—2008 гг., млрд долл. в ценах 2008 г.	90	130	144,2

Энергетическая стратегия России на период до 2030 года./ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. №1715-р. — М.: Институт энергетической стратегии, 2009 • URL: http://www.energystrategy.ru/projects/es-2030.htm [2013-06-07].
Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Действительно, в 2000-х годах качество роста российской экономики не претерпело каких-либо радикальных изменений, которые могли бы привести к резкому снижению энергоемкости. Но при этом темпы роста производства, к примеру, в химической отрасли

и в нефтехимии[458], были примерно в 2 раза ниже, чем по промышленности в целом. Если сравнить балансы энергоресурсов за 2000 и 2009 гг., можно увидеть, что удельный вес нетопливного потребления (в основном — химических производств) в общем объеме потребления нефти и газа (включая потери) вырос всего на 0,8 процентных пункта (с 7 до 7,8%). Нефтегазовый сектор потребляет собственной продукции практически столько же, сколько отдает на глубокую химическую переработку (68,2 млн т у.т. против 67,6), а его доля в общем объеме потребления составляет 7,9%. Выше уже отмечалось, что ограничение по поставкам газа является одной из главных причин, сдерживающих развитие ряда подотраслей химической промышленности в России. Другое физическое ограничение связано с поставками (а точнее говоря, недопоставками) газа населению, что вызвано еще одной хронической проблемой — недостаточными темпами газификации городов и сельской местности, особенно на востоке страны.

Что касается ценового фактора, ограничивающего внутреннее потребление нефти, то хорошо известно, что уже в 2005—2006 гг. номинальные розничные цены на автобензин в России достигли американского уровня. При расчете же по паритету покупательной способности выявляется многократный разрыв: средний американец мог на свою месячную заработную плату купить 5,6 тыс. литров бензина, житель западноевропейской страны — 2,4 тыс. литров, тогда как россиянин (даже с учетом «серой» зарплаты) — немногим более одной тысячи. Экономический кризис не только не изменил ситуацию с ценами в лучшую сторону, а наоборот, усугубил ее. До кризиса наши нефтяники-монополисты находили очень простое объяснение повышению внутренних цен: растут мировые цены на нефть и нефтепродукты, а Россия — это часть мирового рынка, — поэтому растут цены и у нас. Мировой кризис уронил цены на нефть, больно ударил по российской экономике и уровню жизни населения, но почти никак не затронул сферу ценообразования на внутреннем рынке нефтепродуктов, а снижение цен в долларовом исчислении произошло исключительно из-за девальвации рубля.

Физическое сокращение нефтепотребления в постсоветской России является в значительной степени вынужденным и обусловлено не столько факторами экономической целесообразности, сколько проблемами и трудностями трансформационного характера, которые привели к застою или даже упадку целых отраслей экономики. Например, грузооборот морского и внутреннего водного транспорта в России к 2007 г. сократился по сравнению с 1990 г. в 4,8 раза (по отношению к 2000 г. — в 1,3 раза). Соответственно уменьшилось потребление топлива для судовых двигателей (в основном мазута) — оценочно на 20—25 млн т в годовом исчислении. Поставки автобензина и дизельного топлива для нужд аграрного сектора экономики уменьшились по сравнению с 1994 г. в 2 с лишним раза (по сравнению с 2000 г. — в полтора раза). В 2007 г. сельхозпроизводителям было поставлено 5,4 млн т топлива, что, по данным Минсельхоза РФ, составило примерно 2/3 от реальной потребности. Однако на этом сокращение поставок топлива аграриям не закончилось. В 2010 г. сельскохозяйственные товаропроизводители приобрели 3,8 млн т дизельного топлива и 880 тыс. т бензина, что составляло соответственно 96,6% и 89,1% к уровню предыдущего года и 90% (в сумме видов топлива) к 2007 г.[459] Основной причиной сокращения объема используемых энергоресурсов в аграрном секторе стали снижение технической оснащенности хозяйств и рост цен на энергоносители. О том, что происходит у нас в стране с ценами на нефтепродукты, уже было сказано выше. Что же касается технической оснащенности сельского хозяйства, то за период 1991—2011 гг. энергетические

[458] Данные отрасли традиционно характеризуются высокой материало- и энергоемкостью по причине технологических особенностей.

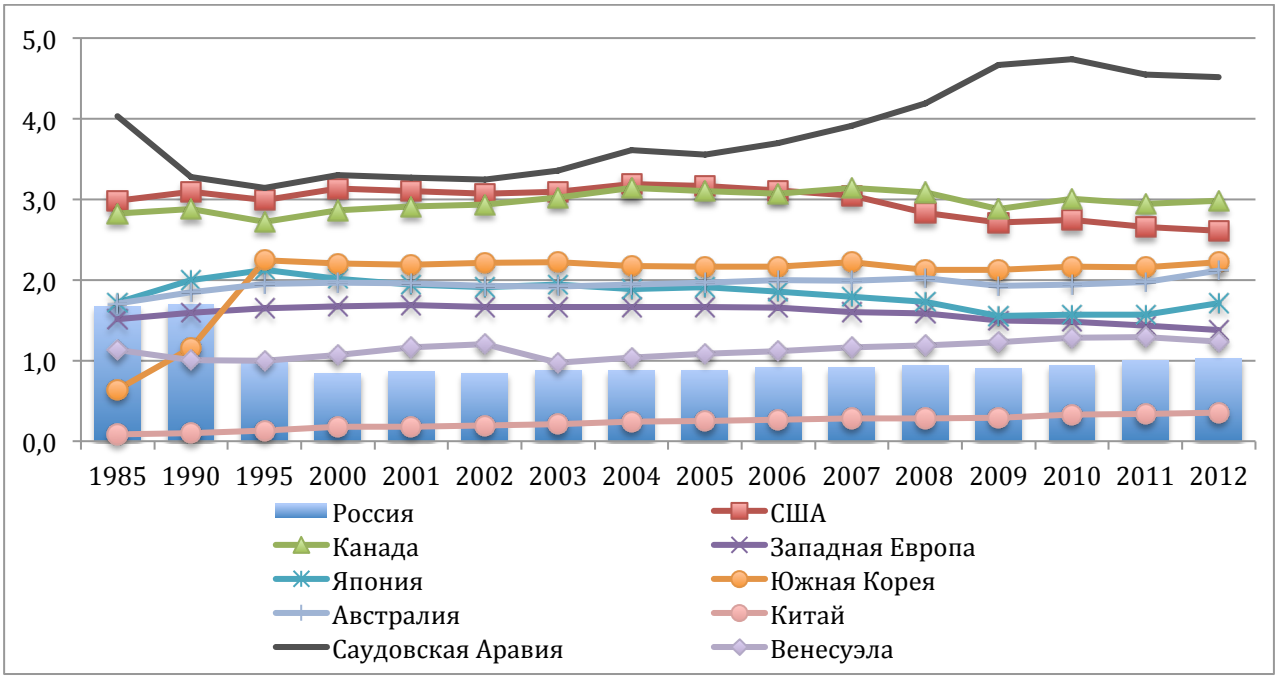
[459] Маслова В.В. Современное состояние аграрного сектора России // Бюджет. — 2011. — № 2 • URL: http://bujet.ru/article/133387.php [2013-06-12].

мощности в отрасли уменьшились в 3,9 раза, а в расчете на 1 га пашни — в 1,7 раза.[460] Снижение идет неуклонно — год от года — на протяжении всего периода. Следует также добавить, что в постсоветское время в России значительно сократилось потребление нефтетоплива во внеэкономической сфере (на нужды национальной обороны и др.).

На фоне отмеченных выше тенденций сокращение внутреннего потребления нефти и газа вряд ли уместно расценивать исключительно как проявление роста энергоэффективности экономики. В настоящее время по величине среднедушевого потребления нефти Россия стоит далеко позади экономически развитых стран мира, отставая от США и Канады в 3 раза, западноевропейских стран и Японии — в 1,5—1,8 раза (рис. СТР-1).

Рисунок • СТР-1

Динамика среднедушевого потребления нефти в России и в некоторых других странах мира, т/чел. в год

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com;
World Development Indicators. — The World Bank, 2013 • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators;
2012 World Population Data Sheet. — Population Reference Bureau (PRB) • URL: http://www.prb.org/Publications/Datasheets/2012/world-population-data-sheet/data-sheet.aspx [2013-06-27].

Рассматриваемый показатель не столько связан с параметрами энергоэффективности экономики, сколько характеризует состояние экономического развития, уровень и качество жизни населения. Дифференциация показателей среднедушевого потребления нефти присутствует и среди стран-лидеров, но она обусловлена не расслоением по уровню экономического развития или уровню жизни, а различиями географических условий и в стандартах потребления. Более высокие объемы потребления при прочих равных условиях характерны для «больших» стран, таких как США, Канада, Австралия.

[460] Суммарная мощность всех источников энергии, обслуживающих производственный процесс: механических и электрических двигателей, электроустановок, живой тягловой силы. — По данным Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Если бы Россия и, скажем, США находились на одной «полке» по экономическому развитию и доходам населения, то среднедушевое потребление нефти в нашей стране должно было бы превышать американский показатель примерно в 1,3—1,5 раза. Возвращаясь к диаграмме на рис. СТР-1, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, стабильность значений рассматриваемого показателя на протяжении длительных отрезков времени: в период с 1990 по 2007 г. по «старым» индустриальным странам не выявляется очевидных тенденций к росту или снижению. Во-вторых, устойчивый рост нефтепотребления в Китае и в Саудовской Аравии, с которой мы соревнуемся в борьбе за «титул» главного мирового производителя и экспортера нефтяного сырья и которая, в отличие от нас, не экономит на себе, когда дело касается потребления собственной нефти. Заметное сокращение душевого нефтепотребления в ряде стран произошло под влиянием экономического кризиса, т.е. начиная с 2008 г.

Говоря о «моральном устаревании» ЭС-2020 следует отметить серьезные отличия между реальными внешними условиями развития нефтегазового сектора и теми, что прогнозировались на будущее в 2002—2003 гг. Прежде всего это относится к конъюнктурным и макроэкономическим факторам. Оптимистический вариант Стратегии характеризовался прогнозируемым ростом ВВП к 2020 г. в 3,3 раза по отношению к уровню 2000 г., и высокими мировыми ценами на нефть марки «Urals» — до 30 долл./барр. Фактический рост ВВП в 2001—2008 гг. по отношению к 2000 г. опередил прогнозные ориентиры: на 17,2 процентных пункта или в 1,12 раза. Названный выше ценовой рубеж в действительности был преодолен уже в 2004 г., а затем имел место непредвиденный сверхбыстрый рост мировых цен на энергоносители, в результате которого в июле 2008 г. цена на российскую нефть достигла почти 130 долл./барр. (в среднегодовом исчислении за 2008 г. — 94 долл./барр.). И даже после наступления кризиса, в нижней точке своего падения мировые цены на нефть (39 долл./барр. в среднем за декабрь 2008 г.) оказались выше оптимистического прогноза по ЭС-2020. Начиная с февраля 2011 г. среднемесячный уровень цен на нефть снова превысил отметку 100 долл./барр.

Конечно, это не могло не отразиться на динамике количественных показателей и внутренних тенденциях развития нефтегазового сектора, связанных с его качественными параметрами. По-видимому, главным качественным различием между реальным и прогнозируемым развитием событий следует считать непредвиденно более высокий рост капиталоемкости нефтегазового сектора. В ЭС-2020 общий объем потребных капиталовложений в добычу, транспортировку и переработку углеводородов на период до 2020 г. по максимуму был оценен в 440 млрд долл. в ценах 2000 г., в том числе 240 млрд долл. — в нефтяную отрасль и 200 млрд — в газовую. Фактическая величина инвестиций за период с 2003 по 2008 г. составила в сопоставимых ценах 130 млрд долл., а экстраполяция сложившейся тенденции показывает, что при набранном темпе роста в целом за период до 2020 г. общая сумма вложений должна быть оценена в 675 млрд долл. (т.е. в 1,5 раза больше, чем предусматривалось ЭС-2020). При этом реальная величина инвестиций в будущем может оказаться даже больше расчетной, так как целый ряд новых нефтегазовых проектов в настоящее время находится в начальной фазе реализации. Прежде всего это относится к мега-проектам по освоению газовых ресурсов п-ова Ямал, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Важно также отметить, что критическим для реализации намеченных проектов, считается уровень мировых цен на нефть 60—80 долл./барр., тогда как по ЭС-2020 осуществление тех же самых проектов должно было состояться при цене вдвое более низкой.

На основании этого логично сделать вывод, что реальное развитие НГС оказалось гораздо более инерционным (в институциональном и технологическом аспектах), чем предусматривалось в ЭС-2020, а инновационная составляющая оказалась существенно более слабой. Наиболее характерные примеры технологической инерционности дают нефтепереработка, о чем свидетельствует постоянное торможение процессов модернизации,

и отчасти нефтедобыча, в которой слишком медленно внедряются прогрессивные методы увеличения нефтеотдачи, а средний коэффициент извлечения геологических запасов нефти составляет порядка 30%, что является одним из самых низких показателей в мировой нефтяной промышленности.[461] Что же касается действия институциональных факторов, то именно от них зависит возможность формирования конкурентной рыночной среды и благоприятного инвестиционного климата, без чего просто бессмысленно говорить о каких-либо серьезных инновациях и эффективном устойчивом развитии нефтегазового сектора.

Можно с полной уверенностью заявить, что прогноз изменения институциональных условий, положенный в основу ЭС-2020, к настоящему времени не оправдался практически по всем пунктам.

Будет уместным привести следующую цитату из текста ЭС-2020: «*Главным средством решения поставленных задач* (т.е. достижения стратегических приоритетов — прим. авт.) *является формирование цивилизованного энергетического рынка и недискриминационных экономических взаимоотношений его субъектов между собой и с государством. При этом государство, ограничивая свои функции как хозяйствующего субъекта, усиливает свою роль в формировании рыночной инфраструктуры как регулятора рыночных взаимоотношений*». [462] Существующий сейчас в России рынок нефти (нефтепродуктов) и газа никак нельзя назвать цивилизованным в полном смысле слова, ибо на нем отсутствует реальная конкуренция между производителями. По сути дела, это олигопольный (в масштабах страны) или монопольный (во многих отдельных регионах) рынок, на котором небольшая группа крупных продавцов (или единственный продавец) занимают доминирующие позиции, диктуя свои условия и покупателям, и независимым поставщикам, и государству. К взаимоотношениям между хозяйствующими субъектами (крупными интегрированными компаниями и независимыми производителями, государственными и частными компаниями) определение «недискриминационные» отнюдь не подходит. Да и взаимоотношения между нефтегазовым бизнесом и государством тоже очень далеки от идеала. И наконец, государство никак не хочет ограничить свои хозяйственные функции, хотя формально в нефтегазовом секторе практически не осталось ни одной крупной полностью государственной компании. Фактически же и «Газпром», и «Роснефть» являются прямыми проводниками государственных интересов — с той лишь оговоркой, что собственные корпоративные интересы этих компаний нередко вступают в противоречие с интересами государства, что порождает довольно сильную институциональную конкуренцию в рамках государственного сегмента НГС.

Что касается государственной политики в нефтегазовом секторе, то за годы, прошедшие после принятия ЭС-2020, мы практически даже не приблизились к тому, что называется: «*улучшением предпринимательского климата, созданием ясных, прозрачных и стабильных правил экономической деятельности компаний*»; «*совершенствованием нормативно-правовой базы в сфере участия инвесторов (в том числе иностранных) в создании объектов добычи, производства и транспортировки топливно-энергетических ресурсов*»; «*совершенствованием государственного ценового (тарифного) регулирования в сфере естественных монополий*».[463] В особенности нужно отметить, что государство отказалось от планов глубокого реформирования газовой промышленности, направленных на «*совершенствование организационной структуры газовой отрасли с целью повышения*

[461] См. очерк: Нефтеотдача в «бреющем полете» после «затяжного пике».

[462] Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. / Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р. — М: Институт энергетической стратегии, 2003 • URL: http://www.energystrategy.ru/projects/es-2020.htm [2013-06-02].

[463] ЭС-2020. — С. 23.

экономических результатов ее деятельности и формирования либерализованного рынка газа»,[464] а также «*создание условий для формирования конкуренции в тех сегментах газового рынка, где это возможно и экономически целесообразно (сбыт, добыча и хранение газа в подземных хранилищах)*».[465] Можно даже сказать, что предкризисная часть 2000-х годов стала периодом массового истребления независимых компаний в нефтегазовом секторе в целом, т.е. не только в газовой, но и в нефтяной отрасли.

Поэтому нефтегазовый сектор «со скрипом» выполняет большинство из поставленных перед ним стратегических задач, к которым относятся: «*полное и надежное обеспечение населения и экономики страны энергоресурсами по доступным и вместе с тем стимулирующим энергосбережение ценам*»; «*снижение удельных затрат на производство и использование энергоресурсов*»; «*повышение финансовой устойчивости и эффективности использования потенциала энергетического сектора*»[466] и др. В действительности же обеспечение экономики и населения газом и нефтепродуктами оказывается не совсем полным и надежным, и далеко не во всех случаях — по доступным ценам. Вместо снижения издержек имеет место их эскалация, ставшая в особенности очевидной в период быстрого роста мировых цен на энергоносители. Что же касается «финансовой устойчивости», то она рухнула под первыми же ударами экономического кризиса, а наши нефтегазовые компании оказались во главе просителей государственной помощи.

Пожалуй, единственная задача, с решением которой российский нефтегазовый сектор успешно справлялся на протяжении всех последних лет, — это «*обеспечение стабильных поступлений в доходную часть государственного бюджета*». Да и это в значительной степени обусловлено не столько внутренней эффективностью функционирования самого нефтегазового сектора, сколько благоприятной конъюнктурой мирового рынка.

Делая некоторые выводы, можно сказать, что все основные проблемы развития нефтегазового сектора и российской экономики в целом, о которых говорилось в ЭС-2020, к сегодняшнему дню так и остаются нерешенными. Сохраняется значительное отставание от мирового научно-технического уровня («*доля добычи нефти за счет современных методов воздействия на пласт и доля продукции нефтепереработки, получаемой по процессам, повышающим качество продукции, низка*»). По-прежнему (или даже в еще большей степени) имеет место «*высокая зависимость нефтегазового сектора и, как следствие, доходов государства, от состояния и конъюнктуры мирового энергетического рынка*».[467] Отсутствует развитое и стабильное законодательство, в полной мере учитывающее специфику функционирования предприятий нефтегазового сектора.

Нерешенность фундаментальных проблем развития российского топливно-энергетического комплекса (в том числе, нефтегазового сектора) свидетельствует о том, что принятая в 2003 г. национальная Энергетическая стратегия, де-факто, так и не смогла стать практическим руководством к действию, а превратилась, скорее, в не слишком хорошо обоснованную декларацию о намерениях, многие из которых пока что не удалось осуществить. И сегодня с очевидностью высоки риски, что подобная участь ожидает «модернизированную» версию стратегии — ЭС-2030. Во всяком случае, в тексте нового документа трудно найти по-настоящему критический анализ прошлых ошибок, а при подведении «промежуточных» итогов основное внимание уделено достижениям, многие из которых связаны не столько с реализацией стратегических планов, сколько с неожиданно бурным ростом мировых цен на энергоносители. В документе весьма

[464] ЭС-2020. — С. 71.

[465] ЭС-2020. — С. 79.

[466] ЭС-2020. — С. 5.

[467] ЭС-2020. — С. 8.

тщательно проработана методологическая часть, достаточно четко обозначены проблемы и «вызовы», но не предложено конкретных решений. Такая стратегия вряд ли станет обязывающим планом действий — в особенности, если учесть невысокий правовой статус документа, утвержденного распоряжением правительства.

В частности, утвержденная в апреле 2011 г. Генеральная схема развития нефтяной отрасли до 2020 года[468] в определенной степени уже дезавуирует прогнозные ориентиры ЭС-2030, на что справедливо указывается в недавней статье академика АН Республики Татарстан Р.Х. Муслимова, который пишет, что разработчики Генсхемы *«сделали "убойный" вывод: для выполнения только что принятой Правительством РФ ЭС-2030 запасов не хватает и возможные уровни добычи нефти при сохранении нынешних условий могут быть на сотню и более млн т меньше»*.[469] Собственно говоря, это видно и по обнародованным материалам презентации проекта Генсхемы, в которых возможности поддержания так называемого «целевого профиля» добычи нефти на уровне 501—505 млн т увязываются, главным образом, с оптимизацией налогового регулирования. «Инерционный профиль», сформированный на основе представленных бизнес-планов крупнейших российских нефтегазовых компаний в текущих налоговых условиях предполагает к 2020 г. снижение добычи до 395 млн т, что существенно ниже ориентиров, предусмотренных на второй этап реализации ЭС-2030 — 505—525 млн т, не говоря уже об ориентирах третьего этапа (к 2030 г.) на уровне 530—535 млн т.[470]

Иными словами, налицо очевидная нестыковка между двумя важнейшими государственными документами, которые определяют перспективы развития нефтегазового сектора. При этом складывается впечатление, что Генсхема нефтяной отрасли разрабатывалась под сильным лоббистским давлением со стороны российских компаний — уж слишком много внимания в ней уделяется вопросам «оптимизации», а точнее говоря ослабления, налоговой нагрузки, в контексте которой и рассматриваются отраслевые перспективы при колоссальной суммарной величине инвестиций в 8,6 трлн руб. при среднегодовом вводе новых скважин примерно на уровне фактического показателя, имевшего место в 2011 г. Ожидаемые среднегодовые доходы государственного бюджета в период действия Генсхемы, если принять на веру цифры из доклада-презентации, оказываются, по меньшей мере, на треть ниже фактических доходов 2010 г. Т.е. если дело пойдет так, как предусматривается документом, то уже в ближайшем будущем государству придется распрощаться со значительной частью нефтяных доходов.

Энергетическая стратегия, наоборот, грешит излишним оптимизмом. Согласно ориентирам ЭС-2030, среднегодовые объемы инвестиций в добычу и переработку нефти и газа, т.е. без учета трубопроводного транспорта, в период до 2030 г. должны составить 860—890 млрд руб. (в ценах 2007 г.). Это примерно в 1,2 раза меньше, чем фактические инвестиции 2011 г., исчисленные в сопоставимых ценах.

Из всего сказанного выше невольно напрашивается вывод, что важнейшие государственные документы планово-прогнозного характера, которые определяют цели, задачи и направления развития нефтегазового сектора, оказываются слишком далеки от реальности. И главная проблема состоит не в каких-то отдельных «цифровых»

---

[468] Утверждение Генеральной схемы развития нефтяной отрасли до 2020 года и Генеральной схемы развития газовой отрасли до 2030 года // Минэнерго РФ. — Новости. — 12 апр. 2011 • URL: http://minenergo.gov.ru/news/min_news/7473.html [2013-06-12].

[469] Муслимов Р.Х. Что мешает внедрять инновации в нефтянке? // Neftegas.RU. — 2012. — № 8 • URL: http://magazine.neftegaz.ru/index.php?option=com_magazine&func=e-magazine&id=43 [2013-06-12].

[470] Доклад Министра энергетики РФ по вопросу Генеральной схемы развития нефтяной отрасли на период до 2020 г. // Министерство энергетики РФ • URL: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/5548.html [2013-06-01].

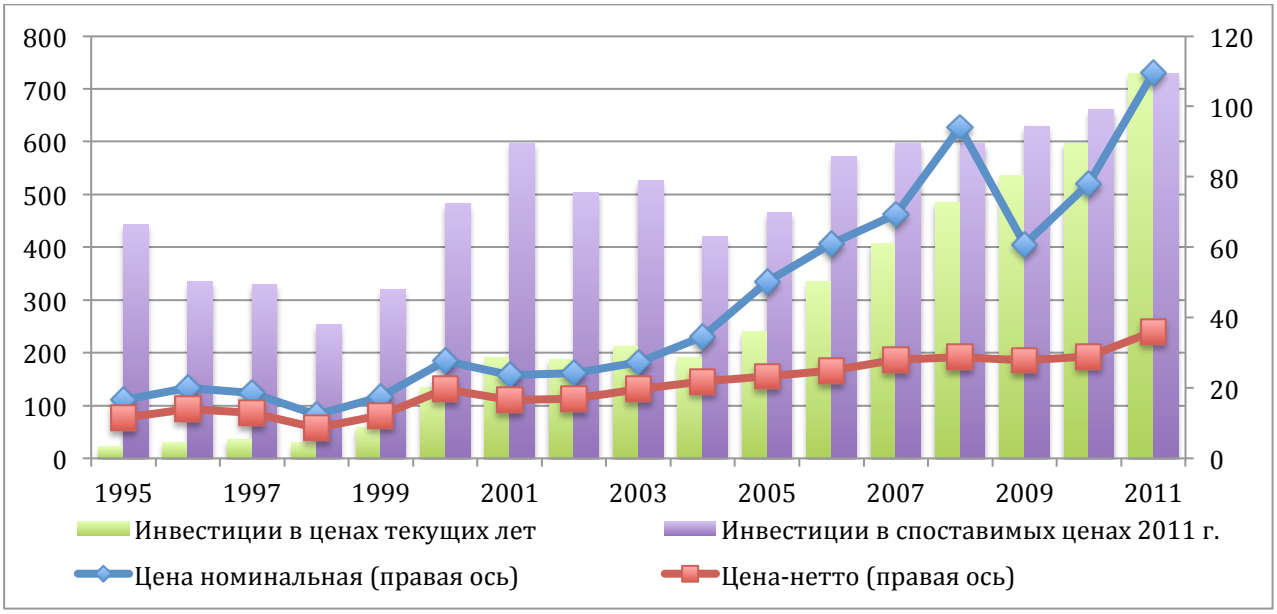
нестыковках (пусть даже по ключевым показателям), а в искаженном отражении тенденций и факторов развития, в приукрашивании или, наоборот, сгущении красок, рисующих ожидаемую будущую картину, в ангажированности прогнозов и выводов.

Добыча нефти: цены и налоги решают не все!

Если отталкиваться от посылок, на которых строится Генсхема развития нефтяной отрасли, и видимых тенденций, наблюдаемых в последние годы, можно прийти к выводу, что перспективы российской нефтедобычи находятся под влиянием двух факторов — уровня цен на нефть и налогообложения. Вполне очевидно, что доходность добычи углеводородов при прочих равных условиях зависит, с одной стороны, от уровня цен на углеводороды, а с другой стороны, от величины налоговых изъятий. Необходимо отметить высокую степень корреляции (примерно с годичным лагом) между инвестиционной активностью в НГС и валовой доходностью добычи углеводородов. Указанная закономерность хорошо просматривается, если синхронизировать во времени графики цен на нефть и показателей, характеризующих инвестиционную активность в российской нефтедобыче, за 16 лет — с 1995 по 2011 г. (рис. ДОБ-1). При этом видно, что явный провал в динамике производственных инвестиций пришелся на период 2002—2005 гг., что стало реакцией на ухудшение рыночной конъюнктуры в самом начале 2000-х годов и на переход к новой, более жесткой, системе налогообложения, привязанной к мировым ценам на нефть. На объемах инвестиций в 2004—2005 гг. сказалось также и банкротство ЮКОСа.

Рисунок • ДОБ-1

Динамика инвестиций в российскую нефтедобычу (млрд руб.) и внешнеторговых цен на нефть (долл./барр.) в 1995—2011 гг.

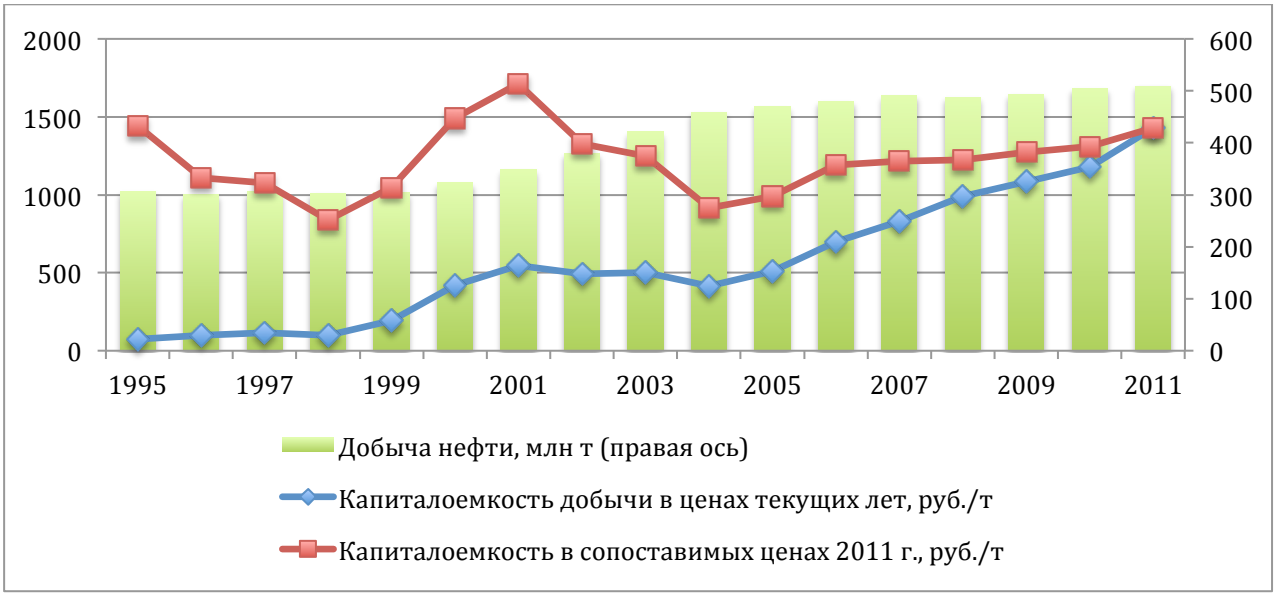

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com;
Росстат / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Последующий рост инвестиций вплоть до наступления экономического кризиса происходил в условиях неординарного улучшения конъюнктуры мирового рынка нефти. На графике капиталоемкости добычи в сопоставимых ценах выявляются два наиболее благоприятных инвестиционных периода: 1998—2001 гг. и 2005—2006 гг. (рис. ДОБ-2).

Рисунок • ДОБ-2

Динамика объемов и капиталоемкости добычи нефти в России в 1995—2011 гг.

Данные Росстата / ЕМИСС • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

Данное обстоятельство заставляет более критично подойти к гипотезе о зависимости между инвестиционной активностью и добычей нефти, с одной стороны, и уровнем цен на нефть, с другой.

Кризисное падение мировых цен на нефть до уровня 2005 г. вызывало опасения адекватного сокращения инвестиций, но в целом этого не произошло из-за скоротечности ценового «провала». Самым трудным оказался период 4-го квартала 2008 — 1-го квартала 2009 гг. Согласно опубликованной финансовой отчетности за 1-й квартал 2009 г., «Газпром нефть», «ЛУКОЙЛ» и «Роснефть» сократили свои производственные капиталовложения по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, соответственно, на 18, 19 и 6%. У «Сургутнефтегаза» и ТНК-ВР инвестиции выросли, соответственно, на 18 и 12%. В сумме же по пяти крупнейшим нефтяным компаниям России сокращение производственных капитальных вложений составило около 1% (все данные приведены в рублевом исчислении). По итогам же 2009 г. в целом производственные инвестиции в нефтедобывающую промышленность выросли примерно на 5%. Кризисное снижение доходности нефтедобычи было отчасти демпфировано стимулирующими инициативами со стороны государства (изменением периода мониторинга цен при взимании экспортной пошлины, снижением пороговой ставки НДПИ и т.п.). Помимо этого крупнейшие российские компании сэкономили на геологоразведке и, пользуясь возможностями монопольных покупателей, «придавили» конъюнктуру нефтесервисного рынка, т.е. переложили тяжесть кризиса на поставщиков и подрядчиков. Как результат, не произошло и падения объемов нефтедобычи.

На рис. ДОБ-2 обращает на себя внимание очень быстрый рост капиталоемкости добычи в 2005—2011 гг.: по сравнению с 2004 г. капиталоемкость, исчисленная в ценах текущих лет, выросла в 3,4 раза; а в сопоставимых ценах — в 1,6 раза. Стремительное сближение двух графиков капиталоемкости в последние шесть лет объясняется значительной инфляционной составляющей в инвестициях в нефтедобывающую отрасль, что отчасти является отражением общемировой тенденции — повышение цен на нефть естественным образом тянет за собой и удорожание всех производственно-технологических компонент, применяемых в нефтедобыче. Таким образом происходит межотраслевое перераспределение «нефтегазовых сверхдоходов» в масштабах мировой экономики, и как следствие, ослабляется стимулирующее воздействие ценового фактора на рост нефтедобычи.

Тем не менее, статистический анализ показывает, что между динамикой мировых цен на нефть и добычей нефти в России существует сильная корреляционная связь с коэффициентом 0,89. В этом плане Россия не является каким-то исключением, поскольку аналогичная зависимость имеет место в динамике добычи целого ряда других стран мира, относящихся к числу крупных производителей нефти, например Казахстана, Азербайджана, Бразилии, Канады, Китая. Отрицательные показатели корреляции с ценами характерны для нефтедобычи в США, Норвегии, Великобритании (табл. ДОБ-1). Просматривается вполне очевидная закономерность, свидетельствующая о том, что степень корреляции межу ценой и добычей связана с уровнем ресурсной обеспеченности, которая во многом характеризуется показателем обеспеченности текущей добычи разведанными запасами. Определенное исключение из общего правила представляет собой Китай, планомерно наращивающий добычу нефти (развитие нефтяной промышленности, как и других базовых отраслей экономики, находится под жестким государственным контролем). Из анализа исключены государства, входящие в ОПЕК, так как нефтедобыча в этих странах ограничивается картельными соглашениями и выступает в качестве одного из регуляторов цен на мировом нефтяном рынке. Для стран ОПЕК если и существует корреляция, то она имеет обратный характер — не динамика добычи находится в функциональной зависимости от мировых цен, а сами эти цены складываются под влиянием объемов добычи, которые квотируются на основе картельного соглашения.

Таблица • ДОБ-1

Показатели корреляции между динамикой добычи нефти и ценами «Brent» и уровень обеспеченности добычи доказанными запасами для некоторых стран мира, не входящих в ОПЕК

	Коэффициент корреляции (1994—2011 гг.)		Обеспеченность текущей добычи 2011 г. запасами, лет
	Цена в номинальных долл.	Цена в долл. 2011 г.	
Россия	0,887	0,889	23,5
Казахстан	0,897	0,892	49,7
Азербайджан	0,913	0,902	20,9
Бразилия	0,875	0,866	17,9
Китай	0,933	0,924	9,9
Норвегия	-0,848	-0,834	10,1
Великобритания	-0,945	-0,942	7,4
США	-0,654	-0,671	12,0
Канада	0,906	0,898	138,5

Рассчитано по данным BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com.

Отрицательные показатели корреляции выявляются в случае высокой степени исчерпания запасов, когда возможности развития добычи на действующих месторождениях наталкиваются на непреодолимые ограничения геолого-технологического характера (особенно в условиях жесткого государственно регулирования процессов недропользования), а новые проекты по разведке и добыче углеводородов сопряжены со слишком высокими издержками. Весьма показателен в этом смысле пример нефтедобычи в Великобритании. По состоянию на начало 2010 г. степень выработанности доказанных и вероятных запасов достигла 81,5%; в национальном нефтегазовом секторе сложились устойчивые многолетние тенденции к сокращению инвестиций (к 2010 г. в 1,5 раза по сравнению с серединой 1990-х годов), занятости (примерно на треть) и производительности труда (более чем в 1,7 раза).[471]

[471] По статистическим данным национального министерства энергетики — U.K. Department of Energy and Climate Change • URL: http://www.decc.gov.uk/en/content/cms/statistics/energy_stats/source/source.aspx [2012-06-12].

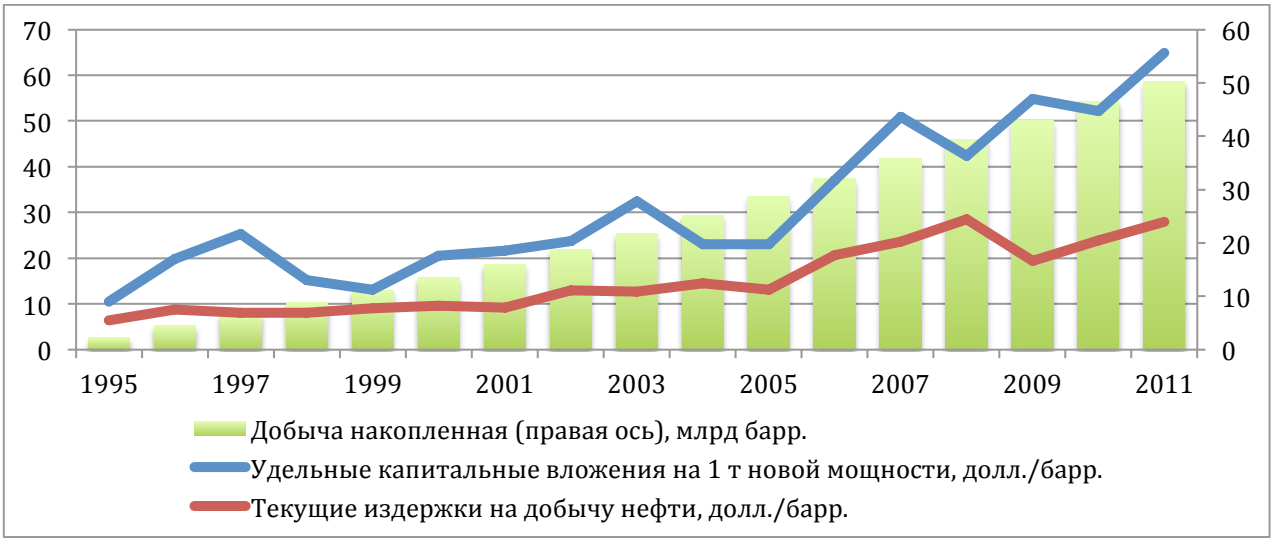
Т.е. в Великобритании в настоящее время имеет место высокая степень истощения геологических запасов нефти, которая сочетается с прогрессирующим снижением показателей эффективности развития нефтедобычи.

Если вернуться к примеру России, то можно увидеть, что еще более сильная корреляция (с коэффициентом 0,93) существует между добычей нефти и нетто-ценой нефти, т.е. рыночной ценой, очищенной от налогов на добычу и экспортных пошлин (суммарных изъятий из выручки производителей, которые не зависят от прибыли). Нетто-цена в большей степени характеризует реальную доходность добычи, нежели цена рыночная, но наличие столь сильной корреляции «вводит в соблазн» принять факторы цен и налогов в качестве наиболее значимых при прогнозировании добычи нефти в России. Показателен главный вывод одной из работ, посвященных рассматриваемой проблеме: *«Прогнозируемый уровень мировых цен на нефть создает вполне благоприятные условия для формирования доходной части государственного бюджета, пополнения стабилизационного фонда и развития нефтяного сектора российской экономики. В то же время необходимое для увеличения производства и экспорта нефти освоение новых нефтяных месторождений с повышенными затратами, в частности, месторождений восточной части страны, требует проведения* ***специальной налоговой политики, стимулирующей инвестиции*** (выделено автором)».[472] Что же касается издержек на реализацию этих проектов, равно как и среднеотраслевых показателей, то эти величины принимаются заданными и не подвергаются сомнению.

Современный и предстоящий этапы развития российского нефтегазового сектора характеризуются падающей приростной эффективностью капитальных вложений в добычу углеводородов, что во многом объясняется естественными причинами — истощением запасов действующих месторождений и необходимостью освоения новых нефтегазоносных провинций, включая шельфы дальневосточных и арктических морей. Указанные естественные причины обусловливают беспрецедентный рост издержек в добыче нефти, который имеет линейный характер в зависимости от степени выработанности ресурсов или накопленной добычи (рис. ДОБ-3 и ДОБ-4).

Рисунок • ДОБ-3

Динамика капиталоемкости создания новых нефтедобывающих мощностей, затрат на извлечение нефти и накопленная добычи нефти в России в 1995—2011 гг.

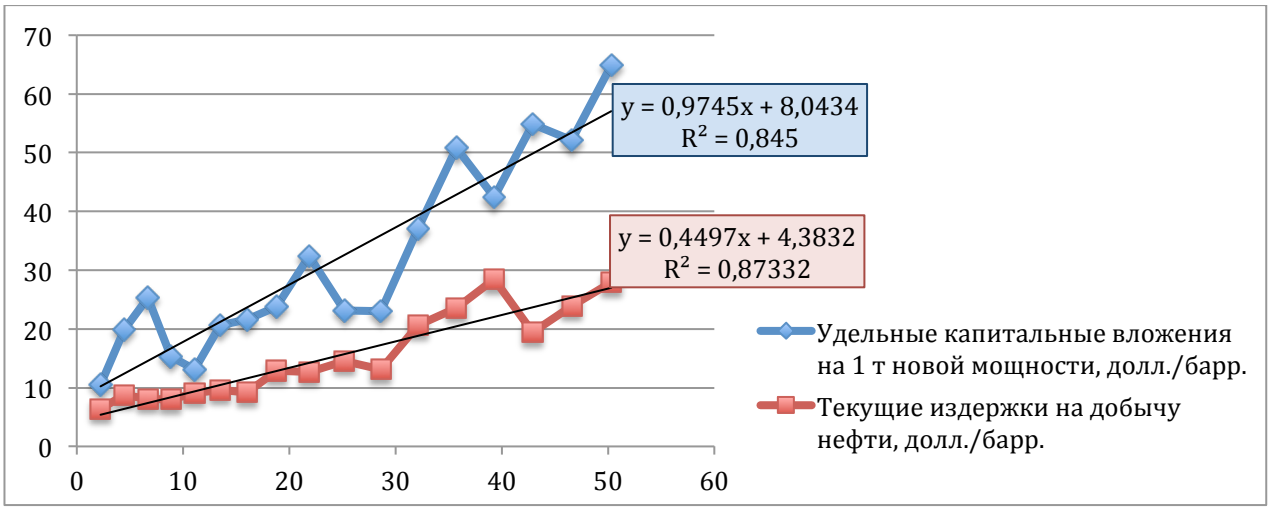

Оценки автора на основе данных Росстата • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; показателей деятельности ведущих российских нефтяных компаний.

[472] Бобылев Ю.Н., Четвериков Д.Н. Факторы формирования цен на нефть. М.: ИЭПП, 2006. — С. 106 • URL: http://www.iep.ru/ru/faktory-razvitiya-rynka-nefti.html [2013-06-12].

Рисунок • ДОБ-4

Функциональная зависимость капиталоемкости создания новых мощностей и затрат на извлечение нефти от накопленной добычи нефти для периода 1995—2011 гг.

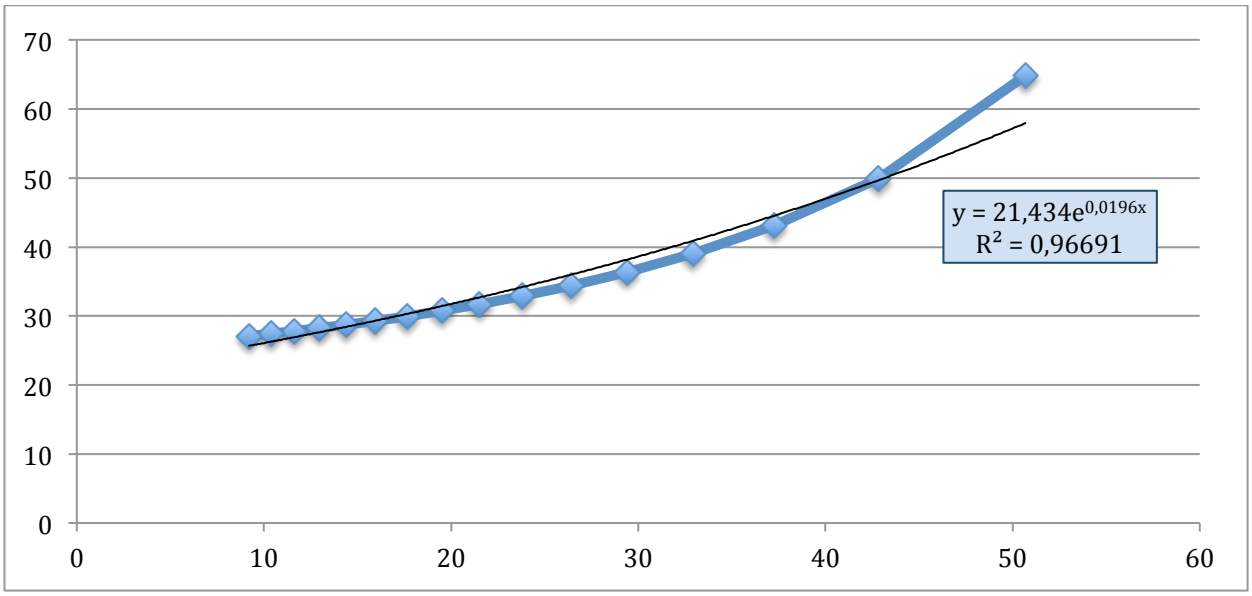

Оценки автора на основе данных Росстата • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; показателей деятельности ведущих российских нефтяных компаний.

Если при проведении статистического анализа сгладить, нивелируя «возмущения», графики фактических значений производственных (ввода новых скважин, средних дебитов новых скважин) и экономических (рыночных цен на нефть, капитальных вложений в расчете на единицу новых мощностей, удельных затрат на извлечение нефти) показателей, то построенная таким образом «идеальная» модель отображает зависимость ввода новых добывающих мощностей от показателя рентабельности инвестиций. Указанная статистическая зависимость описывается экспоненциальной регрессией с коэффициентом детерминации, равным почти 0,97 (рис. ДОБ-5).

Рисунок • ДОБ-5

Функциональная зависимость ввода новых мощностей нефтедобычи от рентабельности инвестиций, выведенная на основе сглаженных графиков производственных и экономических показателей за 1995—2011 гг.

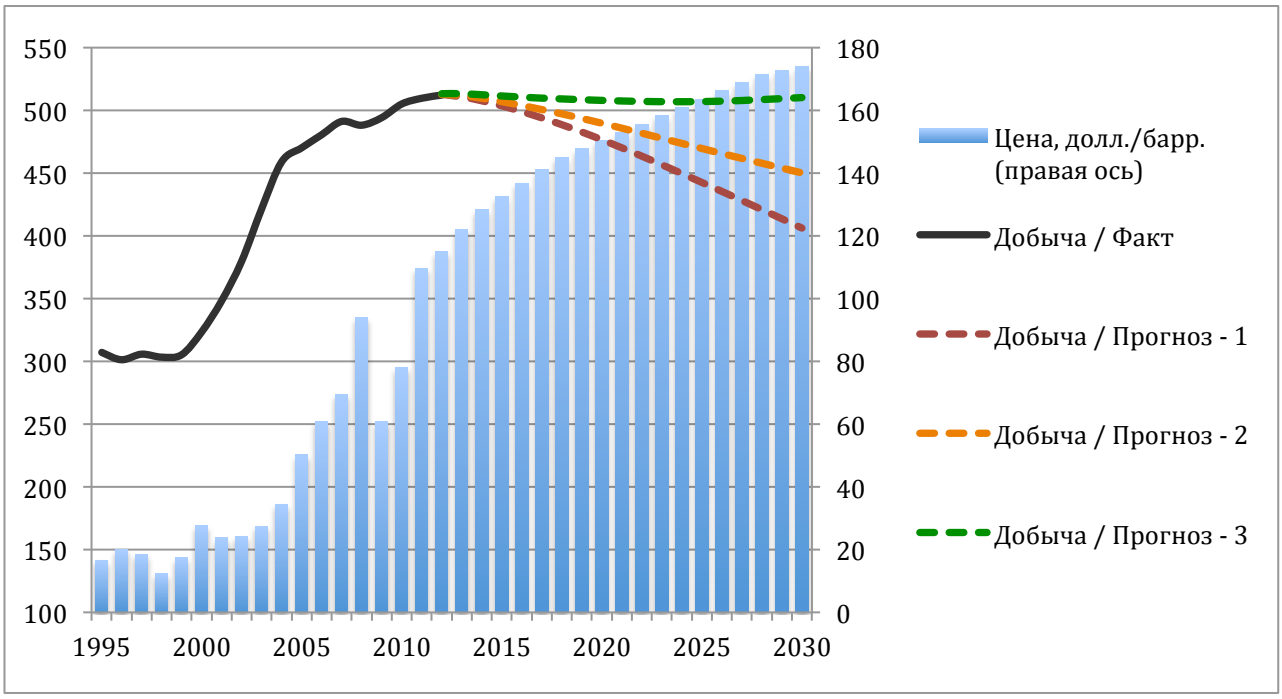
Оценки автора на основе данных Росстата • URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do; показателей деятельности ведущих российских нефтяных компаний.

На основе выведенной закономерности автором была предпринята попытка построить аналитический прогноз с тем, чтобы оценить вероятные тенденции изменения объемов нефтедобычи в России на период до 2030 г.[473] При этом в качестве сценарного прогноза мировых цен на нефть принят «средний» (Reference) вариант прогноза МЭА / Министерства энергетики США, согласно которому к 2035 г. ожидается повышение уровня цен на нефть до 125 долл./барр. в долларах 2009 г. Это примерно эквивалентно гипотезе, что к 2030 г. цена нефти в номинальных долларах составит около 180 долл./барр.[474] Применение номинальных денежных измерителей в модели необходимо для корректного отражения налоговой составляющей.

Для начала были построены прогнозные варианты добычи нефти на период до 2030 г., основанные на общепринятых в последнее время подходах к «оптимизации» налоговой системы и гипотезе дальнейшего инерционного роста издержек. При сохранении налогового режима, действовавшего в 2011 г., неизбежен быстрый спад добычи — до 405 млн т к 2030 г. (Прогноз – 1). В качестве альтернативы были смоделированы варианты снижения налоговой нагрузки на нефтяную отрасль с расчетом выхода на уровни добычи в 450 (Прогноз – 2) и 510 млн т (Прогноз – 3). Последний из перечисленных вариантов примерно соответствует тренду добычи по «целевому профилю», предусмотренному Генсхемой развития нефтяной отрасли. По сравнению с Прогнозом – 1 уровень налоговой нагрузки к концу прогнозного периода в Прогнозе – 2 снижается на 12%, а в Прогнозе – 3 — на 25%.

Рисунок • ДОБ-6

Варианты прогноза добычи нефти в России на период до 2030 г., млн т

Оценки автора на основе статистической модели.

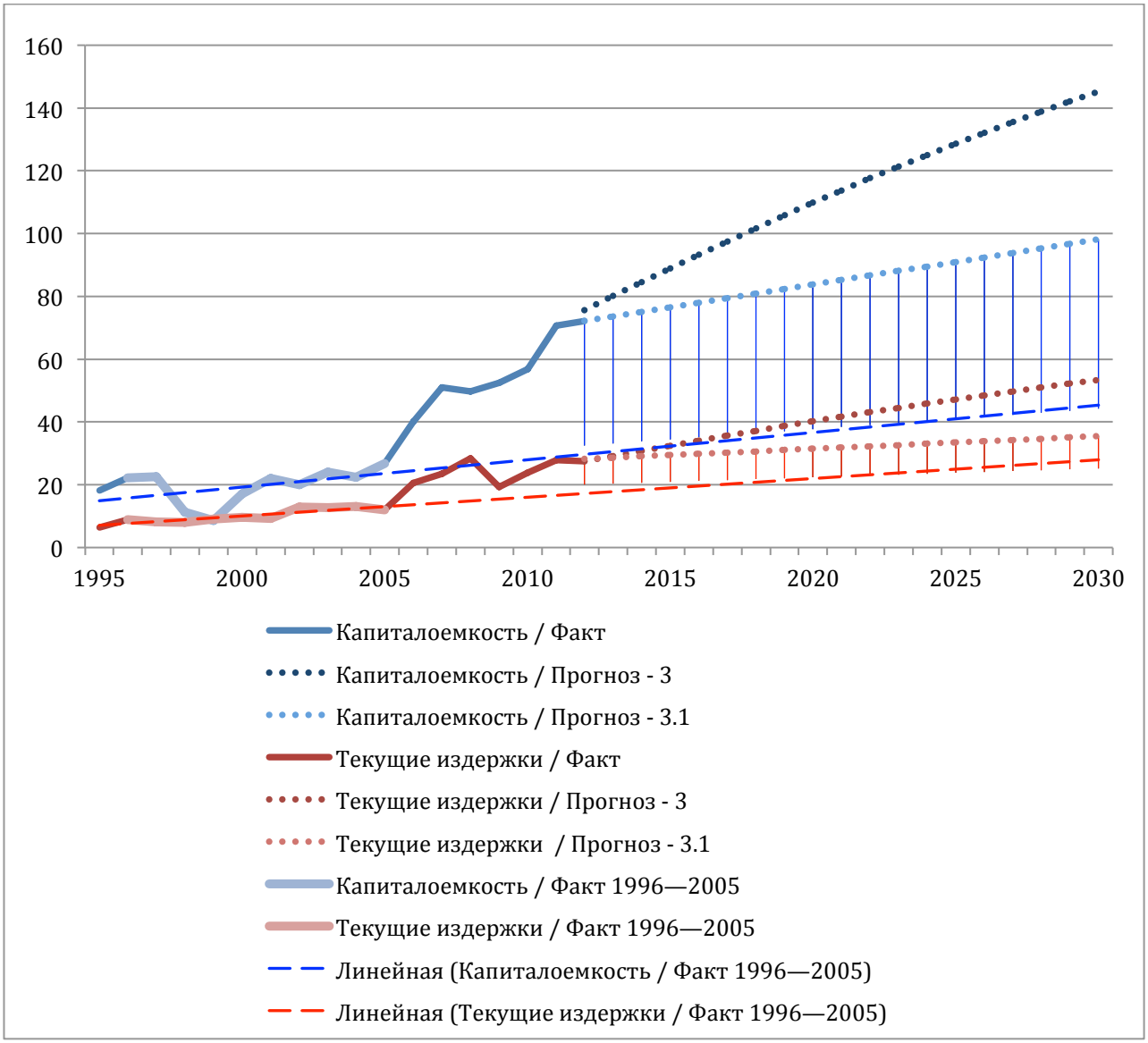
[473] В выполнении исследования принимал участие выпускник бакалавриата Экономического факультета НГУ Александр Новогранов, защитивший в 2012 г. выпускную квалификационную работу на тему «Использование метода многофакторного статистического анализа для прогнозирования добычи нефти в России».

[474] International Energy Outlook 2011. — U.S. Energy Information Administration / EIA. — Release date: Sept. 19, 2011 • URL: http://www.eia.gov/forecasts/ieo/.

В связи с неблагоприятными тенденциями изменения налоговой отдачи нефтяной отрасли при заданных условиях построения прогноза возникает вопрос: а можно ли повлиять на рентабельность инвестиций не за счет снижения налогов, а путем рационализации издержек, т.е. замедления их роста в будущем? Модель позволяет выявить желаемые тренды издержек исходя из намечаемых уровней добычи нефти (решить так называемую «обратную задачу»). Для оценки был задан «целевой профиль» добычи на уровне 510 млн т в год при условии, что в прогнозном периоде сохранятся неизменные параметры налогообложения нефтяной отрасли, как в Прогнозе – 1, т.е. имевшие место в 2011 г. Таким образом выявляются крайние, наилучшие из желаемых, тренды роста капиталоемкости и текущих затрат в будущем, с учетом которых построен Прогноз – 3.1. Расчеты показали, что одним из допустимых вариантов решения «обратной задачи» является замедление темпов роста капиталоемкости новых мощностей в 1,4 раза, а текущих издержек — в 1,5 раза по сравнению с теми, которые сложились в период 1995—2011 гг. (рис. ДОБ-7).

Рисунок • ДОБ-7

Сравнение трендов роста издержек в нефтяной отрасли по вариантам прогноза, долл./барр.

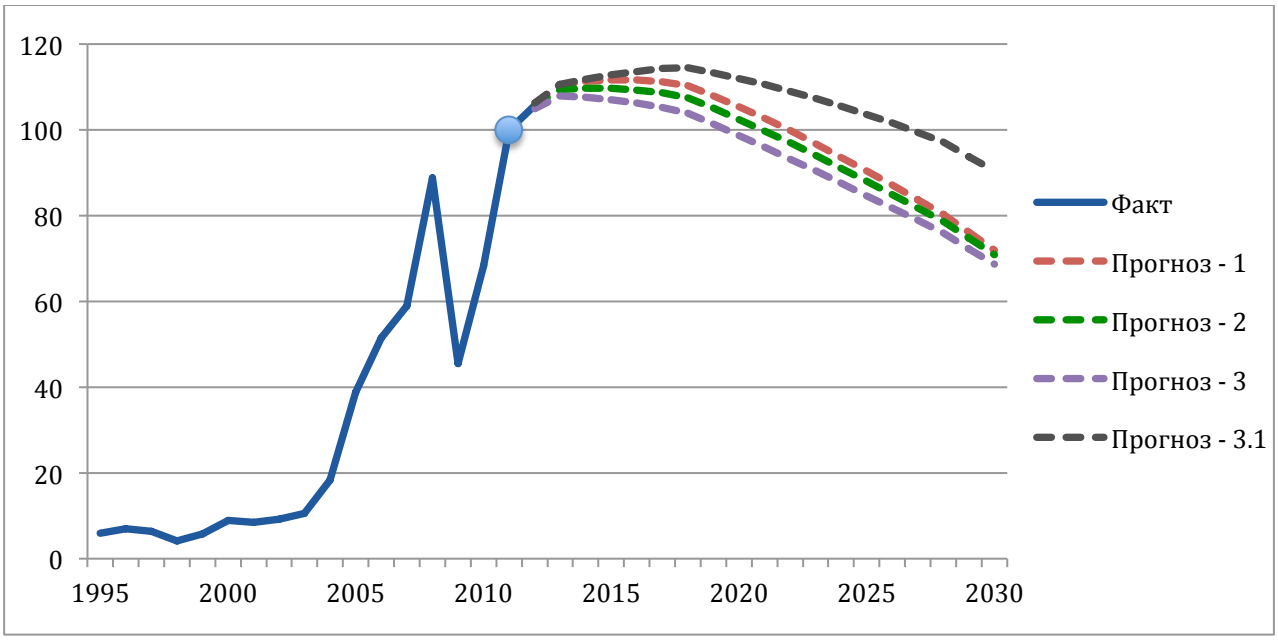
Оценки автора на основе статистической модели.

Следует проанализировать, насколько вероятны подобные допущения относительно ожидаемого роста издержек. Скачкообразный рост затрат в нефтедобыче произошел в последние 6—7 лет, что в значительной степени связано с резким подъемом мировых цен на нефть. Динамика возрастания издержек в конце 1990-х и в самом начале 2000-х годов характеризовалась заметно более низкими темпами, чем в целом за период 1995—2011 гг. и уж тем более — по сравнению с периодом 2005—2011 гг. Замедление роста цен на нефть в прогнозе связано с вероятностью снижения потенциальной эффективности новых нефтяных проектов, и как следствие, создает предпосылки для замедления роста издержек (при прочих равных условиях). С ухудшением горно-геологических и природно-климатических условий развития отечественной нефтедобывающей промышленности должен «бороться» научно-технический прогресс.

Иначе катастрофический для отрасли рост издержек становится просто неизбежным, а наши планы по освоению новых нефтяных провинций на востоке страны и на шельфе утрачивают какое-либо прагматичное хозяйственное значение. Равно как утрачивает свой непосредственный практический смысл государственная «налоговая оптимизация», направленная на стимулирование развития нефтедобывающей отрасли, по принципу: «налоги ниже — нефти больше; налоги выше — нефти меньше». Графики вероятных налоговых доходов по трем вариантам прогноза (1, 2 и 3), основанным на гипотезе инерционного роста издержек, почти сливаются: расхождение в точке максимума взаимных отклонений трендов не превышает 10%, а в конце прогнозного периода составляет менее 5% (рис. ДОБ-8).

Рисунок • ДОБ-8

Динамика бюджетных доходов по основным видам платежей (НДПИ, экспортная пошлина на нефть) по вариантам прогноза, % (2011 г. = 100)

Оценки автора на основе статистической модели.

Указанные разницы в значениях прогнозных показателей столь незначительны, что, очевидно, не выходят за пределы погрешности расчетов. Соответственно, несколько иной смысл должна иметь задача стимулирования нефтедобычи. В игре «больше—меньше» критерием ставится величина косвенных (мультипликативных эффектов) в экономике. Что обладает бóльшим мультипликативным эффектом: расходы государственного бюджета

или объемы инвестиций и производства в нефтедобывающей промышленности? В зависимости от ответа на данный вопрос должна формироваться налоговая политика государства, а в ее рамках — должен складываться баланс между стимулирующей и фискальной составляющими. При этом очевидно, что наибольшие выгоды для государства сулит не поддержание высоких уровней добычи как таковое, а повышение эффективности развития отрасли, связанное с замедлением роста издержек (иллюстрируется примером Прогноза – 3.1).

Следовательно, политика государства в нефтегазовом секторе прежде всего должна быть обращена не к объемам производства, а «повернута лицом» к издержкам, с которыми сопряжено данное производство. Причем в государственной политике в равной степени заслуживают усиления как стимулирующая, так и контрольно-ревизионная составляющие. В стимулировании с применением широкого спектра институциональных и финансовых мер нуждаются отраслевые НИОКР, разработка и внедрение технологических и организационно-экономических инноваций — все то, что в конечном счете направлено на создание эффективного и постоянно совершенствующегося технологического базиса как объективной предпосылки для рационализации издержек в НГС. Усиление контрольных функций (прежде всего — в качественном отношении) требуется для того, чтобы компании нефтегазового сектора не могли искусственно «раздувать» свои издержки, включая показатели затрат на реализацию новых проектов, и манипулировать завышенными издержками с целью получения налоговых льгот. В отличие от нынешней ситуации, государство должно научиться правильно оценивать и прогнозировать издержки, не слишком доверяясь нефтегазовым корпорациям в столь щекотливом вопросе.

Почему вопрос отношения государства к издержкам в нефтегазовом секторе ставится в такой плоскости? Постоянно возрастает число объективных факторов, которые негативно воздействуют на динамику всех видов издержек, а в условиях недостаточно эффективного государственного технического и финансового контроля это значительно расширяет границы для проявлений корпоративного оппортунизма. Настораживает тенденция, которая выражается в резком ускорении темпов роста инвестиционных и эксплуатационных издержек начиная с 2005—2006 гг. Переход к новой системе налогообложения, перекрытие лазеек для налоговой оптимизации (в том числе с использованием «внутренних оффшоров»), «дело ЮКОСа» стали факторами, которые резко ограничили нефтегазовым компаниям возможности манипулирования в сфере распределения доходов. Но если компаниям стало затруднительным и опасным оптимизировать распределение доходов «в лоб», как это делалось в прежних условиях, они пошли окольным путем через «накручивание» издержек. Автор склонен полагать, что сейчас в российском нефтегазовом секторе (равно как и во всей нашей экономике) деятельность, связанная с инвестированием, капитальным строительством, производственным сервисом и материально-техническим снабжением, превратилась в едва ли не главную сферу перекачивания доходов в карманы собственников и менеджеров корпораций. Нарочитая эскалация издержек позволяет бизнесу не только перераспределять доходы, придавая им видимость тех или иных затрат, в свою пользу, но и вымогать у государства налоговые послабления. И очень похоже на то, что, государство, опасаясь падения объемов добычи углеводородного сырья, пошло на поводу у нефтегазовых корпораций, и как результат, *«одной из тенденций последнего времени стала активная раздача налоговых льгот для нефтяников буквально, как говорится, направо и налево»*.[475]

Современные и предстоящие условия развития отечественного нефтегазового сектора таковы, что делают применение гибких, а во многих случаях — льготных или щадящих, — режимов налогообложения попросту неизбежным. Но политика налогового стимулирования

[475] Новые русские льготники: «Нефтегазу» облегчают налоговое бремя // РБК — Экономика. — 10 окт. 2012 • URL: http://top.rbc.ru/economics/10/10/2012/673552.shtml [2013-06-12].

должна быть прагматичной и обоснованной, иначе государство будет «незаслуженно» терять причитающиеся ему доходы. Чтобы избежать подобного «дежавю», государство должно научиться управлять процессами формирования издержек в нефтегазовом секторе, в котором каждый процент сэкономленных затрат сегодня сто́ит десятки миллиардов рублей. Но чтобы грамотно управлять, нужно, как минимум, научиться правильно прогнозировать тенденции развития НГС и его ключевых отраслей на основе всего комплекса значимых факторов, включая уровень и характер формирования издержек, а не только путем подбора подходящего налоговой нагрузки применительно к ожидаемым ценам.

О «сырьевом проклятии» России

— Верно…, — ответил Швейк со спокойствием философа, стремящегося водворить мир на земле и во имя этого пускающегося в ярую полемику.

Ярослав Гашек.
Похождения бравого солдата Швейка[476]

Тема чрезмерного, мягко говоря, сырьевого уклона в развитии российской экономики уже много лет является одной из самых обсуждаемых и злободневных. Но несмотря на неутихающие научные дискуссии, выдвигаемые учеными теоретико-обосновывающие идеи и принимаемые государством практические решения, воз остается и поныне там. Актуальность проблемы сырьевой зависимости никак не спадает, тяжелый «бронепоезд» российской экономики с большим скрипом пытается перейти на рельсы инновационного развития, а «ресурсное проклятие», если оно, конечно, существует, по-прежнему витает над нашей страной, приобретая все более угрожающий характер.

Феномен «ресурсного проклятия» занимает центральное место во многих научных исследованиях современности, но еще больше число разнообразных «околонаучных» публикаций, обыгрывающих этот красивый и броский термин, характеризующий специфику экономического развития стран, «излишне» богатых природными, точнее сырьевыми, ресурсами. Среди серьезных отечественных научных исследований необходимо прежде всего выделить фундаментальный труд Егора Тимуровича Гайдара *«Гибель империи. Уроки для современной России»*, в котором детально проанализированы истоки, механизмы, проявления и фатальные последствия «ресурсного проклятия» на примере советской плановой экономики.[477] Применительно к современной российской действительности наибольший, по-видимому, интерес представляют институциональный анализ, оценки и выводы, основанные на применении математических методов и нашедшие место в работах академика Полтеровича и его коллег.[478]

Относясь с трепетным уважением ко взглядам мэтров российской экономической науки, автор тем не менее должен признать, что ему ближе точка зрения А. Илларионова, согласно которой *«построение моделей "ресурсного проклятья" может рассматриваться*

[476] Цитируется по изданию: Гашек Ярослав Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. / Пер. с чешск. и примеч. П. Богатырева. — М: Худож. лит., 1977. — С. 210.

[477] Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. / 2-е изд., испр. и доп. — М: РОССПЭН, 2006. — 448 с.

[478] Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 98, [2] с. • URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/publications.htm [2013-06-14].

не более чем как курьез»[479]. Или в более развернутом виде: *«Нефть не виновата. Поэтому концепция ресурсного проклятия — теория, миф, является не только неверной, но вредной, она утверждает, что в стране ничего сделать нельзя, пока высокие цены на нефть, страна обречена, кто бы и что бы ни делал. Это хорошая теория, любимая представителями нынешнего политического режима. Нет ничего "лучшего", что бы объясняло ненужность, ненеобходимость и невозможность каких-либо изменений в стране».*[480]

Субъективный скептицизм автора по отношению к теории «ресурсного проклятия» связан прежде всего с ее чрезмерной политизированностью. Вольно или невольно данная теория выпячивает дефекты экономического развития стран ОПЕК в 1970—1980 гг., т.е. именно в тот период времени, когда ведущими нефтеэкспортирующими странами был значительно усилен контроль над принадлежащими им нефтяными ресурсами. Тогда как в предыдущие несколько десятилетий освоение ресурсов нефти на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке находилось практически под полным контролем крупнейших транснациональных нефтяных корпораций, которые интенсивно увеличивали добычу вслед за быстро возраставшим спросом на энергоресурсы в промышленно развитых странах мира. Теория «ресурсного проклятия» политизирована также в своих практических приложениях, и с ее помощью, действительно, слишком уж удобно объяснять парадоксы и провалы экономического роста в ресурсно обеспеченных странах, в том числе в России, не углубляясь в анализ действительных предпосылок и факторов, обусловливающих «качество» и специализацию экономического развития.

Отправной пунктом построения теории является наличие концентрированных, или «точечных», природных ресурсов, освоение которых позволяет генерировать большую массу ренты, становящейся объектом притязаний со стороны различных сил. В расчет принимается фактологическая основа видимых, наблюдаемых величин — статистика темпов экономического роста, результаты измерения качества общественно-политических и экономических институтов и т.п. — без должного анализа противоречий между тем, что лежит на «поверхности явлений», и сущностью происходящих процессов. Но даже тот бесспорный фактический материал, который служит для обоснования теории «ресурсного проклятия», слишком узок в пространстве и времени, т.е. охватывает, скорее, ряд исключений из общего правила, нежели иллюстрирует само правило, отражающее длительные тенденции экономического развития всей массы стран так называемого «третьего мира».

Если признать факт существования «проклятия», довлеющего над теми или иными странами, то с учетом сказанного выше невольно возникает вопрос: а является ли указанное «проклятие» действительно «ресурсным» или оно имеет какую-то другую природу?

Сомнения по поводу природы «ресурсного проклятия»

Многие публикации, посвященные проблеме «ресурсного проклятия»: начинаются примерно следующими строками: *«Термин "ресурсное проклятие" был введен английским экономистом Р. Аути для объяснения парадоксального явления: значительного падения уровня жизни в странах экспортерах нефти в 1970—1980-е годы. В течение двух с лишним*

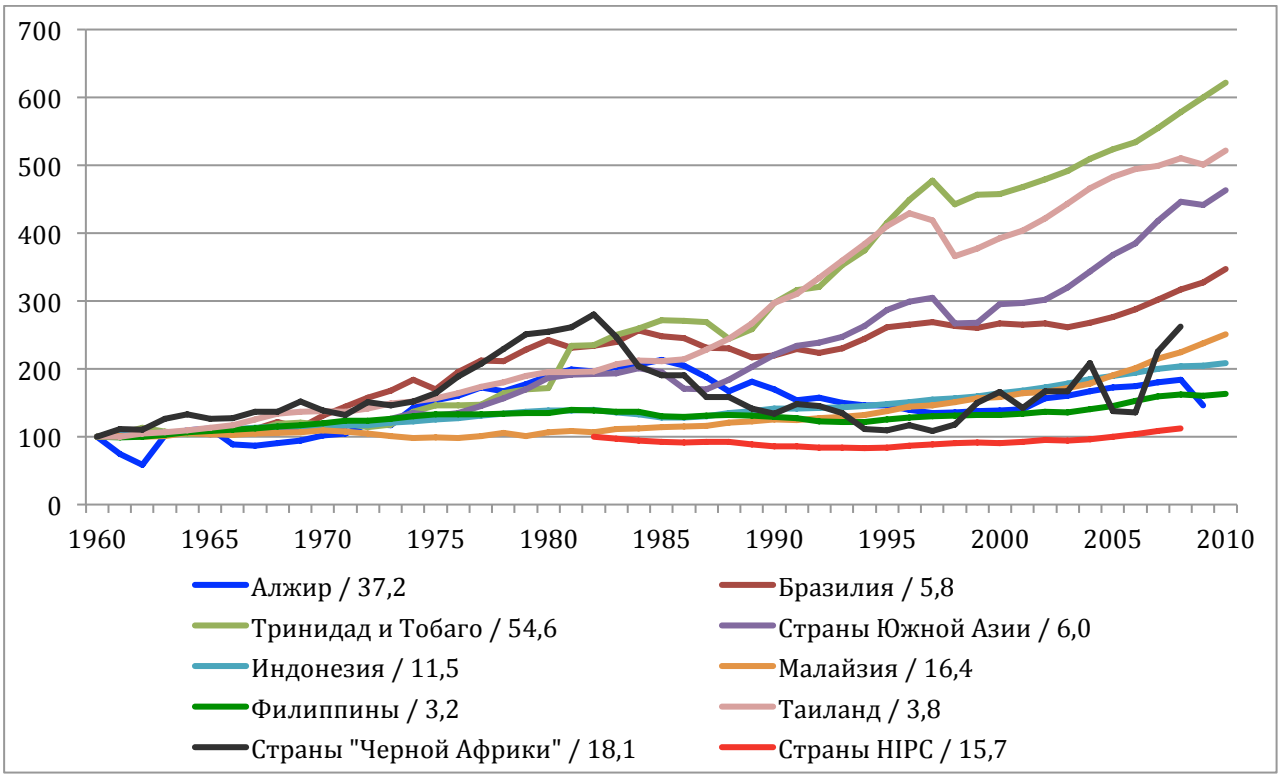
[479] Из выступления на конференции «Природные ресурсы в экономическом развитии: благо или риски?» в Высшей школе экономики в апреле 2007 г. См.: Проклятие Илларионова. Природные ресурсы вошли в противоречие с властными ресурсами. — НИУ ВШЭ и СМИ. — 6 апр. 2007 • URL: http://www.hse.ru/news/1163633/1142505.html [2013-06-14].

[480] Нересурсное проклятие. Онлайн-интервью с Андреем Илларионовым // Газета.Ру. — 22 апр. 2008 • URL: http://vm.gazeta.ru/interview/nm/a_illarionov.shtml [2013-06-14].

десятилетий, прошедших с момента установления "нефтяного эмбарго" в 1974 г. (которое привело к резкому росту цен на нефть), показатель ВВП на душу населения, лучший экономический индикатор уровня жизни, в странах ОПЕК снижался в среднем на 1,3% в год, тогда как в остальных развивающихся странах он рос в среднем более чем на 2% в год».[481] В данной формулировке изначально присутствует спорный тезис, поскольку показатель среднедушевого ВВП вряд ли можно назвать «лучшим индикатором уровня жизни» — этот показатель не учитывает распределение добавленной стоимости и дифференциацию доходов между группами населения с различными имущественным положением. Для измерения и межстрановых сравнений динамики уровня жизни более корректно, по-видимому, было бы использовать показатель конечного потребления (household final consumption expenditure) — причем не в среднеарифметическом исчислении на душу населения, а в виде структурного среднего (медианы, моды) или усеченного среднего. Но даже если посмотреть на динамику роста среднедушевого показателя конечного потребления для некоторых стран и регионов мира, располагающих или, наоборот, не располагающих значительными сырьевыми ресурсами, то в длительном периоде времени (с 1960 по 2011 г.) не выявляется очевидной взаимосвязи между уровнем ресурсной обеспеченности и темпами роста уровня жизни (рис. РЕС-1).

Рисунок • РЕС-1

Индекс роста конечного потребления на душу населения, % (1960 г. = 100)

Примечание: страны Южной Азии — Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал, Бутан;
страны «Черной Африки» — развивающиеся страны Африки южнее Сахары (Sub-Saharan Africa);
страны HIPC — беднейшие страны мира с высоким уровнем задолженности (около 40 стран Африки, Азии и Латинской Америки);
после названия страны указана доля ресурсной ренты в ВВП в докризисном 2007 г., %.

Источник: World Development Indicators, 2013. — The World Bank
• URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

[481] Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. — 2008. — № 4 • URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n4_2008.html [2013-06-14].

За последние полвека средний уровень жизни в развивающихся странах «Черной Африки» (Африки южнее Сахары) вырос всего лишь в 1,5 раза, а начиная с 1980-х годов и вплоть до настоящего времени по группе беднейших развивающихся стран мира наблюдаются практически нулевые темпы роста. Все указанные страны не располагают крупными ресурсами «высоколиквидного» минерального сырья (либо эти ресурсы по каким-то причинам не востребованы мировым рынком) — доля ресурсной ренты в ВВП колеблется во времени от 4 до 17% без каких-либо корреляций с изменением темпов роста уровня жизни, который в настоящее время на порядок ниже, чем в любом из государств ОПЕК за исключением Ирака и Нигерии. Можно ли в данном случае утверждать, что около полусотни различных стран мира с населением, в сумме приближающимся к 900 млн чел. (почти 13% населения Земли), подвержены какому-то «несырьевому проклятию»?

Государства Южной Азии (прежде всего — Индия) и Филиппины, являющиеся нетто-импортерами энергоресурсов, дают примеры роста уровня жизни населения при низком показателе ресурсной обеспеченности (доля ресурсной ренты в ВВП не превышает 6%) и относительно небольших объемах добычи нефти и газа. Причем эти страны смогли всерьез ускориться в своем социально-экономическом развитии лишь в последние два десятка лет. Бразилия, Индонезия и Таиланд — крупные нефтегазодобывающие страны с относительно диверсифицированными национальными экономиками (доля ресурсной ренты в ВВП от 4 до 12%), которые нельзя непосредственным образом охарактеризовать как ресурсно зависимые. Однако было бы неправильным полагать, что развитие нефтегазодобычи в указанных странах не оказывает позитивного воздействия на темпы экономического роста и динамику уровня жизни населения. Пример Бразилии показателен еще и тем, что при анализе влияния нефтегазового сектора на национальную экономику нужно учитывать не только размеры, но и качественные характеристики ресурсно-сырьевой базы. В сфере морской, в том числе глубоководной, нефтедобычи, которую по технической сложности порою сравнивают с полетом на Луну[482], Бразилия в 2000-е годы выдвинулась в число мировых лидеров, встав на одну ступеньку с США (свыше 1,6 млн барр. в день).[483] В настоящее время бразильская государственная нефтяная компания Petrobras эксплуатирует вдвое—втрое больше морских буровых платформ (83), нежели любая из крупнейших американских или европейских нефтегазовых корпораций — R.D. Shell (43), Chevron (37), BP (36), Statoil (36), Total (27), Exxon (17).[484] Развитие собственного опыта и компетенций в таком технически сложном виде деятельности безусловно способствует общему технологическому и промышленному росту Бразилии, что в конечном счете благотворно отражается и на динамике уровня жизни населения.

Последняя группа стран (Алжир, Тринидад и Тобаго, Малайзия) в предложенном межстрановом сопоставлении представлена нетто-экспортерами углеводородов с ресурсно зависимой (в большей или меньшей степени) экономикой. Причем Алжир вообще являет собой чуть ли не «классический» случай действия «ресурсного проклятия», тогда как две другие страны лишь периодически «спотыкаются» в своем социально-экономическом

---

[482] Нефтедобыча как освоение Луны (интервью с Бьенгтом Ли Хансеном — старшим вице-президентом подразделения Norsk Hydro Oil & Energy) // Эксперт. — 2005. — № 43 • URL: http://expert.ru/expert/2005/43/neftedobycha_272/ [2013-06-14].

На больной глубине. Катастрофа в Мексиканском заливе стала настоящим испытанием для глубоководной добычи нефти // UaEnergy. Досье украинской энергетики. — 30 мая 2010 • URL: http://www.uaenergy.com.ua/c225758200614cc9/0/1615b108a25f222bc225772f00442fec [2013-06-14].

[483] Deepwater Crude Oil Output: How Large Will The Uptick Be? // Oil & Gas Journal. — 2010. — Nov. 1. — Vol. 108, Issue 41 • URL: http://www.ogj.com/articles/print/volume-108/issue-41.html [2013-06-14].

[484] Rig Report: Offshore Rig Fleet by Operator // Worldwide Offshore Rig Fleet Information. — Rigzone, 2012 • URL: http://www.rigzone.com/data/rig_report.asp?rpt=op [2013-06-14].

развитии. Т.е. страны с преимущественно сырьевой экономикой могут демонстрировать как провалы, так и весьма высокие показатели в росте уровня жизни населения.

В целом же приведенный пример сравнения динамики уровня жизни показывает, что при желании можно увидеть или, наоборот, не увидеть признаки «проклятия» в экономике самых разных стран мира, относящихся к категории развивающихся. Собственно говоря, теория «ресурсного проклятия» этим и занимается — пытается найти искомый «феномен» там, где хочет найти, и прежде всего в социально-экономическом развитии крупнейших нефтеэкспортирующих стран. Причем теоретические построения опираются на весьма зыбкую доказательную базу, которая ничуть не упрочилась за те два десятка лет, что прошли с момента обнаружения рассматриваемого «мистического феномена». Указанное обстоятельство, по-видимому, является причиной многоликости теории «ресурсного проклятия», ее эволюции от традиционной «сильной» версии к «слабой» и к версии «условного проклятия».

«Гипотеза о "проклятии ресурсов" в ее традиционном понимании состоит в том, что страны, обладающие большим объемом сосредоточенных природных ресурсов — нефти, газа, угля, цветных металлов, — как правило, развиваются медленнее, чем близкие по характеристикам, но менее богатые ресурсами экономики. Недавние исследования показывают, что в этом "сильном" смысле "проклятие ресурсов" не имеет места: в регрессиях влияние природного богатства на рост либо незначимо, либо положительно. Гораздо более обоснована "слабая" версия гипотезы о "проклятии": большинство стран, богатых природными ресурсами, используют их менее эффективно, нежели другие виды капитала. Казалось бы, страны, наделенные ресурсами, при прочих равных условиях должны развиваться быстрее других, однако на практике темпы роста ресурсоизбыточных экономик могут быть как выше, так и существенно ниже темпов роста аналогичных стран, не имеющих ресурсов».[485] Последнее обстоятельство является ключевым в раскрытии умозрительного характера теории «ресурсного проклятия», оперирующей абсолютно общим постулатом, который говорит лишь о том, что экономики разных стран могут развиваться с разной скоростью и который в одинаковой степени справедлив и для ресурно избыточных и ресурсно дефицитных экономик. Достаточно лишь поменять местами сравниваемые типы экономик в приведенной выше формулировке: на практике темпы роста ресурсно дефицитных экономик могут быть как выше, так и существенно ниже темпов роста аналогичных стран, богатых ресурсами.

Слабая версия гипотезы о «ресурсном проклятии» действительно слаба по своему смысловому значению, поскольку всего лишь констатирует отнюдь не феноменальный, а вполне обычный факт неодинаковой эффективности использования различных ресурсов или видов капитала. При этом не вызывает особого удивления, что менее дефицитные или имеющиеся в изобилии ресурсы используются с меньшей эффективностью, чем дефицитные. Нужно также признать, что весьма проблематичной представляется возможность адекватного сравнительного соизмерения эффективности использования различных видов ресурсов (капитала) — не в теоретических моделях, а на практике. Поэтому для доказательства тезиса о недостаточно эффективном использовании природных ресурсов в ресурсно обеспеченных экономиках в качестве критерия обычно берутся показатели, характеризующие эффективность использования аналогичных ресурсов в странах с низким уровнем ресурсной обеспеченности, являющихся нетто-импортерами сырья и энергии, например сравнивается отдача по ВВП от потребления 1 кг условного топлива.

Такое сравнение с далеко идущими выводами само по себе не вполне корректно, если не принимать в расчет межстрановые различия в структуре экономики, природно-

[485] Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 9 • URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n6_2007.html [2013-06-14].

климатических и географических условиях, уровне жизни населения и в сложившихся стандартах потребления. И почти курьезным выглядит противопоставление показателей энергоемкости экономик, например, Гонконга и Бангладеш, с одной стороны, Саудовской Аравии или России — с другой. Тот факт, что отдача от потребления 1 кг топлива в нефтяном эквиваленте в Гонконге составляет 20 долл. ВВП, в Бангладеш — около 8, в Саудовской Аравии и в России — примерно на уровне 4 долл.[486], ровным счетом ничего не говорит о действительной эффективности использования энергоресурсов в указанных странах. Выявленные различия прежде всего свидетельствует об энергодефицитности и естественном сжатии энергопотребления в условиях «сверхкомпактного» Гонконга, недопотреблении энергоресурсов в Бангладеш (из-за крайне низкого уровня жизни населения), о специфических стандартах жизни и высокой норме потребления энергии в Саудовской Аравии (где уровень автомобилизации в расчете на тысячу жителей в 8 раз выше, чем в Гонконге), о природно-климатических и экономико-географических особенностях России. При этом было ошибочным отрицать, что технологическая энергоэффективность гонконгской экономики, вероятно, выше, чем саудовской. Но в равной степени нельзя не принимать во внимание и такое обстоятельство, что в последние два—три десятилетия нефтедобывающие страны Ближнего Востока стали естественным центром притяжения целого ряда энергоемких промышленных производств по глубокой переработке углеводородного сырья и что подобное разделение труда вполне соответствует интересам развития всей мировой экономики.

По большому счету, тезисы о неэффективном использовании энергетических ресурсов в крупнейших нефтедобывающих (нефтеэкспортирующих) странах выглядят столь же обоснованными, как и утверждения о том, что, скажем, в Канаде или в Австралии неэффективно используются сельскохозяйственные земли. Ведь в названных странах, занимающих, 6—7-е места в мире по общей площади сельскохозяйственных угодий, вносится в 6—8 раз меньше удобрений на гектар пашни, а урожайность зерновых в 3—5 раз ниже, чем в крошечных Нидерландах, где площадь возделываемых земель в 40 раз меньше. Зато сразу пять нефтеэкспортирующих государств Среднего Востока — Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ и Оман — входят в десятку стран-лидеров по использованию удобрений в сельском хозяйстве (в расчете на гектар обрабатываемых земель). Является ли данный факт свидетельством, что указанные страны стремятся к максимально эффективному использованию своего дефицитного ресурса — земель, пригодных для ведения аграрного производства, — или служит лишним подтверждением расточительного расходования нефтегазовой ренты, поскольку никакой рекордной продуктивности в сельском хозяйстве не наблюдается (плюс—минус 30% от среднемирового уровня урожайности и примерно в 2—5 раза ниже, чем в Бельгии, Нидерландах и Египте).[487]

Выход из смыслового тупика теория «ресурсного проклятия» пытается найти с помощью еще одного весьма общего тезиса: *«Неоднозначность влияния ресурсного изобилия на экономический рост делает правдоподобной гипотезу "условного проклятия", согласно которой изобилие ресурсов может оказывать положительное либо отрицательное влияние на рост в зависимости от качества институтов».* [488]

---

[486] Данные за 2009 г. в расчете по ППС. — World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

[487] Для приведенного примера использованы среднегодовые показатели за период 2002—2009 гг. — World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

[488] Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 10 • URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n6_2007.html [2013-06-14].

Но ведь нельзя не признать, что качество институтов может оказывать положительное или отрицательное воздействие на экономический рост любой страны независимо от уровня ресурсной обеспеченности. И вполне вероятно, что ресурсно дефицитные страны страдают от несовершенства институтов в равной или даже большей степени, нежели ресурсно обеспеченные, поскольку не имеют «подушку безопасности» в виде поступления рентных доходов. Тому немало примеров — большинство развивающихся стран мира. Какое же тогда «проклятие» тяготит над ними?

Несмотря на то, что существует целый ряд концепций, или вариаций, теории «ресурсного проклятия», общий смысл от этого не меняется. Постулируется, что страны, щедро одаренные сырьевыми ресурсами, в целом и среднем развиваются медленнее схожих стран, но с низкой концентрацией ресурсов. Прослеживается тройственная связь между уровнем ресурсной обеспеченности, темпами экономического роста и качеством институтов (экономических и общественно-политических): низкое качество институтов вызывает «провалы» в экономическом развитии, а наличие больших объемов сосредоточенных природных ресурсов консервирует институциональное несовершенство или, что еще хуже, ведет к деградации и без того слабых институтов. Негативное влияние ресурсной обеспеченности на качество институтов связано с рентой, которая, с одной стороны, деактуализирует решение задач по развитию иных источников дохода и видов капитала (прежде всего — человеческого, интеллектуального), а с другой стороны, становится объектом ожесточенной борьбы между различными экономическими и политическими силами (внутренними и внешними). Указанные теоретические построения обосновываются с помощью методов статистического анализа и моделирования с выведением корреляций и регрессий на основе динамических ретроспективных рядов данных, характеризующих ресурсную обеспеченность, темпы экономического роста и качество институтов в различных странах мира.

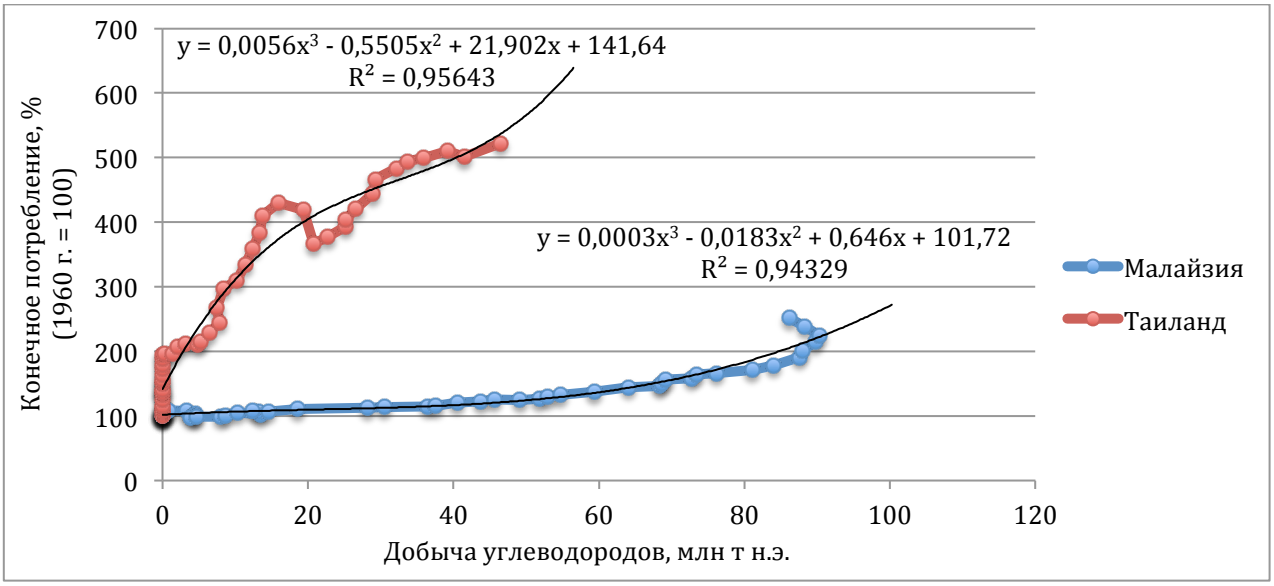
Следует для начала оговориться, что методы статистического анализа весьма широко и успешно применяются в экономических исследованиях, но получаемые при этом результаты требуют тщательной содержательной интерпретации корреляционных зависимостей с тем, чтобы выявить действительные причинно-следственные связи между анализируемыми показателями (факторами) и исключить возможные совпадения.

В качестве иллюстрации можно привести пример двух государств Юго-Восточной Азии — Малайзии и Таиланда, — располагающих довольно крупной собственной нефтегазодобычей. В обоих случаях формальный статистический анализ выявляет одинаково сильные корреляции между динамикой добычи углеводородов и темпами роста уровня жизни населения в период 1960—2010 гг. — с коэффициентами, соответственно, 0,954 и 0,947. Построенные регрессионные полиномиальные уравнения имеют коэффициенты детерминации, равные 0,958 (для Малайзии) и 0,956 (для Таиланда) — рис. РЕС-2. В обеих странах за рассматриваемый период времени произошел примерно 5-кратный рост уровня жизни населения: показатель среднедушевого конечного потребления в Малайзии увеличился в 4,7 раза, а в Таиланде — в 5,2 раза. При этом фазы ускорения роста доходов населения на графиках совпадают по времени с активизацией добычи нефти и газа (рис. РЕС-3). Наиболее существенные различия между выбранными для сравнения странами заключаются в следующем: показатель уровня жизни в Малайзии в 2010 г. был в 1,4 раза выше, чем в Таиланде (6001 против 4346 долл. по ППС), а степень ресурсной обеспеченности по доказанным запасам нефти и газа на душу населения — в 24 раза выше (104,2 против 4,4 т н.э.). Экономику Малайзии можно охарактеризовать как ресурсно зависимую с долей ресурсной ренты в ВВП на уровне 16% (в докризисном 2007 г.), тогда как ВВП Таиланда содержал всего лишь 3,8% ренты. Поэтому в случае Малайзии выявленные статистические зависимости, скорее всего, соответствуют реальной ситуации, складывающейся в экономике. Чего нельзя с уверенностью сказать о примере Таиланда, относительно которого возможны три интерпретационные версии: либо развитие добычи

углеводородов в какие-то моменты времени стимулирует экономический рост; либо наоборот — быстрое расширение экономики требует увеличения добычи нефти и газа в пределах имеющихся возможностей; либо имеет место сочетание обеих названных зависимостей.

Рисунок • PEC-2

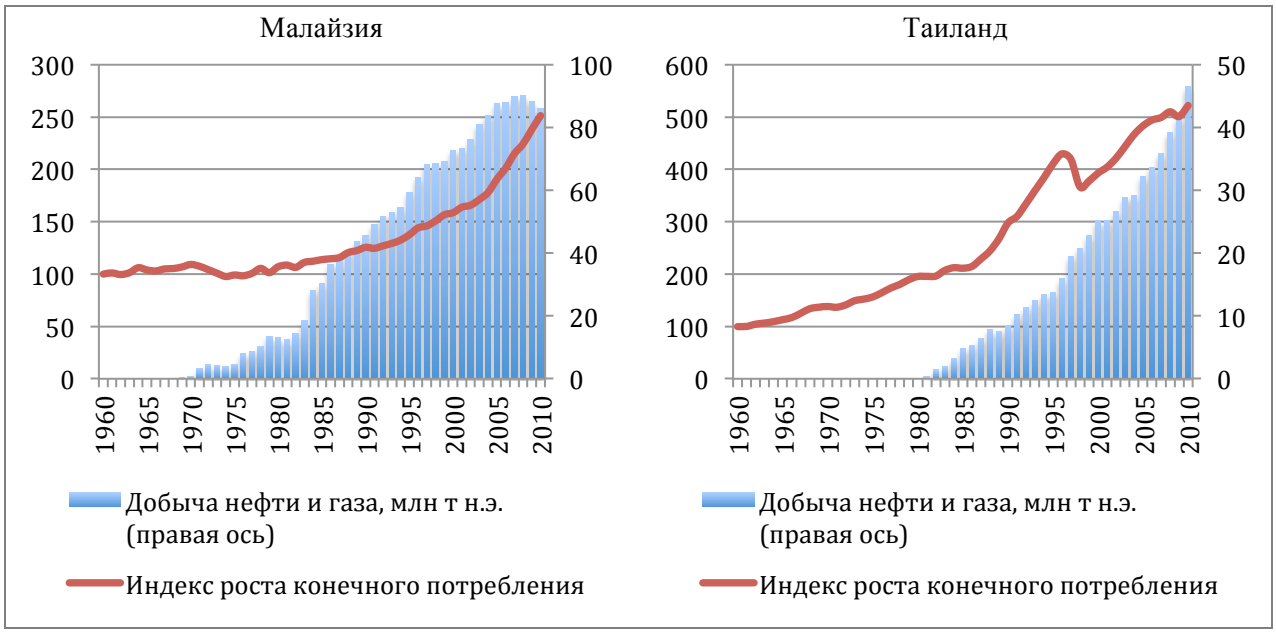
Зависимости между объемами добычи углеводородов и ростом среднедушевого конечного потребления в Малайзии и Таиланде для периода 1960—2010 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • PEC-3

Индекс роста конечного среднедушевого потребления в Малайзии и Таиланде на фоне увеличения добычи углеводородов, % (1960 г. = 100)

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Приведенный пример выявляет первую трудность, с которой сталкивается теория «ресурсного проклятия» — как правильным образом верифицировать потенциальные «жертвы», т.е. страны, располагающие значительными сосредоточенными («скученными») природными ресурсами, освоение которых способно приносить большую массу ренты?

Проблема верификации ресурсно избыточных стран

В роли природных ресурсов, приносящих значительную ренту, прежде всего выступают невоспроизводимые ресурсы минерального сырья и топлива. Что же касается ренты, то речь должна идти о настолько большой ее величине, чтобы использование (потребление) данного источника дохода могло рассматриваться в качестве серьезной альтернативы развитию несырьевых секторов экономики и чтобы борьба за присвоение ренты представляла собой оправданное занятие. По своим размерам ресурсы сырья, которыми располагает та или иная страна, должны быть избыточными, т.е. превышающими способность непосредственного квалифицированного применения в рамках национальной экономики, что создает предпосылки для более или менее значительного экспорта сырьевых продуктов. Не случайно поэтому внимание теории «ресурсного проклятия» фокусируется на крупнейших нефтеэкспортирующих странах.

Для оценки уровня ресурсной обеспеченности используются различные, как правило, среднедушевые показатели — физическая величина запасов в недрах или их стоимостная оценка, физические или стоимостные объемы добычи и экспорта (доля в общей стоимости экспорта), сумма рентного дохода (близкий аналог стоимости запасов в недрах, но рассчитываемый для объема добычи в течение одного года) и его доля в ВВП, — каждый из которых является не вполне точным «мерилом». Погрешности образуются при усреднении и агрегировании данных, а также вследствие недостаточной системности и полноты статистического мониторинга. Исследователи «ресурсного проклятия» признают отмеченные «технические» трудности. Но кроме них существуют еще и сложности содержательного свойства.

Например, величина доказанных запасов какого-либо полезного ископаемого представляет собой в большей степени финансово-экономическую, нежели природно-геологическую категорию, и потому мало что говорит о ресурсном потенциале. В условиях рациональной рыночной политики величина доказанных запасов превращается в функцию от инвестиций в геологоразведку. Наверное, не случайно, что в США на протяжении уже долгого времени — независимо от роста или снижения добычи — поддерживается кратность доказанных запасов нефти, равная 9—11 годам, что примерно соответствует длительности инвестиционного лага (от момента осуществления затрат на поиск месторождения до начала промышленного извлечения открытых запасов). Увеличение расходов на геологоразведку, позволяющее поднять кратность запасов лишено смысла, так как ведет к омертвлению финансовых ресурсов. Более высокая кратность доказанных запасов нефти в других странах является, скорее, делом случая, когда при проведении геологоразведочных работ выявляются уникальные и сверхкрупные месторождения. В свою очередь, величина потенциальных или гипотетических геологических ресурсов грешит иным недостатком, поскольку при таком способе измерения должным образом не учитывается вероятная экономическая привлекательность освоения ресурсов — будет ли оно вообще иметь смысл или нет.

Показатели производства (добычи) и экспорта тоже далеко не идеальны для оценки ресурсной обеспеченности, поскольку являются зависимыми, к примеру, от того, насколько рациональны темпы отбора запасов (они могут быть и сверхинтенсивными, и слишком низкими) и объемы внутреннего потребления добываемого сырья. В целом ряде нефтеэкспортирующих стран (Нигерии, Ираке, Иране и др.) имеет место крайне малый показатель среднедушевого расхода энергоресурсов, что связано с элементарным

недопотреблением из-за общего низкого уровня социально-экономического развития, на что справедливо указывает В. Полтерович.[489]

По всей вероятности, наиболее предпочтительными измерителями ресурсной обеспеченности являются показатели среднедушевой ренты или удельного веса минерально-сырьевой ренты в ВВП. Но при их использовании возникает проблема: на какой отметке должна быть проведена линия отсечения, отделяющая ресурсно зависимые экономики от несырьевых? Критерий на базе среднего значения для всех стран мира, наверное, не вполне корректен, поскольку усреднение мировых показателей находятся под слишком сильным влиянием промышленно развитых и постиндустриальных государств, коих явное меньшинство, но доля которых в суммарном мировом ВВП достигает 60%. В 2010 г. среднемировой показатель доли топливно-сырьевой ренты в ВВП составлял 4,3%, а по агрегату из 130 развивающихся стран — свыше 11%. При этом различные рентные критерии дают диаметрально противоположные представления о ресурсной зависимости национальных экономик и агрегатов. Например, в том же 2010 г. удельный вес топливно-сырьевой ренты в ВВП стран HIPC составил в среднем 12,2%, развивающихся стран «Черной Африки» — 15,5%, а всей группы стран с доходами ниже среднего уровня (lower middle income) — 18,3%. Однако среднедушевая величина рентного дохода по указанным группам стран исчислялась, соответственно, в 82, 202 и 315 долл., что было ниже и среднемирового показателя (391 долл.), и показателя стран ОЭСР (449 долл. без учета Мексики и Чили).[490] Подобные «нестыковки» наблюдаются и в показателях многих отдельно взятых стран «третьего мира», затрудняя их верификацию в качестве ресурно зависимых. Причина довольна проста — крайне низкий общий уровень развития экономики, что прежде всего относится к ее вторичному и третичному секторам. Как следствие, в ВВП относительно высока рентная составляющая, но в расчете на душу населения приходится незначительная сумма ренты (как части слишком малой общей величины дохода).

Тенденции социально-экономического развития, опосредованные рентными отношениями, находятся под сильным воздействием факторов экономического неравенства и множественной дифференциации в ресурсном обеспечении стран и регионов мира, имеющей, как минимум, три основных проявления:

1) неравномерность распределения природного ресурсно-сырьевого потенциала между странами и регионами;
2) пространственные разрывы между основными очагами природной концентрации и конечного потребления ресурсов;
3) существенные различия в «ликвидности» (ценности) ресурсов, которыми располагают те или иные страны и регионы.

В суммарных доказанных запасах органического топлива, которые составляют немногим более 800 млрд т н.э., четыре крупных региона мира — Северная Америка, Европа и Евразия, Ближний Восток и АТР — имеют примерно равные доли по 21—23% (170—180 млрд т), а «обделенными» оказались Африка (5%) и Латинская Америка (8%) — рис. РЕС-4. Но при этом более 46% запасов нефти (108 из 234 млрд т) и 38% запасов природного газа (72 из 188 млрд т н.э.) приходится на регион Ближнего Востока, а почти 40% запасов угля (150 из 382 млрд т н.э.) сосредоточено в странах АТР, топливный потенциал которых на 88% состоит из запасов угля. В среднедушевом исчислении запасов органического топлива наблюдается «вопиющая несправедливость» природы. На Ближнем

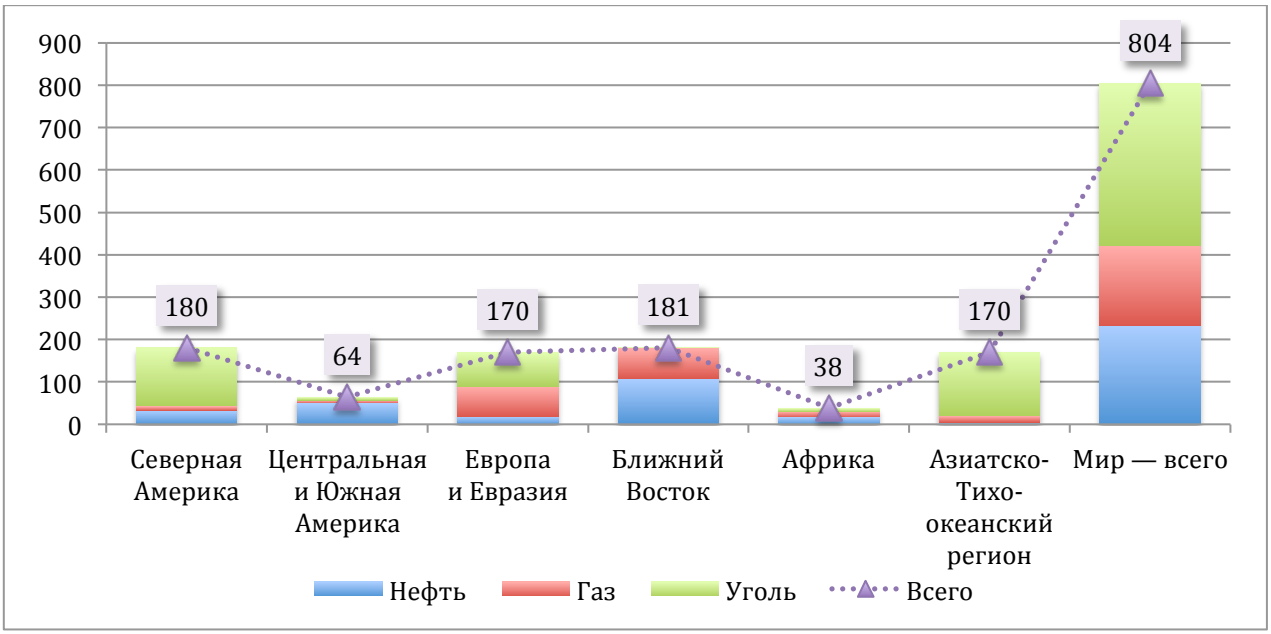
[489] Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 10 • URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n6_2007.html [2013-06-14].

[490] Рассчитано по данным статистики Всемирного банка. — World Development Indicators. — The World Bank, 2013 • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Востоке показатель обеспеченности составляет более 820 т на чел., а в Северной Америке — 390 т, что, соответственно, в 7,1 и в 3,4 раза выше среднемирового уровня. В расчете на одного жителя стран АТР и Африки приходится, соответственно, всего лишь по 40 и 37 т запасов топлива, что в 2,6 и в 3,1 раза меньше, чем в среднем на одного жителя планеты (рис. РЕС-5).

Рисунок • РЕС-4

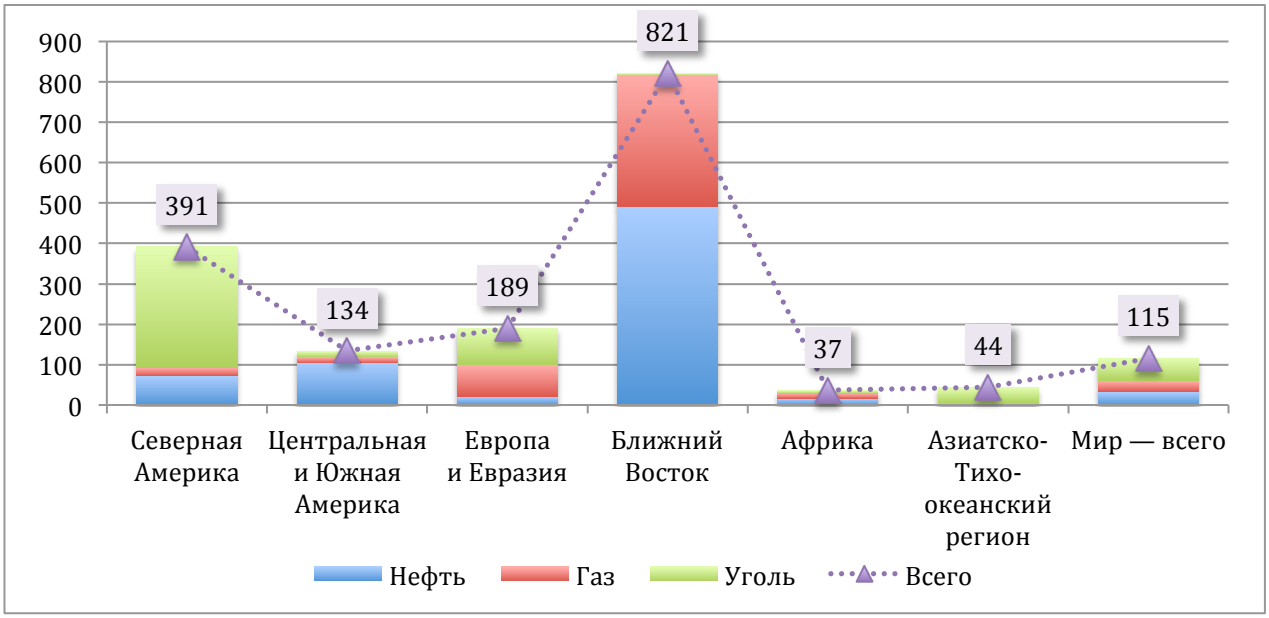
Распределение доказанных запасов основных видов органического топлива по регионам мира в 2011 г., млрд т н.э.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

Рисунок • РЕС-5

Распределение доказанных запасов основных видов органического топлива по регионам мира в 2011 г. в расчете на душу населения, т н.э.

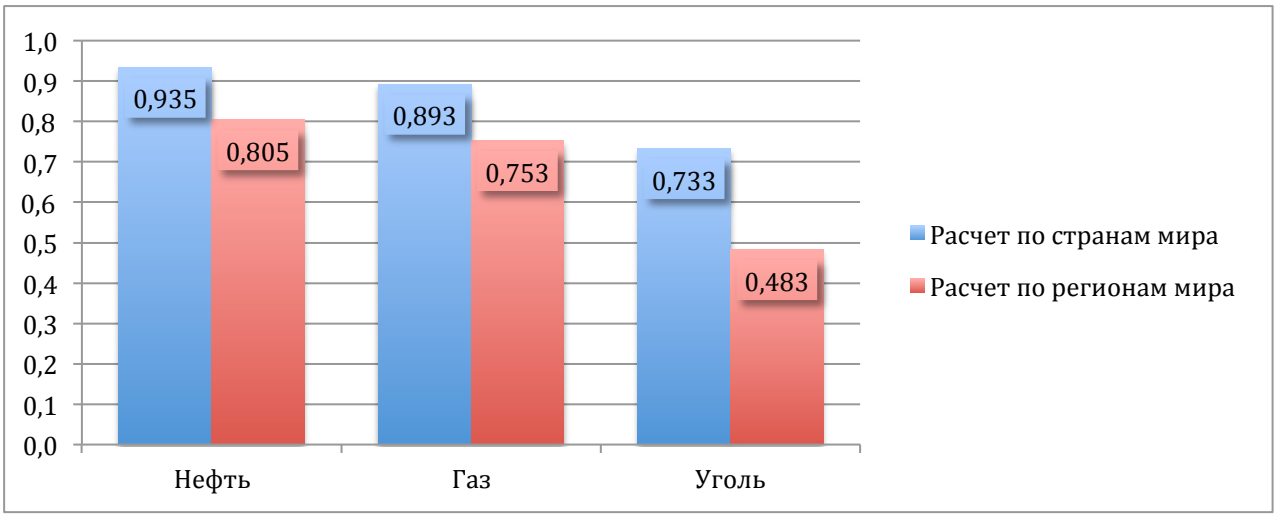

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Дифференциация территорий по уровню обеспеченности запасами органического топлива может быть проиллюстрирована путем расчета коэффициента Джини (рис. РЕС-6). Наиболее неравномерно по странам и регионам мира распределены доказанные запасы нефти (коэффициенты равны 0,925 и 0,805), всего лишь чуть слабее выгладит расслоение территорий по величине запасов газа (0,893 и 0,753), а наименьшая дифференциация характерна в отношении запасов угля — причем значение коэффициента резко снижается при переходе от дезагрегированного расчета по странам (0,733) к расчету по крупным регионам мира (0,483). Иными словами, среди всех основных видов органического топлива уголь является единственным, запасы которого по регионам мира распределены относительно равномерно.

Рисунок • РЕС-6

Коэффициент Джини, отражающий дифференциацию стран и регионов мира по обеспеченности доказанными запасами топлива на душу населения (2011 г.)

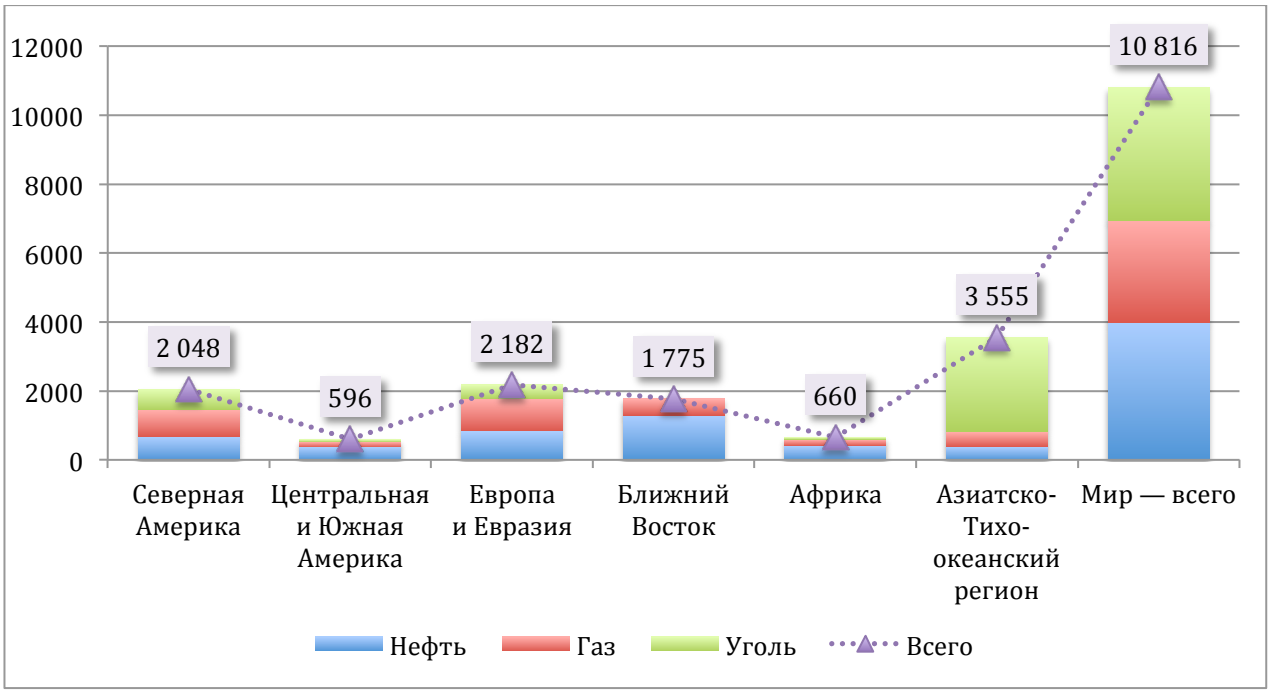
Примечание: расчет по шести регионам мира в классификации энергетической статистики BP Statistical Review of World Energy — Северная Америка, Центральная и Южная Америка, Европа и Евразия, Ближний Восток, Африка, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Источники: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Дифференциация стран и регионов мира по объемам производства (добычи) топлива отчасти повторяет соотношения, характерные для распределения достоверных запасов, но оказывается несколько менее сильной. Примерно треть общемирового производства топлива приходится на АТР, который по этому показателю опережает все другие регионы мира, а доля Ближнего Востока на 6 процентных пунктов ниже, чем в территориальной структуре запасов (рис. РЕС-7). По объемам производства топлива в расчете на душу населения разброс региональных показателей также менее значителен, чем для плотности запасов — превышение Ближнего Востока и Северной Америки над среднемировым уровнем не столь существенно, отставание АТР и Африки не столь велико (соответственно, в 1,7 и 2,5 раза). Для региона Европы и Евразии характерно примерное равенство в соотношении показателей добычи и плотности запасов (рис. РЕС-8). Значения коэффициентов Джини, отражающих дифференциацию среднедушевых объемов производства нефти и газа, на 0,1—0,15 пункта ниже, чем для запасов (рис. РЕС-9). Резко уменьшается только величина коэффициента для угля в расчете по регионам мира (с 0,483 до 0,305).

Рисунок • РЕС-7

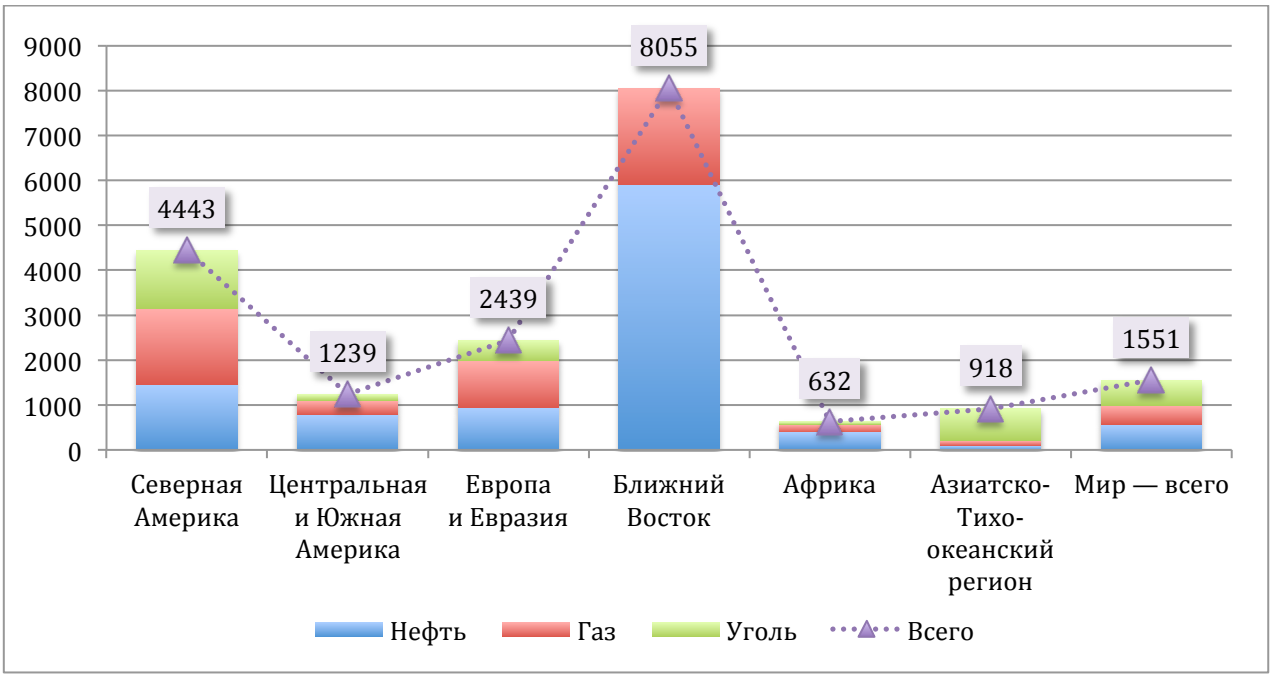
Распределение производства основных видов органического топлива по регионам мира в 2011 г., млрд т н.э.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

Рисунок • РЕС-8

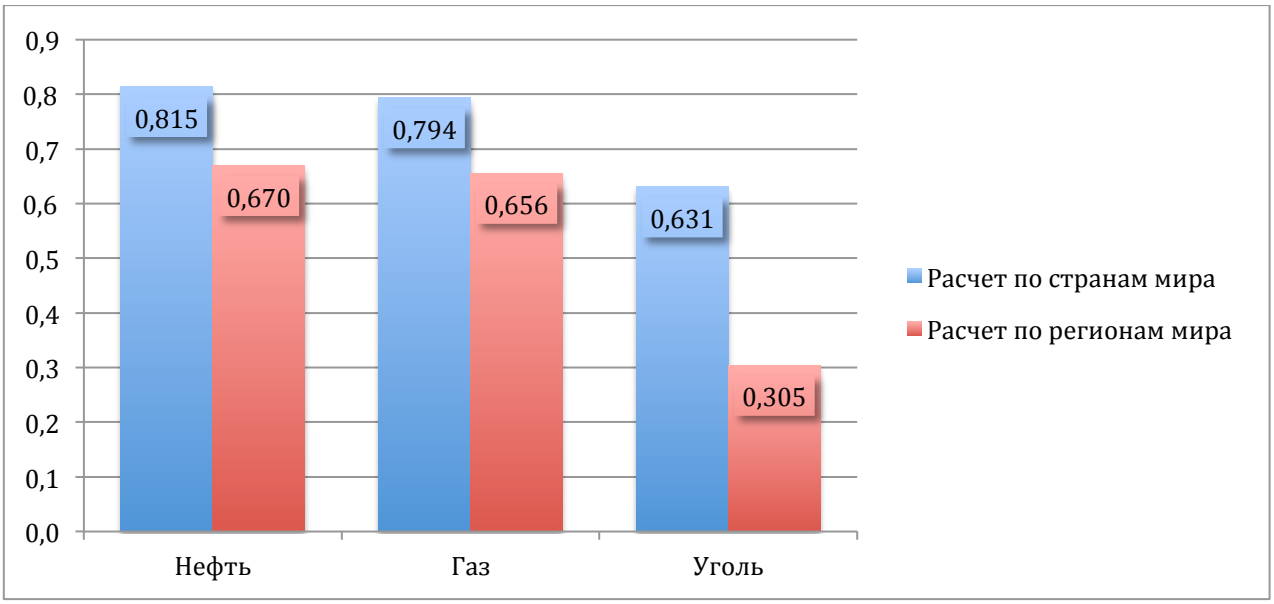
Распределение производства основных видов органического топлива по регионам мира в 2011 г. в расчете на душу населения, кг н.э.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-9

Коэффициент Джини, отражающий дифференциацию стран и регионов мира по объемам добычи топлива на душу населения (2011 г.)

Примечание: расчет по шести регионам мира в классификации энергетической статистики BP Statistical Review of World Energy — Северная Америка, Центральная и Южная Америка, Европа и Евразия, Ближний Восток, Африка, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Источники: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/. World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

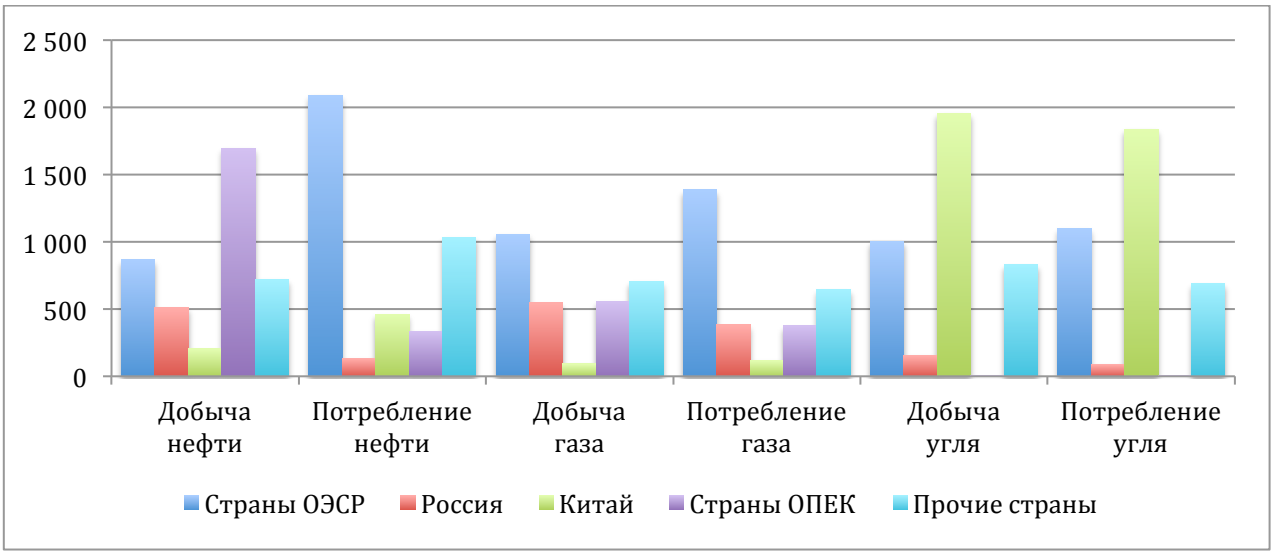
На основе сравнительного анализа данных, характеризующих неравномерность доказанных запасов и объемов производства органического топлива, можно сделать ряд общих выводов. Во-первых, страны Азии, Африки и Латинской Америки в среднем не столь уж богаты ресурсами топливных полезных ископаемых. Во-вторых, страны и регионы мира, менее щедро одаренные природными ресурсами, эксплуатируют свои ресурсы с большей интенсивностью — причем, скорее всего, это происходит вынужденно. В-третьих, имеет место сильное расслоение стран по уровню обеспеченности органическим топливом — ресурсы концентрируются в границах относительно небольшого числа отдельных государств, тогда как большинство остальных стран, включая развивающиеся (с низким уровнем дохода на душу населения), располагают весьма незначительными ресурсами.

Неравномерность в мировом размещении производства органического топлива сочетается и с неравномерностью потребления, величина которого в значительной степени зависит от уровня экономического развития тех или иных стран (рис. РЕС-10). Так, на долю наиболее развитых в экономическом отношении стран мира с населением 1,2 млрд чел. (менее 18% от мирового) приходится почти 43% суммарного мирового потребления топлива, причем удельный вес стран ОЭСР максимально высок в потреблении наиболее ценных видов топлива — нефти (почти 52%) и газа (около 48%). При этом спрос на нефть в странах ОЭСР почти на 59%, а на природный газ — на 24% удовлетворяется за счет импорта. Китай добывает топливных полезных ископаемых в объеме 2,25 млрд т н.э. (21% от мирового производства), а потребляет более 2,42 млрд т (23%). Импортозависимость Китая по нефти и газу находится почти на таком же уровне, как и у стран ОЭСР, соответственно: 56 и 22%. Удельный вес Российской Федерации в миром производстве топлива составляет более 11%, а в потреблении — менее 6%. Россия является нетто-экспортером всех видов органического топлива. Развивающиеся страны, не входящие в ОПЕК, при населении в 4,2 млрд чел.

(61% мирового) производят и потребляют топливо примерно в равных объемах, соответственно: 2,35 и 2,40 млрд т н.э. (21 и 22% от мирового уровня).

Рисунок • РЕС-10

Распределение производства и потребления основных видов органического топлива по странам мира в 2011 г., млрд т н.э.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

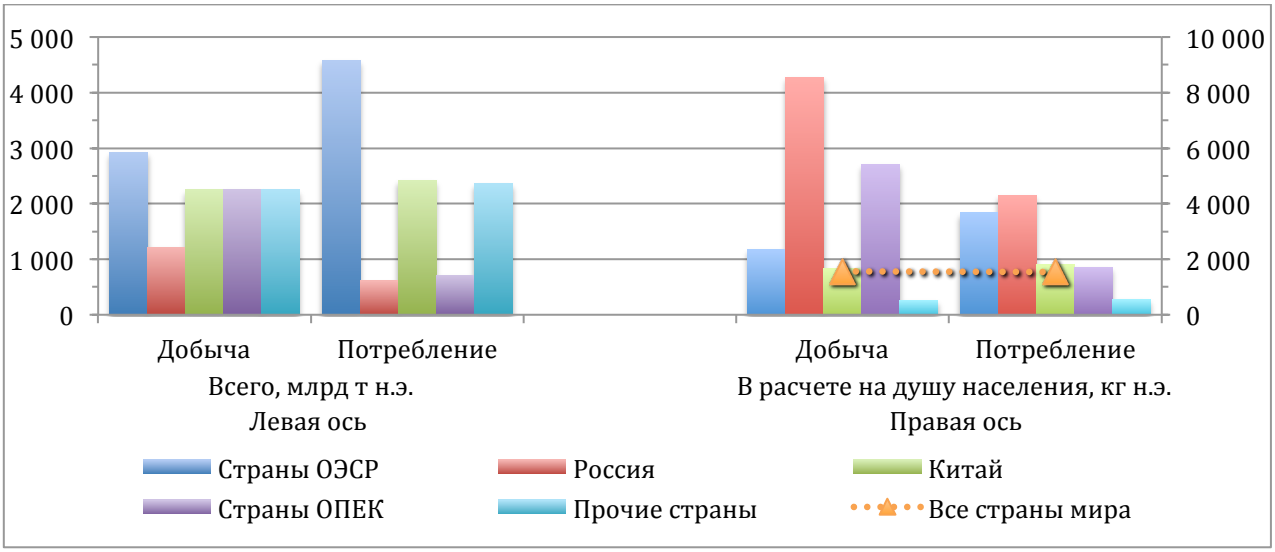
В «макро-пространственном» представлении мировой экономики выявляются два противоположных «полюса»: с одной стороны, Россия и страны ОПЕК, в которых производство топлива в 2—3 раза превышает величину внутреннего потребления; с другой стороны, страны ОЭСР с дефицитом топливных ресурсов на уровне около 40% от объема потребления. Китай и агрегатная группа остальных стран мира находятся в состоянии примерного равновесия по производству и потреблению топлива (рис. РЕС-11). Дифференциация между «полюсами» производства и потребления топлива наиболее отчетливо просматривается по показателям в расчете на душу населения. Россия имеет душевой показатель производства топлива (около 8,6 т н.э.), который в 5,5 раза превышает среднемировой уровень, в 3,6 раза — средний уровень стран ОЭСР, в 1,6 раза — средний показатель в государствах ОПЕК (хотя между участниками нефтеэкспортирующего картеля существует очень сильная дифференциация). Примечательное отличие России от ОПЕК связано с относительно высоким уровнем потребления — российский показатель (4,3 т н.э. на душу населения) в 2,8 раза больше среднемирового, в 2,5 раза — среднего по странам ОПЕК и в 1,2 раза — среднего по странам ОЭСР. Т.е. Россия имеет наиболее высокие показатели одновременно и по производству и по потреблению топлива на душу населения, что не вполне соответствует модели экономики, ориентированной на широкомасштабный экспорт топлива (в отличие от агрегатной модели стран ОПЕК).

Указанный «российский феномен» требует специального изучения, поскольку, например, по показателям душевого потребления нефти (немногим менее 1 т на душу населения) Россия в 1,8 раза уступает странам ОЭСР (рис. РЕС-12), что, в свою очередь, свидетельствует об отставании в экономическом развитии. Зато наша страна находится впереди планеты всей по объемам душевого потребления газа, которые в 2,4 раза больше, чем в странах ОЭСР и почти в 18 (!) раз превышают среднемировой уровень. Вполне вероятно, что столь сильный газовый «перекос» в энергопотреблении в какой-то степени обусловлен нерациональной структурой топливно-энергетического баланса страны

и низкой эффективностью использования собственно газового топлива (из-за чрезмерно высокой энергоемкости в сфере потребления). Но как бы то ни было, данный вопрос требует специального рассмотрения, что выходит за рамки поднятой темы.

Рисунок • PEC-11

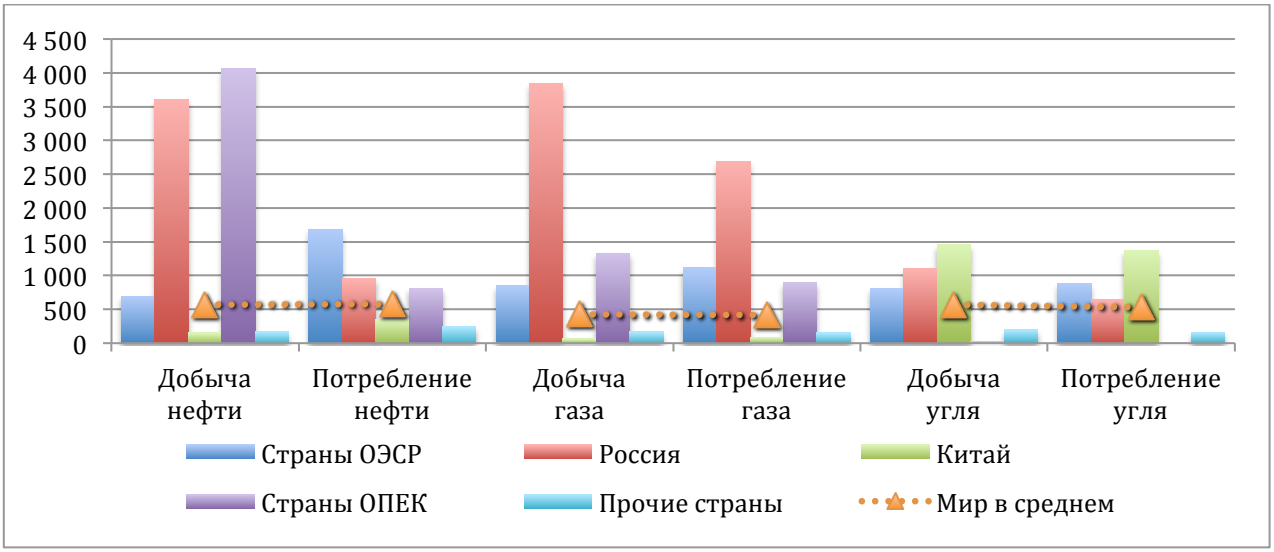
Суммарные показатели производства и потребления органического топлива по странам мира в 2011 г.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • PEC-12

Показатели производства и потребления основных видов органического топлива по странам мира в 2011 г. в расчете на душу населения, кг н.э.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

И наконец, весьма примечательно, что средние показатели производства и потребления топлива на душу населения по агрегату прочих стран (а к этой группе относится большинство развивающихся государств) почти в 3 раза ниже среднемирового уровня — немногим более 0,5 против 1,5 т н.э. Причем не наблюдается сколько-нибудь серьезных различий в показателях по отдельным видам топлива — отставание оказывается примерно одинаковым. Т.е. указанный агрегат стран, даже несмотря на существенную внутреннюю дифференциацию, вряд ли можно характеризовать как ресурсно избыточный. Уже одно это обстоятельство, по сути дела, лишает «теорию ресурсного проклятия» сколько-нибудь широкой объектной базы и превращает в теорию, утверждения которой основываются на взаимном сравнении небольшого числа исключений из общего правила.

Расслоение стран мира по уровню ресурсно-сырьевой обеспеченности, измеряемой в натуральных единицах, естественным образом отражается и на дифференциации показателей получаемой природной ренты. При этом сказываются и различия в степени «ликвидности» конкретных видов полезных ископаемых в конкретных странах, что хорошо видно на примере органического топлива. Так, в докризисном 2007 г. на 1 т добытой нефти приходилось 409 долл. ренты, на эквивалентный объем природного газа — 225 долл., угля — 74 долл. в среднемировом исчислении. В странах ОЭСР (без Мексики) эти показатели были в 1,2—1,6 раза ниже, в России и Китае — приблизительно на среднемировом уровне. В развивающихся странах, не относящихся к числу основных производителей и экспортеров углеводородного сырья, удельная нефтяная рента составляла 356 долл.[491]

В 2007 г. всеми странами мира в сумме было получено более 2755 млрд долл. минеральной и топливной ренты (4,9% от совокупного мирового ВВП), которая по видам распределилась следующим образом:

- минеральная — 327 млрд долл. (11,9% к итогу);
- угольная — 232 млрд долл. (8,4% к итогу);
- газовая — 597 млрд долл. (21,7% к итогу);
- нефтяная — 1598 млрд долл. (58,0% к итогу).

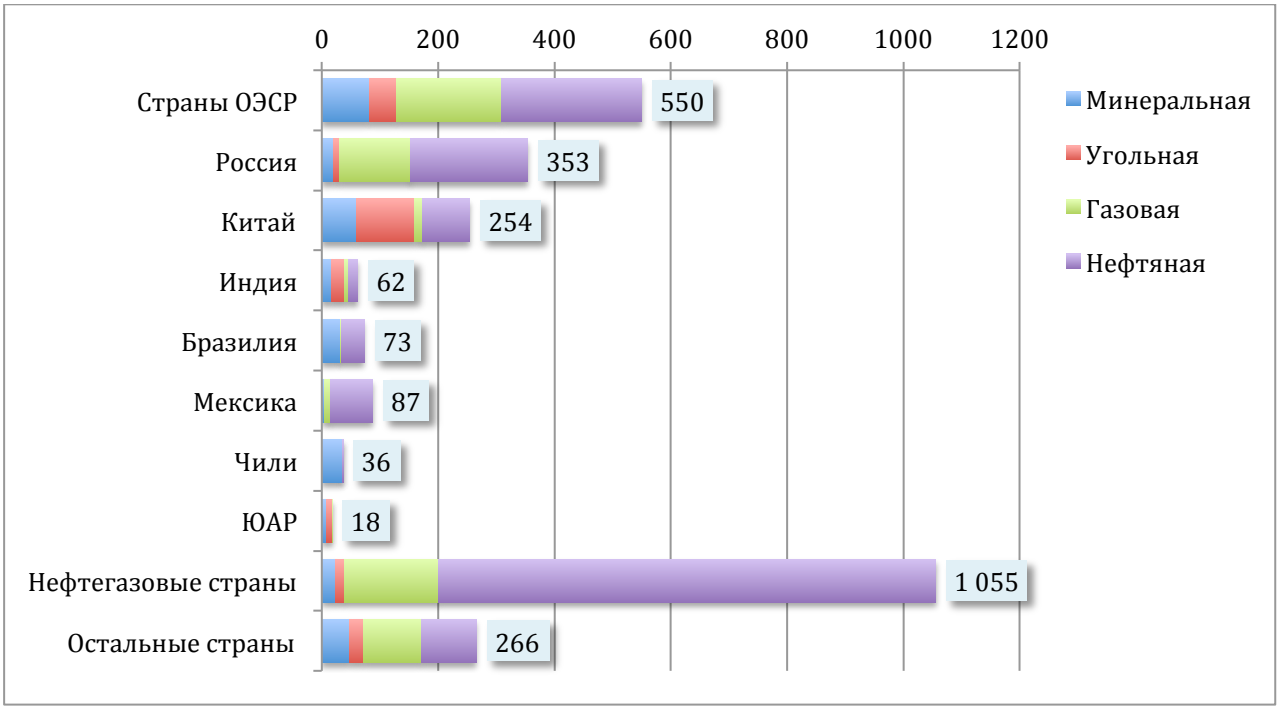
Более 38% мировой минерально-топливной ренты пришлось на группу из 22 «нефтегазовых» государств, в экономике которых отрасли, связанные с добычей углеводородов, играют ведущую роль. В абсолютном исчислении суммарная рента данной группы стран составила 1055 млрд долл. (рис. РЕС-13 и РЕС-14). Наиболее развитые страны мира (ОЭСР без Мексики и Чили) «собрали» 550 млрд долл. ренты от добычи полезных ископаемых (20% к мировому итогу), а почти ¾ этой суммы пришлось всего лишь на четыре национальные экономики — США, Австралии, Норвегии и Великобритании. Попутно следует отметить, что Австралия является вторым после Китая крупнейшими мировым «сборщиком» минеральной ренты (42 млрд долл. — в 2007 г. и 75 млрд долл. — в 2010 г.). «Урожай» ренты в России составил 353 млрд долл. (13% к мировому итогу), из которых более 91% было сгенерировано в нефтегазовом секторе. Минерально-топливная рента Китая превысила 254 млрд долл. (9% к мировому итогу), а в ее структуре основная доля — почти 40% (или 101 млрд долл.) — принадлежала угольной; по величине угольной ренты Китай является абсолютным мировым лидером занимая нишу в 43%.

---

[491] Рассчитано по данным и в соответствии с методологией статистики Всемирного банка. — World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.
Рента от добычи полезных ископаемых представляет собой разность между стоимость добытой продукции в мировых ценах и полными затратами на производство. В минеральной ренте учитывается доход от добычи золота, серебра, железа, меди, олова, свинца, цинка, никеля, бокситов и фосфатов.

Рисунок • РЕС-13

Распределение минеральной и топливной ренты по странам мира в 2007 г., млрд долл.

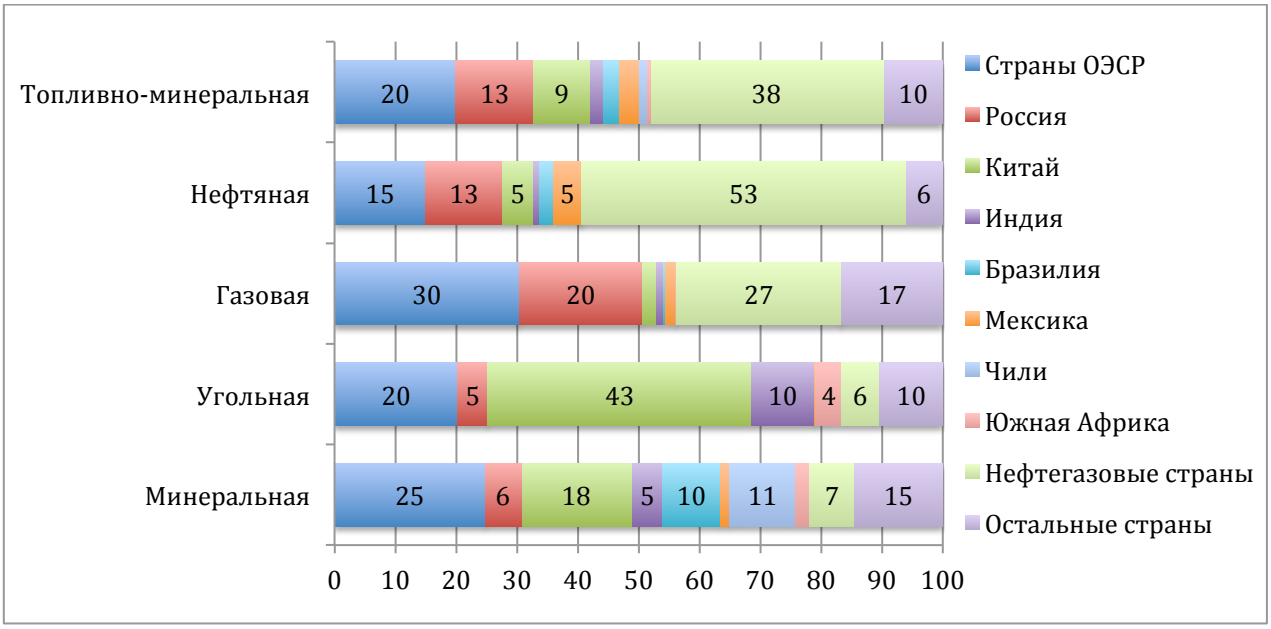
Примечания: показатели стран ОЭСР даны без учета Мексики и Чили;

нефтегазовые страны — 22 государства, включая 12 стран ОПЕК, а также Бахрейн, Оман, Экваториальную Гвинею, Тринидад и Тобаго, Бруней, Малайзию, Индонезию, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан.

World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-14

Распределение минеральной и топливной ренты по странам мира в 2007 г., %

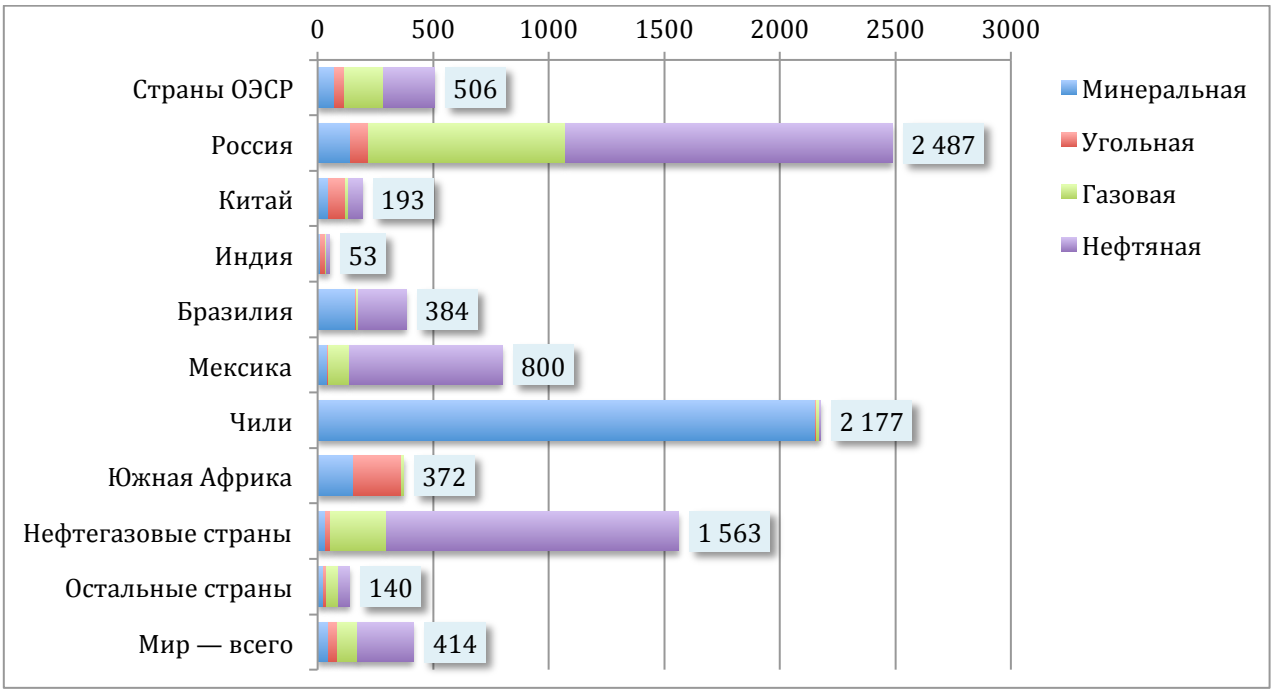
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Помимо названных выше стран крупными рентообразующими экономиками обладают Мексика, Бразилия, Индия, Чили и ЮАР. Среди развивающихся стран, не располагающих значительными ресурсами нефти и газа, выделяются Чили и ЮАР, которые получили, соответственно, 36 и 18 млрд долл. минеральной и угольной ренты.

Что же касается оставшихся почти 160 стран мира с населением около 2 млрд чел., (в большинстве своем — развивающихся, с низким и средним уровнем дохода), то их общий вклад в мировую топливно-минеральную ренту оказался крайне невелик — 10% (немногим менее 266 мдрд долл.). В расчете на душу населения эти страны получили всего лишь порядка 140 долл. ренты, т.е. в 3 раза меньше, чем приходилось на одного среднестатистического жителя нашей планеты (рис. РЕС-15). Наибольшая душевая величина ренты характерна для России (2,5 тыс. долл. — в 6 раз больше среднемирового показателя), Чили и группы «нефтегазовых» стран (хотя в последней наблюдается очень сильная дифференциация между отдельными «участниками»).

Рисунок • РЕС-15

Величина минеральной и топливной ренты по странам мира в 2007 г. в расчете на душу населения, долл.

World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Проведенный анализ ресурсной обеспеченности отдельных стран и групп стран мира по трем различным критериям показывает, что результаты могут оказаться весьма противоречивыми. С одной стороны, по критерию доли ренты в ВВП большинство развивающихся экономик (включая российскую) должны быть отнесены к числу ресурсных или страдающих сырьевой зависимостью. С другой стороны, имеет место сильная межстрановая дифференциация в распределении запасов и объемов добычи полезных ископаемых, а также величины получаемой ресурсной ренты. Ресурсы не просто сосредоточены в отдельных странах и регионах мира — как правило, очаги природной концентрации ресурсов значительно удалены от ареалов интенсивного потребления. Наблюдается, в полном смысле слова, феномен усиления неравномерности в пространственном распределении ресурсов по мере возрастания степени их ликвидности, что хорошо видно на сравнительном примере нефти и угля. Надо полагать, что в этом нет никаких статистических корреляций, а имеет место элементарное совпадение двух

явлений. Более высокая сравнительная энерго-сырьевая (и в конечном счете — экономическая) ценность нефти прежде всего объективно обусловлена ее физико-химическими свойствами, а не тем, насколько редко она встречается в природе.

В сочетании перечисленных объективных факторов, вероятно, и следует искать ключ к пониманию процессов формирования и развития сырьевых экономик, а не только и не столько в несовершенстве экономических и общественно-политических институтов, на чем акцентируется теория «ресурсного проклятия». В рамках системы международного разделения труда некоторые страны, обладающие избыточными природными ресурсами, неизбежно и объективно становятся экспортерами сырьевых товаров (причем обычно — какого-либо одного вида сырья), а ресурсно дефицитные страны — импортерами. В мировой экономике образуются два своеобразных «полюса» развития, и по всем законам мироздания, эти два полюса должны испытывать сильное взаимное притяжение. В ресурсно избыточных странах с неизбежностью формируется более или менее крупный минерально-сырьевой комплекс отраслей и производств, масштабы которого прежде всего находятся в зависимости от абсолютных размеров располагаемого ресурсного потенциала и мирового спроса на ресурсы, а уже во вторую очередь — от всех остальных факторов, включая качество и динамику развития национальных институтов.

Общее количество государств, располагающих высококонцентрированным ресурсным потенциалом, который можно рассматривать в качестве серьезного фактора для ускорения экономического роста, в действительности оказывается не таким уж и большим. Среди стран с развитым минерально-сырьевым сектором экономики[492] насчитывается всего восемь, у которых рентный доход на душу населения превышает величину мирового среднедушевого ВВП, и порядка 20 стран имеют ренту в расчете на одного жителя, превышающую «порог бедности», т.е. размер душевого ВВП по агрегатной группе стран с доходом ниже среднего уровня (около 1,3 тыс. долл. в 2007 г.). В настоящее время к этой последней группе относится порядка 60-ти государств мира, а из них, пожалуй, всего два — Ирак и Нигерия — являются крупными экспортерами сырья.

Большинство современных развивающихся стран с низким уровнем жизни имеют аграрную экономику, причем не отличающуюся особой продуктивностью хозяйства. Доля аграрного сектора в суммарной добавленной стоимости по этим странам составляет порядка 17%, тогда как среднемировой показатель равен 2,8%, а показатель агрегатной группы стран со средним уровнем дохода — 9,5%. В Нигерии, которая добывает 117 млн т нефти (занимает 12-е место в мире), вклад сельского хозяйства в национальную экономику в 2007 г. составлял почти 33%, что существенно больше, чем в Иране (10%), не говоря уже о других ведущих «нефтегазовых» странах, имеющих аналогичный показатель в диапазоне 0,5—4%. В странах с низким уровнем дохода доля аграрного сектора в занятости населения в 2005 г. была лишь немногим меньше 50%, тогда как в Саудовской Аравии, Катаре, Кувейте, ОАЭ — 3—5% (сопоставимо со средним уровнем стран ОЭСР — около 6%), в Венесуэле — 10%.[493] Поэтому, наверное, можно сказать, что над большинством современных развивающихся стран если и тяготит какое-либо проклятие, то это проклятие общей бедности, которое довольно слабо связано с наличием или отсутствием сосредоточенных природно-сырьевых ресурсов.

Соответственно, теория «ресурсного проклятия» имеет дело с неким феноменом в том смысле, что пытается вывести общие закономерности на основе ряда частных, исключительных случаев, исходя из сравнения примерно дюжины ресурсно избыточных стран, которые на определенном этапе своего развития замедлились в экономическом росте,

---

[492] Без учета Норвегии, Канады, Австралии и России.

[493] По данным статистики Всемирного банка. — World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

с полудюжиной ресурсно дефицитных стран, сумевших в то же самое время добиться очень высоких темпов роста. Это послужило толчком для построения статистических корреляций между показателями темпов экономического роста и уровнем ресурсной обеспеченности различных стран мира в качестве формальной доказательной базы, позволяющей придать некоторым видимым явлениям характер закономерностей. Однако статистический анализ, используемый теорией «ресурсного проклятия», обычно оказывается недостаточно полным по охвату данных и не слишком корректным в интерпретации получаемых результатов.

Статистика против «ресурсного проклятия»

Говоря о дефектах доказательной базы теории «ресурсного проклятия», прежде всего нужно указать на слишком короткий временной отрезок статистических наблюдений, фиксирующих относительное замедление темпов экономического роста ресурсно обеспеченных стран. По сути, обычно речь идет о периоде 1970—1990-х годов, для которого действительно можно вывести формальную статистическую зависимость между скоростью экономического роста и обеспеченностью ресурсами для некоторых стран мира. Но при этом забывается, что в предыдущие несколько десятилетий якобы «про́клятые» ресурсные страны вполне успешно развивались и входили в число мировых лидеров по темпам экономического роста. Да и в годы действия «проклятия» «Топ-10» мирового рейтинга наиболее быстро развивавшихся государств и территорий не обходился без участия ресурсных стран — Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна, Катара, Ливии, Экваториальной Гвинеи, Ботсваны (рис. РЕС-16-1 и РЕС-16-2). Иными словами, статистика экономического роста ресурсных стран, соответственно, в 1950—1960-х, 1970—1980-х и в 1990—2000-х годах дает нам примеры самого различного рода, которые затрудняют выведение неких общих тенденций для каждого из указанных периодов времени и для каждой из «жертв проклятия».

Если же «раздвинуть горизонты» статистического анализа и попытаться выявить ретроспективные тренды экономического роста развивающихся стран мира за более чем 100-летний период времени, начинающийся с 1900 г., то никакого положительного воздействия низкой ресурсной обеспеченности на темпы роста не обнаруживается.

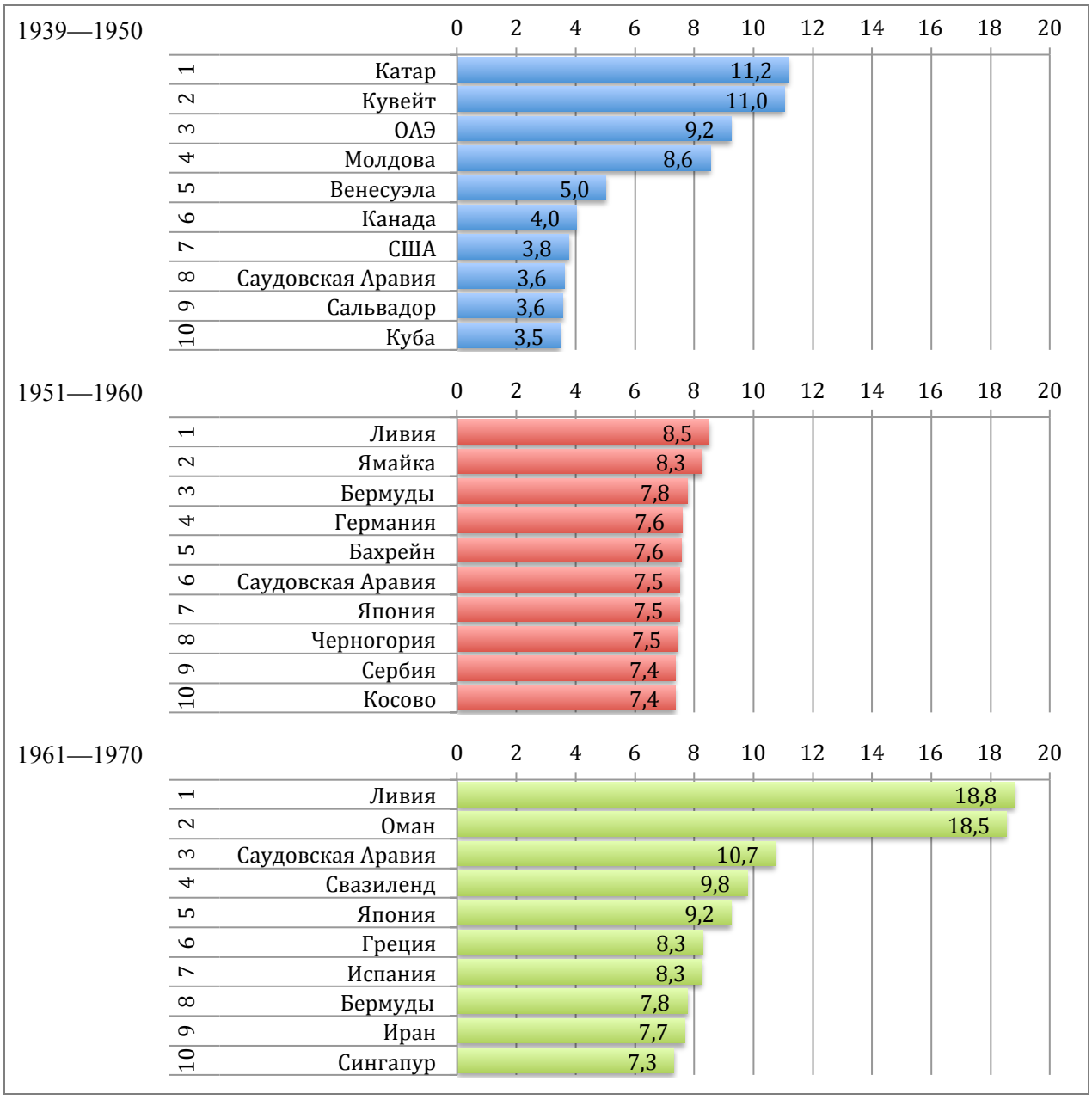
Обосновывающий анализ был проведен автором для выборки из более чем 130 стран и самоуправляемых государственных образований, которые на том или ином этапе своей истории относились к категории развивающихся, т.е. включая Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг (в настоящее время имеющие высокий уровень дохода на душу населения). В составленную выборку не включались малые государства и самоуправляемые территории, экономическое развитие которых носит, образно говоря, «виртуальный» характер и основано по преимуществу на оффшорном и игровом бизнесе — Бермуды, Аруба, Каймановы острова, Антигуа и Барбуда, Ангилья, Сент-Люсия, Макао и др. С учетом указанных отсечений речь все же идет о достаточно большой совокупности стран и территорий, на долю которой приходится 80% населения нашей планеты и 40% мирового ВВП, исчисляемого в ценах по ППС. В качестве критерия для разделения экономик на «ресурсные» и «нересурсные» используется показатель средней доли природной ренты в ВВП по всей выборке в 2007 г., равный 11,4%. Соответственно, страны и территории, имевшие в 2007 г. более высокое значение данного показателя, рассматриваются как «ресурсные», а все остальные — как «нересурсные» — для учетного периода времени в целом. Такой способ верификации национальных экономик по признаку ресурсной обеспеченности, конечно же, далек от идеала, но, во-первых, единственно доступен по наличию систематизированных статистических данных; а во-вторых, вносит в результаты анализа погрешность, величина которой, скорее всего, является несущественной.

В целом за рассматриваемый период душевой ВВП (по ППС в неизменных ценах) развивающихся стран увеличился в 5,2 раза, в том числе по агрегату ресурсных экономик —

в 4,5 раза, нересурсных — в 5,3 раза. Очевидное опережение в росте нересурсных экономик наметилось в последние десятилетия XX века. При этом в 1980-х годах для ресурсных стран были характерны отрицательные темпы роста душевого ВВП. Однако средние показатели нересурсных стран находятся под сильным воздействием экономики Китая, выросшей в 6,7 раза и доля которой в совокупном ВВП по агрегату достигает 35%. Если очистить расчетные величины от влияния «китайского фактора», то средние показатели роста ресурсных и нересурсных экономик на «финише гонки» почти выравниваются. Ресурсные страны развивались существенно быстрее в 1950—1980 гг., а нересурсные — в последующие полтора—два десятилетия (рис. РЕС-17).

Рисунок • РЕС-16-1

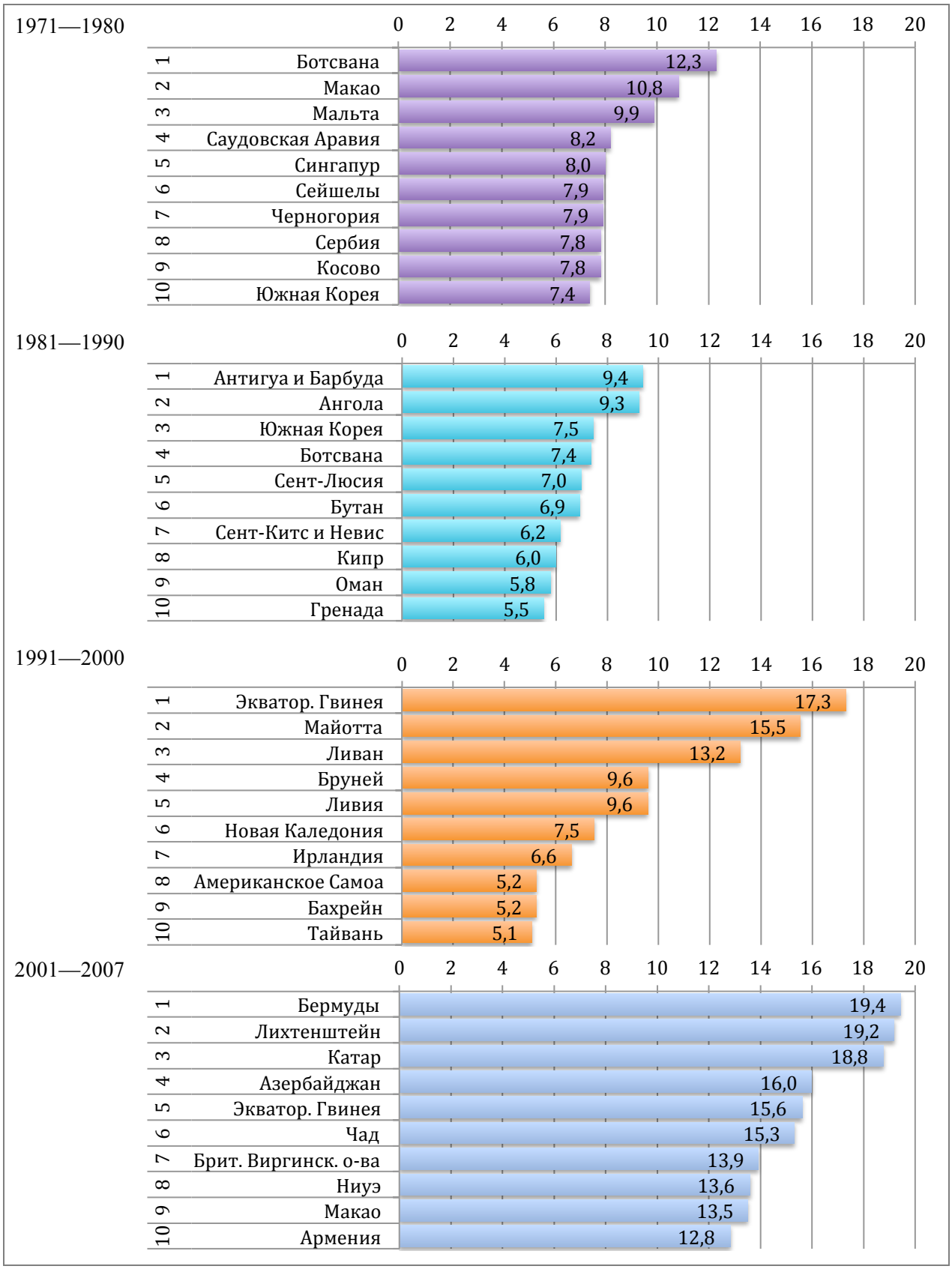
«Топ-10» стран и территорий мира по среднегодовым темпам роста экономики (ВВП по ППС на душу населения) по периодам 1939—1970 гг., %

Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

Рисунок • PEC-16-2

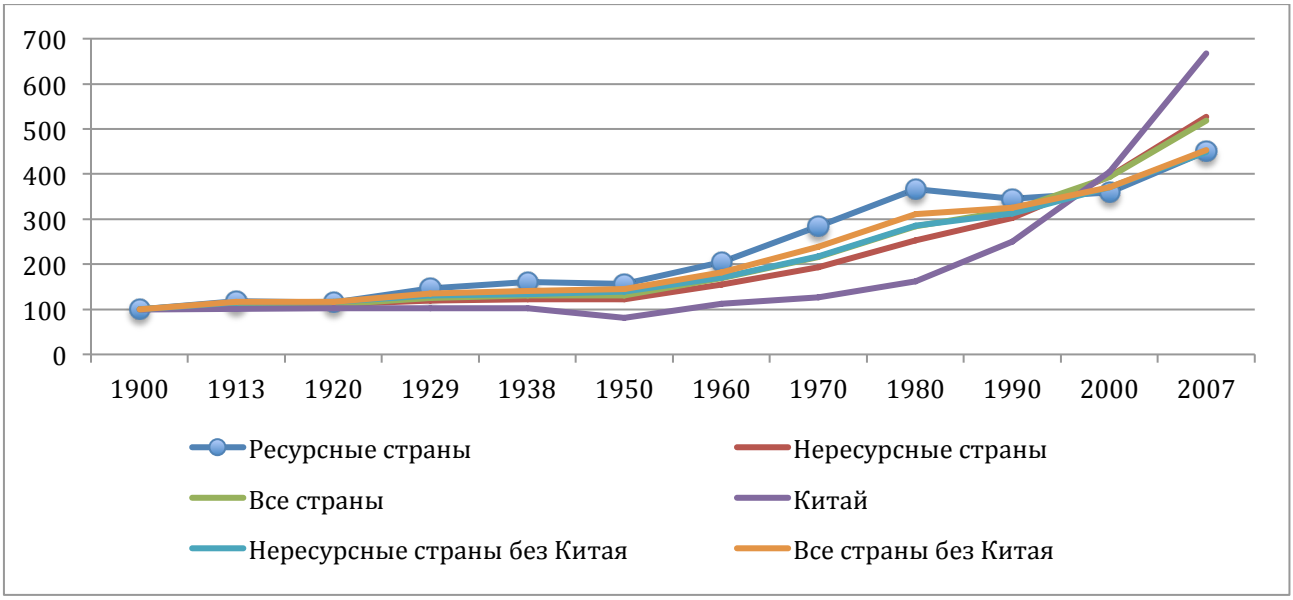
«Топ-10» стран мира по среднегодовым темпам роста экономики (ВВП по ППС на душу населения) по периодам 1971—2007 гг., %

Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

Рисунок • РЕС-17

Индексы роста ВВП по ППС на душу населения ресурсных и нересурсных стран в период 1901—2007 гг., % (1900 г. = 100)

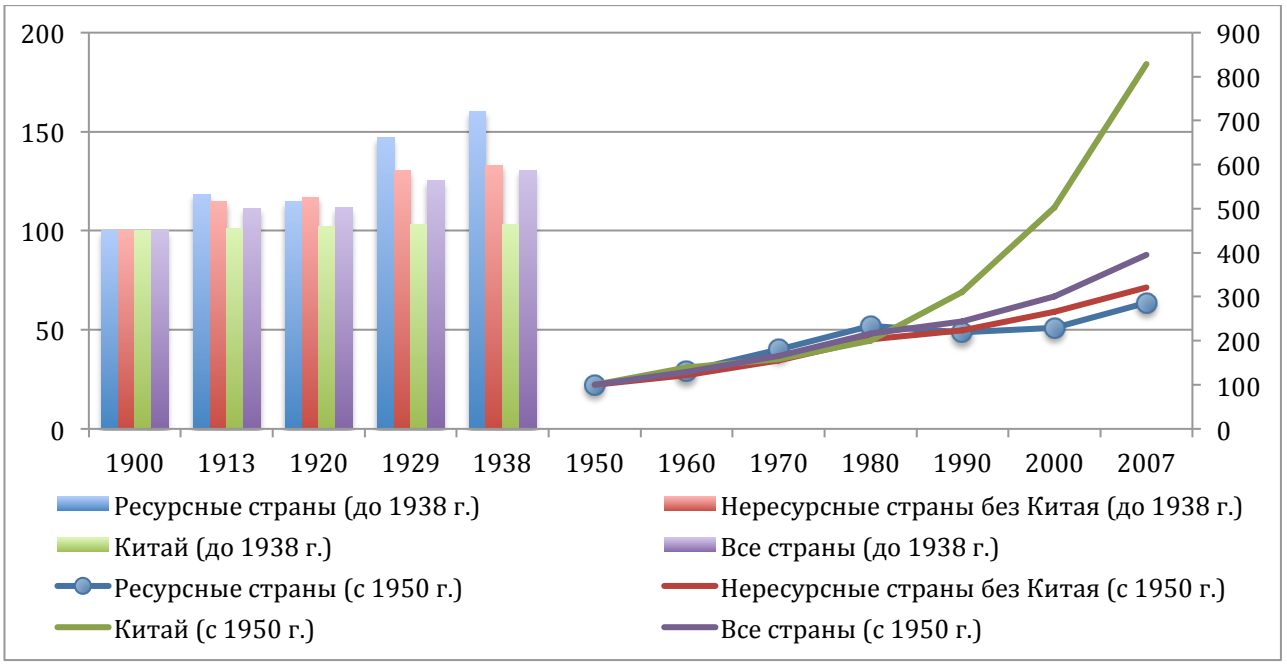
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Общей чертой в экономическом развитии сообщества стран «третьего мира» стало значительное ускорение темпов роста во второй половине XX века. Если в период, предшествовавший Второй мировой войне, экономический рост в среднем по всем развивающимся странам составил лишь 30% (по ресурсным — 60%, нересурсным без учета Китая — 33, в Китае — 3%), то за послевоенные десятилетия средний душевой ВВП увеличился почти в 4 раза, в том числе: в ресурсных странах — в 2,9 раза, в нересурсных странах без Китая — в 3,2, в Китае — в 8,3 раза (рис. РЕС-18). Преимущество нересурсных стран (за вычетом Китая) перед ресурсными по темпам экономического роста просматривается только для периода 1980-х—1990-х годов.

При дезагрегации выборки стран и территорий по степени ресурсной обеспеченности выявляется сильный разброс показателей темпов роста, но обнаруживается любопытная особенность: наиболее высокие показатели роста оказываются у ресурсно дефицитных стран (с долей ренты в ВВП менее 1%) и Китая (доля ренты в ВВП 4,6%). Затем следуют две группы ресурсно избыточных стран, у которых удельный вес ренты в ВВП составляет, соответственно, 50—60% и 40—50%. Все остальные категории стран, независимо от уровня ресурсной обеспеченности, не дотягивают до среднего индекса роста (рис. РЕС-19). Полученный результат, вроде бы, подтверждает тезис, что страны, богатые природными ресурсами, развиваются медленнее, чем ресурсно дефицитные. Тем паче, что для ярко выраженных сырьевых экономик характерен глубокий провал в динамике роста в 1970-х—1990-х годах. В действительности же мы сталкиваемся не с доказательством закономерности «ресурсного проклятия», а с иллюстрацией нескольких исключений из общего правила. Сверхбыстрый рост ресурсно дефицитных экономик (с долей ренты в ВВП менее 1%) представляет собой некий эксцесс, так как показатели данной группы решающим образом определяются всего лишь четверкой стран — «азиатскими тиграми», — доля которых в суммарном ВВП группы составляет 85% (в численности населения — немногим более половины).

Рисунок • РЕС-18

Индексы роста ВВП по ППС на душу населения ресурсных и нересурсных стран в периоды 1901—1938 и 1951—2007 гг., % (1900 г. = 100; 1950 = 100)

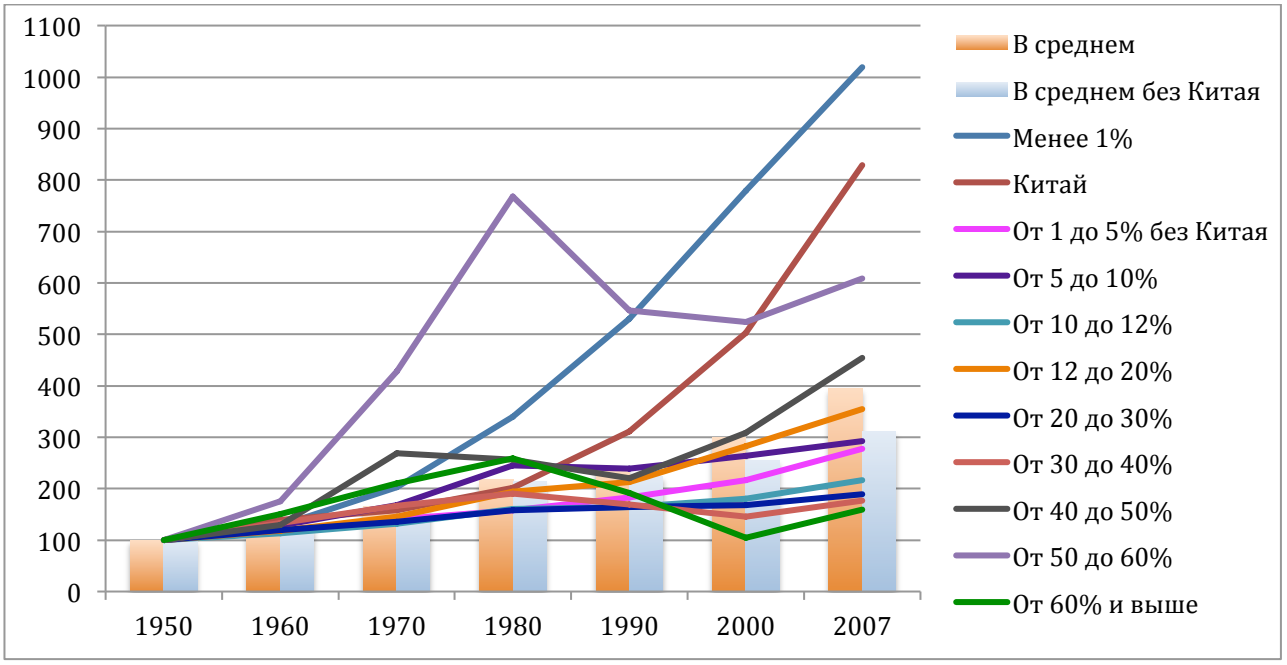

Примечание: показатели до 1938 г. — по левой оси, с 1950 г. — по правой оси.

Источник: Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

Рисунок • РЕС-19

Индексы роста ВВП по ППС на душу населения стран с различной ресурсной обеспеченностью в период 1951—2007 гг., % (1950 = 100)

Примечание: степень ресурсной обеспеченности определяется по доле ренты в ВВП в 2007 г., % (указана в названии рядов на диаграмме).

Источник: Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

Как видно из табл. РЕС-1, в первую группу входит 26 стран, из которых лишь 8 имели темпы роста экономики в 1950-х—2000-х годах выше среднего показателя, составлявшего 395%. Из этой «восьмерки» выделяются «азиатские тигры», не только отличающиеся бурным ростом своих национальных экономик, но и присоединившиеся к «элите» стран с высоким уровнем дохода. Другие четыре участника первой группы, имевшие высокие темпы роста, — Мальдивы, Панама, Пуэрто-Рико и Гренада — тоже довольно специфичны, и вряд ли их можно назвать типичными образцами развивающихся стран. Показатели второй группы стран (с долей ренты в ВВП от 1 до 5%) находятся под сильным влиянием китайской экономики. Если отсечь Китай, то из оставшихся 31 участников только для трех были характерны темпы роста, превышающие средний показатель. Примерно такой же расклад наблюдается в сумме по двум следующим группам (от 5 до 10% и от 10 до 12% — т.е. близко к среднему показателю в 11%) — из 31 страны к числу быстро развивавшихся относятся только две.

Таблица • РЕС-1

Показатели группировок стран, различающихся по уровню ресурсной обеспеченности

	Число стран			Удельный вес, %		ВВП по ППС на душу населения в 2007 г.	
	Общее	С темпом экономического роста выше среднего	С темпом экономического роста ниже среднего	В суммарном ВВП	В суммарной численности населения	Долл. США	В % к среднему уровню
Менее 1%	26	8	18	10,9	3,0	17 971	362
«Азиатские тигры»	4	4	—	9,2	1,6	29 111	586
менее 1% без «азиатских тигров»	22	4	18	1,6	1,4	5 713	115
От 1 до 5%	32	4	28	46,1	55,4	4 135	83
Китай	1	1	—	26,9	25,0	5 345	108
от 1 до 5% без Китая	31	3	28	19,2	30,4	3 140	63
От 5 до 10%	22	2	20	17,0	17,6	4 823	97
От 10 до 12%	8	0	8	6,1	7,4	4 105	83
От 12 до 20%	9	3	6	4,6	4,5	5 100	103
От 20 до 30%	8	1	7	2,7	3,2	4 163	84
От 30 до 40%	8	1	7	4,4	4,8	4 522	91
От 40 до 50%	2	1	1	3,2	1,4	11 750	236
От 50 до 60%	11	5	6	3,6	1,1	16 592	334
От 60% и выше	7	1	6	1,4	1,6	4 108	83
Ресурсные — всего	48	12	36	23,4	21,5	5 410	109
Нересурсные — всего	85	14	71	76,6	78,5	4 850	98
Все страны	133	26	107	100,0	100,0	4 971	100

Примечания: степень ресурсной обеспеченности определяется по доле ренты в ВВП в 2007 г., % (указана в названии группы стран);
темпы экономического роста — по показателю душевого ВВП по ППС за период 1951—2007 гг.

Источник: Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

Успешные ресурсно избыточные страны тоже образуют определенное исключение — их наибольшее число сосредоточено в двух группах с долей ренты в ВВП, соответственно, от 40 до 50% и от 50 до 60%. Это — Оман, Иран, Саудовская Аравия, Ливия, Экваториальная Гвинея, Бруней, Тринидад и Тобаго. Главным же «неудачником» в данной категории

является Кувейт. Тем не менее, все названные страны имеют душевой ВВП существенно больший по сравнению со средним уровнем в 4870 долл. В остальных группах ресурсно избыточных стран (с долей ренты в ВВП выше 11%) преобладают страны с относительно медленными темпами экономического роста и величиной ВВП на душу населения ниже среднего уровня.

В целом же из 133 стран и территорий, включенных в анализируемую выборку, ресурсно избыточных — очевидное меньшинство (48). В составе последних лишь 12 (25% от общего числа) имели темпы экономического роста выше среднего по выборке. Из 85 нересурсных экономик быстрорастущих оказалось 14, что в отношении к числу стран данной категории составляет 17%. Нужно также добавить, что для 2007 г. наблюдается следующее распределение стран по уровню дохода: среди ресурсно избыточных стран в 24 (50% от общего числа в категории) душевой ВВП был выше среднего по выборке, а из нересурсных таковых оказалось 34 (40% участников категории). Иными словами, по сравнительной статистике экономического роста развивающихся стран в период 1950-х—2000-х годов (до недавнего кризиса) в целом выявляется некоторое преимущество ресурсно избыточных стран.

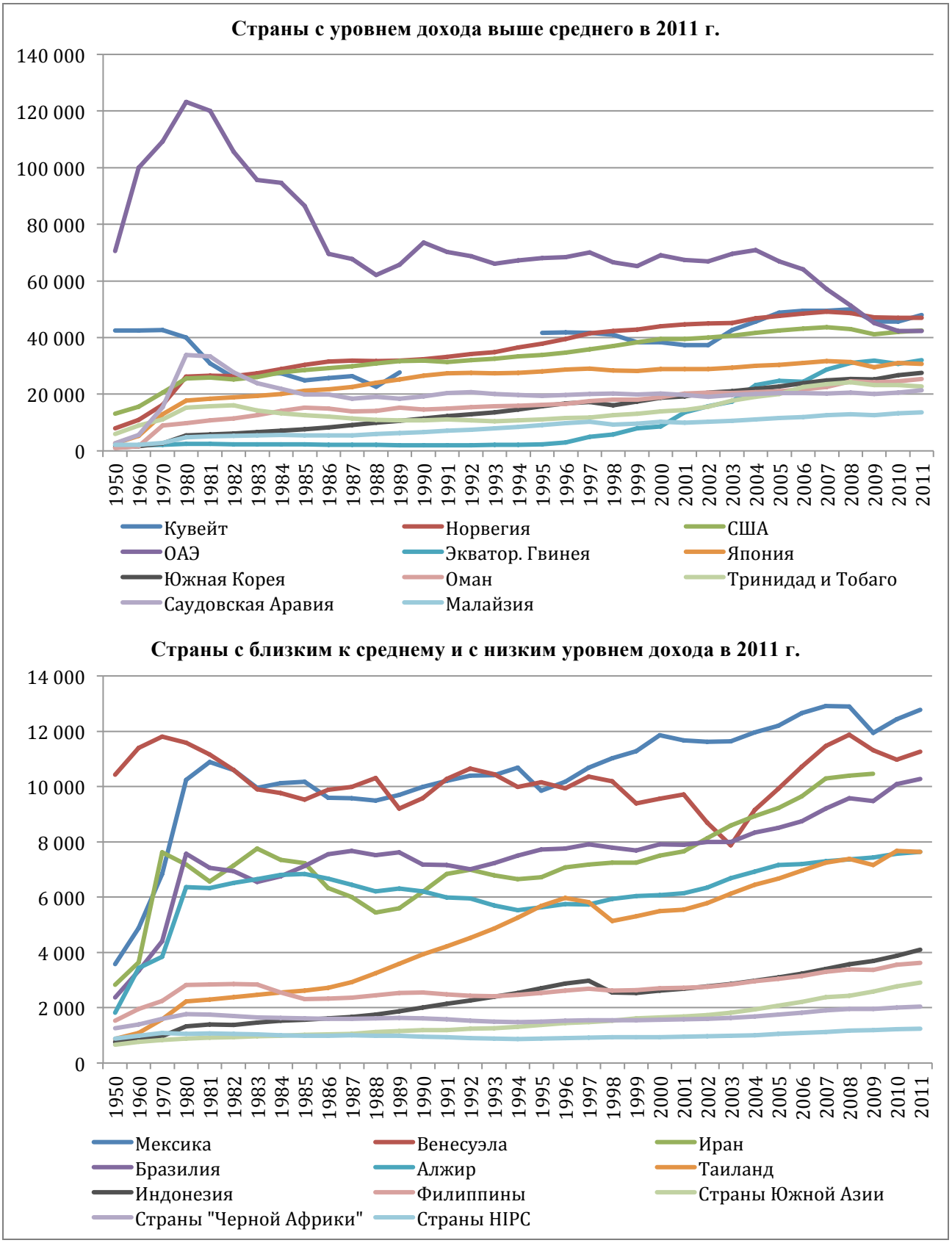
Но по большому счету, данное «статистическое» преимущество, скорее всего, иллюзорно. Дело в том, что подавляющее большинство стран «третьего мира» — независимо от уровня ресурсной обеспеченности — до сих пор находится на слишком низкой ступени экономического развития, а достигнутые темпы роста, в лучшем случае, едва превышают средний показатель роста глобальной экономики. Как следствие, остается непреодолимой глубокая пропасть, которая отделяет развивающиеся страны от мировой экономической «элиты». За рассматриваемый период времени удельный вес развивающихся стран (без Китая) в мировом ВВП увеличился всего на 6 п.п. — с 23 до 29%. При этом не произошло сближения по уровню развития (или дохода), который выражается величиной ВВП в расчете на душу населения. В 1950 г. душевой ВВП развивающихся стран (без учета Китая) составлял немногим менее 51% от среднемирового показателя, а к 2007 г. чуть снизился — до 49%. По отношению же к среднему доходу промышленно развитых стран (включая Россию) динамика душевого ВВП «третьего мира» выглядит еще хуже: произошло снижение с 23 до 16%. Поэтому нет ничего удивительного в том, что за минувшие 60 лет всего лишь четыре государства («азиатские тигры») сумели покинуть сообщество развивающихся стран и примкнуть к промышленно развитым, да еще от силы полтора десятка экономик (прежде всего — нефтеэкспортирующих стран) стали действительно высокодоходными. Поэтому «про́клятыми» правильнее считать не какие-то отдельные страны, богатые природными ресурсами, а практически все современные развивающиеся государства, которые безуспешно пытаются преодолеть экономическую отсталость и вырваться из бедности.

Чем объясняются «провалы» в экономическом росте?

Апеллируя к тому, что в 1970-х—1990-х годах ряд государств, богатых нефтегазовыми ресурсами, начали отставать в своем экономическом росте от других развивающихся стран, теория «ресурсного проклятия» не совсем точна. Ведь если поверить опубликованным статистическим исследованиям, то необходимо будет признать, что серьезное торможение в экономическом росте, к примеру, Кувейта наступило отнюдь не в 1970-х годах, а еще двумя десятилетиями ранее — уже в 1951—1970 гг. среднегодовой темп прироста душевого ВВП (при исчислении по ППС в постоянных ценах) находился практически на нулевой отметке, а в последующие 20 лет скатился к отрицательным значениям. В 2007 г. величина душевого ВВП в этой богатейшей нефтедобывающей стране была приблизительно на 8% меньше, чем полвека назад, хотя в абсолютном измерении экономика выросла в 22 раза. (рис. РЕС-20, РЕС-21, РЕС-22).

Рисунок • PEC-20

Динамика душевого ВВП по ППС некоторых стран в 1950—2011 гг., долл. 2005 г.

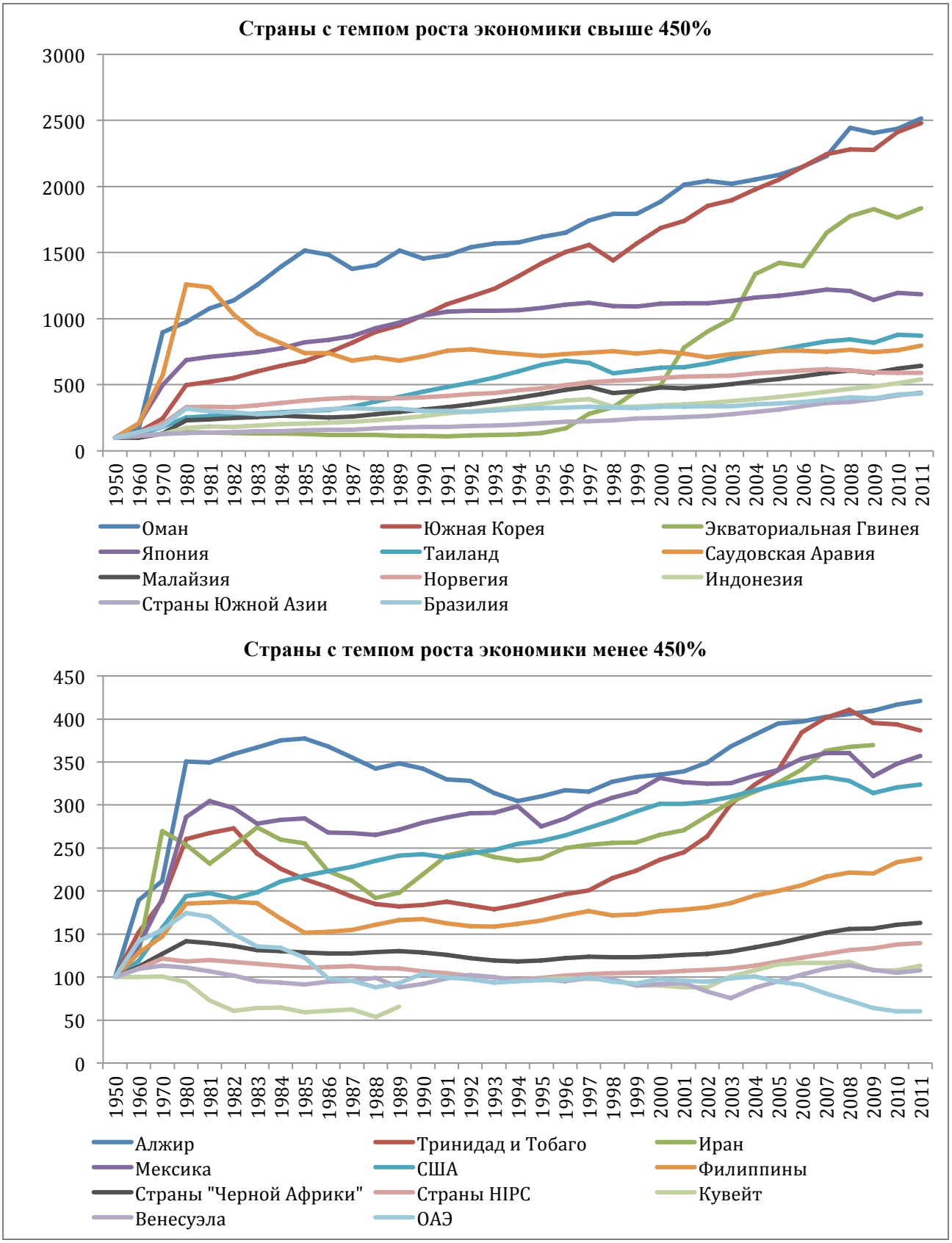

Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • PEC-21

Индексы роста душевого ВВП по ППС в 1950—2011 гг., % (1950 г. = 100)

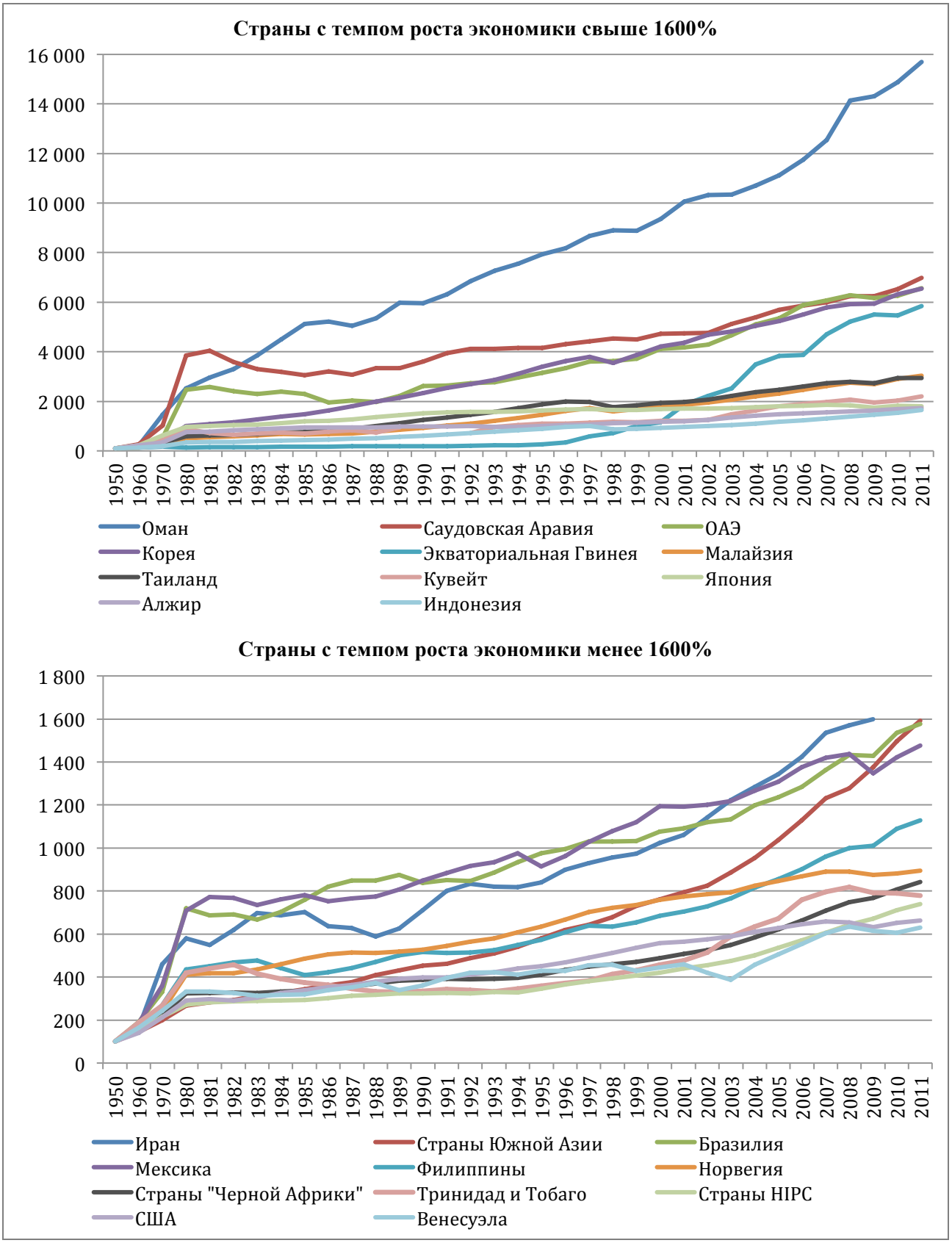

Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-22

Индексы роста ВВП по ППС некоторых стран в 1950—2011 гг., % (1950 г. = 100)

Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Еще хуже выглядит динамика доходов ОАЭ, которые сначала вознеслись до «заоблачных высот» (в 1950-х—1980-х годах), а затем менее чем за 10 лет в буквальном смысле слова обрушились и больше не предпринимали серьезных попыток к росту. Как следствие, современный уровень душевого ВВП составляет примерно 45% от достигнутого в 1950 г., но по своим абсолютным размерам национальная экономика выросла в 67 раз. В противоположность Кувейту и Эмиратам, Саудовская Аравия поддерживала устойчиво высокие темпы экономического роста вплоть до начала 1980-х годов, а в последнюю декаду указанного отрезка времени душевой ВВП удвоился (при среднегодовом темпе прироста более 8%). Спад в экономическом развитии Саудовской Аравии относится только к периоду 1980-х годов, а стагнация растянулась на весь последующий период времени. Сокращение душевого ВВП в Иране наблюдалось в 1970-х—1980-х годах, а затем на протяжении порядка 20 лет происходил довольно стабильный рост со среднегодовым темпом в 3,3%. Экваториальная Гвинея после многих десятилетий прозябания в нищете, начиная с середины 1990-х годов, стала стремительно наращивать свои доходы. Поймав «нефтяную волну», эта маленькая африканская страна за полтора десятка лет увеличила душевой ВВП в 15 раз при среднегодовом темпе прироста более 17%. Экономика Индонезии, до 2008 г. входившей в состав картеля экспортеров нефти, приблизительно с одинаковым темпом (около 3% в год) росла на протяжении почти 60-ти лет, не считая кризиса 1998—1999 гг. и некоторого ускорения, наметившегося буквально в последние 3—4 года. Оман и Малайзия, хоть никогда и не поражали воображение астрономическими темпами роста, но не имели и очевидных провалов. Типичный образец лихорадочной динамики экономического развития, свойственной политически нестабильным странам в условиях постколониального авторитаризма, представляет Венесуэла, которая за последние полвека при множестве всплесков и глубоких падений в среднегодовом исчислении в итоге показала нулевые темпы роста — в 2011 г. величина душевого ВВП составляла 99% от уровня 1960 г.

Если обратиться к контрпримерам, без труда можно увидеть, что за период в шесть десятков лет мало какой из ресурсно дефицитных стран удалось избежать провалов или хотя бы торможений в экономическом росте. Теория «ресурсного проклятия» чаще всего апеллирует к образцам сверхбыстрого экономического развития, которые подарили миру Япония вкупе с четырьмя «азиатскими тиграми» — Южной Кореей, Сингапуром, Гонконгом и Тайванем. Но как показывает статистика, период бурного послевоенного подъема японской экономики в действительности был не таким уж долгим и фактически завершился к середине 1970-х годов. Наряду со знаменитым «экономическим чудом» в современной истории «Страны восходящего солнца» выявляются и такие образно определенные феномены, как «японский финансовый пузырь», надувшийся во второй половине 1980-х и сдувавшийся затем более десятка лет, и «потерянные десятилетия» 1990-х—2000-х годов. *«Разные страны мира знали периоды быстрого роста, но ни одной из них не удалось достичь такой экономической мощи, которая гарантировала бы устойчивый подъем на протяжении нескольких эпох. В истории еще не было стран, для которых быстрые устойчивые темпы экономического роста являлись бы постоянной нормой, и нужно признать, что японское "экономическое чудо" стало всего лишь преходящим феноменом определенной эпохи» (пер. с англ. автора).*[494] Пример Японии показывает, что не только ресурсно-сырьевые факторы роста могут быть исчерпаны, но и факторы, относящиеся к элементам воспроизводимого капитала, включая финансовый и интеллектуальный. Как следствие — длительная стагнация в экономическом развитии: душевой ВВП в Японии за последние 20 лет возрос всего лишь на 15% (среднегодовой темп — 0,8%). Следует к тому же отметить,

[494] Tanaka Naoki. Beyond the Myth of the Economic Superpower // Nippon.com. — July 2, 2012 • URL: http://www.nippon.com/en/in-depth/a00901/ [2013-06-14].
Танака Наоки — профессор, президент Центра исследований по международной общественной политике (г. Токио) / Center for International Public Policy Studies (CIPPS).

что Японию нельзя рассматривать в качестве «несырьевого» прототипа развивающихся стран, некоего антипода по отношению к Саудовской Аравии или Кувейту, не говоря уже о Нигерии или Индонезии. Ведь и в преддверии Второй мировой войны Япония обладала довольно развитой экономикой с крупной милитаризованной промышленностью, входя в первую десятку стран по абсолютным объемам производства при душевом ВВП выше среднемирового уровня. Поэтому послевоенный экономический рост в значительной мере носил восстановительный характер на обновленной демилитаризованной основе, тогда как развитие большинства новых нефтедобывающих стран шло по пути «первичной» индустриализации.

Экономика крупнейшего представителя семейства «азиатских тигров» — Южной Кореи — в целом росла более динамично, но в конце 1990-х годов не избежала провала, вызванного региональным финансовым кризисом. В той или иной степени от кризиса пострадали все страны Юго-Восточной Азии, но его основной удар пришелся по экономике Таиланда, оказавшейся на грани банкротства. Оказалось, что над азиатскими экономиками тоже довлеет «проклятие», обусловленное чрезмерной зависимостью от недостаточно диверсифицированного экспорта (с явным преобладанием рынка США), не слишком надежного доллара и международных финансовых спекулянтов.[495] Решение проблем, связанных с неустойчивостью роста, «тигры» и «тигрята» нашли в создании значительных валютно-финансовых резервов, т.е. пошли путем, по которому движутся все более или менее состоятельные страны с ресурсно-сырьевой экономикой.

Последние 15—20 лет примечательны тем, что в указанное время заметно ускорился экономический рост в регионе Южной Азии, где лидирующие позиция занимает Индия. Однако в целом за период 1950-х—2000-х годов экономика стран данного региона росла лишь немногим быстрее по сравнению со среднемировыми показателями, в 2 с лишним раза отставала от роста китайской экономики и в 6 раз — от южнокорейской. При этом современная степень экономического развития Южной Азии все еще остается довольно низкой — величина ВВП по ППС на душу населения (3,3 тыс. долл. в 2011 г.) в 3,5 раза меньше среднемирового показателя (11,6 тыс. долл.) и даже не дотягивает до агрегатного показателя государств с доходом ниже среднего уровня (3,7 тыс. долл.). Если рассматривать статистические группировки стран, то ниже находятся только развивающиеся государства «Черной Африки» (2,4 тыс. долл.) и беднейшие страны мира (1,4 тыс. долл.), темпы экономического роста которых в последние 40 лет находятся практически на нулевой отметке.

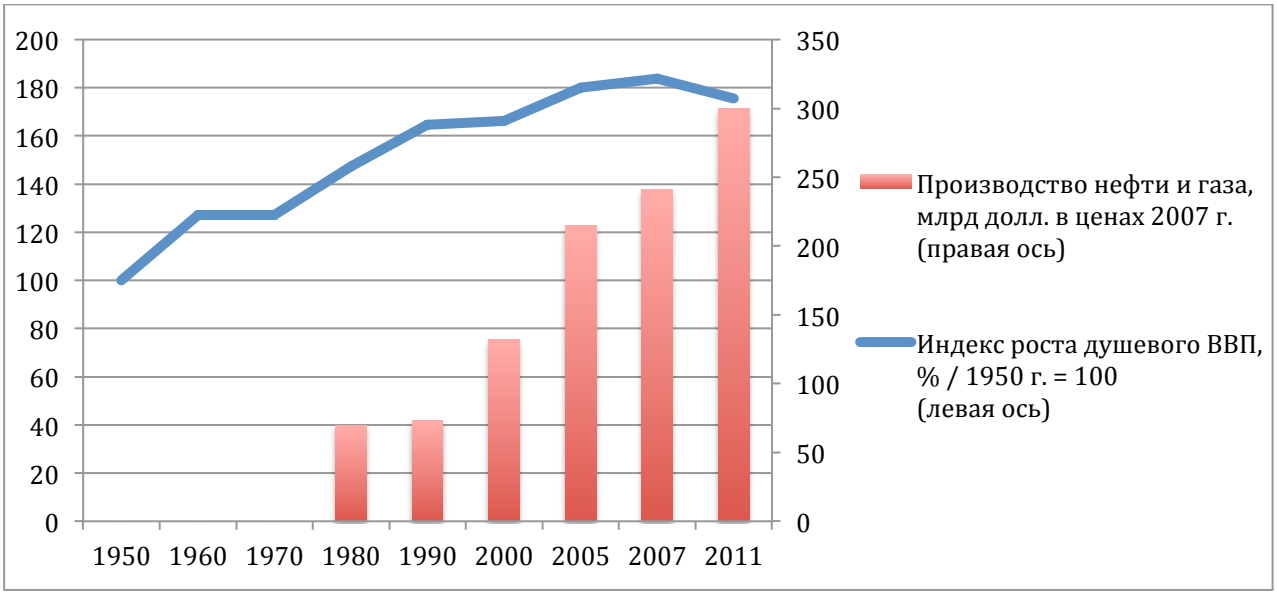
Теория «ресурсного проклятия» в качестве одного из исключений среди ресурсно избыточных стран полагает Норвегию, которая приступила к освоению своих шельфовых месторождений нефти и газа в середине 1970-х годов. Хорошие институты рынка, государства и общества позволили норвежской экономике на протяжении примерно 30-ти лет устойчиво прогрессировать с темпом, немного превышающим экономический рост США (по близким в целом траекториям). Однако после 2005 г. экономика Норвегии, по сути, пребывает в состоянии стагнации, несмотря на то, что после временного ухудшения конъюнктуры энергетических рынков в период недавнего кризиса стоимость добываемых углеводородов к 2011 г. (по сравнению с 2005 г.) выросла в 1,4 раза (рис. РЕС-23). Похоже, что Норвегия столкнулась с действительным «ресурсным проклятием», которое связано с истощением запасов нефти и газа — ведь пик добычи углеводородов был пройден в 2004 г., и к 2011 г. она сократилась на 20% (с 4,6 до 3,8 млн барр. н.э. в сут.).

[495] Подборка материалов под рубрикой «Уроки азиатского кризиса» // ПрогнозиΣ. Журнал о будущем. — 2008. — № 1 (13). — С. 192—219 • URL: http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognozi931-113-2008.html [2013-06-14].

Аналогичные тенденции наблюдаются в динамике показателей развития мексиканской экономики на фоне падения добычи нефти и газа после максимума, достигнутого в то же самое время, и происходящего в точности с таким же темпом, как в Норвегии.

Рисунок • РЕС-23

Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Норвегии в 1950—2011 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

При ранжировании репрезентативных стран и групп стран по темпам роста душевого ВВП видно, что «абсолютными чемпионами» являются Оман и Южная Корея, показатели которых за период 1950-х—2000-х годов увеличились примерно в 25 раз (рис. РЕС-21). Следом за ними идут Экваториальная Гвинея, Япония, Таиланд и Саудовская Аравия. Среди «аутсайдеров» — Кувейт, Венесуэла и ОАЭ, — у которых практически не было роста; чуть выше находятся страны «Черной Африки» и беднейшие государства мира. Из приведенного сравнения трудно сделать однозначный вывод о том, что ресурсно избыточные страны развиваются медленнее, чем ресурсно дефицитные. И все же, печальная картина, которую рисуют графики экономического развития Эмиратов, Кувейта и Венесуэлы, «сбивчивый» рост Мексики, Алжира, Тринидада и Тобаго, Ирана, а также крупнейшего мирового экспортера нефти — Саудовской Аравии — наводят на мысль о каком-то неблагополучии.

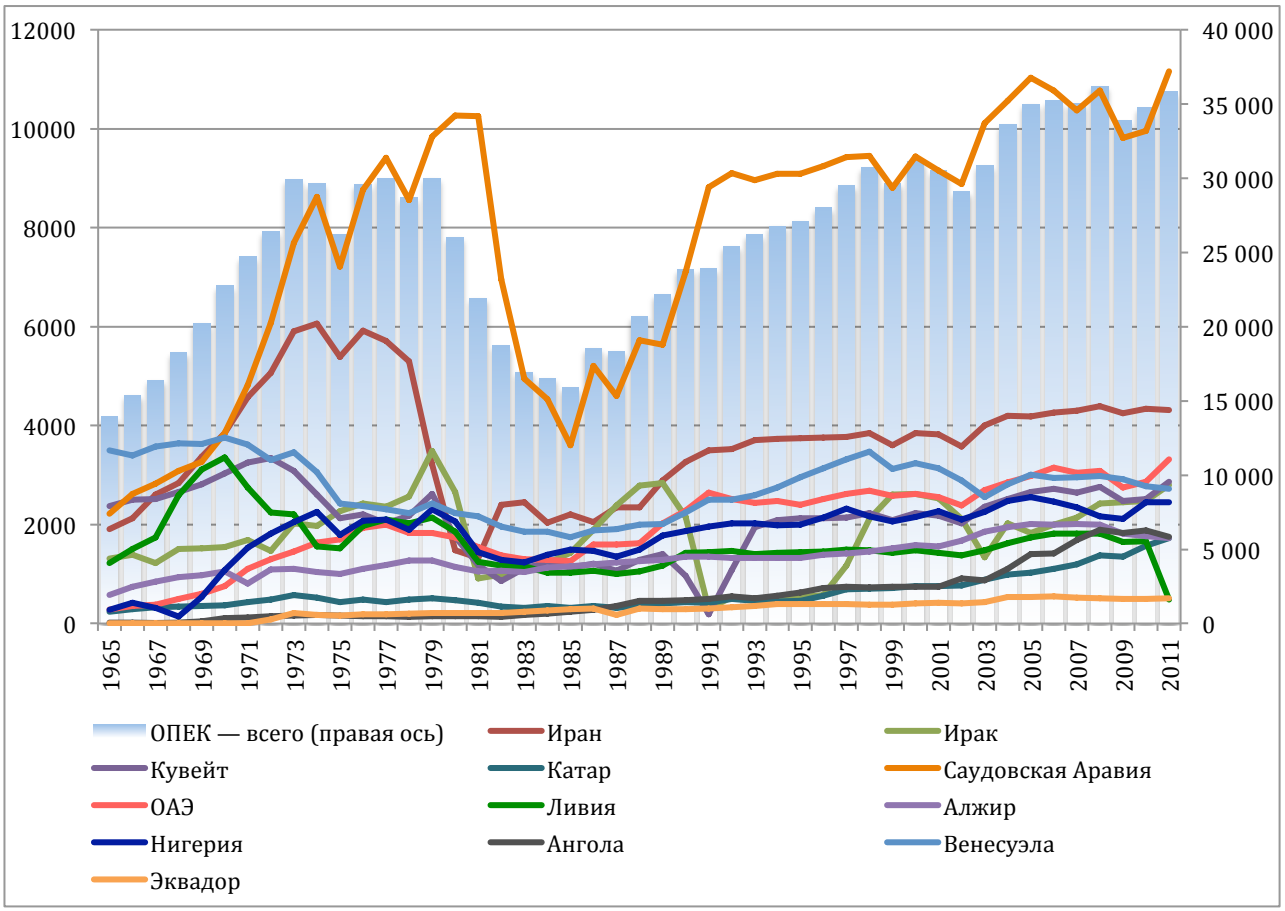
Но чтобы дать адекватную оценку наблюдаемым тенденциям — стагнации удельных показателей на фоне головокружительного роста абсолютных, — нужно понять, чем они обусловлены. Теория «ресурсного проклятия» основную причину видит в несовершенстве институтов большинства стран с преимущественно сырьевой экономикой. Наверно, в этом есть доля правды. Институциональное устройство арабских монархий, бывших и нынешних авторитарных республик (Ливии, Ирака, Ирана, Венесуэлы), раздираемых внутренними противоречиями африканских государства (Нигерии, Анголы и др.) вряд ли можно сравнить по качеству и степени развития с институтами, к примеру, европейских стран, включая Норвегию, с их демократическими и рыночными традициями. Но уделяя главное внимание институтам, влияние которых на экономический рост измерить

весьма затруднительно, теория «ресурсного проклятия» вольно или невольно упускает из виду прозаические, совершенно объективные и почти очевидные объяснения происходящих процессов. А таких объяснений, легко подтверждаемых статистикой, собственно говоря, два: во-первых, резкое сокращение объемов производства в ключевых отраслях экономики ряда нефтяных стран в 1970-х—1980-х годах; во-вторых, быстрый рост численности населения, опережающий по темпу увеличение валового дохода.

Спад производства в крупнейших нефтеэкспортирующих странах, как известно, начался с нефтяного эмбарго, введенного в 1973 г. в отношении государств-импортеров (США и их европейских союзников), которые оказали поддержку Израилю в войне против Египта и Сирии. В последующий период времени политика квотирования добычи нефти, проводимая ОПЕК в целях поддержания благоприятной ценовой конъюнктуры мирового рынка, постоянно сдерживала рост объемов производства во всех странах, входящих в состав картеля, но основная тяжесть регулирования ложилась на Саудовскую Аравию и Кувейт.[496] Следствием добровольно принятых на себя участниками ОПЕК ограничений стало, например, уменьшение суточной добычи нефти в Саудовской Аравии в первой половине 1980-х годов в 2,9 раза — с 10,3 млн барр. в 1980 г. до 3,6 млн барр. в 1985 г. (рис. РЕС-24).

Рисунок • РЕС-24

Добыча нефти в странах ОПЕК в 1965—2011 гг., тыс. барр. в день

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

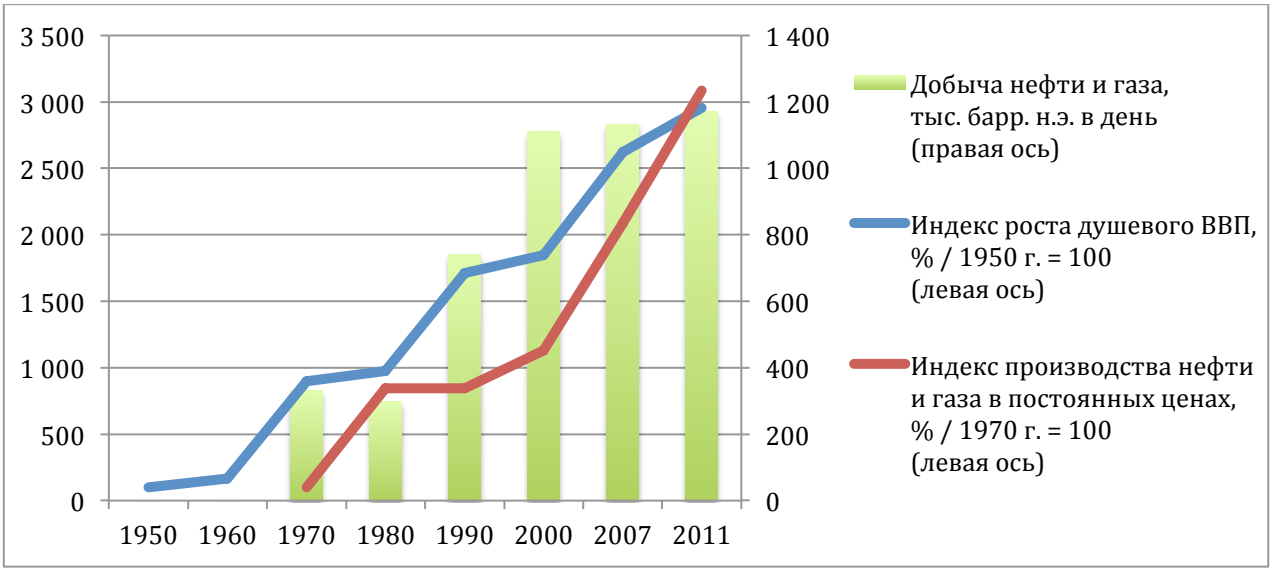
[496] Установленные квоты не единожды нарушались теми или иными участниками картеля (особенно в 2000-х годах), но в целом ОПЕК удавалось проводить согласованную политику по ограничению добычи нефти. — Laherrere J. OPEC quotas and crude oil production // The Oil Drum. — Jan. 31, 2011 • URL: http://www.theoildrum.com/node/7363 [2013-06-14].

Крайне неблагоприятное влияние на динамику добычи нефти в некоторых странах ОПЕК (Иране, Ираке, Кувейте, Ливии) оказали политические факторы — военные конфликты (Ирано-иракская война 1980—1988 гг., Война в Персидском заливе 1991 г.), и внешние экономические санкции. Например, дискриминационные торговые ограничения, введенные США против Ирана в 1979 г. сохраняются вплоть до настоящего времени; международные санкции в отношении Ливии действовали в 1992—2004 гг. Как бы то ни было, но нефтяной картель в целом сумел всерьез превзойти объемы производства, имевшие место в начале 1970-х, лишь 30 лет спустя — в начале 2000-х годов. И этот «провал» в добыче вряд ли можно объяснить одним только несовершенством национальных институтов стран ОПЕК, хотя внутренние политические конфликты, переставшие в открытые военные столкновения, между странами картеля являются, вероятно, следствием плохих институтов.

Необходимо отметить, что страны, не входящие в ОПЕК и не связанные жесткими политическими обязательствами по ограничению добычи нефти, избежали провалов и в объемах производства углеводородов и в динамике показателей экономического роста. Характерный тому пример — Оман (Рис. РЕС-25).

Рисунок • РЕС-25

Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Омане в 1950—2011 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Другой существенный фактор, не позволивший многим нефтедобывающим странам продемонстрировать высокие темпы роста показателей душевого дохода, заключается в быстром увеличении численности населения. Так, в целом за период 1950-х—2000-х годов население ОАЭ возросло в 62 раза, Катара — в 34, Кувейта — в 23, Саудовской Аравии — почти в 8 раз. Относительно скромные темпы роста численности населения — в диапазоне от 6 до 4 крат — наблюдаются у Ливии, Омана, Венесуэлы, Ирака, Ирана, Нигерии, Алжира. Но и эти величины существенно превышают средние темпы роста по всем развивающимся странам мира (примерно в 3 раза), и показатели отдельных стран, совершивших «экономические чудеса». К примеру, население Японии за рассматриваемый период увеличилось всего лишь в полтора раза, Южной Кореи — в 2,6 раза, Гонконга и Тайваня —

примерно в 3 раза. Некоторое исключение представляет собой, пожалуй, только Сингапур, число жителей которого выросло в 4,5 раза.[497]

Освоение богатейших месторождений нефти и газа в странах Персидского залива и быстрая индустриализация стали причиной массированной трудовой миграции — легальной и нелегальной. Численность иностранцев (в основном — трудовых мигрантов, выходцев из Азии) составляет 34—40% всего населения этого субрегиона Ближнего Востока и почти 70% его рабочей силы.[498] Столь значительный приток рабочей силы до определенного момента времени был объективно обусловлен не только требованиями развития экономики принимающих стран, которые испытывали серьезный кадровый дефицит, но причинами внутриполитического характера. Иностранные рабочие заняты преимущественно в частном, а граждане — в государственном секторе экономики (в сфере финансов, нефтедобычи, телекоммуникационных технологий). Для трудовых мигрантов выделяется специальная «ниша» с относительно худшими условиями, включая оплату труда и социальные гарантии. Такая политика позволяет правительствам ближневосточных нефтяных монархий поддерживать высокий уровень доходов и социального благополучия для своих граждан. Однако к настоящему времени при относительно мягком миграционном регулировании возникла угроза перенаселенности, стала обостряться проблема занятости среди коренного населения (например, в Саудовской Аравии). Ситуация приобретает противоречивый характер, поскольку параллельно сохраняется заинтересованность в привлечении дешевой, умеренно квалифицированной и не слишком требовательной иностранной рабочей силы по причине продолжающегося строительного бума. Последний связан и с дальнейшим развитием добычи нефти и газа, и со строительством инфраструктуры, и с интенсивным формированием диверсифицирующих отраслей экономики (прежде всего — переработки углеводородного сырья).

В своем сочетании отмеченные выше тенденции создают объективную основу для снижения темпов экономического роста в богатых нефтегазовых странах Персидского залива, что само по себе выглядит определенным парадоксом. Если же в добавок учесть происходившие в последние полвека взлеты и падения мировых цен на энергоресурсы, выяснится, что темпы экономического роста стран субрегиона весьма тесным образом коррелируются с увеличением или сокращением валового дохода от добычи нефти и газа (рис. РЕС-26). Динамика агрегатных (усредненных) величин находится под сильным непосредственным влиянием показателей двух крупнейших национальных экономик — Ирана и Саудовской Аравии, — имеющих аналогичные графики изменения.

Схожие в целом тенденции характерны для экономического роста Алжира, Тринидада и Тобаго, Эквадора, Анголы, Нигерии — только на значительно более низком уровне величин. Т.е. «проклятие» даже такой страны, как Нигерия, связано не только с крайне плохими институтами, но и с вполне осязаемой причиной, выражающейся в изменении величины дохода от добычи нефти и газа (рис. РЕС-27). Сравнительно слабые корреляции между динамикой валового дохода от производства углеводородов и темпами экономического роста можно увидеть на примерах Йемена, Ирака, Ливии и типично «прóклятой» Венесуэлы (рис. РЕС-28). Но самое яркое исключение на общем фоне, представляют две страны Персидского залива — ОАЭ и Кувейт, — в отношении которых вообще нельзя сказать, что между изменением величины нефтегазовых доходов и темпами роста душевого ВВП существуют положительные зависимости (рис. РЕС-29).

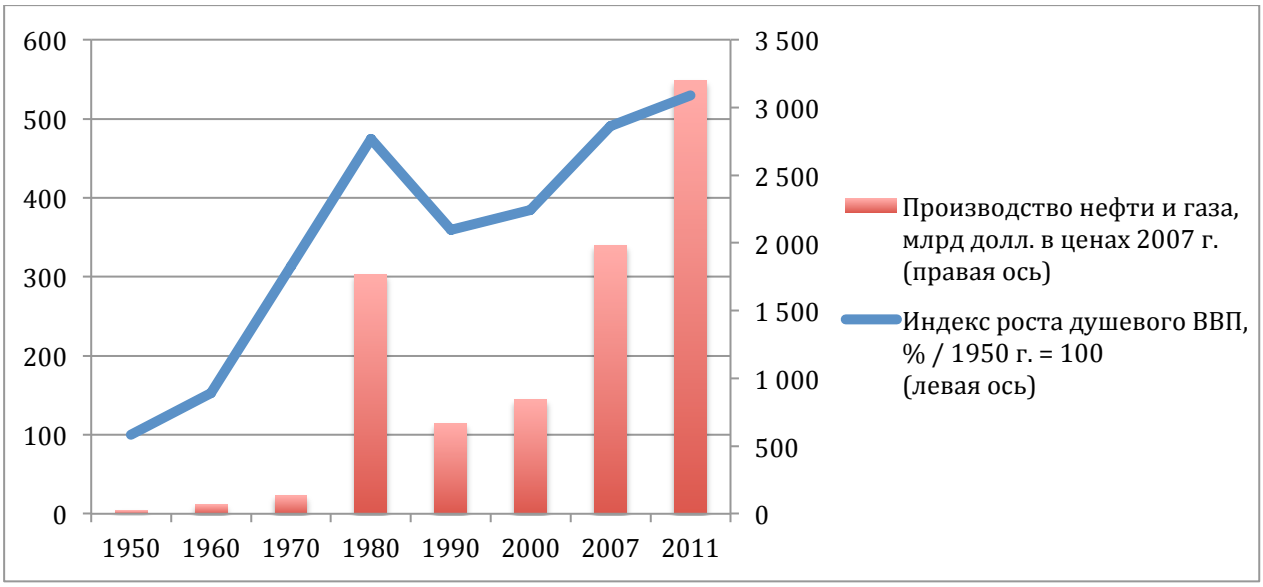
---

[497] Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

[498] Скопич О.А. Проблемы трудовой иммиграции в монархиях Персидского залива // Публикации Института Ближнего Востока. — 10 сент. 2007 • URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/10-09-07.htm [2013-06-14].

Рисунок • РЕС-26

Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в странах Персидского залива в 1950—2011 гг.

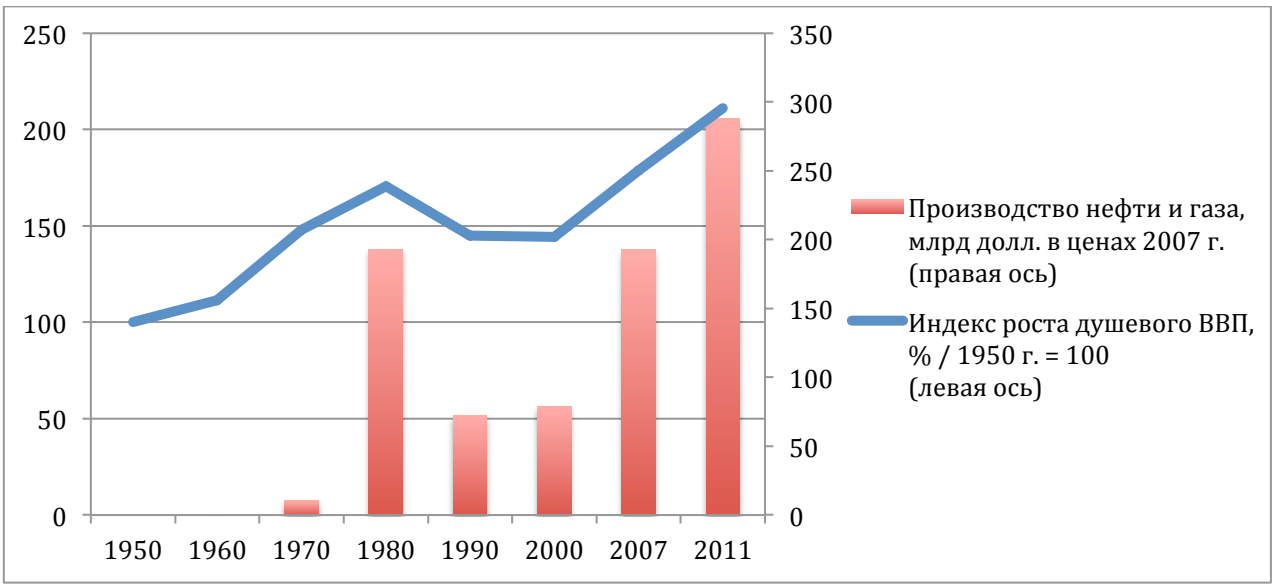

Примечание: страны Персидского залива — Ирак, Иран, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия.

Источники: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-27

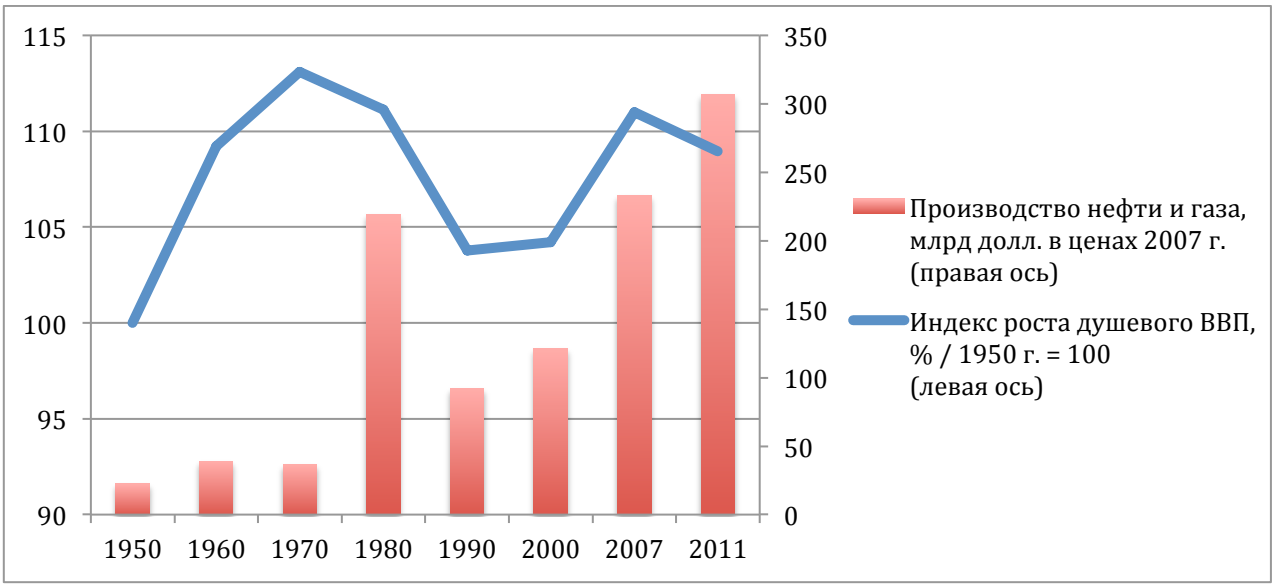
Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Нигерии в 1950—2011 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-28

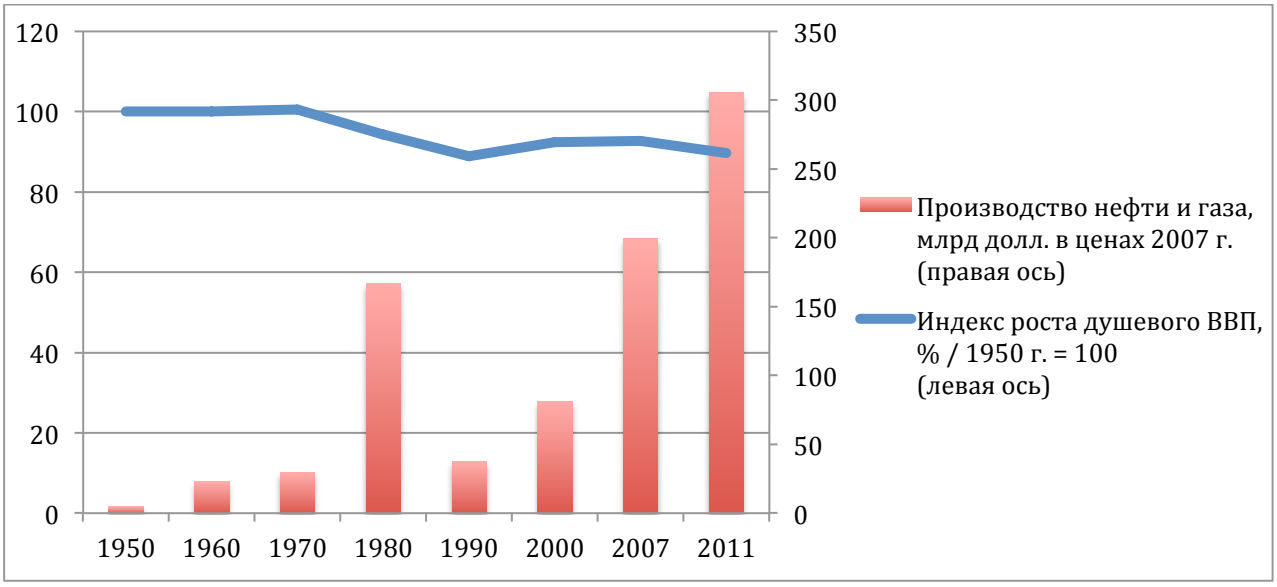
Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Венесуэле в 1950—2011 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Рисунок • РЕС-29

Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Кувейте в 1950—2011 гг.

BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Исключительность Эмиратов и Кувейта по динамике экономического роста во многом объясняется сверхвысокой концентрацией ресурсов углеводородного сырья и взрывным ростом добычи на начальной стадии их освоения. При очень немногочисленном населении это дало эффект скачкообразного роста статистических показателей душевого ВВП. Например, в Кувейте в 1938 г., когда было открыто гигантское месторождение Большой Бурган с запасами 8—10 млрд т нефти, проживало всего 130 тыс. человек. При таком небольшом населении даже концессионные платежи при проведении геологоразведки дают солидную прибавку к среднедушевым доходам страны. В 1950 г. при 145 тыс. жителей добыча нефти в расчете на душу населения составила 114 т; более высокий показатель на пятом году освоения ресурсов был достигнут только в Эмиратах в 1970 г. — 153 т при населении в 249 тыс. чел. (для сравнения — в Саудовской Аравии наивысший показатель добычи нефти составлял примерно 60 т/чел. в 1974 г.). Через 10 лет, в начале 1960-х, добыча нефти на одного жителя в Кувейте достигла 290 т и с тех пор неуклонно снижается. В 2010 г. в стране на душу населения добывалось менее 45 т нефти, а в Эмиратах — всего 17,5 т.

Иными словами, в данном случае мы действительно сталкиваемся с определенным феноменом, который вызван открытием и интенсивным вовлечением в эксплуатацию гигантских запасов нефти в крайне малонаселенных странах, что привело к экстраординарному росту измеряемых экономических показателей в расчете на душу населения. Душевой ВВП в Кувейте в 1950 г. достиг фантастического уровня — почти 42,5 тыс. долл. (по ППС в долл. 2007 г.); США смогли вплотную приблизиться к этой величине лишь 50 лет спустя (в начале 2000-х годов).[499] При нормализации темпов развития добычи нефти после прохождения начальной фазы и быстром увеличении численности населения показатели душевого ВВП в Кувейте и в ОАЭ просто физически не могли расти еще выше. Для данных стран в реальности актуальным было удержание достигнутого уровня дохода или недопущение его уменьшения ниже планки, характерной для развитых экономик мира. О каком «ресурсном проклятии» тогда может идти речь? Как можно не разглядеть исключительную специфику двух маленьких, но в высшей степени богатых нефтяными ресурсами, государств — специфику, которая на раннем этапе освоения ресурсов вызвала сугубо статистический феномен сверхвысокой величины душевого дохода?

Если же говорить в целом, то статистические наблюдения не подтверждают факт существования «ресурсного проклятия» как общей закономерности в развитии стран, богатых природными ресурсами. Во всяком случае, нет сколько-нибудь серьезных оснований полагать, что сбои и провалы в экономическом росте отдельных ресурсно избыточных стран связаны именно с избытком ресурсов как таковым. Среди развивающихся стран и территорий мира, которые обделены природными (сырьевыми) ресурсами, «неудачников» гораздо больше, а «счастливчиков», сумевших вырваться из отсталости и бедности — считанные единицы. Впрочем, и среди ресурсно избыточных стран пропорции между «счастливчиками» и «неудачниками» ненамного лучше. Поэтому более правильным было бы задаться вопросом, что вообще мешает развивающимся странам, независимо от ресурсной обеспеченности, прогрессировать с темпами, которые позволили бы приблизиться к уровню стран богатых? Почему успехов в этой «гонке за лидерами» добиваются только единицы, а подавляющее большинство обречено, как и полвека назад, оставаться «третьим миром»? Может быть, действительно, виноваты плохие институты?

---

[499] Горная энциклопедия • URL: http://www.mining-enc.ru/k/kuvejt/ [2013-06-14].
BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.
World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

Исторические уроки для «третьего мира»

Основы современного миропорядка в общем и целом сложились еще в первой половине XX столетия, когда все страны и территории, будучи составными частями человеческой цивилизации, разделились на три «мира» — неравновеликих, неравноценных и неравноправных. «Первый мир» вобрал в себя промышленно развитые государства Запада, шедшие по пути рыночной экономики и в последствии принявшие на себя роль глобальных носителей демократических и гуманитарных ценностей. Именно эти страны стали определять фундаментальные направления экономического развития в планетарном масштабе. Из числа азиатских стран к «первому миру» присоединилась Япония — причем не столько в силу своей экономической развитости, еще крайне далекой от современного уровня, сколько из-за схожести интересов и стремлений к расширению сфер влияния, по крайней мере, в южной части Азиатско-Тихоокеанского региона. «Второй мир» оказался социалистическим и первоначально был представлен только Советским Союзом, который в результате строительства планового хозяйства и ускоренной индустриализации к концу 1930-х годов вошел в четверку крупнейших промышленных стран вслед за США, Германией и Великобританией. «Третий мир», наиболее пестрый и разнокалиберный, сложился из большого числа самых разных суверенных государств и колониальных территорий Азии, Африки и Латинской Америки, которые по уровню общего экономического развития, а тем более — индустриального и технического, — существенно уступали странам Запада, СССР и Японии.

В мировой экономике «третьему миру» изначально была отведена роль ведомого, зависимого от «мира первого», причем экономическая зависимость подкреплялась политической — подавляющее большинство территорий Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании являлись «заморскими владениями» европейских колониальных держав, Японии и в меньшем числе — США. К числу крупных независимых государств в этих частях света относились Китай (в границах территории, не подвергшейся японской оккупации), Иран, Афганистан, Таиланд, Саудовская Аравия, Эфиопия и Южная Африка. Лишь Латинская Америка в канун Второй мировой войны в основном была представлена независимыми государствами. Однако независимость даже формально суверенных государств «третьего мира» была довольно условной, поскольку все они находились в сфере влияния тех или иных экономически сильных держав либо, что еще хуже, являли собой арену ожесточенной борьбы чужих интересов, которая дестабилизировала процессы национального развития. В конце 1930-х годов численность населения «третьего мира» составляла почти 1,4 млрд человек (более 63% общего числа жителей Земли), совокупный ВВП — 1,7 трлн долл. в ценах 2007 г. по ППС (28% мирового показателя), душевой уровень дохода — менее 1,3 тыс. долл., т.е. в 2,2 раза ниже среднемирового и в 4,4 раза меньше, чем в развитых странах.[500] В подавляющем большинстве независимых стран «третьего мира», не говоря уже о колониальных владениях, сложились в той или иной степени авторитарные политические режимы — от абсолютных монархий и диктатур разного рода каудильо до ограниченных демократий. При этом главные признаки «демократичности» зачастую были связаны с существованием формальных атрибутов — избирательных систем и представительных органов власти. Для многих стран было характерно активное — прямое и косвенное — вмешательство государства в экономические процессы, начиная с поощрения национальных и иностранных инвестиций и заканчивая перераспределительными функциями (нередко — с помощью национализации ключевых активов и ограничения прав крупной частной собственности).

После Второй мировой войны на политической карте мира произошли радикальные изменения, связанные с глобальной деколонизацией, а также с образованием и последующей

[500] Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

гибелью так называемого «социалистического лагеря». К середине 1960-х годов подавляющее большинство крупных колоний и доминионов в Азии и Африке, ранее принадлежавших Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландам и США, обрели государственную независимость (или, по крайней мере, серьезную административную автономию), а еще через десять лет благодаря «Революции гвоздик», произошедшей в Португалии, процесс деколонизации распространился и на африканские владения этой последней колониальной империи. В настоящее время под протекторатами европейских стран и США находятся в основном небольшие островные территории, затерявшиеся на просторах трех океанов, и лишь Франция сохраняет «заморский департамент» в Южной Америке — малонаселенную Французскую Гвиану, где расположен космодром национального космического агентства.

Ликвидация колониальных империй в качестве одной из основ современного (послевоенного) миропорядка была предусмотрена Атлантической хартией, принятой США и Великобританией в августе 1941 г. Позднее с положениями хартии согласились СССР, Югославия, «Свободная Франция», а также еще несколько европейских стран, оккупированных Германией и позиция которых была заявлена правительствами в эмиграции. Заглядывая в будущее и адресуясь к тому времени, когда силы антигитлеровской коалиции одержат победу во Второй мировой войне, Атлантическая хартия, по сути, провозглашала неотъемлемое право всех народов мира на политическое самоопределение и экономическое благополучие. Что касается последнего, то страны-подписанты принимали на себя обязательства: во-первых, способствовать обеспечению всем государствам (большим или малым, победителям или побежденным), равного доступа к торговле и сырьевым запасам мира, необходимым для их экономического процветания; а во-вторых, способствовать сотрудничеству между всеми государствами для всеобщего обеспечения лучших условий труда, экономического развития и социальной безопасности.[501] В первые послевоенные десятилетия деколонизация стала частью процесса гуманитарного развития и демократизации в масштабах всего человеческого сообщества. Она была поддержана обеими тогдашними сверхдержавами — Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Впрочем, за гуманитарными ценностями нетрудно увидеть и вполне прагматические интересы ведущих мировых «игроков». «Равный доступ» к торговле и сырьевым запасам мира в первую очередь был на руку американцам, которые таким образом открывали для себя двери британских, французских и прочих колоний, а уже во вторую очередь отражал заботу о всеобщем благе. В условиях двуполярного противостояния «третий мир», все больше обретавший политическую независимость, стал ареной борьбы за влияние: по какому пути развития — капиталистическому или социалистическому — пойдут освободившиеся страны; по своему экономическому и общественно-политическому устройству с каким из миров они будут сближаться — с «первым» или со «вторым». Данное обстоятельство для многих государств «третьего мира», включая ресурсно избыточные, имело не только внешнеполитическое, но и серьезнейшее внутриполитическое значение, поскольку проблема выбора пути дала импульс для соперничества между различными общественно-политическими силами, опиравшимися на различные (порою диаметрально противоположные) идеологические воззрения. Для защиты своих идейно-политических принципов и в борьбе за власть конкурирующие силы (элиты, партии, организации) нередко были готовы взяться за оружие, что приводило к многочисленным внутренним военным конфликтам, партизанским и гражданским войнам. При этом конфликтующие стороны обычно опирались на моральную и материальную, включая военно-техническую, поддержку государств «первого» или, наоборот, «второго» (в бытность его существования) из миров. Как следствие, результаты внутриполитической борьбы в странах «третьего мира» зачастую определялись не преобладавшими общественными настроениями, а тем, какая из противоборствовавших сил получала более эффективную внешнюю поддержку.

---

501 The Atlantic Charter. Declaration of Principles issued by the President of the United States and the Prime Minister of the United Kingdom. 14 Aug. 1941 // NATO. — e-Library. — Official texts • URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_16912.htm [2013-06-14].

Политическая конкуренция нередко сплеталась в сложный клубок с межэтническими и межконфессиональными распрями, что только обостряло ситуацию и усиливало бескомпромиссность внутренних конфликтов и противостояний. Государственно-политическая нестабильность становилась тормозом на пути экономического развития, а в ряде случаев — катализатором для экономической деградации.

Несмотря на все глобальные подвижки, произошедшие во второй половине XX века, миропорядок, который сложился ранее, не претерпел принципиальной трансформации: «третий мир», как был, так и остался зависимым от «первого». И в основе этой зависимости главным образом лежит экономическая неравнозначность и, как следствие, экономическое неравноправие. К исходу минувшего столетия все вместе взятые — богатые природными ресурсами и не слишком обеспеченные таковыми — развивающие страны давали около 36% мирового ВВП (18 трлн долл. по ППС в ценах 2007 г.), что всего лишь на 3 п.п. больше, чем в начале века. По численности же населения относительные размеры «третьего мира» существенно выросли — с 63 до почти что 80% (с 1 до 4,8 млрд человек). Поэтому за 100 лет разрыв в уровне экономического развития (по ВВП на душу населения) между «первым» и «третьим» мирами не только не сократился, но значительно увеличился — с 3,6 до 6,8-кратного. Распад колониальной системы не привнес каких-то особых изменений в соотношения темпов экономического роста: в довоенном 1938 г. душевой уровень дохода «третьего мира» был 2,2 раза ниже среднемирового и в 4,4 раза меньше, чем в развитых странах, — т.е. и после Второй мировой войны, после принятия гуманной Атлантической хартии разрыв продолжал нарастать.[502]

Для ресурсно избыточных стран подобное развитие событий, в соответствии с известной теорией, можно обозначить термином «ресурсное проклятие», а первыми двумя представительницами «третьего мира», почувствовавшими на себе указанное «проклятие» стали Мексика и Венесуэла.

В Мексике в 1911—1922 гг. (т.е. всего лишь примерно за 10 лет) наблюдался взрывной рост нефтедобычи, который был связан с открытием крупнейших запасов и происходил со среднегодовым темпом свыше 30%. Пик добычи в начале 1920-х составил более 500 тыс. барр. в день (около 27 млн т в год); Мексика стала крупнейшим экспортером нефти и вторым после США производителем с долей в мировой добыче немногим менее ¼. Однако затем последовало стремительное падение с 20-процентным среднегодовым темпом, и в начале 1930-х страна добывала всего 100 тыс. барр. в день (5,3 млн т).[503] Мексика стала первой развивающейся страной в мире, реально попытавшейся установить национальный государственный контроль над своими ресурсами нефти: после революции 1910—1917 гг. недра были национализированы, правительство решило повысить налоги на нефтедобычу, чтобы добиться более справедливого распределения доходов. Британские и американские компании, обеспечившие нефтяной бум и получившие в предреволюционные годы ряд привилегий, расценили изменившуюся позицию мексиканских властей как вызов и начали сворачивать свою деятельность, которая стала слишком, по их мнению, рискованной. Между правительством Мексики и иностранными компаниями установились довольно напряженные отношения, но страна не располагала собственными техническими, кадровыми и финансовыми возможностями для добычи нефти, поэтому на протяжении примерно двух десятков лет власти не предпринимали чересчур радикальных действий.

Конфликт вновь обострился в середине 1930-х годов, что в немалой степени было связано с очередным изменением внутренней политической обстановки, усилением левых настроений в обществе и социальных требований со стороны профсоюзов, организовавших

---

[502] Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

[503] Rubio, M.d.M. Oil and economy in Mexico, 1900—1930s. — Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. — Working Paper 690. — May 2003 • URL: http://www.econ.upf.edu/en/research/onepaper.php?id=690 [2013-06-14].

в 1937 г. забастовки рабочих-нефтяников и грозивших устроить всеобщую стачку. Чтобы умерить революционный пыл профсоюзов и не допустить паники на рынке, тогдашний президент страны — генерал Ласаро Карденас — учредил специальную комиссию для расследования деятельности иностранных компаний. В своем решении комиссия рекомендовала значительно повысить заработную плату рабочим-нефтяникам, расширить социальные гарантии и в течение двух лет заменить весь иностранный технический персонал мексиканским, поскольку *«нефтяные компании получали доходы, насилуя мексиканскую экономику, и ничего не вложили в экономическое развитие страны»*. Фактически речь шла о передаче Мексике управления отраслью, с чем компании были категорически не согласны — они отказались пойти на компромисс с мексиканскими властями по вопросу управления. Переговоры не привели к соглашению и власти официально заявили, что нефтяные компании находятся *«в состоянии мятежа»*, а 18 марта 1938 г. нефтяная промышленность Мексики по решению президента Карденаса, возмущенного высокомерием иностранных компаний и их отношением к Мексике, как к «завоеванной территории», была национализирована. Примечательно при этом, что Карденас продолжал до последнего вести переговоры с компаниями в надежде на урегулирование отношений.[504]

В ответ Великобритания объявила бойкот Мексике и призвала компании ввести эмбарго на продажу мексиканской нефти во всем мире. Ожесточенный спор между двумя странами по поводу собственности в мексиканской нефтяной промышленности в итоге привел к разрыву дипломатических отношений. Впрочем, прагматичная Британия, занявшая непримиримую позицию к Мексике, не слишком пострадала от собственных санкций, ибо к 1938 г. доля мексиканской нефти в структуре импорта упала до 2,1% против 10,1% тремя годами ранее.[505] В гораздо большей степени Британию беспокоила Венесуэла, которая могла последовать примеру Мексики и тоже выйти из подчинения. Мексиканская национализация нефтяной промышленности не привела к серьезному обострению политических отношений с могущественным северным соседом, поскольку в преддверии большой войны США были заинтересованы в союзниках и опасались какими-либо решительными действиями против Мексики оттолкнуть от себя другие латиноамериканские страны. Для этого были основания, так как после введения британского эмбарго резко расширились торговые связи Мексики с оппонирующими державами — Германией, Италией и Японией (в частности, японцы вели в Мексике геологоразведку на нефть и намеревались построить трубопровод через всю страну к Тихому океану). К тому же, как известно, американский президент Рузвельт, основоположник «нового курса», недолюбливал нефтяные корпорации и полагал, что в национализации, как таковой, нет ничего страшного, если, разумеется, Мексика выплатит справедливую компенсацию. Со своей стороны, Мексика в 1920-х—1930-х годах довольно умело играла на внутренних американских противоречиях. Нефтяные компании, терявшие прибыли, требовали от правительства США жесткого ответа на действия Мексики, вплоть до военной интервенции для защиты собственности и т.п., однако банки, кредитовавшие Мексику были заинтересованы в обратном — в сохранении платежеспособности страны и возврате долгов. В итоге, позиции финансистов оказались сильнее, чем влияние нефтепромышленников, и Мексика была «спасена».

Следует особо отметить, что Мексика провела не экспроприацию, а именно национализировала собственность иностранных компаний. Президент Карденас подготовил пакет предложений, включавший выплату компенсаций компаниям (за утраченные активы) либо доли участия в новых концессиях, равные по стоимости конфискованным,

---

504 Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 291—295.

505 Maurer N. The Empire Struck Back: The Mexican Oil Expropriation of 1938 Reconsidered. — Cambridge, MA: Harvard Business School. — Working Paper 10-108. — June 30, 2010 • URL: http://hbswk.hbs.edu/item/6447.html [2013-06-14].

но под контролем мексиканского государства. Первоначально компании отвергли эти предложения, однако в последствии пришли к соглашению с мексиканскими властями по вопросу выплат. Наибольшая сумма компенсаций была назначена британским (преимущественно) владельцам Mexican Eagle Oil Company — 43,5 млн долл., — которая в 3,6 раза превышала рыночную стоимость компании в 1938 г. (12,2 млн долл.). Собственникам американской Mexican Petroleum полагалось 19,4 млн долл. при оцененной рыночной стоимости в 19,2 млн долл. Фактические выплаты, проводившиеся в рассрочку с учетом инфляции и упущенной выгоды, составили: за американские активы — 39,8 млн долл. (проводились в период 1940—1953 гг.), за британские — 132,8 млн долл. (1948—1962 гг.). Поэтому вряд ли уместно говорить о том, что финансовые интересы компаний были ущемлены, несмотря на публичное недовольство последних размерами компенсаций.[506]

Издержки Мексики вследствие национализации нефтяной отрасли выразились не только в выплатах компенсаций прежним владельцам концессий, но и в сокращении объемов работ по разведке и добыче, экспорта нефти (добыча была в основном переориентирована на растущий внутренний рынок) и доходов государства. Созданной национальной нефтяной компании, страдавшей от нехватки капитала, ограниченного доступа к технологиям и низкой квалификации персонала, потребовалось несколько лет, чтобы наладить свою деятельность. Лишь ближе к середине 1940-х годов собственными усилиями мексиканских нефтяников были открыты новые запасы, позволившие вновь постепенно наращивать добычу и экспорт нефти. Но несмотря на все издержки и проблемы, национализация нефтяной промышленности в Мексике стала фундаментальным событием в истории взаимоотношений между великими державами и «третьим миром», означавшим закат эпохи империй и начало новой эпохи — ресурсного национализма. Иными словами, *«Мексика создала модель будущего»*.[507]

Острота конфликта между Мексикой и иностранными нефтяными компаниями была во многом обусловлена имперским характером мышления и реальной политики не только правительств великих держав, но и бизнеса, который не мог воспринимать власти стран, подобных Мексике, иначе, как колониальных администраций, которым просто следует диктовать приказы. Сверхъестественная жадность компаний вызывала непримиримость, которая заходила так далеко, что они предпочли бы скорее потерять все, что имели в Мексике, чем скрепя сердце согласиться на партнерство, выглядевшее как частичная экспроприация. Компании (наряду с британским правительством) больше всего опасались, что соглашение с мексиканскими властями могло стать прецедентом и сподвигнуть другие «дойные» страны к радикализму в вопросах собственности на нефтяные ресурсы. Точка зрения Мексики, не получавшей справедливых выгод от нефтедобычи, была выражена в словах президента Карденаса, заявлявшего: *«Лучше уничтожить месторождения нефти, чем позволять им быть препятствием для национального развития»*.[508]

Венесуэла, в отличие от Мексики, не зашла столь далеко в защите своих интересов, ограничившись принятием в 1943 г. Закона об углеводородах, которым был введен принцип «50:50» в распределении доходов от добычи нефти между компаниями-концессионерами и государством. Закон стал инструментом, с помощью которого правительство Венесуэлы смогло не только значительно усилить свое влияние на процессы освоения ресурсов, ранее почти полностью подконтрольные иностранным компаниям, но и ускорить развитие нефтепереработки в стране. До этого на протяжении двух десятков лет Венесуэла довольно

---

[506] Maurer N. The Empire Struck Back: The Mexican Oil Expropriation of 1938 Reconsidered. — Cambridge, MA: Harvard Business School. — Working Paper 10-108. — June 30, 2010 • URL: http://hbswk.hbs.edu/item/6447.html [2013-06-14].

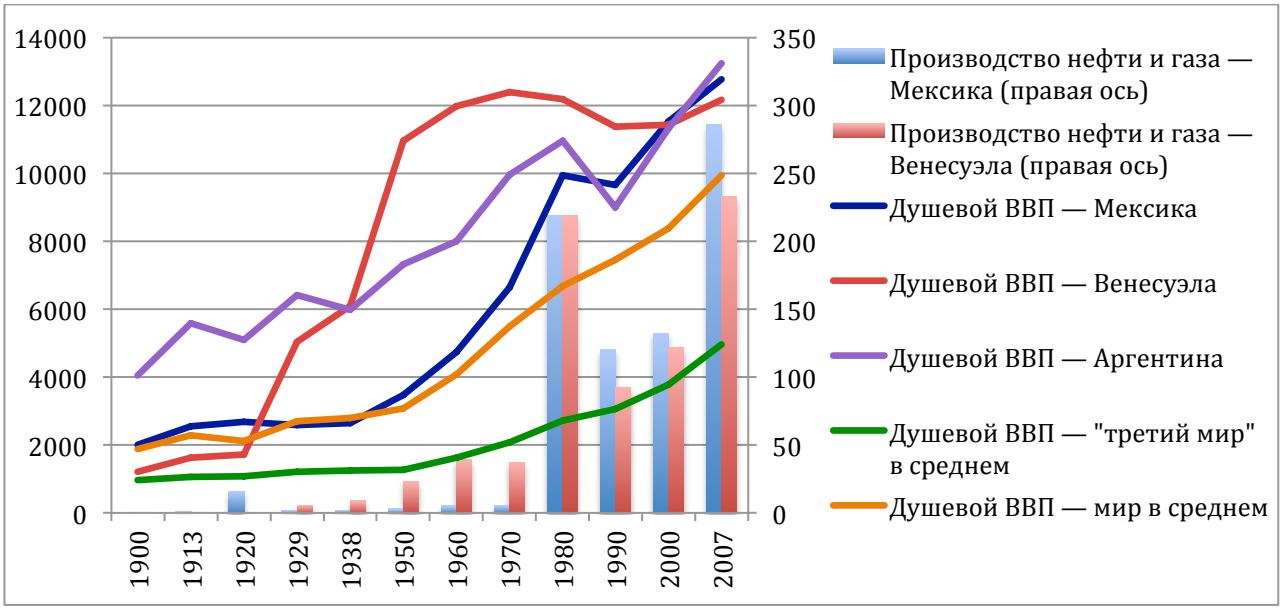
[507] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 297.

[508] Там же, с. 294.

устойчиво и быстро наращивала объемы добычи нефти, до 90—95% которой уходило на экспорт: с 1924 по 1941 г. добыча увеличилась с 1,3 до 33,3 млн т, а экспорт — с 1,2 до 28,8 млн т. Таким образом, еще в начале 1930-х годов Венесуэла сменила Мексику в ранге второго по величине производителя и главного мирового экспортера нефти. Быстрый рост добычи и экспорта обеспечивался стабильным и благоприятным для иностранных компаний инвестиционным климатом, что стало следствием принятия в 1922 г. предыдущего, гораздо более либерального, нефтяного закона. В течение 20 лет компании пользовались льготным концессионным, налоговым и экспортным режимами и были защищены от общественного вмешательства в свой бизнес. Венесуэла предоставила нефтяным компаниям гораздо более привлекательные условия, нежели Мексика, но смогла приблизится к мексиканскому пику добычи лишь к 1939 г., хотя по величине запасов обошла своего конкурента еще в начале 1930-х годов. [509] Нефтяной бум подтолкнул экономический рост Венесуэлы, который приобрел устойчиво промышленный характер. В последнем предвоенном году Венесуэла догнала Аргентину — наиболее экономически развитую страну Латинской Америки — по уровню ВВП в расчете на душу населения и в 2 с лишним раза превзошла среднемировой показатель (рис. РЕС-30).

Рисунок • РЕС-30

Индекс роста душевого ВВП по ППС и динамика производства углеводородов в Кувейте в 1950—2011 гг.

Примечание: производство нефти и газа — в млрд долл. 2007 г.; ВВП в расчете на душу населения — по ППС в долл. 2007 г.

Источники: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.
Rubio, M.d.M. Value and depreciation of mineral resources over the very long run: An empirical contrast of different methods. — Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. — Working Paper 867. — May 2005 • URL: http://www.econ.upf.edu/en/research/onepaper.php?id=867 [2013-06-14].
Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

[509] Karlsson W. Manufacturing in Venezuela. Studies on Development and Location. / Institute of Latin American Studies, Stockholm. Sweden Publications. Series A. Monographs No. 2. — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975. — Stockholm School of Economics. Publications. Full text dissertations • URL: http://hhs.diva-portal.org/smash/record.jsf?searchId=3&pid=diva2:445932 [2013-06-14].

Venezuela — Historical Review. / Emerging Countries Critical Comparative Studies E7. — Workshop — Renmin University Delegation of Venezuela. — 2011 • URL: http://www.emergingcountries.org/?page_id=75 [2013-06-14].

Быстрый экономический рост Венесуэлы, начавшийся в 1920-х годах, в определенной степени является заслугой… Мексики. Нефтяные компании отчасти усвоили мексиканские революционные уроки, и Венесуэла с самого начала освоения ресурсов получала сравнительно высокую — около четверти — долю прибыли от продажи добывавшейся нефти. С 1943 г. эта доля по новым проектам выросла до 50%, в 1960-е годы она достигла примерно 65—70%, а в ранние 1970-е годы превысила 80%.[510] В начале XX века Мексика оказалась в гораздо более жесткой «хватке» иностранных компаний, поэтому даже на первом пике добычи и экспорта нефти, при их феерическом росте, не произошло адекватного подъема общих показателей национальной экономики — душевой ВВП возрастал с темпом, близким к среднему по всем странам Латинской Америки, и за 20 лет увеличился всего лишь в 1,3 раза. Столь низких темпов экономического роста в периоды нефтяного бума в последующие годы прошлого столетия не знала ни одна другая страна «третьего мира».

В отличие от Мексики, Венесуэла смогла избежать форсированного роста добычи и отбора запасов нефти, что было связано с изменениями в конъюнктуре мирового рынка. Мексиканский нефтяной бум пришелся на годы Первой мировой войны, ставшей до некоторой степени «войной моторов», и на совпадший по времени период «спокойного» роста добычи нефти в США, который диссонировал со скачкообразным увеличением спроса из-за бурной автомобилизации (с 1914 по 1921 г. численность автопарка в США выросла почти в 5,8 раза — с 1,8 до 10,4 млн единиц). Таким образом в 1918—1921 гг. в мире возник дефицит нефти.[511] В более поздние 1920-е годы многое изменилось — Техас и Калифорния способствовали всплеску американской нефтедобычи; появились новые, пусть и небольшие, поставщики нефти в Латинской Америке (Колумбия, Перу, Тринидад, Эквадор); страны «Старого Света» во все большей степени стали ориентироваться на собственные (Румыния) и азиатские источники (Иран, Голландская Ост-Индия, а в последствии — Ирак); начала восстанавливать свою нефтедобычу Советская Россия. Вследствие возросшего предложения, нефть перестала быть дефицитом, а усиление кризисных тенденций в мировой экономике (начавшаяся великая депрессия) сдерживало увеличение спроса. Поэтому, вероятно, в Венесуэле не произошло скачкообразного роста добычи и преждевременного истощения запасов, что в целом, конечно же, сыграло благоприятную роль в развитии национальной экономики.

Что можно сказать о проблемах Мексики и Венесуэлы, если рассуждать в терминах «ресурсного проклятия»? Во-первых, в обеих странах в первой трети XX века сложились нефтезависимые национальные экономики, что особенно ярко просматривается на примере Венесуэлы. Во-вторых, появление «дарованных богом» источников дохода обострило проблемы несовершенства институтов, что выразилось в расцвете коррупции, формировании стереотипов всеобщего рентоориентированного поведения, контрастном имущественном расслоении, консервации авторитарного правления и проч. В условиях нестабильной конъюнктуры нефтяного рынка и роста издержек на добычу неминуемо увеличились внешние долги — из-за дефицита средств для финансирования обширных правительственных социально-экономических планов, — а в итоге произошло замедление экономического роста. Но это все — в теоретической интерпретации. А на самом деле, проклятием первых латиноамериканских нефтедобывающих стран стала чуть ли не рабская зависимость от иностранных компаний и государств, заинтересованных в получении доступа

---

[510] Karlsson W. Manufacturing in Venezuela. Studies on Development and Location. / Institute of Latin American Studies, Stockholm. Sweden Publications. Series A. Monographs No. 2. — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975. — Stockholm School of Economics. Publications. Full text dissertations • URL: http://hhs.diva-portal.org/smash/record.jsf?searchId=3&pid=diva2:445932 [2013-06-14].

[511] Rubio, M.d.M. The Role of Mexico in the First Oil Shortage: 1918—1922, an International Perspective. — Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. — Working Paper 888. — Sept. 2005 • URL: http://www.econ.upf.edu/en/research/onepaper.php?id=888 [2013-06-14].

к источникам дешевой нефти и совершенно не заинтересованных в «гармоничном» социально-экономическом развитии ни Мексики, ни Венесуэлы.

Например, к 1939 г. более 70% (21,5 млн т) венесуэльской нефти перерабатывалось на островах Аруба и Кюрасао (Нидерландские Антилы), находящихся в самой непосредственной близости от побережья Венесуэлы и ставших, благодаря быстро возраставшей по соседству нефтедобыче, своего рода нефтеперерабатывающими и транзитно-перевалочными оффшорами.[512] С логистической точки зрения в общем-то было невыгодно вывозить из этого региона сырую нефть, но строить заводы в самой Венесуэле нефтяные компании тоже не хотели, несмотря на то, что в стране были созданы для них весьма льготные условия. Т.е. иностранный бизнес действовал по старому колониальному принципу «разделяй и властвуй», искусственно ограничивая возможности экономического развития Венесуэлы рамками нефтедобычи.

Со второй половины 1920-х годов в мире все отчетливее стала просматриваться тенденция к формированию конкурентного рынка ресурсов нефти. Ни Венесуэла, ни любая другая нефтедобывающая страна уже не могла претендовать на какую-то исключительную роль в обеспечении мирового рынка. Между действующими и потенциальными экспортерами нефти стало завязываться соперничество, в том числе, затронувшее сферу институтов — насколько благоприятные концессионные и прочие условия смогла бы предложить иностранным нефтяным компаниям та или иная страна. Т.е. продолжился процесс развития целой системы факторов, «сдержек и противовесов», обусловливавших зависимое положение ресурсных стран «третьего мира», которое принимало разнообразные формы.

Так, в Мексике данная зависимость стала причиной труднообъяснимого, на первый взгляд, обвального падения нефтедобычи. По теории «ресурсного проклятия», все дело заключалось в ухудшении качества институтов, связанном с революцией, политической нестабильностью, угрозой национализации: *«… нефтяные компании, не без оснований опасавшиеся экспроприации собственности, не только не спешили инвестировать в нестабильную страну, но и переносили производство в ту же Венесуэлу»*.[513] По сути, приведенное утверждение в точности повторяет точку зрения нефтяных компаний в их дискуссии с мексиканскими властями, тогда как правительство страны придерживалось другого взгляда, согласно которому падение добычи нефти было вызвано быстрым истощением разведанных запасов из-за их слишком интенсивной, хищнической эксплуатации. В Мексике попросту иссякли разведанные запасы нефти, пригодные для конкурентоспособного освоения при имевшихся технологиях и сложившейся рыночной конъюнктуре, т.е. которые легко можно было «взять» прямо сейчас. Подтверждением служат статистические данные, которые показывают, что после прохождения пика добычи в 1921 г. объемы инвестиций и работ не только не сократились, а продолжали увеличиваться. Максимальное количество новых скважин было пробурено в 1926 г. (808 — в 2,5 раза больше, чем в 1921 г., и в 20 раз больше по сравнению с 1919 г.). В 1920 г. площадь земель, арендованных нефтяными компаниями под разведочные и эксплуатационные работы, составляла 1,7 млн га, а пятью годами позднее она превысила 6,3 млн га, т.е. расширилась в 2 с лишним раза. В период с 1912 по 1922 г. инвестиции росли очень быстро — с 246

---

[512] Karlsson W. Manufacturing in Venezuela. Studies on Development and Location. / Institute of Latin American Studies, Stockholm. Sweden Publications. Series A. Monographs No. 2. — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975. — Stockholm School of Economics. Publications. Full text dissertations • URL: http://hhs.diva-portal.org/smash/record.jsf?searchId=3&pid=diva2:445932 [2013-06-14].

[513] Гельман В.Я. Венесуэла и Мексика: нефть, авторитаризм и популизм // В кн.: Нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания — СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. — С. 193 • URL: http://www.seinstitute.ru/Oil.htm [2013-06-14].

до 511 млн долл. (в ценах 1928 г.), к 1924 г. объемы вложений в мексиканскую нефтяную отрасль достигли максимума — 569 млн долл., а лишь затем стали постепенно сокращаться и в 1928 г. опустились до уровня в 425 млн долл. Аналогичная динамика была характерна и для импорта труб и нефтяного оборудования, основным поставщиком которых являлись США. Однако инвестиции уже не давали прежнюю отдачу — удельный вес продуктивных скважин в общем числе пробуренных снизился с 76% (в 1919 г.) до 28% (в 1928 г.), а средний дебит новых скважин за период с 1920 по 1928 г. упал почти в 7 раз. Из многих скважин вместо нефти шла соленая вода.[514]

И все же, следует согласиться с той точкой зрения, что произошедшие события нельзя рассматривать в узком, сугубо «мексиканском», аспекте. Ни институциональные факторы (включая политическую нестабильность, повышение налогов и угрозу экспроприации активов), ни природно-геологические (истощение запасов и рост издержек на добычу нефти) сами по себе, равно как и в «фатальном» своем сочетании, вряд ли могли бы привести к тем результатам, которые имели место. Причем действие ни того ни другого из названных факторов в полной мере не подтверждается строгими доказательствами. Институциональные объяснения, со своей стороны, опираются в основном на мотивировку нефтяных компаний, звучавшую в апелляциях к правительствам США и Великобритании и к мексиканским властям, а также на анализ законодательных пертурбаций. При этом оценить, насколько изменение, к примеру, налогового режима могло повлиять на доходность бизнеса, довольно сложно из-за использования компаниями трансфертных цен, вследствие чего показатели рентабельности инвестиций не вполне объективны (на что, кстати, в свое время указывало и правительство Мексики). В конце 1920-х годов «вмененные» цены на мексиканскую нефть, поставлявшуюся в США, были всего лишь на 10% выше, чем на венесуэльскую, но в 1,3—2 раза ниже, чем на нефть из Колумбии и Перу. С другой стороны, природно-геологические причины тоже не столь уж очевидны, поскольку в период резкого падения добычи Мексика располагала запасами нефти, значительно (в 7—10 раз) превосходившими венесуэльские; по величине запасов обе страны примерно сравнялись лишь в середине 1930-х годов. В силу названных обстоятельств тогдашний «мексиканский кризис» необходимо рассматривать в более широком контексте, связанном с общими тенденциями развития мировой нефтяной промышленности.[515]

Причем акцент следует сделать не на изменениях спроса и предложения в глобальном масштабе, а на формировании конкурентного рынка ресурсов нефти, в условиях которого ни одна нефтеэкспортирующая страна не могла чувствовать себя спокойно. В 1920-х годах сложился фундамент будущих тенденций развития мировой нефтедобычи, выражающихся в диверсификации и периодическом замещении источников дешевой нефти, что стало одним из самых действенных инструментов для сохранения и усиления зависимости ресурсных стран от частного бизнеса и государств «первого мира». Для ресурсных стран, наряду с экономическим и политическим давлением «сверху», возникла и стала постоянно существующей угроза вытеснения с рынка путем межтерриториальных сдвигов в активности транснациональных корпораций. Мексику можно считать первой «жертвой», столкнувшейся с новыми реалиями мирового рынка и мирового нефтяного бизнеса. Затем, в 1950-е годы — вместе с началом бурного роста добычи нефти в зоне Персидского залива — очередь дошла до Венесуэлы. В последующие десятилетия расширение географии мировой нефтедобычи так или иначе служило сдерживающим фактором для целого ряда государств (Ливии, Ирака,

---

[514] Haber S., Maurer N., Razo A. When the Law Does Not Matter: The Rise and Decline of the Mexican Oil Industry // The Journal of Economic History. — March 2003. — Vol. 63, Issue 1. — P. 1—32 • URL: https://iriss.stanford.edu/sshp/haber [2013-06-14].

[515] Rubio, M.d.M. The Role of Mexico in the First Oil Shortage: 1918—1922, an International Perspective. — Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. — Working Paper 888. — Sept. 2005 • URL: http://www.econ.upf.edu/en/research/onepaper.php?id=888 [2013-06-14].

Ирана и снова — Венесуэлы), не слишком склонных к тому, чтобы покорно «следовать в фарватере» интересов «первого мира» и его детища — международного нефтяного бизнеса.

Действительным проклятием «третьего мира» в целом является не изобилие ресурсов, а зависимость от экономически развитых стран, которая поддерживается с помощью различных инструментов. «Первый мир», с одной стороны, настойчиво диверсифицирует источники своего ресурсообеспечения, стимулируя конкуренцию между ними; а с другой стороны, постоянно старается сузить простор для хозяйственного развития экономически зависимых стран, направить его в каком-либо моноотраслевом русле. Еще в начале XX века первым нефтеэкспортирующим странам — Мексике и Венесуэле — была заранее уготована участь сырьевых придатков, лишенных возможности для полноценного развития национальных экономик на базе освоения ресурсного потенциала. Но это нельзя назвать специфической чертой или бедой отдельных ресурсно избыточных стран.

История показывает, что «сильные мира сего» точно также не были заинтересованы в комплексном и устойчивом развитии, например, несырьевой Аргентины, которая специализировалась на производстве сельскохозяйственной продукции и вполне устраивала «первый мир» в роли монокультурного аграрного придатка, эдакой «страны жирных коров».[516] Судьба Аргентины тем более печальна, что еще в первые десятилетия XX века, динамично развиваясь, это латиноамериканское государство относилось к числу глобальных экономических лидеров и являлось, по сути дела, такой же частью «первого мира», как США или Великобритания. Однако данное обстоятельство не воспрепятствовало тому, чтобы в последующем Аргентина повторила путь других стран Латинской Америки (и «третьего мира» вообще), знаковыми чертами которого стали авторитаризм и популизм властей, бюрократизация государства, милитаризация, пропасть между законом и общественной практикой, погоня за рентой, форсированная индустриализация, чрезмерное государственное вмешательство в экономику и распределение доходов, угрожающая внешняя задолженность, кризисы и бедность большинства населения, социальные протесты и революции, военные перевороты и проч. и проч.

Еще в 1900-х годах в Аргентине произошел возврат к фактически колониальной практике государственного управления, подогреваемый «патриотическим воспитанием» молодежи; по инициативе властей начался своего рода «крестовый поход», в итоге приведший к формированию национального менталитета исключительности и всеобщей убежденности в том, что богатство страны дается непосредственно природой и не требует человеческого труда и надлежащих институтов.[517] В условиях постоянно возраставшего экспорта аграрной продукции и на фоне отмеченных внутренних процессов в экономике Аргентины стали развиваться негативные тенденции, которые можно охарактеризовать как специфическую «голландскую болезнь в пампасах».[518] Серьезные социально-экономические проблемы и усиление зависимости от «заграницы» послужили предпосылками для возникновения идеологии и политики «перонизма», основоположником которой стал националистически настроенный генерал Хуан Доминго Перон, пришедший к власти после военного путча 1943 г. и дважды подряд избиравшийся президентом (в 1946

---

[516] Хачатуров К. Аргентина: сценарий МВФ в действии // Российская Федерация сегодня. — 2002. — № 2 • URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2002/no_2/2_parallels_1.htm [2013-06-14].

[517] Hamilton, J. Historical reflections on the splendor and decline of Argentina. / Publications of Cato Institute. — Washington, DC. — The Cato Journal. — Fall 2005. — Vol. 25, No. 3. • URL: http://www.cato.org/cato-journal/fall-2005/historical-reflections-splendor-decline-argentina [2013-06-14].

[518] Lovering R. An Interpretation of Argentine Economic and Political History: Dutch Disease on the Pampas. / Publications of the Ohio State University. — Columbus, OH: OSU, 2007 • URL: http://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/28514 [2013-06-14].

и 1952 гг.). Волей Перона Аргентина избрала «третий путь» развития, альтернативный либерализму и который должен был вобрать в себя все лучшее от капитализма и социализма. В основе этого пути лежали следующие принципы: радикальное перераспределение доходов из аграрного сектора в пользу промышленности (в том числе для повышения заработной платы рабочих); ускоренная индустриализация путем крупных инвестиций в промышленное развитие; обширная национализация и создание мощного госсектора в экономике; планирование и экономический протекционизм. Для решения задач по перераспределению доходов в 1946 г. было создано специальное ведомство — Аргентинский институт поощрения торговли (Argentine Institute for Trade Promotion / IAPI), — обладавшее монопольным правом на экспорт аграрной продукции, покупавшейся у производителей по заниженным регулируемым ценам и продававшейся на внешних рынках, естественно, по рыночным ценам. Извлекавшийся таким образом рентный доход направлялся на цели промышленного развития и социальной поддержки городского населения.

Политическая самостоятельность Перона, его профашистские настроения и действия по национализации крупной частной собственности привели к резкому обострению аргентинско-американских взаимоотношений. Результатом чего стало введение эмбарго на поставки большинства аргентинских товаров, которое распространялось не только на рынок США, но и на рынки всех стран мира, получавших американскую помощь согласно плану Маршалла. Естественно, что кризисные процессы в национальной экономике от этого лишь усилились, и правление Перона закончилось в 1955 г. очередным для страны военным переворотом. С конца 1950-х годов Аргентина стала проводить более либеральную политику, широко открыв двери для иностранных компаний, хотя соответствующий закон был принят в 1953 г. еще при Пероне, понявшем ошибочность политики экономического автаркизма и опоры на собственные силы.

Однако либерализация привела к засилью транснациональных корпораций и мало способствовала повышению конкурентоспособности и эффективности национальной экономики. Ярким тому примером является бурное развитие автосборочных производств, степень локализации которых оказалась минимальной. В короткие сроки более двух десятков мировых автогигантов открыли свои предприятия в Аргентине, но работали практически только на внутренний рынок страны и отнюдь не спешили поделиться техническим опытом и знаниями. Как следствие, уровень издержек был слишком высок, чтобы аргентинские предприятия могли конкурировать на внешних рынках. Например, в середине 1960-х годов сборка грузовиков, на предприятиях компании «Дженерал моторс» в Аргентине, обходилась почти в 2,5 раза дороже, чем производство аналогичной продукции на американских заводах. В период между 1959 и 1970 гг. общий импорт аргентинского автопрома (в основном — ввоз иностранными компаниям комплектующих для сборки автомобилей) составил 900 млн долл., а суммарный экспорт отрасли составил всего 45 млн долл. Репатриированная прибыль по своей величине на 133 млн долл. превысила объем инвестиций, вложенных иностранными компаниями. И подобные явления в условиях либеральной политики были типичными для развития аргентинской экономики, в которой и дальше год от года усиливались кризисные тенденции, а вся страна скатывалась в пучину социальных противоречий и конфликтов.[519]

Период 1980-х годов ознаменовался почти непрерывным экономическим спадом, из которого удалось выйти лишь в начале 1990-х благодаря «шоковой терапии» и иностранной финансовой помощи. Но эффект оказался недолгим. В условиях нарастания внешней задолженности (в том числе и по причине больших затрат на обслуживание долга) в 1999 г. разразился кризис, означавший фактическое банкротство Аргентины — с небывалым обострением социальных конфликтов, введением военного положения, отставкой президента и его экономических советников. Таким образом, аргентинская

[519] Rojas M. The Sorrows of Carmencita. Argentina's crisis in a historical perspective. — Stockholm: TIMBRO, 2002.

экономическая реформа начала 1990-х годов стала самым ярким «образцом» провальной либерально-монетаристской политики и так называемой «долларизации», проводившейся под патронажем Международного валютного фонда.

«Нефтезависимая» Венесуэла, «полузависимая» от нефтедобычи Мексика и почти независимая от сосредоточенных сырьевых источников Аргентина — три очень разных страны Латинской Америки — к 1980—1990-м годам пришли к примерно одинаковым результатам, которые выразились в замедлении темпов экономического роста, кризисах, социальных конфликтах. И действительная причина общих негативных закономерностей в социально-экономическом развитии этих стран, вероятно, связана с несовершенством институтов, причем — не только и не столько национальных, сколько глобальных, обусловленных сложившимся экономико-политическим миропорядком и определяющих «правила игры» во взаимоотношениях между «мирами».

Плохие национальные институты в значительной степени можно считать данью колониальному прошлому стран «третьего мира», которые не смогли пройти исторически длительный эволюционный путь общественно-национальной самоидентификации и интеграции, становления государственности, как это было суждено сделать большинству стран «первого мира». При этом немалое значение имеет не только сам факт относительно недавней колониальной подчиненности, но и характер предшествующей колонизации — по испанско-португальскому (преимущественно феодальному) или, например, британскому (преимущественно буржуазному) типу, — что наложило сильный отпечаток на динамику процессов общественно-политического и экономического развития вновь образованных независимых государств, с одной стороны, Латинской Америки (Мексики, Венесуэлы, Аргентины и др.) либо же США и Канады, с другой. Типичные для становления новых независимых государств болезненные фазы развития, связанные с внутренней междоусобицей, конфликтами и противостоянием разнообразных элит, которые претендовали на общенациональное лидерство, в Латинской Америке сжались всего лишь в несколько десятилетий, тогда как ведущие европейские страны «посвятили» этому по три—четыре столетия своего сравнительно неспешного исторического развития в эпоху средневековья. Отсюда — частая смена власти и правителей едва ли не во всех латиноамериканских странах, многочисленные мятежи, путчи и военные перевороты различного толка, метания между теми или иными форматами республиканства (от либерально-демократического до крайне консервативного), длительные периоды авторитарного правления (чему нередко способствовало сочувственно-понимающее отношение со стороны национальных сообществ, которые видели в диктатуре гарантию стабильности и спасение от разорительных внутриполитических конфликтов), межгосударственные военные столкновения за право обладания спорными землями, унитаризм и сепаратизм, возникновение и распады конфедераций и иных альянсов между странами и территориями (главным образом — в бывших испанских владениях, которые в колониальный период своей истории не имели централизованного управления и не были консолидированы).

Несовершенство институтов, изобиловавших «родимыми пятнами» колониализма, сделало склонность к рентоориентированному поведению и стремление «монетизировать» разного рода привилегии широко распространенным стандартом — общепринятой нормой, на которой повсеместно строились хозяйственные отношения. Принадлежность или приближенность к элитам, расположение властей превратились в один из важнейших источников дохода, а его ограниченность порождала, с одной стороны, нерыночную конкуренцию за привилегии, а с другой стороны, постоянную интенцию и действия, направленные на монополизацию этих привилегий. Как следствие, развитие экономических и общественно-политических систем в странах Латинской Америки по большей части происходило в рамках олигархических сценариев, которые допускали (и даже предполагали) главенство неформальных правил игры, выгодных властным элитам и олигархическим

группам, по отношению к публичным законам, гласившим о свободе, равноправии и других ценностях демократии. В частности, в аграрном секторе, который был главенствующим в экономике всех латиноамериканских стран, на протяжении практически всего XIX и в начале XX веков сохранялись те или иные формы принуждения к труду, характерные для эпохи феодализма. Это вело к торможению процессов становления среднего класса, всегда и везде бывшего опорой буржуазной демократии и конкурентной рыночной экономики. Что касается представителей государственной управления практически на всех его уровнях сверху донизу, то для них источником специфического рентного дохода стало само обладание властью. Погоня за рентой, коррупция, мздоимство, казнокрадство и прочие атрибуты «ресурсного проклятия», обусловленные плохими институтами и, в свою очередь, ведущие к дальнейшей деградации институтов, зародились и распространились в странах Латинской Америки задолго и независимо от появления источников ресурсной ренты, связанной с освоением крупных месторождений полезных ископаемых.

Весьма характерным примером можно считать земельную реформу в Мексике, проведенную в 1880-х—1890-х годах и затронувшую общинные земли и пустоши. Согласно принятому декрету о землеустройстве частным лицам и компаниям давалось право на измерение и размежевание пустующих земель, причем в качестве вознаграждения им безвозмездно передавалась треть размежеванной земли, а остальные две трети они могли купить в рассрочку по низкой цене. Такое «размежевание» земель положило начало небывалым злоупотреблениям и спекуляции, поскольку «пустующими» объявлялись все земли, владельцы которых не располагали документами, подтверждавшими права владения. Затем, согласно правительственному циркуляру, последовал раздел общинных земель, предполагавший их раздачу членам общин. В результате реформы из 11,7 млн человек сельского населения лишь около полумиллиона сохранили свои владения, подавляющая же масса оказалась безземельной. Все свободные земли и значительная часть владений мелких собственников перешли к латифундистам, окружению тогдашнего мексиканского диктатора Диаса и иностранным компаниям.[520]

Необходимо отметить, что иностранные компании, пользовавшиеся поддержкой своих государств, неплохо ориентировались в латиноамериканской обстановке и почти всегда находили свои выгоды в несовершенстве национальных институтов Аргентины, Бразилии, Мексики, Венесуэлы и проч. Более того, иностранный крупный бизнес, наравне с правительствами ведущих мировых держав, был даже заинтересован в сохранении имевшего место институционального «статус-кво», обеспечивавшего зависимое экономическое положение стран Латинской Америки. Поэтому любые попытки со стороны последних как-то изменись сложившееся положение и перевести взаимоотношения на более справедливую основу, воспринимались иностранным бизнесом крайне болезненно. Показателен пример Мексики в период борьбы за контроль над нефтяными ресурсами, начавшейся после революции 1910—1917 гг. и продолженной в 1930-е годы при президенте Карденасе, — *«нефтяные компании знали, как делать бизнес в Мексике до Карденаса, в мире шантажа, коррупции и взяток, но оказались не готовы действовать в новых условиях»*.[521] Компании даже не захотели адаптироваться к новым условиям — усиления национального контроля и легитимизации процедур эксплуатации ресурсов — и пошли на открытый конфликт с правительством Мексики, что в итоге привело к национализации нефтяной отрасли. Иными словами, компании поплатились не просто за своеволие, а за попытку диктовать условия мексиканским властям по старой привычке, слишком

[520] Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). / Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1981.

[521] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 291.

хорошо усвоенной иностранным бизнесом еще с далеких времен, предшествующих обретению Мексикой государственной независимости.

Пример Латинской Америки в целом показывает, что ликвидация колониальной системы и завоевание бывшими колониями политической самостоятельности еще не является гарантией освобождения от экономической зависимости от ведущих мировых держав. Еще начиная с эпохи колониальных захватов, все европейские метрополии стремились привязать к себе заморские владения не только в политико-административном, но и в экономическом отношении, используя различные механизмы ограничения торговли и ведения хозяйственной деятельности. Более других в этом преуспела Великобритания, распространившая экономическое влияние и на собственные колонии, и на многие территории, де-юре принадлежавшие Испании и Португалии, поскольку в XVII—XVIII веках пиренейские колониальные державы, не располагавшие крупными торговыми флотами и отставшие от буржуазной Европы в экономическом (прежде всего — промышленном) развитии, практически добровольно уступили британцам право осуществлять «материально-техническое снабжение» своих колоний. Британское «наступление» на Латинскую Америку, сопровождавшееся экономическим закабалением, продолжилось и в XIX веке.

Активнее всего британский капитал внедрялся в экономику Аргентины, которая была районом самых крупных инвестиций из «туманного Альбиона» в странах Латинской Америки и которую в начале прошлого столетия даже стали называть «пятым доминионом» Великобритании. Если в 1880 г. общая сумма британских инвестиций составляла 20 млн фунтов ст., то через 20 лет она уже достигала 300 млн, а в канун Первой мировой войны — 358 млн фунтов (примерно 38 млрд долл. в современных ценах). В конце XIX века в стране насчитывалось более 24 тыс. промышленных предприятий, где работало около 175 тыс. рабочих. Однако крупнейшие (фригорифики, банки, железные дороги) принадлежали иностранным — в большинстве своем британским — собственникам (например, в Буэнос-Айресе — около 92% всех промышленных предприятий). Британские капиталовложения в экономику Бразилии к 1913 г. достигли величины 1162 млн долл. (приблизительно 25,5 млрд долл. в современном исчислении). В период 1890—1907 гг. число промышленных предприятий в Бразилии выросло более чем в 5 раз — с примерно 630 до 3250, — но как и в Аргентине, большинство возникавших предприятий, строившиеся порты и дороги оказывались в руках иностранного капитала. В Мексике иностранные собственники заняли ключевые позиции в таких отраслях экономики, как железнодорожный транспорт (протяженность дорог с 1876 по 1911 г. увеличилась почти в 37 раз, достигнув 24 тыс. км), горнодобывающая, металлургическая и нефтяная промышленность, а также играли большую роль в торговле и в сельском хозяйстве. В 1911 г. на долю мексиканского капитала приходилось всего 30% национального богатства страны, тогда как американского — 43%, британского — более 13%. Примечательно, что в Мексике среди представителей правящей элиты в тот период времени даже сложилась особая теория о не способности страны к самостоятельному развитию и преодолению отсталости. На практике это выливалось в политику всемерного привлечения заграничных капиталов и предоставления особых льгот иностранным предпринимателям. Не случайно поэтому первые мексиканские нефтяные концессии достались иностранным компаниям на чрезвычайно выгодных условиях.[522]

Рост зарубежных инвестиций в странах Латинской Америки сопровождался увеличением товарного импорта — и для нужд развивавшейся экономики, и для насыщения потребительского спроса. Местная обрабатывающая промышленность (главным образом — пищевая и текстильная) в основном ориентировалась на экспорт и была связана с обработкой сельскохозяйственного сырья. При этом формировалась довольно узкая, монопродуктовая

[522] Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). / Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1981.

экспортная специализация национальных экономик: аргентинской — на поставках зерна и мясной продукции, мексиканской — текстиля, бразильской — на поставках кофе (к началу 1900-х годов на долю Бразилии приходилось более 75% мирового производства кофе). Внутренний же рынок находился в сильной зависимости от импорта. Из-за низкого технического уровня собственное производство было, по-существу, ремесленным и не могло удовлетворить возраставший спрос ни в количественном, ни в качественном отношении (последнее в особенности касалось спроса со стороны обеспеченных слоев населения).

Кроме того правительства едва ли не всех латиноамериканских стран постоянно испытывали дефицит денежных средств для финансирования своих расходов. Соответственно, росли государственные внешние долги. Так, в период с 1895 по 1914 г. бразильское правительство только от Великобритании получило более 10-ти займов. Государственный долг Мексики в 1880—1911 гг. вырос более чем в 4 раза — со 191 до 823 млн песо. Нужда в деньгах, которую испытывали правительства латиноамериканских стран и которая во многом была следствием «ловкости рук» экономических неоколонизаторов, вынуждала соглашаться на самые выгодные для иностранных кредиторов условия и открывать двери в основные отрасли своих экономик, предоставлять льготные режимы инвестирования и торговли (зачастую в ущерб интересам национальных капиталов).[523] Таким образом, не только все туже затягивалась «кредитная удавка», но и усиливалась общая экономическая зависимость стран Латинской Америки от «первого мира».

Аналогичную колониальную, или неоколониальную, политику великие державы проводили и в других частях Света — в Азии и в Африке. Показателен пример Ирака, который получил государственную независимость «из рук» Великобритании в 1932 г. — после 11-летнего британского мандата на управление, с назначенным британцами королем Фейсалом и с договором «О дружбе и союзе», закреплявшим зависимое положение от Британии в военном отношении и во внешней политике. Великобритания стала для Ирака «направляющей сущностью», чтобы обеспечить себе поставки одного из естественных ресурсов, в которых она нуждалась. Такова была плата со стороны Ирака за освобождение от «османского ига», которое рухнуло вместе с одноименной империей после окончания Первой мировой войны. Наряду с этим Ирак оказался в сильнейшей экономической зависимости от иностранных нефтяных компаний, контролировавших нефтяное дело в стране. Территория Ирака стала, вероятно, первой сферой жесткого столкновения интересов европейского и американского бизнеса в борьбе за мировую нефть. «Иракский раунд» этой борьбы, как и многие последовавшие за ним, завершился относительно мирным исходом — в 1928 г. на паевой основе была учреждена «Иракская нефтяная компания» и по так называемому договору «Красной линии» все участники *«соглашались работать в регионе совместно, и только совместно»*.[524] Созданный таким образом американо-европейский картелированный консорциум удерживал полный контроль над нефтедобычей в Ираке вплоть до 1960-х годов.

В начале XX века «британская рука» в Персии (Иране) была еще более заметной, чем в Ираке, благодаря деятельности Англо-персидской нефтяной компании, позднее

---

[523] Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). / Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1981.
Rojas M. The Sorrows of Carmencita. Argentina's crisis in a historical perspective. — Stockholm: TIMBRO, 2002.
Rubio, M.d.M. Oil and economy in Mexico, 1900—1930s. — Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. — Working Paper 690. — May 2003 • URL: http://www.econ.upf.edu/en/research/onepaper.php?id=690 [2013-06-14].

[524] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 202—223.

(в 1935 г.) переименованной в «Англо-иранскую» и ставшую предтечей нынешней British Petroleum. По инициативе Первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля, в 1914 г. британское правительство вошло основным акционером в капитал компании, спасая последнюю от банкротства и преследуя свои стратегические цели, связанные со стремлением к расширению контроля над источниками нефти в разных регионах мира: *«Look out upon the wide expanse of the oil regions of the world!»* (Уинстон Черчилль).[525] И хотя компания на протяжении всей своей последующей истории всячески пыталась доказать, что работала исключительно по коммерческому принципу, есть основания полагать, что иранская нефтяная промышленность почти на 40 лет, т.е. вплоть до начала 1950-х годов, оказалась под прямым контролем британского правительства.

Пожалуй, ни в одной другой стране мира попытки «нефтяного национализма» не наталкивались на столь жесткое сопротивление со стороны Великобритании (а затем — и США), как в Иране. В первой половине 1920-х годов среднегодовой объем экспорта иранской нефти составлял 3,5 млн т, выручка — 15 млн фунтов ст., а доля правительства Ирана в доходе — всего 7,2%. В 1928—1930 гг. добыча и экспорт нефти в среднегодовом исчислении выросли, соответственно, до 5 млн т и 23,7 млн фунтов ст. (в неизменных денежных единицах), но при этом доля государственной ренты в стоимости вывозившейся нефти снизилась до 5,4%. Величина же среднегодового чистого нефтяного дохода страны (сумма рояли и продаж на внутреннем рынке) почти не изменилась и составляла немногим более 3 млн фунтов ст.[526] Нефть перестала быть «золотом», и тогдашний правитель государства — шах Реза Пехлеви, — возмутившийся этим обстоятельством, в конце 1932 г. в одностороннем порядке расторг соглашение о нефтяной концессии, действовавшее более 30 лет и «нарушавшее суверенитет» Ирана. Пытаясь оказать давление на иранскую власть, Великобритания передала вопрос в Лигу Наций, а затем последовали долгие и сложные переговоры, в исходе которых шах уступил и смягчил свои требования. В апреле 1933 г. было подготовлено новое соглашение: площадь концессии уменьшилась на 3/4, Иран добился права на фиксированный доход от продажи каждой тонны нефти (что защищало доходы государства от колебаний цен) и 20-процентную долю в распределяемой прибыли компании-концессионера, а в дополнение к этому — ежегодный бонус в размере 750 тыс. фунтов ст., обещание пересчитать отчисления от прибыли за 1931—1932 гг. и замену иностранного персонала местным. Англо-персидская компания могла удовлетвориться тем, что в целом, все-таки, сохранила свои позиции и получила продление концессии еще на 30 лет — до 1993 г.[527]

В следующие два десятилетия в истории Ирана произошли не менее драматические коллизии, связанные с его нефтяными богатствами. В 1942 г. из-за отказа шаха предоставить территорию страны для размещения сил антигитлеровской коалиции Иран был оккупирован войсками Великобритании и СССР; сам Реза Пехлеви был свергнут и на монарший престол возведен его сын Мохаммед. Операция «Согласие» («Countenance»), проведенная союзниками, имела целью обеспечить безопасность иранских нефтепромыслов и железных дорог. Союзные войска находились в Иране до мая 1946 г. В послевоенный период, к началу 1950-х годов, в стране резко обострилась внутриполитическая ситуация, в основе чего лежало недовольство деятельностью иностранного нефтяного бизнеса, а точнее говоря — одиозной, в глазах иранцев, британской компании. Соглашение 1933 г. утратило свою

---

[525] Цитируется по тексту исторической справки: History of BP. Early history // About BP. — BP Global • URL: http://www.bp.com/sectiongenericarticle.do?categoryId=9014441&contentId=7027521 [2013-06-14].

[526] Karshenas M. Oil, State and Industrialization in Iran. — New York, NY: Cambridge University Press. — P. 82.

[527] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 287—289.

актуальность: с одной стороны, опять увеличился разрыв между доходами Англо-иранской компании и государства, что подталкивало правительство к пересмотру прежних договорных условий; а с другой стороны, нараставшая нестабильность вынуждала саму компанию идти на компромисс с властями, чтобы сохранить контроль над нефтедобычей, годовые объемы которой уже превысили 30 млн т. Однако на этот раз, в отличие от аналогичного конфликта 20-летней давности, ситуация раскалилась настолько, что в ход пошли броские политические лозунги, созвучные тем, с которыми в 1938 г. шла к национализации своей нефтяной индустрии Мексика: *«пусть иранскую нефтяную промышленность лучше разрушат атомной бомбой, чем она останется в руках "Англо-иранской компании"»*.[528] Из-за раскола в иранских «верхах» не удалось даже провести выдвинутый компанией вариант соглашения «пятьдесят на пятьдесят», и события продолжили развиваться по экстремальному сценарию.

В марте 1951 г. меджлисом принимается решение о национализации нефтяной промышленности; премьер-министр Ирана, выступивший против этого шага, вскоре убит радикальным исламистом; назначенному премьером Мохаммеду Мосаддыку поручено исполнение закона о национализации. Учреждается Национальная нефтяная компания, которой отходят все активы в нефтедобыче и нефтепереработке; иностранные специалисты выдворяются из страны. В ответ Англо-иранская компания расторгает все ранее заключенные соглашения и организует эффективный международный бойкот в отношении поставок иранской нефти; правительство Великобритании «замораживает» стерлинговые активы Ирана и пытается опротестовать решение о национализации в Международном суде ООН в Гааге. Добыча нефти в Иране стремительно падает практически до нуля; шах безуспешно пытается отправить Мосаддыка в отставку; по причине экономических бедствий политическая обстановка в стране продолжает накаляться, усиливаются антишахские и антибританские настроения; правительство Ирана разрывает отношения с Великобританией и идет на сближение с СССР; Мосаддык добивается для себя чрезвычайных полномочий, выдворяет шаха из страны и фактически узурпирует власть. В августе 1953 г. иранские военные совершают государственный переворот, инспирированный спецслужбами США и Великобритании (по секретному плану с кодовом названием «Аякс», стоившему миллион долларов), и свергают Мосаддыка; шах возвращается в страну и после этого сохраняет за собой всю полноту власти вплоть до Исламской революции 1979 г.[529] И в течение всего этого времени шахский Иран остается одним из наиболее надежных союзников «первого мира» в Азии.

К концу 1954 г. правительство Ирана урегулировало свои отношения с иностранным нефтяным бизнесом и заключило новое соглашение — но уже не с одной какой-то корпорацией, а с Международным нефтяным консорциумом (МНК), ведущую роль в котором играли British Petroleum Company, Royal Dutch Shell и пятерка американских гигантов во главе со Standard Oil of New Jersey (будущей Exxon).[530] «Консорциум для Ирана» был создан по рекомендации Госдепартамента США, которую Британия

---

[528] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 479.

[529] Oil Nationalization, 1949—1951 // History of Iran. — Iran Chamber Society • URL: http://www.iranchamber.com/history/oil_nationalization/oil_nationalization.php [2013-06-14].
A short account of 1953 Coup. Operation code-name: TP-AJAX // History of Iran. — Iran Chamber Society • URL: http://www.iranchamber.com/history/coup53/coup53p1.php [2013-06-14].

[530] С тех пор вошло в обиход название «Семь сестер», обозначавшее группу ведущих нефтяных компаний англосаксонского происхождения, которые вплоть до энергетического кризиса 1973 г. контролировали более 80% мировой добычи нефти. Считается, что термин был придуман тогдашним президентом итальянской компании ENI, не допущенной к участию в МНК и в разделе «иранского нефтяного пирога». — См.: Seven Sisters (oil companies). — Wikipedia. The Free Encyclopedia • URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Seven_Sisters_(oil_companies) [2013-06-14].

не смогла проигнорировать из благодарности за американскую помощь в борьбе с «нефтяным национализмом» Мосаддыка. Иранское соглашение с МНК было рассчитано на 25-летний период и имело формат «пятьдесят на пятьдесят», ставший своего рода стандартом после венесуэльского прецедента 1943 г. и его распространения на ближневосточные концессии в начале 1950-х годов. Тем самым закон о национализации фактически был обойден, но полностью обойти Иранскую национальную нефтяную компанию стало уже невозможно и консорциум обязался действовать «от имени и по поручению» ННК, хотя последняя и не получила право финансового контроля и участия в управлении концессиями. В течение трех лет добыча нефти в стране была восстановлена и достигла уровня, предшествовавшего национализации. Но все же, с точки зрения Ирана, условия соглашения с МНК были значительно менее благоприятными по сравнению с теми предложениями, что делались правительствами США и Великобритании в период кризиса отношений и были отвергнуты Мосаддыком. В 1957 г. принят первый иранский закон о нефти, согласно которому новые проекты в нефтедобыче стали осуществляться в формате совместной деятельности ННК и иностранных компаний при равном распределении долей участия. С учетом паритетного раздела прибыли и 50-процентного налога на доходы иностранных участников прежняя формула «50:50» таким образом трансформировалась в более выгодную для Ирана формулу «75:25».[531] Следует отметить, что одно из наследий Мосаддыка — национализация нефтяных ресурсов — позволяла иранским властям проявлять сравнительную гибкость: сотрудничать не только с МНК, но и с независимыми «игроками», а также занимать относительно твердую позицию в вопросах распределения доходов.

Иными словами, ничто не проходит напрасно, в том числе и вспышки ресурсного национализма. Иранские уроки оказались полезными и для нефтеэкспортирующих государств «третьего мира» (включая сам Иран), и для международного нефтяного бизнеса, и для правительств стран «первого мира». Утвердился новый, довольно стабильный, формат взаимодействия в освоении ресурсов нефти, который отражал изменившийся расклад сил между «мирами». «Третий мир», оставаясь в зависимости от «первого», тем не менее, уже не хотел слепо подчиняться интересам более сильных партнеров, а для тех, в свою очередь, стало правилом хоть в какой-то степени учитывать объективные интересы своих «младших собратьев» и подобающим образом относиться хотя бы к не слишком радикальным проявлениям «ресурсного национализма». Сложившийся порядок продержался без малого 20 лет — до начала 1970-х годов, когда не только была отвергнута формула «пятьдесят на пятьдесят», но и ушел в небытие полный эксплуатационный контроль западных корпораций над процессами освоения ресурсов в основных нефтеэкспортирующих странах. Упреждая кризис 1973 г., в нефтяной промышленности «третьего мира», которая в значительной степени консолидировалась в рамках ОПЕК, началась «эпоха участия», а с ней — очередной виток «ресурсного национализма» и борьбы за реальную экономическую и политическую независимость.

Троекратное проклятие институтов

Исторические уроки показывают, что теория «ресурсного проклятия», по-видимому, все же права в попытках найти истоки проблем медленного экономического роста ресурсных стран в институциональной сфере. Неправомерным представляется зачастую чрезмерное сужение области поиска по принципу «здесь и сейчас», т.е. в сфере национальных экономических и общественно-политических институтов отдельных стран на коротких

[531] Oil Bill and Company Agreements // About NIOC. Our History. — National Iranian Oil Company • URL: http://en.nioc.ir/Portal/Home/Default.aspx?CategoryID=f398bd54-e170-44e9-a841-710c6c92b3a0&TabNo=8 [2013-06-14].

отрезках времени, когда непосредственно проявлялось «проклятие». Довольно редки случаи, когда авторы признают, что страны, зависимые от нефти или освоения других сосредоточенных природных ресурсов, возникают не на пустом месте, а на той основе, которая сложилась в период предшествующего развития: *«Petro-states are built on what already exists»*.[532] В неявном виде предполагается, что страны, подверженные «проклятию», свободны в выборе путей своего экономического прогресса и в вопросах построения национальных институтов. Но в действительности подавляющее большинство развивающихся государств, несмотря на свою формальную суверенность, находились и продолжают находиться в экономической и политической зависимости от более сильных партнеров — промышленно развитых стран мира. Указанная зависимость самым непосредственным образом отражается на процессе формирования национальных институтов, которые во многом являются «продуктами» внешнего воздействия. Однако из числа внешних факторов теория «ресурсного проклятия» обычно выбирает взаимодействие с глобальными рынками, акцентируя внимание на неустойчивости сырьевых рынков, что только усиливает «проклятие ресурсов». При этом более общие экономические и политические аспекты, вытекающие из сложившегося миропорядка и закономерностей взаимодействия между «мирами», как правило, упускаются из виду или должным образом не исследуются.

Экономика «первого мира» для своего полноценного функционирования нуждается в разного рода придатках — сырьевом, рыночном, трудовом, пространственном, технологическом, финансовом. Роль этих придатков исполняют страны и территории «третьего мира» и в значительной степени — «второго», который сохранился в лице России, несмотря на распад СССР и мировой социалистической системы.

В минувшем столетии примерно до 1970-х годов экономика «первого мира» в наибольшей степени нуждалась в сырьевом придатке и чуть меньше — в рыночном. Это служило толчком для быстрого экономического развития ресурсно избыточных стран Латинской Америки, Азии и Африки, которые «давали» ресурсы и «брали» от экономики «первого мира» обработанную продукцию, включая все то, что требовалось для добычи полезных ископаемых. Основными рыночными придатками являлись азиатские страны с большой численностью населения (Китай, Индия, Индонезия и др.), которые «справлялись» с возложенной на них ролью главным образом благодаря демографическому фактору, а не собственному экономическому росту. Затем предпочтения «первого мира» изменились, что было связано, вероятно, с двумя наиболее значимыми обстоятельствами. С одной стороны, произошла качественная трансформация в экономике промышленно развитых стран, которая выразилась в повышении эффективности использования сырьевых и энергетических ресурсов, удорожании собственных трудовых ресурсов и в исчерпании экологической емкости собственных территорий, в усилении дисбаланса между производственным потенциалом и размерами внутреннего спроса. С другой стороны, заметно окрепли позиции стран-экспортеров сырья (прежде всего — нефти) в экономическом и политическом диалоге с «первым миром» на фоне его растущей зависимости от импорта ресурсов. Поэтому замедление экономического роста ресурсных стран оказалось как нельзя кстати.

Таким образом изменилось соотношение потребностей экономики «первого мира» в придатках — ослабла относительная значимость сырьевого и резко усилилась роль всех остальных. Разросшейся экономике, которая уже переходила в фазу постиндустриального развития, стали насущно необходимы новые достаточно емкие рынки сбыта продукции и услуг, новые территории для размещения производств базовых отраслей промышленности (например, многотоннажной нефтехимии), дешевая рабочая сила с умеренно высоким

[532] Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. — Berkeley, CA: University of California Press, 1997. — P. 74.

уровнем квалификации для производства трудоемкой продукции. Собственный труд в экономически развитых странах стал слишком дорог и слишком капризен: в условиях достижения высокого уровня жизни предпочтения людей все больше смещались от материальных благ к нематериальным, включая качественные характеристики трудового процесса и возможности для личностной самореализации. У «первого мира» обострился интерес к развивающимся странам с большой численностью населения и занимающим удобное территориальное положение для размещения базовых промышленных производств, в том числе, характеризующихся повышенным уровнем трудоемкости и экологической нагрузки. Вероятно, именно в этом прежде всего кроется секрет «экономических чудес», совершенных в 1970-х—1990-х годах Кореей, Сингапуром, Гонконгом, Тайванем, а не сам по себе тот факт, что эти страны не располагают значительными сырьевыми ресурсами. Быстрый рост отдельных азиатских экономик (начиная еще с японской) с их последующим переходом на рельсы постиндустриального развития и присоединением к «первому миру» был этому миру выгоден и потому состоялся. Точно также сегодня «первый мир» находит серьезные выгоды в экономическом подъеме Китая и Индии, располагающих быстро растущими («почти необъятными») внутренними рынками и относительно дешевой рабочей силой.

Ресурсно избыточные страны, даже наиболее преуспевающие и политически лояльные, просто не в состоянии удовлетворить изменившиеся потребности «первого мира», с одной стороны, из-за своего довольно небольшого населения, а в случае богатых стран — и высокой степени насыщения внутреннего спроса; — а с другой стороны, по причине незаинтересованности «первого мира» в их дальнейшем усилении и в глубокой диверсификации национальных экономик, которая может привести к еще большей самостоятельности и расширению сфер влияния (т.е. за пределами мирового сырьевого рынка). Соответственно, в орбиту относительно быстрого экономического роста были вовлечены многие другие страны «третьего» мира. Однако указанный рост опирается не столько на внутренние факторы, сколько на интерес и обновившиеся потребности «первого мира», в том числе, на его желание не допустить чрезмерного возвышения тех государств, которые и так уже довольно высоко поднялись в своем развитии благодаря ресурсно-сырьевому изобилию.

Примерно в последней трети XX столетия у экономики «первого мира», точнее говоря у различных бизнес-структур ее составляющих, появилась потребность в специфических финансовых придатках — территориях с льготным налогообложением, «оффшорах». Данную функцию в основном стали выполнять островные карликовые государства и административные территории, многие из которых принадлежали к «третьему миру» и к настоящему времени выдвинулись в число мировых лидеров по статистическому показателю уровня экономического развития — величине среднедушевого ВВП. Нередко «оффшоры» являются по совместительству туристическими центрами и зонами игрового бизнеса, как например, Макао; в оффшорном бизнесе подвизается и ряд миниатюрных нефтедобывающих стран (Бруней, Бахрейн, ОАЭ). Но было бы большой неосторожностью считать именно эти номинально богатые страны и территории лицом «третьего мира» — из-за их мизерной доли в общей численности населения и в суммарном ВВП.

Основу экономики «третьего мира» составляли и составляют страны с развивающейся реальной экономикой, включая ресурсный и обрабатывающий секторы. Соотношения в темпах роста экономик разного типа в разные периоды времени определяется множеством факторов, ключевым из которых, по-видимому, является заинтересованность «первого мира». Поэтому над всем «третьим миром» висит проклятие зависимости от «сильных мира сего», которое для стран, богатых природными ресурсами принимает форму «ресурсного проклятия». Это удобно для «первого мира», так как позволяет переключить внимание с подлинных причин, тормозящих экономическое развитие тех или иных стран, на действие неких видимых и, казалось бы, объективных факторов (интересно, о каком проклятии будут

говорить, когда затормозится нынешний рост экономик удачливых несырьевых стран «третьего мира»?). За последние 100 лет «третий мир» в целом, по большому счету, даже не приблизился к «первому» по уровню экономического развития, а повезло лишь отдельным счастливчикам, среди которых есть и ресурсно обеспеченные и несырьевые государства. Однако их наберется, от силы, десятка полтора—два, тогда как все остальные по-прежнему находятся на нижних ступенях социально-экономического развития.

Типичные проявления «ресурсного проклятия», включая погоню за рентой, застой или даже деградацию институтов, авторитаризм властей, рост государственных долгов и симптомы «голландской болезни», поразили многие страны «третьего мира» задолго до начала освоения крупных сырьевых источников и независимо от наличия или отсутствия таковых. Поэтому гораздо уместнее говорить не о «ресурсном проклятии» в известных формулировках соответствующей теории, а в более широком понимании проблемы — о своего рода «троекратном проклятии институтов», связанном с экономической отсталостью преобладающего числа стран и территорий мира и реальным неравноправием в рамках сложившегося миропорядка. В таком понимании вряд ли главную роль можно отвести несовершенству национальных институтов, имеющих место в ресурсных странах (в более общем случае — в подавляющем большинстве развивающихся стран). Качество данных институтов находится в слишком сильной зависимости от внешних по отношению к ним факторов, выражающихся в несовершенстве институтов взаимодействия между странами с различным уровнем экономического развития и, как ни странно это прозвучит, в несовершенстве национальных институтов экономически развитых государств.

Плохие национальные институты бедных стран (с низким уровнем экономического развития) в действительности не обусловлены наличием или отсутствием сосредоточенных природных ресурсов, а представляют собой продукт предшествующего исторического развития с дискретным переходом из одного (колониального) состояния к другому (государственной независимости). При этом обычно не происходит сопоставимой по скорости качественной трансформации всей совокупности национальных институтов — они сохраняют, особенно в неформальной своей составляющей, многие черты институтов колониального типа, неадекватные изменившимся условиям. Прогресс национальных институтов в странах, обретающих формальную политическую независимость, натыкается на множество препятствий, связанных с действием внутренних и внешних факторов. Как следствие, институциональное развитие входит в состояние стагнации (тормозящее или дестабилизирующее экономический рост), которое может растягиваться на длительные, измеряемые десятилетиями, периоды времени. Все это хорошо видно на примере стран Латинской Америки, бывших колоний, которые в числе первых стали независимыми государствами и в числе первых непосредственно столкнулись с так называемым «ресурсным проклятием». Но, пожалуй, наиболее яркую иллюстрацию подобного несовершенства институтов дают африканские государства, возникшие во второй половине XX века в результате окончательного распада «колониальной системы империализма».

Принято считать, что едва ли не «образцово-показательные» проявления «ресурсного проклятия» характерны для Анголы и Нигерии — двух нефтедобывающих стран «Черной Африки», входящих в состав ОПЕК. Причем Нигерия по своему экономическому развитию лишь в последние 7—8 лет смогла хоть немного приподняться над уровнем беднейших стран мира. В своей еще недолгой постколониальной истории оба государства успели пережить диктаторские режимы, приступы сепаратизма и острейшие внутриполитические столкновения (в том числе — на межэтнической основе), выливавшиеся в кровопролитные гражданские войны. Нигерийская коррупция, ставшая притчей во языцех, давно превратилась в подлинное национальное бедствие, хотя в последние годы «банановo-алмазно-нефтяная» Ангола по злоупотреблениям и лихоимству властей, похоже, превзошла

Нигерию, равно как и большинство других африканских стран.[533] Остается, собственно говоря, понять, в какой мере многочисленные социально-экономические и политические проблемы Анголы и Нигерии связаны с ресурсами? Если б не было нефти, смогли бы Ангола и Нигерия развиваться более гармонично во всех отношениях? Думается, что нет, если принять во внимание колониальную предысторию этих государств.

Европейские державы, включая Британию и Португалию, в период колониальных захватов и последующих переделов заморских владений чертили границы на африканском и других континентах по своему усмотрению — по принципу «от захваченного» или согласно междержавным соглашениям, — практически не сообразуясь с естественными этническо-географическим межеванием территорий. На стадии деколонизации в этих искусственно установленных границах образовывались эклектичные независимые государства с пестрым этнокультурным и конфессиональным составом, что изначально обрекало новые страны на усложнение административно-территориального устройства, разнообразные внутренние (междоусобные) и внешние конфликты, перераставшие в политическую борьбу, подогреваемую явным и скрытым зарубежным вмешательством.

В 1970-х—1980-х годах после ухода португальцев Ангола являла собой типичный плацдарм, на котором столкнулись интересы социализма и капитализма в борьбе за влияние на «третий мир», а враждовавшие между собой ангольские военно-политические группировки опирались на советско-кубинскую, с одной стороны, и американскую поддержку, с другой. Британия «заложила мину» под нигерийскую государственность — нисколько не заботясь о внутренней политической интеграции колонии и формально закрепив раздел на три региона по типу федерации. Получив независимость в 1960 г., *«Нигерия представляла собой государство, состоявшее из трех этнокультурных зон, которые не имели общей истории политического сосуществования или же опыта раздела властных полномочий без участия внешнего арбитра»*. [534] Собственно говоря, в этом и состоит фундаментальная причина всех последовавших конфликтов, включая сепаратистско-центристские, разжиганию которых способствовали «внешние игроки», заинтересованные в получении доступа к источникам нигерийской нефти и в максимизации своих доходов от ее добычи. Привычная же потребность во «внешнем арбитраже» стала предпосылкой для бесконечных военных переворотов, происходивших при любом ухудшении политической и социально-экономической обстановки. Приходя к власти, военные проводили «политический арбитраж», которым ранее занимались колониальные администрации, и тем самым на какое-то время стабилизировали положение в стране.

Пренебрежение «первого мира» к исторически сложившимся границам и ареалам влияния тех или иных народов при проведении деколонизации можно увидеть не только на африканском примере. После Первой мировой войны власти Ирана выражали недовольство созданием Иракского королевства, которое полагали искусственным, надуманным государственным образованием. В составе Ирака были объединены разнородные территории с арабским и курдским (близким по происхождению к иранцам) населением, что изначально создавало почву для межнациональных конфликтов. После свержения диктатуры Хусейна и установления демократии Ирак фактически развалился на две части, одной из которых стал полунезависимый Иракский Курдистан. При Хуссейне и до него Ирак считал своим продолжением территорию Кувейта,

---

[533] Corruption Perceptions Index — 2012. — Transparency International. The Global Coalition Against Corruption, 2012 • URL: http://cpi.transparency.org/cpi2012/ [2013-06-14].

[534] Добронравин Н.А., Илянин В.В., Маслов А.А. Зигзаги непредсказуемого развития: Нигерия, Ангола, «нефтяные эмираты» Гвинейского залива // В кн.: Нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания — СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. — С. 231 • URL: http://www.seinstitute.ru/Oil.htm [2013-06-14].

отторгнутую Британией ради собственных корыстных интересов, и не единожды пытался вернуть утерянные земли (последний раз — в 1990 г.). Искусственные границы ближневосточных государств, расчерченные с помощью великих держав, служат причиной постоянно тлеющих конфликтов, уходящих корнями в прошлое, как например, пограничные споры между Йеменом и Саудовской Аравией, которые длятся уже более 90 лет, а начинались с 15-летней междоусобной войны.[535] За всем этим нетрудно увидеть… нефть, а точнее говоря, настойчивое желание стран «первого мира» облегчить себе доступ к источникам ближневосточной нефти с использованием старого и хорошо проверенного колониального принципа «разделяй и властвуй».

Что же касается нефти, активные разработки которой в странах «Черной Африки» начались в середине 1960-х годов, то вплоть до настоящего времени она образует своего рода «ресурсный эксклав» по отношению к большинству национальных экономик региона. Ключевую роль в освоении ресурсов углеводородного сырья играют крупнейшие международные корпорации (Exxon, Shell, BP, Total и др.), работающие на условиях СРП или в рамках совместных предприятий с ННК, которые были образованы в 1970-х годах и формально обладают всеми правами на ресурсы. По самым скромным оценкам, до 95% выручки от экспорта нефти из государств «Черной Африки» теми или иными путями уходит в США и в бывшие европейские метрополии, т.е. в страны, которую эту нефть импортируют. Только 5% дохода непосредственно используется на развитие региона: например, в 2006 г. сумма общественно-полезного дохода оценивалась в 5 млрд долл. из 100 млрд долл. экспортной выручки.[536]

Можно сколь угодно говорить о коррупции и злоупотреблениях местных властей, хищениях и нефтяной контрабанде — проявлениях «ресурсного проклятия», ведущих к социально-экономической деградации, — но это никак не опровергает факт зависимости от «первого мира», куда по большей части утекают доходы от освоения природных ресурсов африканских стран. Данная зависимость решающим образом предопределяет пропорции и формы распределения доходов, стимулируя коррупционные и нелегитимные механизмы, которые иностранным компаниям зачастую оказываются более выгодными, нежели прозрачный и справедливый раздел ресурсной ренты. Как следствие, нефтяное и прочее подобное изобилие мало что дает для социально-экономического развития стран, владеющих ресурсам, а общий положительный эффект оказывается слишком незначителен, чтобы компенсировать негативные проявления, связанные с несовершенством институтов.

Можно еще раз обратить внимание на то, что наличие или отсутствие ресурсов не оказывает принципиального воздействия на характер социально-экономического развития стран «третьего мира». На африканском континенте найдется гораздо больше примеров нересурсных стран, нежели ресурсных, страдающих теми же самыми недугами, что Нигерия или Ангола, и находящихся на такой же или даже более низкой ступени национального благосостояния. Нет даже смысла перечислять все подобные страны — достаточно лишь упомянуть о Камеруне, который при разграничении акваторий и территорий оказался обделенным нефтяными ресурсами и нередко приводится в качестве контрпримера, иллюстрирующего спасение от «нефтяного проклятия».[537] На самом деле, никаких особых успехов за свою полувековую постколониальную историю «благословенный» Камерун

---

[535] Кирсанов Е.Е. Йемен и Саудовская Аравия: заклятые друзья // Публикации Института Ближнего Востока. — 6 янв. 2009 • URL: http://www.iimes.ru/?p=7968 - more-7968 [2013-06-14].

[536] Добронравин Н.А., Илянин В.В., Маслов А.А. Зигзаги непредсказуемого развития: Нигерия, Ангола, «нефтяные эмираты» Гвинейского залива // В кн.: Нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания — СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. — С. 224—225 • URL: http://www.seinstitute.ru/Oil.htm [2013-06-14].

[537] Там же, с. 224.

не добился: в 1961—1986 гг. среднедушевой ВВП (в расчете по ППС) вырос в 2,2 раза[538]; после этого — на четверть века (!) — экономический рост в стране прекратился напрочь; в 2010 г. по величине паритетного ВВП на душу населения (2 тыс. долл. 2005 г.) Камерун находился приблизительно на одном уровне с Нигерией и в 2,5 раза отставал от Анголы.[539] Без малого 30 лет — вопреки конституционным нормам — страной правит один и тот же президент-диктатор Поль Бийя, регулярно избираемый подавляющим большинством голосов, а по уровню коррупции Камерун располагается между Нигерией и Анголой. У Камеруна нет нефти и газа, но при этом нельзя сказать, что он избежал какого-то таинственного «проклятия». Какого именно? Вероятно, речь должна идти о «проклятии институтов», связанном с прежней колониальной и современной экономической зависимостью.

Главным внешним фактором, препятствующим институциональному развитию стран «третьего мира», является их экономическая зависимость (перерастающая в неформальное политическое подчинение) от «первого мира». Причем державы «первого мира» тщательно культивируют, стараются поддерживать и — по возможности — усиливать эту зависимость, рассматривая ее в качестве одного из главных инструментов для достижения своих интересов. Таким образом зависимость из некоей объективной данности, обусловленной «простым» неравенством в уровне экономического и общественно-политического развития, превращается в неформальный и весьма стабильный институт (систему неформальных правил), опосредующий и регулирующий взаимоотношения между «мирами». «Первый мир» просто не мыслит для себя возможность экономического взаимодействия с «третьим миром» на какой-то равноправной основе, без установления отношений подчиненности «младшего» «старшему», поддерживать которые можно лишь при условии серьезного несовершенства национальных институтов экономически зависимых стран. Между державами «первого мира» де-факто существует полное взаимопонимание по данному вопросу и молчаливое согласие не нарушать сложившиеся правила игры — в общем и целом, за исключением отдельных случаев, когда происходит обострение «внутрикоалиционной» конкуренции, например, из-за доступа к ресурсам тех или иных стран «третьего мира».

Институциональная дефектность экономико-политического взаимодействия между «мирами» вскрывает несовершенство, понимаемое в глобальном масштабе, собственных институтов самих стран «первого мира». Оказывается, те образцово хорошие институты, которые сложились в развитых государствах и которые основаны на ценностях демократии и рыночной экономики, предназначены лишь для «внутреннего употребления» — на процессы формирования отношений с «третьим миром» их действие не распространяется. Во взаимодействиях с «третьим миром» абсолютно не требуется ни эквивалентность экономического обмена (в основе которой лежит конкуренция), ни достижение каких-то справедливых компромиссов, ни соблюдение разумного паритета издержек и выгод, ни обеспечение рационального ресурсопользования, ни стремление к высоким стандартам экологической безопасности и социальной защиты населения. Зато требуется умение с выгодой для себя использовать собственное политико-экономическое, финансовое и, что в настоящее время стало наиболее существенным, технологическое превосходство над «третьим миром», не позволяя последнему сколько-нибудь всерьез приблизится по уровню развития. Институты «первого мира» отнюдь не предназначены для выравнивания в соотношении сил между «мирами». При этом имеет место некая видимая отстраненность экономически развитых держав от проблем «третьего мира», который самостоятельно должен нести ответственность за несовершенство своих

[538] Avakov Alexander V. Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. — New York: Algora Publishing, 2010.

[539] World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

институтов — если они плохи, то бизнес и власти стран «первого мира» в этом нисколько не виноваты и могут лишь сокрушаться по поводу сложившегося порядка вещей. Теория «ресурсного проклятия», в сущности, оправдывает подобного рода двойные стандарты, которые выявляются в институциональном развитии «первого мира».

Преимущество развитых экономик, «всего лишь» нуждающихся в ресурсах, состоит в том, что для добычи полезных ископаемых и экспорта сырьевых товаров от любой из стран «третьего мира» не требуется столь же высокого качества институтов, как в мире постиндустриальном. Во всяком случае, абсолютно не стоит вопрос о степени демократичности общественно-политического устройства, социально-экономической эффективности государственного управления или о том, насколько цивилизованной и конкурентной является модель национальной экономики. Продвинутые институты, скорее, даже не нужны, поскольку в этом случае значительно возрастает цена доступа к ресурсам. Иностранному бизнесу, обычно представленному крупнейшими корпорациями, выгоднее платить «частную» ренту какому-либо диктатору и отдельным околовластным или этническим элитам, используя для этого разного рода коррупционные механизмы и терпя определенные «моральные неудобства», нежели отдавать справедливую долю ренты действительно независимому демократическому государству с эффективными институтами общественного контроля власти. При этом бизнесу нередко приходится сталкиваться с капризами «частных продавцов» ресурсов, но тут уже все зависит от величины притязаний, ценности объекта продажи, наличия или отсутствия альтернативных фигурантов, с которыми можно вести торг, и других обстоятельств. В крайнем случае, не слишком сговорчивого или зарвавшегося в своих аппетитах диктатора всегда можно устранить силовым путем, благо что в странах с плохими институтами желающие примерить на себя роль каудильо всегда найдутся.

Покуда власти и элиты принимающей ресурсной страны остаются в требуемой мере лояльными к интересам иностранного бизнеса, многочисленные негативные явления, на которые обращает взгляд теория «ресурсного проклятия», приглушаются с помощью зарубежной финансовой помощи и политической поддержки. «Первый мир» может сколь угодно долго «смотреть сквозь пальцы» на любые бесчинства диктаторов и нарушения человеческих прав, на вопиющее социально-экономическое неравенство в ресурсных странах, покуда это не мешает собственным интересам, связанным с обеспечением рынка нефтью, газом, алмазами, металлами и проч. Таким образом возникает эффект «скрытого проклятия», которое становится «явным» лишь тогда, когда та или иная ресурсная страна «третьего мира» предпринимает серьезную попытку выйти из подчинения чужим интересам. Тогда в ход могут пойти экономические и политические санкции (вплоть до вооруженного вмешательства), которые не только подрывают минимальное социально-экономическое благополучие и надежды на лучшее будущее у непокорных стран, но и вытесняют их в ряды «изгоев», провоцируя к изоляционизму, агрессивности во взаимоотношениях с внешним миром и к усилению авторитаризма во внутренней жизни.

Нечто подобное в разные периоды времени происходило с Мексикой, Ливией, Ираком, Ираном, Венесуэлой, которые по воле теории «ресурсного проклятия» стали «жертвами» изобилия ресурсов нефти и газа. Названные страны в своей «донефтяной» истории не отличались особой приверженностью к демократии, поэтому теоретический тезис о негативном влиянии ресурсов на степень демократичности государственного устройства данными примерами, в сущности, не подтверждается. Кроме того в «третьем мире» было и есть немало авторитарных (или не вполне демократических) государств — и в Латинской Америке, и в Азии, и в Африке, — о которых никак нельзя сказать, что они щедро одарены «высоколиквидными» сырьевыми ресурсами. Иными словами, «количество» демократии, скорее всего, не зависит от количества ресурсов — во всяком случае, если рассматривать ситуацию в долговременной тенденции, а не в статике (в тот или иной конкретный момент времени), как это чаще всего делает теория «ресурсного проклятия». Эта довольно

«прозрачная» закономерность, к пониманию которой можно прийти с помощью логико-исторического анализа, формально подтверждается результатами недавних статистических исследований на основе панельных данных, проведенными в Гуверовском институте (Стэнфорд, США). Выводы американских исследователей звучат следующим образом: *«Мы обнаружили, что зависимость от ресурсов не ассоциируется с авторитаризмом. На поверку, полученные результаты позволяют во многих случаях предположить существование "ресурсного благословения"... Полученные нами результаты не подтверждают, что в долговременной тенденции зависимость от нефти и минеральных ресурсов способствует авторитаризму. Если уж на то пошло, все обстоит наоборот. Данные результаты остаются в силе, даже когда мы исследуем массу обусловленных эффектов, предположенных в литературе. Это не означает, что не может быть каких-то специфических случаев, в которых ресурсная рента способствовала бы поддержанию диктатуры. Тем не менее, существует большая разница между указанием на подобные случаи и огульным выводом, претендующим на то, чтобы называться закономерностью» (пер. с англ. автора).*[540]

В сущности, разница между относительно богатыми ресурсными странами и бедными, обделенными ресурсами «высоколиквидного» сырья, зачастую сводится к разнице в личном богатстве диктаторов, чиновников, местных олигархов и проч. По-видимому, выявляется даже некоторое преимущество ресурсных стран, поскольку правящие элитыв данном случае могут несколько более щедро делиться с населением той рентой, которую они присваивают. В определенные периоды времени значительная часть рентных доходов может тратиться государством — пусть и авторитарным — на развитие национальной промышленности, инфраструктуры, сфер образования и здравоохранения, массовое строительство жилья, повышение заработной платы и социальное обеспечение. Это нельзя объяснить одним лишь популизмом и стремлением авторитарных правителей откупиться от народа, чтобы упрочить свое властное положение. Скорее всего, имеет место гораздо более сложное переплетение объективных и субъективных обстоятельств; специфического понимания национально-государственных целей, политических принципов, идеологии и мировоззрения; личностных качеств, властных амбиций и меркантильных интересов. Даже в отношении таких одиозных диктаторов, как Хуссейн и Каддафи, вряд ли можно сказать, что их деятельность была обусловлена только стремлением к неограниченной власти и собственному обогащению. В противовес названным именам можно вспомнить не менее одиозные и кровавые фигуры парагвайских (Стресснер), гаитянских (Дювалье), доминиканских (Трухильо), аргентинских (Видела), камбоджийских (Пол Пот), либерийских (Тейлор), угандийских (Иди Амин) и прочая диктаторов, включая испанских (Франко) и португальских (Салазар, Каэтану).

Отношение «первого мира» к авторитаризму в развивающихся странах весьма любопытно. К примеру, деяния Хуссейна, Каддафи и Чавеса вызывают праведный гнев у общественности и правительств демократических государств, но они же с «пониманием» относятся к политическим режимам нефтяных монархий в регионе Персидского залива, никогда не отличавшихся демократизмом. «Первый мир» негласно спонсирует и снабжает оружием «проклятые» авторитарные страны, если те начинают конфликтовать друг с другом, как было во время Ирано-иракской войны 1980—1988 гг., когда обе воюющие стороны через «третьи руки» получали финансовую и военно-техническую помощь от США и европейских стран. Причем в отношении исламско-республиканского Ирана это делалось в обход введенного западными странами оружейного эмбарго и привело к политическому скандалу, известному как «Ирангейт» или «Иран-контрас» (Iran-Contra), поскольку выручка

---

[540] Haber S., Menaldo V. Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse // American Political Science Review. — Feb. 2011. — Vol. 105, Issue 1. — P. 1—26 • URL: https://iriss.stanford.edu/sshp/haber [2013-06-14].

от продажи оружия Ирану, затем использовалась для финансирования так называемых «контрас» — повстанцев в Никарагуа, — и снова несмотря на запрет американского конгресса.[541]

Борьба «первого мира» с «нефтяными диктатурами» порой имеет странный характер. В начале 1990-х годов в ответ на политические репрессии в Нигерии против этой страны были введены экономические санкции со стороны США и Евросоюза, приведшие к окончательному коллапсу национальной экономики. В частности, объемы переработки нефти на нигерийских заводах (а нефтепереработка — это «больная тема» для многих нефтеэкспортирующих стран) сократились в 2,5 раза, тогда как еще в 1990 г. в стране производилось почти 13 млн т нефтепродуктов и по этому показателю Нигерия занимала пятое место в Африке после Египта, Алжира, Ливии и ЮАР (кстати, превосходя Кувейт, Бахрейн и ОАЭ). В 1990 г. Нигерия экспортировала почти 3 млн т нефтепродуктов, а 10 лет спустя превратилась в нетто-импортера с объемом свыше 6 млн т.[542] Санкции практически не затронули нефтедобывающую отрасль — западные компании заявили, что они вне политики и продолжали качать и вывозить нигерийскую нефть, попутно решая вопрос о крупнейшем газовом проекте с инвестициями в 4 млрд долл.[543]

Судя по всему, нефть сто́ит дороже демократии — во всяком случае, когда дело касается стран-производителей, не слишком настаивающих на собственной независимости от «первого мира» и не пытающихся отстаивать свои интересы с помощью «нефтяного оружия».

В контексте взаимодействий между «мирами» выявляется проблема, заключающаяся в несовершенстве механизмов институционального обмена. Если принять за исходную данность, что в странах «третьего мира» институты по большей части плохи или недостаточно развиты, а государства «первого мира» располагают хорошими институтами, то возникает вопрос: почему для обеспечения устойчивого роста и «гармонизации» глобального социально-экономического развития не удается наладить «экспорт» хороших институтов из «первого мира» в «третий» (равно как и в страны с переходной экономикой или догоняющего развития вообще)? Почему «первый мир» оказывается не в состоянии помочь «третьему» в формировании хороших институтов, которые позволили бы избежать всяческих «проклятий»?

В одной из работ В.М. Полтеровича специальным образом исследуется проблема трансплантации институтов и систематизируются причины неудач, которые нередко имеют место в указанном процессе и выражаются в разного рода дисфункциях, нежелательных мутациях и даже — в отторжении трансплантируемых институтов, — что в конце концов приводит к неудовлетворительным результатам экономико-институциональных реформ и к замедлению экономического роста в странах-реципиентах.[544] При всей обстоятельности анализа проблемы и сделанных выводов, с которыми трудно не согласиться, в исследовании, по-видимому, есть один принципиальный недостаток, связанный с неявным исходным посылом о независимости реципиента и его свободе выбора в отношении доноров, институтов-трансплантатов, политики реформирования и технологий проведения трансплантации. Зависимость реципиента от внешних обстоятельств рассматривается

---

[541] Никонов В.А. Афера «Иран-Контрас». М.: Изд-во МГУ, 1987.

[542] Energy Statistics Of Non-OECD Countries. 2011 Edition. — Paris: International Energy Agency (OECD/IEA), 2011 • URL: http://www.iea.org/.

[543] Ситуация в Нигерии. Ирака из Нигерии пока не получается // Коммерсантъ. — 16 нояб. 1995 • URL: http://www.kommersant.ru/daily/1629 [2013-06-14].

[544] Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 24—50 • URL: http://ecsocman.hse.ru/ecr/msg/16710957.html [2013-06-14].

в узком аспекте, затрагивающем особенности предложения на рынке институтов и посредничества в процессе трансплантации. При этом совершенно упускается из виду вопрос о заинтересованности доноров, каковыми обычно являются государства «первого мира», в успехе трансплантации. В более широком смысле вопрос можно сформулировать так: заинтересован ли «первый мир», как целое, в устранении институциональных несовершенств «третьего мира»? Выгодно ли это «первому миру», а если невыгодно, то готов ли он поступиться своими интересами ради блага 80% населения Земли?

К сожалению, исторический опыт и современная действительность показывают, что «первый мир» весьма далек от альтруизма по отношению к менее развитым странам и допускает возвышение последних до собственного уровня экономического развития лишь в отдельных, исключительных случаях, т.е. лишь тогда, когда это выгодно ему самому. Впрочем, заинтересованность «первого мира» в ускоренном экономическом росте отдельных догоняющих стран может быть добровольной, как, например в случае с Японией, Кореей, Тайванем и в некоторых других, а может быть вынужденной — как это сейчас имеет место в отношении Китая. Не имея достаточных возможностей остановить китайский рост, «первый мир» вынужден с ним считаться и искать в нем свои выгоды. Хотя возможно, что «первый мир» еще не до конца отдает себе отчет в том, чем может обернуться для него появление нового полюса, нового очага глобального влияния, вызванного подъемом Китая, который фактически стал неким «особым миром» в рамках современного миропорядка. Китай — это уже не часть «второго» или, тем более, «третьего мира», но еще и не часть «первого»; не исключено, что Поднебесная вовсе и не горит желанием просто влиться в состав «первого мира», а движима более амбициозными и в чем-то более прагматичными намерениями сделаться альтернативным «центром мироздания».

Что же касается ресурсных стран и их альянсов («функционально-политических», наподобие ОПЕК, или территориальных), то позиция «первого мира» по отношению к ним выглядит вполне естественной и прозрачной: экономический рост и требующееся для этого развитие институтов должны быть ограничены планкой, гарантирующей надежное обеспечение мирового спроса на сырье и топливо и не более того. Ресурсным странам «третьего мира» социально-экономическое благополучие и хорошие институты нужны лишь в той мере и постольку, поскольку без них может оказаться под угрозой исполнение функций сырьевого придатка. Иное трудно представить. Ведь уже сейчас «третий мир» оказывает сильное влияние на глобальные процессы из-за своего близкого к олигопольному обладания ресурсами. Если в добавок к этому он поднимется до уровня «первого мира» в общем экономическом и технологическом развитии, произойдет радикальное переустройство всего сложившегося миропорядка: «миры» просто поменяются местами. Вполне очевидно, что нынешний «первый мир» не может и не захочет допустить подобного развития событий даже в сверхдолгосрочной тенденции.

Автор далек от мысли о каком-то «вселенско-масонском заговоре» (в духе конспирологических теорий), направленном против стран «третьего мира», прежде всего — богатых «высоколиквидными» природными ресурсами. Позиция «первого мира», в сущности, объясняется инстинктом самосохранения. Но за инстинктивным поведением нельзя не видеть теснейшую координацию — на уровне правительств и бизнеса — в политике ведущих мировых держав, наученных длительным опытом совместного решения проблем по устройству мира и регулированию взаимоотношений между его частями, естественно, к своей выгоде. Для достижения означенных целей выработан довольно широкий спектр разнообразных инструментов, включающий колониальные империи (в прошлом) и «содружества наций», военно-политические блоки и альянсы, двухсторонние и многосторонние соглашения, международные политические и финансовые организации, предпринимательские картели и проч. Выбор средств воздействия гораздо уже и обычно сводится к выбору между «кнутом», теми или иными санкциями, и «пряником» — политической поддержкой, экономической и технологической помощью и т.п. Как правило,

безальтернативным выглядит результат, состоящий в усилении зависимости «третьего мира» от «первого» — независимо от применяемых инструментов (институтов) и рецептов воздействия.

В новейшей истории при лечении хронических и спорадических недугов «третьего мира» все более серьезную опасность представляет собой то, что «первый мир» называет своей «экономической помощью», которая дает лишь кратковременное облегчение, а в итоге заканчивается летальным исходом для национальных экономик. На этом поприще особо «отличился» Международный валютный фонд — *«заносчивый институт, в котором работали около тысячи высококлассных экономистов»*, — превратившийся в своего рода филиал Министерства финансов США, который снабжал кредитами и безнадежными рецептами проведения экономических реформ многие развивающиеся страны, включая Нигерию, Индонезию, Таиланд, Аргентину, Венесуэлу и проч. и проч.

После азиатского финансового кризиса 1990-х годов крах потерпел не только МВФ, но и его неолиберальная идеология, положенная в основу институциональных и экономических преобразований в «подопытных» странах. *«Никогда больше»* стало лозунгом многих правительств, пострадавших от «помощи» МВФ. После выплаты своих долгов в 2003 г. Таиланд заявил о финансовой независимости» от Фонда, пообещав никогда больше не обращаться к его услугам. По этому же пути пошла Индонезия, которая в 1998 г. была вынуждена обратиться к иностранной помощи и принять список из 50-ти реформистских требований. Филиппины отказались брать новые займы у МВФ, а Малайзии удалось избежать такой участи благодаря введению контроля над капиталом в самый разгар кризиса. Главная ученица Фонда — Аргентина — в 2002 г. потерпела банкротство, а в 2006 г., вместе с Бразилией, выплатила все свои долги перед МВФ, чтобы по примеру Таиланда достичь финансовой независимости. Затем Венесуэла заявила о выходе из МВФ и Всемирного банка. Бойкот со стороны крупнейших заемщиков привел к бюджетному кризису Фонда — такова оказалась расплата за «медвежьи услуги» и пренебрежение интересами тех, кому эти услуги предназначались.[545]

Стратегический союз «первого мира» периодически расшатывается внутренней конкуренцией, имеющей тактическое значение и связанной с тем, что его участники тоже далеко неравновелики, неравнозначны и неравноправны. Бизнес и правительства европейских и развитых азиатских государств не всегда готовы мириться с нынешним американским лидерством, точно также как в былые годы не всех устраивало превосходство Британии. В современной истории нефтяной промышленности период обострения конкуренции пришелся на первые послевоенные десятилетия, когда происходил раздел новых источников нефти в Азии и в Африке. Сначала крупнейшие корпорации США начали теснить британский бизнес в борьбе за ближневосточную нефть, а затем независимые европейские (ENI, Agip, Total, Elf) и американские компании (Occidental Petroleum, Western Pacific, Amerada, Phillips Petroleum и др.), обойденные при дележе главного «персидского пирога», кинулись наверстывать упущенное в Алжире, Ливии, Нигерии и в других африканских странах, не забывая, впрочем, и о тех «крошках», что остались в Иране, Саудовской Аравии, Кувейте.

«Дружеское соперничество» между нефтяными компаниями исстари непрестанно перемежается то ссорами, то мировыми соглашениями. Наблюдая за сим, Галуст Гюльбенкян, ставший в первой половине XX века одним из главных «конструкторов» нефтяного бизнеса в Ираке и в Иране, когда-то давно иронизировал: *«Нефтяные бизнесмены подобны кошкам: по их воплям никогда нельзя понять, дерутся они или занимаются*

---

[545] Подборка материалов под рубрикой «Уроки азиатского кризиса» // ПрогнозиΣ. Журнал о будущем. — 2008. — № 1 (13). — С. 192—219 • URL: http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognozi931-113-2008.html [2013-06-14].

любовью». Много позднее в своей книге «Дружелюбный фашизм: Новый облик власти в Америке» Бертран Гросс дополнил это крылатое выражение ремаркой: *«На самом деле, это вопль наживы (пер. с англ. автора)»*. В итоге получилась выразительная, удивительно точная и цельная по смыслу идиома: *«"Oilmen are like cats; you can never tell from the sound of them whether they are fighting or making love." Actually, it is the sound of making money»*.[546] Нечто подобное, по-видимому, характерно и для взаимоотношений между государствами «первого мира» — с той лишь разницей, что понятие «наживы» приобретает более широкое значение «интересов» и «влияния».

Указывая на слабость институтов в сырьевых странах, теория «ресурсного проклятия» не совсем права или не вполне точна, поскольку качество институтов очень дифференцировано не только в межстрановом отношении, но в зависимости от их типов, назначения, степени новизны, аутентичности и проч. Если абстрагироваться от такой характеристики, как демократичность государственной власти, можно увидеть, что политико-экономические институты крупных нефтеэкспортирующих стран оказались достаточно сильны и дееспособны, дабы с выгодой использовать противоречия, возникающие между различными составными частями «первого мира». Например, уже в конце 1940-х годов, кода степень влияния Великобритании и США, равно как и ведущих англосаксонских нефтяных компаний, в регионе Персидского залива казалась чуть ли не абсолютной, правительства тамошних государств начали предпринимать усилия по «диверсификации» покупателей ресурсов, используя мотивации независимых нефтепромышленников Запада. Например, если «дочки» мировых majors выплачивали Ираку, Ирану и Кувейту по 15—16,5 центов с барреля нефти, Саудовской Аравии — 33, то консорциумы независимых компаний соглашались платить ренту от 35 до 55 центов.[547] Тем самым создавались прецеденты, и в последствие даже крупнейшие компании, добиваясь новых концессией, вынуждены были считаться с возраставшими требованиями, в основе которых лежал «ресурсный национализм».

Вопреки первоначальным прогнозам и скептически-ироничному отношению со стороны «первого мира», весьма стабильным и действенным оказался межгосударственный институт — Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), — образованный в 1960 г. Скепсис в отношении ОПЕК в первые годы ее существования был связан с тем, что организация не сумела выполнить своей главной политической задачи — утверждения «суверенности» природных ресурсов стран-экспортеров нефти, поскольку в большинстве нефтедобывающих стран (кроме Ирана) сохранялся старый режим доступа к ресурсам, при котором запасы в недрах являлись собственностью компаний-концессионеров. Но к середине 1970-х годов все обстояло уже совершенно иначе: *«мировой порядок коренным образом изменился. Членов ОПЕК обхаживали, им льстили, их ругали и обвиняли. Для этого были все основания. В основе мировой торговли лежали цены на нефть, и те, кто мог контролировать их, стали новыми хозяевами в мировой экономике»*. [548] На протяжении всей своей истории ОПЕК, несмотря на внутренние противоречия (в частности, между «радикалами» и «умеренными») и внешнее давление со стороны импортеров нефти, проводила вполне эффективную и согласованную политику, направленную на защиту интересов стран-участниц.

Следует особо отметить что учреждение ОПЕК стало «оборонительной» ответной реакцией — картель против картеля — на картелирование западных нефтяных компаний,

---

[546] Gross B.M. Friendly Fascism: The New Face of Power in America. — Cambridge, MA: South End Press, 1980. — P. 217.

[547] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 468.

[548] Там же, с. 669.

организованное для раздела доступа к ресурсам ближневосточной нефти: кому достанется Иран, кому — Ирак, кому — Саудовская Аравия, а где возможны совместные операции. И если говорить о двойных стандартах в институциональном развитии «первого мира», можно вспомнить, что при создании МНК Соединенные Штаты с легкостью поступились принципами своей внутренней антимонопольной политики. Нефтяные компании США получили гарантии от Министерства юстиции и Совета национальной безопасности, что не будут подвергаться судебным преследованиям по антитрестовскому законодательству, согласно которому участие компаний в зарубежных картелях само по себе не считалось нарушением закона, но было противозаконным, если влияла на цены внутреннего рынка и другие аспекты американской торговли. Решение основывалось на директивах высшей администрации, полагавшей, что *«привлечение западных нефтяных компаний, действующих на Ближнем Востоке, к ответственности за несоблюдение антитрестовского законодательства США можно считать второстепенным для интересов национальной безопасности»*.[549] Иными словами, когда дело касается фундаментальных интересов «первого мира» и когда оный сталкивается с интересами других «миров», можно особо не церемониться и не быть слишком щепетильным в отношении качества институтов.

Отчасти, видимо, по этой причине дистанция в уровне экономического развития между «мирами» стала почти непреодолимой и не сокращается. Этот факт признают даже сторонники теории «ресурсного проклятия»: *«… за последние 100 лет ни одной стране Латинской Америки и Африки не удалось в этом смысле догнать Запад, не преуспело и подавляющее большинство азиатских государств. Многие страны даже увеличили разрыв…»*.[550] Конечно, формулировку последней фразы из приведенной цитаты можно оставить на совести редакторов, но уж слишком симптоматично она звучит: развивающие страны ***увеличили*** свой разрыв — сделали это ***сами***, не сумев создать хорошие институты и условия, требующиеся для экономического роста. А «первый мир» здесь, якобы, совсем ни при чем — хотя вполне очевидно, что все обстояло с точностью до наоборот. Поэтому рецепты выхода из «ловушки неразвитости» — создание стимулирующих национальных инновационных систем, импорт технологий, усиление абсорбционной способности при заимствовании технологий — больше похожи на благие пожелания, нежели на реальные инструменты для решения проблемы отсталости. Все это можно было бы считать действенным способом ускорения роста при условии равноправия разных «миров», при заинтересованности «первого мира» (донора технологий) в эффективном социально-экономическом развитии «третьего мира» в целом, а не отдельных его стран, по счастливому стечению обстоятельств становящихся востребованными в качестве сильных торгово-экономических и политических партнеров.

La rente et l'État rentiers

Ресурсы становятся «проклятием», потому что приносят ренту — эдакий «божий дар», не требующий усилий по развитию экономики и социума, грамотной государственной политики и хороших институтов. Чем выше ценность ресурсов, тем больше размер ренты и тем сильнее соблазн пуститься в погоню за ней для всех, кто прямо или косвенно,

---

[549] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 499.

[550] Полтерович В.М. Ловушка отсталости: Россия имеет шансы выйти из нее // Прямые инвестиции. — 2009. — № 5. — С. 8—11 • URL: http://www.sbrf.ru/common/img/uploaded/sbjr/09-05/008-0011.pdf [2013-06-14].

легитимно или нелегитимным образом, имеет возможность влиять на процессы освоения ресурсов либо получать блага от этого процесса — для правителей и правительств, бюрократии и бизнеса, олигархических групп и криминальных сообществ, различного рода социальных коалиций, населения. Рентоориентированное поведение становится всеобщей нормой, тормозит прогресс хороших и способствует развитию плохих — обычно неформальных — институтов, опосредующих процессы распределения, перераспределения и присвоения ренты.

Государство, доходы которого формируются преимущественно на основе ресурсной ренты, утрачивает интерес к проведению рациональной социально-экономической политики, скатывается к игре в благотворительность, субсидируя бизнес в несырьевых сферах экономики и население за счет низких налогов, заниженных цен на энергоресурсы, множественных социальных гарантий и другими путями. В свою очередь, национальный бизнес и население привыкают к иждивенчеству, лишаются стимулов для ответственного поведения и эффективного инвестирования и предпринимательства. Чрезмерно расширяется участие государства в экономике — причем не только в качестве «распределительного клапана» для ренты. Наращиваются не отличающиеся особым прагматизмом государственные расходы на развитие инфраструктуры, несырьевых отраслей экономики, социальной сферы и социальное обеспечение. «Обиженные» игроки и коалиции, не имеющие прямого доступа к разделу «рентного пирога», рассматривают программы и проекты с бюджетным финансированием как способ приобщится к присвоению ренты, что в еще большей степени снижает эффективность участия государства в социально-экономических процессах. Стремясь не угодить в сырьевую зависимость (или вырваться из нее) государство проводит форсированную индустриализацию, а низкую конкурентоспособность национальной промышленности пытается компенсировать с помощью протекционистских мер и тем самым поддерживает неэффективное инвестирование.

Рано или поздно, — а скорее рано, чем поздно, — расходы становятся слишком велики, чтобы покрывать их за счет текущих рентных доходов, соответственно, начинается рост внешних заимствований, который до поры до времени никого не пугает. Покуда сохраняется высокий уровень платежеспособности заемщиков, подпитываемый рентой, иностранные кредиторы легко дают в долг правительству, государственным и частным компаниям, «аппетиты» которых стремительно возрастают вместе с расширяющимися модернизационными планами. Но с ростом заимствований увеличиваются и расходы по обслуживанию внешнего долга, а вместе с этим в худшую сторону постепенно меняется общая платежеспособность. С истощением ресурсов и удорожанием процесса их освоения приток ренты начинает оскудевать, но если возникают кризисные ситуации на мировом рынке, то доходы от добычи сырья резко сокращаются. Как результат, в лучшем случае происходит замедление темпов экономического роста, а в худшем — страна приближается к своему банкротству или даже переступает через эту черту. Обостряется политическая и социальная напряженность, что приводит к разнообразным негативным последствиям — усилению авторитаризма, частой смене власти, хаотичному инициированию реформ и проч. Но обычно это не привносит улучшений в печальную судьбу государства-рантье, как ее предсказывает теория «ресурсного проклятия».

И, вроде бы, подобные судьбы действительно наблюдаются на примерах Мексики, Венесуэлы, Чили, Ирана, Ирака, Нигерии, Анголы, а в несколько смягченном варианте — Алжира, Ливии, Кувейта, Саудовской Аравии. Но что скрывается за видимыми явлениями? Почему странам, щедро наделенным природными ресурсами, не удается выйти на тренды устойчивого экономического роста и совершенствования национальных институтов? Неужели все дело — в «злополучной» ренте?

Возможно, что проблема связана с еще одним дискретным переходом, которые столь свойственны развитию стран «третьего мира» и которые порою почти накладываются друг

на друга во времени. Речь идет о дискретном переходе от бедности к богатству, вытекающему из ресурсной ренты. Соответственно, чем больше размеры ренты, зависящие от ликвидности и величины ресурсов, тем контрастнее становятся изменения в социально-экономическом положении. Переход от бедности к богатству таит в себе объективные опасности, которые трудно миновать. Внезапно разбогатевшую страну можно уподобить человеку, после длительного вынужденного голодания вдруг получившего доступ к обильной и вкусной пище. Выход из голодания представляет собой довольно сложный (физиологически и психологически) процесс, которой должен происходить под наблюдением знающего и строгого врача, способного пресечь неумеренный аппетит своего пациента, составить правильную диету и не допустить опасного переедания. В отношении стран «третьего мира», с их несовершенными институтами, роль такого доктора должен играть «первый мир», располагающий серьезным опытом решения сложных экономических проблем. Однако в 1970-е—1990-е годы, которые в основном ассоциируются с действием «ресурсного проклятия», «первый мир» не только не справился со столь важной миссией, но фактически уклонился от ее исполнения.

В частности, после нефтяного кризиса 1973 г., когда доходы стран-экспортеров нефти резко выросли и у них образовались огромные финансовые активы, международные банкиры и экономические стратеги более всего озаботились не тем, чтобы неожиданно разбогатевшие страны не пострадали от «переедания», а прямо противоположной угрозой — их вероятной бережливостью, тем, что накопленные активы не будут израсходованы. В данном случае «первый мир» был прежде всего обеспокоен собственной судьбой, поскольку *«неизрасходованные десятки миллиардов долларов, лежавшие без движения на счетах, могли означать серьезное сокращение деловой активности и перекосы в мировой экономике… Однако беспокойство оказалось излишним. Нефтяные экспортеры, внезапно разбогатев, причем так, что они и не мечтали разбогатеть, встали на путь бешеного расходования накопленных средств. Они тратили деньги на индустриализацию, создание инфраструктуры, субсидии и услуги, предметы первой необходимости и роскоши, покупку вооружений, компенсацию убытков и коррупцию… Производителям нефти предлагали покупать буквально все — теперь у них были деньги, чтобы покупать. В огромный бизнес превратились закупки вооружений. Для индустриальных стран Запада срыв поставок в 1973 году и возросшая зависимость от Ближнего Востока сделали надежный доступ к нефти стратегической проблемой первого порядка. Одним из путей обеспечить этот доступ и сохранить или даже приобрести влияние была настойчивая продажа оружия. Страны ближневосточного региона отвечали таким же горячим стремлением его купить»*.[551]

Если говорить простым языком, то несовершенство национальных институтов стран «третьего мира» выражается в неправильном, расточительном расходовании ренты. Но эта расточительность фактически поощрялась Западом, который из-за повышения цен на сырую нефть потерял значительную часть своего дохода и стремился компенсировать потери, пойдя «обходным путем», т.е. всячески стимулируя расходование ренты странами-собственниками ресурсов. Добавленная стоимость, которая по множеству каналов (начиная с высоких налогов на нефтепродукты) собиралась и распределялась в экономике «первого мира», сконцентрировалась в нефтяной ренте и стала прямиком поступать в распоряжение нефтеэкспортирующих стран. Нужно было ее изъять и вернуть в денежно-финансовую систему мировой экономики, поэтому повышение цен на нефть для ее производителей в лучшем случае превратилось в игру с нулевой суммой. Что касается «первого мира», то он не столько потерял от концентрации ренты у нефтедобывающих стран, сколько был вынужден перестраивать структуру движения и распределения стоимости. Экономический

[551] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Изд-во «ДеНово», 1999. — С. 670.

кризис 1974—1975 гг. был в значительной степени перестроечным — таким образом происходила адаптация к новым условиям доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам и к новым правилам первичного и конечного распределения ренты.

Произошедшие события имели, по всей видимости, два фундаментальных последствия: во-первых, экономически развитые государства лишились возможности проводить свою обычную монетаристскую политику для обуздания инфляции за счет зависимых прежде стран «третьего мира», поставлявших дешевое сырье и топливо; во-вторых, потеряв дешевую нефть, «первый мир» начал активно заниматься энергосбережением, что с течением времени привело к серьезной структурной трансформации всей глобальной экономики. Указанные изменения породили устойчивые отрицательные обратные связи во взаимодействии между «мирами». Доходы стран-экспортеров минерального сырья и топлива стали сравнительно быстро обесцениваться из-за инфляции, а рост потребления ресурсов замедлился, что привело к нестабильности рыночного равновесия и к усилению конкуренции со стороны предложения ресурсов. Соответственно, сложились повышенные риски для стран с моноотраслевой сырьевой экономикой. В сочетании с фактором исчерпаемости ресурсов именно они представляют собой действительную опасность в отличие от кажущихся или внешних признаков, на которые обращает внимание теория «ресурсного проклятия».

Сырьевые экономики оказываются менее маневренными и менее приспособленными к быстро изменяющимся условиям развития, складывающимся под влиянием большого числа факторов, преимущественно внешних, включая конъюнктурные, финансовые, технологические, политические. Из числа внутренних факторов наибольшее значение имеют те, что связаны с динамическими параметрами освоения месторождений полезных ископаемых — движением запасов в недрах, объемами добычи, величиной издержек производства и проч., — ведущими к закономерному изменению во времени экономической отдачи от ресурсов. В своем сочетании внешние и внутренние факторы, с одной стороны, определяют величину поступления ренты как основной статьи доходов; а с другой стороны, обусловливают реальные возможности для экономической трансформации, направленной на ослабление и преодоление сырьевой зависимости. Последнее приобретает все возрастающую актуальность по мере истощения ресурсного потенциала и уменьшения отдачи от каждой дополнительной единицы ресурсов, вовлекаемой в процесс хозяйственного освоения, т.е. факторов, которые создают объективные предпосылки для замедления экономического роста. Но если с ресурсами все в порядке, тогда ключевую роль играют политические, финансовые, рыночные и технологические риски и ограничения, сдерживающие динамику социально-экономического развития ресурно избыточных стран.

Возвращаясь к статистическому феномену, который был подмечен теорией «ресурсного проклятия» и отражает негативное, якобы, воздействие ресурсов на темпы роста богатых нефтяных экономик в 1970—1990-х годах, нельзя не отметить одно любопытное обстоятельство, связанное с уровнем экономического развития в предшествующий период времени. Например, уже к 1950 г. в Кувейте и в Катаре, с их тогдашним совсем крошечным населением, величина паритетного среднедушевого ВВП достигала, соответственно, 42 и 45 тыс. долл. (в ценах 2007 г.) и примерно в 3 раза превышала американский показатель. Соединенным Штатам, чтобы приблизиться к аналогичному рубежу, потребовалось еще где-то полвека. Т.е. богатейшие нефтедобывающие страны в 1950—1960-х годах достигли «избыточного» уровня экономического развития, измеряемого статистикой, при узкоотраслевой структуре экономики. Дальнейший столь же быстрый, как и прежде, рост статистических показателей сам по себе был просто бессмысленным. К началу 1970-х годов для ресурсно избыточных стран гораздо более актуальными задачами стали: во-первых, достижение справедливого раздела конечных доходов от добычи и использования сырья (прежде всего — нефти), а не дальнейшее наращивание производства при несправедливо низких ценах; во-вторых, использование ресурсной ренты

для модернизации национальных экономик и ликвидации рабской зависимости от добычи и экспорта сырья. С общей политико-экономической точки зрения это означало ослабление зависимости от «первого мира» и обретение реальной самостоятельности.

К решению названных задач Мексика и Венесуэла, ставшие первыми крупными экспортерами нефти, пытались подступиться еще в 1920—1930-х годах. Этим же путем пошли иранские правители династии Пехлеви, которые стремились вырвать свою страну из средневекового застойного состояния, модернизировать экономику и социальную систему, превратить Иран в современное светское государство. Стартовый реформаторский рывок был совершен в 1930-х годах при Реза-шахе, когда в Иране было создано несколько сотен новых промышленных предприятий, построено 1,5 тыс. км железных и около 10 тыс. км автомобильных дорог. В 1934—1940 гг. на финансирование так называемых «проектов развития» приходилось 48% совокупных государственных расходов, из них примерно 60% занимало финансирование транспортной сферы и 40% — промышленности. Происходивший инвестиционный бум опирался на протекционистские и стимулирующие меры; в частности, благодаря интенсивному развитию дорожной инфраструктуры транспортные тарифы были снижены на три четверти — как результат, к 1941 г. уже более половины капитальных вложений в промышленность приходилось на частные источники. В прогрессивных секторах экономики, включая нефтяную промышленность, было создано порядка 170 тыс. рабочих мест, но это составляло менее 4% от общей численности трудоспособного населения.[552] Иран в целом как был, так и оставался слаборазвитой аграрной страной, социально-экономическая система которой лишь в очень малой степени оказалась втянутой в процессы модернизации.

Вторая волна преобразований, охватившая все сферы жизни в Иране и получившая название «Белая революция» шаха и народа (была одобрена всенародным референдумом), пришлась на 1963—1977 гг. Шах Мухаммед Реза Пехлеви при помощи «революционного рывка», разбитого на пятилетние плановые периоды, намеревался вывести страну в русло мирового капиталистического развития, создать своего рода «восточную Швейцарию», стремился превратить Иран в государство, в котором передовые западные технологии совмещались бы с иранской культурой и традициями.[553] Инвестиционная деятельность приобрела беспрецедентные масштабы: в 1960—1977 гг. годовой объем капитальных вложений увеличился в 12 раз (частных — в 10, государственных — почти в 18 раз). В Иране была проведена земельная реформа, создавались новые отрасли промышленности (включая автомобилестроительную и радиоэлектронную), начала развиваться атомная энергетика, модернизировались системы здравоохранения, образования, социальной защиты населения. В 1963—1977 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП в неизменных ценах составляли 10,5%, в том числе «ненефтяного» — 11,5%. «Ненефтяная» экономика Ирана развивалась с постоянным ускорением, достигнув в третьей пятилетке (1973—1977 гг.) среднегодовых темпов в 15,3%.[554] Но даже столь стремительный рост экономики и благосостояния населения оказался недостаточно быстрым, чтобы не допустить чрезмерного обострения внутренних социальных противоречий и конфликтов, которые в итоге завершились Исламской революцией 1978—1979 гг., свергнувшей режим шаха и положившей начало республиканскому правлению.

---

[552] Karshenas M. Oil, State and Industrialization in Iran. — New York, NY: Cambridge University Press. — P. 75—76.

[553] Яременко В. Аятолла Хомейни против «белой революции» // Иран: старые идеи и новые модели. Часть 1. — Полит.ру. — 4 янв. 2007 • URL: http://www.polit.ru/article/2007/01/04/iran/ [2013-06-14].

[554] Pesaran M. Hashem. Economy of Iran. IX — In The Pahlavi Period. — The Encyclopædia Iranica • URL: http://www.iranicaonline.org/articles/economy-ix [2013-06-14].

В чем заключается «проклятие» Ирана? В несовершенстве институтов монархической государственной власти? В деспотизме шаха, насаждавшего модернизацию волевым путем вопреки национальным и религиозным традициям, которые складывались на протяжении многих веков? В отсутствии конструктивного диалога между властью и оппозиционными силами, в жестком подавлении оппозиции вместо ее «ассимиляции»? В излишней поспешности процесса «экономического возрождения» и стремлении радикально изменить облик страны в течение жизни одного поколения иранцев? В утопичности курса на быстрое построение «развитого капитализма»? В том, что лишь очень малая часть населения смогла воспользовались плодами реформаторской политики, не оказавшей положительного влияния на условия социальной жизни страны в целом? Или в том, что форсированная «вестернизация», неуемное желание стать частью мировой политической и экономической элиты были выгодны «первому миру», нашедшему в шахском Иране верного и надежного союзника?

Наверное, в ответе на каждый из приведенных выше вопросов содержится частичка объяснения, почему шахская «белая революция» не только не привела к желаемым результатам, но завершилась падением монархии. Остается лишь неясным, причем здесь ресурсы? Если бы у Ирана не было ресурсов нефти, ему стало бы легче преодолеть вековую отсталость? Социально-экономическое развитие страны приобрело бы более поступательный и устойчивый характер? Нашел бы «первый мир» свои выгоды в иранском экономическом росте и помогал бы так, как помогал проведению шахской модернизации? Или бы просто рассматривал территорию страны в качестве удобного военно-стратегического плацдарма вблизи южных границ СССР? Во всяком случае, если обратить взор к ближайшим соседям Ирана — Афганистану и Пакистану, — можно увидеть, что отсутствие крупных ресурсов нефти при почти одинаковом военно-политическом значении отнюдь не помогло этим странам ни в экономическом росте, ни в преодолении социальной несправедливости, ни в построении демократического общества и достижении политической стабильности.

Вряд ли можно согласиться и с элементарным уподоблением ресурсных стран, использующих рентные доходы для модернизации национальных социально-экономических систем, государствам-рантье. Экономическая политика ресурсных стран, как показывает история Мексики, Венесуэлы, Ирана, Саудовской Аравии и др., может быть ошибочной, непоследовательной, поспешной — какой угодно, — но это не пассивная политика рантье, чье благосостояние зависит от ренты и только от ренты. Рано или поздно (а скорее рано, чем поздно) ресурно избыточные страны в большинстве своем становятся на путь всеохватывающего экономического переустройства, имеющего целью, как минимум, ослабление сырьевой, или рентной, зависимости. Это никак не соответствует образу государств-рантье, которые, по логике вещей, должны бы удовольствоваться получением ресурсной ренты и ее накоплением в разного рода страховых и резервных фондах, инвестированием в надежные активы, т.е. в экономику «первого мира». Североамериканский штат Аляска представляет собой, по-видимому, образец подобного отношения к рентным доходам, равно как и устойчивого эколого-экономического развития. Но Аляска не является суверенным государством, и ей никогда не приходилось всерьез сталкиваться с печальными последствиями колониального прошлого и с массой сложных и противоречивых проблем, что стоят перед ресурсно избыточными странами «третьего мира». Каждая из них озабочена не только ростом благосостояния, но и своим позиционированием в качестве государства, обладающего реальной политической и экономической независимостью, которая обычно дается путем построения индустриального многопрофильного хозяйства. Идеи же плавного перехода из феодализма прямиком к постиндустриальной экономике и росту на основе интеллектуальных и высокотехнологических факторов, как альтернативам традиционной индустриализации, выглядят попросту иллюзорными.

Но даже двигаясь по уже избранному и вполне логичному пути индустриализации, ресурсные страны, как показывает пример Саудовской Аравии и других «нефтяных»

государств Ближнего Востока, сталкиваются с довольно сложными проблемами. Аравийское королевство приступило к реализации различных диверсифицирующих программ инфраструктурного и промышленного развития еще в 1970-х годах практически одновременно с обретением «нефтяного» суверенитета. Одним из главных и вполне естественных направлений диверсификации стало создание национальной нефтехимической индустрии, которая за минувшие 40 лет превратилась в одну из крупнейших в мире. Саудовская Аравия вышла на третье место в мире после США и Китая по производству этилена — одного из базовых видов нефтехимической продукции. В 2006—2010 гг. среднегодовые приросты экспорта химической продукции из Саудовской Аравии составили 16%; химическая промышленность является второй по значимости экспортной отраслью с долей около 9%; страна входит в число ведущих экспортеров пластмасс, продуктов оргсинтеза и минеральных удобрений. По показателю экспорта химической продукции на душу населения (более 900 долл.) Саудовская Аравия в 1,3—1,4 раза превосходит США и Японию.[555] Государственная корпорация SABIC занимает второе место среди мировых компаний (после американской Dow Chemical) по выпуску полиэтилена и шестое место — по общему объему продаж. Эксперты KPMG прогнозируют, что к 2015 г. SABIC станет крупнейшей химической компанией мира, а вместе с ней в глобальный химический Топ-10 войдут компании из Кувейта и ОАЭ.[556]

Вместе с тем при достигнутых объемах добычи и экспорта нефти довольно сложно себе представить, каковы должны быть масштабы «ненефтяного» сектора саудовской экономики, чтобы ее можно было бы назвать диверсифицированной. Точно также трудно себе представить Саудовскую Аравию в роли ведущего экспортера фармацевтической и другой сложной (соответственно — дорогостоящей) химической продукции, т.е. в тех секторах рынка, где традиционно наиболее сильные конкурентные позиции занимают не Япония, США или Китай, а европейские продуценты — Швейцария, Бельгия, Германия. Сырьевые экономики «третьего мира» в своей диверсификации сталкиваются с серьезными технологическими ограничениями. «Первый мир», руководствуясь в большей степени собственными интересами, нежели интересами стран-экспортеров сырья, готов поделиться лишь технологиями производства относительно простых видов химической продукции — материалоемкой и энергоемкой. С одной стороны, это выгодно странам «третьего мира», поскольку позволяет наращивать выпуск обработанной продукции с использованием больших объемов сырья; но с другой стороны, сохраняется прежний технологический разрыв между «мирами», так как экономически развитые государства усиливают специализацию в сфере высокотехнологичных производств, закрепляя свое привычное преимущество.

Одним из признаков «ресурсного проклятия» принято считать медленное развитие человеческого капитала, что связывается с относительной технологической простотой сырьевого сектора и, как следствие, недостаточным спросом на квалифицированную рабочую силу. В действительности же все обстоит далеко не столь однозначно, во всяком случае, если говорить о современной нефтегазовой промышленности, которая постоянно усложняется в технологическом отношении. Но и в более давние времена, когда шла борьба за ресурсный суверенитет, одно из главных требований нефтеэкспортирующих стран состояло в замене иностранных специалистов-нефтяников национальными кадрами. Поэтому проблема кроется не в сырьевом секторе, как таковом, а в тех масштабных строительных

[555] 2011 International Trade Statistics Yearbook. Vol. I — Trade by Country. — New York, NY: UN Statistics Division; Trade Statistics Branch, 2012 • URL: http://comtrade.un.org/pb/first.aspx [2013-06-14].

[556] The Future of the European Chemical Industry. — KPMG International Cooperative, 2010 • URL: http://www.kpmg.com/be/en/issuesandinsights/articlespublications/pages/future-of-the-european-chemical-industry.aspx [2013-06-14].

работах, с которыми связаны модернизационные и диверсифицирующие планы развития многих ресурсных стран. Строительный бум вызывает мощный приток иностранной рабочей силы со сравнительно низким уровнем квалификации, что создает не вполне точное впечатление о стагнации в развитии национального человеческого капитала.

Что же касается инвестиций в человеческий капитал, то статистика не дает оснований для выведения каких-то определенных закономерностей. Например, по данным за 2008 г. расходы на образование в Нигерии составили всего 10 долл. на душу населения, в Иране — 188, Венесуэле — 384, Тринидаде и Тобаго — 775; в расчете на душу населения из числа граждан в Бахрейне — 751 долл., Омане — 999, Саудовской Аравии — 1589, Кувейте — 3870 долл. Для сравнения показатели Бразилии и Мексики находились на уровне 430—460 долл., Кореи, Сингапура и Гонконга — 820—900 долл.; Японии — 1260, Германии — 1972, США — 2228, Швейцарии — 3182, Норвегии — 5547 долл.[557] Цифры показывают, что богатые страны-экспортеры нефти тратят на образование существенно больше, чем «третий мир» в среднем, и по величине таковых расходов могут посоревноваться даже с технологически наиболее развитыми государствами «первого мира». Т.е. «модернизация» человеческого капитала для ресурсных стран является одной из приоритетных задач. Соответственно, возникает вполне правомерный вопрос: можно ли считать использование рентных доходов для решения данной задачи, имеющей целью ослабление экономической и технологической зависимости, политикой рантье?

Думается, что источник доходов, как таковой, вообще не является фактором, всерьез позволяющим квалифицировать те или иные страны в качестве государств-рантье. Рентоориентированное поведение присуще экономико-политической жизни большинства стран «третьего мира» и обусловлено не наличием источников ренты в их классическом понимании, т.е. связанных с эксплуатацией каких-либо природных ресурсов. Дискретность переходов от одних состояний к другим (от колониальной подчиненности к формальной государственной самостоятельности, от авторитаризма к демократии и обратно, от бедности к богатству) и отсутствие длительных стадий эволюционного развития институциональной среды при сохранении разнообразных форм зависимости от «первого мира» делают склонность к извлечению ренты устойчивым типом поведения. Природно-ресурсная обеспеченность к этому не имеет особого отношения, а ключевым фактором является возможность монополизации источников дохода, что придает последнему рентоподобный характер вне связи с какими-либо другими обстоятельствами. Источником такой «квази-ренты» может стать все, что угодно — права собственности на любые активы (материальные и нематериальные), власть и приближенность к власти — важно, чтобы обладание доступом к источнику дохода представляло собой определенный эксклюзив, чтобы существовали некоторые привилегии для избранных и труднопреодолимые ограничения — для всех остальных. Таким образом формируются искусственные и чрезвычайно высокие барьеры вхождения в бизнес; во взаимоотношениях между государством и бизнесом складываются олигархические альянсы; в среде власть предержащих расцветает коррупция; переделы сфер влияния и реструктурирование прав на получение дохода происходят не в форме рыночной конкуренции, а силовым и, нередко, криминальным путем. На общенациональном уровне склонность к рентоориентированному поведению может выливаться в торговлю собственной государственностью. Торговля государственностью, являющаяся своего рода апофеозом погони за рентой, широко распространена в наше время, причем не только среди стран «третьего мира». Например, что представляют собой многочисленные оффшоры в разных частях Света? Это истинные государства-рантье, торгующие своим суверенным правом устанавливать налоги, которое можно считать в такой же степени «богом данным», как и ресурсы полезных ископаемых в недрах.

---

[557] World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

«Рента за государственность» может превратиться в столь же опасное проклятие, как и рента ресурсная. Достаточно посмотреть на пример Либерии — небольшого африканского государства, которое было основано чернокожими выходцами из США в первой половине XIX века и мыслилось как «уголок» независимости, демократии и свободы от рабства (отсюда и гордое название — «Либерия» или «Земля свободы»). Но парадокс состоит в том, что негры-переселенцы, бывшие американские рабы, считали коренных африканцев неполноценными и относились к ним словно колонизаторы. В стране с формально демократическим строем на целое столетие фактически установился режим апартеида, при котором господствующее положение занимало «черное» американо-либерийское меньшинство, а «черное» большинство коренных жителей было лишено элементарных гражданских прав. Достаточно сказать, что в 1930-х годах Лига Наций уличила либерийские власти в соучастии работорговле, и лишь в 1946 г. малая часть аборигенов на основе жесткого имущественного ценза и по критерию «цивилизованности», введенному правительством, получила право голоса.[558] За свою более чем полуторавековую непростую историю Либерия познала долгие периоды безденежья и почти полного хозяйственного упадка, кровавую диктатуру и разорительные гражданские войны. Но к чему Либерия так и не смогла приблизиться вплоть до настоящего времени, — к реальной независимости и самостоятельности. Без иностранной финансовой и политической поддержки страна оказывается неспособной к сколько-нибудь продуктивному социально-экономическому развитию на протяжении многих и многих десятилетий.

Пожалуй, более всего Либерия известна тем, что стала чуть ли не первой в мире страной, принявшейся зарабатывать на сдаче в аренду символов своей государственности. Еще в 1948 г. был принят национальный Морской кодекс, позволивший иностранным судоходным компаниям за небольшую мзду пользоваться «удобным» либерийским флагом («flag of convenience»). Благодаря этому, за короткий срок Либерия превратилась в «великую морскую державу»: к началу 1980-х годов «либерийскую прописку» имела почти четверть мирового торгового флота (по дедвейту — 160 из 672 млн т), в том числе — более 31% танкерного флота (105 из 338 млн т).[559] Пошлины за аренду национального флага превратились в главную доходную статью государственного бюджета. В тяжелое время гражданской войны 1990-х годов, когда экономика страны оказалась в плачевном состоянии, свыше 90% правительственных доходов приходилось на регистровые платежи. «Рента за государственность» в Либерии разворовывалась и служила для личного обогащения правителей точно так же, как и ресурсная рента в других странах «третьего мира». Значительные суммы использовалась властями для незаконной закупки вооружений (в обход международных санкций) и ведения борьбы с оппозиционными силами.[560] Пример Либерии оказался заразительным, и ему последовали некоторые другие страны, в частности, Панама, Маршалловы и Багамские острова; сегодня Панама занимает почти такое же место среди государств, торгующих флагом, как Либерия 30 лет назад.

---

[558] Liberia in Perspective. An Orientation Guide. — Monterey, CA: Defense Language Institute Foreign Language Center (DLIFLC), 2009 • URL: http://famdliflc.lingnet.org/products/cip/Liberia/default.html [2013-0614].
Pham J.P. Reinventing Liberia: Civil Society, Governance, and a Nation's Post-War Recovery // The International Journal of Not-for-Profit Law. — Nov. 2005. — Vol. 8, Issue 2. — P. 38—54 • URL: http://www.icnl.org/research/journal/vol8iss2/index.htm [2013-06-14].

[559] World merchant fleet by flag of registration and type of ship // Review of Maritime Transport (Series). — United Nation Conference on Trade and Development (UNCTAD). — Online statistics, 2012 • URL: http://unctad.org/en/Pages/Publications/Review-of-Maritime-Transport-(Series).aspx [2013-06-14].

[560] Pham J.P. An Inconvenient Flag: Liberia's Ship Registry in the Age of Global Terrorism // World Defense Review. — 2007. — Sep. 6 • URL: http://www.worlddefensereview.com/pham090607.shtml [2013-06-14].

Появление государств-рантье, подобных Либерии, очевидно связано с корыстными интересами бизнеса, принадлежащего «первому миру». К примеру, на суда, плавающие под «удобным» либерийским флагом, согласно международным стандартам, распространяется не только национальное налоговое законодательство, но также и чрезвычайно либеральные технико-регуляторные нормы и правила трудового найма, что позволяет компаниям-судовладельцам экономить на расходах и получать дополнительную прибыль. Но такого рода экономия нередко приводит к печальным и даже катастрофическим последствиям. Достаточно сказать, что два из пяти крупнейших в истории мореплавания кораблекрушений, которые сопровождались разливами нефти и нанесли тяжелейший урон для окружающей среды, произошли с танкерами (ABT Summer в 1991 г. и Amoco Cadiz в 1978 г.), ходившими под либерийским флагом: в первом случае в море вылилось 260, а во втором — 223 тыс. т сырой нефти.[561]

Пример Либерии примечателен еще и тем, что эта африканская страна в различные периоды своей истории «испробовала» самые разные виды стяжательства ренты, включая ресурсную. При этом Либерия, и при ее демократических и при авторитарных правителях, всегда послушно следовала в фарватере интересов «первого мира», всецело полагаясь на финансовую и политическую поддержку со стороны США, но получала таковую далеко не во всех случаях, а лишь тогда, когда это было выгодно «старшему собрату». В 1920-х годах Либерия была спасена от банкротства американской компанией Firestone, предоставившей правительству заем на 5 млн долл., но в благодарность получившей в аренду сроком на 99 лет огромную, площадью в 1 млн акров, плантацию деревьев-каучуконосов. Арендная плата составляла 1% от стоимости производившегося каучука. На плантации фактически использовался рабских труд аборигенов, а многие правительственные чиновники были втянуты в сложившуюся тогда систему коррупционных отношений, опосредующих процедуры найма работников для американской компании.[562] В период «холодной войны» США уделяли большое внимание Либерии, превратив ее в форпост борьбы с коммунизмом в Африке (американская военная база в этой стране была закрыта лишь начале 1990-х годов после распада СССР). Но совсем по-иному американская администрация повела себя в начале 2000-х годов, когда не сочла возможным направить в Либерию миротворческий военный контингент, чтобы положить конец гражданской войне. Этот пример показывает, что «первый мир», возглавляемый США, готов идти на активное вмешательство только в тех регионах, которые затрагивают его собственные интересы. Либерия же сегодня к таковым не относится.[563]

Собственно говоря, в печальной участи Либерии, как в выпуклом зеркале, с особой наглядностью отражаются многие общие закономерности развития стран «третьего мира», включая неустойчивость экономического роста, политическую нестабильность и слабость институтов демократии, склонность к рентоориентированному поведению и стремление извлекать ренту из всех мыслимых источников. Рождение государств-рантье в «третьем мире» может быть никак не связано с уровнем ресурсной обеспеченности, и менее всего подобное определение подходит как раз к тем странам, которые пытаются «конвертировать» ренту в новое качество собственного социально-экономического развития путем всеохватной

---

[561] Pham J.P. An Inconvenient Flag: Liberia's Ship Registry in the Age of Global Terrorism // World Defense Review. — 2007. — Sep. 6 • URL: http://www.worlddefensereview.com/pham090607.shtml [2013-06-14].

[562] Liberia in Perspective. An Orientation Guide. — Monterey, CA: Defense Language Institute Foreign Language Center (DLIFLC), 2009 • URL: http://famdliflc.lingnet.org/products/cip/Liberia/default.html [2013-06-14].

[563] Кара-Мурза В. Мировая общественность обвиняется в изнасиловании либерийской демократии // Коммерсантъ. — 20 авг. 2003 • URL: http://www.kommersant.ru/doc/402963 [2013-06-14].

модернизации. Отмеченные закономерности самым непосредственным образом обусловлены сохранением зависимости от «первого мира», которая в течение времени лишь меняет свои формы со смещением акцентов в сторону экономических и технологических факторов. Неважно, считается та или иная страна «третьего мира» государством-ранте, ее современное состояние и перспективы будущего развития во многом определяются заинтересованностью со стороны «сильных мира сего». Действительное «ресурсное проклятие» наступает тогда, когда угасает данный интерес, что происходит по причине истощения ресурсов, либо сокращения их рыночной ценности; а «ресурсное благословение» может быть вызвано совершенно обратными обстоятельствами. Но, судя по всему, правильнее будет сказать, что появление или исчезновение источников ренты для стран «третьего мира» означает лишь видоизменение стоящих перед ними проблем и форм зависимости от экономически развитых государств.

Российский цугцванг: от сырьевой зависимости — к энергетической сверхдержавности

«Второй мир», представленный Советским Союзом и другими странами социализма, на протяжении практически всей истории своего существования прикрывался так называемым «железным занавесом», защищавшим от непосредственного вмешательства Запада. В послевоенный период видимое столкновение между интересами двух сильнейших «миров» в основном происходило на «нейтральном поле», т.е. в развивающихся странах, оказавшихся перед выбором, по какому пути двигаться — капиталистическому или социалистическому — и ставших объектами упорной борьбы за влияние со стороны соответствующих общественно-экономических систем.

Но «железный занавес» отнюдь не был непроницаемым и не спасал от формирования отношений экономической зависимости социализма от капитализма. Следует признать, что «второй мир» и его лидер — Советский Союз — никогда не интересовали Запад в качестве равноправных экономических партнеров. Промышленно развитые страны культивировали экономическую зависимость «второго мира» столь же тщательно, как и «третьего», а разница состояла лишь в отсутствии возможностей для прямого политического и экономического диктата в отношении СССР и дружественных ему стран. Задействовались более изощренные механизмы формирования зависимости, основанные на использовании внутренних слабостей и уязвимостей директивно-плановой экономики, толкавшие «второй мир» к развитию внешнеэкономических связей с Западом в формате, не обеспечивавшем паритетный обмен выгодами. Основы подобных взаимоотношений были заложены еще в 1920-е—1930-е годы в процессе восстановления отечественной экономики и последовавшей социалистической индустриализации, когда по вполне объективным причинам СССР был вынужден прибегнуть к широкой технической, кадровой и финансовой помощи со стороны развитых капиталистических стран. Последние не только открыли для себя весьма емкий рынок сбыта промышленной продукции (прежде всего — машин и оборудования), но и получили некоторые надежды на доступ к сырьевым ресурсам. Основным источником валютных поступлений для оплаты импорта стала нефть, экспорт которой возобновился сразу же после того, как были восстановлены нефтепромыслы в Баку и в Грозном. Иными словами, начиная уже с первых лет своего существования, мир социализма пошел по «придаточному» пути экономического развития: с одной стороны, превратившись в крупного экспортера сырьевых товаров и играя роль сырьевого придатка; а с другой стороны, став не менее крупным импортером машин, оборудования, материалов, технологий, а в последствии — продовольствия и потребительских товаров, — выполняя таким образом функцию рыночного придатка экономики «первого мира».

Для капиталистического мира такой формат взаимоотношений оказался привычно удобным, поскольку в значительной степени повторял ранее сложившиеся стереотипы его взаимодействия с колониями и странами «третьего мира». Что касается СССР (а затем и всей социалистической системы), то свои выгоды он искал в основном играя на противоречиях между отдельными государствами «первого мира» и между отдельными бизнес-структурами, стараясь развязать конкуренцию между ними, чтобы получить более высокую цену за экспортируемое сырое или расширить свою нишу на мировом рынке и сбить цены на импортируемые товары. В этом смысле политика, проводившаяся «вторым миром» на протяжении многих десятилетий, мало чем отличается от нынешней российской геоэкономической политики и современной политики развивающихся стран-экспортеров сырья и топлива. В условиях, когда формируется система взаимоотношений, стратегически выгодная более сильному партнеру («первому миру»), всем остальным ничего не остается делать, как только попытаться получить те или иные тактические выигрыши.

Новый мощный импульс развития по сырьевому пути советская экономика получила в 1960—1970-е годы после открытия и с началом промышленного освоения уникальных нефтегазовых ресурсов Западной Сибири. В отношении этих ресурсов ситуация изначально складывалась весьма противоречивым образом: с одной стороны, открывались грандиозные, невиданные ранее, перспективы наращивания добычи углеводородного сырья; но с другой стороны, были вполне очевидны и колоссальные трудности в решении задач по освоению новой ресурсной базы в регионе с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Причем разнообразные технические и организационные сложности усугублялись ограниченностью материальных и финансовых ресурсов, которые в требуемом объеме было невозможно мобилизовать за счет внутренних источников.

Руководство СССР оказалось перед непростой дилеммой выбора лучшей стратегии освоения западносибирских богатств, по какому пойти пути: умеренному или интенсивному? И как не оказаться в плену ведомственных и «местно-патриотических» интересов? Умеренный сценарий строился на том, что в середине 1960-х годов советская нефтегазовая промышленность находилась в отличном состоянии, обеспечивая внутренние энергетические потребности, удовлетворяя нужды социалистического лагеря и давая определенные возможности для валютного экспорта в капиталистические страны. Поэтому предлагалось осваивать Западную Сибирь не форсируя добычу, без переброски в заболоченную тайгу главных материальных и трудовых ресурсов, выделявшихся на развитие нефтегазовой отрасли, и постепенно изменять ее районирование в долгосрочной перспективе. Сценарий интенсивного освоения исходил из того, что ресурсы действовавших добывающих районов начали приближаться к своему истощению и без скорейшего ввода новых западносибирских месторождений уже к концу 1970-х годов СССР может столкнуться с дефицитом топлива. Проблему же нехватки инвестиций предлагалось решить за счет концентрации усилий на освоении самых крупных и продуктивных месторождений (чтобы минимизировать затраты) и увеличения экспорта нефти и газа для получения дополнительных внешних финансовых ресурсов.

Среди партийных и советских деятелей, хозяйственников, администраторов, ученых не было общего мнения — у каждого из возможных путей были приверженцы и противники, которые доказывали свою правоту и опровергали доводы оппонирующей стороны. При этом адепты интенсивного сценария, отстаивая идею привлечения инвестиций за счет экспорта углеводородов, обращали внимание и на соображения политико-стратегического характера. В эпоху усиливавшегося ресурсного национализма стать крупным экспортером нефти и газа означало возможность получить не только контроль над крупными финансовыми потоками в твердой валюте, но и дополнительные рычаги экономического влияния во всем мире. Таким образом, был выдвинут целый комплекс хорошо продуманных аргументов: экономических расчетов, геологических прогнозов, соображений политической выгоды. В итоге это принесло, если и не безоговорочную, то весьма решительную победу — партия

и правительство взяли курс на быстрое и широкомасштабное освоение западносибирских ресурсов.[564]

Следует оговориться, что даже самые смелые прогнозы и планы, которые строились в конце 1960-х — начале 1970-х годов довольно быстро померкли перед реальными темпами освоения Западной Сибири, что привело к беспрецедентно быстрому росту общей добычи нефти и газа в стране. Столь же стремительно увеличивалась и внешняя торговля углеводородным сырьем — к 1980 г., т.е. всего за полтора десятка лет с начала разработки западносибирских месторождений, добыча нефти и экспорт жидкого топлива (включая нефтепродукты) из СССР выросли в 2,5 раза.[565] Соблазнившись неожиданной выгодой от высоких мировых цен на нефть, которые резко подскочили в результате энергетического кризиса 1973 г., Советский Союз стал наращивать экспорт углеводородов со значительным опережением всех ранее предусмотренных директив. Ресурсы Западной Сибири казались неисчерпаемыми, уровни добычи поднимались все выше и выше, возраставшие плановые задания перевыполнялись с завидным постоянством. В развитии советского нефтегазового сектора возобладал иррациональный в своей сущности принцип: добывать, чтобы экспортировать — чтобы больше добывать, чтобы больше экспортировать. Позиция СССР, стремившегося к извлечению выгод из сложившейся рыночной конъюнктуры, значительно отличалась от той, что занимали другие ведущие экспортеры (участники ОПЕК), которые во главу угла поставили не увеличение объемов добычи и поставок на рынок, а поддержание высоких цен на нефть. Фактически именно таким образом нашей страной были сделаны первые ходы в направлении нынешнего «нефтегазового цугцванга».

Вполне очевидно, что добыча ради экспорта оправдана лишь в том случае, когда комплекс получаемых выгод перевешивает издержки на освоение ресурсов. Среди выгод особое место занимают так называемые косвенные, или мультипликативные, эффекты, возникающие за пределами сырьевого сектора экономики, но обусловленные его развитием. Справедливости ради нужно отметить, что в 1960-х—1970-х годах нефтегазовый сектор выступал в роли мощного мультипликатора, дававшего толчок для развития многих отраслей советской промышленности и прежде всего — машиностроения и металлургии. Например, только за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.) предприятия и организации нефтяной отрасли получили, более 20 тыс. грузовых автомобилей, около 7,5 тыс. тракторов и 1,7 тыс. экскаваторов, 1475 комплектов буровых установок, 1550 штук цементировочных агрегатов, 1750 агрегатов для ремонта скважин и много другой техники. Сложные условия добычи нефти в Западной Сибири послужили предпосылкой для разработки и организации массового выпуска многих видов принципиально нового оборудования.[566] Можно определенно сказать, что 1960-х—1970-х годах советский нефтегазовый сектор почти полностью развивался с опорой на отечественную технологическую базу и промышленный потенциал стран социалистического лагеря.

Плюс к этому был обеспечен серьезный экономический подъем обширных территорий на севере Западной Сибири, был создан ряд крупных промышленных узлов и зон хозяйственного освоения в ранее почти необжитых районах. Однако достижения тех лет, связанные с формированием новой топливно-энергетической базы страны, не следует идеализировать. Наряду с очевидными успехами имели место и серьезные проблемы, прежде всего — в социальном развитии территорий. Строительство жилья и объектов соцкультбыта постоянно отставало от нараставшего притока населения в нефтегазовые районы,

---

[564] Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. — М.: Изд-во МГУ, 2005 • URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/index.html [2013-06-14].

[565] Рассчитано по данным BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

[566] Шашин В.Д. Нефтяники — стране. — М.: Недра, 1976. — С. 84, 87.

что порождало все новые и новые дисбалансы, а старые проблемы от этого только усугублялись. Вдобавок ко всему резко усилилась дифференциация в социально-экономическом развитии между нефтегазовыми районами и районами с традиционной экономикой. Обострение социальных проблем привело к тому, что в 1980-х годах пришлось принимать экстраординарные меры для исправления ситуации. В Тюменской области были форсированы темпы строительства жилья и соцкультбыта, а участвовала в этом — в порядке «шефской помощи» — едва ли не вся страна. Вторая серьезная проблема заключалась в несбалансированности развития нефтегазового сектора как такового: то геологоразведка отставала, то переработка углеводородов, то хозяйственная инфраструктура. И все это имело место несмотря на централизованное директивное планирование, которое в силу преобладания отраслевого подхода и доминанты ведомственных интересов не справлялось с решением сложных комплексных задач. В итоге нерационально использовались лимитированные материальные и финансовые ресурсы, снижалась эффективность освоения углеводородных ресурсов Западной Сибири.

Между тем, задачи по достижению высокой эффективности развития нефтегазового сектора с каждым годом становились все более трудноразрешимыми. В 1980-х годах по мере истощения выявленной ресурсной базы, продвижения дальше на север Западной Сибири и роста добычи природного газа (который во все более значительных объемах экспортировался) стали ухудшаться условия работы. Происходил не только естественный рост всех видов затрат, но и постоянно повышались требования к технологическому уровню производства, качеству применяемой техники и оборудования. Обострился дефицит многих видов оборудования и материалов, который стал компенсироваться за счет импорта в обмен на поставляемое западным странам сырье и некоторые химические продукты. В качестве примеров можно назвать обширное соглашение с ФРГ «Газ — трубы» (осуществлялись поставки газа в Германию в обмен на трубы для строительства экспортных и внутренних магистральных газопроводов) и так называемые компенсационные соглашения по импорту оборудования для строившихся в стране нефтегазохимических предприятий (в уплату за поставленное оборудование уходила часть производимой продукции).

Мобилизационная модель освоения природных ресурсов в отсутствие конкурентной экономической среды привела к тому, что с каждой пятилеткой падали темпы научно-технического прогресса, а некоторые проблемы, например, обеспечение нефтегазовой промышленности техникой в северном исполнении, так и оказались до конца не решенными. Внедрение достижений научно-технического прогресса зачастую не носило комплексного характера, поэтому крайне медленно сокращался ручной труд, доля которого в 1980-х годах в нефтегазовой промышленности достигала 40%, а в строительстве — 60%. Внедрение технологических инноваций зачастую неоправданно затягивалось, а затраты на эти цели были слишком незначительны. В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда недостатка в разработанных новинках, вроде бы, и не было, но до сферы производства они не доходили. Внедрение научно-технических достижений, обновление парка машин и оборудования, а также производимой продукции шло чрезвычайно медленными темпами. В 1970-х—1980-х годах отставание СССР от Запада в области нововведений составляло 15—20 лет, увеличившись по сравнению с серединой 1960-х годов почти вдвое.[567]

Рост добычи и экспорта углеводородного сырья в значительной степени стал решающим фактором, который в течение примерно полутора десятилетий позволял демпфировать общую неэффективность советской директивно-плановой экономики с ее многочисленными провалами, включая проблемы продовольственного снабжения. Нараставшие продовольственные трудности подталкивало советское руководство

[567] Карпов В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс — достижение экономики мобилизационного типа // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28—29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — С. 184.

к форсированному освоению ресурсов Западной Сибири, использованию методов эксплуатации, позволявших добиться быстрых результатов, но создававших трудно прогнозируемые риски падения добычи в будущем.[568] Как показали последующие события, ждать этого падения пришлось совсем недолго, но в конце 1970-х — начале 1980-х годов *«поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, обеспечил финансовую базу наращивания гонки вооружений, достижения ядерного паритета с США и позволил начать осуществление таких внешнеполитических авантюр, как война в Афганистане»*.[569] Нужно при этом отметить, что стало быстро и в худшую сторону изменяться соотношение между доходами от экспорта и затратами на добычу углеводородов — все бóльшая доля выручки уходила на компенсацию издержек производства в самом нефтегазовом секторе, а меньшая доставалась другим сферам экономики и использовалась на цели социального развития.

Рассматривая эволюцию отечественного НГС в поздний советский период времени, следует подчеркнуть, что на начальной фазе освоения ресурсов Западной Сибири в секторе фактически реализовывалась вполне прагматичная модель развития *«национальные ресурсы и технологии + иностранный капитал»*, к которой, кстати, мы стремимся и сегодня. Конечно, прямых зарубежных инвестиций в нефте- и газодобычу тогда не было, но их роль выполнял приток выручки от экспорта нефти. К сожалению, данная модель эффективным образом проработала очень недолго. Со второй половины 1970-х годов она стала быстро и верно трансформироваться в модель *«национальные ресурсы + иностранные технологии и капитал»*, которая, в сущности, охватила всю советскую экономику. В 1970-е—1980-е годы за нефтедоллары было закуплено оборудование для 50-ти крупных предприятий, в том числе для крупнейших автомобильных заводов в Тольятти (АвтоВАЗ) и в Набережных Челнах (КАМАЗ), предприятий по выпуску радиоэлектронной техники и других.[570] К сожалению, зачастую — экономии ради — закупалось морально устаревшее оборудование и такие же лицензионные модели продукции, для выпуска которых оно предназначалось. Но это еще полбеды, худшее состояло в том, что нараставший технологический импорт не просто заполнял имевшиеся бреши, а ставил крест на конкурирующих отечественных разработках, например, для химической промышленности и автомобилестроения. Советское директивное планирование полагало нерациональным тратить средства на собственную разработку того, что можно было беспрепятственно купить за рубежом. Как следствие, не только нарастало технологическое отставание СССР от западных стран, но и оказались утерянными многие собственные научно-технические заделы.

Сложившаяся в поздние советские годы ущербная по своей сущности модель взаимодействия НГС с внешним миром в целом сохранилась вплоть до настоящего времени. Ее ущербность связана с формированием и дальнейшим усилением двоякого рода зависимости: во-первых, зависимости всей национальной экономики от состояния и динамики развития ориентированных на экспорт отраслей минерально-сырьевого сектора или того, что мы сейчас привычно называем «нефтяной иглой»; во-вторых, экономической, технологической и, отчасти, политической зависимости России от промышленно развитых государств Запада (а теперь — и Востока), что сближает положение нашей страны с тем, в каком находятся ресурсные страны «третьего мира». С точки зрения своего позиционирования в глобальной политико-экономической системе Россия стала действительной наследницей СССР и представляет собой «второй мир», который поднялся над «третьим», но еще не может дотянуться до «первого».

---

[568] Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. / 2-е изд., испр. и доп. — М: РОССПЭН, 2006. — С. 181.

[569] Там же, с. 183.

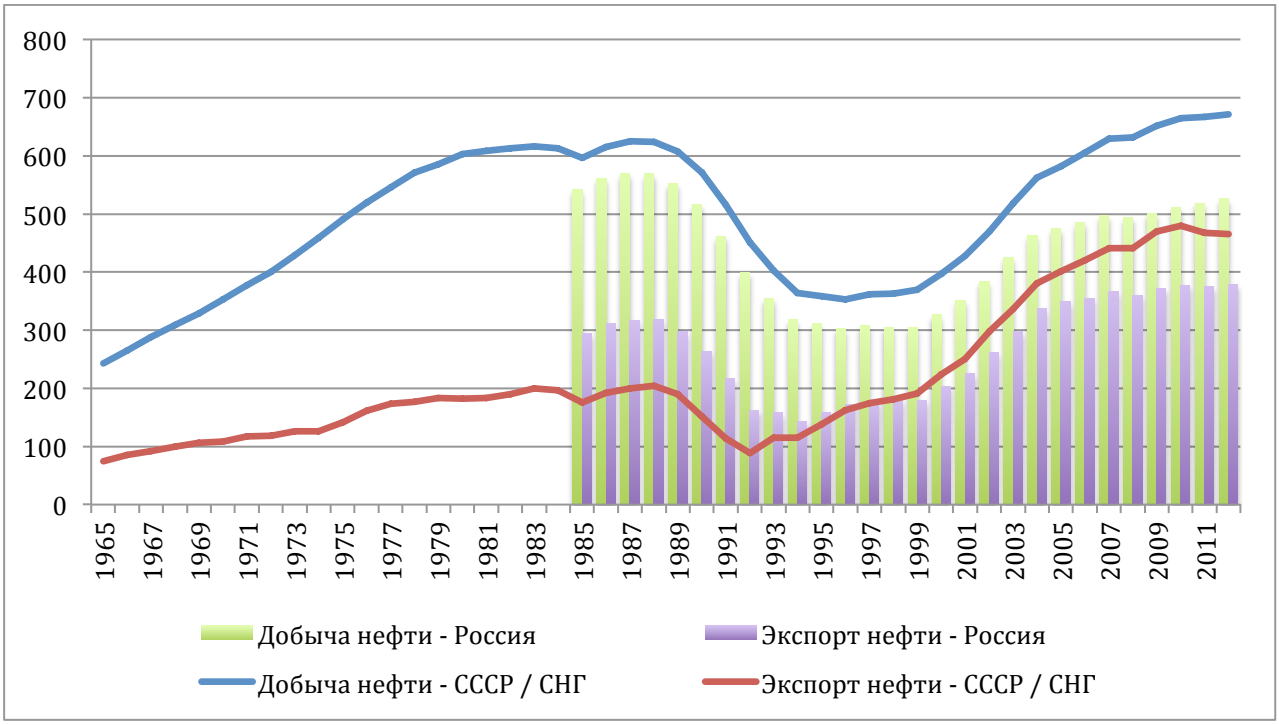
[570] Байбаков Н.К. Трудные годы становления третьего Баку // В кн.: Нефтяная эпопея Западной Сибири. / Ред. кол.: Крол М.М. (гл. ред.) и др. — М., 1995. — С. 21.

О проблеме сырьевой зависимости, как угрозе для страны, громко заговорили в конце 1980-х годов, когда в добавок к рухнувшим мировым ценам на энергоносители начала падать собственная добыча нефти, вследствие чего прежний «бурный поток» нефтедолларов сузился до тонкого «ручейка». Затем настали 1990-е с их трансформационным кризисом и распадом СССР. Падение добычи нефти в России приобрело обвальный характер. Однако несмотря на это, минерально-сырьевой комплекс, включая добычу углеводородов, остался едва ли не единственным крупным сектором отечественной экономики, который всерьез сохранил свою дееспособность и производственный потенциал. Сжатие производства во многих отраслях обрабатывающего сектора оказалось еще более катастрофическим, поэтому вопреки 1,8-кратному сокращению объемов добычи и экспорта нефти (в сопоставлении с историческими максимумами) наша сырьевая зависимость только усилилась.

На смену кризисным 1990-м, с их «разбродом и шатаниями», пришли 2000-е годы, подарившие надежду на стабильность и возобновление экономического роста. Проблема же чрезмерной зависимости от добычи и экспорта сырья, вроде бы, озаботила и руководство страны, которое заговорило о поиске иных путей роста и переходе к инновационной модели развития российской экономики. Но сырьевая зависимость продолжала усиливаться — сначала из-за ренессансного подъема добычи нефти, а затем вследствие стремительного взлета мировых цен на энергоносители. В 2011 г. с учетом нефтепродуктов Россия экспортировала почти ¾ добытой нефти (рис. РЕС-31); удельный вес углеводородов в структуре товарного экспорта достиг 65% (рис. РЕС-32); а доля нефтегазового сектора в доходах консолидированного бюджета страны составила 40%, что вдвое выше, чем было в конце 1990-х годов.

Рисунок • РЕС-31

СССР и Россия:
объемы добычи и экспорта нефти (включая нефтепродукты), млн т

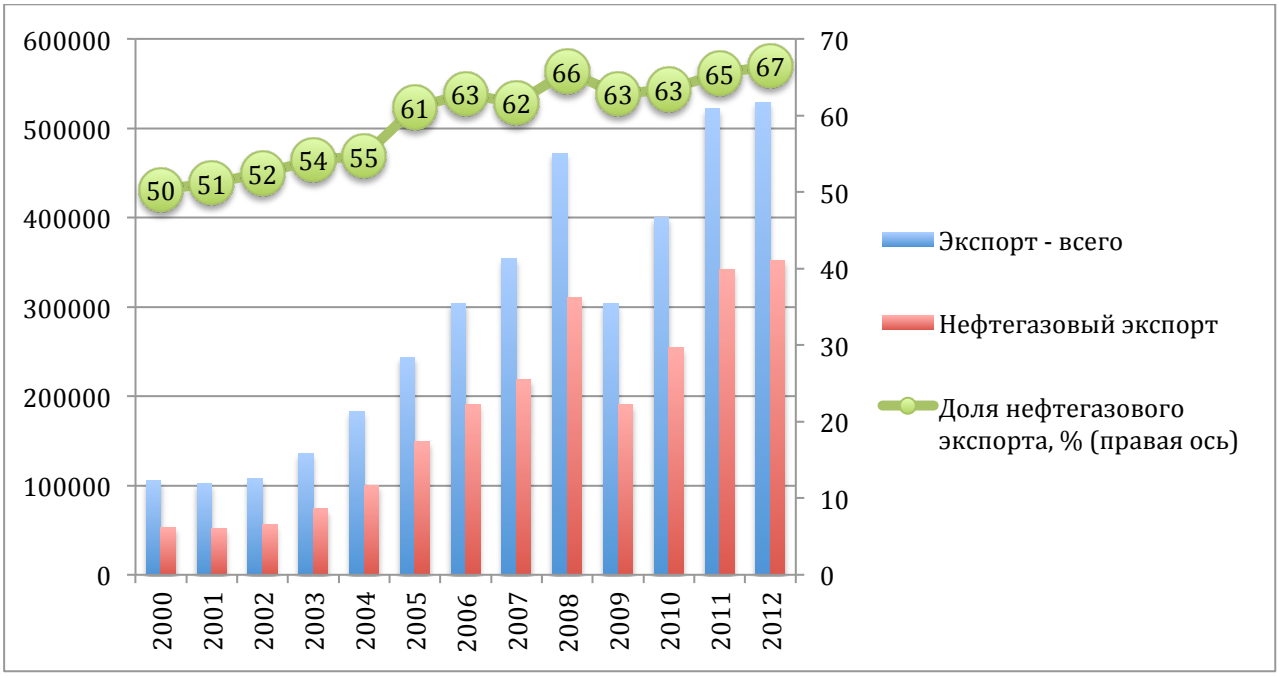

Примечания:
1) экспорт нефти из России включает поставки в бывшие советские республики / страны СНГ;
2) экспорт нефти из СССР / СНГ — величина-нетто.

Источник: BP Statistical Review of World Energy – 2013 • URL: http://www.bp.com/.

Рисунок • РЕС-32

Динамика российского товарного экспорта в 2000—2012 гг., млн долл.

Центральный Банк РФ — Статистика внешнего сектора • URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs.

При этом во время недавнего мирового кризиса, сопровождавшегося резким падением цен на сырье и энергоносители, мы со всей отчетливостью увидели, насколько ненадежным может быть наше нефтегазовое благополучие. Неслучайно сегодня все громче звучат призывы поскорее избавиться от злополучной сырьевой зависимости, о необходимости радикальной смены курса в экономическом развитии страны. Но если трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию, мы будем вынуждены признать, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе в российской экономике трудно будет найти источники доходов, которые смогли бы заместить НГС. Поэтому в реальной действительности экстренное решение проблемы избавления от сырьевой зависимости сегодня представляет собой, образно говоря, выбор одной опции в дилемме, что лучше: нищий бюджет с низкой долей нефтегазовых доходов или относительно богатый бюджет с высокой долей нефтегазовых доходов. Думается, это будет очень непростой выбор — не только для властей, но и всех граждан России.

Сложность ситуации, как это часто бывало в отечественной истории, порождает принятие решений, с трудом поддающихся рациональной интерпретации. Среди всех нефтезависимых государств мира, Россия нашла, пожалуй, самый простой и оригинальный способ преодоления зависимости от ресурсов: наша страна объявила себя «энергетической сверхдержавой». Конечно, с терминологической точки зрения между понятиями «сырьевой придаток» и «энергетическая сверхдержава» есть очень большая разница. Но каковы сущностные различия и есть ли они? Дискуссии на эту тему идут уже несколько лет, но, по-видимому, они почти беспредметны по причине концептуальной расплывчатости обсуждаемых категорий.

К примеру, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Оман и ряд других стран-экспортеров нефти, которые с очевидностью играют роль сырьевых придатков «первого мира», вполне благополучны в своем социально-экономическом развитии — во всяком случае, по статистическим показателям уровня жизни они заметно опережают Россию. Саудовскую Аравию можно без особых натяжек назвать «энергетической сверхдержавой», поскольку она

располагает крупнейшими в мире запасами нефти, является ведущим производителем и экспортером, оказывает реальное влияние (в партнерстве с другими странами-участниками ОПЕК) на состояние мирового рынка нефти. Т.е. в данном случае наблюдается некоторое двуединство «сырьевого придатка» и «энергетической сверхдержавы». При этом все названные выше государства вряд ли можно назвать реально, или полностью, независимыми от «первого мира» как в экономическом, так и в политическом отношении.

В противоположность им, большинство европейских и азиатских стран с высоким уровнем дохода не располагает крупными сырьевыми и энергетическими ресурсами, но находится на существенно более высокой ступени технологического, институционального и социально-экономического (если не по статистике, то в качественном отношении) развития. Но и эти все государства опутаны целой сетью взаимозависимостей, и практически каждое из них в той или иной степени зависимо от США, безусловного лидера «первого мира».

Китай — «демографическая сверхдержава», которая благодаря высоким темпам роста, стабильно удерживаемым в последние 30 лет, уверенно выдвигается в ряды «экономических сверхдержав». Впрочем, Китай вполне можно считать и «энергетической сверхдержавой», ведь Поднебесная владеет 9% мировых запасов минерального топлива, производит первичной энергии в 1,8 раза и потребляет в 3,5 раза больше, чем Россия. Главное отличие от России состоит в том, что свой энергетический потенциал Китай не выбрасывает непосредственно на мировой рынок, а предварительно «конвертирует» в различные виды продукции с более высокой добавленной стоимостью. Трудно сказать, смогла бы китайская экономика развиваться с такой завидной скоростью, если бы не опиралась на более чем 90-процентную самообеспеченность энергоресурсами. Динамичность экономике Китая придает пул отраслей и производств, ориентированных на внешний рынок. Однако наличие гипертрофированного экспортного сектора создает специфические риски нестабильности, поскольку ставит Поднебесную в зависимость от состояния мирового рынка.

США являются сверхдержавой без каких-либо условно-уточняющих определений. Однако глобальный лидер тоже находится, по крайней мере, в «технической» зависимости от импорта нефти, что не представляет опасности для страны лишь постольку, поскольку США обладают политическим контролем над основными источниками импортируемой нефти. Вполне очевидно при этом, что утрата подобного действительного контроля даже на непродолжительное время, как показали события 1973 и 1979 гг., может привести к серьезным потрясениям в американской экономике, равно как и во всей экономике «первого мира».

С формальной точки зрения неважно, на чем мы пытаемся выстроить собственное благополучие и обеспечить влияние в мире — на нефти и газе, высоких технологиях, вооружениях, детских игрушках или выращивании бананов. Важно, чтобы соблюдалось два условия: во-первых, избранные факторы развития действительно должны обладать свойством «локомотивной тяги», способной через систему межотраслевых связей потянуть за собой рост всей экономики; во-вторых, двигательная сила факторов роста должна быть достаточно устойчивой и не подверженной чрезмерным колебаниям по причине, например, внешних воздействий (конъюнктурных, политических и проч.). Россия располагает достаточно большими ресурсами нефти и газа, чтобы использовать их в качестве инструмента для решения стоящих перед страной экономических и политических задач. Освоение столь крупных источников природной энергии в сочетании с комплексным преобразованием теоретически способно сгенерировать мощные мультипликативные эффекты в экономике. Т.е. первое из названных выше условий выполняется. Сложнее обстоит дело со вторым. В исторически долгосрочной перспективе сырьевые ресурсы нельзя рассматривать в качестве устойчивого фактора развития из-за их естественной исчерпаемости и эволюционной изменчивости потребностей мировой экономики в тех или иных ресурсах. В обычных же пределах научно-экономического прогнозирования

можно представить довольно устойчивые сценарии развития на основе ресурсного фактора при адекватном учете сопутствующих рисков. Но делать ставку на ресурсы имеет смысл лишь при условии, что в течение двух—трех десятков лет, а не веков, удастся сформировать и реально задействовать замещающие или дополняющие факторы развития, провести глубокую диверсификацию экономики, поскольку наличие гипертрофированных секторов (особенно — сырьевого) резко снижает устойчивость социально-экономического развития и создает повышенные экономические и политические риски.

К сожалению, наше прошлое и настоящее показывает, что мы еще не научились как следует использовать ресурсный фактор в качестве «локомотива» национальной экономики. Освоение российских источников нефти и газа естественным образом создает «положенные» мультипликативные эффекты, которые, по большей части, реализуются за пределами нашей страны. Заграница добавляет стоимость в процессе переработки производимых нами энерго-сырьевых ресурсов и использует конечные эффекты. Она же получает всю цепочку доходов и эффектов от поставок в Россию технологий, машин и оборудования, интеллектуальных компонент, требуемых для освоения ресурсных источников. Наша же страна в основном вынуждена довольствоваться прямыми эффектами — рентой, содержащейся в ценах добываемого сырья.

Способна ли идея «энергетической сверхдержавности» внести принципиальные коррективы в сложившуюся ситуацию? Позволит ли она России превратиться в органичную часть глобального экономического и энерго-технологического пространства или мы по-прежнему будем всего лишь примыкать к нему в качестве ресурсного донора? Если да, то рассматриваемая идея может стать важнейшим системно-концептуальным направлением развития страны на обозримую перспективу. Если нет, то попытка построения «энергетической сверхдержавы», скорее всего, сведется к внешнеполитическому курсу, прикрывающему отсутствие четко осознанной парадигмы национального социально-экономического прогресса и вытекающему из нынешнего «нефтегазового цугцванга», т.е. станет очередным вынужденным ходом, ведущим к дальнейшему ухудшению позиции.

Сверхдержавность, обращенная вовне и подразумевающая возможность оказывать влияние на общемировые процессы, является привычным положением для нашей страны. Россия, сыгравшая главную в роль в крушении наполеоновской империи, объективно стала великой европейской державой в первой половине XIX века. Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над фашизмом в годы Второй мировой войны и в последствии сумевший создать собственное ракетно-ядерное оружие, тоже по полному праву занимал положение великой мировой державы наравне с США. Но ни в том, ни в другом случае сверхдержавность, опиравшаяся на военно-политическую мощь и милитаризованную экономику, не приносила особых внутренних дивидендов, выражавшихся в высоком уровне жизни населения. Скорее наоборот, народное благосостояние и благополучие приносилось в жертву стремлению вершить судьбы мира. В основу нынешней своей сверхдержавности Россия пытается положить обладание уникальным нефтегазовым потенциалом. Удастся ли сделать это «оружие» не только инструментом внешнего влияния, но и действительным источником национального благосостояния, покажет будущее.

Видимые и не единожды обозначенные разнообразные политико-экономические выгоды «энергетической сверхдержавности», связанные с усилением позиций России в мировом пространстве, весьма и весьма привлекательны. Более того, утверждается даже, что у России сегодня нет другой альтернативы выживания.[571] Но нельзя не видеть и многие сложности, которые предстоит преодолеть, прежде чем мы сможем пожинать плоды «энергетической сверхдержавности». Ключевая проблема состоит в том, что для достижения «сверхдержавных» целей потребуется дальнейшее наращивание добычи и экспорта

[571] Симонов К. Энергетическая сверхдержава. — М.: Алгоритм, 2006. — С 5.

углеводородов, которое с каждым годом дается нам все более и более дорогой ценой. Доступ к новым ресурсным источникам становится все более и более трудным, а дорога к ним ведет нас уже прямиком в Арктику. Для освоения этих источников нужны не только соответствующие технологии, которыми Россия не располагает, но и гигантские инвестиции, характеризующиеся очень высоким уровнем рисков. Уже сегодня российские власти вынуждены вводить невиданные, экстраординарные по прежним меркам налоговые и тарифные льготы для всех стратегически важных нефтегазовых проектов. Тем самым сводятся к минимуму привычные для нас прямые финансовые выгоды, а следовательно, неизмеримо возрастает значение выгод косвенных, которые пока что большей частью достаются не России, а зарубежным странам.

В России же происходит сокращение занятости в промышленности — на 142 тыс. чел. за 11 месяцев 2012 г., — о чем сообщает газета «Ведомости» со ссылкой на Росстат. Больше всего потеряла обрабатывающая промышленность (132 тыс. рабочих мест), а чистый прирост наблюдался только по двум видам деятельности: в добыче полезных ископаемых (на 16,6 тыс.), а также в оптовой и розничной торговле (на 44,8 тыс.).[572] Но несмотря на это, мы обольщаемся надеждами, что запуск новых экспортных трубопроводов, как например в случае с ВСТО-2, *«даст очень серьезный толчок»* для развития и что подобные проекты *«существенно расширяют инфраструктурные возможности»* восточных регионов страны. [573] Хотя вполне очевидно, что магистральные трубопроводы всего лишь предназначены для перекачки нефти и газа и никаких дополнительных эффектов сами по себе принести не способны. В этой связи нельзя не отметить, каким контрастом в сравнении с нашими «победными реляциями» выглядят сообщения из Китая, где почти одновременно с пуском ВСТО-2 была сдана в эксплуатацию самая длинная в мире (2,3 тыс. км) высокоскоростная железная дорога, связавшая столицу страны с несколькими провинциальными центрами.[574] Такие инфраструктурные проекты действительно играют серьезную интегрирующую роль в национальной экономике и порождают множественные косвенные эффекты.

Нельзя не отметить и устойчиво негативную — с позиций «сверхдержавности» — тенденцию к сужению российской ниши на мировых энергетических рынках. В последние 7—8 лет доля России в мировом нефтяном экспорте стабилизировалась примерно на отметке в 14%, а в экспорте газа снизилась с 25 до 18%. Не растет удельный вес России и в добыче углеводородов, застыв где-то на уровне 12—13% по нефти и 18—19% по природному газу. [575] Сложившаяся динамика показателей отражает объективные и субъективные трудности в современном развитии отечественного НГС, которые выливаются в торможение роста производственных показателей, что противоречит не только курсу на «энергетическую сверхдержавность», но соображениям вполне утилитарной выгоды. В пику идее «сверхдержавности» можно сколько угодно дискутировать на тему о целесообразности наращивания экспорта энергоресурсов, но от этого факты не перестанут быть фактами. Действительно, нет ничего хорошего в том, что наша экономика находится в слишком сильной зависимости от экспорта сырьевых товаров и конъюнктуры мирового рынка сырья. Но и сужение российской ниши, к примеру на рынке природного газа, тоже не предвещает

---

[572] Неформальный рекорд // Ведомости. — 26 дек. 2012
• URL: http://vedomosti.ru/newspaper/article/370041/neformalnyj_rekord [2013-06-14].

[573] От Балтики до Тихого океана // Российская газета. — 26 дек. 2012
• URL: http://www.rg.ru/2012/12/25/proekti-site.html [2013-06-14].

[574] В Китае запущена длиннейшая в мире скоростная железная дорога // РБК daily. Ежедневная деловая газета. — 26 дек. 2012 • URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/12/26/world/562949985406393 [2013-06-14].

[575] Рассчитано по данным BP Statistical Review of World Energy – 2005 / 2013 • URL: http://www.bp.com/.

ничего хорошего, если это не будет компенсировано увеличением объемов внешней торговли обработанными и высокотехнологичными товарами. Следует также учесть, что наши основные конкуренты на газовом рынке не столь привередливы в своих конечных целях и в отличие от «Газпрома», как правило, не претендуют на глубокую интеграцию в систему энергоснабжения стран-импортеров. То есть де-факто они готовы предложить свой товар на потенциально более выгодных для покупателей условиях, нежели российский экспортер, действующий в соответствии с требованиями курса на «энергетическую сверхдержавность».

Логично предположить, что «энергетическая сверхдержава», дабы не превратиться в «энергетическую империю», должна не только править миром, давать странам-импортерам нефть и газ, извлекая свои выгоды, но и быть своего рода покровителем, гарантом энергетической безопасности и стабильности. Действия под известным из гайдаевской кинокомедии управдомовским девизом: *«А если не будут брать, отключим газ!»* — станут, скорее всего, неуместны. Например, опасаясь диктата, традиционные европейские импортеры российского природного газа отчаянно диверсифицируют источники своего энергоснабжения. Со своей стороны, Россия предпринимает усилия по диверсификации географических направлений экспорта, открывая для себя азиатские рынки. Но эти рынки являются конкурентными, поскольку не привязаны к жестким конфигурациям поставок, а потому не столь уж просты для нас. На них нужно учиться работать, чтобы не попасть в зависимость от покупателей, которые хоть и ждут прихода наших энергоресурсов, но рассчитывают на покладистость российской экспортной политики, полагая, что нам все равно некуда деваться. В этом смысле показательна позиция Китая, ставшего нашим главным восточным контрагентом в торговле энергоресурсами и умело использующего свое экономическое превосходство для достижения наиболее выгодных для себя условий поставок нефти и газа из России.

Позитивный настрой в политике «энергетической сверхдержавы» не может граничить с альтруизмом. Чтобы не скатиться к последнему от России требуется достаточная уверенность в собственных силах, подкрепляемая целым комплексом аргументов, которые должны быть в арсенале любой державы, любого государства, претендующего на свою политическую и экономическую самостоятельность. «Энергетическое оружие» выстрелит точно в цель лишь при условии, что «стрелок» умеет хорошо обращаться с этим «оружием» и способен при необходимости защитить его от чужих посягательств. Для сегодняшней России это означает, что *«должны быть достроены все остальные недостающие предпосылки державы, не говоря уже о "сверхдержаве". Даже энергетической сверхдержавой можно быть только при одном условии: если у страны есть достаточная военно-политическая мощь, чтобы сохранять контроль над энергоресурсами. А эту мощь нельзя обеспечить, имея одну отрасль под названием "энергетика", будь она даже самая развитая на свете»*.[576]

«Энергетическая сверхдержавность» — это чрезвычайно сложный для России политико-экономический курс с шансами на успех и рисками неудачи. Максимизация первых и минимизация вторых во многом будут определяться тем, насколько адекватными, прагматичными и целеустремленными окажутся решения и действия, предпринимаемые российскими властями. Будут ли извлечены надлежащие уроки из кризисов и сложных ситуаций, в которые прежде попадала наша страна, запутавшись в противоречивых стремлениях сохранить стабильность, получить выгоды от ресурсного изобилия и не угодить при этом в глубокую сырьевую зависимость? Или мы и дальше будем двигаться по инерции, ссылаясь на безысходное «ресурсное проклятие»? Следует согласиться с Е.Т. Гайдаром,

[576] Леонтьев М. Концепт «Россия как энергетическая сверхдержава» // Русский журнал. — Ежедневное российское общественно-политическое интернет-издание — 27 окт. 2006 • URL: http://www.russ.ru/pole/Koncept-Rossiya-kak-energeticheskaya-sverhderzhava [2013-06-14].

который при анализе причин, приведших к падению СССР, отметил, что *«...принятые советским руководством решения сыграли немалую роль в том, как развивался кризис советской экономико-политической системы в конце 1980 — начале 1990-х годов. От руководства страны зависело многое, однако, отнюдь не все. Не бессмысленно сказать и наоборот: не все, но многое»*.[577] Сегодня и в дальнейшем от российского руководства будет зависеть многое; потребуется не только компетентность, знание и понимание проблем, стоящих перед страной, но и политическая воля для принятия и выполнения решений, которые с неизбежностью должны затронуть институциональный каркас национальной экономики.

Все это имеет весьма отдаленное отношение к мифическому «ресурсному проклятию», которое, якобы, довлеет над Россией. Автор готов присоединиться к выводу, сделанному в одной из недавних публикаций У. Томпсона: *«Утверждения о том, что Россия превращается в снежную Венесуэлу, сильно преувеличены. В политическом аспекте удивляет не то, как хорошо Россия соответствует стереотипам сырьевой политэкономии, но, наоборот, то, как успешно она до сих пор сопротивлялась многим институциональным и политическим извращениям, обычно ассоциируемым с развитием, в основе которого лежит сырье. Более того, есть все основания утверждать, что и без всяких ресурсов Россия страдала бы от тех же самых проблем. Одновременно в тезисе о том, что ресурсное богатство России представляет опасность для ее политического развития, все же есть некоторая справедливость. Однако основная проблема не в природе этих ресурсов, но в их локализации в институциональной среде, плохо подготовленной для преодоления проблем, порождаемых богатством такого рода»*.[578] К этому следует добавить, что в России аналогичные проблемы, хотя и не в таких масштабах, порождаются любым богатством. Любой доход приобретает в той или иной степени рентный характер, любой источник дохода уподобляется нефтяному месторождению, а любой бизнес и управленческая деятельность в значительной мере превращаются в погоню за рентой.

Современные российские проблемы схожи с проблемами всех ресурсно избыточных стран, однако имеют свою специфику, поскольку Россия — это, все же, не «третий мир». Схожесть состоит в многообразной зависимости от «первого мира»: в наследство от СССР России досталась экономика, находящаяся в довольно сильной технологической зависимости от Запада, а не просто ресурсозависимая, и включающая гипертрофированный военно-промышленный сектор — развитый технологически, но склонный к инерционному росту, низко мобильный, плохо приспособленный к потребностям гражданских отраслей. Также как и страны «третьего мира», Россия вступила в полосу дискретных институциональных, общественно-политических и экономических трансформаций, которые именно в силу своей дискретности неизбежно способствуют активизации ренториентированного поведения, а наличие ресурсов создало для этого исключительно благоприятную среду.

Главное же наше отличие от «третьего мира» заключается в неодинаковости базовых условий протекания трансформационных процессов. Для стран «третьего мира» типичными являются переходы от колониальной подчиненности к политической независимости и от бедности к богатству, что порождает стремление к ускоренной модернизации социально-экономических систем (пусть и далеко не самыми лучшими способами). В России дискретные трансформации оказались неразрывно связаны с деградацией традиционной,

---

[577] Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. / 2-е изд., испр. и доп. — М: РОССПЭН, 2006. — С. 204.

[578] Уильям Томпсон. Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // ПрогнозиΣ. Журнал о будущем. — 2008. — № 1 (13). — С. 150—174
• URL: http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognozi931-113-2008.html [2013-06-14].

созданной в советский период времени, индустриальной экономики, в развитости которой мало кто сомневался, а также с переходом от богатства к бедности, от величия — к второстепенной роли на мировой сцене. Тот факт, что бытовавшие в преддверии перехода общественные представления о величии, богатстве и экономической мощи страны были не вполне адекватны и слишком догматичны не имеет принципиального значения, так как они стали неотъемлемой частью национального менталитета, по которому падение Советского Союза нанесло сокрушительный удар.

Поэтому нынешняя, если можно так сказать, обреченность России, в отличие от стран «третьего мира», связана отнюдь не с теоретическим «ресурсным проклятием» и даже не с объективными отрицательными проявлениями ресурсного изобилия, а с неизбежным для нас решением фундаментальной дилеммы ***«Быть или не быть?»***.

Стать если не сверхдержавой, то хотя бы ***подлинной державой***, на равных взаимодействующей с внешним миром, но не находящейся в полуколониальной зависимости от него; державой, способной обеспечить своим гражданам все необходимые условия для построения достойной жизни. Стремясь «быть», мы опираемся на ресурсы, которые становятся предпосылкой для особого, сопряженного с определенными шансами и рисками, позиционирования России на мировой арене в качестве «энергетической сверхдержавы». Но в какой степени эта внешняя по своей сущности «сверхдержавность» сможет обернуться внутренними выгодами, измеряемыми не прибылями государственных и частных корпораций, а реальным ростом общественного благосостояния, пока не слишком ясно. Точно также не вполне ясно, как это отразится на состоянии и динамике всего комплекса отечественных институтов, опосредующих процессы общественно-политического и экономического развития и несовершенство которых перерастает в проблему целеполагания в политике государства. В общем, остается немало вопросов касательно нашей сырьевой зависимости, перспектив ее преодоления или перевода в более приемлемые форматы взаимозависимости между Россией и миром.

Ответы на эти непростые вопросы сможет дать только время, которого для решения нашей фундаментальной дилеммы остается все меньше и меньше. Но будем надеяться на лучшее — на то, что разыгрывать «нефтегазовый цугцванг» не придется в условиях политико-экономического «цейтнота»…

На витке исторической спирали, или возвращение Менделеева

Классики марксизма-ленинизма утверждали, что для общества и явлений его жизни характерно *«развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, ... развитие, так сказать, по спирали».*[579] Сказанное в полной мере относится и к российскому нефтегазовому сектору, если иметь в виду, те проблемы, с которыми он сталкивается в своем развитии. Сегодня мы находимся на витке исторической спирали, во многом повторяющем трудности и проблемы, имевшие место более 100 лет назад, в конце XIX — начале XX веков. Разница заключается в том, что тогдашние проблемы до известной степени можно счесть «детскими болезнями» роста в отечественном нефтегазовом деле, которое только-только утверждалось в роли крупной индустриальной отрасли. Сегодня же мы повторяем старые ошибки, несмотря на огромный накопленный опыт — собственный и зарубежный, — что выглядит несколько парадоксально. Другое важное отличие современности от прошлой эпохи состоит в том, что сейчас в России, по-видимому, нет столь выдающихся и универсальных в своем гении ученых, пользующихся непререкаемым авторитетом в международном научном мире, к чьему мнению с подобающим вниманием вынуждена относиться власть, до тонкостей знающих нефтяное дело во всех его ипостасях, каким был ***Дмитрий Иванович Менделеев***.

Универсальный научный гений

Имя этого великого русского ученого обычно ассоциируется с фундаментальными открытиями в области естественных наук, с химией, со знаменитой периодической таблицей (периодической системой химических элементов, Периодическим законом). Но сфера научно-теоретических и прикладных интересов Д.И. Менделеева простиралась далеко за пределы химии и охватывала вопросы развития промышленности и сельского хозяйства, нефтяное дело, технологии (в особенности — добычи, транспорта и переработки углеводородов), геологию, метрологию, экономику и управление, философию и психологию, социальные отношения, народонаселение, образование и многие другие. Огромный интерес у Менделеева вызывала тема освоения Крайнего Севера — он даже подготовил целую программу исследования Арктики, в начале 1900-х годов предложил российскому правительству проект высокоширотного «промышленного» морского пути через Северный полюс и разработал собственный проект арктического экспедиционного ледокола. Арктические идеи Д.И. Менделеева, несмотря на поддержку С.Ю. Витте, были отвергнуты «верхами», охладевшими к полярным исследованиям. Подобно Гоголю, Менделеев сжег в пламени камина все экземпляры своего проекта вместе с чертежами ледокола. Казалось, они были навсегда утрачены, но в 1965—1966 гг. по сохранившимся в рабочей тетради черновым эскизам и по подробным расчетам Менделеева теоретический чертеж ледокола был восстановлен, затем была построена и испытана в бассейне модель, показавшая, что Дмитрию Ивановичу удалось спроектировать прекрасное судно, не уступавшее лучшим ледоколам того времени. [580]

---

[579] Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1967—1975. — Т. 26. — С. 55.

[580] См.: Смирнов Г.В. Менделеев. / Серия «Жизнь замечательных людей» — М.: Молодая гвардия, 1974. — С. 281.

В 1937—1954 гг. Академией наук СССР было выпущено полное собрание сочинений Д.И. Менделеева в 25 томах, представляющее собой, несмотря на многие редакционно-издательские погрешности и бесчисленные купюры, *«огромное издание, содержащее труды буквально по всем отраслям науки и практической деятельности».*[581] В четырех томах общим объемом в 2800 страниц представлены сочинения по вопросам экономики — и это не считая работ, так или иначе затрагивающих экономическую проблематику и разбросанных по другим томам издания. Еще один объемистый том включает труды, специально посвященные ***нефти***, причем не только и не столько химии и геологии нефти, сколько развитию нефтяного дела — вопросам его технологий, экономики и организации, размещения предприятий, государственного воздействия и налогообложения, народнохозяйственного значения. Особая ценность всех этих работ вызвана двумя обстоятельствами: во-первых, Д.И. Менделеев являлся глубоким знатоком нефтяного дела, одним из лучших в мире специалистов, который разбирался в самых разных аспектах нефтяной проблематики; во-вторых, труды замечательного русского ученого не были сугубо теоретическими, а нацеливались на решение практических задач развития российской нефтяной отрасли во «благо народное».

Огорчительно то, что интереснейшие экономические воззрения и труды Менделеева вплоть до самого недавнего времени были почти что преданы забвению. Трудно сказать, почему так произошло. Может, повлияло то, что в советские годы к менделеевским научным взглядам на проблемы экономики, не соответствовавшим марксистско-ленинской классовой теории, было весьма критическое отношение, и они рассматривались, в лучшем случае, лишь как предмет, представляющий историческую ценность. Следует заметить, что в XXI, XXIII и XXIV томах «академического» собрания, изданных в 1952—1954 гг., при публикации работ «Заветные мысли», «К познанию России» и «Дополнения к познанию России» из них в целом было изъято цензурой около 8 печатных листов.[582] К примеру, из «Заветных мыслей» — главного философско-мировоззренческий труда Менделеева — при публикации была полностью выброшена девятая глава «Желательное для блага России устройство правительства». Может быть, сказывается неприятие многих идей Менделеева либеральной экономической мыслью — современной и прошлой, — видящей в протекционизме, сторонником которого был Дмитрий Иванович, один из «смертных грехов» экономики. Возможно, свою роль сыграло и то, что Менделеев не облек свои научно-экономические исследования в формат какой-то цельной теории или фундаментального труда, что работы ученого зачастую были «слишком» полемичны, злободневны и конкретны, в них «слишком» много внимания уделялось не теоретическим вопросам, а практическим задачам хозяйственного развития нашей страны. К своему огорчению автор должен признаться, что и сам лишь недавно, уже работая над этой книгой очерков и занимаясь сравнительным анализом эволюции нефтедобычи в России и в США, вплотную обратился к сочинениям Менделеева.

Было бы непосильной задачей даже сравнительно бегло представить читателю экономические воззрения и практические хозяйственные предложения, во множестве сформулированные Менделеевым в его работах. Поэтому в кратком очерке автор взял на себя смелость рассказать лишь о некоторых наиболее важных и ярких, на его взгляд, моментах, имеющих самое близкое отношение к нефтегазовой проблематике и сохраняющих актуальность в наши дни, несмотря на свою более чем вековую историю.

---

[581] Кедров Б.М. Серьезные ошибки и упущения (О полном академическом собрании сочинений Д. И. Менделеева) // Вестник Академии наук СССР. — 1957. — № 1. — С. 132 • URL: http://www.ras.ru/publishing/rasherald/rasherald_articleslist.aspx?magazineid=44291d56-6f15-4719-80d5-85f1617aba26 [2013-06-15].

[582] Из предисловия Ю. Славянова к изданию: Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. — М.: Эксмо, 2008. — С. 38.

Правильного решения можно ждать только от приложения опытных приемов

Числам можно многое доверить,
потому что их можно проверить...

Д.И Менделеев. Заветные мысли[583]

Прежде всего, конечно же, следует обратить внимание на основные принципы и методологические аспекты в экономических исследованиях Д.И. Менделеева, чьи взгляды подвергались, да и сейчас подвергаются критике как «справа», так и «слева».

Представители либеральной экономической мысли критиковали Менделеева за его приверженность идеям государственного протекционизма, которые материализовались в практической деятельности ученого. *«Сторонники высоких покровительственных пошлин обыкновенно выдают себя за людей практических, руководствующихся лишь данными опыта и пренебрегающих всякими отвлеченными теориями… Наиболее решительными протекционистами являются у нас ученые химики, инженеры, технологи, которые не могут уже утверждать, что для правильных рассуждений о предмете не нужно знакомство с его элементарными основами… В числе наших протекционистов есть… профессора химии и механики, но ни одного профессора политической экономии… Но не поразительно ли, что в чисто экономическом вопросе, затрагивающем материальные интересы всего населения, считаются более компетентными специалисты по химии…, чем экономисты?»*. [584] Критики того времени иронизируют над экономическими воззрениями Менделеева, но снисходят до извинений, принимая во внимание заслуги ученого: *«не мало любопытного и удивительного в политико-экономических рассуждениях и проектах знаменитого химика, но из уважения к большим и всеми признаваемым заслугам проф. Менделеева, как ученого, мы не коснемся погрешностей и слабостей его, как публициста и деятеля протекционизма»*.[585]

Марксистко-ленинская критика взглядов Менделеева на экономические вопросы, по сути дела, сводится к наклеиванию ярлыков «буржуазности» и «идеализма», дескать, ученый *«не редко повторял положения буржуазных экономистов и социологов. В объяснении общественных явлений у Д.И. Менделеева преобладают идеалистические взгляды…. Идеализм Д.И. Менделеева… выражался главным образом в преувеличении роли сознания в развитии общества, в преувеличении роли науки, отдельных политических деятелей… Объяснение этих заблуждений ученого следует искать, прежде всего, в классовой ограниченности его мировоззрения»*. [586] Редакторы собрания сочинений

---

[583] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 299.

[584] Излишества и увлечения протекционизма // Вестник Европы. — 1890. — Т. 6 (146). — Кн. 12. — С. 803—804.

[585] Там же, с. 821

[586] От редактора // Менделеев Д.И. Сочинения. Том XXIV. Статьи и материалы по общим вопросам. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. — С. XXVI.

Д.И. Менделеева, которое было издано в советские годы, доходят до уничижительных оценок: *«В силу мелкобуржуазных иллюзий, которые были свойственны Д.И. Менделееву при рассмотрении некоторых экономических вопросов, ему остались непонятными законы капиталистического развития и антагонистические противоречия между интересами труда и капитала в условиях капиталистической системы производства»*.[587] При этом из текстов, написанных ученым, который «страдал мелкобуржуазными иллюзиями», советской цензурой при публикации нещадно вымарывались любые нелестные замечания Менделеева по адресу социалистов и коммунистов, равно как и некоторые его не слишком оптимистические оценки реального экономического положения России в начале XX столетия и перспектив ее сближения с ведущими государствами мира.

Современная критика порою сводится к тривиальным упрекам в идеализации капитализма и промышленного роста, игнорировании и недооценке общественных факторов развития: *«В высказываниях Менделеева нельзя не увидеть некоторое преувеличение роли протекционистской политики государства и возможностей ее благотворного воздействия на экономику. Он явно идеализировал индустриальное развитие… Справедливо обращая внимание на всеохватывающий характер капитала, Менделеев переоценивал его возможности в решении ключевых проблем мирового сообщества… Исследуя экономико-технические аспекты производства, Менделеев во многом игнорировал его социальную сторону. Оппоненты ученого справедливо указывали на недооценку им общественных факторов производства, нежелание видеть противоречивость капитализма и его "социальные язвы"»*. А в качестве оправдания указывается на то, что *«по существу речь шла о несовпадении векторов экономического и социального развития российского общества. Впрочем, неизбежность этого на том историческом этапе была очевидна и подтверждалась мировым опытом»*.[588]

Весьма примечательно, что либеральных критиков Менделеева немало задевали его непринадлежность к сообществу политэкономов и приверженность к использованию точных методов в исследованиях. Великий ученый сам ответил на подобные критические замечания в свой адрес: *«Мне говорят: "ведь вы химик, а не экономист, зачем же входите не в свое дело?" На это необходимо ответить, во-первых, тем, что быть химиком не значит еще вовсе чуждаться заводов и фабрик и их положения в государстве, а следовательно и сущности экономических вопросов, сюда относящихся, во-вторых, тем, что истинного, правильного решения экономических вопросов можно ждать впереди только от приложения опытных приемов естествознания, для которых химия составляет одну из важнейших дисциплин, и, в-третьих, тем, что в деле общей, народной и государственной пользы полезно и даже дóлжно слышать голоса не только присяжных экономистов, но и всякие иные. Мой голос, я вижу и слышу, созвучит согласно многим иным русским»*.[589]

Наверное, следует оставить на совести критиков ученого разного рода упреки в его, якобы, «непрофессионализме», «идеализме» и «буржуазности» и т.п., а лучше обратиться к методу исследований. Менделеева никак нельзя упрекнуть в попытках объяснить происходящие социально-экономические процессы с помощью законов естествознания — физических или химических, — к чему порой склоняются современные

---

[587] От редакции // Менделеев Д.И. Сочинения. Том XVIII. Экономические работы — I. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. — С. 13.

[588] Савченко М.М. «Рациональный протекционизм» Д.И. Менделеева и таможенно-тарифная политика России в конце XIX — начале XX вв. // Экономический журнал. — 2002. — № 5 • URL: http://economicarggu.ru/2002_5/04.shtml [2013-06-15].

[589] Менделеев Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности // Сочинения. Том XI. Топливо. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 340.

исследователи, представители естественных наук.[590] Будучи истинным ученым, Менделеев «всего лишь» взял за основу естественнонаучные методы, опирающиеся на измерения, опыт, факты; стремился к выявлению количественных законов, помогающих приблизить нас к пониманию неких фундаментальных законов, о которых нельзя судить непосредственным образом. Он принадлежал к числу исследователей, которые *«во всех частях науки, т.е. во всем искании истины, стремятся по возможности разыскать численные, измеримые признаки, свойства и отношения, чтобы, руководясь ими, находить количественные законы, носящие название эмпирических, или опытных. Этим путем лучше и тверже, чем прежними путями, укрепилась уверенность в существовании незыблемых Божеских законов, логическую причину которых часто вовсе и не знают или только предполагают гипотетически, без всякой уверенности в истине предположений»*.[591]

Двигаясь по пути объективного познания, Менделеев скептически относился к теоретическим построениям, которые нельзя было подтвердить фактами. В качестве фактической основы для социально-экономических исследований Менделеев рассматривал статистику, что заменяет собой привычные для естественных наук измерения, опыты и эксперименты, долженствующие приносить необходимые количественные данные. *«В социальных же отношениях количественные величины добываются путем собрания статистических сведений... Говоря о народном благе, можно по манеру древних ограничиваться качественными отношениями, но лучше, т.е. вероятнее, достичь какого-нибудь успеха, пользуясь при этом числами статистики. В своем изложении я так и стараюсь поступать во всем том, для чего имеется готовый запас статистических данных; их часто недостает, и они несомненно очень сложны; из них можно извлекать лишь первые эмпирические выводы, но, руководствуясь ими, все же можно быть уверенным в том, что всякие заключения будут более правдивы и скорее приведут к начальным истинам, чем всякое соображение чисто логического свойства с идеальными или качественными материальными предвзятыми посылками»*.[592]

При этом Менделеев прекрасно понимал, каковы возможности и ограничения статистики, рассматриваемой в качестве «инструмента измерений». Ограничения связываются с недостаточной полнотой и недостоверностью наблюдаемых величин, что приводит к возникновению погрешностей, которые необходимо оценивать и учитывать при выведении умозаключений. *«Знание какого-либо предмета из тех областей изучения, которые не подлежат опыту, приобретает твердость и полноту только при помощи статистических сведений. С помощью чисел возможно делать точные заключения и проверять выводы, подобно тому как это делается в опытных науках. Как здесь, так и там нет абсолютно верных сведений… Всякий род добычи статистических данных имеет свой предел точности, за которым суждение будет произвольно… В статистических данных может быть погрешность в миллионах, но суждение о десятках и сотнях миллионов может быть совершенно достоверным… Сверх того, для суждения*

---

[590] Круглый стол «Перспективы сырьевой экономики» // Идеи и идеалы. — 2010. — № 2, т. 1. — С. 2—35.
«Затравкой» круглого стола явилась публикация, в которой излагается мнение ученого-геофизика, согласно которому феномен «ресурсного проклятия» необъясним в рамках методологии экономической науки. *«В то же время не сложно сформулировать такое теоретическое обоснование, опираясь на законы термодинамики, поскольку законы термодинамики не зависят от веществ и видов взаимодействия, и ограничений на их использование до настоящего времени не обнаружено»*.

[591] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 194.

[592] Там же, с. 194—195.

необходимо часто сделать числа сравнимыми…». [593] Рассуждениями, приведенными в цитате, Менделеев предварил свои аналитические заметки по поводу статистических сведений об американской нефтяной промышленности, которые в 1870-х годах не отличались особой достоверностью, а затем указал на способы, позволяющие уменьшить погрешности. *«… Полезно иметь предварительное понятие о мере возможной погрешности рассматриваемых данных, тем более что в ходячих книгах часто встречаются совершенно несравнимые показания. Чтобы судить о мере погрешности печатных данных по статистике нефти…, я имел только один путь: сличать между собой возможно большее число оригинальных, самостоятельно добытых данных. Если нет повода предпочесть один ряд данных другому, тогда очевидно до́лжно взять среднее из всех имеющихся или собранных чисел и принять его за истинное, но не за свободное от погрешности, а за погрешающее на ту меру, которая соответствует различию отдельных чисел от среднего».*[594] Все сказанное Менделеевым, хотя и адресовано к одному конкретному примеру, выглядит, словно методическое руководство, как на практике работать со статистической информацией, — причем вполне современное.

И не случайно поэтому Д.И. Менделеев придавал такое большое значение развитию статистического дела в России, *«высказывая горячее пожелание, чтобы, не отлагая вдаль, немедленно организовалось бы у нас обстоятельное, независимое, например при Государственном Совете, центральное статистическое учреждение, а с ним рядом не завяли бы, а развивались и всемерно поощрялись местные, земские статистические учреждения, обещающие по тому, что уже сделали по сих пор, сильно восполнить запас наших знаний о нашей родине»*[595]. Новое учреждение в виде Главного статистического комитета, по замыслу ученого, следовало создать на основе Центрального статистического комитета, подведомственного Министерству внутренних дел, и профильных отделений других министерств и департаментов.

При постановке статистического дела в России Менделеев обращал особое внимание на необходимость сравнительных исследований и наблюдений: *«… народы или страны могут быть сколько-либо полно понимаемы только в связи их с другими странами и народами, а потому познание России требует данных, относящихся не только к ней самой, но и к другим странам»*[596]. Обращаясь к положению дел в таких перспективных отраслях промышленности, как нефтяная, ученый настаивал на том, что *«весьма было бы важно ныне же выработать правила отчетности по нефтяному делу, потому что нефтяное дело при своем развитии регулируется только одними статистическими данными… Знание движения этих данных за долгий период времени должно влиять на правильность хода дела и может много содействовать утверждению у нас нефтяной промышленности. Если желательно сделать из нефтяного производства обширное и правильно поставленное предприятие, — необходимо иметь под руками статистический запас данных и знать современное состояние дела. Для удовлетворения этому требованию, кажется, недостаточно обычных сил статистических учреждений, а необходимо поручить это дело особому лицу, у которого должны сосредоточиваться данные для нефтяного дела и некоторые средства для их проверки. Такое лицо должно публиковать ежемесячные отчеты о ходе нефтяной промышленности и торговли у нас и в Америке (по современным*

---

[593] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 155.

[594] Там же, с. 155—156.

[595] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 225.

[596] Менделеев Д.И. Дополнения к познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 129.

представлениям — в мире; прим. автора)»[597]. Эти предложения Д.И. Менделеева сохраняют свою актуальность, даже — злободневность, — и в наши дни, поскольку современная статистика нефтегазового сектора в России оставляет желать много лучшего. Гораздо ближе к практическому воплощению менделеевских задумок оказались США, где в рамках национального министерства энергетики функционирует специальное информационное управление[598], проводящее весьма детальный мониторинг и прогнозирование показателей развития американской и мировой энергетики с предоставлением очень большой массы результатов в открытом доступе.

У Менделеева статистика — это источник данных не только для количественного анализа и описания, но и для подготовки разного рода обоснований, оценок, прогнозов. Едва ли не все практические работы ученого изобилуют сравнительными оценками издержек и выгод от сделанных им предложений и рекомендаций, как например, касательно таможенного тарифа, налогообложения нефтяной отрасли, углубления переработки нефти, размещения нефтяных заводов и много другого. В своих весьма обширных и детальных исследованиях по демографии России и зарубежных стран Менделеев пользовался методами математической статистики (корреляционного и регрессионного анализа), что было необходимо для более обоснованного, доказанного на числах, понимания тогдашнего и будущего места России в мире.[599] Изучая нефтяное дело в США, на основе статистики цен, производственных и транспортных издержек Менделеев вывел корреляцию между ценами на сырую нефть и керосин, которую можно было использовать для прогнозирования конъюнктуры керосинового рынка.[600] Ученый также исследовал периодичность колебаний цен на нефть, зависимых от изменявшегося соотношения между спросом и предложением, во взаимосвязи с объемами добычных работ (*«рытья новых колодцев»*) в США.[601]

Это всего лишь отдельные примеры. Но если же попытаться оценить общий вклад Д.И. Менделеева в развитие методологии экономических исследований, можно с полной уверенность сказать, что, во многом благодаря ему, понимание экономики как точной науки стало азбучной истиной. Не менее значимым представляется и постоянное стремление ученого наполнить теорию конкретикой, интерпретировать идеи с помощью наблюдений и фактов из реальной действительности. Один из главных исследовательских принципов Менделеева звучит следующим образом: *«общие же соображения только тогда приобретают плоть и кровь, когда входят в реальные частности, так как из них состоит действительность, а общее составляет только отвлечение от нее и стремление охватить ее сложность»*.[602] В своей научно-экономической деятельности Д.И. Менделеев — вопреки весьма поверхностной критике оппонентов — никогда не пренебрегал теорией, но и занятия отвлеченными теоретическими построениями без надлежащей связи с реальной действительностью были не в его правилах. Неразрывное соединение теории с практикой, нацеленность исследований на глубокое понимание сущности и закономерностей изучаемых общественно-экономических процессов при одновременном чрезвычайно внимательном

---

[597] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 73.

[598] U.S. Energy Information Administration / EIA • URL: http://www.eia.gov/.

[599] См., например, работы Д.И. Менделеева «Заветные мысли», «Дополнения к познанию России».

[600] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 189—191.

[601] Там же, с. 163—165.

[602] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 362—363.

отношении к деталям и к реальным проявлениям в различных условиях — вот что представляло собой краеугольный принцип менделеевского научного метода, который и в наши дни являет собой образец, достойный подражания.

Промышленный рост и протекционизм, понимаемый в правильном широком смысле

Пожалуй, главной заботой Д.И. Менделеева было развитие отечественной промышленности, превращение России из аграрной страны в индустриальную, поскольку именно в этом он видел единственно возможное направление прогресса родного Отечества, единственный выход, состоящий в том, что *«для всего "блага народного" надо заботиться, по моему мнению, не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько о росте всех видов промышленности и на первом месте о росте горной, обрабатывающей, перевозочной и торговой промышленности. Что касается до необходимости развития горной промышленности, перевозки и торговли, то здесь, по видимости, все наши лагери и правительственные сферы единомысленны, но в отношении фабрично-заводской промышленности ни согласия мнений, ни ясности суждений не существует…»*.[603] Написано было в самом начале XX столетия, но на удивление актуально для современной России, хотя и с несколько иным подтекстом. Сегодня России нужна реиндустриализация, без которой просто немыслим переход к какому-либо постиндустриальному обществу и центральное место в которой должно занимать развитие обрабатывающей промышленности. Вроде бы, по этому вопросу не должно быть особых разногласий, однако в действительности слишком мало делается для его решения — предпринимаемые меры страдают декларативностью, неадекватны масштабам и сложности задачи.

Для Менделеева была совершенно очевидной необходимость разнообразия в развитии промышленности, ее диверсификации — в чем он видел общий для всех стран мира путь прогресса и роста благосостояния и не хотел, чтобы Россия оказалась на обочине этого пути. *«Наивысшим благополучием впредь… должны пользоваться те лишь страны, которые равномерно разовьют все виды промышленности, сообразно со своими природными запасами… Те, которые подумают над сказанным, уже сами придут к неизбежному заключению о необходимости в России, если она хочет увеличивать свои доходы, развивать всякие виды переделывающей промышленности, и я не провожу всей, здесь необходимой логики, так как надеюсь, что и сказанных намеков достаточно для правильных силлогизмов»*.[604]

Даже в работах, далеких, на первый взгляд, от вопросов экономики и промышленного развития, Д.И. Менделеев не обходил последние стороной, а выстраивал комплексные представления, которые охватывали все важные грани изучаемых проблем. Например, занимаясь разработкой бездымного пороха для нужд русской армии, ученый не только исследовал химико-технологические аспекты поставленной задачи, но и подготовил целостную концепцию промышленного производства и снабжения порохом воинских частей. Т.е. выполнил, говоря современным языком, технико-экономическое и финансовое обоснование, включавшее предложения по множеству вопросов, в том числе:

---

[603] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 250.

[604] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 87.

- выбора источников природного сырья (*«следует принять основанием, чтобы по возможности вся серная кислота, потребная для нормального спроса пироксилина, получалась при помощи русских колчеданов»*);
- правильного размещения заводов (*«наивыгоднейшими местами для сооружения казенных или частных пирокслиновых заводов должно считать те части России, в коих топливо и колчеданы дешевы»*) и комбинирования предприятий по технологической цепочке (*«пирокслилиновые заводы должны быть в непосредственной связи с заводами, приготовляющими серную и азотную кислоту»*);
- выбора форм собственности будущих предприятий (*«частные заводы… представляют… — более, чем чисто казенные заводы — условий как для возможной дешевизны пороха, так и для уверенности в успешности и во введении надлежащих усовершенствований»*);
- размеров и комплексности предприятий (*«для пироксилинового-порохового дела необходимо возникновение не многих, но крупных предприятий… Наилучшим должно считать вызов крупных частных предпринимателей, произведенный не для выполнения отдельных из предстоящих задач, … а для производства либо пироксилина, либо самого пороха, потому что тогда выгоды казны могут быть очевидными»*);
- цен на пирокслилин и порох, сроках и условиях подрядов на поставку, форм приемки продукции;
- научно-технологического сопровождения производств (*«так как… дело составляет сравнительно новую отрасль химических производств, требующую, очевидно, необходимых усовершенствований, то Военному министерству неизбежно… иметь не только при каждом своем заводе отдельные… лаборатории, но и главную лабораторию, изучающую дело во всех его отраслях»*).[605]

Приведенный пример хорошо иллюстрирует, насколько широко и комплексно подходил Менделеев к решению задач, за которые брался, последовательно придерживаясь идей, связанных с обеспечением экономического и промышленного роста России.

В понимании Менделеева, развитие промышленности сопровождается прямыми и косвенными эффектами, связанными с расширением внутреннего спроса (в том числе путем замещения импорта) и сфер занятости населения. *«Первый же потребительный рынок всякие производства найдут в самой России, ввозящей много иностранных товаров»*.[606] Необходимо при этом, чтобы производимые товары в ценовом отношении были доступны массовому потребителю, что раскрывается, казалось бы, в очень простых объяснениях на примере нефти и вырабатываемого из нее керосина, который *«представляет важную народную потребность, долженствующую увеличить народный заработок»*.[607]

---

[605] Менделеев Д.И. Об экономических условиях приготовления принятого для перевооружения армии бездымного пороха // Сочинения. Том IX. Пороха. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 47—146.
Процитированы выдержки из реферата «Докладная записка его высокопревосходительству господину военному министру». В целом же работа состоит из 11-ти отделов и завершается отделами, посвященными планам организации массового производства бездымного пороха.

[606] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 89.

[607] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 70.

Эффект через потребление состоит в том, что *«распространение керосина в России среди крестьян умножит их заработки, потому что при свете лампы в долгие зимние вечера будет возможно сделать много таких работ, которые невозможны ни при свече…, ни при лучине. Ввиду этого надобно стремиться к удешевлению керосина»*.[608] Вытеснение импортных товаров принесет доходы всем участникам процесса отечественного производства. При импорте керосина, все выгоды отдаются американцам, *«…тогда как при развитии этого дела у нас — почти все те же деньги пойдут нашим бурильщикам, рафинерам, бондарям, судовщикам и железным дорогам. А в близком будущем вопрос о том, — кто будет освещать избы наших крестьян — пенсильванцы или бакинцы — выразится огромными цифрами»*. [609] Иными словами, Менделеев отчетливо видел, какую «локомотивную роль» в российской экономике играет развитие нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности и какое большое значение имеет его эффективность, выражающаяся в удешевлении конечного продукта.

Не менее отчетливо Менделеев видел и препятствия, стоящие на пути промышленного роста: *«у нас свое сырье, свой хлеб и свои избытки нетребовательных рабочих, недостает же правильного понимания вещей и вызова прилива капиталов и знаний»*[610]. Как и сто лет назад, сегодня мы сталкиваемся с одной и той же, в сущности, проблемой — недостатком компетентности, опыта, технологий и капиталов при решении сложных задач, связанных и с освоением имеющихся ресурсов и с их квалифицированным использованием. Нужно перенимать зарубежный опыт, привлекать технологии и капиталы. *«Пусть этот капитал придет из других стран, он пришел и в Америку из других стран, а это не сделало американцев чуждыми интересов своей страны, хотя они народ сборный. Притом я верю в способность русского народа ассимилировать и переработать в свою пользу весь тот иностранный люд, который придет вместе с капиталом»*.[611] Менделеева не пугал приток иностранного капитала, который вкладывался в развитие отечественной промышленности, но при этом ученый настаивал на необходимости формирования внутренних условий для активизации роста и «покровительстве» со стороны государства.

Тот факт, что Дмитрий Иванович много писал о необходимости защиты отечественных производителей и принимал активнейшее участие в разработке российского таможенного тарифа 1891 г., который так и называли «менделеевским» [612], вероятно, и сегодня порою вводит в заблуждение относительно того, что *«центральным пунктом разработанной им программы социально-экономического развития страны был таможенный протекционизм»*.[613]

В действительности же тарифному регулированию Менделеев отводил, скорее, «техническую» роль в решении общей задачи государственного покровительства промышленности. *«Протекционизм, или покровительство, внутренней промышленности*

---

[608] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 203.

[609] Там же, с. 203—204.

[610] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 667.

[611] Там же, с. 191.

[612] Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. // Сочинения. Том XIX. Экономические работы — II. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. — С. 23—936.

[613] Савченко М.М. «Рациональный протекционизм» Д.И. Менделеева и таможенно-тарифная политика России в конце XIX — начале XX вв. // Экономический журнал. — 2002. — № 5 • URL: http://economicarggu.ru/2002_5/04.shtml [2013-06-15].

страны, конечно, должен состоять не в одном отношении к таможенным пошлинам, хотя эти последние составляют его явный внешний признак и одну из главнейших сторон влияния на промышленность страны. Протекционизм не может давать полных плодотворных результатов без целого ряда соответственных внутренних мероприятий, между которыми на первом месте, по моему мнению, должно поставить три разряда: a) вызов внутренней конкуренции при помощи всяких облегчений развитию внутренней промышленности; b) всевозможное покровительство свободе приложения труда не только к вызываемым видам внутренней промышленности, но и ко всякой экономической деятельности жителей, например к путям сообщения и торговле, и c) покровительство просвещению, особенно реальному, т.е. жизненному». Или еще более определенно: *«Таможенные пошлины в протекционизме должны играть роль средства, а отнюдь не цели, хотя бы фискальной»*.[614]

В представлении Менделеева, протекционизм — это комплексная государственная политика, включающая целый ряд направлений, а не только и не столько таможенное обложение. Ключевой предпосылкой реализации данной политики является поддержание конкурентной среды во внутреннем производстве, чтобы защитные и поощрительные меры распространялись на всю массу производителей (а не каких-то избранных) и способствовали увеличению этой массы. В качестве примера приводится поощрение нефтяной промышленности на Кавказе в начале 1880-х годов, когда правительство *«продало нефтяные земли, составлявшие его собственность, отпускает их каждому за небольшую цену для новой разработки, ... оставляет эту промышленность, бывшую под акцизом, без особого налога, когда всем известно, что средства нашей казны немногочисленны. При этих малых средствах казны, она, пособляя промыслу, отпускает большие суммы и гарантирует доход особой дороги, почти нарочно построенной для нефтяной промышленности от Баку до Батума и, следовательно, велика надежда на то, что правительство и дальше пойдет в деле содействия развитию промышленности, если она не потребует особых новых затрат денежного свойства»*.[615] Далее Менделеев предостерегает от предоставления прямых государственных субсидий и гарантий нефтяному бизнесу: *«Всякие затраты денежного свойства, в виде каких-либо гарантий и субсидий, могут быть выгодны лично тому, кому они достанутся, а для движения и роста промышленности они положительно вредны, потому что она может развиваться правильно только тогда, когда все участвующие одинаково будут опираться на свои собственные силы, владеть только своими средствами, а гарантии и субсидии только поставят кого-то в исключительное положение»*.[616] Точно также, по мнению Менделеева, вреден и акциз на керосин, который наиболее сильно ударяет по небольшим производителям и приводит к их гибели. *«Дело будет близиться при таких порядках к монополизму. Большой капитал получит явный перевес пред мелким, действительным, истинным двигателем производства»*.[617]

Просто удивительно, насколько актуальны менделеевские советы и предостережения сегодня в условиях: нарастающей монополизации российского нефтегазового сектора; негибкой в целом налоговой системы, ставящей производителей в неравное положение; создания разного рода преференций для крупнейших государственных компаний. В целом для промышленности — особенно в восточных районах страны — крайне значимой является

---

[614] Менделеев Д.И. Заветные мысли. Примечания // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 667.

[615] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 473.

[616] Там же, с. 473—474.

[617] Там же , с. 475.

поддержка государства в инфраструктурном обеспечении роста, включающем создание специализированных транспортных систем и путей сообщения общего пользования, развитие энергетического хозяйства. Что касается НГС, то инфраструктурные ограничения наиболее сильное сдерживающее влияние оказывают на развитие перерабатывающего сегмента, делают коммерчески неэффективными многие потенциально выгодные проекты. Как результат, усиливаются риски недостаточно комплексного и полного использования ресурсов углеводородного и сопутствующего сырья (например, этана и других легких углеводородов, гелия).

В конце XIX — начале XX веков потребность в государственном протекционизме была вызвана сравнительно низким уровнем экономического развития страны. По сути дела, речь шла о создании стартовых условий для роста производства многих отраслей обрабатывающей промышленности и вывода российских товаров на мировой рынок. *«Как наш ситец, так и множество других наших товаров не имеют широкого распространения в мире, вне России, исключительно по той причине, что у нас еще мало капиталов, необходимых как для развития производства в широких размерах, так и для ведения обширной мировой торговли, на что требуются громадные затраты новых усилий и новых капиталов. Без покровительственной системы невозможно начало фабрично-заводской переработки, а иногда и добычи сырья, а без начала, конечно, невозможно и дальнейшее развитие. Развитие же этого опять определяется протекционизмом, понимаемым в правильном широком смысле».*[618] Без покровительства, в условиях либеральных режимов нарождающаяся промышленность «земледельческих стран» (в широком смысле — стран с преимущественно сырьевой экономикой) рискует быть придавленной более сильными, уже сложившимися конкурентами из экономически развитых государств. *«Такому направлению желаний стран при свободной торговле и при улучшении способов сообщения, однако, нельзя свободно осуществляться по причине давления промышленных стран на зарождающиеся виды промышленности земледельческих стран, так как промышленные страны неизбежно должны были делаться торговыми и управлять всем рынком, т.е. ценами на сырье и фабрично-заводские продукты, и они могли легко тушить всякие промышленные зачатки в земледельческих странах, понижая цены на сырье и переделанные продукты».*[619]

Менделеев приводит реальный случай удушения иностранными конкурентами одного из отечественных бизнесов, весьма похожий на те, что нередко имеют место и в настоящее врем: *«Мне лично известен тот факт, что при устройстве одного из первых зеркальных заводов в России около 1890 г. бельгийские производители зеркал понизили свои цены для России до невозможности русского производства и остались в барышах не только потому, что сбыли заготовленный уже товар, но и потому, что убили начавшийся русский завод»*. Для того, чтобы противостоять подобным действиям со стороны более сильных в текущий момент времени иностранных конкурентов и расширять возможности для роста собственного благосостояния требуется протекционизм. *«Укрепленные предприятия, ведущие долго большую переработку и торговлю, конечно, должны были снабдиться капиталом и кредитом, что и позволяет им легко убивать зачатки конкуренции. В ограждение таких неудобств, а в сущности для того, чтобы дать своим жителям прочные заработки на фабрично-заводских делах, земледельческие страны должны были прибегнуть к тому, что называется протекционизмом или покровительством. Теперь оно господствует в большинстве стран. Внешний признак покровительственной системы — по отношению ко внешней торговле — состоит в обложении таможенного пошлиной таких привозимых извне товаров, которые можно и желательно производить в самой*

[618] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 667.

[619] Там же, с. 230.

стране, и в доставлении через это новых прочных заработков своим жителям, т.е. в увеличении их благосостояния…».[620]

Протекционизм в широком смысле подразумевает не только создание таможенных барьеров, но и многие другие меры. Например, когда в 1880-х годах в Баку возникла идея концессии на строительство нефтепровода, Менделеев считал, *«если в концессии нефтепровода будет включено обязательство производства труб в России, то от этого выиграло бы не только дальнейшее развитие нефтяного дела, требующего много железных труб, но и вся наша металлургия, у которой немного дел, столь громадных по размерам… В этом последнем отношении, однако, следует взвесить выгоды металлургов с потерями, могущими произойти от замедления в устройстве нефтепровода. Срок этого устройства должен содержаться в концессии — непременно».*[621] Подобной политики локализации с целью стимулирования национальных экономик — в более развитом, конечно, виде — сегодня придерживаются многие нефтедобывающие страны, включая Россию, при заключении, например, соглашений о разделе продукции.

Дискутируя с апологетами либерализма, Менделеев напоминает, что все зарубежные страны, добившиеся успехов в своем экономическом росте, на начальных этапах развития прибегали к протекционизму, который, по большому счету не является препятствием для развития мировой торговли. *«Не вдаваясь во всю сложность понятий, подразумеваемых под различием фритредерства от протекционизма, я считаю, однако, необходимым обратить внимание на то, что фритредерство, по всей видимости, во всех отношениях благоприятствует внешней торговле стран, а протекционизм как будто бы этому противоречит потому, что стремится возбудить в каждой стране всевозможные виды промышленности, чтобы страна пользовалась для удовлетворения все увеличивающихся потребностей своими собственными произведениями, а не чужими. Такая видимость, однако, на деле и по априорному понятию не отвечает протекционизму, как видно особенно из того, что протекционизм С.-А. С. Штатов привел их к быстрому росту не только всей внутренней промышленности, но и внешней торговли».*[622] Так было в XIX веке, но к этому следует добавить, что все страны мира, добившиеся наиболее впечатляющих показателей экономического роста во второй половине прошедшего столетия (Япония, Корея, Сингапур, Китай и др.) опирались на политику протекционизма в сочетании со стимулированием притока инвестиций и с планированием хозяйственного развития.

Необходимость протекционизма, по Менделееву, условна и определяется текущими особенностями стран догоняющего развития, их отставанием от экономически более сильных государств «первого мира». Для последних же предпочтительным типом политики является либерализм, или в терминах прошлого — «фритредерство». *«И немного надо сообразительности, чтобы уразуметь свою наибольшую пользу от фритредерства для стран с развитою уже промышленностью и торговлею, а протекционизма для стран, в которых надо эти последние развивать или даже начинать. Понятно также, что в первом случае будет преобладать ввоз сырья и вывоз переделанных продуктов, а во втором — обратно, что и освещает путь».*[623] Весьма характерным выглядит постоянство интересов развитых государств в отношении сырьевых источников

---

[620] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 230—231.

[621] Менделеев Д.И. Бакинское нефтяное дело // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 678.

[622] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 232.

[623] Там же, с. 361.

и настойчивое стремление к либерализации доступа к этим источникам. *«Мое личное отношение к протекционизму, надеюсь, выяснится лучше всего, если я укажу на то, что, будь я англичанином, я бы стоял за фритредерство, в особенности по отношению ко всякому сырью, необходимому для фабрик и заводов, учрежденных уже в Англии... То, что с выгодой применимо для Англии в современном ее положении, для России может быть совершенно непригодным именно по той причине, что мы находимся в иной, чем Англия, стадии развития... До английских порядков нам можно дожить только после ряда не лет и не десятков их, а после целого столетия с лишком».*[624]

В понимании Д.И Менделеева государственный протекционизм не был и не мог быть самоцелью, равно как не было самоцелью расширение производства в промышленности и в других отраслях народного хозяйства страны. Все это рассматривалось ученым в качестве необходимой предпосылки для повышения народного благосостояния и «национализма», т.е. реальной экономической независимости России от промышленно развитых стран мира. *«Вот здесь-то и переход от протекционизма к национализму, потому что независимое и самостоятельное существование государства, а особенно его сила и движение вперед при условии значительных размеров страны и ее населенности немыслимы в обычных условиях, без внутренней обеспеченности в производстве необходимейших товаров не только потому, что в первой войне это скажется с великою силою, но и потому, что недостаточное развитие внутреннего производства необходимейших товаров (которых количество и переработка, по существу понятия о необходимости, занимает много рук и дает большие заработки) отнимает от жителей много условий для возможности правильного роста богатства народного и ставит страну в тяжелую экономическую зависимость от поставщиков этих необходимых товаров».*[625] Надо полагать, что Менделеев был хорошо знаком с экономико-политическим положением многих аграрных стран (азиатских и латиноамериканских). На примере одной лишь России он, наверное, не стал бы утверждать, что *«оставаясь сельскохозяйственным, народ всегда бывает беден».*[626] А при бедном народе и промышленной слабости трудно рассчитывать на силу и самостоятельность государства.

По нефтяным делам

Как справедливо полагал Менделеев, при надлежащем покровительстве со стороны государства одной из главных отраслей российской промышленности должна была стать нефтяная. Развитие нефтяного дела — при правильной его постановке — ассоциировалось с ростом народного богатства и усилением государственной мощи России.

В истории отечественной, да и мировой, науки вряд ли можно назвать имя еще одного ученого, который внес бы столь же весомый вклад в развитие нефтяной промышленности, как Д.И. Менделеев, сфера исследовательских интересов которого была чрезвычайно широка и охватывала все мыслимые стороны, связанные с нефтью — естественнонаучные, технологические, экономические, институциональные. Дмитрий Иванович рассматривал *«нефтяное дело как неразрывный комплекс, с которым связаны вопросы геологии и добычи,*

[624] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 90.

[625] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 361.

[626] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 75.

транспорта, переработки и сбыта, науки и экономики».[627] В каждом из направлений научной деятельности по нефтяной проблематике он оставил яркий, запоминающийся след. Что касается работ естественнонаучного и технологического характера достаточно, наверное, будет упомянуть хотя бы обоснование оригинальной теории происхождения нефти (идеи Менделеева не только *«обострили саму проблему происхождения нефти, но и дали глубокий импульс ее развитию»*, к ним *«восходят истоки проблемы получения искусственного жидкого топлива»* [628]), изучение закономерностей геологии нефтезалегания (в том числе, сравнительные исследования на примере американских бассейнов и Баку), многочисленные исследования по химии нефти, предложение разнообразных новых технологических идей (поддержания пластового давления с помощью газа, пожаробезопасного нефтяного резервуара, способа непрерывной перегонки нефти и др.). Если же обратиться к вопросам экономики, организации и государственного регулирования, то Д.И. Менделеева с полным правом можно считать основоположником российской нефтяной экономической науки.

В теоретическом плане важнейшее значение имеют идеи об ограниченности и невоспроизводимом характере ресурсов нефти, дающие основу для естественно-эволюционного понимания процессов развития нефтедобычи в мире и в отдельных странах. *«Целые местности истощаются. Это указывает на определенность, ограниченность запаса. Нет условий для нового образования нефти, для ее прибыли или притока, и колодцы только ускоряют убыль, извлечение того запаса, который образовался»*. Но, по мнению Менделеева, это не является каким-то препятствием для выработки имеющегося запаса, а подталкивает *«к розысканию новых и все новых местностей, содержащих нефть. Если таких не станут находить, нефть подорожает до того, что станет, во-первых, выгодным добывать ее из бедных или обедневших местностей, а во-вторых, — … станут добывать из смолистых сланцев, торфа и тому подобных материалов, ныне не могущих соперничать с нефтью. Нет никакого повода думать, что запасы нефти… не подлежат ни ограничению по месту, ни беспредельности по количеству. Нефть находится только в немногих местностях и здесь истощается. Поэтому, в конце концов, за уменьшением цены на нефть должно следовать возрастание, определяемое возрастающим спросом на такой чрезвычайно удобный… материал, … и затем неизбежно время истощения, которого признаками должно считать: много работы и мало результата, … попытка к разработке таких мест, где есть признаки нефти и где прежде считали невыгодным работать»*.[629] Таким образом, в довольно краткой формулировке Менделеев представил принципиальную суть эволюционной теории развития нефтедобычи — теории, полностью подтвержденной последующим реальным историческим ходом событий.

Д.И. Менделеев предвидел огромные перспективы развития нефтяного дела в России и не опасался истощения ресурсов. *«Наши нефтяные, каменноугольные и другие богатства едва-едва затронуты…»* — писал он в начале XX века.[630] А за пару десятилетий до этого, опираясь на свои глубокие знания нефтяной геологии, ученый опровергал бытовавшие тогда страхи относительно скорого исчерпания запасов нефти в Бакинском районе.

---

[627] Сергиенко С.Р. Работы Д.И. Менделеева в области химии и происхождения нефти и его роль в развитии нефтяной промышленности // Журнал ВХО им. Д.И. Менделеева. — 1986. — т. XXXI, № 5. — С. 502 (22).

[628] Пиковский Ю.И. Две концепции происхождения нефти: нерешенные проблемы // Журнал ВХО им. Д.И. Менделеева. — 1986. — т. XXXI, № 5. — С. 297 (17).

[629] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 168.

[630] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 69.

Но даже грядущее с неизбежностью истощение у Менделеева не ассоциировалось с фатальным исходом: *«Открыли нефть и на Печоре, и в Самарской губернии, и в Сибири западной и восточной, и в нескольких местностях новых азиатских владений, и во многих окрестностях Кавказа, — пусть же одни места истощатся, найдутся другие»*.[631] Что же касается судьбы Баку, Менделеев писал: *«… Я далек от той мысли, чтобы считать бакинское месторождение навсегда неистощимым… Истощение с течением времени возможно даже для такой исключительной местности, как Баку. Оно, конечно, не настанет вдруг. Ведь и в Америке те места, которые истощились и перестали быть главными центрами нефтяной промышленности, не прекратили своей деятельности окончательно»*.[632] Более 100 лет назад Менделеев рассуждал об истощении нефтяных ресурсов в отдельном добывающем районе сообразно логике естественной эволюции нефтедобычи: *«Когда истощение в самом деле в Баку будет приближаться, … тогда ценность нефти в этой местности возрастет, и если будет нефтепровод действовать, вот это-то время будет благоприятным для развития нефтяной промышленности по всему пути нефтепровода… Если будет нефтепровод и если он возбудит деятельность искания нефти по всему своему пути, во всех тех местностях, где есть какие-либо признаки нефти, эти нефтяные месторождения дадут, как американские, хотя и не такие, быть может, громадные массы со столь малым трудом, как в Баку, но дадут нефть, нужную… для деятельности бакинских заводчиков. Тогда нефтепровод будет тянуть нефть не из Баку, где предполагается… уже не будет нефти, а тогда нефтепровод потянет нефть по направлению к Баку… Нефтепровод по Закавказью есть таким образом ручательство прочного становления нефтяного дела Закавказья, есть способ укрепления за Россией благ нефтяного освещения, а за бакинским заводами — выгод переделки нефти даже в случае истощения нефти в Баку»*.[633] Попутно Менделеев обрисовывает роль специализированной транспортной инфраструктуры, призванной «возбуждать», т.е. стимулировать, развитие нефтяного дела в районах, прилегающих к трассам трубопроводов — собственно говоря, сегодня аналогичные надежды возлагаются, например, на нефтепроводную систему ВСТО, которая должна стимулировать поиски и разведку новых нефтяных месторождений в Восточной Сибири.

Менделеев самым решительным образом настаивал на том, чтобы развитие нефтяной промышленности происходило в интересах страны и чтобы ресурсный потенциал вовлекался в хозяйственный оборот, а не лежал «мертвым грузом». Он весьма критически относился к спекуляциям на тему «сбережения» ресурсов нефти: *«Я слышал не раз о том, что ради сохранения нефти для потомства, следует ограничить ее добычу определенной нормою и этим сделать для заводчиков выгодными их операции с остатками. Говорят это, конечно, заводчики… Не стану вдаваться в рассмотрение подобных предложений, считая их совершенно лишенными серьезного значения, так как в интересах всей страны всякую промышленность развивать до ее естественных пределов, а никак не до тех, которые требуются интересами отдельных лиц, в предприятиях участвующих»*.[634] Но развитие до «естественных пределов» не равнозначно расточительству. Как сквозная идея в трудах Менделеева о нефти проходит мысль о том, что ресурсное богатство России не является ни основанием, ни оправданием для его расточительного или нерационального использования.

---

[631] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 221.

[632] Менделеев Д.И. Бакинское нефтяное дело // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 650—651.

[633] Там же, с. 651—652.

[634] Там же, с. 653.

В конце XIX века всего лишь порядка 30% бакинской нефти конверсировалось в ценные продукты, а остальные 70% терялись при переработке, сжигались на заводах или продавались как топливо. Менделеев, образно говоря, объявил войну подобному отношению к нефтяному богатству страны. *«Расточением или хищничеством в промышленности должно назвать пренебрежительное или истребительное отношение к полезным продуктам природы, не имеющимся всюду в общем распоряжении. Обычная бакинская нефть может идти на приготовление смазочных масл и осветительных веществ после сравнительно простой обработки, а потому применение ее в топку там, где могут идти другие виды топлива, станет расточительным, если более ценные виды применения нефти не доведены до возможной ширины применения и распространения».*[635] Менделеев был убежден в том, что для топливных целей, из соображений народнохозяйственной выгоды, нефть нужно заменять углем. *«Под паровики надо каменный уголь, на него следует напречь все внимание, а не сбиваться в сторону нефти. Есть, однако, негодные отбросы и низкие сорты нефти, дающие очень мало керосина и масл — их довольно для топки на заводах и под паровиками пароходов и локомотивов… Не противу этих экономически выгодных и неизбежных применений нефти, как топлива, говорю я, а против того учения, что нефть наша есть истинный и выгодный заместитель каменного угля. Можно топить и ассигнациями».*[636]

Следует обратить внимание, что это было сказано Д.И. Менделеевым в то время, когда уголь в России был более дефицитен, чем нефть: в 1883—1889 гг. среднегодовое потребление угля в стране составляло 401 млн пудов, а из них 116 (почти 29%) приходилось на импортный уголь.[637] Менделеев предвидел, что такое положение с углем будет не вечным, что его ресурсы гораздо более велики по сравнению с нефтью, а ценность — ниже. И это предвидение, как и все другие, было сугубо научным, а не носило характер озарения; оно основывалось на знании потенциальных ресурсных богатств России и увязывалось с настойчивыми предложениями по скорейшему геологическому изучению и промышленному освоению Донецкого угольного бассейна, чему Менделеев специально посвятил ряд своих работ.[638]

Что же касается нефти, то Менделеев настаивал не только на сокращении ее прямых потерь и сжигания (с замещением газом и углем), но и, главным образом, на максимально возможном углублении переработки: *«отгонять нефть до конца, производя различные виды безопасных в пожарном отношении и полезных для многих целей осветительных и смазочных масл».*[639] По мнению ученого, России уже давно пора было избавляться от «детских» ошибок: *«**Отождествлялось нефтяное производство с керосиновым** (выделено Д.И. Менделеевым). Перерабатывалась нефть на керосин — все прочее называлось **остатками** (выделено Д.И. Менделеевым). Это — ошибка простительная,*

---

[635] Менделеев Д.И. О налоге на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 568.

[636] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 463.

[637] Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. // Сочинения. Том XIX. Экономические работы — II. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. — С. 535.

[638] Менделеев Д.И. О мерах для развития Донецкой каменноугольной промышленности // Сочинения. Том XI. Топливо. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 15—50.
Менделеев Д.И. Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца // Сочинения. Том XI. Топливо. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 53—207.

[639] Менделеев Д.И. О налоге на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 568—569.

историческая, но гибельная. Она происходила от смешения понятий о бакинской нефти с понятием об американской. Американская нефть… дает около ¾ керосина… Обыкновенная (зеленая) бакинская нефть… дает только ⅓ керосина (да и более тяжелого, чем американский, что хорошо, а не худо, как думалось иным), а потому те части этой нефти, которые не входят в керосин, составляют главную массу природного продукта. Надо было, строго говоря, прежде всего найти применение… этим, так называемым, остаткам».[640] В данном случае, равно как и во многих других, можно провести прямые параллели между былыми временами и днем сегодняшним — та же проблема низкой глубины переработки нефти и избытка мощностей простейших процессов первичной перегонки при недостатке более сложных, уходящая корнями к несовершенной структуре потребления энергоресурсов. Одинаковы и результаты, выражающиеся в неоправданном снижении эффективности развития нефтегазового сектора и использования ресурсов нефти.

Во многом схожи способы решения рассматриваемой проблемы, представляющие собой целый комплекс мер технологического, экономического и организационно-институционального характера, дающий в итоге необходимые технические возможности при достаточно низком уровне издержек и достаточно емком рынке сбыта продукции.

Технологическое развитие естественным образом связано с естественнонаучными достижениями. Во время своей поездки за океан для изучения дел в американской нефтяной промышленности Д.И. Менделеев был немало удивлен тем, что *«ни с химической, ни с геологической стороны нет еще у американцев ответов на самые первые научные вопросы, относящиеся к нефти… Такой порядок дела грозит всегда неожиданностями и может много стоить стране. Затраты на науку окупаются тем, что она видит много зараньше, предупреждает, разбирает возможное, отбирает существенное из кучи практических подробностей»*. Менделеев указывает на основные, принципиальные, направления развития науки о нефти: *«теория образования нефти, … химические исследования, относящиеся до состава нефти, … изъяснения технических приемов переработки нефти»*.[641] По мнению ученого, американская *«перегонка, основная часть всего раффинирования нефти, отличается весьма малым совершенством. Улучшив перегонку, можно было бы выгадать гораздо большую прибыль вместо тех копеечных выгод, которые получаются при механическом устройстве многих других частей завода»*.[642] Следуя этому правилу, Менделеев очень много занимался исследованиям физико-химических свойств бакинской нефти и получаемых из нее продуктов, а также разработками, которые были направлены на поиск наилучших способов переработки.

Но при этом Менделеев отчетливо видел связь между технологиями и экономической стороной производства: *«такое дело, как хорошая перегонка нефти, может быть выгодно и правильно ведено только на больших заводах. Где могут существовать такие мелкие заводы, какие есть у нас в Баку, очевидно, что барыши от керосина чресчур велики и они уменьшатся с развитием больших, соперничествующих заводов. Эти же последние требуют большого основного и оборотного капитала»*.[643] Высокая же капиталоемкость присуща нефтяному делу вообще: *«К свойствам нефтяного дела принадлежит то, что оно дает большие выгоды капиталу только при больших предварительных затратах, а главная ценность продукта отвечает труду и сметке… Прямая выгода страны будет и тогда,*

---

[640] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 272.

[641] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 97.

[642] Там же, с. 110.

[643] Там же, с. 111—112.

когда двигателем будут иностранные капиталы. Все эти общие вопросы, как слышишь, многие понимают еще не ясно».[644]

И хотя приток иностранного капитала не пугал Менделеева, основные надежды в развитии нефтяного дела он возлагал на русских капиталистов, которые когда-нибудь *«спохватятся и вспомнят, что богатство не достается с одними акциями, облигациями, концессиями и тому подобными операциями, а создается только там, где берут от природы то, что нужно людям. Тут путь проложен — нужны предприимчивые люди, капитал и труд. Или ждать и здесь прилива из-за границы? … Не довольно ли … поучредили и поразорили банков? Пора, кажется, возвратиться к добыче новых средств из даров природных».*[645] И еще более эмоционально: *«То — дело русских капиталов, русской сметки и новой важной наживы. Господа московские и всякие иные русские капиталисты! Пустите ли вы французов, немцев, шведов, англичан и американцев эксплоатировать и это русское богатство и нажить на нем хороший барыш, или сами догадаетесь взять его, когда вновь вам указывает на большое наживное дело тот, кто давно следит за судьбою русской нефтяной промышленности и ничего больше не хочет, как того, чтобы она развилась до тех размеров, какие соответствуют природным запасам страны, доставшейся столь дорогою ценою России? Покажите миру, хоть на этом деле, что можете сами справиться со своим… Вам, господа русские капиталисты, предстоит осветить и смазать Россию и Европу, разделить эту службу и честь с Америкой, да по пути превратить четырехкопеечный продукт в пятирублевый, отчего пристанет кое-что и к вашими рукам, и к рукам тысяч рабочих, которые потребуются для того, чтобы поворотить эти миллионы пудов, втуне лежащие под землей».*[646]

Не только очень эмоционально, но и удивительно точно по смыслу и полноте восприятия значимости нефтяного дела и его возможностей для России: здесь присутствует все — и доходы для отечественного бизнеса, и занятость населения (а если говорить современным языком — мультипликативные эффекты), и освоение природных ресурсов страны сообразно их размерам, и превращение сырья в продукты с высокой добавленной стоимостью, и путь («служба и честь») России как великой энергетической державы! Но самое примечательное состоит в том, что государственник и патриот Менделеев обращается со своим призывом не к правительству, а к русским капиталистам, которые, по его мнению, как раз и должны инвестировать, добывать нефть, строить заводы, продавать производимые продукты. Всем этим должен заниматься бизнес, а не государство, у которого совершенно иные задачи — создавать условия для бизнеса, регулировать и направлять развитие нефтегазового сектора.

Масштабному нефтяному бизнесу жизненно необходим адекватный по своим размерам рынок сбыта продукции, т.е. достаточный платежеспособный спрос внутри страны, величина которого, в свою очередь, зависит от ценовой доступности нефтепродуктов. Удешевление продуктов способствует расширению спроса, но чтобы снизить цены, нужно уменьшить издержки, с которыми связано производство и доставка продукции на рынок. Уровень издержек производства прежде всего определяется технологиями, а транспортные расходы в большей степени зависят от размещения предприятий. Со всей отчетливостью понимая, и, как это бывало нередко, раньше других — нефтедобытчиков, заводчиков, правительства, — огромную важность правильного размещения нефтеперерабатывающей промышленности, Д.И. Менделеев в 1881 г. выступил с работой *«Где строить нефтяные*

---

[644] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 224.

[645] Там же, с. 217—218.

[646] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 280—281.

заводы?», специально посвященной *«вопросу частному, хотя не побочному, а… главнейшему для дальнейшей судьбы нашего нефтяного дела, о том, где быть нефтяным заводам»*.[647] Исходя из принципа, что *«наибольшее развитие промышленности достигается при возможном сближении производителей с потребителями, а потому заводы должны быть близ центров потребления, а не в центрах добычи сырого материала, если все продукты, добываемые из сырья, могут найти в центрах потребления надлежащий сбыт»* [648], Менделеев излагает и обосновывает мысль о необходимости учреждения нефтяных заводов в центральных частях России: *«… для увеличения сбыта избытка нефти, имеющейся ныне в Баку, необходимы новые, обширные заводы, но не в самом Баку уже, а в центральной России как главной потребительнице бакинской нефти и как таком месте, где нефтяные продукты могут найти свою настоящую ценность и могут быть фабрикуемы с надлежащим совершенством, без которого дальнейшее расширение нашей нефтяной промышленности едва ли возможно»*.[649]

Только разбив бакинскую монополию на переработку нефти удалось бы добиться снижения стоимости получаемых продуктов, ведь невозможно было *«иметь дешевый керосин, если нефть перегонять только для керосина и не пользоваться драгоценными достоинствами других нефтяных продуктов»*. Устройство заводов в центральной России давало *«возможность добычи из бакинской нефти кроме керосина — почти равного ему количества тяжелых смазочных нефтяных масл, … ценимых всюду гораздо дороже керосина; … многих других ценных продуктов, к добыче которых бакинские заводы не приспособлены и выгодное получение которых с надлежащими качествами требуют участия сведущих людей, в Баку не имеющихся»*.[650] Рассматривая вопрос о более выгодном размещении нефтеперерабатывающих заводов в центральной России по сравнению с Баку, Менделеев принимает в расчет целый комплекс факторов, включая: различия в стоимости строительства заводов там и там; неодинаковые научно-технические, материальные и кадровые возможности; разницу в затратах на транспортировку сырой нефти и нефтепродуктов, а также в величине оборотного капитала при сбыте продукции; сокращение потерь при транспортировке сырой нефти; требования рынка — внутреннего и внешнего — по расширению ассортимента производимой продукции (невыполнимые в Баку) и многое другое. Специальное внимание Менделеев обращает на то, что *«при устройстве заводов в центральной России вероятнее развитие здорового соперничества и прямое сношение многих заводов с потребителями, а потому дешевизна продукции и отстранение вольной надбавки купеческих цен»*.[651]

Менделеев не только высказал необходимые обосновывающие соображения, но и указал конкретные районы центральной России, наиболее подходившие для строительства новых нефтеперерабатывающих заводов. *«Выгоднейшими местами будут, идя вверх по Волге: 1)* ***Царицын и Саратов****, ибо там начинается железный путь, идущий в центры России…, 2)* ***Сызрань и Самара****, потому что из этих портов Волги идет железный путь не только в центры России и до балтийских портов, но и на восток — к Оренбургу, 3)* ***Казань, берега Камы, Пермь****, потому что восток России и Сибири снабжаются нефтяными продуктами чрез эти ворота, 4)* ***Нижний, Кострома, Ярославль, Рыбинск****, даже* ***Тверь****, потому что из этих портов Волги, куда можно дешево доставить*

---

[647] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 263.

[648] Там же, с. 259—260.

[649] Там же, с. 263—264.

[650] Там же, с. 333—334.

[651] Там же, с. 337.

сырую нефть, железные дороги свезут нефтяные товары круглый год… во все концы русского и западно-европейского рынка».[652] Если взглянуть на современную карту размещения отечественной нефтеперерабатывающей промышленности, то поначалу приходит мысль о гениальной прозорливости Менделеева — во всех названных им районах России сегодня действуют крупные и даже крупнейшие НПЗ. Однако дело вовсе не в прозорливости ученого, а в точном экономическом расчете и анализе множества разнообразных факторов, проведенном Д.И. Менделеевым при подготовке своих предложений. Текст публикации изобилует цифрами — различными статистическими данными, обширными выдержками из бухгалтерской отчетности и «проектных» калькуляций, расчетами издержек и выгод, — т.е. Менделеев, как обычно, представил на суд читателя объективнейший и тщательно обоснованный прогноз, который просто не мог не сбыться в ходе последующего развития отечественной нефтяной отрасли, происходившего по централизованному плану.

Правильное размещение заводов являлось одной из важных отправных точек для развития российского нефтяного экспорта, которому Менделеев придавал очень большое значение: *«никакая другая наша промышленность не представляет столь ясной будущности для нашего вывоза, как нефтяная»*; или *«нефтяная промышленность составит будущий богатый вклад нашей вывозной торговли»*.[653] При этом Менделеев со всей ясностью указывал, что вывозиться должны продукты переработки нефти, а не сырье; излишки добываемого и производимого, а не то, что может быть востребовано внутренним рынком: *«нефти на Кавказе надо добывать так много, как только можно, а избыток противу русской потребности перерабатывать, да продавать вне России, конечно, не как жидкое топливо, а как материал осветительный, смазочный и всякого иного рода, подобного бензину, вазелину и т.п.»*.[654] Экспорт сырой нефти, в случае его слишком больших размеров, следовало обложить высокой вывозной пошлиной: *«иностранцам будет выгодно завести у себя переделку нашей нефти. До этого государство не должно допустить — таможенными мерами»*.[655] Целесообразность экспорта нефтяных продуктов у Менделеева не вызывает ни малейших сомнений, поэтому *«разбирать стоит только частности того, как достичь возможности сбыта, и не стоит более останавливаться над тем, что сбывать за границу нашу нефть надобно, полезно и выгодно… Какие же здесь частности? Во-первых, количество, во-вторых, — качество вывозимых нефтяных продуктов, в-третьих — цены товаров, в-четвертых — способы вывоза»*.[656] Совсем нетрудно понять, что в указанных «частностях» заключалось решение задачи, позволяющей получить наибольшие выгоды от экспорта; т.е. и в данном случае Менделеев переходит от общей постановки проблемы к поиску точных, обоснованных с помощью экономического расчета, ответов, знать которые нам и сегодня не помешало бы.

Хотелось бы затронуть еще одну «частную» проблему, весьма актуальную сейчас и которую Менделеев не обошел своим вниманием. Речь идет об утилизации газов

---

[652] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 326. Названия мест для устройства заводов выделены в тексте Д.И. Менделеева.

[653] Менделеев Д.И. О налоге на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 532, 533.

[654] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 480—481.

[655] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 260.

[656] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 481.

от добычи и переработки нефти, которые в конце XIX века еще не представляли особой ценности, но уже тогда ученый задумывался о том, как это сырье использовать. *«Об углеродистых водородах и об утилизации газа говорится, что на такую утилизацию можно смотреть лишь после добычи газа. Такое воззрение неправильно… Даже в каменноугольном газовом производстве смола принимается ныне в расчет и доставляет доход весьма существенный, что же касается нефтяного газа, то не считать смолу было бы ошибочно. Несомненно, что выход бензола из нефтяной смолы настолько высок, что способен… окупать все производство. Переработка нефти на газ и ароматические углеводороды — одна из последних степеней интенсивного хозяйства… Верно, что когда газовое производство разовьется, то оно будет пропагандироваться и потому, что дает ценные углеводороды. Хотя нефтяной газ обходится дорого, но он… дает ценную смолу. В этом смысле ему и предстоит широкое распространение».*[657] И снова можно удивляться менделеевскому предвидению будущего, в котором нефтехимическому производству отведена подобающая роль в нефтегазовом секторе — роль одной из «последних степеней» в технологической цепочке «интенсивного» использования углеводородного сырья. К сожалению, приходится констатировать и другое обстоятельство: сегодня, как и 100 с лишним лет назад, мы имеем серьезные проблемы с утилизацией различных побочных продуктов, прежде всего — нефтяного газа. Да и отношение к этому аспекту развития нефтегазового сектора не слишком изменилось, поскольку об утилизации зачастую мы думаем «неправильно», т.е. лишь после начала добычи газа, а не заблаговременно.

Первопричиной многих, если не большинства, проблем в российском нефтегазовом секторе является несовершенство институционально-экономической среды, слабость или неполноценность предпосылок, необходимых для его эффективного развития. Уместно даже говорить о существовании целого ряда институциональных барьеров, возведенных вольно или невольно, сдерживающих не столько рост производства, сколько общественной отдачи от добычи и переработки углеводородов. Так обстоят дела сегодня, но примерно таким же образом они складывались и во дни минувшие.

Фиск, монополия, техническое узаконение

Менделеев отчетливо понимал, что нефтяное дело в России развивается не само по себе, а в сложившейся экономической, или общехозяйственной, среде. Поэтому в своих работах он постоянно обращался к теме институтов (хотя и не употреблял данный термин), которые сдерживают рост или которых недостает для развития нефтяной промышленности в «естественных» для России пределах. При этом Менделеев апеллировал к государству, которое, в понимании ученого, должно было выступать в качестве покровительствующей, регулирующей и направляющей силы, способной устранять или, наоборот, создавать барьеры для развития нефтяного дела. По отношению к последнему непосредственная протекционистская задача государства сводилась, в сущности, к тарифному обложению

---

[657] Менделеев Д.И. О нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 515.
В приведенной цитате речь идет об использовании продуктов пиролиза газообразного сырья. Процесс пиролиза нефтегазового сырья был изобретен и запатентован (в 1877 г.) русским инженером-химиком Александром Александровичем Летним. В 1878 г. из продуктов пиролиза нефти А.А. Летний выделил тетрабромид дивинила (бутадиена). Дивинил стал одним из основных исходных продуктов для синтеза каучука. По проектам А.А. Летнего в России были построены заводы по производству светлых нефтепродуктов // По материалам сайта «Инженеры России». — Проект ЗАО «Химические системы» • URL: http://rus-eng.org/eng/Letnij Aleksandr Aleksandrovich.htm [2013-06-15].

импорта нефтяных товаров, а все остальное покровительство должно было состоять в том, чтобы… просто не мешать, не создавать нарочитые барьеры для предпринимательской инициативы.

Если обратиться к «частностям», можно увидеть, что Д.И. Менделеева прежде всего занимал вопрос налогообложения нефтяной промышленности. Попутно следует указать, что на рубеже XIX—XX веков данная отрасль занимала существенно иное положение в отечественной экономике, нежели сейчас. Превратившись в одну из ведущих отраслей промышленности, «нефтянка», тем не менее, не играла исключительно значимой бюджетообразующей роли, как в настоящее время. Но и тогда фискальные (в не самом лучшем смысле слова) интересы правительства не обходили стороной нефтяную промышленность, что вызывало резкую критику со стороны Д.И. Менделеева, беспокоившегося не столько о выгодах капиталистов, сколько о благе страны, которая многое теряла из-за недостаточно быстрого развития нефтяного дела.

Ученый вполне обоснованно считал *«единственной прямой мерой, могущей… послужить к дальнейшему развитию нашего нефтяного дела, полное сложение всякого акциза с нефти. Но вопрос был сложен, не всем было ясно, что потеря казною 300 тыс. руб., собираемых в виде акциза, вознаградится развитием нефтяного промысла на многие миллионы рублей, и что это косвенным образом принесет правительству доход не меньший, чем собираемый в виде акциза».*[658] Свои доводы Менделеев подтверждал точными расчетами и напоминал о грандиозных успехах нефтяного дела, последовавших за отменой откупной системы (откупа на нефтяные промыслы в России были отменены с 1 янв. 1873 г.), и тех доходах, которые получило государство: *«откупа были отменены, земли с колодцами разделены на участки (по 10 десятин в каждом) и проданы (с обязанностью вносить по 100 руб. за участок ежегодно, сверх цены покупки) за 3 млн руб. с торгов разным лицам… Деятельность закипела в Баку. Стали буравить. Понастроили целый город заводов. Понаоткрывали фонтанов нефти…».*[659] Однако новая налоговая политика правительства была непоследовательной, и вместо откупов был введен акциз на керосин. *«По самому существу дела этот акциз был ошибочен, потому что правительство уже получило 3 млн… А на деле, от акциза произошло громадное стеснение не только в свободе переработки — во все тогда мешался чиновник — не только в технике дела (потому стали гнать взапуски, скоро, чтоб ложилось меньше акциза, керосин выходил худой, а остатки и нельзя было думать перегнать: они гонятся медленно), но просто в экономической стороне предприятия… Невыгоды сказались особенно ясно, когда в 1875 г. цена керосина упала… Сотни заводов закрылись, и акциз в 300 000 руб. в год стал падать, нефть не знали куда девать, цена ее пала на месте, и бурение прекратили. Требовалось что-то новое, чтобы двинуть дело вперед. На очередь встала надобность отмены акциза, которую бывший министр финансов… провел, когда ему стала ясна будущность русского нефтяного дела. Сделал он это несмотря на близость восточной войны. В 1877 г. промысел стал свободным, и тут-то бакинцы показали себя…».*[660]

Недолгий период свободы от акциза (с 1877 по 1887 гг.) оказался самым удачным для бакинских промыслов, где за это время количество скважин (колодцев), добыча и переработка нефти выросли в 10 раз. К концу 1880-х годов Россия практически полностью отказалась от импорта нефтяных продуктов, хотя еще в середине 1870-х годов от достигал 2,7 млн пудов (примерно 44 тыс. т), и сама превратилась в одного из основных мировых

---

[658] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 257.

[659] Там же, с. 271.

[660] Там же, с. 271—272.

экспортеров нефти, причем вывозилась главным образом обработанная продукция — осветительные и смазочные масла (табл. МЕН-1).

Таблица • МЕН-1

Объемы заграничного вывоза нефтяных продуктов из Баку в 1881—1892 гг.

Отпуск за границу	Нефть сырая	Минеральное сало, вазелин и пр.	Бензин и др. легкие нефтяные масла	Керосин и др. осветит. масла	Смазочные масла		Нефтяные остатки	Всего млн. пудов
					очищенные	неочищенные		
	тысячи пудов							
1881	182	—	—	134	309	277	67	1.0
1882	112	—	—	229	327	376	77	1.1
1883	284	—	—	1 494	454	1 267	60	3.5
1884	603	451	—	3 949	605	853	452	6.9
1885	1 129	85	—	7 249	648	1 490	208	10.8
1886	1 258	72	0.5	9 195	776	1 452	2 256	15.0
1887	1 078	6	0.6	11 819	1 137	1 664	3 282	19.0
1888	299	3	0.7	27 363	1 516	1 282	4 481	34.9
1889	225	1	2	34 989	1 527	1 927	6 129	44.8
1890	761	—	8	39 767	3 434	1 134	2 936	48.1
1891	870	—	7	45 123	3 956	1 104	3 167	54.2
1892	297	—	8	48 222	5 439	754	2 549	57.3[1]

[1] По таможенной оценке на 27 млн. руб. или средним числом по 47 коп. за пуд.

Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 781 (скан-копия таблицы из публикации).

Во второй половине 1880-х годов возродились намерения по акцизному обложению нефти и получаемых из нее продуктов — Менделеев критиковал эти планы в своих печатных работах, публичных выступлениях и в обращениях к тогдашнему министру финансов. Вновь и вновь ссылался на пример США, где акцизное обложение нефтепродуктов было давно отменено, и собственный российский опыт, доказывал, что акциз не только повредит развитию нефтяного дела — из-за своей избыточности, несправедливости, регрессивности, неравномерного обложения крупных и мелких производителей (будет способствовать усилению монополизма), — но и в предлагавшихся вариантах окажется неудобен для взимания (администрирования), поскольку в то время не было возможностей для надлежащего учета различий в составе и качестве различных нефтей, выходах продуктов переработки.[661] Но призывы ученого не были услышаны властями, и в январе 1888 г. акциз был восстановлен, а обложение распространилось не только на керосин, но и на другие нефтяные продукты. Недоразумения с вновь введенным акцизом остались прежние — хоть он и давал казне сравнительно небольшой доход, но ложился тяжелым бременем на производителей, поскольку основные выгоды нефтяного дела были связаны не с добычей и переработкой нефти, а с сопряженными видами деятельности, что иллюстрируется данными о состоянии российской нефтяной промышленности к началу 1892 г. (табл. МЕН-2).

[661] Менделеев Д.И. О налоге на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 530—581.
Менделеев Д.И. Записка об акцизе на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 714—724.

Таблица • МЕН-2

Положение русской нефтяной промышленности к началу 1892 гг.

Число эксплоатируемых буровых скважин около	500
Число заводов, перегоняющих нефть, около	167
Из них: в окрестностях Баку	125
„ „ в других частях России	32
Добыча нефти в год около	290 млн. пуд.
Получаемая нефть распределяется приблизительно так:	
1) Запасы (склады) нефти возрастают около (на)	15 „ „
2) Продуктов перегонки всего получается около	90 „ „
Из них: осветительных масл в России около . . .	30 „ „
„ „ осветительных масл за границу около . . .	47 „ „
„ „ осветительных масл в склады около . . .	5 „ „
„ „ других продуктов перегонки (смазочных масл и бензина для внутреннего и внешнего потребления) около	8 „ „
3) „Остатков" получается около	140 „ „
Из них: потребляется в Баку около	30 „ „
„ „ вывозится по Каспийскому морю и на Волгу	98 „ „
„ „ в Закаспийские края около	3 „ „
„ „ в Батум около	2 „ „
„ „ в другие места Кавказа около	7 „ „
4) Потерь всякого рода (газов, при очистке и пр.) около	45 „ „
Весь заграничный отпуск нефти и ее продуктов около. (Из них в 1892 г. в азиатские страны шло около 40%)	54 „ „
Цена пуда сырой нефти в Баку	От 3 до 5 коп
„ „ керосина в Баку (без акциза и укупорки) . .	„ 7 „ 20 „
„ „ керосина в Царицыне	„ 25 „ 40 „
„ „ керосина в Москве	„ 45 „ 60 „
„ „ керосина в Батуме	„ 30 „ 45 „
Общая стоимость, на местах добычи, сырой нефти (около 290 млн. пуд.), добываемой в России, в год около . .	9 млн. руб.
Стоимость осветительных (без акциза и укупорки) и смазочных масл на заводах (около 90 млн. пуд.) около	14 „ „
Стоимость остатков, сбываемых с заводов (всего около 120 млн. пуд.) около	5 „
Провоз около 200 млн. пуд. нефти и всяких ее продуктов до мест внутреннего потребления и до отпускных таможен, считая средним числом по 20 коп. с пуда, около	40 „ „
Стоимость отпускаемых за границу нефтяных товаров (отчасти с укупоркой) около	30 „ „
Стоимость морского фрахта за провоз 54 млн. пуд. русских нефтяных продуктов до иностранных складов не менее как по 18 коп. кред., в среднем около . . .	10 „
Акцизный доход с керосина, отпускаемого для внутреннего (и персидского) потребления, около	10 „ „

Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 799 (скан-копия таблицы из публикации).

«Из этих чисел видно, что нефтяная промышленность не столько дает сама по себе добывателям нефти и заводам, нефть перерабатывающим, сколько перевозчикам, и, вообще, косвенный от нефти доход во много раз превосходит прямой — предпринимателями получаемый».[662]

[662] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 799

В 1890-х годах темпы роста нефтяной отрасли в России всерьез замедлились, к 1900 г. страна вышла на свой первый максимум добычи (порядка 10,4 млн т), после чего добыча начала постепенно падать. Экономические потери России вследствие торможения и отката в развитии нефтяной промышленности трудно оценить, но если учесть всплеск спроса на нефть во всем мире из-за нарождавшейся автомобилизации и Первой мировой войны, ставшей войной моторов, эти потери были огромны. Достаточно сказать, что США в 1901—1913 гг. нарастили свою добычу почти в 4 раза, началось освоение нефтяных месторождений в Мексике, увеличивали добычу и вывоз нефтяных продуктов наши европейские конкуренты (Румыния — в 6 раз и Галиция — в 4 раза). Из числа ведущих производителей Россия оказалась единственной страной, сократившей добычу и экспорт нефти в предвоенный период. Было бы, наверное, преувеличением утверждать, что во всем виноваты фискальные интересы правительства и введенные тогда акцизы, но их негативное воздействие на развитие отечественной нефтяной промышленности не вызывает сомнений.

События более чем вековой давности до боли напоминают нашу сегодняшнюю действительность, которая характеризуется не только раздвоением интересов государства в отношении налогов на нефтегазовый сектор (хочется соединить фиск и стимулирование), но и «побочными эффектами», выражающимися в уклонении от налогов. *«Существующее ныне обложение акцизом емкости кубов и времени в них гонки, рассчитанное на известные выходы керосина, заставляет заводчиков спешить перегонкою, избегать новой перегонки и вообще утилизировать перегонные кубы с большим расчетом, а это влечет за собою понижение в качестве керосина, увеличение его опасности…».*[663] В последней четверти XIX века на рынок выбрасывался некачественный керосин, а сегодня — суррогаты бензина и низкосортная солярка, — с одной и той же целью: уклониться от налогов ради большей прибыли. Наверное, и менталитет бизнеса не слишком изменился. *«Множество лиц в России избегают всякого обложенного акцизом производства, руководствуясь предубеждениями, имеющими некоторую связь с действительностью. Предполагают обыкновенно, что в деле, обложенном акцизом, только особо ловкие люди могут легко получать хорошие барыши и что мера акцизного обложения со временем, и при том скоро, станет увеличиваться. Эти предвзятые мысли заставляют многих не браться за нефтяное дело».*[664] А ныне берутся, но только подпольным образом.

Впрочем, что касается налоговых хитростей, Россию нельзя назвать исключением. *«… Судя по обычаям, всюду встречающимся и господствующим с особою силою в Америке, много продукта избегало разными способами обложения… А особенно соглашением производителей с чиновниками… Акциз, который собирался в Америке с нефти, был равен ее ценности. Немудрено, что производители ухищрялись избегать такой высокой пошлины».* [665] Неустоявшийся менталитет бизнеса, несовершенство налогового администрирования, чрезмерные фискальные аппетиты государства, вероятно, должны с неизбежностью вести к уклонению от налогов и коррупции. Но полтора столетия назад США сделали первые шаги на пути к разумному обложению нефтяного бизнеса. *«При сложении акциза с керосина и нефти в Америке руководствовались не только желанием не мешать развитию промысла, но еще и тем соображением, что малый налог, дав малый правительственный доход, только стесняет промысел, а большой налог, какой был учрежден, дает сильные премии обманщикам и поводы к подкупам…».*[666]

---

[663] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 70.

[664] Там же, с. 71.

[665] Там же, с. 184.

[666] Там же, с. 72.

Сегодня в России действующий акциз на нефтепродукты очень похож на «малый налог», о котором писал Д.И. Менделеев: в нефтегазовых доходах консолидированного бюджета он дает всего 4,4% (275 млрд руб. из 6,3 трлн руб.)[667], а повышает розничную цену автобензина на 12—15%. Но *«керосин представляет важную народную потребность… А потому сложение акциза, долженствующее понизить цену на керосин, составит прямую пользу народа…»*.[668] Сегодня те же самые слова можно сказать о бензине. Конечно, без специальных исследований сложно составить мнение о том, имеет ли смысл отказаться от косвенного налогообложения продаж нефтепродуктов на внутреннем рынке и перейти только к взиманию ренты через налоги у источника дохода (как это делалось когда-то в России, а сейчас — во многих крупных нефтедобывающих странах) и экспортную пошлину. Но повод задуматься и прислушаться к давним рекомендациям Д.И. Менделеева есть. Равно как, не следует забывать и другие его советы по поводу налогообложения, касаемые гибкости, объективности, справедливости, удобства администрирования.

Помимо неправильных налогов, Менделеев был очень обеспокоен надвигавшейся угрозой монополизации российской нефтяной промышленности. В монополизме ученый видел серьезнейшую, смертельную опасность: *«отдать наше нефтяное дело в руки немногих крупных капиталистов, а чрез то убить его, потому что личной инициативе, сметке и настойчивости, которыми живут и развиваются большие народные дела, тогда был бы конец, ибо эти качества не всегда связаны с крупными капиталами и часто лишены той услужливой податливости, каких привыкли требовать у нас крупные капиталисты»*. Менделеев справедливо указывает на то, что монополисты склонны к подавлению любых чуждых по отношению к ним самим интересов и стремятся *«лишить потребителей и владельцев нефтяными источниками, не оказавшимися в руках крупных предпринимателей, … всякой возможности достичь правильных цен на самую нефть и на нефтяные продукты, потому что они устанавливаются лишь широкою конкуренциею, а ее не может быть у нас, если дело попадет в руки широких капиталистов, которым легко стакнуться, если они успеют задавить мелкую конкуренцию»*.[669] Другая опасность состоит в вероятном замедлении роста промышленности и ее улучшения по причине незаинтересованности монополистов: *«Сущность дела здесь в том, что что настоящий интерес к расширению спроса является только при массе производителей, при свободе конкуренции, при монополизме же нет особого и настоятельного интереса расширить производство, а может быть только стремление поддержать высокую цену или ее поднять»*.[670] Этим сказано, в сущности, все, а в качестве комментария можно лишь с сожалением добавить, что сегодня в российском нефтегазовом секторе сложилась именно такая ситуация — с господством монопольных компаний и угнетенной конкуренцией, — от которой более века назад пытался предостеречь Менделеев.

Ученый весьма скептически относился к вертикальной интеграции в нефтяном деле, полагая, что объединение в компаниях разных видов деятельности чрезмерно усложняет работу и затрудняет управление, а в результате отрицательно сказывается на эффективности. *«Те из нефтяников, которые, по старой манере, соединили у себя все: владение нефтеносною землею, бурение колодцев, перевозку сырой нефти, переработку ее на керосин,*

---

[667] Согласно отчету об исполнении консолидированного бюджета и внебюджетных фондов за 2011 г. — по данным Федерального казначейства • URL: http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/.

[668] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 70.

[669] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 322.

[670] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 400.

перевозку по морю и по Волге, и продажу — те, за редкими и случайными исключениями, все ноют о невыгодности дела, … а в сущности имеют невыгоды от того, что их дело становится целым департаментом с необычайною сложностью отношений одной части дела к другой… Ничего у них не устроено, как следует, … и, главное, на все не разорваться хозяину или поверенному и приходится многое делать кое-как, чрез кого попало. Те из бакинских нефтяников, которые удержались от жадности все захватить в свои руки, сосредоточились или на добыче нефти, или на ее перевозке, или лишь на ее переработке, — те все в барышах и до сих пор, потому что они могут свободно вращаться на избранном поприще, сокращать или развивать свое дело, смотря по условиям минуты».[671]

Следует предположить, что высказанное суждение относится, скорее, к сравнительно небольшим предприятиям, пытавшимся подражать крупнейшим компаниям того времени. Кокоревы, Мирзоевы, Нобели и им подобные, строившие вертикально интегрированные нефтяные империи, вызывали у Менделеева нарекания за стремление монополизировать дело. За это ученый осуждал и *«систему Кокоревых, имеющих промыслы, заводы, склады и торговлю и все делающих через третьи руки, ничего существенно улучшить не могущих, … стремящихся все захватить в свои руки»*, и *«систему Нобелей, осуществимую только при громадном капитале и могущую действовать лишь при недостатке заводов… Мелкие владельцы нефтяных источников должны будут кланяться ему, г. Нобелю — купил бы, за что хочет, их нефть; мелкие заводы… и те падут, если система г. Нобеля продержится…»*.[672] Таким образом, в вертикальной интеграции Менделеев видел прежде всего одно из средств монополизации нефтяного бизнеса.

Конечно, взгляды ученого могут показаться архаичными и даже ошибочными — ведь во всем мире развитие нефтегазовой промышленности пошло по пути вертикального интегрирования. В этом был найден способ координировать деятельность разных отраслевых сегментов, концентрировать финансовые ресурсы, повысить надежность и доходность бизнеса. Все это так, но вертикальная интеграция была и остается весьма противоречивым явлением, выгоды которого очевидны для крупных компаний и далеко не столь очевидны для общества и нефтегазового бизнеса в целом. Как показывает пример США, сгладить (хотя бы отчасти) негативные монопольные последствия вертикальной интеграции удается лишь при наличии своего рода «подушки безопасности», т.е. достаточно мощного слоя независимых производителей — большей частью специализированных на каком-то одном виде деятельности, — играющего роль фундамента в структуре НГС, подпирающего снизу «верхушку» крупных компаний и не позволяющего им безнаказанно «почивать на лаврах». Это понимал и Менделеев, который не отрицал полезность крупного капитала вообще, а лишь доказывал, что нельзя допускать доминирования последнего над всем остальным миром: *«Мое дело как человека, лично не заинтересованного в капитале, а интересующегося нефтью, указать на возможность заработка барышей большим и малым капиталам, направить их на хорошее предприятие и достичь того, чтобы нормальная ценность наших нефтяных продуктов была, по возможности, мала»*.[673] Иными словами, лишь конкуренция и сосуществование крупных и малых капиталов, способны направить развитие дела по руслу, обоюдовыгодному производителям и потребителям: первые выигрывали бы от расширения производства, тогда как вторые — от снижения цен на нефтяные продукты.

Но для реализации такого сценария развития нефтегазового сектора нужна достаточно эффективная и последовательная антимонопольная политика со стороны государства.

---

[671] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 274—275.

[672] Там же, с. 322—323.

[673] Там же, с. 322.

Менделеев полагал, что российское правительство сможет справиться с решением этой задачи: *«станем надеяться, что если появится в нашем нефтяном деле столь крупный новый капитал, который пожелает свести дело на монополию, то на сторону правильного и естественного роста нашей нефтяной промышленности, на сторону состязающихся истинных двигателей нашей нефтяной промышленности… встанет не только общий голос русских, но и само правительство… Правительство, очевидно, стоит на правильной точке зрения, т.е. понимает, что лишь в совместном и состязательном усилии многих нужно искать возможность широкого развития народной промышленности»*.[674] Увы, эти надежды не оправдались или не успели оправдаться в дореволюционной истории России.[675] И дважды увы, что в нашей сегодняшней действительности правительство оказывается не способным всерьез противостоять монополизму крупнейших нефтегазовых компаний.

Более того, культивируется государственный монополизм — в формате естественных транспортных монополий и прямого участия государства в капитале крупнейших компаний. под лозунгом сохранения технологической целостности и проч., — который на деле зачастую оказывается ничем не лучше монополизма частного. Д.И. Менделеев выступал противником всяческого монополизма в промышленности, включая государственный, и доказывал, что *«есть разумный предел всяким государственным монополиям, ибо сущность государства состоит не в одной общественной деятельности, но также и прежде всего в защите личной самостоятельности или инициативы своих подданных»*.[676] Т.е. государство должно не столько думать о хозяйственной (общественной — по Менделееву) деятельности, сколько о создании условий для развития экономики на основе частной инициативы. Точно также Менделеев не видел ничего естественного в транспортной монополии. *«Казне нет никакой надобности тратиться ни на увеличение нефтепровозной способности дороги, ни на нефтепровод, если есть возможность предоставить это дело частной предприимчивости, представляющей много больше шансов как на дешевейшую постройку нефтепровода, так и на дешевейшую эксплоатацию. Правительство, разрешив нефтепровод и давши, быть может, некоторые ему привилегии, должно только позаботиться, чтобы нефтепровод… также не стал бы монополистом в деле возрождающегося нефтяного вывоза. Монополист не гарантирует ни благоразумного способа действия, ни успеха в сбыте нашей нефти за границей»*.[677] Похоже, у российского правительства сегодня совершенно иной взгляд на эти вещи.

Видевши в монополизме злейшего врага отечественной промышленности, Менделеев, тем не менее, всегда отделял «плевела от пшеницы» и воздавал должное крупным нефтяным капиталистам за их достижения и вклад в развитие нефтяного дела; за то, что оказались *«в силах завести обширную заграничную торговлю нашими нефтяными товарами, как то сделал уже г. Рагозин… Пример и инициатива В.И. Рагозина останутся навсегда в памяти русских; так, имя В.А. Кокорева будет памятно, как начинателя нефтяного дела в Баку... Г. Нобель первый провел трубы для доставки нефти от источников в Черный городок, т.е. в Баку… Кроме того, г. Нобель устроил свой завод с образцовым для Баку*

[674] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 401.

[675] Здесь уместно напомнить, что и в США раздел монополистической империи Рокфеллера Standard Oil произошел только в 1911 г., после чего в американском нефтегазовом секторе стала формироваться конкурентная (в современном понимании) среда.

[676] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 283.

[677] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 500.

совершенством и на малом пространстве морского берега». [678] Менделеев отмечал рыночные успехи и технические достижения крупных предпринимателей, но продолжал борьбу с монополизмом и за свободу конкуренции, полагая при этом, что противостоять монопольным устремлениям нужно сразу на многих «фронтах» — и в сфере налогообложения (отменой несправедливого, регрессивного акциза), и путем правильного размещения нефтеперерабатывающих заводов (устроением поближе к потребителю и так, чтобы они могли соперничать друг с другом), и через конкурентные процедуры в недропользовании (продажей на торгах мелких участков), и с помощью технического регулирования (установлением дифференцированных норм и стандартов на продукцию, чтобы максимально расширить круг потребителей и производителей).

Например, Менделеев настаивал, что *«нужно передать нефтяные местности в частные руки, т.е. продать, и притом, для избежания монополии и для учреждения конкуренции, нужно продать мелкими частями, с условием, чтобы они не передавались, по крайней мере в течение известного времени, в руки лиц, обладающих уже другими источниками. Монополия для нового дела гораздо вреднее, чем для того, которое уже установилось».* [679] После того, как это было сделано и казна получила 3 млн руб.: *«часть… заведомо богатой нефтью земли роздана некоторым лицам за их государственные заслуги безденежно. В интересах дела желательно, чтобы, по крайней мере впредь, не повторялась такая раздача нефтеносных земель, потому что она производит весьма нехорошее впечатление на лиц, плативших за свои земли большие деньги, и весьма убыточна для казны… Правила для продажи нефтеносных земель в полную собственность и для заявки в аренду следовало бы подвергнуть тщательному пересмотру, дабы устранить многие встречающиеся недоразумения и поводы к пристрастному действию… властей».*[680] Снова приходится констатировать, как все это похоже на нынешнюю нашу действительность, с той лишь разницей, к примеру, что вместо «отдельных лиц с государственными заслугами» выступают государственные компании, имеющие привилегированный доступ к морскому шельфу. Или взять действующий порядок предоставления недр в пользование обширными участками, целыми месторождениями, — похоже, что советы Менделеева больше привлекли, скажем, норвежское, нежели российское государство.

Значительное внимание в своей работе Д.И. Менделеев уделял вопросам технического регулирования нефтяной отрасли и обращался к властям, убеждая в необходимости развития *«узаконений о безопасности как в санитарном, так и в пожарном отношении заводов, промысловых устройств, складов, пристаней и приборов… для перевозки нефти и ее продуктов, дабы при ожидаемом развитии нефтяного дела не только устранить возможный от него вред для народа, но и предупредить зло от неожиданных и переменчивых мер… властей, зло, могущее стеснить правильное развитие нефтяного дела».*[681] В сущности, речь идет об обеспечении технической и экологической безопасности производства в нефтяной промышленности, а также недопустимости бюрократических злоупотреблений, административного давления на бизнес, избыточного контроля со стороны властей.

---

[678] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 251, 288, 325.

[679] Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском Штате Пенсильвании и на Кавказе // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 63.

[680] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 332.

[681] Там же, с. 331.

Другая сфера технического регулирования, которой Менделеев придавал большое значение, была связана со стандартизацией нефтепродуктов и контролем за их качеством. Естественно, что речь тогда шла о керосине, в отношении которого требовалось *«узаконение, твердое, но одинаково не обременительное ни для заводчиков, ни для торговли, а потому карательное, а не предупредительное, касающееся возможной пожарной безопасности… Такое узаконение, удовлетворяя народной надобности, с технической стороны не может стеснить добросовестных заводчиков»*.[682]

Следует отметить, что в начале 1880-х годов в российских нефтяных и научных кругах развернулась весьма острая дискуссия по поводу допустимой температуры вспышки керосина (основной противопожарной характеристики), в которой Менделеев оппонировал, как и в вопросе о размещении новых заводов, крупным нефтяным предпринимателям. Последние настаивали на жестком нормировании температуры вспышки на уровне свойств американского керосина и введении превентивного контроля всей производившейся продукции. Менделеев же предлагал более гибкий подход, допускавший установление нескольких стандартов, но с обязательным уведомлением о свойствах продукта, и налагавший карательные санкции лишь по выявлении (путем выборочных проверок или жалоб от потребителей) отклонений от стандартов или «пересортицы», т.е. в случае нарушения узаконенных технических правил. Необходимость нескольких стандартов по температуре вспышки осветительных продуктов ученый обосновывал большим разнообразием потребностей (например, для освещения общественных мест или частных жилищ) и условий потребления (в холодное или в теплое время года). Соответственно, расширялась масса продукции — за счет большего количества нефтяных фракций, отогнанных при переработке, — которую можно было бы поставлять на рынок, а количество «остатков» (мазута) уменьшалось.

При этом Менделеев доказывал, что *«успех законоположения зависит от практичности и разумности правил для испытания керосина и узаконений для взыскания за выпуск в продажу опасного керосина»*[683]. А тем, кто боялся злоупотреблений разъяснял: *«Злоупотребления будут при всяком законе: закон станут обходить и еще, может быть, лучше обделают дела продажи худого керосина, чем ныне, когда все дело развивается свободно»*.[684] Даже если бы весь керосин проходил предварительную проверку на заводах, его снова пришлось бы проверять в торговле, ибо торговцы *«покупают, например, хороший керосин, подбавляют к нему более дешевого; даже нарочно часто делают это в бочках известного завода, пользующегося репутациею производителя хорошего керосина. Покупают у него две бочки. Эти две бочки держат на виду и, по мере их освобождения, доливают туда плохого керосина, сбывая все за керосин известного производителя. Прямо из опыта жизни мне известны подобного рода случаи»*.[685] Вроде бы, дела давно минувших дней… Но как же они похожи на нынешние манипуляции с автобензином, с его суррогатами и фальсификатами!

Полемизируя с крупными заводчиками, Менделеев фактически вел свою привычную борьбу с монополизмом. Учреждение превентивного контроля и единообразного стандарта существенно удорожало производство каждого пуда керосина за счет дополнительных

---

[682] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 330.

[683] Там же, с. 331.

[684] Менделеев Д.И. О нефти и лампах // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 378.

[685] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 469.

накладных расходов на проверку качества и сокращения выхода целевого продукта. Данные издержки могли оказаться непосильными для независимых небольших заводов и таким образом жесткий стандарт оказывался на руку крупным производителям, расплачиваться за более дорогой продукт, естественно, пришлось бы потребителю. И в этом случае нетрудно разглядеть сходство с временами сегодняшними — с торопливым введением новых техрегламентов на автомобильное топливо, которые выгодны отдельным нефтяным компаниям и не вполне учитывают разнообразие спроса и условий потребления в такой большой стране, как Россия.

В целом же, при изучении трудов Д.И. Менделеева по нефтяным вопросам невольно складывается впечатление, что великий ученый живет с нами сегодня, изучает современные процессы в российском нефтегазовом секторе и дает рекомендации нашему нынешнему правительству. И нисколько не утратили своей актуальности слова Менделеева о приоритете науки и экономики в развитии промышленности: *«Экономические вопросы в промышленных делах стоят всегда раньше технических. Раньше этих последних стоят и вопросы научные. Конечно, в действительности все они идут рука об руку, но последовательность, тем не менее существует… Теперь уже масса лиц заинтересована в нефтяных вопросах. Есть уже кому слушать, а все же* ***экономические вопросы нельзя считать не только правильно решенными, но и правильно поставленными*** *(жирн. курсив — авт.)».*[686] Лучше и точнее сказать трудно — если бы в этих словах не было правды, то в российском нефтегазовом секторе сегодня не было бы столько серьезных проблем, настоятельно требующих своего решения. Может статься так, что в попытках преодолеть трудности, мы не всегда умеем отличить главное от второстепенного и направляем усилия в ошибочном направлении, вновь забывая принципы, сформулированные Менделеевым: *«Какое бы ни взяли крупное дело из области техники, или экономических вопросов, — таков и есть вопрос нефтяной, — или из области других сложных людских отношений, … то в данный момент необходимо избрать самый существенный, основной пункт замеченных неправильностей… Всего — никогда нельзя поправить сразу; последовательность неизбежна; выбор же основного пункта, требующего разъяснения и поправки, определяется тактом, знанием и пониманием больше, чем подробным перечислением всего замеченного, всего необходимого, потому что с устранением основного недостатка поправляется и много второстепенных, если выбор был удачен».*[687] При всем том, что современный нефтегазовый сектор является сложнейшим организмом — в экономическом и технико-технологическом плане, с точки зрения «людских отношений», — к решению проблем которого необходим комплексный подход, наверное, нельзя оставить без внимания и слова Менделеева по поводу выбора «основного пункта», «основного недостатка», нуждающегося в устранении.

Каков же он, этот «основной пункт»? Может быть, в самом деле нужно пойти по пути формирования совокупности «естественных условий», о которых говорил ученый, разбирая вопрос о рациональном использовании («утилизации») нефти, и без которых все меры воздействия «со стороны» окажутся бесполезными? *«Ни налог, никакие прямые предписания или указания, а тем паче пожелания — не в силах принудить… ни мелких, ни крупных… заводчиков, пока сумма естественных условий не заставит по расчету прибегнуть к желательной утилизации. Если добрых привычек не приобретено… промышленностью сразу, при первом развитии, — само собою они не придут ни при каких косвенных мерах… Естественные условия сами собою приведут именно к уничтожению истребления массы*

[686] Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 391.

[687] Менделеев Д.И. Где строить нефтяные заводы? // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 320.

нефти как топлива…».[688] Как представляется автору, под «естественными» Д.И. Менделеев понимал условия конкурентного рынка, с его «правильными ценами» и дающего «правильный барыш» всем участникам, и соответственно полагал, что ***«лишь те мероприятия и можно считать полезными для развития промышленности и торговли, которые согласуются с естественным ходом вещей*** *(выделено Д.И. Менделеевым)»*.[689] А что же сегодня? Естественен ли конкурентный рынок для современного нефтегазового сектора России? Или же для него более естественны разного рода монополии? Ответив на поставленные вопросы, мы сможем, по совету Д.И. Менделеева, сделать принципиальный выбор мер воздействия, которые «согласуются с естественным ходом вещей» и которые помогут двигаться дальше в развитии нефтегазового сектора по направлению указанного хода.

Богатство — народу, новые силы — государству

Развитие нефтяной и других отраслей промышленности, т.е. экономики вообще, на основе рационального использования разнообразных природных богатств не является самоцелью, а представляет собой средство для роста народного благосостояния, повышения уровня и качества жизни населения. Так было, есть и будет во все времена. Д.И. Менделеев неоднократно возвращается к этой мысли, указывая, что *«труд есть единственный источник богатства народов, а следовательно, и "народного благосостояния"»*. [690] Или другими словами, соотнося такие понятия, как потребление и производство: *«благо народное, все его богатство и все будущее определяется не столько развитием потребления, сколько ростом производства ценностей и потребностей, или полезностей»*.[691]

Задача роста народного благосостояния особенно актуальна для России, привыкшей быть в числе ведущих мировых держав, но никогда не стоявшей с ними на одном уровне по показателям «народного богатства». Это тем более обидно, что наша страна располагает огромными потенциальными возможностями, которые должным образом не используются. Стало быть, нужно консолидировать все общественные силы для согласованных действий, направленных на решение нашей важнейшей задачи. *«… Как мы далеки еще от среднего уровня тех стран, с которыми хотим и, наверное, можем равняться… До заработков испанских или итальянских, потом до немецких, французских и английских, а тем паче до американских нам очень далеко — по цифрам, а не по времени, которое можно сильно сократить при согласном и решительно-благоразумном действии не только правительства, но и нас всех, всех от политиканов (т.е. политиков — прим. авт.) и газетчиков до учеников и ученых, даже до литераторов и аристократов… Возможность народу быстро богатеть природой нашей нам дана, только в обиходе нашем не имеется по сих пор основных условий, для того необходимых, более же всего самодеятельного трудолюбия, решительной предприимчивости и ясного понимания современного положения экономических обстоятельств, допускающих быстрое увеличение общего среднего достатка»*.[692]

---

[688] Менделеев Д.И. О налоге на нефть // Сочинения. Том X. Нефть. — Л. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — С. 569—570.

[689] Там же, с. 570.

[690] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 276.

[691] Там же, с. 399.

[692] Там же, с. 357.

Нельзя обольщаться по поводу наших природных богатств, поскольку сами по себе они лишь дают абстрактную возможность богатеть народу. К примеру, нефть и газ, другие полезные ископаемые в недрах, имея потенциальную ценность, еще никого не сделали действительно богатым. Чтобы реализовать ценность природных даров, необходимо приложить труд и капитал — причем не только непосредственно к ресурсным источникам, но в гораздо более широких сферах экономической деятельности. Развертывая далее логическую цепочку, мы приходим к пониманию, что для этого требуется множество стимулирующих условий, создание которых является задачей государства. Данная задача весьма многогранна и охватывает процессы формирования человеческого капитала, стимулирования экономики (как такового) и управления. *«Капитал как труд есть дело людского развития, а не природное. Голландия богата, несмотря на природную свою бедность, Россия же, как Китай, бедна, несмотря на природные свои богатства. Поэтому первейшую и настоятельнейшую обязанность правительств составляет скопление всех условий для возможности и возбуждения в народе усиленного труда, накопления капиталов и возрастания богатства. Просвещение, промышленность и организация управления назначаются, между прочим, для этой реальной цели…».*[693]

Если же мы сосредоточимся преимущественно на освоении природных ресурсов и экспорте сырьевых товаров в обмен на обработанные (что, собственно говоря, имеет место сегодня), то какова бы ни была ценность наших ресурсов, мы окажемся обреченными на прозябание, на роль сырьевого придатка более богатых и развитых стран, т.е. «первого мира», — который вполне удовлетворен подобным положением вещей: *«Пока мы по морям везем народу (иных стран — прим. авт.) нужные хлеба да продукты лесов и нефти, недостающие у других, еще мирятся с этим, лишь бы мы сами жили впроголодь, освещались скудно и горели ежегодно на все барыши нашей внешней торговли».*[694]

Для России же такое положение неприемлемо, поскольку ставит под сомнение нашу «державность», нашу государственную самостоятельность и состоятельность. Занять достойное место среди ведущих мировых держав, способных обеспечить высокий уровень благосостояния своим гражданам, можно лишь при сбалансированном развитии национальной экономики, ресурсного и обрабатывающего секторов, и постоянном росте ее конкурентоспособности. *«… Самостоятельное государственное устройство, требующее всемерных забот о богатстве и всем благе народном, необходимо иметь в виду возрастание внутреннего производства особенно тех товаров, которые уже спрашиваются страною и имеют природные условия (сырье, рабочую силу, пути сообщения и т.п.) для возможности производства их внутри страны, так как чрез это подданные получают новые заработки, страна богатеет и при развитии внутреннего производства от соперничества предпринимателей, избытков товаров и сокращения перевозки товары те должны со временем дешеветь…».*[695]

Достигнутые результаты, хотя они и есть, еще не могут нас удовлетворить, поскольку не вполне соответствуют ни тем целям, которые стоят перед страной, ни тем потенциальным возможностям, которыми она располагает. Нужно выявить действительные причины нашего отставания, с учетом этого государство должно сформировать обоснованную социально-экономическую политику, политику обновления, и последовательно проводить ее в жизнь. *«Без обдуманных, нарочитых и настойчивых правительственных мер… все эти задатки сами собою не могут довести до желаемого конца, содержащегося в понятии о росте "народного блага" в нашей стране. Надо же, наконец, и для сомневающихся показать,*

---

[693] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 287.

[694] Там же, с. 287.

[695] Там же, с. 360.

что наш промышленный рост есть, но мал, не отвечает ни требованиям времени, ни природным ресурсам, и хоть понемногу начать разбираться в причинах нашей промышленной отсталости и бедноты».[696]

Двигаться по пути намеченных экономических преобразований нужно настойчиво и последовательно, однако *«без революций, без удовлетворения спешливым и малосостоятельным утопиям коммунистов (равно как и радикальных либералов — прим. авт.), эволюционным путем, постепенно исправляются те недостатки, которые часто указывают в промышленности».*[697] Эволюционным — не значит инерционным, бесцельным, обусловленным ранее сложившимися тенденциями, плаванием по течению: *«Мне очень памятно это слово, "постепеновец", и я думаю, что оно лучше, чем "эволюционист", выражает сущность того мышления, которого вместе со многими другими я придерживаюсь, потому именно, что в самом понятии о постепенности видны разумность, воля и неспешное достижение цели, тогда как эволюция говорит только об изменении и последовательности. Был и остаюсь "постепеновцем", хотя и не думающим всегда держаться пословицы: "Тише едешь — дальше будешь"».*[698] В политике содействия отечественной экономике необходимо придерживаться разумных рамок, золотой середины, что необходимо для достижения желаемых результатов в развитии страны. Бессмысленно стремиться к тому, чтобы обогнать и превзойти всех и во всем, а нужно учитывать реальные условия и действительную конкурентоспособность: *«В золотой средине умеренного и разумного протекционизма, по моему мнению, а не в крайностях противоречий должно ждать впереди правильного исхода, потому что в отношении к необходимейшим товарам есть страны, наиболее благоприятные для изобильного производства, вывоза и преобладающего значения».*[699]

Но обязательно нужно противодействовать монополизму, который непременно будет тормозить развитие экономики и движение по пути роста народного благосостояния. Нельзя допустить, чтобы монополизированный капитал оказывал влияние на экономическую политику и решения, принимаемые государством. *«Выход из такого современного положения вещей, принимая во внимание великое значение промышленности для блага народного и прогресса, должно видеть помимо всяких переворотов не только в том, чтоб устранять от влияния на управление страною всех монополизирующих труд крупных землевладельцев и капиталистов, но и особенно в том, чтобы всемерно содействовать уменьшению самой возможности монополизации как земель, так и капиталистических единоличных промышленных предприятий».*[700]

В институциональной основе наших политик и действий должно лежать разумное законодательство, вобравшее в себя прежний и современный ценный опыт (собственный и зарубежный) и построенное с учетом не только сегодняшних, но и будущих интересов страны. Правильные законы должны «смотреть» в завтрашний день, а не в сегодняшний и, тем более, не во вчерашний. Это очень сложно сделать, а потому с содержательной точки зрения законотворческая работа является самой трудной в государственном управлении. *«Законы, по существу, должны охватывать весь смысл прошлого, всю современность и, что всего настоятельнее, должны предвидеть вероятное будущее страны, насколько*

---

[696] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 363.

[697] Там же, с. 277.

[698] Там же, с. 295.

[699] Там же, с. 361—362.

[700] Там же, с. 369.

оно от законов зависеть может, а потому законодательные учреждения составляют наиболее трудную часть правительственной организации».[701]

В законотворческой деятельности тоже необходимо придерживаться разумной последовательности, сосредоточиваться на главном, избегать второстепенного. Не нужно стремиться узаконить все и вся, сочинять законы для решения каждой проблемы, имеющей место в развитии страны, национальной экономики, той или иной отрасли, того или иного вида деятельности. *«Законодательство, коли оно относится не к формально-пустозвучным, а к жизненно-реальным потребностям народа, да еще столь большого, как русский, составляет дело сложнейшее и, как всякое такое, требует хорошо обдуманного порядка в своей последовательности. Иначе дела второстепенного значения и требующие только расходов оттянут настоятельнейшие, могущие увеличивать достатки жителей и самого государства».*[702]

Возможно, одним из больших разделов российского законодательства, требующих первоочередного развития, является горное право. В силу вполне естественных причин, отечественная экономика включает в себя мощный минерально-сырьевой сектор, который в основном сложился в годы Советской власти и директивно-планового управления. Поэтому было бы большим преувеличением сказать, что в своем теперешнем виде данный сектор органично соответствует требованиям современного рыночного хозяйства и тем социально-экономическим задачам, с решением которых связано его дальнейшее развитие. *«У нас есть только начало горнопромышленной деятельности, для которой чрезвычайно важна выработка хорошего законодательства, особенно же законов, касающихся недр земных… Скажу, однако, что горное дело весьма многозначаще для всей нашей промышленной эпохи и ее наступлению много может помочь, а потому в наше время у нас должно быть непременно развиваемо, и Государственная дума не исполнит своей роли, если не поставит на первую очередь выработку горных законов, могущих содействовать правильному ходу горных дел в России».*[703]

Нельзя также забывать о том, что законы ни в коем случае не должны превращаться в догму, в правила, принимаемые на все времена и для всех обстоятельств. Реальная действительность слишком изменчива и постоянно вносит разные коррективы — желаемые и нежелательные — в наши планы. Поэтому законодательные основы развития страны и ее экономики должны быть достаточно гибкими и адаптивными к изменению обстоятельств, влекущих за собой объективно необходимую коррекцию целей и задач. *«Решать абсолютно будет жизнь и действительность, и всякая система решений, заранее готовых, на деле может быть злом, жизнь же может прибавить и компромиссов, и средних мер, подготовки и последовательности».*[704]

В современных условиях всякое законодательство может быть таковым в полном смысле слова лишь при строгом разделении всех трех ветвей государственной власти — законодательной, исполнительной, судебной. А действенным законодательство может стать лишь при надлежащем его исполнении и контроле за исполнением. В функциональном отношении правильное исполнение законов представляется делом более трудным, нежели непосредственное сочинение таковых: может не хватать компетентности у администраторов;

---

[701] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 334.

[702] Там же, с. 371.

[703] Менделеев Д.И. К познанию России // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 82.

[704] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 383.

может недоставать инструментов для исполнения (в том числе и по вине законодателей); да и сами законы могут быть не вполне адекватными реальным условиям в общественной сфере и в экономике. Но, пожалуй, главным «дефектом» в деятельности исполнительной власти, за что чаще всего она подвергается критике, является «дефицит» воли к правильному исполнению законов, стремление подменить Закон и Суд административными решениями. Т.е. сложность администрирования заключается еще и в том, чтобы найти верный баланс между желанием отдавать приказы (даже самые хорошие и руководствуясь самыми благими намерениями) и умением подчиняться Закону. *«Законодательство и суд менее сложны, чем администрация, взятая в целом, и если против какой-либо части правительства идут нарекания, то преимущественно именно против администрации. Основываются они по существу своему главным образом на том, что администрация нередко присваивает себе не только в случаях, законами не определяемых, но и там, где законы ясны, такую часть законодательных и судебных функций, которая не согласна с интересами граждан, а улучшение администрации может основаться только при возможно строгом разделении трех основных или первичных правительственных отправлений»*.[705]

И, конечно же, всякая достойная Власть должна являть собой пример исполнения и уважения Закона, подчинения Закону, а также разумным интересам страны и ее граждан. *«Желательно, чтобы ныне призванная монархом Государственная дума, составленная из выбранных народом неслужилых людей, поняла, прежде всего, ... что законами определяются не только права, но и обязанности граждан, и не только обязанности, но и права исполнителей, т.е. чиновников (выборных или коронных), и что, прежде чем требовать что-либо от других, непременно надобно оглянуться на себя самих и подать личный пример: порядка, трудолюбия, немногословия, снисходительности, деловитой разумности и постепеновской последовательности»*.[706] Эти принципиально важные слова, высказанные Д.И. Менделеевым в адрес депутатов Государственной думы в равной степени справедливы по отношению к Власти вообще.

В заботе о государственных интересах Власть не имеет право забывать, что богатство страны определяется прежде всего не размерами казны, а благосостоянием граждан. Поэтому у Власти должны быть умеренные «налоговые аппетиты», а России нужна продуманная, хорошо сбалансированная система налогообложения, надлежащим образом способствующая пополнению государственного бюджета на всех его уровнях, однако не ущемляющая интересы граждан и бизнеса, в особенности — только начинающегося, малого и среднего. *«Желательно при этом, чтобы начинающимся и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказываемо исключительное внимание и всякие с них налоги уменьшаемы ради их усиленного возникновения. Желательно, чтобы основанием государственных доходов служили, прежде всего, всего косвенные обложения предметов не первой необходимости: спиртных напитков, табака, сахара, чая и т.п. (но не продуктов нефти и др. видов горного дела), таможенные сборы, прогрессивный налог на денежные (акционерные и т.п.) капиталы (но не подоходный налог), чистые доходы казенных имуществ и предприятий, прогрессивные налоги на наследства, квартиры и жилища, на залоги, контракты, счета и промышленно-торговые предприятия, а в их числе и на казенные»*.[707]

Много что еще требуется нашей стране — осмыслить, понять, сломать, построить, преодолеть, защитить — на ее очень нелегком и, судя по всему, не очень близком пути к экономическому процветанию и общественному благополучию. Многому из этого

---

[705] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 379.

[706] Там же, с. 365.

[707] Там же, с. 366.

посвятил свои Заветные мысли великий ученый и патриот России Дмитрий Иванович Менделеев, родившийся в Сибири и отдавший всю сознательную жизнь служению на благо родного Отечества. И это не громкие слова, не панегирик, а простая констатация факта, с которыми всегда призывал считаться сам Д.И. Менделеев — ученый с необычайно широким кругом научных и практических интересов: гениальный теоретик-естествоиспытатель, совершивший открытия мирового значения, но так и не удостоившийся академических лавров у себя на родине; практик, внесший неоценимый вклад в развитие российской промышленности и экономики, но бывший постоянной «мишенью» для критики и обвинений, якобы, в «непрофессионализме» со стороны либеральных профессоров политэкономии; философ и мыслитель, задумывавшийся о судьбах и будущих путях России, но чьи труды по общественно-экономическим вопросам в течение долгих десятилетий или вообще замалчивались, либо — в случае нечастых публикаций — подвергались бессовестной идеологической цензуре.

Наверное, с некоторыми идеями и предложениями Д.И. Менделеева, посвященными вопросам общественно-политического и экономического развития России, можно поспорить. Но, судя по всему, так и должно быть, поскольку ученый, полагавший себя «скромным мыслителем», никогда не претендовал на «истинность в последней инстанции» своих суждений, высказанных «по крайнему разумению». И все же бесспорной следует признать мысль, которая до сих пор сохраняет свою актуальность и может звучать как главный вывод этого экономического очерка, посвященного Д.И Менделееву, — мысль о необходимости *«содействовать всякими способами… быстрому росту всей нашей промышленности до торгово-мореходной включительно, чтобы рос средний достаток жителей, потому что промышленность не только накормит, но и даст разжиться трудолюбцам всех разрядов и классов, а лодырей принизит до того, что самим им будет гадко лодырничать, приучит к порядку во всем, даст* ***богатство народу*** *и* ***новые силы государству****»*.[708]

[708] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 407. Примечание: жирн. курсив — авт.

В поисках сильного хода

В завершающей главе книги, любой научно-экономической публикации, обычно принято подводить итоги, формулировать выводы по рассмотренным вопросам, высказывать какие-то рекомендации и предложения, направленные на решение изученных проблем, на улучшение ситуации в экономике, в той или иной ее сфере. Автору не хотелось бы отступать от этой хорошей традиции, но проблемы в российском нефтегазовом секторе, — накопившиеся за долгие годы и постоянно возникающие сызнова, — слишком сложны и запутаны. Найти правильное решение представляется делом крайне нелегким; многие ходы изначально кажутся неудачными и отвергаются, а те действия, что поначалу выглядят верными и которым отдается предпочтение, на деле оказываются ошибочными и вызывают дальнейшее ухудшение ситуации, порою — плохо читаемое.

Это дает некоторое основание сравнивать нынешнюю ситуацию в российском нефтегазовом секторе с шахматным цугцвангом, т.е. такой расстановкой фигур, при которой каждый ход ведет лишь к ухудшению позиции. Другое обстоятельство, навевающее шахматные аналогии связано с тем, что современное развитие нефтегазового сектора фактически оказалось под влиянием двух сил — государства и бизнеса, — уподобляемых игрокам. В силу разных причин общество оказалось отстраненным от участия в процессе принятия решений, связанных с выбором путей и способов освоения наших нефтегазовых богатств, использования получаемых при этом выгод. Т.е. возможный в теории широкий конфликт интересов вокруг нефтегазового сектора свелся к «дуэли» государства и бизнеса. Участников поединка трудно назвать противниками в полном смысле слова, однако они — далеко не союзники, поскольку движимы различными, порою весьма противоречивыми, интересами.

«Нефтегазовые шахматы» очень специфичны. Судя по всему, партия может длиться столь долго, сколь будет сохраняться противостояние двух игроков, т.е. покуда в дело не вмешается третья сила — общество. Тогда на стыке многих интересов и мнений, может быть, получится найти правильное решение, которое существует. Объективно-правильные решения есть, но в условиях дуэльного противостояния они не рассматриваются игроками. Игроки к этому не готовы, поскольку требуется обоюдное и синхронное стремление к выходу из цугцванга и определенная дальнозоркость, т.е. умение просчитывать развитие партии на несколько, а то и на много, ходов вперед. Порою складывается впечатление, что каждая из сторон знает правильные хорошие ходы, которые могут вывести партию из тупика, но не решается их делать из опасений сыграть «в поддавки» с соперником. Любой ход ведет хотя бы к временному ослаблению собственной позиции, и каждый игрок боится, что соперник воспользуется этим для достижения своих сиюминутных выгод в ущерб фундаментальным долговременным выгодам, которые будут иметь место при переходе партии на более высокий уровень стратегического равновесия. Иными словами, цугцванг в партии между государством и бизнесом отражает отсутствие взаимного доверия, а может быть, отчасти является следствием такового.

Сложнейшие проблемы нефтегазового сектора возникли отнюдь не на пустом месте, а в немалой степени являются отражением и продолжением тех проблем, что присущи всей российской экономике. Можно сказать, что первые порождаются вторыми и наоборот. Поскольку между проблемами сектора и проблемами общеэкономическими существует сильная взаимосвязь, бессмысленно рассматривать подходы к решению тех и других независимо. Нельзя решить проблемы нефтегазового сектора, не решив проблемы более высокого порядка, и в то же время, если не разобраться с нашими нефтегазовыми проблемами, вряд ли удастся решить проблемы национальной экономики в целом. При этом весь ход развития отечественной экономики, включая нефтегазовый сектор, на протяжении последних без малого трех десятков лет неразрывно связан с ее институциональной

трансформацией, а понятия «развитие» и «реформирование» стали чуть ли не синонимами. Соответственно, когда говорится о развитии, о проблемах развития обычно подразумеваются проблемы реформирования и дальнейшей трансформации институтов с целью создания среды, благоприятствующей социально-экономическому росту.

Движение по пути реформ дается очень непросто. По большому счету, ситуация, сложившаяся в процессе экономического развития и реформирования, выглядит настолько «запущенной», что сегодня вряд ли кто может предложить целостную непротиворечивую парадигму или план действий, которые были бы способны вывести экономику страны и ее нефтегазовый сектор в «мейнстрим» полноценного развития. Едва ли не у всех и каждого — ученого, политика, государственного или общественного деятеля — есть идеи, соображения и даже детально разработанные рецепты решения отдельных проблем. Существуют разные, порою взаимоисключающие, видения общих контуров и эскизов того, что нам нужно, но, вероятно, никто не может предложить безоговорочно правильные и точные ходы, позволяющие прийти к желаемому состоянию, в их полной и логически обусловленной последовательности. В этом смысле автор не представляет собой исключение из общего правила и не претендует на исчерпывающее знание подходов к решению существующих проблем. Он всего лишь видит впереди «непочатый край» работы и готов указать на некоторые ключевые, по его мнению, принципы, которые должны соблюдаться при дальнейшем реформировании экономики и нефтегазового сектора.

Если принять за бесспорную истину, что российская экономика в своем развитии движется в направлении цивилизованного рынка, то первым ключевым принципом или необходимым условием решения поставленной задачи является ***формирование конкурентной среды***, что в современных реалиях равнозначно ***демонополизации*** многих секторов (начиная с нефтегазового) и видов деятельности. Как бы мы ни ухищрялись в доказательствах целесообразности естественных монополий, нужности крупнейших корпораций, полезности концентрации ресурсов и капиталов «под крылом» двух—трех компаний с государственным участием, но не сможем опровергнуть простую истину, что именно конкуренция является главным движителем прогресса. Без конкуренции невозможно полноценное технологическое развитие экономики, невозможно создание постоянно действующих мотиваций для сокращения издержек, которое в нефтегазовом секторе становится с каждым годом все более и более актуальным вследствие ухудшения естественных условий освоения ресурсов. Нельзя сказать, что в монопольных условиях рождение и распространение новых технологий, которые нам требуются, вообще невозможно, — вопрос заключается в цене: сколько должно заплатить общество, чтобы бизнес научился и захотел пользоваться достижениями такого прогресса?

Монополия является идеальной экономико-политической средой для погони за рентой и расцвета тех неблагоприятных явлений, с которыми обычно ассоциируется «ресурсное проклятие»: коррупцией, экономической преступностью, авторитаризмом властей и проч. Само по себе данное проклятие — это, скорее, миф, нежели действительная закономерность, что присутствует в развитии стран, обладающих крупными сырьевыми ресурсами. Однако все или многие негативные процессы и явления, которые ему приписываются, вполне реальны, хотя и вызваны совершенно иными причинами, нежели ресурсным изобилием. Если же говорить о России, то в качестве одной из таких причин можно назвать чрезмерную зависимость экономики и общества от государственно- и частномонополистических корпораций, доминирующих в нефтегазовом секторе, а не просто зависимость от добычи и экспорта углеводородов. Таким образом, усиление конкуренции и ослабление монополизма помимо прямых эффектов, которые выражаются в сокращении издержек производства и увеличении массы чистого дохода, могут принести косвенные выгоды, обусловленные сужением простора для всеобщего рентоориентированного поведения и оппортунизма крупных корпораций, — уменьшить потери общества при распределении и перераспределении дохода, генерируемого в процессе освоения ресурсов нефти и газа.

Впрочем, сказанное выше относится не только к нефтегазовому сектору и ресурсам углеводородного сырья, а ко всем секторам и видам экономической деятельности, ко всем видам природных ресурсов.

Экономическая политика государства, все решения и действия по реформированию институциональной среды обязательно должны опираться на принцип ***прагматизма***, вытекающий из национальных интересов России. Декларируя свою самостоятельность в выборе курса развития, масштабов и форм участия в мирохозяйственных процессах, мы, тем не менее, постоянно оглядываемся то на Запад, то на Восток, опасаясь плохо выглядеть в глазах близких и дальних соседей и экономических партнеров. По сути же, не умея должным образом отстаивать свои интересы, мы слишком часто пытаемся сделать «хорошую мину при плохой игре».

Прагматизм, помимо всего прочего, заключается и в умелом использовании своих конкурентных преимуществ. У России к числу таковых относятся сравнительное изобилие и доступность энергоресурсов, нефти и газа — прежде всего. Но несмотря на это, мы пытаемся выстроить модель внутреннего рынка по образцу и подобию Западной Европы, «обездоленной» в энергетическом отношении. Слепо подчиняя процессы ценообразования на внутреннем рынке европейским, мы фактически убиваем собственные конкурентные преимущества в производстве многих видов экспортной продукции. Скажем, на рынке химикатов нам сегодня приходится конкурировать в основном не с Европой, а с азиатскими и ближневосточными странами, куда смещается вектор развития мирового «химпрома». Попутно следует добавить, что повышение косвенных налогов на нефтепродукты не только наносит удар по народному благосостоянию, уровень которого у нас значительно ниже, чем в Европе, но и подхлестывает нелегальное кустарное производство, выброс на рынок некачественной продукции и всяческих суррогатов.[709]

При решении многих задач экономического развития нам не обойтись без политики ***разумного протекционизма***. Главные приоритеты России связаны с ослаблением сырьевой зависимости на основе кардинального подъема обрабатывающего, высокотехнологичного сектора экономики, включающего помимо всего прочего глубокую переработку углеводородов, а также множество отраслей и производств, которые образуют технологический базис освоения природных ресурсов. Не припоминается случаев, чтобы в современном мире задачи подобного типа и масштаба решались с упором на чисто рыночные механизмы, в рамках либеральных экономических моделей. В Японии, Корее, Китае, Бразилии и в других странах аналогичные процессы происходили и происходят при самом непосредственном участии государства. Причем государство выступает не только в роли координатора и главного субъекта планирования, но и защитника национального бизнеса от избыточной внешней конкуренции. К примеру, тот же Китай сегодня поощряет конкуренцию на внутреннем рынке, но отнюдь не допускает того, чтобы в важнейших отраслях экономики национальный бизнес вытеснялся иностранным.

Нужно признать, что в целом на зарубежных рынках конечной (в особенности — сложной и высокотехнологичной) продукции нас встречают неохотно, за исключением тех случаев, конечно, когда мы выступаем в роли покупателя. Само проникновение на эти рынки для отечественного бизнеса зачастую является крайне проблематичным без государственной поддержки, обеспечивающей не только достаточно высокую конкурентоспособность, но и саму возможность войти в рынок. Обратной стороной медали

---

709 По оценкам экспертов, ежегодно в России похищают свыше 5 млн т нефти. Нетрудно понять, что практически вся эта нефть перерабатывается в кустарных условиях с получением низкосортной продукции, которая выбрасывается на внутренний рынок.
См.: Нефть в России стали воровать в промышленных масштабах // РБК — Экономика. — 28 янв. 2013 • URL: http://top.rbc.ru/economics/28/01/2013/842358.shtml [2013-06-15].

является зарубежная экспансия на российском рынке технологий, оборудования, промышленного инжиниринга, которая зримо просматривается во всех сложных видах деятельности, связанной с эксплуатацией ресурсов углеводородного сырья — будь то освоение месторождений Восточной Сибири или шельфа, производство СПГ, глубокая переработка нефти или нефтегазохимия. В вопросах технологического развития нефтегазового сектора, если мы не хотим навсегда остаться в зависимости от «заграницы», бизнесу требуется не просто поддержка государства, а во многих случаях — активный протекционизм. Ведь, в конечном счете, стратегические перспективы эффективного и устойчивого развития отечественного нефтегазового сектора будут определяться не тем, сколько нефти и газа мы сможем добывать и перерабатывать, сколько и какого качества продукции сможем производить и экспортировать, а тем, на каком технологическом базисе — национальном или иностранном — это будет делаться.

Государственный протекционизм необходим, но он должен сочетаться со всемерным развитием конкуренции на внутреннем рынке — во всех его сегментах, и со стороны предложения технологических факторов, и со стороны спроса на них. В противном случае протекционизм легко и быстро может выйти за рамки разумного, а поддержка государства превратится в создание тепличных условий и раздачу привилегий крупнейшим корпорациям, что мы наблюдаем сегодня на примере взаимоотношений между государством и ведущими госкомпаниями — «Газпромом» и «Роснефтью».

Наконец, мы должны вернуться к ***планированию*** экономического развития, исходя из довольно очевидной истины, что рынок не отменяет план, а предъявляет к нему свои специфические требования. Речь идет не просто о привычной уже разработке каких-то долгосрочных концепций, стратегий, разного рода целевых программ — не обязательных к выполнению и лишь рисующих желаемое будущее. Нужно возобновить рутинную работу по планированию экономики, опираясь на прежний советский и нынешний китайский опыт (критически переосмыслив, разумеется), с применением современных методологических подходов, программных и технических средств. Но прежде всего следует понять, какие планы нам нужны? По-видимому, планирование главным образом требуется при решении сложных многогранных задач, сопряженных с координацией деятельности большого числа участников, обязательным контролем издержек, гибким определением мер государственной поддержки, ведением постоянного мониторинга результатов. В методологии планирования необходимо найти наилучшее для наших условий сочетание индикативных и директивных подходов.

Существенная степень обязательности плановых решений неизбежна, поскольку доминантную роль в российском нефтегазовом секторе, а значит и во всей экономике, играют крупнейшие корпорации, склонные к монопольному типу поведения. Регулирование, основанное на методах «посыла сигналов» бизнесу и «создания условий», в таком случае почти не работает. Монополии не улавливают «слабые сигналы», а любые создаваемые государством «условия» пытаются трансформировать в привилегии. К тому же крупнейшие нефтегазовые компании по большинству являются государственными; и раз уж государство создало эти госкомпании — пусть работают по плану, нацеливаются на решение общенациональных задач и не пытаются уповать на свою «рыночность».

В итоге же необходимо создать наиболее подходящее для российских условий сочетание рынка, плана и администрирования, — а на основе этого мы должны построить ***собственную модель развития национальной экономики*** и нефтегазового сектора как составной части целого. Заимствование чужой модели (неважно: китайской, норвежской, американской, канадской или еще какой-нибудь), а тем более осколков разных моделей с попытками склеить их друг с другом, бессмысленны и опасны. Нужно копировать не чьи-то готовые решения и образцы, а хорошо зарекомендовавшие себя принципы, имеющие универсальное значение, и грамотно применять их при построении собственной национальной модели.

Данная задача окажется заведомо непосильной, если за ее решение браться порознь, когда одни будут предлагать одно, а другие — другое, когда не будет взаимного понимания между обществом, властью, бизнесом, наукой. И тысячу раз прав Д.И. Менделеев, писавший о необходимости объединения усилий, о «*согласном и решительно-благоразумном действии не только правительства, но и нас всех, всех от политиканов и газетчиков до учеников и ученых, даже до литераторов и аристократов…*».[710] Без общественного согласия и участия, т.е. без перевода нынешнего противостояния между государством и бизнесом в формат широкого конфликта интересов, возможность построения собственной разумной модели экономического развития автору представляется маловероятной.

Двигаясь собственным путем, мы обязаны ***избежать революций*** и ***резких переходов*** от одного состояния к другому, метаний из стороны в сторону. Актуальность постепенной трансформации связана с тем, что сложные проблемы нефтегазового сектора и страхи, навеянные теорией «ресурсного проклятия», создают предпосылки для псевдонаучных и политических спекуляций по поводу сырьевой зависимости российской экономики и необходимости срочной смены курса, «большого скачка в сторону»: от сырья — к инновациям, от ресурсной экономики — к постиндустриальной. Дескать, сырьевая зависимость — это само по себе плохо, а раз уж нефти мало, то тем более. И пока не наступил крах, нужно немедленно менять приоритеты, загонять сырьевой «локомотив экономики» на «запасный путь» и быстро переходить на инновационный «магистральный путь» развития.

Что можно сказать по данному поводу?

Прежде всего, сырьевой является отнюдь не та экономика, которая производит много сырья или продукции горнодобывающей промышленности, а та, которая производит слишком мало обработанной продукции, т.е. располагает слишком слабым обрабатывающим сектором. К примеру, современные США, вряд ли уступают России по масштабам развития и объемам продукции минерально-сырьевого сектора, но ведь ни у кого не повернется язык назвать американскую экономику сырьевой.[711] Далее, постиндустриальная экономика — это, конечно, прекрасно, однако она может «родиться» только на основе мощного индустриально развитого хозяйства, когда промышленный рост перестает быть парадигмой развития по причине качественных изменений, происходящих в экономике и в обществе. Как известно из философии, количество переходит в качество. Промышленный рост на определенной стадии приводит к трансформации социально-экономических систем, вызывающей появление новых — более высоких и изощренных — потребностей и мотиваций к деятельности. В нашей же стране на протяжении последних 20-ти лет фактически происходил процесс деиндустриализации, наиболее сильно затронувший обрабатывающий сектор экономики. Но в современных условиях сырьевой сектор не может полноценно функционировать и развиваться без опоры на обрабатывающий сектор и на научно-технологическую сферу — тех частей экономики, в которых создаются технологии и оборудование и которые предъявляют спрос на сырье. Если такие взаимосвязи между секторами ослабевают, тогда и образуется злополучный сырьевой уклон, от которого мы хотим избавиться. Но если мы попытаемся сделать это слишком резко, то, не имея достаточно развитого и разностороннего обрабатывающего сектора промышленности,

---

[710] Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 357.

[711] В 2010 г. Валовая добавленная стоимость минерально-сырьевого сектора (включая первичную обработку сырья) экономики США составила без малого триллион долларов в ценах по ППС, в России — 571 млрд долл. По обрабатывающему сектору (manufacturing) имели место следующие показатели: 1921 и 463 млрд долл., соответственно. — По данным статистики Всемирного банка: World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

получим не «пост-», а «вместо»-индустриальную экономику, которая ничего не умеет производить и сможет существовать лишь благодаря импорту обработанной промышленной и прочей продукции.

Беда России не в том, что она богата своими недрами, а в том, что процесс освоения сырьевых богатств происходит в несовершенной институциональной среде, способствующей не развитию экономики и общества, а застою. Естественно задаться вопросом: резкая смена курса с рестрикцией сырьевого сектора сама по себе поможет улучшить качество институтов или нет? Скорее нет, чем да, что хорошо видно на примере наших ближайших соседей — Беларуси и Украины, — которые не столь щедро, как Россия, наделены сырьевыми ресурсами, но дела у которых идут ничуть не лучше, чем у нас. Конечно же, России нельзя отказываться от инновационного принципа в развитии экономики — и как раз во многом, из-за наличия мощного природно-сырьевого потенциала, для освоения которого требуются и сложные современные технологии и адекватные организационно-экономические решения. Сырьевой сектор уже сегодня генерирует немалый спрос на инновации, который в дальнейшем будет только возрастать. К сожалению, пока что этот спрос в слишком большой степени удовлетворяется за счет импорта. Нужно как можно полнее развернуть инновационной спрос сырьевого сектора в сторону отечественного производителя технологий и оборудования. Нужно превратить этот спрос в одну из основных предпосылок реиндустриализации страны — новой индустриализации на новой технологической основе. Нужно запустить множество цепных реакций типа «спрос на инновации — производство инноваций» и таким образом создать естественные условия для полноценной реализации мультипликативных эффектов при освоении сырьевых ресурсов.

Нужен тщательно обоснованный прагматичный курс экономического развития, объективно учитывающий наши сильные и слабые стороны. Нужно стремиться к синергии на основе сбалансированного роста сырьевого и обрабатывающего секторов экономики, ее инновационной сферы. Придерживаясь избранного курса и будучи уверенными в нем, нужно двигаться плавно, постепенно, но решительно и последовательно, без неоправданных зигзагов, остановок и отступлений. Нужно шаг за шагом приближаться к главной цели — построению современной сбалансированной экономики, — на каждом шагу создавая предпосылки для следующего шага, т.е. достижения той или иной промежуточной цели, решения конкретной задачи. Нужно проделать огромную кропотливую работу, но без этого можно даже не мечтать о выходе из того цугцванга, в котором мы оказались в настоящее время.

Автор рискует показаться фаталистом, но он твердо придерживается взгляда, что Россия обречена либо быть большой и сильной державой, либо не быть вообще. Третьего не дано. Но чтобы сделать правильный выбор в дилемме ***«Быть или не быть?»***, нужно заниматься не поиском доказательств своей державности, а последовательно создавать реальные предпосылки для ее утверждения. Главной такой предпосылкой, вне всяких сомнений, является эффективная и сбалансированная экономика, обеспечивающая высокий уровень доходов и качества жизни населения. Занимаясь же экономическим строительством, нужно избегать «легких путей», которые стали так привычны для нас — в равной мере нельзя впадать ни в крайний либерализм, всецело полагаясь на «невидимую руку рынка», ни в крайнюю надежду на способности и силу государства, которое, якобы, может все решить и все сделать. Оба эти пути, ведущие к пропасти, нам уже знакомы; в особенности хорошо известен второй, по которому мы двигались на протяжении многих десятилетий и с которого в начале 1990-х годов наивно попытались свернуть на первый.

Мы возомнили переход к рынку и реформирование хозяйственных отношений чуть ли не главной целью того, что нужно сделать в экономике. Дескать, если будет рынок, то у всех и вся появятся стимулы и мотивация к эффективной деятельности. Если появится класс частных собственников, то они будут заведомо более эффективными управителями в экономике, нежели государство и… Все проблемы «рассосутся» сами собой, а наша

экономика пойдет вперед «семимильными шагами». Увы, этого не произошло, да и не могло произойти. Либерализация хозяйственных отношений, переход к рынку сами по себе не могли и не могут быть целью преобразований. Это всего лишь инструмент или некая предпосылка, а еще точнее — первоначальный импульс для модернизации застопорившейся директивно-плановой экономики и обеспечения устойчивого экономического роста на новом базисе.

На словах мы декларируем стремление к модернизации, а на деле выявляется неясность или даже полное отсутствие внятно сформулированных, адекватных внутренним и внешним условиям, прагматичных целей развития и реформирования экономики. А если этого нет, если непонятно, зачем, что и как мы хотим модернизировать, то нет и стремления, нет воли к достижению заявленных целей. У правящей элиты нет должных мотиваций к успеху и прогрессу национальной экономики в целом и ее ключевых отраслей. Такая ситуация сложилась отнюдь не сегодня. Бесцельность — это общий дефект всех наших экономических реформ, проводимых уже без малого три десятилетия

Поэтому сегодня требуется ***политическая воля*** для того, чтобы внести серьезные коррективы в процессы экономических преобразований. Было бы крайне наивным полагать, что реформы в российской экономике уже закончились, что мы перешли к рынку и теперь остается только регулировать и подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства. Целенаправленные преобразования, ведущие к построению современной во всех отношениях (структурном, технологическом, институциональном, социальном) экономики у нас еще и не начинались. ***Пора начинать, ибо время работает против нас!***

Одна из главных сложностей состоит в том, что действительные реформы, которые нам нужны, будут непопулярны среди крупнейших корпораций. Мы привыкли к тезису о непопулярности многих рыночных реформ в глазах населения страны, но такой взгляд изжил себя, поскольку население уже сполна «расплатилось за рынок» и значительная часть этой платы обернулась выгодами нынешних «флагманов» российской экономики. Автор совершенно далек от мысли о «раскулачивании» газпромов, роснефтей, лукойлов и иже с ними. Нужно хотя бы прекратить раздачу привилегий и приступить к формированию настоящей конкурентной среды, в которой крупнейшим компаниям будет затруднительно получать монопольные выгоды и придется всерьез побеспокоиться о сокращении своих издержек и о благе потребителей, а значит и о благе всей страны. В этом видятся и начальные ходы, позволяющие выбраться из малоприятного «нефтегазового цугцванга», и самые неотложные шаги в общем процессе дальнейших экономических преобразований, которые связаны с выбором пути развития на основе собственной прагматичной модели, обеспечивающей защиту национальных интересов и нацеленной на максимизацию национальных выгод.

Библиография

Основные публикации автора и его ближайших коллег по проблемам развития нефтегазового сектора

1983

1983-1. Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. — Сб. научн. тр. / отв. ред. С.Н. Старовойтов. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. — 224 с.

1983-2. Андреева Л.А., Шмат В.В.
Основные предпосылки и направления развития нефтехимической промышленности Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. / Отв. ред. С.Н. Старовойтов. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. — С. 170—178.

1989

1989-1. Чуриков Л.И., Янин А.Н., Старовойтов С.Н., Шмат В.В.
К вопросу об экономической оценке нефтяных ресурсов Западной Сибири // Развитие топливно-энергетического комплекса: методы исследования. / Под ред. Н.И. Пляскиной, А.А. Чернышова. — Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1989. — С. 91—108.

1990

1990-1. Крюков В.А., Старовойтов С.Н., Шмат В.В.
Оценка альтернатив глубокой переработки углеводородного сырья в Западной Сибири // Направления развития энергетики Сибири — Иркутск: СЭИ, 1990. — С. 147—154.

1991

1991-1. Краснов В.С., Крюков В.А., Шмат В.В.
Предпосылки формирования и развития нефтегазохимического комплекса в Красноярском крае // Известия СО АН СССР. Регион: экономика и социология. — 1991. — № 1. — С. 20—29.

1991-2. Крюков В.А., Шмат В.В.
Тюмень может догнать Кувейт // ЭКО. — 1991. — № 5. — С. 93—100.

1991-3. Анализ условий формирования и развития нефтехимической промышленности Сибири. — Сб. науч. тр. / под ред. В.А. Крюкова. — Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1991. — 144 с.

1991-4. Крюков В.А., Шмат В.В.
Об изменении форм и методов реализации проектов развития нефтехимических производств // Анализ условий формирования и развития нефтехимической промышленности Сибири. / Под ред. В.А. Крюкова. — Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1991. — С. 94—108.

1991-5. Андреева Л.А., Шмат В.В.
Экономическая оценка вариантов развития Томского нефтехимического комбината // Анализ условий формирования и развития нефтехимической промышленности Сибири. / Под ред. В.А. Крюкова. — Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1991. — С. 57—69.

1992

1992-1. Крюков В.А., Пляскина Н.И., Севастьянова А.Е.
Разработка экономической стратегии развития хозяйства Тюменской области в переходный к рынку период: Материалы к сессии Экономического совета Тюменской обл. / ИЭОПП СО РАН. — Тюмень—Новосибирск, 1992. — 196 с.

1993

1993-1. Актуальные проблемы развития нефтяной промышленности Сибири. — Сб. научн. тр. / Под ред. В.А. Крюкова, В.В. Шмата. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1993. — 168 с.

1993-2. Шмат В.В.
О развитии процесса вертикального интегрирования в нефтяном секторе России // Актуальные проблемы развития нефтяной промышленности Сибири. / Под ред. В.А. Крюкова, В.В. Шмата. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1993. — С. 72—93.

1994

1994-1. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Предпосылки устойчивого эколого-экономического развития Тюменской области // Регион: экономика и социология. — 1994. — № 2. — С. 87—110.

1995

1995-1. Крюков В., Севастьянова А., Шмат В.
Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? Текущие проблемы и формирование условий долговременного устойчивого социально-экономического развития. / Отв. ред. В.В. Кулешов. — Тюмень: Правовая экономика; Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1995. — 368 с.

1995-2. Крюков В.А., Шмат В.В.
ВИНК — обратная сторона медали // ЭКО. — 1995. — № 2. — С. 103—117.

1995-3. Kryukov V., Shmat V., Sagers M.
Resource Rent from the Oil and Gas Sector and the Russian Economy // Post-Soviet Geography. — 1995. — No. 7. — P. 389—425.

1995-4. Kryukov V., Moe A., Shmat V. West Siberian oil and the Northern Sea Route: Current Sittuation and Future Potential // Polar Geography. — 1995. — № 3. — P. 219—235.

1996

1996-1. Крюков В., Севастьянова А., Шмат В.
Утопическая идея или Реальная надежда? Оценка возможностей для создания и деятельности специальных финансовых фондов сырьевых территорий в России и анализ зарубежного опыта. — Новосибирск: Ассоциация Банки Сибири, 1996. — 94 с.

1997

1997-1. Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В.
Вопросы развития нефтегазового сектора в энергетической стратегии Сибири. - Новосибирск, 1997. - 56 с. - (Препринт / СО РАН. ИЭОПП).

1997-2. Крюков В.А., Шафраник Ю.К.
Нефтегазовые ресурсы в круге проблем: о формировании комплексной системы недропользования при вовлечении в оборот ресурсов углеводородного сырья в условиях переходного периода. — М.: Недра, 1997. — 256 с.

1998

1998-1. Крюков В.А., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Нефтяные дороги от студеных морей // ЭКО. — 1998. — № 4. — С. 49—59.

1998-2. Крюков В., Токарев А., Шмат В.
На пороге нового транспортного коридора: возможности транспортировки углеводородного сырья из Сибири по Северному морскому пути // Нефтегазовая вертикаль. — 1998. — № 7—8. — С. 66—69.

1998-3. Крюков В.А.
Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации. / Отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1998. — 280 с.

1998-4. Крюков В.
Сила «Газпрома» — источник его будущей слабости // Нефтегазовая вертикаль. — 1998. — № 1. — С. 36—38.

2000

2000-1. Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В.
Трансформация механизмов регулирования экономики сырьевого региона при изменении стадий освоения природно-ресурсного потенциала. / Науч. докл. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — 72 с.

2000-2. Нефтегазовый сектор России в трех измерениях. — Сб. науч. тр. / под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — 212 с.

2000-3. Крюков В., Севастьянова А., Шмат В. Производственно-финансовая модель регионального нефтегазового сектора // Нефтегазовый сектор России в трех измерениях. / Под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — С. 57—103.

2000-4. Шмат В. Oil&Socio — программное приложение производственно-финансовой модели регионального нефтегазового сектора // Нефтегазовый сектор России в трех измерениях. / Под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — С. 104—128.

2000-5. Токарев А.Н.
Налоговое регулирование нефтегазового сектора: региональные аспекты. / Науч. ред. В.А. Крюков. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000. — 256 с.

2000-6. Шафраник Ю.К., Крюков В.А.
Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между легендарным прошлым и неясным будущим? — М.: Полтэкс, 2000. — 224 с.

2000-7. Кулешов В.В., Крюков В.А.
Проблемы развития Западной Сибири в XX веке — повторение пройденных уроков? // ЭКО. — 2000. — № 12. — С.16—39.

2001

2001-1. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Региональные аспекты реформирования налоговой системы в нефтегазовом секторе России. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001. — 160 с.

2002

2002-1. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Шмат В.В.
Добыча углеводородов должна быть социально эффективной // Налоги. Инвестиции. Капитал. — 2002. — № 1—2. — С. 6—14.

2002-2. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Эволюционный подход к формированию системы государственного регулирования нефтегазового сектора экономики. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. — 168 с.

2002-3. Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В.
Особенности регулирования рынка легкого углеводородного сырья (на примере Западной Сибири). / Серия: Энергетическая стратегия Сибири. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. — 75 с. -.

2002-4. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Шмат В.В.
Энергетическая стратегия России: учет интересов нефтегазодобывающих территорий // Регион: экономика и социология. — 2002. — № 3. — С. 132—146.

2002-5. Крюков В., Токарев А., Земцов Р.
Что в имени твоем? Неинтегрированные, средние и малые или прежде всего независимые? // Нефтегазовая вертикаль. — 2002. — № 17 — С. 54—64.

2003

2003-1. Нефтегазовый сектор России в теории и на практике. — Сб. науч. тр. / под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. — 292 с.

2003-2. Шмат В.
Инновационное развитие нефтегазового сектора: зарубежный опыт // Нефтегазовый сектор России в теории и на практике. / Под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. —-Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. — С. 44—72.

2003-3. Крюков В., Шафраник Ю., Шмат В.
О переходе нефтегазового сектора России к инновационной модели развития // Нефтегазовый сектор России в теории и на практике. / Под ред. В.А. Крюкова, А.Е. Севастьяновой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. — С. 9—43.

2004

2004-1. Шмат В.В.
Российская нефть: быть или не быть? Размышления по поводу одной книги // ЭКО. — 2004. — № 3. — С. 92—112.

2004-2. Крюков В.
Интегрированные корпоративные структуры в нефтегазовом секторе: пройденный путь и необходимость перемен // Российский экономический журнал. — 2004. — № 2. — С. 30—41.

2005

2005-1. Крюков В.А., Токарев А.Н.
Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. / ИЭОПП СО РАН; Центр содействия коренным малочисл. народам Севера; Рос. учеб. центр коренных народов. — Библиотека коренных народов Севера, вып. № 10. — М., 2005. — 172 с.

2005-2. Крюков В., Шмат В.
Инновационный процесс в нефтедобыче и народнохозяйственные интересы: гармонизирующий потенциал институционального подхода в госрегулировании отрасли // Российский экономический журнал. — 2005. — № 3. — С. 22—34.

2005-3. Крюков В.А., Шмат В.В.
Инновационные процессы в нефтедобывающей промышленности России: свобода творчества при отсутствии правил? // ЭКО. — 2005. — № 6. — С. 59—68.

2005-4. Крюков В.А.
Институциональные условия недропользования в России: система в теории, фрагментарность на практике // Регион: экономика и социология. — 2005. — № 4. — С. 43—54.

2005-6. Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Деловая компьютерная игра RetroCity в системе подготовки специалистов по стратегическому управлению экономикой региона // Материалы IV межрегиональной конференции «Информационные технологии и решения для "Электронной России"». — Ханты-Мансийск: Адм. ХМАО — Югры, Комитет по информ. ресурсам, 2005. — С. 83—89.

2006

2006-1. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Подходы к дифференциации налогообложения в газовой промышленности / ИЭОПП СО РАН. — Новосибирск: Сова, 2006. — 169 с.

2006-2. Шмат В., Севастьянова А.
Новая стратегия нефтегазовых территорий: экономика, информация, социум. Информационно-аналитические методы и ситуационный анализ в стратегическом управлении нефтегазодобывающим регионом на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. / Под ред. В.В. Кулешова, В.А. Крюкова; ИЭОПП СО РАН, Ком. по инф. ресурсам, Адм. губернатора Ханты-Мансийского АО — Югры. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. — 191 с.

2006-3. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Проблемы выбора направлений диверсификации экономики нефтегазовой территории // Пространственная экономика. — 2006. — № 2. — С. 33—44.

2006-4. Крюков В.А.
Институциональные условия недропользования в России: результаты и следствия // Регион: экономика и социология. — 2006. — № 1. — С. 72—93.

2006-5. Шмат В.В.
Инвестиции в сибирскую нефть — под вопросом? // ЭКО. — 2006. — № 4. — С. 20—37.

2006-6. Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Ситуационный анализ диверсификации экономики нефтегазодобывающего региона // Регион: экономика и социология. — 2006. — № 2. — С. 49—66.

2006-7. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Много нефти… Что делать? // Мировая энергетика. — 2006. — № 6. — С. 52—55.

2006-8. Шмат В.В.
Лукавые игры на карте России // ЭКО. — 2006. — № 8. — С. 46—62.

2006-9. Крюков В.А., Шмат В.В.
Инновационные процессы в нефтедобывающей промышленности: свобода творчества при отсутствии правил? // Инновации. Технологии. Решения. — 2006. — Сентябрь. — С. 4—6.

2006-10. Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Стратегические развилки // Нефть России. — 2006. — № 11. — С. 74—77.

2006-11. Шмат В.В.
Административная реформа и управление нефтегазовым сектором // ЭКО. — 2006. — № 12. — С. 2—24.

2007

2007-1. Крюков В.А., Токарев А.Н.
Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценка). / Отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. — Новосибирск: Наука-Центр, 2007. — 588 с.

2007-2. Токарев А.Н.
Влияние институциональных условий на реализацию социально-экономических выгод освоения нефтегазовых ресурсов. / Под ред. В.А. Крюкова. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. — 240 с.

2007-3. Бозо Н.В., Шмат В.В.
Пирамида Хеопса против Пизанской башни // ЭКО. — 2007. — № 3. — С. 22—41.

2007-4. Бозо Н.В., Шмат В.В.
Парадоксы вертикальной интеграции в российском нефтегазовом секторе // ЭКО. — 2007. — № 4. — С. 70—76.

2007-5. Токарев А.Н., Малышева Е.В.
Сколько стоят хорошие налоги? // ЭКО. — 2007. — № 4. — С. 77—87.

2007-6. Бозо Н.В., Малышева Е.В., Шмат В.В.
Институциональные барьеры в развитии нефтегазового сектора. К вопросу о реформировании институциональной среды в нефтегазовом секторе России // Вестник Новосибирского государственного университета. — Серия: Социально-экономические науки. — 2007. — Т. 7, вып. 2. — С. 144—152.

2007-7. Севастьянова А., Шмат В.
Предначертанная траектория: метод ситуационного анализа позволяет эффективно управлять развитием региональной экономики // Нефть России. — 2007. — № 2. — С. 68—71.

2007-8. Севастьянова А., Шмат В.
Чтобы финансы не пели романсы. Метод ситуационного анализа позволяет успешно формировать и регулировать финансовые ресурсы нефтедобывающего региона // Нефть России. — 2007. — № 3. — С. 84—89.

2007-9. Шмат В.В.
Может ли стать дефицитом высокооктановый бензин? // Оборудование. Разработки. Технологии. — 2007. — № 6. — С. 23—24.

2007-10. Крюков В., Силкин В., Токарев А., Шмат В.
Новая старая проблема утилизации НПГ: от ведомственных разногласий к институциональным барьерам? // Нефтегазовая вертикаль. — 2007. — № 21. — С. 166—175.

2008

2008-1. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Как потушить факелы на российских нефтепромыслах: институциональный анализ условий комплексного использования углеводородов (на примере попутного нефтяного газа). / Отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. — 340 с.

2008-2. Севастьянова А.Е., Шмат В.В., Константинов В.И.
Проблемы и возможности освоения нефтегазового потенциала Восточной Сибири и Якутии // Регион: экономика и социология. — 2008. — № 2. — С. 289—306.

2008-3. Шмат В.В.
О «революционной ситуации» в российской нефтепереработке // ЭКО. — 2008. — № 2. — С. 23—44. — № 3. — С. 21—40.

2008-4. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Шмат В.В.
Взаимная ответственность государства и бизнеса при проведении геолого-разведочных работ // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2008. — № 6. — С. 40—44.

2009

2009-1. Крюков В.А., Константинов В.И., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Нефтегазовый сектор: институциональная система требует «перезагрузки». — Прил. к журн. «Энергетическая политика»; Ин-т энергетической стратегии, ИЭОПП СО РАН. — М., 2009. — 60 с.

2009-2. Маслова Н.Р., Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Информационно-аналитические методы в системе электронного правительства Югры. Опыт ситуационного анализа и прогнозирования долгосрочного социально-экономического развития региона. / Под. ред. В.Д. Кривых. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2009. — 65 с.

2010

2010-1. Бозо Н.В., Малышева Е.В., Шмат В.В.
Институциональные барьеры в развитии нефтегазового сектора России. / Науч. ред. В.А. Крюков. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. — 326 с.

2010-2. Бушуев В.В., Крюков В.А., Саенко В.В., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шафраник Ю.К., Шмат В.В.
Нефтяная промышленность России — сценарии сбалансированного развития — М.: ИАЦ Энергия, 2010. — 159 с.

2010-3. Токарев А.Н.
Нефтесервис в России: в поисках эффективной структуры // ЭКО. — 2010. — № 4. — С. 33—52.

2010-4. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Российская химия: движение вперед или бег на месте? // ЭКО. — 2010. — № 7. — С. 55—76. — № 8. — С. 44—65.

2010-5. Гусейнов Р.А., Суслов Н.И., Ханин Г.И., Шмат В.В., и др.
Круглый стол «Перспективы сырьевой экономики» // Идеи и идеалы. — 2010. — № 2, т. 1. — С. 2—35.

2011

2011-1. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Управление процессом формирования ценности потока углеводородов (на примере перспектив использования газовых ресурсов Восточной Сибири). / Отв. ред. В.В. Кулешов. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011. — 359 с.

2011-2. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В.
Имитационное моделирование и ситуационный анализ в стратегическом управлении социально-экономическим развитием сырьевого региона // Прогнозирование социально-экономического развития региона. / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, С.Ю. Глазьева; РАН, Ин-т экон. УрО РАН. — Екатеринбург, 2011. — С. 473—510.

2011-3. Крюков В.А., Токарев А.Н., Силкин В.Ю., Шмат В.В.
Комплексный подход к оценке направлений реализации проектов освоения нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири // Методы оптимизации и их приложения: XV Байкальская междунар. шк.-семинар, 23—29 июня 2011 г. — Т. 6: Математическая экономика. — Иркутск, 2011. — С. 181—185.

2011-4. Крюков В., Семыкина И., Силкин В., Токарев А., Шмат В.
Радужные ожидания и суровая реальность: считается, что Восточная Сибирь сказочно богата… // Эксперт. — 2011. — № 35. — С. 82—86.

2011-5. Крюков В.А., Шмат В.В.
По какому пути пойти? Опираясь на зарубежный опыт, Россия должна выбрать верные приоритеты в недропользовании // Недра и ТЭК Сибири. — 2011. — № 4. — С. 18—22.

2011-6. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Минерально-сырьевой комплекс России: реализация преимуществ и возможностей развития // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2011. — № 5. — С. 28—37.

2011-7. Бозо Н.В., Шмат В.В.
Нефтегазовая «монополька» в России // ЭКО. — 2011. — № 10. — С. 78—101. — № 11. — С. 74—94.

2012

2012-1. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Комплексный реинжиниринг процессов хозяйственного освоения ресурсов гелия на Востоке России. / Отв. ред. В.В. Кулешов — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2012. — 181 с.

2012-2. Токарев А.Н.
Инновации как основной мотив развития малой нефтянки в Татарстане // ЭКО. — 2012. — № 1. — С. 55—72.

2012-3. Гусейнов Р.А., Князева И.В., Ханин Г.И., Шмат В.В., и др.
Круглый стол «Конкуренция и монополия» // Идеи и идеалы. — 2012. — № 1, т. 1. — С. 3—21.

2012-4. Семыкина И.О.
Чем опасен монополизм? // Идеи и идеалы. — 2012. — № 1, т. 1. — С. 108—110.

2012-5. Токарев А.Н.
Возможности развития малых и средних нефтяных компаний в России // Сибирская финансовая школа. — 2012. — № 3. — С. 21—26.

2012-6. Семыкина И.О.
Есть ли у вас план? Проблемы локализации эффектов при освоении ресурсов углеводородного сырья в регионах Восточной Сибири // ЭКО. — 2012. — № 6

2012-7. Шмат В.В.
Проблемный profile российской нефтепереработки // ЭКО. — 2012. — № 8. — С. 5—24.

2012-8. Крюков В.А., Силкин В.Ю., Шмат В.В.
На краю пропасти, или как мы заблудились в поисках легких путей // ЭКО. — 2012. — № 8. — С. 71—96.

2012-9. Семыкина И.О.
Три кита и черепаха китайской нефтепереработки // ЭКО. — 2012. — № 8. — С. 53—70.

2012-10. Семыкина И.О.
Нужен ли Восточной Сибири «нефтегазовый анклав»? // Идеи и идеалы. — 2012. — № 3, т. 1. — С. 45—54.

2012-11. Крюков В., Силкин В., Шмат В.
Испытание Восточной Сибирью // Эксперт-Сибирь. — 2012. — № 34. — С. 12—19.

2012-12. Семыкина И. Ванкор: эффект бабочки // Эксперт-Сибирь. — 2012. — № 45. — С. 10—13.

2013

2013-1. Крюков В.А., Токарев А.Н., Шмат В.В.
Будущее Сибири: разумное распоряжение природно-ресурсным потенциалом // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития. — Красноярск: СФУ, 2013. — С. 304—314.

2013-2. Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Освоение Арктики: время рисковать? // ЭКО. — 2013. — № 4. — С. 27—55.

2013-3. Силкин В.Ю., Токарев А.Н., Шмат В.В. Сорванный стоп-кран // Эксперт-Сибирь. — 2013. — № 22. — С. 11—15.

План изданий ИЭОПП СО РАН, 2013

Научное издание

Шмат В.В.

НЕФТЕГАЗОВЫЙ ЦУГЦВАНГ.
ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Электронное издание

Под научной редакцией
чл.-корр. РАН В.А. Крюкова

Авторская редакция
Художник обложки Шмат В.В.
Компьютерная верстка Шмат В.В.

Размещено на сетевых ресурсах 23.12.2013
Объем 55 п.л.

Издательство ИЭ ОПП СО РАН
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17